

МИР-СИСТЕМА МОДЕРНА I

Иммануил
Валлерстайн

Иммануил Валлерстайн

МИР-СИСТЕМА МОДЕРНА I

Immanuel
Wallerstein

Капиталистическое сельское хозяйство
и истоки европейского мира-экономики
в XVI веке

The Modern World-System I
Capitalist Agriculture and the Origins of the European
World-Economy in the Sixteenth Century

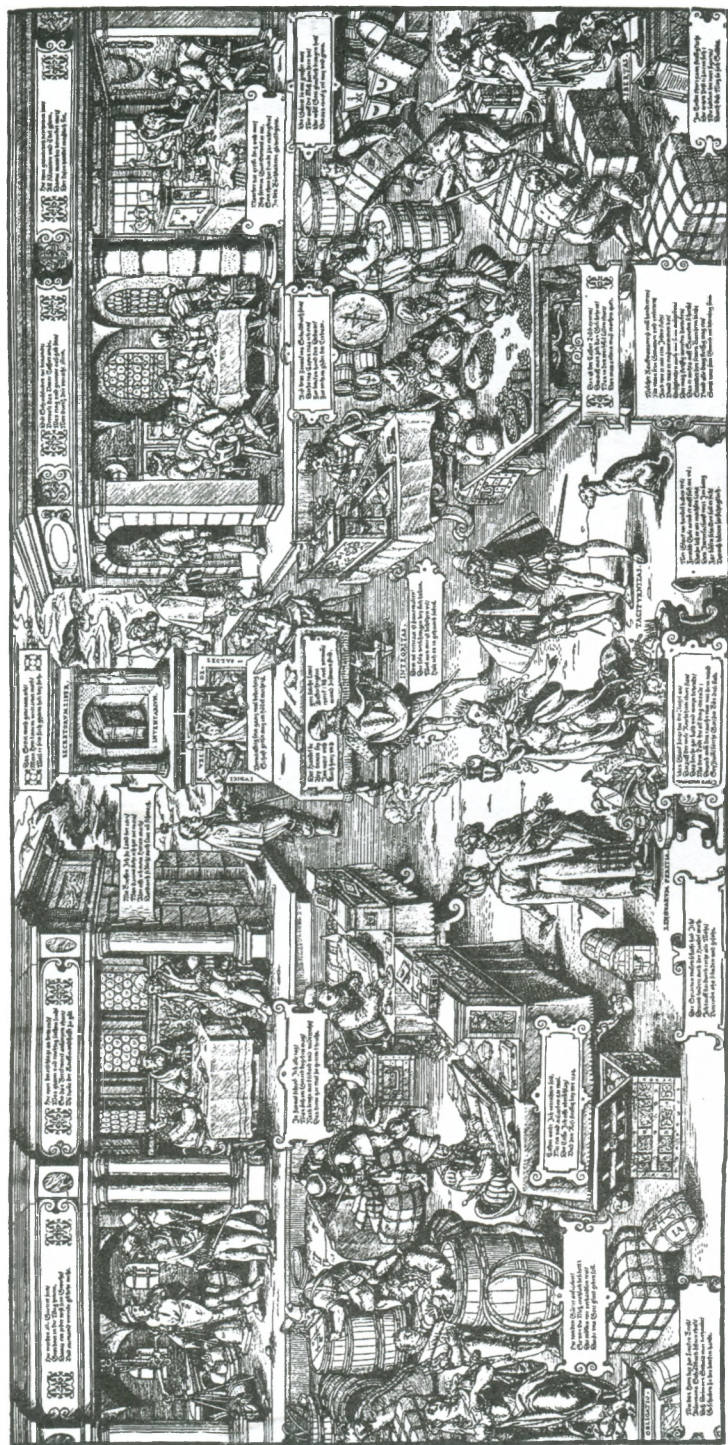
Университет Дмитрия Пожарского

VISIT...

LANZAROTE
Caliente.COM

МИР-СИСТЕМА МОДЕРНА I

*Капиталистическое сельское хозяйство
и истоки европейского мира-экономики в XVI веке*

«Аллегория торговли», ксилография Йоста Аммана из Нюрнберга (1539–1591), одного из так называемых «младших мастеров». Нижняя часть изображения, украшавшего дом нюрнбергского купца. Нюрнберг по-прежнему остается процветающим центром европейской трансконтинентальной торговли

Иммануил Валлерстайн

МИР-СИСТЕМА МОДЕРНА I

*Капиталистическое сельское хозяйство
и истоки европейского мира-экономики
в XVI веке*

The Modern World-System I

*Capitalist Agriculture and the Origins
of the European World-Economy in the Sixteenth Century*

МОСКВА

Университет Дмитрия Пожарского

2015

Печатается по решению
Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Рецензент:
проф. Г. М. Дерлугьян

Валлерстайн И.

В 15 Мир-система Модерна. Том I. Капиталистическое сельское хозяйство и истоки европейского мира-экономики в XVI веке. / Предисл. Г. М. Дерлугьяна, пер. с англ., литер. редакт., комм. Н. Проценко, А. Черняева. М.: Русский фонд содействия образованию и науке, 2015. — 552 с.: ил.

Перевод выполнен с издания: *Wallerstein, Immanuel. The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. Academic Press. New York, San Francisco, London, 2011. First published in 1974.*

ISBN 978-5-91244-096-0

«Мир-система Модерна» — фундаментальный труд американского социолога Иммануила Валлерстайна (род. 1930). Научная репутация этой книги, предлагающей оригинальную концепцию возникновения и развития мировой капиталистической экономики, сопоставима с «Капиталом» Карла Маркса. Первый том «Мир-системы Модерна» был впервые опубликован еще в 1974 году и теперь наконец становится доступным для российского читателя.

1

© Валлерстайн И., текст, 2011
© Проценко Н., Черняев А., пер., комм., 2014
© Григоренко М. В., дизайн макета и верстка, 2014
© Русский Фонд Содействия Образованию и Науке, 2014

ISBN 978-5-91244-096-0

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Георгий Дерлугьян. Вместо предисловия</i>	vii
<i>Благодарности</i>	xv
<i>Предисловие к изданию 2011 года</i>	xvii
Введение. Об изучении социального изменения	1
1. СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПРЕЛЮДИЯ	13
2. НОВОЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА (ок. 1450–1640)	75
3. АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ И ЭТАТИЗМ	157
4. ОТ СЕВИЛЬИ К АМСТЕРДАМУ: ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ.	199
5. СИЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРА: ОБРАЗОВАНИЕ КЛАССОВ и МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ	275
6. ЕВРОПЕЙСКИЙ МИР-ЭКОНОМИКА: ПЕРИФЕРИЯ И ВНЕШНЯЯ СФЕРА	369
7. ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕПРИЗА	425
<i>Комментарии переводчика</i>	439
<i>Библиография</i>	482
<i>Указатель</i>	510

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

ГЕОРГИЙ ДЕРЛУГЬЯН

*профессор социальных исследований и публичной политики
Нью-Йоркского университета Абу-Даби*

*Открылась бездна,
Миров полна...*

Прежде всего, от души желаю вам испытать от чтения главного труда Иммануила Валлерстайна то потрясающее чувство вдруг открывшегося простора, которое до вас испытывали многие читатели этой книги на многих других языках. Для усиления эффекта хорошо бы еще и запрятать ее в заветный спецхран, как в советские времена, но об этом все-таки лучше рассказывать научные байки. Конечно, это не поэма и не симфония, а настоящая монография, с библиографией и массой примечаний. Однако и в монографиях иногда случается ого-го какой заряд творческой эмоциональной энергии, ради чего, по большому счету, и стоит жить.

* * *

Русский перевод этого увесистого томика откладывался добрых сорок лет в основном по причинам идеологического неприятия. Его автор в далеком 1974 году предсказал без обиняков, что после Брежнева новое поколение советских лидеров откажется от марксистско-ленинской идеологии и сверхдержавных амбиций в обмен на реинтеграцию СССР в капиталистическую Европу, поскольку это давало наиболее приемлемый для всех выход из утратившей исторический смысл советской военно-идеологической альтернативы. В брежневские времена такой прогноз немедля клеймился как ревизионистский. В обвальном же 1991 году Валлерстайн предсказал, что распад СССР с его единой индустриальной машиной в самом деле приблизит нас к Америке — но только не к Северной, а к Южной. Распад сверхдержавы лишил ее наследников именно тех коллективных преимуществ, лишь на основе которых и можно было торговаться с Западом об относительно почетных условиях возвращения к капитализму. Услышать такое среди прожектерства и сумбура тех дней было, по меньшей мере, досадно и обидно.

Впрочем, в постсоветских странах критические замечания Валлерстайна цитировали различные оппозиционеры, время от времени переводились его комментарии и статьи. Однако из какой цельной теории и картины мира возникали упомянутые прогнозы? Из каких источников и в ответ на что в далеких уже 1970-х годах возникает этот самый «миросистемный анализ»? Связать все точки на интеллектуальной карте потребует немало пояснений, но, поскольку главная работа Валлерстайна состоит на сегодняшний день уже из четырех томов, надеюсь, будут еще и другие предисловия. Здесь же, чтобы не сбавлять темпа и войти во вкус, давайте поиграем с трудностями перевода.

Центральное теоретическое понятие *world-system* восходит, разумеется, к «миру-экономике» (*économie-monde*) Фернана Броделя. В свою очередь, вырабатывая новый инструментарий для описания мира, великий французский макроисторик отталкивался от немецкого *Weltwirtschaft* (мирохозяйство). Именно в отдельно взятом «мире как едином круге хозяйства» Бродель выразил свое понимание целостности региона Средиземноморья с его причудливым, но вовсе не случайным распределением природных экологических ниш, образов жизни и типов жизнеобеспечения, народонаселения, рынков, путей сообщения и всяческих властных политий — от полукочевых горных племен до экстенсивных аграрных империй и интенсивных городов-государств на торговых перекрестках. Ни французский, ни английский язык не позволяют слитного написания длинных слов, поэтому Броделю и Валлерстайну приходилось вводить дефис между двумя частями ключевого для них термина. От *Weltwirtschaft* к *économie-monde* и далее *world-system*. А как нам поступить в переводе на русский язык, который вполне позволяет слова с соединительной частичкой -о- посредине? Спросим самого автора — благо, он владеет в той или иной степени основными европейскими языками, включая польский и русский. Как завзятый языковед Валлерстайн поиграл с предлагаемыми вариантами перевода — и признал, что оба посвоему хороши и адекватны, хотя и передают разные оттенки первоначально задумывавшегося смысла¹.

Слитное написание «миросистема» легче звучит и лучше передает идею системного единства историко-географических миров. Однако в отечественном научном обороте со времен ставшего классическим броделевского перевода Льва Евгеньевича Куббеля закрепилось написание «мир-экономика», и в этом есть свой смысл. По крайней мере, до первой, подлинно глобальной «колониальной» глобализации конца XIX века на обитаемой части Земли существовало множество больших и малых

¹ Сложности возникают и с транслитерацией имени Immanuel Wallerstein. В русском обороте закрепилось промежуточное между немецким и английским написание Валлерстайн, в чем особой беды нет. Однако сам он представляется «Иммáнуэл Вáллерстин», подобно тому, как подобные фамилии (например, Леонард Бернстин) произносятся в его родном и любимом Нью-Йорке.

миров-систем. Их внутренняя связность и, соответственно, внешние границы определялись радиусом регулярных (а не от случая к случаю) хозяйственных и торговых взаимодействий. Но, подчеркну, системная связность экономик не обязательно совпадает с культурным и политическим единством.

Средиземноморье XVI века в описанную Броделем эпоху короля Филиппа II и великой морской битвы при Лепанто разделено на два противоборствующих военных блока с четко обозначенными религиозными идеологиями. С одного края наступала империя турок-османов, которые по ходу своего длительного продвижения из степной периферии в древние центры Ближнего Востока сделались ревностными мусульманами. С другого края туркам противодействовала империя испанских Габсбургов — также потомков воинственных выскочек с периферии, которые, как печально известно, по достижении имперского положения стали воспринимать свой католицизм с инквизиторским изуверством. Собственно, Фернан Бродель и избрал для своего знаменитого и демонстративно необычного исследования эту драматичнейшую коллизию из раннего Нового Времени, потому что столкновение Османской и Габсбургских коалиций было никак не религиозным конфликтом и тем более не столкновением цивилизаций Востока и Запада, а последним актом в затяжном периоде, когда волны прежде варварских народов расхватывали наследие античности. Бродель виртуозно продемонстрировал на громадном и многослойном эмпирическом материале, что даже после слома военнополитического каркаса Римской империи Средиземноморье еще многие века оставалось самостоятельной и взаимозависимой зоной хозяйствования, т.е. миром-экономикой, за обладание которым и продолжали бороться турки с испанцами.

Это подводит нас к великой иронии истории — а, возможно, и к закономерности, но об этом теоретикам еще предстоит доказательно поспорить. В битве за римское наследие проиграли и турки, и испанцы, а само Средиземноморье вскоре ушло на периферию нового, куда более обширного мира-системы с центром в Северной Атлантике. Ирония (или гипотетическая закономерность) в данном случае имеет двухтактный ход. В первой фазе, где-то между 1450-ми и 1550-ми годами, что по броделевской хронологии стало первой половиной поворотного во всемирной истории «долгого шестнадцатого века», турки-османы почти целиком собрали осколки бывшей Византии, а тем временем бывшую Западную Римскую империю собрали Габсбурги. Но в результате у обоих имперских гигантов появились фланговые геополитические проблемы, удивительно напоминающие римскую хронику пограничных войн.

К востоку от османов вновь возникли персы, на сей раз в обликии Сефевидской державы. Повторяемость истории обеспечила так почитаемая Броделем география хозяйственных зон. Иранское нагорье представляет собой древний и демографически ёмкий очаг земледелия вперемежку со скотоводческими зонами и торгово-ремесленными городами на

перепутьях. Такую эконом-географическую область при некотором военном усилии можно было обратить в изобильную налоговую базу и возвести на ней собственную державу, достаточно отгороженную горами и пустынями от соперничающих держав Средиземноморья. Но, поскольку Сирийская пустыня и Армянское нагорье все же какое-то время в году проходимы для войск, персы неизбежно оказывались в затяжных конфликтах с теми, кто в данную эпоху собирал подати и армии в Восточном Средиземноморье — греками, римлянами, греко-римскими византийцами и, наконец, после средневекового разброда, с турками-османами. Поскольку же Сефевиды изначально были вооруженной сектой шиитского ислама, для османов стало логичным подкреплять свои державные претензии исламом суннитского толка. Радиус миров-экономик, заданный ландшафтом, привел к возникновению соперничающих геополитических империй, что, в свою очередь, привело к идеологической поляризации иранских шиитов и ближневосточных суннитов, длящейся по сей день.

Испанские Габсбурги тем временем столкнулись с мятежами и пиратскими набегами, исходившими с северо-западного фланга, от потомков германских варваров. Эти в не самом далеком прошлом вольные и довольно разбойные племена к XVI веку превратились в англичан, голландцев, всевозможных немцев и шведов. В ходе якобы беспросветного Средневековья недавние варвары многое позаимствовали из греко-латинского наследия: алфавит, кодекс законов, водяные мельницы, навыки каменного строительства, плюс денежный оборот и принципы регулярного военного построения. До кое-чего полезного и даже революционного они додумались сами — все-таки римляне чурались плавать под парусами по океану. Наконец (а может быть, и по той же логике длительного геополитического противостояния) северяне выдвинули против Рима свои домощенные тезисы протестантской Реформации.

Бродель и Валлерстайн, как видим, последовательные материалисты в построении причинно-следственных цепочек. Тезис Макса Вебера о протестантской этике как источнике капитализма и модернизации, конечно, не выдерживает соотнесения с исторической фактурой. (Что, сходу подчеркну, не означает полного отвержения веберовской теоретической традиции, на которой воспитывался социолог Валлерстайн.) Капитализм вовсе не был уникальным явлением, что знал еще Вебер. Уже в древности и тем более в Средневековье по всей Афроевразии, от торговых портов Китая и хозяйств буддистских монастырей Японии до городов-государств древней Финикии, ремесленно-купеческих гильдий исламских халифатов и Италии эпохи Возрождения, эпизодически возникали капиталистические организации, стремящиеся к установлению устойчиво прибыльного, т.е. монопольного контроля над рынками. Однако до Нового Времени и прорыва Запада капиталистические организации возникали и существовали лишь эпизодически, потому что их разоряли внешние завоеватели или собственные имперские правители, привлеченные накопленными богатствами. Испанские гранды и османские янычары

мало чем отличались в своем отношении к денежным мешкам и наживалам. Капиталистические права собственности, в конечном счете, оказались гарантированы не нормами закона и не рациональными представлениями (выработанными еще в Римской империи и конфуцианском Китае), но превращением самих капиталистов в завоевателей, вооруженных по передовому слову техники — или, говоря экономическим языком, интернализацией охранных издержек непосредственно в рыночных организациях.

Итог известен. Если первый такт перехода от Средневековья к Новому Времени, с 1450 по 1550 годы, отмечен волной имперских возрождений (включая, конечно, и Московское царство); то во втором такте «долгого шестнадцатого века», примерно с 1550 по 1650 годы, вдруг вырывается вперед и всех обходит не просто Запад, а именно Северо-Запад Европы. Здесь, на берегах Северной Атлантики, формируется центральная зона или «ядро» нового и беспрецедентного мира-экономики. Именно здесь запускается ускоряющаяся модернизация, растут рациональность, размах и эффективность техники, военного дела, государственного управления и рынков. Но ведь по мере вступления в контакт с западноевропейскими колонизаторами не менее быстро меняется и весь остальной мир. Будут повержены и надменные испанцы, и свирепые турки, и хитроумные персы, и затем, уже в XIX веке, даже изобретательнейшие и сноровистые китайцы. Теперь все они платят не грубую дань, а проценты по кредитам. Аборигены обеих Америк если не целиком вымерли, то поработены на рудниках и плантациях или выменивают бусы на пушнину. Африка, по знаменитому выражению Маркса, превращена в громадное «поле охоты на чернокожих» невольников. Россию, заметим, не постигла участь Польши, Турции и прочих — отныне периферийных — зон нового мира-экономики. Но особое положение России достигается ценой жестоких догоняющих модернизаций, от царей до большевиков, раз за разом усиливающих российское государство и армию ценой надрыва сил народа, да и элит. Избегая участия периферии, Россия упорно держится на внешнем периметре, а затем на полупериферии капиталистического мира-экономики Запада.

Первый том историко-теоретической эпопеи Валлерстайна как раз о возникновении знакомого нам современного мира из «долгого шестнадцатого века». Это не история всего «как это было» и не абстрактно постулируемая теория. В каждой главе четырех на сегодня томиков своей главной книги Иммануил Валлерстайн последовательно прорисовывает исторические линии, складывающиеся в целостную картину возникновения, экспансии, жизнедеятельности и будущих перспектив современной миросистемы, т.е. глобального мира-экономики капитализма.

Дух захватывает как раз от громадности и ясности панорамы, в которой вдруг иначе высвечиваются такие «локальные» сюжеты, как французский абсолютизм с неожиданно венчающей его революцией и поражением отчаянных усилий Наполеона предотвратить британскую гегемонию; закат итальянского Ренессанса; долгий упадок Османской

и Габсбургской империй; исчезновение Речи Посполитой — при этом с сохранением и даже приростом экономически ничемного, но центрально расположенного королевства Прусского и удачно ото всех удаленного царства Московского; плантационное рабство и восточноевропейское крепостничество в их неочевидной связи с английской индустриализацией и американской независимостью; возникновение либеральных буржуазных демократий в миросистемном ядре и, в пику им, воинственных национализмов и социализмов на полупериферии и периферии. Но это уже материал последующих томов.

Посвящается Теренсу Кейту Хопкинсу

БЛАГОДАРНОСТИ

Всегда непросто перечислить непосредственные источники идей и назвать имена ученых, коллег и студентов, с чьей помощью была задумана и написана та или иная книга; в случае же с этой книгой — особенно непросто, потому что настоящий труд претендует стать обобщением сделанного другими, так что слишком велик риск о ком-то забыть.

Фернан Бродель и Мариан Маловист — вот два автора, чьи многотомные труды самым непосредственным образом вдохновили меня на путь, по которому я в конечном итоге пошел при написании этого тома.

Когда был написан черновик, его внимательно прочел Фернан Бродель, выразив столь необходимое мне в тот момент одобрение. Столь же тщательно текст был прочитан Чарльзом Тилли, чьи важные вопросы заставили меня сделать аргументацию книги более четкой. Эти уточнения в особенности касались таких общих положений, как роль государственной власти и «абсолютизм», а также противоположного последним частного феномена бандитизма. Я благодарен Дугласу Дауду, подтолкнувшему меня к изучению работ Фредерика Лейна, которые оказались действительно этого достойны.

Наконец, я обязан Теренсу Хопкинсу двадцатилетием нашего сотрудничества и интеллектуальных дискуссий. Нет слов, которыми можно выразить ему мою признательность.

Эта книга была написана за год моего пребывания в Центре современных исследований в области поведенческих наук. Многие авторы уже вознесли ему хвалу. Помимо живописных пейзажей, необъятной библиотеки с ее секретарями-ассистентами и разнообразными исследователями, всегда готовыми помочь коллегам из разных областей науки, здесь можно было остаться наедине со своими мыслями — будь то на пользу или во вред. Да пребудет с каждым такая мудрость! Окончательная версия книги была создана при поддержке гранта Подкомитета грантов в области социальных наук факультета дипломных работ и исследований Университета МакГилла.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 2011 ГОДА

Первый том «Мир-системы Модерна», написанный в 1971–1972 годах, был опубликован в 1974 году. У меня были определенные трудности с поиском издателя для книги, посвященной XVI веку, где речь к тому же шла о фактически неведомой теме — мире-экономике, понятии, которое было намеренно написано через дефис. Книга была длинной и содержала аномальное количество, по сути дела, независимых от основного текста ссылок, которые повсюду кишат в тексте, как жаловался после выхода книги один далеко не дружественный рецензент. И все же издательство *Academic Press* и его тогдашний научный редактор-консультант Чарльз Тилли отважились опубликовать мою книгу в рамках новой серии по социальным наукам.

Когда книга вышла из печати, реакция на нее удивила всех, в особенности издателя и самого автора. Книга получила благосклонные отзывы на первой странице воскресного книжного обозрения «*Нью-Йорк Таймс*» и в «*Нью-Йоркском книжном обозрении*», а в 1975 году «*Мир-система*» получила премию Американской социологической ассоциации за лучшую научную публикацию. Эта награда, в то время носившая имя Питирима Сорокина, была настолько неожиданной, что я даже не присутствовал на заседании, где об этом было объявлено. Книгу быстро перевели на много языков, и для научной монографии она продавалась удивительно хорошо. По любым меркам это был успех.

Однако тут же оказалось, что моя книга породила в высшей степени противоречивые оценки. Она получила не только восторженные отклики, но и стала предметом решительного осуждения, исходившего из разных лагерей. Думаю, что сейчас, 35 лет спустя, стоит дать обзор этих критических отзывов. Что послужило их источником? По-прежнему ли они актуальны? Как я сам сегодня оцениваю их обоснованность? Как они повлияли на последующие тома «Мир-системы»?

Сперва я хотел бы указать на специфический подтекст критических отзывов. По профессии я социолог, но многим моя книга показалась работой по экономической истории. В начале 1970-х годов, по меньшей мере, не предполагалось, что социологов должен интересовать XVI век или проблемы, которые обычно рассматривали историки экономики. В свою очередь, обычные историки также с подозрением относились к незванным гостям, пришедшим из других университетских дисциплин, в особенности если те почти полностью

опирались на так называемые вторичные источники, — а я именно так и делал. Кроме того, центральной темой книги были пространственные отношения на глобальном уровне, что считалось вотчиной географов. Наконец, среди первых сторонников моей книги неожиданно оказалась группа археологов. В общем, казалось, что я бросил вызов категориям, которые в то время определяли специфику научной работы, не ограничившись банальными рамками, освященными сложившимися структурами знания.

Я хотел бы начать с того, как я понимал свою задачу во время написания книги. Я уже объяснял, как пришел к ее замыслу, во введении к первому тому. В тот момент я придерживался ошибочной идеи, что смогу лучше понять траектории развития «новых наций» XX века, изучив то, каким образом такие же «новые» нации XVI столетия стали «развитыми». Ошибочной эта идея была потому, что из нее следовало, будто все государства параллельно следовали независимыми курсами к некоему состоянию «развитости». Однако эта ошибочная идея обернулась счастливым случаем: именно она побудила меня изучать материалы, посвященные Западной Европе XVI века, и обратить внимание на совершенно неожиданные факты.

В то время я вел внутренний спор главным образом с социологами веберовского направления — не с самим Максом Вебером, но с тем, как его категории использовались в американской (и в некоторой степени в мировой) социологии после 1945 года. В то время книга Вебера о протестантской этике получила расхожую интерпретацию, согласно которой наличие определенного рода ценностей есть необходимая предпосылка для того, что в послевоенный период стремились называть модернизацией, или (экономическим) развитием. Для ученых того времени было обычной практикой экзаменовать страну за страной на предмет существования (или появления) в ней таких ценностей. В результате было создано нечто вроде неформальной хронологической иерархии поступи прогресса. Какая страна была в ней первой? Какая шла вслед за ней? Какая могла бы оказаться следующей? А откуда происходил вопрос: что же в настоящее время должна сделать та или иная страна, для того чтобы стать следующей?

Я рассчитывал оспорить этот нарратив несколькими способами. Прежде всего, я настаивал на том, что в исследовании процесса «развития» нельзя просто исследовать одну страну за другой, — напротив, рассматривать отдельные страны можно лишь в рамках более широкой категории, которую я назвал мир-системой. Слово «мир» здесь не является синонимом слова «универсум» — как сказал бы Фернан Бродель, это не мир в смысле мироздания (*the world*), а некий отдельный мир (*a world*).

Во-вторых, я предположил, что указанные ценности *следовали* за происходившей экономической трансформацией, а не *предшествовали* ей. Иными словами, лишь в контексте отношений различных государств друг с другом можно понять, почему некоторые из них стали лидерами в эффективности производства и в накоплении богатства.

В-третьих, я отказался от принципиального для послевоенных веберовцев противопоставления современного и традиционного. Напротив,

я разделял формировавшуюся в то время аргументацию сторонников так называемой теории зависимости (*dependistas*), таких как Самир Амин и Андре Гундер Франк, — согласно этой теории, нечто «традиционное» является таким же недавним явлением, как и «современное» (*modern*). Иными словами, и то, и другое возникают вместе, так что вслед за знаменитым тезисом Франка (Frank, 1966) можно говорить о «развитии недоразвитости»* (“the development of underdevelopment”).¹

Со стороны вышеупомянутых веберianцев я ожидал осуждения. Они склонялись к неприятию того, о чем я говорил, но в целом все же стремились любезно воспринимать мою аргументацию, несмотря на то, что, похоже, полагали, будто я реанимирую марксистские доводы, которые, как они были уверены, серьезные ученые уже отвергли или должны отвергнуть. Думаю, их удивило то, что я, как ни странно, с головой погрузился в проблематику XVI века, в то время как многие из них просто полагались на сокращенные (и порой искаженные) изложения веберовских тезисов для анализа материала XX века. Более того, как мы с Теренсом Хопкинсом вскоре отметили в нашей совместной статье (Hopkins & Wallerstein, 1977), большинство из этих так называемых сравнительных исследований, выполненных адептами модернизации, содержали сравнение современных (*contemporary*) данных по одной из незападных стран с предполагаемыми (но эмпирически не исследованными) данными по США или, возможно, по какой-либо западноевропейской стране.²

Как бы то ни было, самые большие камни в мой огород полетели с других сторон. Сформировалось три главных направления критики моей работы. Те, кого я называю «большими» критиками, отвергали мир-системный анализ как метод исследования, поскольку он не был созвучен с их собственными методологическими установками, которые они, очевидно, считали лучшими. Вслед за ними шли те, кого я называю «малыми» критиками. Представители этого лагеря признают правомерность (хотя бы в определенной степени) мир-системного подхода, но спорят с моими детальными историческими описаниями на том основании, что я неправильно изложил или интерпретировал ряд существенных эмпирических фактов либо же пропустил некие значительные пласты информации. Наконец, лишь в 1990-х годах появился третий лагерь исследователей, которые стремились подвергнуть мир-системный анализ ревизии, убрав из термина «мир-система» дефис и тем самым поставив под сомнение идею множественности мир-систем. Эта группа настаивает на том, что на протяжении последних пяти тысяч лет существует и всегда существовала лишь одна «мировая система» (“world system”). Теперь рассмотрим по очереди каждый из трех типов критики и их разновидности.

* Слова, помеченные звездочкой, см. в разделе **Комментарии переводчика**.

¹ Frank, Andre Gunder. The Development of Underdevelopment // Monthly Review, XVIII, 4, September, 1966, 17–31.

² Hopkins, Terence & Immanuel Wallerstein. Patterns of Development of the Modern World-System // Review 1977, I, 2, Fall, 111–146; переиздано в: T.K. Hopkins, Immanuel Wallerstein & associates. World-Systems Analysis: Theory and Methodology. Beverly Hills, CA: Sage, 1982, 41–82.

«БОЛЬШИЕ» КРИТИКИ

Если послевоенные веберианцы думали, что я был *слишком* марксистом, то «ортодоксальные» марксисты меня марксистом не считали вовсе — напротив, я был для них «неосмитианцем».³ Под ортодоксальным марксизмом я подразумеваю его партийную версию в изложении Социал-Демократической партии Германии, Коммунистической партии Советского Союза и даже большинства троцкистских партий.

Несмотря на то, что политические стратегии этих организаций и понимание ими политических реалий в различных странах XX века довольно серьезно отличались друг от друга, на самом деле они разделяли одни и те же фундаментальные предпосылки. Первой из них было понимание природы классовой борьбы при капитализме, которую ортодоксальные марксисты определяли главным образом как борьбу возникающего городского пролетариата с капиталистическими производителями (прежде всего — индустриальными предпринимателями). Второй из этих предпосылок являлся примат экономического базиса над политической и культурной надстройкой. Третьей был приоритет внутренних (то есть эндогенных для некоей страны) факторов перед внешними (то есть экзогенными) при установлении причин тех или иных явлений. Четвертой предпосылкой являлась неизбежность прогресса в смысле следования друг за другом ряда так называемых способов производства.

Обвинение ортодоксальных марксистов состояло в том, что мир-системный анализ один за другим нарушил все эти принципы. В некоторой степени это обвинение справедливо. Говоря о первом томе «Мир-системы Модерна», эти критики утверждали, что я представил, по их выражению, аргументацию, основанную на обращении товаров и капиталов (“circulationist” argument), в то время как мне следовало бы объяснять факты с точки зрения того, что происходило в сфере производства. Иными словами, меня упрекали в том, что, рассматривая отношения между центром и периферией, я игнорировал классовую борьбу в Англии в качестве объяснения капиталистического развития в пользу факторов, считавшихся внешними, например, природы и характера торговли между Северо-Западной Европой и Американским континентом.

Конечно, сразу возникает вопрос: по отношению к чему является внутренним или внешним тот или иной фактор? Для ортодоксальных марксистов «внутреннее» всегда определялось как нечто внутреннее относительно политических границ некоторой страны. «Экономика», таким образом, представлялась им национальной конструкцией. Классы также были национальным явлением. Соответственно, существовали страны, на которые можно было навесить ярлык «капиталистические», — и наоборот. Это был принципиальный спор, поскольку в процессе написания книги я развивал альтернативный взгляд на капитализм. В моем понимании капитализм был характерной чертой определенной

³ Brenner, Robert. The Origins of Capitalist Development: A Critique of Neo-Smithian Marxism // New Left Review, No. 104, July-August 1977, 25–93. Zeitlin, Maurice. The Civil Wars in Chile, Or, The Bourgeois Revolutions that Never Were. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 1988.

мир-системы — той специфической мир-системы, которую я назвал «миром-экономикой». Классы были классами этой мир-системы, и государственные структуры также существовали внутри мир-системы.

Мои оппоненты из рассматриваемого лагеря были принципиально непреклонны, однако с годами их становилось все меньше и меньше. Впрочем, причиной тому не влияние моих сочинений, а сам характер развития ситуации в мир-системе Модерна. Политическим движениям, которые еще в 1960-х годах придерживались ортодоксальных марксистских взглядов, бросили серьезный вызов силы, ставшие основой мировой революции 1968 года. Ортодоксам, с одной стороны, пришлось защищаться от появившихся в то время мощных движений, которые настаивали на значимости для анализа социальной реальности факторов гендера, расы, этнической принадлежности и сексуальности. С другой стороны, в 1980-е годы ортодоксы были вынуждены защищаться от политического контрнаступления неолибералов и повсеместно воспринятого концепта глобализации. Вот почему сегодня традиционную исследовательскую программу ортодоксальных марксистов 1960-х поддерживают сравнительно немногие.

Критика также исходила от сторонников так называемой теории «взаимосвязи способов производства»⁴ — довольно сильного в 1970-х годах направления, которое я воспринимал как последний интеллектуальный рубеж ортодоксального марксизма. На мой взгляд, эта группа стремилась присоединиться к упомянутому выше аргументу, что социальную реальность невозможно анализировать только в рамках отдельной страны. Ее представители улавливали нечто происходящее на мир-системном уровне, хотя и избегали использовать сам термин «мир-система». Их ревизия классического марксизма заключалась в предположении, что в то время, как одна страна могла быть капиталистической, а другая по-прежнему оставаться феодальной, в ряде определенных и важных аспектов обе эти страны как-то соотносились друг с другом. Таким образом, сторонники данной теории утверждали, что два способа производства «взаимосвязаны» между собой и тем самым один из них определенным образом влияет на другой и наоборот.

Я не считал эту половинчатую теорию слишком убедительной и не видел, что существенного она добавляет к нашей способности понимания социальной реальности. В любом случае, после примерно десятилетия своего расцвета это направление попросту исчезло, и я не знаю никого, кто сегодня продолжал бы использовать данную концепцию.

Другое направление, чрезвычайно, почти тотально враждебное к мир-системному анализу, составляли экономисты и социологи, придерживавшиеся традиционного подхода*, нацеленного на поиск всеобъемлющих законов (*nomothetic*). Когда они все же снизошли до того, чтобы обратить внимание на мою работу, они оценили ее в лучшем случае как публицистику, в худшем — как идеологическое произведение. В общем и целом они с презрением отвергли мир-системный

⁴ *Wolpe, Harold. Articulation of Modes of Production. London: Routledge & Kegan Paul, 1980. См. тж. Hindess, Barry & Paul Q. Hirst. Pre-Capitalist Modes of Production. London: Routledge & Kegan Paul, 1977.*

анализ и даже редко удостоивали его своим упоминанием, за исключением тех случаев, когда их просили выступить анонимными критиками заявок на гранты.

За их ученым незнанием скрывался страх. Как и ортодоксальные марксисты, эта группа считала мир-системный анализ во всех отношениях столь же опасным, хотя и по совсем иным соображениям, — ее представители, по крайней мере, действительно понимали, что стоит на кону. В своей недавней работе Стефен Меннелл правильно заметил, что моя книга,

«в сущности, является внушительной попыткой опровержения при помощи исторических доказательств, казалось бы, неподвластного времени „закона сравнительных преимуществ“ Давида Рикардо* — попыткой, демонстрирующей, как первоначально незначительные неравновесия в сплетении взаимосвязей между обществами и экономиками со временем увеличились до сегодняшних громадных различий между тем, что иносказательно называют [глобальным] „Севером“ и [глобальным] „Югом“».⁵

Поскольку закон Рикардо действительно стал ключевой предпосылкой макроэкономического мейнстрима, не удивительно, что мои аргументы вызвали столь негативное отношение со стороны этого лагеря.

Однако по мере того, как мир-системный анализ становился все более весомым элементом структуры научного знания, некоторые представители этой группы его оппонентов стали мастерить исследования, призванные эмпирически опровергнуть выдвинутые нами еретические гипотезы. Особенно энергично эти критики стремились продемонстрировать, что мир-системный анализ не объясняет ни то, почему в современном мире некоторые страны оказались более «развитыми», чем прочие, ни то, почему одни из так называемых развивающихся стран продвинулись по пути «развития» дальше, чем другие. Противостояние со стороны этого лагеря оказалось не менее упорным, чем со стороны ортодоксальных марксистов, а возможно, и более стойким.

Третья разновидность «большой» критики исходит от группы, которую я считаю современными последователями Отто Гинце — немецкого политического историка, в своих работах стремившегося продемонстрировать, что политическая сфера в действительности обладает автономией по отношению к экономической. Такого рода критике, инициированной главным образом идеями Гинце, меня подвергли авторы двух маститых исследований.⁶ В обоих из них утверждалось, что я ошибочно свалил политические и экономические аспекты анализа в одну кучу, фактически уступив первенство экономике.

⁵ Mennell, Stephen. Sociology // Berkshire Encyclopedia of World History / W.H. McNeill et al., eds. (Great Barrington, Massachusetts: Berkshire Publishing Group, 2005), IV, 1746.

⁶ Skocpol, Theda. Wallerstein's World Capitalist System: A Theoretical and Historical Critique // American Journal of Sociology, LXXXII, 5, Mar., 1977, 1075–1090; переиздано в: Theda Skocpol. Social Revolutions in the Modern World. New York: Cambridge Univ. Press, 1994, 55–71. Zolberg, Aristide R. Origins of the Modern World System: A Missing Link // World Politics, XXXIII, 2, Jan., 1981, 253–281; переиздано в: Zolberg, Aristide. How Many Exceptionalisms: Explorations in Comparative Macroanalysis. Philadelphia, PA: Temple Univ. Press, 2009, 132–157.

Разумеется, в действительности я настаивал на том, что политические и экономические факторы относятся к одной и той же сфере. Я отказался принять аргумент об автономии политической сферы, а также отверг представление о том, что основополагающие законы политики каким-либо образом отличаются от законов экономики или даже противоположны им. Я настойчиво утверждал парадигму холистического анализа, в рамках которого политические институты, наряду с прочими, являются просто одной из институциональных структур мир-системы Модерна. Несмотря на то, что в последующих томах книги (особенно во втором) я постарался детально растолковать ошибочность подобного разделения двух сфер, данное направление критики продемонстрировало непреходящую влияние: многие до сих пор считают мир-системный анализ слишком «экономическим», причем нередко такое его понимание оказывается разновидностью утверждения, что мир-системный анализ слишком «марксистский».

Как бы то ни было, современные последователи Гинце преданы ему не более, чем неовеберианцы Максу Веберу, ортодоксальные марксисты Карлу Марксу, а последователи Адама Смита — самому Адаму Смиту. Что касается собственно Отто Гинце, то он завершает свой очерк «Экономика и политика в эпоху капитализма», опубликованный в 1929 году, таким резюмирующим его позицию пассажем:

«В общем, годы Первой мировой войны и прошедшее после нее десятилетие не предоставляют доказательств того, что экономическое развитие капитализма происходит автономно, полностью независимо от государства и политики. Этот период демонстрирует, что государство и капитализм неразрывно взаимосвязаны, что они представляют собой всего лишь две стороны, два аспекта одного и того же процесса исторического развития».⁷

Конечно же, как раз эту точку зрения я и пытался обосновать в своей книге.

Наконец, часть «больших» критиков принадлежала к так называемому «культурному» лагерю, процветавшему начиная с 1970-х годов. Анализируя подъем этого лагеря, необходимо учитывать два обстоятельства. Во-первых, традиционная либеральная теория Модерна разделяла жизнь этой эпохи на три сферы: экономическую, политическую и социокультурную. Отражением этого разделения стало создание трех отдельных социальных наук о современном мире: экономики, имеющей дело с рынком, политической науки, предметом которой является государство, и социологии, которой остается все остальное (иногда это остальное именуется гражданским обществом).

Это либеральное идеологическое построение неизбежно привело к спору о том, какая из трех сфер является первичной для объяснения мира. Экономической сфере отдавали приоритет как ортодоксальные марксисты, так и мейн-стримные экономисты, изучающие общие законы данной области (*nomothetic mainstream economists*). Современные последователи Гинце, напротив, безоговорочно отдали первенство политике. Поэтому следовало ожидать появления тех, кто предоставил бы приоритет культурной сфере.

⁷ Hintze, Otto. *The Historical Essays of Otto Hintze* / introd. by Felix Gilbert (New York: Oxford Univ. Press, 1975), 452.

Второе, о чем следует помнить, — это влияние на теоретическую дискуссию мировой революции 1968 года. События 1968 года многие восприняли как знак окончательного разгрома (и, следовательно, интеллектуального банкротства) лагеря экономистов. Еще раньше Дэниел Белл, подвергнув жесткой критике адекватность марксизма и марксистских движений реалиям послевоенного мира, говорил о «конце идеологии».⁸ После 1968 года за освобождение от марксизма взялась новая группа, придерживавшаяся иной точки зрения. Эта группа требовала «деконструкции» понятий и рассуждала об окончании (и бесполезности) «больших рассказов» (“*grands récits*”) и «метанарративов» (“*master narratives*”).⁹ Как правило, они указывали на то, что представители лагеря «экономистов», в особенности ортодоксальные марксисты, отрицали центральную роль дискурса в эволюции социальной реальности.

Ортодоксальные марксисты в это время подверглись критике еще с одной стороны. Их вполне справедливо обвиняли в том, что они не придавали значения приоритетам тех, кто занимался проблемами гендера, расы, этнической принадлежности и сексуальности, а настаивали на первостепенной значимости классовой борьбы и «революции», историческим субъектом которой был «пролетариат».

Меня порицали за то, что я не присоединился к этому лагерю критиков.¹⁰ Однако, осуждая господствующие нарративы, данная группа собиралась отправить мир-системный анализ в одну корзину с ортодоксальным марксизмом и веберовской теорией модернизации — и это несмотря на то, что мир-системный анализ практически с идентичных позиций критиковал и марксистскую ортодоксию, и модернизационный метанарратив. Отличие, впрочем, состояло в том, что посредством своей критики мир-системный анализ предлагал взамен альтернативный метанарратив, так что мы отказались выплеснуть ребенка вместе с водой.

Участь этой критики, сосредоточенной на вопросах культуры, связана с судьбой всего движения «культурных исследований». Фатальной слабостью этого лагеря было отсутствие единства. Одна его половина изначально настаивала на первичности культуры, фактически на ее эксклюзивном интеллектуальном преимуществе. Однако другую половину этого лагеря интересовали так называемые «забытые люди», которых игнорировали предшествующие метанарративы. Альянс внутри этого лагеря распался, когда вторая группа стала осознавать, что на самом деле им тоже нужны подобные метанарративы, только отличные от тех, что были в ходу до 1968 года. Таким образом, эта группа

⁸ Bell, Daniel. *The End of Ideology*. 2nd Edition, Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 2000. Первое издание — 1960 год.

⁹ Baudrillard, Jean. *The Mirror of Production*. St. Louis, MO: Telos Press, 1975. Baudrillard, Jean. *For a Critique of the Political Economy of the Sign*. St. Louis, MO: Telos Press, 1981. Baudrillard, Jean. *The Jean Baudrillard Reader* / Steve Redhead & Claire Abel, eds., New York: Columbia Univ. Press, 2008.

¹⁰ Aronowitz, Stanley. *Metatheoretical Critique of Immanuel Wallerstein's The Modern World-System* // *Theory & Society*, X, 4, July, 1981, 503–520.

приступила к формированию трех новых проблем: гендер, раса и класс, или класс, гендер и раса, или раса, гендер и класс. Как только эта триада вошла в широкое употребление в университетских кругах, некоторые из тех, кого поначалу интересовали «забытые люди», перестали отрицать мир-системный анализ и предприняли попытку найти пути примирения с ним или же стали стремиться внести в него небольшие изменения, дабы он в большей степени учитывал их собственные приоритеты.¹¹

Все разновидности «большой критики» были полностью предъявлены в течение нескольких лет после 1974 года, когда вышел первый том моей книги. К 1990-м годам многие из сторонников этих взглядов сошли со сцены, хотя некоторые продолжают критиковать меня тем же самым образом. Однако в настоящее время направления «большой критики» хорошо известны и уже принадлежат истории дискуссии о мир-системном анализе — теперь наше направление все чаще рассматривается просто как одна из конкурирующих друг с другом парадигм современной социальной науки. «Малые критики», напротив, привлекают к себе все больше и больше внимания.

МАЛЫЕ КРИТИКИ

Малые критики фокусируют свое внимание на трех различных проблемах: пространственные границы мир-системы Модерна, ее временные пределы и институциональные переменные, которые следует принимать в расчет. По поводу первых двух проблем в первом томе «Мир-системы Модерна» все сказано предельно ясно — однако с тем, что представляет собой ряд имеющих значение институциональных переменных, ясности меньше.

Начнем с пространственных границ. В моей книге был сформулирован тезис о наличии реальных границ между тем, что следует считать внутренней и внешней сферами капиталистического мира-экономики. Я утверждал, что *внутри* этих границ можно говорить о центре, периферии и полупериферии. Кроме того, шестая глава первого тома посвящена тому, что находилось *вне* их — тому, что я назвал внешней сферой мира-экономики, и я стремился показать, на каком основании можно разграничивать периферийную зону мира-экономики и его внешнюю сферу.

Основным критерием этого разграничения я постулировал различие между торговлей товарами массового спроса и торговлей предметами роскоши, причем именно первый, а не второй вид торговли основан на неравном обмене.

¹¹ Grosfoguel, Ramon. Special Editor, Special Issue of Review: Utopian Thinking, XXV, 3, 2002. Mignolo, Walter D. Local Histories/Global Designs: Coloniality, Subaltern Knowledges, and Border Thinking. Princeton, NJ: Princeton Univ. Press, 2000. См. т.ж. Balibar, Etienne & Immanuel Wallerstein. Race, Nation, Class: Ambiguous Identities. London: Verso, 1991 (русское издание: Балибар Э., Валлерстайн И. Раса, нация, класс. Двусмысленные идентичности. М.: Логос-Альтера, Ессе Номо, 2003).

Позже я постарался более подробно обосновать это различие.¹² на его базе, я высказал предположение о наличии специфических границ между европейским миром-экономикой и его внешней сферой: Польша и Венгрия в XVI веке являлись частью мир-системы Модерна, а Россия и Османская империя не были ею; Бразилия находилась в ее пределах, а Индийский субконтинент — вовне.

Эти эмпирические утверждения оспаривались двумя разными способами. Первый из них заключался в предположении, что различие между торговлей массовыми товарами и торговлей предметами роскоши является гораздо более размытым, чем я считал, поэтому его нельзя использовать как системный критерий для установления границ. Второе возражение было совсем иным. Выказывалось предположение, что некоторые регионы, которые, как утверждалось мною, принадлежали к внешней сфере, на самом деле участвовали в торговле товарами массового спроса с рядом территорий европейского мира-экономики. А стало быть, данные регионы, в соответствии с моим же критерием, следует считать находящимися «внутри» границ мира-экономики.

К «большим критикам» я был беспощаден и по-прежнему отказываюсь признать правомерность их возражений в адрес мир-системного анализа. Что касается критерия проведения пространственных границ, то я с самого начала говорил, что намерен внимательно выслушать эмпирические контраргументы, и если они окажутся существенными, то я готов на их основании принять ревизию эмпирической части в моей концепции. Так, Ханс-Хайнрих Нолте пространно доказывал, что Россия XVI века была столь же крупной частью мир-системы Модерна, как и Польша.¹³ Фредерик Лейн утверждал то же самое применительно к Османской империи — возможно, не детализируя свою аргументацию.¹⁴ Гораздо позже Фарук Табак¹⁵ вкратце изложил очень весомые доводы в пользу того, почему все восточное Средиземноморье (практически целиком входившее в состав Османской империи) в XVI веке следует рассматривать как неотъемлемую часть мир-системы Модерна.

Было предпринято много попыток опровергнуть обоснованность различия между двумя упомянутыми выше видами торговли.¹⁶ Я с самого начала

¹² Wallerstein, Immanuel. *The Modern World-System, II: Mercantilism and the Consolidation of the European World-Economy, 1600–1750*. New York: Academic Press, 1980. Wallerstein, Immanuel. *The Modern World-System, III: The Second Era of Great Expansion of the Capitalist World-Economy, 1730s–1840s*. San Diego, CA: Academic Press, 1989.

¹³ Nolte, Hans-Heinrich. *The Position of Eastern Europe in the International System in Early Modern Times* // *Review*, VI, 1, Summer 1982, 25–84.

¹⁴ Lane, Frederic C. Chapter 8: Economic Growth in Wallerstein's Social Systems, A Review Article // *Profits from Power: Readings in Protection Rent and Violence Controlling Enterprises*. Albany, NY: State Univ. of New York Press, 1979, 91–107.

¹⁵ Tabak, Faruk. *The Waning of the Mediterranean, 1550–1870: A Geohistorical Approach*. Baltimore, MD: Johns Hopkins Univ. Press, 2008.

¹⁶ Schneider, Jane. Was There a Pre-Capitalist World-System? // *Peasant Studies*, VI, 1977, 20–29; переиздано в: Christopher Chase-Dunn & Thomas Hall, eds. *Core/Periphery Relations in Precapitalist Worlds*. Boulder: Westview Press, 1991, 45–66. Hall, Thomas D.

знал, что провести границу между ними непросто, и получил в наказание мощные контраргументы. Однако я по-прежнему считаю свою главную идею правильной. В любом случае, как я предположил позднее,¹⁷ даже если принять более сложную модель инкорпорации тех или иных территорий в капиталистический мир-экономику, руководящим принципом осталось бы само представление о существовании некоторых зон за пределами функционирования системы, которые, тем не менее, находились с ней в определенных торговых отношениях. Эта концепция дает основу для понимания того факта, что в начале своего существования мир-система Модерна не была равна по масштабу всему миру в целом и лишь позднее (в середине XIX века) сравнялась с ним размерами. Однако, на мой взгляд, для масштабной теоретической и эмпирической дискуссии о ее пространственных границах по-прежнему сохраняется достаточное поле.

Вопрос о временных границах еще более сложен. Значительная часть более поздних «малых критиков» стремится отодвинуть начало истории мир-системы Модерна в XIII век.¹⁸ Несколько иной цели попыталась достичь Джэнет Абу-Лагод,¹⁹ стремившаяся рассмотреть торговые связи Европы XIII века со многими регионами континентальной Евразии, для того чтобы в ином свете представить причины «восхождения» Европы в XVI веке.

По большей части дискуссия о временных рамках мир-системы Модерна сводится к полемике о природе европейского феодализма. В своей книге я провел принципиальное различие между «первым» феодализмом средневековой Европы, под которым я понимал то, что обычно имеется в виду под феодализмом, и «вторым» феодализмом XVI века — его я рассматривал как некорректное наименование принудительного сельскохозяйственного труда на рынок. Позже я признал, что самой слабой главой первого тома была первая, «Средневековая

Incorporation in the World-System: Toward a Critique // *American Sociological Review*, LI, 3, June, 1986, 390–402. Hall, Thomas D. Social Change in the Southwest, 1350–1880. Lawrence, KS: Univ. of Kansas Press, 1989. Chase-Dunn, Christopher. Global Formation: Structures of the World-Economy, 2nd revised edition. Lanham, MD: Rowman and Littlefield, 1998.

¹⁷ Hopkins, Terence, Immanuel Wallerstein, Resat Kasaba, William G. Martin & Peter D. Phillips. Special Issue of Review: Incorporation into the World-Economy: How the World-System Expands, X, Nos. 5/6 (Supplement), Summer/Fall 1987.

¹⁸ Braudel, Fernand. Out of Italy: 1450–1650. Paris: Flammarion, 1991. Braudel, Fernand. The Perspective of the World. Volume III of Capitalism & Civilization, 15th to 18th Century, Berkeley, CA: Univ. of California Press, 1992 (русское издание: Бродель, Фернан. Время мира / Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв., в 3 тт., т. 3. М., Весь мир, 2007). Arrighi, Giovanni. The Long Twentieth Century: Money, Power, and the Origins of Our Times. 2nd Revised Edition, New York: Verso, 2009 (Первое издание — 1994 год. Русское издание: Арриги, Джованни. Долгий двадцатый век. Деньги, власть и истоки нашего времени. М., Территория будущего, 2006). Mielants, Eric. The Origins of Capitalism and the “Rise of the West”. Philadelphia, PA: Temple Univ. Press, 2008. См. тж. Cox, Oliver. Foundations of Capitalism. New York: Philosophical Library, 1959.

¹⁹ Abu-Lughod, Janet. Before European Hegemony: The World System A.D. 1250–1350 (New York: Oxford Univ. Press, 1989).

прелюдия», и поэтому предложил своего рода переработанную версию этой главы в книге, посвященной Китаю и капитализму.²⁰

На мой взгляд, базовая проблема здесь состоит в том, что ни одна из имеющихся макроисторических теоретических схем не предложила удовлетворительного объяснения природы европейского феодализма в период 1000–1500 годов, обычно рассматриваемый как его расцвет. Некоторые исследователи представляют феодализм разновидностью протокапиталистической системы и тем самым отодвигают в прошлое временные рамки мир-системы Модерна, включая в нее и этот период. Другие же рассматривают феодализм как прямую антитезу капитализму и переносят появление последнего вперед, к более широко распространенной дате возникновения современного мира, т. е. примерно к 1800 году.²¹

Моя собственная точка зрения на феодальную систему средневековой Европы заключается в том, что эту систему лучше всего определять как дезинтегрированный мир-империю, который очень поверхностно объединяла Римско-католическая церковь. Конечно же, я полностью уверен (и я делаю в своей книге соответствующее предположение), что в рамках этого мира существовали силы, которые пытались преобразовать его в капиталистический мир-экономику, но не преуспели в этом, — и там, где я вижу неудачи капитализма, другие видят первые его шаги.

Я полагаю, решающее значение имеет осознание того, что создание капиталистического мира-экономики — это очень сложная задача. В более поздней статье²² я пытался объяснить, что ее выполнение стало возможным лишь благодаря исключительным обстоятельствам. Во втором томе «Мир-системы Модерна» я стремился показать, как за первыми нерешительными шагами этой системы последовала ее консолидация в XVII веке. Я рассматривал это столетие не как «кризис», в результате которого произошло нечто вроде возвращения «феодализма», а напротив, как упрочение структуры капиталистического мира-экономики. Думаю, что со временем именно эта консолидация фактически сделала возможным дальнейшее расширение системы — как интенсивное, так и экстенсивное.

В конечном итоге, несмотря на то, что в чем-то мне пришлось уступить перечисленным выше «малым» критикам, я по-прежнему убежден, что как

²⁰ Wallerstein, *Immanuel*. The West, Capitalism, and the Modern World-System // China and Historical Capitalism: Genealogies of Sinological Knowledge / T. Brook & G. Blue, eds. New York: Cambridge Univ. Press, 2002, 10–56.

²¹ Anderson, Perry. Lineages of the Absolutist State. New York: Verso, 1974 (русское издание: Андерсон, Перри. Родословная абсолютистского государства. М., Территория будущего, 2010). Dupuy, Alex & Paul Fitzgerald. Review Essays: A Contribution to the Critique of the World-Systems Perspective // Critical Sociology, VII, No. 113, 1977, 113–124. Stern, Steve J. Feudalism, Capitalism, and the World-System in the Perspective of Latin America and the Caribbean // American Historical Review, XCIII, 4, Oct. 1988a, 829–872. Ответ — Wallerstein, Immanuel. AHR Forum: Comments on Stern's Critical Tests // American Historical Review, XCIII, 4, Oct. 1988, 873–885. Ответ на ответ — Stern, Steve J. Reply: "Ever More Solitary" // American Historical Review, XCIII, 4, Oct. 1988b, 886–897.

²² Wallerstein, *Immanuel*. The West, Capitalism, and the Modern World-System, Review, XV, 1992, 561–619

пространственные, так и временные границы начального периода мир-системы Модерна мною были установлены в целом верно.

Институциональные параметры капиталистического мира-экономики в первом томе, возможно, и правда были проработаны недостаточно. При работе над книгой моя энергия практически полностью уходила на то, чтобы осознать, насколько все явления, имевшие место в рассматриваемый период в экономической сфере, были капиталистическими по своей природе. Несмотря на то, что в XVI веке промышленность была небольшим сегментом совокупного производственного механизма, я настаивал на том, что следует особенно сосредоточиться на сельском хозяйстве. Верно и то, что доля наемного труда в системе оплаты рабочей силы в это время была еще сравнительно невелика, однако я стремился показать, что капитализм не сводится к наемному труду. Буржуазия, если брать ее классическое определение, в эту эпоху также выглядит сравнительно небольшой группой, однако я настойчиво подчеркивал, что аристократия, очевидно, сама превращалась в буржуазию. Таковы были все составляющие моей попытки довольно радикальной ревизии преобладавшей парадигмы анализа капитализма как способа производства. Я много писал обо всех этих вопросах начиная с 1974 года, и в настоящее время существует нечто вроде сжатого резюме моей точки зрения, которое содержится в книге «Введение в мир-системный анализ».²³

За годы, прошедшие после выхода первого тома моей книги в 1974 году, меня подвергли критике и за пренебрежение всеми неэкономическими сферами — политической, культурной, военной, а также природной средой. Все эти критики настаивали на том, что моя концепция была слишком «экономикоцентричной» (economistic). Что я думаю о критике моего подхода к политической и культурной сферам, я уже сказал, и теперь лишь хотел бы заметить, что свое понимание политической сферы я постарался сделать более четким во втором томе, а культурной — в грядущем четвертом томе, а также в работе «Геополитика и геокультура».²⁴

Майкл Манн и Уильям МакНил²⁵ поставили мне на вид пренебрежение военной сферой — в особенности значением военных технологий, однако не думаю, что эта критика вполне справедлива: о военных технологиях и их роли я говорил в разных местах и первого тома, и последующих. Однако в целом я согласен со знаменитой фразой Клаузевица «Война есть продолжение политики другими средствами», и если это так, то следует остерегаться наделять военную силу в качестве фактора анализа слишком большой автономией.²⁶

²³ Wallerstein, Immanuel. *World-System Analysis: An Introduction*. Durham, North Carolina: Duke Univ. Press, 2006 (русское издание: *Валлерстайн, Иммануил. Миросистемный анализ: Введение*. М., Территория будущего, 2006).

²⁴ Wallerstein, Immanuel. *Geopolitics and Geoculture*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1991.

²⁵ Mann, Michael. *States, War and Capitalism*. New York: B. Blackwell, 1988. McNeill, William H. *The Pursuit of Power: Technology, Armed Force, and Society Since A.D. 1000*. Chicago, IL: Univ. of Chicago Press, 1982 (русское издание: *Мак-Нил, Уильям. В погоне за мощью. Технология, вооруженная сила и общество в XI–XX веках*. М., Территория будущего, 2008).

²⁶ См. т.ж. Arrighi, Giovanni. *Capitalism and the Modern World-System: Rethinking the Non-Debates of the 1970s* // *Review*, XXI, 1, 1998, 113–129.

Наконец, меня критиковали за пренебрежение фактором окружающей среды.²⁷ Прежде всего меня склоняли к признанию того, что я, конечно же, сделал это нечаянно. Однако от этого двусмысленного оправдания меня избавил Джейсон Мур, который выполнил тщательное прочтение первого тома,²⁸ показав, что экологические факторы и их влияние на процесс построения капиталистического мира-экономики являются составной частью моего исследования и, более того, стоят в его центре. Я действительно был изумлен, насколько я воплотил в своей книге то, в пренебрежении чем меня упрекали.

Лучшим ответом на критику по поводу того, что в первом томе я упустил из виду различные институциональные параметры, было бы напоминание, что нельзя сделать все сразу. Полагаю, что при изучении корпуса моих работ разумный читатель увидит, насколько я предан избранной мной эпистемологической предпосылке: лишь подлинно целостный анализ может рассказать нам нечто важное о том, как устроен реальный мир.

РЕВИЗИОНИСТСКИЙ ПОДХОД К МИР-СИСТЕМЕ

Начиная с 1990-х годов появилась значительная группа ученых, которые различными способами доказывали, что роль Китая в современном мире была существенно принижена, и это, по их мнению, привело к крайнему искаженному взгляду на этот мир. Некоторые исследователи отстаивали данную позицию, подчеркивая, что китайский мир существует и демонстрирует живучесть начиная с XV века и вплоть до наших дней.²⁹ Другие выдвигали предположение, что экономические сравнения между Китаем и Западной Европой, по сути дела, бессмысленны.³⁰

Еще дальше пошел Андре Гундер Франк, один из первых представителей мир-системного анализа. Сам Франк некогда писал книги, где доказывал, что истоки мир-системы Модерна находятся в XVI веке.³¹ Однако в 1990-х годах

²⁷ Chew, Sing. For Nature: Deep Greening World-Systems Analysis for the 21st Century // *Journal of World-Systems Research*, III, 3, 1997, 381–402. Доступно в Интернете: <http://jwsr.ucr.edu/archive/vol3/v3n3a2.php>.

²⁸ Moore, Jason W. 'The Modern World-System' as Environmental History? Ecology and the Rise of Capitalism // *Theory & Society*, XXXII, 3, June, 2003, 307–377.

²⁹ Hamashita, Takeshi. The Tribute Trade System and Modern Asia// *The Memoirs of the Toyo Bunjo*, No. 46, 1988, 7–25. Arrighi, Giovanni, Takeshi Hamashita & Mark Selden. The Resurgence of East Asia; 500, 150 and 50 Year Perspectives. London: Routledge, 2003. Arrighi, Giovanni. Adam Smith in Beijing. New York: Verso, 2007 (русское издание — Арриги, Джованни. Адам Смит в Пекине. М., Институт общественного проектирования, 2009).

³⁰ Pomeranz, Kennet. The Great Divergence: China, Europe, and the Making of the Modern World Economy. Princeton, New Jersey, Princeton Univ. Press, 2000.

³¹ Frank, Andre Gunder. Capitalism and Underdevelopment in Latin America. New York: Monthly Review Press, 1967. Frank, Andre Gunder. Mexican Agriculture, 1521–1630:

взгляды Франка круто изменились. В одной из своих монографий и в соавторстве с Барри Джиллсом³² он выдвинул гипотезу, что мировая система (the world system) — *единственная* мировая система — возникла примерно 5 000 лет назад. При этом Франк подчеркивал, что данная система может быть проанализирована с помощью многих базовых инструментов мир-системного анализа, например, длинных волн, одновременно действующих в рамках всей системы.

Однако Франк не только полагал, что эта единая мировая система существовала 5 000 лет, — он еще и упорно настаивал, что средоточием этой единственной мировой системы всегда (или почти всегда) был Китай. Поэтому «восхождение» Европы Франк рассматривал как эпизод, ограниченный XIX и частью XX столетия, видя в нем лишь кратковременный перерыв в истории этой китаецентричной системы. А тех из нас, кто утверждал, что мир-система Модерна возникла в Европе — хоть в XVI веке, хоть раньше, Франк обвинял в европоцентризме, причем это обвинение было направлено не только против Фернана Броделя и автора этих строк, но также против Маркса и Вебера.

Главная книга Франка «Ре-Ориент: глобальная экономика и азиатская эпоха» была прочитана и обсуждена в широких кругах. Трое коллег Франка по мир-системному лагерю — Самир Амин, Джованни Арриги и я — написали подробные критические рецензии на его работу в специальном выпуске журнала *Review*.³³ Моя критика была сосредоточена на трех спорных вопросах. Прежде всего, у меня было ощущение, что аргументация Франка в целом та же самая, что и аргументация неоклассической экономической доктрины, поэтому, в отличие от других работ по мир-системному анализу, его книга и в самом деле заслуживает оценки как ограничивающейся проблемами оборота (“circulationist”).

Во-вторых, я полагал, что проведенный Франком эмпирический анализ отношений Западной Европы и Китая в XVI–XVIII столетиях, основанный главным образом на исследовании обращения благородных металлов, можно опровергнуть исходя из тех же самых данных, которые предоставил сам Франк. Более того, я даже попробовал предположить, что предшествующее прикладное исследование Франка, которое я считал по существу верным, опровергает аргументы его последней работы.³⁴

В-третьих — и это самое важное — заявленный Франком подход устраняет из общей исторической картины капитализм. Я доказывал, что XVI век был ознаменован фактом создания *капиталистического* мира-экономики, и ни Франк, ни кто-либо еще никоим образом не могут утверждать, что капитализм

Transformation of the Mode of Production. New York: Cambridge Univ. Press, 2008. Frank, Andre Gunder. World Accumulation, 1492–1789. New York: Monthly Review Press, 2009 (первое издание — 1978 год).

³² Frank, Andre Gunder. A Theoretical Introduction to Five Thousand Years of World System History // *Review*, XIII, 2, Spring, 1990, 155–250. Frank, Andre Gunder & Barry Gills, eds. The World System: 500 Years or 5 000? Lanham, MD: Routledge, 1996.

³³ ReOrientalism? // *Review*, XXII, 3, 1999.

³⁴ Frank, Andre Gunder. Multilateral Merchandise Trade Imbalances and Uneven Economic Development // *Journal of European Economic History*, V, 2, Fall 1976, 407–438.

существует пять тысяч лет, — это лишало бы само слово «капитализм» всякого смысла. Фактически Франк согласился с этим, сказав, что он больше не считает понятие «капитализм» полезным интеллектуальным инструментом.

Последняя проблема в китаецентричном подходе к мировой истории — это двусмысленная роль, которой Франк наделяет Индию в рамках своего исследования в целом. Представляется, что Индия у него то входит в азиатский мир, то исключается из китаецентричного мира. Недавняя книга Амийи Багчи демонстрирует эту двусмысленность, помещая анализ истории Индии периода Модерна в контекст возникновения капиталистического мира-экономики.³⁵

Неясно, будет ли эта радикальная ревизия мир-системного подхода продолжать играть важную интеллектуальную роль. Вероятно, это будет зависеть от меняющейся реальной действительности мир-системы Модерна в ближайшие десятилетия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Написание первого тома «Мир-системы Модерна» стало для меня началом великого интеллектуального приключения, которое с тех пор во многом находилось в центре моей интеллектуальной жизни, и вот теперь я подошел уже к четвертому тому. В предисловии к нему можно прочесть, что еще должно быть как минимум два, а возможен и седьмой, — не знаю, буду ли я способен их написать. Возможно, меня прощает то, что я уже написал много очерков, охватывающих материал, который должен быть в пятом и шестом томах. Иными словами, мой подход к периодам 1873–1968 и 1945–20... годов уже доступен читателям. Однако написание очерков и создание целостного произведения — это не одно и то же. Надеюсь, что еще смогу сделать именно последнее.

В любом случае я убежден — да и как может быть иначе? — что мир-системный анализ является необходимым элементом для преодоления слишком узких для исследователя парадигм социальной науки XIX века. Как я уже говорил в своем подробном интеллектуальном путеводителе, этот подход не является ни теорией, ни новой парадигмой (даже если другие считают его тем или другим), но «призывом к спору о парадигме».³⁶ Первый том моей книги по-прежнему остается первым и ключевым словом этого воззвания.

³⁵ Bagchi, Amiya Kumar. *Perilous Passage: Mankind and the Global Ascendancy of Capital*. Lanham, MD: Rowman & Littlefield, 2005.

³⁶ Wallerstein, Immanuel. *The Itinerary of World-System Analysis; or, How to Resist Becoming a Theory* // *New Directions in Contemporary Social Theory* / J. Berger and M. Zelditch, Jr., eds. Lanham, Maryland: Rowman and Littlefield, 2002, 358–376.

C'est par une crise des revenus seigneuriaux que se termine le moyen-âge et s'ouvrent les temps modernes.

MARC BLOCH*

Сокращение реальных заработков [в Европе] происходило одновременно с революционным ростом цен в XVI столетии. Этот процесс был сполна оплачен тяжелым трудом, бедствиями и обнищанием большинства населения, выброшенного на обочину. Современники нередко считали, что идет вырождение человечества.

ФЕРНАН БРОДЕЛЬ и ФРЭНК СПУНЕР

Открытие золота и серебра в Америке, истребление, порабощение и погребение в рудниках ее коренного населения, начало завоевания и ограбления Ост-Индии, превращение Африки в угоidia для охоты на чернокожих — все это возвестило о восхождении румяной зари эпохи капиталистического производства. Эти идиллические деяния — ключевой момент процесса первоначального накопления. За ними по пятам следует торговая война европейских наций, театром которой стал весь мир.

КАРЛ МАРКС

* Именно кризисом сеньориальных доходов завершается Средневековье и открывается эпоха Модерна (Марк Блок) (фр.).

Введение

ОБ ИЗУЧЕНИИ СОЦИАЛЬНОГО ИЗМЕНЕНИЯ

«Взятие Рима Карлом V», ксилография из книги «Имперские деяния и предзнаменования...», изданной в Страсбурге около 1535 года. Событие, которому посвящена иллюстрация, поставило папу Римского в политическую зависимость от Священного Римского императора, а Карлу дало неоспоримую власть в Италии

Изменение вечно. Ничто не меняется. Оба эти клише одинаково «истинны». Структуры — это коралловые рифы человеческих отношений, которые постоянно существуют на протяжении сравнительно долгих промежутков времени. Но и структуры рождаются, развиваются и умирают.

Чтобы не ставить знак равенства между изучением социального изменения и наукой об обществе в целом, значение термина «социальное изменение» следует ограничить исследованием изменений в рамках наиболее длительных явлений — при этом само определение длительности, конечно, подвержено изменению в зависимости от исторического времени и пространства.

Одно из наиболее важных утверждений мировой социальной науки состоит в том, что в истории человечества существует несколько великих водоразделов. Один из таких общепризнанных переходов, хотя и изучаемый лишь немногими учеными, — это так называемая неолитическая, или сельскохозяйственная, революция. Другое явление того же порядка — создание современного мира.

Последнее находится в центре внимания как самой современной социологической теории, так и науки XIX века, хотя, конечно, существуют бесконечные споры насчет определяющих характеристик эпохи Модерна (а следовательно, и о ее временных границах). Кроме того, есть множество разногласий относительно движущих сил этого процесса. Но, похоже, достигнуто всеобщее согласие по поводу того, что в последние несколько столетий в мире произошли определенные крупные структурные изменения — изменения, сделавшие сегодняшний мир качественно отличным от мира вчерашнего. Даже те, кто отвергает эволюционистские положения о заданном направлении прогресса, признают, тем не менее, различие этих двух миров на структурном уровне.

Каковы адекватные единицы описания этого «различия» и в чем его причины? В известном смысле большинство главных теоретических дискуссий нашего времени можно свести к спорам вокруг этого великого вопроса современной социальной науки. Поэтому анализ процесса социального изменения в современном мире следует начать с определения интеллектуального маршрута поиска понятий, необходимых для этого анализа.

Некогда я начинал с интереса к социальным основам политического конфликта в своем собственном обществе. Я думал, что постижение модальностей этого конфликта может стать моим вкладом, вкладом разумного человека,

в формирование этого общества. Тем самым я оказался в средоточии двух масштабных дискуссий. Во-первых, насколько верно то, что «вся история есть история классовой борьбы»? Иными словами, являются ли классы единственно значимыми действующими лицами общественно-политической сферы? Или же, как утверждал Вебер, они лишь составляющая часть триады — класс, статусная группа и партия, взаимодействие которых определяет политический процесс? Хотя у меня были собственные представления об этом вопросе, вслед за своими предшественниками я обнаружил, что ни определение этих понятий, ни описание их взаимоотношений не поддаются легкому объяснению. У меня нарастало ощущение, что здесь в большей степени была проблема именно понятий, а не эмпирии, и что для ее разрешения — по крайней мере, лично для меня — исследование нужно поместить в более широкий интеллектуальный контекст.

Вторая масштабная дискуссия была связана с первой. Она касалась той степени, в которой внутри некоего данного общества существовал или мог существовать ценностный консенсус, и в зависимости от этой степени — каков тот предел, где наличие или отсутствие подобного консенсуса было в действительности важнейшим мотивом человеческих действий? Эта дискуссия связана с первой, потому что данный вопрос может быть поставлен только в том случае, если социальная борьба отрицается как первостепенный признак гражданского общества.

Конечно, ценности неуловимы для наблюдения, и мне было не очень ловко теоретизировать о них — нередко это выглядело как сочетание отсутствия эмпирической базы с вызовом здравому смыслу. Однако мне по-прежнему было ясно, что индивиды и группы всегда оправдывали свои действия, ссылаясь на идеологии. Помимо этого, мне также представлялось ясным и то, что социальные группы становились более сплоченными и, соответственно, политически более действенными в той мере, в которой они обладали самосознанием, что означало появление объединяющего их языка и собственного *Weltanschauung* [мировоззрения — нем.].

Затем я сменил поле своих эмпирических исследований, переместившись из собственного общества в Африку. Я надеялся, что тем самым смогу либо открыть иные теории, подтвержденные тем, что я там обнаружу, либо взгляд на дальние края обострит мое восприятие, направляя мое внимание на те вещи, которые в противном случае я упустил бы из виду. Я рассчитывал на первое, но случилось второе.

Впервые я приехал в Африку еще в колониальную эпоху, после чего наблюдал процесс «деколонизации», а вслед за ним — парад суверенитетов множества новых государств. На меня как на белого человека тут же навалился колониальный менталитет европейцев, которые долго жили в Африке, а поскольку я симпатизировал национальным движениям, молодые африканские активисты посвятили меня в свои гневные размышления и оптимистические устремления. Мне понадобилось немного времени, чтобы понять, что это были не просто две группы, имеющие разногласия по политическим вопросам, — здесь было нечто большее: они рассматривали происходившее с помощью принципиально разных понятийных аппаратов.

Вообще говоря, в ситуации глубокого конфликта взгляд угнетенных на текущее положение дел более проницателен, поскольку в их интересах воспринимать вещи правильно, чтобы разоблачать лицемерие властителей. Угнетенные менее заинтересованы в идеологических отклонениях, и это было справедливо в случае с Африкой. Националисты воспринимали реальность, в которой они жили, как «колониальную ситуацию». Это означало, что и их социальное действие, и действия европейцев, то есть живущих рядом с ними администраторов, миссионеров, учителей и торговцев — и то, и другое определялось рамками единого правового и общественного организма. Кроме того, националисты видели, что колониальный политический аппарат был основан на кастовой системе, в которой статус и, соответственно, вознаграждение зависели от расовой принадлежности.

Африканским националистам было предначертано изменить политические структуры, внутри которых они жили. Я уже рассказывал об этом в других книгах*, так что здесь нет нужды еще раз подробно на этом останавливаться. Однако же стоит сказать, что именно в Африке я убедился, насколько общество — как абстракция — находится в жестких рамках политико-правовой системы — как эмпирической реальности. Было бы ошибочной практикой брать такое объединение, как «племя», и пытаться анализировать его поведение без принятия в расчет того факта, что в рамках колониальной системы управляющие учреждения «племени» (далеко не «суверенного») подчиняются законам и традициям более широкого единства, неотторжимой частью которого оно является, а именно — колонии. Фактически это привело меня к следующему обобщению: имеющиеся исследования социальной организации являются в общем и целом неполноценными из-за широко распространенного недопонимания правовой и политической структуры, внутри которой действуют и отдельные социальные группы, и их члены.

Я постарался установить общие свойства колониальной ситуации и описать то, что я называл ее «естественной историей». Мне быстро стало ясно, что здесь следовало бы принимать в расчет, по меньшей мере, несколько миро-системных констант. Поэтому я решил ограничить свой анализ изучением того, как колониальная система функционировала в странах являвшихся подвластными Европе колониями («заморскими владениями» европейских держав) в XIX и XX столетиях. У меня было ощущение, что с учетом этих констант возможно выдвинуть общезначимые утверждения по следующим вопросам: воздействие на общественную жизнь факта установления колониальной власти; мотивы и способы сопротивления этой власти; механизмы, с помощью которых колониальным властям удалось закрепиться и добиться легитимации; противоречивая природа сил, способных действовать внутри этой структуры; причины, побуждающие людей к созданию организаций, бросивших вызов колониализму; и наконец, структурные элементы, которые способствовали расширению антиколониальных движений и привели к их подлинному политическому триумфу. Во всех этих случаях единицей анализа была колониальная территория как территория, правовым образом установленная колониальной властью.

Меня также интересовало то, что происходило с этими «новыми государствами» в период после обретения независимости. Если изучение колониальных территорий было направлено на установление причин краха существующего политического порядка, то изучение последующего после завоевания независимости периода сосредоточилось на противоположной проблеме: каким образом учреждается законная власть, и как среди граждан «новых государств» распространяется чувство принадлежности к национальному единству?

Однако с последним исследованием возникли проблемы. Во-первых, изучение политики стран Азии и Африки после обретения ими независимости выглядело попыткой догнать газетные заголовки — в любом случае, в таком исследовании было мало исторической глубины. Далее, существовал сложный вопрос Латинской Америки. Во многих аспектах тамошнее положение дел представлялось аналогичным ситуации в Азии и Африке, и все больше людей начинали рассматривать эти три континента как «третий мир». Однако латиноамериканские страны обладали политической независимостью уже на протяжении 150 лет, а их культура была гораздо теснее связана с европейской традицией, чем это было где-либо в Африке или Азии. Иными словами, казалось, что вся конструкция основана на зыбкой почве.

В дальнейших поисках подходящей единицы анализа я обратился к тому явлению, которое именую «государством в период после обретения формальной независимости, но перед достижением того, что можно назвать национальной интеграцией». Такое определение позволяло включить в исследование всю или большую часть Латинской Америки на протяжении практически всей ее истории вплоть до настоящего времени. Но в таком случае, очевидно, с тем же успехом можно было бы подключить и другие территории, например, США (по крайней мере, в период до Гражданской войны). Понятно, что в этом же поле оказывалась и Восточная Европа — как минимум до начала XX века, а возможно, и до сегодняшнего дня. А в более ранний период времени то же самое было применимо и к Западной и Южной Европе.

Именно так я пришел к необходимости переключить свое внимание на историю Европы периода раннего Модерна. Сначала передо мной возник вопрос о том, что следует взять за отправную точку в данном процессе, который я предварительно назвал — за неимением лучшего определения — процессом модернизации. Помимо этого, мне пришлось принимать в расчет не только проблему исходных точек, но и конечные результаты, если только я не собирался включать Британию и Германию XX века в число примеров того же самого социального процесса. Поскольку это с первого взгляда представлялось сомнительным, о конечных результатах также следовало подумать.

В этот момент я был определенно увлечен девелопменталистскими схемами* с заложенной в них идеей различных стадий развития. Это, в свою очередь, выдвигало две новые проблемы: критерии выделения этих стадий и сопоставимость различных социальных единиц в ходе исторического времени.

Сколько всего было стадий развития? Сколько их могло быть? Индустриализация — это сама по себе поворотная точка или следствие некой иной

политической поворотной точки? Что в этом контексте будут значить термины типа «революция» в случае Французской революции и Русской революции? Были ли стадии развития однонаправленными, или же субъект развития мог идти «вспять»? Казалось, что я вступил в необъятное понятийное болото.

Более того, выбраться из этой трясины оказалось очень сложно из-за отсутствия адекватных инструментов измерения. Как можно утверждать, что Франция XVII века была в некотором смысле эквивалентна Индии XX века? Неспециалист мог бы посчитать это утверждение абсурдным — и был бы не так уж и неправ? Неплохо было полагаться на книжные формулы о достоинствах научной абстракции, но практические трудности подобных сравнений представлялись непреодолимыми.

Одним из способов справиться с «абсурдной» идеей сравнения двух столь разноплановых единиц было признать законность упомянутых возражений и добавить другую переменную — всемирный контекст для любой отдельно взятой эпохи, или то, что Вольфрам Эберхард назвал «временем мира». Это означало, что, в то время как Франция XVII века могла иметь некоторые общие структурные характеристики с Индией XX века, обе страны следовало при этом рассматривать как весьма разные явления в рамках всемирного контекста. Это вносило понятийную точность, но еще более усложняло систему измерений.

Наконец, возникала еще одна сложность. Если некоторые общества проходили в своем развитии через некие «стадии», то есть имели «естественную историю», что тогда можно сказать о самой мир-системе (world-system)? Не имела ли она сама «стадий» развития или, по крайней мере, «естественной истории»? Если так, не изучали ли мы эволюцию внутри эволюции? И если да, то не окажется ли наша теория слишком перегруженной в эпициклах*? Не требует ли она определенного упрощения?

Похоже, именно так и обстояло дело. Как раз на этом этапе рассуждения я отверг идею сделать искомой единицей анализа как суверенное государство, так и еще более смутное понятие национальной общности. Я решил, что они не являются примерами социальных систем, поскольку говорить о социальном изменении можно только применительно к социальным системам. Единственной социальной системой в этой схеме оказывалась мир-система.

Безусловно, это было необычайным упрощением, теперь у меня была однородная единица анализа, а не одни единицы, вложенные в другие. Я мог бы объяснить изменения в независимых государствах как следствие эволюции и взаимодействия внутри мир-системы, но это также было чрезмерно сложной задачей — возможно, в моем распоряжении находился всего один образец данной единицы в эпоху Модерна. Допустим, что на самом деле я был прав, и мир-система является верной единицей анализа, а суверенные государства следует рассматривать как одну из различных организационных структур внутри этой единой социальной системы. Тогда что я мог сделать, помимо написания ее истории?

Но меня не интересовало написание этой истории, не стал я и собирать эмпирический материал, необходимый для осуществления этой задачи

(да и природа ее была таковой, что вообще мало кто смог бы ее выполнить). Однако существуют ли законы для уникальных явлений? В строгом смысле — конечно, нет, ведь суждения о причинности или возможности выносятся в рамках серии аналогичных явлений или случаев. Даже если мы бы решили включить в подобный ряд некую другую серию, которая с вероятностью или даже с возможностью случится в будущем, то можно предположить, что этот ряд возможных будущих случаев добавлялся бы не к сплетению прошлых и будущих случаев, а к единому прошлому-настоящему.

«Современный мир» существовал и существует всего в одном экземпляре. Возможно, когда-нибудь нечто сопоставимое с ним будет открыто на других планетах, либо в пределах нашего мира обнаружатся другие современные мир-системы. Но здесь и сейчас реальность только одна. И тут меня осенила аналогия с астрономией, которая претендует на объяснение законов, управляющих Вселенной, хотя (насколько нам известно) Вселенная всего одна.

Как поступают астрономы? Насколько я понимаю, логика их аргументации включает две отдельные операции. Во-первых, они используют законы, выведенные из изучения сравнительно небольших физических объектов, то есть законы физики, и утверждают (возможно, с определенными специфическими исключениями), что эти законы применимы к системе в целом. Во-вторых, у них существует аргументация *a posteriori*. Если вся система должна принять данное состояние во время *y*, то, скорее всего, она имела определенное состояние во время *x*.

Поскольку оба эти метода ненадежны, в области космологии, которая является примером изучения функционирования некоторой системы в целом, существуют полярно противоположные гипотезы, поддерживаемые авторитетными астрономами. Как и в случае с объяснением мир-системы Модерна, положение дел здесь, похоже, какое-то время будет оставаться таким же. Однако с точки зрения объема доступных эмпирических свидетельств тем, кто изучает функционирование мир-системы, в действительности, возможно, приходится легче, чем тем, кто изучает Вселенную.

В любом случае, я был вдохновлен афоризмом Теодора Я.Г. Лохера: «Не стоит смешивать целостность и законченность. Целое больше, чем составляющие его части, но также и определенно меньше их».¹

Я стремился описать мир-систему на определенном уровне абстракции, а именно как эволюцию структур целой системы. Описание отдельных событий интересовало меня лишь настолько, насколько они проливают свет на систему в целом в качестве типичных примеров действия некоего механизма этой системы или насколько эти события становились решающей поворотной точкой в определенных крупных институциональных изменениях.

Такого рода проект выполним в той мере, в какой хватит эмпирического материала, при условии, что он представлен (по крайней мере, частично)

¹ Locher. Die Überwindung des europäozentrischen Geschichtsbildes (1954), 15, цит. по: G. Barraclough в: H.P.R. Finberg, ed., Approaches to History: A Symposium (Univ. of Toronto Press, 1962), 94.

в контрапунктном, полемичном виде. К счастью, таковым сейчас представляется большинство тем истории эпохи Модерна.

Одним из главных шагов вперед для современной социальной науки стало стремление к количественному подсчету исследовательского материала. Похоже, что используемые в большинстве исторических исследований сообщения заведомо повествовательного характера для этого не годятся. В таком случае, насколько надежны эти источники и в каких пределах из их материала можно безнаказанно делать выводы о функционировании всей системы как таковой? Величайшая трагедия социальной науки XX века состоит в том, что слишком многие ученые, столкнувшись с этой дилеммой, ударились в паразитизм. Историческая информация представлялась им смутной и сырой, а стало быть, ненадежной. Они полагали, что с этой информацией мало что можно поделать, так что лучше всего избегать ее использования. А лучший способ это сделать — формулировать проблемы таким образом, чтобы использование исторических данных не требовалось вовсе.

Таким образом, требование к количественной определенности информации обозначило выбор проблем исследования, определивших, в свою очередь, понятийный аппарат, с помощью которого устанавливались границы эмпирических данных и велась работа с ними. Сразу должно быть понятно, что здесь перед нами инверсия научно-исследовательского процесса. Формирование концептуального представления должно определять — по крайней мере, большую часть времени исследования — инструментарий исследования, но не наоборот. Степень количественной определенности должна отражать только максимальную точность, возможную для данных проблем и данных методов в данный момент времени. Большая количественная определенность всегда предпочтительна до тех пор, пока с ее помощью можно отвечать на вопросы, выводимые из применения понятий. На настоящем этапе исследования мир-системы достигнутая и непосредственно реализуемая степень количественной определенности является ограниченной. Но даже исходя из этого, можно совершить шаг вперед и сделать все, что в наших силах.

Наконец, существует проблема объективности и убеждений исследователя. Я не верю, что существует беспристрастная социальная наука. Однако это не значит, что объективность невозможна — в первую очередь она состоит в четком определении терминов. От XIX века, восставшего против сказочных мотивов, которыми изобиловали столь многие исторические сочинения прошлого, мы получили установку на рассказывание истории *wie es eigentlich gewesen ist** [как оно было на самом деле — нем.]. Однако социальная реальность эфемерна. Она существует в настоящем и исчезает, когда перемещается в прошлое. Иными словами, прошлое можно рассказать только так, как оно на самом деле *есть*, а не когда-то *было*, поскольку изложение прошлого есть социальное действие в настоящем, которое совершается людьми настоящего и влияет на социальную систему в настоящем.

«Истина» меняется, потому что меняется общество. В любой данный момент времени ничто не последовательно — все современно, даже прошлое. А в настоящем мы являемся необратимым продуктом нашего происхождения,

образования, личной и социальной роли и структурных ограничений, внутри которых мы действуем. Такая позиция не означает, что у нас нет выбора. Даже наоборот: социальная система и ее определяющие институты, включая суверенные государства современного мира — это вмещилище широкого спектра социальных групп, пребывающих в контакте, в согласии, но прежде всего — в конфликте друг с другом. Поскольку все мы принадлежим к разнообразным группам, мы часто вынуждены принимать решения в соответствии с приоритетами, которые диктует эта принадлежность. Ученые — как гуманитарии, так и естественники — здесь не являются каким-либо исключением из правил. Не свободны ученые и от требований, связанных не с их научной деятельностью, а с прямыми политическими функциями в социальной системе, которые вполне отличаются от роли апологета какой-либо отдельной группы. Я не приношу роль адвоката — она значима и почетна, но это не то же самое, что роль ученого в гуманитарных или естественных науках. Последняя состоит в том, чтобы в пределах своих убеждений распознать актуальное состояние изучаемых явлений и сформулировать в своем исследовании общие принципы, из которых в конечном итоге могут быть сделаны частные выводы. В этом смысле не существует областей, «незначимых» для изучения, поскольку для должного понимания социальной динамики настоящего требуется теоретический охват, который может быть основан лишь на изучении как можно более широкого круга явлений на всем протяжении исторического времени и пространства.

Говоря об «актуальном состоянии» изучаемых явлений, я не подразумеваю, что для поддержки политических требований правительства ученый — скажем, археолог — должен утверждать, что открываемые им артефакты принадлежат к одному классу явлений, хотя в действительности он уверен, что к другому. Я имею в виду, что изначально все предприятие археологии: общественный вклад в эту научную отрасль, исследовательская ориентация, понятийный аппарат, способы обобщения и преподнесения результатов — все это функции социальной действительности. Думать иначе — это в лучшем случае самообман. Объективность — это честность в рамках этой структуры.

Объективность — это функция целой социальной системы. В той мере, насколько данная система смещается в сторону отдельных групп, концентрируя в их руках определенные виды исследовательской деятельности, ее результаты также будут «смещаться» в сторону этих групп. Объективность тем самым есть такой вектор распределения общественных вложений в определенную деятельность, при котором эта деятельность осуществляется лицами, в сбалансированном виде укорененными во всех значительных группах мир-системы. При таком определении объективности нельзя утверждать, что сегодня существует объективная социальная наука. С другой стороны, создание такой науки не является невыполнимой задачей в пределах предвидимого будущего.

Мы уже предположили, что изучение мир-систем особенно ненадежно из-за невозможности найти сопоставимые примеры. Не придает большей надежности и то обстоятельство, что всем ведущим игрокам политической сферы

немедленно становится ясным и очевидным воздействие, которое оказывают на общество высказывания о мир-системе. Поэтому именно в данной области знания общественное давление на ученых в виде довольно плотного социального контроля над их деятельностью становится особенно мощным, и это обстоятельство в большей степени, чем методологические проблемы, объясняет нежелание ученых проводить исследования в данной сфере.

Но одновременно в этом заключается и главная причина того, почему такие исследования необходимы. Способность разумного участия человека в эволюции его же собственной системы зависит от его способности к восприятию целого, и чем более сложной мы признаем какую-либо задачу, тем раньше необходимо начать ее решение. Разумеется, это не совпадает с интересами всех групп социума. И здесь наступает черед наших убеждений, которые зависят от нашего представления о правильном обществе. В той мере, в какой мы хотим, чтобы в мире было больше равенства и свободы, мы должны осознать условия, при которых такое положение дел реализуемо. А для этого требуются в первую очередь четкая экспозиция природы и эволюции мир-системы Модерна в прошлом и определение возможных путей ее развития в настоящем и будущем. Это знание станет силой, а с точки зрения моих собственных убеждений силой является то, что наиболее полезно для групп, представляющих интересы большей и наиболее угнетенной части населения мира.

Именно благодаря этим размышлениям я предпринял попытку проанализировать определяющие элементы мир-системы Модерна. Даже в предварительном виде, каковой, безусловно, имеет настоящая работа, выполнение этой задачи займет несколько томов.

В соответствии с моим представлением о четырех этапах истории мир-системы Модерна я разделил книгу — по крайней мере, первоначально — на четыре основные части*. В первом томе речь пойдет об истоках и раннем состоянии этой мир-системы, по-прежнему остававшейся лишь европейской мир-системой. Этому этапу приблизительно соответствует промежуток 1450–1640 годов. Второй том посвящен консолидации этой системы в диапазоне примерно между 1640 и 1815 годами. Третий том повествует о превращении мира-экономики в глобальное предприятие, которое стало возможным благодаря технологической трансформации современного индустриализма. Эта экспансия — в целом речь идет о периоде 1815–1917 годов — была так внезапна и так масштабна, что систему, по сути дела, потребовалось создавать заново. Четвертый том будет посвящен консолидации капиталистического мира-экономики начиная с 1917 года и до настоящего времени, в особенности «революционным» состояниям, которые спровоцировал этот процесс.

Значительная часть современной социальной науки превратилась в изучение групп и организаций, если не стала замаскированной социальной психологией. Однако настоящая работа является исследованием не групп, но социальных систем. При изучении последних классические границы разделения дисциплин в общих рамках науки о социуме бессмысленны. Антропология, экономика, политология, социология, в конечном счете, история — все это разделение, основанное на определенной (а именно либеральной)

концепции государства и ее отношении к функциональной и географической сферам социального устройства. Все эти дисциплины имеют определенный, ограниченный своим предметом смысл, если в центр исследования ставятся организации, и теряют его, если фокусом исследования становится сама социальная система. Поэтому при изучении социальных систем я призываю не к мультидисциплинарному, а к унидисциплинарному подходу. Надеюсь, содержание этой книги сделает понятным, что я имел в виду в последней фразе и насколько серьезно я воспринимаю сказанное.

1

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ПРЕЛЮДИЯ

«Охота на лис», иллюстрация из так называемой «Средневековой Домашней книги». Рисунок чернилами выполнен анонимным германским художником (работал в 1475–1490), известным как «Мастер Домашней книги»

Феномен, который можно назвать европейским миром-экономикой, возник в конце XV — начале XVI веков. По своей природе мир-экономика не был империей, хотя по размерам он был столь же велик, как любая великая империя, и имел с империями некоторые общие черты. Однако присутствовали и отличия, и новизна. Мир-экономика был доселе неизвестным типом социальной системы, и именно этот тип социальной системы характеризует мир-систему эпохи Модерна. В отличие от империй, городов-государств и государств-наций, мир-экономика — это экономическое, а не политическое единство. В действительности он как раз включает в свои пределы — поскольку тут сложно говорить о границах — империи, города-государства и возникающие государства-нации. Мир-экономика — это «мировая» система не потому, что он охватывает в своих пределах весь мир, а потому, что он больше любой юридически определенной политической единицы. И это именно «мир-экономика», поскольку основная связь между частями системы имеет экономический характер, хотя в определенной мере она была усилена культурными связями, а в конечном итоге, как мы увидим, и с помощью политических мер и даже конфедеративных структур.

Империя же, напротив, является политической единицей. Например, Шмуэль Эйзенштадт дает следующее определение империи:

«Термин „империя“ обычно употребляется для обозначения политической системы, включающей обширные, относительно высоко централизованные территории, в которых центр, воплощенный как в персоне императора, так и в центральных политических институтах, составляет автономную единицу. Кроме того, несмотря на то, что в основе империй обычно лежит традиционный тип легитимности, они нередко имели более широкую (потенциально всемирную) политическую и культурную ориентацию, которая превосходила аналогичную ориентацию любой из их составных частей».¹

В указанном значении империи были постоянным участником всего, что происходило на мировой сцене в течение пяти тысячелетий. В любой момент времени в разных частях света неизменно существовало несколько подобных образований. Политическая централизация была одновременно и силой,

¹ Eisenstadt, S.N. Empires // International Encyclopedia of the Social Sciences. New York: Macmillan and Free Press, 1968, V, 41.

и слабостью империй. Сила заключалась в том, что благодаря насильственным методам (дани и налогам) и монополистическим преимуществам в торговле централизация гарантирует перенаправление экономических потоков с периферии в центр. Слабость же империй состоит в том, что бюрократия, став неотъемлемой частью политической структуры, стремилась поглотить слишком много доходов, особенно когда репрессии и эксплуатация порождали мятежи, и это увеличивало военные издержки.² Политические империи являются примитивным средством экономического господства, и если угодно, то социальным достижением мира эпохи Модерна было изобретение технологии, позволившей усилить перераспределение доходов (от нижних страт к верхним, от периферии к центру, от большинства к меньшинству) путем устранения «излишних издержек» той слишком обременительной политической надстройки, какой была империя.

Как уже сказано, мир-экономика является изобретением мира эпохи Модерна, хотя это и не совсем так. Миры-экономики существовали и прежде, однако они всегда трансформировались в империи: Китайскую, Персидскую, Римскую. Мир-экономика Модерна мог пойти в том же направлении, и порой на самом деле казалось, что так и будет, если бы не техника современного капитализма и технология современной науки — эта своеобразная пара, которая, как известно, позволила миру-экономике процветать, производить и расширяться без возникновения какой-либо охватывающей его политической структуры.³

Капитализм предложил альтернативный имперскому и более выгодный (по меньшей мере, в долгосрочной перспективе) источник присвоения прибавочного продукта. Империя является механизмом сбора дани, который, по образному выражению Фредерика Лейна, «выступает платой за защиту, превосходящей ее непосредственную стоимость».⁴ В капиталистическом же мире-экономике политическая энергия используется для обеспечения монопольных прав (или максимально возможного приближения к этому). Государство оказывается инструментом, обеспечивающим определенные условия для торговли и прочих экономических взаимодействий, а не централизованным экономическим

² Рассмотрение внутренних противоречий империй, которые объясняют их упадок, см. в: *Eisenstadt, S. N. The Causes of Disintegration and Fall of the Empires: Sociological and Historical Analyses // Diogenes, No. 34, Summer 1961, 82–107.*

³ Понимание этого момента в свое время оказалось признаком политической мудрости, первым примером которой стал отказ Венеции принять на себя политическую ношу Византийской империи в XIII веке. Марио Абрате отмечает: «Восточная Латинская империя — политический организм, возникший после IV Крестового похода, — все свои надежды на выживание возложила на сохранение связей с Западом.

Венеция — морская держава, поддерживавшая поход и обеспечивавшая его морскую составляющую, — не собиралась взваливать на себя политическое управление империей (дож Энрико Дандоло фактически отказался от предложенного ему трона), но в действительности почти автоматически обеспечила себе монополию на морские коммуникации и рынки на всех территориях, контролируемых Латинской империей» (*Abrate. Creta, colonia veneziana nei secoli XII–XV // Economia e storia, IV, 3, lugl.-sett. 1957, 251.*)

⁴ *Lane, Frederic C. The Economic Meaning of War & Protection // Venice and History. Baltimore: Johns Hopkins Press, 1966, 389.*

предприятием. В указанном смысле воздействие рынка (не *свободное* воздействие, но все же воздействие) создает стимулы для роста производительности и все следующие из этого явления, сопровождающие современное экономическое развитие. Мир-экономика и есть та арена, на которой происходят данные процессы.

Мир-экономика представляется ограниченным в размерах образованием. Фердинанд Фрид утверждал, что

«если учесть все факторы, то мы придем к выводу, что в эпоху римской античности все „мировое“ экономическое пространство с помощью самых передовых транспортных средств можно было объехать примерно за сорок-шестьдесят дней... В наши дни (в 1939 году) потребуется также приблизительно от сорока до шестидесяти дней, чтобы покрыть всю территорию современного мирового хозяйства, используя обычные средства доставки товаров».⁵

Далее Фернан Бродель добавляет, что таким же, можно сказать, был и предельный временной промежуток для Средиземноморского мира в XVI веке.⁶

Предметом исследования в этой книге является происхождение и функционирование этого шестидесятидневного европейского мира-экономики⁷ XVI века. Однако не стоит забывать, что Европа в то время была не единственным миром-экономикой, — были и другие.⁸ Но лишь Европа ступила на путь

⁵ *Fried, Ferdinand. Le tournant de l'économie mondiale (1942), цит. по: Braudel, Fernand. La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II, 2e édition revue et augmentée. Paris: Lib. Armand Colin, 1966, I, 339. Русское издание: Бродель, Фернан. Средиземное море и Средиземноморский мир в эпоху Филиппа II. М., Языки славянской культуры, 2003, II, 36–37.*

⁶ См. Бродель. Средиземное море, II, 37. Гарретт Мэттингли утверждает, что в XV веке на покрытие европейского пространства требовалось еще меньше времени: «В начале XV столетия западному обществу все еще не хватало ресурсов для образования стабильных государств на национальной основе. Это было возможно лишь на базе итальянских городов-государств, где небольшие расстояния позволяли практически образом решать проблемы транспорта и коммуникаций, а стало быть, и проблемы сбора налогов и поддержания центральной власти» (*Mattingly. Renaissance Diplomacy. London: Jonathan Cape, 1955, 59*).

Однако, добавляет Мэттингли, в следующем столетии ситуация изменилась: «С точки зрения торговых отношений, или военной логистики, или даже в области дипломатических коммуникаций европейские расстояния в XVI столетии по сравнению с XIV веком заметно сократились... [*Ibid.*, p. 60]».

⁷ «Применительно к XVI веку... под словом „мир“ фактически подразумевается Европа... С географической точки зрения экономика Ренессанса имеет во всемирном масштабе лишь региональный характер — безусловно первостепенный, но все же региональный» (*Mollat, Michel. Y a-t-il une économie de la Renaissance? // Actes du Colloque sur la Renaissance. Paris: Lib. Philosophique J. Vrin, 1958, 40*).

⁸ «До утверждения действительно всемирной экономики (все еще не завершено в XX веке) каждое популяционное ядро располагалось в центре сети коммуникаций; [...] ядро с высокой плотностью населения... присутствовало в каждом из этих миров. Их границами были пустыни, моря, нетронутые земли: отдельными яркими

капиталистического развития, и это позволило ей опередить прочие миры-экономики. Как и почему это случилось? Для начала рассмотрим, что происходило в мире в течение трех столетий до 1450 года.

[Европейский феодализм]

В XII веке на территории Восточного полушария существовал ряд империй и небольших миров, многие из которых были связаны друг с другом по своим окраинам. Средиземноморье в это время было одним из средоточий торговли Старого Света, где встречались Византия, итальянские города-государства и в некоторой степени отдельные регионы Северной Африки. Другой подобного рода центр образовался в Индийском океане и Красном море. Третьим был Китай и его окрестности, четвертым — центральноазиатский массив от Монголии до России. Пятым средоточием торговли почти стала Балтика, однако в экономическом смысле северо-запад Европы была весьма маргинальной территорией: основным социальным укладом, или же социальной организацией, здесь было то, что в итоге назовут феодализмом.

Следует очень точно представлять, что не являлось феодализмом. Феодализм не был «натуральным хозяйством», то есть экономикой самообеспечения. Западноевропейский феодализм вырос из дезинтеграции Римской империи — дезинтеграции, которая никогда не была полной ни в действительности, ни даже де-юре.⁹ В средние века имперский миф по-прежнему обеспечивал определенное

примерами таких миров являются Европа и Китай» (*Chaunu, Pierre. L'expansion européenne du XIIIe au XVe siècle // Collection Nouvelle Clio, No 26, Paris: Presses Universitaires de France, 1969, 255).*

⁹ В своей теории феодализма Марк Блок ухватился за это изначальное взаимопроникновение «натурального» и «денежного» хозяйства: «Понятно, что только на основании требуемого некой сделкой факта установления цены товара в монетарном или натуральном эквиваленте, без более четких свидетельств невозможно достоверно установить, имел ли место денежный платеж...

Несмотря на значительное ослабление государства, политические институты феодализма, тем не менее, сохраняли определенную [историческую] память и несли на себе следы прошлых времен, когда государство было сильным. Поэтому экономика, даже когда обмен стал минимальным, никогда не изменяла своей приверженности монетарной схеме, принципы которой были унаследованы от предшествующих цивилизаций» (*Bloch. Économie-nature ou économie-argent: un pseudo-dilemme // Annales d'histoire sociale, I, 1939, 13–14*). В дальнейшем Блок утверждает: «Поэтому европейский феодализм следует рассматривать как результат насильственного уничтожения предшествующих обществ. Фактически феодализм был бы невозможен без германского вторжения — великого потрясения, силой объединившего два общества, находившихся на очень разных стадиях развития, и разрушившего тем самым их оба...» (*Bloch. Feudal Society. Chicago, Illinois: Univ. Of Chicago Press, 1961, 443; рус. изд.: Блок М. Феодальное общество. М., Изд-во имени Сабашниковых, 2003*).

О проблеме «денежной экономики» («money-economy») см. у М.М. Постана: «Таким образом, в истории Англии едва ли не со времен Средневековья и англосаксов развитие денежной экономики — в смысле момента ее первого появления — не имеет исторического значения. Деньги использовались с самого начала документирован-

культурное и даже правовое единство территории Европы, а христианство выступало набором параметров, в рамках которых осуществлялось социальное действие. Феодалная Европа была «цивилизацией», но не мир-системой.

Нет смысла думать, что на территориях, где существовал феодализм, было две экономики: рыночная экономика городов и «натуральная» экономика сельских поместий. Применительно к реалиям XX века подобный подход выступает под вывеской теории «двойной экономики», в которой феодализм ассоциируется с так называемым недоразвитым миром. Напротив, как предполагает Дэниэл Торнер,

«мы определенно предаемся заблуждению, считая, что крестьянские экономики ориентированы исключительно на самообеспечение, а „капиталистические“ — только на рынок. Более резонно начать с признания того, что в течение многих столетий крестьянские экономики имели обе ориентации».¹⁰

«В течение многих столетий» — сколько это в точности? В своей главной работе по европейской аграрной истории Бернард Х. Слихер ван Бат называет поворотным моментом примерно 1150 год. Однако, по его мнению, в Западной Европе и до этого не было натурального сельского хозяйства — скорее между 500 и 1500 годами здесь существовала система, которую Слихер ван Бат называет «прямым сельскохозяйственным потреблением», то есть система частичного самообеспечения, в рамках которой большинство производит продукты питания для себя, но при этом также снабжает ими на бартерных условиях не-сельскохозяйственное население. Согласно концепции Слихер ван Бата, начиная с 1150 года Западная Европа переходит к стадии «косвенного сельскохозяйственного потребления», которая продолжается по сей день.¹¹

Говоря о западноевропейском феодализме, мы в первую очередь должны отметить череду крохотных экономических узелков, в которых медленно росли население и производительность труда, а законодательство обеспечивало переход объема прибавочного продукта к землевладельцам, обладавшим привилегированным статусом и контролировавшим правовой механизм. Поскольку эти поступления имели по большей части натуральную форму, от них было мало пользы до тех пор, пока их нельзя было продать. Города росли, поддерживая ремесленников, которые либо покупали эту избыточную продукцию, либо обменивали ее на свою. Происхождение торгового класса связано с двумя источниками. С одной стороны, его формировали агенты землевладельцев, которые иногда обретали независимость, а также крестьяне средней руки, у которых

ной истории, и их появление не может служить объяснением более поздних явлений» (*Postan. The Rise of a Money Economy // Economic History Review*, XIV, 2, 1944, 127).

¹⁰ *Thorner, Daniel. L'économie paysan: concept pour l'histoire économique // Annales E.S.C.*, XIX, 3, mai-juin 1964, 422.

¹¹ *Slicher van Bath, B. H. The Agrarian History of Western Europe, A.D. 500–1850. New York: St. Martin's, 1963, 24.* Ван Бат отмечает, что примерно с 1850 года начинается вторая фаза периода косвенного сельскохозяйственного потребления, когда большинство населения уже не занято в сельском хозяйстве.

после платежей хозяину оставалось достаточно продукции для продажи на рынке.¹² С другой стороны, торговый класс пополняли местные агенты купцов, торговавших на дальние расстояния. Эти агенты часто базировались в городах северной Италии, а позднее в городах Ганзы и зарабатывали на плохом состоянии коммуникаций, а следовательно, на разнице цен в разных местах, особенно когда определенные территории страдали от природных катаклизмов.¹³ Города

¹² Карл Бюхер предупреждает о путанице, которую может скрывать слово «торговец» (“merchant”) в средневековом контексте: «Недавняя литература, относящаяся к истокам устройства германских городов, упускает очень широкое значение слова *Kaufmann* (купец, торговец), представляя дело таким образом, что бесчисленные города Германской империи — от Кельна и Аутсбурга до Медебаха* и Радольфцелля** — ближе к концу Средневековья были населены торговцами в современном смысле этого слова, то есть сегодняшним профессиональным торговым классом, представленным, как правило, оптовиками. Сама экономическая теория восстает против этой концепции: спрашивается, чем занимались эти люди и в чем совершалась оплата за произведенные ими изделия? Помимо этого, сами употребляемые термины противостоят данной гипотезе. Наиболее очевидная социальная характеристика профессионального торговца — это его навыки в области продажи, а не покупки. Однако название странствующего средневекового торговца (*charman*) — *Kaufmann* — образовано именно от слова, обозначающего покупку, — *kaufen*. В государственных бумагах Оттона III о „покупателях Дортмунда“ (*emptores Trotmanniae*) — считается, что муниципальные законы этого города, равно как Кельна и Майнца, служат образцом для других городов, — говорится в том же контексте, что о купцах (*mercatores*) или вообще торговцах (*negotiatores*) в других записях. Если аббат Райхенау*** в 1075 году росчерком пера превратил крестьян Алленсбаха и их потомков в купцов (*ut ipsi et eorum posteri sint mercatores* [чтобы они и их потомки были купцами — *lat.*]), то никакая даже самая изобретательная интерпретация не сможет истолковать это слово в значении „профессиональный торговец“. То, что на самом деле слово „торговец“ обозначало любого человека, продававшего товары на рынке, независимо от того, сам он их произвел или закупил большую их часть, очевидно, к примеру, из неизданной декларации совета Франкфурта за 1420 год касательно пошлины, именуемой *Marktrecht* (в книге 3 муниципальных архивов, фол. 80). В начале этого документа говорится, что данная пошлина должна быть уплачена „любым продавцом (*merchant*), стоящим на улице со своим товаром, каким бы этот товар ни был“. Затем следует детальная спецификация индивидуальных „продавцов“ или „товаров“, которых касается эта пошлина. Из длинного списка можно привести следующие примеры: старьевщики, кондитеры, продавцы еды, веревщики, продавцы орехов, продавцы яиц и сыра с их повозками, птичники с корзинками на спинах, пришлые торговцы, продающие любой товар за исключением сыра, сапожники, менялы, пекари с прилавками, приезжие с хлебными повозками, гуси, телеги с кормом для скота, солома, сено, капуста, все уличные торговцы тканями, льном, коноплей, пряжей. Таким образом, перед нами пестрая картина мелких городских торговцев, ремесленников и крестьян. Из многочисленных записей видно, что и покупатели, и продавцы на рынке обозначались как *Kaufleute* (торговцы); можно даже привести цитаты, где под словом „торговец“ понимается главным образом покупатель» (*Bücher. Industrial Revolution. New York: Holt, 1901, 117–118, прим. 23*).

¹³ В эту эпоху существуют лишь торговля на дальние расстояния и непосредственная, локальная торговля — ничего среднего между ними не было. Карло Чиполла дает этому следующее объяснение: «В торговле преобладала любопытная смесь универсализма и партикуляризма: считалось экономически приемлемым везти драгоценный шелк из Китая или изысканные ковры с Ближнего Востока, но при этом доставлять

по мере своего роста, разумеется, становились возможным убежищем и местом занятости для крестьян, которые понемногу меняли некоторые условия своих отношений с помещьем.¹⁴

Не следует также считать, что феодализм есть нечто противоположное торговле. Напротив, до определенного момента феодализм и расширение торговли шли рука об руку. Клод Каэн предполагает, что если бы ученые часто обращали внимание на этот фактор в землях за пределами Западной Европы,¹⁵ то из-за идеологических шор им бы, возможно, не удалось заметить то же самое явление в западном феодализме. «Таким образом, — резюмирует Каэн, — обнаружив возможность конвергенции между становлением феодализма и торговлей (но лишь до определенного этапа развития в данном направлении), мы должны с этой точки зрения пересмотреть саму историю Запада».¹⁶

местные товары не столь высокого качества на расстояние нескольких миль, как правило, считалось неудобным. Поскольку массовая транспортировка по техническим причинам была невозможна, стоимость перевозки оставалась сравнительно высокой. Торговцы на дальние расстояния были вынуждены полагаться в основном, если не полностью, на предметы роскоши, особенно если была невозможна перевозка товара по воде. Поэтому в своих базовых, повседневных нуждах любое средневековое сообщество всегда должно было в максимальной степени рассчитывать на самообеспечение. Межрегиональное разделение труда в целом также было основано преимущественно на предметах роскоши или других вещах, которые никоим образом не могли быть произведены на месте или не предполагали легкой замены. Таким образом, торговле приходилось быть жестко привязанной к аристократическому потреблению» (*Cipolla. Money, Prices and Civilisation in the Mediterranean World: Fifth to Seventeenth Century. New York, 1967b, 57*).

¹⁴ Пол Суизи: «Подъем городов, повсеместно происходивший в Западной Европе, имел для покидавших поместья крепостных гораздо большее значение, чем просто возможность найти убежище; этот процесс изменял и положение тех, кто оставался в поместье... Исходно заработки были низкими, поэтому крепостные, имея возможность перебраться в город и получить там более высокооплачиваемую работу, могли рассчитывать на уступки сеньоров в свою пользу» (*Sweezy. The Transition from Feudalism to Capitalism // Science and Society, XIV, 2, Spring 1950, 145*). Следует отметить, что в ходе долгой полемики Суизи и Мориса Добба по длинному списку вопросов Добб признает: «В целом я согласен с важным заключением Суизи, что значимым фактором был не столько размах оттока крестьян в города, сколько сама угроза этого (фактический масштаб процесса, возможно, был невелик) могла быть достаточной, чтобы вынудить сеньоров пойти на уступки, и это существенно ослабляло феодализм» (*Dobb. Reply by Maurice Dobb // Science and Society, XIV, 2, Spr. 1950, 160*).

¹⁵ «И в Византии, и в мусульманском мире формы, наиболее близкие к европейскому феодализму, несомненно, наиболее сильно проявлялись именно в моменты торговой экспансии, а не в периоды упадка. То же самое, безусловно, верно для русского и польского миров, с той лишь особенностью, что организацией международной торговли здесь по большей части занимались иностранцы (ганзейские купцы), в то время как местные землевладельцы брали на себя производство и сбор товаров для торговли. Прибыли распределялись между этими двумя группами, что способствовало подъему сеньориального класса и позволило ему получить инструменты господства над крестьянством» (*Cahen, Claude. A propos de la discussion sur la féodalité // La Pensée, No. 68, juil. — août 1956, 95–96*).

¹⁶ *Cahen, ibid.*, p. 96. См. аналогичное высказывание Артура Б. Гибберта: «И факты, и теория позволяют утверждать, что в раннем Средневековье торговля никоим

Однако феодальная система могла обеспечить спрос не для локальной торговли, а лишь для торговли на дальние расстояния. Для этой торговли был характерен ограниченный объем, поскольку она имела дело с предметами роскоши, а не с товарами основного спроса, занимавшими физически много места. Это была торговля, извлекавшая прибыль из разницы цен в местах производства и потребления, которая зависела от политических привилегий и экономических возможностей тех, кто на самом деле обладал богатствами. Лишь с расширением производства в рамках мира-экономики современного типа торговля на дальние расстояния смогла частично превратиться в торговлю товарами обычного спроса, что, в свою очередь, стимулировало процесс расширения производства. До этого, указывает Оуэн Латтимор, торговля в действительности была вовсе не тем, что мы понимаем под ней сейчас:

«Уже по меньшей мере во времена Марко Поло купцы, торговавшие за пределами своего региона, существенно зависели от прихотей власть имущих... Длительные торговые экспедиции в меньшей степени были связаны с перемещением товаров больших размеров, нежели с чем-то необычным, редким и роскошным... Купец искал тех, кто мог предоставить ему уважение и защиту... При неудаче его могли ограбить или обобрать до нитки с помощью налогов, хотя и в случае успеха он получал за свои товары не столько экономическую цену, сколько щедрые дары... Структура торговли шелком и большинства других видов торговли на дальние расстояния имела в большей степени характер подношения, нежели собственно торговли».¹⁷

образом не была каким-то инородным для феодального общества телом, но являлась естественным его продуктом, а феодальные правители в определенной мере приветствовали ее развитие... Феодализм никогда бы не смог обойтись без купцов, [...] на что были две причины... Правители, с одной стороны, должны были осуществлять снабжение масштабных частных и общественных структур, а с другой, они хотели извлекать доход из торговли и производства. В последнем случае правители либо самостоятельно занимались торговлей, либо получали свою прибыль через налоги и пошлины на товары или на тех, кто их производил и распространял» (*Gibbert. The Origins of the Medieval Town Patriciate // Past & Present, No.3, Feb. 1953, 17*).

Далее Гибберт говорит о двух источниках формирования правящей страты в городах: «Формирование патрициата происходит двумя способами: посредством внутренней трансформации старого господствующего класса и путем включения в эту страту новых семей из наиболее успешных купцов и ремесленников, которые часто были эмигрантами или их потомками [p. 23].

Такое объяснение обнаруживает иной источник торгового капитала, нежели деятельность удачливых мелких коробейников и носильщиков. Развивая эту мысль, допустимо предположить, что новые технологии или новые рынки могли впервые использоваться «новыми людьми», которые ради расширения своей деятельности полагались на связи со «старыми» богачами. Это означает, что старый капитал постепенно начинал использоваться по-новому [p. 26]».

¹⁷ *Lattimore, Owen. The Frontier in History // Relazioni del X Congresso de Scienze Storiche, I: Metodologia — Problemi generali — Scienze ausiliare della Storia. Firenze, G.C. Sansoni, 1955, 124–125.*

Таким образом, объем коммерческой деятельности была ограниченным. Основой экономики Средневековья было производство продуктов питания и рукоделия, которыми торговали в пределах небольших экономических регионов. Тем не менее, уровень торговой активности постепенно повышался, вследствие чего возникали различные экономические узлы, распахивались новые пограничные земли, появлялись новые города, росло население, а колониальные грабежи времен Крестовых походов обеспечили Европе ряд экономических преимуществ. Но затем, примерно в XIV веке, эта экспансия кончилась: возделанные территории вернулись в прежнее состояние, население сократилось, и во всей феодальной Европе и за ее пределами, казалось, наступил «кризис», отмеченный войной, болезнями и экономическими трудностями. Откуда же взялся этот «кризис» и каковы были его последствия?

[Европейский кризис XIV века]

Прежде всего, в каком смысле это был кризис? На сей счет существуют разногласия не столько в описании процесса, сколько в объяснении его причин. Эдуард Перруа в первую очередь усматривает проблему в том, что процесс экспансии достиг предельных размеров вместе с максимальным демографическим насыщением. Как отмечает Перруа, «плотность населения в условиях по-прежнему примитивных аграрных и ремесленных технологий стала аномальной»,¹⁸ причем положение дел вряд ли могло стать лучше из-за отсутствия более совершенной техники и удобрений. Это вело к нехватке продовольствия и, в свою очередь, к эпидемиям. В условиях неизменного объема денежной массы цены несколько сдвинулись с места, затронув благосостояние получателей ренты, однако в 1335–1345 годах ситуация резко ухудшилась с началом Столетней войны, определившей поворот государственных систем Западной Европы в направлении военной экономики и создавшей, кроме того, нарастающую необходимость в налогах. Налоги, превышавшие и без того нелегкие феодальные повинности, были настолько тяжелы для производителей, что возник кризис ликвидности, который, в свою очередь, привел к возврату к косвенному и натуральному налогообложению. Так начался нисходящий цикл. Налоговое бремя вело к сокращению потребления, сокращение потребления — к сокращению производства и денежного обращения, что еще больше усугубило проблемы с ликвидностью, которые повлекли за собой государственные заимствования. В конечном итоге это стало причиной опустошения скудных королевских сокровищниц, породив, как следствие, кредитный кризис,

¹⁸ Perroy, Edouard. A l'origine d'une économie contractée: les crises du XIVe siècle // Annales E.S.C., IV, 2, avr. — juin 1949, 168. В пользу аргумента Перруа о демографическом насыщении говорит один факт из английских архивов, где сказано, что в Средневековье рабочий день в сельском хозяйстве в действительности означал «от восхода до заката». См. Slicher van Bath. Agrarian History, p. 183. Эстер Босеруп фактически делает из этого вывод, что значимой тенденцией современного аграрного развития является «постоянное увеличение рабочего дня в сельском хозяйстве» (Boserup. The Conditions of Economic Growth. Chicago, Illinois: Aldine, 1965, 53).

спровоцировавший накопление драгоценных металлов, и это расстроило систему международной торговли. Произошел резкий рост цен, еще более урезавший прожиточный минимум, что нанесло урон населению. Землевладелец терял заказчиков и арендаторов, ремесленник — покупателей. Пахотные земли превращались в пастбища, которые требовали меньше трудозатрат, но вслед за этим возникла проблема, кому продавать шерсть. Мелкие и средние землевладельцы просили государство остановить рост заработной платы, который был для них особенно тяжел. «Рассредоточение поместного производства, ставшее еще более заметным после 1350 года, служит доказательством продолжительного падения в стагнацию... среднестатистического хозяйства».¹⁹

На первый взгляд, стагнация является курьезным итогом, поскольку, исходя из описанных условий, можно было бы ожидать следующего сценария. Сокращение населения ведет к увеличению заработков, что при сравнительно неэластичных рентах означало бы изменение в структуре спроса, поскольку часть доходов перемещается от сеньора к крестьянину, тем самым меньшая доля доходов откладывается про запас. Кроме того, в условиях преимущественно сельскохозяйственной экономики одновременно с сокращением населения должны были падать предложение и спрос. В подобной ситуации производитель обычно сокращает производство, отказываясь от менее плодородных участков, вследствие чего должен повыситься уровень производительности, а последнее должно уменьшить цены. Оба варианта развития событий стимулируют торговлю, а не наоборот, однако в действительности торговля «стагнировала».

Неверным в этом рассуждении является скрытое допущение эластичности спроса. Дуглас Норт и Роберт Пол Томас напоминают, что при характерных для того времени состоянии технологий и объеме международной торговли стоимость ведения хозяйства была очень велика, поэтому любое сокращение объемов производства (по причине сокращения населения) повлекло бы за собой рост издержек, а он, в свою очередь, вел к дальнейшему сокращению торговли. Норт и Томас описывают данный процесс следующим образом:

«Прежде купцы с целью сокращения транзакционных издержек находили выгодным держать в удаленных городах посредников, которые собирали информацию о ценах и потенциальных возможностях для торговли, но в условиях сокращения ее объема это более не было целесообразным. Информационные потоки иссякали, а объемы торговли продолжали падать. Если определением депрессии считать снижение совокупного объема экономической деятельности, то неудивительно, что историки экономики обнаруживают подобную депрессию даже в средоточии такой экономической системы, где более высокий доход *на душу населения* был, предположительно, следствием определенно имевшего места относительного роста реальной заработной платы крестьян и работников».²⁰

¹⁹ Perroy, *ibid.*, p. 182.

²⁰ North, Douglas C. & Thomas, Robert Paul. An Economic Theory of the Growth of the Western World // *Economic History Review*, 2nd ser., XXIII, 1, Apr. 1970, 12–13. Б. Х. Сликер ван Бат по поводу пресловутой «стагнации» указывает на аналогичный процесс:

Родни Г. Хилтон принимает точку зрения Перруа²¹ — за исключением самой идеи сопоставления данного кризиса с одним из циклических кризисов развитой капиталистической системы, поскольку в таком случае преувеличивается степень воздействия монетарно-финансовых проблем на феодальную систему, в которой деньги и все, что с ними связано, занимали в человеческих взаимоотношениях значительно меньшее место, чем в капиталистическом обществе.²² Кроме того, по мнению Хилтона, Перруа пренебрегает рассмотрением другого явления, ставшего следствием описанных им событий, которое для самого Хилтона является центральным, — речь идет об «эндемической атмосфере недовольства», то есть о необычайно остром социальном конфликте, выразившемся в крестьянских бунтах в виде «мятежа против социальной системы» как таковой.²³ Поэтому для Хилтона это был не просто конъюнктурный кризис, не просто всего лишь точка в колебаниях циклических трендов — скорее, это была кульминация тысячелетнего развития, кризис самой феодальной системы, имевший решающее для ее судьбы значение. «И в последние столетия Римской империи, и в средние века общество было парализовано увеличением

«Уменьшение площади обрабатываемых земель и сокращение факторов производства теоретически должно было выразиться в масштабном сокращении общего объема производства зерновых. Но, невзирая на это, цена хлеба не росла относительно стоимости других товаров и даже продемонстрировала определенную тенденцию к снижению. Это означает, что потребление упало больше, чем производство» (*Slicher van Bath. Les problèmes fondamentaux de la société pré-industrielle en Europe occidentale // Afdeling Agrarische Geschiedenis Bijdragen, No. 12, 1965, 40*).

Насколько масштабной была эта «стагнация», само по себе является проблемой. Е. А. Косминский сомневается, что приведенное выше описание справедливо за пределами Англии и до определенной степени Франции. См. *Kosminsky. Peut-on considérer le XIVe et le XVe siècles comme l'époque de la décadence de l'économie européenne? // Studi di onore di Armando Saporì. Milano: Istituto Edit. Cisalpino, 1957, I, 562–563*. Цит. по: Были ли XIV и XV века временем упадка европейской экономики? // *Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков*. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1963.

²¹ Описание кризиса у Майкла Постана также близко к Перруа, см.: *Postan, M. M. Some Economic Evidence of Declining Population in the Later Middle Ages // Economic History Review, 2nd ser., II, 3, 1950, 221–246*.

²² Марк Блок поддерживает аргумент Хилтона, предупреждая, что не стоит преувеличивать размеры снижения сеньориальных доходов (эта гипотеза, в свою очередь, основана на переоценке роли денежного обращения в средние века). Пока рента была фиксированной, арендатор при девальвации серебра мог получить прибыль фактически лишь в том случае, если он платил свои ренты серебром. Но это излишняя оговорка: Блок напоминает, что в то время существовал «настолько острый дефицит металлических денег, что в Англии некоторые крестьяне, будучи не в состоянии достать серебро, необходимое для уплаты ренты, сами просили рассчитываться с ними в натуральном эквиваленте» (*Bloch. Seigneurie française et manoir anglais. Paris: Lib. Armand Colin, 1960, 110*). Соответственно, утверждает Блок, отсюда следовало «снижение уровня [*palier*] цен, очевидно выгодное для тех, кто получал фиксированную ренту».

²³ *Hilton, R. H. Y eut-il une crise générale de la féodalité? // Annales E.S.C., VI, 1, janv. — mars 1951, 25*.

стоимости содержания общественно-политической надстройки, которое не компенсировалось ростом его производительных сил».²⁴ Хилтон согласен с Перруа в том, что непосредственную причину этой проблемы следует искать в технологических ограничениях: недостатке удобрений и невозможности нарастить их запас путем увеличения поголовья скота, поскольку по климатическим причинам количество зимнего фуража было ограниченным. Вместе с тем «необходимо подчеркнуть, что не было и крупных вложений прибыли в сельское хозяйство, которые бы существенно повысили производительность».²⁵ Это происходило потому, что феодальной системе организации общества внутренние присущ ограниченный размер денежной формы прибыли.

Хилтон подчеркивает *общий* характер кризиса феодализма, и это делает его концепцию более предпочтительной, чем представление о конъюнктурном кризисе у Перруа, потому что подход Хилтона позволяет объяснить те социальные трансформации, которые происходили вместе с указанными изменениями. Поскольку оптимальная степень производительности стала системным фактором и экономическое сжатие вело к всеобщей классовой войне сеньоров и крестьян, а также к разрушительным войнам внутри самого класса сеньоров, постольку единственным решением, выводящим Западную Европу из опустошения и стагнации, было бы увеличение размеров экономического «пирога» для его последующего раздела. В условиях технологий того времени такое решение подразумевало расширение земельных угодий и увеличение численности населения, которое можно эксплуатировать. В действительности именно по этому сценарию и развивались события в XV и XVI веках.

Мало кто сомневается в том, что в XIII–XV веках в Западной Европе широко распространились крестьянские восстания. Для Англии непосредственное объяснение этого Хилтон обнаруживает в том, что «в поместьях большинства крупных землевладельцев, светских и церковных, в XIII веке увеличилось производство с целью продажи сельскохозяйственных продуктов на рынке... В результате трудовые повинности возросли и даже удвоились».²⁶ Е. А. Косминский вообще называет этот период временем «наивысшего развития феодальной

²⁴ Ibid., p. 27.

²⁵ Ibid., p. 27.

²⁶ *Hilton, R. H. Peasant Movements in England before 1381 // Essays in Economic History / E. M. Carus-Wilson, ed. New York: St. Martin's, 1966, II, 79.* Хилтон указывает, что для бедных крестьян рост ренты мог стоить запасов на зиму. Для богатых ситуация выглядела иначе: «Для них более раздражающим фактором был не страх разорения, а невозможность делать накопления [р. 86]». Кроме того, законы о замораживании роста заработной платы, принятые для снижения издержек производителей, были более выгодны для крупных землевладельцев, чем для богатых крестьян. «Теперь, при отсутствии рабочих рук, большое хозяйство было бесполезно, и земледелец был готов к тому, чтобы больше платить за наемный труд, который он бы не смог получить иначе. Поступая таким образом, он рассчитывал и на то, что сможет набить цену за свой труд и для сеньора. Однако сеньорам не было нужды испытывать неудобства от действия экономических законов, поскольку в их распоряжении была политическая власть, позволявшая эти законы обойти. В распоряжении сеньоров по-прежнему были резервы

эксплуатации английского крестьянства...»²⁷ На континенте также происходит серия крестьянских восстаний: на рубеже XIV века в северной Италии и затем в прибрежной Фландрии, в Дании в 1340 году, на Мальорке в 1351 году, Жакерия во Франции в 1358 году, разрозненные бунты в Германии задолго до великой Крестьянской войны 1525 года. Крестьянские республики возникали в Фрисландии в XII и XIII веках, в Швейцарии в XIII веке. «Крестьянские восстания шли рука об руку с экономической рецессией» (Б. Х. Слихер ван Бат).²⁸ Морис Добб предполагает, что, когда эта рецессия началась, она особенно тяжело подействовала не на самые нижние страты работников, которые, возможно, вообще не знали, что такое благополучие, а «на верхние слои преуспевающих крестьян, которые были в состоянии расширять площадь возделываемой земли и улучшать ее, а теперь, соответственно, оказались на переднем крае восстаний».²⁹

Знаком внезапного окончания тучных времен было не только крестьянское недовольство. Сопровождавшая его депопуляция — по причине войн, голода и эпидемий — привела к известному под именем *Wüstungen* [брошенное поселение, запустение — нем.] сокращению поселений на пограничных землях, иногда к исчезновению целых деревень. Брошенные деревни не следует рассматривать исключительно как симптом рецессии, поскольку у этого процесса запустения было как минимум две основных причины. Одна из них — причина, регулярно воспроизводимая, — заключалась в том, что люди искали физической безопасности везде, где страну охватывала война.³⁰ Вторая причина, менее

крепостного труда, а в качестве судей для работников или мировых судей они контролировали распределение доступной наемной работы* [р. 88]».

²⁷ Kosminsky, Eugen A. The Evolution of Feudal Rent in England from the XIth to the XVth Centuries // Past & Present, No. 7, April 1955, 32. Цит. по: Косминский Е. А. Эволюция форм феодальной ренты в XIV–XV вв. // Косминский Е. А. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков. Москва: Издательство Академии наук СССР, 1963, 259. См. далее: «Рост феодальной эксплуатации стал истощать крестьянское хозяйство и тем самым подтачивать производительные силы феодального общества, подрывая условия для воспроизводства рабочей силы... Эта длительная борьба... нашла наиболее яркое выражение в восстании [Уота Тайлера] 1381 г.».

²⁸ Sligher van Bath. A.A.G.B., No. 12, p. 190. Ван Бат описывает механизм этого процесса таким образом: «Крестьяне были недовольны низкими ценами на сельскохозяйственную продукцию по сравнению с высокими ценами и относительно высокими заработками в ремесленной сфере. Нередко очередное повышение налогов, которое, по мнению правительства или сеньора, крестьяне еще могли стерпеть, служило искрой, воспламенявшей долго тлеющее возмущение».

²⁹ Dobb, Maurice. Papers on Capitalism, Development, and Planning. New York: International Publ., 1967, 11.

³⁰ См., например, рассуждение Жана-Мари Песе и Эммануэля Ле Руа Ладюри относительно Франции XIV и XV веков (Pesez, J.-M., *Le Roy Ladurie, Emmanuel. Le cas français: vue d'ensemble // Villages désertés et histoire économique, XIe–XVIIIe siècle. Paris: S.E.V.P.E.N., 1965, 155). Они указывают также, что близлежащие города из стратегических соображений могли насильно вынуждать крестьян искать безопасности в пределах своих стен (см. р. 156). См. Cipolla, Carlo. Clocks and Culture, 1300–1700. New York: Walker & Co., 1967a, 115.*

«случайная» и более системная, состояла в изменении структуры аграрного общества в ходе «огораживания», или «поглощения», земель — теперь, похоже, понятно, что этот процесс происходил и в позднем Средневековье.³¹ Найти нечто третье при нынешнем уровне наших знаний представляется затруднительным.

Можно выдвинуть две достоверные гипотезы о причинах прекращения расчистки новых территорий и сокращения поселений. Как отмечает Карл Хеллайнер, это был «избирательный процесс, зависевший от размера наделов. Среди брошенных в течение позднего Средневековья земель доля небольших участков, похоже, была выше, чем хозяйств полного цикла».³² Помимо этого, существовал региональный фактор. Представляется, что процесс *Wüstungen* широко распространился не только в Германии и Центральной Европе,³³ но также и в Англии.³⁴ С другой стороны, он был весьма ограниченным во Франции.³⁵ Безусловно, это объясняется отчасти тем, что Франция в силу как исторических причин, так и благодаря особенностям почв была более плотно заселена и раньше расчищена от лесов, чем другие страны Европы.

Следствием сокращения населения был рост нехватки рабочих рук. Поэтому вместе с сокращением спроса на сельскохозяйственную продукцию росли заработки в городе и, соответственно, цены на ремесленные товары. В свою

³¹ См. рассмотрение данного вопроса у Жоржа Дюби: *Duby. Démographie et villages désertés // Villages désertés et histoire économique, XIe–XVIIIe siècle. Paris: S.E.V.P.E.N., 1965, 18–23.*

³² *Helleiner, Karl. The Population of Europe from the Black Death to the Eve of the Vital Revolution // Cambridge Economic History of Europe, IV / E. E. Rich and C. H. Wilson, eds., The Economy of Expanding Europe in the 16th and 17th Centuries. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, 15. См. Duby. Villages désertés, 14, 16; Pesez & Le Roy Ladurie. Villages désertés, 181–183.*

³³ См. *Abel, Wilhelm. Die Wüstungen des Ausgehenden Mittelalters, 2nd ed. Stuttgart: Verlag, 1955, 5–12.*

³⁴ См. *Beresford, Maurice W. The Lost Villages of England. London: Lutterworth Press, 1954.* Бересфорд относит пик депопуляции (т.е. полное опустение деревень и сокращение населения) в Англии к периоду 1440–1520 годов. Он полагает, что важнейшей и единственной причиной этого стали огораживания, и рассматривает их постепенное развитие: «Депопуляция пришла в деревню вместе с уменьшением количества сельскохозяйственных наделов, когда там уже было много пастбищ... Огораживания и депопуляция — такие вещи происходят лишь постепенно...» [р. 210].

³⁵ Песе и Ле Руа Ладюри предполагают, что с 1328 года до наших дней в Восточном Лангедоке было заброшено всего 5–7% деревень: «это не так мало, но, во всяком случае, не 40%, обнаруженные Абелем в Германии, и совсем не те цифры, что насчитал г-н Бересфорд» (*Pesez, J.-M., Le Roy Ladurie, Emmanuel. Villages désertés, p. 129*). Эта разница в оценках скорее подтверждает гипотезу о реорганизации аграрной отрасли, а не указывает на сокращение населения. Известно, что в разных странах особенности этого процесса существенно отличались: во Франции, например, было создано значительно меньше крупных поместий, чем в Англии или Германии. Разумеется, в XIV и XV веках могли существовать различия и в степени сокращения населения, но здесь мы вступаем на зыбкую почву, ибо доказательства этого умозрительны, поскольку выводятся лишь из такого явления, как брошенные деревни. Поэтому мы не можем использовать эти данные, иначе будем обречены на хождение по кругу.

очередь, это повышало стоимость сельскохозяйственного труда, а доля рентных платежей при этом сокращалась: в то время как номинальные цены росли, ренты оставались фиксированными. Следствием этого было явление, которое Марк Блок назвал «быстрым обнищанием сеньориального класса»:³⁶ уменьшались не только прибыли — росла и стоимость управления поместьями, как это обычно случается в тяжелые времена,³⁷ что приводило землевладельцев к отказу от прямого администрирования. Из-за экономического сжатия сеньорам все чаще приходилось прибегать к чрезмерным изъятиям продуктов у крестьян, делая их труд малопродуктивным и заставляя их бежать с земли.³⁸ Одним из путей восстановления доходов знати, нередко единственно эффективным для самой состоятельной страты, было заключение новых выгодных сделок с правителями.³⁹ Однако противостоять действию рецессии и тем самым пытаться остановить упадок поместного хозяйства было бессмысленно.⁴⁰ Этот процесс,

³⁶ Bloch, Marc. Les caractères originaux de l'histoire rurale française. Paris: Lib. Armand Colin, 1964, I, 122. Рус. изд.: Блок М. Характерные черты французской аграрной истории. Москва: Издательство иностранной литературы, 1957, 173.

³⁷ Lefebvre, Henri. Une discussion historique: du féodalisme au capitalisme: observations // La Pensée, No. 65, janv. — févr. 1956, 22.

³⁸ «В итоге сеньоры не только зарезали курицу, которая несла им золотые яйца, но и спровоцировали нелегальное бегство крестьян из поместий от острой безысходности... Проблема беглецов была столь значима, а нехватка рук так велика, что, несмотря на взаимные договоры и обещания, между сеньорами развернулось настоящее соперничество в переманивании и похищении крепостных из соседних поместий. Это соревнование предполагало некоторые уступки крестьянам и ставило определенные пределы дальнейшему росту феодальной эксплуатации» (Dobb, Maurice. Studies in the Development of Capitalism. London: Routledge & Kegan Paul, 1946, 46–47).

³⁹ «Снижение собираемости фиксированных платежей, наряду с упадком прямого управления и необходимостью расходов на амортизацию имущества, в значительной степени повлияли на финансовое положение всех сеньоров в течение [XIV и XV веков]. Всякий раз, когда им не хватало денег, они искали внешний источник дохода, нанимаясь на службу или пускаясь в авантюры, что удаляло их от собственных поместий. Однако именно эти разнообразные способы сохранения доходов — от службы у более могущественных правителей, искавших союзников, до рискованных путей политических интриг и матримонимальных альянсов, — гарантированно обеспечивали практически все крупные успехи аристократии» (Duby, Georges. Rural Economy and Country Life in the Medieval West. Columbia: Univ. of South Carolina Press, 1968, 330).

⁴⁰ «Судьбу всех чрезмерно больших аграрных хозяйств окончательно решило падение цен на хлеб, еще более резко выраженное на фоне сохранения очень высокого уровня деревенских заработков — это происходило благодаря конкуренции городских цехов и распространению текстильных производств во многих сельских регионах Европы. Похоже, что после 1380 года в самом деле происходит закат поместий (demesne) и мощный упадок прямого поместного (manorial) земледелия, по крайней мере, во Франции и Англии» (Duby, ibid., 311).

В более ранней работе Дюби высказывается осторожнее: «Представляется вероятным, что во второй половине XIV–XV веках те крупные поместья, которые не подверглись значительному сокращению в размерах или в некоторых случаях, напротив, увеличению, как минимум, утратили свое единство» (Duby. Le grand domaine de la fin

провоцировавший уход сеньоров из их владений, мог лишь стимулировать одновременную утрату ими интереса к управлению своим хозяйством.

Что произошло с крупными поместьями в дальнейшем? Они были проданы или сданы в аренду той основной группе, которая была готова и способна взяться за дело, — состоятельным крестьянам, теперь оказавшимся в состоянии добиться для себя приемлемых условий.⁴¹

Однако следует помнить, что социальная организация сельскохозяйственного производства не везде была идентична. Самые крупные поместья были в Западной Европе, в том числе потому, что бóльшая плотность населения требовала соответствующей производительности крупных хозяйственных единиц. В Центральной Европе воздействие экономической рецессии также вело к запустению приграничных земель, однако анализ этих опустевших площадей (*Wüstungen*) затруднен тем, что среди них были как огороженные, так и собственно брошенные земли.⁴² Далее на восток, в Бранденбурге и Польше, где плотность населения была еще меньше, помещики, владевшие в целом меньшим количеством земли, чем крестьяне, неожиданно «обнаружили, что их поместья теперь занимают все земли, покинутые в результате внезапного демографического коллапса»⁴³ (об этом еще пойдет речь ниже). Какую прибыль это обстоятельство принесет землевладельцам в XVI веке, как оно изменит социальную структуру Восточной Европы и насколько окажется значимым для развития Западной Европы, — этого участники событий XIV и XV веков, разумеется, еще не знали. На *центральных, непограничных* пахотных землях Западной Европы *чрезмерно крупное* поместье, напротив, уступает место владению меньших размеров. Поэтому на западе Европы одновременно

du moyen âge en France // Première Conference Internationale d'Histoire Economique. Stockholm, August 1960: Contributions. Paris: Mouton, 338).

⁴¹ «Установление окончательного господства денежной ренты протекало в условиях, невыгодных для ее получателей. Оно было в значительной степени вынужденным и развивалось в обстановке подъема народного движения, что заставляло феодалов быть более сговорчивыми» (Косминский. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков, 260).

⁴² Дюби: «В XIV–XV веках под давлением жестких условий в аграрной сфере происходит оставление земель или же перегруппировка *всех* [курсив наш — И. В.] полей в небольшое количество единых деревенских территорий. Однако следует решительно отказаться от рассмотрения этих явлений в качестве симптомов болезни экономики, экономических неудач или слишком резкого демографического спада. Напротив, эти топографические изменения отражают критическую фазу роста зернового хозяйства. Они растянулись еще на век или два, но в своем развитии и по своей природе вполне сопоставимы с теми процессами, которые происходили в Иль-де-Франс в XIII веке. Так, в северо-западной Германии сеньоры огораживали свои леса, ценность которых возрастала, окружив их заборами, выгнав оттуда крестьянских свиней и впредь запретив периодические поджоги. Действия сеньоров, проводивших форсированные огораживания, вынудили сменить род занятий те семьи, которые благодаря лесу получали основную часть средств к существованию. Так *вальдбауэр* стал *акерманном** — настоящим земледельцем на постоянном поле» (Duby. Rural Economy, p. 309).

⁴³ Ibid., p. 315.

происходят подъем среднего крестьянства на пахотных землях и начало огораживаний менее обрабатываемых земель (что станет основой для расширения животноводства) — на востоке же Европы, который приобретет новую функцию территории, экспортирующей зерно, собственность концентрируется в крупных поместьях.

Полезен или вреден для становления капиталистического мира-экономики был этот период экономического «сжатия» или «стагнации»? Ответ зависит от длительности перспективы. Майкл Постан видит в XV веке регресс по сравнению с достижениями XIV столетия,⁴⁴ задержку в развитии, которая позднее, безусловно, была преодолена; Е. А. Косминский рассматривает XV столетие как этап процесса ликвидации феодализма, а стало быть, необходимый шаг в развитии капиталистической экономики.⁴⁵ Факты одни и те же — теоретическая перспектива разная.

Выше мы уже предварительно коснулись тенденций развития политической сферы, в частности, медленного роста бюрократии централизованных государств. В золотой век европейского феодализма, когда государство было совсем слабым, сеньор-землевладелец процветал. Однако и позже, чем больше знать могла использовать государственный аппарат для защиты своих интересов, тем последние, несомненно, лучше удовлетворялись благодаря слабости королей и императоров. Знать была не только лично более свободной от налогов и контроля, но в еще большей степени могла контролировать и облагать податями крестьян. В обществах, где нет действенной связи между массами и центральной властью с ее правопорядком, эффект от насилия был удвоенным,

⁴⁴ «Великая эпоха возникновения английского капитализма пришлось на первые годы Столетней войны. Тяжелое положение королевской казны, эксперименты с новыми налогами, спекулятивные операции с шерстью, коллапс итальянских кредиторов и становление новой текстильной промышленности — все это породило новую генерацию военных финансистов и дельцов, армейских снабженцев и текстильных монополистов. Но ей было суждено просуществовать столь же недолго, сколь быстро она появилась. Значительные успехи были утрачены так же внезапно, как и достигнуты, когда период гигантских и безрассудных фискально-финансовых экспериментов ушел в прошлое вместе с первым этапом войны...

Английский торговый класс ответил на устойчивое сокращение оборота так, как сделал бы это любой купец, предприняв политику регуляции и ограничений, которая препятствовала вхождению в торговлю новых игроков, и пытаясь поделить имеющуюся клиентуру... То, что иногда рассматривается как доказательство типично средневековой регуляции рынка, в XV веке на самом деле было банальным примером отступления от более свободных и более рискованных условий торговли, существовавших в предшествующий период» (*Postan, M. M. The Fifteenth Century // Economic History Review*, IX, 2, May 1939, 165–166).

⁴⁵ «Мы думаем, что не вымирание деревни, а ликвидация господского хозяйства и понижение феодальной ренты привели к улучшению положения крестьян и к росту простого товарного хозяйства, подготовившего почву для возникновения в дальнейшем капиталистических отношений. Сокращение населения... могло лишь обострить и видоизменить... ход этого развития» (*Косминский. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков*, 282).

поскольку, как заметил Блок, «волей традиции злоупотребление всегда может стать прецедентом, а прецедент — правом».⁴⁶

Таким образом, землевладельцы никогда не стали бы приветствовать усиление центральной власти, если бы сами не попали в сложную ситуацию, в которой сопротивление требованиям центральной власти оказывалось более затруднительным, чем подчинение, в связи с чем земельные аристократы были в большей степени готовы признать преимущества установленного центром порядка. Именно такую ситуацию и породили экономические трудности XIV–XV веков, в частности, падение сеньориальных доходов.

Одновременно с экономическими проблемами происходил качественный технологический сдвиг в военном искусстве: от большого лука — к пушкам и ружьям, от кавалерийской войны — к пехотной, которая требовала большей подготовки и дисциплины. Все это означало, что стоимость войны росла, требовалось больше людей, поэтому все более очевидной становилась необходимость регулярной армии в противовес формированиям *ad hoc* [для данного случая — лат.]. В новых условиях ни отдельные феодалы, ни города-государства не могли позволить себе таких расходов, равно как не могли и набирать столько людей, особенно в период депопуляции⁴⁷ — в действительности даже территориальные государства с трудом справлялись с поддержанием порядка, о чем говорит частота крестьянских восстаний.⁴⁸

⁴⁶ Bloch, Marc. The Rise of Dependent Cultivation and Seigneurial Institutions / M. M. Postan, ed. Cambridge Economic History of Europe, I: The Agrarian Life of the Middle Ages. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1966, 269.

⁴⁷ «Только соперничающее с городом-государством территориальное государство, используя свое пространство и человеческие ресурсы, оказывается в состоянии выдерживать огромные расходы на ведение новоевропейской войны; оно покупает армии наемников, обеспечивает себя артиллерией и даже может позволить себе роскошь крупномасштабных военных действий на море. Процесс разрастания этих новых государств давно стал необратимым» (Бродель. Средиземное море, II, 444).

Разумеется, в данном случае нельзя забегать вперед. Сэр Чарльз Оман датирует исторический перелом в военном искусстве только 1494 годом*. См. Oman. A History of the Art of War in the Sixteenth Century. London: Methuen, 1937, 30. Согласно Оману, две ключевые «тенденции» (запомним как следует это слово) заключались в «нарастающей важности огнестрельного оружия и (отчасти вследствие этого) использовании полевых укреплений, что делало конницу все менее и менее практичным родом войск» [р. 33]. Тем не менее, другие авторы предполагают, что фактор воздействия новых военных технологий на общество преувеличен даже для XVI века. См., например: Colvin, H. M. Castles and Government in Tudor England // English Historical Review, LXXXIII, 1968, 226. Однако же если вспомнить, что мы описываем тренды или тенденции, то можно утверждать, что накопление их длительного воздействия в данной сфере начинается уже в XIV веке.

⁴⁸ «Последние два столетия средневековья повсюду в Западной и Центральной Европе были периодом бедствий для деревень и их обезлюдения... Крупные политические образования предыдущего периода... были в то время неспособны выполнять свою функцию охраны порядка, в которой заключался смысл их существования» (Блок. Характерные черты, 167).

Вместе с тем XV век стал свидетелем появления великих восстановителей внутреннего порядка в Западной Европе: Людовика XI во Франции, Генриха VII в Англии, Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской в Испании. Как и для их менее успешных предшественников, основным механизмом, имевшимся в их распоряжении, были финансы. Этот механизм приводился в действие путем энергичного формирования гражданской и военной бюрократии, достаточно сильной для внедрения системы налогообложения, которая требовалась для финансирования еще более мощного государственного аппарата. Данный процесс начался еще в XII–XIII веках. С прекращением завоеваний, ранее отвлекавших и истощавших силы правителей, произошли рост населения, возрождение торговли и, соответственно, возникло более оживленное денежное обращение, создававшее базу для налогообложения, которое обеспечивало жалование чиновникам и войску.⁴⁹ Так было не только во Франции, Англии и Испании, но в равной степени и в германских княжествах.

Налоги, конечно же, являются ключевой проблемой государства — без них не так-то просто начинать восходящий экономический цикл.⁵⁰ В ретроспективе

⁴⁹ «Таким образом, начиная с этого момента государство стало обретать главный элемент своей верховной власти — финансовые ресурсы, несравнимо более значительные, чем те, которыми располагали отдельные лица или сообщества» (*Bloch. Feudal Society*, p. 422).

⁵⁰ Дэвид Локвуд выделил подразумеваемую здесь теоретическую проблему: «Отношения между бюрократией и налогообложением характеризуются высокой степенью взаимозависимости. Эффективность бюрократического аппарата зависит от эффективности управляемой им системы налогообложения, и наоборот. Таким образом, независимо от причины, любое увеличение бюрократического бремени или снижение объема собираемых налогов может породить порочный круг децентрализации власти. На самом деле можно утверждать, что „налоговый“ кризис патримониальной бюрократии, по существу, аналогичен капиталистическому кризису „перепроизводства“... Точки напряжения бюрократической системы возникают там, где актуализируется потенциал „феодализации“, под которой подразумеваются:

- стремление чиновников „присвоить“ экономические и политические ресурсы своей должности;
- борьба крупных землевладельцев за получение налогового иммунитета и/или узурпацию фискальных и политических функций;
- экономическая и политическая зависимость, к которой принуждаются крестьяне, ищущие защиты от налогового бремени бюрократического центра.

Эти „центробежные“ тенденции можно рассматривать и как причину, и как следствие возможного крушения механизмов поддержания эффективного налогообложения и централизованного контроля» (*Lockwood. Social Integration and System Integration / George K. Zollschan and Walter Hirsch, eds. // Explorations in Social Change. Boston, Massachusetts: Houghton, 1964, 254*).

Габриэль Ардан в формулировке данной дилеммы больший акцент делает на выборе государством возможностей фискальной политики, ведущих к структурным изменениям (скорее так, а не в обратной последовательности), хотя эти два момента непростительно различить: «Разного рода конфискации всегда были искушением для правителей, которые не могли решить свои налоговые трудности. Однако это давало лишь одну, ограниченную возможность действия, причем нередко скудную, идет ли речь

препятствия для создания эффективной налоговой системы в позднем Средневековье представляются непреодолимыми. В самом деле, налогообложение применимо лишь к чистой товарной продукции, однако ее было немного, а количество денег и их оборот были столь же незначительны. Сбор налогов было чрезвычайно сложно контролировать как по причине нехватки людей, так и из-за низкой культуры ведения статистических записей. Неудивительно поэтому, что правители постоянно прибегали к источникам дохода, альтернативным налогообложению: конфискациям, займам, продаже должностей, порче монеты. Однако любая из этих альтернатив, способная разрешить трудности в отдельный краткосрочный момент, в длительной перспективе имела негативное воздействие на политико-экономический авторитет правителя.⁵¹ Но было бы неверно делать акцент именно на трудностях — достижения также были слишком велики, а множественные компромиссы можно рассматривать как существенные шаги к прогрессу. Налоговые откупы⁵² и продажа должностей⁵³ как раз и стали такими полезными компромиссами. Кроме того, возросший приток денег

о захвате военной добычи, изъятии церковной собственности или систематическом преследовании определенных социальных групп. Помимо конфискаций, вѣстям было доступно еще два типа решений:

- (1) Феодальное решение, которому нередко предшествуют поместное хозяйство и продажа должностей; в значительном ряде случаев оно ведет к фактическому расчленению государства.
- (2) Этому рецепту можно противопоставить финансовые эксперименты — займы и инфляцию, которые, как мы увидим, также зависят от структуры экономики.

[В данном случае] мы, конечно, рассматриваем абстрактные модели противоположных типов, с помощью которых государство трансформирует социальную организацию общества» (*Ardant. Théorie sociologique de l'impôt. Paris: S.E.V.P.E.N., 1965, I, 541 и слл.*).

⁵¹ Например, Ардан указывает: «Для получения займов, считавшихся необходимо-стью в неблагоприятной финансовой ситуации, государство могло в широком смысле слова отдать себя в залог (*gages*), то есть пойти на ограничение своего суверенитета. Иностран-ным кредиторам мог быть передан тот или иной источник дохода государства; контроль за распоряжением финансами, далее распространяемый и на политическое управление, мог осуществляться как кредиторами, так и стоящим за ними конкретным государством и т.д. [*Ibid., I, pp. 549–550*]».

⁵² Макс Вебер, противопоставляя Западную Европу и Индию, утверждает: «В начале эпохи Модерна в государствах Запада появились также налоговые откупы и подряды по комплектации армии частными лицами — предпринимателями, которым в основном и следовало доверять финансы. Однако в Индии при Великих царствах* эти централизованные институты не смогли развиваться, в то время как на Западе они постепенно позволили государям снова прибрать к рукам военное и финансовое управление» (*Weber. The Religion of India. New York: Free Press, 1958, 69*).

⁵³ «Политическим следствием торговли должностями, несмотря на весьма значительные неудобства этого механизма, в конечном итоге стало усиление государства. Для гражданской администрации это был эквивалент платной армии, «наемничества» — системы, осуждаемой с тем же рвением, [...] но при этом определявшей значительные успехи королевской власти, которая более не зависела только от военной силы феодальной аристократии» (*Chabod, F. Y-a-t-il un état de la Renaissance? // Actes du Colloque sur la Renaissance. Paris: Lib. Philosophique J. Vrin, 1958, 66*).

в королевскую казну не только нанес удар по аристократии благодаря усилению государства, но и ослабил собственные источники дохода знати, в особенности той ее части, которая в стесненных экономических условиях XIV–XV веков не была связана с новой бюрократией. Как утверждает Жорж Дюби, «значительная часть крестьянских доходов с земли все еще уходила в руки сеньора, однако необратимое развитие налогообложения решительно увеличило долю, которую получали агенты государства».⁵⁴

По мере укрепления государства финансовые манипуляции становились все более прибыльными. Когда в XIV–XV веках к финансовому кризису в странах, охваченных войной, добавилось уменьшение доходов, а следовательно, ослабление налогооблагаемой базы в деревне, государству пришлось искать дополнительные источники выручки, особенно с учетом того обстоятельства, что из-за депопуляции правители предлагали освобождение от налогов тем, кто намеревался снова колонизировать пустые земли. Поэтому финансовые манипуляции имели много преимуществ. Леопольд Женико указывает на три возможных объяснения частых девальваций*, характерных для данного периода: во-первых, сокращение государственного долга (хотя при этом девальвация обесценивала фиксированные доходы, составлявшие основной объем поступлений от королевских доменов); во-вторых, нехватка платежных средств в эпоху, когда торговля росла быстрее добычи серебра, а социальная нестабильность способствовала росту накоплений; в-третьих, преднамеренная экономическая политика уменьшения обменного курса для приостановки дефляции, борьбы с накоплением сокровищ, содействия экспорту и, как следствие всего этого, — для оживления торговли. При любом объяснении данные девальвации носили «крайне инфляционный характер» и «сокращали реальную стоимость фиксированных доходов».⁵⁵ Основными получателями последних были сеньориальные классы, поэтому они утрачивали силы для противостояния государству.

Что же представляло собой это государство? Государство тех времен есть не что иное, как сам государь — государь, чья репутация превозносилась, чье величие охранялось, а сам он при этом мало-помалу отстранялся от своих подданных.⁵⁶ Кроме того, была еще бюрократия, которая теперь выступала как четкая социальная группа с собственными характерными чертами и интересами. Бюрократия была главным союзником государя,⁵⁷ но при этом, как мы

⁵⁴ *Duby. Rural Economy*, p. 331.

),

⁵⁵ *Génicot, Léopold. Crisis: From the Middle Ages to Modern Times // Cambridge Economic History of Europe, I: The Agrarian Life of the Middle Ages*, 2nd ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1966, 699.

⁵⁶ «Важность, придаваемая репутации государя как теоретиками, так и собственными историческими деятелями (например, Ришелье), идет рука об руку с еще большим вниманием к „величеству“: все это постепенно создавало дистанцию между государем и его людьми, помещая государя на ту ступень, к которой более никто не мог осмелиться даже приблизиться» (*Chabod. Actes*, p. 72).

⁵⁷ «Если росла власть государя, то росла и другая власть — бюрократического „аппарата“ (*corps*). Так появился корпоративный дух (*esprit de corps*), связывающий

увидим, ей было суждено остаться группой амбивалентного характера. Наконец, государство включало в себя различные парламентские образования, создаваемые государями для содействия в утверждении налогов и состоявшие по большей части из знати; правитель пытался использовать парламент против самой знати, а знать — против правителя.⁵⁸

В Западной Европе создание подобного типа государства начинается не с XVI, а с XIII века. Ив Ренуар заметил, что линии, по сей день очерчивающие границы Франции, Англии и Испании, были в той или иной степени установлены еще в череде сражений 1212–1214 годов.^{59*} Позднейшие националистические настроения в большей степени были основаны именно на этих границах, чем на каких-либо других (например, границах средневековой Окситании, включавшей Прованс и Каталонию, или принадлежавшего Анжуйскому дому Аквитанского герцогства в западной Франции, которое являлось частью Англии). Сначала границы — затем ощущение национальной принадлежности: на заре эпохи Модерна этот принцип столь же верен для Европы, как, скажем, для Африки XX века. В этот период не только границы решали все, но — что даже более значимо — решалось, что эти границы будут именно там, где они будут. Этот процесс Эдуард Перруа называет «фундаментальным изменением» политической структуры Западной Европы.⁶⁰ По его мнению, трансформация Европы приходится на промежуток между концом XII и началом XIV веков, ставший своего рода вершиной процветания торговли и сельского хозяйства средних веков.

Почему нации-государства, а не империи? В данном случае следует быть осторожным с терминологией. Возможно, ту же Францию нужно рассматривать

бюрократов друг с другом, невзирая на все личные и частные споры, причем не только среди чиновников ведомства юстиции (*officiers de justice*), т. е. высшего слоя бюрократии, но в равной степени и среди прочих...

Фактически эта растущая сила „четвертого сословия“ является фундаментальным элементом, достойным нашего внимания. В политическом отношении бюрократия была союзником власти государя, которая росла одновременно с ней. Таким образом, административная централизация и политический абсолютизм идут рука об руку [*Ibid.*, pp. 68–69, 72]».

⁵⁸ Эдуард Миллер дает краткий обзор того, как в различных европейских странах в период позднего Средневековья обретает форму значительно усложнившаяся игра интересов. См. *Miller. Government and Economic Policies and Public Finances*, 900–1500 // *Fontana Economic History of Europe*, I, 8, 1970, 34–40.

⁵⁹ См. *Renouard, Yves*. 1212–1261: Comment les traits durables de l'Europe occidentale moderne se sont définis au début du XIIIe siècle // *Annales de l'Université de Paris*, XXVIII, 1, janv. — mars 1958, 5–21.

⁶⁰ «Большое единое тело, более или менее соответствовавшее ареалу римского христианства и состоявшее из множества мелких автономных ячеек — сеньорий, уступило место соседству протяженных территориальных держав, вполне отличных друг от друга, которые были первыми протогосударствами современной Европы» (*Perroy, Edouard et al. Le Moyen Age, Histoire Générale des Civilisations*, Vol. III. Paris: Universitaires de France, 1955, 369–370).

как нацию-государство применительно к XIII–XIV векам, как империю применительно к XV–XVI векам и для XVII столетия вновь как нацию-государство. Похоже, что именно так считает Фернан Бродель.⁶¹ Почему именно такая модель чередования? Бродель полагает, что «экономический подъем XV и XVI веков создал необыкновенно благоприятные условия для появления обширных и чрезвычайно обширных государств, «сверхдержав»... В самом деле, ход истории попеременно то благоприятствует, то препятствует возникновению крупных государственных образований».⁶² Фриц Хартунг и Ролан Мунье предполагают, что для появления абсолютной монархии — формы, не имевшей успеха в маленьких государствах, — необходим некий минимальный (но также и максимальный?) размер. «Нет сомнений, что для поддержания режима абсолютной монархии небольшие государства были недостаточно крупными военными и экономическими единицами».⁶³ Наверное, наиболее полезным для нас окажется следующее концептуальное уточнение В. Г. Кириана:

«Ни одна династия не собиралась строить национальное государство — каждая стремилась к беспредельному расширению... Но чем большим было процветание государства, тем больше получившемуся результату недоставало (*manqué*) имперских черт. Государству следовало быть одновременно и достаточно большим, чтобы выжить и протянуть свои когти в сторону соседей, но при этом и достаточно компактным для организации вокруг одного центра и ощущения себя в качестве целого. На тесной и плотно занятой западной оконечности Европы чрезмерному раздуванию территории препятствовали конкуренция и географические ограничения».⁶⁴

⁶¹ «На самом деле колесо Фортуны повернулось. В начале XVI века обстоятельства благоприятствовали развитию крупных государств [Испания, Османская империя], которые представляли собой, как говорят экономисты, политические предприятия оптимальных размеров. По прошествии столетия, по до конца неясным для нас причинам, эти гиганты перестали соответствовать требованиям времени. Был ли это преходящий или структурный кризис? Слабость или вырождение? Во всяком случае, в начале XVII века крепко держатся на ногах государства средних размеров. Такова Франция Генриха IV с ее скороспелым расцветом; маленькая елизаветинская Англия с ее воинственностью и лучезарным блеском; Голландия, сгруппировавшаяся вокруг Амстердама; наконец, Германия, утонувшая в достатке с 1555 года до первых залпов Тридцатилетней войны, в которой она погрязла духом и телом. В Средиземноморье это Марокко, снова изобилующее золотом, и Алжир, город, превратившийся в территориальное государство. Это великолепная Венеция, сверкающая роскошью, красотой и умом; Тоскана времен великого герцога Фердинанда...»

Иначе говоря, империи пострадали от затяжной репрессии 1595–1621 годов куда сильнее, чем государства средних размеров» (Бродель. Средиземное море, II, 500–501).

⁶² Там же. С. 447–448.

⁶³ Hartung, Fr. & Mousnier, R. Quelques problèmes concernant la monarchie absolue // Relazioni del X Congresso Internazionale de Scienze Storiche, IV: Storia moderna. Firenze: G.B. Sansoni, 1955, 47.

⁶⁴ Kiernan, V. G. State and Nations in Western Europe // Past & Present, No. 31, July 1965, 35–36.

Конечно, если правители не расширяли свои империи за моря.

Благодаря этой нехватке (*manqué*) имперских качеств в новых государствах будут развиваться иные, отличные от имперских *raisons d'état* [государственные интересы — *фр.*], иные идеологии. Нация-государство — это территориальная единица, правители которой стремятся (иногда часто — но точно, не всегда) создать из нее национальное общество, и далее мы рассмотрим причины этого. Ситуация еще более запутывается, если вспомнить, что начиная с XVI века нации-государства Западной Европы пытались создавать в сердце империй относительно однородные национальные общности, используя для поддержки этого процесса — возможно, неизбежной — пресловутые имперские начинания.

Мы рассмотрели кризис западного феодализма XIV–XV веков как основу, прелюдию европейской экспансии и экономического роста XVI века. При обсуждении проблем и объяснении явлений мы в основном оставались в рамках социальной структуры и ее составляющих (организации производства, государственного аппарата, отношений разных социальных групп). Однако многие исследователи настойчиво склоняются к тому, что «кризис» XIV века и «экспансию» XVI века можно объяснить — скажем так, в значительной мере — факторами окружающей среды: климатом, эпидемическими явлениями, условиями почв. Поскольку эти аргументы не так-то просто отбросить, их следует принять во внимание, придав им должный вес в истолковании происходивших социальных изменений.

Климатический фактор особенно сильно подчеркивает Густаф Уттерстрём. В целом его аргументация такова:

«Благодаря индустриализации и в не меньшей степени техническому прогрессу человек в наши дни менее зависит от капризов природы, чем в предыдущие столетия. Но часто ли принимается в расчет тот фактор, что мы живем в эпоху необычайно мягкого климата, особенно в странах Северной Европы? В течение последнего тысячелетия... времена процветания человечества в целом приходились на теплые промежутки между великими оледенениями. Разумеется, существуют и значимые исключения, но именно в эти «теплые» периоды и экономическая жизнь, и численность населения делали величайшие успехи».⁶⁵

В подкрепление своей точки зрения Уттерстрём напоминает, что климатические изменения могли иметь особое значение в более ранние периоды трансформации Европы. «Примитивное сельское хозяйство Средневековья должно было в значительно большей степени зависеть от благоприятной погоды, чем современная агрикультура с ее высокими техническими стандартами».⁶⁶

Для примера Уттерстрём указывает на суровые зимы XIV и начала XV веков, мягкие зимы с 1460 года до середины XVI века, суровые зимы второй половины

⁶⁵ *Utterström, Gustaf*. Climatic Fluctuations and Population Problems in Early Modern History // *Scandinavian Economic History Review*, III, 1, 1955, 47.

⁶⁶ *Ibid.*, p. 5.

XVII столетия,⁶⁷ которые *grosso modo* [главным образом — *ит.*] соответствуют экономическому спаду, подъему и вновь спаду соответствующих промежутков времени.

«Рассматривать популяционную нагрузку в качестве решающего фактора экономического развития не означает дать этому развитию удовлетворительное объяснение. Тот факт, что население росло именно так, а не иначе, поднимает вопрос, который еще не был задан: а почему же оно росло?.. Значительный рост населения происходил... в Европе, вообще говоря, повсеместно. В Северной и Центральной Европе этот процесс пошел полным ходом в тот самый период, когда климат был необычайно мягким. Едва ли это случайное совпадение — здесь должна быть причинная взаимосвязь».⁶⁸

Кроме того, Уттерстрём полагает, что в дело вмешивались и эпидемиологические факторы. Он считает, что причиной «Черной чумы» 1348 года было жаркое лето, повторявшееся из года в год, что вело к размножению черной крысы, переносчика крысиных блох — одного из двух распространителей чумы.⁶⁹

Жорж Дюби признает, что данную гипотезу следует принимать всерьез. Очевидно, что некоторые факты сокращения обрабатываемых земель в XIV веке (пашня в Исландии, скандинавские колонии в Гренландии, сокращение сведения лесов в Судетах, конец виноградарства в Англии и его регресс в Германии) с достоверностью объясняются изменением климата. Однако существуют и альтернативные правдоподобные объяснения. Наиболее важным из них является напоминание Дюби, что «и аграрная рецессия, и демографическое сжатие начались еще до XIV века»,⁷⁰ а стало быть, до предполагаемых климатических изменений. В отличие от Уттерстрёма, Дюби склонен рассматривать климатические и хронологически следующие за ними эпидемиологические факторы лишь как добавление к той череде неурядиц, которые в XIV веке «разрушительно подействовали на уже хрупкую демографическую структуру».⁷¹ Хеллайнер,⁷² Слихер ван Бат⁷³ и Эммануэль Ле Руа Ладюри⁷⁴ также скептически

⁶⁷ Ibid., p. 24.

⁶⁸ Ibid., p. 39.

⁶⁹ См. Ibid., p. 14–15. Однако Карл Хеллайнер, цитируя работу Эрнста Роденвальдта, полагает, что, хотя человеческая блоха является менее значимым разносчиком инфекции бубонной чумы, чем крысиная, для средних веков могла быть выше именно ее важность, что снижает ценность гипотезы Уттерстрёма. См. *Helleiner. Cambridge Economic History of Europe*, IV, p. 7.

⁷⁰ *Duby. Rural Economy*, p. 307.

⁷¹ Ibid., p. 308.

⁷² *Helleiner. Cambridge Economic History of Europe*, IV, p. 76.

⁷³ «Непохоже, что периодические подъемы и спады, наблюдаемые в экономической жизни Западной Европы после 1200 года, являются результатом изменений климата...» (*Slicher van Bath. A.A.G.B., No. 12, p. 8*).

⁷⁴ Указывая, что некоторые аргументы Уттерстрёма априори не связаны с климатическим фактором, Ле Руа Ладюри выявляет методологические изъяны в использовании им метеорологических данных. Он полагает, что данные Уттерстрёма не демонстрируют

оценивают хронологическую первичность климатических изменений в качестве объяснения указанных подъемов и спадов.

Очевидно, что изменения климата оказывают некоторое воздействие на функционирование социальной системы. Не менее очевидно и то, что этот фактор будет по-разному влиять на разные системы. Несмотря на разные точки зрения, происходившее в период «кризиса феодализма» похолодание, скорее всего, распространилось по всему Северному полушарию, однако социальное развитие Азии и Северной Америки резко отличалось от Европы. Поэтому стоит вернуться к фактору хронического напряжения ресурсов, который подразумевала феодальная система социальной организации, либо к чрезмерному потреблению меньшей частью общества при всеобщем низком уровне производительности труда. Норман Паундс напоминает, «насколько мал был прожиточный минимум средневекового крестьянина даже в условиях, которые можно назвать нормальными или средними...»⁷⁵ Сlicher ван Бат также склонен поддержать эту гипотезу продолжительного недоедания, указывая на то, что именно в регионах, производивших жирную пищу, сопротивляемость людей чуме была наибольшей.⁷⁶

Тем не менее, социофизическая конъюнктура может легко достичь «кризисных» масштабов, если к обсуждавшимся выше исходному спаду в экономике из-за хронической сверхэксплуатации и ставших ее следствием восстаний добавить климатические факторы, которые несли с собой нехватку продовольствия и эпидемии. В свою очередь, кризис усиливался тем обстоятельством, что чума, однажды появившись, стала эндемичным для Европы явлением.⁷⁷ Кроме того,

достаточно долгосрочные тренды, которые подтверждали бы его обобщения. «Представим себе историка или экономиста, который претендует на то, чтобы продемонстрировать длинный и продолжительный рост цен, используя для этого лишь некие исключительные „циклические“ точки графика движения цен, которые он хочет интерпретировать, но не обращает при этом внимания на общую форму этого графика и даже, возможно, ее себе не представляет» (*Le Roy Ladurie, Emmanuel. Histoire du climat depuis l'an mil. Paris: Flammarion, 1967, 17*).

⁷⁵ Pounds, Norman J. G. Overpopulation in France and the Low Countries in the Later Middle Ages // *Journal of Social History*, III, 3, Spring 1970, 245. Паундс говорит о «ситуации постоянного недоедания». Аналогичной точки зрения придерживается Бродель: «[В преимущественно аграрной экономике] ритм, качество, недостаточность урожая определяют всю материальную жизнь. Из этого вытекают резкие потрясения, похожие на укусы, поражающие как заболонь деревьев, так и человеческую плоть» (*Braudel. Civilisation matérielle et capitalism. Paris: Lib. Armand Collin, 1967, 32–33. Цит. по рус. изд.: Бродель, Фернан. Материальная цивилизация, экономика и капитализм XV–XVIII вв. Том I. Структуры повседневности: возможное и невозможное. Москва: Весь мир, 2006, 19–20*).

⁷⁶ «Жители прибрежных районов Голландии добывали пропитание по большей части скотоводством и рыболовством и, следовательно, потребляли больше животных продуктов и жиров, чем земледельцы. Возможно, по этой причине они не поддались эпидемиям XIV века в той же степени, [как другие европейцы]» (*Slicher van Bath. A.A.G.B., No. 12, p. 89–90*).

⁷⁷ «Поскольку чума, впервые появившаяся [в 1347–1351 годах], не исчезала из Европы еще примерно 350 лет, она продолжала — в эндемической или эпидемической формах — оказывать глубокое влияние на средний уровень смертности как в длительной

несмотря на то, что уменьшение населения должно было привести к увеличению запасов продовольствия (ведь площадь земли оставалась той же самой), произошел сдвиг к пастбищному хозяйству и, следовательно, сократилось производство калорий. Поэтому демографический спад также стал эндемичным явлением.⁷⁸ Пьер Шоню добавляет, что «резкое снижение объемов ренты, сокращение доходов и утяжеление сеньориальных повинностей» могли еще более ухудшить ситуацию, уводя с земли капитальные инвестиции.⁷⁹ А Добб полагает, что последовавшая замена натуральной ренты денежной могла, вопреки общепринятому мнению, скорее увеличить нагрузку на крестьян, и это ставит перед нами еще одну дилемму.⁸⁰ Поэтому вмешательство фактора изменения окружающей среды не отменяет нашего предыдущего анализа. Данный фактор обогащает его еще одним элементом,

перспективе, так и в его краткосрочных колебаниях» (*Helleiner. Cambridge Economic History of Europe*, IV, p. 5).

⁷⁸ Карл Хеллайнер выдвигает следующую гипотезу: «Сами улучшения в экономическом положении низших классов [вслед за депопуляцией из-за „черной смерти“] могут свидетельствовать против быстрого демографического восстановления. Следует также *a priori* предположить — и на это есть совершенно определенные основания, — что данные улучшения вели к повышению жизненных стандартов, в том числе некоторый сдвиг в структуре потребления от зерна к мясу. Это изменение потребительских предпочтений, отраженное в движении соотносительных цен на животноводческую продукцию и зерно, должно было усилить процесс запустения земель (*Wüstung*), [...] одним из аспектов которого был частичное смещение структуры европейской экономики от зерновых в сторону животноводческого хозяйства. Однако при имевшемся уровне аграрных технологий для производства одной калории животной продукции требовалось в 5–6 раз больше земли, чем для производства одной калории растительной пищи. Следовательно, какое бы ни было достигнуто освобождение земли от демографической нагрузки благодаря изначальному демографическому спаду, это освобождение должно было частично компенсироваться изменением типа потребления и производства. Эта гипотеза помогает объяснить тот факт (при иной трактовке приводящий в замешательство), что в позднем Средневековье люди едва ли умирали голодной смертью меньше, чем в предыдущие столетия, даже несмотря на то, что обеспеченность плодородной землей на душу населения была, несомненно, значительно выше [*Ibid.*, pp. 68–69]».

⁷⁹ «Сокращение населения в XIV–XV веках обострило проблему нехватки земли, а не разрешило ее. Поэтому нагрузка на землю, возникшая в XIII веке, не уменьшилась и могла лишь расти в связи с падением ренты, сокращением доходов и увеличением феодальных повинностей. Капитал, имевший искушение обратиться к земле, в определенной степени привлекал иные горизонты» (*Chauni. L'expansion européenne*, p. 349).

⁸⁰ «Однако было множество примеров, когда это замещение означало не смягчение феодального бремени, а наоборот. В данном случае это была просто замена прямого наложения дополнительных повинностей. Скорее всего, изменение вида ренты имело подобный характер, когда сама инициатива исходила от сеньора; стремление феодала увеличить свои доходы принимало такой вид, предположительно, из-за относительного избытка трудовых ресурсов... Возможно, в деревне имела место демографическая нагрузка на доступную землю, что делало для селян добычу средств к существованию более тяжелой. Тем самым наемный труд становился более дешевым и сравнительно распространённым, ... что послужило стимулом для дальнейшего замещения натуральных рент денежными» (*Dobb. Studies*, pp. 64–64).

помогающим объяснить рассматриваемый нами исторический эпизод, столь значимый для последующего развития мировой истории. Это еще один пример того, как стабильные длительные образования и медленные вековые изменения могут быть причиной возникновения конъюнктуры, способной изменять социальные структуры средней временной протяженности.

Подведем некоторые итоги. В эпоху позднего Средневековья в Европе существовала христианская «цивилизация», которая не была ни миром-империей, ни миром-экономикой. Большая часть Европы была феодальной, то есть состояла из сравнительно самодостаточных мелких экономических узлов, основанных на формах эксплуатации, предполагавших более или менее прямое присвоение малочисленным аристократическим классом небольшого прибавочного продукта сельского хозяйства, производимого в рамках манориальной экономики. В пределах Европы было, по крайней мере, два меньших по размерам мира-экономики. Первый из них, средний по площади, базировался в городах-государствах северной Италии, второй (меньших размеров) — в городах-государствах Фландрии и северной Германии. Большая часть Европы не была включена в эти связи напрямую.

В промежутке между 1150 и 1300 годами рост в Европе происходил в рамках феодального способа производства — это была одновременно географическая, торговая и демографическая экспансия. Примерно между 1300 и 1450 годами на тех же трех уровнях (география, торговля, демография) происходило обратное движение.

Это сжатие, следовавшее за экспансией, стало причиной «кризиса», который был замечен не только в экономической, но и в политической сфере, где двумя главными симптомами этого кризиса стали междоусобные войны между знатью и крестьянские восстания, а также в области культуры. Средневековый христианский синтез уходил в прошлое, с разных сторон испытывая давление всех тех форм, которые позднее назовут первыми проблесками «современной» (“modern”) западной мысли.

Существует три главных объяснения этого кризиса. 1) По своей природе кризис был продуктом циклических экономических трендов: сначала была достигнута высшая точка экспансии, которую позволяли достичь имевшиеся технологии, затем последовало сжатие. 2) Кризис был, по существу, продуктом векового тренда: после тысячелетнего изъятия прибавочного продукта феодальным способом наступил момент уменьшения отдачи. Из-за отсутствия системной мотивации к развитию технологий производительность оставалась прежней (либо даже могла снижаться в результате истощения почвы), однако объемы изъятий, которые приходилось терпеть производителям прибавочного продукта, постоянно увеличивались за счет роста правящих классов и уровня их потребления. Теперь же изымать больше было нечего — отсюда кризис. 3) Климатологическое объяснение: изменение метеорологических условий в Европе привело к одновременному понижению плодородности почв и увеличению числа эпидемий.

Недостаток первого и третьего объяснений заключается в том, что подобные циклические и климатические сдвиги случались и в других местах, и в другие эпохи, но в итоге способом решения возникших проблем не становилось

создание капиталистического мира-экономики. Второе объяснение (действие «вековых» трендов) может быть вполне корректным, однако в данном случае априори непросто произвести серьезный статистический анализ, который продемонстрировал бы основательность данной «секулярной» гипотезы для достоверного объяснения социальных трансформаций. Поэтому я полагаю наиболее достоверным предположить, что «кризис феодализма» одновременно был и отражением конъюнктуры вековых трендов, и собственно циклическим кризисом, и климатическим спадом.

Именно благодаря масштабному воздействию этой вековой конъюнктуры стало возможным громадное изменение социума, поскольку теперь Европе пришлось развивать и укреплять новый способ изъятия прибавочного продукта — капиталистический мир-экономику. Это будет иная форма изъятия, нежели прямое присвоение сельскохозяйственного продукта в виде дани (как в случае миров-империй) либо феодальной ренты (каковой была система европейского феодализма). Вместо этого будет развиваться изъятие прибавочного продукта, основанное на более эффективном и рассредоточенном производстве (сначала в сельском хозяйстве, затем в промышленности), посредством механизма мирового рынка при «искусственной» (то есть нерыночной) поддержке государственных аппаратов, ни один из которых не контролировал мировой рынок целиком.

Основной идеей этой книги станет утверждение, что для появления капиталистического мира-экономики были существенно важны три момента: 1) расширение его географических пределов, 2) развитие различных способов контроля над трудом для различных продуктов и различных зон мира-экономики, 3) создание сравнительно сильных государственных аппаратов там, где появятся государства центра (ядра) капиталистического мира-экономики.

Второй и третий аспект в значительной степени зависели от успеха первого. Следовательно, теоретически территориальное расширение Европы было ключевой предпосылкой для разрешения «кризиса феодализма». Без этого ситуация в Европе могла легко свалиться в постоянную анархию и окончательный коллапс. Как же получилось, что Европа смогла воспользоваться альтернативой, призванной ее спасти? Ответ заключается в том, что это сделала не Европа, а Португалия, или же Португалия, по крайней мере, взяла на себя лидерство.

[Португалия — пионер европейского мира-экономики]

Рассмотрение социальной ситуации в Португалии поможет объяснить то движение в направлении развития заморских экспедиций, которое эта страна начала в самый разгар «кризиса». Чтобы понять данный феномен, для начала необходимо вспомнить, что европейская территориальная экспансия началась еще раньше, как мы уже предположили выше. Арчибальд Льюис утверждает, что «с XI до середины XIII века Западная Европа расширилась почти до античных (classical) границ».⁸¹ Льюис указывает на постепенное

⁸¹ Lewis, Archibald R. The Closing of the European Frontier // *Speculum*, XXXIII, 4, Oct. 1958, 475.

отвоевание Испании у мавров, возвращение христианской Европой Балеарских островов, Сардинии и Корсики, норманнское завоевание южной Италии и Сицилии, а также ссылается на Крестовые походы с присоединением сначала Кипра, Палестины и Сирии, а затем Крита и островов Эгейского моря. На северо-западе Европы происходила английская экспансия в Уэльс, Шотландию и Ирландию, а на востоке немцы и скандинавы проникали в земли балтов и славян, обращая завоеванные народы в христианство. «[Однако] самой важной была внутренняя граница, которую формировали лес, трясина, топь, торфяник и болото. Это были те самые пустые земли, которые между 1000 и 1250 годами заселили и основательно обработали европейские крестьяне».⁸² Но затем, как мы видели, экспансия и процветание кончились из-за «кризиса», среди симптомов которого было и территориальное сжатие Европы. В политическом отношении это означало оживление мавров в Гранаде, изгнание крестоносцев из Леванта, отвоевание византийцами Константинополя в 1261 году, монгольское завоевание Русской равнины, а внутри самой Европы — возникновение пресловутых пустошей (*Wüstungen*).

Великие открытия (т.е. атлантическая экспансия) были, таким образом, вторым, а не первым броском Европы, который стал успешным благодаря большому стартовому импульсу, более солидной социальной и технологической базе, более интенсивной мотивации. Однако почему произошел этот бросок, исходным центром которого была Португалия? Ни в 1250 году, ни даже сто лет спустя мало кто рассматривал ее в качестве кандидата на эту роль. В ретроспективе, с высоты нашего столетия, этот факт противоречит чувству здравого смысла, нашему убеждению, что и в современную эпоху, да и в истории в целом Португалия была игроком второго плана.

Попробуем ответить на этот вопрос, перечислив движущие силы экспансии и ее возможности. Первые по своему размаху носили общеевропейский характер, хотя отдельные мотивы могли быть более актуальны именно для Португалии. Что искали завоеватели? Школьные учебники говорят нам, что это были драгоценные металлы и пряности, и надо с уверенностью признать, что в определенной мере именно так все и происходило.

В случае с золотом и серебром христианская Европа и арабский мир в эпоху Средневековья находились в симбиотических отношениях. По словам Эндрю Уотсона, «в финансовом аспекте... эти два региона надо рассматривать как один».⁸³ Европа чеканила серебро, арабы — золото. В результате продолжительного ценового неравновесия (вопрос о его происхождении сложен и не требует здесь отдельного рассмотрения) серебро утекало на восток, что вело к его избытку в арабском мире, поэтому экспорт серебра более не мог вести к импорту золота. Это была основная причина, по которой в 1252 году Флоренция и Генуя начинают чеканить новые золотые монеты. Единственное, чем можно это объяснить, было расширение транссахарской торговли золотом

⁸² Ibid., p. 476.

⁸³ Watson, Andrew M. Back to Gold — and Silver // *Economic History Review*, 2nd ser., XX, 1, 1967, 1.

в XIII веке.⁸⁴ В связи с этим Уотсон полагает неправдоподобными рассуждения о нехватке золота в Западной Европе между 1250 и 1500 годами, поскольку это было именно время роста его запасов. Однако все так же происходил и постоянный отток драгоценных металлов в Индию и Китай через Византию и арабский мир, хотя дисбаланс в золотых запасах Европы и Востока сокращался — не без налета мистики Уотсон говорит о «могучей власти Индии и Китая собирать в своих пределах драгоценные металлы из других частей света».⁸⁵ Таким образом,

⁸⁴ «Мы забываем о том, что рудники, которые в античности и Средневековье считались очень скудными, в дальнейшем рассматривались как первоклассные. С VIII века и вплоть до открытия Америки главным поставщиком золота для Западного мира был западный Судан; торговля золотом, впервые превращенная в источник прибыли Ганой, донесла имя этой страны до самого Средиземноморья и усиливала престиж ее королей, которые владели таким источником богатства» (*Mauny, R. A. The Question of Ghana // Africa, XXIV, 3, July 1954, 209.*)

Мариан Маловист утверждает, что основным стимулом расширения торговли был именно североафриканский спрос на золото (для последующей продажи европейцам), а не потребность западного Судана в соли, которую он получал взамен. См. *Malowist. Quelques observations sur le commerce de l'or dans le Soudan occidental au moyen âge // Annales E.S.C., XXV, 6, nov. — déc. 1970, 1630–1636.*

⁸⁵ *Watson. Economic History Review, XX, p. 34.* См. примечательную коллективную статью Р.С. Лопеса, Х.А. Мискимина и Абрахама Юдовича, где убедительно доказывается, что 1350–1500 годы были эпохой постоянной утечки драгоценных металлов из северо-западной Европы в Италию и далее в Левант и Индию: «Потребление предметов роскоши неаграрным населением [Англии] и обширные вложения в украшение церквей... усилили и без того острую после „черной смерти“ нехватку опытных ремесленников, вызвав сравнительное увеличение спроса на их услуги. В результате заработка квалифицированных ремесленников значительно выросли, а новый всплеск спроса на предметы роскоши, лишь частично удовлетворенный местным предложением, обратился к регионам за пределами Северной Европы (как из экономической необходимости, так и в поисках экзотики); неминуемым порождением этого спроса был рост денежного экспорта. Кроме того, считанным местным ремесленникам, производившим предметы роскоши, было запрещено работать на экспорт, поэтому потенциальные внешние доходы северных экономик были урезаны...

Куда же ушли [деньги]?.. Главным каналом утечки денежного запаса Северной Европы действительно было папство. Однако, помимо прямых денежных перечислений в Рим, отток металлов происходил благодаря потреблению предметов роскоши, доставляемых по традиционным каналам торговли... Континентальными пределами пути „север-юг“, [начинавшегося от ганзейских городов], были Милан, Генуя и Венеция... Представляется, что в этот период существовала активная и, возможно, односторонняя торговля, которая связывала северную экономику с южной таким образом, что драгоценные металлы уходили на юг Европы.

Во Франции в XIV — начале XV веков также обнаруживается широко распространившийся рост потребления предметов роскоши с Юга...

Англия и Франция горько сожалели, что драгоценные металлы утекают в Италию, но, по большому счету, это была всего лишь часть потока из Италии в Левант... Несмотря на ввоз золота из северо-западной Европы, скромную продукцию рудников Центральной Европы и более существенные объемы металла, поступавшие из Сенегала, существует множество свидетельств, что в лучшем случае золотой запас был едва ли достаточным, а часто его не хватало. Учитывая хронически неутолимую человеческую

спрос на металлы оставался высоким. Между 1350 и 1450 годами началась разработка серебряных рудников в Сербии и Боснии,⁸⁶ которые стали важным источником металла до того момента, пока турецкое вторжение XV века не отрезало их от Западной Европы. Аналогичным образом начиная с 1460 года становится возможным резкий рост добычи серебра в Центральной Европе благодаря технологическим новшествам, позволившим эксплуатировать рудники, ранее считавшиеся второстепенными. Перруа оценивает рост производства серебра в Центральной Европе в промежутке между 1460 и 1530 годами в 5 раз.⁸⁷ Тем не менее, предложение отставало от спроса, так что поиск

жажду золота, ясно, что в XIV–XV веках торговля с Левантом вытягивала из Италии все больше и больше желтого металла... Сравнительный рост торговли предметами роскоши сделал Италию более зависимой от Леванта и увеличил отток драгоценных металлов в этом направлении...

В конце XIV века экономика Египта испытывает полный коллапс... происходит тотальный спад количественных показателей по всем отраслям... Египетский экономический кризис сопровождался крахом финансовой системы: золото и серебро встречались все реже и реже, во внутреннем обращении и вообще на всех уровнях экономических взаимодействий преобладали медные монеты...

Самым главным среди множества факторов, влиявших на сокращение денежной массы в конце XIV и XV веках, был продолжительно неблагоприятный платежный баланс международной торговли Египта. К XIII веку золотые прииски в Нубии были истощены до такой степени, что добытое золото едва покрывало себестоимость его добычи. Оживленная и прибыльная торговля с западным Суданом обеспечивала Египту приток золота вплоть до второй половины XIV века, когда эта торговля пришла в упадок и африканское золото стало утекать в направлении Европы... В этот период сокращения египетского золотого запаса нет свидетельств о сопоставимо значительном спаде потребления иностранных товаров либо об одновременном сокращении государственных расходов на импорт...

На протяжении XV века Европа была единственной частью света, с которой Египет поддерживал положительный торговый баланс... В начале XV столетия Египет фактически проедал доходы от торговли пряностями с Европой... Однако в стране оставалась лишь часть этой суммы, поскольку торговля пряностями была транзитной. Кроме того, благодаря собственному внутреннему потреблению пряностей и других восточных товаров Египет также способствовал оттоку [золота в сторону Индии]...

Таким образом, добрая часть золота, начав свой путь за предметами роскоши из Северной Европы на юг, пройдя через Италию и Египет, пополняла в конечном итоге и без того невероятные золотые запасы Индии» (*Lopez, Miskimin and Udovitch. England to Egypt, 1350–1500; Long-term Trends and Long-distance Trade // Studies in the Economic History of the Middle East from the Rise of Islam to the Present Day / M. A. Cook, ed. London and New York: Oxford Univ. Press, 1970, 101, 102, 103, 104, 105, 109, 110, 114, 117, 123, 126, 127–128*).

⁸⁶ См. *Kovacevic, Desanka. Dans la Serbie et la Bosnie médiévales: les mines d'or et d'argent // Annales E.S.C., XV, 2, mars — avr. 1960, 248–258.*

⁸⁷ «Около 1460 года произошел неожиданный рост добычи минерального сырья, в первую очередь в Центральной Европе. Технологии в этой сфере были поставлены на научную основу: изобретение лучших методов бурения, дренажа и вентиляции сделало возможным эксплуатацию рудников Саксонии, Богемии и Венгрии на глубине 600 футов; благодаря расширению использования гидравлической силы выросла мощность мехов и буров, в связи с чем стало возможным спустить горны с гор в долины; строительство

золота морским путем (в частности, в случае с суданским золотом — в обход североафриканских посредников) был, безусловно, одним из мотивов первых португальских мореплавателей.⁸⁸ Поэтому открытие Америки, которое даст Европе более богатый источник золота, чем Судан, и еще более крупный источник серебра, чем Центральная Европа, приведет к грандиозным экономическим последствиям.⁸⁹

Золото и серебро искали, чтобы обеспечить физическую основу денежного обращения в Европе, но в еще большей степени — для экспорта на Восток. Для чего? Опять же, каждый школьник знает ответ: для обмена на драгоценные камни и пряности. Для кого? Для богачей, которые использовали их в качестве предметов демонстративного потребления. Пряности использовались для изготовления афродизиаков, как будто богачи по-другому не могли заниматься любовью. Иными словами, в эту эпоху отношения Европы и Азии можно свести к обмену драгоценностями. Слитки отправлялись на Восток, чтобы украсить храмы, дворцы и одежду азиатских аристократов, а пряности и алмазы текли на Запад. То, что предпочтение было отдано именно таким излишествам, было предопределено случайностями истории культуры — возможно, просто не более чем природной редкостью перечисленных вещей. Анри Пиренн и позднее Пол Суизи полагали, что спрос на предметы роскоши имел почетное место в процессе расширения европейской торговли.⁹⁰ Однако я скептически отношусь

первых доменных печей десятифутовой высоты утроило производственные мощности старых горнов. Таким образом, нет ничего невозможного в том, что добыча полезных ископаемых в Центральной Европе между 1460 и 1530 годами выросла в 5 раз» (*Perroy. Le Moyen Age*, III, pp. 559–562).

⁸⁸ См. *Godinho, V. M. Creation et dynamism économique du monde atlantique (1420–1670)* // *Annales E.S.C.*, V, 1, janv. — mars 1950, 33; *Chaunu, Pierre. Séville et l'Atlantique (1504–1650)*, VIII, 1. Paris: S.E.V.P.E.N., 1959, 57.

⁸⁹ «Америка, которая переняла эстафету поставок золота в Средиземноморье из Африки, стала также источником серебра, еще в большей степени заменившего приток этого металла из германских рудников» (*Бродель. Средиземное море*, II, 192).

⁹⁰ «Везде, где распространялась торговля, она создавала спрос на новые предметы потребления, которые приносила с собой. Как это всегда случается, аристократия хотела окружить себя роскошью или, по меньшей мере, комфортом, соответствующим ее социальному положению» (*Pirenne, Henri. Economic and Social History of Medieval Europe*. London: Routledge and Kegan, 1936, 81).

«Свою главную жатву война снимала с высшего класса (поскольку лишь ему было дозволено носить оружие), поэтому можно легко усомниться в том, что происходил значимый *относительный* рост численности этого паразитического класса... С другой стороны, нет оснований сомневаться в растущей расточительности правящего феодального класса... Но был ли этот рост тенденцией, которую можно объяснить самой природой феодальной системы, или же в расточительности правящего класса отражалось нечто происходившее за ее пределами?... Резкое расширение торговли начиная с XI века несло с собой постоянный рост количества и разнообразия товаров в пределах этой системы» (*Sweezy, Paul. Science and Society*, XIV, pp. 139–140).

Однако Морис Добб утверждает, что «переход от принудительного изъятия землевладельцами продуктов прибавочного труда к использованию труда наемного зависел

к тому, что обмен драгоценностями, какие бы преувеличенные размеры он ни достигал в сознании высших европейских классов, мог обеспечить такое колоссальное начинание, как экспансия Атлантического мира, а еще более скептически — к тому, что этим фактором можно объяснить создание европейского мира-экономики.

В долгосрочной перспективе продукты основного потребления в большей степени объясняют экономическое развитие человечества, чем предметы роскоши. Главными потребностями Западной Европы XIV–XV столетий были пища (большее количество калорий и лучшее распределение продовольствия) и топливо. Именно эти нужды и удовлетворяла экспансия в Средиземноморье и на острова Атлантики, затем в Северную и Западную Африку и далее через Атлантику, а в противоположном направлении — экспансия в Восточную Европу, русские степи и в конечном итоге в Центральную Азию. Экспансия расширяла территориальную базу европейского потребления, создавая такую политико-экономическую систему, в которой ресурсы потреблялись неравномерно, с преимуществом на стороне Западной Европы. Впрочем, это была не единственная возможность восполнить указанные нужды. Второй путь заключался в развитии технологических инноваций, повышении урожайности сельского хозяйства — эти процессы начались во Фландрии не позднее XIII века и лишь в XVI веке распространились в направлении Англии.⁹¹ Однако инновационный путь был в большей степени вероятен в тех регионах, где, как в средневековой Фландрии, была высокая плотность населения и происходил промышленный рост. Именно во Фландрии стало более прибыльным коммерческое использование земли для выращивания зерновых, животноводства и садоводства. В свою очередь, это «требовало значительных внешних поставок хлеба — только тогда сложно организованная аграрно-индустриальная система могла полностью продемонстрировать свое преимущество».⁹² Поэтому инновации в сельском хозяйстве поддерживали необходимость экспансии, а не препятствовали этому процессу.

Хлеб стал важнейшим средоточием новых типов производства и торговли в XV–XVI веках. Во-первых, Европа, по меткому выражению Фернана

от наличия дешевой свободной рабочей силы (т.е. пролетарских или полупролетарских элементов). Полагаю, — отмечает Добб, — что именно в этом, а не в близости рынков заключается наиболее фундаментальный детерминирующий фактор выживания или исчезновения прежних социальных отношений» (*Dobb. Science and Society*, XIV, p. 161).

Р.Г. Хилтон принимает сторону Добба: «Экономический прогресс, неотделимый от предшествующих ему борьбы за ренту и политической стабилизации феодализма, характеризовался ростом совокупного общественного прибавочного продукта сверх нужд выживания. Именно этот фактор, а не так называемое оживление международной торговли шелком и пряностями был основой развития товарного производства» (*Hilton. The Transition from Feudalism to Capitalism // Science & Society*, XVII, 4, Fall 1953, 347).

⁹¹ См. *Slicher van Bath, B. H. The Rise of Intensive Husbandry in the Low Countries // Britain and the Netherlands / J. S. Bromley & E. H. Kossman, eds. London: Chatto, 1960, 130–153.*

⁹² *Ibid.*, p. 137.

Броделя, открыла в средиземноморских равнинах и северных лесах свои «внутренние Америки».⁹³ Но последних было недостаточно, поэтому экспансия шла также по окраинам континента, в первую очередь в направлении островов. Виторину Магальяэш Годињу выдвинул рабочую гипотезу, поддержанную Жуэлем Серрау, что сельское хозяйство было главной движущей силой португальской колонизации островов Атлантики. Серрау отмечает, что развитие этих островов было быстрым и ограничивалось «четверкой товаров: зерно, сахар, красители и вино... [На островах всегда существовала] тенденция к монокультуре, к приоритету того или иного из этих четырех продуктов».⁹⁴ Что же касается «новой» пшеницы, то она стала распространяться по европейскому континенту из Балтийского региона, достигнув в XIV веке Нидерландов⁹⁵ и к XV веку Португалии,⁹⁶ а также из Средиземноморья в Англию и Нидерланды в XIV–XV веках.⁹⁷

Можно выстроить определенную иерархию продуктов питания, расположив их в порядке возрастания стоимости в расчете на 1000 калорий. М. К. Беннетт полагает, что вне зависимости от конкретных времени и места эта иерархия в целом остается стабильной. В нижнем из выделяемых Беннеттом восьми иерархических рядов расположены молотое зерно, а также крахмалосодержащие корни и клубни, то есть самые дешевые, самые базовые среди основных продуктов.⁹⁸ Однако правильное питание не может быть основано на одних лишь злаках. В европейском рационе одним из важнейших дополнений

⁹³ «Осушение земель соответствовало потребностям городов. Их население в XV–XVI веках непрерывно росло. Острая потребность в продовольствии заставляла их заниматься возделыванием сельскохозяйственных культур в прилегающих к ним местностях, как осваивая новые земли, так и применяя в больших масштабах орошение» (*Бродель. Средиземное море*, I, 78).

⁹⁴ *Serrão, Joel. Le blé des îles atlantiques: Madère et Açores aux XVe et XVIe siècles // Annales E.S.C., IX, 3, juil. — sep. 1954, 338.*

⁹⁵ См. *van Houtte, J. A. L'approvisionnement des villes dans les Pays-Bas (Moyen Age et Temps Modernes) // Third International Conference of Economic History. Munich, 1965 (Paris: Mouton, 1968), 73–77.*

⁹⁶ «В XV веке Португалия становилась все более открытой для ганзейских городов и бретонцев, которые обеспечивали ее пшеницей и лесом, — уже в этот период Португалия не могла обойтись без импорта этих продуктов» (*Malowist, Marian. Les aspects sociaux de la première phase de l'expansion coloniale // Africana Bulletin, I, 1964, 12).*

⁹⁷ См. *Romano, Ruggiero. A propos du commerce de blé dans la Méditerranée des XIVe et XVIe siècles // Eventail de l'histoire vivante: hommage à Lucien Febvre. Paris: Lib. Armand Colin, 1953, 149–161.*

⁹⁸ 8 рядов Беннетта включают: 1) зерновые продукты, корни и клубни, в том числе подорожник, 2) овощные жиры и масла, 3) сушеные бобы (фасоль, горох, чечевица), 4) сахар, 5) молоко, молочные продукты и, возможно, рыба, 6) свинина, 7) говядина, баранина, козлятина, мясо буйвола, куриное мясо и яйца, 8) овощи и фрукты. См. *Bennett, M. K. The World's Food. New York: Harper, 1954, 127–128.* «Почему же существует эта общая иерархия? Несомненно, она является отражением как относительной стоимости производства, так и калорийности разных продуктов питания [р. 128]».

к зерновым является сахар, полезный и как источник калорий, и как заместитель жиров; его также можно использовать для изготовления алкогольных напитков (особенно рома). Впоследствии сахар будут применять для производства шоколада, чему испанцы обучились у ацтеков, и к XVII веку шоколад станет высоко ценимым напитком, по крайней мере, в Испании.⁹⁹

Сахар также был среди главных движущих сил островной экспансии, а технология его производства несла с собой распространение рабства, начавшееся в восточном Средиземноморье в XII веке и затем расширившееся и в западную часть региона.¹⁰⁰ Атлантическая экспансия была просто логическим продолжением этого процесса. Э.Э. Рич прослеживает историю африканских рабов в Португалии вплоть до 1000 года, когда рабы приобретались у магометанских кочевников.¹⁰¹ Сахар был высокодоходным, но при этом требовательным продуктом, вытеснявшим пшеницу,¹⁰² но затем истощавшим почву, так что его производство требовало новых земель, не говоря уже об истощении человеческих ресурсов в процессе производства.

В приведенной схеме Беннетта рыба и мясо находятся рангом выше сахара, однако и они были необходимы как источник жиров. Годинью указывает, что расширение акватории рыболовства было еще одним из главных направлений раннего этапа португальской экспансии.¹⁰³ Мясо, безусловно, было менее важным продуктом, чем зерно, причем его значимость в потребительской

⁹⁹ См. *Masefield, G. B. Crops and Livestock // Cambridge Economic History of Europe, IV: The Economy of Expanding Europe in the 16th and 17th Centuries / E. E. Rich and C. H. Wilson, eds. (London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967), 295.*

¹⁰⁰ Энтони Латтрелл проследил картину до 1500 года: «Начиная с XII века европейцы (the Latins) производили сахар в Сирии, на Кипре и в других левантинских колониях с использованием рабов мусульманского и иного происхождения. Очевидно, что к 1404 году, когда генуэзец Джованни делла Падуа получил королевскую лицензию на основание плантации в Алгарве, генуэзцы уже перенесли производство сахара из Сицилии в Португалию. В основном именно генуэзцы обеспечивали предпринимательскую инициативу и капитал для появления сахара на Азорских островах и Мадейре, внедряли технологии измельчения сырья и ирригации и экспортировали сахар с островов вплоть до Фландрии и Константинополя. Они также содействовали появлению необходимой для производства рабочей силы. Например, в 1460-х годах Антонио да Ноли* завозил гвинейцев на острова Зеленого Мыса» (*Luttrell. Slavery and Slaving in the Portuguese Atlantic (to about 1500) // The Transatlantic Slave Trade from West Africa (mimeo, 1965), 76. Centre of African Studies, University of Edinburgh*).

¹⁰¹ См. *Rich, E. E. Colonial Settlement and its Labour Problems // Cambridge Economic History of Europe, IV: The Economy of Expanding Europe in the 16th and 17th Centuries / E. E. Rich and C. H. Wilson, eds. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, p. 308.*

¹⁰² Например, относительно Мадейры Серрау отмечает, что «около 1475 года здесь кончился хлебный цикл: [...] пшеницу уничтожил сахар» (*Serrão. Annales E.S.C., IX, p. 340*). Серрау указывает, что вслед за этим житницей Португалии стали Азорские острова, занявшие место Мадейры. Данная циклическая модель «действовала не только в XVI веке, но также и в XVII, и даже в XVIII столетиях» (*Ibid., p. 341*).

¹⁰³ См. *Godinho. Annales E.S.C., V, p. 33.*

корзине в период 1400–1750 годов неуклонно и ощутимо снижалась,¹⁰⁴ — вот доказательство того, что трудящиеся оплатили часть издержек экономического развития Европы, к чему мы еще вернемся.¹⁰⁵ Тем не менее, потребность в мясе была одной из движущих сил торговли пряностями, хотя в данном случае имеются в виду не азиатские специи, шедшие на афродизиаки для богатых, а так называемые «райские зерна» (*Atomum melegueta*)* из Западной Африки, используемые как заменитель перца либо дляпряного вина, известного под названием хиппокрас.^{106**} Лишь благодаря этой разновидности пряностей «жидкая похлебка бедняков становилась хоть немного съедобной».¹⁰⁷

Географическая экспансия Европы была продиктована потребностью в пище, однако доходы от продуктов питания превзошли все ожидания — открылась возможность изменять окружающую среду таким способом, который благодаря появлению социальной организации европейского мира-экономики был прежде всего выгоден для Европы.¹⁰⁸ Помимо пищи, к важнейшим насущным потребностям европейского мира относился лес, используемый как топливо и в кораблестроении, а также для строительства домов. Экономический

¹⁰⁴ «Мало кто знает, что хорошо известное положение дел в 1750 году — преобладание в рационе хлеба с небольшим добавлением мяса — [...] само по себе было результатом ухудшения качества питания, поэтому неприемлемо распространять ситуацию 1750 года на эпоху Средневековья» (*Braudel, Fernand and Spooner, Frank G. Prices in Europe from 1450 to 1750 // Cambridge Economic History of Europe, IV: The Economy of Expanding Europe in the 16th and 17th Centuries / E. E. Rich and C. H. Wilson, eds. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, 414.*

¹⁰⁵ «С 1400 по 1750 годы Европа была крупным потребителем хлеба и более чем наполовину вегетарианцем... Только такая „скромная“ диета позволила Европе вынести нагрузку постоянного роста населения... Вплоть до середины XIX века хлеб все больше и больше оттеснял потребление мяса на второй план» (*Ibid.*, p. 413). См. также *Abel, W. Wandlungen des Fleischverbrauchs und der Fleischversorgung in Deutschland // Bericht über Landwirtschaft, n.s., 22, 1938, 411–452, цит. по: Slicher van Bath. Agrarian History, p. 204.*

¹⁰⁶ «Ранний период португальской экспансии на западноафриканском побережье принес лишь одно растение, сулившее непосредственную выгоду, — райские зерна... Теперь их можно было получать дешевле, чем наземным путем через Сахару. Эта торговля дала название Берегу пряностей***, однако само это растение не смогло прижиться в Европе» (*Masefield. Cambridge Economic History of Europe, IV, p. 276.*

¹⁰⁷ *Chaunu. L'expansion européenne, p. 354.*

¹⁰⁸ Г. Б. Мэйсфилд показывает, как связь между Америкой и Восточным полушарием изменила аграрную карту мира: «Последовавшее за открытием Америки рассредоточение посевов и скота было важнейшим в истории человечества событием такого рода и, возможно, самым „долгоиграющим“ последствием эпохи Великих открытий. Без сельского хозяйства Америки Европа не была бы способна прокормить такое количество населения, как после открытия Нового Света, а также не смогла бы так быстро освоить тропические зоны Старого Света. Однако американский континент не достиг бы этих результатов без европейского животноводства, в особенности без лошадей и мулов, необходимых для перевозки грузов и в земледелии» (*Masefield. Cambridge Economic History of Europe, IV, p. 276.*

рост Средневековья с его негуманными технологиями лесозаготовок медленно, но неуклонно вел к сведению лесов в Западной Европе: в Италии, Испании, а также на островах Средиземноморья. Особенно редок стал дуб.¹⁰⁹ Однако к XVI веку в Голландию, Англию и на Пиренейский полуостров в большом объеме начал экспортироваться балтийский лес.

Еще один вид продукции, в котором была необходимость, и поэтому достойный упоминания, — это ткани. Разумеется, существовал спрос на такой предмет роскоши, как шелк, издавна связанный со спросом на драгоценные камни и пряности. Растущая текстильная индустрия, первая главная отрасль в развитии европейской промышленности, была, тем не менее, чем-то большим, нежели торговлей предметами роскоши. Этой индустрии требовались вспомогательные материалы для производства крашеного сырья для хлопковых и шерстяных изделий, а также камедь для придания шелку жесткости в конце процесса его обработки.¹¹⁰

Драгоценные металлы были востребованы европейскими потребителями в качестве предметов роскоши и еще более — для торговли с Азией, но они были необходимы и для экспансии европейской экономики. Следует задать вопрос, почему так произошло. В конечном итоге, деньги можно делать из чего угодно при том условии, что люди будут относиться к ним с уважением — сегодня в качестве платежного средства и в самом деле почти без исключений используются неметаллические деньги. Более того, в Европе этот процесс начался в Средневековье с появления так называемых «счетных денег» (“money of account”), иногда некорректно именуемых «воображаемыми».

Однако потребуются столетия, чтобы металлические деньги приобрели символический статус,¹¹¹ и даже сегодня два типа денег еще не вполне совпадают.

¹⁰⁹ Применительно к разным частям Италии Бродель говорит о «лесном голоде»: «Средиземноморские мореплаватели постепенно привыкают находить в дальних краях то, чего нет в их собственных лесах. В XVI веке с севера прибывают в Севилью целые корабли, груженные корабельным брусом и досками» (Бродель. Средиземное море, I, 189).

См. у Фредерика Лейна: «Во второй половине XV века нехватка леса в Европе стала ощутимо заметной, особенно остро — в Венеции. Куда более крупные запасы леса были у Пагузы и в Бискайе — конкуренцию этих регионов венецианцы ощущали особенно остро. В конце XVI века нехватка строевого дуба становится в Средиземноморье всеобщей» (Lane. Venetian Shipping During the Commercial Revolution // Venice and History (Baltimore, Maryland: John Hopkins Press, 1966), 21).

Х.С. Дарби делает аналогичный вывод относительно Англии: «Начиная с эпохи Тюдоров рост английского флота — как торгового, так и военного — зависел от наличия достаточного объема дуба для изготовления корабельных корпусов и сосен для мачт, которые импортировались из Балтии наряду с другими „корабельными товарами“ — смолой и дегтем» (Darby. The Clearing of the Woodland in Europe // Man's Role in Changing the Face of the Earth / William L. Thomas, Jr., ed. Chicago, Illinois: Univ. of Chicago Press, 1956, 200).

¹¹⁰ См. Godinho. Annales E.S.C., V, p. 33.

¹¹¹ Ключевым моментом в превращении металлических денег в символы является выпуск монет товарной стоимостью ниже (причем чем ниже, тем лучше), чем их номинальная стоимость. Однако Карло Чиполла указывает, что для мелких монет это

В итоге Европа была охвачена постоянным изменением ценности денег посредством порчи монеты — настолько постоянным, что Марк Блок называет этот процесс «связующей нитью истории финансов».¹¹² При этом никто всерьез не полагал, что можно обойтись без золота.

На то были различные причины. Прежде всего, советники правительств сами были заинтересованы в такой системе.¹¹³ Не следует забывать, что в период позднего Средневековья звонкая монета все еще оставалась разновидностью коммерческого предложения, служившего частным интересам.¹¹⁴ Однако более существенным моментом, чем личный интерес, была коллективная психология страха, основанная на неотъемлемых реалиях экономической системы, элементы которой были слабо связаны между собой. Безналичные деньги всегда могли обесцениться — в действительности они находились в ничьих руках, но в то же время это были богатые руки, контролировавшие безналичные расчеты либо поодиночке, либо сообща. Однако кто знал, не рухнет ли снова вся монетарная экономика? Так уже случалось, и поэтому золото и серебро были страховкой. Наличные деньги всегда можно было использовать как товар лишь при том условии, что обе функции денег (мера стоимости и платежное средство) ушли недалеко друг от друга.¹¹⁵ Поэтому использование металлических денег было существенным моментом — без него Европа испытывала бы дефицит коллективного доверия для развития капиталистической системы, в рамках которой прибыль возникает благодаря разнообразным формам предоплаты за реализуемые блага. Это *a fortiori* [тем более — *лат.*] верно применительно к структуре неимперского мира-экономики, необходимость в котором возникла по иным причинам.

правило не действовало в Англии до 1816 года, в США до 1853 года. См. *Cipolla. Money, Prices*, p. 27.

¹¹² *Bloch, Marc. Esquisse d'une histoire monétaire de l'Europe. Paris: Lib. Armand Colin, 1954, 50.*

¹¹³ «Большинство, если не все эксперты, с которыми советовались последние Капетинги [во Франции], были купцами, часто из Италии, одновременно торговавшими на дальние расстояния и предоставлявшими займы королям и знати; нередко они сами чеканили монету и торговали драгоценными металлами [*Bloch, ibid.*, p. 52].»

¹¹⁴ «В большинстве случаев чеканка монет осуществлялась не напрямую самим государством, а производилась частными лицами, использовавшими металлы, который поставляли другие частные лица. Ключевой интерес этих эмитентов лежал в сфере частной выгоды, а не общественного блага. В тех случаях, когда король сам выпускал монету, он чаще всего также действовал как частный предприниматель, а не как глава государства» (*Cipolla. Money, Prices*, p. 28).

¹¹⁵ Марк Блок цитирует поразительный отрывок XV века из документа французской *Chambre des Comptes** (Счетной Палаты), где «при калькуляции переводов с одного королевского счета на другой вместо простой записи сумм в *ливрах, су и денье* заботились о том, чтобы присоединить к ним переводной коэффициент изменений, которые в соответствующие промежутки времени случались с „металлической“ стоимостью этих сумм. „Остаток с предыдущего счета 416 *ливров 19 турнейских су*, „слабых“ денег... что в „сильных“ [то есть по текущему курсу] деньгах составляет 319 *ливров 19 турнейских су*“» (*Bloch. Esquisse d'une histoire*, p. 49).

С учетом указанного феномена коллективной психологии, драгоценные металлы — интегральный элемент социальной структуры того времени — следует рассматривать как существенный вклад в процветание мира-экономики.

Движущие силы европейской экспансии следует искать не только среди продуктов, которыми желала обладать Европа, но и в запросе на занятость со стороны различных социальных групп. Х. В. Ливермор напоминает, что именно пиренейские хронисты того времени (XV — начало XVI века) и немногим после первыми заметили, что «идея переноса Реконкисты в северную Африку была подсказана необходимостью найти полезное применение тем, кто почти четверть тысячелетия жил за счет приграничных набегов».¹¹⁶

Теперь необходимо вспомнить ключевую для XIV–XV веков проблему снижения сеньориальных доходов. М. М. Постан назвал последовавшее за этим поведение английской знати «гангстеризмом», имея в виду использование противозаконного насилия для восстановления утраченной нормы прибыли. То же самое происходило в Швеции, Дании и Германии. Безусловно, рассматриваемая нами экспансия была одной из форм этого насилия.¹¹⁷ Можно говорить о следующем общем принципе: если феодальная аристократия получает со своей земли меньше доходов, она ищет новые земли для извлечения прибыли, тем самым восстанавливая свои реальные доходы до уровня ожиданий, соответствующих ее социальному статусу. Теперь мы можем дать простой ответ на вопрос, почему именно Португалия, а не другие европейские страны, начинает заморскую экспансию: в других странах аристократии больше повезло, потому что экспансию можно было предпринять неподалеку от дома, используя конницу, а не корабли. У Португалии же в силу ее географического положения просто не было выбора.

Несомненно, заморская экспансия была традиционно связана с интересами купцов, которые были готовы заработать благодаря расширению торговли, и монархов, стремившихся обеспечить славу и доход своему трону. Но вполне могло быть и так, что *исходно* мотивы для открытий восходили к интересам знати Пиренейских стран, в частности, к интересам пресловутых «младших сыновей», которым не хватало земли. Соответственно, более расчетливые купцы (часто не столь предприимчивые, как аристократия, которой угрожало

¹¹⁶ *Livermore, H. V. Portuguese History // Portugal and Brazil, an Introduction / H. V. Livermore, ed. London and New York: Oxford Univ. Press (Clarendon), 1953, 59.*

Виторину Магальяэш Годинью видит прямую связь между жестокой социальной борьбой в Португалии (1383–1385 годы) и экспедицией в Сеуту в 1415 году*. См. *Go-dinho. L'économie de l'empire portugais aux XVe et XVIe siècles. Paris: S.E.V.P.E.N., 1969, 40.*

¹¹⁷ «Историки видят связь между великими войнами XIV–XV веков (включая французские вылазки в Италию) и сокращением уровня доходов знати... Не относится ли начало эпохи Великих открытий в XV веке (и даже в предыдущем столетии, когда происходит колонизация островов Атлантики) к тому же разряду событий и не случилось ли оно по тем же причинам? Одновременно можно говорить о немецкой экспансии в Восточной Европе и попытках датско-германской знати захватить Скандинавию» (*Malowist, Marian. Un essai d'histoire comparée: les mouvements d'expansion de l'Europe au XV et XVI siècles // Annales E.S.C., XVII, 5, sept. — oct. 1962, 924).*

деклассирование) начали проявлять энтузиазм, лишь когда стали функционировать торговые пути.¹¹⁸

Было ли причиной экспансии перенаселение? Это один из вопросов, которые только запутывают дело. Бродель утверждает, что перенаселение в западном Средиземноморье было совершенно явным и в доказательство приводит пример неоднократного изгнания из разных стран евреев, а затем морисков.¹¹⁹ Однако Э.Э. Рич уверяет, что при рассмотрении причин европейской экспансии XV–XVI веков «фактором избытка населения можно пренебречь... Растущее население могло отправляться на войну или в города, но это могла быть не более чем возможность».¹²⁰ Наверное, так все и было, но каким образом те, кто ушел в города или на войну, питались и одевались, где они жили и т.д.? В Европе существовало физическое пространство даже для растущего населения, но это обстоятельство в действительности было всего лишь частью той проблемы, которая вела к экспансии. Наличие свободного пространства выступало одним из основных факторов, дававших крестьянству козыри в его отношениях со знатью**, а стало быть, одним из факторов снижения сеньориальных доходов в ходе кризиса феодализма. На этот кризис европейские общества могли отвечать по-разному. Один из вариантов состоял в признании (по крайней мере, косвенном) перенаселения, а стало быть, потребности в большей земельной базе.¹²¹ На самом

¹¹⁸ См. у Маловиста: «Представляется очевидным, что на первом этапе португальской колониальной экспансии... первоочередную роль играла знать... Доля купцов в заморской торговле росла по мере становления португальской колониальной империи... Похоже, что аналогичным образом происходил процесс испанской колонизации Америки» (*Malowist. Africana Bulletin*, No. 1, pp. 32–34). Шоню, ссылаясь на авторитет Годинью, точно так же различает два типа португальской экспансии: «сухопутную, то есть поддерживаемую знатью и политическую по форме, например, взятие Сеуты и перенос Реконкисты на территорию Марокко, и, по сути дела, торговую экспансию вдоль побережья Африки, возглавленную в первую очередь буржуазией» (*Chauni. L'expansion européenne*, p. 363). Как и Маловист, Шоню добавляет, что он хотел бы распространить подобное объяснение и на испанское завоевание Америки.

Луис Витале в своей оценке роли буржуазии готов идти еще дальше: «В 1381 году Португалия за четыре столетия до Франции стала свидетельницей первой буржуазной революции*, когда торговая буржуазия Лиссабона, связанная коммерческими отношениями с Фландрией, отстранила от власти феодальных сеньоров. Полный провал этой революции показал, что условия для триумфа буржуазии еще не созрели, но ее подъем отразился в торговле с Северной Атлантикой, в предприятиях Генриха Мореплавателя и, в конечном итоге, в открытиях XV века» (*Vitale. Latin America: Feudal or Capitalist? // Latin America: Reform or Revolution? / James Petras and Maurice Zeitlin, eds. Greenwich, Connecticut: Fawcett, 1968, 34*).

¹¹⁹ «Религиозные соображения были скорее поводом, чем причиной этих преследований... Еще позднее, как заметил в свое время Жорж Париже, от [действия закона численности] пострадали французские протестанты при Людовике XIV» (*Бродель. Средиземное море*, II, 88).

¹²⁰ *Rich. Cambridge Economic History of Europe*, IV, pp. 302–303.

¹²¹ На Пиренейском полуострове такая форма самоопределения, естественно, имела длительную историю. См. у Чарльза Джулиана Бишко: «Восемь веков то медленного,

же деле знати (да и буржуазии тоже) требовалась более стоворчивая рабочая сила — и они ее получают. Таким образом, численность населения не была проблемой — проблемой были общественные отношения, определявшие характер взаимодействия между высшим и низшим классами.

Наконец, можно ли объяснить заморскую экспансию «крестоносным духом», стремлением к проповеди христианства? Опять перед нами вопрос, затемняющий суть дела. Несомненно, на Пиренейском полуострове, где национальное движение так долго облекалось в одеяние религиозной риторики, христианство обрело особую милитаризованную форму. Безусловно, XVI век был эпохой *разгрома* христиан османами (Moslem Turks), которые на юго-востоке Европы дошли вплоть до самых ворот Вены. Так что в значительной степени атлантическая экспансия могла быть психологической реакцией на эти события — «компенсирующим феноменом, чем-то вроде рывка вперед» (Шоню).¹²² Несомненно, христианский пыл объясняет многие отдельные деяния португальцев и испанцев, а возможно, отчасти и энергию принятия на себя обязательств — порой чрезмерных. Однако более правдоподобным было бы рассматривать этот религиозный энтузиазм как форму рационализации*. Несомненно, это религиозное чувство, внутренне усвоенное многими деятелями эпохи, крепило и поддерживало их подвиги, а также, как в кривом зеркале, отражалось в их экономической деятельности. Однако история слишком часто была свидетельницей того, как страсть обращается в цинизм, чтобы без подозрения считать подобные верования основным фактором, объясняющим возникновение крупномасштабного социального действия и длительное сохранение его эффекта.

Все сказанное о движущих силах экспансии в конечном итоге не дает ответа на вопрос, почему ее начали португальцы. Мы обсудили *европейские* материальные потребности, *общий* кризис сеньориальных доходов, для пущей уверенности добавив частный интерес Португалии в разрешении этих проблем путем атлантической экспансии. Однако все это по-прежнему недостаточно убедительно, поэтому от проблемы мотивов экспансии следует перейти к исследованию ее возможностей. Почему из всех государств Европы именно Португалия оказалась способной на первый бросок? Наиболее очевидный ответ находится на карте: Португалия расположена на побережье Атлантики в непосредственном соседстве с Африкой, и в ходе колонизации атлантических островов и западноафриканского побережья Португалия по естественным причинам была первой. Кроме того, благодаря географии океанических течений от португальских портов (а также с юго-запада Испании) начинался

то стремительного продвижения на юг против мавров были не просто эпопеей военных и политических баталий, но, помимо прочего, стали средневековой *repoblación* [новым заселением — исп.], или реколонизацией, Пиренейского полуострова» (Bishko. The Castilian as Plainsman: The Medieval Ranching Frontier in La Mancha and Extremadura // The New World Looks at its History / Archibald R. Lewis and Thomas F. McGann, eds. Austin: Univ. of Texas Press, 1969, 47).

¹²² Chaunu. Séville, VIII (1), p. 60.

самый легкий, особенно в условиях тогдашних технологий навигации, путь продвижения на юг.¹²³

Во-вторых, у Португалии уже был большой опыт торговли на дальние расстояния. Если Португалия и не была здесь конкурентом Венеции или Генуе, то, во всяком случае, как показывает недавнее исследование, она располагала значительной торговой базой, возможно, сопоставимой с городами Северной Европы.¹²⁴

Третьим фактором была доступность капитала. Генуэзцы, извечные соперники Венеции, рано решили инвестировать в коммерческие предприятия пиренейцев, вдохновляя их на заморскую экспансию.¹²⁵ Если к концу XV века генуэзцы предпочтут португальцам испанцев, то в значительной степени потому, что португальцы к тому моменту уже могли обойтись без генуэзского спонсорства, опеки и раздела прибыли с Генуей. Шарль Верлинден называет итальянцев «единственной колонизаторской нацией Средневековья».¹²⁶ XII век, когда

¹²³ «Во всей северной Атлантике нет более идеального места для плавания в направлении теплых вод, чем прибрежное течение, идущее от северных окрестностей Лиссабона к Гибралтару или даже от Лиссабона к северной оконечности Марокко. Только там можно обнаружить чередование ветров: в низкий сезон [*racine*] торговли, в момент летнего солнцестояния, — постоянный ветер, дующий от берега в открытое море, в само средоточие океана, и ветер, дующий от осени до ранней весны [*petit printemps*] в обратном направлении [*contreflux*], из средних широт» (*Chaunu, Pierre. Séville, VIII* (1), p. 52). Полезную карту можно найти в: *Boxer, Charles R. The Portuguese Seaborne Empire, 1415–1825. New York: Knopf, 1969, 54–55. См. Бродель. Материальная цивилизация, I, 368–370.*

¹²⁴ «Неоспоримо, что чудесное колониальное и коммерческое развитие пиренейских стран на заре нового времени стало возможным во многом благодаря постепенному росту их внешней торговли в конце средних веков». *Verlinden, Charles. Deus aspects de l'expansion commercial du Portugal au moyen âge // Revista Portuguesa de Historia, IV, 1949, 170. См. тж. Verlinden, Charles. The Rise of Spanish Trade in the Middle Ages // Economic History Review, X, 1, 1940, 44–59. Аналогичную точку зрения высказывает Мишель Молла в: *Mollat. L'économie européenne aux deux dernières siècles du Moyen-Age // Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, (Firenze: G.B. Sansoni, 1955) III, Storia del medioevo, 755.**

Антониу Э. де Оливейра Маркеш рассматривает природу португальской торговли с Фландрией в XIII–XIV веках в: *Marques. Notas para a história da feitoria portuguesa na Flandres no século XV // Studi in onore di Amintore Fanfani, II. Medioevo. Milano: Dott. A. Giuffré — Ed., 1962, 473–476. Он отмечает, что уже в 1308 году в Брюгге существовало португальское «землячество», а товары транспортировались на португальских кораблях (см. p. 451). См. *Godinho. L'économie portugaise, p. 37.**

¹²⁵ К. М. Паниккар указывает, что Генуя стремилась захватить торговлю с Индией начиная с XIII века. «В конечном итоге именно через Испанию и Португалию генуэзцы могли пробиться сквозь венецианскую монополию и мусульманскую блокаду...», см.: *Panikkar. Asia and Western Dominance. London: Allen & Unwin, 1953, 26–27. Несмотря на то, что это слишком простое объяснение упадка венецианской монополии (как будет показано в главе 6), Паниккар прав, обращая внимание на длительные усилия Генуи в этом направлении.*

¹²⁶ *Verlinden, Charles. Italian Influence in Iberian Colonization // Hispanic American Historical Review, XXXIII, 2, May 1953, 199.*

генуэзцы и пизанцы впервые появляются в Каталонии,¹²⁷ XIII век, когда они достигают Португалии,¹²⁸ — все это составляющая часть усилий итальянцев по вовлечению народов Пиренейского полуострова в международную торговлю того времени. Однажды здесь появившись, итальянцы будут претендовать на ведущую роль в достижениях пиренейской колонизации. Придя так рано, «они могли завоевать ключевые позиции на самом Иберийском полуострове».¹²⁹ Согласно Вирджинии Рау, уже в 1317 году «Лиссабон — город и порт — был крупным центром генуэзской торговли...»¹³⁰ Нет сомнений, что в конце XIV — начале XV столетий португальские купцы стали жаловаться на «чрезмерное вмешательство [итальянцев] в розничную торговлю государства, что угрожало приоритету национального купечества в этой области коммерции».¹³¹ Решение проблемы было простым и в некотором роде старым как мир: итальянцы были поглощены посредством смешанных браков и стали поместными аристократами как в Португалии, так и на Мадейре.

И еще один аспект торговой экономики придавал португальцам больше смелости, чем, скажем, французам или англичанам. Ирония состояла в том, что Португалия в меньшей степени относилась к той области, где возникнет европейский мир-экономика, — скорее она была достаточно широко интегрирована в исламское Средиземноморье. Вследствие этого португальская экономика была значительно больше монетизирована, а доля городского населения была выше.¹³²

Однако первенство Португалии объясняют не только преимущества географического характера и в сфере торговли — в этой стране также был сильный государственный аппарат. В данном отношении Португалия сильно отличалась от других европейских стран XV века: Португалия наслаждалась миром, когда остальную Европу раздирали внутренние войны.¹³³ Стабильность государства была

¹²⁷ Ibid., p. 200.

¹²⁸ См. Rau, Virginia. A Family of Italian Merchants in Portugal in the Fifteenth Century: the Lomellini // Studi in onore di Armando Sapori. Milano: Istituto Edit. Cisalpino, 1957, 718.

¹²⁹ Verlinden. Hispanic American Historical Review, p. 205. См. Verlinden, Charles. La colonie italienne de Lisbonne et le développement de l'économie métropolitaine et coloniale portugaise // Studi in onore di Armando Sapori. Milano: Istituto Edit. Cisalpino, 1957, I, 615–28.

¹³⁰ Rau. Studi in onore di Armando Sapori, p. 718.

¹³¹ Ibid., p. 719. Курсив добавлен.

¹³² «В XIV веке появившийся [в Португалии] внутренний рынок достиг пика развития и впервые столкнулся с жесткими ограничениями своего роста. В Португалии — возможно, благодаря ее принадлежности к богатой исламской зоне — обмен поддерживался на более высоком уровне, чем в Западной Европе, причем в этом обмене преобладали денежные расчеты... Поэтому крестьянство — изгоняемое с земли, бунтующее против растущего насилия феодальной эксплуатации, привлекаемое крупными городами на побережье — крестьянство внесло свою лепту в обогащение этих купеческих городов и расширение торговли» (Da Silva. L'autoconsommation au Portugal (XIVe–XXe siècles) // Annales E.S.C., XXIV, 2, mars — avr. 1969, 252). Курсив добавлен.

¹³³ «Важным вкладом [в португальское лидерство] было то, что в течение XV века Португалия представляла собой единое королевство, фактически свободное

важна не только потому, что она создавала климат, благоприятный для расцвета предпринимательства, и предоставляла знати возможность найти иной выход своей энергии, нежели междоусобная война или распри с соседями. Стабильность была ключевым моментом еще и в силу того, что государство во многих отношениях само по себе было главным предпринимателем:¹³⁴ стабильное государство могло направить свою энергию на прибыльные коммерческие проекты. Как уже было указано, геоисторическая логика диктовала Португалии направление атлантической экспансии как наиболее разумное коммерческое предприятие для государства.

Но почему же Португалия? Потому, что Португалия единственной из европейских стран максимизировала волю и возможности. Для поддержки экономической экспансии Европе требовалось расширение земельной базы. Это могло стать компенсацией критического падения сеньориальных доходов и предотвратить назревавшую и потенциально крайне опасную классовую войну, которую нес с собой кризис феодализма. Европа нуждалась во многих вещах: драгоценных металлах, волокнах, жирах и средствах для их хранения, продуктах питания, лесе, сырье для текстильной промышленности — и более стоговорчивой рабочей силе.

Однако не следует представлять себе «Европу» как нечто реально существующее: на европейском континенте не существовало никакой центральной инстанции, действовавшей с учетом этих далеко идущих целей — конкретные решения принимались группами людей в пределах их непосредственных интересов. В португальском случае преимущества от «бизнеса открытий» открывались для многих групп: для государства, знати, торговой буржуазии (местной и иностранной) и даже для городского полупролетариата.

Для государства — *небольшого* государства — преимущество было очевидным: экспансия была наиболее подходящим способом увеличения доходов и стяжания славы. Кроме того, португальское общество не раздирали внутренние конфликты — в Европе того времени это был фактически единственный подобный случай. Это общество достигло политической стабильности как минимум на столетие раньше Испании, Франции и Англии.

от внутренней борьбы, в то время как Франция была вовлечена в заключительную стадию Столетней войны (для сравнения, в 1415 году состоялись битва при Азенкуре и захват Сеуты [португальцами]) и раздоры с Бургундией, Англия — в борьбу с Францией и войну Алой и Белой Розы, Испания и Италия — во внутренние династические потрясения и прочие катаклизмы» (Boxer, C. R. *Four Centuries of Portuguese Expansion*, 1415–1825. Johannesburg: Witwatersrand Univ. Press, 1961, 6).

¹³⁴ «Феодалное государство было в определенном отношении частной собственностью государя в том же смысле, что феодал был частной собственностью вассала... И правители, и их вассалы рассматривали расширение юрисдикции двора, обработки полей и завоеваний своих армий в качестве предприятий, направленных на извлечение прибыли. Позднее этот дух и правовые формы феодализма во многом воплотились в заокееанской экспансии» (Lane, Frederic C. *Force and Enterprise in the Creation of Oceanic Commerce // Venice in History*. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins Press, 1966, 401–402).

Эта социальная стабильность придала импульс португальской знати, которой угрожали те же самые финансовые проблемы, что и аристократам в остальной части Европы. Однако у португальской знати не было усыпляющих финансовых преимуществ междоусобной войны (усыпляющих, конечно, в случае победы в этой войне), а восстановить свое финансовое положение путем колонизации «внутренней Америки» она не могла — в Португалии попросту не хватало земли. Поэтому аристократия симпатизировала идее заокеанской экспансии, предлагая своим «младшим сыновьям» обеспечить необходимое для таких экспедиций руководство.

В данном случае интересы буржуазии не противоречили интересам знати. Буржуазия была подготовлена к современному капитализму годами ученичества в деле торговли на дальние расстояния и опытом жизни в одном из наиболее развитых в финансовом плане регионов Европы (благодаря включенности португальской экономики в мир исламского Средиземноморья). Как и знать, буржуазия стремилась выйти за пределы небольшого португальского рынка, и если у нее возникала нехватка капитала, его можно было найти в готовом виде у генуэзцев, которые по собственным причинам, связанным с соперничеством с Венецией, были готовы финансировать португальцев. Что касается потенциального конфликта местной и иностранной буржуазии, то он был пресечен благодаря стремлению генуэзцев со временем ассимилироваться с португальской культурой.

Наконец, географические открытия и последовавшее за ними развитие торговли обеспечили рабочие места городскому полупролетариату, который в большинстве своем состоял из тех, кто бежал в города от роста эксплуатации вследствие сеньориального кризиса. В данном случае внешняя экспансия также минимизировала возможность внутренних беспорядков.

Но даже если и этого сочетания воли и возможностей не было достаточно, то надо сказать, что Португалия была одарена лучшим из всех возможных для успеха предприятия географическим положением, поскольку территория страны представляет собой выступ в Атлантику в южном направлении, а также благодаря атлантическим течениям. Поэтому в ретроспективе бросок Португалии не является чем-либо удивительным.

[Китай в преддверии эпохи Модерна]

Таким образом, мы достигли понимания того, что именно привело Европу к порогу капиталистической экономики. Однако прежде чем перейти к основному содержанию книги, остается разобрать еще одну проблему. Поскольку в дальнейшем акцент будет сделан на том, почему капитализм возможен лишь в рамках структуры мира-экономики, а не мира-империи, следует вкратце рассмотреть причины этого. В данном случае уместно сравнение Европы и Китая, имевших в XIII–XVI веках примерно одинаковое население.¹³⁵ Как элегантно сформулировал Пьер Шоню,

¹³⁵ См. Бродель. Материальная цивилизация, I, 8–9.

«то обстоятельство, что Христофор Колумб и Васко да Гама... не были китайцами, [...] есть нечто достойное... определенных размышлений. В конечном итоге, насколько нам известно из исторической литературы, в конце XV века дальний восток Евразийского континента как единство, сопоставимое со Средиземноморьем, [...] ни в чем не уступал — по крайней мере, внешне — крайней западной его оконечности».¹³⁶

Что значит «ни в чем не уступал»? Подобное утверждение традиционно требует сопоставления технологий, и здесь мнения ученых разделяются. По мнению Линна Уайта-мл., Европа осуществляла экспансию XVI века, поскольку еще в IX веке нашей эры она превзошла весь остальной мир в сельскохозяйственных технологиях:

«В промежутке между первой половиной VI и концом IX столетия Северная Европа создала или заимствовала ряд изобретений, которые быстро сложились в совершенно новую систему сельского хозяйства. С точки зрения организации крестьянского труда это была вообще самая продуктивная система, когда-либо известная миру. [Уайт имеет в виду тяжелый плуг, трехпольную систему севооборота, открытые поля для скота, современную упряжь и подковы — *И. В.*]... Поскольку в этой системе соединились и были доведены до совершенства различные элементы, открылся доступ к большому количеству пищи и население стало расти... Благодаря достигнутому севером Европы новому уровню производительности сельского труда большинство крестьян могло оставлять землю ради ухода в город, для занятия промышленностью и торговлей».¹³⁷

Уайт также утверждает, что в VIII веке Северная Европа вышла вперед в военных технологиях, а в XI веке — в ремесленном производстве. Причину этого Уайт видит во всеобщем беспорядке, вызванном варварским нашествием, на которое Запад, предположительно, ответил творческой реакцией в духе Тойнби.¹³⁸

Впрочем, другие ученые не согласны с подобной оценкой фактов. Если рассматривать военные технологии, то Карло Чиполла полагает, что

«китайские пушки вплоть до начала XV века были, похоже, столь же хороши, как западные, если не лучше. Однако в течение XV столетия европейские

¹³⁶ Chaunu. Séville, VIII (1), p. 50.

¹³⁷ White, Lynn, Jr. What Accelerated Technological Progress in the Western Middle Ages? // Scientific Change / A. C. Crombie, ed. New York: Basic Books, 1963, 277.

¹³⁸ «Ключевой фактор, способствующий инновациям в каком-либо сообществе, — это предшествующие инновации. Применяя эту гипотезу к Средневековью в целом, представляется, что большее своеобразие Запада определенным образом связано с более сильными потрясениями, которые римское христианство испытало по сравнению с Востоком [Византией и исламским миром], то есть с нескончаемыми волнами варварских нашествий, продолжавшихся с перерывами с III по X век... Западное общество... было расплавлено, готовым течь в новые формы, оно было особенно открыто переменам и готово их принять [Ibid., p. 282]».

технологии заметно прогрессировали... Европейские пушки были несравнимо мощнее любых орудий, когда-либо сделанных в Азии, так что в текстах [XVI века] нетрудно найти отголоски той смеси ужаса и удивления, которую рождало появление европейской артиллерии».¹³⁹

Похожим образом Джозеф Нидхэм в своей монументальной истории китайской науки и технологии относит лишь к 1450 году момент, когда Европа обрела технологическое и промышленное превосходство над Китаем.¹⁴⁰ Чем же объясняется этот рывок Европы? По мнению Нидхэма, этому способствовали не единичные факты, но «органичное целое, совокупность изменений».

«В спонтанном автохтонном развитии китайского общества фактически не происходило никаких радикальных изменений, сопоставимых с Возрождением и „научной революцией“ на Западе. Я часто склоняюсь к описанию развития Китая в виде сравнительно медленно нарастающей кривой, которая между, грубо говоря, II и XV столетиями перемещается на заметно более высокий уровень, чем Европа. Однако затем, начиная с Галилеевской революции в науке, на Западе стартует эпоха научного ренессанса, предполагавшая в том числе открытие важнейших методов научного исследования как такового, после чего в Европе резко, почти по экспоненте, начал повышаться уровень развития науки и технологии, превосходя азиатские общества... Теперь же этот резкий дисбаланс начинает выравниваться».¹⁴¹

Некоторые ученые применительно к XV веку настаивают на решающей роли корабельного руля.¹⁴² Однако Нидхэм подчеркивает, что он существовал в Китае начиная еще примерно с I века нашей эры, и лишь в XII веке это изобретение добралось до Европы.¹⁴³

Если оценка Нидхэмом китайских технологических компетенций и превосходства Китая над Западом до его внезапного рывка справедлива, то еще более поразительно, что китайские и португальские заморские экспедиции

¹³⁹ Cipolla, Carlo. *Guns and Sails in the Early Phase of European Expansion, 1400–1700*. London: Collins, 1965, 106–107.

¹⁴⁰ См. Needham, Joseph. Commentary on Lynn White, Jr., 'What Accelerated Technological Change in the Western Middle Age?' // *Scientific Change* / A. C. Crombie, ed. New York: Basic Books, 1963a, p. 32.

¹⁴¹ Needham, Joseph. *Poverties and Triumphs of Chinese Scientific Tradition* // *Scientific Change* / Crombie, ed. (New York: Basic Books, 1963b), 139. Курсив добавлен.

¹⁴² См. Penrose, Boies. *Travel and Discovery in the Renaissance, 1420–1620*. Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press, 1952, 269–270.

¹⁴³ См. Needham, Joseph. The Chinese Contribution to Vessel Control // *Scientia*, XCVI, 99, May 1961, 165–167. Когда Нидхэм представлял эту работу на V Международном colloquium морской истории, У.Дж.Л. Рэндлс задал ему отдельный вопрос о возможности самостоятельного изобретения корабельного руля в Европе. В своем ответе Нидхэм согласился с правоммерностью этой гипотезы, но и доказать обратное, по его мнению, также весьма сложно. См. Discussion de la communication de J. Needham // Needham, Joseph. *Les contributions chinoises à l'art de gouverner les navires* // *Colloque international d'histoire maritime*, 5e, Lisbonne, 1960 (Paris, 1966), 129–131.

начались практически одновременно. Однако не более чем 28 лет спустя китайцы вернулись обратно в континентальные гавани, прекратив всю дальнейшую активность в этом направлении, причем не из-за того, что их экспедиции оказались неудачными. Семь путешествий адмирала-евнуха Чжэн Хэ между 1405 и 1433 годами были крупным достижением. В ходе этих плаваний Чжэн Хэ пересек Индийский океан от Явы и Цейлона до Восточной Африки, доставив к китайскому двору дань и экзотические товары, и это получило при дворе высокую оценку. После смерти Чжэн Хэ в 1434 году эти путешествия кончились, и когда впоследствии, в 1479 году, еще один евнух, Ван Цзинь, заинтересовался проведением военной экспедиции в Аннам, он получил отказ в доступе к архивам с бумагами Чжэн Хэ, где содержалась необходимая ему информация. Бумаги скрывали, как будто стремились уничтожить саму память о Чжэн Хэ.¹⁴⁴

Причины, которые вызвали эти экспедиции и заставили их прекратить, в равной степени неясны. Похоже, суть дела в том, что подобным экспедициям постоянно противостояла официальная бюрократия конфуцианских мандаринов.¹⁴⁵ Почему так происходило? Ведь, со своей стороны, экспедиции, кажется, поддерживал сам император, иначе как еще их можно было осуществить? Тянь-Цзэ Чжан обнаружил следующее объяснение, исходя из того факта, что в начале XV века изменилась функция так называемого Управление торговых джонок, основанного в VIII веке. Если раньше именно это государственное ведомство занималось сбором таможенных податей, то теперь их стали собирать непосредственно в провинциях, а само бюро стало отвечать за транспортировку дани, что в эпоху Чжэн Хэ, безусловно, имело большую значимость. Чжан задается вопросом о децентрализации системы сбора пошлин, что, предположительно, позволило снизить таможенные барьеры в некоторых провинциях: «Следил ли [император] за поощрением заграничной торговли, важность которой для Китая была настолько очевидной?»¹⁴⁶

¹⁴⁴ См. Willetts, William. *The Maritime Adventures of the Great Eunuch Ho // Papers on Early South-East Asian History* / Colin Jack-Hinton, ed. Singapore: Journal of Southeast Asian History, 1964. 38.

¹⁴⁵ «Около 1405 года адмирал-евнух Чжэн Хэ отплыл с флотилией из 63 океанских джонок, посетив самые разные уголки южных морей... В течение следующих тридцати лет семь последующих экспедиций возвращались с богатой информацией о географии и морских маршрутах, а также с большим количеством товаров из Индии и островов Индийского океана... Причины этих экспедиций неизвестны; они могли иметь целью сбалансировать заграничную торговлю Китая, которая иссякла на материковых путях, либо превознести величие императорского двора, или даже, как утверждают официальные анналы, разыскать императорских предков и императорского племянника* (который на самом деле исчез, уйдя в буддийские монахи, и был найден много лет спустя, уже при следующем правлении). Так или иначе, экспедиции кончились столь же внезапно, как и начались, и вновь по причинам, ныне непонятным. Вне зависимости от того, существовал ли конфликт между евнухами и конфуцианскими бюрократами, торговля в Индийском океане в итоге досталась португальцам и арабам» (Needham, Joseph. *Science and Civilization in China*, I. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1954, 143–144).

¹⁴⁶ Chang, T'ien-Tsê. *Sino-Portuguese Trade from 1514 to 1644*. Leiden, Netherlands: Brill, 1934, 30.

Но если значимость внешней торговли была столь очевидна, то почему ее вскоре прекратили стимулировать? По мнению Уильяма Уиллетса, здесь есть какая-то связь с китайским мировоззрением (*Weltanschauung*). Уиллетс полагает, что китайцам не хватало чего-то вроде колониального миссионерства именно потому, что в своем высокомерии они уже считали себя всем миром.¹⁴⁷ Кроме того, Уиллетс предлагает два более конкретных объяснения, почему экспедиции были прекращены: «патологическую ненависть конфуцианского чиновничества к евнухам»¹⁴⁸ и «расходы казенных средств на снаряжение заморских миссий».¹⁴⁹ Последнее выглядит странным, поскольку предполагалось, что доходы от колониальных предприятий должны компенсировать расходы, — по крайней мере, так рассуждали в то время европейские финансисты.

Существуют и другие объяснения, где утверждается, что от первоначального интереса к исследованию Индийского океана политическая активность китайцев сместилась к альтернативным задачам. Например, Джеффри Ф. Хадсон заявляет, что таким фактором переключения имперской активности мог быть перенос столицы на север страны, из Нанкина в Пекин (1421), ставший следствием растущей угрозы со стороны монгольских кочевников.¹⁵⁰ Чарльз Боксер полагает, что от Индийского океана внимание китайцев отвлекала угроза с востока, а именно мародерствующие банды *вако** — японских пиратов, действовавших на китайском побережье.¹⁵¹ М. А. П. Майлинк-Рёлофс выдвигает версию,

¹⁴⁷ «Можно задаться вопросом, каковы были практические результаты этих чудесных экспедиций с участием сотен океанских джонок и нескольких десятков тысяч людей. Если в двух словах, то результатов не было никаких. Китайцы того времени не были строителями империй. Политические мудрецы эпохи Мин понятия не имели об ужасах *Realpolitik*, неотделимых от колониального режима, у них не было ощущения собственной миссии, идеи *Sturm und Drang* [бури и натиска — нем.]. Теоретически Сын Неба правил всем миром (*тянь-ся*, „всей Поднебесной“), и его посланцы полагали достаточным просто продемонстрировать себя безликой массе варваров на краю цивилизованного мира, дабы возвестить пришествие тысячелетия, озаренного единоличным присутствием на троне Сына Неба» (*Willetts. Papers on Early South-East Asian History*, pp. 30–31).

¹⁴⁸ *Ibid.*, p. 37.

¹⁴⁹ *Ibid.*, p. 38.

¹⁵⁰ См. *Hudson, G. F. Europe and China*. London: Arnold, 1931, 197. Могло ли это быть также и следствием перемещения населения на север? «Региональный анализ показывает, что при династии Мин отток населения из южного Китая (12 миллионов человек, за исключением Нанкина) почти полностью совпадал с приростом в северной (9 млн), а также западной и юго-западной (3 млн.) частях страны» (*Van der Sprinkel, Otto B. Population Statistics of Ming China // Bulletin of the SOAS*, XV, Part 2, 1953, 306).

¹⁵¹ «Работы по созданию береговых укреплений между Янцзы и Чжужэнь (Жемчужной рекой) китайские историки сравнивают со строительством Великой стены против нашествий кочевников (*Tartar*) на севере. Это очевидное преувеличение, однако необходимость поддержания дорогостоящих береговых укреплений для предотвращения постоянных набегов была, безусловно, серьезной статьей расходов

согласно которой решению о сворачивании китайской экспансии могло способствовать давление со стороны мусульманских торговцев в Индийском океане, вытеснявших китайцев.¹⁵²

Даже если все сказанное верно, этого все равно недостаточно. Почему в таком случае у китайцев не было внутренней мотивации, при наличии которой эти внешние трудности воспринимались бы как отдельные неприятности, а не как непреодолимые препятствия? Не согласиться ли нам с теми, кто считает, что Китай просто не хотел осуществлять экспансию?¹⁵³ Ключ дает Пьер Шоню, предполагая, что одной из многих вещей, которых не хватало Китаю, была «нехватка групп с общей волей» к экспансии.¹⁵⁴ Это объяснение оказывается более достоверным, если вспомнить удивительное совпадение интереса к заморским экспедициям и экспансии у *разных* социальных групп в Португалии. Поэтому следует рассмотреть, чем различались европейский и китайский миры.

Во-первых, существовали значительные различия в земледелии. Как было сказано выше, вместе с «кризисом» XIV века в Европе выросло потребление мяса. Позднее, с XVI по XIX столетия, эта статья потребления для основной массы населения Европы будет играть все меньшую роль, но это не обязательно означало, что одновременно сокращалось использование земли именно для скота, а не для зерновых. Площади под мясное животноводство вполне могли расширяться пропорционально количественному росту высших классов — последние начиная с XVI века стали увеличиваться вместе с резким ростом населения в Европе. Это обстоятельство не противоречит

минской казны и могла... внести свою лепту в отказ от внешних морских экспедиций в Индийском океане [p. 126]» (Boxer, C. R. *The Christian Century in Japan*. Berkeley: Univ. of California Press, 1967, 7).

Джордж Сэнсом, рассматривая эту проблему с точки зрения Японии, обнаруживает впечатляющую параллель с Европой: «Несомненно, что от грабежей вако страдали и Китай, и Корея... Частично виной тому был сам Китай, который препятствовал внешней торговле, в то время как японские власти были бы рады развивать ее на законных основаниях. Но в этом же была и причина, почему Бакуфу [центральное японское правительство] неохотно шло на крайние меры для подавления пиратов. Япония была не вполне уверена в мирных намерениях китайцев и рассматривала пиратов примерно так, как королева Елизавета в зависимости от конкретной ситуации воспринимала сэра Фрэнсиса Дрейка то как пирата, то как флотоводца. Более того, действия против пиратов зависели от контроля Бакуфу над военачальниками западного побережья Японии, а до 1400 года Ёсимицу* еще не вполне утвердился у власти» (Sansom. *A History of Japan: Vol. II. 1334–1615*. Stanford, California: Stanford Univ. Press, 1961, 177–178).

¹⁵² «Поразительно, насколько значимую роль китайцы играли в [Индонезийском] архипелаге в XIV веке... Когда же торговая гегемония в океане перешла в руки мусульман, китайские корабли постепенно исчезли. Возможно, эти факты взаимосвязаны...» (Meilink-Roelofs, M. A. *Asian Trade and European Influence in the Indonesian Archipelago between 1500 and about 1630*. The Hague: Nijhoff, 1962, 25, 74).

¹⁵³ См. Servoise, R. *Les relations entre la Chine et l'Afrique au XVe siècle // Le mois en Afrique*, No. 6, juin 1966, 30–45.

¹⁵⁴ Chaunu. *L'expansion européenne*, p. 335.

сравнительному сокращению потребления мяса низшими классами: последние получают свой хлеб благодаря импорту из периферийных зон, а также более интенсивному земледелию в Западной Европе, которое стало возможно в результате технического прогресса.

Китай, напротив, стремился усилить свою сельскохозяйственную базу путем развития рисоводства в юго-восточной части страны. В Европе акцент на животноводстве вел к широкому использованию мускульной силы животных в производстве. Рис же значительно более калориен в пересчете на единицу площади, а также требует гораздо больше человеческих усилий.

Таким образом, отмечает Шоню, использование в Европе новых источников энергии означало, что «в XV веке европейский человек обрел двигатель, примерно в пять раз превосходящий источники энергии, доступные китайцам, которые в данном отношении в эпоху Великих открытий шли вторыми после европейцев».¹⁵⁵

Однако для нашей проблемы гораздо более важным, чем технологическое преимущество, является то, какой социальный эффект имело иное отношение человека к земле. Как пишет Шоню,

«европеец опустошает пространство. Даже на пике демографического спада в начале XV века Европе не хватало территории... Но если Европе не хватает территории, то Китаю не хватает людей...

Европейский „подъем“ случился примерно в то же время (XI–XIII столетия), что и китайский „подъем“ в рисоводстве, но для Европы это был бесконечно более революционный процесс — вплоть до того, что он предопределил завоевание мира великим Средиземноморьем...

Так или иначе, китайская неудача XV века в большей степени стала результатом недостатка мотивации, чем сравнительной нехватки средств. Принципиальным мотивом оставалась потребность в пространстве, часто неосознанная».¹⁵⁶

Теперь перед нами, по меньшей мере, правдоподобное объяснение, почему Китай мог не стремиться к заморской экспансии. В действительности Китай осуществлял экспансию, но во внутренние области страны, расширяя производство риса в пределах своих границ. Европейские же «внутренние Америки» в XV веке очень быстро исчерпались в условиях тогдашнего состояния сельского хозяйства, которое зависело от все большего размера территории. Ни индивид, ни общество не приступают к трудным задачам просто так, а открытия и колонизация — это именно трудные задачи.

Наконец, можно сказать, что по ряду причин XV век был отмечен для Китая тем, что ван дер Шпренкель называет «контрколонизацией» — перемещением населения за пределы ризопроизводящих территорий.¹⁵⁷ Хотя этот процесс

¹⁵⁵ Ibid., p. 336.

¹⁵⁶ Ibid., p. 338–339.

¹⁵⁷ «Представляется, что в эпоху Мин, когда власть монголов была свергнута, на перенаселенном юге страны возникло сильное противодействие этим стесняющим условиям жизни» (*Van der Sprenkel*. Bulletin of the SOAS, XV, Van der Sprenkel, p. 308). За-

мог уменьшить «перенаселение» (этот термин всегда имеет социальное измерение), он же мог и ослабить потенциал индустриализации Китая при отсутствии компенсирующих преимуществ колониальной империи. По этой причине предполагаемый «старт» экспансии мог сойти на нет.

Есть и еще одно значительное различие между Европой и Китаем. Китай — это обширная империя, сопоставимая в то время с турко-мусульманским миром. Европа же — это рождавшийся мир-экономика, состоявший из небольших империй, наций-государств и городов-государств. Это различие было существенным в целом ряде аспектов.

Начнем с аргументов, которые Макс Вебер выдвигает по поводу последствий двух форм дезинтеграции империи: феодализации (Западная Европа) и пребендализации (Китай).¹⁵⁸ Вебер полагает, что новое централизованное государство скорее должно было появиться из феодальной, а не пребендальной системы, приводя следующий пример:

«Как на Западе, так и на Востоке (в Индии) сеньория появлялась в результате дезинтеграции центральной власти патримониального государства: на Западе это был распад империи Каролингов, на Востоке — распад Халифата и государства махараджей, или империи Великих Моголов, в Индии. Однако в Каролингской империи новая страта развилась на основе сельского натурального хозяйства, [поэтому она находилась на предположительно *более низком* уровне, чем ее восточный аналог — *И. В.*]. В ходе дальнейших войн скрепленный клятвой вассалитет стал всеобщим образцом, благодаря которому страта сеньоров присоединилась к королю, вклинившись между ним и свободными людьми. Феодальные отношения можно было обнаружить и в Индии, но они не были определяющими ни для формирования знати, ни для системы крупного землевладения.

В Индии, как и на Востоке в целом, характерная сеньория развилась скорее из налогообложения сельского хозяйства [предположительно потому, что в сравнении с Западом эпохи раннего Средневековья на Востоке центральная власть по-прежнему была вполне *сильной*, чтобы настаивать на уплате налогов, экономика сравнительно *развитой*, а денежное обращение достаточным, чтобы обеспечить базу доходов для налогообложения — *И. В.*], а также из военных и налоговых пребэнд гораздо более бюрократизированного государства. Поэтому восточная сеньория оставалась, по существу, „пребэндой“, так и не став „феодом“; произошла не феодализация, а пребендализация патримониального государства. На Западе сопоставимым, хотя и не получившим должного развития явлением является не средневековый фео-

метим, что ван дер Шпренкель, в отличие от Хадсона, видит причину переноса активности Китая на север как раз в снижении монгольской угрозы.

¹⁵⁸ В глоссарии Макса Вебера (*Weber. The Religion of China*. New York: Free Press, 1951) Ханс Герт дает следующее определение пребенды: «Право должностного лица кормиться с государственной или церковной земли или иного общественного дохода. Таких должностных лиц Вебер определяет как „пребендариев“. Общественно-политическая система, основанная на штате пребендариев, называется у Вебера „пребендализмом“ [р. 305]». Эрик Вольф рассматривает разницу между патримониальным (или «феодальным») и пребендальным доменом с точки зрения их значимости для крестьян в: *Wolf. Peasants*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1966, 50–52.

а приобретение папских чинов и пребенд времен сейченко* или в эпоху французского *noblesse de robe* [дворянства мантии — *фр.*]...** Для объяснения различного развития Востока и Запада важен также чисто военный фактор. В Европе с технической точки зрения главной силой феодализма был всадник. В Индии же конные воины, несмотря на их количество, были сравнительно менее значимы, чем пехота, игравшая ведущую роль в армиях от Александра до Великих Моголов».¹⁵⁹

Логика веберовской аргументации примерно такова: технический фактор (значимость кавалерии) в процессе дезинтеграции империи ведет к усилению вспомогательного войска по отношению к центру. Из этого процесса возникает феодализм, а не пребендальное государство, в котором центр сравнительно сильнее, чем при феодальной системе. В то же время феодальная экономика менее развита, чем пребендальная. (Однако по причине или вследствие этого, у Вебера нет ясности.) С точки зрения землевладельцев в краткосрочной перспективе очевидно лучшим вариантом является феодализация, поскольку она дает им больше власти (и, возможно, больше доходов). Однако в длительной перспективе росту подлинно централизованной монархии может лучше противостоять контролирующий землю пребендальный класс, а не владеющий землей класс феодалов. Дело в том, что феодальную систему ценностей может использовать сам король, который способен утвердиться на вершине единой иерархии феодальных отношений (у Капетингов на это ушло несколько столетий) и выстроить систему лояльности лично себе, — однажды созданная, такая система может легко утратить персональный элемент и превратиться в лояльность нации, олицетворением которой является король. Пребендализм же, будучи системой, в значительно большей степени основанной на договорных отношениях, не может управляться столь мистическими связями (в данном случае, между прочим, можно рассматривать рост пребендализма во Франции XVIII века как регресс, а Великую Французскую революцию — как попытку ему противостоять).

Джозеф Левенсон в своей книге, посвященной вопросу «Почему не Китай?», приходит к ответу, который, по сути дела, не отличается от веберовского:

«Абстрактно-логически феодализм как социологический „идеальный тип“ — это крайняя противоположность капитализма. Однако исторически и хронологически именно феодализм стимулировал капитализм. Само отсутствие в Китае феодальных ограничений стало величайшим препятствием на пути развития капитализма (и всемирной капиталистической экспансии), в отличие от Европы, где эти барьеры были в наличии. Нефеодальное бюрократическое общество Китая, общество самодостаточное и устойчивое, приспособило и включило в себя зачатки капитализма, разрушив его революционный потенциал, поскольку в идеале именно это общество более соответствовало элементарным формам капитализма, чем общество феодальное. Что же удивительного в том, что даже в Португалии, в конечном итоге ставшей одной из самых слабых капиталистических держав, социальный процесс, вполне противоположный китайскому, освободил силы экспансии вместо их

¹⁵⁹ Weber. Religion of India, pp. 70–71.

сдерживания? В Португалии и Западной Европе в целом шел процесс протокапиталистического освобождения от феодализма и эрозии последнего, причем это был процесс, явно отличавшийся от укрепления нефеодалного бюрократического общества в Китае, подавляющего в равной степени и феодализм, и капитализм». ¹⁶⁰

Здесь перед нами возникает проблема, с которой не раз придется столкнуться впоследствии: изначальная восприимчивость некой системы к переменам ведет не к последовательным длительным изменениям, а способствует подавлению этих изменений, в то время как первоначальное сопротивление часто ведет к последующему прорыву.

Феодализация несла с собой демонтаж имперской структуры, в то время как пребендализация поддерживала ее. В первом случае власть и доходы распределялись между гораздо более автономными землевладельцами, связанными с землей и прикрепленными к ней крестьянами, во втором случае — в пределах страты имперского масштаба, умышленно не привязанной к конкретному месту, наполовину универсальной с точки зрения набора кадров и, соответственно, зависимой от благосклонности центра. Усиление центра империи — это колоссальная работа, которая началась лишь в XX веке под властью Коммунистической партии Китая. До тех пор, пока центр поддерживал какую-либо связность империи, как это происходило при династии Мин и наследовавшей ей Маньчжурской династии, создавать централизованные внутриимперские единицы на меньших территориях было нереально, в то время как появление подобных единиц в рамках феодальной системы было, как мы знаем, возможно, хотя и не просто. Вебер вполне четко обозначил причины этого:

«Общим итогом восточного патримониализма с его денежными пребендами было то, что лишь военное завоевание или религиозные революции могли расстроить жесткую структуру пребендальных интересов, создав тем самым новую конфигурацию сил и, в свою очередь, новые экономические условия. Однако любые попытки внутреннего обновления терпели крах из-за вышеупомянутых препятствий. Как было сказано, современная Европа — это великое историческое исключение, поскольку здесь, помимо всего прочего, не случилось умиротворения объединенной империи. Можно вспомнить, что в эпоху Воюющих царств сама страта государственных пребендариев, блокировавшая в Поднебесной административную рационализацию, в то же самое время была одним из ее самых могущественных сторонников. Но затем стимул исчез. *Точно так же, как конкуренция за рынки привела к рационализации частных предприятий, борьба за политическую власть вынудила рационализировать государственную экономику и экономическую политику* и на Западе, и в Китае эпохи Воюющих царств. В частной экономике картелизация ослабляет душу капитализма — рациональный расчет; в случае с государствами монополия на власть подавляет рациональное управление в сфере административной, финансовой и экономической политики... В дополнение к упомянутым отличиям, на Западе существовали мощные независимые силы. Власть

¹⁶⁰ Levenson, Joseph R., ed. *European Expansion and the Counter-Expansion of Asia, 1300–1600*. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1967, 131, 132.

государя могла объединяться с ними, чтобы сломать узы традиции, но в отдельных случаях эти силы могли использовать свою военную мощь с целью сбросить оковы патримониальной власти».¹⁶¹

Существует еще один фактор, достойный упоминания при рассмотрении отношений регионального центра (или главной точки системы) с периферией в рамках мира-экономики, в отличие от империи. Империя несет ответственность за управление обширными землями с огромной массой населения и их оборону. Это поглощает внимание, энергию и доходы, которые можно было бы инвестировать в капитальное развитие. Возьмем, к примеру, проблему японских *вако* и их предполагаемого влияния на китайскую экономику. В принципе, *вако* для Китая были меньшей проблемой, чем турки для Европы. Но когда турки продвигались на запад, в Европе не было такого императора, который мог бы остановить португальскую экспансию. Португалию не призывали прекратить заморские походы, чтобы защищать Вену, потому что Португалия не имела в данном отношении политических обязательств и не существовало ни политического механизма, который заставил бы ее это сделать, ни социальной группы, в интересах которой это могло бы произойти.

Аналогичным образом европейскому императору, в отличие от португальского короля, экспансия не могла принести непосредственной выгоды. Уже было сказано, что китайский император мог рассматривать экспедиции Чжэн Хэ как расточительство казенных средств (а китайская бюрократия не только могла, но и на самом деле воспринимала их так), в то время как необходимость пополнения казны была одним из главных мотивов европейской экспансии. В отличие от государства в структуре мира-экономики, империя не может считать себя предпринимателем, поскольку она претендует на то, чтобы быть целостным организмом. Империя не может обогащать свою экономику за счет других, поскольку она сама и есть единственная экономика (именно такой была китайская идеология, а возможно, и вера). Безусловно, доля императора при распределении продуктов такой экономики может расти, но этот рост возникает не в результате стремления государства к предпринимательскому доходу, а благодаря увеличению сбора дани. При этом сама форма дани может быть разрушительной для экономики, по мере того как политическая сила центра приходит в упадок, поскольку в описанных условиях уплата «дани» может быть скрытой формой торговли, невыгодной для империи.¹⁶²

¹⁶¹ Weber. Religion of China, pp. 61–62. Курсив добавлен.

¹⁶² Оуэн Лэттимор демонстрирует механизм действия подобного типа зависимых отношений Маньчжурии с Минским Китаем в XVI веке: «В период упадка династии Мин „посольства с данью“, принимавшиеся при дворе, стали способом обмана китайцев. „Приносившие дань“ являлись со своей свитой из сотен человек за счет китайского правительства, что увеличивало их политическую значимость. Одновременно вместе с данью доставлялись прочие, не относившиеся к дани товары для продажи, что лишало дохода приграничных китайских торговцев» (Lattimore. Inner Asian Frontiers of China, 2nd edition. Irvington-on-Hudson, New York: Capitol Publishing Co. and American Geographical Society, 1940, 124). Сравним это саморазрушительное

Существует также определенная связь между имперской структурой и военными технологиями. Карло Чиполла предлагает следующее объяснение того, почему китайцы не перенимали у португальцев их военно-технологические преимущества: «Опасаясь внутренних бандитов не меньше иностранных врагов и внутренних восстаний не меньше внешнего вторжения, императорский двор всячески ограничивал как распространение познаний в области артиллерии, так и резкое увеличение числа искусных ремесленников».¹⁶³ В Европе, с ее парадом суверенитетов, ограничение распространения оружия было бы безнадежным делом. В Китае, по-видимому, это по-прежнему было возможным — соответственно, централизованная система опиралась на свое технологическое преимущество, в длительной перспективе существенное для удержания власти. Имперская форма вновь могла выступить структурным ограничителем — на сей раз для технологического развития.

Остается последняя загадка. В рассматриваемую эпоху в Китае в рамках школы Ван Янмина возникает идеология индивидуализма, которую Уильям Т. де Бари считает сопоставимой с гуманистическими доктринами Запада, называя ее «едва ли не революцией мысли», которой, впрочем, не удалось «вполне состояться».¹⁶⁴ Не была ли индивидуалистическая идеология признаком силы возникающей буржуазии, тем, что поддерживает ее против традиционалистского лагеря?

Согласно Ролану Мунье, всё было совсем наоборот. Анализируя социальные конфликты Китая эпохи Мин, Мунье считает, что индивидуализм был оружием бюрократического класса конфуцианских мандаринов, которые на фоне евнухов — одновременно «предпринимателей» и «феодалов» — имели довольно «современную» внешность и представляли в Минском Китае «национальное» движение.¹⁶⁵ Аргументация Мунье такова:

политическое действо со свободным колониализмом Португалии и других стран Европы, упражнявшихся на заморских туземцах в том, что Вебер назвал «грабительским капитализмом». (Ibid., p. 135).

¹⁶³ *Cipolla. Guns and Sails*, p. 117.

¹⁶⁴ *De Bary, William Theodore, ed. Introduction // Self and Society in Ming Thought*. New York: Columbia Univ. Press, 1970, 24. В этой же книге он развивает тему в очерке «Индивидуализм и гуманизм в мысли эпохи поздней Мин»: «Из либерально-гуманистического течения в рамках школы Ван Янмина в сочетании со значимыми общественными и культурными силами в XVI веке родился подлинный подъем своеобразного индивидуалистического мышления с поразительно современными чертами. Таким образом, конфуцианство, будучи доминирующей традицией и, с современной точки зрения, авторитарной системой, доказало свою способность выполнять примерно ту же функцию, что и... средневековое христианство в становлении западного индивидуализма [p. 233]».

¹⁶⁵ «Восстание, изгнавшее монгольскую династию Юань в 1368 году и приведшее к власти династию Мин, было национальной реакцией китайцев против варваров» (*Mousnier, Roland. Les XVIe et XVIIe siècles — Histoire Générale des Civilisations, Vol. IV*. Paris: Presses Universitaires de France, 1954, 520).

«Чтобы продвинуться по карьерной лестнице [в Минском Китае], значительная часть образованных выходцев из среднего класса подвергала себя добровольному оскотлению. Благодаря своему образованию эти люди могли занимать руководящие должности, так что в действительности империя управлялась именно евнухами.

Однажды добившись высоких постов, они поддерживали свои семейства, создавая собственные клиентелы путем распределения чинов и земель и получая тем самым реальную власть внутри империи. Поэтому та значительная роль, которую в Китае играли евнухи, сопоставима с ролью поднимающейся буржуазии в Европе. Принцы крови и влиятельные люди [*les grands*] стремились защитить себя аналогичным образом, создавая свои клиентелы, также состоявшие из образованных представителей средних слоев, которых они продвигали по гражданской службе... [Среди членов последней группы] иногда встречались ученики Ван Янмина, которые использовали его наставления против обосновавшихся у власти евнухов. Идеологом последних был Чжу Си*, защитник традиций и власти, [к которым, с точки зрения этой идеологии, евнухи должны иметь преимущественный доступ]. Эта борьба была весьма серьезной, поскольку, будучи лицами, имевшими контроль над землей [*maitres du sol*], и принцы крови, и нобили, и евнухи обладали базой для осуществления власти в виде тех, кто на этой земле проживал. Императоры династии Мин стремились упрочить свое положение путем создания некоего подобия феодализма для своих родственников и сторонников... Жертвой такого положения дел были крестьяне, поскольку государственные расходы неудержимо росли».¹⁶⁶

Разумеется, нечто подобное власти делали и в Европе, однако там эти расходы поддерживали и становление рождающейся буржуазии, и аристократию, которая, как мы увидим, рассчитывала на окончательное спасение путем превращения в буржуа, а буржуазия, соответственно, переходила в лагерь аристократии. В Китае эпохи Мин идеология, которая служила западной буржуазии для полного овладения властью, была направлена против самой же буржуазии, которую пригласили на роль защитника традиции и власти (а может быть, буржуазия здесь слишком рано добилась определенной власти?). Конечно, в данном вопросе еще много неясностей, однако слишком простая корреляция идеологии индивидуализма с подъемом капитализма выглядит сомнительной. Не менее сомнительными представляются и любые утверждения причинного характера о первичности такой идеологии.

Спор вокруг Китая сводится к следующему. В XV веке между Европой и Китаем вряд ли были значительные различия в таких основных моментах, как население, площадь, состояние технологий как в сельском хозяйстве, так и в военно-морских технологиях. Если различия по этим пунктам и были, то их затруднительно использовать для объяснения такой очевидной разницы в развитии в последующие столетия. Кроме того, представляется чрезвычайно преувеличенной разница в системе ценностей, и даже в тех пределах, что эта разница имела место, она не объясняет столь разные последствия, поскольку, как мы стремились показать, идеологии могут использоваться в противоположных

¹⁶⁶ Ibid., pp. 527–528.

интересах и могут сочетаться с самыми разнообразными структурными сдвигами. Поборников примата ценностей в их рвении опровергнуть материалистические аргументы можно упрекнуть в еще более буквальном сопоставлении идеологий и социальных структур (хотя они и меняют местами причину и следствие), чем это когда-либо случалось в классическом марксизме.

Сущностная разница между Китаем и Европой вновь отражает соединение векового тренда с более наглядно заметным экономическим циклом. Длительный вековой тренд восходит к древним Римской и Китайской империям, к путям и степени их дезинтеграции. Древнеримские структуры оказались тонкой прослойкой исторической памяти, реальность которой в средние века была во многом опосредована общей церковью. Китайцам же удалось сохранить имперскую политическую структуру, хотя и в ослабленном виде. Это была разница между феодальной системой и миром-империей, основанном на пребендальной бюрократии. В результате Китай смог сохранить экономику во многих отношениях более прогрессивную, чем европейская, причем вполне возможно, что в течение тысячелетия китайское крестьянство подвергалось меньшей эксплуатации.

К этому следует прибавить более близкие к рассматриваемой эпохе сдвиги в сельском хозяйстве: в направлении животноводства и пшеницы в Европе и в направлении риса в Китае. Рис требует меньше территории, но больше людей, и вековые трудности толкают две системы в разных направлениях: Европа нуждалась в географической экспансии больше, чем Китай. Отдельные группы в Китае находили экспансию до определенной степени экономически выгодной, но их останавливал тот факт, что ключевые решения были централизованы в имперской структуре, которая в первую очередь была озабочена краткосрочной задачей поддержания политического равновесия в своей мир-системе.

Таким образом, располагавший широким слоем государственной бюрократии Китай представляется лучше подготовленным к капиталистическому пути развития, равно как и более передовым с точки зрения монетизации экономики и, возможно, в технологическом отношении. Тем не менее, Китай оказался не готов к капитализму, будучи отягощенным имперской политической структурой, «рациональностью» своей системы ценностей, которая отрицала возможность использования государства в качестве рычага перемен (даже если бы государство хотело его использовать), обнаруженного европейскими монархами в мистике феодальной преданности.

Теперь можно продолжить наше изложение. Около 1450 года в Европе (но не где-либо еще) появился плацдарм для появления капиталистического мира-экономики. Эта система базировалась на двух ключевых институтах: «всемирном» разделении труда и бюрократическом государственном аппарате на определенных территориях. Далее мы последовательно и всесторонне рассмотрим каждый из этих двух элементов, а затем поочередно перейдем к трем зонам мира-экономики: так называемой полупериферии, центру и периферии. Именно такой порядок изложения по большей части продиктован соображениями исторической последовательности, которые станут понятны в дальнейшем.

Затем мы сможем рассмотреть общую концепцию на более абстрактном уровне. Предпочтительно сделать это в конце, а не сразу — не только из соображения, что аргументы звучат более убедительно, когда представлен эмпирический материал, но также потому, что конечная формулировка теории должна быть результатом встречи с эмпирической реальностью — при том условии, что эта встреча определяется общей перспективой, которая делает возможным понимание этой реальности.

2

НОВОЕ ЕВРОПЕЙСКОЕ РАЗДЕЛЕНИЕ ТРУДА (ок. 1450–1640)

Nigritarum ergo opera vti sunt Hispani initiò in scrutandis venis metallicis: verùm postquam illæ fuerunt exhaustæ, horum ministerio vti cœperunt ad molas trusatiles quæ sacchariferas cannas comminuunt, ad saccharum coquendum & cogendum: in quo ministerio etiamnum hodie magna ex parte occupantur. Nam cùm ea Insula humida sit & calida, minimo negotio sacchariferæ cannæ suæ arundines succrescunt; ex quibus contusis, deinde in lebetes coniectis, & decoctis, postremum ritè repurgatis & in saccharum concretis, magnum quæstum facere solent. Utuntur præterea istorum Nigritarum opera in pascendis armenis, & reliquis rebus administrandis quæ necessariæ sunt ad suos vti.

A 3

Nigritæ

«После истощения рудных жил труд негров пришлось использовать в производстве сахара». Изображение на одной из сахарных мельниц на Эспаньоле, выполнено в 1595 году в рамках начатой фламандским гравёром Теодором де Бри серии иллюстраций, посвященных «открытию» Вест- и Ост-Индии и известных как *Collectiones Peregrinationum*. Воспроизводится с разрешения отдела редких книг Нью-Йоркской публичной библиотеки, фонды Астора, Ленукса и Тилдена

Европейский мир-экономика, основанный на капиталистическом способе производства, ведет свою историю именно с XVI века. Наиболее любопытной особенностью его раннего периода было то, что капиталисты не размахивали своими знаменами на весь мир. Ни свобода предпринимательства, ни даже индивидуализм либо сциентизм, натурализм или национализм не были господствующей идеологией и в качестве мировоззрений все они состоятся только в XVIII или XIX веках. Если и можно говорить о некой преобладающей идеологии, то до определенного времени это был этатизм*, *raison d'état* [государственный интерес — *фр.*]. Казалось бы, капитализм не знал границ. Однако в действительности развитие сильных государств оказало ему поддержку. Почему так произошло? На этот вопрос не существует однозначного ответа. Тем не менее, в данном случае перед нами не парадокс — совсем наоборот. Отличительной чертой капиталистического мира-экономики является то, что экономические решения в нем в первую очередь ориентированы на все пространство мира-экономики, а политические — на структуры меньших размеров, обладающие инструментами правового контроля, то есть на государства (нации-государства, города-государства, империи) в пределах мира-экономики.

Данная двоякая ориентация, это, если угодно, «различение» экономического и политического является источником путаницы и мистификаций в вопросе об адекватном определении социальных групп, а также о способах разумного и обоснованного выражения группами своих интересов. Однако конкретные решения невозможно разделить по содержанию на экономические и политические и рассматривать их по отдельности, что создает серьезные проблемы для анализа. Мы постараемся последовательно разрешить эти проблемы с учетом их взаимосвязи, и просим читателя воздержаться от критики до того момента, когда он сможет оценить всю совокупность доказательств в целом. Безусловно, нам придется — умышленно и нет — не раз нарушать принцип последовательности при изложении материала, однако последовательность все равно останется, по меньшей мере, организующим началом. На тот случай, если у читателя возникнет впечатление, что бóльшая система (т.е. мир-экономика) рассматривается как проявление капитализма, а меньшие — как проявление этатизма (или, используя модную ныне терминологию, национального развития), сразу необходимо сказать, что мы нигде не отрицаем единство конкретно-исторического развития. Государства никогда не развиваются сами по себе и не могут быть поняты вне контекста развития мир-системы.

То же самое верно и в отношении социальных классов и этнических (национальных, религиозных) групп, которые также одновременно, хотя и в ряде случаев противоположными способами обрели существование в рамках государств и мир-системы в целом. Все эти группы являются порождением социальной организации своего времени, и именно в XVI столетии современная классовая система начинает обретать свою форму.

Как же определить границы этого века? Это не такой простой вопрос, если вспомнить, что исторические столетия не обязательно совпадают с хронологическими. Здесь можно лишь принять за основу следующее суждение Фернана Броделя — как благодаря солидной эрудиции этого ученого, так и потому, что его позиция вполне совпадает с моей собственной интерпретацией фактов:

«Я скептически отношусь... к пониманию XVI века как некоего единства без уточнения, один это век или несколько. Я представляю „наш“ век разделенным на два, как это делали Люсьен Февр и мой замечательный учитель Анри Озер: „первый“ XVI век начинается около 1450 года и заканчивается примерно к 1550 году, когда начинается „второй“ XVI век, который длится до 1620 или 1640 года».¹

В зависимости от того, с точки зрения какой нации рассматривать «долгий» XVI век, его начальные и конечные точки могут различаться. Однако мы полагаем, что для европейского мира-экономики в целом период 1450–1640 годов являлся той основополагающей временной единицей, в рамках которой и был создан этот капиталистический мир — мир, разумеется, «протяженный, но еще слабый» (Бродель).²

Каковы пространственные границы этого мира? Ответить на этот вопрос не менее сложно по той же самой причине: исторические континенты не обязательно совпадают с географическими. К концу XVI века европейский мир-экономика включал в себя не только Северо-Западную Европу и христианское Средиземноморье вместе с Пиренейским полуостровом, но также Центральную Европу и регион Балтийского моря. Кроме того, в него определенно входили некоторые американские регионы: Новая Испания*, Антильские острова, Терра-ферма**, Перу, Чили, Бразилия — или, скорее, те части этих регионов, которые находились под реальным административным контролем испанцев или португальцев. Острова Атлантики и несколько анклавов на африканском побережье также можно включить в структуру мира-экономики. Однако в XVI веке в него не входят ни побережье Индийского океана, ни Дальний Восток (за исключением, пожалуй, части Филиппин в определенный период времени), ни Османская империя, ни Россия (или же Россия в лучшем случае включалась в него

¹ Braudel, Fernand. Qu'est-ce que le XVIe siècle? // Annales E.S.C., VIII, 1, janv. — mars 1953, 73. Б. Х. Сlicher ван Бат различает периоды 1450–1550 и 1550–1650 годов с точки зрения уровня цен на хлеб: «слегка растущие» и «резко растущие» цены (Slicher van Bath. Agrarian History, p. 113).

² Braudel, Fernand. European Expansion and Capitalism: 1450–1650 // Chapters in Western Civilisation, I, 3rd ed. New York: Columbia Univ. Press, 1961, 260.

лишь в самой малой степени и на короткий срок*). Простые и четкие границы мира-экономики провести невозможно, однако я полагаю наиболее продуктивным рассматривать европейский мир XVI века как конструкцию, основанную на соединении двух ранее раздельных систем: христианского Средиземноморья³ с центром в городах северной Италии и фламандско-ганзейской торговой сети на севере и северо-западе Европы. К этой новой конструкции присоединяются, с одной стороны, земли к востоку от Эльбы, Польша и некоторые другие территории Восточной Европы — а с другой стороны, острова Атлантики и определенные части Нового Света.

[«Революция цен» XVI века]

В условиях неосвоенного пространства все это означало, что имела место настоящая экспансия. Принимая в расчет лишь официально признанные заморские колонии европейских держав, Пьер Шоню отмечает, что за 5 лет (1535–1540) Испания добилась контроля более чем над половиной населения Западного полушария, а в промежутке между этим отрезком и 1670–1680 годами территория под европейским контролем расширилась примерно с 3 до 7 миллионов квадратных километров и стабилизировалась на этом уровне вплоть до конца XVIII века.⁴ Однако пространственная экспансия не означала увеличения населения. Тот же Шоню говорит о «движении демографических ножниц»: демографический рост в Европе «на общемировом уровне по большей части сводился на нет спадом на огромных территориях за пределами Европы».⁵ Следовательно, в европейском мире-экономике чрезвычайно выросло соотношение «территория/труд», и этот фундаментальный фактор определил способность Европы поддерживать длительный экономический рост в переломную эпоху раннего Модерна. Однако экспансия означала нечто большее, нежели просто изменение указанной пропорции — экспансия сделала возможным крупномасштабное накопление основного капитала, который использовался для инвестиций в рациональную реорганизацию сельскохозяйственного производства. Одной из наиболее очевидных характеристик европейского мира-экономики XVI века стала долговременная инфляция, так называемая Революция цен. Связь между этой неслыханной инфляцией и процессом накопления капитала оказалась одной из центральных тем современной историографии. Нам придется прорываться сквозь сложности этой дискуссии, чтобы в свете рассматриваемых примеров можно было объяснить то специфическое для европейского мира-экономики разделение труда, которое возникло в нем к концу рассматриваемой эпохи.

³ Рассмотрение природы и протяженности христианского Средиземноморья см. в: *Vicens Vives, Jaime. An Economic History of Spain*. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1961, 260.

⁴ *Chaunu. Séville*, VIII (1), p. 148.

⁵ *Chaunu, Pierre. Réflexions sur le tournant des années 1630–1650 // Cahiers d'histoire*, XII, 3, 1967, 257.

Циклическая модель движения европейских цен имеет длительную историю, и хотя ученые спорят относительно хронологии этого процесса и еще более — о его причинах, реальность данной модели общепризнана. Если свести воедино два недавних обзора⁶ цен на хлеб, то получится следующая картина:

1160–1260 — быстрый рост цен;
1260–1310 (1330, 1380) — неизменно высокие цены;
1310 (1330, 1380) — 1480 — последовательное падение;
1480–1620 (1650) — высокие цены;
1620 (1650) — 1734 (1755) — рецессия;
1734 (1755) — 1817 — рост цен.

В данном случае нас интересует более ограниченный сегмент — XVI век, представленный в этой таблице «высокими» ценами. В его пределах, естественно, также происходили экономические колебания. Фундаментальное исследование Пьером Шоню записей Торговой палаты Севильи* — ключевого перевалочного пункта трансатлантической торговли — выявило в ценах XVI века следующий цикл. На основании показателей объема торговли (как общих, так и для отдельных видов товаров) и стоимости продукции Шоню выделяет 4 периода:

1504–1550 — устойчивый рост;
1550–1562/3 — сравнительно небольшая рецессия;
1562/3–1610 — подъем;
1610–1650 — рецессия.⁷

Показатели объема и стоимости — это, разумеется, не одно и то же. «Движение индекса торговли в увеличенном виде напоминает колебания цен. Сама по себе кривая цен более ровная, чем кривая торговли».⁸ Шоню полагает, что в 1610 году в движении цен в Севилье наступил переломный момент,

⁶ Косминский. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков, 242; *Slicher van Bath, B. H. Britain and the Netherlands*, p. 150.

⁷ См. *Chaunu, Pierre. Séville et l'Atlantique (1504–1650)*, 8 (2): *La Conjoncture (1504–1592)*. Paris: S.E.V.P.E.N., 1959, 14–25.

Хорхе Надаль скептически относится к выводам Шоню относительно испанских цен на основании объема торговли через Севилью, поскольку невозможно определить, какую долю в этой торговле составлял транзит. «В конечном итоге, я уверен, что, совмещая графики объемов торговли и цен, Шоню совершил такую же ошибку, как и Хэмилтон, накладывающий на кривую цен объемы поставок драгоценных металлов. В обоих случаях сравниваются сугубо испанский феномен — внутреннее движение цен на потребительские товары — и явления, лишь косвенно относившиеся к испанской экономике (у Шоню это товары в основном иностранного происхождения, у Хэмилтона — партии серебра для отправки за границу)» (*Nadal. La revolución de los precios españoles en el siglo XVI: estado actual de la cuestión // Hispania, revista española de historia*, XIX, No. 77, oct. — dic. 1959, 519–520, сноска 55).

⁸ *Chaunu. Séville*, VIII (2), p. 19.

соответствующий аналогичной ситуации в Эльзасе для Германии (1627) и в Постумусе* для Нидерландов (1637), поскольку, как мы увидим далее, в разных частях Европы спад наступил в разное время.⁹

Эти несовпадения во времени напоминают о том, что мир-экономика находился лишь в процессе возникновения. Шоню указывает, что в XV веке в трех торговых зонах Европы (христианское Средиземноморье, Северо-Западная Европа, Восточная Европа) существовали три разных уровня цен, от высокого к низкому соответственно. Возникновение мира-экономики можно точно зафиксировать благодаря «фантастическому росту цен в начале [XVI века] и преодолению указанного разрыва между тремя регионами в длительной перспективе».¹⁰ Несмотря на то, что этот период еще длиннее, чем XVI век, прогресс в сокращении разрыва очевиден. Если в 1500 году цены в христианском Средиземноморье и Восточной Европе соотносились в пропорции порядка 6:1, то к 1600 году их соотношение составляло уже 4:1,¹¹ а к 1750 году — лишь 2:1. Хенрик Самсонович утверждает, что с начала XVI века заработки и цены в Пруссии становятся «все ближе и ближе» к Западной Европе, «несмотря на диаметрально противоположное направление социально-экономического развития этих двух регионов».¹² Не следует ли вместо «несмотря на» читать «благодаря»?

Одной из основных теорий, объясняющих рост цен в XVI веке, является концепция Эрла Дж. Хэмилтона. Начав с исследования цен в Андалусии XVI века, он позднее распространил свою аргументацию на Западную Европу в целом:

«В течение всего изучаемого периода существовала тесная связь между импортом американского золота и серебра и ценами в Андалусии... Начиная с 1503–1505 годов и до 1595 года существовал восходящий тренд поставок драгоценных металлов, в то время как с 1503 по 1597 годы в Андалусии имел место непрерывный рост цен, причем их самые большие скачки совпадают с прибытием крупнейших

⁹ «Грубо говоря, к 1600 году изменение тренда коснулось Испании, Италии и Южной Франции и только к 1650 году произошло на севере Европы, в частности, в Нидерландах, где Амстердаму предстояло утвердить свое господство на мировой арене» (*Braudel. Chapters, I, p. 263*).

¹⁰ *Chaunu. L'expansion européenne, p. 343*.

¹¹ «В конце XV века эти «три Европы» в [ценовом] аспекте соотносились как 100, 77 и 16; в конце XVI века данное соотношение равнялось 100, 76 и 25. Сближение началось, но затрагивало только периферийную Европу: дистанция между Средиземноморьем и Центральной Европой сохранялась неизменной в течение всего столетия [*Ibid.*, p. 343]».

Для более периферийных зон ценовой разрыв мог, тем не менее, оставаться довольно значительным. Как отмечает Бродель, «чем более закрытой остается эта архаичная экономика, тем выше ценятся в ней такие редкие гости, как золото и серебро. Стоимость жизни в Сардинии, замечает один венецианец в 1558 году, в 4–5 раз ниже, чем в Италии — разумеется, для тех, кто путешествует с набитым кошельком» (*Бродель. Средиземное море, II, 54*).

¹² *Samsonowicz, Henryk. Salaires et services dans les finances citadines de la Prusse au XVe siècle et dans la première moitié du XVIe siècle // Third International Conference of Economic History, Munich, 1965 (Paris: Mouton, 1968), 550.*

партий золота и серебра. Корреляция между ввозом металлов и ценами продолжает существовать и после 1600 года, когда оба процесса идут на спад».¹³

К 1960 году теория Хэмилтона подверглась серьезным нападкам как эмпирического, так и теоретического характера. Тем не менее, он переформулировал ее еще решительнее:

«В процентном отношении [увеличение объема драгоценных металлов начиная с 1500 года] было, возможно, значительно больше, чем рост цен. Поэтому вместо того, чтобы искать новые причины Революции цен, [...] следует объяснить, почему темпы роста цен отстают от темпа роста запасов драгоценных металлов. Определенная часть вновь поступавших драгоценных металлов выводилась из оборота, поскольку золото и серебро стали больше использоваться для изготовления утвари, украшения зданий и скульптур, создания ювелирных изделий и других нефинансовых целей, притом что они стали относительно дешевле благодаря растущим товарным ценам. Данные факторы и привели к выводу из оборота некоторой части вновь поступивших драгоценных металлов. Существенным обстоятельством был и отрицательный торговый баланс [с Востоком], поглощавшим значительное количество европейских металлов... Переход от продуктовых рент к денежным платежам, от частичной выплаты заработной платы произведенной продукцией к ее денежному эквиваленту, упадок бартерного обмена — все это также не способствовало значительному увеличению запасов золота и серебра».¹⁴

Как отмечали многие критики, концепция Хэмилтона основана на базовом постулате количественной теории денег Ирвинга Фишера, в которой используется формула $PQ=MV$ (где P — цены, Q — количество товаров и услуг, M — количество денег, V — скорость их обращения)*; при этом Хэмилтон априори предполагает, что V и Q являются постоянными величинами. Критики Хэмилтона поставили под сомнение именно это допущение и требовали эмпирической проверки его гипотезы.

В значимой для критики Хэмилтона работе Ингрид Хаммарстрём утверждается, что Хэмилтон неправильно установил причинно-следственные связи, поскольку в рассматриваемый период имел место рост экономической активности, который привел к росту цен, что, в свою очередь, объясняет развитие горного дела, благодаря которому увеличивался запас драгоценных металлов. Хэмилтон парирует:

«Очевидно, что „рост цен“, обычно являющийся следствием „некоторым образом происходящей экономической деятельности“, [...] будет сдерживать, а не увеличивать добычу драгоценных металлов благодаря росту издержек

¹³ *Hamilton, Earl J.* "American Treasure and Andalusian Prices, 1503–1660" // *Journal of Economic and Business History*, I, 1, Nov. 1928, 34–35. Библиографию по основным составляющим данной проблемы см. в: *Braudel and Spooner*, *Cambridge Economic History of Europe*, IV, pp. 605–615.

¹⁴ *Hamilton, Earl J.* *The History of Prices before 1750* // *International Congress of Historical Sciences*, Stockholm, 1960. *Rapports: I. Méthodologie, histoire des universités, histoire des prix avant 1750*. Göteborg: Almqvist & Wiksell, 1960, 156.

производства в сочетании с их *фиксированной стоимостью в денежном эквиваленте*. Кроме того, рост цен должен уменьшить, а не увеличить объем чеканки монеты из имеющегося объема металла, сравнительно удешевляя его для неденежного использования».¹⁵

Но почему денежный эквивалент того или иного количества должен был оставаться неизменным? Когда столь большое количество золота и серебра вдруг оказалось доступным по столь низкой реальной цене (учитывая характер труда при их добыче), подобное политическое решение едва ли принесло бы пользу тем, кто в эпоху экспансии извлекал прибыль из потока драгоценных металлов (включая испанскую корону), и отбило бы охоту к его добыче. Как подчеркивает Хаммарстрём, главный вопрос таков: чем объясняется определенный тип использования драгоценных металлов?

«Американское золото и серебро требовались Западной Европе не для накопления сокровищ или украшения святых мест (как в Азии или у аборигенов Америки), но для создания важного дополнения к уже существующей массе денег в обороте, то есть для использования в качестве платежного средства. Почему так происходило?»¹⁶

И.С. Бреннер полагает, что анализ данных по Англии подтверждает позицию Хаммарстрём. Он обнаруживает, что изменения товарных цен обязаны «в меньшей степени увеличению (или недостаточному увеличению) европейского запаса драгоценных металлов, чем способу использования этих металлов».¹⁷ Бреннер отмечает, что рост цен начался до поступления американских сокровищ,¹⁸ утверждая, что в этот период *все* члены уравнения Фишера являлись переменными:

¹⁵ Ibid., p. 157. Курсив добавлен.

¹⁶ *Hammarström, Ingrid. The 'Price Revolution' of the Sixteenth Century: Some Swedish Evidence // Scandinavian Economic History Review, V, 1, 1957, 131.*

¹⁷ *Brenner, Y.S. The Inflation of Prices in Sixteenth-Century England // Economic History Review, 2nd ser., XIV, 2, 1961, 231.*

Г.А. Мискимин, комментируя положения Бреннера, развивает его аргументацию: «Я бы пошел еще дальше и настаивал на том, что территориальное распределение населения относительно неизменного количества земли имело большое влияние на склонность отдельных государств удерживать в своих пределах поступавшие извне золото и серебро. Чем выше была демографическая нагрузка на плодородную землю, тем большая часть денежной массы страны была ориентирована на сельскохозяйственную продукцию местного производства» (*Miskimin. Agenda for Early Modern Economic History // Journal of Economic History, XXXI, 1, March 1971, 179*).

¹⁸ *Brenner, Y.S. Economic History Review, XIV, p. 229.*

Фернан Бродель делает аналогичное замечание: «Рудники Нового света нашли полезное применение благодаря тому, что в Европе нашлись средства для их разработки» (*Бродель. Средиземноморье, II, 472*). Вместе с тем Р.С. Лопес и Г.А. Мискимин подчеркивают, что начиная примерно с 1465 года и до «Реформации» экономический рост имел характер лишь «медленного восстановления», поэтому резкий скачок после 1520 года согласуется с аргументами Хэмилтона (*Lopez and Miskimin. The Economic Depression of the Renaissance // Economic History Review, 2nd ser., XIV, 3, 1962, 417*).

«В заключение отметим, что рост цен в первой половине XVI века был следствием сочетания возросших скорости и объема денежного обращения с относительно упавшим предложением сельскохозяйственной продукции при усилившемся спросе на нее...

Скорость (V) обращения увеличилась благодаря развитию промышленности и торговой экспансии, резкому росту земельных спекуляций и аналогичных операций на официально узаконенном рынке капиталов, а также благодаря перемещению более крупных масс населения из самодостаточных сельских сообществ в города, обеспечение которых продовольствием зависело от рынков, т. е. от массы денег в обращении».¹⁹

Соответственно, утверждает Бреннер, специфический способ использования драгоценных металлов объясняется именно общим ростом капиталистической деятельности.

Если в биллионистской теории* экономической экспансии скорость денежного обращения (V) и количество товаров (Q) не постулируются как неизменные величины, то, по крайней мере, для них предполагаются определенные верхние границы. Существуют ли какие-нибудь свидетельства в пользу этого утверждения? Относительно количества товаров и услуг они не представляются слишком убедительными. Прежде всего, напоминает Хорхе Надаль, это подразумевает введение дополнительной гипотезы полного использования трудовых ресурсов:

«Только в том случае, когда невозможно увеличить объем производимых товаров, любой рост потребления (равный произведению количества денег на скорость оборота [*la masa monetaria en circulación*]) повлечет за собой соответствующий рост цен».²⁰

Поэтому будем считать, что приток драгоценных металлов вел к росту цен не напрямую, а только благодаря его способности увеличивать занятость. Например, Мискимин полагает, что «навязчивая идея ранних меркантилистов — движение драгоценных металлов» была не лишена смысла, поскольку

«поступления металлов, предположительно, заставили бы работать людей и ресурсы и одновременно увеличили бы капиталы, доступные для государственной казны, тем самым снизив расходы на ведение войн».

В таком случае можно проанализировать, какие страны использовали драгоценные металлы наиболее эффективно

¹⁹ Brenner. *Economic History Review*, pp. 238–339. Бродель и Спунер также полагают, что налицо рост скорости обращения: «Ускорение [денежного обращения] и рост стоимости жизни — вот самые примечательные стороны эпохи Ренессанса (точнее, XVI века) по сравнению с более ранними периодами, [...] хотя при этом существовала разница в пропорциях между отдельными частями света... В Европе „рост“ [произшел] в виде мощного рывка, [...] подтолкнувшего весь мир к пределам возможного и невозможного — иными словами, к грани катастрофы» (*Braudel and Spooner. Les métaux monétaires et l'économie du XVIe siècle // Relazioni del X Congresso Internazionale de Scienze Storiche, IV: Storia moderna. Firenze: Sansoni, 1955, 245–246*).

²⁰ Nadal. *Hispania*, XIX, p. 517.

«в рамках своей институционально или физически определенной способности преодолевать ограничения для полной занятости населения, чтобы тем самым превратить приток металлов в реальный экономический рост».²¹

Теперь рассмотрим проблему пределов скорости денежного обращения. В своей дискуссии с Майклом Постаном У.С. Робинсон задается вопросом, возможно ли объяснить спад XIV века фактором оборота драгоценных металлов. Робинсон полагает, что в экономике с примитивными кредитными механизмами «параметр V был чем-то вроде действительного физического оборота на одну монету в определенный период времени...». Поэтому экспансия XIII века, которую стимулировали прекращение тезаврации* и увеличение скорости денежного обращения, неизбежно имела внутренние ограничения:

«В конце концов... объем денежного предложения достиг своего верхнего предела и, за исключением скромного ежегодного прироста, скорость оборота денег больше не могла увеличиваться. На данном этапе сокращалась торговля и ощущалось дефляционное давление на цены, а на смену жизнерадостному оптимизму и высоким доходам предшествующего периода пришли пессимизм и сокращение расходов. Снова началась тезаврация денег, выступавшая своего рода страховкой по отношению к падавшим ценам. Короче говоря, экономический спад мог стать самоподдерживающимся».²²

В своем ответе Постан утверждает, что 1) Робинсон в действительности пришел к неверным выводам относительно пределов обращения, достигнутых с момента начала детезаврации, 2) что кредитные механизмы были более гибкими, чем полагает Робинсон, 3) что психологические установки деловых людей в то время не были значимым фактором для экономики.²³ Однако самой идее верхнего предела обращения Постан, по существу, ничего не противопоставляет. Это делает Мискимин, причем, на мой взгляд, эффективно:

«При тогдашнем уровне развития кредитных институтов, по всей вероятности, все же имелся верхний физический предел скорости обращения любого данного количества драгоценных металлов, однажды перечеканенного в конечное количество монет. Однако существовала возможность повысить этот предел (физический и институциональный), ограничивавший скорость металлического обращения, — для этого нужно было прибегнуть к банальной порче монеты посредством уменьшения ее веса. Эта операция увеличивала технические лимиты скорости обращения, и высвободившиеся тем самым ресурсы делали возможным и даже вероятным использование для развития экономики таких новых факторов, как внутренняя миграция, урбанизация и специализация труда. Кроме того, во многих случаях порча монеты в Европе XVI века, увеличивая скорость денежного обращения, вела

²¹ *Miskimin*. *Journal of Economic History*, XXXI, p. 183.

²² *Robinson*, W. C. *Money, Population and Economic Change in Late Medieval Europe* // *Economic History Review*, 2nd ser., XII, 1, 1959, 67.

²³ См. *Postan*, M. M. *Note* // *Economic History Review*, 2nd ser., XII, 1, 1959, 78–79.

к непропорционально резкому росту цен по сравнению с коэффициентом снижения качества самой монеты».²⁴

Таким образом, мы возвращаемся к тому, что ключевым моментом для объяснения европейской экспансии является сама система в целом с заложенными в ее структуре воздействиями в пользу определенных видов политических решений (например, порчи монеты). Не сами по себе драгоценные металлы, но драгоценные металлы в контексте капиталистического мира-экономики — вот что имело ключевое значение. Согласно Шарлю Верлиндену, продолжительная инфляция цен на раннем этапе развития капитализма была главным образом связана с его монополистическими формами:

«В объяснении циклических кризисов значительное место следует отвести фактору спекуляции. „Монополия“ не регулировала движение цен. За исключением определенных предметов роскоши (например, вин), монополии в короткий промежуток времени „дерегулировали“ цены, то есть именно на монополиях лежит ответственность за катастрофические проблемы, созданные их движением. Безусловно, косвенным образом все это определило одну характерную особенность движения цен: после каждого очередного подъема, отчасти искусственного, цены не возвращались на докризисный уровень. Таким образом, монополии вносили определенную лепту и в рост цен, и в ускорение темпов этого роста в долгосрочной перспективе».²⁵

Так был ли приток драгоценных металлов добром или злом? Это не какая-нибудь абстрактно-этическая проблема — скорее речь идет о том, оказались ли последствия этого процесса благоприятными для создания нового, капиталистического мира-экономики? Хэмилтон определенно отвечает «да» — с другой стороны, диаметрально противоположное мнение высказывает Йозеф Шумпетер:

«Сам по себе количественный прирост любого типа денежной массы, в том числе монетных металлов, не ведет к каким-либо экономически предсказуемым последствиям. Очевидно, что последние будут целиком зависеть от того, для каких целей будут использованы новые денежные вливания... Если говорить об Испании, то [применительно к XVI веку] в первую очередь нужно отметить то, в какой степени ее новоявленное богатство... использовалось для финансирования политики Габсбургов... Приток драгоценных металлов... стал альтернативой порче монеты, к которой в ином случае пришлось бы прибегнуть гораздо раньше, тем самым золото и серебро оказались инструментом раздувания войн и запустили знакомый процесс обнищания и становления присущей ему социальной организации. Последовавший за этим впечатляющий рост цен был не более чем хорошо известным звеном в этой цепи событий...

Во всех этих перечисленных аспектах увеличение объема оборотных средств действительно повлияло на эволюцию капитализма, однако в конечном итоге данный фактор ее замедлил, а не ускорил. Случаи Франции и Англии отличались, но лишь потому, что результаты были менее концентрированными... Все долгосрочные достижения английской промышленности

²⁴ Miskimin. *Journal of Economic History*, XXXI, p. 177.

²⁵ Verlinden, Charles et al. *Mouvements des prix et des salaires en Belgique au XVIe siècle* // *Annales E.S.C.*, X, 2, avr. — juin, 1955, 198.

и торговли можно объяснить безотносительно перечисленных аспектов изыскания драгоценных металлов...»²⁶

Эта аргументация основана на твердой уверенности Шумпетера, что «воздействие инфляции было практически полностью разрушительным, причем он полагает, что в рамках как истории, так и экономической теории значение данного вопроса преувеличено, хотя и не отрицает этот фактор вовсе».²⁷ Мы не принимаем предвзятое отношение Шумпетера к потенциально импульсивным и порой непредсказуемым последствиям инфляции в пользу рационально контролируемых факторов, однако его высказывание действительно заставляет осознать, что глобальные последствия инфляции были гораздо менее значительными, чем ее дифференцирующие эффекты.²⁸

Для начала обратимся к продовольственным ресурсам. Почему в условиях общего экономического подъема в Европе *сокращалось* предложение сельскохозяйственной продукции? Конечно, речь идет не о снижении в абсолютных единицах.²⁹ О сократившихся продовольственных ресурсах относительно увеличившегося населения можно говорить только при отдельном рассмотрении количественных данных по таким странам, как Англия и Испания, но не для европейского мира-экономики в целом. В тех странах, где расширялась промышленность, требовалось выделять более крупные площади земли для разведения лошадей.³⁰

²⁶ Schumpeter, Joseph A. *Business Cycles I*. New York: McGraw-Hill, 1939, 231–232.

²⁷ Ibid., I, p. 233, сноска 1.

²⁸ Мискимин (*Miskimin*. *Journal of Economic History*, XXXI) намечает возможные направления дальнейшего исследования данного вопроса: «Следует обратить внимание на то, какую роль в раздираемом войной XVI веке играли более доступные и, возможно, более дешевые деньги в структуре промышленности и в изменениях в рамках производственных процессов. Облегчило ли накопление частного капитала в промышленности то, что государства стали удовлетворять свои потребности с помощью сравнительно низких процентных ставок, а не путем конкуренции с частной промышленностью, что препятствовало реинвестированию доходов и появлению класса рантье? В свою очередь, появилась ли у голландского кораблестроения в силу меньших капитальных затрат возможность поддерживать большие запасы строевого леса и прочего сырья, а у английской кожевенной промышленности возможность экономить рабочую силу благодаря большому объему дубильных емкостей? — не это ли повышало производительность труда? Пожалуй, подобный анализ может оказаться плодотворным для понимания причин сравнительного экономического успеха Англии и Нидерландов и относительной неудачи Испании и Франции и превратить в ходе этого исследования понятие „инфляция доходов“ из терминологического недоумения в намного более полезный инструмент [p. 183]».

²⁹ Насколько справедливо это утверждение даже в относительном смысле? Робинсон полагает, что вновь расчищенная земля не обязательно была «маргинальной», то есть менее продуктивной или менее плодородной. См. *Robinson*. *Economic History Review*, p. 68. Постап парирует, что вне зависимости от теоретических аргументов новые поселения в действительности оказывались на «худших землях» (*Postan*. *Economic History Review*, XII, p. 81).

³⁰ «Дополнительным фактором роста хлебных цен [в XVI веке] могло быть увеличение количества лошадей [в Западной Европе]. Громадный рост торговли и

Но здесь по-прежнему жили люди, только теперь они все больше и больше питались хлебом из Балтийского региона.³¹ Однако этот хлеб был более дорогим из-за его явного дефицита, транспортных расходов и прибыли посредников.

Можно ли пренебречь фактором роста предложения драгоценных металлов? Не совсем, поскольку этот рост выполнял важные функции для расширяющегося европейского мира-экономики. Приток металлов поддерживал напор экспансии, защищая по-прежнему слабую систему европейского мира-экономики от вторжений природной стихии. Мишель Морино указывает, что в средневековой Европе цены на пшеницу напрямую зависели от урожайности, — в XVI веке драгоценные металлы не столько увеличивали цены, сколько препятствовали их падению.³² В самом деле, Карло Чиполла скептически относится

промышленности сопровождался развитием перевозок, что требовало больше тягловой силы и энергии, основным источником которых были лошади. Увеличение поголовья лошадей означало рост спроса на фураж, в то время как земля, используемая для производства фуражного зерна, разумеется, больше не предназначалась для того, чтобы кормить людей». *Slicher van Bath*. *Agrarian History*, p. 195.

³¹ См. *Petráň, Josef*. A propos de la formation des régions de la productivité spécialisée on Europe Centrale // Deuxieme Conférence Internationale d'Histoire Economique: Aix-en-Provence, 1962, Vol. II, Middle Ages and Modern Times. Paris: Mouton, 1965, 219–220.

Иногда утверждается, что балтийское зерно не могло быть столь значимым фактором, поскольку оно составляло лишь небольшую часть общего объема потребления. На это есть два контраргумента. Во-первых, для определенных регионов Европы балтийское зерно было основным источником снабжения. «Эти один или два процента [от общеевропейского потребления] были, тем не менее, исключительно важны, потому что они обеспечивали процветание голландских мореплавателей и являлись условием существования таких столиц, как Лиссабон» (*Tilly, Charles*. *Food Supply and Public Order in Modern Europe* (потапринт, p. 45). См. *Jannin, Pierre*. *Les comptes du Sund comme source pour la construction d'indices généraux de l'activité économique en Europe (XVIe–XVIIIe siècles)* // *Revue historique*, CCXXXI, janv. — mars 1964, 62). Жаннен цитирует Э. Схольерса, утверждая, что в 1562–1569 годах балтийское зерно обеспечивало 23% голландского потребления.

Второй контраргумент состоит в том, что балтийское зерно было крайне важным для мира-экономики в целом: «Локальная и международная хлебная торговля были неразрывно взаимосвязаны. В случае с таким товаром, как зерно, было бы неверно рассматривать ситуацию в терминах двойной экономики с двумя самостоятельными секторами. Если принять этот аргумент, то балтийское зерно оказывается критическим сегментом рынка в соотношении общего объема спроса и предложения. Отсюда следует, что относительно незначительные колебания спроса и/или предложения могли вызывать сравнительно большие изменения в том ключевом сегменте рынка, в котором оказывалось балтийское зерно» (*Glamann*. *European Trade, 1500–1700* // *Fontana Economic History of Europe*, II, 6, 1971, 44).

³² «Приток драгоценных металлов в XVI веке «укрепляет» национальные валюты, поэтому вместо девальвации этих валют обесцениваются сами металлы. Вина последних заключается в росте „серебряных“ цен (*prix-argent*), то есть в росте не реальной цены, а выраженной в металлическом эквиваленте» (*Morineau, Michel*. *D'Amsterdam à Séville; de quelle réalité l'histoire des prix est-elle le miroir?* // *Annales E.S.C.*, XXIII, 1, janv. — fevr. 1968, 195).

к тезису о том, что какой-либо *реальный* рост цен вообще имел место.³³ Он скорее уверен в том, что действительно значимым явлением для финансовой системы XVI века был не рост цен, а снижение процентной ставки. Чиполла утверждает, что в позднем Средневековье ставки находились на уровне 4–5%, между 1520 и 1570 годами они поднялись до высшей точки 5,5% и затем, между 1570 и 1620 годами, внезапно упали в до среднем 2%. Таким образом приток, драгоценных металлов сделал деньги дешевле.³⁴

Представляется, что все описанные события указывают на главный фактор — появление капиталистической системы: по словам Маркса, «мировая торговля и мировой рынок открывают в XVI столетии новую историю капитала».³⁵ Ключевой переменной было возникновение капитализма как господствующего способа общественной организации экономики — возможно, даже как *единственного* способа в том смысле, что существовавшие доселе другие «способы производства» выжили лишь настолько, насколько они встроились в созданную капитализмом общественно-политическую структуру. Полезно также помнить о том, что, по крайней мере, в этот период «существовал не один, а несколько европейских капитализмов, каждый со своей территорией и своими процессами оборота».³⁶ Фактически именно благодаря сосуществованию нескольких

Руджеро Романо указывает, что сам факт наличия или отсутствия кризиса зависит от того, исчислять ли рост цен в золоте или серебре или же в расчетных денежных единицах: «[Результаты исследования цен XVI века] в значительной степени являются продуктом произвольной конвертации в металлический эквивалент фактических цен, исходно выраженных в счетных деньгах. Поэтому здесь перед нами не *цены как таковые*, а „серебряные“ и „золотые“ цены, которые, если быть точным, отражают этапы истории не денег, а „металлической“ истории финансов... [Что касается рассуждений о том, была ли депрессия в XV веке], противоположные интерпретации в основном точно соответствуют разным принципам построения кривой цен. Берем цены в серебре — получаем „кризис“ XV века; берем цены в счетных деньгах — „кризис“ исчезает» (*Romano. Tra XVI e XVII secolo. Una crisi economica: 1619–1622* // *Rivista storia italiana*, LXXIV, 3, sett. 1962, 481–482).

³³ «[Американские драгоценные металлы] создали порог, ниже которого цены не могли упасть даже в течение длительных периодов депрессии. Металлы могли лишь усиливать либо, напротив, уменьшать влияние *основных трендов*. Безусловно, это была важная роль, однако она во всех отношениях была производной от остальных трендов, например, инвестиционных. Именно последние отражают подлинную картину [изменений] — их невозможно ни игнорировать, ни отодвинуть на второй план» (*Cipolla, Carlo M. La prétendue «révolution des prix»* // *Annales E.S.C.*, X, 4, oct. — déc. 1955, 515).

³⁴ «Таким образом, именно в период 1570–1620 годов — период, который считается настолько инфляционным, что историки называли его „Революцией цен“, — наблюдается определенный оптический обман: парадоксальное снижение процентных ставок в разгар инфляционной фазы экономического цикла» (*Cipolla, Carlo M. Note sulla storica del saggio d'interesse — Corso, dividendi, e sconto dei dividendi del Banco di S. Giorgio del secolo XVI* // *Economica internazionale*, V, 2, magg. 1952, 266).

³⁵ *Marx, Karl. Capital*. New York: International Publishers, 1967, I, Ch. IV, 146. Цит. по рус. изд.: *Маркс, Карл. Капитал. Критика политической экономии*. Москва: Издательство политической литературы, 1983, I, 157.

³⁶ *Braudel. Chapters*, I, p. 286.

капитализмов возросший. запас драгоценных металлов стал столь значимым явлением, поскольку изначально скорость их обращения в Северо-Западной Европе была меньше, чем в ее средиземноморской части. Как заключают Бродель и Спунер, «количественная теория денег имеет смысл при учете скорости их обращения и в контексте диспропорций европейской экономики».³⁷

Теперь мы можем перейти ко второй части аргументации Хэмильтона, где утверждается, что имел место не только рост цен, но и так называемый зарплатный лаг. Разногласия по поводу самого наличия этого явления и его причин также велики.³⁸ Хэмильтон полагал, что по мере роста цен заработные платы и ренты не могли расти пропорционально ценам по причине наличия в Англии и во Франции (но не в Испании) жестких институциональных ограничений.³⁹ В результате возник разрыв между ценами и заработками — разновидность непредвиденной прибыли, что и стало главным источником накопления капитала в XVI веке:

«В Англии и Франции очень большое расхождение между ценами и заработками, порожденное Революцией цен, привело к отчуждению у трудящихся значительной части доходов, которые прежде находились в их распоряжении, и перенаправило эти средства в пользу других участников процесса распределения... Поскольку ренты, как и заработки, отставали от растущих цен, землевладельцы также ничего не выиграли от убытков своих работников...

Полученные таким образом непредвиденные доходы, наряду с выручкой от ост-индской торговли, обеспечили средства для постепенного создания производственного оборудования, а открывшийся доступ к получению сверхприбылей* обеспечивал стимул для лихорадочного занятия капиталистическим предпринимательством».⁴⁰

³⁷ *Braudel and Spooner. Cambridge Economic History of Europe, IV, p. 449.*

³⁸ В конце своей длинной двухчастной статьи о гипотезе зарплатного лага Пьер-луиджи Чьокка настаивает на том, что разрешить данную проблему проще, чем объяснить причины инфляции в XVI века. См. *Ciocca. L'ipotesi del 'ritardo' dei salari rispetto ai prezzi in periodi di inflazione: alcune considerazioni generali // Bancaria, XXV, 5, maio 1969, 583.*

³⁹ Хорхе Надаль полагает, что это утверждение Хэмильтона не соответствует действительности. Надаль считает, что количественные данные Хэмильтона основаны на ложной методологической предпосылке, поскольку для Англии и Франции он использовал средневзвешенные показатели, а для Испании — невзвешенные. Надаль указывает, что Фелпс-Браун и Хопкинс использовали исключительно опубликованные данные, подходящие для сравнения заработков каменщиков и все одинаковым образом взвешенные, и это дало принципиально иные результаты. «Итог исследования этих данных оказался столь же недвусмысленным, сколь и неожиданным: в течение XVI века покупательная способность номинальной заработной платы каменщика в Валенсии (единственный исчисляемый зарплатный показатель для Испании) радикально снижалась в соответствии с такими же кривыми снижения заработков каменщиков в Англии и Франции» (*Nadal. Hispania, XIX, pp. 523–524*).

⁴⁰ *Hamilton, Earl J. American Treasure and the Rise of Capitalism // Economica, IX, 27, Nov. 1929, 355–356.*

Уолтер Прескотт Уэбб добавляет полезное разграничение понятий *первичного* и *вторичного* обогащения в результате европейского завоевания Американского континента.

Утверждение Хэмилтона, что рентные ставки отставали от роста цен, стало предметом особенно острой критики, предпринятой, в частности, Эриком Керриджем по отношению к Англии XVI века,⁴¹ а также другими исследователями применительно к другим регионам и периодам времени.⁴² К 1960 году Хэмилтон уступил оппонентам в вопросе с рентами, но утверждал, что это не влияет на суть его аргументации:

«Допустим, что в начале Революции цен фонд оплаты труда составлял 3/5 производственных издержек... Предположим, что в 1500 году земельная рента, возможно, равнялась 1/5 национального дохода Англии и Франции и что в ходе Революции цен ренты росли с той же скоростью, что и цены. При этом следует учесть две компенсирующие друг друга тенденции: растущие сельскохозяйственные цены повышали размер ренты, а эпизодические пересмотры рентных контрактов — снижали. Последнюю оставшуюся пятую часть национального дохода составляла прибыль (включая проценты). В ситуации, когда 3/5 издержек сильно отставали от быстро растущих цен,... размеры прибыли в Англии и Франции в XVI веке должны были достичь высокого уровня, продержаться на нем в течение четырех или пяти десятилетий и обеспечить сохранение в целом большого, хотя и сокращающегося, разрыва между заработками и ценами вплоть до конца XVII века».⁴³

«Оставляя в стороне землю — важнейшее из всех этих неожиданных приобретений, — к первой категории мы относим золото и серебро, лес, меха, серую амбру... Таким образом, предметом первичного обогащения стало то, к чему удалось быстро получить доступ при минимальных вложениях и небольшой подготовительной работе. Вторичное обогащение предполагало длительное ожидание и нередко большие издержки — слишком большие для далекого и нетерпеливого инвестора. Первичное обогащение дало толчок капитализму XVI–XVII веков, вторичное поддерживало его шествие в XVIII–XIX столетиях» (*Webb. The Great Frontier. Boston, Massachusetts: Houghton, 1952, 181–182*).

Фриц Редлих напоминает, что еще одна древняя форма быстрого обогащения — добыча, награбленная в европейских войнах, — также оставалась важным источником накопления капитала в XVI веке (*Redlich. De Praeda Militari: Looting and Booty, 1500–1815 // Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, Suppl. No. 39, 1956, 54–57*). Разница с американскими сокровищами заключается в том, что эта добыча представляет собой перераспределение уже существовавших европейских богатств, а не добавление новых ресурсов.

⁴¹ См. *Kerridge, Eric. The Movement in Rent, 1540–1640 // Essays in Economic History / E. M. Carus-Wilson, ed. II, 208–226*. Иэн Блэнчард: «Данные для изучения изменений рент в 1485–1547 годах, доступные в пока опубликованных работах, неоднозначны. Нигде это не заметно более ясно, чем в: *Joan Thirsk, ed. Agrarian History of England and Wales, Vol. IV*, где на с. 204 утверждается, что начиная с 1470-х годов происходил значимый рост рент на пахотную землю, в то время как на с. 690 сказано, что резкого восходящего движения не происходило до рубежа XVI века. Чтобы разрешить это видимое противоречие, требуется учитывать результаты исследований отдельных имений, однако подобных исследований существует немного» (*Blanchard. Population Change, Enclosures, and the Early Tudor Economy // Economic History Review, 2nd Ser., XXIII, 3, Dec. 1970, 443*).

⁴² *Vilar, Pierre. Problems on the Formation of Capitalism // Past & Present, No. 10, Nov. 1956, 25*. В дополнение к этому Надаль утверждает об Испании: «В противовес Хэмилтону мы вынуждены заключить, что для крупных испанских землевладельцев инфляционная фаза не оказалась неблагоприятной» (*Nadal. Hispania, XIX, p. 526*).

⁴³ *Hamilton. Int. Cong., I, 1960, p. 160*.

Были и другие критические оценки хэмилтоновской гипотезы зарплатного лага.⁴⁴ Одно из важных направлений дискуссии обозначил Джон У. Неф, предположив, что письменно зафиксированные денежные заработки не были эквивалентны общему объему заработной платы, поскольку существовали также натуральные заработки, которые, возможно, увеличивались, заполняя лаг между ценами и зарплатой. Рост цен на хлеб также мог не соответствовать росту цен на все основные товары:

«Во-первых, все полученные к настоящему времени индексы преувеличивают рост цены прожиточного минимума в ходе Революции цен. Во-вторых, увеличение стоимости пищевого рациона работника в определенной мере становился ношей не для него, а для работодателя. В-третьих, многие работающие по найму имели небольшие участки земли, которые частично обеспечивали их пропитание. Следовательно, работники, видимо, могли тратить отнюдь не мизерную часть своих денежных заработков на другие товары, помимо продуктов питания».⁴⁵

Фелпс-Браун и Хопкинс согласны, что уменьшение заработков, возможно, было не таким злом, как обычно представляется, поскольку хлебные цены на самом деле росли быстрее, чем цены на промышленные товары. В результате цены на готовые («вторичные») продукты питания, значение которых увеличивалась, росли в меньшей степени, чем цены на основной продукт — зерно*, а усовершенствования в производственном процессе также снижали издержки производства подобных продуктов.⁴⁶ И все же недавнее (1968) исследование, опирающееся на более точные данные, нежели те, что изначально использовал Хэмилтон, и включающее аргументы Фелпс-Брауна и Хопкинс, скорее подтверждает общую гипотезу о сокращении реальных заработков в Западной Европе XVI века.⁴⁷

⁴⁴ Чьокка резюмирует их в: *Ciocca. Bancaria*, XXV, 4, apr. 1969, 425–426 (сноска 13).

⁴⁵ *Nef, John U. Prices and Industrial Capitalism in France and England // The Conquest of the Material World*. Chicago, Illinois: Univ. of Chicago Press, 1964, 254. Хэмилтон опровергает точку зрения Нефа в: *Hamilton. Prices and Progress // Journal of Economic History*, XII, 4, Fall 1952, 333–334. А вот комментарий Чьокка: «Нам представляется значимым и убедительным [вышеприведенное] наблюдение Хэмилтона о меньшей значимости двух рассматриваемых факторов в период роста коммерциализации и рождения пролетариата. В данном вопросе по-прежнему требуется величайшая осторожность» (*Ciocca. Bancaria*, XXV, p. 428).

⁴⁶ См. *Phelps-Brown, E. H. and Hopkins, Sheila V. Wage-Rates and Prices: Evidence for Population Pressure in the Sixteenth Century // Economica*, XXIV, No. 96, Nov. 1957, 293. См. у Жана Делюмо о ценах в Риме: «В целом можно утверждать, что десятилетний индекс цен на пшеницу в течение 40 лет (1590–1629) всегда был выше, чем индекс цен на другие продукты [различные продукты питания, вино, дрова, воск], за одним возможным исключением — цен на изюм между 1610 и 1619 годами. Но даже это исключение подтверждает правило, поскольку цены на изюм были аномально высокими в конце XVI — начале XVII века» (*Delumeau. Vie économique et sociale de Rome dans le seconde moitié du XVIe siècle*. Paris: Bocard, II, 741–742).

⁴⁷ Фелпс-Браун и Хопкинс представляют данные об уменьшении реальных зарплат в XVI веке для южной Англии, Эльзаса, Мюнстера, Аутсбурга, Валенсии и Вены

Это процесс замечательно проиллюстрирован в таблице, составленной на основании данных Сlicher ван Бата.⁴⁸ В ней приводится выраженная в килограммах пшеницы реальная годовая заработная плата английского плотника, которому платили посуточно.

*Таблица 1. Реальная заработная плата английского плотника**

1251–1300	81,0
1300–1350	94,6
1351–1400	121,8
1401–1450	155,1
1451–1500	143,5
1501–1550	122,4
1551–1600	83,0
1601–1650	48,3
1651–1700	74,1
1701–1750	94,6
1751–1800	79,6
1800–1850	94,6

*1721–45 = 100

Из этой таблицы следуют три вывода. (1) Поразительно, но реальные заработные платы английского плотника в 1850 и 1251 годах существенно не отличаются. (2) Высшее значение индекса (155,1) непосредственно предшествовало «долгому» XVI веку, а самое нижнее (48,3) знаменовало его окончание. (3) В течение XVI века индекс заработной платы пережил колоссальное падение, и этот факт оказывается еще более красноречивым, если вспомнить, что в 1601–1650 годах по европейским меркам городских заработков заработные платы в Англии были далеко не самыми низкими.

Это ярко выраженное падение заработков само по себе было следствием трех структурных факторов, которые достались в наследство от докапиталистической экономики и все еще не были устранены в XVI веке. Пьерлуиджи Чьокка скрупулезно демонстрирует, как действие этих факторов определяло сокращение реальных заработков в период сильной инфляции и почему в последующие

в таблице II «Заработные платы каменщиков, цены и население: дополнительные сведения» (*Phelps-Brown and Hopkins. Economica*, XXVI, No. 101, Feb. 1959, 21). Жан Фурастье и Рене Грандами не уверены, имело ли в действительности место падение уровня жизни в XVI веке в сравнении с предыдущим столетием, однако указывают, что между XV и XVII–XVIII столетиями реальная цена хлеба увеличилась в 4 раза (*Fourastié & Grandamy. Remarques sur les prix salariaux des céréales et la productivité de travailleur agricole en Europe du XVe et XVIe siècles // Third International Conference of Economic History, Munich 1965. Paris: Mouton, 1968, 650*).

⁴⁸ *Slicher van Bath. Agrarian History, Table I, p. 327.*

столетия эти причины были по большей части ликвидированы. Вот эти три фактора: (1) денежные иллюзии в сочетании с нерегулярными требованиями работников о повышении зарплат; (2) замораживание уровня зарплат на основании обычаев, договоров или законодательных актов; (3) отсрочки выплат. Под денежными иллюзиями Чьокка понимает неспособность людей того времени точно ощущать постепенный рост инфляции, за исключением отдельных моментов времени. Но даже если постоянный рост цен и чувствовался, то уровень заработков мог обсуждаться с работодателем лишь время от времени. Более того, если при этом нарушались некий обычай или контракт, то в XVI веке в дело нередко вмешивалось государство, препятствуя росту заработков. Наконец, в эту эпоху многим рабочим платили раз в год, что в условиях инфляции означало обесценивание денег. К XX веку денежным иллюзиям будут противодействовать организованные профсоюзы, распространение образования, практика составления ценовых индексов и накопление опыта выживания в условиях инфляции. Помимо этого, политические организации рабочих делают ограничение заработков все более затруднительным для государства, а право на частые выплаты заработной платы трудящиеся завоевали в длительной борьбе. Однако в эпоху раннего капитализма у рабочих не было таких возможностей для маневра.⁴⁹

Достоверность рассмотренного анализа зарплатного лага как структурного фактора европейского мира-экономики XVI века повышают не только подтверждающие его эмпирические данные, но и два известных эмпирических исключения: города центральной и северной Италии и города Фландрии. Карло Чиполла отмечает, что в конце XVI — начале XVII века «издержки на оплату труда в Италии представляются слишком высокими в сравнении с уровнем заработков в странах-конкурентах». По мнению Чиполлы, причиной было то, что «рабочие организации сумели навязать работодателям уровень заработков, непропорциональный производительности труда».⁵⁰ Аналогичным образом Шарль Верлинден обнаруживает, что в бельгийских городах в XVI веке заработки вплотную следовали за ценами на хлеб.⁵¹ Почему именно эти два примера являются исключениями? Потому, что названные регионы были «старыми» центрами торговли,⁵² где наемные работники представляли собой *сравнительно*

⁴⁹ Ciocca. Bancaria, XXV, pp. 578–579.

⁵⁰ Cipolla, Carlo. The Economic Decline of Italy // Crisis and Change in the Venetian Economy in the Sixteenth and Seventeenth Centuries / Brian Pullan, ed. London: Methuen, 1968, 139, 140. См. Pullan, Brian. Wage-earners and the Venetian Economy, 1150–1630 // Economic History Review, 2nd ser., XVI, 3, 1964, 407–426; Sella, Domenico. Les mouvements longs de l'industrie lainière à Venise aux XVIe et XVIIe siècles // Annales E.S.C., XII, 1, janv. — mars 1957, особенно pp. 40–45. Селла называет Венецию «городом для богатых», где высокая стоимость жизни объяснялась «обременительными рентами и высокими заработками».

⁵¹ См. Verlinden et al. Annales E.S.C., X, p. 198. Херман ван дер Вее: «Поэтому, в отличие от других европейских стран в XVI веке, Брабант не испытал катастрофического сжатия реальных доходов массы наемных работников» (Van der Wee. The Growth of the Antwerp Market and the European Economy. The Hague: Nijhoff, 1963, II, 386).

⁵² Это рассуждение приводит к вопросу о том, почему «старые» центры торговли стали таковыми, хотя в целом это находится за рамками предмета нашего исследования.

мощную политико-экономическую силу и поэтому могли лучше противостоять спекулятивной гонке. Кроме того, «прогресс» капиталистических нравов частично сломал старые ментальные структуры, однако как раз благодаря этому обстоятельству и «силе» рабочих и североитальянские, и фламандские города в XVI веке придут в упадок как индустриальные центры, уступив первенство новым игрокам, добившимся успеха, — Голландии, Англии и в меньшей степени Франции.

Тезис о том, что некоторые рабочие (а именно задействованные в наиболее «передовых» секторах экономики) могли лучше других противостоять попыткам ограничения заработков, позволяет допустить, что в процессе длительной инфляции разные категории трудящихся понесли *разный ущерб*.⁵³ Пьер Вилар усматривает здесь простое изменение в пределах структуры «центр — периферия»⁵⁴ однако такая дихотомия была бы слишком большим упрощением, поскольку ущерб понесли не только трудящиеся периферии — те, кто в XVI веке был вовлечен в трудовой процесс в Испанской Америке и Восточной Европе, о чем пойдет речь ниже. Аналогичным образом в числе проигравших оказались и наемные работники большей части Западной Европы, и трудящиеся Восточной Европы, причем, вполне возможно, размер ущерба в обоих случаях был одинаков. Например, Джон Х. Эллиотт утверждает, что положение испанского рабочего в ходе Революции цен было в большей степени

Сильвия Трапп дает следующее краткое объяснение: «Фландрия и северная Италия, безусловно, являются наиболее благоприятными территориями, потому что плодородность их почв и легкость, с которой они могли импортировать дополнительное продовольствие из близлежащих регионов-„житниц“, благоприятствовали высокой плотности населения. Это обеспечило данным областям не только необходимый для развития сельской промышленности большой резерв крестьянского труда, не полностью задействованного в аграрных работах, но и позволило урбанизировать сопоставимо больше населения, чем в других регионах» (*Thrupp. Medieval Industry, 1000–1500* // Fontana Economic History of Europe, I, 6, 1971, 47).

⁵³ В данном случае мы говорим о разном ущербе в зависимости от той или иной страны, однако в пределах отдельной страны существовали, разумеется, и соответствующие различия по социальным группам, которые отражены в нашем рассмотрении соотношения рент, доходов и заработных плат. Однако между разными категориями наемных работников таких различий, похоже, не было. По крайней мере, это утверждение верно для соотношения зарплат квалифицированных и неквалифицированных рабочих в английской строительной отрасли, где «от Черной смерти середины XIV века до Первой мировой войны ставка чернорабочего с завидным постоянством менялась с тем же коэффициентом, что и ставка мастера» (*Phelps-Brown, E. H. and Hopkins, Sheila V. Seven Centuries of the Prices of Consumables, Compared with Builder's Wage-rates* // *Essays in Economic History* / E. M. Carus-Wilson, ed. New York: St. Martin's, 1966, II, 189).

⁵⁴ «Но почему нельзя рассматривать [„длинные волны“ цен и экономической активности] с учетом исторических колебаний между усилением эксплуатации труда в колониях и аналогичным процессом в Европе? Вспомним глубокомысленную фразу Маркса: „Для замаскированного рабства наемных рабочих в Европе требовался постамент в виде обычного, неприкрытого рабства в Новом Свете“» (*Vilar. Past & Present*, No. 10, p. 34).

схожим с положением рабочего в Восточной Европе, нежели в Англии.⁵⁵ Что же касается трудящихся Испанской Америки, то их «потери» невозможно оценить, поскольку ранее они вообще находились за пределами экономической системы.

Итак, если польский работник в совокупности зарабатывал меньше всех, вслед за ним шел испанский, а заработок венецианского работника, допустим, был самым крупным, то где в этой схеме место для нашего английского работника, представлявшего полупериферийные зоны, которые находились в процессе превращения в зоны центра? Фелпс-Браун и Хопкинс предлагают одно из объяснений того, что происходило в этих странах. По их мнению, «уменьшение потребительской корзины [английского] наемного работника в основном было связано с изменениями условий торговли между ремесленным и крестьянским хозяйствами».⁵⁶ С одной стороны, эти изменения наиболее тяжким грузом легли на наемных работников (как безземельных, так и тех, чей доход от земли был незначителен). Применительно к первой половине XVI века Фелпс-Браун и Хопкинс оценивают долю таких работников уже в одну треть от всего занятого населения Англии. С другой стороны, «обратной стороной [обнищания наемных рабочих] является обогащение тех, кто продавал сельскохозяйственную продукцию либо сдавал земельные наделы в аренду, ставки которой всегда можно было повысить».⁵⁷ Это бросает определенную тень

⁵⁵ «Гипотеза [Хэмилтона] о том, что в Испании заработки шли в ногу с ценами, в настоящее время представляется совершенно необоснованной. Дальнейшее исследование может явственно продемонстрировать, что на самом деле в первой половине XVI столетия происходило очевидное снижение уровня жизни массы населения Кастилии. Наряду с высоким уровнем кастильских цен в сравнении с ценами в других европейских государствах, это падение уровня жизни имеет большое значение для понимания специфической структуры экономики Кастилии к концу века. Во многих отношениях эта экономика была ближе к хозяйству восточноевропейских стран, таких как Польша, экспортировавших сырье и импортировавших предметы роскоши, чем к экономикам государств Западной Европы. А та часть кастильской промышленности, которой удалось выжить, стремилась производить всё те же предметы роскоши, обслуживая потребности богатого меньшинства и испытывая давление растущей иностранной конкуренции» (Elliott, J. H. *The Decline of Spain // Past & Present*, No. 20, Nov. 1961, 62 (курсив добавлен)). Аналогично развивалась ситуация в Каталонии. См. комментарии Хайме Висенса Вивеса к: *Rapport de M. Malowist // IXe Congrès Internationale des Sciences Historiques*, II. Actes. Paris: Lib. Armand Colin, 1951), где Висенс сопоставляет «второй феодализм» в Каталонии и Польше.

⁵⁶ *Phelps-Brown and Hopkins. Economica*, XXIV, p. 298.

⁵⁷ *Ibid.*, p. 299. Курсив добавлен.

Этот фрагмент очень близок к анализу Добба: «Можно задаться вопросом: если снижалось реальное массовое потребление, то каким образом при этом мог расти уровень цен, обеспечивая успешное извлечение высоких прибылей (зависевших, по существу, от разности между ценами и денежными заработками, помноженной на товарооборот)? Иными словами, откуда тут взяться увеличению спроса? Ответ, очевидно, заключается в том, что расширяющийся рынок поддерживало именно потребление богатей и состоятельных средних классов, то есть новой буржуазии и короны, а также растущего класса провинциальных капиталистов и крупных сельских хозяев — йоменов*. В известном смысле именно рост потребления в этом секторе и создал условия для увеличения доходов. Многие из растущих производств того времени обслуживали потребление

сомнения на тезис Хэмильтона о том, что зарплатный лаг был прямым источником накопления капитала, или, по крайней мере, напоминает нам о том, что ключевым посредником в процессе накопления капитала в Западной Европе был землевладелец.

Таким образом, принципиальные положения теории Хэмильтона, подтвержденные авторитетом Джона Мейнарда Кейнса, по-прежнему неоспоримы. Инфляция привела к перераспределению доходов, причем в силу множественности уровней европейского мира-экономики этот процесс имел сложный характер. Тем не менее, именно налогообложение политически наиболее слабых групп обеспечивало накопление фонда капитала, который затем мог быть куда-либо инвестирован.⁵⁸ В особенности этим были увлечены землевладельцы, искавшие новые способы вытянуть деньги у крестьян.⁵⁹ Вспомним, что суть дела не только в наличии непредвиденной прибыли, но и в том, что инфляция стимулировала инвестиции.⁶⁰

предметов роскоши со стороны всё большего количества обеспеченных людей. Кроме того, росли вложения в кораблестроение, в строительство, в машины и ремесленное оборудование (хотя и в совсем незначительной мере), а также в материальную часть артиллерии и военное снаряжение. К этому необходимо добавить важное воздействие внешней торговли, которая велась в крайне благоприятных условиях и была уравновешена ощущаемым притоком в страну драгоценных металлов» (*Dobb. Studies*, p. 120).

Бродель развивает тему, почему инфляция цен не обязательно должна была удариť по землевладельцам, в направлении, изначально заданном у Хэмильтона: «Революция цен... не совершила чуда и не привела к всеобщей победе демократии. Она облегчила выплату крестьянами денежного оброка, размеры которого были зафиксированы еще до открытия Америки. В действительности, феодальные повинности крестьянских держаний часто были необременительными, а то и вовсе ничтожными. Правда, не всегда. Главное, что сеньор получал еще и доходы в натуральной форме, размер которых зависел от ценовых колебаний... Кроме того, в Средиземноморье, как и в Европе, земли не были поделены раз и навсегда» (*Бродель. Средиземное море*, II, 512).

⁵⁸ «Капитализм нуждался в капитале, и сложно представить более мощный инструмент его появления, чем форсированное накопление вследствие исключительно благоприятного соотношения цен и заработков» (*Hamilton, Earl J. Journal of Economic History*, XII, p. 338). Дж. М. Кейнс: «Таким образом, рост прибыли практически однозначно ведет к более неравномерному распределению национального благосостояния, если только последствия этого не сбалансированы прямым налогообложением, характерным для современной (1930) Англии, но более нигде и никогда не известным» (*Keynes. A Treatise on Money*. London: McMillan, 1950, II, 162).

⁵⁹ «Если в начале XVII века феодальное землевладение преобладает в Европе, это означает, что оно удерживало гораздо более прочные позиции, чем обычно полагают. В таком случае покупка многочисленных земельных участков и сеньориальных владений купцами и богатыми горожанами не была простой причудой» (*Бродель. Средиземное море*, II, 522).

⁶⁰ «Рост цен сделал невыгодным и отложенные инвестиции. Благодаря снижению эффективной процентной ставки он стимулировал заимствования под инвестиции в расчете на будущие доходы. Короче говоря, рост цен и отставание от них заработков обеспечили накопление капитала и дали сильный стимул для его собственно капиталистического использования» (*Hamilton. Journal of Economic History*, XII, p. 339).

Отсюда следует еще одно возражение против гипотезы зарплатного лага, которое сформулировал Джон Неф. Он утверждает, что данный аргумент утрачивает силу, поскольку, несмотря на то, что во Франции существовал такой же зарплатный лаг, как и в Англии, во французской промышленности того времени он не получил значимого развития.⁶¹ Кроме того, Неф указывает, что он не просто сравнивает Францию с Англией, поскольку с точки зрения уровня промышленного развития положение Франции было сопоставимо с южной Германией и Испанскими Нидерландами, а Англию, в свою очередь, можно сравнивать с Голландией, Шотландией, Швецией и Льежем. Это значит, что по сравнению с «эпохой Ренессанса» (т. е. с XV веком) развитие всех стран первой группы замедлилось, а развитие всех стран второй группы ускорилось. Однако и дрова, и труд во Франции были *дешевле*, а не дороже, чем в Англии. Возможно, суть дела как раз в том, что они были *слишком* дешевы.⁶²

Если сравнивать Англию и Францию *in vacuo* [в вакууме — лат.], то позиция Нефа всего лишь дезавуирует тезис Хэмилтона. Если же взять эти две страны в контексте европейского мира-экономики, то реальный уровень заработков во Франции оказывается где-то между Испанией и Англией. Исходя из этого, мы можем сделать вывод, что в рамках мира-экономики как целого происходило резкое сокращение достававшейся трудящимся доли общего объема произведенных благ, причем этот показатель варьируется в зависимости от конкретной страны. В рамках определенной территории для местного класса, осуществляющего инвестиции, оптимальной ситуацией было бы получение возможности извлекать прибыль из низких заработков на периферии, а затем из средних (но не высоких) заработков в пределах собственной зоны. Средний уровень заработка был оптимальным потому, что, с одной стороны, слишком высокий уровень чрезмерно снижал норму прибыли (Венеция), в то время как, с другой стороны, слишком низкие зарплаты ограничивали размер местного рынка для новых производств (Франция и особенно Испания). В рамках европейского мира-экономики к описанной оптимальной ситуации ближе всего подошли именно Англия и Голландия, а сам факт наличия такой структуры как мир-экономика, был необходимым условием того, что инфляционные доходы с высокой вероятностью могли быть прибыльно инвестированы в новые производства.

⁶¹ «В случае Франции необходимо объяснение, почему в эпоху Революции цен здесь, в отличие от Англии, индустриальный капитализм не испытал такой значительный прогресс, а, напротив, развивался так медленно» (Nef. *The Conquest of the Material World*, 1964, p. 242).

⁶² «Французская история наводит на мысль, что продолжительное падение уровня реальной заработной платы, будучи, безусловно, стимулом для развития предпринимательства, само по себе не является существенным фактором значительного ускорения промышленного роста. Возможно, что в последней четверти XVI века падение уровня жизни трудящихся было настолько сильным, что из-за него остановился рост спроса на некоторые промышленные товары, поэтому в эпоху Религиозных войн обнищание бедняков препятствовало прогрессу мануфактур, а не наоборот [Nef. *Ibid.*, p. 267]».

Позицию Нефа также поддерживает Дэвид Феликс в: *Felix. Profit Inflation and Industrial Growth: The Historic Record and Contemporary Analogies* // *Quarterly Journal of Economics*, LXX, 3, Aug. 1956. Особенно см. pp. 443–451.

Таким образом, инфляция действительно была важным фактором. Во-первых, она оказывалась механизмом вынужденных сбережений, а следовательно, механизмом накопления капитала. Во-вторых, благодаря инфляции доходы неравномерно распределялись внутри капиталистической системы, образуя диспропорцию между возникающим центром мира-экономики, с одной стороны, и его периферией и полупериферией («старые» развитые зоны), с другой.

Как читатель уже мог заметить из дискуссии о воздействии инфляции, обратной стороной медали было не только возникавшее разделение труда между аграрным и индустриальным сектором в пределах мира-экономики — разделение труда в равной степени появлялось и в пределах самого аграрного сектора. Вместе с этой специализацией возникали различные формы контроля над трудом и различные модели социальной стратификации, которые, в свою очередь, имели отдельные политические последствия для «государств», то есть для сферы *политического действия*.

[Формирование системы разделения труда в европейском мире-экономике XVI века]

До сих пор мы пытались объяснить, почему экспансию предпринимала именно Европа (а не, скажем, Китай), почему лидерство в Европе захватила Португалия и почему эта экспансия неизбежно сопровождалась инфляцией. Однако мы еще не сталкивались с вопросом, почему этой экспансии суждено было оказаться столь значимой, то есть почему именно создание капиталистического мира-экономики стало провозвестником современного индустриального развития, в то время как предшествующие имперские образования мировой истории, очевидным образом основанные на сравнительно продуктивном аграрном секторе и политическом аппарате с относительно сильной бюрократией, не смогли пойти в данном направлении. Свести ответ к технологическому преимуществу Запада — значит лишь оказаться перед очередным вопросом о природе той системы, которая столь способствовала технологическому прогрессу (вспомним об разное высказывание Нидхэма о внезапном спурте западных технологий). Эрик Л. Джоунс и Стюарт Дж. Вулф усматривают характерные особенности XVI века именно в том, что увеличение производительности в аграрном секторе впервые в истории стало открытием способа роста реальных доходов:

«Один из наиболее горьких уроков истории заключается в том, что даже технически передовое и материально продуктивное сельское хозяйство (начиная с цивилизаций Древнего мира с их высокоорганизованным аграрным производством) не обязательно является основой для продолжительного роста реальных доходов *per capita* [на душу населения — *лат.*] и в еще меньшей степени обеспечивает переход к индустриализации. Ни одна из этих цивилизаций (Средний Восток, Рим, Китай, Мезоамерика)... не пришла к индустриальной экономике, хотя в техническом отношении их сельскохозяйственная организация была превосходной, [...] равно как впечатляющими были и производимые ими физические объемы зерновых. Однако социальная история этих цивилизаций представляет собой ужасающую последовательность

производственных циклов при отсутствии продолжительного роста реальных доходов народных масс в этой череде спадов и подъемов...

Всеобщим фактом, особенно в империях с ирригационным сельским хозяйством, была огромная власть государственного аппарата, который был основан на бюрократии, озабоченной защитой от внешних угроз и укреплением собственного положения. С точки зрения большой исторической перспективы, можно заключить, что *эта бюрократия, по сути дела, стремилась — и стремилась успешно — к удержанию крупных крестьянских сообществ в состоянии фактического гомеостаза в течение длительных промежутков времени и при любой плотности населения*». ⁶³

Джоунс и Вулф указывают, что увеличение валового объема продукции приводит в подобной системе просто к «статическому приросту» ⁶⁴ населения (читай: едоков) с сохранением совершенно той же самой пропорции распределения благ по различным классам общества.

Что же особенного было в социальной структуре мира-экономики XVI века, что объяснило бы социальную трансформацию иного типа, которую едва ли можно назвать гомеостазом? Безусловно, мотивы деятельности бюрократии XVI века не слишком отличались от тех, что описывают Джоунс и Вулф применительно к более раннему периоду. Однако результат был другим, и это значит, что мир-экономика был организован иным образом, нежели предшествующие ему империи, — так, что в этом мире существовали социальные взаимодействия особого рода. В частности, можно рассмотреть те трения, которые подобная система порождала внутри правящих классов, и, следовательно, тот спектр возможностей, которые она обеспечивала для массы населения.

Выше уже указывалось, какие факторы оказывали давление на Европу, побуждая ее к экспансии. Экспансия подразумевает наличие собственных императивов, а ее успех является производным от двух условий. Во-первых, в обществе, осуществляющем экспансию, должна существовать относительная социальная солидарность, которая, в свою очередь, выступает результатом действия механизмов распределения доходов. Во-вторых, это общество должно научиться использовать *дешевую* рабочую силу, находящуюся *далеко за его пределами*, причем из-за транспортных издержек эта сила должна быть тем дешевле, чем больше она удалена от исходной точки экспансии.

Экспансия также предполагает неравномерное развитие и в связи с этим — различное распределение доходов в виде многоуровневой структуры, где один уровень вложен в последующий и каждый из этих уровней представляет собой двухполюсную систему распределения доходов. Так, в XVI веке существовало различие центра европейского мира-экономики и его периферийных зон, внутри европейской центральной зоны — различие между государствами, в пределах государств — различие между регионами и отдельными

⁶³ Jones, E. L. and Woolf, S. J. The Historic Role of Agrarian Change in Economic Development // Agrarian Change and Economic Development / Jones and Woolf, eds. London: Methuen, 1969, 1. Курсив добавлен.

⁶⁴ Ibid., p. 2.

группами, в пределах регионов — между городом и деревней и, наконец, существовало различие между еще более локальными единицами.⁶⁵

В конечном счете, в основе такой сплоченности системы лежал именно феномен неравномерного развития, поскольку описанная многоуровневая сложность обеспечивала возможность такой же многоуровневой идентификации политических сил и их постоянной перегруппировки. Последнее обстоятельство закладывало в фундамент всей конструкции фактор нестабильности, который одновременно создавал возможности для технологического развития и политических трансформаций, но при этом и провоцировал идеологическую путаницу, которую несли в себе смуты, в чем бы они ни выражались — в забастовках, насилии или бегстве от угнетения. Такая многоуровневая система социальных статусов и санкций в общих чертах соотносилась с комплексной системой распределения производственных задач в рамках мира-экономики. Грубо говоря, те, кто вынашивает потомство, поддерживают существование тех, кто выращивает пищу, — последние обеспечивают тех, кто добывает другое сырье, а они, в свою очередь, дают «пищу» занятым в индустриальном производстве. Разумеется, по мере прогресса индустриализма иерархия видов производства становится более сложной вместе с их дальнейшим усовершенствованием.

В рассматриваемый период в мире-экономике существовали различные типы трудящихся. Во-первых, это были рабы, которые трудились на сахарных плантациях и выполняли несложные операции в горном деле, связанные со снятием поверхностного слоя породы. Во-вторых, существовали «крепостные», работавшие в крупных поместьях, где выращивался хлеб и производился лес. В-третьих, имелись фермеры-«арендаторы», занятые в различных видах товарного сельскохозяйственного производства (включая выращивание зерновых), а также наемные работники в некоторых сельскохозяйственных производствах. В совокупности эти категории трудящихся составляли 90–95% населения европейского мира-экономики. Был также новый класс аграрных производителей — «йомены». Кроме того, имелась небольшая прослойка вспомогательного персонала: надсмотрщики за работниками, свободные художники, незначительное число квалифицированных ремесленников, а также тонкий слой правящих классов, контролирующих крупные операции с землей, основные институты общественного порядка и располагающих возможностью проводить некоторое время в праздности. Последняя группа включала в себя как исконную аристократию, так и буржуазный патрициат, а также христианский клир и государственную бюрократию.

Сразу становится ясно, что распределение этих групп в становящемся мире-экономике не было случайным ни в географическом, ни в этническом отношении. Несмотря на несколько фальстартов, картина быстро приобрела следующий вид: класс рабов африканского происхождения оказался в Западном полушарии, класс «крепостных» разделился на две группы: первая (основная) находилась в Восточной Европе, вторая (меньшая по размерам), состоявшая из американских

⁶⁵ См. рассмотрение данного вопроса в: *Mauro, François. Le XVIe siècle européen: aspects économiques. Paris: Presses Universitaires de France, 196 — Collection Nouvelle Clio, 32, 285–286.*

индейцев, — в Западном полушарии. Крестьяне на западе и юге Европы были по большей части «арендаторами», а наемные работники оказались практически полностью сосредоточены в Западной Европе. Локализация «йоменов» была в целом еще более узкой — главным образом они происходили из северо-западной Европы. «Классы-посредники» возникали в Европе повсеместно (кроме того, к ним относились американские метисы и мулаты) и географически распространялись по всей территории мира-экономики. Таким же было происхождение правящих классов, хотя я уверен, что в данном случае можно продемонстрировать диспропорцию в пользу Западной Европы.

Почему различные формы организации труда — рабство, «феодализм», наемный труд, самозанятость — возникли в пределах мира-экономики в одно и то же время? Потому, что каждый из этих способов контроля над трудом наилучшим образом подходил для отдельных видов производства. Почему они концентрировались в разных зонах мира-экономики — рабство и «феодализм» на периферии, наемный труд и самозанятость в центре, а испольщина, о которой речь пойдет ниже, в полупериферийной зоне? Потому, что способы контроля над трудом обладают огромным влиянием на политическую систему (в частности, на силу государственного аппарата) и возможности процветания национальной буржуазии. Именно условие фактического наличия трех указанных зон, которым присущи различные способы контроля над трудом, было основой существования мира-экономики. В противном случае было бы невозможно обеспечить тот тип перемещения прибавочного продукта, который позволил капиталистической системе воплотиться в жизнь.

Рассмотрение указанных видов контроля над трудом в их отношении к производимой продукции и производительности труда позволит увидеть, как они повлияли на подъем капиталистических элементов. Начнем с рабства. Нельзя сказать, что средневековая Европа не была с ним знакома,⁶⁶ однако в сравнении с европейским миром-экономикой XVI–XVIII веков роль рабства в средние века можно пренебречь. Одной из причин этого была военная слабость средневековой Европы. Как заметил Марк Блок,

«опытным путем доказано, что выращивание человеческой породы — одна из самых сложных форм разведения живых существ. Если ценой крупных начинаний оказывается рабство, то на рынке должно быть много дешевой человеческой плоти, которую можно получить только войной или охотой на живой товар. Поэтому общество, не имеющее под рукой более слабых соседей для завоевания или набегов, едва ли сможет базировать большую часть своего хозяйства на собственных человеческих ресурсах».⁶⁷

Этот низменный способ производства оказывается прибыльным лишь тогда, когда рынок столь велик, что небольшой доход *per capita* [на душу

⁶⁶ См. *Verlinden, Charles. Lesclavage dans l'Europe médiévale*, 2 vol. Brugge: De Tempel, 1955.

⁶⁷ *Bloch. Cambridge Economic History of Europe*, I, p. 247. См. тж. *Bloch, March. Medieval 'Inventions' // Land and Work in Medieval Europe*. Berkeley: Univ. of California Press, 1967, 180.

насеоения — лат.] компенсируется значительным количеством продукции. Вот почему рабство смогло расцвести в Римской империи, а затем стало преимущественно капиталистическим институтом, связанным с ранними, доиндустриальными стадиями развития капиталистического мира-экономики.⁶⁸

Однако на крупных предприятиях всякий раз, когда от работников требуются профессиональные навыки, рабы бесполезны: не приходится ожидать, что они сделают больше, чем их заставляют сделать. Как только возникает необходимость в квалифицированном труде, более экономичными оказываются альтернативные методы контроля над трудом, поскольку в противном случае обратной стороной низкой цены труда будет очень низкая производительность. Производство же продукции, которую можно назвать действительно трудоемкой, не требует значительных вложений в контроль над работниками, поскольку здесь не нужно особых умений, чтобы «пожать плоды». Такой сферой, где приходилось прибегать к надзору жестоких надсмотрщиков над массой неквалифицированных работников, было сначала производство сахара, а затем к нему добавилось производство хлопка.⁶⁹

Выращивание сахарного тростника началось на островах Средиземноморья, затем переместилось на острова Атлантики, после чего пересекло океан, достигнув Бразилии и Вест-Индии. Рабство следовало за сахаром,⁷⁰

⁶⁸ Классическая формулировка этой точки зрения содержится в: Williams, Eric. *Capitalism and Slavery*. London: Deutsch, 1964. Из недавних публикаций в ее поддержку срв.: Bagú, Sergio. *La economía de la sociedad colonial* // *Pensamiento crítico*, No. 27, abr. 1969, 53–61.

⁶⁹ Эрик Вольф отмечает, что *небольшие* рудники и *мелкие* сахарные плантации Центральной Америки по технологическим причинам оказались экономически невыгодными и поэтому быстро уступили крупным капиталистическим предприятиям. Технологический прогресс в горном деле выразился в появлении в 1557 году технологии патио*, позволявшей извлекать серебро из руды с помощью ртути. Данный процесс требовал дорогостоящей техники, поскольку новая технология сделала выгодной разработку глубоких шахт. В производстве сахара подобный эффект произвело появление большой дробилки, или *ingenio*, требовавшее значительных капитальных издержек. Аналогичные технологические инновации имели те же социальные последствия и в производстве индиго. См. Wolf. *Sons of the Shaking Earth*. Chicago, Illinois: Univ. of Chicago Press, 1959, 177–180.

⁷⁰ «Первым следствием переноса производства сахарного тростника на Мадейру и Канары в XV веке стала острая конкуренция с уже существовавшими европейскими производителями. Эта конкуренция еще более усилилась, когда в производство сахара включились американские колонии. К 1580 году... сахарные заводы Сицилии были при смерти... В Испании сахарная отрасль зачахла... Небольшие сахарные предприятия южной Италии, Мальты, Мореи, Родоса, Крита и Кипра, существовавшие там с эпохи Средневековья, пережили аналогичный упадок и фактически исчезли.

И на Мадейре, и на Канарах производство сахара предполагало использование труда африканских рабов... Это смогло помочь островным заводчикам продавать сахар дешевле, чем другие европейские производители, однако Мадейра и Канары, в свою очередь, проиграли конкуренцию Бразилии и Вест-Индии...

В американских тропиках история сахара и рабства связаны еще теснее. Из всех тропических экспортных продуктов того времени сахарный тростник требовал наибольшего количества ручного труда, в особенности при уборке урожая. Необходимость наличия в непосредственной близости от поля мельницы, куда нужно было организо-

и по мере его перемещения трансформировался этнический состав невольничьего класса.⁷¹ Почему новыми рабами стали африканцы? Потому, что истощались трудовые ресурсы регионов, где находились плантации, и поэтому Европе нужен был новый источник рабочей силы из легкодоступного и довольно густо населенного региона, расположенного сравнительно недалеко от места использования рабского труда. При этом данный регион должен был располагаться за пределами европейского мира-экономики, чтобы Европа могла не беспокоиться об экономических последствиях масштабного перемещения оттуда людских ресурсов в качестве рабов. И Западная Африка оплатила этот счет сполна.⁷²

вать транспортировку тростника в течение нескольких часов после его уборки, впервые потребовала создания плантационной системы... Нет сомнений, что сахарный тростник нес основную ответственность за аграрное рабство в тропиках» (*Masefield. Cambridge Economic History of Europe, IV, pp. 289–290*).

Использование близлежащих островов в качестве промежуточных пунктов трансатлантической колонизации было характерно не только для стран Пиренейского полуострова. Альфред Л. Роуз в качестве аналогичного примера приводит трехступенчатый процесс, происходивший в Северной Европе: переселение с континента в Британию, затем из Британии в Ирландию и далее из Британии в Северную Америку.

«Заселение Северной Америки можно рассматривать как перенесение по ту сторону Атлантики тысячелетнего процесса, восходящего к эпохе *Volkerwanderungen* [Великого переселения народов — нем.], когда Британия была колонизирована англосаксонскими племенами...

Объединение двух островов [Британии и Ирландии] создало основу для великого рывка вперед, через Атлантику, для исхода в Северную Америку — именно окно в Новый Свет пытались прорубить люди Елизаветинской эпохи... Заметим (об этом редко упоминают историки), что основание первых колоний в Виргинии возглавляли Хамфри Гилберт, Уолтер Рэли и Ричард Гренвилл* — те же фигуры, которые были наиболее глубоко вовлечены в процесс обустройства и колонизации южной Ирландии, ставший своего рода прообразом колонизации Америки» (*Rowse. Tudor Expansion: The Transition from Medieval to Modern History // William and Mary Quarterly, 3rd ser., XIV, 3, July 1957, 310, 315*).

⁷¹ «Рабство и работорговля процветали в Средиземноморье за много столетий до того, как европейцы начали проникать в Африку, так что развивавшаяся в XV веке атлантическая работорговля никоим образом не была попросту случайным, побочным продуктом европейского открытия черного континента... Еще до открытия Америки характер работорговли существенно изменился: от использования невольников в домашних целях к рабству преимущественно на плантациях или колониальных рынках. Цвет кожи рабов в XV веке в целом также превратился из белого в черный, а в отношении к рабам нарастала тенденция рассматривать их как безликую массу, нежели как отдельных лиц — домашнюю прислугу или полевых работников в небольшом семейном хозяйстве» (*Luttrell, Anthony. The Transatlantic Slave Trade, pp. 78–79*).

⁷² Подтверждение того, что рабы доставлялись из-за пределов мира-экономики, в котором они использовались, можно обнаружить у Шарля Верлиндена в его исследовании Крита в XIV–XV веках. Крит был венецианской колонией и служил как центром товарного сельского хозяйства, так и перевалочным пунктом. Невольников для работы на Крите и в других венецианских колониях привозили из юго-восточной Европы, России, юго-западной Азии (все эти территории находились за пределами тогдашнего средиземноморского мира-экономики); кроме того, их перепродавали в Египет, южную Францию

Истощение альтернативных источников трудовых ресурсов очевидно. Монокультуры, внедренные на островах Средиземноморья и Атлантики, опустошали эти территории, оставляя за собой бесплодную землю и уничтожая их население. Почвы были истощены, а люди вымерли (как, например, гуанчи на Канарах) либо эмигрировали во избежание дальнейших притеснений.⁷³ На островах Карибского бассейна полностью исчезли индейцы, Новая Испания (точнее, Мексика) испытала драматичный спад населения с примерно 11 миллионов человек в 1519 году до приблизительно 1,5 миллиона около 1650 года,⁷⁴ в Бразилии и Перу, похоже, была аналогичная картина.⁷⁵ Представляется, что двумя непосредственными причинами демографического спада стали неизвестные коренному населению болезни и ущерб, который наносили земледелию аборигенов домашние животные, выращиваемые европейцами.⁷⁶ Однако еще одним значимым фактором нужно обязательно признать и резкое истощение человеческих ресурсов от непосильных работ, особенно в рудниках. Поэтому уже на довольно раннем этапе колонизации Западного полушария испанцы и португальцы больше не использовали индейцев на подневольных работах и стали полагаться исключительно на ввоз африканских рабов для своих плантаций. Очевидно, транспортные расходы на доставку рабов по-прежнему не превышали потенциальные издержки на предотвращение бегства с принудительных работ оставшегося коренного населения, которое к тому же стремительно вымирало**.

и восточную Испанию. См. *Verlinden*. La Crête, débouché et plaque tournante de la traite des esclaves aux XIVe et XVe siècles // Studi in onore di Amintore Fanfani, III: Medioevo. Milano: Dott. A. Giuffrè-Ed., 1962, 591–619.

⁷³ См. *Бродель*. Средиземное море, I, 202–203.

⁷⁴ Шербурн Ф. Кук и Лесли Бойд Симпсон приводят следующую динамику сокращения населения Мексики: 11 миллионов человек в 1519 году, примерно 6,5 миллиона в 1540 году, около 4,5 миллиона в 1565 году, около 2,5 миллиона в 1600 году. См. *Cook and Simpson*. The Population of Central Mexico in the Sixteenth Century, Ibero-Americana: 31. Berkeley: Univ. of California Press, 1948, 10–16, 38, 43, 46. Вудроу Бора добавляет цифру 1,5 миллиона человек для 1650 года, см. *Borah*. New Spain's Century of Depression, Ibero-Americana: 35. Berkeley: Univ. of California Press, 1951, 3.

⁷⁵ «В Бразилии массовое уничтожение коренного населения было не менее радикальным, [чем в Мексике]. Иезуит Хосе де Анчъета сообщает, что „количество людей, пущенных в расход в этом месте [Баия]“ за 20 лет (1563–1583), представляется невероятным“, и далее приводит количественные показатели, убеждающие в том, что по своему масштабу геноцид индейцев в Бразилии был сопоставим с Мексикой» (*Furtado, Celso*. Economic Development of Latin America. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1970, 5, сноска 2).

О ситуации в Перу см. у Альваро Хары: «Безудержное развитие рудников не состоялось бы, если бы не высокая плотность населения, способная в течение некоторого времени компенсировать демографический спад» (*Jara*. Estructuras de colonización y modalidades de tráfico en el Pacífico Sur Hispano-Americano // Les grandes voies maritimes dans le monde, XVe–XIXe siècles, VIIe Colloque, Commission Internationale d'Histoire Maritime. Paris: S.E.V.P.E.N., 1965, 251).

⁷⁶ См. *Parry, J. H.* The Age of Reconnaissance. New York: Mentor Books, 1963, 245–246.

Однако рабство использовалось не повсеместно. Его не было не только в Восточной Европе, познавшей «второе крепостное право», или в Западной Европе, где возникли новые формы «ренты» и происходил рост доли наемного труда, но и в целом ряде отраслей хозяйства Испанской Америки, где вместо рабского труда на плантациях испанцы использовали систему, известную как *энкомьенда**. Почему рабство в Испанской Америке использовалось не во всех видах производства? Возможно, потому, что резервы африканских рабов были большими, но не безграничными. Кроме того, повсеместному распространению рабского труда препятствовали высокая вероятность восстаний вкупе с издержками надзора за *теперь уже коренным* рабским населением — ограниченное количество потенциальных рабов, доступных в других регионах, делало «разведение» невольников единственно возможной резонной альтернативой новым захватам. В особенности это касалось производства зерновых, разведения скота и горного дела, которые требовали более высокого уровня квалификации основной массы работников, чем производство сахара. Поэтому здесь для рабочих требовалась компенсация в виде чуть менее тягостной формы контроля над трудом, чем рабство.⁷⁷

[Система «принудительного труда на рынках» в периферийных зонах мира-экономики]

Поскольку и «второе крепостное право» в Европе, и система энкомьенды в Испанской Америке (заметим, что они возникают синхронно) многими исследователями причислялись к проявлениям «феодализма», это породило по большей части бессмысленные споры, сопоставимы ли и каким образом данные системы с «классическим» феодализмом средневековой Европы. Спор этот, по существу, вращается вокруг того, что является определяющей характеристикой феодализма. Иерархические отношения собственности, то есть пожалование вассалу феода и осуществление вассалам защиты крестьян в обмен на ренты и различные повинности? Политическая юрисдикция сеньора над крестьянством? Или же наличие крупных земельных владений, где крестьянин определенным образом «принужден» работать (по крайней мере, часть года) в обмен на некую минимальную плату в деньгах, в натуре или в виде права пользоваться землей для выращивания продукции для собственных нужд или на продажу? Очевидно, что здесь возможны любые комбинации.⁷⁸ Варьироваться

⁷⁷ О связи между требованиями к квалификации работников и формами контроля над трудом см. рассуждение Габриэля Ардана о постепенном устранении правовых ограничений свободы крестьян: «Логика системы, которая требовала от крепостного производить больше при одновременной организации его рабочего времени, вела как к появлению системы фиксированных платежей, так и к большему освобождению крестьян... Сеньоры сами поняли, что замена реквизиции денежным оброком [*redevances*] может увеличить производительность» (Ardant. *Théorie sociologique de l'impôt*, I, pp. 46–47. См. тж. p. 194).

⁷⁸ См. рассмотрение этой темы в: Rushton Coulborn, ed. *Feudalism in History*. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1956; Cahen, Claude. Au seuil de la troisième année: Réflexions sur l'usage du mot 'féodalité' // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, III, Pt. 1, April 1960, 2–20; Dobb. *Studies*, pp. 33–37; Lefebvre. *La Pensée*, No. 65; Lowmianski, Henryk. The Russian

также может не только форма обязательств нижестоящего перед вышестоящим, но и степень субординации. Кроме того, указывает Дobb, «изменение положения вассала отнюдь не всегда связано с изменением положения его сеньора...»⁷⁹

С точки зрения, разрабатываемой в настоящей работе, существует фундаментальное различие между феодализмом в средневековой Европе и «феодализмами» XVI века в Восточной Европе и Испанской Америке. В первом случае землевладелец (сеньор) занимался главным образом производством для локальной экономики, а источником его силы была слабость центральных институтов. Экономические пределы эксплуатации, которой он подвергал своих крестьян, регулировались потребностями сеньора в обладании определенным количеством предметов роскоши, которое носителю данного социального статуса подобало иметь в своем хозяйстве, а также военными расходами — последние с течением времени варьировались. Во втором случае землевладелец (сеньор) занимался производством для капиталистического мира-экономики, и экономические пределы эксплуатации определялись рыночной кривой спроса и предложения. Его мощь поддерживалась силой, а не слабостью центральной власти — как минимум благодаря силовому ресурсу последней по отношению к сельскохозяйственному труженику. Во избежание путаницы в понятиях следует назвать эту форму «крепостного права» «принудительным трудом на рынок» («coerced cash-crop labor»), несмотря на все несовершенство и громоздкость этого термина.

«Принудительный труд на рынок» — это система контроля над сельскохозяйственным трудом, при которой крестьяне на правовом основании, навязанном государством, должны, по меньшей мере, часть своего рабочего времени трудиться в пользу крупного хозяйства, производящего ту или иную продукцию для продажи на мировом рынке. Как правило, такое хозяйство было личным «имением», обычно пожалованным государством, но не обязательно наследственной собственностью. Непосредственным собственником такого хозяйства могло быть и само государство, однако в этом случае существовала тенденция к трансформации механизма контроля над трудом.⁸⁰ Исходя из подобного определения, можно утверждать, что в XVI веке данный вид контроля над трудом стал преобладающей формой сельскохозяйственного производства в периферийных зонах европейского мира-экономики.

Анри А. Шталь ясно демонстрирует, каким образом «второе крепостное право» к востоку от Эльбы (и в Восточной Европе в целом) по своему

Peasantry // *Past & Present*, No. 26, Nov. 1963, 102–109; *Prawer, Joshua and Eisenstadt, S.N. Feudalism* // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. New York: Macmillan and Free Press, 1968, V, 393–403; *Vernadsky, George. Feudalism in Russia* // *Speculum*, [91] XIV, 3 July 1939, 300–323; *Weber, Max. Economy and Society*. Totowa: Bedminster Press, 1968, I, 255–256.

⁷⁹ *Dobb. Studies*, p. 66.

⁸⁰ Например, Чарльз Гибсон показывает, каким образом энкомьенда под прямой юрисдикцией короны, управляемая специальными людьми (*коррехидорами*), превратилась из того, что мы называем принудительным трудом на рынок, в своего рода механизм налогообложения крестьянства, а коррехидоры в итоге стали сборщиками налогов. См. *Gibson. The Aztecs Under Spanish Rule*. Stanford, California: Stanford Univ. Press, 1964, 82–97.

происхождению является «капиталистическим».⁸¹ Ряд других авторов также признают, что явление, именуемое нами принудительным трудом на рынок, представляет собой форму контроля над трудом, характерную для капиталистической, а не для феодальной экономики. Серхио Багу применительно к Латинской Америке говорит о «колониальном капитализме»,⁸² а Луиджи Бульферетти обнаруживает «феодальный капитализм» в Ломбардии XVII века.⁸³ Луис Витале настаивает, что испанские *латифундии* были «вполне капиталистическими предприятиями»,⁸⁴ а Эрик Вольф не видит противоречия в том, что сеньор, сохраняя «наследственный контроль в границах своего поместья», управлял им «как капиталистическим предприятием».⁸⁵

Данная модель, уже опробованная в XIV веке венецианцами на Крите и в других местах,⁸⁶ в XVI столетии широко распространилась в пределах периферии и полупериферии европейского мира-экономики. На наш взгляд, этот процесс имел два ключевых аспекта. С одной стороны, нужно понимать, что «принудительный труд на рынок», вопреки мнению Пьетро Ваккари, не является «формой подлинного восстановления феодальной зависимости»,⁸⁷ — напротив,

⁸¹ «Это обновление крепостного права, которое произошло в Германии, не было ни возвращением прежнего положения вещей, ни простым воспроизведением к востоку от Эльбы отживших средневековых форм. Новые законы, по которым стало развиваться местное общество, были установлены капиталистическим мировым рынком, выпустившим на свободу второе издание крепостничества.

Прежде всего, для этого рынка необходимо было обеспечивать все возрастающее количество зерновых. Для этого потребовалось отказаться от трехпольного севооборота (*Dreifeldwirtschaft*), известного со времен „высокого“ Средневековья, в пользу более современной техники выгонного хозяйства (*Koppelwirtschaft*), которую юнкеры заимствовали у голландцев и адаптировали ее к своим нуждам (речь идет о т. н. прусском лесосечном хозяйстве (*Preussische Schlagwirtschaft**)).

Во-вторых, целью сельскохозяйственного производства перестало быть обеспечение продукцией нужд натурального хозяйства (*subsistence economy*) — эта продукция стала товаром, имеющим цену на мировом рынке.

В результате феодальные поборы с крестьян приобрели характер „первоначального накопления капитала“...» (*Stahl, Henri H. Les anciennes communautés villageoises roumaines-asservissement et pénétration capitaliste. Bucarest: Ed. De l'Académie de la République Socialiste de Roumanie, 1969, 15*).

⁸² См. *Bagú. Pensamiento crítico*, No. 27, pp. 34–35, 42–53, 61.

⁸³ См. *Bulferetti, Luigi. L'oro, la terra e la società: una interpretazione del nostro Seicento* // *Archivio storico lombardo*, 8th ser., IV, 1953, *passim*.

⁸⁴ *Vitale, Luis. España antes y después de la conquista de America* // *Pensamiento crítico*, No. 27, abril 1969, 12.

⁸⁵ *Wolf. Peasants*, p. 54.

⁸⁶ «Этот феодал был пожалован [венецианцам] на условиях полной свободы его использования: он мог быть обменян или отчужден в чьих-либо интересах, за исключением греков и евреев» (*Abbate. Economia e storia*, IV, p. 262).

⁸⁷ *Vaccari, Pietro. I lavoratori della terra nell'occidente e nell'oriente dell'Europa nella età moderna* // *Studi in onore di Armando Saporì. Milano: Istituto Edit. Cisalpino, 1957, II, 969*.

это *новая* форма социальной организации. Во-вторых, перед нами *не* тот случай, когда две формы социальной организации, капиталистическая и феодальная, существуют рядом друг с другом, если такое вообще когда-либо могло быть — мир-экономика имеет либо одну форму, либо другую. Если это капиталистический мир-экономика, то и социальные отношения, имеющие определенное формальное сходство с феодальными, с необходимостью переопределяются в соответствии с руководящими принципами капиталистической системы.⁸⁸ Последнее было верно и для энкомьенды в Испанской Америке, и для так называемого «второго феодализма» в Восточной Европе.

Энкомьенда была родным детищем испанской короны. Ее идеологическим обоснованием была христианизация, а главной функцией — обеспечение рабочей силой рудников и скотоводческих ранчо, а также производство хлопка и обеспечение сельскохозяйственной продукцией держателей *энкомьенд* (*энкомендеро*) и трудящихся в городах и на рудниках.⁸⁹ Изначально энкомьенда была феодальной привилегией — правом налагать на индейцев трудовые повинности.⁹⁰

Когда из-за чрезмерной жестокости первых энкомендеро индейское население стало сокращаться (например, из-за этого вымерли индейцы островов Вест-Индии), а стало быть, уменьшалась и численность рабочих рук, королевский указ 1549 года изменил обязательства по энкомьенде с трудовой повинности

⁸⁸ «Каждая „историческая эпоха“ характеризуется сосуществованием большого числа стран с разным уровнем развития в пределах единой культурной сферы [*aire*], при этом всегда существуют страны на переднем крае прогресса и отстающие страны. Та или иная „историческая эпоха“ с необходимостью принимает тот характер, который придают ей наиболее передовые страны, — страны второго эшелона обязаны подчиняться законам „эпохи“» (*Stahl, Henri. Les anciennes communautés*, p. 17).

⁸⁹ «Держатель энкомьенды (*энкомендеро*) инвестировал собранную им дань в разнообразные предприятия: горные, аграрные (в том числе сельскохозяйственные), индустриальные, торговые. Как и следовало ожидать, эти вложения больше всего концентрировались в горном деле, а позднее в земледелии» (*Miranda, Jose. El tributo indígena en la Nueva España durante el siglo XVI. Mexico: El Colegio de Mexico, 1957, 186*). Об отношении дани к производству шелка см. pp. 197–204, о ее отношении к обеспечению базовых потребностей неаграрного населения см. pp. 204–223.

⁹⁰ «Согласно букве закона, энкомьенда была чем-то вроде благотворительного учреждения, созданного для испанизации индейцев. Ее существенной особенностью было официальное прикрепление групп индейцев к привилегированным испанским колонистам. Благоприобретатели, или *энкомендерос*, получали право использовать труд прикрепленных к ним индейцев и собирать с них дань. В период действия права энкомьенды индейцы были обязаны предоставлять свои услуги и выплачивать дань, однако при этом рассматривались как свободные люди, поскольку они не были собственно держателей энкомьенды. Благодаря этому обстоятельству произошло правовое разграничение энкомьенды и рабства... Пожалование энкомьенды не предполагало приобретения прав земельной собственности, судебной юрисдикции, суверенитета (*dominium*) или сеньории» (*Gibson. The Aztecs*, p. 58). См. описание правового, экономического и социального положения индейцев в условиях энкомьенды в: *Ots Capdequí, J. M. El estado español en las Indias. Mexico: Fondo de Cultura Económica, 1941, 24–33*.

на податную. Тем самым произошел переход от системы, близкой к рабству, к тому, что можно называть принудительным трудом на рынок. Как указывает Сильвио Савала, в своей новой версии энкомьенда была «свободной», однако в ее основе по-прежнему лежала угроза принуждения.⁹¹ Когда же эта «свобода» привела к значительному сокращению трудовых ресурсов, произошло очередное изменение правовых форм, в результате чего возникли такие институты принудительно-наемного труда, как *куатекиль*⁹² в Новой Испании и *мита* в Перу.⁹²

Следовательно, несмотря на то, что по своему происхождению энкомьенда в Испанской Америке (а также *донатарии*⁹³ в Бразилии) и правда представляла собой феодальное пожалование, при помощи правовых трансформаций она быстро превратилась в капиталистическое предприятие.⁹³ Данное утверждение, похоже, подтверждает тот факт, что *куатекиль* и *мита* вводились именно для того, чтобы уйти от центрбежного характера феодальной системы.⁹⁴

⁹¹ «Цель... заключалась в создании системы вольнонаемного труда для реализации вполне умеренных задач. Однако не приходилось рассчитывать, что индейцы предоставят свои услуги добровольно, поэтому установленный порядок предписывал королевским колониальным властям принудительно доставлять работников тем колонистам, которые в них нуждались. С одной стороны, такой порядок был разработан для того, чтобы предотвратить злоупотребления, возникающие при прямых сношениях между испанским хозяином и индейскими держателями энкомьенды* для принуждения индейцев к работе. Однако, с другой стороны, значение этого положения состояло в том, что государство было готово выступить посредником в защите общественных интересов путем принуждения индейцев к труду, если они отказывались работать и тем самым рушилась система вольнонаемного труда» (*Zavala, Silvio. New Viewpoints on the Spanish Colonization of America. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1943, 94. См. тж. его классическую работу: Zavala. Le encomienda indiana. Madrid: Centro de Estudios Históricos, 1935*). Подборку точек зрения по данному вопросу см. в: *Bannon, John F., ed. Indian Labor in the Spanish Indies: Was There Another Solution? Indianapolis, Indiana: Heath, 1966*.

Также см. у Альваро Хары об энкомьенде в Чили: «Аборигенов принуждали участвовать в производственной системе, требовавшей от них предоставлять испанцам излишки продукции, значительно превосходившие их собственные сократившиеся потребности» (*Jara. Guerre et société au Chili: Essai de sociologie colonial. Paris: Institut des Hautes Etudes de l'Amérique Latine, 1961, 46*).

⁹² *Zavala. New Viewpoints, p. 95.*

⁹³ Такой представляется точка зрения Бару, см. *Bagú. Pensamiento critico, No. 27, pp. 32–33*. Бразильским аналогом отмены испанской короной личной повинности по энкомьенде (1549) было осуществленное португальской монархией превращение наследственных капитанств (*capitanias hereditarias*) в коронные (*capitanias da coroa*). Первый подобный пример имел место в том же 1549 году. См. *Capistrano de Abreu, J. Capítulos de historia colonial (1500–1800). Rio de Janeiro: Ed. Da Soc. Capistrano de Abreu, Typ. Leuzinger, 1928, 63–76*.

⁹⁴ Луис Витале полагает, что «в первые годы испанского завоевания Америки держатели энкомьенды пытались утвердить свою независимость. Испанская корона, озабоченная тем, что в Америке может возникнуть группа сеньоров, вполне способная отвергнуть ее власть, противостояла этому, установив сильную администрацию для противодействия любым формам феодальной раздробленности... Держатель энкомьенды не был хозяином индейцев и не мог отпирать правосудие, поскольку „индеец не был его крепостным, а подданным короля“... Поэтому энкомьенда,

В процессе создания своего капитала и принуждения крестьян к труду землевладелец опирался не только на испанскую корону. Как правило, он также имел соглашение с традиционным вождем индейского сообщества — в рамках этого соглашения вождь добавлял свой авторитет к власти колониальных правителей, содействуя тем самым процессу принуждения.⁹⁵ Сила племенных вождей в значительной степени была, конечно же, наследием доколониальных структур индейского общества.⁹⁶ Заинтересованность вождя, или *касика*, в сотрудничестве с колониальной властью становится понятной, если рассмотреть, как на самом деле оплачивались выполняемые индейцами работы. Например, Альваро Хара описывает, как действовала система, установленная в 1559 году в Чили. Индейцы, работавшие на промыске золота, получали шестую часть его стоимости. Однако эта сумма, именуемая *сесмо*, выплачивалась не лично

основанная на трудовой повинности, сменилась податной денежной энкомьендой... Наличие работников, получающих жалованье, означало присутствие зачатков капиталистических отношений между классами и формировало новый класс тружеников» (Vitale. Latin America, pp. 37–38).

Хосе Миранда: «Энкомендеро — это в первую очередь человек своего времени, движимый стремлением к прибыли и сделавший богатство своей целью. Для современников энкомендеро — это человек действия, в котором наиболее сильно отразились идеи и желания, связанные с Новым Светом. Он сильно отличается от средневекового человека... Он не ограничивает свои желания, просто довольствуясь подношениями и услугами, как феодальный сеньор, но делает эти блага основой своих многочисленных достижений... Поэтому энкомендеро придает первостепенную значимость заложенной в энкомьенде капиталистической трудовой повинности [*repartimiento*] — тому единственному элементу, способному привести его к цели, которую он преследует с таким рвением — богатству» (Miranda. La función económica del encomendero en los orígenes del régimen colonial, Nueva España (1525–1531) // Anales del Instituto Nacional de Antropología e Historia, II, 1941–1946, 423–424). Энкомендеро — капиталист внешне и по образу действий, но не только он сам, как отмечает Миранда (см. pp. 431–444), обеспечил своему предприятию финансовый капитал. Первоначальный капитал дан ему государством, но последующий образуют его доходы.

⁹⁵ Фернандо Гильен Мартинес утверждает даже, что «на самом деле „энкомьенда“ и „мита“ могли выжить в качестве институтов только там, где в силу значительной численности индейцев или действия инерционных сил сохранились традиционные племенные институты. Готовность индейцев торжественно и безмолвно идти на работу и на жертву зависела от степени ощущения ими причастности к магической власти вождя (*cacique*) и наличия в их душах коллективного рабского инстинкта. Однако когда христианизация и смешанные браки (*mestizaje*) расшатали племенную структуру, открыв путь индивидуализму, индейцы более не позволяли себе подобной организованной сервильности...» Об определении и истоках «миты» см. в: Guillén Martínez. Raíz y futuro de la revolución. Bogotá: Ed. Tercer Mundo, 1963, 80. Ots Capdequi. El estado español, pp. 31–32.

⁹⁶ Фуртаду в работе «Экономическое развитие Латинской Америки» фактически утверждает, что там, где традиционный правящий класс был слаб, «энкомьенда как форма социальной организации оказалась неэффективной, поэтому ее держатели нашли выход в использовании более явных форм рабства, принуждая людей выполнять интенсивную работу в непривычных для них условиях, что повлекло за собой резкое сокращение населения» (Furtado. Economic Development of Latin America, 10–11).

каждому работнику, а коллективу, к которому он принадлежал.⁹⁷ Легко предположить, насколько велико было неравное распределение доходов, следовавшее из подобной системы расчетов в глобальном масштабе.

В Восточной Европе создание системы принудительного труда на рынок было более постепенным, чем в Испанской Америке, где эта система была установлена в результате Конкисты. В XII–XIII веках в большей части Восточной Европы (к которой мы относим восточное Полабье, Польшу, Богемию, Силезию, Венгрию, Литву), а также в России, происходили те же самые процессы, что и в Западной Европе: рост уступок крестьянству и все большая трансформация феодальных трудовых повинностей в денежные обязательства.⁹⁸ Этот процесс был повсеместным по аналогичной причине: процветание и экономическая экспансия воздействовали на условия договорных отношений между крепостным и сеньором.⁹⁹ Однако рецессия XIV–XV веков принесла для Западной и Восточной Европы противоположные последствия. В первом случае, как мы видели,

⁹⁷«Декрет 1559 года, известный как „Таса де Сантильян“* (*Tasa de Santillan*), установил для индейцев каждой энкомьенды ежегодное вознаграждение в виде шестой части совокупной добычи золотых приисков (*сесмо*). Начиная с этого момента можно утверждать, что оплата участия индейцев в общественных работах определенно приобретает характер социального или общинного жалования, которое в виде единовременной суммы поступало в казну каждого индейского сообщества или деревни» (*Jara, Alvaro. Una investigación sobre los problemas del trabajo en Chile durante el período colonial // Hispanic American Historical Review, XXXIX, 2, May 1959, 240*).

⁹⁸ Некоторые территории Восточной Европы** в средние века вообще не имели феодальной системы в строгом смысле слова и познали только „второй“, а не первый феодализм. Шталь полагает, что именно так было в Молдавии и Валахии. См. *Stahl. Les anciens communautés*, pp. 241–244.

⁹⁹ «Природные богатства Восточной Европы... требовали больших усилий для извлечения из них прибыли. Определенный межгосударственный баланс сил, сложившийся в регионе в XII–XIII столетиях, подразумевал, что взаимные вторжения не могли принести кому-либо из восточноевропейских правителей значимых преимуществ, а германское давление на Богемию и Польшу было очень серьезной угрозой. В этих обстоятельствах правители — светская и церковная аристократия — были вынуждены проявлять больший интерес к развитию собственных ресурсов, что, впрочем, было возможно только при содействии крестьянства. Однако пока повинности крестьян были неопределенными (вследствие чего крестьяне боялись изъятия излишков своей продукции), у них не было интереса к улучшению технологий труда. С другой стороны, сеньоры не могли увеличивать свои требования к крепостным, поскольку последние легко могли убежать с земли. Поэтому правители и сеньоры, желавшие экономически развивать свои владения, были вынуждены стимулировать своих подданных, чтобы те работали более интенсивно, вводя новые технологии, особенно в сельском хозяйстве. Этих целей удалось достигнуть благодаря внедрению германского или, точнее, западного обычного права, при помощи которого удалось не только урегулировать, но и сократить крестьянские повинности. Переход от натуральной формы платежей и расчетов за оказание услуг к денежным рентам, начавшийся в Богемии в начале XIII века и чуть позднее происходивший в Польше, сам по себе отражал развитие сельского хозяйства и прогресс в общественном разделении труда» (*Malowist, M. The Social and Economic Stability of the Western Sudan in the Middle Ages //*

ее результатом стал кризис феодализма, во втором случае следствием рецессии был «возврат к поместьям» (*manorial reaction*),¹⁰⁰ кульминацией которого оказалось «второе крепостное право» и появление *нового класса* землевладельцев.¹⁰¹

Причина противоположных реакций на один и тот же феномен (экономическую рецессию) все та же: два указанных региона стали взаимодополняющими частями более сложной единой системы — европейского мира-экономики, в котором Восточная Европа играла роль поставщика сырья для начинающейся индустриализации на западе континента. Тем самым в Восточной Европе, по словам Маловиста, возникала «экономика, по существу, близкая к классической колониальной модели».¹⁰² Чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть природу балтийской торговли. Начиная с XV века с востока на запад шли

Past & Present, No. 33, April 1966, 14–15). См. *Blum, Jerome*. Rise of Serfdom in Eastern Europe // *American Historical Review*, LXII, 4, July 1957, 807–836.

¹⁰⁰ *Grundsherr* [сеньор — нем.], получатель ренты, стал *Gutsherr* [землевладелец — нем.] — прямым производителем*. См. обсуждение данного вопроса в: *Rosenberg, Hans*. Bureaucracy, Aristocracy and Autocracy: The Prussian Experience, 1660–1815. Cambridge, Massachusetts; Harvard Univ. Press, 1966, Ch. 1. См. описание того, как в Словении знать преодолевала финансовые трудности, расширяя свои поместья, что вело к увеличению рентных платежей, и переключив на себя торговлю, в: *Gestrin, Ferdo*. Economie et société en Slovénie au XVIe siècle // *Annales E.S.C.*, XVII, 4, juil. — août 1962, 665.

¹⁰¹ «[До XV века] в колонизированном восточном Полабье были отдельные юнкеры, но не существовало юнкерского класса, за исключением тевтонских рыцарей. Формирование сплоченного класса землевладельческой аристократии с большими политическими и социальными амбициями, твердым классовым сознанием, коллективной волей, реализуемой в конкретных ситуациях защиты и нападения, а также практические казусы самоуверенностью и *esprit de corps* [корпоративный дух — фр.], — все это было задачей XV–XVI столетий... Хронологически этот процесс совпадает с подъемом джентри в Англии и аналогичной группы в Венгрии, земельной знати в Богемии и Моравии, шляхты в Польше, а также с экономическим и политическим закатом праздного класса (*noblesse*) сеньоров-рантье и удалившихся из своих владений лендлордов Франции и западной Германии» (*Rosenberg, Hans*. The Rise of the Junkers in Brandenburg-Prussia, 1410–1653 // *American Historical Review*, XLIX, 1, Oct. 1943, 4). Заметим, что Розенберг рассматривает Англию в одном ряду с восточноевропейскими странами. Как мы увидим позже, это вполне понятный, но вводящий в заблуждение ход. Одно из оснований для связи между английскими джентри и восточноевропейскими землевладельцами приводит Ж.П. Пацх, утверждая, что и те, и другие «выглядели как буржуа». См.: *Pach*. Die Abbiegung der Ungarischen Agrarenwicklung von der Westeuropaischen // *International Congress of Historical Sciences*, Stockholm, 1960, Résumés des communications. Goteborg: Almqvist & Wiksell, 1960, 155.

¹⁰² *Malowist, M*. Poland, Russia and Western Trade in the 15th and 16th Centuries // *Past & Present*, No. 13, April 1958, 32. См. тж. *Malowist, M*. The Problem of the Inequality of Economic Development in the Later Middle Ages // *Economic History Review*, 2nd ser., XIX, 1, April 1966, 15–28. Станислав Хошовский цитирует сэра Джорджа Кэрю, английского дипломата первой половины XVII века: «Польша стала житницей Европы и складом материалов для кораблестроения» (*Hoszowski*. The Polish Baltic Trade in the 15th–18th Centuries // *Poland at the XIth International Congress of Historical Sciences in Stockholm*. Warsaw: The Polish Academy of Sciences, The Institute of History, 1960, 118).

преимущественно крупногабаритные товары (зерно, лес, позднее шерсть), хотя не прекращался и начавшийся раньше экспорт мехов и воска. К концу XVI столетия от балтийской пшеницы зависела Голландия, а кораблестроение в Англии и Дании было немыслимо без восточноевропейского леса, пеньки, смолы и сала. Соответственно, пшеница, достигавшая даже Пиренейского полуострова и Италии, стала важнейшей статьёй экспорта Восточной Европы.¹⁰³

Конечно, подобная разновидность колониальной модели торговли и ранее существовала в рамках коммерческих отношений в Европе. Среди ее примеров можно привести отношения Венеции с ее колониями, а также территориями, входившими в венецианскую сферу влияния,¹⁰⁴ Каталонию в качестве центра торговли позднего Средневековья.¹⁰⁵ Португалия в XIII–XIV веках была производителем сырья для Фландрии,¹⁰⁶ а Англия — для Ганзы.¹⁰⁷ Производство сырья для обмена на мануфактурную продукцию более передовых областей, как это применительно к зерну утверждает Бродель, всегда было «маргинальным феноменом, подверженным частым [географическим] изменениям». При этом, полагает Бродель, «приманкой всякий раз служили наличные деньги».¹⁰⁸ Отличительной особенностью XVI века было возникновение рынка первичной (сырьевой) продукции, который направлял движение большого мира-экономики. Сликер ван Бат относит появление международного хлебного рынка с центром в Нидерландах лишь к 1544 году.¹⁰⁹

Если мы примем всерьез замечание Броделя о «частых изменениях», то вслед за этим необходимо задать вопрос и о том, каким образом некоторая

¹⁰³ См. *Malowist. Past & Present*, pp. 26–27.

¹⁰⁴ Обмен первичных колониальных продуктов на мануфактурные товары метрополии описан в: *Thiriet, Freddy. La Romanie vénitienne au Moyen Age*. Paris: Bocard, 1959, 304–305. Крит здесь назван «закромами империи» [р. 414]. По поводу аналогичных отношений со странами за пределами Венецианской державы утверждается, что «хлеба, производимого в империи, было недостаточно». См. pp. 327–328.

¹⁰⁵ См. *Vicens Vives, Jaime. An Economic History of Spain*, ch. 17, 211–215.

¹⁰⁶ См. *Marques, Oliveira. Studi in onore di Armando Saporì*, II, p. 449.

¹⁰⁷ См. *Dollinger, Phillipe. La Hanse (XIIe–XVIIe siècles)*. Paris: Mouton, 1964, 76–80.

¹⁰⁸ Бродель. Материальная цивилизация, I, 101.

¹⁰⁹ *Slicher van Bath, B. H. A.A.G.B. No. 12*, p. 28. Карл Хеллайнер: «К XVI столетию межрегиональная морская торговля продуктами питания уже имела длинную историю... Однако можно утверждать, что именно в XVI веке благодаря более совершенному рыночному механизму, а прежде всего — благодаря значительно выросшему количеству свободных излишков зерна в восточном Полабье, Польше и Эстонии, стало возможным обеспечивать регионы хронического зернового дефицита более обильно и регулярно, чем раньше. К середине столетия ежегодный объем зерна, экспортируемого через порт Данцига, в 6–10 раз превосходил средние показатели 1490–1492 годов... Для европейцев в этот период открылись еще два-три новых важных источника животной пищи. Богатые рыбой отмели от Трескового мыса* до Лабрадора давали все возрастающее количество пищи с высоким содержанием протеина, а равнины Венгрии и Валахии, равно как и низменности Дании, через некоторое время станут пастбищами для огромного количества крупного рогатого скота, который разводили на экспорт в Австрию, Германию и Голландию» (*Helleiner. Camb. Eco. Hist. Eur.*, IV, pp. 77–78).

территория приобретает черты периферии, а не, напротив, центра. В средневековье (даже его позднее), было вовсе не очевидно, что Восточной Европе суждено стать периферией европейского мира-экономики, — более того, многие исследователи подчеркивают сопоставимость тенденций развития востока и запада континента. Например, для XIV века Реджинальд Р. Беттс отмечает: «Любопытно [sic! — И. В.], что крупные землевладельцы предпочитали денежные платежи не только во Франции и Англии,.. но в равной степени и в Чехии, Польше и Венгрии».¹¹⁰ Ж.П. Пацх также утверждает, что еще в XV веке «тренд аграрного развития [Венгрии] в общих чертах совпадал со странами Западной Европы».¹¹¹

Почему же тогда произошло расхождение? Ответ на этот вопрос можно дать в рамках объясняющих рывок Западной Европы географических и социальных факторов, так что в некоторой степени это расхождение мы уже объяснили. Кроме того, причина расхождения отчасти заключалась в специфических характеристиках Восточной Европы. Прежде всего, важной особенностью этого региона была слабость городов,¹¹² и к XVI столетию эта незначительная в реалиях XIII века разница запада и востока Европы превратилась в существенный разрыв по мере того, как западные города в результате дальнейшего расхождения двух регионов становились сильнее, а восточные продолжали слабеть. Можно сделать акцент и на том, что к концу XIII века в Западной Европе площадь обрабатываемых земель уже была довольно обширной, в то время как в Восточной Европе оставалось значительно больше неосвоенных пространств,¹¹³ поэтому принудительно-рыночной форме труда было сравнительно легче утвердиться на «новых» землях.

Однако необходимо понять и причины возникновения даже этих незначительных различий между западом и востоком Европы. Здесь, возможно, уместен единственный ответ геополитического характера: разрушительные турецкие и монголо-татарские вторжения позднего Средневековья стали причиной эмиграции из различных областей Восточной Европы и их упадка и, кроме того, ослабили власть местных королей и великих князей.¹¹⁴

¹¹⁰ *Betts, Reginald R. La société dans l'Europe centrale et dans l'Europe occidentale // Revue d'histoire comparée, n.s., VII, 1948, 173.*

¹¹¹ *Pach, Zs. P. The Development of Feudal Rent in Hungary in the Fifteenth Century // Economic History Review, 2nd ser., XIX, 1, April 1966, 13.*

¹¹² «Экономический подъем Западной Европы стал одной из наиболее существенных причин упадка городов в Восточной Европе» (*Hartung and Mousnier. Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, IV, p. 46*). «С середины XV до середины XVIII века характерной чертой польской экономики было распространение поместного хозяйства, основанного на крепостном труде. Это затрудняло развитие городов и имело негативное воздействие на экономическое и социальное положение страны в целом» (*Hoszowski. Poland at the XIth International Congress of Historical Sciences in Stockholm, p. 117*).

¹¹³ См. *Warriner, Doreen. Some Controversial Issues in the History of Agrarian Europe // Slavonic and Eastern European Review, XXXI, No. 78, Dec. 1953, 174–175.*

¹¹⁴ Беттс полагает, что можно сопоставить эти вторжения и «второй феодализм», с одной стороны, с более ранними вторжениями эпохи Великого переселения народов

В данном случае действует общий принцип, согласно которому в ходе социального взаимодействия небольшие исходные различия усиливаются, стабилизируются и в итоге фиксируются как «традиционные». Поэтому понятие «традиционного» всегда было и остается аспектом и порождением настоящего, но никак не прошлого. В мире эпохи Модерна, полагает Андре Гундер Франк, «экономическое развитие и недоразвитость — это противоположные стороны одной медали. И то, и другое суть необходимый результат и современное проявление внутренних противоречий мировой капиталистической системы».¹¹⁵ Однако здесь мы имеем дело с процессом куда более общего характера, нежели отмечает Франк. По словам Оуэна Лэттимора, «цивилизация породила варварство».¹¹⁶ Лэттимор утверждает, что понять происхождение оседлых и кочевых племен на границах ойкумены и отношения между ними — это значит рассмотреть

«выделение двух расходящихся типов общества из некогда единого социума. Удобства ради мы можем назвать эти типы „прогрессивным“ (сельское хозяйство становится основным видом деятельности, охота и собирательство уходят на второй план) и „отсталым“ (на первом месте охота и собирательство, на втором сельское хозяйство, которое в ряде случаев не становится систематическим занятием)».¹¹⁷

и появлением в Западной Европе «первого» феодализма, с другой. См. *Betts. Revue d'histoire comparée*, p. 175. Кроме того, Беттс говорит о влиянии второй волны вторжений на правителей Восточной Европы, см. pp. 175–180. Дорин Уорринер (*Warriner. Slavonic and Eastern European Review*, XXXI) рассуждает, что «если бы [европейские] торговые пути в поисках заморского золота и серебра не сместились, [условно говоря], к западу [от Восточной Европы], то последняя могла бы продолжать развитие в одном направлении с Западной, при этом экспансия торговли и городов разрушала бы феодальное общество и экономику. Либо же можно представить альтернативный сценарий, когда депрессия XV века перемещается из Западной Европы в ее восточную часть [p. 176]».

¹¹⁵ *Frank, Andre Gunder. Capitalism and Underdevelopment in Latin America. New York: Monthly Review Press, 1967, 9.* Далее у Франка: «Экономическое развитие и недоразвитость — это не просто явления соотносительного (relative) и количественного характера, которые демонстрируют большее экономическое развитие одних стран в сравнении с другими; экономическое развитие и недоразвитость являются относительными (relational) и качественными, в том смысле, что каждое из этих явлений структурно отличается от его отношения с другим, но и обусловлено этим отношением. Однако развитие и отсталость — одно и то же в том смысле, что они являются продуктом единой, но диалектически противоречивой экономической структуры и процесса капитализма».

¹¹⁶ *Lattimore, Owen. La civilization, mère de Barbarie? // Annales E.S.C., XVII, 1, janv. — fevr. 1962, 99.*

¹¹⁷ *Lattimore, Owen. Relazioni del X Congresso de Scienze Storiche, I, p. 110.* Практически аналогичную точку зрения излагает Мортон Фрайд: «Большинство племен представляются вторичным явлением в том довольно специфическом смысле, что они вполне могли возникнуть в результате процессов, запущенных появлением сравнительно высоко организованных обществ в рамках других, организованных гораздо проще. Если это можно продемонстрировать, то трайбализм следует рассматривать как реакцию на появление сложной политической структуры, а не как необходимую раннюю стадию ее эволюции».

Таким образом, если в данный момент времени в силу предшествующего действия ряда факторов один регион имеет *незначительное* преимущество над другим в некотором ключевом аспекте и возникает такое *стечение* обстоятельств, которое делает это *незначительное* различие важнейшим фактором социального действия, то это *незначительное* преимущество превращается в серьезную диспропорцию, причем превосходство одного региона над другим сохраняется, даже когда перестает действовать указанный конъюнктурный фактор.¹¹⁸ Такова была ситуация в Европе XV–XVI веков. В условиях беспрецедентно грандиозного расширения географических и демографических пределов мира торговли и производства некоторые регионы Европы могли накапливать все больше доходов от этой экспансии, в особенности если им удавалось специализироваться на видах деятельности, необходимых для того, чтобы пожать плоды этого процесса. По этой причине им приходилось тратить меньше времени, людей, земли и других натуральных ресурсов для поддержания своих базовых нужд. Таким образом, либо Восточная Европа становилась «закромами» Западной — либо наоборот. Любое из двух решений удовлетворило бы в данной ситуации «требованию момента», и *незначительное* различие предопределило, какая из двух альтернатив окажется предпочтительной. Именно в этой точке *незначительное* различие двух регионов в XV веке приведет к значительной диспропорции в их развитии в XVII столетии и монументальной разнице XIX века.¹¹⁹

Решающим соображением в пользу утверждения в Восточной Европе рассматриваемой нами формы контроля над трудом была перспектива значительных доходов в случае увеличения производства (благодаря существованию мирового рынка) в сочетании с относительной нехваткой рабочих рук и большим

(Fried, M. On the Concept on 'Tribe' and 'Tribal Society' / June Helm, ed. / Essays on the Problem of Tribe, Proceedings of 1967 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society, 15).

¹¹⁸ В действительности понимание эффекта накопления малых различий позволяет преодолеть несколько отвлеченный спор о категориях количества и качества. В данном случае я согласен с П. К. Гордон-Уокером: «Существование некоей разницы между качественными и количественными изменениями — это фикция. Если бы историки искали изменения в количестве, в степени, то они бы обнаружили, что „качественные изменения“ на самом деле являются лишь результатом количественных. Это положение хорошо применимо как к изменениям в области идей и облика социума, так и к изменениям в экономической организации...»

Таким образом, качественные изменения есть не более чем определенная стадия интенсивности предшествующих количественных изменений» (Gordon-Walker. Capitalism and Reformation // Economic History Review, VIII, 1, Nov. 1939, 4–5).

¹¹⁹ Траян Стоянович утверждает, что существовала аналогичная растущая диспропорция и между западом и юго-востоком Европы: «В XIV веке в ориентации на металлургию в балканских обществах и в [Западной] Европе можно обнаружить небольшое количественное различие, которое становится значительным в 1700 году, сильно увеличивается к 1800 году и достигает невероятных размеров в 1850 году» (Stoianovich. Material Foundations of Preindustrial Civilization in the Balkans // Journal of Social History, IV, 3, Spr. 1971, 223).

количеством неиспользуемых земель.¹²⁰ Поэтому в XVI веке в Восточной Европе и в некоторых регионах Испанской Америки система принудительного труда на рынок была желательной (то есть прибыльной), необходимой (в смысле заинтересованности в ней землевладельца) и возможной (в плане наличия требуемого типа работ). Рабство было бесполезным из-за относительной нехватки труда. Местных тружеников в качестве рабов *всегда* немного, поскольку их слишком сложно контролировать, а доставлять рабов издалека для производства продукции, требующей существенной работы (например, пшеницы), невыгодно. Наконец, нельзя пренебрегать и фактором непосредственной стоимости рабов.

Несмотря на то, что система принудительного труда на рынок, дававшая формально свободному труженику некий минимум личных прав и привилегий, была для крестьян предпочтительнее рабства, вовсе не обязательно, что материальные условия жизни такого труженика были лучше, чем у рабов. На самом деле, считает Фернандо Гильен Мартинес, в Испанской Америке к индейцам, прикрепленным к энкомьендам, относились гораздо хуже, чем к рабам, — в основном из-за нестабильного социального положения держателей энкомьенд.¹²¹ Альваро Хара также утверждает, что уровень

¹²⁰ Эвси Д. Домар выдвигает следующую гипотезу: «Из трех элементов сельскохозяйственной структуры, необходимых [для возникновения рабства и крепостничества] — свободной земли, свободных крестьян и неработающих землевладельцев, — одновременно могут существовать только два, но не все три сразу. Реальная комбинация этих элементов будет зависеть от стечения политических факторов — правительственных мер» (*Domar. The Causes of Slavery and Serfdom: A Hypothesis // Journal of Economic History*, XXX, I, March 1970, 21).

¹²¹ «За исключением зачаточных и временных явлений, [в Испанской Америке] создание и формирование каст — групп, постоянно подчиненных другим группам, — так и не было официально санкционировано. Официальное законодательство, регулировавшее персональный труд индейцев, никогда полностью не примет сложившуюся судебную практику неравенства перед законом белых, индейцев и метисов...

Именно благодаря своей осторожности и склонности к околоправовым ухищрениям эксплуататорский класс Латинской Америки (землевладельцы и связанная с ними бюрократия) приобрел такие черты, как моральная безответственность, склонность к грабежу и бесчеловечному насилию, неизвестные там, где сложились аристократические группы, чье привилегированное экономическое положение твердо поддерживалось государством, как это было в Германии, Франции и Италии.

В качестве доказательства можно привести тот факт, что после разрешения ввоза чернокожих рабов на атлантическое побережье или в Новую Гранаду для рудников Антиохии и сельскохозяйственных работ в регионе Рио Каука* отеческое отношение хозяев к неграм было значительно менее жестоким, аморальным или варварским, чем то, которое ранее испытывали на себе индейские племена, приписанные к энкомьендам. Закон гарантировал рабовладельцу привилегированное положение, а осознание стабильности системы рабовладения давало ему определенное чувство ответственности, которого не было у держателей энкомьенд перед подчиненными им индейцами» (*Guillén. Raíz y futuro*, p. 81).

жизни индейцев при энкомьендах в Чили был «минимальным в прямом смысле этого слова».¹²²

Таким образом, в периферийных геоэкономических зонах возникающего мира-экономики существовало два вида первичного производства: горное дело, в особенности добыча драгоценных металлов, и сельское хозяйство, в первую очередь производство определенных продуктов питания. В XVI веке Испанская Америка взяла на себя преимущественно горную отрасль,¹²³ а сельское хозяйство стало прерогативой Восточной Европы. В обоих случаях использовались трудоемкие технологии, а социальная система характеризовалась эксплуатацией труда. Прибавочный продукт этих производств практически полностью предназначался для удовлетворения нужд населения центральных зон мира-экономики. Как мы уже видели, непосредственная прибыль от данных предприятий распределялась между рядом групп в центральных зонах, международными торговыми корпорациями и контролирующим производство местным персоналом (в том числе аристократами в Польше, чиновниками и держателями энкомьенд в Испанской Америке). Масса населения была вовлечена в систему принудительного труда, определенную, ограниченную и навязанную государством и его правовым аппаратом. Рабы применялись только там, где это сулило прибыль, а если подобная с точки зрения права крайность была

¹²² *Jara, Alvaro*. Salario en una economía caracterizada por los relaciones de dependencia personal // Third international Conference of Economic History. Munich, 1965 (Paris: Mouton, 1968), 608.

Еще одно свидетельство низкого уровня жизни индейцев при энкомьендах можно обнаружить в Гватемале, где основным продуктом было индиго. В 1563 году испанская корона поддержала предшествующее решение аудиенсии* запретить использование индейцев при его производстве, поскольку это была «слишком ужасная работа». Однако Роберт С. Смит показывает, что данный декрет оказался неэффективным:

«В 1583 году колониальные чиновники обнаружили, что плантаторы изобрели следующую уловку: вместо того, чтобы платить индейцам заработную плату, они договаривались с индейцами о доставке деревьев индиго и рассчитывались за их работу одеждой, чаще всего в пересчете на вес заготовленных растений, что составляло лишь десятую часть денежного эквивалента стоимости труда... Семь лет спустя один налоговый чиновник обнаружил, что „многие метисы, мулаты, свободные негры и даже рабы“ (т. е. все категории работников, от которых правительство ожидало выполнения этих работ) нарушали закон, нанимая индейцев собирать и переносить зиквилит (*xiquilite*) [растение, являющееся основным сырьем для индиго — *И. В.*] за минимальную плату» (*Smith*. Indigo Production and Trade in Colonial Guatemala // *Hispanic American Historical Review*, XXXIX, 2, May 1959, 187). Вот к чему привела эта мера — даже рабы нанимали индейцев!

¹²³ «Исходные цели [испанской Конкисты демонстрируют] сильную тенденцию к созданию горнодобывающих хозяйств в разных местах труда и проживания людей... Главный продукт, который индейцы дали Европе, — это драгоценные металлы. Прочие колониальные товары оказались на скромном втором месте» (*Jara, Alvaro*. *Grandes voies maritimes dans le monde XV–XIXe siècles*, pp. 249–250). Хара указывает, что показатели объемов морского товарооборота четко подтверждают это положение: «За исключением двух десятилетий (1591–1600 и 1621–1630), период между 1503 и 1660 годами характеризует следующая особенность: чем больше был объем продукции рудников, тем больше был объем его торгового эквивалента — морского товарооборота [р. 266]».

слишком дорогостоящей, то в хозяйствах, производящих рыночную продукцию, использовалась альтернатива рабству в виде формально свободного, но на законном основании принудительного сельскохозяйственного труда.¹²⁴

В центре мира-экономики — Западной Европе (включая христианский мир Средиземноморья) — ситуация в ряде аспектов отличалась от периферии. Плотность населения здесь в принципе была значительно выше (даже в такие периоды демографического спада, как XIV и XV столетия),¹²⁵ что позволяло вести

¹²⁴ Макс Вебер устанавливает разницу между часто используемыми терминами «плантационная экономика» и «поместная экономика». Основными критериями их разграничения, по Веберу, являются характерные формы контроля над трудом и типичная продукция. См. *Weber. General Economic History*. New York: Free Press, 1950, 79–92. Плантации производят растительные продукты, наиболее характерные из них — сахарный тростник, табак, кофе, хлопок. В поместьях занимаются животноводством либо выращиванием хлеба (или и то, и другое сразу). Я не уверен, что данное разграничение полезно, поскольку «поместья» Восточной Европы, согласно приведенному определению, оказываются куда ближе к «плантациям» Американского континента, чем, например, к «поместьям» в Англии.

¹²⁵ Однако в Южной Европе плотность населения падала по мере превращения этого региона в полупериферию, о чем пойдет речь ниже. Комментируя работу Мариана Маловиста, посвященную происходившему в это время в Восточной Европе, Хайме Висенс Вивес делает следующее сравнение с Каталонией: «Как специалист по эволюции крестьянского класса в Каталонии — стране, вполне отличной от Польши XV века, я уже отмечал, что даже если поразительно общей особенностью обеих стран был так называемый „второй феодализм“, то это сходство невозможно объяснить идентичными причинами. Вслед за своими польскими предшественниками г-н Маловист [полагает] первоосновами начала новой феодализации в XV и XVI веках развитие Польшей балтийской торговли и увеличение внутренних рынков — это нормальный результат роста городов. В Каталонии, совершенно напротив, причинами ухудшения правового статуса крестьянского населения был, с одной стороны, упадок средиземноморской торговли, а с другой, сокращение городского населения. Таким образом, противоположные факты привели к идентичным результатам». См. комментарии к: *Rapport de M. Malowist*, p. 148.

Не говоря о том, что я не уверен в полной точности изложения позиции Маловиста, я полагаю, что Висенс упускает главное. Причины возникновения нового статуса крестьянства в Польше и Каталонии идентичны — различаются только исходные позиции, поскольку в XIV веке Каталония была одним из самых сравнительно передовых регионов Европы. Но одновременная депопуляция в Каталонии и рост населения в Польше могли сделать плотность населения в обеих странах практически сопоставимой, что в конце «долгого» XVI века отражало их теперь уже не слишком различавшееся положение в европейском мире-экономике.

Аналогичным образом следует признать правоту Пьера Жаннена, указывающего, что в XVI веке балтийские порты в действительности расширили свою территорию и размеры деятельности, и это, в свою очередь, не позволяет преувеличивать *упадок* города на периферии. См. *Jeanpin. Les relations économiques des villes de la Baltique avec Anvers au XVIe siècle* // *Vierteljahrsschrift für Social- und Wirtschaftsgeschichte*, XLIII, 3, Sept. 1956, 196. Однако следует помнить вот о чем. Во-первых, рост международной торговли, конечно, ведет к росту активности портов. Но можно ли то же самое сказать об административных центрах и центрах местной торговли? Во-вторых, общий демографический рост, как правило, должен вести к увеличению численности городского населения в абсолютных показателях, но какова при этом его относительная доля в структуре населения? В-третьих, даже относительный рост численности городского населения

сельское хозяйство более интенсивно.¹²⁶ Кроме того, часть земли превращалась из пахотных угодий в пастбища, следствием чего становилось меньшее принуждение трудящихся. С одной стороны, это происходило отчасти потому, что более квалифицированные работники могли настаивать на меньшем правовом принуждении — точнее сказать, принуждение здесь в большей степени оказывалось косвенным, действующим через рыночные механизмы. С другой стороны, сокращение принуждения имело место в животноводстве, где всегда существовало искушение использовать для питания людей зерно, предназначенное для скота, в особенности зимой, и манориальная система была не в состоянии эффективно справляться с этой проблемой.¹²⁷ Однако XVI век стал временем растущего спроса на мясо, который был эластичен и увеличивался вместе с ростом уровня жизни.¹²⁸ Кроме того, в условиях роста населения одновременно увеличивался спрос на хлеб. Последствия этого были просты: прибыльное животноводство требовало иной социальной организации труда, и если последняя по тем или иным причинам не развивалась, то пастбищное хозяйство фактически приходило в упадок.¹²⁹ Соответственно, в европейском масштабе это становилось причиной нараставшего разделения труда.

на периферии может представлять собой сравнительный спад по сравнению с уровнем урбанизации в Западной Европе (что, безусловно, и происходило).

¹²⁶ Более интенсивное сельское хозяйство требует лучших условий крестьянского труда. См. указание Ардана о том, что десятины снижают производительность (*Ardant. Théorie sociologique l'impôt*, I, p. 208), а фиксированные налоги или ренты ее стимулируют (*Ibid.*, I, pp. 225–226).

¹²⁷ Витольд Куля четко формулирует эту теоретическую дилемму: «Если основная ответственность по „воспроизводству“ поголовья, т. е. забота о скоте, возлагается на крепостных, то это создает для скотоводства худшие условия из всех возможных, ведь животные в большей степени являются источником дохода для сеньора, чем для крестьянина. Отсюда и постоянная головная боль любого управляющего поместьем — небрежное отношение крестьян к скотине. В годы неурожая, особенно в годы чрезмерных дождей, крестьянин стоит перед выбором: кормить животных или кормиться самому? Решение можно с легкостью предсказать. В конечном итоге из-за низкого приплода рогатого скота возникала необходимость в больших стадах, что еще более увеличило трудности с обеспечением запасов фуража» (*Kula. Théorie économique du système féodal: Pour un modèle de l'économie polonaise, 16e–18e siècles*. Paris: Mouton, 1970, 31–32). Это не просто соображения теоретического характера — Эммануэль Ле Руа Ладюри показывает, что именно так происходило в Лангедоке в 1515–1530 годах (*Le Roi Ladury. Les paysans de Languedoc*. Paris: S.E.V.P.E.N., 1966, I, 323).

¹²⁸ См. *Glamann, Kristof. Fontana Economic History of Europe*, II, pp. 45–52. «Расцвет торговли скотом приходится на золотой век аристократии [p. 50].»

¹²⁹ Так было в Лангедоке. См. описание у Ле Руа Ладюри: «Расчистки уменьшают земли под пастбища; плантации (оливы, каштаны и пр.), террасы, каменные ограждения подчиняют открытые пространства общинному праву. Из-за этого скотоводство поднимается вверх, на плато, а затем приходит в упадок. В подобном архаичном сельском хозяйстве, которое не знает фуражных площадей либо ограничивает их пределами огородов, невозможно одновременно развивать и растениеводство, и животноводство. Их требования противоречат друг другу, поскольку им обоим необходима свободная земля, но с каждым днем ее все меньше. Без такой защищающей интересы скотоводов структуры,

В центральной зоне мира-экономики процветали города, рождались новые производства, а торговцы становились значимой экономической и политической силой. Конечно, основной деятельностью большинства населения в XVI веке оставалось сельское хозяйство — фактически так будет продолжаться до XIX века для северо-запада Европы и до самого XX века — для юга континента. Тем не менее, включение Восточной Европы и Испанской Америки в европейский мир-экономику в XVI веке не только обеспечило капитал путем грабежей и извлечения сверхдоходов, но также высвободило часть трудовых ресурсов центральных зон для специализации на других задачах. Перечень сфер занятости в центре мира-экономики был очень разноплановым. Несмотря на то, что он включал значительную долю рудиментарных отраслей, сопоставимых с аналогичными видами хозяйства на периферии (например, производство хлеба), тенденцией развития центра было движение *в направлении* разнообразия и специализации, в то время как периферия двигалась в сторону монокультуры.

Экспансия XVI века была не только географической. Это была еще и экономическая экспансия, период демографического роста, увеличения производительности в сельском хозяйстве и «первой промышленной революции». Это время отмечено возникновением *регулярной* торговли между Европой и остальным обитаемым миром.¹³⁰ К концу столетия экономика выглядела попросту иначе — и лучше, чем прежде.¹³¹

Таким образом, мы рассмотрели возникающие формы производства и контроля над трудом на периферии и разобрали их внешние и внутренние отличия от центральной зоны. В действительности структура центра мира-экономики значительно более сложна, чем та, которую мы успели описать на данный момент. Однако прежде чем мы обратимся к этим сложностям, следует рассмотреть сельскохозяйственное производство в третьей структурной зоне, полупериферии, роль которой в функционировании мир-системы мы еще не выявили. Сейчас достаточно указать, что полупериферия по определенному набору экономических критериев (хотя и не по всем) представляет собой середину в континууме мира-экономики, заключенную между его центром и периферией. Это особенно верно в случае таких критериев, как сложность экономических институтов, уровень экономической отдачи (как ее средний размер, так и ее пределы) и в наибольшей степени — форма контроля над трудом.

как испанская *Места**, традиционное общество, расширяющее свои пределы вскоре жертвует развитием животноводства» (*Le Roi Ladury. Le paysans de Languedoc*, I, p. 324).

¹³⁰ См. Parry, J. H. Transport and Trade Routes // Cambridge Economic History of Europe / E. E. Rich and C. H. Wilson, eds., IV: The Economy of Expanding Europe in the 16th and 17th Centuries. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, 191.

¹³¹ См. следующее сравнение Европы 1600 года с Европой 1500 года: «Прежде всего, сельскохозяйственный сектор — по-прежнему основной вид экономической деятельности — был способен прокормить значительно больше людей и сделать это лучше, чем в 1500 году; торговля с заморскими мирами; текстильная промышленность, значительно более мощная по сравнению с 1500 годом; та же картина в горном деле и металлургии» (*Mauro. Le XVI siècle européen*, p. 257).

[Особенности капиталистического сельского хозяйства полупериферийных зон]

Периферия (Восточная Европа и Испанская Америка) использовала принудительный труд (рабство и принудительный труд на рынок). Центр, как мы увидим в дальнейшем, все больше и больше использовал свободный труд. На полупериферии (бывшие центральные зоны, двигавшиеся в направлении периферийных структур) развивалась промежуточная форма хозяйствования — *испольщина*, которая широко распространяется в качестве альтернативы первым двум типам труда. Конечно, *испольщина* была известна и в других зонах мира-экономики, но только в полупериферийной зоне в рассматриваемую эпоху она выходит на первый план. *Меццадрия** в Италии и *фашиери*** в Провансе были известны уже начиная с XIII века, *метейж**** в южной Франции был повсеместно распространен с XIV века. В XIV–XV веках, по мере нарастания трудностей у сеньоров, они все чаще прибегали к этой форме отношений с крестьянами, сдавая свои поместья в аренду не целиком, а небольшими участками, способными прокормить одну семью, а не целую деревню. Дюби отмечает, что к середине XV века «в Западной Европе исчезли даже те крупные зерновые хозяйства, которые все еще могли продолжать свое существование...» Он называет это обстоятельство «одной из фундаментальных трансформаций сельской жизни...»¹³²

Однако почему эта трансформация приняла именно такую специфическую форму? Иными словами, почему сеньор, если изменение условий ведения хозяйства было для него угрозой, не обращался за помощью к государству для насильственного удержания крестьян на земле, как это произошло в Восточной Европе? С другой стороны, если сеньоры шли на уступки крестьянам, то почему эти уступки приняли именно форму *испольщины*, а не перехода земли к мелким хозяевам (*farmers*), которые либо открыто скупали земли, либо платили фиксированную ренту, что стало главным (хотя и не единственным) решением аналогичной проблемы в Северо-Западной Европе?

Морис Добб, сравнивая реакцию сеньоров Западной и Восточной Европы на запустение земель и депопуляцию, определяет Западную Европу как арену «уступок», а Восточную — как регион «нового принуждения», объясняя данное

¹³² *Duby. Rural Economy*, p. 325; см. тж. p. 275. Однако в Кастилии развитие ситуации представляется несколько иным: «В XIV–XV веках кастильская аристократия достигла зенита власти. Ее значение было столь велико, что аристократия фактически стала править государством. В отличие от других королевств Европы, кастильским благородным сословиям не приходилось занимать оборонительную позицию — напротив, они меняли династии, захватывали королевское имущество и сделали королевскую власть инструментом реализации собственных амбиций. Это произошло потому, что монархия не могла рассчитывать на серьезную поддержку со стороны городов. Многие города в Кастилии были на стороне аристократии, а еще больше городов ей подчинялось» (*Vicens. Economic History of Spain*, p. 245). Соответственно, указывает Висенс, XVI век стал свидетелем подъема крупных латифундий в Эстремадуре и Андалусии, подготовленного масштабными земельными пожалованиями в XIV–XV веках.

различие в действиях сеньоров «силой сопротивления крестьян».¹³³ Иэн Блэнчард, с другой стороны, возражает, что степень недовольства крестьян, несмотря на значимость этого фактора, не столь непосредственным образом определяла ход событий, — ключевым фактором была доступность трудовых ресурсов. Блэнчард утверждает, что в Англии до 1520-х годов существовала нехватка рабочих рук, поэтому законодатели настойчиво пытались прикрепить работников к земле в принудительном порядке, в то время как землевладельцы неохотно, *faute de mieux* [за неимением лучшего выхода — *фр.*] производили огораживания.¹³⁴ Поэтому Блэнчард полагает, что в течение всего периода депопуляции принуждение применялось и в сельском хозяйстве Англии, и только когда население стало расти, крестьяне поднимались на бунт, требуя, по сути дела, дать им землю.

В любом случае степень крестьянского недовольства мало что объясняет, поскольку, помимо этого, необходимо понимать, почему в Англии крестьяне сопротивлялись больше, чем в Польше (в самом ли деле Добб в этом уверен?),¹³⁵ почему сеньоры были сильнее или слабее, почему короли поддерживали власть сеньоров или ослабляли ее. Скорее всего, искомая причина заключается во взаимодействующей дивергенции регионов внутри единого мира-экономики, для чего было предложено два объяснения: сравнительная мощь городов как стартовая точка этой дивергенции и разная доля доступных пустых земель.

«Незанятость» земли также можно рассмотреть с точки зрения соотношения «территория/труд». При наличии большого количества земли можно применять сравнительно неэффективные меры ее обработки: заниматься экстенсивным сельским хозяйством, использовать рабов или принудительно-наемную рабочую силу. Интенсивное же сельское хозяйство требует свободных

¹³³ В дополнение к силе крестьянского сопротивления Добб указывает на «политическую и военную силу местной знати. Этот фактор определял возможный исход борьбы с крестьянским сопротивлением, от него зависели успех насильственных мер по удержанию крестьян в поместье и степень поддержки власти сеньоров королевской властью — не стоит забывать, что последняя могла вполне благосклонно относиться к возможности ослабления позиций конкурирующей с ней знати...» (*Dobb. Studies*, pp. 51–52).

¹³⁴ «Начиная с конца 1520-х годов арендаторы, доселе никак не реагировавшие на огораживания, начали выступать с осуждениями тех, кто огораживал землю для пастбищ, тем самым удерживая огораживателей от приобретения новых территорий, необходимых для нужд растущего населения. Нередко этот гнев находил выплеск через правовые механизмы, но все очевиднее становилось, что дело кончится неповиновением закону и насильственным прекращением огораживаний» (*Blanchard. Economic History Review*, XXIII, p. 440).

¹³⁵ Одно из возможных объяснений разной степени *эффективности* сопротивления — а именно разница в плотности населения — предложено Броделем. Противопоставляя поселения Центральной Европы с ее низкой плотностью населения высокой плотности в Италии («города-деревни») и «больших поселках между Рейном, Маасом и Парижским бассейном», Бродель утверждает: «И не была ли эта незначительность деревень в стольких странах Центральной и Восточной Европы одной из главных причин, определявших судьбы крестьянства? Оно оказывалось тем более безоружным перед лицом сеньора, что у него отсутствовало чувства локтя, присущее жителям крупных общностей» (*Бродель. Материальная цивилизация*, I, 33).

работников. Поэтому перед нами все тот же вопрос: почему в полупериферийных зонах развивается испольтщина? Очевидно, потому, что рассматриваемая ситуация расположена где-то посередине между двумя крайностями.

Заметим, что с точки зрения крестьянина испольтщина, возможно, и предпочтительнее принудительного труда на рынок, но не слишком: чистый доход все равно остается низким, хотя в моменты экономического процветания он может расти. Однако принуждение через долговые механизмы нередко столь же действенно, как и принуждение на основании закона. Согласно Х.К. Такахаши, французские крестьяне в системе метейяжа (*métayers*) — это «полукрепостные», работающие на «помещика-ростовщика».¹³⁶ Блок рассматривает развитие ситуации во Франции как плавный откат от происходившего в средние века постепенного освобождения крестьянина от сеньора:

«Если бы (пусть это абсурдная гипотеза) [Великая Французская] революция разразилась около 1480 года, она, уничтожив сеньориальные права (*charges seigneuriales*), передала бы землю почти исключительно только мелким хозяевам. Но с 1480 по 1789 год прошло три столетия, в течение которых была восстановлена крупная собственность».¹³⁷

Почему же испольтщина, а не аренда, с одной стороны, или принудительный труд на рынок, с другой? Недостатком испольтщины по сравнению с принудительно-товарным хозяйством была большая сложность надзора за трудовым процессом. Однако ее преимущество заключалось в том, что испольтщина стимулировала крестьянина к повышению производительности — разумеется, при условии, что крестьянин продолжал работать на сеньора без узаконенного принуждения.¹³⁸ Одним словом, при наличии избытка рабочих рук испольтщина могла оказаться более прибыльной, чем принудительный труд на рынок.¹³⁹

Следуя этой логике, для арендаторов испольтщина все равно оказывалась выгоднее принудительного труда, но с одной оговоркой. Она была выгодной,

¹³⁶ Takahashi, H. K. The Transition from Feudalism to Capitalism: A Contribution to the Sweezy-Dobb Controversy // Science and Society, XVI, 4, Fall 1952, 324.

¹³⁷ Блок. Характерные черты, 204–205.

¹³⁸ Дюби: «Метейяж давал хозяевам одно значительное преимущество. Он позволял им получать прибыль как от предполагаемого роста производительности в их поместье, так и от роста сельскохозяйственных цен... Даже при минимальном участии в производственном процессе владелец получал по контракту значительную часть чистого дохода. [Возможно, даже больше, чем если бы он сдавал крестьянам землю в полноценную аренду. — И. В.] Не следует забывать и то, что из причитающейся ему части урожая испольтщик (*métayer*) должен был еще оставить семена, а иногда и оплатить церковную десятину, и это тяжелой ношей ложилось на производительность, и без того традиционно низкую. Тем не менее, и у этой системы были неудобства, о которых хорошо знали землевладельцы: значительные колебания урожайности требовали досконального надзора» (Duby. Rural Economy. pp. 275–276).

¹³⁹ По словам Дюби, преимущество системы метейяжа для землевладельца состояло в том, что «себестоимость земледелия была низкой, а прибыль от продажи товаров... очень высокой». Ibid, p. 280.

если арендатору-испольщику удавалось заключить договор с землевладельцем и получить свой доход в момент роста цен — по крайней мере, в пределах длительности контракта. Разумеется, если рынок падал, то происходило обратное. Поэтому испольщина представляет собой способ минимизации рисков.¹⁴⁰ Следовательно, она более характерна для зон специализированного сельского хозяйства, где риски колебания урожайности, цен и т.д. перевешивают операционные издержки.

XVI век как раз и был эпохой высоких рисков, поэтому испольщина казалась способом защиты от продолжительной инфляции цен, выбивавшей из колеи всех.¹⁴¹ Однако в некоторых местах крестьян вполне устраивало, что их защищает закон, в связи с чем принудительное внедрение испольщины оказывалось слишком затратным для землевладельцев, которые в связи с этим предпочтут прямую аренду — таков пример Англии. Стивен Чжэн полагает, что в основе этого процесса лежало право фригольда*, или свободного владения, характерное именно для Англии, а не для Франции.¹⁴²

¹⁴⁰ Стивен Н.С. Чжэн формулирует это положение теоретически: «Условия исполного контракта предполагают среди прочего установление доли землевладельца в полученной продукции, соотношение ресурсов землевладельца и арендатора в обеспечении хозяйства семенами, рабочим скотом и инвентарем, определение видов выращиваемых культур. Все это заранее оговаривается между землевладельцем и арендатором. Такой контракт отличается от договоров с фиксированной арендной платой и договоров найма, при которых одна из сторон может самостоятельно, с учетом рыночных цен решать, сколько привлекать ресурсов контрагента и какие культуры выращивать. Поскольку при исполном контракте раздел продукции основан на фактическом урожае, землевладелец должен предпринять усилия для контроля за достоверностью результатов. Таким образом, в случае с исполными контрактами переговоры и принуждение представляют собой более сложную процедуру, чем в иных указанных типах контрактов...

Если единственным предметом обсуждения являются операционные издержки производства, [...] то исполные контракты не имеют смысла. В каком же случае им отдается предпочтение? [...] Если землевладелец сдает землю в аренду по фиксированной ставке, то арендатор принимает на себя большинство рисков (если не все), [связанных с внешними факторами производства, определяющими значительные колебания показателей урожайности — И.В.]. Напротив, при договоре найма практически все риски берет на себя землевладелец. Стало быть, испольщину — аренду с разделом конечной продукции — можно рассматривать как способ раздела (или распределения) рисков...» (Cheung. The Theory of Share Tenancy. Chicago, Illinois: Univ. Of Chicago Press, 1969, 67–68).

¹⁴¹ «Начиная с XVI века испольщина, распространение которой до сих пор было очень неравномерным и которая была, в сущности, очень редкой даже в тех местах, где она была известна издавна, начинает распространяться по всей Франции, охватывая все большие пространства (во всяком случае, до XVIII века). Она была лучшей гарантией против колебаний курса монеты. Первыми это заметили итальянские буржуа, ловкие финансисты. Разве не приходилось им порой при помощи закона (как в Болонье с 1376 года) заставлять каждого гражданина города-сеньории применять этот вид аренды при сдаче земли покорным и изнуренным налогами жителям *контадо* [прилегающей сельской местности]. Французские землевладельцы вскоре обнаружили то же самое» (Блок. Характерные черты, 204–205. Курсив добавлен).

¹⁴² «В условиях действия права наследственной аренды, [следовавшего из права фригольда, в рамках которого закон обеспечивал пожизненную аренду — И.В.],

Однако распространение *испольщины* определяли не только правовые факторы, поскольку следует еще объяснить различие между северной Францией, где получала широкое распространение обычная аренда, и южной, где господствовала *испольщина*, хотя закон в обоих случаях был, в сущности, один и тот же. Дюби усматривает ключевое различие в относительном благосостоянии крестьянина на севере, в отличие от «депрессивных экономических условий» южного крестьянина, «работавшего на земле, продуктивность которой, скорее всего, было невозможно повысить путем улучшения технологий, как это было на севере...»¹⁴³

Но если бы вопрос сводился к технологиям, то мы бы лишь вернулись на шаг назад, чтобы выяснить, почему технологические преимущества, достигнутые в одном регионе, не внедрялись в другом, не столь удаленном от первого географически и культурно. Бродель полагает, что в средиземноморской Европе и на северо-западе континента были принципиально различные почвенные условия — в Средиземноморье они были хуже.¹⁴⁴ Борис Поршневу считает, что еще одним фактором, определявшим различие севера и юга Франции, была степень вовлеченности региона в мир-экономику: признаком высокой степени подобной интеграции является существование крупных поместий (а следовательно, отсутствие *испольщины*).¹⁴⁵

стоимость принуждения к *испольным* контрактам могла быть настолько высокой, что это отбивало желание их внедрять. Эффективным способом избежать плохого качества выполнения работы *испольщиками* в таком случае оказывался переход к свободной аренде» (*Cheung. The Theory of Share Tenancy*, p. 34).

¹⁴³ *Duby. Rural Economy*, p. 327.

¹⁴⁴ Противопоставляя положение двух названных регионов, Бродель пишет: «[В Средиземноморье] урожай редко избегал той череды напастей, которая ему угрожала. Урожаи были плохие, так что с учетом небольших площадей под рассадой Средиземноморье всегда находилось на грани голода» (*Braudel. Civilisation matérielle*, I, p. 223).

Альдо де Маддалена не согласен с этим утверждением: «Не принимая во внимание исключительные обстоятельства, в целом следует признать, что продуктивность пахотной земли [в Италии] действительно была достаточно низкой. Бродель обвиняет в низкой производительности средиземноморских почв климат, однако следует принять в расчет и несовершенство технологического аппарата, несовершенство самой сельскохозяйственной системы, аграрной доктрины, деловых качеств, доступного капитала, административной и социальной структуры, а также политические и военные превратности — тогда будет достигнуто более весомое и исторически обоснованное понимание данного явления» (*De Maddalena. Il mondo rurale italiano nel cinque e nel seicento // Rivista storica italiana*, LXXVI, 2, giug. 1964, 423). Безусловно, все эти факторы следует принять во внимание, но опубликовать подобную книгу — это вряд ли подходящий путь для сужения круга достоверных каузальных объяснений. Отметим также мнение Сильвии Трапп, приведенное выше в примечании 52, о *высокой* плодородности почв северной Италии в средние века.

¹⁴⁵ Борис Поршневу отмечает, что в этот период крупные хозяйства во Франции действительно развиваются иным путем, чем в Англии: «Дворянское предпринимательство... все же в небольшом объеме, как неразвитая экономическая тенденция, наблюдается на тех окраинах Франции, где морские границы открывали особенно

Не сто́ит ли поэтому рассматривать итальянскую как второй из возможных лучших вариантов для землевладельческих классов южной Франции и северной Италии? В силу обозначенных причин в этих регионах не существовало полноценных возможностей для появления крупных поместий либо на базе огораживаний и развития аренды, как в Англии, либо на основании принудительного труда на рынок, как в Восточной Европе. Поэтому была избрана компромиссная система¹⁴⁶ итальянщины, ставшая частичным ответом на появление капиталистического мира-экономики в виде создания полукapиталистических хозяйств, действительно подходящих для его полупериферийных зон.

Если полупериферийные зоны сохраняли свой статус полупериферии, не превращаясь в полностью зависимых от центра сателлитов, каковыми становились полупериферийные территории, то это происходило не только в силу высокого уровня соотношения «территория/труд». Другим возможным фактором было наличие сильной местной *буржуазии* — в тяжелые времена это оказывало особенное воздействие на развитие *сельскохозяйственного* производства. Дюби отмечает, что там, где городские торговцы были многочисленны и относительно сильны, многие поместья перешли в их руки. Этим людям требовались защита от голода и социальный статус, связанный с землевладением, а не заботы по фактическому управлению хозяйством, так что передача земли в итальянскую была разумным компромиссом.¹⁴⁷ «Разумно» ли это было с точки зрения

благоприятные коммерческие возможности: через порты Гиены, Лангедока, Прованса, Сентонжа, Пуату, Нормандии и Бретани можно было экспортировать вино, сельскохозяйственное сырье, контрабандой даже хлеб, кое-где делались попытки налаживать экспортное овцеводство и т. д. Словом, дворянство делало некоторые попытки вкушать от запретного плода коммерции» (*Porchnev. Les soulèvements populaires en France de 1623 à 1648. Paris: S.E.V.P.E.N., 1963, 289. Цит. по рус. изд.: Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.-Л., 1948, с. 309*). Заметим, что в списке Поршнева присутствуют Лангедок и Прованс, — в одной из следующих глав мы вернемся к этому вопросу, но пока оставим его, поскольку сейчас необходимо объяснить еще много других вещей.

¹⁴⁶ Аналогичным образом рассматривал итальянскую Маркс: «Как переходную форму от первоначальной формы ренты к капиталистической ренте можно рассматривать *Metairie-System*, или систему издольного хозяйства... С одной стороны, у арендатора здесь нет достаточного капитала для вполне капиталистического хозяйствования. С другой стороны, та доля, которую получает здесь земельный собственник, не обладает чистой формой ренты. Фактически в ней может заключаться процент на авансированный земельным собственником капитал и избыточная рента... Существенное заключается в том, что рента здесь уже не выступает как нормальная форма прибавочной стоимости вообще. С одной стороны, издольщик, применяет ли он только собственный или же чужой труд, предъявляет притязание на известную часть продукта не потому, что он работник, а потому, что он владелец части орудий труда, капиталист сам для себя. С другой стороны, земельный собственник предъявляет притязание на свою долю не только в силу собственности на землю, но и как лицо, ссудившее капитал» (*Маркс. Капитал, III, 873*).

¹⁴⁷ «В действительности метейаж был одной из форм договорных отношений города и деревни в области обработки земли и производства хлеба. Эта контрактная форма широко развивалась вокруг средиземноморских городов Франции и Италии

крестьян? Г. Э. де Фальгероль ставит это под обоснованное сомнение, поскольку городская буржуазия была ориентирована на быстрый возврат своих инвестиций, что в течение следующего столетия имело следствием истощение земель.¹⁴⁸

Тогда возникает второй парадокс, связанный с наиболее «передовой» зоной. Мы уже отмечали силу городских тружеников, способных отстаивать уровень оплаты своего труда, что в промышленной сфере открывало для Северо-Западной Европы преимущества перед северной Италией. Возможно, этой же причиной объясняется сохранение непропорционально высокого количества работников в сельской местности полупериферийных зон: в период демографического подъема XVI века их включению в городские сферы занятости могли препятствовать сохранявшиеся цеховые ограничения. Для крестьян это могло повлечь за собой уменьшение возможности торговаться с сеньором, угрожая ему уходом в город. В любом случае представляется, что «сила» городской буржуазии с высокой вероятностью вела к установлению испольтины, исключавшей появление свободных мелких землевладельцев (*yeoman farmer*), которые сыграют столь значимую роль в экономическом усилении северо-западной Европы.

[Особенности развития центральных зон мира-экономики в XVI веке]

Теперь обратимся к территориям, которые к 1640 году окажутся в центре европейского мира-экономики: Англии, Нидерландам и в определенной степени северной Франции. В этих регионах развивалось хозяйство, сочетавшее пастбищное животноводство и земледелие, основанное на более или менее свободном труде и площадях относительно эффективного размера. Заметим, что по тому же пути первоначально пошла Испания, но свернула с него, чтобы стать частью полупериферии (причины этого изменения экономической роли Испании мы подробно разъясним в одной из следующих глав).

Как было отмечено выше, большие поместья в Западной Европе пришли в упадок в ходе кризиса позднего Средневековья, когда демографический спад привел к снижению спроса на сельскохозяйственную продукцию и одновременно

на землях, опустевших из-за оттока населения [в период демографического спада XIV–XV веков — И. В.], которые горожане смогли поставить под свой контроль» (*Duby. Rural Economy*, pp. 356–357).

¹⁴⁸ «По мере своего развития испольтина приобретает вид капиталистического по своей сути хозяйства, отвечающего потребностям землевладельцев-буржуа. Идеальным вариантом для них было получение с собственной земли части чистого дохода в виде продукции, которую можно было превратить в деньги. Буржуа управляли своими земельными владениями по-капиталистически, тщательно занося в свои *Livres de Raison* или *Livres de Recettes* [счетные книги или книги доходов — *фр.*] доли полученного урожая, сделки с зерном или скотом и запутанные проценты по своим ссудам [*le produit de leur usure*]. Основным мотивом для этих чужаков на земле [*forains*] было получение прибыли — собственно сельскохозяйственные вопросы они в большей или меньшей степени игнорировали» (*De Falguerolles, G. E. La décadence de l'économie agricole dans le Consulat de Lempaut aux XVIIe et XVIIIe siècles // Annales du Midi, LIII, 1941, 149*).

к повышению заработков городских тружеников (а сельским, соответственно, дал упомянутые возможности для торга с феодалами). Крупные поместья в тот момент не могли стать товарными хозяйствами, как в Восточной Европе в XVI веке, поскольку общий уровень экономики был плачевным и ни о каком международном рынке не было и речи. Так что у них было всего две реальные альтернативы. С одной стороны, можно было заменить феодальные повинности денежной рентой,¹⁴⁹ что для владельца поместья означало снижение издержек и увеличение выручки, но при этом и постепенную утрату контроля над землей. Иными словами, становилось возможным появление мелких свободных фермеров наподобие английских йоменов, либо арендующих землю по фиксированной ставке, либо более богатых, сумевших стать независимыми землевладельцами, единовременно выплатив общую сумму ренты за определенное количество лет.¹⁵⁰ С другой стороны, у землевладельца существовала возможность превратить свою землю в пастбище для рогатого скота или овец. В XV веке цены на шерсть и мясо под воздействием экономического спада устояли, по-видимому, в большей степени, чем цены на хлеб, а кроме того, пастбищное скотоводство предполагало меньшие издержки на оплату труда — важный фактор в той ситуации, когда рабочих рук было немного, а стало быть, они были дороги.¹⁵¹

В это время пастбищное хозяйство растет и в Англии, и в Испании. Экономическая экспансия XVI века дает хлебу преимущество над шерстью,¹⁵² но не над

¹⁴⁹ «Эта свобода скорее продавалась им, чем даровалась» (Блок. Характерные черты, 161).

¹⁵⁰ «Как раз при этой форме, где цена земли входит элементом в фактические издержки производства для крестьянина... цена земли [представляет собой] не что иное, как капитализированную ренту...» (Маркс. Капитал, III, 875–876).

¹⁵¹ См. *Slicher van Bath*. A.A.G.B., No. 12, 164–168. Питер Дж. Боуден: «Именно большая доходность производства шерсти в сравнении с производством зерна является основной причиной распространения овцеводства в середине XV — середине XVI веков, в особенности в Англии...

Цены на шерсть росли по мере увеличения производства и экспорта тканей. Если брать за основу десятилетие с 1451 по 1460 годы, то к 1541–1550 годам цена на домотканую шерсть примерно удвоилась. Зерновые цены в конце XV века оставались сравнительно стабильными и не демонстрировали заметных тенденций роста до 1520-х годов, когда началось общее повышение цен» (*Bowden*. *The Wool Trade in Tudor and Stuart England*. New York: Macmillan, 1962, 4–5).

¹⁵² «Однако к середине XVI века необходимость в переходе от зерна к шерсти начала ослабевать. Земли становилось все меньше, а количество рабочих рук увеличилось. Стоимость хлеба начала расти с 1520-х годов, удвоившись в 1540-х годах на фоне общего резкого роста цен. Затем, в 1557 году, для английских тканей резко сократился иностранный рынок, и цены на шерсть упали»» (*Bowden*. *ibid.*, p. 5).

См. у Питера Рэмси: «По весьма общей оценке, примерно до 1550 года [в Англии] могло быть выгодным превращать пашню в пастбище, поскольку это давало экономии трудозатрат. Именно этот временной предел подтверждают более ранние источники. Однако после 1570 года, возможно, стало более прибыльным вновь делать из пастбищ пашню, поскольку даже рост стоимости труда не привел к значительному уменьшению растущих прибылей от торговли хлебом» (*Ramsey*. *Tudor Economic Problems*. London: Gollanc, 1968, 25).

рогатым скотом, выступавшим источником не только мяса, но и сала, кожи и молочных продуктов, потребление которых увеличивалось вместе с благосостоянием общества.¹⁵³ Применительно к пастбищному хозяйству и животноводству XVI века наиболее важно то, что эти отрасли все больше приобретают региональную специализацию. Чем больше скота крупный землевладелец концентрировал на определенной территории, тем меньше скота оказывалось в других местах, что нередко вело к сокращению потребления мяса крестьянами, то есть к ухудшению их питания.¹⁵⁴ Именно такой чрезмерный акцент на развитии животноводства произошел в Испании. Две возможности — превращение поместья в арендуемую землю и превращение пахотной земли в пастбище — шли рука об руку. Поскольку огораживания сокращали объем пахотной земли, арендная плата за нее росла,¹⁵⁵ а обработка должна была становиться более интенсивной; соответственно, качество труда становилось более важным фактором — все это стимулировало дальнейший переход от трудовых повинностей к денежной ренте.¹⁵⁶

Рост овцеводства в XVI веке повлек за собой грандиозную волну огораживаний в Англии и Испании. Однако к огораживаниям парадоксальным образом стремился не крупный собственник, а новая генерация — мелкий независимый земле

¹⁵³ Как сказано у Делюмо о Риме, «[сельским баронам] представлялось более выгодным продавать городу, увеличивающему свое богатство и население, не хлеб, а мясо и сыр. Следовательно, они систематически саботировали все попытки властей заставить их ограничить свои пастбища. Жажда наживы со стороны этой части нобилитета и растущее покровительство ему животноводства, очевидно, сопровождались подлинной сеньориальной реакцией, характерной, впрочем, не только для прилегающей к Риму сельской местности» (*Delumeau. Vie économique*, II, pp. 567, 569).

Жорж Дюби связывает укрепление животноводства во Франции начиная с конца XIII века с «растущим спросом на мясо, кожу и шерсть, возникшим в городах». В свою очередь, благодаря возросшей важности производства мяса и вина «значительно ускорила коммерциализация французской деревни (*Duby. The French Countryside at the End of 13th Century* // *Essays in French Economic History* / Rondo Cameron, ed. Homewood, Illinois: Irwin, Inc., 1970, p. 33).

¹⁵⁴ «Растущий [в европейском масштабе] спрос на хлеб и вино лишил деревню, в особенности крестьян, мяса — важного элемента их пропитания. Деревни, долго не пускавшие мясника на свои последние пастбища, в итоге утратили их полностью.

В таких регионах, как Арагон, где из-за сравнительной нехватки людей было невозможно увеличить производительность на душу населения, хозяйства на менее плодородных землях были заброшены, вместо этого стало развиваться экспортное производство, что вело к эмиграции работников... Таким образом, исчезновение ценного источника питания происходило одновременно с обнищанием и порабощением крестьянства и стабилизацией нормы прибыли [*prix de revient*], что вносил лепту в распространение неполной занятости населения...» (*Da Silva, José-Gentil. En Espagne: développement économique, subsistence, déclin*. Paris: Mouton, 1965, 169–170).

¹⁵⁵ См. *Dobb. Studies*, p. 58; *North, Douglas C. and Thomas, Robert Paul. An Economic Theory of the Growing of the Western World* // *Economic History Review*, 2nd ser., XXIII, 1, Apr. 1970, 13.

¹⁵⁶ См. *Dobb. Ibid.*, p. 53

владелец.¹⁵⁷ Длительный рост мелких независимых хозяйств стал возможен, разумеется, именно благодаря экономическому обновлению XVI века.

Что касается известного выражения «овцы пожирают людей», то подъем овцеводства, следствием которого стали перебои с продуктами питания, в Англии приходилось компенсировать как более эффективным земледелием (со стороны йоменов), так и балтийским зерном — продуктом принудительного труда на рынок.¹⁵⁸

Кроме того, рост огораживаний открыл возможности для роста ремесленных производств в сельской местности.¹⁵⁹ Однако в Испании позиции Месты были

¹⁵⁷ Юлиус Кляйн показывает, почему события должны были происходить именно так: «Английские огораживания и аналогичный процесс в Кастилии... происходили удивительно синхронно. В обоих случаях всё начинается в XIV веке с появления стимулов для разведения овец... Эксплуатация конфискованных монастырских земель в Англии и приобретение испанской короной огромных владений военных орденов — такова была материальная составляющая роста пастбищного производства в обеих странах в середине XVI века. Однако далее постепенно начинается заметный рост огораживаний: в Англии не столько для больших овцеводческих хозяйств, сколько для нужд копигольдеров*, а в Кастилии — для некоего скотоводства и крестьянских хозяйств. И в той, и в другой стране верховная власть... защищала эти процессы, а тенденции к огораживанию общинных земель поддерживалась мерами, стимулирующими оседлое овцеводство. В обоих случаях конечной целью было развитие мелких форм сельского хозяйства... В Испании с огораживаниями боролись силы, представлявшие интересы крупного миграционного скотоводства, которые в течение двух веков фактически сдерживали распространение огораживаний на Пиренейском полуострове. В Англии средних веков и в начале эпохи Тюдоров огораживаниям противостояли в основном сельскохозяйственные классы» (*Klein. The Mesta: A Study in Spanish Economic History, 1273–1836. Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press, 1919, 314–315*).

¹⁵⁸ «Экспортная торговля зерном из Пруссии и Польши началась в конце XIII века и была продолжена этими странами Балтии в следующем столетии. Зерно доставлялось в Нидерланды, северную Норвегию и в те части Англии, где была нехватка хлеба, например, в Фенланд** и крупные овцеводческие регионы» (*Slicher van Bath. A.A.G.B., No. 12, 170*).

¹⁵⁹ Объясняя, почему данные производства размещались на определенных территориях, Джоан Тирск указывает: «Общим фактором представляется ведущее пастбищное хозяйство плотное сообщество мелких фермеров, чаще всего фригольдеров... либо хозяев, арендующих землю на столь же выгодных условиях... Если это хозяйство основано на молочном животноводстве, то огораживание обычно происходит рано, следовательно, манориальная организация и совместное (cooperative) хозяйство слабы или вообще не существуют. Либо же рассматриваемое хозяйство может быть основано на мясном животноводстве на обширных пастбищных угодьях, где нет практического стимула к огораживанию, где пахотная земля скудна и, опять же, нет строгой структуры открытых полей для совместного хозяйства... С учетом сказанного можно проследить определенную логику в том, как эти общие факторы связаны между собой. Некоторая часть земли, наиболее подходящая для пастбищ, была не расчищена вплоть до сравнительно позднего этапа истории местных поселений — похоже, именно эта земля предназначалась для огораживания в первую очередь. Скорее всего, это дало толчок росту сообщества независимых фермеров, которые считали яйчковой совместного труда не деревню или хутор, а семью. Если земля подходила для молочного животноводства, то на ней имелось достаточно воды для одновременного занятия ткацким производством. В менее гостеприимной местности, где были большие

настолько прочны, что мелкие собственники не могли рассчитывать на слишком большой успех. Как мы увидим в дальнейшем, имперская политика Карла V добавила сил этим крупным землевладельцам, и вместо использования собственных безработных селян для развития деревенской промышленности Испания будет их изгонять и экспортировать за пределы страны.

Следует еще немного задержаться на проблеме развития западноевропейского сельского хозяйства — в частности, почему оно не могло пойти путем Восточной Европы, то есть в направлении создания больших поместий с использованием принудительного труда на рынок. В конечном итоге это произошло потому, что в свои права вступал капиталистический мир-экономика. Пол Суизи описывает определенный экономический континуум: «Рядом с центрами торговли воздействие [торговой экспансии] на феодальное хозяйство является сильным и разрушительным; в более отдаленных областях эффект оказывается вполне противоположным».¹⁶⁰ На самом деле это слишком простая формулировка, как указывает Постан и вслед за ним Добб.¹⁶¹ Пример, который приводит

участки, поросшие вереском, либо заболоченные участки и мало пригодной пахотной земли, хозяйство вынужденно сводилось к разведению овец — такие угодья привлекали безземельных „младших сыновей“. Подобное фермерство требовало меньше труда, чем выращивание зерновых, и оставляло время для занятий вспомогательными видами хозяйства» (*Thirsk. Industries in Countryside // Essays in the Economic and Social History of Tudor and Stuart England* / F.J. Fisher, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1961, 86–87).

¹⁶⁰ *Sweezy. Science and Society*, XIV, p. 141, см. тж. pp. 146–147. Джоан Тирск делает определенный вклад в поддержку гипотезы Суизи: «Однако в начале XVI века в разных концах Англии все еще можно было наблюдать выраженные региональные контрасты. В Корнуолле и Девоне, Кумберленде, Вестморленде и Нортгумберленде* оставалось значительное количество сообществ, разбросанных по удаленным усадьбам, многие из которых по-прежнему сохраняли остатки кланового духа и были полностью изолированы от мира торговли. С другой стороны, деревни земледельцев Восточной Англии и Кента были основательно вовлечены в крупномасштабные торговые операции с продуктами питания и, похоже, вели свои дела без оглядки на любые социальные обязательства в отношении клана, семьи или владельца поместья. В регионах, расположенных между возвышенностью и равниной [например, в западном Мидленде], эти контрасты стирались» (*Thirsk. The Farming Regions of England // The Agrarian History of England and Wales, IV* / Joan Thirsk, ed., 1500–1640. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, 15). В ответ на возражение, что восточная Англия — это регион, не вполне относящийся к центру страны, напомним, что в XVI веке, в отличие от XX столетия, фактическим центром Англии была именно ее восточная часть. По этому поводу Тирск замечает: «Сегодня восток Англии занимает несколько изолированную географическую позицию в стороне от основных путей между Лондоном и севером страны. Напротив, в XVI веке благодаря рекам, текущим из сердца этого региона, длинной береговой линии и множеству портов восточная Англия находилась в легкой доступности от рынков Лондона, северо-востока Англии, Шотландии, Нидерландов и Балтии. Как следствие, здесь рано развивается сельское хозяйство, обслуживающее национальный и международный рынки, причем специализация зашла так далеко, что к началу XVII века даже в годы хорошего урожая значительное число районов не могло самостоятельно обеспечивать себя зерном... [pp. 40–41]».

¹⁶¹ «Сначала трудовые повинности исчезли в более отсталых ремесленных отрядах [Англии], далеких от больших рынков сбыта, в первую очередь на северо-западе,

Суизи, предполагает, что у крестьян были альтернативы, то есть возможность скрыться в стенах города, «цивилизующая близость городской жизни».¹⁶² Однако Суизи пренебрегает другой альтернативой, которая была у крестьянина в периферийных регионах, например, в Восточной Европе, — имеется в виду возможность бегства на пограничные территории, нередко столь же привлекательные, как и города. Фактически именно благодаря тому, что крестьянин использовал эту возможность, в XVI веке в Восточной Европе были предприняты юридические меры по его прикреплению к земле.

Различия между имевшимися у крестьянина возможностями играли свою роль, но эти различия были меньше, чем диапазон возможностей землевладельца. Где последнему следовало искать пути для извлечения как можно большей и немедленной прибыли? С одной стороны, он мог начать использовать землю каким-то другим способом (например, как пастбище с более высокой нормой прибыли либо сдавать землю за деньги мелким фермерам — и то, и другое означало попросту с требованием исполнять феодальные повинности) и вкладывать выручку от этого в торговлю, производство и/или аристократическую роскошь. С другой стороны, он мог рассчитывать на получение большей прибыли благодаря интенсификации производства основного товарного продукта своего хозяйства (прежде всего хлеба) с последующим вложением прибыли в торговлю (но не в производство и/или предметы роскоши).¹⁶³ Первый путь был более вероятен для Северо-Западной Европы, второй — для Восточной. Объясняется это в основном тем, что уже существовавшая *небольшая* разница в специализации регионов на определенных видах продукции предполагала, что тем самым достигнута максимизация прибыли (либо, по меньшей мере, считалось, что она должна быть достигнута) благодаря тому, что каждый более активно и эффективно занимается тем делом, в котором он уже преуспел лучше всех.¹⁶⁴ Соответственно, в Англии власти поощряли огораживания с целью

а на более прогрессивном юго-востоке они сохранялись дольше всего» (*Postan, M. The Chronology of Labour Services // Transactions of the Royal Historical Society, 4th ser., XX, 1937, 171; Dobb. Science and Society, XIV, p. 161*).

¹⁶² Sweezy. *Science and Society*, XIV, p. 147.

¹⁶³ Эти моменты следует различать. Знатные капиталистические землевладельцы Восточной Европы, разумеется, имели интерес к аристократической роскоши. На самом деле, утверждает Жаннен, «совершенно ясно, что, несмотря на ограниченную покупательную способность, связанную с постоянной или временной скудостью королевской казны, рост потребления дорогостоящих товаров представлял собой одну из значимых тенденций, характеризовавших жизнь аристократов XVI века на севере [Европы, т.е. в прибалтийских странах — И.В.]» (*Jeannin. Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, XLIII, p. 215*). Тем не менее, Жаннен указывает, что стесненность в средствах ограничивала потребительские аппетиты восточноевропейской аристократии, и это очень важный момент: в условиях экономического роста абсолютная потребность Восточной Европы в предметах роскоши увеличилась, но в сравнении с Западной можно, предположительно, говорить о ее относительном уменьшении.

¹⁶⁴ Дуглас С. Норт и Роберт Пол Томас (*North and Thomas. Economic History Review, XXIII*) замечают, что «происходившие в это время огораживания касались...

развития пастбищного хозяйства (а также овощеводства), а в Восточной Европе — создание больших поместий для выращивания пшеницы.

Для ответа на вопрос, почему в Северо-Западной Европе труд был наемным, а в Восточной Европе принудительным, нет смысла указывать на разницу в типе использования земли (пастбище против пашни), поскольку в таком случае в Испанской Америке также должен был существовать наемный труд. Скорее, как мы уже предположили, критическую роль сыграл демографический фактор. Западноевропейская альтернатива предполагала наличие достаточного резерва сравнительно недорогих рабочих рук, которые могли удовлетворить потребности землевладельцев без слишком больших затрат.¹⁶⁵ В Восточной Европе и Испанской Америке существовала нехватка рабочей силы в соотношении с тем количеством земли, которая могла приносить прибыль, если учесть факт существования мира-экономики. А при наличии подобной нехватки «расширение рынков и рост производства может привести как к увеличению трудовых повинностей, так и к их сокращению».¹⁶⁶ В самом деле, в Испанской Америке именно сокращение численности населения в XVI веке стало причиной широкого развития овцеводства и роста поголовья рогатого скота — из-за нехватки рабочих рук оба эти направления реализовались в форме крупных хозяйств с важным компонентом в виде принудительного труда.¹⁶⁷

Наконец, рассмотрим, что предполагал рост денежной аренды. Вспомним, что в Западной Европе превращение феодальных повинностей в денежную ренту широко распространилось в *позднем Средневековье* из-за демографического спада (это рассматривалось в предыдущей главе). Не следует думать, что феодальные повинности и денежная рента существовали отдельно друг от друга:

пастбищ, где производилась необработанная шерсть, и территорий, пригодных для овощеводства. В первом случае огораживания были ответом на расширяющийся спрос на сырую шерсть, а во втором — на увеличение спроса на продукты питания со стороны растущих городских территорий. В XVI веке огораживания приобрели наибольший размах в гористых регионах Англии, поскольку здесь доход от них был выше, чем в земледельческих регионах. На это имелись две причины. Во-первых, области, подходящие для пастбищ, имели меньшую плотность населения, чем пахотные земли, соответственно, [...] для проведения огораживаний нужно было договариваться с меньшим количеством людей. Вторая (возможно, самая важная) причина заключалась в том, что рост цен на шерсть заставлял каждого из индивидуальных фермеров, совместно владеющих землей, пасти на ней все больше овец, что было неэффективно. Конечно, отдельному хозяину почти ничего не стоило отправить еще несколько овец на общественное пастбище, но если так поступали все, то сообщество в целом испытывало ощутимый ущерб. Это вело к слишком интенсивному использованию земли и фактическому снижению конечной производительности шерсти... Поэтому индивидуальные владельцы, имевшие возможность огородить общинное пастбище, могли избежать этого, закрыв доступ на землю всем остальным [р. 13]».

¹⁶⁵ Добб называет этот резерв рабочих рук «пролетарскими или полупролетарскими элементами» (*Dobb. Science and Society*, XIV, p. 161).

¹⁶⁶ *Postan. Transactions of the Royal Historical Society*, XX, pp. 192–193.

¹⁶⁷ См. *Chevalier, François. Land and Society in Colonial Mexico*. Berkeley: Univ. of California Press, 1963.

феодалные повинности могли выплачиваться трудом, в натуральном эквиваленте или деньгами, и зачастую землевладельцу было выгодно переходить от одной формы к другой и обратно.¹⁶⁸ Поэтому само по себе изменение *формы* феодалной ренты не было переломным моментом. Такахаши вообще приходит к утверждению, что этот аспект является второстепенным,¹⁶⁹ хотя такой подход к проблеме мне представляется не совсем верным. Даже если в ситуации XIII и XIV веков всё до определенной степени действительно могло быть именно так, то к XVI веку рост доли денежных платежей в структуре феодалных повинностей определенно *эволюционировал* в значимое различие. Это случилось именно благодаря «внеэкономическим» принудительным силам, воздействие которых испытывали не сельские труженики, а сами землевладельцы (по крайней мере, некоторая их часть) — в экспериментах с денежными рентами им приходилось идти дальше, чем они намеревались изначально.¹⁷⁰ В период экономической экспансии шла борьба за рабочие руки, и наиболее богатые землевладельцы могли позволить себе закупать рабочую силу у других. У самых мелких хозяев почти

¹⁶⁸ «Развитие денежной ренты не всегда связано с коммутацией барщинных работ. В ряде маноров денежная рента возникает как коммутация ренты продуктами. Наконец, денежная рента могла появиться рядом с отработочной (и рентой продуктами) как дополнение к ним» (Косминский. Проблемы английского феодализма и историографии средних веков, 240). См. у Постана: «В этой работе по умолчанию считается, что ренты и трудовые повинности взаимно дополняли друг друга и что увеличение использования одной формы, как правило, сопровождалось сокращением использования другой» (Postan. Transactions of the Royal Historical Society, XX, p. 191).

¹⁶⁹ «Изменение в структуре феодалной земельной собственности, сопровождавшее упадок манориальной системы, привело к изменению формы ренты: в Англии — к развитию денежной ренты, во Франции и Германии — к изменению природы феодалной ренты. До этого сеньор получал прибавочный труд крестьянина в непосредственно трудовой форме либо в превращенной форме — продуктами или их денежным эквивалентом. Изменение коснулось только этого аспекта... В обоих случаях феодалные землевладельцы напрямую, без вмешательства в законы товарообмена, на основании своего права собственности использовали „внеэкономическое принуждение“ для получения прибавочного продукта от крестьян-производителей (*tenanciers, Besitzer*), которые по факту пользовались землей и средствами производства» (Takahashi. Science and Society, XXVI, p. 327).

¹⁷⁰ Вебер убедительно объясняет, почему различные силы за пределами поместья были заинтересованы в более глубоком изменении положения: «Коммерческий интерес новой городской буржуазии... способствовал ослаблению или распаду поместья, поскольку последнее ограничивало ее *собственные рыночные возможности*... Самим фактом принудительных работ и рентных платежей манориальная система ограничивала развитие покупательной способности сельского населения, не позволяя крестьянам тратить всю свою рабочую силу на производство рыночной продукции, что не способствовало росту их покупательной способности... Кроме того, развивающийся капитализм был заинтересован в создании свободного рынка рабочей силы... Желание новых капиталистов приобретать землю определило их дальнейший интерес, противоположный манориальной системе... Наконец, свою лепту внес и фискальный интерес государства, которое рассчитывало, что в результате распада поместья в деревне повысится способность платить налоги» (Weber. General Economic History, p. 94).

не было иного выбора, кроме как самим поселиться на своей земле, чтобы получить для нее арендаторов. Землевладельцы же средней руки могли дольше всего держаться за старые феодальные отношения.¹⁷¹

В позднем Средневековье Англия и Франция шли одним путем. И там, и там происходили освобождение от крепостной зависимости, рост денежных форм аренды земли и, соответственно, наемного труда. Однако в XVI веке случилось неожиданное разделение: Англия продолжала идти в том же направлении, Восточная Европа двигалась ко «второму крепостному праву», а южная Франция — к испольщине. В северной же Франции трансформация, похоже, внезапно прекратилась. Как отмечает Блок, «для деревень, [к XVI веку] не ставших еще свободными, получить свободу становилось все труднее».¹⁷²

С одной стороны, в этом можно увидеть ограничение возможностей крестьянина по самоосвобождению, хотя Блок рассматривает данный процесс скорее в качестве сокращения возможностей сеньора по принуждению крестьянина к переходу в статус арендатора.¹⁷³ Существенную разницу между Англией и Францией Блок объясняет исходя из предшествующих расхождений.

¹⁷¹ Добб: «Часто оказывалось так, что, в отличие от крупных имений, в особенности церковных, в небольших поместьях... была острая нехватка крепостных для удовлетворения хозяйственных потребностей. Более того, когда один сеньор „переманивал“ или насильственно похищал крепостных у другого, наиболее вероятной жертвой своих более богатых и сильных соседей становились мелкие феодалы, поэтому именно они особенно стремились приобрести защиту со стороны закона... Тем не менее, иногда... это имело противоположный результат. Когда число крепостных, которыми могло распоряжаться поместье, падало ниже определенного критического уровня, владелец поместья, если он считал стоящим обрабатывать всю свою землю, по необходимости был вынужден полагаться в основном на наемный труд. Таким образом, теперь его мало беспокоило, сколько принудительных повинностей он мог наложить на своих крепостных, — во всяком случае, это был для него не такой существенный вопрос, чем для его более богатого соседа. Если же наемный труд был недоступен, то перед мелким землевладельцем открывалась альтернатива: не увеличивать трудовые повинности (в любом случае это была бы неадекватная мера), но бросить обработку земли и вместо этого найти таких арендаторов, которые платили бы ему арендную плату за пользование ею» (*Dobb. Studies*, pp. 59–60).

¹⁷² Блок. Характерные черты, 167.

¹⁷³ «В Восточной Германии, по ту сторону Эльбы, как и в простиравшихся к востоку от нее славянских странах, вся старая сеньориальная система изменилась и уступила место новому порядку. Повинности не приносили больше дохода. Но за этим дело не стоит! Дворянин сам станет производителем и продавцом зерна. Он сосредоточивает в своих руках отнятые у крестьян поля... Домен поглотил или обескровил [крестьянское] держание. В Англии развитие шло совсем иным путем. Там, правда, также получила широкое распространение обработка земли самим собственником за счет крестьянских и общинных земель. Однако сквайр в значительной степени остается рантье. Но большинство его рент уже не являются больше неизменными. Отныне мелкие держания предоставляются в лучшем случае на определенный срок, а еще чаще зависят от воли сеньора: при всяком возобновлении договора ничего нет проще, как привести арендную плату в соответствие с экономическими условиями момента. Следовательно, на двух концах Европы основные черты развития были одинаковы; система наследственных держаний, в первую очередь

Франция в экономическом отношении была более развита, чем Англия, в том смысле, что денежная экономика во Франции распространилась раньше и шире. Англия же была более «развитой» политически, поскольку имела более сильные центральные институты, восходящие к исходной ситуации завоевания Англии норманнами, в то время как французские короли были вынуждены медленно собирать свою власть по частям в условиях подлинной феодальной раздробленности. Рассмотрим логику каждого из этих аргументов.

Во-первых, в системе путей европейской торговли и перемещения технологий Франция занимала более центральное положение, чем Англия, в связи с чем во Франции раньше развились землевладельческие классы; то же самое относится и к процессу превращения феодальных повинностей в денежные ренты.¹⁷⁴ Однако противодействие силам, способствовавшим распаду поместий, и в Англии, и во Франции происходило более или менее одновременно; следовательно, в Англии в начале «долгого» XVI века поместья все еще оставались сравнительно более невредимыми, чем во Франции. Отсюда и вывод Блока, что английские лендлорды могли лучше воспользоваться преимуществами возникающей возможности коммерциализации больших поместий, чем их французские визави. Англия двигалась в сторону создания системы наемного труда и последовательного освобождения крестьян*. Франции же приходилось выбирать лучший вариант из худших: сеньоры стремились увеличить свои доходы с помощью возобновления угнетения в старинном духе.

Второй аргумент касается отношений короля и знати начиная еще с *двенадцатого* века. В Англии был установлен строгий централизованный контроль над судебной системой, однако обратной стороной этого достижения было то, что *в пределах* своего поместья лорд, несмотря на утрату полномочий в сфере уголовного права, обрел полную власть делать все, что ему угодно в области прав владения землей. В XIV–XV веках манориальные суды при толковании норм обычного права принижали право копигольда, и в результате, когда к концу XV века королевское правосудие смогло наконец вмешиваться в такого рода вопросы, выяснилось, что «обычное право» уже допускает переменные ренты.

Во Франции же не существовало централизованного уголовного правосудия, а владелец поместья, с другой стороны, никогда не имел исключительной власти над земельным правом. Соответственно, во Франции было не так просто подорвать устои системы наследования земли, поскольку с правовой точки зрения было неясно, кто ее истинный «владелец». К примеру, к XVI веку появлялись такие юристы, которые стремились доказать, что арендатор не может быть изгнан с земли. Поэтому сеньор, будучи не в состоянии изменять ренты, вынужден был «переприобретать» землю при помощи судебных манипуляций

ответственная за кризис [XIII–XIV веков], была выброшена за борт. Но во Франции невозможно было осуществить это в такой резкой форме [там же, 181–182].

¹⁷⁴ «[В Англии] тенденция к сокращению поместий появляется значительно позже, [чем во Франции]: с конца XIII по XV столетия вместо XI — начало XIII века (по грубой оценке). Это естественная отсрочка, поскольку сеньория в Англии была создана позже» (Bloch, Marc. *Seigneurie française et manor anglais*, p. 114).

с документами и расширять обязательства по феодальным повинностям путем их «нового издания».¹⁷⁵ В долгосрочной перспективе эта разница между Англией и Францией станет ключевой.¹⁷⁶

Поэтому нам представляется, что суть аргументации Блока сводится к следующему: благодаря правовой системе, дававшей землевладельцу больше возможностей для маневра, в Англии продолжились развиваться денежная рента и наемный труд, обеспечивая процветание как крупным пастбищным хозяйствам, так и йоменам, которые превращались в джентри. Кроме того, эти процессы направляли больше сельских рабочих рук в города, формируя необходимый для индустриализации пролетариат. Во Франции же сама сила монархии парадоксальным образом вынуждала сеньориальный класс сохранять более «феодалные», то есть экономически менее функциональные формы землевладения, сдерживавшие развитие страны.

В свою очередь, тот или иной способ разрешения проблемы землевладения имел огромные последствия для того, какую роль определенная страна будет играть в мир-системе. Восточноевропейская система управления поместьем требовала значительного количества надзирающего персонала. Если бы английские лендлорды пошли по этому пути, то для заполнения новых административных постов, требуемых возникающим миром-экономикой (торговых управляющих, затем кадров для заморских предприятий и т.д.), могло бы просто не хватить людей. Впрочем, не сами землевладельцы делегировали на эти

¹⁷⁵ См. Блок. Характерные черты, 183–190. А. Д. Люблинская утверждает, что в своих рассуждениях «коренной разницы между Англией и странами с крепостническим хозяйством Блок не отмечает, а разницу между Францией и Англией объясняет очень поверхностно — всего лишь различием в юстиции». Однако в своей статье она не предлагает ничего лучшего (*Lublinskaya. Préface à l'édition russe des Caractères originaux de l'histoire rurale française // Annales E.S.C., XIV, 1, janv. — mars 1959, 201. Цит. по: Люблинская, А. Д. Предисловие к русскому изданию: Блок. Характерные черты, 17*).

Эдуард Перруа идет в этом направлении еще дальше Блока, утверждая, что, в то время как в позднем Средневековье Англия утрачивала черты феодализма, во Франции они усиливались, причем с весьма инициативного согласия короля. Аргументация Перруа такова: Франция была страной, на которую оказала наибольшее влияние феодальная раздробленность раннего Средневековья, поэтому король в действительности обладал всего лишь властью землевладельца, *primus inter pares* [первого среди равных — *лат.*]. Капетинги решили эту проблему, расширив сеньориальную власть короля до пределов всей Франции, которая стала обширной феодальной пирамидой с единственной вершиной — королем. Следовательно, начиная с XIII века короли способствовали трансформации аллодиальных земель в феодалы, тем самым приводя их под свою верховную власть. См. *Perroy. Le Moyen Age*, pp. 370–371.

¹⁷⁶ Необходимо забежать немного вперед и привести следующий фрагмент из Блока: «В Англии падение абсолютизма сделало возможным распространение, в интересах джентри, знаменитого движения огораживаний, перестройки технических методов, которое (само по себе или по своим последствиям) фактически привело к разорению или экспроприации многочисленных держателей. Во Франции аналогичное явление привело к противоположно направленным результатам — победа абсолютной монархии ограничила размах „феодалной реакции“» (Блок. Характерные черты, 189–190).

посты своих людей — просто, чем больше появлялось подобных новых задач, тем меньше оставалось людей, которых можно было привлекать для надзора за поместьями. Выходом из подобного положения была сдача земли в аренду.

Рассмотрим теперь общую картину. Северо-Западная Европа находилась в процессе разделения земли на пастбищную и пахотную. Это стало возможным лишь потому, что расширяющийся рынок создавал все большее поле для сбыта продукции пастбищного животноводства,¹⁷⁷ а периферия мира-экономики обеспечивала поставки зерна для территорий центра. Полупериферия уходила от промышленного развития (эта задача все больше возлагалась на центр) и двигалась *в направлении* относительно самодостаточного сельского хозяйства. Сельскохозяйственная специализация центра стимулировала монетизацию трудовых отношений в деревне, поскольку сельский труд теперь требовал все больше навыков, а землевладельцы стремились избавить себя от обременения в виде избыточных сельскохозяйственных работников. Средствами контроля над трудом стали наемный труд и денежные ренты. В такой системе могла возникнуть страта независимых мелких фермеров, и она на самом деле появилась и окрепла благодаря как продукции собственного изготовления, так и связям с новым ремесленным производством. Ситуация роста населения и сокращения заработков предопределила, что эти фермеры, или йомены, по словам Маркса, «обогащались одновременно и за счет своих наемных рабочих, и за счет своего лендлорда».¹⁷⁸ Путем огораживаний они узурпировали земли арендаторов, во всеуслышанье обосновав это необходимостью обеспечения продовольственного запаса страны,¹⁷⁹ а затем нанимали тех же самых, но уже изгнанных с земли людей за низкую зарплату, продолжая получать от владельцев крупных поместий все больше и больше земли по фиксированной арендной ставке. Не хотелось бы преувеличивать мощь этого нового класса (йоменов) — достаточно лишь осознать, что они становились значимой экономической, а стало быть, и политической силой. Экономическая сила этой группы заключалась в том, что она имела все стимулы для «предпринимательства». Эти люди стремились к богатству и были заинтересованы в вертикальной мобильности, а путь к успеху пролегал через экономическую эффективность. При этом их еще не обременяли ни традиционные аристократические обязательства проявлять щедрость, ни требования статусного потребления предметов роскоши, ни рамки городской жизни.¹⁸⁰

¹⁷⁷ Какими способами растущий продуктовый рынок Лондона стимулировал развитие пастбищного животноводства в Англии и Уэльсе на все большем расстоянии от столицы, описано в: *The Development of London Food Market, 1540–1610 // Essays in Economic History* / E. M. Carus-Wilson, ed. I. New York: St. Martin's, 1965, pp. 135–151.

¹⁷⁸ Маркс. Капитал, I, гл. XXIV, 754.

¹⁷⁹ «Благодаря новой волне развития промышленности [в Англии] стала более весомой позиция копигольдеров, заявлявших, что замена мелкого фермерства крупными пастбищами была единственным путем решения продовольственной проблемы в сельской местности» (*Klein. The Mesta*, p. 344).

¹⁸⁰ Марк Блок отмечает, что в XVI веке во Франции появляется новый социальный тип: «сельский джентльмен» (*gentleman farmer*) — владелец поместья, который сам

Очевидно, что такое перераспределение сельских экономических сил имело значительное влияние на облик городских территорий. Что же происходило в городах? Известно, что XVI век был периодом общего роста населения и увеличения городов в размерах — в абсолютных показателях это происходило повсеместно, однако в относительном измерении рост городов имел место в центральных зонах мира-экономики. Известно также, что за этим последовало — по логике и на основании фактических свидетельств — «увеличение [в XVI веке] демографической нагрузки на земельные ресурсы» (Хеллайнер).¹⁸¹ В Восточной Европе определенное число людей уходило на приграничные земли. С Пиренейского полуострова многие отправились на Американский континент, других (евреев, затем морисков) изгнали в другие части Средиземноморья. В Западной Европе в целом шла миграция в города, а рост бродяжничества был «эндемичной» особенностью этого региона.¹⁸² Существовал не только деревенский исход — «настоящими сельскими пролетариями» (Бродель) были¹⁸³ и сельский труженик, изгнанный в результате огораживания, и сезонный рабочий, спускавшийся с гор на равнину на несколько недель сбора урожая. Бродяжничество, кроме того, распространилось и «благодаря упадку феодальных вооруженных формирований, а также роспуску огромных армий, ранее собранных королями против своих вассалов...»¹⁸⁴

Чем занимались эти скитальцы? Конечно же, они обеспечивали неквалифицированный труд для новой промышленности. С точки зрения Маркса, «их постепенно поглотил быстрый рост мануфактур, особенно в Англии».¹⁸⁵ Как мы уже видели, доступность рабочих рук такого рода была одним из условий готовности лендлордов к переходу от феодальных повинностей к рентам.¹⁸⁶

смотрит за своей землей. «Нет ничего выгоднее, чем вести хозяйство самому, но если это делается разумно. А это предполагает постоянное жительство на одном месте... Но ссылка [из Парижа] в конце концов была отчаянным выходом. Кроме того, многие крупные землевладельцы, дворяне или буржуа, не имели ни вкуса, ни досуга для деревенской жизни, не говоря уже о том, что богачи имели обычно слишком много земель, к тому же находившихся в разных местах, чтобы иметь возможность лично управлять всеми ими» (Блок. Характерные черты, 199–200).

¹⁸¹ Helleiner. Cambridge Economic History of Europe, IV, p. 24.

¹⁸² Braudel and Spooner. Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, IV, p. 242.

¹⁸³ Бродель. Средиземное море, I, 84–85. «Находясь в плачевном санитарно-гигиеническом состоянии, крестьянин здесь часто должен был довольствоваться малым. У него есть хозяева, и то, что он производит, принадлежит хозяевам. Простолюдина, который является зачастую новичком, оторванным от родных гор, при случае обманывает собственник земли или его управляющий. Во многих отношениях его можно уподобить колониальному рабу, каково бы ни было его правовое положение... Равнина принадлежит феодальным сеньорам».

¹⁸⁴ Marx, Karl. Pre-capitalist Economic Formations. * London: Lawrence & Wishart, 1964, 134.

¹⁸⁵ Ibid., p. 135.

¹⁸⁶ Dobb. Studies, p. 55. Далее Добб отмечает: «Здесь мы действительно сталкиваемся с парадоксом: как только производительность достигала определенного критического соотношения с ценой наемного труда, последний мог оказаться менее

Однако эту картину увеличения количества рабочих рук, не производящих продукты питания, трудно примирить с другим обстоятельством. Джоунс и Вулф утверждают, что необходимым условием индустриального развития, впервые встречающимся в XVI веке в Северо-Западной Европе наряду с ростом производительности и расширением рынка, была «передышка от значительного давления населения, в ходе которой могли быть увеличены доходы, а не число людей...»¹⁸⁷

Как же тогда быть с избыточным населением, которое переполняло города в центральной зоне мира-экономики и бродяжничало в сельской местности? С одной стороны, понятно, что эти люди продолжали массово вымирать, а некоторых повесили за бродяжничество.¹⁸⁸ Нередко случался голод, особенно в условиях «малых скоростей и непомерной стоимости перевозок, а также из-за частых неурожаев...»¹⁸⁹ Как утверждают Бродель и Спунер, при анализе экономики данного периода «следует принимать в расчет „молодость“

целесообразным, чем труд крепостных, использование которого все еще могло быть выгодным» [р. 56]. В виде подстрочной ссылки добавлено: «Прибавочный продукт, который можно было получить от наемного работника, не обязательно должен был превосходить прибавочный продукт, получаемый от крепостного (т.е. продукт крепостного труда на сеньора), поскольку, несмотря на предположение о том, что наемный труд заменил крепостной *в качестве источника прибавочного продукта*, он был его *дополнением*. Предположим, что землевладелец заменил трудовые повинности наемным трудом, эквивалентным продукту, который крепостные могли произвести в течение своего прибавочного рабочего времени, то есть при работе в поместье сеньора. Подобная замена окажется выгодной для сеньора в том случае, если наемные работники произведут прибавочный продукт сверх своей заработной платы. С этого момента сеньор будет получать данный прибавочный продукт в дополнение к тому, что он получал от своих крепостных в виде повинностей, замененных денежной рентой».

Кроме того, как напоминает Марк Блок, «труд крестьянина на барщине не всегда был абсолютно бесплатным [для землевладельца]. Как правило, было принято кормить работника [*tenancier*], особенно во время „дармовых работ“ (*boonworks*), поэтому барщина не имела смысла, если стоимость питания крестьянина превосходила стоимость его труда. Предположение, что заработок мог быть меньше, чем стоимость питания работника, может показаться абсурдным, однако следует помнить о плохом качестве труда... [Кроме того], если от барщинного крестьянина не требовалось оказания услуг, это означало, что вместо непосредственного труда он должен был „выкупить барщину“, т.е. вместо работы на сеньора крестьянину полагалось заплатить ему деньги. Поэтому, с одной стороны, необходимо было здраво оценить возможные поступления от данного заместительного платежа, имея в виду, что он является результатом существенного социального давления, а также экономию на стоимости питания там, где это необходимо. С другой стороны, нужно было взять стоимость дня работы наемного работника, который придёт на место барщинного крестьянина. Вопрос, отказываться от барщины или нет, решался в зависимости от того, какой из двух показателей перевешивал» (*Bloch. Seigneurie française*, pp. 116–117).

¹⁸⁷ Jones and Woolf. *Agrarian Change and Economic Development*, p. 4.

¹⁸⁸ Marx. *Pre-capitalist Economic Formations*, p. 134.

¹⁸⁹ Бродель. *Средиземное море*, I, 448.

этих [бродяг], чья средняя продолжительность жизни была короткой из-за голода и эпидемий...»¹⁹⁰

В таком случае мы можем объяснить при ином подходе сбивающий с толку феномен, отмеченный Броделем: «Другая особенность городов заключалась в том, что необходимый уровень численности наемных рабочих мог в них поддерживаться, а тем более увеличиваться за счет притока рабочей силы со стороны».¹⁹¹ Кроме того, становится понятным и загадочное обстоятельство, отмеченное Фелпс-Брауном и Хопкинс: сравнительно небольшое число социальных взрывов, несмотря на значительное падение заработков рабочих. По словам этих авторов, «ответ может частично заключаться в том, что уровень заработков в XV веке был столь высок, что даже их последующее падение все еще оставляло наемному работнику средства к существованию...»¹⁹²

Однако уровень заработков, который обеспечивал для рабочего Северо-Западной Европы эти средства к существованию, был единственно возможен благодаря наличию периферии, откуда привозили пшеницу, где были золото и серебро, обеспечивавшие денежное обращение, а также благодаря тому, что часть населения периферии была обречена на вымирание и являлась прекрасным объектом для преследования. Не могло ли уже в XVI веке в различных городах Европы внутри рабочего класса существовать систематическое разделение на статусные группы по этнической принадлежности? Например, Казимир Тыминский именно в XVI столетии отмечает подобное явление в городах восточного Полабья, где немецкие рабочие не допускали славянских мигрантов к занятиям сравнительно высокого статуса.¹⁹³ Существует не так уж много

¹⁹⁰ Braudel and Spooner. Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, IV, p. 241–242.

¹⁹¹ Бродель. Средиземное море, I, 456. «Эти необходимые для города иммигранты не обязательно являются представителями тяжелого или неквалифицированного труда. Часто они приносили с собой новые технические приемы, не менее важные для развития города, чем их собственные персоны. Евреи, которые становились беженцами по религиозным соображениям, а не из бедности, сыграли исключительную роль в распространении этих технических новшеств» (там же, с. 458).

¹⁹² См. Phelps-Brown and Hopkins. *Economica*, XXVI, p. 294. Сравнительные различия в жизненных уровнях разных классов горожан не так уж отличаются от современной Европы. Можно сделать такое предположение исходя из проведенной в 1559 году в Малаге переписи 3 096 домохозяйств (примерно 12 000 человек), обнаружившей следующее классовое разделение:

- состоятельные [well-to-do, *razonables*], необязательно богатые, 10%;
- «малообеспеченные» [little people, *pequenos*], 70%;
- за чертой бедности [poor people, *pobres*], 20%.

Будет ли в аналогичном исследовании для Малаги или даже для Парижа XX века нечто разительно отличное? Вышеприведенное исследование цит. по: Бродель. Средиземное море, II, 133.

¹⁹³ «В германских землях к востоку от Эльбы, от Лузации* до Бранденбурга и Мекленбурга, несмотря на долгое владычество немцев (либо онемеченных славянских князей), славянский элемент был все еще силен, особенно в сельской местности. Начиная с XIV века, но особенно в XV и первой половине XVI столетий типичным явлением

исследований этнического распределения внутри городского рабочего класса в Европе раннего Модерна, но все же я полагаю, что описание Тыминецкого можно рассматривать как типичное для всего мира-экономики. В его пределах происходило не только неравномерное распределение городов в центральной и периферийных зонах, но и в самих городах этнические группы, возможно, распределялись с аналогичной диспропорцией. Не следует забывать о том, что в рамках мира-экономики одни структуры вложены в другие, о чем шла речь выше.

При исследовании высших классов, следует сохранять ту же осторожность, с которой мы рассматривали тех, кого мы называем городскими трудящимися. В средневековой Европе высокий статус принадлежал воинам-землевладельцам, именуемым аристократией (*nobles*). С точки зрения своей деятельности, они были по большей части гомогенной группой, различаясь в основном рангом в рамках феодальной лестницы, зависевшим, грубо говоря, от размера домена и количества вассалов, хотя отдельные индивиды и целые семьи, конечно же, перемещались по этой статусной лестнице вверх и вниз. Существовало также несколько городов, где появился собственный патрициат. В предыдущей главе мы уже рассматривали возникшую в связи с этим определенную понятийную путаницу с идентичностью.

И все же кем был торговец-землевладелец XVI века — аристократом или буржуа? Здесь понятно только то, что ничего не понятно — ни в целом, ни в частностях. Картина стала неясной именно с появлением мира-экономики, основанного на торговле и капиталистическом сельском хозяйстве. Рассмотрим сначала международных торговцев, а вслед за ними «промышленников», отметив как их географическое распределение, так и их связь с землевладельческими классами.

Используемые в XVI веке технологии достижения коммерческого успеха во многом были не более чем продолжением методов, которые города освоили в отношениях со своими примыкающими сельскими районами в позднем Средневековье. Общей проблемой городов был контроль над собственным рынком, что означало, во-первых, возможность уменьшать стоимость товаров, приобретаемых у деревни и, во-вторых, минимизацию роли сторонних торговцев.¹⁹⁴ Для этого

в городах становится ограничение доступа славян в ремесленные гильдии. Таким образом, в дополнение к национальной дискриминации [славянского] населения появляется дискриминация „социальная“. Это происходило в силу стойкой тенденции к оттоку славян в города» (*Tyminiecki, Kazimierz. Le servage en Pologne et dans les pays limitrophes au moyen âge // La Pologne au Xe Congrès International des Sciences Historiques à Rome. Warszawa: Académie Polonaise des sciences, Institut d'Histoire, 1955, 25*).

¹⁹⁴ В определенных аспектах аристократа, занявшегося предпринимательством, можно рассматривать просто как «заезжего торговца», каковым он и был с точки зрения городской буржуазии. См. рассуждение Фрица Редлиха: «Кипа ограничительных правил и кодифицированных санкций [против занятия аристократов торговлей] представляется относящейся к сравнительно позднему времени, а именно к 1600 году... Видимо, в действительности эти ограничения были обусловлены деятельностью „младших сыновей“, а не непосредственных наследников имений... В нескольких случаях ограничения деловой активности знати устанавливались для защиты городских купцов,

использовались две технологии. С одной стороны, города стремились приобрести не только законное право облагать налогами рыночные операции, но и право регулировать торговлю в целом (кто может торговать, в какое время и чем). Кроме того, города пытались ограничить возможности торговли своих сельских предместий с иными контрагентами, нежели непосредственно прилегающий к ним город. В результате появилось то, что Дobb именует разновидностью «городского колониализма».¹⁹⁵ С течением времени различные механизмы, направленные на решение данной задачи, изменили условия торговли в пользу горожан (т.е. городских торговых классов) вместо землевладельческих и крестьянских классов.

Несмотря на всю значимость прибыли от этих операций, она была небольшой в сравнении с тем, что сулила торговля на дальние расстояния, в особенности с колониями и полуколониями. Анри Сэ полагает, что в первых колониальных коммерческих операциях размеры прибыли были очень высоки — «иной раз свыше 200 или 300% от сделки, т.е. даже немногим больше, чем прибыль от пиратства».¹⁹⁶ Фактически существовало два аспекта такой высокой

которым грозила конкуренция аристократов, а не потому, что эти занятия считались неподобающими знати... Похоже, что в целом под запретом для аристократии оказывались сфера розничной торговли и ремесло, но у знати всегда оставалось достаточно свободы действий для того, что мы называем предпринимательской деятельностью, в сельском хозяйстве, крупной промышленности... и во многих случаях в заморской торговле» (*Redlich. European Aristocracy and Economic Development // Explorations in Entrepreneurial History*, VI, 2 Dec. 1953, 83).

¹⁹⁵ *Dobb. Studies*, p. 95. В таком случае переход от «городского колониализма» к «национальному колониализму» можно рассматривать как естественный шаг вперед в момент, когда развитие технологий расширило пределы того, что Фредерик Лейн называет «естественной монополией» силой: «В средневековой Европе управление территориями, большей, чем одна провинция, доставляло неудобства, связанные с масштабом этой территории. Напротив, к XVII веку государство практически не могло удерживать от вмешательства извне свою монополию на власть даже в рамках отдельной провинции, если его военная организация не была достаточно сильной, чтобы завоевать какое-либо национальное королевство. Масштабы естественных монополий власти изменились. Во время появления новых естественных монополий вкупе с новыми технологиями возникали периоды конкуренции и более высокой стоимости защиты. В наш век атомного оружия, возможно, не существует естественной монополии меньшего размера, чем целый мир» (*Lane. Economic Consequences of Organized Violence // Venice and History. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins Press, 1966, 415–416, сноска 4*).

¹⁹⁶ *Séé, Henri. Modern Capitalism. New York: Adelphi Co., 1928, 41*. Дobb приводит похожие аргументы: «Внутренний рынок [в Англии] расширялся не только благодаря росту городов и умножению городских рынков, но также путем растущего проникновения денег в поместное хозяйство, что вело к росту наемного труда и сдаче земель в аренду за деньги. Тем не менее, именно заграничная торговля обеспечивала куда большие возможности для резкого роста торговли, и именно в этой области были достигнуты наиболее впечатляющие успехи» (*Dobb. Studies*, p. 129).

Сущностную роль международной торговли в становлении национального капитализма также отмечал Ленин: «Необходимость внешнего рынка для капиталистической страны определяется вовсе не законами реализации общественного продукта (и сверхстоимости в частности), а, во-1-х, тем, что капитализм является лишь

рентабельности. Во-первых, в колониальной зоне имела место ситуация «монополии», то есть «приобретение» земли и труда осуществлял всего один покупатель. Этот порядок установился, как мы видели, путем использования узаконенного принуждения к труду как в Испанской Америке, так и в Восточной Европе. Во-вторых, в зонах продажи первичных продуктов (т.е. в Западной Европе) фактически отсутствовала конкуренция, что было следствием отчасти слабого технологического развития, отчасти наличия вертикальных связей в цепочках сбыта.

Конечно, в технологиях деловых операций в конце XIII — начале XIV веков возникло несколько очень важных шагов вперед: появились депозитные операции банков, переводные векселя, брокеры, филиалы центральных торговых организаций. Шоню полагает, что именно эти технологии позволили торговым капиталистам увеличить — «возможно, десятикратно» — их возможности снимать пенку прибыли и тем самым заполучить в свои руки «корабли, людей и средства, необходимые для авантурных открытий и последующей эксплуатации новых пространств в тесном контакте с государством».¹⁹⁷ Тем не менее, для выхода на мировой рынок одних лишь этих коммерческих новшеств, даже вместе взятых, купцам, торговавшим на дальние расстояния, было недостаточно без наличия солидного капитала и, как правило, определенного государственного содействия. Так что войти в это предприятие могли немногие, а те, кто уже в нем участвовал, не особенно стремились изменить сложившееся положение дел.¹⁹⁸

Еще бóльшую роль играли вертикальные связи. Источники капитала были ограничены — напомним, что и сами государственные аппараты были крупными заемщиками. Например, доходы от португальских сахарных плантаций, полученные путем использования рабского труда, получали не только напрямую вовлеченные в этот процесс португальцы, но и представители более «передовых» европейских экономик, которые обеспечивали как начальный

как результат широко развитого товарного обращения, которое выходит за пределы государства. Поэтому нельзя себе представить капиталистической нации без внешней торговли, да и нет такой нации» (*Lenin, V.I. The Development of Capitalism in Russia. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1956, 44. Цит. по: Ленин, В.И. Развитие капитализма в России, 2-е изд., 1908, с. 29).*

Только благодаря примату мировой торговли Франсуа Моро мог утверждать, что «именно торговый капитализм был отличительным признаком Западной цивилизации между 1500 и 1800 годами, то есть между Возрождением и Промышленной революцией» (*Maurq. Towards an 'Intercontinental Model': European Overseas Expansion Between 1500–1800 // Economic History Review, 2nd, ser., XIV, 1, 1961, 1–2).*

¹⁹⁷ *Chaunu. L'expansion européenne, p. 311.*

¹⁹⁸ «Именно благодаря недостаточному развитию рынка (производитель мог осуществлять обмен своих продуктов на другие только в ограниченных пределах) торговый капитал получил свои блестящие возможности... Чем дольше сохранялось такое исходное положение дел, тем дольше люди, способные использовать его в своих целях, могли получать исключительную прибыль; таким образом, совершенно естественно, что сознательной политикой торгового капитала станет стремление увековечить эти условия, препятствуя их устранению» (*Dobb. Studies, p. 89).*

капитал, так и рынок сбыта индустриальной продукции.¹⁹⁹ Северо-Западная Европа могла не просто развивать фактории — ее вертикальные коммерческие связи способствовали формированию системы финансовой зависимости одних регионов мира-экономики от других. На самом деле не будет преувеличением говорить о возникновении системы международного долгового педонажа, впервые доведенной до совершенства в позднем Средневековье²⁰⁰ ганзейскими купцами в отношении норвежских рыбаков и охотников за пушниной, а затем немецкими купцами Риги, Ревеля и Гданьска применительно к их восточноевропейским соседям. Эта технология была известна повсеместно и использовалась купцами Тулузы, Генуи и Пиренейского полуострова, отчасти в торговле шерстью из Англии и Испании. Что это был за метод? Все очень просто: он предполагал приобретение товара до его фактического производства, то есть авансовый платеж за будущие поставки. Это предотвращало продажу товара на открытом рынке и позволяло именно торговцам, а не производителям выбирать оптимальный момент для его перепродажи в мировом масштабе. А поскольку ссуженные деньги имели обыкновение кончаться как раз к моменту физической поставки товара (а могли еще и появиться долги), производитель стремился сделать подобное соглашение бессрочным. Теоретически запрещенная законом, эта система могла использоваться только теми торговцами, у которых были влияние и средства поддерживать данную практику, то есть «иностранными купцами или богатыми торговцами, имевшими легкий доступ на заграничные рынки».²⁰¹ Именно эти купцы могли извлечь и преумножить прибыль от Революции цен. Способ формирования в рамках этой системы вертикальной сети эксплуатации и получения прибыли ясно описан Маловистом применительно к Польше:

¹⁹⁹ «Система сахарных плантаций, существовавшая [на Сан-Томе*], была тесно связана с крупной международной торговлей, в которой принимали участие крупные компании сначала Антверпена, а затем Амстердама. В этих крупных центрах экономической жизни было основано много рафинадных заводов, работавших в XVI веке благодаря растущим объемам патоки из Сан-Томе. Следует отметить, что, несмотря на крайне активную роль португальских торговцев в экспорте сахара с этого острова, процесс производства конечного продукта осуществлялся не экономически слабой Португалией, а странами с более передовым хозяйством, где имелись значительные резервы капитала, квалифицированного и свободного труда, то есть странам, уже ставшим на путь развития» (*Malowist, Marian. Les débuts du système des plantations dans le période des grandes découvertes // Africana Bulletin, No.10, 1969, 29*).

²⁰⁰ «Это была система приобретения товаров с помощью авансовых платежей за продукцию, которая еще только должна быть поставлена... Известно, что с помощью такого механизма ганзейским купцам в Бергене за 250 лет удалось сосредоточить в своих руках почти всю торговлю рыбой и мехами в северной Норвегии. Ганзейцы поставили рыбаков в прямую зависимость от себя, платя им вперед. В то же время это позволило им надолго устранить из торговли норвежских бюргеров» (*Malowist, Marian. A Certain Trade Technique in the Baltic Countries in the Fifteenth to the Seventeenth Centuries // Poland at the XIth International Congress of Historical Sciences. Warsaw: Polish Academy of Sciences, The Institute of History, 1960, 103*).

²⁰¹ *Ibid.*, p. 104.

«В XVI — начале XVII веков гданьские купцы уделяли меньше внимания морской торговле, однако стали оказывать все возрастающее влияние на сельское хозяйство во всех частях Польши. Ближе к концу XVI века, когда условия экспорта зерна были особенно благоприятны, агентов гданьских купцов постоянно видели на сельских и городских рынках Польши, где они закупали зерно... [В] XVII веке богатые купцы Гданьска, равно как и рижские купцы, платили вперед не только мелкой шляхте, но даже богатым аристократам Польши и Литвы... Этот бурный расцвет гданьской торговли в обширных внутренних областях страны объясняет безмерное обогащение гданьских купцов в период Революции цен... Они получали авансовые платежи от голландцев, [...] а те, в свою очередь, иногда собирали на эти цели определенные суммы у купцов в Антверпене».²⁰²

Эта система международной долговой кабалы позволяла когорте международных купцов обойти (а тем самым фактически разрушить) местный торговый класс Восточной (и до определенного предела Южной) Европы, войдя в прямые сношения с землевладельцами-предпринимателями (включая аристократию). Последние, по сути, были капиталистическими хозяевами, которые производили товары и контролировали их до того момента, пока они не достигали первого крупного порта, после чего продукция попадала в руки определенных западно-европейских²⁰³ (либо североитальянских) купцов, а те, в свою очередь, были агентами и посредниками процветающего финансового класса, сосредоточенного в нескольких городах.

Если купцы, осуществлявшие в европейском мире-экономике международные операции, в основном принадлежали к определенным нациям, то можно ли то же самое сказать о «промышленниках» и в каком отношении находились две эти группы? Промышленное производство существовало уже в Средневековье, однако оно было рассредоточенным, мелким и в основном ориентированным на рынок предметов роскоши, и лишь благодаря подъему капиталистической системы в рамках мира-экономики смогли появиться индустриальные предприниматели.²⁰⁴

Упор на развитие промышленности был сделан именно в зонах большей специализации сельского хозяйства, причем не только в момент расширения экономики, но в равной степени и при ее сжатии. Мариан Маловист

²⁰² Ibid., p. 114.

²⁰³ См. *Dobb. Studies*, p. 71.

²⁰⁴ «До появления капиталистического производства, т. е. в средние века, всюду существовало мелкое производство, основой которого была частная собственность работников на их средства производства: в деревне — земледелие мелких крестьян, свободных или крепостных, в городе — ремесло, [организованное в гильдии]... Сконцентрировать, укрупнить эти раздробленные, мелкие средства производства, превратить их в современные могучие рычаги производства — такова как раз и была историческая роль капиталистического способа производства и его носительницы — буржуазии» (*Engels, Frederic. Socialism: Utopian and Scientific. New York: International Publishers, 1953, 28. Цит. по рус. изд.: Энгельс Ф. Развитие социализма от утопии к науке. Карл Маркс, Фридрих Энгельс, Сочинения. 2-е изд. Москва: Издательство политической литературы, 1967, т. 19, с. 185–230).*

устанавливает для этих зон связь между ростом производства тканей и сельскохозяйственным кризисом XIV–XV веков.²⁰⁵ Джоан Тирск отмечает, что данная тенденция — необходимость искать иные сферы занятости для выброшенных на улицу сельских работников — продолжала действовать и в Англии XVI века.²⁰⁶

²⁰⁵ «Как раз в XIV–XV веках [в] Англии, Нидерландах, южной Германии и Италии... обнаруживается весьма заметное развитие сельской текстильной промышленности. Крестьяне втягиваются в нее либо за счет городских предпринимателей, либо самостоятельно. Этот факт представляется мне доказательством того, что одно лишь сельское хозяйство не обеспечивало крестьянам средств к существованию... В результате, в то время как во Фландрии, Брабанте и Тоскане в данный период наблюдается постепенный упадок производства предметов роскоши, в той же Фландрии, Эно, Голландии, Англии, южной Германии и в некоторых частях Италии в малых городах и в сельской местности вырастает новый тип текстильного производства. Его продукция не отличалась высочайшим качеством, но в эти далеко не тучные годы она оказалась доступной для обедневшей знати и других не столь состоятельных людей. Таким образом, и в производстве, и в торговле на дальние расстояния роль товаров всеобщего спроса становилась все более и более важной в сравнении с предметами роскоши» (Malowist, M. The Economic and Social Development of the Baltic Countries from the 15th to the 17th Centuries // Economic History Review, 2nd ser., XII, 2, 1959, 178).

См. у Маркса: «Исходной исторической формой, в которой впервые появляется капитал — спорадически или локально, *рука об руку* со старыми способами производства, при этом постепенно отбрасывая их один за другим, — такой формой выступает *мануфактура* в собственном смысле слова (т. е. еще не фабрика). Она появляется там, где существует массовое экспортное производство — следовательно, она возникает на основе *крупной морской и сухопутной торговли* и в центрах этой торговли: крупных итальянских городах, Константинополе, фламандских и голландских городах, в испанских городах типа Барселоны и т. д. Первоначально мануфактура охватывает не так называемые *городские ремесла*, но *вспомогательные деревенские профессии* — прядение и ткачество, т. е. те разновидности труда, которые требуют от работника меньше навыков и технического мастерства. Помимо перечисленных городов — крупных складских центров (emporía), где мануфактура находит основу для *экспортного рынка* и где производство, *в соответствии со своей спонтанной природой*, ориентировано на меновую стоимость (т. е. мануфактуры, прямо связанные с морем, включая собственно кораблестроение и т. д.), — мануфактура впервые появляется не в крупных городах, а в сельской местности, в деревнях, испытывающих недостаток в деньгах и проч. Второстепенные деревенские занятия заключают в себе широкие основания для мануфактурного производства, в то время как для ведения городских ремесел в форме фабричного производства требуется высокий уровень технологического прогресса. Такие отрасли промышленности, как стекольная и металлургическая, деревообработка и др., с самого начала требующие большей концентрации рабочей силы, используют больше природной энергии и предъявляют необходимость в массовом производстве и концентрации средств производства и т. д. Эти отрасли также прибегают к форме мануфактуры. Аналогично лесопилки и проч.» (Marx. Pre-capitalist Economic Formations, p. 116).

²⁰⁶ «Можно обоснованно утверждать о наличии некоторой связи между увеличением населения и нагрузки на землю в XVI веке и ростом ручного вязального производства в Йоркширских долинах» (Thirsk. Essays in Economic and Social History of Tudor and Stuart England, p. 88).

Однако этот фактор напряженности в деревне не действовал в наиболее «передовых» зонах. Это объясняется тем, что появление в сельской местности многих производств было следствием необходимости трудоустроить не только потерявших работу в деревне, но и тех, кого отторгал от себя город. Капиталы многих старинных центров средневековой текстильной промышленности во Фландрии и северной Италии были вложены в производство предметов роскоши. Соответственно, эти регионы либо не могли, либо не желали двигаться в сторону новых рынков, что сначала было необходимостью в ходе финансового кризиса XIV–XV веков, а затем оказалось прибыльным в процессе создания мира-экономики в XVI веке. Предпринимателей в данном случае не волновали границы.²⁰⁷ Знаменитым и важнейшим примером подобного перемещения является бегство фламандских капиталистов в Англию. Следует постоянно помнить, что на данном этапе все производства имели шаткую основу. Они поднимались и падали, они были как странник в поисках пристанища, «напоминая тысячи маленьких костров, слабо тлеющих на поле скошенной травы, которые то разгораются, то угасают».²⁰⁸ Очевидно, что старые экономически развитые центры, контролировавшие международную торговлю, вовсе не обязательно были одновременно средоточием предпринимательского воображения и амбиций — похоже, есть смысл разделять уверенность Анри Пиренна в отсутствии непрерывности между разными поколениями капиталистических предпринимателей.²⁰⁹

Таким образом, следует осмотрительно обращаться с терминологией. При использовании классовых категорий в объяснении социального изменения понятия «буржуазных» и «феодалных» классов не следует использовать, как это обычно делается, в смысле, соответственно, «торговцев» и «землевладельцев». В ходе длительного процесса создания европейского мира-экономики в его центральных зонах существовали и торговцы, и землевладельцы, для которых оказывалось выгодным сохранение форм производства, ассоциирующихся

²⁰⁷ «Когда индустриальные капиталисты, жаждавшие получить дешевые ткани для последующей продажи, пытались завести их производство в собственных городах и обнаруживали, что им не дают это делать, они все больше и больше перекладывали эту работу на деревенских тружеников. Если же и это запрещалось городскими гильдиями и правительствами, то капиталисты даже переносили свое производство в другие государства, благо „страны“ континентальной Европы были не так уж велики» (Reynolds, Robert L. *Europe Emerges*. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1967, 399).

²⁰⁸ Бродель. Средиземное море, II, 113.

²⁰⁹ «Я уверен, что для каждого периода, на которые можно разделить нашу экономическую историю, характерен особенный и отличный от других класс капиталистов. Иными словами, группа капиталистов данной эпохи не происходит от капиталистов предшествующей. При каждом изменении экономической организации мы обнаруживаем брешь в непрерывном ходе событий. Все это выглядит так, словно прежде деятельные капиталисты понимают, что они не способны адаптироваться к доселе неизвестным условиям, требующим ранее не применявшихся подходов. Таким образом, эти „старые“ капиталисты уходят из борьбы, пополняя ряды аристократии, которая если и будет вновь играть роль в текущих делах, то лишь пассивным образом» (Pirenne, Henri. *American Historical Review*, XIX, 3, Apr. 1914, 494–495).

с «феодализмом», то есть таких форм хозяйства, где крестьяне в том или ином виде, систематически и на законном основании должны были отдавать большую часть продуктов своего труда землевладельцу (например, барщины, феодальных рент и т.д.). Но в то же время существовала и другая группа торговцев и землевладельцев, для которой был выгоден рост новых форм индустриального производства, основанных на контрактном труде. Применительно к XVI веку эти две группы в первом приближении часто совпадали с крупными и мелкими экономическими субъектами. Крупные торговцы и землевладельцы получали больше прибыли от старой феодальной системы; мелкие (средние? растущие?) — от новых капиталистических форм. Однако эту дихотомию следует использовать с осторожностью и точностью, причем она действительна только для конкретного момента исторического времени, хотя теоретически в ней, конечно, заложено много смыслов. Новые формы социальной организации, как правило, меньше апеллируют к тем, кому хорошо в рамках существующей системы, в отличие от тех, в ком есть энергия и амбиции, но их время еще не наступило (*arrivé*). Однако эмпирическое применение данной схемы оказывается сложным по иным соображениям.

Каким бы ни было его происхождение, этот новый класс «промышленников», вышедший частично из различных групп свободных мелких хозяев (*yeomen*), частично из перестроившихся на другую деятельность торговцев, преследовал ту цель, которую Пьер Вилар считает важнейшей характеристикой современной экономики — «достижение среднего уровня прибыли в рамках максимально масштабных рынков, т.е. количественному росту продаж при меньшей выручке на единицу продукции».²¹⁰ Часть этого дохода возникала из вышеупомянутого зарплатного лага.²¹¹ Другую часть составляли «шальные» деньги. Третью — низкие реальные процентные ставки. Наконец, определенная часть доходов фактически заимствовалась у будущего в смысле ничтожной амортизации оборудования.²¹² Однако эта прибыль реально существовала, и ее объем

²¹⁰ Vilar, Pierre. Actes du Colloque de la Renaissance, p. 50.

²¹¹ Даже Дж. Д. Гулд, скептически относящийся к этой гипотезе, признает, тем не менее, что в рассматриваемый период происходил «очень резкий спад реальных доходов наемного работника». См. Gould. The Price Revolution Reconsidered // Economic History Review, 2nd ser., XVII, 2, 1964, 265. Также читаем у Добба: «Значительные достижения торгового капитала XIV–XV веков, будучи результатом монополии, были достигнуты благодаря отчуждению массы производителей от прибыли от растущего объема торговли, а не из-за падения общего уровня жизни. Иными словами, своими сверхприбылями новый торговый класс был обязан сокращению (относительному, а не абсолютному) доходов производителей. Однако уже во второй половине XVI века (а также, возможно, в XVII веке — по крайней мере, в первой его половине) такое положение дел, очевидно, кончилось» (Dobb. Studies, pp. 119–120).

²¹² Для Гулда этот фактор имел особую значимость: «Сегодня практически общепризнано, что в середине XX века влияние роста цен на прибыль в промышленности в меньшей степени простекает из отставания зарплат от цен (в большинстве случаев такого лага вообще не существует), нежели из отставания от стоимости капитальных издержек... Часть, причем растущая, кажущейся (*apparent*) прибыли приходится на неизбежную

не только создавал политическую базу для данного класса, но и имел непосредственное влияние на всю экономику. Это ощущалось во многом: прибыль оказывалась стимулом к производству сырья и мобилизации трудовых ресурсов, давала возможность удовлетворять растущий и становящийся массовым спрос. Кроме того, стало возможным появление промышленности, обеспечившей создание множества позитивных экстерналий: дорог, дамб, парков.²¹³

Не менее очевидно, что в XVI веке происходит заметное изменение географии текстильной индустрии. В конце XV — начале XVI веков она росла в «старых» центрах: в северной Италии, южной Германии, Лотарингии, Франш-Конте, Испанских Нидерландах, а в Англии только на юго-западе и исключительно в виде производства шерсти. Затем возникли новые центры, в первую очередь в Англии и северных Нидерландах — в странах, которые, по замечанию Нефа, «в начале XVI века были индустриально отсталыми...»²¹⁴

[Резюме]

В этой главе мы стремились показать, как в XVI веке возникает новая структура экономической деятельности — европейский мир-экономика, основанный на капиталистических методах хозяйствования. Этот процесс предполагал разделение производительного труда, которое можно адекватно оценить, лишь принимая в расчет мир-экономику как целое. Возникновение индустриального сектора имело важное значение, но оно стало возможным только благодаря переходу сельского хозяйства от феодальных форм к капиталистическим. При этом не все капиталистические «формы» сельского хозяйства были основаны на «свободном» труде, но только те из них, которые имели место в центре (ядре) мира-экономики. Однако мотивации землевладельца и работника в «несвободном» секторе были столь же капиталистическими, как и в центре.

В завершение темы следует рассмотреть возражения, которые вызвал предложенный анализ. Эрнесто Лакло привлек работы Андре Гундера Франка, чтобы оспорить утверждение, что для Испанской Америки XVI века была характерна капиталистическая экономика. Лакло утверждает, что это и неверно, и не по-марксистски. Не пускаясь в длинный экскурс в марксистскую экзегетику, я просто скажу, что он прав по букве марксистской аргументации, но не по ее духу. По существу самой проблемы основной аргумент Лакло состоит в том, что используемые Франком определения капитализма (рыночное производство

амортизацию оборудования, которая так или иначе отнимет основательную часть дохода, когда машина окончательно потребует замены — час расплаты рано или поздно наступает. Однако если жизненный цикл машины или конструкции долг — именно эта особенность, похоже, характеризовала внушительную часть основного капитала эпохи Тюдоров и Стюартов: все эти водяные колеса, чаны для варки соли, горны и т.д., — то в таком случае в эти столетия высокая *кажущаяся* норма прибыли могла стать широко распространенным явлением» (Ibid., p. 264).

²¹³ См. Mauro. Economic History Review, p. 298.

²¹⁴ Nef. Conquest of Material World, ibid., p. 116.

с целью получения прибыли, которая не достается непосредственному производителю) и феодализма (закрытая самодостаточная экономика) концептуально ошибочны. Лакло полагает, что определение Франка пренебрегает «производственными отношениями» (т. е. главным образом тем, является ли труд свободным или нет) и делает возможным включение в рамки капитализма не только Испанской Америки XVI века, но и «рабов римских латифундий или крепостных (gleb serf) европейского Средневековья — по меньшей мере, в тех случаях (а таковых подавляющее большинство), когда *некая часть* [курсив наш — И. В.] экономического прибавочного продукта, извлеченного хозяином у зависимых от него людей, предназначалась на продажу».²¹⁵ Далее Лакло утверждает, что если Франк прав, то следует сделать вывод, что «Елизаветинская Англия и Франция эпохи Возрождения были готовы к социализму...»²¹⁶ Наконец, он уверен не только в том, что феодализм несовместим с капитализмом, но и в том, что расширение внешнего рынка в Испанской Америке послужило «усилению и консолидации [феодализма]».²¹⁷

Лакло определенно затуманивает проблему. Прежде всего, разница между средневековым крепостным и рабом или работником при энкомьенде в Испанской Америке либо «крепостным» в Польше XVI века, проявлялась в трех аспектах: 1) разница между присвоением «некоей части» прибавочного продукта, предназначенной для рынка, и присвоением большей части прибавочного продукта; 2) разница между производством для местного рынка и для мирового рынка; 3) разница между классом эксплуататоров, растрачивающим свои доходы, и классом эксплуататоров, мотивированных их максимизировать и частично реинвестировать. Как и в случае умозаключения Лакло по поводу Елизаветинской Англии, его позиция нелепа и спорна. Усилившийся феодализм действительно включился в капиталистический мировой рынок, но с той оговоркой, что это был «феодализм» новой формации.

Суть дела в том, что «производственные отношения», которые являются определяющими для некоей системы, характерны для этой системы в целом, а таковой системой в рассматриваемый нами момент времени является европейский мир-экономика. Отличительной чертой капитализма действительно является свободный труд, но не во всех типах организации капиталистического производства. Свободный труд — это форма контроля над трудом, используемая для квалифицированных работ в странах центра капиталистического мира-экономики, в то же время в периферийных зонах для работ, требующих меньше навыков, используется принудительный труд. Их комбинация — вот сущность капитализма. Когда труд свободен везде, перед нами будет социализм.

Кроме того, капитализм не мог расцвести в пределах мира-империи — по этой причине он никогда не появлялся в Древнем Риме. Те многочисленные преимущества, которые имели торговцы, в политическом смысле было легче

²¹⁵ Laclau, Ernesto (h). Feudalism & Capitalism in Latin America // New Left Review, No. 67, May — June 1971, 25.

²¹⁶ Ibid., p. 30.

²¹⁷ Ibid.

получить в структуре возникающего мира-экономики, нежели в рамках отдельного государства, правители которого должны были учитывать множество интересов и видов давления.²¹⁸ Вот почему секрет капитализма состоял в установлении описанной нами системы разделения труда не в пределах отдельного национального государства, а в рамках мира-экономики, который был не империей. Применительно к «недоразвитым» странам XX века К. Беррилл отмечает, что «международная торговля для них нередко оказывается гораздо дешевле и легче внутренней, а... специализация между этими странами зачастую происходит легче и раньше, чем между регионами отдельно взятой страны».²¹⁹ Это положение является верным и применительно к Европе XVI века, и на протяжении настоящего тома мы постараемся продемонстрировать, как и почему действовал данный принцип.

Резюмируем вышесказанное. В чем заключались экономические достижения XVI века и каково их объяснение? За исключением начала использования угля в качестве топлива в Англии и северной Франции, XVI столетие не было веком значительного технологического прогресса. Альфред Руперт Холл считает, что промышленность и сельское хозяйство находились «на последних этапах ряда изменений — как технологических, так и организационных», которые начались с «кризисом» XIV века. Однако, отмечает он далее, именно в XVI веке произошло «распространение технологий от центра к периферии европейской цивилизации».²²⁰

Три момента разительно отличают XVI век.

(1) Европа расширила свое пространство в пределы Американского континента. Само по себе это могло и не быть предопределяющим фактором,

²¹⁸ Талкотт Парсонс полагает, что развитие индустриализма должно было изначально происходить в капиталистической форме. Под капитализмом Парсонс понимает систему, в которой существовали «институциональные ограничения применения политической власти и которая независимо от политической структуры была способна обеспечить специфический импульс для экономического развития» (*Parsons. Structure and Process in Modern Societies*. New York: Free Press, 1960, 101–102). Согласно Парсонсу, причина этого в том, что «политическое влияние как таковое... представляется либо ориентированным на относительно краткосрочные „электоральные интересы“, либо с готовностью поддающимся традиционным стереотипам. Похоже, что на этом основании Вебер говорил об „экономически иррациональном“ влиянии политических интересов [р. 107]».

Это правдоподобное объяснение, но оно не совпадает с тем эмпирическим фактом, что роль государства в развитии капитализма была постоянной в течение всей современной истории. Парсонс упустил из виду существенную для структурной дифференциации географическую компоненту: экономическая деятельность происходила внутри всего мира-экономики, в то время как полномочия политических лидеров, если не их власть как таковая, были ограничены меньшими территориями, чем те сферы, которые были охвачены экономическими интересами. Именно эта важнейшая структурная диспропорция дала капиталистам принципиальную для них свободу действий.

²¹⁹ *Berrill, K. International Trade and the Rate of Economic Growth // Economic History Review*, 2nd ser., XII, 3, 1960, 352.

²²⁰ *Hall, Rupert A. Scientific Method and the Progress of Techniques // Cambridge Economic History of Europe / E. E. Rich and C. H. Wilson, eds., IV: The Economy of Expanding Europe in the 16th and 17th Centuries*. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, 100.

но было важным событием.²²¹ Суть этой экспансии уловил Бродель: «золото и серебро Нового Света позволили Европе жить не по средствам и вкладывать больше, чем было накоплено».²²²

(2) Чтобы вкладывать больше накопленного и увеличивать свои накопления, потребовались Революция цен и зарплатный лаг. Непринципиально, был ли наплыв драгоценных металлов в ответе за расширение производства и в какой степени демографический рост являлся причиной или следствием этого процесса, — золото и серебро сами по себе были «товаром, и общее увеличение объемов торговли лежит в основе „процветания“ XVI века, — вот факт, который не был ни игрой, ни миражом, ни денежной иллюзией».²²³

(3) Третьему радикальному изменению подверглась модель сельского труда. Это было связано с развитием на периферии мира-экономики форм принудительного труда, ориентированных на рынок, и подъемом в его центральной зоне свободных сельских производителей (йоменов). Такахаши, возможно, преувеличивает, называя последних «главной движущей силой»²²⁴ конца эпохи феодализма, однако сомнительно, что без них, равно как и без принудительного труда на рынок, капиталистическая система состоялась бы вообще.

Жан Нере критикует Добба за то, что последний в своем объяснении подъема капитализма делает акцент лишь на факторе доступности пролетарского труда. Нере, напротив, полагает, что данный фактор необходимо рассматривать совместно с движением цен в вековой перспективе.²²⁵ С другой

²²¹ «Открытие нового фронта по ту сторону Атлантики создало новые возможности и определило настроение умов, поддерживавшее веру в возможность успеха. Существовали, впрочем, не только шансы, но и конкретные люди, готовые и способные за них ухватиться... Америка вполне могла ускорить темпы прогресса (advance) Европы. Возможно даже, что без Америки этот прогресс не имел бы места. Но если принять эту крайность, то по-прежнему стоит помнить лаконичное предупреждение профессора Броделя: „L'Amérique ne commande pas seule — Командует не одна Америка“» (Elliott, J. H. *The Old World and the New, 1492–1650*. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1970, 78).

²²² Braudel. Chapters, p. 268.

²²³ Braudel and Spooner. Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, IV, p. 241–243.

²²⁴ «В качестве главной движущей силы, отменившей феодальный способ производства и владения и самым естественным образом осуществившей формирование капиталистического общества, следует рассматривать развитие мелкого и товарного производства (в роли производителей товаров здесь выступают мелкие буржуа и независимые крестьяне) и, как следствие, его экономическую „поляризацию“ между промышленными капиталистами и наемными рабочими, лишенными земли и принужденными продавать свой труд. Мы уверены, что этот тип капиталистической эволюции должен считаться классической отличительной характеристикой экономической истории Западной Европы» (Takahashi. On the 'Transition' from Feudalism to the Bourgeois Revolution // *Indian Journal of Economics*, XXXV, 140, 1955, 149–150).

²²⁵ «Г-н Добб... в качестве путеводной нити в лабиринте (*fil conducteur*) экономической истории выбирает фактор „колебаний доступности трудовых ресурсов“; безусловно, это был бы интересный феномен для изучения, если бы наш автор... почти

стороны, Бродель и Спунер предупреждают, что случайные колебания (Революция цен) можно принять за структурные изменения.²²⁶ Поэтому в точности можно утверждать лишь то, что в XVI веке начинается «капиталистическая эра»²²⁷, принимающая форму мира-экономики. Безусловно, «хрупкость этого первого всемирного единства»²²⁸ — важнейшее обстоятельство, который необходимо учитывать для объяснения политической эволюции, но факт, тем не менее, остается фактом: это единство выжило и стало консолидироваться в XVII–XVIII веках.

Одной из принципиальных особенностей европейской мир-системы XVI века было отсутствие простого ответа на вопрос, кто над кем в ней доминировал. Скажем, можно привести такой хороший пример. Нидерланды эксплуатировали Польшу посредством Гданьска, а Испания — свои американские владения, то есть центр доминировал над периферией. Однако сам центр был слишком велик. Генуэзские купцы и банкиры использовали Испанию, или это испанский империализм поглотил куски Италии? Флоренция управляла Лионом или Франция Ломбардией, или и то, и другое сразу? Как на самом деле надо описывать связи между Антверпеном (а затем Амстердамом) и Англией? Заметим, что во всех указанных случаях мы имеем дело с купеческим городом-государством, с одной стороны, и более крупной нацией-государством, с другой.

Если мы хотим распутать этот узел, нам следует рассмотреть политическую сторону дела, то есть способы, которыми различные группы стремились использовать государственные структуры для защиты и продвижения своих интересов. К этому вопросу мы теперь и обратимся.

полностью не отказался от другой нити — долгосрочного движения цен; [...] однако он не рассматривает возможность объединения этих двух подходов» (*Néré, Jean. Le développement du capitalisme // Revue historique, CCIII, janv. — mars 1950, 68*).

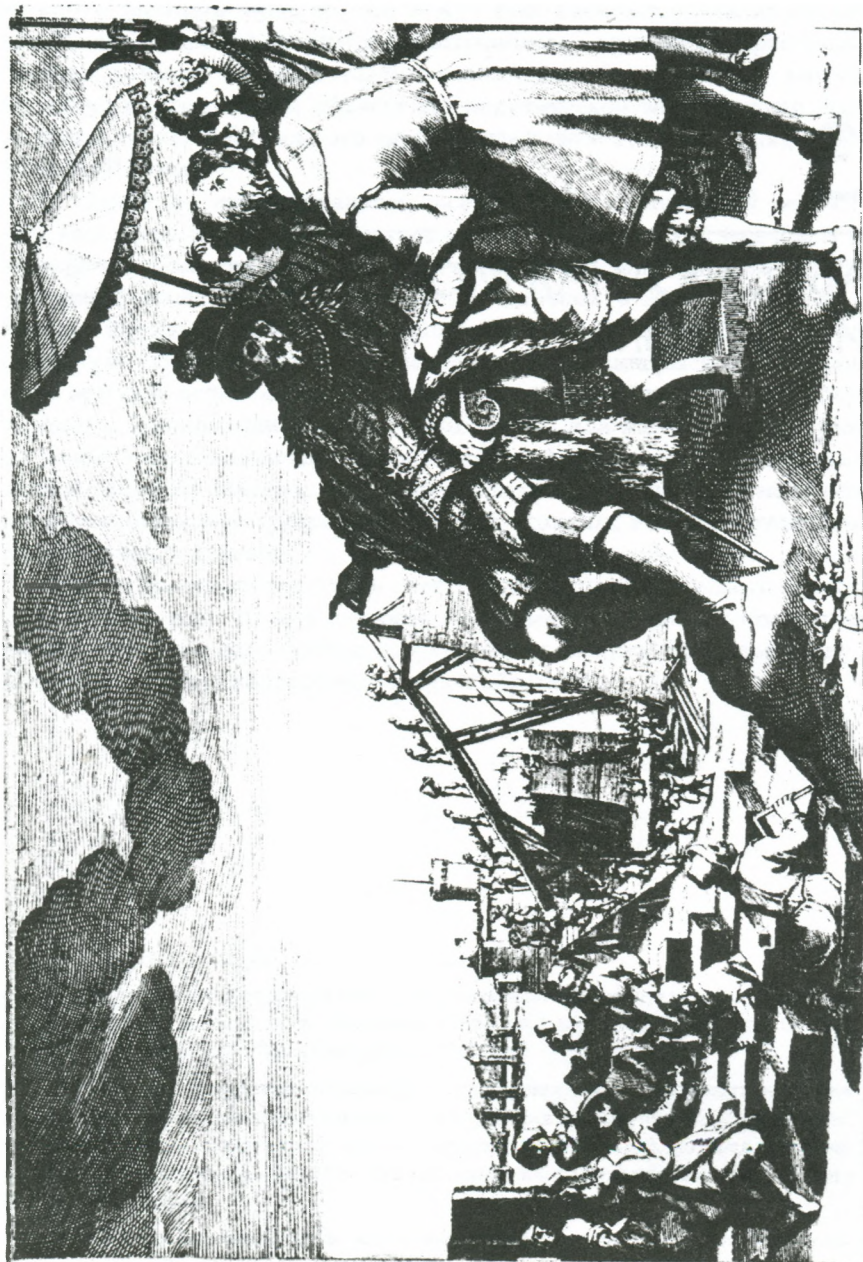
²²⁶ «Любое экономическое колебание, даже решительное, насильственное или созидательное, остается случайностью с точки зрения долгосрочной, „структурной“ истории (в данном случае речь идет о развитии капитализма), которая по своей природе превосходит случайности» (*Braudel and Spooner. Cambridge Economic History of Europe, IV, p. 450*).

²²⁷ «Хотя первые зачатки капиталистического производства sporadически встречаются в отдельных городах по Средиземному морю еще в XIV и XV столетиях, тем не менее, начало капиталистической эры относится лишь к XVI столетию» (*Маркс. Капитал, I, гл. XXIV, 728*).

²²⁸ *Braudel. Chapters, p. 285*.

3

АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ И ЭТАТИЗМ

«Великий герцог, порт Ливорно укрепивший», Гравюра Жака Калло из собрания «Жизнь Фердинанда I Медичи», великого герцога Тосканского в 1587–1609 годах. Гравюра создана между 1614 и 1620 годами

Очевидно, что подъем абсолютных монархий в Европе совпадает по времени с возникновением европейского мира-экономики. Было ли первое причиной или следствием второго? На самом деле можно привести аргументы в пользу обоих вариантов ответа. С одной стороны, экономическая база для финансирования расширяющихся бюрократических структур государства едва ли возникла бы без торговой экспансии и роста капиталистического сельского хозяйства.¹ Однако, с другой стороны, государственные структуры сами были главным экономическим основанием новой капиталистической системы — не говоря уже о том, что они выступали ее политическим гарантом. Как говорит Бродель, «возможно, сами того не желая, государственные власти оказались самыми крупными предпринимателями своего века».² Наконец, для торговцев государства были важнейшими покупателями.³

Существует ряд разноплановых дискуссий о роли государства в капиталистическом предпринимательстве. Первая из них касается пределов этой роли, вторая — воздействия государства на экономику, наконец, третья — классового содержания роли государства. Последний вопрос мы рассмотрим чуть позже. Для начала же отметим, что если в XIX веке степень государственного участия в экономике вызывает значительные разногласия, то по поводу более ранних (начиная, во всяком случае, с XVI века и, по меньшей мере, вплоть

¹ «Государство в XVI веке все более выступает в роли сборщика и перераспределителя доходов: в виде налогов, продажи должностей, через ренты, конфискации оно захватывает огромную часть „национального продукта“. Эти многочисленные источники никогда не иссякают, поскольку государственные бюджеты следуют за конъюнктурой и меняются в зависимости от колебания цен. Таким образом, развитие государства следует магистральной линии экономической жизни, и его взаимодействие с ней не является случайным или несвоевременным, как предположил с излишней поспешностью Йозеф А. Шумпетер» (Бродель. Средиземное море, II, 127).

² Там же, с. 127–128.

³ «Без прибыльного бизнеса, ставшего возможным благодаря ссудам государству, без роста налогов, без эксплуатации королевских земель, без расходов на войны и содержание двора торговый капитализм в первой половине XVI века никогда бы не продемонстрировал столь впечатляющий рост» (Hartung and Mousnier. Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, IV, p. 44).

до XVIII столетия) периодов развития мир-системы Модерна, судя по всему, практически общепринятым стало мнение, что государства были центральными экономическими акторами европейского мира-экономики.

Однако, даже признавая эту роль государства, некоторые полагают, что в ней не было необходимости и она была нежелательной. Например, Шумпетер, верный своей убежденности в большей эффективности частного предпринимательства в долгосрочной перспективе, отрицает полезность государства для бизнеса в качестве покупателя товаров или заемщика. По мнению Шумпетера, «непростительной [ошибкой] было бы думать, что без расточительности дворов правителей крестьяне и буржуа не создали бы товарной массы, эквивалентной тем средствам, которые были у них изъяты [в виде налогов]». ⁴ «Непростительной» — возможно, но «ошибкой» — вряд ли. Так ли невероятно, что крестьянин производил прибавочный продукт именно для исполнения налоговых обязательств? — ведь в противном случае он мог бы потребить его сам или вообще не производить. Всерьез ли Шумпетер допускает, что в XVI веке европейские крестьяне были полностью ориентированы на рыночную торговлю?

Шумпетер выдвигает два возражения против тезиса, что расходы королевских дворов имели решающее значение для появления института кредита. Первое состоит в следующем: любые выгоды, полученные государством благодаря развитию «механизма кредитостроения», необходимо соразмерять «с общим размером ущерба и параличом экономической деятельности, которые проистекали как из способов увеличения государственных доходов, так и из целей, на которые они направлялись*». ⁵ Данное утверждение содержит категорически противоречащий фактам довод, состоятельность которого можно оценить лишь в контексте общей аргументации нашей работы. Наша точка зрения будет заключаться в том, что формирование сильных государств в центральных зонах европейского мира было необходимой составляющей развития всего современного капитализма. Второе же возражение Шумпетера состоит в том, что обратной стороной займов дворам правителей являлись предоставляемые кредиторам экономические привилегии, которые с точки зрения интересов более широкой общественности, скорее всего, выглядели экономически необоснованными. ⁶ Несомненно, этот довод верен, но, на мой взгляд, именно это и является сущностью капитализма, а не случайным искажением его процессов. Следовательно, в действительности второй аргумент Шумпетера в значительной мере опровергает первый.

⁴ *Schumpeter, Joseph A. Business Cycles*, I, p. 236.

⁵ *Ibid.*

⁶ «Займы правителям, несмотря на обычно обещаемые последними заоблачные проценты, сами по себе редко были хорошим бизнесом. Но именно благодаря тому, что эти займы, как правило, можно было не возвращать, они же были для кредиторов основой получения ими привилегий и уступок в области торговли и производства. Эти привилегии и уступки были грандиозным деловым предприятием своей эпохи... То, что Фуггеры вознеслись до высот, никогда более не достижимых каким-либо банкирским домом, [...] во многом было следствием финансовых трудностей Карла V» (*Ibid.*, I, p. 236, сноска 1).

Выше мы уже предварительно рассмотрели различные аспекты экономического кризиса XIV–XV веков, которые внесли свою лепту в медленный, но верный рост государственных бюрократий. Мы также упомянули об эволюции военных технологий, превратившей средневековых рыцарей в архаизм и тем самым укрепившей центральную власть, которая могла контролировать большое количество пехотинцев. Главной политической целью монархов было восстановление порядка, что являлось необходимой предпосылкой экономического возрождения. Можно кратко подытожить сказанное ранее словами Леопольда Женико: «Убедительно продемонстрировав, какими бедами чревато крушение власти, смутные времена доказали необходимость централизации».⁷

Однако почему подобные политические режимы вышли на первый план именно в это время? Классический вариант ответа на этот вопрос гласит, что новые государства представляли собой центробежное явление — тот же аргумент часто используют и применительно к новым государствам XX века.⁸ Исходное устремление «восстановителей порядка» в XV веке проистекало из пресловутого «кризиса феодализма». Давление экономических трудностей на сеньоров вело к росту эксплуатации крестьян и, следовательно, к их восстаниям. По тем же причинам происходили междоусобные войны аристократов. Ослабленная знать надеялась, что короли избавят ее от угрозы еще большего беспорядка.

⁷ Genicot. Cambridge Economic History of Europe, I, p. 700. Аналогичным образом Джозеф Стрейер утверждает, что существует зависимость между крахом общественного порядка в позднем Средневековье и стремлением аристократии вновь «признать королевское первенство» в XVI веке. Он допускает, что фактор, определивший эту взаимосвязь, можно обнаружить в области изменения коллективной социальной психологии: «Сложно решить, какие факторы изменили поведение правящих классов. Некоторые их представители, особенно менее крупные землевладельцы, страдали от внутреннего насилия не меньше, чем бедняки, и, подобно последним, жаждали мира и безопасности. Некоторые аристократы осознали, что наибольшие выгоды для них сулит экономическое оживление, которое начиналось с поддержки стабильного правительства. Других же мог впечатлить крах большинства революций конца XV века» (Strayer. On the Medieval Origins of the Modern. State Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1970, 91).

⁸ Мунье говорит о Западной Европе XVI века, что «необходимость сильного [централизованного] государства исходит из самого взаимного расположения наций [т. е. государств]. Последние предстают как конгломерат территориальных сообществ, провинций, самоуправляющихся областей (*païs*), муниципалитетов, деревенских сообществ и корпоративных структур, например, орденов, . . . чиновничьего корпуса, университетов, гильдий... Король должен был [курсив наш — И. В.] обладать достаточной силой, чтобы разрешать их конфликты и координировать их деятельность с целью всеобщего блага. Вместе с тем такое разделение давало ему возможность играть на противоречиях между частями целого» (Mousnier. Le XVIe et XVIIe siècles, p. 97).

Почему «должен был»? Функциональное объяснение редко решает проблему происхождения какого-либо явления, потому что возможно не только представить функциональные альтернативы, но и невозможность удовлетворить функциональную потребность часто оказывается не просто потенциальной случайностью, а крайне вероятным обстоятельством. Поэтому на какое-то время воздержимся от суждений о «причине».

Короли же воспользовались этими обстоятельствами для увеличения собственного богатства и своей власти над самой знатью. Такова была цена обеспечения безопасности, которую Фредерик Лейн называет королевской «протекционной рентой». Лейн напоминает, что данная рента была в это время и «главным источником успеха в торговле, [и] более важным источником прибыли, [...] чем превосходство в технологиях производства или способах его организации».⁹

Конечно, усиление монарха было не просто следствием сложившихся возможностей, но также и результатом тех затруднительных обстоятельств, в которых он сам находился. Шмуэль Эйзенштадт утверждает, что так называемая «бюрократическая политика» появляется в тот момент, когда «политическая власть больше не могла полагаться на средства, доступные исходя из ее собственных ресурсов (например, королевский домен) или безоговорочной лояльности других групп...»¹⁰ Но существовала ли когда-нибудь эта безоговорочная лояльность? Что же касается доступности ресурсов, то сам факт, что личных ресурсов монархов не хватало для достижения их целей, был следствием того, что эти цели стали более амбициозными. Иными словами, следует рассмотреть обстоятельства, под давлением которых правители стали стремиться к реализации именно таких целей.

Первая гипотеза принадлежит Арчибальду Льюису, связывающему этот процесс с доступностью земельных ресурсов: «Когда... суверен раздает все свободные земли и у него ничего не остается, необходимо начинать вводить налоги, тем самым возвращая в иной форме то богатство, которым он ранее щедро делил своих людей».¹¹ Данная потребность в национальном налогообложении не вела непосредственно к «абсолютизму» — скорее суверену необходимо было создавать парламентские институты, чтобы добиваться содействия знати процессу налогообложения, но лишь «до того момента, пока правитель не ощущал себя достаточно сильным, чтобы обойтись без такого содействия».¹² Дobb подчеркивает другой момент, рассматривая в качестве причины давления, которое испытывает монарх, не дефицит земли, а «нехватку труда». Рост государственного аппарата как раз и служил для обеспечения «контроля над рынком труда».¹³

⁹ См. Lane. *Venice and History*, pp. 421–422.

¹⁰ Eisenstadt, S. N. *Political Structures in Bureaucratic Societies* // *World Politics*, IX, 1, Oct. 1956, 17.

¹¹ Lewis, Archibald. *Speculum*, XXXIII, p. 483.

¹² Эдуард Миллер: «Попытка учреждения всеобщего прямого налогообложения начиная с XIII века была одной из важнейших причин появления вслед за этим представительных органов, где собирались вместе разные группы налогоплательщиков в лице их поверенных или делегатов» (Miller. *Fontana Economic History of Europe*, I, p. 14).

¹³ Dobb. *Studies*, p. 24. Дobb становится на странную для марксиста либеральную позицию, противопоставляя «государственное вмешательство» и «свободу» как два способа политической организации внутри капиталистических обществ, чередование которых обусловлено разной степенью нехватки трудовых ресурсов. «Свобода при капитализме более всего расцветает в момент, когда вследствие переизбытка пролетариата способу производства ничего не угрожает. Узаконенное принуждение выходит

Из этого анализа может следовать вывод, что если экономический кризис вел к усилению власти монархов, то экономическая экспансия XVI века должна была привести к противоположному результату. Как мы увидим, в определенной мере все так и было. «Первый» XVI век не стал временем сильных государств — напротив, это была эпоха имперских устремлений, о которых мы еще будем говорить в следующей главе. И вплоть до «падения империй», которое нам также предстоит рассмотреть ниже, сильные государства не выдвигались вновь на первый план. Фактически лишь XVIII столетие историки будут рассматривать как «век абсолютизма».¹⁴

Тем не менее, в действительности на протяжении эпохи Модерна, несмотря на эти отклонения от основной линии, мы сталкиваемся с постоянным ростом могущества государства. Представляется, что для капиталистического мира-экономики требовался этот вековой процесс нарастающей централизации и внутреннего контроля — по крайней мере, в пределах государств центра, — и сам капиталистический мир-экономика этому процессу способствовал.

Каким образом усиливались монархии — те самые люди, которые руководили государственным аппаратом в XVI веке? Они использовали четыре главных механизма: бюрократизацию, монополизацию силы, легитимацию и гомогенизацию подвластного населения. Рассмотрим каждый из них по очереди.

Если король становился сильнее, то это, безусловно, происходило потому, что в его распоряжении оказался новый механизм — корпус постоянных и зависимых от него чиновников.¹⁵ Конечно, в данном отношении Европа всего

на первый план, когда есть конкуренция за рабочие руки и капиталистический способ производства становится менее стабильным и менее прибыльным источником дохода на вложенный капитал [pp. 24–25]».

¹⁴ См., например: *Beloff, Max. The Age of Absolutism, 1660–1815. New York: Harper, 1962.*

¹⁵ «Что же тогда объясняет различие между *действительным* абсолютизмом XVI века и *теоретическим* абсолютизмом средних веков (который никогда не был не то что действительным — его нельзя назвать даже краткосрочным, непродолжительным и переходным)?

Ответ следует искать в усилении и увеличении полномочий нового органа внутренней структуры государства — корпуса „общественных служащих“, „чиновников“ короля или государя, ныне называемых нами „бюрократией“, которые выдвинулись на передний край общественной жизни, участвуя в повседневных заботах государства, прежде всего в его иностранных делах» (*Chabod. Actes du Colloque*, pp. 63–64).

Эдуард Перруа утверждает, что этот процесс начался во Франции не позднее XIII века: «Расширение личной власти французского короля — как сеньориальной, так и феодальной, вело к развитию [центральных] органов государственного управления...

[В] последней четверти XIII века природа королевской власти, не встречавшей ограничений для дальнейшего усиления, стала трансформироваться под влиянием двух факторов. Первым из них была идея абсолютизма публичной власти [суверенитета]... Вторым, равнозначным, — влияние людей короля, численность которых сильно выросла вместе с усложнением администрации и неуклонным распространением грамотности: вступал в жизнь новый класс, класс агентов власти — людей закона и пера... В результате именно в этот момент корпус правительственных чиновников —

лишь догоняла Китай, поэтому очевидно, что появление бюрократической структуры европейских государств само по себе не может стать точкой отсчета для великой трансформации XVI века, а еще менее может ее объяснить. Однако развитие государственной бюрократии было ключевым фактором, поскольку именно этому процессу суждено коренным образом изменить правила политической игры: начиная с этого момента стало невозможным легкое принятие решений в экономической политике без их прохождения через государственную структуру. Это означало, что теперь энергия представителей всех слоев населения в значительной мере должна быть направлена на завоевание политической власти. Конечно, речь по-прежнему идет о периоде, когда бюрократия была относительно малочисленной, особенно в сравнении с современной Европой.¹⁶ Однако на фоне позднего Средневековья различия в размерах и структуре государственного аппарата даже в эту эпоху все же представляли собой качественный скачок.

Как монарх получал этих людей в свое распоряжение? Он их покупал. Проблема короля была не в том, что у него не было агентов, — и раньше существовали лица, осуществлявшие в государстве административные и военные функции. Но в прежние времена они по большей части не были *зависимы* от монарха, в связи с чем не были обязаны осуществлять его распоряжения, если последние противоречили как их собственным интересам, так и интересам их статусной группы или семьи. Монарх, как правило, предлагал стать наемными работниками, занятыми на его службе все свое время, людям «скромного происхождения».¹⁷ Основной институт, благодаря которому это стало возможным, известен как «продажа должностей». В отличие от того случая, когда бюрократия основана на принципах финансовой незаинтересованности и равнодоступности рекрутирования в ее ряды, данный способ пополнения государственного аппарата, безусловно, подчеркивает *ограниченность* королевской власти и допускает, что государственные доходы будут преимущественно направлены на растущие выплаты этой купленной бюрократии. Однако в сравнении с предшествующей феодальной системой продажа должностей сделала возможной относительное верховенство самой государственной системы. Как утверждают Хартунг и Мунье, «несмотря на неприглядную наружность, продажа должностей чаще всего была выгодна для абсолютного монарха».¹⁸

коллективный депозитарий власти, который теперь мог развиваться сам по себе, — стал затмевать королевскую персону...» (Perroy. *Le Moyen Age*, pp. 372–373).

¹⁶ «Наружность гигантской государственной машины может быть обманчивой. Сравнивая государства XV и XVI веков, мы видим, что они стали непомерно велики. Однако все относительно. Если представить себе современные государства с их огромным числом служащих, число чиновников XVI столетия покажется ничтожным» (Бродель. *Средиземное море*, II, 486–487).

¹⁷ Там же, с. 476.

¹⁸ «Именно это позволило испанским королям привести под свою протекцию муниципалитеты, а во Франции дало Людовику XII, Франциску I и Генриху II, Генриху IV и Людовику XIII столь мощные рычаги влияния на двор и гильдии...

Монарх делал свой политический выбор из реалистичных альтернатив. Для создания рациональной бюрократии государству требовался иной надежный источник начального капитала, нежели те средства, которые принесла бы продажа должностей самой бюрократии. К. У. Суорт предполагает, что монархам XVI века, в отличие от государств более поздних эпох, не доставало возможности «выпускать займы без передачи кредитору отдельной части своих доходов** в качестве гарантии обеспечения процента по кредиту».¹⁹ Тем самым монархи попадали в замкнутый круг, поскольку для появления этой возможности им сначала нужно было создать более сильный государственный аппарат. Продажа должностей имела два преимущества: она обеспечивала королевской казне немедленный доход и управленческий персонал. Разумеется, все это шло рука об руку с превращением чиновников, купивших свои должности, в корпорацию с собственными интересами.²⁰ Конечно, указывает Рихард Эренберг, продажа должностей создает «порочный круг», в котором растущая бюрократия съедает доходы и создает долги, и это ведет к ещё большей потребности государства в налогах.²¹ Весь фокус состоял в том, чтобы превратить этот круг в восходящую спираль, в рамках которой бюрократия могла бы достаточно эффективно выжимать из населения больше средств, чем стоило содержание самого аппарата. Некоторые государства в этом преуспели, другие — нет, и ключевым фактором различия между ними была позиция того или иного государства в мире-экономике.

Эта восходящая спираль действовала примерно следующим образом. В позднем Средневековье монарх путем экономического нажима на знать получил кратковременное превосходство, благодаря которому возникли средства, позволившие начать «закупку» бюрократии. В свою очередь, это позволило собирать больше налогов и делать больше займов. В тех зонах мира-экономики, которым экономическая трансформация обеспечивала непропорционально

Лишь после войны за Австрийское наследство [1748*] продажа должностей... стала невыносимым для общества явлением...» (*Hartung and Mousnier. Relazioni del X Congresso*, IV, p. 48).

¹⁹ Swart, K. W. *Sale of Offices in the Seventeenth Century*. The Hague: Nijhoff, 1949, 117.

²⁰ «Вместе с формированием регулярного налогообложения в монархиях растет роль государственных финансовых чиновников. Последние по мере развития системы продажи должностей умножаются, организуются, вступают в связи, что ведет к расширению сферы их полномочий и обеспечивает им дальнейшие выгоды» (*Pagès, G. Essai sur l'évolution des institutions administratives en France du commencement du XVIe siècle à la fin du XVIIe // Revue d'histoire moderne, n.s., No. 1, janv. — fevr., 1932, 26*).

²¹ «Чрезмерная задолженность части правителей объяснялась условиями, которые мы наблюдали. Эти долги не могли появиться без системы откупа налогов или залога кредиторам отдельных источников дохода. Это вело к ужасающей деградации финансовой системы, неизбежной при сохранении данных методов расчетов с кредиторами, что, в свою очередь, способствовало непрерывному накоплению долгов» (*Ehrenberg, Richard. Capital and Finance in the Age of Renaissance*. New York: Harcourt, 1928, 39).

большую долю совокупного прибавочного продукта мира-экономики, государствам были обеспечены более легкий сбор налогов и получение займов, что явно отражало уверенность в будущем групп, обладавших деньгами. Государства использовали свои возросшие доходы, для того чтобы нарастить мощь своего принуждения, которая, в свою очередь, повышала то, что можно назвать «уверенностью государства в собственном потенциале принуждения».

Все это сделало возможным появление национального долга, то есть дефицита государственных бюджетов. В античном мире национальный долг был неизвестен, а в средние века невозможен из-за слабости центральных правительств и неопределенности в порядке наследования. С данным экономическим явлением мы впервые встречаемся только во Франции XVI века, во времена правления Франциска I.²² Дело в том, что национальный долг может существовать лишь тогда, когда государство способно вынудить кредиторов обождать с его возмещением или же (в благоприятные для этого моменты) может вовсе отказаться его выплачивать, одновременно заставляя некоторые группы одалживать ему существующий избыточный капитал в наличных деньгах или с помощью различных бумажных транзакций. Этот процесс оказывается составным элементом движения в сторону увеличения доходов короны, которой требовались деньги для построения государственного аппарата и которая имела достаточно сильный государственный аппарат, для того, чтобы эти деньги получить. Данная система еще не являлась меркантилизмом, то есть политикой укрепления долгосрочной налоговой базы государства — это был в большей степени, используя термин Мартина Вольфе,²³

²² См. *Hamilton, Earl J. Origin and Growth of National Debt in Western Europe // American Economic Review, XXXVII, 2, May 1947, 118–130.* Это утверждение верно, если мы говорим о современных государствах. В действительности, как и в случае с большинством явлений эпохи Модерна, у института государственного долга был свой предшественник в итальянских городах-государствах эпохи Возрождения. Марвин Б. Бекер прослеживает рост государственного долга во Флоренции с «пустяковой суммы» в 1303 году до 1427 года, когда размер долга стал примерно равен совокупному состоянию ее населения. См. *Becker. Economic Change and the Emerging Florentine Territorial State // Studies in the Renaissance, XIII, 1966, 7–9.*

²³ *Wolfe, Martin. Fiscal and Economic Policy in Renaissance France // Third International Conference of Economic History. Munich 1965 (Paris: Mouton, 1968), 687–689.* Фернан Бродель: «Начиная с XVI века, с присущим этой эпохе обновления блеском, государства — по крайней мере, те, которым суждено выжить, процветать и в особенности противостоять изматывающей дороговизне войны на суше и на море, — государства улавливают экономику в свои сети: они доминируют в экономической сфере, деформируют ее в своих интересах и подчиняют целому ряду ограничений. Есть большое искушение объяснять всё желаниями и слабостями государств, непостоянством их игр, хотя историю никогда нельзя понять лишь с одной стороны. Тем не менее, существенные аргументы свидетельствуют в пользу того, что определенный сектор экономики, который в тот момент был наиболее модернизирован и который мы с готовностью определяем как действующий в рамках крупного торгового капитализма, был связан с финансовыми взлетами и падениями государства, стимулировался государством и пользовался его спросом, а затем на долгое

«фискализм», или же политика, направленная на увеличение текущих доходов государства.

Тем не менее, в этот момент времени *отсутствие* серьезного государственного финансового аппарата по-прежнему было острой проблемой, оставшейся, в сравнении с более поздними государствами, по словам Броделя, «еще одним признаком слабости» государства XVI века.²⁴ Но всё же слабость государства в сфере финансовых манипуляций не умаляет тот факт, что национальные долги отражали рост автономных интересов государств как экономических акторов, имевших при этом специфические возможности для достижения своих экономических целей.

С того момента, когда благодаря появлению избыточных денежных средств снизилась стоимость административного аппарата, необходимого для сбора налогов, возможно, наиболее важной статьёй расходования этого излишка стало создание постоянных армий. И здесь путем, по которому исходно шло государство, чтобы получить людей, была их закупка: солдаты «на продажу» стали обратной стороной «покупных» должностей.

Кого же можно было приобрести на этом рынке? Далеко не каждого, поскольку наемничество было опасным, хотя при случае и прибыльным делом. Вообще говоря, оно не было занятием по призванию: кто мог найти лучшее дело, с готовностью расставался с карьерой наемника. Следовательно, наемничество было занятием, обусловленным географически и социально, т. е. неотъемлемой частью нового европейского разделения труда.

Как мы уже отмечали, увеличение населения в Западной Европе вело к распространению «бродяжничества». Кроме того, везде происходил рост «люмпен-пролетариата». И то, и другое было угрозой еще не слишком стабильному порядку новых государств. Включение части этих маргинальных элементов социума в состав армий выполняло различные функции. Одним представителям «люмпен-пролетариата» таким способом обеспечивали занятость и использовали эту группу для подавления других.²⁵ Кроме того, у монархов

время оказался парализован неумеренными аппетитами государства и неизбежной бесплодностью его чрезмерных расходов. Эти великие силы истории — неумеренность appetitов и неэффективность — сыграли свою роль в том, что мы назвали бы неудачей (*repli*) XVI века» (*Braudel. Le pacte de recours au service du roi d'Espagne et des preteurs à la fin du XVI siècle // Studi in onore de Armando Saporì. Milano: Istituto Edit. Cisalpino, 1957, II, 1115*).

²⁴ «Другим признаком слабости больших государств было отсутствие тесной связи с массой налогоплательщиков, а следовательно, и невозможность полноценного использования получаемых от них доходов; отсюда серьезные фискальные и, соответственно, финансовые затруднения. Если не считать упомянутых нами итальянских исключений, в конце XVI века государства не располагают ни казначействами, ни собственными банками» (*Бродель. Средиземное море, II, 489*).

²⁵ Фриц Редлих указывает, что существовало два типа наемников. Разумеется, среди них были и личности без роду-племени, на языке тех времен — *fahrendes Volk*, бродячие люди. Кроме того, в Швейцарии и Германии существовала более оседлая разновидность наемников, которые «сохраняли связи со своими сообществами». Они напоминали

появлялось новое орудие — как для контроля, так и для поддержки феодалов. Виктор Г. Кирнан отмечает, что множество наемников вышло из «менее развитых» уголков Западной Европы: из Гаскони, Пикардии, Бретани, Уэльса, Корсики, Сардинии, Далмации. «В целом поразительно большое количество районов вербовки наемников находилось в гористых областях на окраинах Европы, населенных людьми нетитульных наций типа кельтов или басков».²⁶ А в первую очередь наемников, судя по всему, поставляла Швейцария.²⁷

Кирнан утверждает, что в XVI веке такая модель формирования наемных армий была не только прямым способом предотвращения социального взрыва²⁸, — существовал и другой аспект этого явления, трудно уловимый,

милиционное войско, созываемое при необходимости (*Rendell. The German Military Enterpriser and His Work Force, I, Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, Supp. No. 47, 1964, 115–117*).

²⁶ *Kiernan, V. G. Foreign Mercenaries and Absolute Monarchy // Past & Present, No. 11, April 1957, 70.*

²⁷ «Во Франции, пример которой оказался решающим для Европы, Людовик XI ввел систему, которой суждено было дожить вплоть до [Великой Французской] революции, когда в 1474 году король по соглашению со швейцарскими кантонами завербовал их наемные войска. С тех пор Швейцария, всегда расположенная под рукой, была для французских королей тем же, чем Уэльс был для английских [*Ibid.*, p. 72]».

Оттон Ласковский приписывает популярность швейцарских наемников их компетенции в военном деле. См. *Laskowski. Infantry Tactics and Firing Power in the XVth Century // Teki Historyczne, IV, 2, 1950, 106–115.*

Наемники становились все более востребованными Францией, поскольку французская пехота в то время «слагившись» своей слабой боеспособностью. Согласно сэру Чарльзу Оману, объяснялось это тем, что, «в отличие от регулярных соединений швейцарцев, местные соединения всегда собирались наспех и распускались, когда кризис миновал» (*Oman. A History of the Art of War, p. 45*). Тогда следует спросить, почему французскую пехоту распускали быстрее, чем где бы то ни было. Ответ столь же ясен, сколь недостоверен сам факт. Однако если он на самом деле имел место, то это еще один признак нелегкой борьбы французской монархии за создание сильного государства.

²⁸ «Таким образом, европейские государства очень рассчитывали на иностранных наемников. Одна из задач, для выполнения которой они особенно хорошо подходили, было усмирение мятежных подданных, и в XVI веке — в эту эпоху эндемичной революции — наемников часто призывали именно для этой цели. „Где мои швейцарцы?“ — это был возглас многих встревоженных монархов*, не только шекспировского Клавдия... Если во главе мятежников стояли люди с деньгами, то восставшие могли вербовать собственных наемников... Однако в целом правительства в этой игре могли предложить более высокую цену, чем мятежники» (*Kiernan. Past & Present, No. 11, pp. 74–75*).

Существовал и еще один момент, благодаря которому использование наемников сдерживало социальный взрыв — оно ограничивало опустошения от военных действий. Оман указывает, что если наемникам не платили, то они просто уходили прочь. Это имело прямое воздействие на военную тактику: вместо фронтального нападения и использования военного превосходства нередко более успешной оказывалась игра на выжидание. Видя «признаки нужды в лагере неприятеля», военные командиры зачастую просто пускали ситуацию на самотек, поскольку «еще несколько недель лишений — и противника уничтожит банкротство» (*Oman. A History of the Art of War, p. 38*).

но не менее важный, если помнить, что в нашем исследовании речь в первую очередь идет о мире-экономике:

«Страны, ставшие источником пополнения наемных армий, в сравнении со своими соседями пребывали в состоянии политической стагнации (например, как это длительное время происходило в Непале и Пенджабе, двух крупных центрах вербовки наемников для Британской армии). Трехвековой симбиоз с деспотической Францией имел плохие последствия для Швейцарии. Кантональные политики были коррумпированы благодаря поступлениям от продажи лицензий на экспорт солдат, а патрицианские круги наращивали свою мощь в ущерб простым людям... Как пришлось с горечью заметить Альфиери, эти свободные горцы стали главными сторожевыми псами тирании. Если бы в 1524 году, когда в Германии разразилась крестьянская война, швейцарцы по-прежнему, как и за 50 лет до этого, были революционной силой*, европейская история могла принять иной оборот».²⁹

В большинстве случаев для вербовки наемников даже не требовалось прямого участия государства. Это было не под силу существовавшему государственному аппарату — вместо этого государство заключало контракты с «военными предпринимателями», которые стремились к прибыли. Редких сомневается, что это был оптимальный способ накопления капитала, поскольку, даже если прибыль в этой сфере была «экстраординарно высокой, [...] то расходы, как правило, также были огромными».³⁰ Однако в данном случае перед нами еще одно доказательство того, как государственное строительство способствовало подъему капитализма. По крайней мере, в краткосрочной перспективе «в обществах с хроническим недоиспользованием ресурсов рост военных расходов часто стимулировал производство большего количества продукции других отраслей, так что прибыли во время войн росли».³¹ Однако торговля и производство были не просто вовлечены в военное предпринимательство — это была еще и система, порождавшая кредит. Дело в том, что у банкиров брали займы не только правители, но и военные промышленники, чей капитал поддерживался крупными торгово-банковскими домами, например, Фуггерами, и так будет продолжаться вплоть до Тридцатилетней войны.³²

²⁹ Kiernan. Past & Present, No.11, p. 76.

³⁰ Redlich. Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, p. 401.

³¹ Фредерик Лейн приписывает эту точку зрения Хротгару Джону Хабаккуку, добавляя следующее замечание: «Однако нельзя ли утверждать, что в длительной перспективе, при прочих равных условиях общество, способное достичь высокого уровня использования ресурсов только путем высоких военных расходов, производит меньше прибавочного продукта, чем если бы оно было способно выйти на тот же уровень при меньших военных расходах?» (Lane. Venice & History, p. 422, сноска 11). Конечно, это так, но проблема заключается в последнем «если».

³² См. Redlich, Fritz. Military Entrepreneurship and the Credit System in the 16th and 17th Centuries // Kyklos, X, 1957, 186–188.

Наконец, наемные армии не только обеспечивали занятие беднякам и возможности предпринимателям — армии еще нужно было кормить. Обычно торговцы провизией сопровождали армию в поле, также выступая посредниками при сбыте награбленной добычи.³³ Алан Эверитт считает, что в тюдоровской Англии снабжение армии было основным стимулом для региональной специализации производителей хлеба³⁴ и даже стимулировало экспортную торговлю.³⁵ Все это становится еще более достоверным, если принять в расчет, что государство также ощущало ответственность за то, чтобы его растущая бюрократия была достаточно обеспечена продуктами.³⁶ Таким образом, капиталистическая экспансия стала удовлетворять краткосрочные потребности государства.

Как и в случае с гражданской бюрократией, перед монархом возникала дилемма. Военный предприниматель был необходимым придатком в процессе обретения монархом власти, но в то же время ему доставалась приличная доля королевских доходов. Несомненно, что такой предприниматель был более надежным агентом правителя, нежели вассал-аристократ, но в конечном итоге он также преследовал прежде всего свои собственные интересы. И горе тому государю, которому было нечем платить!³⁷ Однако степень вероятности такого сценария, опять же, напрямую зависела от роли государства в мире-экономике.

³³ См. *Redlich*. Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, Suppl. No. 39, pp. 49–50.

³⁴ См. *Everitt, Alan*. The Marketing of Agricultural Produce // The Agrarian History of England and Wales, IV: 1500–1640 / Joan Thirsk, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, 521–522.

³⁵ «Английские фермеры, которые в военное время увеличили производство либо расширили свои поля, чтобы удовлетворять нужды армии Тюдоров, обнаружили, что после восстановления мира они оказались обремененными существенными излишками своей продукции. По всей видимости, военный опыт подсказал им целесообразность выхода на европейские рынки, так что теперь эти излишки пригодились не английскому солдату, а французскому или фламандскому ремесленнику [Ibid., p. 524]».

³⁶ «Создание специализированных штатов правительственных служащих (к которым, несомненно, следует относить и постоянные армии) умножало число голодных ртов, за которые правительство несло прямую ответственность» (*Tilly, Charles*. Food Supply and Public Order in Western Europe; *Tilly, Charles & Ardant, Gabriel*. The Formation of National States in Western Europe. Princeton, N. J. Princeton University Press, 1975. Цит. по мимеографической версии, p. 20. См. тж. pp. 36–40).

Жлиффорд С. Л. Дэвис: «Мало какая проблема из тех, с которыми сталкивались государства в доиндустриальную эпоху, была столь же сложной, как обеспечение достаточного питания для полевой армии» (*Davies, C. S. L.* Provisions for Armies, 1509–50: A Study in the Effectiveness of Early Tudor Governments // *Economic History Review*, 2nd ser., XVII, 2, 1964, 234).

³⁷ «В действительности самым значительным риском главнокомандующего было то, что военный предприниматель, а заодно и его рабочая сила — наемники, могли поживиться за счет политических целей своего господина. Неоплатой поставок или просрочкой платежей по долгам (обычное дело для военного предпринимательства и, в свою очередь, главный риск этого предприятия) военачальник подвергал себя риску проиграть войну, которую в его интересах вели оставшиеся без оплаты военный

В любом случае армии в определенной степени окупали себя, потому что они давали возможность собирать больше налогов. Поскольку «бремя [этих налогов] почти целиком падало на народ, особенно на сельских жителей»,³⁸ люди роптали и по мере сил бунтовали.³⁹ Тогда для подавления этих мятежей использовались войска — опять-таки, в пределах их возможностей. Наиболее сложной в плане противодействия со стороны государства и оттого доступнейшей формой сопротивления был бандитизм, заниматься которым было тем легче, чем более гористым являлся тот или иной регион.⁴⁰ За исключением центральных областей, государственная полиция была все еще слишком слабой, чтобы эффективно противостоять этому явлению, и бандитизм нередко оказывался существенной составляющей сопротивления ряда старинных сеньоров новым государствам.⁴¹

Несомненно, отмечает Жан Делюмо, «бандитизм зачастую был формой мятежа деревни против города».⁴² Но кто именно занимался этим в деревне и самое главное — когда? Очевидно, что участие крестьян в разбоях в значительной степени было связано с нехваткой хлеба.⁴³ Конечно, если бунт начинался

предприниматель и его работники» (*Redlich. Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, Suppl. No. 39, p. 69).

³⁸ *Genicot. Cambridge Economic History of Europe*, I, (1966), p. 700.

³⁹ Бродель отмечает, что в первой половине XVI века наблюдалось особенное оживление социальных движений, но затем, с 1550 по 1600 годы, было довольно спокойно. Бродель комментирует это обстоятельство следующим образом: «Можно выдвинуть предположение, ... что приглушенный голос народа и умеренность его выступлений в эпоху Филиппа II объясняются устойчивостью тогдашних государств» (*Бродель. Средиземное море*, II, 552).

⁴⁰ «В конце XVI века перенаселенность и стесненные условия жизни в средиземноморских горах приводят к взрыву. Повсеместная освободительная война сливается в наших глазах и отходит на второй план по сравнению с той формой замаскированной и нескончаемой социальной войны, которую определяют как разбойничество, понятие на редкость размытое. Альпы и Пиренеи, Апеннины или другие христианские или мусульманские горы имеют общую судьбу, которая прочитывается в истории огромных горных цепей, овеванных дыханием окружающего моря» (*Бродель. Средиземное море*, I, 116–117).

⁴¹ «За корсарами (*la course maritime*) стояли приморские города, государства. За сухопутными корсарами, разбойниками (*la course terrestre*), стояли сеньоры, постоянно помогавшие им в их неприкаянной жизни. Настоящие благородные господа часто направляли или руководили непосредственно или издали деятельностью разбойничьих шаек.

Но не будем чрезмерно упрощать, многоликий и неоднозначный феномен разбойничества мог использоваться одними представителями знати и одновременно обращаться против других, [...] поскольку феномен разбойничества был связан не только с кризисом определенной прослойки знати, он затрагивал и крестьян, и народ» (*Бродель. Средиземное море*, II, 565, 567–568).

⁴² *Delumeau. Vie économique*, II, p. 547.

⁴³ См. *Ibid.*, II, pp. 543, 546–547, 608, 625.

именно по этой причине, то в нем участвовали самые бедные, но если рассматривать бандитизм как социальное движение, особенно в Средиземноморье, то его ядро составляла не беднота. Более заметно в этом движении было появление йоменов, для которых бандитизм в конце XVI века стал формой протеста против происходившей «рефеодализации» и превращения их стран в полупериферию.⁴⁴ Особенно широко в этих странах в участие в бандитизме были вовлечены мелкие предприниматели типа южноитальянских *массари*, у которых было меньше возможностей справляться с плохими урожаями, чем у крупных землевладельцев. Эти мелкие земледельцы боялись стремительного падения вниз по социальной лестнице до уровня деревенской бедноты и поэтому нанимали разбойников против крупных помещиков, в которых они видели своих непосредственных врагов.⁴⁵

Еще одним элементом, вовлеченным в бандитизм, была определенная группа знати, но, опять-таки, какая? Представляется, что это были аристократы, на чье положение негативно воздействовали экономические сдвиги. Говоря о наемниках, мы указали, что увеличение населения совместно с давлением, вызванным распространением огораживаний различных типов, создали проблему бродяжничества, поэтому рост наемных армий, наряду с решением иных задач, обеспечивал трудоустройство многим из этих «бродяг», чтобы удерживать под контролем остальных. Наемные армии усиливали власть правителей. Помимо этого, они ослабляли традиционную знать — не только потому, что такая армия была силой, достаточно мощной, чтобы навязать королевскую волю, но и потому, что она создавала определенный вакуум занятости для мелкой аристократии.⁴⁶ Конечно, во многих местах для обедневших рыцарей

⁴⁴ Розарио Виллари разъясняет влияние аграрного упадка на южную Италию: «Сельская местность на юге страны, не затронутая волнами крестьянских мятежей, сопровождавших распространение протестантской Реформации, оказывала противодействие еще более подчеркнутому восстановлению феодальных земельных повинностей и одновременному усилению церкви в ходе ее экономической и финансовой реорганизации. Важно то, что участниками данного движения были не бедняки, а группы, принимавшие участие в сельском управлении и организации деревенского социума.

Это были *массари* — аграрные предприниматели, полукапиталистические организаторы производства хлеба. В деревне эта группа была той силой, которая смогла извлечь прибыль из долгосрочной благоприятной конъюнктуры XVI века, частично пожав плоды снижения заработков и получив косвенное преимущество от финансового кризиса аристократии и развития городской буржуазии. В тот момент эту группу составляли наемные работники, мелкие или средние собственники, сельскохозяйственные предприниматели. Полностью отличаясь обликом от богатой буржуазии, *массари* выполняли в Неаполитанском королевстве важнейшую организационную функцию в сферах первичного производства и пастбищного хозяйства» (Villari. La rivolta antispaagnola a Napoli: Le origini (1581–1647). Bari: Laterza, 1967, 61).

⁴⁵ Ibid., pp. 61–62.

⁴⁶ Георг Руше и Отто Кирххаймер проследили последствия такой ситуации: «Масса дешевых наемников устранила необходимость в рыцарях и стоила последним важной части их доходов. Некоторые из них, особенно рыцари низших рангов, пострадали вдвойне, поскольку из-за истощения земли и усилившегося обнищания крестьян

существовали альтернативы. Они, например, могли поступить на службу к монарху. Кроме того, там, где последний усиливался, заниматься бандитизмом становилось труднее. Однако в местностях, где власть государя была слабой, данное обстоятельство делало бандитизм более выгодным занятием, тем более что в этих регионах альтернативная ему государственная служба была менее доступна. В этом смысле распространение бандитизма, по существу, являлось скрытым опосредованным требованием аристократии усилить государство, а не способом прибегнуть к «традиционному» сопротивлению. Это была форма оппозиции — в ряде случаев даже «крупнейшая оппозиционная сила королевства»,⁴⁷ но это была системная оппозиция, находившаяся *внутри* структуры современного государства.

Исходя из этого, было бы серьезной ошибкой рассматривать бандитизм как форму традиционной феодальной оппозиции государственной власти.⁴⁸ Бандитизм являлся следствием непропорционального роста государственной власти, неспособности государства противодействовать неурядицам, вызванным экономической и социальной нестабильностью, и нежелания обеспечить большее равенство в распределении благ в период инфляции, роста населения и нехватки продовольствия. В некотором смысле бандитизм был порождением самого государства, лишившего определенную часть аристократии ее традиционных прав (а, следовательно, и источников ее богатства), а часть крестьян — их продукции с целью прокормить новое чиновничество. Кроме того, причиной бандитизма было то, что само государство создавало высокую концентрацию богатства и от этого возникало еще большее искушение овладеть его частью. Итак, бандитизм был симптомом неравномерных социальных сдвигов, происходивших благодаря колоссальным экономическим перестановкам в ходе создания европейского мира-экономики.

Стабильность политических организмов всегда напрямую зависит от достигаемой ими легитимности, даже если эта легитимность неполная. Если процесс легитимации рассматривать почти исключительно как отношения государства и массы населения, то в таком анализе будет много мистики. Весьма сомнительно, что так уж много правительств на протяжении человеческой

получение рентных доходов стало для них невозможным... Многие из этих потомственных, но безземельных рыцарей отправлялись на большую дорогу точно так же, как это в меньших масштабах делали их подданные. Главное отличие состояло в том, что нищие крестьяне вынуждены были грабить в открытую, в то время как рыцари могли маскировать свои цели обличем законных военных действий или мести богатым городским купцам со стороны люмпенизированных масс...» (*Rusche and Kirchheimer*. Punishment and Social Structure. New York: Russell & Russell, 1939, 13).

⁴⁷ Villari. La rivolta antispagnola a Napoli: Le origini, p. 58.

⁴⁸ «Связь феномена [бандитизма] с идеей феодального сопротивления государству противоречит фактам, относящимся к данной исторической ситуации... Конец XVI века не был временем особенно сильного давления государства на баронов; даже в Риме попытка папы получить обратно свое имущество и свои права, узурпированные крупными землевладельцами [*feudatari*], кончилась в 1581 году определенным успехом последних [*Ibid.*, p. 60]».

истории считались «легитимными» большинством тех, кого они эксплуатировали, угнетали и с кем дурно обращались. В отношениях с государством массы могли либо предаваться своей вере, либо упрямо сопротивляться, либо удивляться своей временной удаче, либо отказываться от повиновения. Правительства не ставили перед собой задачу надолго удерживать власть, но не стремились получить признание или служить предметом восхищения, любви или хотя бы поддержки. Именно так обстояли дела в Европе XVI века.

Легитимация касается не масс, а элит. Вопрос политической стабильности сводится к тому, насколько небольшая группа руководителей государственного аппарата способна убедить как более многочисленную нижестоящую группу занятых в центральном управлении, так и властителей на местах в том, что: 1) режим сформирован и функционирует на основе каких бы то ни было общепринятых ценностей, в существование которых можно заставить поверить эти группы, и что 2) в их интересах, чтобы режим продолжал функционировать без значительных потрясений. При данных обстоятельствах тот или иной режим можно назвать «легитимным».

Далее, легитимность не является чем-то «сразу и для всех» — напротив, она выступает предметом постоянного компромисса. В XVI веке идеологией, возникшей в качестве средства легитимации новой власти монархов, было священное право королей — система, которую в итоге стали называть абсолютной монархией. Поскольку абсолютизм был идеологией, нам следует остерегаться принимать его притязания за чистую монету. Сначала стоит досконально рассмотреть, что это были за притязания и как они соотносились с реалиями социальной структуры.

Во-первых, насколько определение «абсолютный» соответствовало буквальному значению этого слова? Теория, согласно которой в большинстве случаев никто не мог законным образом претендовать на то, чтобы отказаться исполнять провозглашенную волю короля, была не такой уж новой. Правда, в рассматриваемую эпоху эта теория получила более широкое толкование и большее интеллектуальное признание, чем в предшествующий и последующий периоды, однако «абсолютный» в данном случае — это неправильное употребление слова как в теории, так и на практике. В теории «абсолютный» не означало «неограниченный», поскольку, как показали Хартунг и Мунье, для этого абсолюта «существовало ограничение со стороны божественного и природного закона». Далее Хартунг и Мунье утверждают, что «абсолютный» следует понимать не как «неограниченный», а как «неконтролируемый» (*pas contrôlée*). Монархия была абсолютной в противопоставлении былой феодальной рассредоточенности власти, однако «это не подразумевало ни деспотизма, ни тирании».⁴⁹ Хосе Мараваль также утверждает, что «ни в начальной, ни в последующих фазах развития современного государства „абсолютная монархия“ не означала неограниченную монархию — это была относительная абсолютность».⁵⁰ Ключевым

⁴⁹ Hartung and Mousnier. Relazioni del X Congresso, IV, p. 8.

⁵⁰ Maravall, José A. The Origins of the Modern State // Cahiers d'histoire moderne, VI, 4, 1961, 800.

требованием, необходимым для свободы действия монарха, здесь было то, что последний не должен быть стеснен законом: *ab legibus solutus*.

Но, какими бы ни были претензии монарха, его силы были действительно довольно ограниченными не только в теории, но и на практике. В большинстве случаев королевская власть была значительно слабее, чем исполнительная власть в либеральных демократиях XX века, несмотря на связывающие последнюю институциональные и моральные ограничения, поскольку государственный аппарат XX века обладает столь сконцентрированными организационными возможностями, что они более чем компенсируют возросшие ограничения. Чтобы понять реальную силу «абсолютного» монарха, следует рассмотреть его власть в контексте политических реалий соответствующих времени и пространства. Монарх был абсолютным в том смысле, что он имел надлежащие возможности для преобладания над другими силами внутри государства в случае политических столкновений.⁵¹ Но даже сильнейшим государствам XVI века было чрезвычайно трудно продемонстрировать силовыми методами свое очевидное превосходство в пределах собственных границ или же распоряжаться источниками богатства,⁵² не говоря уже о примате лояльности государству его подданных.

Подъем государства как социальной силы и абсолютизма как государственной идеологии не следует смешивать с понятиями «нация» и «национализм». Появление сильных государств в рамках мир-системы было историческим условием подъема национализма как в границах этих государств, так и в периферийной зоне. Национализм предполагает признание жителей некоего государства в качестве членов определенной статусной группы, т.е. в качестве граждан, со всеми вытекающими отсюда требованиями коллективной солидарности. Абсолютизм же есть признание принципиальной значимости выживания государства как такового. Национализм по определению есть массовое чувство — абсолютизм связан с небольшой группой лиц, напрямую заинтересованных в государственном аппарате.

⁵¹ Эрик Мольнар дает осторожное определение: «Абсолютизм — это политический режим, в котором власть государства в общем и целом осуществляется сувереном над всей подвластной ему территорией с помощью подконтрольной военно-бюрократической организации. В качестве существенного критерия это определение включает эффективную власть, которая при возникновении споров обычно преобладает над противоположным мнением, формулируемым, к примеру, парламентом или наследственной бюрократией» (*Molnar. Les fondements économiques et sociaux de l'absolutisme* // XIIe Congrès Internationale des Sciences Historiques: Rapports, IV: Méthodologie et histoire contemporaine. Wien: Verlag Ferdinand Berger & Sohne, 1965, 155).

⁵² «Ничто так четко не демонстрирует пределы королевской власти XVI века, как тот факт, что правительства испытывали постоянные финансовые затруднения, будучи не в состоянии обобрать своих самых платежеспособных подданных, склонных поднимать дорогостоящий мятеж всякий раз, когда они намеревались приобрести сопоставимые с государством доходы» (*Bouwtsma, William J. Politics in the Age of the Renaissance* // *Chapters in Western Civilization*, 3rd ed. New York: Columbia Univ. Press, 1961, I, 233).

Безусловно, поборники сильного государства со временем придут к необходимости культивировать национальное чувство как существенный катализатор для достижения своих целей. В некотором смысле уже в XVI веке им было над чем здесь работать.⁵³ Однако это коллективное чувство — в той степени, в которой оно существовало, — обычно было направлено в первую очередь на персону правителя, а не на некую общность людей в целом. Абсолютный монарх был «героической» фигурой,⁵⁴ и процесс его обожествления с течением времени все более усиливался.⁵⁵ Это была эпоха развития детального придворного церемониала, ставшего лучшим способом отдалить монарха от контакта с повседневной работой и одновременно обеспечить придворным аристократам занятие, державшее их на достаточно близком расстоянии от монарха, чтобы они все время были под контролем и присмотром.

Национализм найдет своих первых реальных сторонников среди буржуазии только в рамках идеологии меркантилизма в конце XVII и в XVIII столетиях.⁵⁶ Однако в XVI веке интересы буржуазии еще не были однозначно связаны с государством — слишком многие ее представители были больше заинтересованы в открытой экономике, чем в закрытой. Для строителей же государства незрелый национализм создавал риск кристаллизации государства вокруг слишком ограниченного этнотерриториального единства. Поэтому на раннем этапе этатизм можно было рассматривать почти как анти-национализм, поскольку пределы «национального» чувства нередко были более

⁵³ «Ни в XV, ни в XVI веках не существовало действительной национальной традиции, однако имелось чувство принадлежности людей к определенному сообществу — чувство, которое монархи могли использовать в своих целях. Тем самым монархи могли сделать свою власть более приемлемой для подданных и создать некую общность, в рамках которой каждый мог свободно сотрудничать с этой властью» (*Maravall. Cahiers d'histoire moderne*, VI, p. 796).

⁵⁴ «[Следовало бы] избегать искушения интерпретировать [идею государства] — этот новый ориентир политической мысли — как осознание коллективной солидарности нации...

Необходимо отметить, что юристы и идеологи, последовательно разрабатывавшие идею государства, в XVI веке гораздо больше говорили о *Государе* (в смысле Макиавелли), чем о народе, и о *власти*, чем о *человеческой общности*.

Поэтому целесообразно начать с осознания следующего тезиса: „государство“ не существует само по себе. В первую очередь оно является, по существу, утверждением новой формы власти: *публичной власти государя*» (*De Lagarde, Georges. Réflexions sur la cristallisation de la notion d'Etat au XVIe siècle // Umanesimo e scienza politica / Enrico Castelli, ed. Milano: Dott. Carlo Marzorati, 1951, 247–248*).

⁵⁵ «К античной идее „героя“ — всемогущего и милостивого полубога — в XVI веке добавляются мода на античные формулировки и новая сила римского права... Герой — это модель бытия, и люди чувствуют нужду и необходимость в преданности ему» (*Mousnier. Les XVI et XVII siècles*, pp. 96–97).

⁵⁶ «Вопреки ортодоксальной экономической теории, в данном вопросе необходима более мягкая формулировка: рынок — это та школа, где буржуазия впервые усваивает национализм» (*Vilar, Pierre. La Catalogue dans l'Espagne moderne*, I. Paris: S.E.V.P.E.N., 1962, 34).

узкими, чем границы монархического государства.⁵⁷ Лишь много позже руководители государственного аппарата будут стремиться к созданию «интегрированных» государств,⁵⁸ где доминирующая этническая группа «ассимилирует» лежащие за ее пределами территории.

В XVI веке лишь несколько государств существенно продвинулись в централизации власти и в достижении признания (по крайней мере, частичного) легитимности этой централизации. Обозначить условия, при которых это происходило с наибольшей вероятностью, довольно просто. Всякий раз, когда различные управляющие слои или группы, контролировавшие ресурсы, ощущали, что в политическом аспекте их классовым интересам лучше соответствуют попытки убеждения монарха и влияния на него, нежели какие-то иные способы достижения их политических целей, — в этом случае можно говорить о сравнительно эффективной монархической системе, об относительно «абсолютном» государстве.

В понятии «абсолютный» слышится неверная тональность, хотя монархи, конечно же, надеялись именно на нее. Абсолютизм был риторическим императивом, а не серьезным утверждением. Возможно, разумным решением задачи будет не делать существенный акцент на персоне монарха, а просто говорить об усилившемся государстве или о большей «государственности».⁵⁹ Именно поэтому данную идеологию лучше называть именно «этатизмом» (*statism*). Этатизм — это претензия на усиление власти государственного аппарата, что в реалиях XVI века

⁵⁷ «Значительное большинство людей [в государствах Запада], особенно в столицах или неподалеку от них, начинали рассматривать себя в качестве непосредственных подданных монарха, то есть в некотором смысле в рамках того статуса, который сегодня именуется *титульной нацией* (*Staatsvolk*)... Монарх, боровшийся за установление контроля над своими могущественными подданными, в этой борьбе мог рассчитывать на средние классы, но мог также надеяться достичь своей цели путем экспансии, совершая фланговый обход феодализма в собственных владениях путем подчинения земель за пределами своей территории» (*Kiernan. Past & Present*, No. 31, p. 33).

⁵⁸ «Идея, согласно которой общество должно быть интегрированным, т. е. что в государстве должны быть по возможности только одна нация, один язык, одна культура, а весь или почти весь народ в пределах политических границ должен иметь право определять свою судьбу, — все это было новшеством, порожденным западной мыслью XIX века» (*Eberhard, Wolfram. Conquerors and Rulers: Social Forces in Medieval China*. Leiden: Brill, 1965, 2nd rev. ed., 6).

⁵⁹ Чарльз Тилли измеряет уровень «государственности» степенью «формальной автономии, отделения государства от негосударственных организаций, централизации и внутренней координации». Отсюда следует, что «в крайней форме государственность не гарантирует политическую стабильность и не обеспечивает силу государства на международной арене. Можно предположить, что усиление государственности обычно в самом деле повышает контроль правительства над возможностями перемещения подчиненного ему населения и увеличивает возможности государства высвобождать средства для достижения целей национального или международного масштаба» (*Tilly. Reflections of the History of European Statemaking*, глава 9 в: *Tilly, Charles & Ardan, Gabriel. The Formation of National States in Western Europe*. Цит. по мимеографической версии, pp. 18–19).

означало сосредоточение власти в руках абсолютного монарха. Это была своего рода претензия на власть, являвшаяся частью попытки обрести эту власть. Но, ни тогда, ни теперь никто не воспринимал и не должен воспринимать «абсолютизм» как описание реального положения дел в ту эпоху. Это была лишь претензия, в определенной степени обоснованная в тех государствах, которые сформируют центр европейского мира-экономики; в других местах эта претензия потерпела крах — причины этого мы рассмотрим позже.

Одним из главных показателей успеха централизации власти, равно как и важным механизмом этого процесса, была та степень, в которой население *теми или иными средствами* могло быть трансформировано в культурно однородную группу. Данный процесс также имел меньшее отношение к массам, чем к элите в самом широком смысле: королю, его бюрократии и придворным, сельским землевладельцам (крупным и мелким), купцам. В XVI веке по мере того, как государства центра движутся в сторону большей «этнической» однородности в пределах этих групп, периферийные зоны идут ровно в противоположном направлении.

Начнем с рассмотрения отношения государственного аппарата к торговцу, принадлежавшему к «меньшинству». Прежде всего, к нему относились евреи — группа, игравшая большую роль в торговой деятельности на протяжении Средневековья. Среди прочего следует заметить, что и в экономическом, и в социальном аспектах «позднее Средневековье было периодом неуклонного понижения статуса евреев».⁶⁰ С одной стороны, когда Англия, Франция и Испания создали сильные централизованные структуры, они начали изгонять евреев: Англия в 1290 году, Франция ближе к концу XIV века, Испания в 1492 году. Однако то же самое произошло и в Германии, где евреи если и не были изгнаны, то их статус как торговой страты оказался значительно ослаблен. Именно евреи в промежутке 800–1200 годов вели большую часть международной торговли между Западной и Восточной Европой по северному трансконтинентальному пути и были ее главной основой.⁶¹ В течение этого периода их правовой статус в обоих регионах было довольно благоприятным.⁶² Однако

⁶⁰ *Baron, Salo W. A Social and Religious History of the Jews, 2nd ed., XI, Citizen of Alien Conjuror. New York: Columbia Univ. Press, 1967a, 192.*

⁶¹ «В конце XIII века положение евреев в международной торговле также было ослаблено в результате ряда антиеврейских запретов в Германии. С тех пор вся торговля с Востоком протекала по позднейшим, более известным каналам: итальянско-средиземноморским на юге и ганзейским на севере. Существовавший в предыдущие столетия трансконтинентальный путь через Россию и Польшу прекратил фигурировать в исторических источниках» (*Brutzkus, J. Trade with Eastern Europe, 800–1200 // Economic History Review, XIII, 1943, 41.*)

⁶² О Польше Сало У. Барон сообщает: «О еврейской жизни [XI–XII веков] нам известно очень немного, однако евреи, очевидно, пользовались полной свободой действий и подчинялись лишь единичным ограничениям, если таковые вообще существовали» (*Baron. A Social and Religious History of the Jews, 2nd ed., III: Heirs of Rome and Persia Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1957a, 219.* В Западной Европе феодальная система стремилась благоприятствовать евреям, сделав их «новой группой королевских вассалов, в некотором смысле похожей на христианскую аристократию»

в XIII и XIV веках в Европе *повсеместно* понижается правовой статус евреев и ухудшаются их экономические позиции.⁶³ В результате к XVI веку можно говорить о географическом *дисбалансе*: евреев практически совсем не осталось в западной части Европы, но на востоке и отчасти на юге континента их численность *растет* — иными словами, имеют место отсутствие евреев в центре мира-экономики и рост их численности на периферии и полупериферии.⁶⁴

Несмотря на то, что евреи играли все возрастающую роль в экономической жизни Восточной Европы, в рамках профессий, более высоких по статусу,

(Baron, Salo W. A Social and Religious History of the Jews, 2nd ed., IV: Meeting of East & West. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1957b, 50). Это было характерно для Испании (см. pp. 36–43), каролингской Франции (см. pp. 46–53), Германии (см. pp. 64–75), Англии и Нормандии (см. pp. 75–86). Феодализм «в Западной Европе значительно усложнял евреям жизнь как своей анархической пестротой, так и усилением церковной власти над ними», однако при этом очевидно, что «центральные и провинциальные органы церкви вносили значительную лепту в безопасность евреев. Церковь постоянно настаивала на соблюдении базовых норм терпимости, усиливала королевскую власть, подчеркивая священные права королей, предписывала им править справедливо и неустанно пропагандировала общественное согласие ради установления „священного мира“ по отношению к более уязвимым группам населения включая клириков и евреев [pp. 53–54]».

⁶³ В раннем Средневековье евреям был выгоден статус «королевских вассалов». В позднем Средневековье те же самые короли стали сильнее, однако положение евреев стало ухудшаться. Барон дает такой комментарий: «Поскольку соответствующие царственные хозяева получали от этих отношений еще больше налогов, вдвойне удивительно, что им не удалось использовать свою возрастающую власть для более эффективной защиты своих еврейских „слуг“ [p. 198]». Барон находит объяснение этому в «новом типе национализма, постепенно обретавшем форму в позднем Средневековье [p. 199]». Наконец, «растущая секуляризация средневековых обществ усиливала их этнорелигиозную нетерпимость [p. 200]».

⁶⁴ «Выдавливаемые из одной страны за другой, [в XIV и XV веках... евреи] все возрастающей массой передвигались к открытым границам Восточной и Центральной Европы, где они основали растущие и еще более напористые колонии на славянских, венгерских и литовских территориях. В ходе многих подобных начинаний они оказались для местных сообществ ценным источником наличных денег и кредита, а для государств — готовым и зачастую беспомощным объектом налогообложения, в чем и состояло одно из величайших экономических достоинств евреев» (Baron, Salo W. A Social and Religious History of the Jews, 2nd ed., XII, Economic Catalyst. New York: Columbia Univ. Press, 1967a, 192).

Германия была пограничной зоной: «После катастрофы Черной чумы обнищавшее и изрядно поредевшее немецкое еврейство было вынуждено все больше и больше концентрировать свои усилия на занятиях ростовщичеством. Из-за этого евреи испытывали сильную враждебность со стороны населения, несмотря на то, что прибыльность ростовщичества неуклонно уменьшалась... Те же самые правители во многих отношениях оставались негласными партнерами еврейских банкиров благодаря поступающим от них налогам, но теперь они защищали своих подопечных со все меньшим рвением... В бурные десятилетия начала XVI века, когда социальные волнения и религиозные раздоры готовили почву для гражданских и религиозных войн, положение евреев становилось все хуже и хуже [pp. 151–153]».

чем рабочие специальности, им было позволено заниматься лишь торговлей. Только для них одних был невозможен классический путь от предпринимателя к рантье.⁶⁵ Аналогичным образом в Северной Италии в результате ослабления финансовой мощи городов-государств (обусловленного отчасти их небольшим размером и, как следствие, маленькой налогооблагаемой базой и невозможностью защитить своих граждан за пределами страны) положение евреев несколько улучшилось,⁶⁶ поскольку основная масса евреев вновь стала заниматься торговлей.⁶⁷ В представлении правителей еврейский вопрос превращался в дилемму между «фискализмом» и зарождающимся «меркантилизмом». С одной стороны, еврейские торговцы были важным источником государственного дохода; с другой — купцы иных национальностей видели в евреях конкурентов, а землевладельцы — кредиторов, и обе группы нередко объединялись в своем требовании к правителю изгнать евреев. Поначалу преобладал первый подход — в той мере, насколько монархи были в состоянии обеспечить его реализацию.⁶⁸ Но по мере того, как местная буржуазия в государствах центра

⁶⁵ «Представляется, что многочисленные польские евреи, которым в принципе был закрыт путь к обладанию земельной собственностью и социальному продвижению, были в ином положении. Мы полагаем, что в Польше евреи чаще инвестировали капитал [в промышленность и горное дело]» (*Malowist, Marian. L'évolution industrielle en Pologne du XIVe au XVIIe siècle: traits généraux // Studi in onore di Armando Saporì. Milano: Istituto Edit. Cisalpino, 1957, I, 601*).

⁶⁶ «Однако же чем можно объяснить закат [торгового лидерства итальянских городов-государств]? Это произошло благодаря классовой борьбе, процветавшей в городах-государствах, банкротствам из-за несостоятельности коронованных должников (например, банкротство Барди и Перуцци*) и отсутствию крупного государственного образования, которое могло бы защищать своих граждан за рубежом. Иными словами, фундаментальная причина заключалась в самой структуре города-государства, который не мог трансформироваться в большое территориальное государство» (*Gramsci, Antonio. Il Risorgimento. Roma: Giulio Einaudi Ed., 1955, 9*).

⁶⁷ «До тех пор, пока североитальянские республики служили международным банковским центром, евреев удавалось успешно удерживать за пределами родины „ломбардов“, чьи финансовые ресурсы столь часто превосходили еврейские капиталы даже во всей остальной Европе. Однако после финансового кризиса XIII века, который привел к краху [различных] крупных фирм, [...] для евреев открылись новые возможности...

Итальянские княжества задолго до этого также увидели в присутствии евреев дополнительный источник экономической мощи» (*Baron. A Social and Religious History of the Jews, XII, p. 161, 163*).

Когда в 1492 году евреи были изгнаны из Испании и Сицилии, «Италия была единственной страной христианской Европы, открытой для беженцев...» (*Roth, Cecil. The History of the Jews in Italy. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1946, 178–179*).

⁶⁸ «Если в отдельных регионах [Западной Европы] евреев не извели полностью, [...] то в значительной степени это произошло благодаря фискальной заинтересованности соответствующих государств в доходах, прямых или косвенных, взыскиваемых с еврейского ростовщичества посредством непомерно растущего налогового давления на него» (*Baron. A Social and Religious History of the Jews, XII, p. 197*).

становилась сильнее, нетерпимость к евреям достигала существенных успехов на законодательном уровне.

Евреи были легкой мишенью для их конкурентов, поскольку последними мог быть использован идеологический мотив: экономическую роль евреев можно было опротестовать исходя из религиозных соображений. Для монархов Западной Европы одним из способов ответного действия на данные требования было изгнание евреев, однако приходившая им на смену другая группа, которая была менее уязвимой с религиозных позиций, оказывалась для местных торговцев конкурентом, равноценным евреям. Например, П. Элман описывает, как английский король, в конечном итоге вынужденный изгнать евреев в 1290 году, пригласил на их место итальянских ростовщиков. Поскольку король часто не возвращал займы, «с практической точки зрения займы у итальянцев мало чем отличались от поборов (*tallages*) с евреев».⁶⁹ Тем не менее, к XVI веку в Англии⁷⁰ (но не в Испании)⁷¹ итальянцев стали

Дж. Ли Шнейдман об Арагоне XIII и XIV веков: «Тот, кто дает деньги займы, обычно рассчитывает, что они вернутся. Если же кто-то дает деньги государству, то это не совсем так. Пусть даже короли часто возвращали небольшие займы, однако нормальной практикой было перезанимать у этого кредитора или делать новый заем у другого, чтобы выплатить первый заем. Как правило, еврею приходилось списывать деньги, которые он ссужал государству, поэтому еврей должен был возмещать свои убытки доходами от участия в сборе налогов. Далее эти доходы становились источником для последующих займов, а следовательно, монархи более всего были обеспокоены тем, чтобы евреи покрыли стоимость займа дополнительными доходами» (*Shneidman, J. Lee. The Rise of the Aragonese-Catalan Empire, 1200–1350. New York: New York Univ. Press, 1970, II, 433*).

⁶⁹ *Elman, P. The Economic Causes of the Expulsion of the Jews in 1290 // Economic History Review, VII, 1, Nov. 1936, 151.* Именно *потому*, что евреев «выжали досуха», указывает далее Элман, на их место и пригласили итальянцев.

⁷⁰ «К тому времени... английские заморские купцы объединили свои усилия с горожанами, и городская ксенофобия трансформировалась в экономический национализм. В конце XIV века английские текстильные торговцы при попытках проникнуть на Балтику не получали радужного приема со стороны ганзейских городов. В этих обстоятельствах привилегии ганзейцев в Англии (в том числе пошлины на ткани, меньшие, чем для жителей страны) представлялись в целом неоправданными, так что английские купцы требовали либо сопоставимых условий для торговли на Балтике, либо уменьшения привилегий Ганзы... Тем временем аналогичные разногласия возникли по поводу итальянцев... [Горожане стали выступать против] повсеместно распространявшихся идей металлического денежного обращения. Утверждалось, что банковские и обменные операции приводят к вывозу из страны золота и серебра, а следствием торговли [роскошными „безделушками“] оказывается постоянная утечка из страны драгоценных металлов» (*Miller, Edward. The Economic Policies of Governments: France and England // Cambridge Economic History of Europe, III: Economic Organization and Policies in the Middle Ages / M. M. Postan, E. E. Rich and Edward Miller, eds. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1963, 330–331*).

⁷¹ 1492 год — ключевая дата для Испании. Ранее, отмечает Висенс, «здесь, в отличие от других стран Запада, не было городской буржуазии, и этот разрыв был заполнен социальным классом, находившимся вне христианской религии, то есть евреями» (*Vicens Vives. An Economic History of Spain, p. 248*). После этого в Испании доминировали генуэзцы:

вытеснять из деловой сферы, однако в Польше евреи теснили самих поляков.⁷² Как это стало возможным?

В Западной Европе растущая диверсификация сельскохозяйственной базы совместно с зарождающейся промышленностью усилили торговую буржуазию до такой степени, что монарх должен был принимать ее в расчет в политическом отношении. Обратная сторона этого процесса: теперь фискальной основой монархии была в состоянии стать собственная буржуазия — в качестве налогоплательщика, работодателя и торгового партнера, причем с тем же, если не с большим, успехом, чем иностранные купцы. Поэтому «национализм» был естественным рефлексом буржуазии.⁷³ Однако в Восточной Европе дело обстояло

«Поворотной точкой в истории деятельности генуэзских купцов в Испании было открытие Америки и последующее установление торговых отношений с новым континентом. С этого момента восхождение генуэзцев к экономическому господству в Испании шло параллельно со становлением испанской нации в качестве доминирующей мировой державы XVI века. Фортуна дала Испании сразу две империи: одну в Старом свете, другую в Новом. Предпосылкой успеха генуэзцев была неготовность Испании нести имперскую ответственность, особенно в экономической сфере» (*Pike, Ruth. The Genoese in Seville and the Opening of the New World // Journal of Economic History, XXII, 3, Sept. 1962, 348. См. Chaunu. Séville, VIII, (1) 285–286*).

Хавьер Руис Альманса: «Каждая из трех расовых групп (христиане, евреи, мавры) приняла на себя определенную функцию в социальной и экономической структуре того времени. Устранение [одной из этих групп] создавало вакуум, который было сложно заполнить, и вело к естественным закономерным сдвигам в испанском обществе. Функции, которые ранее выполнялись евреями, взяли на себя генуэзские и фламандские купцы, хотя и не в полном объеме, а ремесленники южной Франции заполнили большую часть социально-экономического пространства, оставленного морисками...» (*Almansa, Ruiz. Las ideas y las estadísticas de población en España en el siglo XVI // Revista internacional de sociología, I, 1947, цит. по: Reglá, Juan. La expulsión de los moriscos y sus consecuencias // Hispania, revista española de historia, XIII, No. 52, 1953, 445*).

⁷² «[В] Польше, территория которой резко увеличилась в начале Нового времени (Modernity), присутствие евреев стало заметнее с XV века благодаря их возросшей численности; образовалось нечто вроде еврейского государства, но оно пришло в расстройство вследствие экономических трудностей и безжалостных репрессий [XVII века]...» (*Бродель. Средиземное море, II, 646*).

⁷³ «В экспорте английской шерсти на рубеже XIII и XIV веков доминировали крупные итальянские дома, [...] в отдельные годы пользовавшиеся тотальной монополией на экспорт и полным контролем королевской таможни.

¹ Итальянцы со временем были вытеснены с этой позиции синдикатами местных торговцев и в конечном счете — Товариществом купцов-экспортеров шерсти* (*English Company of Staple*)...

К 1361 году эта компания владела фактической монополией на „шерстяной экспорт“ в Северную Европу...

Монополия устраивала... торговцев шерстью и удовлетворяла растущие аппетиты производителей тканей, поскольку создавала значительную разницу во внутренних и внешних ценах на шерсть, а прежде всего монополия устраивала короля. Таможня и дотирование экспорта шерсти были наилучшими возможными мерами безопасности, которые мог предложить король, а привилегированная компания, получившая

совершенно иначе. Монархи и торговцы были слабее, а производители сельскохозяйственной продукции сильнее. Проблема и Восточной Европы XVI века, и других регионов мировой капиталистической системы, которые все больше специализировались на товарном производстве зерновых культур, состояла не в существовании или отсутствии торговой буржуазии. В условиях денежной экономики всегда должны быть люди, которые обслуживают каналы сложного обмена товарами и услугами, стимулирующего использование денег. Проблема заключалась в том, каким будет большинство этой торговой буржуазии — местным или иностранным? Если это большинство составляла национальная буржуазия, то она становилась важным дополнительным фактором внутренней политики. Если же это были иностранцы, то их интересы в первую очередь были связаны с теми возникающими полюсами развития, которые в свое время будут названы метрополиями.

Не был ли ключевой причиной притяия евреев в Восточной Европе XVI века тот факт, что ее землевладельцы (а также, возможно, западноевропейские купцы) в качестве необходимых для своего региона местных торговцев предпочли евреев, а не национальную торговую буржуазию?⁷⁴ Если бы последняя набрала силу, то у нее появилась бы политическая база (полностью отсутствующая у евреев) и она могла бы попытаться стать мануфактурной буржуазией. Безусловно, при таком развитии событий национальная буржуазия предпочла бы ограничить «открытость» национальных экономик Восточной Европы, что угрожало бы симбиотическим интересам восточноевропейского землевладельца-торговца. Несмотря на то, что период раннего Модерна в Восточной Европе был эпохой *упадка* национальной буржуазии,⁷⁵ «евреи, наоборот, все чаще выступали в роли агентов помещиков и торговцев в сельской местности, а также ремесленников в небольших

право монопольной торговли, была для него более надежным источником займов, чем ряд фирм и синдикатов, которые один за другим обанкротились в первые годы Столетней войны... Единственной группой, чьи интересы при этом ущемлялись, были производители шерсти, и это могло быть одной из причин того, почему ее производство приходило в упадок» (*Postan, M. M. The Trade of Medieval Europe: The North // Cambridge Economic History of Europe, II: Trade and Industry in the Middle Ages / M. M. Postan and E. E. Rich, eds. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1952, 238*).

⁷⁴ Принудительные обращения в христианство, происходившие в Испании и Португалии, оказались идеальным условием для превращения этих стран в полупериферийную зону. Евреям дали возможность выступать в качестве марранов, что сделало их гораздо более значимой группой в составе буржуазии, чем прежде. Когда развитие Пиренейского полуострова достигло той точки, в которой оказалось желательным вытеснить местную буржуазию, совпадение между «буржуа» и «новыми христианами» сделало последних легким объектом преследования. См. относительно Португалии: *Revah, I. S. L'hérésie marrane dans l'Europe catholique du 15e au 18e siècle // Jacques Le Goff. Hérésies et sociétés dans l'Europe préindustrielle, 11e–18e siècles. Paris: Mouton, 1968, особенно стр. 333.*

⁷⁵ См. *Malowist. Past & Present*, No. 13; *Gestrin, Ferdo. Annales E.S.C.*, XVII, (1962).

деревушках».⁷⁶ Этот факт иллюстрирует более общую особенность структуры мира-экономики: классовые альянсы *внутри* политической системы определенного государства зависят от того, кто доминирует в правящей группе: либо те, чьи интересы связаны с продажей первичной продукции (т. е. сырья) на мировом рынке, либо те, чьи интересы находятся в торгово-промышленной сфере.

Не только евреи были предметом игры в этих транснациональных политико-экономических альянсах — в католических странах купцы часто были «протестантами». Главный панъевропейский идеологический конфликт XVI–XVII веков — Реформация против Контрреформации — был неразрывно связан с созданием сильных государств и капиталистической системы. Неслучайно, что те страны Европы, которые в XVI веке вновь стали аграрными, пережили и триумф Контрреформации, в то время как большая часть стран, где происходила индустриализация, оставались протестантскими. Германия, Франция и «Бельгия» в результате длительного идеологического компромисса оказались где-то посередине. Германия разделилась на протестантов и католиков, во Франции и «Бельгии» «протестантов» в итоге осталось мало, однако здесь получила развитие антиклерикальная традиция свободомыслия, к которой могли примыкать определенные группы.

Это совпадение неслучайно — но не потому, что вслед за Вебером мы полагаем, будто протестантская доктрина неким образом более созвучна капитализму, чем католическая, хотя, безусловно, можно найти доказательства и для этого утверждения. Нам в целом представляется верным мнение, что любой сложной системой идей можно манипулировать для достижения любых социальных или политических целей. Католическая теология, безусловно, также доказала свою способность адаптироваться к социальной среде, поэтому с позиции абстрактных идей можно было бы написать убедительную книгу под названием «Католическая этика и подъем капитализма», а в кальвинистской доктрине найти антикапиталистический подтекст.⁷⁷ Однако я придерживаюсь иной точки

⁷⁶ Сало У. Барон, личное письмо от 16 ноября 1970 года. Д. Стэнли Эйтзен: «Евреев все больше не любили из-за услуг, которые они оказывали знати и правителям [в XVI веке]. Евреи выступали в качестве финансовых агентов князей, управляли королевскими доменами и имениями мелкопоместного дворянства и сдавали их в аренду, нередко занимались сбором налогов» (*Eitzen. Two Minorities: The Jews of Poland and the Chinese of the Philippines // Jewish Journal of Sociology*, X, 2, Dec. 1968, 227).

⁷⁷ «Утверждение, что кальвинизм возник как религия, воодушевившая устремления предпринимателей, сегодня часто принимают за аксиому. В упрощенной форме это расхожее мнение сводится к тому, что кальвинизм прославляет приобретательское рвение или, по меньшей мере, вдохновляет веру в то, что успех в бизнесе можно рассматривать как знак принадлежности к избранным Богом. Подобное искажение доктрины кальвинизма не является чем-то немислимым, хотя стоит заметить, что это не просто искажение, но искажение, противное именно строгим кальвинистам, поскольку такая интерпретация предполагает грешное допущение попытки раскрыть неисповедимые действия Провидения. Более вероятное популярное искажение кальвинизма могло иметь совершенно другой характер, заключающийся в том, что вера в Предназначение оборачивается фатализмом, ведущим к летаргии и утрате интереса

зрения: благодаря ряду логически случайных⁷⁸ исторических событий протестантизм в период Реформации стал идентифицироваться в большей степени с силами, благоприятствующими экспансии торгового капитализма в рамках структуры сильных национальных государств, и с теми странами, где эти силы преобладали. Поэтому там, где они потерпели неудачу, как в Польше, или в «Италии», или в Венгрии, протестантизм угас вслед за ними, причем нередко стремительным образом. Новому утверждению католицизма способствовали те же самые факторы, которые благоприятствовали расширению экспортного сельскохозяйственного производства в периферийных зонах мира-экономики.

Вспомним, как развивалась Реформация. Как отмечает Кристофер Хилл,

«церковь долгое время была источником власти, патронажа и богатства для правителей крупных держав, таких как Франция и Испания. Те государства, которые порвали с Римом в начале XVI века, располагались на периферии католической цивилизации и представляли собой державы второго сорта — речь идет о таких странах, как Англия, Швеция, Дания, Швейцария, Шотландия;

к труду по причине ощущения бесполезности личных усилий перед лицом воли Господа. Несколько лет назад члены комиссии, назначенной корпорацией Карнеги для исследования проблемы «бедных белых» в ЮАР*, всерьез обсуждали, не является ли причиной нехватки инициативы и уверенности в себе среди членов этой группы именно эта разновидность фатализма, возникающая на основе „неправильного кальвинизма“. Данный факт выступает интересным уточнением общепринятой уверенности в том, что кальвинизм является стимулом деловой активности. На его основании можно с высокой долей вероятности предположить, что реакцию кальвинистов на экономические возможности и стимулы определяют и иные влияния, помимо доктринальных» (*Robertson, H. M. European Economic Developments in the Sixteenth Century // South African Journal of Economics, XVIII, 1, Mar. 1950, 48*).

⁷⁸ Я не стремлюсь отрицать, что для оправдания капиталистической деятельности, вполне возможно, было бы *проще* использовать кальвинистскую теологию, а не католическую. Так считает не только Вебер, но и некоторые из его самых жестких критиков. Например, Кристофер Хилл утверждает, что «доктрины, которые обращаются к духовным факторам, ослабляя давление социальных условий на индивидуальное поведение, особенно процветают... в периоды быстрых социальных изменений, причем среди людей, наиболее подверженных их воздействию. Именно в такой период поднялось христианство; Бл. Августин, на чьи труды так сильно опиралась идеология реформаторов, также жил в эпоху, когда рушились старые стандарты, и он также подчеркивал значение внутренней мотивации, а не внешнего поступка... Представляется, что существует устойчивая тенденция, в соответствии с которой любая устоявшаяся церковь в конечном итоге вновь обращается к ритуалу, а оппозиционные группы делают акцент на внутренней составляющей веры» (*Hill, Christopher. Protestantism and the Rise of Capitalism // Essays in the Economic and Social History of Tudor and Stuart England / F. J. Fisher, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1960, 34–35*).

На самом деле я полагаю, что с учетом соответствующей общественной потребности католицизм можно было использовать и для оправдания капитализма, а в существовании протестантизма не было необходимости. В самом главном же я соглашусь с формулировкой Хилла: «В протестантизме нет ничего, что автоматически вело бы к капитализму — значение протестантизма состояло в том, что он разрушал препятствия, которые создавали более косные институты и ритуалы католицизма [p. 37]».

их правители не были настолько сильны, чтобы заключить с папством столь же невыгодную для него сделку».⁷⁹

Именно так Северная Европа выразила свое недовольство экономической мощью более «прогрессивного» христианского Средиземноморья.⁸⁰ При этом, как мы знаем, к концу «долгого» XVI века северо-запад Европы стал центром мира-экономики, восток — его периферией, а юг быстро двигался в последнем направлении.

П. К. Гордон-Уокер пытается увязать эволюцию протестантизма — сначала лютеранского, а затем кальвинистского — с двумя фазами Революции цен: 1) 1520–1540/50 — мягкая и ограниченная Германией и Нидерландами Реформация соответствует росту цен, обусловленному ростом добычи серебра в Центральной Европе; 2) примерно столетие Реформации начиная с 1545 года совпадает с поставками американского серебра. Гордон-Уокер полагает, что эти параллельные фазы, кроме того, связаны с последующими структурными потребностями новой капиталистической системы:

«Социальная проблема, которую представляла собой Революция цен, в действительности состояла из двух частей. Сначала было необходимо первичное накопление капитала... Второй потребностью — следствием первой и в действительности основополагающей — было приспособление классов капиталистического общества к своим новым позициям, которые с необходимостью следовали из распределения ресурсов в ходе первоначального накопления...

Две эти фазы обусловили значение разных частей Европы. В 1520–1540 годах лидирующими регионами Европы были Испания (не унаследовавшая от средних веков сильный средний класс)⁸¹ и Германия (имевшая мощную феодальную буржуазию). Начиная с 1545–80 годов Испания и Германия уходят со сцены, а лидерство перехватывают Англия, Нидерланды и некоторые части Франции и Шотландии. Бросается в глаза параллель между этими регионами и территориями, где происходила Реформация. Можно также отметить хронологическое соответствие между первой фазой Революции цен и Лютером (около 1520–40 годов) и между ее второй фазой и Кальвином (1545–80 годы)».⁸²

⁷⁹ Hill, Christopher. Reformation to the Industrial Revolution, 1530–1780, Vol. II of the Pelican Economic History of Britain. London: Penguin Books, 1967, 34.

⁸⁰ «Затем, в 1520-х годах, произошел великий мятеж Лютера. Это не было восстание внутри старой, зрелой экономики Европы — это был бунт „недоразвитых“, „колониальных“ территорий Северной и Центральной Европы, обложенных многочисленными налогами, раздраженных и эксплуатируемых (как они считали) с целью поддержания высокой цивилизации Средиземноморья и Рейна» (Trevor-Roper, H. R. Religion, the Reformation, and Social Change // The European Witch-Craze of the Sixteenth and Seventeenth Centuries, and other Essays. New York: Harper, 1969b, 32–33).

⁸¹ См. Baron. A Social and Religious History of the Jews, XII, p. 18.

⁸² Gordon-Walker, P. C. Economic History Review, VIII, 1937, p. 14. «Конкретными результатами лютеранской фазы Реформации... были уничтожение власти католической церкви над средними и низшими классами и санкция на захват католической и феодальной собственности...

Не обязательно соглашаться со всеми историческими деталями этой гипотезы, чтобы увидеть ее обоснованность, — более того, обратившись к триумфу Контрреформации в Польше, мы получим дополнительное доказательство прочной связи религиозной и политико-экономической конъюнктуры. Стефан Чарновский тщательно анализирует, почему Польша двинулась *обратно* к католицизму от Реформации, которая, казалось, успешно распространялась в этой стране, и почему это движение проходило с такой быстротой. Чарновский указывает, что католическое наступление происходило в момент, когда земельная знать (*noblesse territoriale*) захватила политическую власть в форме, по определению автора, «классовой диктатуры». В своем анализе Чарновский различает аристократию, земельную знать и мелкое (*petite*) дворянство, утверждая, что сторонники Реформации находились среди страстно желавшей заполучить церковные земли аристократии, а в равной степени и в буржуазной среде. Более мелким землевладельцам было сложнее бороться с местным викариатным клиром* (*local curate*): в том виде, в котором он существовал, он пользовался поддержкой по-прежнему могущественного католического епископата. Переход под знамена протестантизма сулил мелкой знати меньше преимуществ, а стало быть, она к этому и не стремилась. Чарновский и другие исследователи указывают, что в Польше в то время были магнаты, поддерживавшие кальвинизм, в то время как король и буржуазия склонялись к лютеранству.⁸³ Этот довольно

[На втором этапе Реформации] ключевой проблемой становится адаптация классов к новым условиям... Буржуазия должна была сменить свое раболепие по отношению к власти на волю к управлению [обществом]... Рабочему классу следовало перейти от нерегулярного, экстенсивного труда к дисциплинированной, постоянной и организованной работе... Индивидуализм требовался... капиталистическому обществу для того, чтобы скрыть его классовую структуру, которая стала более очевидной, чем при феодализме... Теперь единственным критерием социального разделения подчеркнуто объявлялось индивидуальное духовное поведение, что одновременно и оправдывало (с точки зрения вечности), и скрывало классовую структуру социума. Этому также способствовали появление соответствующей общественной этики и известных методов ее внедрения, которые иные из избранных (*the Elect*) были всегда готовы использовать в отношении к самим себе, а при необходимости принудительно применить их на нечестивцах (*the Reprobate*)...

[Когда] эта адаптация классов к новым социальным условиям, ставшая важнейшей задачей Реформации, была постепенно доведена до конца, протестантам пришлось обратиться к другим, ставшим более важными, чем религия, видам деятельности — прежде всего следовало дать место развитию светского государства и науки [pp. 16–17, 18].

⁸³ См. Czarnowski, Stefan. La réaction catholique en Pologne à la fin du XVI siècle et au début du XVII siècle // La Pologne au VIIe Congrès Internationale des Sciences Historiques. Société Polonaise d'Histoire, Varsovie: 1933, II, 300. Тадеуш Грабовский: «Основными сторонниками лютеранства [между 1530 и 1555 годами] были представители клира, буржуа немецкого происхождения и польские студенты, возвращавшиеся из Виттенберга и Кёнигсберга, тогдашних центров университетского образования.

Знать вряд ли принимала в этом участие. Лютеранство было для нее слишком скромным, тем более оно поддерживало... королевскую власть... Будучи слишком догматичным и монархически ориентированным, лютеранство было не по нраву...

неожиданный поворот веберовской темы напоминает об аргументе Эрика Мольнара, который рассматривал альянс монархии, мелкой знати и буржуазии против аристократии. Однако в данном случае «буржуазия», как утверждает далее Чарновский, раскололась: «крупная буржуазия» в городах, в особенности в Кракове («старом» торговом центре), вступила в союз с аристократией. Здесь Чарновский имеет в виду городскую патрицию — тех, кто с конца XV века до примерно середины XVI столетия «был частью класса ростовщиков и купцов, который появился благодаря подъему зарождающегося капитализма».⁸⁴ Однако Польше не суждено было пойти по пути Англии и стать средоточием буржуазии в европейском мире-экономике. Великий кризис 1557 года, о котором пойдет речь ниже, разорил не только финансистов Лиона, Антверпена и Южной Германии, но заодно и банкиров Кракова:

«[C] тех пор энтузиазм аристократии и кальвинизма был ослаблен... Товары, которые в предшествующий период обеспечивали расцвет духа коммерции — серебро из Олькуша, венгерская медь, промышленная продукция — последовательно падали в цене. Деньги, которыми крестьяне выплачивали ренты, обесценивались с отчаянной скоростью. В то же время сильно возрос международный спрос на польскую пшеницу, поташ, дубовую кору, кожи и рогатый скот. Чем больше производитель данных товаров мог обходиться без звонкой монеты, используя неоплачиваемый принудительный труд крепостных и обменивая свою продукцию на то, что ему было нужно, тем успешнее он противостоял [воздействию финансового кризиса]. Именно это были в состоянии делать мелкие и средние дворяне-землевладельцы».⁸⁵

Это не означало, замечает Чарновский, что в Польше не осталось буржуазии — краковская буржуазия могла разориться, но на ее место пришли итальянцы, армяне и немцы. Просто в 1557 году рухнула определенная международная сеть,

магнатам, мечтавшим о республике в духе древнеримской» (*Grabowski. La réforme religieuse en Occident et en Pologne // La Pologne au Ve Congrès Internationale des Sciences Historique, Bruxelles, 1923 (Warsaw, 1924), 67–68*).

Однако Станислав Арнольд полагает, что это не совсем точный подход: «Совершенно ясно, что часть — но только часть — магнатов стали адептами Реформации, в особенности кальвинизма. Однако особенно привлекательным кальвинизм оказался для наиболее прогрессивной части знати средней руки, которая в это время стояла у власти в стране, особенно в сейме» (*Arnold. Les idées politiques et sociales de la Renaissance en Pologne // La Pologne au Xe Congrès Internationale des Sciences Historiques à Rome. Warszawa: Académie Polonaise des Sciences Institut d'Histoire, 1955, p. 160*). Арнольд особенно критикует концепцию Чарновского. См. стр. 159 слл.

Тем не менее, интерпретация событий у Фокса и Тазбира напоминает то, о чем пишут Чарновский и Грабовский. См. *Fox, P. The Reformation in Poland // The Cambridge History of Poland, I: From the Origins to Sobieski (to 1696) / W. F. Reddaway et al., eds. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1950, 329, 345–346; Tazbir, J. The Commonwealth of the Gentry // History of Poland, Aleksander Gieysztor et al. Warszawa: PWN — Polish Scientific Publishers, 1968, 185–186*.

⁸⁴ *Czarnowski*, p. 301.

⁸⁵ *Ibid.*, p. 304.

а вместе с ней потерпела крах и связанная с ней польская буржуазия-аристократия. Однако затем возникла другая сеть, и сотрудничавшие с ней поляки — «аристократы» — согласились с новым местом Польши в мире-экономике. Они отдали своих детей на обучение иезуитам, дабы оградить их от влияния старой аристократии: «На том и кончилась Протестантская церковь Польши, являвшаяся, если можно так выразиться, религиозным выражением интересов знати».⁸⁶ И теперь эта знать могла торжественно утверждать, что польское «национальное» чувство по сути неотделимо от католического благочестия.

Итак, Польша оказалась безупречно католической потому, что она окончательно стала периферийной зоной мира-экономики. Контрреформация** символизировала тот «социальный регресс», который протестанты считали реальным явлением, — но не была его причиной. Однако ханжеское возмущение протестантов было неуместным: социальный прогресс в Северо-Западной Европе стал возможен благодаря «регрессу» Восточной и Южной Европы, а в равной степени, конечно же, в силу экономического преобладания Западной Европы на Американском континенте. Контрреформация была направлена не просто на протестантизм, а вообще на все разнообразные силы гуманизма, которые ассоциируются с Ренессансом. Иллюстрацией этого могут служить трения между Венецией и Римом в XVI веке. Кульминация этого конфликта произошла в 1605 году, когда действия венецианцев по ограничению отдельных церковных прав привели к тому, что Рим отлучил от церкви венецианский Сенат***. Контрреформация в Италии была еще и Контрренессансом,⁸⁷

⁸⁶ Ibid., p. 308. Й. Уминьский подчеркивает непольские составляющие польского протестантизма: «Лютеранство привлекало в основном население немецкого происхождения, обитавшее в польских городах... Так называемый антитринитаризм*, вскорее ставший теснить кальвинизм в среде знати, был, собственно говоря, не польским явлением — это движение в Польше было организовано и управлялось в основном иностранцами» (*Umiński. The Counter-Reformation in Poland // The Cambridge History of Poland, I, 412*).

Януш Тазбир указывает на международное значение религиозного национализма: «Католицизм отделил Польшу от протестантской Швеции, православной России и магометанской Турции [p. 228]». И наоборот, «посредством Польши папство часто стремилось реализовать не только свои политические цели, но и цели Габсбургов [p. 229]».

⁸⁷ «За новыми ересями — лютеранством и кальвинизмом — скрывались потенциально еще более опасные враги, о существовании которых католические власти были хорошо осведомлены. Поэтому в долгосрочной перспективе римская курия, возможно, была менее озабочена подавлением протестантизма (всего лишь преходящего вызова!), чем противодействием нарастающему в эту эпоху политическому партикуляризму, централизации почти повсеместно становящейся все более самостоятельной церковной администрации, подчинением самоуверенных мирян церковной власти, ликвидацией опасных свобод в сфере художественной и интеллектуальной культуры, новым утверждением значимости объективного, иерархичного и философского представления о реальности, которое обождало бы церковное требование надзора за всеми многообразными видами деятельности в рамках христианского мира. Короче говоря — требовалось остановить все те процессы, которые историки стали ассоциировать с эпохой Ренессанса» (*Bouwma, William J. Venice and the Defenses of Republican Liberty. Berkeley: Univ. of California Press, 1968, 294*).

и ее триумф был результатом трансформации Северной Италии в полупериферийную зону мира-экономики.

Церковь как *транснациональный* институт сталкивалась с угрозой возникновения равноценной транснациональной системы — экономической, которая в определенных (центральных) странах мира-экономики обретала свою *политическую* силу посредством создания сильных *государственных* аппаратов. Такой путь развития угрожал положению Церкви в этих странах, поэтому она с воодушевлением подалась в оппозицию веяниям новой эпохи Модерна. Однако именно успех Церкви в периферийных странах парадоксальным образом надолго обеспечил успех европейскому миру-экономике. После 1648 года окончательное охлаждение страстей в борьбе за и против Реформации произошло, возможно, не потому, что обе стороны были истощены и в их борьбе наступил пат, а потому, что политическая карта Европы стала естественным образом отражать лежащую в ее основе структуру мира-экономики. Что же касается роли протестантской этики, то я соглашусь с Чарльзом Х. Уилсоном:

«Если протестантизм и протестантская этика в меньшей степени объясняют экономические явления, чем когда-то считалось, то, стало быть, в эпоху Реформации, оказывается, вообще мало что надо объяснять... Лидерство в экономической сфере медленно переходило от Средиземноморья к северу Европы, и по мере постепенного упадка итальянских городов поднимались города нидерландские; тем не менее, в методах ведения дел или в промышленных технологиях северных экономик было мало такого, что было бы неизвестно венецианским купцам или флорентийским производителям тканей XV века».⁸⁸

В XVI веке некоторые монархи обрели огромную силу благодаря чиновничеству, купившему свои должности, наемным войскам, доктрине божественного права королей и религиозной унификации (*cuius regio* [чья власть — *лат.*]), другим же это не удалось. Все эти процессы, по нашей гипотезе, были тесно связаны с ролью того или иного региона в разделении труда внутри мира-экономики. Разные роли приводили к различным классовым структурам, которые, в свою очередь, были причиной политических различий. Здесь мы оказываемся перед классическим вопросом об отношении государства к ведущим классам новой капиталистической эпохи — капиталистическим землевладельцам и торговцам (иногда их сводят к аристократии и буржуазии, что не совсем верно, поскольку одни аристократы были капиталистами, а другие нет). К сожалению, не существует общего мнения по вопросу, какую роль здесь играло государство, чьим агентом оно выступало, в какой степени его можно было рассматривать как третью силу. Основную теоретическую проблему четко обозначил Пьер Вилар:

«Особенно важен вопрос, каким образом (с помощью системы „адьюдикации“* или иными способами) феодальные доходы были поделены между праздно

⁸⁸ Wilson, C. H. Trade, Society and the State // Cambridge Economic History of Europe, IV, 490.

аристократией и классом-посредником „торговцев-земледельцев“ или им подобных, который трансформировал сеньориальные доходы и держал их наготове для новых типов их вложения. Другими словами, речь идет о том, как стала возможной мобилизация феодальных доходов для капиталистических инвестиций».⁸⁹

В какой степени абсолютную монархию следует рассматривать в качестве последнего убежища феодальной аристократии перед лицом «кризиса» феодализма, сокращения сеньориальных доходов и натиска со стороны других классов (торговой буржуазии, свободных фермеров, сельскохозяйственных работников)? — вот важный аспект проблемы. Первую точку зрения по данному вопросу представляет Такахаси, для которого абсолютизм есть «не что иное, как система концентрации силы для противостояния кризису феодализма, вырастающая из неизбежности развития [в направлении освобождения и независимости крестьян]».⁹⁰ Данную позицию в общих чертах разделяют Кристофер Хилл,⁹¹ Виктор Г. Кирнан,⁹² Эрик Мольнар⁹³ и Борис Поршневу.⁹⁴

Сторонники второй точки зрения доказывают, что политика абсолютной монархии испытывала определенное — возможно, решающее — влияние аристократии, но при этом монарх был не только простым исполнителем ее нужд. Например, Йозеф Шумпетер утверждает, что

«аристократия [при абсолютных монархах] в целом по-прежнему оставалась мощным фактором, который следовало принимать в расчет. Ее подчинение короне по своей природе было в большей степени договором, чем капитуляцией. Оно напоминало выборы — разумеется, обязательные — короля в качестве лидера и исполнительного органа знати...

⁸⁹ Vilar. *Past & Present*, No. 10, pp. 33–34.

⁹⁰ Takahashi. *Science and Society*, XVI, p. 334.

⁹¹ «Абсолютная монархия — это форма феодального государства» (Hill, *Christopher. The Transition from Feudalism to Capitalism // Science and Society*, XVII, 4, Fall 1953, 350).

⁹² «Абсолютная монархия на Западе выросла из феодальной монархии как ее особая разновидность» (Kiernan, V. G. *Past & Present*, No. 31, p. 21).

⁹³ «Все формы европейского абсолютизма служили интересам аристократического класса, или же класса землевладельцев, будучи выражением его политического господства над другими классами общества, в первую очередь над самым многочисленным из них — крестьянством» (Molnar, Erik. *XIIe Congrès International des Sciences Historiques: Rapports*, IV, p. 156).

⁹⁴ Поршневу стремится объяснить буржуазное происхождение бюрократии исходя именно из противоречий, неотъемлемо присущих феодальной системе, в рамках которой нерасчлененность политических и экономических явлений означает, что каждый представитель нобилитета преследует собственные интересы, не обязательно совпадающие с интересами своего класса в целом. «Возникает своеобразное затруднение: аппарат власти дворянского государства [état nobiliaire] не может находиться в руках дворян, ибо присвоение этого аппарата любой группой дворян неизменно вызывает протесты, а там и открытую борьбу со стороны других элементов дворянского класса» (Поршневу Б. Ф. *Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648)*. М.-Л., 1948, с. 619).

Причиной того, [почему знать даже пассивно не противостояла режиму], было, в сущности, то, что король делал все, чего хотела знать, и отдавал ресурсы государства в ее распоряжение... Поэтому подлинным хозяином государства был класс, а не личность».⁹⁵

Бродель аналогичным образом настаивает, что конфликт короля и аристократии был ограниченным, что предполагало, с одной стороны, попытку короля привести знать в подчинение, а с другой, защитить ее привилегии от народного натиска.⁹⁶ Очень близкой Броделю представляется также позиция А. Д. Люблинской.⁹⁷ Дж. Хёрстфилд подчеркивает, что монархи стояли перед дилеммой, «находя, что править при помощи знати тяжело, но и обойтись без нее не менее трудно».⁹⁸

Третья точка зрения — возможно, наиболее традиционная — принадлежит Ролану Мунье. В ее рамках монархия рассматривается как автономная сила, часто вступающая в союз с буржуазией против аристократии и периодически играющая роль посредника между ними.⁹⁹

⁹⁵ *Schumpeter, Joseph A. The Sociology of Imperialism // Social Classes, Imperialism. New York: Meridian Books, 1955, 57–58.*

⁹⁶ «Как в христианском, так и в исламском мире аристократы занимают первое место и не собирается никому его уступать... Повсюду государство, поощряя едва заметные ростки социальной и политической революции, вынуждено вступать в борьбу с этими „держателями феодалов, хозяевами деревень, полей и дорог, пастырями огромной крестьянской массы“. Оно должно было вести с ними переговоры, вносить разлад в их ряды и вместе с тем оберегать их, потому что невозможно управлять обществом, не вступая в сговор с правящим классом. Новое государство использует его как оружие в своих руках, в противном случае оно должно было бы перестроить общество снизу доверху. А это непростая задача, и в XVI веке никто ее перед собой не ставил» (*Бродель. Средиземное море, II, 510–511 (срв. тж. с. 516)*).

⁹⁷ «По отношению к обеим группам знати политика абсолютизма была направлена на защиту их основных классовых интересов, то есть их собственности. Абсолютная монархия не удовлетворяла открыто реакционных требований *noblesse d'èrèe* [дворянство шпаги — *фр.*], во многих случаях оказывая ему прямое сопротивление — но отсюда еще далеко до „эгалитаризма“» (*Lublinskaya, A.D. French Absolutism: The Crucial Phase, 1620–1629 London and New York: Cambridge Univ. Press, 1968, 26*).

⁹⁸ *Hurstfield, J. Social Structure, Office-Holding and Politics, Chiefly in Western Europe // New Cambridge Modern History, III: The Counter-Reformation and the Price-Revolution, 1559–1610 / R. B. Wernham, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1968, 130.* Далее у Хёрстфилда: «Однако повсюду в Западной Европе функция аристократии была внутренне противоречива. В качестве феодалов аристократы имели свои традиционные амбиции и споры, которые часто шли вразрез с заинтересованностью монарха в гражданском мире. Но в качестве наследственных держателей должностей, каковыми было большинство из них, аристократы ожидали укрепления правопорядка, продолжительность которого зависела от обуздания их собственной своекорыстной власти».

⁹⁹ «Абсолютная монархия оказывается порождением соперничества двух классов, буржуазии и аристократии...

Существует ли необходимая взаимосвязь между утверждениями о сравнительно самостоятельной роли государственного аппарата и о классовой борьбе между аристократией и буржуазией? Мольнар, похоже, так не считает. Во-первых, он использует больше категорий, говоря о феодальной аристократии, к которой монарх находился в очевидной оппозиции, а кроме того существовали «дворянство» и буржуазия, два потенциальных союзника короны. Судя по всему, под дворянством Мольнар понимает более мелких землевладельцев, а также землевладельцев, в большей степени ориентированных на капиталистическое сельское хозяйство, однако из контекста его работы это не вполне ясно. Мольнар указывает, что, хотя абсолютизм, похоже, опутал крестьянство тяжелыми налогами, не совсем ясно, как распределялись эти деньги. С одной стороны, увеличившийся государственный бюджет использовался для выплат сборщикам налогов и бюрократии, для выплаты государственных займов и приобретения военного оборудования — всё перечисленное было на руку буржуазии. Однако, с другой стороны, все текущие издержки государства, а именно содержание двора и армии, были платежами в пользу аристократии. Мольнар усматривает здесь тактику «лавирования монархии... между аристократией и буржуазией».¹⁰⁰ Аналогичным образом Энгельс указывает, каким образом государственный аппарат, в какой-то мере вопреки своему желанию, начинает выполнять роль посредника, — по меньшей мере, в отдельные «исключительные периоды».¹⁰¹

Одним из источников неясности в сфере отношений монарха и аристократии является неопределенная структура самой аристократии. Безусловно, принадлежность того или иного семейства к знати со временем изменяется; такая ситуация непрерывной мобильности свойственна всем обществам, в которых существует знать. Однако для XVI века была характерна не только семейная

Эта классовая борьба, возможно, является главным фактором развития абсолютных монархий» (*Mousnier. Les XVIe et XVIIe siècles*, pp. 97, 99).

¹⁰⁰ *Molnar. XIIe Congres International des Sciences Historiques*, IV, p. 163.

¹⁰¹ «Обладая публичной властью и правом взыскания налогов, чиновники становятся, как органы общества, над обществом...

Так как государство возникло из потребности держать в узде противоположность классов; так как оно в то же время возникло в самих столкновениях этих классов, то оно по общему правилу является государством самого могущественного, экономически господствующего класса, который при помощи государства становится также политически господствующим классом и приобретает таким образом новые средства для подавления и эксплуатации угнетенного класса... В виде исключения встречаются, однако, периоды, когда борющиеся классы достигают такого равновесия сил, что государственная власть на время получает известную самостоятельность по отношению к обоим классам, как кажущаяся посредница между ними. Такова абсолютная монархия XVII и XVIII веков [но нельзя ли сказать это и о XVI веке? — *И. В.*], которая держит в равновесии дворянство и буржуазию друг против друга» (*Engels, Frederick. The Origins of Family, Private Property and the State. London: Lawrence Wishart, 1940, 195–196*. Цит. по рус. изд.: *Энгельс, Фридрих. Происхождение семьи, частной собственности и государства*, гл. IX // *К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения*, изд. 2, т. 21, с. 28–178).

статусная, но и межпрофессиональная мобильность. Например, в западном феодализме статус представителя знати был, по-видимому, несовместим с предпринимательской деятельностью. Похоже, что уже для городов позднего Средневековья это в значительной степени был некий миф, а к XVI веку данное утверждение попросту не соответствовало действительности применительно ко всей Европе, причем как в сельских, так и в городских районах. Представители знати стали заниматься предпринимательством повсеместно: в Италии, Венгрии, Польше, к востоку от Эльбы, в Швеции и Англии.¹⁰² Это был как раз тот случай, когда знать успешно стремилась устранить любые формальные преграды к овладению данной профессиональной ролью повсюду, где они существовали, как это было в Испании.¹⁰³ Кроме того, не следует забывать, что, несмотря

¹⁰² Рассматривая феномен участия аристократов в бизнесе в различных итальянских городах XV века, Пол Коулз утверждает: «Знать репетировала ту главную роль, которую ей будет суждено сыграть в рамках европейской деловой активности XVI века...» (Coles. The Crisis of Renaissance Society: Genoa, 1448–1507 // Past & Present, 11, April 1957, 19).

«[Ближе к концу XV века появляется] новая тенденция в развитии Венгрии, которую с экономической точки зрения можно охарактеризовать как усиление участия феодального класса сначала в рыночной торговле, а затем и в самом производстве сырьевых товаров [вина, крупного рогатого скота, пшеницы]» (Pach, Zs. P. En Hongrie au XVIe siècle: l'activité commerciale des seigneurs et leur production marchande // Annales E.S.C., XXI, 6, nov. — déc. 1966, 1213).

«Участие знати в экспортной торговле сельскохозяйственной и животноводческой продукцией, начавшееся с конца XV века и растущее с течением времени, представляет собой другую интересную тенденцию, связанную с распространением такого явления, как ведение знатью собственного хозяйства на принадлежащей ей земле... В XVI веке превращению [аристократии в импортера тканей и предметов роскоши] способствовал процесс постепенного устранения таможенных ограничений в наиболее крупных городах под давлением знати» (Malowist, Marian. Studi in onore di Armando Sapori, I, pp. 587–588).

«Уровень предпринимательской активности юнкеров в течение XVI века повысился благодаря их вторжению в промышленное производство и торговые монополии городов... Появление юнкера в качестве торговца, контрабандиста, промышленника, несомненно, разрушило прежний баланс между городом и селом» (Rosenberg, Hans. American Historical Review, XLIX, p. 236).

Начиная с конца XVI века большинство сёл вокруг Рима находилось в руках дюжины землевладельцев. Их называли *mercanti di campagna*, то есть сельскими торговцами. См. Delumeau. Vie économique, II, p. 571.

Военные предприниматели, о которых шла речь выше, были людьми по большей части благородного происхождения. В ином случае занятие этим видом предпринимательской деятельности обычно вело к пожалованию дворянского достоинства. См. Redlich. Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, Suppl. No. 47, pp. 411, 427–428.

См. тж. Ohlin, Goran. Entrepreneurial Activities of the Swedish Aristocracy // Explorations in Entrepreneurial History, VI, 2, 1953, 147–162; Stone, Lawrence. The Nobility in Business, 1540–1640 // Explorations in Entrepreneurial History, X, 2, Dec. 1957, 54–61.

¹⁰³ «Во избежание каких-либо дальнейших трудностей и для учреждения единых правил была получена папская булла 1622 года, распространившая на все [военные] ордена статут ордена Сантьяго*, с тем чтобы запрет коммерческой деятельности [для членов орденов] применялся не к крупным предпринимателям, а только к мелким

на происходившую в протестантских странах конфискацию церковных земель, XVI век был периодом, когда Церковь также выступала в качестве капиталистического сельскохозяйственного предпринимателя, особенно в Италии.¹⁰⁴

Другой стороной медали было то, что успешные буржуа постоянно приобретали статус землевладельцев и членов благородного сословия, так что тридцать лет спустя между двумя сословиями станет действительно сложно провести четкую границу. Р.Г. Тони считает, что это нормальный процесс, который, тем не менее, значительно усилился в XVI веке.¹⁰⁵ Бродель¹⁰⁶ и Постан¹⁰⁷ согласны

лавочникам или обыкновенным ростовщикам... Очевидно, что торговля была жизненно важным условием сохранения Испанией статуса имперской державы, так что ее нельзя было отвергать как банальное стяжательство» (*Wright, L. P. The Military Orders in Sixteenth and Seventeenth-Century Spanish Society // Past & Present, No. 43, May 1969, 66–67*).

¹⁰⁴ «В спекулятивной гонке капиталовложений в землю церковь и некоммерческие ассоциации [*gli enti morali*] (по большей части находившиеся под влиянием [церкви]) находились в выигрышном положении, поскольку они вступили в эту гонку раньше, чем миряне и „частные лица“. В конце первого десятилетия XVI века половина земельной собственности в Милане находилась в их руках, что имело хорошо известные социальные и религиозные последствия» (*Bulferetti. Archivio storico Lombardo, IV, pp. 21–22*).

¹⁰⁵ «С самых древних времен успешный торговец приобретал высокое социальное положение и общественное признание путем вложения своих сбережений в недвижимость. Безденежный дворянин возвращал своему дому ускользающую удачу путем коммерческих махинаций, среди которых брачный союз с семейством торговцев был если не спекулятивным, то небесприбыльным делом. В начале XVI века обе эти тенденции развивались одновременно с доселе неслыханной скоростью, что необходимо рассматривать как следствие небывалого развития всех форм коммерческой деятельности. Появление доходов, полученных благодаря торговле, привело к возникновению нового слоя бизнесменов, чья предпринимательская инициатива не ограничивалась морским портом и привилегированным городом, а выливалась в приобретение земельных угодий. Еще даже до секуляризации монастырской собственности спекуляция землей стала манией целого поколения» (*Tawney, R. H. Agrarian Problems in the Sixteenth Century. New York: Longmans, 1912, 187*).

¹⁰⁶ «Буржуазия XVI века, с одной стороны, связанная с рыночным хозяйством, а с другой, находящаяся на королевской службе, постоянно балансирует на грани выживания. Речь идет не только об угрозе разорения. Чрезмерно разбогатев или устав от деловых тревог, буржуа покупают должности, ренты, титулы или феодальные владения и погружаются в безмятежную праздность завидной аристократической жизни. На службе королю дворянство приобреталось быстро; этот путь, не исключавший другие, вел буржуа к утрате его прежнего статуса» (*Бродель. Средиземное море, II, 535*).

¹⁰⁷ «Склонность к жизни рантье нетрудно объяснить. Физические риски активной зарубежной торговли не всегда были сопоставимы с возможностями обогащения, которые оказывались тем хуже, чем меньше становились зарубежные рынки. В то же время накопление капитала, скорее всего, еще не достигло того уровня, когда сам капитал мог определять высокий уровень процентных ставок... [Однако такая мотивация] объясняет поведение лишь одной из групп новой буржуазии, наравне с которой были

с представлением о том, что для предпринимателей без благородного статуса оставался путь превращения в рантье, и усматривают в нем поиск буржуазией долгосрочных гарантий безопасности. Существенно, однако, то, что, несмотря на эту профессиональную мобильность, мощь землевладельческого класса не ослабевала. Как утверждает Марк Блок, «сеньориальный строй не был разрушен. Более того, он не замедлил обрести новую силу. Однако сеньориальная собственность в значительной мере переменила владельцев».¹⁰⁸ Именно монархический абсолютизм обеспечил ту стабильность, которая сделала возможными рассмотренные нами крупномасштабные изменения в сферах трудовых ресурсов и занятости, не уничтожив в то же время — по крайней мере, на данном этапе — основополагающую иерархию статусов и доходов.

Что произойдет дальше с этой гипотетически ключевой ролью государства в содействии самоутверждению, получению и сохранению доходов торговой буржуазии? Безусловно, это взаимодействие продолжалось, но вопрос заключается в его интенсивности и хронологических границах, поскольку взаимная поддержка государства и буржуазии в ранний период становления их связи в последующие годы сменилась удушающим государственным контролем. Не случайно в XVII–XVIII веках прежний симбиоз торговца и монарха, похоже, превратится в прямое противостояние. Хартунг и Мунье обнаруживают признаки этой напряженности уже в XVI веке.¹⁰⁹ Стремясь обрисовать становление различных правовых и экономических институтов, которые

и другие. Прежде всего, существовали люди, которые искали и обретали благополучие не только вне, но и в рамках предпринимательской деятельности, по большей части все так же торгового характера. Они добивались этого, торгуя меньшими объемами товаров в пределах хорошо организованных и защищенных рынков... Большая часть этой торговли находилась в руках людей, обладавших состояниями среднего размера. Будучи „середняками“, они искали и находили безопасность в сотрудничестве, объединении и, в целом, в своей многочисленности» (*Postan, M. M. Cambridge Economic History of Europe*, II, p. 218).

¹⁰⁸ Блок. Характерные черты, 179.

¹⁰⁹ «Связь абсолютной монархии и капитализма не всегда была благоприятной для последнего. Несомненно, что начиная с 1560-х годов повсеместные европейские банкротства и единообразие государственного устройства оказались существенными факторами, замедлявшими прогресс торгового капитализма на континенте. С другой стороны, в длительной перспективе это замедление было благоприятным для абсолютной монархии. Оно предотвратило слишком резкий рост буржуазии и помогло утвердить определенное равновесие между буржуазией и знатью, которое, безусловно, стало одной из характерных черт абсолютизма в Западной Европе» (*Hartung and Mousnier. Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche*, IV, p. 45).

Кристофер Хилл приводит аналогичный довод: «Сами по себе монополии не были злом: они представляли собой форму защиты новых производств в отсталых странах. Самые ранние монополии были связаны с национальной обороной: елизаветинские Королевские рудники* создавались для того, чтобы сделать Англию независимой от иностранной меди для производства пушек. Существовали аналогичные монополии на селитру и порох. Однако монополии очень быстро стали вредны, когда они стали использоваться в фискальных целях правительствами, враждебными капиталистическому

эффективно стимулировали не различные формы торговли, просто перераспределявшие прибыль, а предпринимательскую активность, основанную на росте производительности труда,¹¹⁰ Дуглас Норт и Роберт Пол Томас пытаются пролить свет на условия, при которых имело смысл усиление институциональной роли государства. Они полагают, что, наряду с экономическими деформациями, к которым приводит государственное вмешательство в рынок (что, соответственно, влияет и на вероятность появления инноваций), следует также учесть наличие у государства «силы принуждения, позволяющей правительству проводить даже такую политику, которая может вызвать серьезный протест со стороны какой-либо части общества».¹¹¹ Подобная формулировка проблемы предостерегает от рассмотрения функций государства в капиталистической системе в терминах баланса расходов и доходов. В то время как для аристократии абсолютная монархия представлялась чем-то вроде способа отчаянной защиты своих привилегий, для тех, кто получал доход посредством максимизации экономической эффективности собственного дела, государственный аппарат иногда был чрезвычайно полезен,¹¹² а иной раз оказывался главной преградой.

На данный момент мы обрисовали в общих чертах две главные составляющие мир-системы Модерна. С одной стороны, капиталистический мир-экономика был основан на всемирном разделении труда, в рамках которого различным зонам (обозначенным нами как центр, полупериферия и периферия) были предписаны особые экономические роли, в них развивались разные классовые структуры, что в результате вело к использованию отличающихся друг от друга форм контроля над трудом, а прибыль от функционирования всей системы распределялась неравномерно. С другой стороны, политическое действие по большей части происходило в рамках государств, которые, вследствие различия своих ролей в мире-экономике, обладали различной структурой, причем государства центра были наиболее централизованными. Теперь же мы будем рассматривать весь XVI век как процесс, в котором определенные зоны *стали* или периферией, или полупериферией, или центром

развитию. В XVII веке государственные монополии создавались уже с целью последующей продажи...» (*Hill. Reformation to the Industrial Revolution*, p. 96).

¹¹⁰ Норт и Томас упоминают не только экономию в результате роста масштаба производства, но и сокращение транзакционных издержек посредством «интернализации» внешних факторов (благодаря реформе прав собственности), снижение стоимости информации (в результате развития брокерского дела) и уменьшение рисков (с помощью объединенных акционерных компаний). См. *North, Douglas C. and Thomas, Robert Paul. Economic History Review*, XXIII, p. 5–7.

¹¹¹ *Ibid.*, p. 8.

¹¹² Саймон Кузнец делает акцент на следующей ключевой составляющей полезности государства для предпринимателей: «Существование суверенного государства определенно подразумевает возможность разрешения внутренних конфликтов, довольно часто связанных с основными альтернативами экономического роста» (*Kuznets. The State as the Unit of Study of Economic Growth // Journal of Economic History*, XI, 1, Winter 1951, 28).

мироэкономики. Тем самым мы попытаемся облечь в кровь и плоть то, что до сих пор претендовало лишь на статус абстрактного анализа. Будем также надеяться, что этот анализ продемонстрирует единство всего *процесса*. События, о которых пойдет речь, были не случайными, а, скорее, находились в определенном диапазоне возможных вариаций, определенных структурой мира-экономики.

4

ОТ СЕВИЛЫ К АМСТЕРДАМУ:
ПАДЕНИЕ ИМПЕРИИ

«Избиение младенцев», картина Питера Брейгеля-старшего (масло), написанная около 1565 года
в знак протеста против испанских зверств в Нидерландах

[Крах империи Карла V и его влияние на Испанию]

В ходе своего создания европейский мир-экономика был вождем «призом», стоявшим на кону, — поэтому понятно, что действующие лица рассматриваемой нами эпохи должны были стремиться его контролировать. Классическим способом доминирования, известным в то время, было имперское владычество, и многие мечтали об этой возможности. Габсбурги при Карле V предприняли отважную попытку вобрать в свою империю всю Европу, но к 1557 году эта попытка провалилась и Испания неуклонно стала утрачивать не только свою политическую империю, но в равной степени и положение экономического центра. Средоточием европейского мира-экономики стремились стать многие города. Севилья, Лиссабон, Антверпен, Лион, Генуя и Гамбург если и не претендовали на это, то имели такое желание. Но в действительности центром мира-экономики стал Амстердам: маловероятный кандидат на эту роль в 1450 году, уже к 1600 году он достиг огромного преимущества. Обратимся же к истории падения империи, которое повлекло за собой упадок Испании и всех ее союзных городов к выгоде удачливых мятежников из Амстердама.

Восходящий экономический тренд, начавшийся около 1450 года, в первую очередь привел к оживленному расцвету всех старых центров торговли — той зоны, которую можно назвать стеновым хребтом Европы. В нее входили Фландрия, юг Германии, север Италии и, конечно, Испания (благодаря географическим открытиям). Удивительно, что именно этим территориям случилось войти в империю Габсбургов при Карле V. Новейшим знаменательным элементом этой экономической экспансии была испанская трансатлантическая торговля XVI века, в средоточии которой оказалась Севилья с ее Торговой палатой (*Casa de Contratacion de las Indias*). Эта торговля приобрела такую значимость, что «вся европейская жизнь и жизнь всего мира в тогдашних его пределах, можно сказать, зависела [от ее движения]. Мировой ритм будут задавать для нас Севилья и ее банки».¹

Как вышло, что Испания стала играть главную роль? Ведь не Испания, а Португалия возглавила заморскую экспансию Европы в XV веке, и в первой главе мы подробно рассматривали этот процесс, не говоря уже о том, что XV век в испанской истории был беспокойным временем. В самом деле, Хайме Висенс Вивес утверждает, что именно «слово „кризис“ характеризует историю Испании XV века».²

¹ Chaunu. Séville, VIII, (1), p. 14.

² Vicens Vives, Jaime. Approaches to the History of Spain, 2nd ed. Berkeley: Univ. of California Press, 1970, 76.

Это был кризис как политический (мятежи и внутренние войны), так и экономический (общеевропейская рецессия). В экономическом отношении испанской реакцией на кризис стали развитие овцеводства и захват существенной доли сократившегося мирового рынка шерсти благодаря низким ценам.³ Месты, синдикат испанских производителей шерсти, была настолько сильна, что в XIV–XV столетиях все попытки гипотетической кастильской буржуазии убедить короля ввести протекционистскую политику провалились.⁴ Даже при «католических королях» Фердинанде и Изабелле, бывших, предположительно, сторонниками развития промышленности, последняя, как указывает Висенс, «либо производила предметы роскоши, либо обслуживала только местный рынок».⁵ В отличие от Британии, Испания не пошла в направлении развития крупной текстильной индустрии.⁶ Возможно, по иронии судьбы само наличие кастильской конкуренции в сочетании с экономической депрессией позднего Средневековья подвигло Англию пойти по пути индустриального роста. Впрочем, сейчас для нас более важно, что этим путем не пошла Испания.

И все же, как можно объяснить центральное экономическое положение Испании в первой половине XVI века, если в структурном отношении испанская экономика была столь слабой? Частично это объясняется тем, что

³ «Развитие овцеводства Кастилии и появление миллионов ее постоянно находящихся в пути овец были бы невозможны, немыслимы без европейского кризиса XIV–XV веков, без очевидной привлекательности низких цен на кастильскую шерсть, без хорошо известного свертывания экспорта английской шерсти, без сукнодельческой промышленности итальянских городов» (*Бродель*. Средиземное море, I, 106, 108).

⁴ «Значительный уровень развития текстильной промышленности в XV веке фактически продемонстрировало предложение кортесов 1438 года в Мадригале запретить импорт иностранных тканей и экспорт кастильской шерсти. Столь решительные протекционистские меры не были приняты королем Хуаном II из-за резкого вмешательства Месты и всех, кто получал прибыль от торговли шерстью: купцов, сборщиков шерсти, спекулянтов и ростовщиков. Именно после этого события крупные землевладельцы начали жестокую борьбу за то, чтобы предотвратить развитие кастильской буржуазии. В контексте этой борьбы следует рассматривать принятое в 1462 году кортесами в Толедо и утвержденное королем Энрике IV соглашение о том, что доля шерсти, которую могла получать кастильская текстильная промышленность, должна составлять третью часть от общего экспорта Месты. Этой доли было недостаточно для удержания в пределах страны богатств, которые уходили за границу и обеспечивали состояние столь большого количества аристократов, — если, конечно, намерение противодействовать этому вообще существовало» (*Vicens Vives, Jaime. An Economic History of Spain*, pp. 259–260).

⁵ *Ibid.*, p. 305.

⁶ «Кастилия в основном экспортировала сырую шерсть, а не ткани, так что... одним из принципов протекционистской политики „католических королей“ было стимулирование производства шерсти мериносов в отарах Месты. С другой стороны, Англия, где также процветало овцеводство, традиционно экспортировала 90% его продукции во Фландрию и уже в XV веке, когда поголовье стало расти, одновременно начала производить промышленную обработку текстильного сырья» (*Larraz, José. La época del mercantilismo en Castilla (1500–1700)*. Madrid: Atlas, 1943, 20).

слабость проявлялась в долгосрочной, а не в кратковременной перспективе, частично — тем, что на некоторых уровнях политическая система Испании была сильной. В средние века у Кастилии была четкая «национальная» цель. С одной стороны, в Испании происходила *Реконкиста*, постепенное вытеснение мавров с Пиренейского полуострова, завершившееся падением мусульманской Гранады и изгнанием из Испании евреев, — оба эти события произошли в 1492 году, году путешествия Колумба. С другой стороны, существовало стремление объединить христианские государства Испании, однако этот союз состоялся только на высшем уровне: Арагон сохранил отдельное законодательство, государственный бюджет и социально-правовую систему.

Поскольку Испания строилась на основе Реконкисты, феодализм как *политическая* форма был здесь слаб.⁷ Поэтому, как утверждает Хосе Мараваль, «наличие политического и социального порядка, не основанного на феодальной структуре, создало благоприятную почву для развития „государственных“ форм»,⁸ а первоклассная дорожная система* обеспечивала сравнительно легкую

⁷ Луис Витале перечисляет пять причин, по которым феодализм в Испании был слабее, чем в других европейских странах. Эти причины связаны с воздействием арабо-мусульманских завоеваний, указанным значением Месты и ранним появлением на сцене буржуазии. См. *Vitale. Latin America: Reform or Revolution?* pp. 34–36.

⁸ *Maravall. Cahiers d'histoire moderne*, VI, p. 791. Это не обязательно означает, что экономическая роль крупных землевладельцев была незначительной. Напротив, на основании этого факта Пьер Вилар утверждает, что испанская империя являлась «высшей стадией феодализма» (*Vilar. Le temps de Quichotte // Europe*, 34, No. 121–122, janv. — févr., 1956, 8).

Тем не менее, в одной из предыдущих глав мы уже обосновали, почему появление таких феноменов, как латифундия, следует рассматривать не как «второй феодализм», а как «капиталистическое сельское хозяйство». Но при этом см. у Вилара: «В Испании... или, скорее, в *Кастилии* — правящий класс участвовал в Конкисте на манер Реконкисты, то есть на *феодальный манер*. Захват земель и сокровищ, принуждение людей к подчинению — все это не способствует „инвестициям“ в капиталистическом смысле этого слова. На подобные инвестиции была способна зарождающаяся буржуазия, и с 1480 по 1550 годы она делала их без колебаний. Однако благодаря своему положению в структуре денежного обращения она же первой познала и нестабильность капитализма портов и ярмарок. К тому же объем бывших в распоряжении буржуазии „производительных сил“ — земли, людей, технических инноваций — увеличивался на равнинах Кастилии довольно быстро, что противодействовало реализации закона уменьшения прибыли. Вслед за этим, после 1550 года, буржуазия ощутила на себе стерилизующее воздействие монетарных инъекций. Когда один и тот же агент и тратит, и импортирует, и дает займы под проценты — и он же мало производит, цены и зарплаты взмывают вверх, развивается паразитизм, а производство приходит в упадок. Это значит, что завтра наступит бедность [*Ibid.*, pp. 9–10]».

Похоже, что этот пассаж Вилара о «нестабильном капитализме портов и ярмарок» соотносится со скептическим отношением Маркса к прогрессивному характеру купеческого капитала: «Однако... его развитие, *взятое само по себе*, недостаточно для того, чтобы вызвать и объяснить переход одного способа производства в другой... Напротив, там, где преобладает купеческий капитал, господствуют устаревшие отношения» (*Маркс. Капитал*, II, гл. XX, 360. Курсив добавлен).

связь центра и периферии страны.⁹ Фердинанд и Изабелла поддерживали Месту с целью создания сильной системы национальных рынков.¹⁰ Они также обеспечили функционирование системы индивидуальной мобильности, хотя при этом сохранялись ценность титула и традиционная иерархия.¹¹ «Католические короли» усилили бюрократию таким образом, что она «укоренилась в обществе до такой степени, что стала... *'pars rei publicae'* [частью государства — лат.].»¹² Они, так сказать, национализировали католический клир.¹³ Но прежде всего они создали «условия, в которых мог быть полноценно реализован существующий экономический потенциал Кастилии».¹⁴

То, что золото текло рекой сквозь Испанию, а Кастилия смогла взлететь под европейский небосвод, было, по словам Пьера Вилара, «одновременно и причиной, и следствием».¹⁵ Но следствием чего именно? Фактически — следствием

⁹ «Эти „грузоперевозки“ позволяют Кастилии обеспечивать связи между окраинными областями полуострова, которые окружают ее и часто отдаляют от моря. Именно благодаря этим сообщениям Кастилия, как было о ней сказано [Ортегой-и-Гассетом], „создала Испанию“... Не стала ли эта простота сообщений первым условием действенного управления, благодаря которому... под действием всех этих причин Кастилия в это время становится центром тяжести и сердцем Испании?» (*Бродель. Средиземноморье*, I, 62–63).

¹⁰ «Особый интерес Фердинанда и Изабеллы к ограничению и регулированию *portazgos* [старинного налога, налагаемого городами на товары и животных на их пути к рынку] на стада Месты был обусловлен значительно возросшей важностью этой организации в качестве инструмента, стимулирующего развитие внутренних коммуникаций. „Национализация“ торговли и эволюция рынков от локального и столичного уровня к национальному были определенным этапом, внесшим свою лепту в экономические успехи, этапом, выдающуюся значимость которого эти просвещенные правители оценили первыми на Пиренейском полуострове» (*Klein. The Mesta*, p. 223).

¹¹ «Таким образом, цель политики Фердинанда и Изабеллы состояла в том, чтобы подтвердить значимость системы рангов и иерархий кастильского общества и консолидировать ее, одновременно предоставив возможности социального продвижения многим из тех, кто в правление предшествующих монархов гораздо меньше мог рассчитывать на приобретение привилегированного статуса. Одним из ключевых факторов этого продвижения было образование, которое действительно могло дать человеку место на службе королю. Другим фактором было богатство, в частности, городское, делавшее возможным альянс между богатыми купеческими семьями (в том числе еврейского происхождения) и уважаемыми династиями аристократов» (*Elliott, J. H. Imperial Spain, 1469–1716. New York: Mentor, 1966, 113–114*).

¹² *Maravall. Cahiers d'histoire moderne*, VI, p. 805.

¹³ «„Католические короли“ не хотели, чтобы иностранцы занимали места в церковной иерархии их страны не только из соображений сохранения своих привилегий, но отчасти и потому, что иностранцы мало что знали о положении дел в королевстве [Ibid., p. 86]».

¹⁴ *Elliott. Imperial Spain*, p. 117. С другой стороны, Эллиотт отмечает множество негативных черт их правления. См. pp. 123–127.

¹⁵ *Vilar. Past & Present*, No. 10, p. 32. И, добавляет Альваро Хара, Испания парит под этими небесами выше остальных благодаря завоеваниям в Америке: «Испания

длинного ряда явлений, связанных с экономической ролью благородных металлов. Среди этих явлений следует упомянуть ограниченные запасы металлов в средиземноморском мире, Судан как главного поставщика золота в предшествующий период, влияние португальской экспансии на североафриканских посредников в торговле итальянских городов-государств, роль Генуи в Испании и стремление генуэзцев найти источник металлов за пределами Португалии (стремление, которое могло удовлетворить только Испания).

Обратимся к деталям этого сложного сюжета. Выше уже говорилось о роли металлов в средневековой торговле и о том, как суданское золото попадало в Европу через Северную Африку и христианское Средиземноморье. В середине XV века роль Северной Африки вдруг резко сократилась, хотя насколько — это предмет отдельной дискуссии. Бродель говорит о том, что Северная Африка катастрофически сдала позиции.¹⁶ Маловист же просто признает сокращение, но не считает его катастрофическим.¹⁷ Как бы то ни было, внезапная нехватка металлов усилила финансовую нагрузку на испанское государство (которая и так

не была изолирована от Европы; она, в свою очередь, испытывала влияние экономических требований, которые исходили из европейских финансовых центров и сообщались ей тем или иным способом, отражаясь на испанской экономике. Были ли это нужды испанского потребления (главным образом имеется в виду потребление продовольствия) или потребности военных кампаний монархии, колонии Вест-Индии обеспечивали ту основу, без которой невозможно было бы объяснить испанское господство. Поэтому можно без колебаний говорить о том, что основные направления (*rasgos*) испанских завоеваний в Америке, основанные на частной инициативе, соответствовали потребностям государственного аппарата метрополии, поощрявшего такие формы завоевания, которые позволяли накапливать невероятные сокровища без риска и значительных издержек» (*Jara. Estructuras de colonización y modalidades del tráfico en el Pacífico sur hispano-americano // Les grandes voies maritimes dans le monde, XV–XIXe siècle, VII Colloque, Commission Internationale d'Histoire Maritime. Paris: S.E.V.P.E.N., 1965, 251*).

¹⁶ «Начиная с последнего десятилетия XV века суданское золото престаёт поступать (по крайней мере, в прежнем количестве) в города Северной Африки... Средиземноморье внезапно лишается важной части своего золотого запаса... Поэтому недолгое процветание Северной Африки рушится как карточный домик... Что же произошло?.. Лишь то, что в 1460 году португальские мореплаватели достигли входа в Гвинейский залив... В 1482 году начинается строительство крепости... Сан-Жорже-да-Мина*... С этого момента фактически начинается „перехват“ португальцами товарных потоков в Сахаре, полное изменение направления торговых путей и их разворот в обходном направлении» (*Braudel, Fernand. Monnaies et civilization: de l'or du Soudan à l'argent d'Amérique // Annales E.S.C., I, 1, janv. — mars 1946, 12–13*).

¹⁷ «По поводу влияния португальских торговых форпостов в Аргуине (основан после 1448 года**) и Сан-Жорже-да-Мина (построена в 1482–1484) на африканскую торговлю золотом существует значительное непонимание. Следует признать, что форпост в Аргуине в определенной степени изменил направление экспорта суданского золота, не навредив, однако, интересам транссахарских стран и их населения... Суданские поставщики, равно как и берберы, занятые в этой торговле, с появлением европейцев в Аргуине получили новых покупателей золота, однако это ни в коей мере не повлияло на их положение в торговле. Другое дело — традиционные покупатели этого золота, скажем, жители Магриба и Египта, которым, похоже, предстояло ощутить на себе

неуклонно росла из-за увеличивающихся военных и придворных расходов), приведя к падению стоимости безналичных денег (*мараведи**).¹⁸

Финансовый кризис оказался серьезным, заставив испанских генуэзцев — испанских банкиров и покупателей золота — принимать меры. Мы уже говорили о роли Генуи в испанской торговле, однако генуэзцы участвовали в различных испанских делах не только как финансисты.¹⁹ Спрашивается, почему бы генуэзцам не получать себе золото через Португалию? Возможно, потому, что сила Португалии как страны-лидера в открытиях подразумевала, что ее условия будут для генуэзцев менее привлекательны, чем те, которые предлагала Испания.²⁰ Возможно, и потому, что следствием этой силы был недостаток воображения. Воображение — это, как правило, не что иное, как поиск прибыли в среднесрочной перспективе теми, для кого закрыты пути быстрого обогащения. Когда они открыты, воображения не требуется. Португалия и так хорошо себя чувствовала, контролируя навигацию вдоль африканского побережья. Она не испытывала никакой необходимости намеренно осуществлять рискованные морские предприятия в западном направлении.²¹ Шоню красноречиво выдвигает резонный аргумент, что открытие Америки Испанией объясняется не только удачей. В контексте

определенное воздействие в результате появления европейских конкурентов на берегах Западной Африки...

На данном этапе исследования мы полагаем, что экспорт суданского золота в Магриб и Египет, вероятно, и правда уменьшился, однако степень этого сокращения не была катастрофической для арабского мира. В равной степени нам представляется сомнительным, что падение оборота золота в Уардане** можно приписать деятельности торгового форпоста в Мине, которая находилась слишком далеко...

Что бы ни было причиной, в конце XVI — начале XVII веков Дженне*** снова был, согласно автору „Тарих ас-Судан“****, крупным центром сахарского обмена соли на золото» (*Malowist, Marian. Le commerce d'or et d'esclaves au Soudan Occidental // Africana Bulletin, No. 4, 1966a, 56–59*).

¹⁸ См. *Ladero Quesada, Miguel Angel. Les finances royales de Castile à la veille des temps modernes // Annales E.S.C., XXV, mai — juin 1970, 784*.

¹⁹ Генуэзцы и прочие неиспанцы играли в Испании значительную роль не только в поиске золота и торговле, но и в сельскохозяйственном производстве на Канарских островах. См. *Marrero, Manuela. Los italianos en la fundación de Tenerife hispánico // Studi in onore di Amintore Fanfani, V: Evi moderni e contemporaneo. Milano: Dott. A. Giuffrè-Ed., 1962, 329–337*.

²⁰ «К чести Генуи, если тут можно говорить о чести, она была единственной, кто в тот момент искал антипортугальское решение» (*Braudel. La Méditerranée, I, p. 14*).

²¹ «Неудачу Колумба в Португалии можно объяснить самым уровнем географических знаний в правительственных и торговых кругах этой страны. С точки зрения здравого смысла и в особенности принимая во внимание расстояния, которые предстояло преодолеть, очевидно сомнительная гипотеза Колумба ни у кого не вызывала желания доверять ему деньги и человеческие жизни.

Кроме того, Португалия была слишком увлечена успешной политикой исследования Африки в поисках прямого морского пути к Островам пряностей в обход Судана, чтобы использовать столь призрачную возможность необычного маршрута, предложенного Колумбом» (*Chaunu. Seville, VIII, (1), pp. 89–90*).

своего времени Испания была страной, наиболее одаренной «не только способностью использовать предлагаемые возможности, но и способностью создавать их самостоятельно».²² Англия наняла итальянца Джона Кабота, однако его вторая «английская» экспедиция потребовала *испанской* поддержки. Лишь с XVII века Франция и Англия начинают собственные заморские экспедиции, но действительно преуспеть в этом им удастся не ранее XVIII столетия.²³

Испании же в XVI веке удалось создать протяженную империю в обеих Америках — настолько протяженную, насколько позволяли издержки морского транспорта.²⁴ Это предполагало молниеносный рост трансатлантической торговли, объем которой увеличился между 1510 и 1550 годами в 8 раз и вновь между 1550 и 1610 годами — втрое.²⁵ Средоточием этой торговли была государственная монополия в Севилье, которая во многих отношениях стала ключевой бюрократической структурой Испании.²⁶ Важнейшей статьей трансатлантической торговли были золото и серебро. Сначала испанцы просто отбирали золото у инков, уже добытое последними для ритуального использования.²⁷

²² Ibid., p. 235.

²³ «Если отказаться от признания того, что в промежутке между началом XVI и XVIII столетиями произошла технологическая революция, что роль Кастилии была логично выгодной благодаря ее положению на острие „Реконкисты“, на пересечении Средиземноморья и океана, на важнейшем стыке торговых путей с юга на север и встречного течения (*contreflux*) торговли из средних широт на юг, — в таком случае открытие Америки генуэзским мореплавателем, отправившимся из Палоса, придется приписать исключительно удаче, то есть признать абсурдным. Столь же абсурдной предстанет и монополия Андалусии, если отрицать роль ветров, — жизнь Андалусии XVI века, это длительное и дальновидное напряжение сил южных пиренейцев, окажется в таком случае бессмысленным плодом бессмысленного каприза...» (*Chaunu. Seville*, VIII, (1), pp. 236–237).

²⁴ «Испанская Америка приобретала свои очертания как минимум четверть века. Это подтверждает неудачная попытка завоевания арауканского Чили*. Для того чтобы расти и поддерживать свое существование, колониальная Америка вскоре сделала основой своей экономической деятельности эффективную систему морской торговли. Стоимость транспортировки требовала значительного объема производства ценных товаров, что обрекало „первую“ Америку на участь экономических систем, способных лишь к непосредственному производству своих богатств**» (*Chaunu, Pierre. L'Amérique et les Amériques*. Paris: Lib. Armand Colin, 1964, 85–86).

²⁵ «Как волнителен динамизм этих первых этапов экспансии: здесь мы действительно присутствуем при... структурном переломе. Это неравновесие легко объясняется: 1504–1550 годы — не был ли этот период временем перехода от небытия к бытию?». (*Chaunu. Seville*, VIII (2), p. 51).

²⁶ «В своей заморской политике испанское государство не могло освободиться от влияния группы лиц в Андалусии, которые контролировали ситуацию, стремясь посредством своего могущества обеспечить беспрекословное признание монополии [Севильи], — монополии, которая, помимо всех иных преимуществ, способствовала эффективности этого контроля» (*Chaunu, Pierre and Huguette. Economie atlantique, économie monde (1504–1650)* // *Cahiers d'histoire mondiale*, I, 1, juil. 1953, 92).

²⁷ См. *Jara, Alvaro. La producción de metales preciosos en el Perú en el siglo XVI* // *Boletín de la Universidad de Chile*, No. 44, nov. 1963, 60. См. таблицу, стр. 63.

Это было своего рода золотое дно. Когда это золото уже было на исходе, испанцам удалось обнаружить метод серебряного амальгамирования, который позволил им выгодно добывать серебро, в изобилии имевшееся в Америке, и тем самым обеспечить действительно существенный приток драгоценного металла в Европу.²⁸

Этот «молниеносный рост» торговли сопровождался не менее зрелищным политическим процессом территориального расширения империи в Европе. Вскоре после того, как в 1519 году Карл V был коронован императором Священной Римской империи, его европейские владения включали такие разнообразные и не связанные между собой территории, как Испания (в том числе Арагон), Нидерланды, различные части южной Германии (в том числе Австрию), Богемия, Венгрия, Франш-Конте, Милан* и средиземноморские владения Испании (Неаполь, Сицилия, Сардиния, Балеарские острова). В этот момент его империи, структурно схожей с современными ей Османской империей Сулеймана Великолепного и Московской империей Ивана Грозного, казалось, суждено вобрать в себя всё политическое пространство Европы. В то же время создавалось впечатление, что другой империей может стать рождающийся мир-экономика. В своем стремлении включить этот мир в свою империю Карл V был не одинок. То же самое пытался сделать французский король Франциск I,²⁹ и для этого у Франции были преимущества в виде ее размеров и центрального географического положения в Западной Европе.³⁰ Однако для выполнения этой задачи

²⁸ «Возможно, что без использования этой технологии, основанной на свойствах ртути, остановилась бы европейская инфляция, а американские рудники вступили в фазу стагнации и упадка» (*Jara, Alvaro. Economía minera e historia económica hispano-americana // Tres ensayos sobre economía minera hispano-americana. Santiago, Chile: Centro de Investigaciones de Historia Americana, 1966, 37*).

²⁹ «[В XVI веке] существовал и французский империализм. Сначала французы отказались признать любую зависимость от императора [Священной Римской империи] („король есть император в своем королевстве“). Затем Карл VIII отправился в Италию, чтобы добраться до Востока во главе очередного крестового похода [1494] и тем самым обрести титул Константинопольского императора, на который он претендовал. Когда Карл вошел в Неаполь с золотой короной на голове, держа в своих руках имперский скипетр и державу, все кричали: августейший император. А в Германии в это время была паника при мысли, что он желал титула императора Священной Римской империи Германской нации. Этот французский империализм, выразившийся в попытках установить владычество в Италии и провести кандидатуру Франциска I [на выборах] императора в 1519 году, после избрания Карла V сменился оборонительной политикой, направленной против Габсбургов» (*Mousnier. Les XVe et XVIe siècles, pp. 132–133*).

Мишель Франсуа также говорит о «двойном наследии» Франциска I, с одной стороны, как монарха, чей авторитет был создан упорной работой легистов** и государственных чиновников, а с другой стороны, как наследника имперских итальянских предприятий Карла VIII и Людовика XII, которые открыли «особенно широкие перспективы для Французской монархии» (*François. L'idée d'empire sous Charles-Quint // Charles Quint et son temps, Colloques internationaux du C.N.R.S., Paris, 30 sept. — 3 oct. 1958. Paris: Ed. Du CNRS, 1959, 25*).

³⁰ Применительно к 1500 году можно сказать, что «Англия, Испания и Бургундия-Австрия вращались, как по орбите, вокруг первой и величайшей европейской

Франция обладала меньшим количеством ресурсов, поэтому избрание императором Карла V вместо Франциска I стало крупным поражением французов. Тем не менее, Франция, расположенная «в самом сердце»³¹ Испанской империи, была достаточно сильна, для того чтобы последующие 50 лет стали историей постоянной вражды двух имперских гигантов, Габсбургов и Валуа — борьбы, которая в 1557 году фактически окончится их обоюдным истощением и надолго положит конец мечтам об Империи в Европе.

Длительная борьба двух гигантов, Франции и Испании, принимала вооруженную форму в первую очередь на Апеннинском полуострове, сначала в ходе Франко-испанских войн 1494–1516 годов, а затем в распре Габсбургов и Валуа, продолжавшейся до 1559 года.³² С имперской точки зрения, причина борьбы за Италию была понятной. В период позднего Средневековья северо-итальянские города-государства были центрами развития наиболее «передовых» видов экономической (промышленной и торговой) деятельности на европейском континенте. Несмотря на то, что итальянским городам больше не принадлежала монополия в торговле на дальние расстояния, они все равно были сильны накопленными прежде капиталом и опытом,³³ так что гипотетическому

силы — Франции... Главными преимуществами Франции были ее размеры и центральное расположение. В начале современной эпохи Франция была сердцем Западной Европы. Англия, Испания, Италия и Германская империя симметрично располагались вокруг Франции, так что именно последняя определяла ведущие направления развития. При этом сердце Европы было еще и самым населенным ее королевством» (*Mattingly, Garrett. Renaissance Diplomacy*, pp. 129, 131).

³¹ Сказано об испанцах XVI века в: *Pérez, A. L'art de gouverner. Discours adressé à Philippe II*, цит по: *Romano, Ruggiero. La pace di Cateau-Cambrésis e l'equilibrio europeo a metà del secolo XVI* // *Rivista storica italiana*, LXI, 3, 1949, 527.

³² См. комментарий о том, почему значительная часть военной борьбы происходила в Италии, в: *Oman. A History of the Art of the War*, p. 14.

³³ Р.С. Лопес полагает, что в данном случае уместна параллель с Англией после 1870 года: «Если упадок заключался именно в этом, то ни итальянцы, ни их соперники не осознавали его в полной мере» (*Lopez. The Trade of Medieval Europe: The South* // *Cambridge Economic History of Europe, II: Trade and Industry in the Middle Ages* / M. M. Postan and E. E. Rich, eds. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1952, 351).

Аминторе Фанфани также отмечает славу Италии в эпоху Средневековья и ее упадок в XV–XVI столетиях: «Средневековый успех Италии связан с тем, что порты Апеннинского полуострова были базой для торговли Запада с Левантом и левантинской торговли с Западом; кроме того, торговые связи Италии с Левантом имели колониальную природу, в то время как для Западной Италии была экспортером промышленных товаров. Не совсем верно, что итальянцы владели собственными колониями за морем и не имели их по ту сторону Альп, — на самом деле все или почти все итальянцы пользовались плодами чисто экономической колонизации, не слишком явной и благодаря этому, пожалуй, более приемлемой, но все же основательной и потому крайне плодотворной...

Начиная с XIV века два обстоятельства нарушают положение дел, на котором держалось итальянское процветание... Вместе с продвижением турок и созданием централизованных государств во Франции и Англии перспективы процветания итальянской экономики ухудшились, хотя в течение всего XVI века итальянцам удавалось

миру-империи требовалось обеспечить над ними контроль. На раздробленной политической карте Италии³⁴ только в Ломбардии, на территории средних размеров, появился сравнительно сильный государственный аппарат,³⁵ однако и эта территория представлялась слишком малой, чтобы выжить в политическом отношении.³⁶

не утратить их полностью» (*Fanfani. Storia del lavoro in Italia dalla fine del secolo XV agli inizi del XVIII. Milano: Dott. A. Giuffrè-Ed., 1959, 24–25*).

³⁴ Для нашего исследования не имеет значения, почему в политическом отношении Италия была настолько раздробленной. Ответ, возможно, следует искать в политических событиях раннего Средневековья, наряду с относительным экономическим успехом некоторых городов-государств в период позднего Средневековья. Классическое объяснение предложено у Якоба Буркхардта: «Борьба между папами и Гогенштауфенами оставила Италию в политической ситуации, существенно отличавшейся от ситуации в прочих западноевропейских странах. Если во Франции, Испании, Англии ленная система сложилась таким образом, что, прекратив свое существование, она сменилась монархическим единым государством; если в Германии она, по крайней мере, обеспечивала внешнее единство Империи, то в Италии к нему не было никаких подступов. В лучшем случае императоры в XIV веке воспринимались и почитались не как верховные властители ленов, но как носители верховной власти, поддерживающие уже существующие властные права; папство же со своими сторонниками и опорой в обществе было достаточно сильным, чтобы воспрепятствовать любому будущему единству, не будучи, однако, способным само его создать. Между обеими сторонами было множество политических образований, существование которых соответствовало фактическому положению вещей» (*Burkhardt. The Civilization of the Renaissance in Italy. New York: Modern Library, 1954, 4*. Цит. по рус. изд.: *Буркхардт, Якоб. Культура Возрождения в Италии. Опыт исследования. М.: Юрист, 1996, 9*).

Уоллес Фергюсон: «Итальянские государства эпохи Возрождения неминуемо отличались от государств Севера, поскольку история Италии в предшествующий период слишком отличалась от истории Северной Европы. Отчасти эта разница была следствием двух чисто политических фактов: во-первых, с X до XIII века Италия входила в состав Священной Римской империи Германской нации; во-вторых, прямо в середине полуострова находилась территория Папского государства» (*Ferguson, Wallace, ed., Toward the Modern State // Renaissance Studies, No. 2. London, Ontario: Univ. of Western Ontario, 1963, 147–148*).

³⁵ «От остальной Италии XIV–XV веков Ломбардию отличала политеческая трансформация... *Синьория** [была] фундаментальным „новшеством“, лежавшим в основе широких экономических изменений в Ломбардии этого периода... Во многих отношениях экономическая политика Ломбардии того времени, существенно выходявшая за рамки непосредственных интересов Миланской коммуны, предвосхитила английский меркантилизм, в равной степени это касается и отношения к церкви и ее землям...

В том, что можно назвать инфраструктурными проектами (*public works*), в мерах, стимулирующих промышленность и торговлю, в усовершенствованиях в сельском хозяйстве и в демографической политике (материальное поощрение больших семей, репатриации и миграции в Ломбардию) — во всех этих отношениях миланские герцоги во многом, если не во всем, предвосхищали так называемые меркантилистские государства уже недалекого будущего» (*Dowd, Douglas F. The Economic Expansion of Lombardy, 1300–1500: A Study in Political Stimuli to Economic Change // Journal of Economic History, XXI, 2, June 1961, 147, 160*).

³⁶ Свидетельства того, что это явление было характерно не только для Ломбардии, см. в: *Mousnier. Les XVIe et XVIIe siècles, p. 93*.

Фактически речь идет о сравнительно небольшой территории, «узком четырехугольнике, образованном городами Венецией, Миланом, Генуей и Флоренцией, враждовавшими и соперничавшими между собой, при этом каждый город обладал несколько разным весом...»³⁷ Долгое время главной политической проблемой этих городов-государств (равно как и аналогичных образований во Фландрии) было «[освобождение] от феодальных посягательств и [одновременно] защита от очередной угрозы, исходившей от новых монархий, — угрозы более централизованного политического контроля».³⁸ Для итальянских городов-государств одним из способов держать эти монархии на расстоянии было бы присоединение к империи.³⁹ Джино Луццатто описывает события в Италии между 1530 и 1559 годами как «распространение прямого или косвенного владычества Испании на большей части Апеннинского полуострова».⁴⁰ В похожем ключе Пол Коулз утверждает, что «центральной темой международных отношений первой половины XVI века была борьба за Италию между французским и испанским империализмом».⁴¹ Однако из данных высказываний не следует, что сопротивление итальянских городов-государств этому «владычеству» росло. Напротив, они вполне могли рассматривать последнее как наилучшую альтернативу. Следует помнить, что в рамках мира-экономики средоточия экономической деятельности и «национальности» ключевых экономических групп не полностью совпадают с центрами принятия политических решений. В данных условиях присоединение городов-государств к империи было прежде всего «браком по расчету»,⁴² и эта метафора становилась реальностью.

³⁷ Бродель. Средиземное море, II, 57.

³⁸ Wilson, C. H. Cambridge Economic History of Europe, IV, p. 492.

³⁹ Анри Пиренн обращает внимание на то, что в ряде городов освобождение от феодальной опеки было двухступенчатым процессом: «По существу, муниципальная республика не получала абсолютный суверенитет, даже сбросив вассальную зависимость от своего непосредственного сеньора. Она лишь ускользала от власти графа или епископа, отдавая себя во власть более высокого сюзерена. В этом смысле единственно свободным был германский город, менявший близлежащую и очень действенную власть своего сеньора на удаленную и крайне слабую власть императора» (*Pirenne. Early Democracies in the Low Countries*. New York: Norton, 1971, 183).

Последствия указанного обстоятельства для создания сильных государств были очевидны: «Если во Франции и Англии главным противником современного государства оказалась крупная знать, то в Нидерландах его развитию противостояли города [p. 187]».

⁴⁰ Luzzatto, Gino. Storia economica dell'età moderna e contemporanea, Part I, Letà moderna. Padova: CEDAM, 1955, 116. См. далее: «Лишь Венеция сохраняла в Италии независимость, но невиданной прежде силы давление турок лишало ее свободы действий [p. 117]». В то же время Доминико Селла убежден, что «кризис, который поразил другие города Апеннинского полуострова, оказался удачей для Венеции» (*Sella. Annales E.S.C.*, XII, p. 36).

⁴¹ Coles. Past & Present, No. 11, 41.

⁴² «Империализм XVI века означал для Италии не только военные действия начала столетия. Неизбежной была и определенная экономическая компенсация за утрату итальянскими республиками политической независимости, особенно необходимая в случае Генуи, жители которой жаждали возместить ущерб, нанесенный сокращением левантинской торговли. На роль государства, которое могло предоставить такую компенсацию, прекрасно

Рут Пайк указывает, что наибольшее увеличение генуэзской диаспоры в Севилье приходится на 1503–1530 годы, причем к середине века генуэзцы «почти полностью контролировали американскую торговлю и оказывали мощное влияние на экономическую жизнь Севильи».⁴³ Однако, как и в случае с предыдущим поколением генуэзцев в Португалии, испанцы ассимилировали выходцев из Италии: «Следствием натурализации оказывались стабильность и ассимиляция. В условиях Испании XVI века это означало лишь то, что потомки генуэзцев забросят торговлю».⁴⁴

Помимо контроля над тремя из четырех главных итальянских городов-государств (за исключением Венеции), империя Карла V опиралась на два других экономических столпа: торгово-банкирские дома Южной Германии (в особенности дом Фуггеров) и главный рынок европейского мира-экономики «первого» XVI века — Антверпен.

Положение дел по ту сторону Альп, в торговых городах юга Германии, в действительности мало чем отличалось от севера Италии. Р.С. Лопес, например, отмечает, что «в XV веке наиболее быстро развивающимся регионом Европы были города Южной Германии и Швейцарии».⁴⁵ В 1460–1500 (или 1510) годах в Центральной Европе резко увеличивается добыча серебра, что обеспечивало дальнейший источник экономической мощи.⁴⁶ Торговая экспансия XVI века, надо полагать, лишь усилила роль Германии в качестве канала между северной Италией и Фландрией.⁴⁷ Похоже, что на первых порах на экономическое процветание этих регионов не влиял даже рост атлантической торговли на фоне сравнительного упадка торговли средиземноморской, особенно с того момента, как север Италии и Фландрия в качестве частей империи Габсбургов смогли воспользоваться преимуществами атлантической торговли.⁴⁸

подходила Испания с ее владениями в Новом Свете и затем во Фландрии. История отношений Испании и итальянских государств в XVI веке основана на пересечении интересов: испанская корона набирала политический вес за счет Италии, а итальянские предприниматели — экономический вес за счет Испании [Ibid., p. 41]. См. ссылки в примечании 57, pp. 46–47.

⁴³ Pike, Ruth. *Journal of Economic History*, XXII, p. 370.

⁴⁴ Ibid., p. 371.

⁴⁵ Lopez. *Cambridge Economic History of Europe*, II, p. 349.

⁴⁶ См. Nef, John U. Silver Production in Central Europe, 1450–1618 // *Journal of Political Economy*, XLIX, 4, Aug. 1941, 575–591. О связи между местом Южной Германии в новых колониальных империях Испании и Португалии и промышленным развитием этого региона см.: Streider, Jacob. Origin and Evolution of Early European Capitalism // *Journal of Economic and Business History*, II, 1, Nov. 1929, 18.

⁴⁷ «В течение большей части XVI века север Италии и Фландрия* были двумя главными зонами промышленной и торговой активности в Европе, и контакт между ними был необходим для процветания обоих регионов... За исключением перевозки слишком тяжелых товаров, у сухопутных путей было много преимуществ... Но цветущая трансальпийская торговля между севером Италии и югом Германии ненадолго пережила XVI век» (Parry. *Cambridge Economic History of Europe*, IV, p. 185).

⁴⁸ Джеральд Стросс говорит о реакции германских купцов на географическую переориентацию их торговли: «[Они] приспособились к этому обстоятельству, усилив свои

Это была эра процветания Футтеров — самых эффектных из всех торговых капиталистов современного мира. Апогей их мощи, эпоху Карла V, иногда называют эпохой Футтеров, ведь именно Футтеры купили Карлу V имперский трон^{49*} и были главными финансистами империи и в полном смысле слова персональными банкирами императора. Хроникер того времени Клеменс Сендер говорит о них:

«Имена Якоба Футтера и его племянников известны во всех королевствах и землях, а также среди язычников. Императоры, короли, князья и лорды отправляли к Якобу Футтеру посланников, папа приветствовал его как любимого сына и обнимал его, кардиналы вставали перед ним. Все купцы мира звали его просвещенным человеком, и все чужестранцы дивились ему. Он — слава всей Германии».⁵⁰

Футтеры и Карл предоставляли друг другу свою силу и поддержку. Но это же означало, что их взлет и падение произойдут одновременно, поскольку деятельность Футтеров фактически «ограничивалась пределами империи Карла и была интернациональной лишь в той мере, [...] насколько можно было считать таковой саму империю...»⁵¹ Если Карлу и его наследникам было нечем платить, то Футтеры оставались без прибыли — в конечном итоге общий убыток Футтеров по неоплаченным долгам Габсбургов к середине XVII века составил «определенно не меньше 8 миллионов рейнских гульденов».⁵²

Но еще более важен для империи, чем северная Италия и Футтеры, был Антверпен, который «играл ведущую роль в экономической жизни XVI века».⁵³ Я. А. ван Хаутте установил принципиальное различие между Брюгге XIV века — «национальным» центром торговли (то есть в первую очередь центром торговли Фландрии) — и Антверпеном XVI века, «интернациональным» рыночным центром, который связывал средиземноморскую и балтийскую торговлю трансконтинентальным торговым путем через Южную Германию.⁵⁴

старинные связи с главными центрами европейской торговли — [Антверпеном и Лиссабоном]. В течение примерно полувека после 1500 года благодаря этим новым контактам международная торговля Нюрнберга, Аугсбурга и других городов ускориалась, и это более чем компенсировало резкий спад трансальпийской торговли, от которой они зависели прежде» (*Strauss. Nuremberg in the Sixteenth Century. New York: Wiley, 1966, 148*). Цитированный выше Парри, похоже, считает, что «резкого спада» не было еще целое столетие. Однако и Стросс, и Парри согласны, что торговля в южной Германии процветала, по меньшей мере, примерно до 1550 года. См. тж. *Streider. Journal of Economic and Business History, 14–15*.

⁴⁹ См. *Ehrenberg, Richard. Capital and Finance, pp. 74–79*.

⁵⁰ Цит. по: *Ibid.*, p. 83.

⁵¹ *Lublinskaya. French Absolutism, p. 8*.

⁵² *Ehrenberg. Capital and Finance, p. 131*.

⁵³ *Coornaert, Emile. La genèse du système capitaliste: grande capitalisme et économie traditionnelle au XVI siècle // Annales d'histoire économique et sociale, VIII, 1936, 127*.

⁵⁴ См. *van Houtte, J. A. Bruges et Anvers: marchés 'nationaux' ou 'internationaux' du XIVe au XVIe siècles // Revue du Nord, XXXIV, 1952, 89–108*. Херман ван дер Бее (1963): «Преобразование Антверпена в торговую столицу (metropolis) Западной Европы и рост трансконтинентальной торговли, сосредоточенной в центральной части Германии,

Антверпен не только координировал большую часть международной торговли Габсбургской империи, но и был своего рода булавочной головкой, посредством которой Англия и Португалия были скреплены с европейским миром-экономикой.⁵⁵ Помимо прочего, Антверпен служил ярмаркой для Англии.⁵⁶ Антверпен мог выполнять эту функцию, несмотря на то, что с точки зрения транспортных издержек англо-итальянская торговля была менее затратна, если бы ее вели, например, через Гамбург. Это удавалось Антверпену именно потому, что он предлагал купцам такое количество преимуществ, каким мог располагать лишь имперский рынок.⁵⁷

Кроме того, в это время Антверпен становится главным финансовым рынком Европы, «что объясняется ростом спроса на краткосрочный кредит,

были неразрывно связаны» (*Van der Wee. The Growth of the Antwerp Market and the European Economy. The Hague: Nijhoff, 1963, II, 119*). Ван дер Вее утверждает, что это происходит приблизительно между 1493 и 1520 годами, вследствие чего юг Германии в течение первой половины XVI века получает «торговое лидерство» в Антверпене [р. 131]. Пьер Жаннен: «В XVI веке сухопутная торговля Антверпена достигла уровня, сопоставимого с морской торговлей, если не превзошла его» (*Jeannin. Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, XLIII, p. 198. См. Ehrenberg. Capital and Finance, pp. 112–113*).

⁵⁵ «Английская текстильная торговля имела решающее значение для процветания Антверпена. Ее колебания совпадали с колебаниями общего тренда антверпенского рынка... Португальцы, южные немцы и англичане были тремя китами антверпенской всемирной торговли» (*Van Houtte, J. A. Anvers aux XVe et XVIe siècles: expansion et apogée // Annales E.S.C., XVI, 2, mars — avr. 1961, 258, 260*).

Филипп де Ври: «В начале XVI века Англия составляла экономическое... единство со странами, которые достались Габсбургам по наследству от Бургундии. Антверпен и Фландрия были, соответственно, финансовым и промышленным центрами этой структуры» (*De Vrie. L'animosité anglo-hollandaise au XVIIe siècle // Annales E.S.C., V, 1, janv — mars 1950, 430*).

С другой стороны, распря между империями наносила ущерб экономическим отношениям Антверпена с Францией. «Вполне естественно, что торговля Антверпена с Лионом (в частности, реэкспорт пряностей из Португалии) серьезно страдала» (*Van der Wee. The Growth of the Antwerp Market and the European Economy, II, p. 144*).

⁵⁶ Жан Крайбекс так определяет понятие ярмарки: «Тот, кого больше интересует действительность, а не абстрактные различия понятий, легко согласится с тем, что ярмарка была прежде всего рынком в буквальном смысле этого слова. Лишь рынок определенной значимости мог претендовать на то, чтобы сделать свою „ярмарку“ обязательной для купцов и заставить их подчиняться ее правилам... Поэтому привилегии, которые могли предложить лишь несколько городов, были несущественным фактором. Ярмарочным можно считать любой город, где был рынок или „ярмарка“ (в узком смысле этого слова), способные установить свое господство, де-юре или де-факто, в пределах более или менее обширного региона» (*Craeybeckx. Quelques grands marchés de vins français dans les anciens Pays-Bas et dans le Nord de la France à la fin du Moyen Age et au XVIe siècle: Contribution à l'étude de la notion d'étape // Studi in onore di Armando Saporì, II. Milano: Istituto Edit. Cisalpino, 1957, 819*).

⁵⁷ См. *Brulez, Wilfrid. Les routes commerciales d'Angleterre en Italie au XVIe siècle // Studi in onore di Amintore Fanfani, VI: Evo moderno. Milano: Dott. A. Giuffrè-Ed., 1962, 181–184*.

вызванным главным образом международной политикой императора Карла V...»⁵⁸ Антверпен был не только имперской биржей ценных бумаг — его городское сообщество стало одним из главных кредиторов Карла.⁵⁹ Поскольку империи не обладают твердой налоговой базой, им непросто получать тот тип кредита, который сравнительно легко создают современные государства. Империя XVI века располагала кредитом в той мере, в какой его удавалось раздобыть самому ее суверену.⁶⁰ Поэтому за гарантией по своим займам император был вынужден обращаться к городам*, тогдашним «центрам общественного богатства».⁶¹ Однако города тоже были ограничены в кредите и, в свою очередь, нуждались в поручительстве таких крупных домов, как Фуггеры. Последнее обстоятельство иллюстрирует Лонше в следующем фрагменте:

«Кредитные ресурсы и городов, и провинций, и самих получателей кредита были ограничены. Поэтому, прежде чем заключить соглашение с правительством о предоставлении займа, некоторые финансисты требовали гарантий по этому займу от платежеспособного торгового дома, предпочтительно крупного банка. Так, в 1555 году купцы требовали от императора гарантию под заем 200 тысяч гульденов в виде государственных облигаций либо „поручительства“ Фуггеров. Мария Венгерская просила Ортеля, агента этого дома в Антверпене, дать свое одобрение и взамен обещала предоставить ответную гарантию в виде передачи займодавцам налоговых доходов (*le produit des aides*)».⁶²

⁵⁸ Van der Wee. The Growth of the Antwerp Market and the European Economy, II, p. 362. Ван дер Вее утверждает, что, даже несмотря на относительный спад в последующие годы, «денежный рынок Антверпена оставался стратегическим центром финансов Габсбургов еще в начале 1550-х [р. 206]».

Капитал поступал в результате арбитражных операций* между Антверпеном, Венецией, Лионом, Пьяченцей, Флоренцией, Севильей и Руаном. См. da Silva, José-Gentil. Trafics du Nord, marchés du 'Mezzogiorno', finances génoises: recherches et documents sur la conjoncture à la fin du XVe siècle // Revue du Nord, XLI, 1959, 140.

⁵⁹ См. Braudel, Fernand. Les emprunts de Charles-Quint sur la Place d'Anvers // Charles Quint et son temps, Colloques internationaux du C.N.R.S., Paris, 30 sept. — 3 oct., 1958. Paris: Ed. du C.N.R.S., 1959, 197–198.

⁶⁰ «Благодаря эволюции общего представления о богатстве сегодняшнее государство располагает практически неограниченным кредитом. Если та или иная нация что-либо производит, то ей легко достать деньги...

Публичность, удобство, быстрота — таковы свойства займов, которые совершают современные государства. В XVI веке все было иначе. Из-за редкости и рассеянности капитала крупные финансисты предлагали свои услуги только на обременительных для заемщика условиях, а недостаток знаний о ресурсах страны заставлял финансистов с подозрением относиться и к ее правителю. Не делалось разницы между статусом главы государства и собственно личностью правителя или, если угодно, между королем и частным лицом» (Lonchay, H. Étude sur les emprunts des souverains belges au XVIe et au XVIIIe siècles // Académie Royale de Belgique, Bulletins de la Classe des letters et des Sciences Morales et Politiques et de la Classe des Beaux-Arts (1907), 926, 928).

⁶¹ Ibid., p. 941.

⁶² Ibid., p. 943.

Таким образом, Карл V, Кастилия, Антверпен и Фуггеры были вовлечены в формирование огромной сети, в которой одни кредиты и платежи громоздились на другие, и весь этот соблазн будущих доходов в конечном итоге держался на надежде и оптимизме.

Начиная с 1530-х годов рост трансатлантической торговли открыл новый этап экспансии Антверпена.⁶³ На антверпенском рынке сходились вместе два важнейших направления торговой экспансии: трансконтинентальная торговля, в которой столь значимую роль играли южнонемецкие купцы, и атлантическая торговля испанцев (*вместе с генуэзцами*). Помимо этого, Антверпен был еще и финансовым рынком. Такое сочетание порождало атмосферу «лихорадочного капиталистического бума».⁶⁴ Этот бум имел свою динамику, которая выходила за пределы политико-административных границ предполагаемого мира-империи Габсбургов. Невероятное финансовое напряжение, вызванное, с одной стороны, социальным кризисом, бушевавшим в Германии, а с другой, военными расходами как следствием желания управлять остальной Европой, должно было либо привести к банкротству империи Габсбургов, либо разорить силы капитала. Сильнее оказались последние. Рассмотрим теперь эти два источника напряжения, которые определяли действия империи.

В политическом отношении 1450–1500 годы были временем «консолидации княжеств» Германии — задачи трудной, но отчасти увенчавшейся успехом. Джеффри Барраклу пишет, что «князья... подняли Германию из унаследованной анархии...»⁶⁵ Однако эта консолидация была частичной. Когда Реформация и Крестьянская война 1525 года разом нарушили новое процветание Германии, беспорядки было невозможно подавить из-за ее политической раздробленности. В отличие от Германии, в то же самое время это удалось сделать другим европейским странам.⁶⁶ Провал германской «нации» объяснялся по-разному.

⁶³ «Новая торговая экспансия давала Нидерландам значительные преимущества, и это не было случайностью. К прежним испано-нидерландским контактам добавился солидный династический союз, укрепленный ростом потребления испанской шерсти нидерландской текстильной промышленностью. Начиная с 1530-х годов благородные металлы Нового Света стали играть ведущую роль в мировой политике Габсбургов. Поскольку ее финансирование было во многом основано на денежном рынке Антверпена, это был еще один важный стимул. В 1539 году нидерландская экономика была уже так сильно связана с испанской через Антверпен, что во время очередного кризиса, вызванного девальвацией, ван дер Молен* писал: „Если вскоре из Италии или Испании не придут крупные заказы, то большинство фламандских ткачей обанкротится“» (*Van der Wee. The Growth of the Antwerp Market and the European Economy, II, p. 178*).

⁶⁴ *Ibid.*, p. 317.

⁶⁵ *Barraclough, Geoffrey. The Origins of Modern Germany. Oxford: Blackwell, 1962, 352.*

⁶⁶ В первой половине XVI века, то есть в эпоху Карла V, Антверпен также испытывал серьезное социальное напряжение, хотя основное недовольство здесь, похоже, исходило со стороны городских рабочих, страдавших от того, что рост цен опережал рост заработков. Эту проблему удастся преодолеть к 1561 году. См. *Verlinden, Charles. Crises économiques et sociales en Belgique à l'époque de Charles Quint // Charles Quint et son temps, Colloques internationaux du C.N.R.S., Paris, 30 Sept. — 3 Oct., 1958. Paris: Ed. du C.N.R.S.,*

Наполеон как-то сказал, что это именно Карлу V не удалось стать во главе германского протестантизма.⁶⁷ Энгельс в своей известной работе заявляет, что причиной этого провала был страх Лютера и германского среднего класса перед революционными устремлениями крестьянства.⁶⁸ Р.Г.Тони указывает на контраст между Германией и Англией, где крестьяне (т.е. йомены) нашли сильных союзников среди других социальных классов и оказались поэтому важным «предметом внимания государственных мужей, обеспокоенных национальными интересами».⁶⁹

Что же было причиной этого социального кризиса, который вел к политическому провалу, не слишком отличавшемуся по своим последствиям от полного подчинения, которое испытала на себе значительная часть Италии? Возможно, виной всему фактор отсутствия опыта *предшествующего* политического единства, то есть отсутствие даже зачаточного государственного аппарата. «Германия» в начале XVI века — это великолепная иллюстрация того, насколько разъединяющим может оказаться «национальное» чувство, если оно предшествует рамкам административного единства, а не, наоборот, вырастает из них. Карл V не мог стать во главе германского протестантизма*, потому что он был занят империей. Германские правители не могли принять в расчет, что у крестьян есть свои нужды в структуре национальных интересов, поскольку не существовало государства, в рамках которого разные группы могли бы добиваться достижения какого-либо политического компромисса. Поэтому люди обращались к тем политическим единицам, в рамках которых они могли достичь своих целей. Такими единицами были княжества, но, поскольку они были слишком малы, чтобы иметь самостоятельное экономическое значение, то обращаться приходилось к внешним покровителям. В результате последовали крах и катастрофа.

Первые годы правления Карла V представляются переломным моментом. Алан Дж. П. Тейлор несколько драматически, но убедительно утверждает, что

«первые годы Карла V были, как сказал бы Гёте, моментом, когда вечность, однажды утраченная, никогда не вернется обратно. Момент для создания национального среднего класса в Германии** был упущен в 1521 году — если не навсегда, то уж точно на века. К 1525 году стало ясно, что период национального

1959, особенно р. 83. Однако в это время в Антверпене не было политических волнений, что, возможно, подтверждает гипотезу Франца Фейнона, что городские трудящиеся менее, чем крестьяне, склонны к спонтанным восстаниям. См. *Fanon, Frantz. The Wretched of the Earth*. New York: Grove Press, 1966, 85–117.

⁶⁷ Цит. по: *Taylor, A. J. P. The Course of German History*. London: Hamilton, 1945, 163. Хёрстфилд: «Протестантская Реформация, которая могла объединить Германию против папы, разделила ее по отношению к императору» (*Hurstfield. New Cambridge Modern History*, III, p. 130).

⁶⁸ См. *Engels, Friedrich. The Peasant War in Germany // The German Revolutions*. Chicago, Illinois: Univ. Of Chicago press, 1967, *passim*. Цит. по рус. изд.: *Энгельс, Фридрих. Крестьянская война в Германии // Маркс К. и Энгельс Ф., Сочинения*, 2 изд., т. 7.

⁶⁹ *Tawney. Agrarian Problem*, p. 347.

пробуждения прошел, и с этого момента начинается постепенное наступление абсолютизма и авторитарного режима, которое непрерывно продолжалось более чем 250 лет...»⁷⁰

Как бы то ни было, беспорядки продолжались в острой форме до самого Аутсбургского договора 1555 года, по которому Германия была разделена по принципу «чья власть, того и вера» (*cuius regio, eius religio*). Но даже после этого беспорядки не закончились, а в начале XVII века Германия стала полем битв Тридцатилетней войны, пережив резкий экономический и демографический спад.

Социальные волнения в германских государствах были, однако, лишь одной из проблем Карла V, причем, скорее всего, не самой крупной. Для объяснения коллапса его империи германских событий явно недостаточно. Почему же в таком случае империя Карла развалилась на части? Почему она в конечном итоге сократилась, в сущности, до пределов Испании и Испанской Америки? И почему та же Испания утратила свое превосходство и стала частью европейской полупериферии? Пьер Шоню полагает, что рост экономического значения Испанской Америки и ее первостепенная важность для экономической жизни империи Габсбургов были не «следствием, а причиной распада империи Карла V на разные государства».⁷¹ Джон Х. Эллиотт и Рамон Каранде аналогичным образом считают, что европейский империализм Карла V оказался чрезмерно дорогим для Испании, особенно для Кастилии.⁷² Действительно, Бродель утверждает, что даже в урезанном виде Империя (Испания и Нидерланды без Центральной

⁷⁰ Taylor. The Course of German History, p. 162.

⁷¹ Chaunu, Pierre. Séville et la 'Belgique', 1555–1648 // Revue du Nord, XLII, 1960, 269. Далее: «Достаточно ли внимания уделяется тому обстоятельству, что так называемое разделение на самом деле было умножением? Понимаем ли мы, несмотря на мнения историков, слишком внимательных лишь к Европе, насколько государства Филиппа II после 1560 года были неизмеримо более протяженными, чем империя Карла V до 1540 года, в преддверии тех фундаментальных изменений, причиной которых стала Америка?..

Приняв эту перспективу, мы увидим раздел империи в 1555–1559 годах в подлинном ракурсе. Карл V не считал, что его сын неспособен продолжить выполнение задач, начатых им в Европе. Однако удержать вместе государства еще более протяженные, еще более многочисленные, протянувшиеся по ту сторону океана казалось невозможным. С точки зрения страданий, утомления и времени людей мир в то время гораздо больше напоминал *космос*, чем наша маленькая планета XX века... Именно под воздействием продвижения в Америке в конце эпохи Конкисты империя Карла V раскололась, а точнее, наоборот, сформировалась вокруг питающей ее оси — пути между Севильей и Карибским бассейном [pp. 270–271]».

⁷² «Основой империализма Карла V, в отличие от его сына, была, по существу, Европа. Из всех европейских территорий Карла в течение первой половины его правления основная тяжесть имперской экспансии ложилась на Нидерланды и Италию. Но, по мере того, как они истощались, Карл был вынужден искать для своей империи новые источники доходов в других местах... [После 1540 года] значение финансового участия Испании — а фактически лишь Кастилии — в имперской казне по сравнению с Нидерландами постоянно возрастало...

Неудачная попытка императора получать больше налогов от Арагона неизбежно делала Карла все более зависимым от фискальных ресурсов Кастилии, где кортесы

Европы) оказалась бы «слишком протяженной», чтобы при реально имевшихся у нее финансовых возможностях держаться на плаву в условиях значительной инфляции цен.⁷³ Аргументация Броделя выглядит так: политические крайности становятся финансовой обузой в те моменты инфляции, когда она превосходит ценность чрезвычайных мер в качестве дохода от них, в особенности, возможно, на данной, ранней стадии развития капитализма.⁷⁴ Испания была империей, в то время как в XVI веке требовалось государство средних размеров. Имевшейся в распоряжении бюрократии было недостаточно, поскольку имперской Испании

были значительно менее влиятельны и определенное число важных источников дохода находилось вне их контроля» (*Elliott. Imperial Spain*, pp. 197, 199).

«Столкнувшись с извечной адской мукой нехватки ресурсов, Карл V знал, что экономика — это слуга его планов, но в его распоряжении не было политических ресурсов, сопоставимых с мощью испанской гегемонии, которая при нем достигла зенита. Ни у него, ни у кастильцев еще не было даже проблесков идеи национальной политики. По сравнению с возвышенностью намерений императора, его силы были не слишком велики, и даже если бы император был в состоянии постичь идею компетентной имперской политики, которую предлагал ему Гаттинара*, сомнительно, что он смог бы ее осуществить при тогдашнем положении дел. У обременительных действий в отношении Кастилии были множество причин, и в итоге Кастилия оказалась в бедности, несмотря на поступление и быстрое перемещение через ее территорию великих сокровищ современной экономики» (*Carande, Ramon. Carlos V y sus banqueros: La vida económica en Castilla (1516–1556)*, 2a ed. corr. y aum. Madrid: Sociedad de Estudios y Publicaciones, 1965, I, 140).

⁷³ «Действительно ли государства Средиземноморья или граничащие с ним пострадали от вакханалии цен больше, чем другие? Такое утверждение представляется нам справедливым применительно к Испании, особенно если вспомнить о военных расходах этой чересчур обширной империи» (*Бродель. Средиземноморье*, II, 263).

⁷⁴ «Внутри империи можно было наблюдать другую тенденцию: [...] изоляцию Кастилии в пределах Европы; следствием этого стало множество тягостей, которые в действительности пришлось принять на себя именно Кастилии, чье процветание в конечном итоге будет уничтожено „изменой“ других частей империи.

Можно отметить аналогичное явление и в Америке, где динамичная горнодобывающая отрасль в Мексике и верхнем Перу в конечном итоге пошла на спад под влиянием резко ухудшившегося положения во все более и более нуждавшейся в финансах американской периферии. В случае Кастилии эта тенденция выглядела так, как будто окраины, готовые отделиться от имперского тела, становятся для него крайне обременительными. Во втором случае (Мексика и Перу) — как будто стоимость целостности империи в момент, когда экономика переходит от экспансии к длительному сжатию, перерастает все разумные рамки, превращаясь в единую целостности и господства. Это было столь же верно и в XVIII веке, когда итальянская и фламандская периферия отделяются от Кастилии, и это вызывает ее экономическое возрождение, поскольку теперь Кастилию больше не тяготит никому не нужное имперское бремя, которое она упорно тащила на себе, истощая свои силы...

Средиземноморская экспансия Кастилии, в первой половине XVI века бывшая динамическим элементом развития, к началу XVII века постепенно становится пассивом. За экспансию приходилось платить, поддерживая статус-кво с помощью денег и солдат, готовых взбунтоваться (как это было в Арагоне в 1640 году**) всякий раз, когда их просили о дополнительном усилии ради общей безопасности» (*Chaunu. Séville*, VIII, (1), pp. 248–249).

требовалось больше чиновников, чем она могла создать для них должностей при имевшихся ресурсах, человеческих и финансовых. Такова фундаментальная причина того, что историки называли «медлительностью» испанской бюрократии.^{75*}

Еще раз повторим: структурное преимущество одной системы над другой, то есть мира-экономики над миром-империей, состоит в том, что первый навязывает себя с принудительной силой. Скажем, Гельмут Г. Кёнигсбергер полагает, что Испания была не в состоянии эксплуатировать свою сицилийскую колонию ввиду отсутствия какой-либо имперской политической теории,⁷⁶ хотя, на мой взгляд, это все равно, что поставить телегу впереди лошади. У Испании не было теории, которая подвигла бы ее на учреждение торговой монополии в Сицилии, как раз потому, что Испании не хватало бюрократии, чтобы полноценно эксплуатировать свою империю. В первую очередь, энергия Испании была обращена на удержание империи на Американском континенте, равно как на ведение войн в Нидерландах и управление самой Испанией. Для сохранения американской империи Испании приходилось вкладываться в растущую бюрократию, чтобы держать под контролем испанских колонистов и их союзников среди индейской верхушки.⁷⁷

Могла ли испанская империя поддерживать функциональное состояние? Возможно, да, если бы она была по-другому структурирована. По словам Кёнигсбергера, «фундаментальной слабостью империи была... узость ее налоговой базы. Империю финансировали и защищали Кастилия и американское серебро — прочие имперские владения были в большей или меньшей степени наблюдателями».⁷⁸ Ферран Сольдевила приводит документальные свидетельства того, как кастильцы сознательно исключили из испано-американской торговли

⁷⁵ Бродель. Средиземноморье, II, 42.

⁷⁶ «Поскольку Сицилия была старинным королевством, традиционно имевшим торговые связи со своими соседями, испанским политикам никогда не приходило в голову обращаться с ней, как с американскими колониями. То, что у Испании не было развитой теории европейской империи, спасло Сицилию от торговой монополии, которую Испания навязала колонистам в Новом Свете. Не будучи в состоянии создать настоящую координацию экономических ресурсов, такая торговая монополия была бы единственным способом, которым мог проявить себя испанский экономический империализм. Сицилия не могла освободиться от финансовой опеки генуэзских банкиров и от зависимости от флорентийских и венецианских промышленников в торговле и производстве; однако сицилийцы могли, по крайней мере, продавать большую часть своих пшеницы и шелка тем, кто мог обеспечивать их готовой продукцией» (Koenigsberger, H. G. *The Government of Sicily Under Philip II of Spain*. London: Staples Press, 1951, 143).

⁷⁷ «Начиная с 1570-х годов стало очевидным, что деятельность частных предприятий и колониальной администрации необходимо модифицировать, дабы обуздать предельную беспощадность испанцев и их союзников-каси́ков из америндской знати, посредством которых действовали испанцы, чтобы получать дань и рабочие руки. Для того чтобы индейские сообщества действительно сохранились, а также в целях организации индейцев и манипуляции ими, эти сообщества необходимо было урбанизировать, христианизировать и инкорпорировать в западноевропейскую экономику» (Stein, Stanley J. and Barbara H. *The Colonial Heritage of Latin America*. London and New York: Oxford Univ. Press, 1970, 71).

⁷⁸ Koenigsberger, H. G. *The European Civil War // The Habsburgs and Europe, 1515–1660*. Ithaca, New York: Cornell Univ. Press, 1971, 257.

даже такую «близкую» им группу, как каталонцы.⁷⁹ Но при другой структуре это уже не была бы именно та империя, которую мы рассматриваем. Если бы каталонцы и кастильцы были объединены в одно государство, чего на самом деле не произошло, и если бы имперские амбиции Карла V не обескровили Кастилию и не ввергли самого императора в неизбежные саморазрушительные⁸⁰ конфликты интересов с отдельными частями его империи, тогда Испания и правда могла иметь некоторые шансы стать одним из государств центра европейского мира-экономики. Вместо этого чрезмерная протяженность империи попросту истощила силы Карла V и его преемников.

В 1556 году Империя раскололась на части, Карл V отрекся от престола. Его сын Филипп II Испанский получил Нидерланды, но земли в центре Европы стали отдельной державой. В 1557 году Филипп объявил себя банкротом. После этого, в 1559 году, политический центр тяжести в пределах конструкции «Испания-Нидерланды» вместе с самим Филиппом переместился обратно в Испанию. Затем произошла Нидерландская революция,⁸¹ которая после большой шумихи с обеих сторон кончилась примерно 80 лет спустя разделением Нидерландов на кальвинистский Север — независимые Соединенные Провинции (в примерных границах нынешних Нидерландов) и католический Юг — так называемые Испанские Нидерланды (которые более или менее соответствовали территории современной Бельгии). Но это был не только кризис Испании или кризис империи Габсбургов — это был поворотный момент в эволюции всего европейского мира-экономики, поскольку ключевым элементом этой эволюции был мир в Като-Камбрэзи, заключенный между Испанией и Францией в 1559 году. Чтобы понять значение этого договора, мы сначала должны взглянуть на другого претендента на имперское господство — Францию.

⁷⁹ См. *Soldevila, Ferran. Barcelona demana a l'Emperador Carles V l'autorització per a comerciar directament amb America (1522) // Studi in onore di Amintore Fanfani, V: Evo modern e contemporaneo. Milano: Dott. A. Giuffrè-Ed., 638–641.*

⁸⁰ См., например, у Маловиста: «Любой сбой в поставках зерна и леса с балтийских берегов, в особенности из Польши, увеличивал стоимость прожиточного минимума в Голландии и других провинциях Нидерландов и парализовал транзитную торговлю Голландии, препятствуя обмену товарами со странами Пиренейского полуострова, Бретанью и Англией. Поэтому в первой половине XVI века купцы Амстердама и соседних городов пытались сохранять хорошие отношения с Данцигом и Польшей и энергично противостояли враждебной политике Карла V по отношению к Дании — политике, которая вела к закрытию Зундского пролива и, следовательно, делала невозможным доступ на Балтику» (*Malowist. Economic History Review, XII, p. 185*).

Купцы Антверпена также страдали от попыток Карла V сохранять фиксированный курс золота к серебру, что вело к оттоку золота из Нидерландов во Францию различными способами. См. *Edler, Florence. The Effects of the Financial Measures of Charles V on the Commerce of Antwerp, 1539–42 // Revue belge de philologie et d'histoire, XVI, 3–4, juil. — dec. 1937, 665–673.*

⁸¹ Рассмотрение социального содержания Нидерландской революции и оценку ее причин см. в: *Smit, J. W. The Netherlands Revolution // Preconditions of Revolution in Early Modern Europe / Robert Forster and Jack P. Greene, eds. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins Press, 1970, 19–54.* Статья содержит хорошую краткую библиографию.

Нет лучшей, чем Франция, иллюстрации тех дилемм, которые стояли перед западноевропейскими государствами в «первом» XVI веке. С одной стороны, возможно, ни в одном из европейских государств, возникших на излете Средневековья, не было такой сильной монархии, как во Франции.⁸² В предыдущей главе мы рассмотрели данное Блоком объяснение различия между Францией, Англией и Восточной Европой с точки зрения систем землевладения, которые возникли в XVI веке и были основаны на разной динамике правовых систем этих стран в период позднего Средневековья. Как мы видели, английская система допускала легальное переопределение прав землевладения, что удовлетворяло новые нужды землевладельцев в XIV–XVI веках, в то время как во Франции требования для определения прав собственности были более жесткими. Соответственно, для удержания своих преимуществ от знати требовалась большая политическая активность. Поэтому, несмотря на то, что Блок верно указывает на «упадок сеньориальной юстиции»⁸³ во Франции к XVI веку, Раштон Коулборн отмечает, что политическая сила французской знати вела к формированию такой экономической структуры, которая в рамках нового мира-экономики была менее способна к маневру.⁸⁴

То обстоятельство, что во Франции, в отличие от Англии, не было относительного взаимопроникновения знати и новых торговцев-дворян, имело множество последствий. Здесь следует остановиться на их влиянии на государственную политику в рамках мир-системы. Эдуард Миллер указывает, что в Англии торговые

⁸² «Именно во Франции основы абсолютной монархии были заложены наилучшим образом... С момента провала Генеральных Штатов в 1484 году* против [воли] короля здесь фактически не могло прозвучать никакого призыва к свободе, частного или общественного» (*Mousnier. Les XVIe et XVIIe siècles*, p. 100).

Эли Ф. Хекшер: «Уже в первой половине XVI века [Франция] была территориально целостным и компактным королевством, почти совершенно свободным от анклавов и пересекающих ее территории других суверенных государств. Ее монарх обладал над своей страной, возможно, большей властью, чем кто-либо другой в Европе; наконец, ее чиновники издавна проводили здравую экономическую политику, в которой пошлины преследовали определенную цель... Сохранение феодальных форм государственной организации фактически проявлялось лишь в речных и дорожных пошлинах (*préages, pedagia***), но при этом сохранялись и городские сборы, бывшие во Франции, как и в других странах, реликтом более или менее автономной городской экономики» (*Heckscher. Mercantilism*, I, rev. ed. London: Geo. Allen & Ulwin, 1955, 78–79).

⁸³ Блок. Характерные черты, 156.

⁸⁴ «В XV веке в среде [французской] знати действовала та же самая тенденция к слиянию с простыми людьми (*roturiers*), что и в Англии, однако в следующем столетии французское правительство осознанно стремилось остановить данный процесс и преуспело в этом, законодательно запретив дворянам заниматься торговлей и иными прибыльными делами. Проблема заключалась в том, что во Франции, как и в большинстве континентальных стран, знать обладала налоговым иммунитетом, который сохранялся, если дворянин начинал заниматься торговлей, так что в этом случае государство теряло часть этой важной новой формы своих доходов... Французская корона серьезно опасалась знати, не осмеливаясь отнять у нее этот иммунитет...» (*Coulborn, Rushton. A Comparative Study of Feudalism* / Rushton Coulborn, ed. // *Feudalism in History*, Part Three, p. 316).

пути имели большее политическое влияние, чем во Франции. Как следствие, в период позднего Средневековья французская торговая политика была значительно более открытой.⁸⁵ В конечном итоге, несмотря на более сильную бюрократию, Франция в начале XVI века имела меньше «рычагов управления экономикой»⁸⁶, чем Англия. Фискальное давление в подобной ситуации подталкивало французскую монархию к имперским амбициям, тем более что у Габсбургов они тоже были. Французские короли могли предпринять заморскую экспансию, как это сделала Испания, но для этого у них не было поддержки международного, то есть

⁸⁵ «Ведущим намерением [Людовика XI] было вновь сделать Францию местом пересечения торговых путей, поскольку он был убежден, что „ярмарки и рынки обогащают страну“, а богатство будет прибавляться благодаря „умножению“ оборота и торговли внутри королевства... Однако государственная поддержка национальных торговых кругов осуществлялась во Франции лишь в ограниченном масштабе, и представить эти круги в постоянной организационной форме не удалось» (*Miller. Cambridge Economic History of Europe*, III, pp. 334–335).

⁸⁶ *Ibid.*, p. 338. Джозеф Стрэйер похожим образом утверждает, что за французской формулой большей централизации управления скрывалось значительно меньшее единообразие законодательства, а следовательно — гораздо меньшие возможности для реализации общенациональной экономической политики: «Для Франции, как и для Англии, двумя важнейшими сферами развития были правосудие и финансы. Однако французские короли были вынуждены строить их медленно, а их предшествующие институты были куда проще и менее формализованы, чем в Англии...

В результате присоединения к Франции ряда территорий [в XII–XIII веках] перед французским государством встали серьезные вопросы. Было понятно, что относительно простые институты, подходящие для управления небольшим королевским домом, следовало расширять и перенастраивать для управления значительно увеличившимися территорией и населением, которые теперь подчинялись королю. Новые провинции имели свои собственные институты и обычаи, нередко более сложные и специализированные, чем институты королевского правительства...

Основное решение этих проблем было обнаружено королем Филиппом Августом (1180–1223), фактически ставшим основателем Французского государства. Он позволил каждой провинции сохранять свои обычаи и институты, но на все важные посты в провинциях Филипп отправлял людей из Парижа. Например, нормандские суды продолжали осуществлять нормандское право, однако во главе их стояли уже не нормандцы, а королевские агенты, по большей части рекрутированные из старого королевского дома. Тем самым удалось оказать честь провинции, но при этом сохранить эффективный королевский контроль над новыми владениями...

(Напротив, английское государство, с его последовательно проводимым единообразием в области институтов и законов, испытывало серьезные проблемы в ассимиляции регионов, имевших особенные политические традиции, например, княжеств Уэльса и мелких королевств Ирландии). Однако французское государство в процессе своего возникновения должно было заплатить за свою гибкость высокую цену. Местные лидеры в первую очередь заботились о сохранении местных традиций и привилегий; они не доверяли центральному правительству точно так же, как то не доверяло им. Их нельзя было привлекать к работе местных администраций ни в одном сколь угодно существующем случае, так что основное правило французской администрации фактически состояло в том, что никто не должен занимать постов в своей родной провинции» (*Strayer. On the Medieval Origins of the Modern State*, pp. 49–51).

североитальянского капитала.^{87*} Альтернативой этому пути была имперская экспансия в пределах самой Европы, причем как раз в направлении северной Италии.

Франция располагала конкурирующей международной торгово-финансовой сетью с центром в Лионе. В эпоху «высокого» Средневековья ярмарки Шампани на некоторое время стали крупным центром встречи купцов северной Италии и Фландрии, а также служили международным финансовым центром, пока в конце XIII — начале XIV веков не наступил их упадок.⁸⁸ В XV столетии французские монархи заботливо подпитывали рост Лиона⁸⁹ и стимулировали его связи

⁸⁷ «В XV–XVI веках Франция дважды потерпела фиаско на семи морях мира... В XV столетии французским фиаско века стали Великие географические открытия, состоявшиеся без — или почти без — французских моряков. Второй провал, уже в XVI веке, произошел, когда Франция... бросает борьбу за торговые пути, острова, побережья и прибыли в Атлантике, Африке и Америке...

С того момента, когда генуэзские галеры еще до Столетней войны успешно связали Средиземноморье и Северное море, преобладающим мотивом участников данной торговли было обеспечение связи между двумя этими регионами в обход французской экономики и великих трансконтинентальных торговых путей. Шампанские ярмарки просуществовали недолго. Можно ли без учета общеэкономического контекста — а именно без генуэзско-венецианской поддержки XV века, без соучастия итальянского или северного международного капитала — можно ли объяснить роль Лиссабона, или захват Сеуты, или корни, которые генуэзцы пустили в Андалусии, или, много позже, путешествие Магеллана? За успехами Пиренейского полуострова стоит наступление XIV–XV веков, в котором участвовал и международный капитализм и его движущие силы в Севилье, Лиссабоне, затем Антверпене — городах со сплетенной судьбой, чьи связи обходили Францию стороной. На верхушке айсберга [...] — драмы Столетней войны, которые ухудшили положение дел. Но именно ухудшили, поскольку не война была причиной кризиса, уже спровоцированного революцией на торговых маршрутах» (*Braudel, Fernand. La double faillite 'coloniale' de la France aux XVe et XVIe siècles // Annales E.S.C., IV, 4, oct. — déc. 1949, 454*). Дело, возможно, было не только в отсутствии внешней поддержки. Бродель делает следующий вывод: «Колониализм как призвание некоторой страны ставит вопрос об изменении всей ее жизни, о структурном целом, вплоть до самых глубин. Франция XVI века... не была готова к этому (*ouverte aussi profondément*) [p. 456]».

⁸⁸ Робер-Анри Ботье дает следующее объяснение: «По нашему мнению, причины упадка и заката ярмарок Шампани связаны с общей трансформацией экономики Запада в конце XIII — начале XIV веков. Важные изменения произошли в двух значимых направлениях: итальянская индустриализация и революция на рынке благородных металлов...

Учитывая то, что главной задачей шампанских ярмарок было денежное обеспечение приобретения итальянцами французских и фламандских тканей, их упадок оказался неизбежным, поскольку мануфактуры всей северной Франции переживали тот же кризис...

Международная экономика традиционно была основана на серебре, но в конце XIII века в игру вступило золото**, и внезапное изменение соотношения стоимости двух металлов полностью дезорганизовало баланс компаний, чья деятельность была основана на обмене иностранных денег и торговле звонкой монетой» (*Bauthier. The Fairs of Champagne // Essays in French Economic History / Cameron, ed., 62–63*).

⁸⁹ См. *Ehrenberg. Capital and Finance*, pp. 281–306.

с Флоренцией⁹⁰ — крупнейшим банкиром того времени.⁹¹ Аккумулируя в начале XVI века огромные объемы капитала, Лион и Антверпен «удерживали мощь индивидуальных финансистов в приемлемых пределах, [тем самым] становилось возможным консолидировать большие массы капитала при скромных процентных ставках...»⁹² Однако Лион не в полной мере являлся таким же международным центром, как Антверпен, поскольку французские короли одновременно стремились сделать его «своим финансовым арсеналом».⁹³ Лион не был сопоставим с Антверпеном и как торговый центр. Короче говоря, он был вторым по значимости.

Тем не менее, Франция пыталась конкурировать с Габсбургами. Империи Габсбургов и Валуа потерпели крах и рухнули одновременно — не одна Испания, но и Франция также провозгласила себя банкротом в 1557 году. Однако Габсбурги сделали это первыми, как бы подчеркивая свое первенство даже в поражении. Оба этих финансовых краха очень быстро привели к прекращению вооруженной борьбы и заключению мира в Като-Камбрези в 1559 году, которому суждено было изменить политические условия в Европе на сто лет вперед. Так что эти банкротства были не просто финансовой реорганизацией — рушился целый мир.

Развалилась не просто некая государственная структура — этот крах представлял собой нечто большее, чем трагическое отречение Карла V в окружении плачущей свиты. Обрушилась сама мир-система. В последующие сто лет Европа вновь наслаждалась процветанием*. Прибыль из этого все так же пытались извлечь прежним способом, но технологический прогресс и рост элементов капитализма уже зашли слишком далеко, чтобы стало возможным воссоздание политических империй, которые соответствовали бы сферам интересов в экономике. Если угодно, то 1557 год оказался пределом для стремлений создать подобную структуру и одновременно — возникновением такого баланса сил в Европе, который позволит государствам, стремившимся стать нациями (будем называть их нациями-государствами), вступить в свои права и пожить за счет все еще процветающего мира-экономики.

Кризисы — это символические поворотные точки. По указанию ряда историков, многие организационные черты «первого» XVI века еще долго не исчезнут: либо до 1576 года, когда испанская власть рухнула в Нидерландах, либо до 1588 года с разгромом Непобедимой Армады, либо до 1598 года с Вервенским миром и Нантским эдиктом**. Нет смысла обсуждать наиболее подходящую дату окончания «первого» XVI века, поскольку сдвиги в организационном контуре всегда постепенны, ведь лежащие в их основе структурные факторы движутся со скоростью ледников.

Но умеренный сдвиг действительно происходил, и теперь стоит отметить его воздействие на европейский мир-экономику. Начнем с описания организационного контура «первого» XVI века у Роберта Г. Тони:

⁹⁰ См. *ibid.*, pp. 202–220.

⁹¹ См. *ibid.*, p. 193.

⁹² *Ibid.*, p. 333.

⁹³ *Ibid.*, p. 307.

«[В середине XVI века] экономическая организация механизма международной торговли достигла такой эффективности, которая не слишком отличалась от той, что будет 300 лет спустя. До того, как самые высокоорганизованные экономические системы того времени будут разрушены борьбой между Испанией и Нидерландами и французскими религиозными войнами, в Европе существовало примерно 10–12 торговых домов, чьи денежные рынки были финансовыми генераторами для европейской торговли и чье мнение и политика были решающими при формировании финансового климата. Интернационализм был сутью финансовой организации фламандских, французских и итальянских городов (у которых училась Англия) в дни их расцвета в XVI веке. За каждым капиталистом признавалась свобода предпринимать любую операцию в пределах собственных средств, а интернационализм оказывался своего рода фактором единства финансовой системы, признаком которого было взаимно благоприятное развитие всех основных рынков, а результатом — мобилизация огромных ресурсов в стратегических точках международных финансов. Центром и символом этого единства была биржа Антверпена с ее многозначительным девизом *Ad usum mercatorum cujusque gentis ac linguae* [для торговцев всех стран и языков — *лат.*], где, по словам Гвиччардини, действительно можно было услышать любой язык на свете, а также ярмарки Лиона, которые, по словам некоего венецианца, формировали „основу денежных сделок всей Италии и доброй части Испании и Нидерландов“». ⁹⁴

Тони говорит, что эта система рухнула из-за разрушительной войны. Так и есть, но это было бы слишком непосредственным объяснением. В предыдущей главе мы предположили, что действительной причиной была невозможность создать жизнеспособную имперскую систему в условиях экономических прорывов в Европе XVI века, лишь только присущие империи системные ограничения (а именно — сравнительно низкий уровень производительности и слабость бюрократической структуры) столкнулись с расширяющейся экономикой, основанной на географически рассредоточенных предприятиях среднего масштаба.

Камнем преткновения стали растущие финансовые требования имперской государственной машины и вследствие этого — увеличение стоимости кредита для государств, что в середине столетия привело к банкротствам империй. Источником финансов выступали государства и купечество Неаполя, Сицилии, Милана, Антверпена, Кастилии — их займы и промотал Карл V.⁹⁵ Классическое изложение этого аргумента принадлежит Анри Озеру, который утверждал, что европейский финансовый кризис 1559 года, «возможно, задержал эволюцию торгового капитализма и дал толчок трансформации экономической географии».⁹⁶ Озер полагает, что начавшаяся в 1557 году война Испании и Франций попросту окончательно истощила возможности государственного кредита, приведя к дефолтам, что в 1559 году вынудило оба государства к заключению поспешного мира в Като-Камбрези.

⁹⁴ Tawney, R. H. Introduction to Thomas Wilson // *A Discourse Upon Usury*. London: Bell & Sons, 1925, 62.

⁹⁵ Braudel. Charles Quint et son temps, p. 199.

⁹⁶ Hauser, Henri. The European Financial Crisis of 1559 // *Journal of European Business History*, II, 2, Feb. 1930, 241. Описание кредитной инфляции см. на стр. 242–250.

Для расширившейся империи Габсбургов последствия этого мирного договора были громадны. Прямым его результатом стало начало упадка Испании.^{97*} Кризис также приведет к решительному разрыву Антверпена и Англии, предоставив последней возможность для создания нового победоносного альянса с Амстердамом.⁹⁸ В самом Антверпене закончился бум, основанный на его связи с Испанией. «Разрыв с Испанией в результате банкротства Филиппа II в конечном итоге предрешил судьбу Антверпена».⁹⁹

Во Фландрии кризис повсеместно приведет к усилению кальвинистских тенденций, особенно среди квалифицированных рабочих. В 1567 году Испания отправила герцога Альбу подавить очередные социальные и политические беспорядки, однако в дальнейшем это попросту привело к исходу кальвинистских купцов и ремесленников в протестантские страны,¹⁰⁰ так что уже к 1585 году произошел коллапс фламандской промышленности и торговли, которые «на годы оказались в застое».¹⁰¹ Начавшийся из-за этого мятеж, имевший как

⁹⁷ «Состояние латентного кризиса с самого начала правления Филиппа II, тем не менее, невозможно понять, не принимая во внимание замедление темпов инфляции начиная с 1560–65 годов. Неслучайно, что первое государственное банкротство случилось уже в 1557 году, а первый значительный поворот в политике Филиппа произошел в 1568 году**» (*Nadal. Hispania, XIX*, p. 513). В противовес утверждению Хэмилтона, что рост цен в Испании достиг высшей точки к концу века, Надаль указывает, что факты демонстрируют больший (107%) рост цен в промежутке 1501–1550 годов, чем между 1551 и 1600 годами (98%). См. *ibid.*, pp. 511–512.

⁹⁸ «Уже кризис 1557 года катастрофически пошатнул положение Антверпена в сфере государственных финансов. В последующие годы спад продолжался, и в 1560-х годах английская корона с подачи Грешэма*** полностью избавилась от опеки Антверпена...

Когда в 1569 году англо-нидерландское эмбарго привело к полному разрыву с Антверпеном, Англия ощущала себя достаточно сильной, чтобы освободиться от его торгового и финансового влияния. Гамбургу досталось торговое, а Лондону — финансовое наследство Антверпена. Обоим городам было суждено великолепное будущее. Таким образом, Антверпен навсегда утратил основу своей первой экспансии» (*Van der Wee. The Growth of the Antwerp Market and the European Economy, II*, pp. 222, 238).

⁹⁹ *Ibid.*, p. 207.

¹⁰⁰ См. *Ibid.*, pp. 232–236. Парри: «„Испанское бешенство“**** 1576 года серьезно навредило Антверпену. Осада и захват города герцогом Пармским в 1585 году стали причиной исчезновения или банкротства многих деловых домов Антверпена и изгнания тысяч протестантских ремесленников — в основном в Амстердам... Туда же переместилась морская торговля, которую вел Антверпен» (*Parry. Cambridge Economic History of Europe, IV*, p. 169).

¹⁰¹ *Van der Wee. The Growth of the Antwerp Market and the European Economy, II*, p. 183. Однако в двух недавних работах утверждалось, что упадок Антверпена преувеличен и что Антверпен еще долго оставался относительно сильным. См. *Craeybeckx, Jean. Les industries d'exportation dans les villes flamandes au XVIe siècle, particulièrement à Gand et à Bruges // Studi in onore di Amintore Fanfani, IV: Evo moderno. Milano: Dott. A. Giuffrè-Ed., 1962, 415. Тем не менее, Крайбекс признает, что после 1585 года новые предприятия Антверпена, «конечно, не смогли предотвратить перемещение центра тяжести международной торговли в направлении Амстердама и Лондона [p. 416]».*

Ян А. ван Хаутте еще более категоричен. Он называет картину упадка «сильно искаженной» (*Van Houtte. Déclin et survivance d'Anvers (1550–1700) // Studi in onore*

социальные, так и политические аспекты, создал в северной части Нидерландов жизнеспособную политическую базу для превращения этой территории в центр мировой торговли начиная с конца XVI века.¹⁰²

Южная Германия также получила тяжелый удар. По словам Луццатто, «самыми суровыми невзгодами для Германии стали финансовая несостоятельность и последовавшее за этим банкротство испанской короны, которое полностью уничтожило личные успехи не только Фуггеров, но и большей части купцов-банкиров юга Германии».¹⁰³ Поскольку экономическая ситуация все более ухудшалась, бывшие коммерческие партнеры из Южной Германии и Северной Италии начали вторгаться в прежние приоритетные сферы влияния друг друга, конкурируя в поисках еще остававшихся доходными предприятий. Такое поведение оказалось разрушительным для обоих регионов.¹⁰⁴

Для германских государств этот коллапс имел громадные политические последствия. С одной стороны, Германию очистил «революционный фермент протестантизма, реакция которого на упадок империи... по своему характеру была резко национальной» (Барраклу).¹⁰⁵ Однако, как мы уже отметили, занятость Карла V своей империей означала, что он не мог использовать свои уже достигнутые политические успехи на пользу дела объединения Германии, равно как не мог он и стать на путь испанского национализма. Компромиссный принцип *cuius regio* («чья земля») защищал германские княжества, подрывая позиции немецкой буржуазии, и на века положил конец надеждам на объединение. В общем приближении Германия будет разделена на лютеранский север и северо-восток — последний (по крайней мере, экономически) окажется частью восточноевропейской периферии — и более богатый католический юго-запад (включая отдельные части Рейнской области). По словам Алана Дж. П. Тейлора, «оба эти образования были движением вспять от дней расцвета Ренессанса, охватившего всю Германию...»¹⁰⁶ Даже на относительно богатом юго-западе к XVII веку произойдет откат назад к ручному производству.¹⁰⁷

di Amintore Fanfani, V: *Evo modern*. Milano: Dott. A. Giuffrè-Ed., 1962, 706). Ван Хаутте указывает, что военная блокада ударила по морской торговле Антверпена, но не повлияла на сухопутную. См. *ibid.*, 720. Он утверждает, что в течение XVII века купеческие классы Антверпена сохраняют свое «неоспоримое значение [p. 722]».

¹⁰² См. статью Верлиндена в: Charles Quint et son temps. Хайме Висенс Вивес в следующей за этой статьей дискуссии утверждает, что то же самое справедливо для Каталонии. См. *ibid.*, p. 187. Якоб В. Смит: «В конечном итоге, социально-экономические предпосылки Нидерландской революции не могут не производить впечатление» (*Smit. Preconditions of Revolution*, p. 43).

¹⁰³ *Luzzatto. Storia economica*, p. 151.

¹⁰⁴ См. *Strauss. Nuremberg in the Sixteenth Century*, p. 150.

¹⁰⁵ *Barraclough. Origins of Modern Germany*, p. 370.

¹⁰⁶ *Taylor. Course of German History*, p. 20.

¹⁰⁷ Р. Ладлофф так описывает развитие Германии: «В XVI веке — технологические успехи и убедительное продвижение к капиталистической организации хозяйства, в XVII веке — остановка в развитии, в том числе из-за растущих поборов с местных зем-

Тейлор может преувеличивать степень процветания Германии и ее экономического лидерства в начале XVI века, однако он, несомненно, прав, подчеркивая драматический крах ее зарождавшегося экономического развития.¹⁰⁸

Таким образом, попытка Карла V утвердить политическое господство в европейском мире-экономике негативно отразилась на Испании и Германских государствах, на городах Фландрии и севера Италии и на торговых домах, которые связали свою судьбу с империей. Имперская конструкция представлялась разумной и даже возможной, но в действительности всё оказалось наоборот.

В целом мы уже изложили историю испанских колониальных предприятий на Американском континенте. Поэтому для того, чтобы установить, как упадок Испании повлиял на Америку, достаточно просто описать происходившее в американских колониях в качестве внутренних дел Испанской империи. Испания основала свои колонии на островах Карибского моря и на некоторых участках Карибского побережья (современные Мексика, Гватемала и Колумбия), а также в Перу и Чили. Эти колонии были задуманы как продолжение не только Европы в целом, но и Испании самой по себе.¹⁰⁹ Для создания большого бюрократического аппарата на Американском континенте у Испании не было административной энергии, поэтому испанцы использовали старое имперское средство: кооптацию местных племенных вождей в политическую систему в качестве агентов-посредников короны и испанских поселенцев.¹¹⁰

левладельцев в пользу феодальной власти, и возврат к мелкому производству» (*Ludloff. Industrial Development in 16th–17th Century Germany // Past & Present, No. 12, Nov. 1957, 58*).

¹⁰⁸ «В это время Германия была, так сказать, линией жизни европейской торговли, и ее процветающие города возвышались над другими. Своим происхождением национальные монархии в других странах Европы на самом деле больше обязаны противостоянию германскому торговому превосходству, чем своему сопротивлению Империи...

Каждое торговое сообщество переживает свои взлеты и падения, сопутствующие мировому рынку, но ни одно подобное сообщество современной Европы никогда не испытывало таких глубоких и продолжительных бедствий, как германский средний класс в тот момент, когда его финансовая мощь уже была наивысшей, а национальное согласие полностью утвержденным. Именно в тот момент немецкая буржуазия действительно могла рассчитывать на то, чтобы стать ведущей политической силой, поскольку в экономическом отношении она уже стала господствующей силой Центральной Европы» (*Taylor. Course of German History*, pp. 17–18).

¹⁰⁹ «Переселенцы импортировали из Испании товары, необходимые им для сохранения испанского образа жизни в американских условиях. Для того чтобы платить за этот импорт, они развивали хозяйство в форме ранчо, плантаций и рудников, производивших продукцию для продажи в Европе. Для плантаций требовались рабы, поэтому возник совершенно новый рынок торговли с Западной Африкой. Наконец, в середине века переселенцы наткнулись на богатейшие в мире серебряные рудники, которые позволили им покупать еще больше привозных товаров и снабжали европейскую торговлю звонкой монетой, необходимой для приобретения восточных товаров» (*Parry. Cambridge Economic History of Europe, IV, p. 199*).

¹¹⁰ «В различных традиционных обществах Америки конец верховенства властей доколумбовой эпохи вел, с одной стороны, к росту злоупотребления властью над массой населения со стороны традиционных вождей (касики, кураков*), а с другой,

Не было у Испании и энергии для полного контроля над собственными переселенцами. Чтобы сохранить их политическую лояльность, Испания пошла на множество экономических уступок. Одной из них был запрет для индейцев разводить скот — это был единственный вид деятельности, в котором коренное население могло эффективно конкурировать в условиях новой капиталистической экономики и тем самым создать основу собственной экономической мощи.¹¹¹ Более того, индейцам не просто запретили заниматься этой прибыльной деятельностью, но само распространение скотоводства экономически ослабляло индейцев, поскольку овцы в Центральной Америке пожирали людей с тем же успехом, что и в Англии.¹¹² Тем не менее, переселенцы зависели от сохранения испанской поддержки — не столько против восстаний индейских и африканских рабов, сколько против проникновения в их торговлю англичан и других европейцев, что было чревато снижением ее прибыльности.¹¹³ Так что даже если порой

к сотрудничеству этих вождей в своих собственных интересах с переселенцами, особенно с держателями энкомьенд...

Примерно так же, как Англия, Франция, Бельгия и другие колониальные державы в Африке или Азии в XIX веке, Испанское государство в Америке XVI века корректировало прежнее территориальное членение традиционных обществ, перемещало центры скопления населения и требовало признания только той иерархии вождей, которая была утверждена (*investie*) и контролировалась колониальной властью. Благодаря этому и в XVI, и в XIX веке появление колониальной власти вело к компромиссу в туземных обществах, однако вожди, старые или новые, в конечном итоге оказывались всего лишь орудием сбора налогов» (*Verlinden, Charles. L'état et l'administration des communautés indigènes dans l'empire espagnole d'Amérique // International Congress of Historical Sciences. Stockholm 1960. Résumés des communications. Göteborg: Almqvist & Wiksell, 1960, 133*).

¹¹¹ См. Wolf. *Sons of the Shaking Earth*, pp. 182–183.

¹¹² См. *Ibid.*, pp. 197–198.

¹¹³ Эдвин Э. Рич приводит следующее описание экономики работорговли: «Практически неизбежной чертой зависимости экономики от рабского труда было то, что спрос на рабов никогда не удовлетворялся полностью и задешево, поскольку рабочая сила в рабовладельческой системе является наиболее текучим фактором производства... Учитывая данное обстоятельство, неудивительно, что контрабанда невольников и потворство работорговле были распространенными и привлекательными явлениями... Когда за рабами отправлялись на побережье Африки, то в целом признавалось, что подобные поставки являются серьезным посягательством на фактическую собственность Португалии*. Однако, захватывая невольников для продажи в испанские владения, те, кто это делал, просто избегали бы формального запрета; таким образом, Португалия, а не Испания была серьезным барьером для свободной торговли. Подобный подход к работорговле настолько овладел купцами XVI века, что мощная группа английских торговцев даже рассматривала возможность учреждения англо-испанского партнерства для торговли на таких условиях, которые удовлетворяли бы и потребность переселенцев в рабах, и стремление испанского правительства осуществлять экономическую власть и контроль в колониях, и желание английских купцов получать прибыль от работорговли... Джон Хоукинс** начал торговать рабами с Вест-Индией в надежде, что сможет основать регулярное торговое сообщение между Англией и Испанией» (*Rich. Cambridge Economic History of Europe, IV, pp. 325–326*). Следует задаться вопросом, почему испанские власти не приняли проект Хоукинса,

переселенцы и были недовольны испанской короной и ее бюрократией, они все равно не организовались как самостоятельная сила. Кроме того, экспортный характер колониальных экономик открывал переселенцам (многие из них были людьми скромного происхождения) возможности для извлечения прибыли.¹¹⁴

В действительности внутри имперских структур обычно вырастают — одно в другом — субимперские образования. Можно, например, утверждать, что Мексика (то есть испанцы в Мексике) различными способами «колонизировала» Перу. Население Мексики было значительно больше, чем население Перу. В течение XVI и XVII веков в двух странах также существовало постоянное различие в уровне цен. Мексика экспортировала в Перу мануфактуру, предметы роскоши и рабов, получая взамен монетные металлы и ртуть.¹¹⁵ Когда же в сферу испанской торговли вошли Филиппины, испанцы в Мексике стали посредниками между Манилой и Лимой, отсекая от прямой торговли с Перу манильских испанцев.¹¹⁶ Реэкспорт китайских товаров через Манилу в Мексику и Перу стал основой торговли между колониями.¹¹⁷ Испанская корона безуспешно пыталась устранить посредничество Мексики, из-за которого уменьшалась торговая прибыль Кастилии.¹¹⁸ «Невозможно спорить с тем, — говорит Шоню, — что в течение XVI века Мексика ведет себя в отношении Перу так же, как метрополия ведет себя по отношению к колонии».¹¹⁹

Одним из последствий политической сверхпротяженности Европы вкуче с экономическим сжатием «второго» XVI века был рост испанской эмиграции в Америку.¹²⁰ Это обеспечивало рабочие места для нуждающихся испанцев

который представлялся нацеленным против португальских купцов. Возможно, потому, что в длительной перспективе английское вмешательство представлялось более опасным для короны и переселенцев, так что Испания расценила предложение англичан как открытое вторжение в свои дела.

¹¹⁴ «С момента своего появления в качестве колонии [в XVI веке] Чили обладало экспортной экономикой... Вполне типичным было то, что Чили начало свое существование как экспортер золота. Однако чилийские прииски... были небогаты и существовали недолго... Нетипичным же для испанских материковых колоний (возможно, другим исключением была Гватемала) даже в те времена было то, что Чили экспортировало собственную сельскохозяйственную продукцию — сало» (*Frank, Andre Gunder. Capitalism and Underdevelopment in Latin America*, p. 29).

¹¹⁵ См. *Borah, Woodrow. Early Colonial Trade and Navigation Between Mexico and Peru, Ibero-Americana*: 38. Berkeley: Univ. of California Press, 1954, 81–82, 86–88.

¹¹⁶ См. *Schurz, Walter L. Mexico, Peru and the Manila Galleon // Hispanic American Historical Review*, I, 4, Nov. 1918, 391.

¹¹⁷ См. *Borah. Early Colonial Trade*, p. 121.

¹¹⁸ См. *ibid.*, pp. 118–120, 124–127.

¹¹⁹ *Chaunu, Pierre. Pour une histoire économique de l'Amérique espagnole coloniale // Revue historique*, LXXX, 216, oct. — déc. 1956, 218.

¹²⁰ Масштабы этой эмиграции исследованы Хорхе Надалем в: *Nadal. La población Española (siglos XVI a XX)*. Barcelona: Ed. Ariel, 1966, 73–80. Безусловно, Испания в то время была перенаселена. «Образ [перенаселенной Кастилии] неотделим от образа испанского величия», утверждает Хосе-Хентиль да Сильва (*Da Silva. Villages castellans et types de production au XVIe siècle // Annales E.S.C.*, XVIII, 4, juil. — août 1963, 735). Так следует

и непосредственный источник дохода для испанского государства благодаря продаже должностей в американской колониальной бюрократии.¹²¹ С другой стороны, происходивший в ответ на экономическое сжатие рост испанского населения в Америке, жившего на доходы с земли, в сочетании с чудовищным сокращением численности индейцев в начале испанского правления приведут в Испанской Америке к «столетию депрессии»¹²² и в результате постепенно породят систему асьенд, основанную на долговом пеонаже.¹²³ Однако

ли связывать эмиграцию с экономическим упадком? Возможно, да, но это не просто прямая корреляция.

¹²¹ «Получение должностей в колониях... давало испанцам всех рангов и доходов возможность обрести работу и прибыль, которые не могла предоставить им сжимающаяся экономика метрополии. Более того, расширенная специально для колониальной администрации табель рангов давала испанской монархии возможность продавать посты в колониях энергичным карьеристам, которые, в свою очередь, обнаружили, что благодаря возможности контролировать покорные индейские массы новоназначенные администраторы могут получать ссуды от других испанцев» (*Stein & Stein. The Colonial Heritage of Latin America*, pp. 71–72). К. Р. Суорт подчеркивает, что Испания, в отличие от Франции, распространила практику продажи должностей на свои колонии, что было признаком колониального бремени тех времен (*Swart. The Sale of Offices*, p. 41).

¹²² «Вся доступная нам информация приводит к заключению, что после 1576–1579 годов и на протяжении большей части XVII века белые поселенцы лишь в лучшие годы были в состоянии легко обеспечить производство достаточного объема продуктов питания, чтобы прокормить себя, а также слуг и работников, напрямую от них зависевших. Возможно, в этот период действовали и иные факторы, нежели количество рабочих рук — так, необъяснимое сокращение поголовья скота в конце XVI и первых десятилетиях XVII века едва ли можно объяснить только нехваткой скотоводов. Однако объем трудовых ресурсов был, похоже, наиболее важным фактором, повлиявшим на продолжавшуюся нехватку пищи и других продуктов городского потребления... В горном деле факты также безошибочно указывают на резкую и длительную нехватку рабочих рук из-за сокращения индейского населения...

Экономические трудности, преследовавшие города Новой Испании, [...] практически полностью совпадали с аналогичными тенденциями в главных испанских колониях Нового Света... Сокращение экономических возможностей и ухудшение условий жизни в Испании означало, что значительное число испанцев эмигрировало в колонии, где, несмотря на потенциально плохие экономические условия, продукты питания в конце XVI и на протяжении большей части XVII века были более доступны, чем в метрополии. В силу самой природы колониального общества эти эмигранты мало что значили как прибавка к трудовым ресурсам Новой Испании — скорее они пополняли армию едоков... Совпав по времени, экономический и демографический кризисы в Испании и ее колониях... наложились друг на друга и создавали неблагоприятные условия и там, и там» (*Borah. New Spain*, pp. 25–26, 29). См. у Альваро Хары о кризисе конца века в Чили в: *Jara. Guerre et société en Chili: essai de sociologie colonial*, pp. 105–119.

¹²³ «Можно сделать вывод, что становление асьенды, по сути дела, было развитием, а не борьбой. Эволюция крупного поместья была ответом на такие реалии, как размер колониальных городов и численность испанского населения, степень аккультурации индейцев и природа испанского общества в ранний период Нового времени... Везде, где, на первый взгляд, может показаться, что главной движущей силой развития становились корона или церковь, при ближайшем рассмотрении обнаружится действие

асьенда была ориентирована на экономический мир меньших размеров, чем плантация,¹²⁴ — пространство относительной независимости переселенческой элиты.¹²⁵ Испания сама создала систему, которая развивалась таким образом,

более глубинных сил. Политике короны доверяли с момента уничтожения энкомьенды, но эта хозяйственная форма была приговорена в силу естественного развития в колониях собственных институтов. С одной стороны, успешный рост торговли и рудников не зависел напрямую от энкомьенды; с другой стороны, заметное увеличение испанского общества привело к появлению новых могущественных семейств, которые стали создавать собственные поместья, подрывающие негибкую систему энкомьенды» (*Lockhart, James. Encomienda and Hacienda: The Evolution of the Great Estate in the Spanish Indies // Hispanic American Historical Review, XLIX, 3, Aug. 1969, 428*).

¹²⁴ Стэнли и Барбара Стейн проводят следующую границу между асьендой и плантацией: «[Асьенда — это] поместье больших размеров, выращивающее пшеницу и скот, продукция [которого] использовалась для локального потребления в центрах горного дела или в таких крупных городских зонах, как Мехико или Лима. Рабочую силу асьенды составляли зависимые от колонистов индейцы, сравнительно ограниченные в перемещении и принуждаемые к работе специфической формой наемного труда — должным пеонажем... В отличие от асьенды, плантация была независимой экономической единицей, создаваемой для производства товаров основного спроса для внешнего, т.е. европейского потребителя» (*Stein & Stein. The Colonial Heritage of Latin America, p. 40*).

¹²⁵ «К началу 1590-х годов развитие испанских поместий в колониях достигло такого уровня, который при условии обеспечения достаточного количества трудовых ресурсов позволял производить продукцию, обеспечивающую продовольственные потребности городов испанских колоний. Это не означало, что города более могли не полагаться на продукцию индейцев — скорее это был вариант на случай нужды, когда города, затянув пояса, смогли бы просуществовать благодаря продукции ферм, которыми владели и которые напрямую контролировали городские же жители (*vecinos*)» (*Borah, New Spain, p. 33*).

Югетта и Пьер Шоню отмечают, что структура испанского экспорта на Американский континент претерпевает трансформацию от предназначенных для переселенцев товаров первичного потребления (XVI век) к мануфактурным товарам, произведенным в Италии или Северной Европе и реэкспортируемым Испанией (XVII век). Далее следует вопрос: «Чем можно объяснить этот значительный сдвиг? Тем фактом, что испанская колонизация, в соответствии с логикой своего развития, в большей степени овладела естественными условиями Нового Света. Вот лишь один пример из многих: успешное возделывание винограда на тихоокеанском побережье, в сухом оазисе Перу, вопреки лишь теоретически существующим запретам, которых андалусийская аристократия добилась от самодовольного правительства. Не менее красноречив и тот факт, что испанцы последующих поколений, уже родившиеся в Вест-Индии, среди индейцев, больше не испытывали тех же гастрономических предрассудков относительно местной пищи, которые были у их отцов, переместившихся из одного мира в другой. Наконец, отдельной причиной изменения структуры экспорта была экономическая несостоятельность сверхдорогой транспортировки продукции с низкой стоимостью — продукции по определению неперевозимой на длинные расстояния между Испанией и Америкой. Прошло то время, когда огромные прибыли от серебряных рудников Нового Света делали возможным подобное безрассудство. Когда в силу ряда причин (истощение наиболее доступных месторождений, нехватка людей в зонах добычи, рост цен на ртуть, необходимость для амальгамирования, и особенно падение стоимости серебра в результате Революции цен XVI века) эта прибыль сократилась, серебро стали меньше экспортировать в Европу, в то время как в Америке оно способствовало созданию лучше

что экономические выгоды сокращались, а политические трудности росли. Впоследствии экономическими преимуществами Испанской Америки легко воспользуются другие европейские государства, в то время как Испания продолжит тащить на себе имперскую политическую ношу.¹²⁶

Итак, после 1557 года Испания утратила не только центральноевропейские части своей империи и (после долгой борьбы) Северные Нидерланды — она продолжала терять и ряд преимуществ от остававшихся у нее колоний. Более того, сам факт, что Американский континент стал для Испании столь важным источником дохода (его доля оценивается в 10% от всех доходов государства), вел к тому, что Испания замедляла ход экспансии для консолидации уже полученных преимуществ.¹²⁷ Но этому замедлению не суждено было оказаться временным.

Упадок Испании является одной из главных тем современной европейской историографии. В нашей системе координат причиной этого упадка представляется то, что Испания не создала (возможно, она вообще была неспособна к этому) такой тип государственного аппарата, который позволил бы высшим классам страны извлечь прибыль из возникновения европейского мира-экономики, несмотря на то, что в XVI веке Испания занимала в этом мире центральное географическое и экономическое положение. Это демонстрирует,

сбалансированной и более диверсифицированной экономики» (*Chaunu & Chaunu. Cahiers d'histoire mondiale*, I, pp. 99–100).

¹²⁶ «Имперское правление Филиппа II держалось на испано-атлантической экономике, которая финансировалась ресурсами Америки и Кастилии, получавшей регулярные инъекции серебра с рудников Нового Света...

Начиная с 1590-х... годов экономики Испании и ее американских владений стали развиваться порознь [то есть они стали конкурирующими, а не дополняющими друг друга экономиками — *И. В.*], и в этот момент английские и голландские посредники устремляются в расширяющийся между ними разрыв» (*Elliott. Imperial Spain*, pp. 285, 287). Иными словами, Испания становилась частью полупериферии европейского мира-экономики.

Андре Гундер Франк указывает, что прибавочный продукт чилийской экономики XVI века в значительной мере был спущен на приобретение предметов роскоши, которые можно рассматривать как «течь в структуре международного обмена, истощавшую ресурсы Чили», причем не обязательно в пользу Испании (*Frank. Capitalism and Underdevelopment in Latin America*, p. 33).

¹²⁷ «Желание Филиппа [II] прекратить дальнейшие завоевания в интересах безопасности до тех пор, пока уже существующие колониальные провинции не будут заселены усердными испанцами и оседлыми индейцами и не начнут управляться местными и послушными чиновниками, было вполне естественным. Прежде всего остановка экспансии исходила из признания растущей значимости „Индий“ как источника королевских доходов... При вступлении Филиппа II на престол доля „Индий“ в совокупном доходе королевства составляла примерно 10% и продолжала расти. С учетом обширных долгов Филиппа и его кипучей деятельности в Европе основной целью королевской политики неизбежно становилось все более резкое увеличение доходов от „Индий“. Требовалось сконцентрировать испанский капитал и изобретательность, а также труд индейцев на добыче серебра и других видах деятельности, порождающих капитал, настаивать на развитии уже существующих и приносящих прибыль провинций, а не позволять рассеивать энергию в отдаленных и умозрительных новых вторжениях (*entradas*)» (*Parry, J. H. New Cambridge Modern History*, III, pp. 510–511).

что зоны «центра» (core) в пределах мира-экономики не обязательно должны быть самыми «центральными» (central) как в географическом смысле, так и в плане динамики торговли.

Уже на пороге в XVI века, Испания страдала от ряда изъятий, лежавших в основе ее экономической структуры. Во-первых, как было отмечено выше, относительно организованные силы миграционных скотоводов (Месты) были серьезным барьером на пути развития фермерства (йоменов), поскольку Места была способна отстаивать свои исключительные права на огораживание пахотных земель. В Англии же разведение овец было менее связано с их пространственным перемещением и более совместимо с системой огораживаний, которая допускала медленный рост копигольда.¹²⁸ Во-вторых, в Испании отсутствовал значительный индустриальный сектор, а той промышленности, которая все же существовала (производство тканей и шелка в Кастилии), положит конец кризис 1590 года.¹²⁹ Хотя Висенс и приписывает это некоей мистической «неспособности Кастилии принять капиталистический мир»,¹³⁰ у него же содержится эмпирическое описание событий, происходивших после этого кризиса, которое демонстрирует, что, по меньшей мере, опосредованной составляющей упадка Испании была совершенно определенная модель расходования средств:

«Именно те, кто на самом деле обладал деньгами (аристократы, идалго Андалусии и Эстремадуры и правительственные чиновники в отставке), направили их на строительство церквей, дворцов и монастырей и увековечили в произведениях искусства. Но никто из этих людей не поддавался искушению заняться промышленностью или хотя бы простой торговлей».¹³¹

Аналогичный сдвиг в модели инвестирования повлиял и на каталонскую буржуазию, которая была куда более ориентирована на новую капиталистическую экономику. Бродель отмечает здесь растущую тенденцию в смещении инвестиций от торговли к обрабатываемым землям. «Не было ли это одним из аспектов экономической драмы Барселоны? Барселонские буржуа, не рискуя

¹²⁸ «[В XVI веке крупные испанские города] уже осознавали одну фундаментальную истину аграрной экономики, которой, к великому несчастью для Кастилии, не суждено было стать полностью усвоенной до самого окончания двух этих бедственных столетий. Эта истина заключалась в том, что пашня и пастбище могли отлично сочетаться друг с другом и отнюдь не были взаимоисключающими и взаимно враждебными явлениями» (Klein. The Mesta, pp. 327–328).

¹²⁹ «В XVI–XVII столетиях Нидерланды, Англия и Франция импортировали из Испании товары первичного сектора: оливки, масло, краску, шерсть, в то время как Испания получала взамен мануфактурные товары, а также зерно. Поэтому международная специализация испанской экономики предопределила то, что испанская промышленность была недоинвестирована. Борьба за существование оставалась только мелкому ремесленному производству» (Da Silva. En Espagne, pp. 177–178).

¹³⁰ *Vicens Vives. Approaches*, p. 98. Возможно, более резонно звучит утверждение Рамона Каранде, что в течение XVI века качество испанской текстильной продукции постоянно падало. См. *Carande. Carlos V, I*, pp. 191–192. См. *Elliott. Imperial Spain*, p. 193.

¹³¹ *Vicens Vives. Approaches*, p. 99.

более вкладывать деньги в морскую торговлю, инвестируют их в земельные владения».¹³² Не дает ли это основания для следующей постановки вопроса: каким образом в центре самой значимой империи Европы того времени буржуазия переходит от заморских вложений к выращиванию пшеницы вместо построения собственной промышленной базы?¹³³ Это еще один непростой вопрос. Многие авторы отвечают на него в духе Вилара: «Это происходило потому, что металлы, которые слишком легко обогатили Испанию, [...] утекали в те страны, где их покупательная способность была наивысшей».¹³⁴ Или в духе Висенса: «Верно, что в критические моменты борьбы с остальной Европой Кастилия действительно полагалась на инъекцию благородных металлов из Америки».¹³⁵

Определенно, одним из значимых факторов в данном процессе было то, что иностранцы — генуэзцы, голландцы, португальцы, евреи, французы¹³⁶ —

¹³² Бродель. Средиземное море, I, 135.

¹³³ Испания все больше поворачивалась к аграрной экономике, соответствующей помещичьему хозяйству. Среди важнейших примеров этого процесса было развитие виноделия, ставшего «трудом наемных крестьян, сельских тружеников» (*Da Silva. En Espagne*, pp. 159). К тому же из-за притока французских эмигрантов уровень заработков этих тружеников падал еще ниже. См. *Nadal. La población Española*, pp. 80–88.

Напротив, в области рыболовства Испания несла убытки все то время, что она присутствовала на этом рынке. Гарольд А. Иннис указывает на последствия этого: «Упадок испанского рыболовства [в Ньюфаундленде] — это обратная сторона открытия испанского рынка для рыбаков Франции, Англии и Новой Англии. Этот факт ознаменовал начало торговли, которая для Англии стала на века означать развитие Ньюфаундленда, возобновление обучения моряков, потребление британских мануфактурных товаров и способ выкачивания денег из Испании. Возможно, не будет большим преувеличением сказать, что в XVI и XVII веках торговля с Испанией действительно была краеугольным камнем Британской империи. Потребление трески в протестантской Англии падало вместе с изменением уровня жизни, в то время как католическая Испания представляла собой устойчивый и растущий рынок сбыта рыбы. К тосту рыбаков Ньюфаундленда „За папу и десять шиллингов“ присоединились бы все добрые подданные Британской империи» (*Innis. The Rise and Fall of the Spanish Fishery in Newfoundland // Proceedings and Transactions of the Royal Society of Canada*, 3rd ser., XXV, Section II, 1931, 167).

¹³⁴ Vilar. Past & Present, No. 10, p. 32 (сноска 88).

¹³⁵ Vicens Vives. Approaches, p. 97.

¹³⁶ «Больше всего на этом кризисе заработали иностранцы — ненавистные генуэзцы („белые мавры“, как называли их разгневанные каталонцы), португальские евреи и еретики-голландцы. Иностранцы управляли королевскими финансами; внешнее управление кастильской экономикой осуществляли иностранные купцы, чьи шупальца опутали прибыльную торговлю Севильи с Америкой» (*Elliott, John. Past & Present*, No. 20, p. 69).

«Глубокое презрение к земному и вожденная экуменическая миссия Испании определенно хоронила любую программу экономического возрождения Кастилии. Генуэзские банкиры монополизировали прибыли от эксплуатации американских рудников, а снаряжение флота контролировали генуэзские поставщики. Одновременно с этим итальянские, фламандские и французские купцы перехватили колониальную торговлю, контролируя ярмарки в Медине-дель-Кампо и отгрузку товаров из Севильи и Кадиса. Не в силах противодействовать этому, монархия все больше и больше зависела

продолжали играть ключевую роль в испанских финансах. Другим фактором было нежелание Карла V придать Испании *национальный* вектор развития и внедрять политику меркантилизма¹³⁷ до того, как на каталонскую буржуазию сокрушительно повлияют растущие цены, аристократическое потребление предметов роскоши, а также имперские займы, которые увеличивали инфляцию и обладали антипротекционистским воздействием на экономику.¹³⁸ Все перечисленное было

от опасных финансовых колебаний, которые привязывали ее к капиталистическим механизмам по ту сторону Пиренеев; сначала эти связи были необходимы, затем разрушительны и наконец сделали Испанию бесплодной землей... Здесь вы больше не найдете капитала, инвестированного в страну для повышения производительности сельскохозяйственных земель или для создания торговых компаний с целью эксплуатации заокеанских земель — даже работорговля оставалась в руках португальцев и французов» (*Vicens Vives. Approaches*, pp. 97–98).

Рамон Каранде ясно дает понять, что эта зависимость Испании XVI века от иностранных банкиров была прямым следствием изгнания евреев: «В отличие, к примеру, от Англии и Франции, в Кастилии и Арагоне до XVI века не было иностранных банкиров. Нельзя сказать, что долгое время, то есть в XIII, XIV и XV столетиях, иноземных торговцев там не было вовсе... однако именно иностранные банкиры на землях наших правителей, королей Кастилии и Арагона, не были нужны — вполне хватало своих Авраамов, Исааков и Самуэлей. В средневековой Испании у евреев не нашлось конкурентов, способных вытеснить их из экономической сферы, особенно в области кредита. Одновременно евреи были казначеями и кредиторами королей» (*Carande. El crédito de Castilla en el precio de la política imperial, discurso leído ante la Real Academia de la Historia. Madrid, 1949, 24*). См. *Klein. The Mesta*, p. 38.

¹³⁷ *Elliott. Imperial Spain*, p. 196. В том же направлении рассуждает Рамон Каранде в главе «Меркантилистские перекрестки» своей книги о Карле V (*Carande. Carlos V, I, гл. VII*): «Претворяя в жизнь свои цели, Карл V превратил Испанию в собственные закрытые, что он и сам признавал. В письме Фердинанду I он писал: „Я могу быть себе опорой лишь благодаря моим владениям в Испании“, но из-за этого же Карл не утвердил никакой схемы национальной унификации. Как и в прежние времена, различные территории Испании оставались провинциями с несопоставимыми интересами. Не будучи включенными в имперское целое, их коллективные экономические интересы зависели от решений императора и, соответственно, не получали должного внимания в рамках национального рынка [p. 159]».

Луис Витале утверждает, что политика Испании была не меркантилистской, но «обменной» (*“exchangist”, cambiaria*) (*Vitale. Pensamiento crítico, No. 27, p. 23*). Витале считает, что неспособность Испании принять протекционистскую политику фактически стала основной ее упадка. «Парадоксальным образом Испания превратилась в важнейший импульс для развития промышленности во враждебных ей странах — Англии и Франции [p. 24]».

¹³⁸ См. *Elliott. Imperial Spain*, p. 196. Кляйн показывает, как имперские займы препятствовали императору разрешать внутрииспанские конфликты. В начале XVI века различные силы, заинтересованные в активизации пахотного земледелия, вели в corte-сах борьбу с привилегиями Месты, из-за которых росли цены на продовольствие: «Сам Карл оказался в несколько затруднительном положении по отношению к масштабной проблеме пастбищ. Сначала он действительно предполагал воспользоваться Местой и ее производством так, как делали его деды, что означало отсутствие ограничений для пастбищ. Политика Карла в этом направлении стимулировалась также тем обстоятельством, что в 1525 году он предоставил в откуп своим кредиторам Фуггерам ценнейшие

связано с тем, что Испания являлась частью панъевропейской империи Габсбургов. В результате действия этих двух факторов — высокой значимости испанских финансовых интересов в самой Испании и нежелания (или неспособности) правительства предпринимать адекватные протекционистские меры — роль Испании в мире-экономике изменилась с точностью до наоборот.¹³⁹

Вместо принятия мер против иностранных купцов Испания пошла по пути изгнания некаатолического населения, и это был путь саморазрушения. После разгрома Непобедимой Армады в 1588 году¹⁴⁰ международное положение Испании как главного оппонента сил протестантизма в Европе и ислама в Средиземноморье логически диктовало применение принципов международной политики и к внутренним делам. За изгнанием евреев в 1492 году, мавров в 1502 и 1525 годах, преследованиями марранов и «эразмианцев» в течение всего XVI века в 1609 году последовало изгнание последнего псевдорелигиозного меньшинства, так называемых морисков*.¹⁴¹ Их насчитывалось 300 тысяч

пастбища великих магистров военных орденов (*maestrazgos*), так что разрешение сколько-нибудь существенных посягательств земледелия на эти земли могло привести к неудобным вопросам со стороны банкиров. С другой стороны, по мере того как росли финансовые потребности монарха, ему необходимо было просить у кортесов специальные субсидии (*servicios*). Для получения этих сумм император был вынужден предоставить лицензии на огораживание общественных земель нескольким крупным городам, чья поддержка требовалась ему для обеспечения правильного голосования в кортесах по указанным субсидиям...

При этом Карл не медлил с решением, поскольку его планы и амбиции были не из тех, что могут терпеливо ждать, пока новое производство полностью получит развитие. Деньги ему были нужны немедленно, а одним из самых ценных ресурсов в его испанских владениях было старинное по-прежнему процветающее пастбищное хозяйство, в то время более успешное, чем когда-либо до или после... Таким образом, защиту лесов и пахотные земли следовало подчинить интересам пастбища» (*Klein. The Mesta*, pp. 327–328).

Если же и этого было недостаточно, то сокращение ввоза серебра после 1590 года привело испанское правительство к стремлению восполнить ущерб при помощи разрушительной политики чрезмерного налогообложения остатков испанской буржуазии. См. *Elliott. Past & Present*, No. 20, p. 71.

¹³⁹ «Мне кажется, что Филипп II постоянно оказывался в положении южноамериканских правителей XIX века: в их руках были сырье, рудники, плантации, но все эти богатства оставляли их безоружными перед лицом международных финансовых компаний. Такие правительства могут выражать недовольство, даже прибегать к репрессиям, проявлять „понимание“» (*Бродель. Средиземное море*, II, 233).

¹⁴⁰ «В определенный момент времени стало очевидно, что Испания проигрывает битву с международным протестантизмом... Если существует некоторый водораздел между триумфальной Испанией первых двух Габсбургов и разгромленной, разочарованной Испанией их преемников, то это 1588 год» (*Elliott. Imperial Spain*, pp. 282–283).

¹⁴¹ «Мориски — термин для обозначения мусульман, живших на христианской территории и вынужденных либо принять крещение, либо покинуть Испанию (в 1502 году Кастилию и в 1525 году Арагон). Большинство из них приняла минимальные требования испанцев, сохранив при этом арабский язык и старинные традиции». Примечание Джоан Коннелли Улльман в: *Vicens Vives. Approaches*, p. 31.

человек, и они по большей части были заняты в сельском хозяйстве, компактно проживая в Валенсии и Андалусии.¹⁴² Изгнание морисков разрушало внутреннюю социальную структуру Испании. Эта мера отчасти была следствием экономического регресса первой декады XVII века,¹⁴³ отчасти — результатом ухудшающегося международного положения Испании.¹⁴⁴ Изгнание морисков было предпринято испанскими буржуазными элементами против земельной аристократии латифундий, став последней попыткой этих элементов сломить власть класса, не зависящего от капиталистического роста.¹⁴⁵ Однако аристократия спаслась, компенсировав потерянные доходы отказом платить по займам, сделанным у буржуазии, и государство поддержало в этом аристократов.¹⁴⁶ Пьер Вилар резюмирует: «Вместо удара по феодальной экономике изгнание морисков бумерангом вернулось к ее кредиторам: состоятельным фермерам (*laboureurs riches*) и буржуазии».¹⁴⁷ Результат в сухом остатке был двояким. С одной стороны, «изгнание морисков повлекло за собой нарушение равновесия на Пиренейском полуострове более чем на сто лет. Задуманная Кастилией, эта мера

¹⁴² См. *Vicens Vives*. *Approaches*, pp. 102–103. Данные Висенса основаны на работе: *Lapeyre, Henri*. *Géographie de l'Espagne morisque*. Paris: S.E.V.P.E.N., 1959.

¹⁴³ «[В] первые годы XVII века [в Испании произошел] перелом основного ценового тренда (1601–1604) [и] началось сокращение совокупного объема торговли между атлантической зоной метрополии и Испанской Америкой. Точная дата изгнания морисков [1609] во многом связана с данной испанской конъюнктурой» (*Chaunu, Pierre*. *Minorités et conjoncture: L'expulsion des Morèques en 1609* // *Revue historique*, CCXXV, 1, janv. — mars 1961, 93).

¹⁴⁴ Хуан Регла указывает, что в XVI веке морисков рассматривали как потенциальную «пятую колонну» и на отношение к ним влиял страх османского продвижения в глубь Европы. См. *Reglá*. *La cuestión morisca y la conjuntura internacional en tiempos de Felipe II* // *Estudios de historia moderna*, III, 1953, 222–228.

¹⁴⁵ *Reglá, Juan*. *La expulsión de los moriscos y sus consecuencias* // *Hispania, revista española de historia*, XIII, No. 51, 1953, 222. Однако Кляйн полагает, что изгнание морисков отчасти было мерой по защите пастбищ от интересов производителей земледельческой продукции: «Мы признаем не столь уж невероятным, что Места использовала свое влияние на монархов для обеспечения изгнания морисков в 1609 году. В протоколах судебных исков Месты по фактам индивидуальных огораживаний пастбищ в пахотных целях в последние годы правления Филиппа II обнаруживается удивительно большое количество ответчиков-морисков. Несмотря на то, что некоторые мориски были корабейниками, торговцами и попрошайками, значительно большую их часть составляли крестьяне-земледельцы. Их изгнание... было, [...] безусловно, одной из жесточайших утрат, когда-либо случавшихся в испанской аграрной истории» (*Klein*. *The Mesta*, p. 338). Хорхе Надаль: «Мотивы этого преследования можно свести к двум основным соображениям: во-первых, идеологически неподвижное мавританское меньшинство в экономическом смысле лучше чувствовало себя в условиях растущих экономических трудностей, чем христианское большинство; с другой стороны, мусульманские подданные (*vassal*), более покорные, чем христиане, соответствовали интересам феодальной аристократии» (*Nadal*. *La población española*, p. 63).

¹⁴⁶ См. *Reglá, Juan*. *Hispania, revista Espanola de historia*, XIII, No. 52, 1953, 446.

¹⁴⁷ *Vilar*. *Europe*, 34, p. 6.

сломала шею Валенсии и Арагону».¹⁴⁸ С другой стороны, изгнание значительно углубило экономические трудности¹⁴⁹ и заставило Испанию искать еще более призрачного козла отпущения, виновного в ее упадке.¹⁵⁰

Тем временем государство еще сильнее погрязло в заграничных долгах, стало еще более склонным к решению бюджетного кризиса путем списания долгов (1557, 1575, 1596, 1607, 1627, 1647) и, в конечном итоге, «оказалось не в состоянии занять еще денег, вследствие чего было неспособно продолжать войну».¹⁵¹ Джон Х. Эллиотт утверждает, что «фантастически затратная внешняя политика Карла V и его зависимость от кредитного финансирования» внутри самой Испании не только привели к тому, что «иностранные банкиры распоряжались источниками богатства страны», но и обеспечили то, что «в пределах Кастилии основная тяжесть ситуации легла на те классы, которые менее всего могли ее вынести».¹⁵² Итоговую для Испании дилемму не позднее 1600 года сформулировал юрист и теолог Мартин Гонсалес де Селлориго: «Так происходит не потому, что в Испании нет золота или серебра, а напротив, потому, что они есть; богатство Испании — причина ее бедности».¹⁵³

Растущие экономические трудности в сочетании с невозможностью создания сильного государственного аппарата вели к распространению в Испании

¹⁴⁸ *Chaunu*. *Revue historique*, CCXXV, p. 97. См. *Reglá, Juan*. La expulsión de los moriscos y sus consecuencias en la economía valenciana // *Studi in onore di Amintore Fanfani*, V: *Evi moderni e contemporaneo*. Milano: Dott. A. Giuffrè-Ed., 1962, 525–545. Джон Х. Эллиотт, определенно сдержанный в выводах относительно экономического эффекта от изгнания морисков для Испании в целом, заключает: «По меньшей мере для Валенсии изгнание морисков все же было экономическим бедствием» (*Elliott*. *The Spanish Peninsula, 1598–1648* // *New Cambridge Modern History*, IV: *The Decline of Spain and the Thirty Years War. 1609–48/59* / J. P. Cooper, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1970, 455).

¹⁴⁹ «Возможно, одним из непосредственных последствий изгнания морисков было то, что объем торговли в пределах *Карреры** в 1614–1622 годах был несопоставим с объемом торговли в период 1605–1613 годов...» (*Chaunu*. *Revue historique*, CCXXV, p. 93).

¹⁵⁰ «Достаточно ли внимания мы уделили... переносу [прицела] на евреев или обвиняемых в принадлежности к еврейству, который происходит в Испании в течение конъюнктурного спада XVII века, когда внезапно не стало удобного козла отпущения в виде морисков?» (*Chaunu*. *ibid.*, p. 94).

¹⁵¹ *Clark, G. N.* *The Seventeenth Century*. London and New York, Oxford Univ. Press (Clarendon), 1929, 42.

¹⁵² *Elliott*. *Imperial Spain*, p. 204.

¹⁵³ Цит. по: *Vilar*. *Europe*, 34, p. 10. Гельмут Г. Кёнигсбергер формулирует то же самое современным языком: «Таким образом, к удивлению иностранцев, все серебро Перу не смогло сделать Испанию богатой. Американские сокровища помогали оплачивать войны императора и обеспечили успехи генуэзских банкиров, но слишком малая их часть была инвестирована в производство с целью преодоления отсталости страны. По мере того, как империя Карла V все больше и больше превращалась в собственно испанскую империю, экономическая слабость Испании делала разрыв между ней и ее западноевропейскими соперниками все более серьезным» (*Koenigsberger*. *The Empire of Charles V in Europe* // *New Cambridge Modern History*, II: *The Reformation, 1520–1559* / G. R. Elton, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1958, 322–323).

бандитизма, с которым государство плохо справлялось.¹⁵⁴ Пресловутая «медлительность» бюрократии** только ухудшала ситуацию, поскольку указанные трудности делали негибкость системным признаком испанского государства, так что «испанские короли могли лишь плыть по течению, управляя страной практически без изменений и реформ».¹⁵⁵ К тому же, несмотря на снижение государственных доходов, государство сохраняло, а возможно, даже наращивало, высокий уровень трат паразитической придворной бюрократии на предметы роскоши.

Возможно, основной удар по Испании пришелся в демографической сфере (которая в свое время также окажется опосредованной составляющей упадка, как и та модель расходования денег, о которой говорилось выше). Если в «первом» XVI веке население Испании (или, по крайней мере, Кастилии) было большим и продолжало расти,¹⁵⁶ то применительно ко «второму» XVI веку так утверждать уже нельзя. На то есть множество причин: эмиграция в Америку, гибель в войнах, голод и чума 1559–1560 годов в Андалусии и Кастилии и, наконец, вышеупомянутое изгнание морисков в 1609 году. Все это происходило не оттого, что испанцы обладали какой-то меньшей предприимчивостью, чем жители остальной Европы,¹⁵⁷ а потому, что в силу указанных нами причин государственный аппарат Испании не был адекватно и тщательно сконструирован. Вследствие этого, по словам Эллиотта,¹⁵⁸ «неблагоприятные обстоятельства проявились слишком сильно»: Испания продемонстрировала «гиперчувствительность... к начавшемуся спаду векового цикла» (Шоню).¹⁵⁹

Так или иначе, Испания не стала главной силой Европы. Напротив, ей было суждено стать первой полупериферией европейского мира-экономики, а затем и его периферией — вплоть до XX века, когда Испания медленно попыталась начать обратное движение. При этом Испания не была одинока в своем

¹⁵⁴ Да Силва связывает рост бандитизма с тем, что «чрезвычайный перегрев товарных цен и условия рынка отдавали крестьян на милость местных сеньоров...» (*Da Silva. En Espagne*, p. 161). Хуан Регла полагает, что бандитизм был одним из косвенных порождений кризиса во Франции: «Кроме того, религиозные войны во Франции вызвали значительную волну гасконской эмиграции в Каталонию и Арагон, и эти новоприбывшие с воодушевлением втягивались в бандитизм*» (*Reglá. Hispania*, XIII, p. 233). Несомненно, списывать все на гасконцев — слишком большое преувеличение. Однако Энрике Серрайма отмечает, что в 1582 году ситуация в Пиренеях становится бедственной, поскольку гугеноты и местные горные бандиты «делали общее дело» (*Serraima. Hugonotes y banditos en el Pirineo catalán // Estudios de historia moderna*, IV, 1954, 211).

¹⁵⁵ *Kiernan, V. G. Past & Present*, No. 31, p. 37.

¹⁵⁶ «Великий успех Испании XVI века на имперском поприще был достигнут прежде всего благодаря храбрости и энергии избыточного населения перенаселенной Кастилии. Данные о населении Испании в XVI веке скудны и ненадежны, но в данный момент, судя по всему, можно в целом утверждать, что население Кастилии, как и везде в Европе, росло в течение большей части XVI века с самым значительным темпом прироста в 1530-х годах» (*Elliott. Past & Present*, No. 20, p. 57).

¹⁵⁷ См. аргументацию Эллиотта в: *Elliott. Imperial Spain*, pp. 194–195.

¹⁵⁸ *Ibid.*, p. 195.

¹⁵⁹ *Chaunu. Seville*, VIII (1), p. 244.

упадке. В своем кильватере она увлекла за собой те регионы Европы, которые были связаны с ее восхождением: юг Германии, Антверпен, Краков, Португалию. За исключением Португалии, все это были, по существу, города-государства, которые обслуживали как Габсбургскую (в том числе Испанскую) империю, так и мир-экономику в целом. С изменением структуры мир-системы во «втором» XVI веке их процветание быстро кончилось.

С этого момента новой мир-системе — капиталистическому миру-экономике — суждено стать господствующей. Державы центра этого мира будут связаны между собой постоянным экономическим и военным напряжением в борьбе за привилегированное положение в эксплуатации (а также в ослаблении государственных аппаратов) периферийных зон, а также за возможность предоставлять определенным территориям возможность играть специализированную, посредническую роль полупериферийных сил.

Сами центральные державы извлекли полезный финансовый урок из экономических катастроф империй Габсбургов и Валуа. Им не было суждено снова очутиться в вышедших из-под их контроля финансовых хитросплетениях — теперь они в первую очередь стремились создать определенную систему контроля над импортом, которая позволила бы им поддерживать благоприятный торговый баланс, — само данное понятие начинает использоваться именно в это время.¹⁶⁰ Однако государства не просто заботились о торговом балансе. Они заботились и о валовом национальном продукте (хотя соответствующий термин еще и не употреблялся), а также о доле в нем государства и контроле над ним. В результате к концу «второго» XVI века, как указывает Карл Фридрих, «источником кредита стало само государство, заняв место финансовых домов, которые ссужали деньги до этого».¹⁶¹

Таким образом, в Европе начался период обращения к внутренним ресурсам. Вслед за Ричардом Б. Вернхэмом его можно в целом рассматривать как, возможно, «одну из самых жестоких и нетерпимых эпох в истории современной Европы»,¹⁶² однако конфликты этого времени в первую очередь были внутренними, а не межгосударственными. Между государствами на какое-то время установилось относительное спокойствие, порожденное истощением сил — «противоречивое и по-прежнему взрывоопасное сосуществование».¹⁶³

¹⁶⁰ «Финансовый коллапс всех главных сил Европы под бременем войны в конце 1550-х годов и последовавший за этим мир в Като-Камбрези повлияли на все правительства, указав им на необходимость военных накоплений в золоте и серебре» (Stone, Lawrence. *Elizabethan Overseas Trade* // *Economic History Review*, 2nd ser., II, 1, 1949, 35. Стоун цитирует новый руководящий принцип французов: "Les choses desquelles les homes se peuvent passer ne doivent ester jugées nécessaires" («Не следует думать, что нечто, без чего можно обойтись, является необходимым»)).

¹⁶¹ Friedrich, Carl J. *The Age of the Baroque*. New York: Harper, 1952, 8.

¹⁶² Wernham. Introduction // *New Cambridge Modern History*, III: *The Counter-Reformation and the Price Revolution, 1559–1610* / R. B. Wernham, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1968, I.

¹⁶³ «Итак, великий конфликт, в первой половине XVI века разрывавший Европу на части, почил, по мере того как участники сражений один за другим сникли, истощив свои силы. На Востоке продолжительная борьба между христианами и турками-османами

Это политическое обращение к внутренним ресурсам государства — назовем его этатизмом, поскольку это не обязательно был национализм, — было тесно связано с природой экономического развития. Рассмотрение вопроса необходимо начать с данных сравнительной демографии. Население Франции в 1600 году оценивалось в 16 миллионов человек и было самым большим в Европе, хотя в различных германских княжествах проживало до 20 миллионов человек. Испания и Португалия (объединенные после 1580 года)* насчитывали около 10 миллионов, Англия и Уэльс — 4,5 миллиона. С точки зрения плотности населения порядок мест был совершенно иным. Здесь список возглавляют старые торгово-промышленные города-государства — Италия (114 человек на квадратную милю) и Нидерланды (104). Франция имела плотность населения 88 человек на квадратную милю**, Англия и Уэльс — 78, Испания с Португалией — всего 44.¹⁶⁴

Как абсолютные цифры, так и показатели плотности обладают двояким смыслом. Первые означают военную и производственную мощь, а также количество людей, которыми надо управлять, и ртов, которые надо прокормить. Как показывает наше предыдущее изложение, далеко не ясно, какой должна быть оптимальная численность населения. Применительно ко «второму» XVI веку Фрэнк Спунер скептически относится к тому, что рост населения сулил экономические выгоды, говоря о «сокращении прибыли».¹⁶⁵ Прежде всего, после

понемногу остыла до противоречивого и по-прежнему взрывоопасного сосуществования. В центре Европы — Священной Римской империи — Аугсбургский договор 1555 года благословил непрочный, но в целом сохранявшийся тройственный баланс между лютеранскими и католическими князьями и Габсбургским императором, чья власть (в том виде, в котором она существовала) все больше и больше опиралась на крайние восточные рубежи империи в австрийских герцогствах и Богемии. На Западе мир в Като-Камбрези в апреле 1559 года установил неровный и нестабильный баланс между французской монархией и испанской ветвью дома Габсбургов — двумя левиафанами, которые все еще возвышались над другими силами и чья долгая вражда затихла, но не была окончена. Каждый из этих конфликтов, затухая, порождал особую политическую систему, и после 1559 года каждая из этих систем становилась все более и более своеобразной в условиях растущей изоляции от остальных» (Ibid., p. 2).

¹⁶⁴ Эти цифры можно найти в: *Spooner, Frank C. The Economy of Europe, 1559–1609 // New Cambridge Modern History, III: The Counter-Reformation and the Price Revolution, 1559–1610 / R. B. Wernham, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1968, 33. См. Braudel. La Méditerranée, I, pp. 361–362; Cipolla. Guns and Sails, p. 86 (примечание).*

¹⁶⁵ «Однако изменения численности населения не всегда были так благоприятны для экономического развития, как может показаться на первый взгляд. Большое количество людей порождало больше бродяг и бандитов, живущих на обочине общества и закона; также из-за роста населения рос спрос на занятость, что создавало еще одну сложную проблему. Короче говоря, рост населения порождал целый ряд преимуществ, но вместе с тем — обременения и неудобства. Возможно, [...] что в этот момент человеческое воспроизводство следует закону сокращения прибыли, то есть идет процесс ухудшения [человеческого материала]... В конце XVI века Европа оказалась относительно перенаселенной, особенно в странах ее западной части, наиболее плотно заселенных и самых богатых. Ситуацию могла бы спасти технологическая революция, сопоставимая по масштабу с промышленным переворотом, но он случится лишь два века спустя. Иными словами, возможно, что в XVI веке производительность не могла

Като-Камбрези «экономическая деятельность в Западной Европе переживала период длительного спокойствия и восстановления».¹⁶⁶ Кроме того, это был период инфляции серебра, который подорвал развитие рудников в Германии, повысил стоимость золота и стимулировал экономику Европы.¹⁶⁷ Одним из последствий инфляции серебра было то, что, как отмечает Тони, «к концу XVI века сельское хозяйство, промышленность и иностранная торговля во многом зависели от кредита».¹⁶⁸ Еще одним последствием было то, что экономический центр тяжести определенно переместился на запад от Центральной Европы, в направлении новой атлантической торговли. Спунер говорит, что мир в Като-Камбрези «не столько завершал определенный период истории, сколько открывал будущее», и добавляет: «Путь в грядущее лежал... через Атлантику и семь морей мира».¹⁶⁹

Однако наиболее поразительное в экономическом плане происходило в это время не на Атлантике, а к северу от нее. Астрид Фриис утверждает, что главным явлением в экономике данного периода скорее можно считать «невиданную экспансию морской торговли Нидерландов и Англии одновременно с резким ростом импорта балтийских товаров, особенно зерна, в другие части Европы».¹⁷⁰ По ее мнению, кризис в области драгоценных металлов, кредита и финансов был не первопричиной, а следствием экономических и политических изменений.¹⁷¹ В данном случае, утверждает Фриис, именно недостаток хлеба был

достичь необходимого уровня, достаточного для адекватного обеспечения населения, поскольку в итоге объем предложения не соответствовал растущему спросу» (*Spooner. New Cambridge Modern History*, III, p. 34).

¹⁶⁶ Ibid., p. 14.

¹⁶⁷ См. *ibid.*, p. 26.

¹⁶⁸ *Tawney. A Discourse Upon Usury*, p. 86.

¹⁶⁹ *Spooner, Frank C. The Hapsburg-Valois Struggle // New Cambridge Modern History, II: The Reformation 1520–1559 / G. R. Elton, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1958, 358.*

¹⁷⁰ *Friis, Astrid. An Inquiry into the Relations between Economic and Financial Factors in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // Scandinavian Economic History Review*, I, 2, 1953, 193. См. тж. pp. 209–213.

¹⁷¹ Отдельно ссылаясь на тезис Анри Озера о кризисе 1557–1559 годов, Фриис утверждает, что «первопричину бедствий следует искать в преобладающих экономических условиях, а не в финансовой политике. Это не означает, что последней не стоит придавать никакого значения. Не исключено, что в длительной перспективе предотвратить финансовый крах Испанских Нидерландов было невозможно. Однако совершенно определенно то, что способность населения платить налоги и предоставлять займы, с помощью которых можно было получать деньги до налоговых поступлений, была значимым фактором в финансовой системе правителя Нидерландов...

Уильям Р. Скотт, [...] много раз обращавшийся к теме экономических спадов раннего периода Нового времени, особенно в Англии, утверждает, что среди одновременно действовавших факторов, которые могли ускорять процесс спада, нельзя игнорировать три наиболее значимых: плохие урожаи, эпидемии и прекращение торговли во время войн. Именно эти три фактора можно проследить в Нидерландах в судьбоносном 1557 году» (*Ibid.*, p. 195).

непосредственной причиной напряжения на финансовом рынке.¹⁷² Одним из последствий этого стало необычайное укрепление влияния Амстердама, который уже в это время был опорным пунктом для рынка балтийского зерна, благодаря чему мог сохранять бо́льшую платежеспособность, чем Антверпен и другие города Южных Нидерландов.

[Восхождение Голландии во «втором» XVI веке]

Итак, мы переходим от Севильи к Амстердаму. История «второго» XVI века — это история того, как Амстердам восстановил связи частей распадающейся империи Габсбургов, создав систему мирного функционирования мира-экономики, которая даст Англии и Франции возможность построить сильные государства и в конечном итоге — сильные «национальные экономики».

Все эти явления были по большей части следствием того, что первая фаза экспансии европейского мира-экономики в рассматриваемый период приближалась к завершению. Это был момент, когда «начался отлив большой волны, словно при ее подъеме не хватило необходимого импульса для преодоления помех и препон, которые она же сама и создала».¹⁷³ Рассмотрим теперь, как отреагировали на этот процесс старинные средоточия населения и финансов — Нидерланды и северная Италия. А в следующей главе мы обратимся к появлению Англии не только в качестве третьей политической силы Европы (наряду с Францией и Испанией), но и как страны, наиболее быстро движущейся вперед в промышленной сфере, а также рассмотрим в связи с чем Франция в процессе организационного перехода от имперской к этатистской ориентации не смогла полностью использовать преимущества этого процесса.

Сколь велико было в это время значение Нидерландов? Люсьен Февр во введении к *tagmunt oris* [капитального труда — *лат.*] Пьера Шоню* об атлантической торговле предполагает, что это значение было ничтожным, утверждая, что нидерландская торговля бледнеет на фоне трансатлантической:

«С точки зрения экономической истории, увиденной с высоты птичьего полета, с точки зрения великих событий мировой и культурной истории — что было общего между этой прибрежной оптовой торговлей товарами полезными, но вовсе не благородными, между этой торговлей с Севера на Юг и обратно, [...] этой береговой торговлей продуктами питания, торговлей бартерной, с предельно скромными объемами закупок, короткими перевозками, которые стали развиваться благодаря ей, — и (берем лишь торговлю между Америкой в Европой) вкладом [в судьбы мира] благородных металлов в количествах, доселе неизвестных, которым было суждено оживить и экономику, и политику, вызвать к жизни „великие стратегии“ европейских сил и тем самым поторопить и ускорить социальные потрясения невиданного масштаба: обогащение купцов и восхождение финансовой буржуазии типа Фуггеров и многих других до уровня правителей; последовательный упадок

¹⁷² См. *ibid.*, pp. 213–217.

¹⁷³ Spooner. *New Cambridge Modern History*, III, p. 42.

знати, которая сохраняла свои статус и блистательность лишь благодаря паразитической эксплуатации доходов, полученных непосредственными создателями богатств; долгое первенство в Европе Габсбургов, хозяев заморского золота и серебра — в чем же на фоне столь великих событий состояла значимость этой локальной торговли (*trafic casanier*) — торговли чем придется, которая велась через Зунд с его баржами, медленно волочащими свое толстое брюхо под туманными небесами?»¹⁷⁴

Что же было на самом деле? — вот в чем вопрос. Даже если приведенные Февром факты полностью истинны (при этом, похоже, есть основания для уверенности, что он серьезно недооценил северную торговлю¹⁷⁵), то и тогда едва ли можно согласиться с его пугающе цветистым слогом, поскольку благодаря этой «локальной торговле чем придется» новые отрасли промышленности получали необходимое им сырье, а горожане — пищу.¹⁷⁶ И это, как мы уже видели, создало и узаконило новое европейское разделение труда. В конечном итоге, ведь драгоценные металлы нужны для покупки реальных товаров, а для Испании (что мы также видели) они смогли сделать лишь то, что просочились сквозь ее бухгалтерские книги.

Но перед нами и не просто вопрос об экономическом центре торговли, которая вращалась вокруг Нидерландов. Вопрос о действительном месте Нидерландов

¹⁷⁴ Febvre, Lucien. Préface // Chaunu, Huguette & Pierre. Séville et l'Atlantique (1504–1650), I: Introduction méthodologique. Paris: Lib. Armand Colin, 1955, xiii.

¹⁷⁵ См. рецензию Жана Крайбекса на книгу Эмиля Корнарта «Франция и международная торговля Антверпена (конец XV–XVI век)». Корнарт, отмечает Крайбекс, «приводит массу доказательств, что товарооборот между различными частями Старого Света имел куда большее значение, вовсе не будучи мелкой повседневной рутиной (*train-train quotidien*), как описывал ее Люсьен Февр в своем предисловии к первому тому замечательной работы Югетты и Пьера Шоню „Севилья и Атлантика“. Это утверждение Февра определенно следует пересмотреть, если принять во внимание хотя бы то, что лишь поставки вина из Мидделбурга* часто были равны как минимум по тоннажу, если не по стоимости годовичному объему перевозок между Испанией и Новым Светом и даже превышали его» (*Craeybeckx. Les français et le commerce international à Anvers (fin du XVe–XVIe siècle)* // *Annales E.S.C.*, XVII, 3, mai — juin 1962, 543).

¹⁷⁶ См. следующее описание Акселя Э. Кристенсена: «Балтийский экспорт, [...] помимо зерна, практически полностью состоял из сырья и вспомогательных материалов для промышленности Голландии и юго-западной Европы. Кораблестроение было наиболее заметной среди отраслей, которые снабжала товарами балтийская торговля... Пенька была сырьем для канатного производства — значимой вспомогательной отрасли для кораблестроения и рыболовства (из канатов делались сети), в то время как лен первоначально был основой другого сопутствующего производства — парусного [помимо этого, в кораблестроении использовались смола, деготь и металлы]...

На самом деле балтийская торговля была „матерью“ и „душой“ голландской коммерции — не только самой первой формой оптовой торговли, которая и по сей день остается важнейшей, но и фундаментальной основой процветания и роста торгового флота» (*Christensen. Dutch Trade to the Baltic about 1600*. Copenhagen: Munksgaard, 1941, 365–366). См. *van Dillen, J. G. Amsterdam's Role in Seventeenth-Century Dutch Politics and its Economic Background* // *Britain and the Netherlands* / J. S. Bromley and E. H. Kossman, eds. II. Groningen: Wolters, 1964, особенно pp. 133–135.

также является вопросом о специализации этой территории в сфере новых профессиональных навыков, которые требовались для управления финансовым и коммерческим центром мира-экономики. Именно благодаря овладению этими навыками голландцы смогли перехватить у португальцев контроль над мировой торговлей пряностями в процессе перехода от «первого» XVI века ко «второму».¹⁷⁷

В утверждении, что Нидерланды играли важную роль во внутриевропейской торговле, конечно, нет ничего нового. Стэнли Т. Биндофф напоминает, что «с XI по XVII столетия Нидерланды... были одним из основных пунктов европейской торговли...»¹⁷⁸ Ключевую роль Антверпена в «первом» XVI веке мы уже отметили.¹⁷⁹ Но в 1559 году Антверпен пал,¹⁸⁰ и здесь важно отметить, что его

¹⁷⁷ «Новый мир-экономика был... создан [во второй половине XV века]. Это была экономика, где Лиссабон и его *Casa de Contratación* [торговая палата — *порт.*] контролировали мировую торговлю пряностями и направляли флотилии кораблей с перцем на свои склады в Гоа, а затем к пристаням Тежу. Португальская администрация и финансовые технологии оказались неадекватны столь выгодному делу, [а] голландцы доказали свою состоятельность как посредники... Под голландским контролем торговля пряностями стала бесценным дополнением к голландской торговле на Балтике и на северо-западе Европы. Вновь растущая торговля пряностями и восточными товарами была встроена в торговую систему, которая распространилась по всей Европе, а фактически и по ту сторону Атлантики» (*Rich, E. E. Preface // Cambridge Economic History of Europe, IV: The Economy of Expanding Europe in the 16th and 17th Centuries / E. E. Rich and C. H. Wilson, eds. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, xii).*

И вновь процитируем Эдвина Э. Рича: «Тем временем голландцы пожинали преимущества торговли с Новым Светом, не считая необходимым активно участвовать в путешествиях и торговле ни с Востоком, ни с Западом. Большая часть их энергии была поглощена религиозными распрями и длительной борьбой с Испанией, однако благодаря преимуществам своего географического положения и коммерческой проницательности голландцы смогли сделать свою страну и великий город Амстердам перевалочным пунктом для пряностей Востока и биржей для сокровищ Америки. Североморская торговля сельдью также свела их в выгодном коммерческом контакте с Португалией и Средиземноморьем, а балтийская торговля лесом, пенькой, дегтем и мехами сделала голландцев незаменимыми партнерами для других государств Западной Европы, особенно для Англии» (*Rich. Expansion as a Concern of All Europe // New Cambridge Modern History, I: The Renaissance, 1493–1520 / G. R. Potter, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1957, 468).*

¹⁷⁸ *Bindoff, S. T. Economic Change: The Greatness of Antwerp // New Cambridge Modern History, II: The Reformation, 1520–1559 / G. R. Elton, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1958, 51.*

¹⁷⁹ Торговля Ганзы с Францией и позднее с Пиренейским полуостровом уже в XIII веке проходила через Брюгге. К XVI веку обойти стороной Антверпен было невозможно. В целом к этому времени ганзейские корабли участвовали в атлантической торговле больше как транспортные средства, нежели как автономные торговые единицы. *Sm. Jeannin, Pierre. Anvers et la Baltique au XVIe siècle // Revue du Nord, XXX–VII, avr. — juin 1955, 107–109.* Жаннен отмечает, что «соседство Антверпена разрушало традиции и институты Ганзы [р. 97].»

¹⁸⁰ Не все с этим согласны. Фрэнк Дж. Смолар-младший в своей статье «Устойчивость предпринимательства: экономические причины и восстановление в Испанских Нидерландах начала XVII века» (см. *Charles H. Carter, ed. From the Renaissance*

преемник был отнюдь не очевиден. Как мы знаем, это вакантное место занял Амстердам, однако Лоуренс Стоун полагает, что, наряду с успехом Голландии, данный факт можно в не меньшей степени рассматривать и как провал Англии, — провал, который «замедлит» восхождение этой страны в рамках новой мир-системы.¹⁸¹

Итак, успех Амстердама был как политическим, так и экономическим. Однако какая политическая структура обеспечила то, что этот успех стал возможен? Последние пять десятилетий XVI века — это не только эпоха подъема Амстердама, но и период так называемой Нидерландской революции, временные и пространственные границы которой столь же неопределенны (или, скорее, столь же дискуссионны), как и ее социальное содержание.

Начать с того, была ли это революция? И если да, то была ли эта революция национальной или буржуазной? И есть ли в данном случае какое-то различие между двумя этими понятиями? Я бы не стал здесь вдаваться в долгий экскурс в область термина «революция» — с точки зрения логики настоящей книги время для этого еще не наступило. Пока я бы просто подчеркнул, что применительно к Нидерландской «революции» поставленные вопросы представляются мне не более двусмысленными (и, кстати говоря, не более ясными), чем в случае любой другой великой «революции» эпохи Модерна.

В исторической литературе мы обнаруживаем великую схизму интерпретаций. Одни полагают, что революция была, по существу, сюжетом из истории «голландской» нации, то есть северных нидерландцев, кальвинистов, в их борьбе за свободу и независимость от испанской короны, которую снабжали и поддерживали «бельгийские» (южнонидерландские) католики. Другие считают, что эта революция, по существу, представляла собой мятеж всей нидерландской («бургундской») нации, поддержанный представителями всех религиозных групп, в результате которого только половине нации удалось получить свободу. Якоб В. Смит заканчивает обзор историографии таким весьма резонным комментарием:

to the Counter-Reformation. New York: Random House, 1965, 247–268) утверждает, что упадок Антверпена был преувеличен. Детальная аргументация приведена на стр. 251–252, после чего Смолар делает вывод: «Показатели внутренней экономической мощи и потенциала имеют важное значение для доказательства масштабного восстановления [Испанских Нидерландов]; существует много свидетельств в пользу этого восстановления, которые в основном не используются [исследователями] [р. 253]».

¹⁸¹ «Англии удалось реорганизовать свою торговлю таким образом, что она адекватно компенсировала сокрушительное воздействие коллапса Антверпена. Однако, несмотря на все старания, Англия не смогла надеть мантию Ильи-пророка. Уникальная возможность, существовавшая в промежутке между падением Антверпена и восхождением Амстердама, была упущена. Есть свидетельства, что в критический период своей экономической истории Англия действительно удалось перехватить у Германии лидерство в горном деле и промышленных технологиях. Однако в торговле и мореплавании она уступила первенство более предприимчивым, более эффективным и лучше организованным голландцам. Не слишком большим преувеличением будет предположить, что эта неудачная попытка извлечь выгоду из падения Антверпена замедлила подъем Англии к мировому величию как минимум на столетие» (Stone. *Economic History Review*, II, p. 54).

«Однако данные проблемы можно разрешить, если мы перестанем рассматривать это восстание как некое единое движение (*bloc*) и поймем, что существовало множество восстаний, в которых были представлены интересы и идеалы различных социальных, экономических и идеологических групп; восстаний, которые иногда развивались параллельно, иногда конфликтовали друг с другом, а порой совпадали в едином движении».¹⁸²

С точки зрения логики развивающейся мир-системы следует задать вопрос, почему именно в Нидерландах и нигде больше революция (одновременно национальная и социальная) случается во «втором» XVI веке, который повсеместно (за наиболее важным исключением Франции) был эпохой относительного спокойствия и общественного порядка, и почему это восстание оказалось по большей части успешным.¹⁸³

В эпоху Карла V внутренняя политика Нидерландов незначительно отличалась от других частей Европы. Отношение знати к правителю было двойственным: знать боялась его растущей политической и экономической мощи, в то же время видя в нем защитника своих интересов от буржуазии и народного восстания и рассматривая службу правителю в качестве финансового спасения для «младших сыновей» или нищих сеньоров, поголовно стоявших на стороне правителя.¹⁸⁴ Но вдруг возникает ситуация, когда «недовольные успешные буржуа быстро растущих городов объединяются с отчаявшимися деклассированными ремесленниками и со знатью — как преуспевающей, так и деградирующей, и тем самым локальные мятежи сливаются в единую революцию».¹⁸⁵ Почему так происходит?

Я думаю, что ключевой причиной *начала* революции является не социальное недовольство ремесленников или городских рабочих и не буржуазия, которой, безусловно, суждено извлечь из революции наибольшую прибыль. В действительности этой причиной было то, что крупные группы «нидерландской» знати внезапно испугались, что правитель не является *их* агентом и что его политика в ближайшей и среднесрочной перспективе будет существенно угрожать их интересам. Кроме того, эти представители знати боялись, что склонить правителя к изменению

¹⁸² Smit, J. W. The Present Position of Studies Regarding the Revolt of the Netherlands // Britain and the Netherlands / Bromley & Kossmann, eds. Groningen: Wolters, 1964, I, 28.

¹⁸³ «Политическое развитие... [конца XVI века] и резкий рост экономики, управляемой торговым классом во главе с правящими семьями, в значительной степени объясняет то выдающееся место, которое они заняли в Голландии XVII века» (Roorda, D. J. The Ruling Classes in Holland in the Seventeenth Century // Britain and the Netherlands / Bromley & Kossmann, eds. Groningen: Wolters, 1964, II, 112–113).

¹⁸⁴ «У знати была возможность либо искать помощи правителя против их общего врага — буржуазии, либо объединяться с буржуазией против государя, который был в не меньшей степени склонен к тому, чтобы урезать власть аристократии. Похоже, что в эпоху Карла V знать предпочитала союз с правителем: количество представителей высшей знати на службе императора резко возросло, в то время как знать более мелкая довольствовалась менее значимыми административными функциями либо службой в армии» (Smit, J. W. Preconditions of Revolution, p. 31).

¹⁸⁵ Ibid., p. 41.

его политики будет им не под силу, поскольку политическая сфера, в которой вращался правитель (Испанская империя), была значительно больше, чем та, которую могла контролировать знать, самостоятельно ее сформировав.¹⁸⁶ Короче говоря, у этих групп знати присутствовал рефлекс «националистической» оппозиции.¹⁸⁷

Рассмотрим некоторые свидетельства этого. Нидерландская знать, как и везде, была в растущих долгах, и, более того, император постоянно претендовал на источники текущих доходов аристократии.¹⁸⁸ Когда Филипп II пришел к власти, он неожиданно обнаружил сопротивление своим попыткам изыскать денег.¹⁸⁹ Последние годы Карла V были мучительны: значительные финансовые требования императора сочетались с падением реальных доходов знати, вызванным инфляцией цен. Банкротства и экономические трудности, следовавшие за миром в Като-Камбрези, внезапно ухудшили ситуацию.¹⁹⁰

¹⁸⁶ См. комментарий Пьера Вилара в: Charles-Quint et son temps, p. 188. «Не обязаны ли великие революции союзу преуспевающих классов, которые хотят стать революционными, с классами обездоленных, которые обречены на революционность, тогда как в чистом виде „революции нищеты“, как правило, быстро оканчиваются?»

¹⁸⁷ «В XVI веке оппозиционные движения едва ли не впервые достигли национального масштаба и включали в себя классы (или зачатки классов), от принцев крови до безработных ремесленников» (*Koenigsberger, H. G. The Organization of Revolutionary Parties in France and the Netherlands During the Sixteenth Century // The Journal of Modern History, XXVII, 4, Dec. 1955, 336*).

¹⁸⁸ «Центральное правительство и ненавистные законники, кроме того, постоянно посягали на остатки их сеньориальных прав. Прокламация 1520 года запрещала наложение новых десятин и стремилась отменить феодальные права, существующие менее чем 40 лет. В 1531 году корона запретила аристократам вымогать у арендаторов подношения или обременять их новыми повинностями. О сокращении доходов от отправления правосудия мы уже упоминали» (*Koenigsberger, H. G. Property and the Price Revolution (Hainault, 1474–1573) // Economic History Review, 2nd ser., IX, 1, 1956, 14*).

Смит: «Однако сложно определить, из чего изначально исходила эта враждебность [аристократов к империи]: из соображений сохранения их экономического положения или же из желания удержать свой социальный статус. Высшая знать по-прежнему получала определенный доход, однако по сравнению с предыдущей эпохой ее экономическое положение (равно как и положение более мелкой знати, хотя и в меньшей степени), похоже, ухудшалось из-за значительных расходов. Очевидно, что экономические трудности были лишь одной из составляющих недовольства знати, однако именно этот фактор был главным стимулом для революции внутри класса, который ощущал себя окруженным со всех сторон» (*Smit. Preconditions of Revolution, pp. 41–42*).

¹⁸⁹ См. *Geyl, Pieter. The Revolt of the Netherlands (1559–1609). London: Williams & Norgate, 1932, 69–70*.

¹⁹⁰ «Если сокращение реальных доходов мелкой знати и правда происходило вследствие роста цен, то в течение первых трех четвертей XVI века этот процесс, скорее всего, был не равномерным, а пришелся на 15–20 лет до начала великого восстания, то есть на период после 1550 года, когда по сравнению с предыдущими годами цены росли особенно резко. Таким образом, если кризис и был, то он оказался довольно острым и внезапным, а после мира в Като-Камбрези 1559 году он усилился из-за демобилизации кавалерийских частей нидерландской аристократии (*bandes d'ordonnances*)» (*Koenigsberger. Economic History Review, IX, p. 14*).

Далее, в 1559 году, на пике экономических неурядиц, Филипп II добился от Рима разрешения создавать новые епископства. Эта мера была направлена на приведение в порядок политических и языковых границ, увеличение числа епископств и предъявляла новые требования к профессиональным качествам самих епископов (то есть теперь требовались теологи, а не сыновья крупных аристократов). В значительной степени этот план предполагал, что средства для обеспечения новых епископств следовало изыскать из доходов некоторых старинных и доселе финансово независимых аббатств, которые теперь лишались политического представительства в пользу указанных епископств. Несомненно, замечает Питер Гейл, данная реформа демонстрирует, что Филипп был «прилежным» строителем государства.¹⁹¹ И все же «неудивительно, что оппозиция подняла волну протеста против плана, предполагавшего такое усиление власти короля в момент, когда на его проекты со всех сторон смотрели с недоверием».¹⁹²

Со своей стороны, знать стремилась трансформировать Государственный совет в «исключительно аристократический исполнительный орган».¹⁹³ Филипп отверг это предложение, но пошел на компромисс, отозвав испанские войска* и оставив для поддержки своего правительства в Нидерландах лишь силы правопорядка, сформированные местной знатью и городскими центрами. Если добавить к этой картине общее недовольство низших классов и средней буржуазии, вызванное рецессией 1560-х годов,¹⁹⁴ а также общую слабость церкви после сорока лет нападков на нее, то неудивительно, что мятеж стал возможен:

«Безразличная к религии толпа напала на тюрьмы, бывшие ненавистным символом угнетения, и освободила протестантов. Веротерпимость стала общим лозунгом и, наряду с требованием свободных Генеральных Штатов, была ядром политической программы оппозиции. Некоторое время эти лозунги выступали в виде убеждений, разделяемых всеми в национальном, а точнее, в межпровинциальном масштабе; это были простые и главное — социально нейтральные принципы».¹⁹⁵

Не стоит забывать, что все это происходило вскоре после мира в Като-Камбрези, позволившего возобновить заседания Тридентского собора, который дал институциональную основу Контрреформации.¹⁹⁶ В результате католицизм еще теснее, чем раньше, стал ассоциироваться с испанской монархией.

¹⁹¹ «Это было ярким примером того, на что мог пойти монарх в целях построения государства, и это представляет Филиппа усердным тружеником в традициях его династии» (*Geyl. The Revolt of the Netherlands*, p. 71).

¹⁹² *Ibid.*, p. 72.

¹⁹³ *Smit. Preconditions of Revolution*, p. 47.

¹⁹⁴ См. *ibid.*, p. 42–43.

¹⁹⁵ *Ibid.*, p. 48.

¹⁹⁶ «Мир между Францией и Испанией был политическим фундаментом, на котором покоилась реорганизация католицизма в ходе Тридентского собора**, что было предметом необычайной важности не для какого-то одного народа, но для всего христианства» (*Fernandez Alvarez, Manuel. La Paz de Cateau-Cambrésis // Hispania, revista española de historia*, XIX, No. 77, oct. — dec. 1959, 544).

«Революция» имела несколько этапов:

- первое восстание (на севере и на юге Нидерландов) и его подавление (1566–1572);
- второе восстание (более «протестантское») в северных провинциях — Голландии и Зеландии (1572–1576), окончившееся Гентским умиротворением*;
- радикальное восстание на юге, во Фландрии (1577–1579);
- разделение страны на две части начиная с 1579 года (Соединенные Провинции на севере, лоялистский режим на юге);
- попытка воссоединения в 1598 году; заключение длительного перемирия в 1609 году.

Следует отметить, что с течением времени изначально не вполне понятный и многосторонний конфликт последовательно приобрел очевидную форму борьбы протестантского (или, скорее, «протестантизированного») севера Нидерландов за национальную независимость во главе с режимом, который позднее будет отвечать интересам коммерческой буржуазии, чья сила на мировой арене росла в этой борьбе и впоследствии, в XVII веке. Стоило восстанию начаться, как Испания, с учетом рассмотренного выше «краха Империи», похоже, мало что могла сделать, чтобы остановить мятеж,¹⁹⁷ особенно в условиях нового баланса сил в Европе, о котором пойдет речь дальше. То, что Испания в действительности не была свободна в своих действиях, вполне понятно из того, что практически каждому из главных поворотных моментов испано-нидерландских отношений с 1557 по 1648 год непосредственно предшествовал очередной финансовый кризис в Испании.¹⁹⁸

¹⁹⁷ Кёнигсбергер встает на защиту Филиппа II: «Практически все обвиняют его в том, что он послал Альбу в Нидерланды. Но не основаны ли эти суждения по большей части на ретроспективном взгляде на события? Мог ли сильный правитель XVI века действовать иначе, столкнувшись с двойной оппозицией: с одной стороны, высшей знати (пусть даже это была конституционная оппозиция), с другой — революционного религиозного движения с военной организацией (хотя бы и в зачаточном состоянии)? Благодаря слабости правительств Франции и Шотландии кальвинисты создали в этих странах внушительные организации. В представлении об искусстве государственного управления XVI века общим местом было то, что мятеж должен быть подавлен в зародыше. Более того, такая политика почти оказалась успешной. Причиной поражения Филиппа, скорее всего, было то, что даже в 1567 году начинать борьбу с восстанием было слишком поздно**, а у Альбы не было морских сил, чтобы сокрушить морских гёзов. Несомненно, Филипп недооценил сложность ситуации, а сам Альба [с его террором] оказался неверным выбором для достижения цели. Однако и это было не столь очевидно, как стало понятно впоследствии, поскольку до Нидерландов Альба вел войну с папой Павлом IV*** в пределах принятой военной этики. Однако... даже жестокость Альбы не вызвала спонтанный взрыв мятежа со стороны угнетенного народа; восстание 1572 года**** стало возможным лишь благодаря действиям хорошо организованных и беспощадных морских гёзов и их столь же превосходно организованной „пятой колонны“ в городах Голландии и Зеландии» (Koenigsberger. *Journal of Modern History*, XXVII, p. 341).

¹⁹⁸ Связь между событиями в Испании и динамикой Нидерландской революции внимательно проследил Анри Лонше: «[В испанские финансовые] кризисы были вовлечены

Несмотря на то, что Нидерландская революция была «национальным» движением, она с самого начала включала в себя и религиозную составляющую. В то время как в начале революции аристократия стремилась полностью управлять конфликтом с королем в собственных интересах, кальвинистское сообщество вырвалось за пределы предписанной ему пассивной роли, и страну с севера до юга обуяло неистовое Иконоборческое восстание. Гейл изображает власти «парализованными страхом», а самих кальвинистских лидеров повергнутыми в «удивление и замешательство».¹⁹⁹ Именно религия внесла в революцию мотив идеологической страсти, что позволило И. Шёфферу сравнить Иконоборческое восстание**** со взятием Бастилии и уличными столкновениями в Петрограде в марте 1917 года.²⁰⁰

Хотя этот этап революции быстро завершился, сила кальвинистов как революционной партии (по аналогии Г.Г. Кенигсбергера²⁰¹ — якобинцев XVI века) означала, что у них оставались внутренние ресурсы для противостояния даже тогда, когда другие «партии» сошли на обочину. У кальвинистов хватало возможностей для того, чтобы и «терроризировать население»,²⁰² и «мобилизовать толпу в стратегические моменты».²⁰³ Когда по условиям Гентского умиротворения

не только биржи Антверпена, Лондона и Амстердама — эти кризисы также имели влияние на события в [Бельгии], что до сих пор остается без внимания. Кризис 1557 года объясняет, почему, несмотря на победы при Сен-Кантене и Гравелине*, Филипп II был вынужден с такой поспешностью заключить мир с Францией. Кризис 1575 года объясняет „испанское бешенство“ и все жестокости иностранных наемников, которым слишком долго не платили жалованье. Договор 1598 года** предшествует передаче Нидерландов в руки эрцгерцогов, когда Филипп II избрал этот путь установления мира в Нидерландах как более легкий, чем использование силы. Декреты 1607–1608 годов указывают на причину, по которой Филипп III пошел на подписание Двенадцатилетнего мира***, столь задевавшего его гордость. Кризис 1647 года был определенно значим для понимания внезапного желания Филиппа IV признать независимость Соединенных Провинций. Таким образом, судьба Бельгии была связана с происходившим в Испании, поэтому зачастую невозможно понять политическую историю одной страны без понимания финансовой ситуации в другой» (*Lonchay*. *Academie Royale de Belgique*, pp. 994–995).

¹⁹⁹ Гейл добавляет: «В любом случае это была истинно кальвинистская работа — стихийная и честная, не стесненная каким-либо уважением к искусству и красоте, стремящаяся очистить землю для богоизбранных от дьявольских украшений идолопоклонства и одним махом снести тысячелетнее прошлое. Уже содеянная, эта акция не избежала сурового одобрения со стороны интеллектуальных лидеров кальвинизма» (*Geyl. The Revolt of the Netherlands*, p. 93).

²⁰⁰ См. *Shöffer, I. The Dutch Revolution Anatomized: Some Comments / Comparative Studies in Society and History*, III, 4, July 1961, 471.

²⁰¹ См. *Koenigsberger. Journal of Modern History*, XXVII, p. 335. Гордон Гриффитс схожим образом полагает, что Голландскую революцию можно рассматривать аналогично Французской в рамках терминологии, разработанной Крейном Бринтоном****. См. *Griffiths. The Revolutionary Character of the Revolution of the Netherlands // Comparative Studies in Society and History*, II, 4, July 1960, 452–472.

²⁰² *Koenigsberger. Journal of Modern History*, XXVII, p. 335.

²⁰³ *Ibid.*, p. 343.

власти попытались разрешить конфликт путем религиозного разделения, они попросту обезопасили реформаторскую кальвинистскую партию в Голландии и Зеландии, усилив тенденцию к отождествлению политических и религиозных мотивов,²⁰⁴ что фактически вело к «протестантизации» территорий под контролем протестантов. Разделение страны в 1579 году привело к консолидации сил по обе стороны границы и тем самым к росту религиозной поляризации.²⁰⁵ Фактические границы административного деления были результатом воздействия военно-географических факторов. Южные Нидерланды были открытой равниной, где могла доминировать испанская кавалерия. Северная же часть страны была покрыта каналами и другими преградами для продвижения конницы — иными словами, это была идеальная местность для партизанской войны.²⁰⁶ С течением

²⁰⁴ См. Geyl. *The Revolt of the Netherlands*, p. 161.

²⁰⁵ Питер Гейл полагает, что «верное объяснение разделения Нидерландов на протестантский Север и католический Юг в точности противоположно общепринятому. Восстание провалилось на юге и удалось на севере не потому, что на юге были католики, а на севере протестанты, а потому, что благодаря речным преградам мятежники смогли окопаться на севере, в то время как Испания удерживала провинции, расположенные по ту сторону стратегического барьера, который со временем привел к известному разделению территории на северную протестантскую республику и католические Южные Нидерланды, или на протестантскую Голландию и католическую Бельгию» (Geyl. *Debates with Historians*. New York: Meridian, 1958, 209. См. Lapeyre, Henri. *Les monarchies européennes du XVIe siècle* // Collection Nouvelle Clio 39. Paris: Presses Universitaires de France, 1967, 188–189).

Таким образом, именно административный сепаратизм ведет к религиозной поляризации. Более того, не кальвинисты стали капиталистами, а наоборот. Хью Р. Тревор-Роупер приводит следующую аргументацию: «Если бы великих протестантских предпринимателей середины XVII века не объединяла кальвинистская набожность или хотя бы ее гипотетическое социальное выражение, то что бы тогда их объединяло? Если посмотреть на них внимательно, то можно быстро обнаружить некоторые очевидные факты. Во-первых, плохие были кальвинисты или хорошие, но большинство из них не были уроженцами той страны, где они работали. Ни Голландия, ни Шотландия, ни Женева, ни Палатинат — четыре очевидно кальвинистских общества — не дали миру собственных предпринимателей. Принудительное кальвинистское обучение, которому подвергались уроженцы этих стран, не вело к искомому результату — почти все великие предприниматели были иммигрантами*. Во-вторых, большинство этих иммигрантов были нидерландцы... Более того, при еще более пристальном рассмотрении оказывается, что эти нидерландцы в целом вышли из отдельного класса внутри Голландской республики. Но даже там они или их отцы были иммигрантами — „флемингами“, то есть иммигрантами из южных провинций, попавших под испанское владычество, или льежцами, уроженцами католического княжества-епископства Льежского» (Trevor-Roper. *The European Witch-Craze*, 1969b, pp. 15–16).

²⁰⁶ «Бельгия (используя современное название) была по большей части „кавалерийским полем“, подходящим для великих битв на открытом пространстве от Жамблу** до Ватерлоо. „Арену Европы“*** можно было завоевать или утратить именно на поле сражения. Совсем другое дело Голландия (опять же, используя современное понятие), которая по большей части настолько изрезана морскими заливами, реками, каналами и болотами, что на ее территории сложно найти место, чтобы развернуть большую армию в правильном порядке» (Oman. *A History of the Art of War*, p. 541).

времени те, кто находились к северу от границы, *стали* протестантами, а те, кто к югу, *стали* католиками.

Иными словами, вопреки расхожим утверждениям, протестантизм не является чем-то особенно способствующим социальному изменению — скорее он более созвучен национализму, чем капитализму. Именно религия, цитируя сэра Льюиса Нэмбера, «является термином для обозначения национализма XVI века».²⁰⁷ Итак, протестантизм служил для объединения Северных Нидерландов, а в предыдущей главе мы отмечали, как и почему католицизм оказался связан с польским национальным чувством. То же самое значение католицизм имел и для Ирландии.²⁰⁸ Везде, где религия не была твердо связана с национальными задачами, она оказалась неспособной выжить, как не выжил кальвинизм во Франции.²⁰⁹

²⁰⁷ Цит по: Hill, Christopher. Reformation to the Industrial Revolution, p. 23. В личной беседе Хилл сказал мне, что «Нэмбер сделал эту ремарку во время одного из дискуссионных вечеров со студентами [Баллиольского] колледжа, когда он читал Фордовские лекции в Оксфорде». Федерико Шабо: «Если какие-либо чувства и были значимы для политической жизни XVI века, то по природе они были религиозными, а не национальными или патриотическими. В случае с Францией это утверждение применимо только к внутренней политике, поскольку внешняя политика и раньше была неотделима от идеологии. Но в случае с Габсбургами не распространялось ли это положение и на внешнюю политику?» (Chabod. Actes du Colloque, p. 620).

²⁰⁸ «Католицизм в Ирландии, как и протестантизм в Нидерландах, благодаря своей идентификации с национальным началом произвел на свет новую силу. Несмотря на то, что ирландское общество было устроено бесконечно проще, чем нидерландское, в борьбе ирландцев против английского господства было много черт сходства с борьбой голландцев против владычества Испании. В обоих обществах религиозная составляющая усилила чувство национальной идентичности и была, в свою очередь, усилена им. В обоих случаях присоединение национальных лидеров к интернациональному религиозному движению создавало новые возможности для получения международной поддержки» (J. H. Elliott, Europe Divided, 1559–1598 (New York: Harper, 1968), 302).

²⁰⁹ «Между политическими режимами Франции и Нидерландов имелась... одна существенная разница, которая глубоко повлияла на соответствующие черты политической оппозиции в этих странах. Екатерина [Медичи] была наполовину иностранка*, но она возглавляла королевское правительство, которое оставалось символом национального единства в разделенной стране. Маргарита, дочь Карла V от фламандки, была нидерландской по рождению**, но она стояла во главе королевского правительства, которое все больше воспринималось как чужое. В долгосрочной перспективе это окажется обстоятельством исключительной важности, поскольку оппозиция получила возможность выступить в качестве защитника национальных традиций от иностранных новаций, чего определенно не могло быть во Франции 1560-х годов» (Elliott, ibid., p. 126).

Если задаться вопросом, почему в Англии того времени, то есть при Елизавете, кальвинизм, в отличие от Нидерландов и Франции, не был революционным, то различие объясняется, опять же, позицией королевской власти: «Начнем с того, что во время конфликта Генриха VIII с Римской церковью Англия уже растратила большую часть своего национального воодушевления против папы... После Марии Кровавой вопрос иностранного влияния в Англии никогда не был серьезной проблемой вплоть до правления Карла II. Но еще более значимым в случае с Англией было то, что после 1558 года здесь отсутствовал католический монарх, который, как во Франции и Голландии, служил постоянным напоминанием об антихристе на римском престоле» (Solt, Leo F.

Сутью происходившего было то, что в водовороте конфликтующих интересов новые организационные структуры можно было построить только путем создания необычных и нестабильных альянсов, и действующие лица эпохи стремились эти альянсы создать. Именно этот момент отмечает Г. Г. Кёнигсбергер:

«Религия была скрепляющей силой, которая удерживала вместе различные интересы различных классов и обеспечивала их организацией и пропагандистской машиной, способной создать первые подлинно национальные и интернациональные партии в современной истории Европы. Однако эти партии объединяли не более чем меньшинство каждого из классов, на который они опирались. Более того, эти протопартии призывали низшие классы и толпу излить гнев своей нищеты и отчаяние безработицы в варварской резне и фанатичном мародерстве именно на языке религии. Социальное и экономическое недовольство было плодородной почвой для пополнения рядов с обеих сторон, поэтому народная демократическая тирания возникла как в кальвинистском Генте, так и в католическом Париже».²¹⁰

Но если религия выступает элементом, цементирующим нацию, то это мало что говорит о социальном содержании государственных структур, которые формируются благодаря этому. Я. В. Смит полагает, что Нидерландская революция, несмотря на все перечисленные разночтения в ее интерпретации, все же была революцией буржуазной, которая привела буржуазию к власти, а разделение Нидерландов и итоговые границы государств отразили степень силы буржуазии перед лицом ее врагов.²¹¹

Revolutionary Calvinist Parties in England Under Elizabeth I and Chares I // Church History, XXVII, 3, Sept., 1958, 235).

²¹⁰ Koenigsberger. Journal of Modern History, XXVII, pp. 350–351. Роберт М. Кингдон рассматривает кальвинизм как транснациональное движение: «Восстания XVI века нельзя рассматривать всего лишь как отдельные главы национальных историй; их надо воспринимать по меньшей мере как часть работы международной революционной религиозной организации — кальвинистской церкви» (Kingdon. The Political Resistance of the Calvinists in France and the Low Countries // Church History, XXVII, 3, Sept., 1958, 233).

²¹¹ «В конечном итоге, с учетом всех необходимых уточнений, новая республика стала первой настоящей буржуазно-капиталистической нацией с подчеркнутой крайне меркантильной национальной идентичностью. Ключ [к интерпретации противоречий революции] лежит, я полагаю, в том, что она оказалась успешной только в одной части Нидерландов. Я хотел бы встать на защиту утверждения, что Нидерландская революция действительно была, помимо прочего, новаторской, прогрессивной, социальной революцией, однако класс торговой буржуазии... был слишком слаб, чтобы учредить свою власть на всей территории Нидерландов... Буржуазия могла создать государство по своему образу и подобию только в Голландии, где уже существенно развитая рыночная экономика была „накачана“ южными капиталами и нужными людьми с их профессиональными навыками и где не было значимой оппозиции со стороны конкурирующих социальных групп» (Smit. Preconditions of Revolution, pp. 52–53). Т. Уиттман: «Война за независимость 1566–1605 годов против Испании представляет собой единый процесс и полностью удовлетворяет критериям буржуазной революции. Антифеодалная борьба городских и крестьянских масс соединилась с их сопротивлением испанскому

Бесспорно, знать участвовала в революции на разных ее этапах и в разных регионах, в особенности в начальный период, однако от дела национального строительства ее отпугнули нарастающие подводные течения социального радикализма.²¹² У радикальных социальных движений была достаточная база в среде городского люмпен-пролетариата, порожденного экономической экспансией в сочетании с рецессией, что продемонстрировал пример краткого контроля над Гентом Яна ван Хембейзе** в 1577–1579 годах.²¹³ Но, несмотря на это, радикальные движения были быстро изолированы и разрушали сами себя, теряя в своем радикализме национальную перспективу и оборачиваясь против

угнетению и католической церкви, и эти массовые движения, особенно после формирования Утрехтской унии*, выдвинулись на лидирующие позиции в Генеральных Штатах, выражая социальные ожидания буржуазии, несмотря на все имевшиеся ограничения и противоречия» (*Wittmann. Quelques problèmes relatifs à la dictature révolutionnaire des grandes villes de Flandres, 1577–1579, Studia historica, No. 40 (Academiae Scientiarum Hungaricae), 1960, 3–4*).

²¹² «Везде, где была серьезная угроза социальной революции — от Иконоборческого восстания 1566 года до агрессивной демократической диктатуры гентских кальвинистов в конце 1570-х, — аристократия Эно смыкала свои ряды, объединяясь ради сохранения социального статус-кво, даже если это означало подчинение власти Испании» (*Koenigsberger H. G. Economic History Review, IX, p. 15*).

«В долгосрочной перспективе даже религия не могла примирить знать с демократической диктатурой, так что та или иная сторона двигалась в направлении союза с бывшим общим врагом. В любом случае в результате происходили распад революционной партии и поражение народного движения» (*Koenigsberger H. G. Journal of Modern History, XXVII, p. 351*).

²¹³ Уиттман: «Муниципалитеты... не полностью поддерживали левое крыло революции; они, пожалуй, получали от революции выгоды, но не раз выступали и препятствием для нее. В больших фламандских городах причинами появления радикальных движений были пауперизация и ускоренная социальная дифференциация, спровоцированные распадом феодального режима в условиях, когда еще не возникли факторы, способствовавшие резкому переходу к капиталистическому производству. Эта стадия развития капитализма отразилась в политическом поведении плебейских масс, которые формировались из рядов разорившихся собственников, бродяг, подмастерьев, мелких торговцев и различных люмпен-пролетарских элементов» (*Wittmann. Studia historica, p. 16*). В сноске Уиттман добавляет: «В „Крестьянской войне в Германии“ Энгельс делает несколько толковых замечаний... о необычайном росте люмпен-пролетариата в XVI веке... Однако марксистские историки еще как следует не рассмотрели значение этого фактора для анализа массовых движений Средневековья [p. 16]».

Смит дает следующий комментарий относительно религиозных взглядов этих люмпен-пролетариев: «В то же время необходимо выяснить, насколько безразличие в отношении догматической религии распространилось и среди масс: до какой степени люди, уничтожавшие иконы в 1566-м и шедшие на бунт от безработицы в 1572-м, были аморфной группой лиц, безразличных к религии, которая в тот момент включала в свои ряды будущих адептов протестантизма или католицизма, а не их авангард. Ответ на вопрос, было ли нидерландское восстание по своему характеру кальвинистским или чисто политическим, модернизационным или консервативным, во многом зависит от исследования социальной и идеологической структуры населения» (*Smif. Britain and the Netherlands, I, p. 24*).

буржуазии, а тем самым парадоксальным образом склоняясь к альянсу с имперскими силами.²¹⁴

Итак, в Голландии постепенно возникала конфедерация городских правительств, которая быстро избавилась от каких-либо «демократических» дополнений, но в то же время была свободна от экономических обременений, прежде обусловленных пребыванием в структуре испанской имперской системы.²¹⁵ Купцы создали для себя свободную конфедерацию без административного аппарата, характерного для большинства государств. Многие расценивали эту особенность голландского государства как слабость, однако Смит более близок к истине, напоминая, что государственное устройство Голландской республики «позволило достичь более высокой степени экономической интеграции, чем в любой из европейских монархий. Голландская буржуазия обеспечивала реформы ровно в той степени, которая требовалась ей для осуществления экономической экспансии, и при этом чувствовала себя свободной от сверхцентрализации».²¹⁶ Итак, Нидерландская революция могла никогда не начаться без того, что многие аристократы отступили от установленного порядка, а без радикальных течений снизу революция никогда бы не смогла получить второе дыхание. Но в конечном итоге именно буржуазия твердо взяла в свои руки вожжи нового социального порядка и первой воспользовалась его преимуществами.

И все же почему революция произошла именно в Нидерландах, а не в каком-то другом месте? Как уже было сказано, «второй» XVI век был эпохой обращения к внутренним ресурсам, отказа от имперского идеала в пользу стремления создать сильное государство. Однако в течение этой эпохи по-прежнему сохранялась одна внешняя сфера, в которую вмешивались все главные силы того времени, одна арена всеобщего замешательства. Этой ареной и были Нидерланды. Поэтому

²¹⁴ «Нигде революция не зашла так далеко, как в Генте» (*Koenigsberger. Journal of Modern History*, XXVII, p. 344). Уиттман: «Тем не менее, для победы радикальных сил там не существовало ни объективных условий — революционной буржуазии, преследующей собственные интересы, ни субъективных — более последовательной политики Хембейзе и его сторонников. Без этих условий радикализация стремилась к собственному отрицанию, когда в 1583 году, после „французского бешенства“*, Хембейзе, полностью утративший авторитет среди оранжистов, стал во главе войск Гента против Вильгельма Оранского и призвал на помощь испанцев. Однако предательству Хембейзе не следует давать моральную оценку, как это доселе обычно делали историки. Скорее это явление, аналоги которого можно обнаружить во всех ранних буржуазных революциях. В Англии в эпоху протектората Кромвеля некоторые левеллеры, как только их партия резко уменьшилась, также установили отношения с роялистами и испанцами, совсем как ранее Хембейзе и Дальтенус» (*Wittmann. Studia historica*, p. 36).

²¹⁵ «Таким образом, сторонники республики не находились под контролем снизу. Однако еще более примечательно, что революция также привела к исчезновению каких-либо ограничений сверху. В первой половине XVI века центральная администрация опиралась на местный патрициат в противодействии любым коалициям известных амбициозных личностей и недовольных мелких бюргеров, а также присматривала за тем, чтобы правители не применяли свою власть за пределами своих городов. Напротив, после революции городские магистраты стали почти полностью независимыми и правили без чьего-либо вмешательства, фактически бесконтрольно» (*Roorda. Britain and the Netherlands*, II, pp. 114–115).

²¹⁶ *Smit. Preconditions of Revolution*, p. 52.

одна из возможных интерпретаций Нидерландской революции — рассматривать ее в качестве стремления местных правящих групп исключить политическое вмешательство внешних сил и установить контроль над собственной территорией; по меньшей мере, к аналогичным целям стремились Испания, Франция и Англия.

Другая возможная интерпретация такова: поскольку после 1559 года Испания, Франция и Англия прекратили уравнивать друг друга, у Нидерландов появилось социальное пространство, для того чтобы утвердить свою идентичность и сбросить испанское ярмо. Особенно справедливо это утверждение применительно к ситуации после разгрома Непобедимой Армады в 1588 году.²¹⁷ Не то чтобы эти три страны были сторонниками независимости Нидерландов. Испания не желала потерять часть своих владений. Франция и хотела бы ослабить Испанию, но колебалась из-за возможных последствий этого для собственной религиозной борьбы. Англия же хотела, чтобы Испания ушла со сцены, а Франция не стала на ее место, поэтому Англия предпочла бы автономные Нидерланды при номинальном испанском суверенитете.²¹⁸ Суть дела, однако, в том, что этот конфликт внутри мир-системы, это ослабление испанского владычества над миром, открыли для буржуазии Соединенных Провинций возможности маневра с целью максимизации *собственных* интересов. Уже к 1596 году голландцы могли на равных вступать в соглашения с французами и англичанами, хотя лишь незадолго до этого они предлагали себя в качестве подданных и тем, и другим. Как заметил Гейл, «и вновь из-за взаимной ревности Франции и Англии по поводу Нидерландов последние оказались в выигрыше».²¹⁹

Значение Нидерландской революции не в том, что она установила некую модель национального освобождения. Вопреки романтической либеральной историографии XIX века, пример Голландии не вызвал всплеска соответствующих идеологических течений в остальной Европе. Значение революции заключается в ее экономическом влиянии на европейский мир-экономику. Нидерландская революция высвободила силу, которая могла сохранять мир-систему в качестве собственно системы в наступавшие трудные времена ее становления, пока англичане (а также французы) не окажутся готовы предпринять меры, необходимые для ее окончательной консолидации.

Вспомним предшествующую экономическую историю Амстердама и других городов Северных Нидерландов. Голландцы играли все более значимую роль в балтийской торговле²²⁰ — они завоевали в ней свое место в конце средних

²¹⁷ См. Geyl. The Revolt of the Netherlands, pp. 217–219.

²¹⁸ О Франции см.: Clark, G. N. The Birth of the Dutch Republic // Proceedings of the British Academy, 1946, 191. Об Англии см.: Wernham, R. B. English Policy and the Revolt of the Netherlands, Bromley and Kossmann, eds., Britain and the Netherlands (Groningen: Wolters, 1964), I, 30–31.

²¹⁹ Geyl. The Revolt of the Netherlands, p. 225.

²²⁰ «В течение XV века процветание городов рыбаков и корабелов Зеландии и Голландии росло медленно, но беспрепятственно. Они расширяли прибрежную торговлю все дальше и дальше на восток, пока не превратились в самых опасных конкурентов Ганзы именно в тех торговых форпостах Пруссии, которые были основой экономической

веков и к началу XVI века вытесняли из балтийской торговли города Ганзы. В XVI веке доля Голландии в балтийской торговле постоянно росла, так что примерно к 1560 году голландцы контролировали уже примерно 70% ее объема. Несмотря на то, что революция имела определенное негативное влияние на этот рост, к 1630 году голландцы преодолели временный спад.²²¹

Революция не только вызвала экономический упадок Фландрии, но и укрепила человеческие ресурсы Северных Нидерландов. «Процветание Голландии и Зеландии отчасти было обязано лучшим жизненным силам Фландрии и Брабанта».²²² Помимо этого, принцип религиозной толерантности, провозглашенный Соединенными Провинциями в 1579 году, привел к тому, что начиная с 1597 года в Голландию стали приезжать евреи-сефарды. «Благодаря богатствам и деловым талантам евреев, укреплявших процветание торговых городов севера Нидерландов, эта эмиграция по определению стала европейским феноменом».²²³

мощи этого союза» (*Brinkmann, Carl. The Hanseatic League: A Survey of Recent Literature // Journal of Economic and Business History, II, 4, Aug. 1930, 591*).

Одновременно Голландия захватывала крупную долю заморской торговли Шотландии — к 1560 году эта доля составляла примерно половину тоннажа. Впрочем, статистика здесь является слабым местом: «В любом случае количество (точнее, совокупный тоннаж) судов, следующих по различным торговым путям, — это не точный показатель, демонстрирующий реальное значение торговли между Шотландией и Нидерландами, поскольку участвовавшие в ней товары, помимо угля и соли, были более ценными по сравнению с торговлей [Шотландии] с Норвегией» (*Lythe, S. G. E. The Economy of Scotland in its European Setting, 1550–1625 (Edinburgh: Oliver & Boyd, 1960), 245*).

²²¹ «Анализ количества кораблей, участвовавших в голландской торговле на Балтике, позволяет сделать предварительный вывод, что ни война с Испанией, ни открытие новых дальних маршрутов около 1600 года не повлекли за собой продолжительной утраты голландцами господства на Балтике» (*Christensen. Dutch Trade, p. 90*).

Оскар Альберт Йонсен указывает, что в 1572 году благодаря голландскому восстанию норвежцы получили возможность установить «прямые и регулярные торговые связи с испанскими землями...» Однако после окончания Двенадцатилетнего перемирия (1621) голландский флот был достаточно силен, чтобы атаковать норвежские корабли: «Пиратство и грабежи практически полностью уничтожили наше мореходство в Средиземноморье» (*Johnsen. Les relations commerciales entre la Norvège et l'Espagne dans le temps modernes // Revue historique, 55e année, fasc. 1, sept — déc. 1930, 78*). Йонсен признает, что Норвегию погубила не морская, а торговая мощь Голландии.

Как говорит Пьер Жаннен, «можно спорить, в какой момент голландская торговля одержала победу над Ганзой, но к 1600 году триумф голландцев был уже неоспорим» (*Jeannin. Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, XLIII, pp. 193–194*).

²²² *Geyl. The Revolt of the Netherlands, p. 239*.

²²³ *Spooner. New Cambridge Modern History, III, p. 31*. Бродель идет еще дальше: «Подобно тому как эпоха векового застоя с 1350 по 1450 год собрала еврейских купцов в Италии, под крылом ее устойчивого рынка, кризис 1600–1650 годов застает их в регионе Северного моря, чья экономика была так же прочна. Если протестантский мир спас евреев и предоставил им ряд привилегий, то и они, в свою очередь, спасли мир протестантизма, отдав ему предпочтение. В конце концов, по замечанию Вернера Зомбарта, Генуя имела столь же удобный доступ к морским путям, ведущим

Как только политическая борьба в Нидерландах заметно стихла, голландцы сделали рывок вперед — от прежней роли центра балтийской торговли к центру торговли мировой.²²⁴ Более того, эта новая, мировая торговля лишь увеличила значимость торговли на Балтике, которую сами голландцы называли «торговлей-матерью», ведь Восточная Европа поставляла как хлеб для голландских городов, так и товары, необходимые для голландского рыболовства и кораблестроения.²²⁵ Последнее, в свою очередь, было основой повсеместного успеха голландцев.²²⁶

в Америку, Индию и Китай, как Гамбург или Амстердам» (*Бродель. Средиземное море*, II, 665).

²²⁴ «В течение краткого промежутка между 1590 и 1600 годами голландцы... создали совершенно новую систему торговли. Пусть и в зачаточном состоянии, но маршруты голландской колониальной и левантинской торговли... были основаны практически разом. Новая торговля, в первую очередь с Индией, незамедлительно стала интересовать и правящие институты, и крупнейших купцов, и все общество того времени в целом» (*Christensen. Dutch Trade*, p. 19).

Виолетта Барбур полагает, что скорость восхождения Амстердама не осталась без внимания современников: «Иностранцы наблюдали путь Амстердама к первенству в мировой торговле с удивлением и не без оттенка негодования. Казалось, что город оказался на этом месте внезапно» (*Barbour. Capitalism in Amsterdam in the Seventeenth Century* (Ann Arbor, Michigan: Ann Arbor Paperbacks, 1963), 17). См.: *Da Silva. Revue du Nord*, XLI, p. 143, где время достижения Амстердамом указанного первенства очень четко датируется 1597–1598 годами.

²²⁵ *Christensen. Dutch Trade*, p. 424. Барбур: «Основным источником нового богатства Амстердама, как и его предшествующего незаметного возвышения, представляется торговля зерном и корабельными товарами, а также перевозка, хранение и сбыт этих и других товаров большого объема. Различные обстоятельства — голод, война, изменявшиеся военные технологии, требовавшие все больше и больше тяжелых орудий, морские экспедиции, для которых нужно было все больше крупных и лучше вооруженных кораблей, — все это резко увеличило спрос на товары и услуги, который был в состоянии удовлетворить Амстердам» (*Barbour. Capitalism in Amsterdam*, p. 26). Барбур также говорит о роли Амстердама в морском страховании после 1592 года (pp. 32–35) и в поставках оружия и амуниции после 1609 года (pp. 35–42).

²²⁶ «Поскольку Амстердам был основным рынком корабельного леса, кораблестроение в Голландии было дешевле, чем где-либо еще. В то время как англичане предпочитали большие торговые корабли с вооружением, голландцы примерно с 1595 года стали строить корабли нового типа, названные „летучими лодками“, или флейтами [*flyuit*], — легкие, но практичные, длинные, узкие и скоростные, способные перевозить громоздкие и неповоротливые грузы. Таким кораблём могла легко управлять небольшая команда. Низкая себестоимость перевозки объясняет, почему другие морские нации едва ли могли конкурировать с голландскими флотилиями на Балтике и на пути в Норвегию и Московию» (*Van Dillen, J. G. Britain and the Netherlands*, II, p. 136). См. *Barbour, Violet. Dutch and English Merchant Shipping in the Seventeenth Century // Essays in Economic History*, Carus-Wilson, ed. (New York: St. Martin's, 1965), I, 227–253.

Краткое описание голландских флейтов приводится в: *Parry, J. H. The Age of Reconnaissance* (New York: Mentor Books, 1963), p. 83. Герберт Хитон считает, что превосходство голландского кораблестроения объясняется финансовыми и экономическими факторами: «(1) Сырье в больших количествах закупалось за наличные по низким

Вновь перед нами кумулятивный эффект от экономического превосходства. Благодаря первенству в торговле на Балтике Голландия стала главным рынком леса. Отсюда следовало, что голландцы снижали себестоимость кораблестроения и использовали технологические инновации, что, в свою очередь, еще больше повышало их конкурентоспособность в балтийской торговле. Благодаря своему первенству голландцы могли финансировать дальнейшую экспансию.²²⁷ На этом основании Амстердам стал триединым центром европейской экономики: товарным рынком, центром кораблестроения и рынком капитала, так что стало «сложно сказать, какой из аспектов его величия был более важен, — иными словами, непросто рассматривать какой-либо один аспект вне его зависимости от остальных».²²⁸ Подобный процесс накопления преимуществ происходит по большей части на экспансионистской стадии экономического развития, прежде чем лидирующая в нем территория не начинает испытывать ущерб от устаревших фондов и относительно стабильной высокой стоимости труда.

Была и другая причина того, что голландцы имели возможность наслаждаться процветанием. Бродель задается вопросом, почему после 1588 года морями стала править не Британия (что с ней, правда, в конечном итоге, и произошло), и обнаруживает ответ в экономических связях Голландии с Испанией, неплохо сохранившихся, несмотря на политические конфликты.²²⁹ Могла ли Англия проложить

ценам... (2) При сооружении кораблей присутствовали элементы стандартизации проектов, отдельных узлов и методов судостроения... (3) Кораблестроитель имел возможность брать кредиты под значительно меньший процент, чем его иностранный конкурент» (*Heaton. Economic History of Europe, rev. ed. (New York: Harper, 1948), 275*).

²²⁷ «Зерно обеспечивало грузопоток и оплату фрахта, необходимые для непрерывного движения амстердамского торгового флота, и это позволило осуществлять дешевую транспортировку товаров при уменьшении доли оптовых партий... К 1666 году примерно ¼ капитальных активов амстердамской биржи были вовлечены в торговлю на Балтике» (*Barbour. Capitalism in Amsterdam, p. 27*).

²²⁸ *Barbour. Ibid., p. 18.* Андре Сайюс разъясняет преимущество Амстердама как финансового центра: «С другой стороны, Амстердам улучшил финансовые технологии: стало проще распределять морские риски среди групп капиталистов и получать кредит в современной форме. Морское страхование получило развитие благодаря участию в этом деле многих людей, разделявших риски и получавших более точное понимание степени этих рисков при тех или иных установленных ставках страхования... В сфере кредитования, даже если его методы не улучшились, как минимум возросли объемы средств, которые можно было брать займы; помимо этого, переводной вексель использовался не только для перевода денег из одного места в другое, но и выступал как реальный предварительный кредит*. Однако, следуя требованиям рынка, переводной вексель еще не использовался для арбитражных операций» (*Seyous. Le rôle d'Amsterdam dans l'histoire du capitalism commercial et financier // Revue historique, CLXXXIII, 2, oct — déc. 1938, 263. См. тж. pp. 176–277*). Сайюс полагает, что ключевыми факторами подъема Амстердама в действительности были «новые способы группировки капитала и новые формы спекуляции [p. 279]».

²²⁹ «Есть лишь одно правдоподобное объяснение: Голландия, благодаря своему соседству с католическими Нидерландами и своему навязчивому стремлению проникнуть в Испанию, была теснее связана с [Пиренейским] полуостровом, чем Британия, и не могла бы финансировать собственную торговлю, не имея доступа к американским

такой же путь к сокровищам Испанской Америки? Еще нет, поскольку Англия по-прежнему оставалась слишком большой угрозой для Испании, чтобы отношения такого рода стали возможны.²³⁰ Кроме того, Испания все еще оставалась достаточно сильной, чтобы противостоять Англии. Империя могла пасть, но контроль над европейским миром-экономикой до сих пор зависел от доступа к испанским колониальным богатствам. Несмотря на то, что Голландия взбунтовалась против Испании, она по-прежнему оставалась ее частью, к тому же Голландия в любом случае не представляла для Испании такой политической угрозы, как Франция или Англия.

Таким образом, Голландия извлекла прибыль из того, что была небольшой страной, а также «финансово состоятельным» государством.²³¹ Купцам, которые хотели использовать ее в качестве поля для своей деятельности, Голландия предлагала максимальные преимущества. Ее путь к богатству не был путем зарождающегося в других странах меркантилизма,²³² формирующего превосходство в долгосрочной перспективе, но непригодного для максимальной фиксации торгово-финансовыми классами краткосрочной прибыли. Путь Голландии — это был путь свободной торговли.²³³ Точнее, это был ее путь

сокровищам... Финансовые связи Испании и Голландии были подкреплены мирным договором, действовавшим с 1609 по 1621 год, и прервались в период общего упадка Испании, наступившего в середине XVII века, в тот самый момент, когда, по случайному совпадению или нет, судьба повернулась спиной и к голландцам» (Бродель. Средиземное море, II, 404).

Барбур подчеркивает, что Амстердам контролировал хлеботорговлю: «Возможно, что подъем Амстердама в качестве финансового рынка во многом был обязан военной торговле с Испанией, а в некоторой степени и военным трофеям. Так, в 1595-м и в некоторые последующие годы вплоть до 1630-го испанское правительство было вынуждено разрешить экспорт благородных металлов в обмен на поставки хлеба» (*Barbour. Capitalism in Amsterdam*, p. 49). И вновь мы обнаруживаем, как накапливается превосходство Амстердама: «Однако прямые поставки серебра из Кадисской гавани в Голландию — это лишь часть целого. Существовал также косвенный приток серебра из стран, имевших долю в разгружаемых в Кадисе сокровищах, — приток от платежей за услуги по приобретению товаров, притягиваемый спекулятивными возможностями. Кроме того, капитал в поисках безопасности и свободы инвестирования просто уходил в Голландию [pp. 50–51]».

²³⁰ См. *Braudel. La Mediterranee*, I, p. 209.

²³¹ *Friedrich. The Age of the Baroque*, p. 8.

²³² Как говорит Хосе Ларрас (1943), если бы существовал голландский меркантилизм, то это «была бы вполне либеральная версия меркантилизма» (*Larraz. La época del mercantilismo*, p. 186).

²³³ «Голландцы везде покровительствовали предельно широко открытой торговле; англичане же предпочитали жестко ограниченную торговлю — не только между Англией и ее колониями, но и с другими странами за пределами Англии» (*Reynolds, Robert. Europe Emerges* (Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1967), 442).

См. также у Барбур: «Свобода экспорта монетных металлов — редкость для XVII века — помогла Амстердаму стабилизировать свои обменные курсы и тем самым стимулировала оборот переводных векселей в качестве ликвидных инструментов кредита; дисконтирование и продажа этих бумаг стали в Амстердаме популярным бизнесом» (*Barbour. Capitalism in Amsterdam*, p. 53).

во «втором» XVI веке, когда Голландия господствовала на морях, а пока Амстердам лишь боролся за место под солнцем, его политикой был протекционизм.²³⁴

С точки зрения европейского мира-экономики в целом в период окончания эпохи его экспансии, мировая торговля голландцев была чем-то вроде драгоценного жизненного флюида, который заставлял работать всю махину, в то время как прочие страны сконцентрировались на реорганизации своих внутренних политических и экономических механизмов. Заметим, однако, что успех политики Нидерландов зависел от того обстоятельства, что ни Англия, ни Франция еще не настолько реализовали свои меркантилистские замыслы, чтобы закрыть вход на рынки для голландских купцов, действующих исходя из презумпции свободной торговли.²³⁵ Торговля могла оставаться свободной лишь благодаря тому, что голландцы все еще были слишком сильны, поскольку они контролировали финансовый рынок при помощи сохраняющейся связи с Испанией.²³⁶

[Италия во «втором» XVI веке]

Если Амстердам наследовал Севилье, а Северные Нидерланды во «втором» XVI веке стали торговым и финансовым центром европейского мира-экономики, то что же в таком случае происходило с городами-государствами Северной Италии, в частности, Генуей и Венецией, значение которых в торговой

²³⁴ «Представляется, что существенным фактором утверждения Амстердама в статусе товарной биржи Западной Европы было осуществление протекционистской линии в его морской политике в течение второй половины XV века. В соответствии с принципами протекционизма, все бывшие гражданами Амстердама владельцы кораблей, прибывающих с Балтики, были обязаны заходить в город. То же самое распространялось на граждан Амстердама — совладельцев судов со шкипером-неамстердамцем. Это установление, ставшее зародышем морского права, было направлено против Любека, а также против прямого товарооборота между Балтикой и Фландрией, в особенности против Брюгге» (*Glamann*. Fontana Economic History of Europe, II, p. 35).

²³⁵ «Крупные объемы закупок, свободный доступ к кредиту и дешевый транспорт — все вместе это позволяло ценам в Амстердаме держаться на одном уровне с ценами, преобладающими в местах происхождения товаров. В 1606 году член Палаты общин подтверждал, что голландцы могли дешевле, чем английские компании, продавать английскую ткань, отсортированную в Нидерландах и затем реэкспортированную» (*Barbour*. Capitalism in Amsterdam, p. 95).

²³⁶ См., например, у Барбур о голландских иностранных инвестициях и их мощи: «[В XVII веке] кредит или краткосрочный аванс для приобретения большинства иностранных товаров можно было получить у амстердамского частного капитала...

В затяжных войнах северных держав за господство на Балтике голландский капитал, как и голландские суда, воевали на обеих сторонах...

В Англии и Франции для иностранного капитализма было меньше свободных ниш, чем в странах Северной Европы. Средние классы Англии и Франции обладали высоким и конкурентоспособным потенциалом в торговле и промышленности, продукция которой получала агрессивную поддержку государства... Тем не менее, голландский капитал работал в обеих странах» (*Ibid.*, pp. 105, 111, 119). См. выше высказывание Броделя (прим. 229).

и финансовой сферах в тот же самый период также, похоже, выросло, а не сократилось? По этому поводу можно утверждать, что данный рост был краткосрочным: за внешним блеском скрывался упадок, так что к концу «второго» XVI века Генуя и Венеция были низведены до положения полупериферии европейского мира-экономики.

Настоящий взлет Амстердама произошел после 1590 года. В промежутке между кризисом 1557 года и 1590 годом произошла Нидерландская революция, и в течение этого периода роль Нидерландов в мировой торговле неизбежно уменьшалась. Вследствие этого обстоятельства ряд экономических функций, ранее выполнявшихся Антверпеном (а в банковском деле — Фуггерами) подхватила Генуя.²³⁷ Любопытно, что Англия, которой падение Антверпена угрожало больше всего, поскольку это могло отрезать ей доступ к американским металлам,²³⁸ вскоре принялась жадно грабить испанские сокровища военными средствами, поэтому испанцы стали транспортировать драгоценные металлы из Америки через Геную.²³⁹ Таким образом, влияние Генуи объясняется отчасти беспорядками

²³⁷ «Место эпохи генуэзских банкиров... приходится в истории капитализма на 1557–1627 годы, период между коротким временем господства Фуггеров и столетием подъема смешанного голландского капитализма... Очевидно, что влияние генуэзцев не возникло в 1557 году, после странного банкротства испанского государства, по мановению волшебной палочки, и не прервалось полностью в 1627 году... в связи с пятым или шестым финансовым крахом кастильской короны... Генуя еще долго оставалась одним из столпов международной финансовой системы» (*Бродель. Средиземное море*, II, 220).

Эллиотт: «Генуэзские банкиры выдвинулись вместе с Фуггерами как кредиторы Карла V, и по мере того, как после королевского банкротства 1557 года влияние Фуггеров падало, влияние Генуи росло» (*Elliott. Europe Divided*, pp. 59–60).

Спунер: «Расцвет Генуи начался примерно после 1570 года — в последующее столетие генуэзцы перехватывают эстафету у Фуггеров, чье финансовое превосходство кончилось после 1530 года вместе с увядшей славой германских рудников»* (*Spooner. New Cambridge Modern History*, III, p. 27).

Венеция в это время также играла ключевую роль в финансах: «В ходе длительного экономического подъема XVI века Венеция стала важнейшим пунктом в международном обращении переводных векселей... В 1587 года в Венеции появился депозитарный банк (*Banco della Piazza di Rialto*), и декретом 1593 года Сенат предписал фиксировать переводные векселя отдельными записями в его бухгалтерских книгах. В результате Венецианская республика получила двойную финансовую систему: [„оборотные деньги“ (*moneta corrente*) и „банковские деньги“ (*moneta di banco*)]» (*Spooner, Frank C. Venice and Levant: An Aspect of Monetary History (1610–1614) // Studi in Onore di Amintore Fanfani, V: Evi moderno e contemporaneo (Milano: Dott. A. Giuffrè-Ed., 1962), 646–647*).

²³⁸ «Политическое согласие между Филиппом II и Елизаветой было достижимо постольку, поскольку королева и английские купцы могли путем займов на антверпенской бирже черпать из американского кладеза (*pactole*). Но вся эта система равновесия оказалась под угрозой после кризиса 1566 года и приезда в Нидерланды герцога Альбы в 1567-м... Теперь на безбрежных просторах Атлантики все изменилось» (*Бродель. Средиземное море*, II, 220).

²³⁹ «Антверпен стал утрачивать центральное положение в финансовой сфере начиная с 1568 года, когда Елизавета Английская конфисковала сокровища, обнаруженные на борту флотилии испанских галер, нашедших убежище в порту Плимута...

в Нидерландах, отчасти тем, что в своей политике Генуя всегда ставила на первый план экономические соображения,²⁴⁰ отчасти же продолжением тесных связей с испанской монархией и испанской торговой системой,²⁴¹ — связей, происхождение которых уже было описано выше.

Что касается Венеции, то если «первый» XVI век был эпохой упадка средиземноморской торговли (под воздействием турецкого завоевания Константинополя и Египта и открытия португальцами новых морских путей на Восток), то «второй» XVI век стал свидетелем великого возрождения венецианской торговли, особенно в восточной части Средиземноморья.²⁴² Этот процесс начался уже около 1540 года и был частично обусловлен неспособностью португальцев

Ла-Манш более не был безопасным путем, поэтому генуэзские банкиры решили изменить путь следования драгоценных металлов, направив их через саму Геную и ярмарки Безансона*. Тем самым последний к концу XVI века оказался главным банковским центром Западной Европы и центром распределения поступавшего серебра, которое продолжало рекой течь из Нового Света.

Поэтому с точки зрения развития банковской системы не Амстердам оказался наследником Антверпена; [...] Амстердам не станет мировым центром оборота благородных металлов вплоть до 1640 года...» (*De Roover, Raymond. Anvers comme marché monétaire au XVIe siècle // Revue Belge de philologie et d'histoire, XXXI, 4, 1953, 1044–1045*).

Бродель: «С 1580 года подлинным центром перераспределения серебра наряду с Испанией, а возможно, и в большей степени, чем она, стала Италия с ее крупными городами. Эта роль приносила ей огромную выгоду, а взамен итальянцы должны были заниматься несложным и доходным вывозом в Левант части того избыточного потока серебряных денег, который лился из Испании» (*Бродель. Средиземное море, II, 214–215*).

²⁴⁰ «Думаю, нет необходимости еще раз повторять общеизвестный факт, что Генуя была финансовым рынком, исключительно свободным от влияния любых некоммерческих факторов. Например, там никогда не было сколько-нибудь значимого давления церкви на финансовую деятельность» (*Cipolla, Carlo M. Economia internazionale, V, p. 256*).

²⁴¹ Лонше показывает, что реальная процентная ставка, которую итальянские банкиры устанавливали для испанской короны, начиналась от 16–20%. См. *Loneloy. Académie Royale de Belgique, pp. 950–951*. Х. Г. Кёнигсбергер утверждает, что «Генуя более, чем какое-либо иное государство, сделала ставку на испанскую монархию... Пока перуанское серебро отправлялось в Севилью, генуэзская плутократия процветала» (*Koenigsberger. Western Europe and the Power of Spain // New Cambridge Modern History, III: R. B. Wernham, ed., The Counter-Reformation and the Price Revolution, 1559–1610 (London and New York: Cambridge Univ. Press, 1968), 257*).

²⁴² «Благодаря совпадению действий нескольких разнородных сил ближе к середине XVI века рынки Леванта были хорошо обеспечены восточными товарами, так что Венеция восстановила свое бывшее торговое процветание. Однако спад первой половины столетия оказался слишком глубоким» (*Magalhães Godinho, Vitorino. Le repli vénitien et égyptien et la route de Cap, 1496–1533 // Eventail de l'histoire vivante: hommage à Lucien Febvre, Vol. II (Paris: Lib. Armand Colin, 1953), 300*). См. *Lane, Frederic C. The Mediterranean Spice Trade: Its Revival in the Sixteenth Century // Venice and History (Baltimore, Maryland: Johns Hopkins Press, 1966), 581–590* и его же предыдущую статью: *Venetian Shipping During the Commercial Revolution // Venice and History, 13–24*. Также см. *Rich, E. E. New Cambridge Modern History, I, p. 447*.

контролировать океанскую торговлю с Индией,²⁴³ а частично рядом конкурентных преимуществ Венеции над Португалией,²⁴⁴ а также как слабостью португальцев в Европе,²⁴⁵ так и испанским кризисом в Нидерландах.²⁴⁶

Однако оживление экономики Северной Италии не могло длиться долго. В отличие от Северных Нидерландов и тем более Англии, этот регион не обладал серьезной сельскохозяйственной и промышленной базой, поэтому к XVII веку приходится говорить об упадке Италии.

В условиях роста населения в XVI веке, особенно в период 1580–1620 годов, слабость сельскохозяйственной базы имела много аспектов.²⁴⁷ Сравнительную

²⁴³ «Не исключено, что средиземноморские торговцы, связанные с арабскими посредниками, сумели сохранить за собой товары более высокого качества, оплачивая их по более высокой цене. Португальцы, в свою очередь, вероятно, слишком увлеклись игрой на понижение цен в Азии... Средиземноморскую торговлю с Востоком, вовсе не утратившую интереса к посредникам, можно было остановить только силой, что предполагало контроль над ее конечными точками. В ряде случаев португальцам это удалось... Но португальский контроль остановил средиземноморскую торговлю лишь на короткое время, а затем сократился сам собой» (*Braudel. La Mediterranee, I*, pp. 459–496).

²⁴⁴ «В начале XVI века средиземноморская торговля Испании переживала острый кризис вследствие открытия португальцами прямой торговли с Индией через мыс Доброй Надежды... Однако португальская монополия оказалась недолгой. Несмотря на внушительное присутствие на море, португальцы не могли рассчитывать, что несколько их военных кораблей, курсирующих между сильно рассредоточенными базами, смогут постоянно держать под контролем весь объем этой цветущей торговли, которая обеспечивала как Египет и Османскую империю, так и европейцев...

Испанская торговля со странами бассейна Индийского океана — или ее большая часть — вскоре вновь велась по своим старым каналам, а вместе с ней ожила и средиземноморская торговля на венецианских судах. Преимущества в прямой конкуренции за цену и качество были никак не на стороне португальской океанской торговли. Издержки и риски пути через мыс Доброй Надежды были велики и со временем лишь росли, к тому же у португальцев не было товаров, которые они могли бы везти обратно в Индию и тем самым обеспечить доход не только от вывоза товаров с Востока. Португальцы покупали пряности за золото, поэтому прибыль от груза кораблей, вернувшихся в Португалию, должна была покрывать и их обратный путь в Индию... Могла существовать и разница в качестве пряностей: поставляемые португальцами специи имели тенденцию портиться и терять свой аромат после длинного морского плавания» (*Parry, J. H. Cambridge Economic History of Europe, IV*, pp. 164–165).

²⁴⁵ С. Т. Биндофф говорит о влиянии упразднения в 1549 году португальской королевской фактории в качестве постоянного учреждения*: «Что бы ни было причиной этой меры или ее непосредственным следствием, она символизировала конец эпохи» (*Bindoff. New Cambridge Modern History, IV*, pp. 164–165).

²⁴⁶ См. *Harrison, J. B. Colonial Development and International Rivalries Outside Europe, II: Asia and Africa // New Cambridge Modern History, III*, R. B. Wernham, ed., *The Counter-Reformation and the Price Revolution, 1559–1610* (London and New York: Cambridge Univ. Press, 1968), 533–534.

²⁴⁷ Например, Карло М. Чиполла отмечает, что в Милане между 1580 и 1610–1620 годами «происходил интенсивный рост населения» (*Cipolla. Mouvements monétaires dans l'Etat de Milan (1580–1700)*, (Paris: Lib. Armand Colin, 1952), 31). Аналогичный

сложность почвенных условий в Италии мы уже отмечали выше. В ходе «первого» XVI века, когда прибыли от торговли падали, действительно существовал сдвиг инвестиционной активности в направлении сельского хозяйства, в частности, в сторону выращивания пшеницы.²⁴⁸ В особенности это касалось монашеских орденов, которым не разрешалось участвовать в городской торговле. Этот тренд был особенно заметен в венецианской Терраферме²⁴⁹ между 1570 и 1630 годами, когда местные инвесторы ответили на рост сельскохозяйственных цен и сокращение доходов в промышленности вложением денег в скупку земли.

Тем не менее, несмотря на рост аграрного производства, голод никуда не исчез. Отчасти это объясняется случайным и внешним с точки зрения социальной системы фактором: внезапное усиление дождей и холодов в последние десятилетия XVI века привело к расширению заболоченных земель и, соответственно, к распространению малярии.²⁵⁰ Малярия стала особенно серьезной напастью с тех самых пор, как Италия пережила ее вспышку в результате увеличения площади обрабатываемых земель в период внутренней

процесс отмечен во Флоренции вплоть до начала спада в 1619–1620 годах, см.: *Romano, Ruggiero. A Florence au XVIe siècle: industries textiles et conjoncture // Annales E.S.C., VII, 7, oct. — déc. 1952, 508–512.*

²⁴⁸ «Само по себе хлебное производство уже обеспечивало огромное преимущество сельского хозяйства над всеми прочими отраслями [экономической деятельности в XVI веке]. Оно было главным производственным направлением Средиземноморья, учитывая, что земледелие обеспечивало лишь часть доходов аграрной отрасли» (*Бродель. Средиземное море, II, 93*).

²⁴⁹ «Фундаментальной причиной [этого сдвига] определенно должна быть прибыль, которую венецианцы рассчитывали извлечь с земли... Первым стимулом для этого, возможно, был пример крупных монастырей, которые уже в XV веке смогли получить доходы с земли после проведения ее мелиорации...

Переломным моментом, определившим переход к экономической деятельности, связанной с землей, представляется промежуток между 1570 и 1630 годами, когда земельные владения граждан Венеции увеличились примерно на 35%» (*Woolf, S. J. Venice and the Terraferma: Problems of the Change from Commercial to Landed Activities // Crisis and the Change in the Venetian Economy in the Sixteenth and Seventeenth Centuries, Brian Pullan, eds. (London: Methuen, 1968), 194–195*).

Вильям Дж. Бувсма: «В период Контрреформации итальянские земельные владения, сосредоточенные в руках церкви, повсеместно расширялись; на территории Венецианской республики благодаря особым условиям этот процесс зашел дальше, чем где-либо еще. Церковные корпорации с энтузиазмом вкладывали свои фантастические капиталы в масштабные мелиорационные проекты своей эпохи» (*Bouwisma. Venice and the Defenses, p. 343*).

²⁵⁰ Бродель завершает свое рассуждение о соотношении дождей и экономической рецессии следующим комментарием: «Драматические события голодных лет конца [XVI] столетия имеют, быть может, свои корни в нарушении, даже едва заметном, атмосферных условий. Это утверждение бросает вызов нашему благоразумию, но его следовало привести» (*Бродель. Средиземное море, I, 369*).

колонизации.²⁵¹ Можно предположить, что регион, у которого так много золота, будет импортировать пшеницу. Похоже, что это имело место — в достаточной степени, для того чтобы создавать в других странах ведущую к голоду нехватку продовольствия,²⁵² но в очевидно недостаточной мере, чтобы обеспечить Италии продовольственную базу для индустриального производства. Почему в недостаточной мере? Можно предположить, что новые крупные сельскохозяйственные производители (например, монастыри) не оказывали политического покровительства увеличению импорта зерна.²⁵³ Конечно, имел значение и фактор цены. Балтийская пшеница была далеко, египетская и сирийская нередко оказывалась недоступной — либо из-за того, что Египет и Сирия также испытывали нехватку хлеба, либо из-за войн с Турцией.²⁵⁴

²⁵¹ «Однако трудно отделаться от впечатления, что разгул болезни [малярии], усиливающейся в XVI веке, был вызван тем, что люди тогда сами пошли в наступление на своего старого врага — непокорные низменности. XV и XVI века прошли в поисках новых земель... Внутренняя колонизация, наблюдающаяся в XVI веке по всему Средиземноморью, тоже была дорогостоящим делом. Она приобрела большой размах, особенно в Италии. Если последней не удастся принять участие в завоевании далеких колоний и она остается в стороне от великого движения, то не потому ли, наряду с прочим, что Италия была занята освоением своего собственного пространства, которым позволяла овладеть техника той эпохи, начиная от болотистых равнин и заканчивая заоблачными высотами?» (Бродель. Средиземное море, I, 75).

²⁵² «Положение с продуктами питания в Средиземноморье, по всей вероятности, было бы куда более тяжелым, если бы приток драгоценных металлов из Америки не обеспечивал возможность крупных закупок зерна. Поэтому климатические колебания стали одним из факторов, который способствовал распространению влияния этого притока по всей Европе. Развитие торговли и судоходства, происходившее начиная с середины XV века, также должно было помочь смягчить воздействие неурожая. Тем не менее, климатические изменения оказали значительное влияние на ослабление позиций средиземноморских стран по отношению к восходящим нациям Атлантики и северных морей» (Utterström. Scandinavian Economic History Review, III, p. 44).

²⁵³ «Но и до, и после [продовольственного] кризиса [1591 года] Средиземноморье жило за счет своей собственной сельскохозяйственной продукции. Ничто здесь не напоминает той системы, которая сложилась в Нидерландах, в Амстердаме или в более законченном виде, но гораздо позднее в Англии времен свободной торговли. Городские миры никогда не передоверяют заботу о своем пропитании» (Бродель. Средиземное море, II, 96).

Тем не менее, импорт зерна действительно увеличивался. Фернан Бродель и Руджеро Романо впервые показали, какую роль пшеница сыграла в экспансии Ливорно: «Не связан ли подъем Ливорно с увеличением его значения как хлебного порта? Мы уверены, что великий голод 1591 года и приток пшеницы с севера... стали для Ливорно решающим моментом» (Braudel, Fernand and Romano, Ruggiero. *Navires et marchandises à l'entrée du Port de Livourne (1547–1611)* (Paris: Lib. Armand Colin, 1951), 22).

²⁵⁴ Джон Г. Парри в описании ситуации XV века показал, насколько серьезным было это прекращение поставок зерна из Леванта: «На Западе, более населенном и менее производительном, положение было более трудным. Флоренция, Генуя, Венеция, Рагуза, Неаполь, а также города восточного побережья Испании (последние в основном были окружены селами, производившими вино, масло или шерсть) — все они импортиро-

Более того, даже в этом недостаточном объеме пшеницу в Италию ввозили на худших коммерческих условиях из всех возможных, да еще и с помощью торговых конкурентов — голландцев, поскольку Амстердам контролировал балтийские поставки и мог распределять их по своему усмотрению.²⁵⁵ Благодаря связям, возникшим в мире-экономике, это ситуационное преимущество Голландии над севером Италии впоследствии могло трансформироваться в более длительное превосходство. Спунер отмечает и значение для экономики новых, усложненных форм кредита, таких как индоссамент* по векселям и новая форма краткосрочного кредита — *patto di ricorso***, а также роль государственных банков — все это появилось именно во «втором» XVI веке. Это была международная кредитная система, и по мере того как северная Италия стала приходить в упадок, средоточие финансовой деятельности стало бесшумно смещаться из этого региона,²⁵⁶ ведь купцы-финансисты — и в Генуе, и

вали заморское зерно, поскольку местные поставки были недостаточны или ненадежны, а местный наземный транспорт дорого стоил. В западной части Средиземноморья главными поставщиками хлеба были Апулия и Сицилия, подконтрольные правителям Арагона, которые также постоянно импортировали зерно; однако в целом западному Средиземноморью редко хватало своего зерна, поэтому городам-импортерам также постоянно приходилось искать спасения в дешевом и обильном зерне Леванта. В частности, Венеция полагалась на восточную пшеницу; ее эгейские колонии были ценным источником хлеба, а кроме того, республика регулярно импортировала хлеб из Египта. Поэтому на востоке Средиземноморья существовала специализированная, сложная и неизбежно гибкая морская торговля зерном. Большие корабли Венеции, Генуи и Пагузы были специально спроектированы для массивных грузов и, как правило, не перевозили ничего, кроме хлеба» (*Parry. The Age of Reconnaissance*, p. 53).

²⁵⁵ «В Средиземноморье были иные условия: из-за постоянной угрозы со стороны алжирских корсаров невозможно было обойтись без больших вооруженных кораблей... Однако же благодаря возможности поставлять крупные партии зерна Амстердаму удалось захватить часть средиземноморской торговли. Многие годы конца XVI и первой половины XVII веков были озаменованы нехваткой зерна в Италии и Испании, в то время как амстердамские склады были до краев заполнены рожью и пшеницей из Польши и Восточной Пруссии, так что голландские купцы могли получать крупные прибыли [от торговли в Средиземноморье]» (*Van Dillen. Britain and the Netherlands*, II, p. 136).

См. *Parry. Cambridge Economic History of Europe*, IV, pp. 158–159. Парри высказывает еще одно соображение о причинах нехватки зерна в Средиземноморье: «Крупномасштабные турецко-испанские конфликты 1570-х годов и союз Венеции с Испанией также разорвали сложившиеся в зерновой торговле связи, при этом одновременно повысился спрос на снабжение продовольствием флотилий, армий и гарнизонов [p. 159]».

²⁵⁶ «С другой стороны, объем кредитной активности был тесно связан с торговыми связями, с купеческими сообществами в портах, на рынках и ярмарках по всей Европе. Деятельность купцов-финансистов Генуи была выдающимся примером. Начав с Италии, традиционно являвшейся центром Европы, генуэзцы включились в великие атлантические авантюры Испании. Располагая агентами по всему континенту, генуэзцы были тем каналом, по которому происходило перемещение центра мировой экономики с юга на север Европы и в направлении Атлантики. Таким образом, Генуя создала пути для экстраординарного успеха Голландии» (*Spooner. New Cambridge Modern History*, III, p. 31).

где угодно — стремились спасти свои капиталы, не особенно заботясь о приверженности конкретному месту.

А что же производство? Разве северная Италия, в особенности Венеция, не была его центром, действительно наполненным новой жизнью в период между 1560 и 1600 годами, о котором Дж.Х. Эллиотт говорит как о времени новых инвестиций и «пышного великолепия»?²⁵⁷ Тем не менее, это великолепие продолжалось недолго: северная Италия, в 1600 году перестав быть одним из самых развитых промышленных районов Европы, к 1670 году превратилась в депрессивный сельскохозяйственный регион. Мы уже предположили, что процветание было обманчивым, и Доменико Селла говорит, что экономическое процветание Венеции конца XVI века не могло более «скрывать то, что основа, на которой оно покоилось, была несколько уже, чем в прошлом, и потому в определенном отношении экономика Венеции стала более уязвимой».²⁵⁸ По этому поводу существуют два основных соображения. Во-первых, Англия и Франция перестали покупать итальянские товары — там поднялась собственная текстильная индустрия, что в той или иной степени ограничило рынок сбыта итальянской продукции самой Северной Италией и Германией. Во-вторых, морские перевозки все больше осуществлялись кораблями, не принадлежавшими Венеции. По словам Карло Чиполлы, «вся экономическая структура страны слишком зависела от способности продавать за границу значительную часть производимых товаров и предлагаемых услуг».²⁵⁹

Что значит быть *слишком* зависимым от продажи производимых товаров? В конечном итоге, секрет успеха стран центра мира-экономики состоит в том, что они обменивают свои промышленные товары на сырье из периферийных

²⁵⁷«В то время как другие части Европы посвящали большую часть своего внимания и ресурсов морской торговле, Венеция предпочла движение в противоположном направлении, и после 1560 года венецианская флотилия стала приходить в упадок... К тому же сдача позиций на море совпала по времени с значительным перемещением венецианского капитала из сферы мореплавания на материк, где активы использовались не для торговли, а для приобретения земли и создания крупной текстильной индустрии, способной успешно конкурировать с Северной Италией и Нидерландами — регионами, которые страдали от европейских войн. Эта политика — по крайней мере, в краткосрочном измерении — принесла богатый урожай. В оставшуюся часть столетия... [Венеция] грелась в лучах пышного великолепия, благодаря которому казалось, что чудесным образом вернулись дни ее былой славы» (*Elliott. Europe Divided*, pp. 58–59).

²⁵⁸ *Sella, Domenico*. Crisis and Transformation in Venetian Trade // *Crisis and the Change in the Venetian Economy in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*. Brian Pullan, eds., (London: Methuen, 1968), 90.

²⁵⁹ *Cipolla, Carlo M.* The Decline of Italy: The Case of a Fully Matured Economy // *Economic History Review*, V, 2, 1952, 180–181. Не менее, чем для Венеции, это справедливо и для Милана. См. *Cipolla*. *Mouvements monétaires*, pp. 33–34. Детали упадка Венеции были великолепно рассмотрены в ходе симпозиума по венецианской истории, посвященного периоду 1620–1720 годов: *Aspetti e cause della decadenza economica veneziana nel secolo XVII*. Atti del Convegno (27 giugno — 2 luglio 1957). Venezia-Roma: Istituto per la Collaborazione Culturale, 1961.

зон. Но, помимо этой простой схемы, существуют еще два фактора: страны центра располагают политическими и экономическими возможностями снижать цены на импорт сырья (что, как мы утверждали выше, было более доступно Нидерландам, чем Северной Италии) и конкурировать на рынках других стран центра с их же собственной готовой продукцией.

Ситуация здесь была вполне простой. В то время как голландцы могли торговать в Англии по ценам ниже собственно английских, итальянские товары, напротив, были, возможно, слишком дороги²⁶⁰ и старомодны.²⁶¹ Кроме того, итальянские гильдии продолжали повышать расценки на труд, а государственные налоги были сравнительно высокими. Итальянцы производили качественные товары, но их конкуренты выходили на рынок с более простой цветастой одеждой — менее прочной, худшего качества, но при этом — дешевой. Секрет современного промышленного успеха раскрылся рано. Когда Тридцатилетняя война закрыла для Италии и германский рынок, произошла катастрофа: упадок

²⁶⁰ Эрик Дж. Хобсбаум несколько сдержанно относится к значимости данного аргумента о слишком высоких итальянских ценах. См. *Hobsbawm. The Crisis of the Seventeenth Century* // Trevor Aston, ed., *Crisis in Europe, 1560–1660* (London: Routledge and Kegan Paul, 1965), 19. Однако Барри Каппл приводит некоторые доказательства в подтверждение гипотезы Чиполлы в: *Supple. Commercial Crisis and Change in England, 1600–1642* (London and New York: Cambridge Univ. Press, 1959), 159–160. См. также объяснение упадка венецианского кораблестроения после 1570 года у Руджеро Романо: «[Кредитная политика в области судостроения] не могла уравновесить высокие расценки венецианских арсеналов — высокие в сравнении с себестоимостью кораблестроения в любом другом месте, особенно в Северной Европе» (*Romano. La marine marchande vénitienne au XVIe siècle* // *Les sources de l'histoire maritime en Europe du Moyen Age au XVIIIe siècle, Actes de l'Ve Colloque Internationale d'Histoire Maritime*. M. Mollat et al., eds. (Paris: S.E.V.P.E.N., 1962), 46).

²⁶¹ «Успех северных тканей состоялся благодаря двум факторам: они меньше стоили, а их качество — возможно, и не такое высокое, как качество венецианской продукции — больше отвечало новым требованиям моды» (*Sella. Annales E.S.C.*, XII, p. 39).

Не стоит забывать, что в XVI веке качественной продукцией в большей степени считалась промышленная, а не кустарная продукция. Это в нашу эпоху, когда фабричное производство ассоциируется с продукцией для масс и массовым производством, ремесло выживает как способ искусного рукоделия для специализированного рынка, — поэтому требуется усилие воображения, чтобы представить, что в доиндустриальную эпоху все было наоборот. Фабрики в то время представляли собой объединения рабочих, совместно работающих в одном месте под прямым присмотром. Такая форма организации труда использовалась лишь в тех редких случаях, где главным требованием к продукции было качество, — например, в производстве ряда предметов роскоши, или там, где из соображений безопасности высоко ценилась точность, или же для выполнения иных производственных задач, требовавших высокой степени контроля. Таким, например, было канатное производство в Венеции XVI века, поскольку Сенат беспокоился о «безопасности наших галер и кораблей, а также наших моряков и капитала». Более того, Сенат не доверял это производство в частные руки: соответствующее положение цитируется Фредериком Лейном в: *Lane. The Rope Factory and Hemp Trade in the Fifteenth and Sixteenth Centuries* // *Venice and History* (Baltimore, Maryland: Johns Hopkins Press, 1966), 270.

текстильного производства, прекращение капитальных инвестиций, уход промышленности в сельские районы во избежание цеховых ставок заработной платы и в целях сокрытия налогов. Поскольку итальянские производства были неконкурентоспособны, они вымерли.²⁶²

Могла ли северная Италия сыграть роль, хотя бы сопоставимую с Северными Нидерландами? Возможно, но для них обоих, скорее всего, не было места на одной сцене, а Голландия в силу целого ряда причин лучше подходила на обсуждаемую роль, чем Венеция, Милан или Генуя. Не могла Италия последовать и путем Англии и Франции, и лишь по одной причине — в силу отсутствия политического единства.²⁶³ Когда в 1630 году в Италии разразилась чума,²⁶⁴ продовольственная нагрузка сократилась, но одновременно заработные платы стали еще выше, и это было последней каплей: северная Италия

²⁶² «Когда страна оказывается в таком невыгодном положении, в каком оказалась Италия в начале XVII века, рано или поздно в действие с целью произвести некие преобразования вступают множество сил, естественных или искусственных. Среди мер, необходимых для исправления создавшегося неравновесия, могут быть развитие новых типов производства, создание препятствий для некоторых типов потребления, снижение соотношения между местным и мировым уровнем цен и т.д. Если страна способна развивать новые типы производства, она может в широком смысле сохранять как уровень занятости, так и жизненный уровень в целом. В противном случае ей придется фактически смириться с резким спадом как одного, так и другого» (*Cipolla. Economic History Review*, V, pp. 186–187).

Эрик Дж. Хобсбаум сомневается, что у северной Италии вообще были иные возможности: «Упадок Италии... иллюстрирует слабость „капитализма“, паразитирующего на феодальном мире. Так, Италия XVI века, контролируя, возможно, крупнейшие капиталы той эпохи, инвестировала их небрежно: капитал утрачивал свою динамику, будучи вложенным в строительство, расточался на иностранные займы в эпоху Революции цен (что фактически благоприятствовало именно должникам) или выводился из производственной деятельности в виде различных форм инвестиций в недвижимые активы... Однако итальянские инвесторы, давно знавшие, что слишком большие соборы наносят урон бизнесу, действовали вполне разумно. Вековой опыт показал, что от технического прогресса или хотя бы от собственного производства не стоило ожидать высочайших прибылей... Если значительные объемы капитала тратились непродуктивно, то это могло происходить потому, что для прогрессивных инвестиций в пределах „капиталистического сектора“ уже просто нигде не было места... Наступление черного дня отложили всеобщий бум конца XVI века... и внезапно увеличившийся спрос со стороны великих абсолютных монархий, полагавшихся на частных подрядчиков, а также беспрецедентная роскошь их аристократии» (*Hobsbawm. Crisis in Europe*, pp. 18–19).

²⁶³ Для Аминторе Фанфани это первое, хотя и не единственное, объяснение упадка: «У Италии не было иного пути, кроме как искать спасения в сельском хозяйстве, но, с другой стороны, Италия не могла замедлить процесс своего упадка в силу трех обстоятельств: (1) отсутствия единого крупного рынка или сильной тенденции к объединению; (2) удаленности Италии от великого движения европейской океанской колонизации; (3) отсутствия серьезной экономической программы, адекватной реальным потребностям итальянской экономики» (*Fanfani. Storia del lavoro*, p. 48).

²⁶⁴ Масштаб бедствия отражает сокращение численности населения: «Пандемии 1630 и 1657 годов перечеркнули достижения 1580–1629 и 1631–1655 годов и вернули население Италии к отметке 11 миллионов человек»* (*Cipolla, Carlo M. Four Centuries of*

тем самым завершила переход от центра к полупериферии. Мы уже отмечали, что аналогичный процесс в тот же период имел место в Испании. Безусловно, на севере Италии никогда не будет такого упадка, как в некоторых других территориях Средиземноморья, например, в южной Италии²⁶⁵ и на Сицилии,²⁶⁶ но в перспективе грядущих столетий это было слабым утешением. Р. С. Лопес, перечисляя все неудачи христианского Средиземноморья после 1450 года, с грустью заключает: «Первенство народов Средиземноморья явно не могло вынести столько бедствий».²⁶⁷

Italian Demographic Development // Population in History, D. V. Glass & D. E. C. Eversley, eds. (London: Arnold, 1965), 573).

²⁶⁵ «Продажа земли [и, следовательно, подъем феодального капитализма] имели место на всем [Апеннинском] полуострове от Пьемонта... до Сицилии» (Bulferetti. Archivio storico lombardo, IV, p. 21). Виллари описывает аналогичный процесс на юге Италии, называя его «коммерциализацией феодальных земель [feudo]» (Villari. La rivolta antispagnola a Napoli, p. 164). Продажа государством такого рода земель способствовала подъему новых групп, которые вступали в ряды знати. «Это было многостороннее движение по расширению и консолидации феодальных поместий, значительный импульс которому дала крупная буржуазия. Это движение совпало с весьма энергичным утверждением экономической и социальной мощи традиционной знати [р. 192]». Одним из последствий этого процесса была «феодализация городов» [р. 168], которые противостояли ему упорно, но неэффективно. Изменился сам городской образ жизни: «Одним из наиболее заметных последствий феодальной экспансии был рост потребления предметов роскоши и непроизводственных товаров, наряду со строительством дворцов, храмов, вилл, садов в городских центрах [Южной Италии] на новом этапе их развития [pp. 193–194]».

²⁶⁶ «Сицилия в значительной мере пребывала в доиндустриальном состоянии, большинство ее банков и кредитная система находились под контролем иностранцев, прибыли от ее экспортной торговли обогащали генуэзских, венецианских и каталонских купцов, а в сельскохозяйственной системе сочетались худшие черты как феодальной экономики, так и современной кредитной системы. Таким образом, Сицилия оставалась бедной страной и была совершенно неспособна перехватить лидерство, которого добился север Италии в период позднего Средневековья» (Koenigsberger, The Government of Sicily, p. 82).

²⁶⁷ Lopez. Cambridge Economic History of Europe, II, p. 353. Бродель пишет об «отливе [ebb, reflux] в экономике» во всем Средиземноморье начиная с 1620-х годов (Braudel. L'économie de la Méditerranée au XVII siècle // Les Cahiers de Tunisie, IV, 14, 2e trimestre, 1954, 195). Эммануэль Ле Руа Ладюри говорит о «язве упадка [décroissance], которая [начиная с 1620 года] поражает итальянцев, кастильцев и испано-американцев» (Le Roy Ladurie. Paysans, p. 636).

5

**СИЛЬНЫЕ ГОСУДАРСТВА ЦЕНТРА:
ОБРАЗОВАНИЕ КЛАССОВ
И МЕЖДУНАРОДНАЯ ТОРГОВЛЯ**

«Двое дерущихся нищих», офорт Жака Белланжа (между 1612 и 1617), официального художника, гравера и декоратора Лотарингского двора в Нанси (1602–1616).
Коллекция Розенвальд, Национальная художественная галерея, Вашингтон

Колебания между «национализмом» и «интернационализмом» — одна из главных тем истории современного мира. В данном случае я имею в виду не идеологические, а организационные колебания, хотя первые, разумеется, тоже имеют место. В определенные моменты времени основные экономические и политические силы некоторой страны оказываются включенными в события на международной арене, понимая при этом, что их локальные интересы непосредственным образом связаны с происходящим в любой другой точке мира. Напротив, в другие моменты социальные акторы стремятся направить свои усилия на решение именно локальных задач, рассматривая в качестве главной из них укрепление рубежей государства и пытаясь по возможности не зависеть от происходящего за пределами этих рубежей. Конечно же, это всего лишь *тенденции*, поэтому не все акторы вынуждены твердо придерживаться определенной преобладающей линии — последовательное проведение всеми акторами такой политики вовсе не обязательно и даже не вероятно.

Следует подчеркнуть, что речь идет именно об организационной, а не о структурной тенденции. Проблема состоит не в том, является ли мир-экономика более или менее интегрированным, тренды — инфляционными или дефляционными, а права собственности — более или менее концентрированными. Эти структурные переменные дополняют организационные возможности, однако корреляция между организационным и структурным уровнями — это вопрос длительной, а не среднесрочной перспективы. Организационные возможности — это область политического выбора людей, это решения, которые люди принимают относительно форм, наиболее подходящих для осуществления их интересов.

Во «втором» XVI веке, после мира в Като-Камбрези, экономический баланс будет постоянно колебаться. Экономическим центром европейского мира-экономики стал северо-запад Европы, и теперь самое время выяснить, какие факторы обеспечили такую громадную силу Англии и Франции. Важной деталью этой картины является подъем индустриального сектора экономики, поэтому необходимо рассмотреть, какой тип индустриальной трансформации имел место и как получилось, что именно Англия получила от этого столь крупную выгоду.

Наиболее важным аспектом индустриальной трансформации «второго» XVI века были не технологические новации (хотя некоторые из них все же присутствовали) и не социальная организация. Фабрика и массовое производство, по существу, все еще не были известны Европе, а общий уровень

промышленного производства в европейском мире-экономике вырос пока не слишком сильно. Доменико Селла напоминает, что, несмотря на все экономическое развитие «долгого» XVI века, «в 1700 году европейский индустриальный сектор имел гораздо большее сходство с его средневековым предшественником, чем со своим наследником XIX века».¹

Важнейшее изменение заключалось в новом географическом распределении промышленности. До 1550 года очаги промышленной деятельности присутствовали в разных частях Европы. «Становой хребет европейской индустрии... проходил по направлению от Фландрии к Тоскане»,² однако определенные виды промышленности существовали повсеместно. Начиная же примерно с 1550 года промышленная деятельность стала концентрироваться в конкретных государствах «северо-западной» Европы и приходить в упадок в других европейских странах. Поразительно, насколько сильно этот процесс затронул одну за другой территории, составлявшие империю Карла V.³

Представляется, что в период, когда в определенных местах происходил резкий упадок промышленности, в других странах Европы сформировались два ее типа. Джон Неф различает, с одной стороны, промышленность северной Италии, Франции и Швейцарии, с другой — промышленность «севера» Европы: Англии, Голландской республики, Швеции, Дании и Шотландии:

«Для [первой группы] были характерны рост продукции индустрии роскоши и предметов искусства, новая волна развития искусств и изящных ремесел, но при этом лишь незначительное увеличение продукции тяжелых отраслей и, следовательно, отсутствие заметного увеличения объема выпуска. Во [второй группе] происходило беспрецедентное расширение тяжелой промышленности и, следовательно, объема продукции».⁴

Селла проводит географические границы немного иначе. Прежде всего, наряду с северной Италией, он относит к зоне упадка Фландрию и южную Германию (для чего, как мы видели, у него были достаточные основания) и вообще

¹ *Sella, Domenico*. European Industries, 1500–1700. // Fontana Economic History of Europe, II, 5, 1970, 5. Руджеро Романо полагает, что доля «настоящей» промышленности в XVI веке была совсем незначительна: «по сути дела, лишь текстильное производство, добыча полезных ископаемых и кораблестроение. Вся остальная производственная деятельность фактически держалась на труде отдельных ремесленников» (*Romano*. *Revista storica italiana*, LXXIV, p. 500).

² *Sella*. Fontana Economic History of Europe, II, 5, p. 64.

³ «В значительной части Европы происходили... заметный спад объема производства, уменьшение величины промышленных предприятий и сокращение относительной доли промышленности в экономике. Эти процессы были характерны для имперских и испанских владений (включая Франш-Конте и Южные Нидерланды), то есть для тех территорий, которые в пределах жизни одного поколения были номинально объединены под властью императора Карла V...» (*Nef, John U.* *War and Human Progress* New York: Norton, 1963, 6). Неф отдельно приводит даты упадка промышленности для каждой части бывшей империи Габсбургов, см. pp. 6–7.

⁴ *Ibid.*, p. 6.

не упоминает Швейцарию. Кроме того, Селла склонен делать различия между, с одной стороны, Францией и Швецией, которые демонстрировали отдельные достижения, и, с другой стороны, Англией и Голландской республикой, где достигнутые результаты были «куда более заметны»⁵ и где был создан «широкий спектр видов промышленной деятельности».⁶

Однако и Неф, и Селла согласны по поводу мощного подъема Англии. Это еще более удивительно, если вспомнить, что средневековую Англию многие исследователи рассматривают как «колонию»⁷ континентальной Европы, а сам

⁵ Sella. Fontana Economic History of Europe, II, 5, p. 65.

⁶ Ibid., p. 66. См. *Heaton. Economic History of Europe*, pp. 314–319. Эли Ф. Хекшер характеризует хозяйство Швеции в период между 1520 и 1600 годами как «зрелую средневековую экономику», что вполне подтверждает позицию Селлы: «Примечательным для шведской экономики XVI века является не то, что на протяжении столетия в ней происходили определенные изменения, а то, что эти изменения так запоздали. В течение этого периода Швеция, по сути дела, оставалась средневековой страной: как и прежде изолированная политически, экономически и интеллектуально, страна по-прежнему была обращена в прошлое, а не в будущее. Задачи, решаемые правительством, были все так же столь незначительны, что ни правители, ни налогоплательщики не испытывали затруднений от того, что в стране до сих пор существовало натуральное хозяйство. Поскольку у правительства не было каких-либо значительных зарубежных расходов, у него не было и необходимости в привлечении иностранных денег за счет экспорта. Образ жизни населения в основном оставался настолько неизменным, что, за исключением соли, внешней торговле в целом уделялось немного внимания» (*Heckscher. An Economic History of Sweden. Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press, 1954, 77–78*).

Франсуа Моро настаивает на том, что понять ведущую роль Англии и Голландии можно только с учетом значения [новых] ключевых отраслей производства, появившихся в этих странах: «Именно... горная и металлургическая промышленность стали для коммерческой революции тем, чем сталелитейная индустрия является для современного „третьего мира“. Вместе с классом купцов появился класс промышленников. Великий успех Англии и Нидерландов состоял в том, что там возникли оба эти класса, которые взаимно дополняли друг друга: один обеспечивал машины, другой — потребительские товары для массы рабочих. Антверпен — Льеж — Ондскот* — вот конфигурация успеха Бельгии в XVI веке. Лондон — Ньюкасл — ось британской доиндустриальной революции в эпоху Елизаветы» (*Mauro. Le XVIe siècle européen*, pp. 298–299).

⁷ *Postan. Cambridge Economic History of Europe*, II, p. 233. Однако в другом месте Постан менее склонен рассматривать англо-итальянские отношения в эпоху Средневековья по аналогии с колониальным циклом XX века, который предполагает заимствование у метрополий технологий и капитала с последующим изгнанием колониального правительства. Постан считает, что разница в данном случае заключается в постепенности развития Англии, которое объяснялось в первую очередь демографическим ростом и другими «домашними» факторами в сочетании с, возможно, незначительными зарубежными заимствованиями и инвестициями. По его мнению, доминирование итальянцев было «весьма вторичным и сравнительно незначительным фактором на фоне общей картины национальной экономики. Если в какой-либо сфере влияние итальянцев и было действительно эффективным, то не в прямых итальянских инвестициях или в передаче англичанам более передовых технологий, а в той роли, которую они сыграли, помогая английским королям сдвинуть с места экономическую жизнь страны. С помощью королевских налогов и государственной финансовой системы из землевладельческих и земледельческих

Неф утверждает, что еще в 1547 году Англия «в индустриальном отношении отставала от большинства континентальных стран, в том числе от Франции». Однако благодаря английской промышленной экспансии в период 1575–1620 годов «положение двух стран [изменилось] с точностью до наоборот...»⁸

**[Англия в период правления Тюдоров
и первые годы правления Стюартов]**

В эпоху позднего Средневековья произошел значительный сдвиг в структуре и, соответственно, в направлении английского экспорта. Англия начинала как поставщик сырья — хлеба, шерсти и в меньшей степени металлов и кожи. К XVI веку экспорт по этим статьям снизился в относительном (а в случае хлеба — в абсолютном) выражении, а основной статьёй английского экспорта стал текстиль.

Зерно (в частности, пшеница) играло все меньшую роль в английском экспорте начиная с XIV века. Отчасти это происходило из-за того, что зерно начала экспортировать Восточная Европа, захватившая весьма существенную долю международного хлебного рынка. Это могло послужить причиной ослабления тенденции к чрезмерному расширению хлебного производства в Англии.⁹ Вместо этого, как мы знаем, Англия двинулась в направлении распада поместий — обычно этот феномен объясняется демографическим спадом, падением уровня цен (особенно цен на зерно) и высокой стоимостью жизни. Совершенно очевидно, что рост лондонского рынка в XV–XVI веках вновь формировал высокий спрос

классов удалось вытрясти значительные объемы прежде неподвижных богатств и передать эти капиталы в руки купцов, финансистов, армейских подрядчиков и военных спекулянтов. Именно так часть национального богатства, которая в противном случае лежала бы мертвым грузом, стала доступной для развития торговли и промышленности» (*Postan. Italy and the Economic Development of England in the Middle Ages. // Journal of Economic History*, XI, 4, Fall 1951, 345).

⁸ *Nef, John U. Industry and Government in France and England, 1540–1640* (Ithaca: Great Seal Books, 1957, 1).

⁹ «В раннем Средневековье, но особенно в XIII веке, Англия была экспортером продовольствия, в том числе хлеба. Однако затем возник иной, причем куда более важный, его источник: в результате германской колонизации славянских земель за Эльбой появились новые обширные сельскохозяйственные угодья, и начиная с конца XIII века рожь из восточной Германии и Польши потекла на Запад. К началу XIV столетия балтийское зерно стало наполнять фламандские закрома, одновременно вытесняя английский хлеб со скандинавских рынков» (*Postan. Cambridge Economic History of Europe*, II, pp. 199–207).

Алек Р. Майерс: «Вплоть до XVI века английский экспорт, за исключением тканей, состоял в основном из сырья — металлов, пшеницы и другого продовольствия, шерсти и кож, однако к XIV веку английские экспортеры встретили растущую мощную конкуренцию со стороны вновь колонизованных земель на востоке Германии» (*Myers. England in the Late Middle Ages. Volume IV of the Pelican History of England*. London: Penguin Books, 1952, 57).

на пшеницу,¹⁰ но к тому моменту английские поместья уже были раздроблены, а зерно частично поставлялось из-за рубежа.¹¹ Экономическими «колониями» Англии стали Ирландия и Норвегия, хотя сама Англия по-прежнему оставалась «колонией» континента.¹² Кроме того, это было время законодательно оформленного включения Уэльса в состав владений английской короны*, что дало Англии внутреннюю колонию, превращенную в рассматриваемый период в скотоводческий регион.¹³

Экспортная торговля английской шерстью в XV веке также была в состоянии «неуклонного упадка»¹⁴ из-за испанской конкуренции, роста экспорта готовых тканей и потребности в шерсти текстильной промышленности в самой Англии. В частности, экспортные пошлины на шерсть, используемые государством в качестве налогового инструмента, «выступали тарифным спасением для зарождающейся английской текстильной промышленности».¹⁵ К 1614 году экспорт шерсти был вообще формально запрещен, одновременно Англия пыталась регулировать ирландскую торговлю шерстью, превращая Ирландию в экспортера сырой шерсти, а не тканей, причем экспортера исключительно в Англию.¹⁶

¹⁰ См. *Fisher, F. J.* Essays in Economic History, II, pp. 197–207.

¹¹ См. *Postan, M. M.* The Economic and Political Relations of England and the Hanse (1400 to 1475) / Eileen E. Power and M. M. Postan, eds. // Studies in English Trade in the Fifteenth Century (New York: Barnes and Noble, 1966, особенно pp. 139–141). Норман С. Б. Грас: «В эпоху Тюдоров произошло изменение величайшей важности... Окончилась былая продолжительная независимость Лондона от импортного зерна... Рост Лондона создал значительный спрос на хлеб, в свою очередь, обеспечивший становление организованной импортной торговли... Все это еще более интересно, если учесть, что в XVI веке значительно возрос общий объем зернового экспорта» (*Gras. The Evolution of the English Corn Market. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1915, 101–102.* См. *Malowist, Marian.* Histoire sociale: époque contemporaine // IXe Congrès International des Sciences Historiques. I: Rapports. Paris: Lib. Armand Colin, 1950, 310).

Срв. у ван Диллена: «В отличие от Нидерландов, Англия [в XVII веке] сама обеспечивала себя хлебом. Поэтому зерно, импортируемое в Англию, главным образом предназначалось для реэкспорта в Нидерланды» (*Van Dillen. Britain and the Netherlands, II, p. 134.* См. тж. *Everitt, Alan.* Agrarian History, IV, pp. 524–527).

¹² *Clark, G. N.* The Wealth of England from 1496 to 1760 (London: Oxford Univ. Press, 1946, 27–28). Однако Норвегия экспортировала сырье и в Шотландию, Данию и Нидерланды, что уменьшало ее зависимость от Англии (*Lythe. The Economy of Scotland, p. 147*).

¹³ «Административные изменения в Уэльсе в эпоху Тюдоров благоприятствовали развитию торговли скотом благодаря усмирению беспорядков в Валлийской марке» (*Skeel, Caroline.* The Cattle Trade Between Wales and England From the Fifteenth to the Nineteenth Centuries. // Transactions of the Royal Historical Society, 4th ser., IX, 1926, 138).

¹⁴ *Myers.* England in the Late Middle Ages, p. 132.

¹⁵ См. *Bowden, P. J.* The Wood Trade in Tudor & Stuart England (London: Macmillan, 1962, pp. 203–212).

¹⁶ См. *Postan.* Cambridge Economic History of Europe, II, p. 101.

У английской текстильной промышленности было две особенности, чрезвычайно важные для возникающего мира-экономики. Во-первых, это во все большей степени была *сельская* промышленность, а во-вторых, она вовлекала Англию в поиск обширных внешних рынков.

В одной из предыдущих глав мы упоминали теорию Мариана Маловиста, согласно которой в Англии, как и в других частях Европы, рецессия XIV–XV веков, ставшая причиной резкого снижения сельскохозяйственных доходов, привела к созданию сельской текстильной промышленности с целью получения дополнительной прибыли. С точки зрения капиталистов, сельская промышленность имела еще одно достоинство, поскольку на нее не распространялись устанавливаемые городскими цехами высокие ставки зарплат.¹⁷ Эта промышленность также использовала преимущества чрезвычайно дешевой энергии воды для сукновальных мельниц.¹⁸ Сельские производства выпускали текстиль «не самого высокого качества, но... при этом дешевый и потому более доступный для обедневшей знати и других не столь состоятельных покупателей».¹⁹ Такое расширение сельской текстильной промышленности в Англии с лихвой компенсировало какой бы то ни было экономический спад в городских центрах.²⁰ Однако в период экономического сжатия внутренний рынок был слишком мал, чтобы поддерживать производство на должном уровне. «Поэтому

¹⁷ См. *Postan*. Cambridge Economic History of Europe, II, p. 244. См. *Ramsey*. Tudor Economic Problems, p. 101.

¹⁸ «Резкий рост использования водяных мельниц позволил начиная с XII века достичь тех же результатов, которые прежде давали мельницы с ручным или ножным приводом. Для строительства мельниц наиболее подходили Костуолдс, Пеннинские горы и Озерный край*, где было много воды, и уже к началу XIV века текстильная промышленность перемещается в эти регионы. Для производства камвольных тканей, которые изготовлялись в основном в восточной Англии, не требовалось вала, поэтому производство не так зависело от воды. Но даже камвольные мануфактуры стремились перебраться в деревни из-за жесткой политики городских цехов. Попытки последних повышать цены на свою продукцию только ускорили их упадок, поскольку неорганизованные ткацкие работники в деревне были готовы получать меньшую заработную плату... Таким образом, развитие сельской текстильной индустрии в Англии в эпоху позднего Средневековья было связано новым технологиям и организационным формам, а не (как иной раз утверждают) фламандским ткачам, которых Эдуард III пригласил поселиться в Англии» (*Myers*. England in the Late Middle Ages, p. 56).

¹⁹ *Malowist*, M. Economic History Review, XII, p. 178.

²⁰ «Упадок [текстильного] производства в XIII веке в его доселе цветущих городских центрах столь же удивителен, как и одновременное распространение этого производства в сельской местности. Тем не менее, внимание историков до сих пор привлекала именно городская составляющая данной проблемы, на основании чего делались неверные выводы об упадке текстильного производства в целом» (*Carus-Wilson*, E. M. An Industrial Revolution of the Thirteenth Century. // *Economic History Review*, XI, 1941, 59). Эдуард Миллер: «Объем продукции [английской текстильной промышленности] резко вырос в течение XIV века, то есть в эпоху, которую многие ученые считают периодом экономического сжатия» (*Miller*. The Fortunes of the English Textile Industry During the Thirteenth Century. // *Economic History Review*, 2nd ser., XVIII, 1, Aug. 1965, 39–60).

промышленности пришлось искать рынки сбыта за рубежом. Начиная со второй половины XIV века это удалось сделать Англии и Голландии».²¹

Таким образом, текстиль стал средоточием английской экспортной торговли в условиях «раннего меркантилизма» (Постан),²² обеспечившим уход от экономической структуры XIII века, в которой большую роль играл экспорт зерна. Одним из аспектов данного процесса было вытеснение чужеземных купцов, в особенности итальянцев, происходившее в XV веке,²³ причем, конечно же, не без труда.²⁴ Еще сложнее было вытеснить купцов Ганзы, однако к XVI веку и это удалось довести до конца.²⁵

Текстильная торговля создала для Англии значительные трудности. Необходимость продавать готовую продукцию на многих рынках означала, что убытки англичан от действий конкурентов и политических осложнений на континенте могли быть более серьезными, чем в случае с относительно безопасной торговлей шерстью.²⁶ В силу этих причин английская текстильная

²¹ *Malowist. Economic History*, p. 179. Постан: «Пока основной статьей английско-го экспорта была шерсть, английским купцам не было нужды далеко ходить в поисках рынка и покупателей. Шерсть была сырьем для текстильного производства, немногочисленные центры которого были не только высоко сконцентрированы, но еще и находились под боком — в Нидерландах. Что же касается готового текстиля, то его надо было продавать потенциальным покупателям в основных центрах потенциального потребления, иными словами — людям по всей континентальной Европе и за ее пределами» (*Postan. Cambridge Economic History of Europe*, II, p. 245).

²² *Postan / Power and Postan, eds. // Studies in English Trade*, p. 103; срв. *Clark. Wealth of England*, pp. 39–40.

²³ См. *Ruddock, Alwyn A. Italian Merchants and Shipping in Southampton, 1270–1600* (Southampton: University College, 1951, passim).

²⁴ См. *Heers, Jacques. Les Génois en Angleterre: la crise de 1458–1466 // Studi in onore di Armando Sapori* (Milano: Instituto Edit. Cisalpino, 1957, II, 812, 824).

²⁵ См. *Postan. Studies in English Trade*, p. 101.

²⁶ «Существенная разница между торговлей шерстью и торговлей тканями в XV веке заключалась в тех условиях, на которых продавался каждый из этих товаров. За исключением поставок из Италии, шерсть на континенте покупалась у англичан в Кале — на ярмарке, которой владела Англия, и английское правительство открыто покровительствовало этому процессу. Напротив, регионы сбыта тканей, которыми иностранцы торговали на континенте с тем же успехом, что и англичане, простирались от Пруссии, вдоль западного побережья Европы и до Италии. Этот рассредоточенный и открытый для вмешательства недружественных сил рынок был более подвержен различным колебаниям, нежели сконцентрированный в одном месте и защищенный государством рынок английской шерсти в Кале, включавший также итальянскую долю торговли. Крупнейшими рынками сбыта английских тканей были Балтика (особенно Пруссия и Польша), Нидерланды и нижний Рейн, наконец, север Франции и Гиень. И вот между 1448 и 1476 годами Англия теряет Гиень, а балтийский и нидерландский рынки неспокойны из-за политических разногласий. Поэтому упадок текстильной торговли в данный период в определенной степени объясняется ситуацией в трех перечисленных рыночных зонах» (*Gray, H. L. English Foreign Trade from 1446 to 1482 / Eileen E. Power and M. M. Postan, eds. // Studies in English Trade in the Fifteenth Century. New York: Barnes and Noble, 1966, 25*).

промышленность в XV веке действительно пережила целый ряд неудач. И По-стан, и С. Т. Биндофф полагают, что именно эти неудачи стали основным мотивом для создания новой организации английских заморских торговцев — лондонской Компании купцов-авантюристов, официально основанной в 1486 году и монополизировавшей экспортные связи с Антверпеном.²⁷ Поэтому сокращение числа внешних рынков англичане компенсировали увеличением количества экспортируемой продукции. Более того, им пришлось заняться упорядочением торговли и повышением ее эффективности, поскольку, как отмечает Биндофф, «новое положение дел предполагало не только увеличение спроса на ткани определенного типа, востребованные иностранными покупателями, но и (это более важно) требование своевременности поставок на заморский рынок большего количества тканей».²⁸ К тому же, в отличие от нидерландских купцов, вовлеченных в конкуренцию своих городов, английские торговцы имели больше общих интересов, поэтому купцы-авантюристы могли «расчетливо уклоняться от каких-либо исключительных обязательств в пользу какого-либо города»,²⁹ сохраняя в сделках с отдельными городами экономически выгодное положение.

Положение Англии в сфере торговли имело еще один позитивный аспект. Английские налоги были не так обременительны, как в некоторых старых

²⁷ «К середине XV века английских купцов вытеснили из их наиболее удаленных форпостов, в конце столетия ими был утрачен скандинавский рынок. Связи с Пруссией и через Пруссию со всей Центральной и Восточной Европой сократились из-за продолжительного англо-ганзейского конфликта в 1430-х и 1450-х годах*. Концентрация английской торговли в Нидерландах, специализация английской индустрии на необработанной ткани, становление Компании купцов-авантюристов и утверждение ее монополии — все эти характерные черты английской торговли конца Средневековья восходят к крушению средневековой Английской империи в конце Столетней войны» (*Postan. Economic History Review*, XII, 1942, 3. См. *Postan / Power and M. M. Postan, eds., // Studies in English Trade*, p. 153).

«Однако нет сомнений, что англичане, избравшие Антверпен «ярмарочным городом» для своих тканей и из всех антверпенских «наций» того времени больше всего ценившие это место, имели для Антверпена второстепенное значение по сравнению с возникшим здесь рынком пряностей — основной цели, ради которой сюда стекались купцы со всей Европы. В течение XV века английские ткани боролись с многочисленными препятствиями за возможность получить перевалочный пункт в Нидерландах. Настойчивость английских купцов, которая будет столь щедро вознаграждена, стала преимуществом, порожденным необходимостью, поскольку именно неудачная попытка закрепиться на протяжении всего европейского побережья привела так много английских купцов к решению попытать счастья в Нидерландах. Более того, надо сказать, что как становление английской текстильной торговли в Антверпене, так и появление Компании купцов-авантюристов, которая стала руководить этой торговлей, были следствием не роста, а сжатия английской заморской торговли в целом» (*Bindoff, S. T. New Cambridge Modern History*, II, pp. 53–54).

²⁸ *Bindoff, S. T. Tudor England*, Vol. V of the *Pelican History of England* (London: Penguin Books, 1950), 20.

²⁹ *Bindoff. New Cambridge Modern History*, II, p. 54.

центрах торговли (например, во Фландрии и северной Италии), а техническая организация английской торговли была современной и поэтому более экономической, — уже не позднее начала «первого» XVI века это стало обеспечивать Англии конкурентные преимущества.³⁰ Таким образом, в начале «второго» XVI века Англия располагала цветущей экспортной торговлей, две трети объема которой направлялись в Антверпен, а еще одна треть — во Францию и страны Пиренейского полуострова. Торговый нетто-дефицит с Францией покрывался золотом благодаря положительному балансу торговли с землями Габсбургов. В общем, уже в начале Елизаветинской эпохи заморская торговля Англии представляла собой яркую картину.³¹

С началом «второго» XVI века Англия обладала как политическими, так и экономическими преимуществами. Можно утверждать, что Англия обладала исключительным внутренним единством, причем с довольно давних пор.³² Здесь нет необходимости рассматривать причины этого, тем более что в некоторой степени о них говорилось выше, однако отметим два основных тезиса. Во-первых, сама форма средневековой социальной структуры Англии, как было

³⁰ «В международной торговле или международных транзакциях [Англии] расходы на упаковку, транспортировку, разгрузку, юридическое оформление и налоги составляли незначительную часть конечной цены товара. Этот факт стоит подчеркнуть, поскольку на западе Европы торговля в XV веке велась в более благоприятных условиях, чем торговля Генуи, налоговая политика которой была гораздо более жесткой. В любом случае определенные технологии английской торговли (транспорт или вспомогательные операции) были существенно улучшены для обеспечения сравнительно низких цен. Идет ли речь о таких дорогостоящих товарах, как английские ткани, или же о дешевых продуктах типа квасцов, цены оставались невысокими, что было признаком более модернизированной экономики...

Условия кредита — также очень значимый фактор. В Лондоне можно было легко получить деньги без чрезмерных формальностей и использования более или менее незаконных методов» (*Heers. Studi in onore di Armando Saporì* (Milano: Instituto Edit. Cisalpino), 1957, II, p. 382).

³¹ «Заморская торговля Англии... представляла собой обмен единственного экспортного товара — тканей — на разнообразные продукты, многие из которых [Англия] не могла производить по климатическим причинам, а также на ряд промышленных товаров, удовлетворявших растущие потребности как изысканных и любящих роскошь высших классов, так и средних слоев. Такая модель стала результатом длительной, подлинно гигантской индустриализации, включавшей в себя аграрную революцию и изменение внутренней экономической модели в целом. Англия одевала крестьян Северной Европы, получая взамен значительную часть продукции, созданной силами европейских мастеров и импортируемой с Востока и Юга европейским торговым флотом. Баланс этой торговли зависел лишь от возможностей Европы управлять товарными потоками, транспортировать и приобретать ткани, которые Англия могла поставлять практически в неограниченном количестве» (*Stone, Lawrence. Economic History Review*, II, p. 39).

³² См. *Strayer. On the Medieval Origin of the Modern State*, pp. 44–45. Эли Ф. Хекшер отмечает, что Англия имела единую денежную систему уже при Генрихе II, во второй половине XII века, в то время как Франция пришла к этому только в 1262 году (*Heckscher. Mercantilism*, I, p. 119).

сказано, особенно удачно подходила для строительства сильной монархии.³³ Во-вторых, естественные географические условия островной Англии создавали меньше препятствий для деятельности монархов по централизации страны, чем природные условия континентальных стран.³⁴

Учитывая приведенные факторы, рассмотрим, каким образом монархи династии Тюдоров использовали большинство из этих «естественных» возможностей, и тем самым мы получим объяснение, почему Англия смогла реализовать свои потенциальные индустриальные преимущества во «втором» XVI веке.

Одним из факторов — его выдвигает на первый план Джефффри Р. Элтон — была так называемая Генрихова, или Тюдоровская, «административная революция», происходившая в 1530–1542 годах гением Томаса Кромвеля*, этого «самого радикального из модернизаторов».³⁵ Элтон утверждает, что именно этот период стал моментом реальных изменений, когда было создано современное суверенное государство: «Государство Тюдоров было национальной монархией. В значительной мере это была новая форма государственности для Англии. Несмотря на кажущийся акцент на фигуре монарха, на самом деле реальное значение здесь имел национальный характер государства».³⁶ Административная революция сопутствовала более существенной координации хозяйства страны, которой требовали развивающиеся капиталистические интересы. Если Англия собиралась стать единым актором в структуре

³³ Например, об этом говорит Марк Блок: «[Захват Англии Вильгельмом Завоевателем] произошел в тот самый момент, когда в ходе трансформации экономической и интеллектуальной жизни Запада сформировались благоприятные условия для борьбы с [политической] дезинтеграцией. Немаловажно, что норманнская монархия в Англии, рожденная успешной войной, похоже, практически с самого начала имела в своем распоряжении образованных людей и бюрократический аппарат...

Хотя [не следует ли сказать „поскольку“? — И. В.] в определенных отношениях ни одно государство не было более феодальным, чем Англия, подобного рода феодализм в конечном итоге повышал престиж короны. В этой стране, где каждый клочок земли был чьим-то владением, король был в буквальном смысле сеньором всех сеньоров, и нигде система военных феодалов не применялась более методично» (*Bloch. Feudal Society*, pp. 429–430).

³⁴ Например, см. у Хекшера: «Одной из двух главных причин [трудности создания централизованного государства в средние века] было бедственное состояние средств коммуникации, в частности наземных, которые в условиях примитивных технологий до эпохи Промышленного переворота всегда создавали больше сложностей в сравнении с водными путями сообщения, внутренними или прибрежными. Поэтому Англия, с ее исключительным отношением длины береговой линии к размеру территории, имела значительно лучшие возможности достижения политического единства, чем континентальные страны, из которых в худших условиях находилась Германия» (*Heckscher. Mercantilism*, I, p. 119. См. *Clark. The Wealth of England*, pp. 4–5, 44–45).

³⁵ Определение Хью Р. Тревор-Поупера, цит. по: *Trevor-Roper. England's Modernizer: Thomas Cromwell // Historical Essays* (New York: Harper, 1966, 74).

³⁶ *Elton, G. R. The Tudor Revolution in Government* (London and New York: Cambridge Univ. Press, 1953, 4).

мира-экономики, в ней не могло более оставаться нескольких существующих порознь экономик.³⁷

Элтон перечисляет целый ряд нововведений: новый подход к управлению финансами, централизацию администрации во главе с государственным секретарем, организацию Тайного совета в качестве инструмента координации разных составляющих системы государственного управления, упорядочение королевского хозяйства. В каждом из этих направлений была проведена реорганизация «для достижения большей определенности, специализации, бюрократического порядка».³⁸ Книга Элтона «Революция Тюдоров в государственном управлении» открыла одну из тех дискуссий между историками, в которых обсуждается, до какой степени должны прийти некие «различия», чтобы состоялся качественный скачок, — дискуссий бесконечных, ибо они не подкреплены количественными данными.³⁹

Была ли Генрихова Реформация подлинным новшеством? Были ли перечисленные административные изменения действительно революционными или же это просто был очередной шаг в процессе, который продолжался с XIV по XVII век? Разумной и взвешенной представляется позиция Кристофера Хилла:

«На протяжении средних веков [в английской политике] не прекращались колебания между более „бюрократическими“ правительствами под контролем баронов при слабом или юном короле и „дворцовыми“ правительствами под личным контролем короля, когда последний обладал достаточной силой. Однако в XVI веке этот круг был разорван. Министерства „вышли за пределы двора“, но при этом монарх не утратил контроль над ними...»⁴⁰

Одновременно, напоминает Хилл, этот период административного укрепления государства был «единственным эпизодом в истории Англии

³⁷ «Разные регионы Англии (а в некотором смысле даже разные города)... в XIV–XV веках имели собственную, отличную от других экономическую историю, примерно как экономическое развитие разных европейских наций в XIX веке правильно рассматривать в качестве в значительной мере самостоятельных историй... В этом отношении появление капитализма само по себе является мощным координирующим фактором». (*Dobb. Studies*, p. 21).

³⁸ *Elton. Tudor Revolution*, p. 415. Еще одним «фундаментальным изменением [был] переход от бюрократии, воспитанной при церкви или королевском дворе, к бюрократии, формируемой в министерском хозяйстве и затем задействованной на службе государству [p. 308]».

³⁹ См. *Williams, Penry & Harris, G. L. A Revolution in Tudor History? // Past & Present*, 25, July 1963, 3–58; *Elton, G. R. The Tudor Revolution: A Reply // Past & Present*, 29, Dec. 1964, 26–49; *Harris, G. L. & Williams, Penry. A Revolution in Tudor History? // Past & Present*, 31, July 1965, 87–96; *Elton, G. R. A Revolution in Tudor History? // Past & Present*, 32, Dec. 1965, 103–109.

⁴⁰ *Hill. Reformation to Industrial Revolution*, p. 28. Это более приемлемый вывод, нежели не лишённая крайностей версия Элтона: «В результате реформ 1530-х годов, направленных на бюрократизацию правительства, удалось достичь той преемственности [власти], которая характерна для современных государств и препятствует настоящей анархии даже во времена гражданской войны» (*Elton. Tudor Revolution*, p. 417).

начиная с 1066 года, когда страна не имела заморских владений (за исключением Ирландии)». ⁴¹ Поэтому административные таланты можно было сфокусировать на внутренних делах, что имело чрезвычайно важные и далеко идущие последствия.

Англия была способна обеспечить развитие мощного столичного города — силы, объединяющей страну культурно и экономически. ⁴² Кроме того, даже во времена беспорядков на континенте Англия могла сохранять внутренний мир без регулярной армии, и это также отчасти объясняет прогресс ее промышленности. ⁴³ Почему же Англии удалось избежать участия в европейских

⁴¹ Hill, *ibid.*, p. 25.

⁴² «В XVI веке происходит интеграция английских городов в национальную общность, достигшую беспрецедентной для континента степени единства... Значительное расширение Лондона и его растущая власть как объединяющей силы могут быть отнесены к периоду после Реформации... Используя в своих интересах установление законов, порядка и внутренней полиции, окончание феодальной войны в Уэльсе и на севере Англии, отмену лицензий на продажу товаров в определенных районах и медленное улучшение коммуникаций, купцы из Сити постепенно уничтожали привилегии местных администраций. Одновременно протестантские проповедники, финансируемые из Лондона, работали над тем, чтобы принести в самые дальние углы королевства правильное понимание религии, принятой в столице» (Hill. *ibid.*, pp. 25–27).

Хекшер также подчеркивает исключительное положение Англии по сравнению с континентом: «Ни в одной стране задача установления единой налоговой системы не была такой сравнительно простой, как в Англии, что определялось двумя факторами. Первым из них, как и во всех других сферах, была единая и несокрушимая сила английской монархии. Вторым фактором был приоритет морского транспорта, благодаря которому наземные маршруты и внутренние водные пути имели для Англии куда меньшее значение, нежели для таких сложных территориальных структур, как Германия и Франция...

Уникальность положения Англии объяснялась не только невысокими дорожными и речными пошлинами. Помимо этого, Англия смогла сформировать национальную таможенную систему, совершенно независимую от муниципальных пошлин и полностью находящуюся в руках государства, в рамках которой не существовало многочисленных исключений [из правил], а также практики таможенных откупов...

Более того, характерно не только то, что таможенное законодательство находилось в руках государства, но и то, что в нем рано появились различия между условиями экспортной и импортной торговли» (Heckscher. *Mercantilism*, pp. 46, 51, 52).

См. Luzzatto, Gino. *L'età moderna* (Padova: CEDAM, p. 14).

Барри Саппл формулирует вопрос экономической интеграции более консервативно: «Еще невозможно говорить о появлении национального рынка применительно к факторам производства или к большинству потребительских товаров. Однако региональная специализация и торговля сделали значительный шаг в направлении создания экономического баланса, который мог своевременно реагировать на неурядицы в торговле» (Supple. *Commercial Crisis*, p. 3). О росте лондонского рынка в качестве стимула национального экономического развития см. две статьи Ф. Дж. Фишера: Fisher. *The Development of the London Food Market, 1540–1640* / Carus-Wilson, ed., I, 135–51; Fisher. *The Development of London as a Centre of Conspicuous Consumption in the 16th and 17th Centuries* / Carus-Wilson, ed., II, 197–207.

⁴³ «В период перехода от Средневековья к Новому времени англичане в культурном отношении отставали от Западной и Центральной Европы включая запад и юг Германии, независимо от того, датировать ли Новое время начиная с конца XV века

религиозных войнах, если после мира в Като-Камбрези „внутренняя нестабильность Британских островов, [во многом объясняемая неопределенностью английского порядка престолонаследия], сделала их... опасной зоной и средоточием конфликтов в Западной Европе“⁴⁴ (Р. Б. Уэрнхем)? Главным образом благодаря этим конфликтам и относительному исчерпанию ресурсов Французской и Испанской империй (о чем мы уже говорили выше), наряду с бесстрашным Актом о супрематии 1559 года*, утверждавшим Англию в качестве англиканского государства,⁴⁵ в Западной Европе смогла появиться великая третья сила, определившая окончательное подчинение двуглавого империализма Габсбургов-Валуа множественному балансу сил.⁴⁶

За счет относительного внутреннего спокойствия и отсутствия постоянной армии страна испытывала меньшую нужду в налогах. Не требовалось и чрезмерно раздувать бюрократический аппарат, прибегая к продаже должностей. Расширение центральной власти происходило в большей степени посредством повышения эффективности бюрократии, нежели путем ее количественного увеличения и роста сопутствующих обременений.⁴⁷ Кроме того, это стало возможным в силу экономического положения самого

или еще раньше, сравнивать ли производственную и материальную цивилизации или нематериальные интеллектуальные достижения и формы жизни. Однако в следующем столетии английское общество совершило такой рывок, что к концу века стояло на одном уровне (хотя, возможно, в этом можно усомниться) со своими континентальными соседями. Достижения британцев были как абсолютными, так и относительными. С одной стороны, ускоренное развитие Англии действительно было обязано возросшим преимуществам островной территории, но, с другой, замедление развития на континенте в течение XVII века стало более заметным, чем ближе к концу XVI столетия...

Елизаветинская Англия получила выдающееся преимущество для предпринимательской деятельности — оно заключалась в том, что остальная часть христианского мира вела разрушительные войны, которые, к счастью для сообщества английских промышленников, исключительно неблагоприятно влияли на их промышленных и торговых конкурентов» (*Veblen, Thorstein. Imperial Germany and the Industrial Revolution. Ann Arbor, Michigan: Ann Arbor Paperbacks, 1966, 92, 98*).

⁴⁴ *Wernham, R. B. The British Question 1559–69 // New Cambridge Modern History, III: R. B. Wernham, ed., The Counter-Reformation and the Price Revolution, 1559–1610 (London and New York: Cambridge Univ. Press, 1968, 209).*

⁴⁵ См. *ibid.*, p. 212.

⁴⁶ *Ibid.*, p. 233.

⁴⁷ См. высказывание Хёрстфилда об этой общеевропейской (включая Англию) проблеме: «Затем европейские государства XVI века столкнулись с проблемой несоответствия относительно скудных собственных ресурсов и вечно растущих обязательств... [Государства] попали в такое положение, когда средние слои не могли (или не стали бы) нести на себе основную часть государственных расходов. Но если средние слои оказались не склонными к сотрудничеству, то отношение к ним самих монархов было принципиально двойственным... [Поэтому] монархи всей Европы предприняли множество изолированных попыток... обложить экономику налогами, используя развивавшиеся торговлю и производство в качестве дойной коровы. Все это неизбежно влекло за собой масштабные нарушения нормального течения экономических процессов.

монарха — крупнейшего английского землевладельца.⁴⁸ В чем же заключались интересы этого первого лендлорда в сравнительно изолированной и единой национальной экономике, сила которой должна была базироваться на новых производствах? Несомненно, интерес короля был двойственным, поскольку как землевладелец он стремился к максимальной прибыли от своих земель, а как король — к максимальному доходу от землевладельцев.⁴⁹ Одним из возможных вариантов решения этой дилеммы была попытка короны ограничить свою роль как землевладельца, но тогда монархии нужно было найти источник дохода взамен. В итоге корона в 1610 году предложила парламенту «Великий контракт»* — обмен своих феодальных прав на ежегодное содержание.⁵⁰ Однако данное предложение не прошло из-за несогласия сторон по поводу размеров этого содержания. Сразу после этого размеры доходов от королевской ренты стали сокращаться, так что неудачная попытка короля договориться с парламентом внесла свою лепту в напряженную политическую обстановку эпохи.

Итак, перед нами любопытное сочетание нестабильности и порядка во внутренних делах, административной революции и относительно небольшой численности бюрократии, сети национальных рынков и короля как крупного землевладельца — вот составные части того «парадоксального трюизма,

Наиболее ярким воплощением этих нарушений стала широкая торговля должностями» (*Hurstfield, J. New Cambridge Modern History, III, pp. 139–140*).

Однако вот мнение Кристофера Хилла об Англии: «Мир, который воцарился при Тюдорах, и отсутствие постоянной армии означали, что по стандартам континента английские налоги были относительно легкими... Небольшие ставки налогов, в свою очередь, внесли свою лепту в то, что Англии не удалось создать столь же сильную бюрократию, как, скажем, во Франции» (*Hill. Reformation to Industrial Revolution, p. 101*).

⁴⁸ «Основополагающим фактором восстановления значения королевской власти было восстановление королевского богатства; чтобы быть самым влиятельным лицом в королевстве, король должен был стать самым богатым. К концу XV века это фактически означало, что он должен быть крупнейшим землевладельцем» (*Elton. Tudor Revolution, p. 25*).

⁴⁹ «Эпоха английского абсолютизма началась с упразднения монастырей, что в экономическом отношении поддержало на плаву правящий класс и пополнило его новыми семьями из низестоящих групп благодаря передаче им монастырского имущества. Незадолго до этого лендлорды стремились восстановить свою экономическую мощь посредством огораживаний и повышения рент, однако эти меры вызывали недовольство крестьян и создали потребность в сильном централизованном правительстве, которое смогло бы политически усилить экономическое и социальное могущество лендлордов. Однако это поставило абсолютную монархию перед дилеммой, которую она так никогда и не смогла разрешить, — она-то и вызвала ее падение. Если развязать руки землевладельцам, то это спровоцирует крестьянские бунты, угрожающие свергнуть правящий класс, — если же ограничить землевладельцев и защищать крестьян, то неизбежен мятеж правящего класса, который может стать угрозой монархии» (*Manning, Brian. The Nobles, the People, and the Constitution // Past & Present, 9, Apr. 1956, 48*).

⁵⁰ См. *Batho, Gordon. Landlords in England. A. The Crown // The Agrarian History of England and Wales, Joan Thirsk, ed., IV: 1500–1640 (London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, 273)*.

что стюартовская Англия была одновременно и „хорошо управляемой“ страной, и государством с очень скромным правительством» (Джеральд Эйлмер).⁵¹ В действительности именно этот парадокс и является секретом относительного успеха Англии. Чтобы понять это, необходимо обратиться к центральной дискуссии современной английской историографии — спору о природе высших классов Англии в столетие, предшествующее революции середины XVII века, и о функции пресловутых «джентри».

Подробный разбор литературы по этой проблеме, которую Дж. Х. Хекстер назвал «бурей вокруг джентри»,⁵² рождает ощущение присутствия при быстром и, похоже, бесконечном взаимном обмене ударами, где каждый очередной выпад блестяще парируется оппонентом и так далее *ad infinitum* [до бесконечности — лат.]. Требуется скорее не вдаваться в детали этой полемики, чтобы понять, что в ней переплелись между собой две разных проблемы: во-первых, дискуссия по основополагающим вопросам английской истории «второго» XVI века; во-вторых — спор о фундаментальных направлениях развития современной социальной науки. Уяснив этот момент, необходимо приложить определенные усилия, чтобы заметить, как некоторые участники дискуссии посреди спора фактически молниеносно переключаются с одной проблемы на другую, хотя при этом возникает иллюзия, что они ведут одну и ту же, недвусмысленную игру.

Если этот спор непросто распутать, то лишь потому, что сама по себе история вопроса слишком сложна. Начнем с рассмотрения того, что, как считается, произошло с английским землевладением.

Фрэнк Спунер считает, что глубокий экономический кризис, который потряс Европу между 1540 и 1560 годами, «в Англии был особенно суров...»⁵³ Безусловно, это обстоятельство выступило одним из факторов, способствовавших официальному провозглашению Реформации, что позволило осуществить конфискацию владений монастырей и прочей церковной собственности. После этого корона продала большую часть монастырских земель с целью обеспечить немедленный доход, а также политическую консолидацию. Тем самым монархия стимулировала у покупателей земли «сильную заинтересованность в протестантизме» (Кристофер Хилл).⁵⁴ Это политическое решение резко увеличило

⁵¹ Aylmer, G. E. *The King's Servants* (New York: Columbia Univ. Press, 1961, 7).

⁵² Hexter, J. H. *The Myth of the Middle Class in Tudor England // Reappraisals in History* (New York: Harper, 1963, 117–162).

⁵³ Spooner. *New Cambridge Modern History*, III, p. 15. Лоуренс Стоун утверждает, что с 1540 года начался «период из трех циклов все более головокружительного бума и глубоких спадов, который кончился фискальным коллапсом 1553 года» (*Stone. State Control in Sixteenth-Century England // Economic History Review*, XVII, 1, 1947, 106).

⁵⁴ Hill, Christopher. *Some Social Consequences of the Henrician Revolution // Puritanism and Revolution* (New York: Schocken Books, 1958, 44). Марк Блок предполагает, что «упразднение монастырей (1536–1539) ускорило слияние классов. Большая часть монастырских земель была роздана или продана короной. В выгоде от этого оказались все классы: знать, джентри (многие из них служили у монахов управляющими либо обрабатывали их земли), торговцы (лондонские купеческие гильдии)» (*Bloch. Seigneurie française*, p. 122).

количество земли, доступной на рынке, что ускорило весь процесс расширения капиталистических методов хозяйствования до таких пределов, которые в то время не были известны ни одной европейской стране (за исключением, возможно, Северных Нидерландов).⁵⁵ Стоило земле поступить в оборот, как она продавалась снова, а нередко еще и еще раз. К чему вел данный процесс в перспективе следующих 75 лет? — ответ на этот вопрос представляется одним из краеугольных камней дискуссии.

Два аргумента, выдвинутых в ранних работах Р.Г. Тони, представляются сравнительно общепризнанными. Во-первых, Тони полагает, что «тенденция к формированию активного рынка земли должна была в целом увеличить долю средней собственности, уменьшив при этом объем собственности крупной».⁵⁶ Отметим, однако, что из данного положения не обязательно следует ответ на вопрос, кому же принадлежала эта «средняя» собственность — пэрам или джентри?⁵⁷ Второй аргумент Тони таков: изменение структуры земельной собственности привело к появлению «более предпринимательской разновидности сельского хозяйства».⁵⁸ Опять же, здесь мало с чем можно поспорить.

Но какова была социальная принадлежность тех, кто контролировал землю? Здесь и начинается та самая буря. То, что каждый очередной исследователь продолжает давать отличные от предшественников определения таких понятий, как аристократия, джентри (высший слой джентри, низший слой джентри, просто джентри, дворянство (*gentlemen*)) и йомены, является не просто проблемой из области семантики, хотя и последняя играет здесь свою роль. Неслучайно именно по этому пункту ученые спорят особенно ожесточенно, поскольку суть дела в том, что данный период английской истории был не только моментом экономических изменений и небывалой индивидуальной социальной мобильности, но и временем изменения самих социальных категорий. Не только мы не можем окончательно решить, как обозначать крупные социальные группы, — сами люди той эпохи находились в подобном положении.⁵⁹

⁵⁵ См. *Clark. Wealth of England*, pp. 64–65. Лоуренс Стоун считает, что неудобства английской системы наследования также были причиной того, что знать продавала определенную часть своих земель» (*Stone. The Crisis of the Aristocracy, 1558–1641*, сокращ. изд. London: Oxford Univ. Press, 1967, 76–88).

⁵⁶ *Tawney, R. H. The Rise of the Gentry, 1558–1640* / E. M. Carus-Wilson, ed. // *Essays in Economic History*. New York: St. Martin's, 1965, I, 202.

⁵⁷ В частности, это главный предмет спора для одного из наиболее резких критиков Тони, Дж. П. Купера, предполагающего, что многие пэры имели поместья средних размеров, а многие незнатные люди, напротив, владели более чем десятком поместий (*Cooper. The Counting of Manors* // *Economic History Review*, 2nd. ser., VIII, 3, 1958, 381–383).

⁵⁸ *Tawney. Essays in Economic History*, I, p. 189.

⁵⁹ «Невозможно не пойти неверным путем, рассматривая истоки современного общества в жестких „классовых“ терминах, особенно если последовательно сводить определение класса к марксистской трехчленной классификации. В некоторый момент времени наемные работники могут действовать против своих хозяев, после чего они же, напротив, могут выступать уже на стороне хозяев против давления на торговый капитал либо же выступать против правительства. Крестьяне с легкостью могли одновременно

Однако признать текучесть понятий в определенную эпоху не означает признать бесполезность их использования. Напротив, это должно напомнить ученому о его обязанности отважно подвергать всё сомнению.

Чтобы разрешить эти противоречия, необходимо следовать терминам рассматриваемого нами дискурса, поэтому мы последовательно обратимся к аристократии, джентри и йоменам. При этом не стоит забывать, что «благодаря экономическим изменениям наиболее предприимчивые из [тех, кто контролировал землю, к какому бы классу они ни принадлежали], спешили перейти к новым методам управления имениями... Они могли много приобрести, приспособив свое хозяйство к новым условиям торговли, и много потерять, если бы были слишком консервативны, придерживаясь старых методов».⁶⁰ Представляется вполне очевидным, что в данном случае не существовало полного соответствия между социальным статусом и способностью адаптироваться к требованиям капиталистического сельского хозяйства. Лоуренс Стоун изображает аристократию виновной в «некомпетентном управлении» большими имениями при «усиливающемся пристрастии к нескрываемому расточительству», в связи с чем «разрыв между доходами и расходами превращался из небольшой трещины в широкую пропасть».⁶¹ Вдобавок аристократия должна была нести на себе значительные расходы по судебным тяжбам и бремя публичной службы, поскольку «Тюдоры правили при помощи неоплачиваемой бюрократии».⁶² Однако

подняться как против королевских планов урезать полномочия *их собственных* [крестьянских] феодалов, так и против попыток последних увеличить феодальные повинности. На уровне страны в целом крестьяне никогда не достигали реальной солидарности, в отличие от угнетавших их горожан. Каждый человек принадлежал к нескольким социальным группам: своей семье, своей гильдии (*corps de métier*), своему городу или деревне, своему графству (*county*) — это слово в XVI было аналогом современного понятия „страна“ („country“), то есть принадлежал именно своей стране, и своему экономическому классу. Несомненно, чаще всего человек определял себя при помощи сочетания нескольких из названных социальных статусов, например, „ткацким работником из Норфолка“, а не вообще ткацким работником либо вообще человеком из Норфолка. Представление о том, что в отдельной личности исходит от нее самой, а что — от ее [социальных] статусов и связей, просто зависело от обстоятельств конкретного момента. Вопрос о том, принадлежность к какому статусу была для личности „основополагающей“, — это вопрос без ответа не только потому, что сложно оценить фактические данные, но и потому, что в подобном случае выбор редко бывает абстрактным и делается скорее в контексте конкретных ситуаций» (*Davies, C. S. L. Les révoltes populaires en Angleterre (1500–1700) // Annales E.S.C., 24, I, janv. — févr. 1969, 59–60*). То, что Дэвис говорит о способе и сложностях самоопределения в процессе социальной идентификации, конечно же, верно, но все не противоречит марксистской классовой модели: у Маркса содержатся уточнения ровно такого же характера. Однако позиция Дэвиса полезна напоминанием о том, что в это время для многих людей классовая принадлежность носила региональный, а не национальный характер.

⁶⁰ Tawney. The Agrarian Problem, p. 195.

⁶¹ Stone, Lawrence. The Anatomy of the Elizabethan Aristocracy // Economic History Review, XVIII, 1 & 2, 1948, 3–4.

⁶² Ibid., p. 15.

стремление аристократов увеличить свои доходы было тщетным: они сдавали свои земли в длительную аренду ради быстрых денег, делали чрезмерные займы, полагались на милость государства до тех пор, пока последнее могло или хотело дать им хоть что-нибудь, — и все без толку:

«Истощение экономических ресурсов аристократии... непрерывно продолжалось в течение всей Елизаветинской эпохи... К 1603 году казалось, что вся иерархическая структура тюдоровского общества стояла на грани неотвратимого исчезновения».⁶³

Однако несколько лет спустя все тот же Стоун будет воспевать воображение и предприимчивость все тех же аристократов все той же Елизаветинской эпохи:

«В этот период пары выполняли роль, в которой ни один другой класс — ни джентри, ни торговцы — не могли с ними состязаться... Значение аристократии в эту эпоху заключалось в ее желании стимулировать и финансировать новые предприятия, которые более осторожными социальными группами воспринимались как рискованные и поэтому не могли найти поддержку в их среде. Поскольку во времена Тюдоров крупные шахты и металлургическая промышленность по-прежнему оставались новыми отраслями экономики, именно они стали локомотивами роста. Еще одной новой сферой были океанская торговля и заморские открытия, которые занимали столь же видное место в начинаниях аристократии».⁶⁴

Представляется, что аналогичным образом инициативы знати не миновали и ее поместья:

«Старинная знать демонстрировала удивительную готовность... развивать в своих поместьях новые ресурсы... Социально-экономический упадок аристократии на фоне подъема джентри между 1558 и 1642 годами, очевидно, нельзя объяснять отсутствием у аристократов предпринимательской инициативы».⁶⁵

Два портрета аристократии, созданные Стоуном, сложно согласовать между собой. Данные Стоуна относительно серьезного финансового кризиса аристократии подверглись значительной критике, но сам он лишь частично

1

⁶³ Ibid., pp. 37–38. См. у Тони: «Пока едва ли можно свести воедино данные, позволяющие выносить общие суждения, однако, похоже, не будет преувеличением утверждать, что многие знатные фамилии (хотя и не только они одни) в течение двух поколений перед Гражданской войной столкнулись с финансовым кризисом» (Tawney. *Essays in Economic History*, I, p. 181).

⁶⁴ Stone, Lawrence. *The Nobility in Business, 1540–1640* // *Explorations in Entrepreneurial History*, X, 2, Dec. 1957, 61.

⁶⁵ Ibid., p. 60.

уступил под ее напором, так и не сдавшись полностью.⁶⁶ Поэтому вслед за Х. Р. Тревор-Роупером можно легко задать следующий вопрос:

«Если „в 1600 году более чем две трети английской аристократии не просто жили не по средствам, а балансировали на грани финансового краха“, [...] то как следует понимать тот факт, что они пережили не только эту надвигающуюся угрозу, но и куда более серьезный кризис последующих шестидесяти лет? При этом излишества аристократии не уменьшились... Как же им это удалось?»⁶⁷

Объяснение Тревор-Роупера заключается в том, что затруднительное положение аристократии «изначально присутствовало, но не имело ничего общего с раздутыми данными г-на Стоуна», а сами аристократы «цепко держались» за свои земли, поэтому после 1600 года рост стоимости земли сделал для успехов аристократии «больше, чем король Иаков I или любой другой монарх».⁶⁸ Однако оказалось, что Стоун не смог оспорить это мнение, хотя он уточняет, что рост цен на землю начинается только с 1620 года:

«Даже самый некомпетентный [представитель землевладельческих классов] не смог бы не заработать на серьезном увеличении среднего уровня рент

⁶⁶ См. *Trevor-Roper, H. R. The Elizabethan Aristocracy: An Anatomy Anatomized // Economic History Review*, 2nd ser., III, 3, 1951, 279–298 и ответ: «Впрочем, г-н Тревор-Роупер, возможно, прав, обвиняя меня в преувеличении длительности воздействия кризиса 1590-х годов» (*Stone, Lawrence. The Elizabethan Aristocracy — A Restatement // Economic History Review*, 2nd ser., IV, 1, 2 & 3, 1951–52, 311). В заключительном разделе Стоун утверждает: «Отрицание [Тревор-Роупером] того факта, что елизаветинская аристократия пребывала в полном экономическом упадке, представляется противоречащим очевидным фактам... [р. 320]». См. тж. *Cooper. Encounter*, XI, р. 388; *Stone, Lawrence. Letter to the Editor // Encounter*, XI, 1, July 1958, 73; *Hexter J. H. Letter to the Editor // Encounter*, XI, 2, Aug. 1958, 76.

⁶⁷ *Trevor-Roper. The Elizabethan Aristocracy: An Anatomy Anatomized // Economic History Review*, III, pp. 290–291.

⁶⁸ *Ibid.*, pp. 291–292. П. Дж. Боуден предлагает еще одно объяснение, почему упадок был менее серьезным, чем предполагают некоторые исследователи: «Однако даже из таких обстоятельств не обязательно следовало, что лендлорд был вынужден испытывать сокращение реального дохода. Сделанное ранее предположение, что рента была единственным источником дохода лендлорда, неверно. В XVI–XVII веках этот доход формировался из разных источников. Большинство лендлордов сами занимались сельским хозяйством, чтобы обеспечить нужды, по крайней мере, собственного имения, если не рынка...

Помимо рентного дохода и участия в сельскохозяйственном производстве, [...] важнейшим источником дохода для большинства лендлордов однозначно был лес» (*Bowden. Agricultural Prices, Farm Profits, and Rents // The Agrarian History of England and Wales / Joan Thirsk, ed., IV: 1500–1640. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, 675, 677*). Из того факта, что одна часть рент была фиксированной, а другая нет, Боуден делает два вывода: «Номенклатура (range) рент для различных землевладений [расширялась]», в то время как «различия между рентными ставками для земель разного качества [сокращались]» [pp. 689, 693].

в начале XVII века, после чего соответствующий рост цен сократил негативное влияние фактора неэффективного управления собственностью».⁶⁹

Дж. Х. Хекстер, критикующий как Стоуна вместе с Тони, так и Тревор-Роупера, считает, что

«бум на земельном рынке начался примерно в 1580-х годах и продолжался, похоже, и в последующие столетия... В целом повсеместный рост стоимости земли, очевидно, сулил наибольшую валовую прибыль тем, у кого было больше всего земельных ресурсов, то есть тому самому сегменту землевладельческого класса, которому Тони и Тревор-Роупер приписывают экономическое бессилие».⁷⁰

Однако, за исключением частного спора по поводу дат, позиция Хекстера не вступает в противоречие со Стоуном и Тревор-Роупером. Наконец, обратимся к значительно отличающейся от предыдущих четвертой позиции, которую сформулировал Кристофер Хилл. Вот его мнение по интересующему нас вопросу:

«Таким образом, части аристократии — но не всему классу в целом — Реформация принесла экономические потери. Следует с осторожностью рассматривать процесс [перехода земли из рук в руки], чтобы не увидеть в нем нечто „антифеодалное“. На самом деле уничтожение [монастырей] в определенном смысле вело к усилению феодализма, поскольку этот процесс прежде всего преумножил наследственные земельные владения... Церковная собственность, перешедшая к [монархии], быстро растворилась в частных руках... Поэтому в краткосрочной перспективе Реформация усилила положение правящего класса светских землевладельцев, хотя и ослабила некоторых, доселе могущественных его представителей».⁷¹

Итак, если разногласий по поводу аристократии оказывается меньше, чем казалось на первый взгляд, то можно ли утверждать то же самое относительно джентри — исходного предмета спора? Безусловно, термин «джентри» более расплывчатый — Купер отмечает некоторые связанные с ним трудности:

«Сословие пэров является группой лиц, которые обладают законодательно определенным статусом, принадлежащим... лишь одному представителю мужского пола от каждой фамилии. Поэтому, согласно классификации профессора

⁶⁹ Stone. *The Crisis of the Aristocracy*, p. 94.

⁷⁰ Hexter, J. H. *The Storm Over the Gentry // Reappraisals in History* (New York: Harper, 1963, 133). Если стать на позицию Хекстера, то изначально в этой дискуссии было две стороны — Тони и Тревор-Роупер, однако он, Хекстер, изобличил обоих соперников как «псевдомарксистов», противопоставив им собственную «виговскую интерпретацию». Тем более курьезным оказывается, что при более подробном рассмотрении аргументы Хекстера можно, по сути дела, разбить на три части: 1) аргументация фактически в духе Тони («худшая» из возможных, по мнению Кристофера Хилла), 2) аргументация по Тревор-Роуперу и 3) аргументация, отличная от первых двух. При этом нет полной уверенности, что последний кусок пирога самый большой. Кроме того, судя по цитатам, Хекстер иной раз изобретает несуществующие различия.

⁷¹ Hill. *Puritanism and Revolution*, pp. 36–37.

Тони, младшие сыновья пэров и их наследники оказываются в числе джентри. Крупные землевладельцы при наличии такой возможности обычно были более щедры по отношению к своим сыновьям в плане денег или земли, чем это иной раз предполагают... Такого рода ассигнования определенно влияли на распределение собственности... Поэтому, в отличие от пэров, ряды джентри пополнялись не только снизу, но и сверху... Кроме того, эти две группы несравнимы и в другом отношении: сословие пэров представляет собой группу, четко определенную правовым статусом, в то время как для определения принадлежности к джентри подобные критерии неприменимы. [В случае с джентри] это классификация по уровню богатства и до определенной степени по образу жизни... Несмотря на то, что после 1603 года пэрство можно было приобрести, вступление в ряды пэров никогда не было просто тестом на состоятельность и соответствующий образ жизни.⁷²

Кто же такие джентри? Джентри — это еще не пэры, но уже и не «йомены», хотя последний термин столь же сложен для определения, как и джентри. Однако вслед за этим оказывается, что джентри — это не только младшие сыновья пэров, но и другие категории, такие как рыцари, эсквайры и джентльмены, что должно внести ясность в положение дел. В иерархической лестнице феодального общества обнаруживается множество категорий, которые предписывали ранг, обязанности, привилегии и почести. Эти ранги постоянно развивались, и даже если династическая непрерывность была, безусловно, нестабильным фактором, изменение доходов так или иначе соответствовало изменению статуса. На уровне системы стратификации расширение капиталистического сельского хозяйства отразилось в появлении новой категории — «землевладельцев» (*landowner*), внутри которой, безусловно, могло быть собственное членение в соответствии с размером имения. Термин «джентри» как раз и возник для обозначения этих капиталистических землевладельцев. Другие термины при этом не исчезли, однако понятие «джентри» было своего рода ярлыком для определенной социальной группы, и по мере его постепенного распространения прочие термины либо становились его частью, либо исчезали. В елизаветинскую эпоху все еще существовали «аристократы» и «йомены», как минимум дополнявшие «джентри», — в XX веке реально существуют одни только «фермеры». Мы не достигнем искомой цели ни путем отождествления «джентри» с определениями этого понятия в некоторый момент времени, ни путем выяснения, какой в этот момент должна быть социальная реальность*. В случае с «джентри» суть дела в том, что это был не только формирующийся класс, но еще и формирующееся понятие — похоже, это был тот случай, когда новое вино разливают в старые бутылки. Мне представляется абсолютно верной точка зрения Ф. Дж. Фишера: «В результате экономических изменений XVI–XVII веков не столько появились новые категории людей, сколько уже существующие группы получили новые возможности и воодушевились новыми веяниями».⁷³

⁷² Cooper. *Encounter*, XI, p. 381. Хекстер также стремится различать пэров и аристократию, рассматривая младших сыновей пэров как «аристократов», а не как «джентри» (*Hexter. Reappraisals in History*, p. 127).

⁷³ Fisher, F.J. *The Sixteenth and Seventeenth Centuries: The Dark Ages in English Economic History?* // *Economica*, n.s., XXIV, 93, 1957, 17. Фишер напоминает также, что старое

Кристофер Хилл, судя по всему, напротив, усиливает путаницу своей формулировкой проблемы:

«Безусловно, следует начать с того, что „джентри“ не представляли собой экономический класс. Они были классом в социальном и правовом смысле, но экономически они были разделены. Столетие инфляции перед 1640 годом было великим водоразделом, в ходе которого во всех группах английского общества происходило экономическое разделение. Одни йомены стремились оказаться в рядах знати — другие опускались вниз. Одни пары собирали обширные имения — другие стояли на грани банкротства. Аналогичным образом, если собрать соответствующие примеры для „джентри“, то можно легко доказать как „подъем“, так и „упадок“ этого класса, поскольку для одних семей было характерно первое, а для других второе».⁷⁴

Хотя данное Хиллом эмпирическое описание социальных фактов представляется безупречным, его теоретические выводы с точки зрения марксистского содержания понятия «класс», похоже, упускают главное. Джулиан Кромвелл утверждает, что «признаком джентри было владение землей».⁷⁵ Термин «джентри» появлялся для обозначения группы людей, имевших одинаковое отношение к средствам производства, а именно занятых рыночным производством владельцев земли, право наследования которой не было ограничено. Этот процесс не мог протекать в чистом виде, поскольку люди по-прежнему ценили социальные привилегии, установленные старинным правом,⁷⁶ однако в XVI веке

значение категорий по-прежнему не утратило свою социальную релевантность: «И если одной лишь земли было недостаточно для получения пропуска к социальному счастью, то вход в ряды знати не был закрыт. На первый взгляд, система статусов XVI–XVII веков и в самом деле не представляется слишком благосклонной к тем, кто поднимался вверх по социальной лестнице. Надо полагать, эта система — по крайней мере, в ее наиболее грубых проявлениях — оставалась, по существу, биологической, поскольку в ее основе лежал „цветной барьер“ (colour bar)*, хотя в данном случае более значимым был цвет крови, а не цвет кожи. Статус человека в меньшей степени зависел от его собственной исключительности, нежели от наличия у него выдающегося предка. И чем более отдаленным был этот предок и, соответственно, чем меньше его крови текло в жилах человека Елизаветинской эпохи, тем выше был статус последнего. На мой взгляд, одной из наиболее патетических историй XVI столетия было стремление лорда Бёрли** — великого человека с точки зрения любых рациональных критериев — доказать свое происхождение от валлийского князя, который, судя по всему, никогда не существовал, а если даже и существовал, то, видимо, мало чем отличался от овец своих родных холмов [pp. 13–14]».

⁷⁴ Hill, Christopher. Recent Interpretations of the Civil War // Puritanism and Revolution (New York: Shoken Books, 1958), 8.

⁷⁵ Cromwell, Julian. The Early Tudor Gentry // Economic History Review, 2nd ser., XVII, 3, 1965, 470. Кромвелл добавляет: «Фактически именно джентри были высшим земельно-владельческим классом, значительно превосходившим в численности пэров, которых в то время в любом случае было немного».

⁷⁶ В этой связи Тони утверждает, что джентри (или в данном случае, скорее, сословие сквайров) занимали «позицию, определяемую не правовым установлением, но согласно общему признанию...» (Tawney. Essays in Economic History, I, p. 174).

и позже преобладающим фактором, объединявшим разных людей в категорию «джентри», была именно общая экономическая природа (thrust) их деятельности. В пределах экономического класса одни могут быть богаче либо более успешны на рынке, чем другие, однако разница в доходах — это не показатель того, что некоторая группа не является классом.

Итак, какой свет все сказанное проливает на уже ставшую классической дискуссии о джентри? Суть позиции Тони заключается в том, что джентри были группой, чей образ жизни лучше обеспечивал выживание в эпоху инфляции, нежели образ жизни расточительных пэров или залетных спекулянтов. «По сравнению с авантюристами, которые спекулировали ни разу не виденной ими в глаза недвижимостью, местные джентри были оседлым населением, противостоявшим банальным грабителям».⁷⁷ В сопоставлении с представителями аналогичной группы во Франции их преимущество заключалось в том, что «в силу безжалостной английской системы наследования, которая приносила личность в жертву институтам*, они оставались немногочисленной и стойкой группой».⁷⁸ В политическом отношении английские джентри были более сильны, чем соответствующая группа в Голландии, «полностью порвавшая со своими традиционными (ritual) корнями»,⁷⁹ поскольку джентри «сочетали связь с родными местами и с народом, значимую для выступления в роли его представителей, с аристократической аурой „младшей знати“ (*nobiles minores*), разыгрывая то одну, то другую карту с тактичным, но безжалостным реализмом».⁸⁰ Поэтому джентри являются отражением того самого процесса преемственности элит, который, как полагает Анри Пиренн, был сутью социальной истории капитализма.⁸¹ В результате «политические институты [оказались] несоответствующими экономическим реалиям», что неизбежно вело к Английской революции, возглавленной «восходящим классом» джентри и вызванной

⁷⁷ Ibid., p. 197.

⁷⁸ Ibid., p. 174.

⁷⁹ Ibid., p. 175. Данная оценка положения дел в Голландии была оспорена в недавней докторской диссертации, автореферат которой уже издан, где доказывается, что для голландской экономики того времени деревенский сектор во всех отношениях был столь же значим, как и для английской (*De Vries, Jan. The Role of the Rural Sector in the Development of the Dutch Economy: 1500–1700 // Journal of Economic History, XXXI, 1, Mar. 1971, 266–268*).

⁸⁰ Tawney. *Essays in Economic History*, I, p. 175.

⁸¹ «В своей хорошо известной работе профессор Пиренн утверждал, что капиталисты каждой последующей эпохи обычно рекрутируются не из предшествующего [поколения], но из лиц низкого происхождения, которые пробивали себе путь вверх, со временем формируя новую плутократию. Выполнив эту задачу, они, как и предыдущая генерация капиталистов, впадали в самодовольную апатию, и их, в свою очередь, также смещало новое поколение. В некоторые промежутки времени нечто вроде подобного чередования прогресса и стагнации можно наблюдать и в истории землевладельческих классов. Одним из таких примеров были три поколения до написания работ Харрингтона**» (*Tawney, R. H. Harrington Interpretation of His Age // Proceedings of British Academy, 1941, 218*).

«безличными силами, слишком мощными для того, чтобы парламент и монарх могли их контролировать».⁸²

Как хорошо известно, Тревор-Роупер в своей критике позиции Тони не только оспорил приводимые им статистические данные и операции с индексами (coding operations),⁸³ но и предположил, что сама базовая модель политической сферы у Тони безосновательна:

«Я уже выдвигал гипотезу, что не земля, а государственная служба стала фундаментом для многих, несомненно, „восходящих“ семейств, и теперь я хотел бы развить эту гипотезу дальше. Я полагаю, что существенным различием между землевладельческими сообществами при Тюдорах и Стюартах было не разграничение „старых“ и „новых“ землевладельцев, то есть пэров и джентри, а разделение землевладельцев на „двор“ и „деревню“, на обладателей должностей и просто землевладельцев...

Какие состояния нажили чиновники Генриха VIII, осуществив национализацию монастырской собственности! Ведь для них и для их местных агентов-джентри, которые были чиновниками в графствах, фактически открылся доступ к самым выгодным сделкам с землей...

А что можно сказать о простых джентри, у которых не было таких возможностей? Как и всякий приз, который становится более ценным, эти возможности оказались от них еще дальше».⁸⁴

Поэтому Гражданскую войну в Англии можно рассматривать (по крайней мере, отчасти) как восстание задавленных налогами «обычных» джентри против ренессансного двора.

Наконец, Дж. Хекстер настаивает, что существовала и «третья группа английских землевладельцев».⁸⁵ По его мнению, исследование парламентской оппозиции Стюартам демонстрирует, что по происхождению эта оппозиция была не «изголодавшимся по власти деревенским средним классом» (точка зрения Тони), поскольку ее составляли «богатые сельские джентри» (так ли это отличается от позиции Тони?), и не «угнетенной рассерженной деревенщиной» (как сказал бы Тревор-Роупер), поскольку оппозиция была «группой лиц с великолепным образованием» (разве на деле это несопоставимо с мнением Тревор-Роупера?)⁸⁶

⁸² Ibid., p. 207.

⁸³ См. *Trevor-Roper, H. R. The Gentry, 1540–1640* // *Economic History Review*, Supplement 1, 1953, 4–24. Продолжение этой части дискуссии см. в: *Tawney, R. H. Postscript* / E. M. Carrus-Wilson, ed. // *Essays in Economic History* (New York: St. Martin's, 1965, I, 206–214); *Cooper. Encounter*, XI, pp. 377–81; *Hexter. Reappraisals in History*, pp. 124–129; *Hill. Recent Interpretations*, p. 9.

⁸⁴ *Trevor-Roper. Economic History Review*, pp. 26, 27, 30.

⁸⁵ *Hexter. Reappraisals in History*, p. 131.

⁸⁶ Ibid., pp. 135–136. В другом месте Хекстер, никогда не упускающий возможность блеснуть образностью, но не любящий статистику, говорит о раннестюартовской Англии: «Тот вакуум, который возник по причине временной недееспособности магнатов, заполнили сельские джентри — не проворные настойчивые джентри профессора Тони

Однако если следовать позитивным утверждениям Хекстера, то фактически мы получим довольно четкое представление о социальной роли джентри, хотя это будет иная картина, нежели та, к которой, видимо, рассчитывал привести нас сам Хекстер. С одной стороны, в своих рассуждениях он утверждает, что «мы по-прежнему остаемся перед лицом проблемы, которую начал разрабатывать Тони... Почему в этой конкретной исторической ситуации именно „деревня“ оказалась лидером средних социальных страт? Почему именно среди джентри, а не, напротив, среди аристократии?»⁸⁷ Суть ответа Хекстера заключается в том, что политическое восхождение джентри следует объяснять ростом военной мощи короля при одновременном упадке военной мощи региональных магнатов. «Следовательно, джентри эпохи Тюдоров были более независимы в своих действиях, нежели их предшественники времен Ланкастеров и Йорков...»⁸⁸ Как многие заметили по этому поводу, разве кто-то когда-либо говорил нечто иное? По остроумной ремарке Стоуна, «„бог из машины“, призванный г-ном Хекстером обосновать рост политической мощи джентри, оказывается совершенно поверхностным объяснением. Хекстер утверждает, что аристократия утрачивала военный контроль. Безусловно, так — но почему это происходило?»⁸⁹ Таким образом, мы возвращаемся всё к тем же основным факторам, которые обсуждались выше (вслед за Тони и Тревор-Роупером): рост бюрократического государственного аппарата и развитие капиталистического сельского хозяйства — а также их взаимосвязь.⁹⁰

и не замшелые захудалые джентри профессора Тревор-Роупера, но богатые, хорошо образованные рыцари и сквайры, которые заседали в парламенте при Иакове I и Карле I. [р. 148]». См. комментарий Купера об отношении Хекстера к статистике: «В конечном итоге, в отличие от профессора Хекстера, я уверен, что если бы в первую очередь проводилось более тщательное исследование счетов и рентных записей, а количественному подсчету поместий уделялось меньше внимания, то спор никогда не принял бы свою сегодняшнюю форму. В благодарность г-ну Стоуну я должен добавить, что это было его первое погружение в тему, в связи с чем он посвятил подобным исследованиям значительное время. Я думаю, что мы с г-ном Стоуном как минимум согласились бы с необходимостью продолжения этих исследований вместо отказа от них, как предлагает профессор Хекстер» (*Cooper. Letter to the Editor // Encounter*, XI, 3, Sept. 1958, 74).

⁸⁷ *Hexter. Reappraisals in History*, p. 142.

⁸⁸ *Ibid.*, p. 147.

⁸⁹ *Stone, Lawrence. Encounter*, p. 74.

⁹⁰ «Если мы больше не можем безоговорочно принимать тезис профессора Тони о том, что между 1540 и 1640 годами джентри поднялись за счет пэров или же что пэры времен Иакова I как-то совершенно иначе, чем пэры елизаветинской эпохи, управляли своими имениями, то не будет противоречием утверждать, что внутри класса землевладельцев происходил подъем определенных семейств. Многие из них (особенно в начале эпохи Стюартов) были обязаны улучшением своего статуса доходам от должностей, профессиональной деятельности или торговли, а не тому, что приносила их земля» (*Batho, Gordon. Landlords in England. B. Noblemen, Gentlemen, and Yeomen // Agrarian History of England and Wales, IV: Joan Thirsk, ed., 1500–1640. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, 285*). Однако, добавляет Бато, «в том обстоятельстве, что некоторые семейства поднялись по социальной лестнице, не следует преувеличивать значимость обладания должностями

Далее Хекстер берется за «миф о среднем классе». Однако здесь он действительно бросает вызов либерализму XIX века, а не «бессознательному» марксизму, который, по его мнению, лежит в основе практически всей современной экономической истории.⁹¹ Фактически анализ Хекстера не так далеко отстоит от Тони и Тревор-Роупера. Хекстер утверждает, что Тюдоры были не на стороне среднего класса, за исключением «небольшого внутреннего круга лиц тюдоровских купцов-банкиров», группы «придворных капиталистов».⁹²

На самом деле политика Тюдоров была очень последовательной:

«Обычно эта политика вполне уважала сложившиеся права, защищая старые интересы и создавая новые в виде возникающих предприятий... Не в правилах Тюдоров было как упрямо загромождать путь изменениям, так и позволять им происходить спонтанно — напротив, их политика стремилась стать во главе перемен, привести их, как тогда говорили, к некоему правилу, согласному с добрым порядком».⁹³

Кроме того, добавляет Хекстер, Тюдоры во многом «считали средний класс стадом дойных коров своей державы».⁹⁴

Однако именно Лоуренс Стоун подчеркнул то, в какой степени Тюдоры осуществляли экономический контроль, ставя на первое место усиление военной силы государства и тем самым покровительствуя отдельной группе предпринимателей, а не всему буржуазному классу в целом,⁹⁵ а суть аргумента Тревор-Роупера заключается в том, что джентри восстали против уготованной им роли дойных коров.

и политическим влиянием. В то время как крупные прибыли доставались немногим счастливым, большинство придворных и чиновников на центральных постах в правительстве даже во времена Стюартов получали мизерное жалование и не могли позволить себе иных, более крупных доходов, помимо официальных [р. 289].»

⁹¹ Hexter J. H. A New Framework for Social History // *Reappraisals*, p. 14.

⁹² Hexter J. H. *Reappraisals in History*, pp. 103, 105.

⁹³ *Ibid.*, p. 109.

⁹⁴ *Ibid.*, p. 110.

⁹⁵ «Первая половина XVI века была временем осторожных, но при этом наиболее многочисленных экспериментов в сфере контроля над экономикой, однако нет доказательств, что одновременно увеличивалась свобода торговли...

Главной целью Тюдоров в области управления экономикой была безопасность, а не процветание...

Однако парадокс тюдоровского правления и, возможно, конечную причину коллапса всей системы следует искать в том, что тюдоровская программа патерналистского государства, или же программа социальной справедливости и консерватизма, в определенный момент была принесена в жертву более насущным потребностям постепенного установления автаркии и обеспечения финансирования войн любыми способами. Все тюдоровские правительства были априори самыми решительными противниками социальных изменений и новых буржуазных классов, от которых, как принято считать, исходила наибольшая поддержка монархии» (*Stone. Economic History Review*, XVIII, pp. 109, 111, 115).

Наконец, утверждает Хекстер, не надо думать, что дух капитализма возник лишь в XVI веке — ведь он существовал уже задолго до того, или что «землевладельцам XVI века требовались пример и воодушевление со стороны городских торговцев»,⁹⁶ чтобы заняться капиталистическим сельским хозяйством. Всё так. Но значит, мы вновь возвращаемся к тому, что возникающий капиталистический класс формировался из разных социальных слоев.⁹⁷

Что же в этом странного? Как мы успели заметить, подобные явления в европейском мире-экономике случались повсеместно.⁹⁸ Несомненно, различным подгруппам внутри класса «джентри» были присущи собственные способы политического самовыражения. Например, Баррингтон Мур предположил, что описанные Тревор-Роупером «хиреющие джентри» находились в политической оппозиции, и это полностью совпадает с политической оппозицией «восходящих джентри» у Тони. Мур цитирует Тони: «Очень многие джентри стагнировали либо опускались в низшие социальные слои. В то же время легко обнаружить знатных лендлордов, которые шли в ногу со временем и самостоятельно приобрели большую часть своей собственности».⁹⁹ Далее Мур говорит о тех, кто «стагнировал»:

«Эти „брюзги и ворчуны“ могли составить определенную часть радикальных элементов, выступивших на стороне Кромвеля и пуританской революции, хотя радикальные импульсы в основном возникали на гораздо более низком уровне социальной лестницы. Таким образом, под влиянием торговли и некоторых отраслей промышленности английское общество раскалывалось на части сверху вниз, так что при этом в центре внимания временно смогли оказаться очаги радикального недовольства, порожденные теми же капиталистическими силами... В ходе ломки старого порядка на поверхность выходят те части общества, которые терпят поражение в результате воздействия длительных экономических трендов. Именно они совершают значительную часть

⁹⁶ Hexter. *Reappraisals in History*, p. 91, срв. тж. pp. 83–84.

⁹⁷ По мнению Кристофера Хилла, этот процесс мог происходить так: «Представляется, что за столетие Революции цен некоторые фермеры, йомены и мелкие лендлорды первыми приобрели необходимые для успеха буржуазные качества: бережливость, усердие, готовность непомерно повысить ренты и следить за ситуацией на рынках, сократить потребление и реинвестировать прибыли. Пэры и более крупное дворянство, которые сохраняли традиционные для своего класса потребительские стандарты, адаптировались медленнее и продолжали пускать на ветер такие суммы, которые не могли компенсировать их рентные доходы. Именно эти люди ради своего экономического выживания ставили себя во все большую зависимость от двора» (*Hill. Reformation to Industrial Revolution*, pp. 65–66). Однако это не более чем вопрос о степени данной зависимости.

⁹⁸ Специфическое сравнение Венгрии и Англии делает Жигмонд П. Папц: «[Землевладельцы в роли торговцев] — это не оригинальное для [Венгрии] явление, аналогичные процессы происходят в данный период в Англии. Речь идет о „новом дворянстве“ — об английских джентри, которые, по сути дела, получали в форме ренты то, что причиталось им в качестве феодальной повинности. Они участвовали в торговле шерстью, пшеницей и другими товарами и, экспроприировав земли мелких крестьян и фермеров, стали использовать свою собственность открыто буржуазным способом» (*Pach. Annales E.S.C. XXI*, p. 1230).

⁹⁹ Tawney. *Essays in Economic History*, I, p. 186.

связанной с насилием „грязной работы“ по разрушению старого режима, тем самым очищая место для новых общественных институтов. Для Англии главной грязной работой этого сорта был символический акт отсечения головы Карла Первого». ¹⁰⁰

Возможно, Хекстер прав в своем предположении о трех типах землевладельцев — «восходящих», «хиреющих» и прочих, а также весьма правдоподобно, что политическую оппозицию составляли первые две группы джентри, а не третья, — таковы отправные точки для понимания политики раннего периода правления Стюартов. ¹⁰¹ Однако для оценки направления социальных изменений гораздо важнее рассмотреть возникновение джентри не как процесс появления новой экономической силы или даже самостоятельного политического субъекта, а как процесс формирования соответствующей социальной категории.

Концентрируясь на деталях, мы можем обнаружить необоснованность слабо аргументированных положений общего характера, но в то же время упустить из виду действие вековых изменений. Лоуренс Стоун, проделав подобный детальный анализ проблем социальной мобильности в Англии рассматриваемого периода, указывает, что в его исследовании не принимались во внимание два важных сдвига в структуре английского общества:

«Во-первых, поляризация общества на богатых и бедных: высшие классы становились сравнительно многочисленными, их реальные доходы росли; бедных также становилось все больше, но их реальные доходы падали. Во-вторых, среди высших классов возникло большее равенство: а) богатство и мощь крупных джентри выросли до уровня аристократии, б) торговцы и представители профессиональных сообществ увеличили свое богатство, численность и социальный статус, поднявшись до уровня, сопоставимого с классами землевладельцев». ¹⁰²

Дж. Хёрстфилд занимает аналогичную позицию, подчеркивая влияние этих сдвигов на политику во «втором» XVI веке:

«Английская аристократия никогда не превращалась в касту, а джентри-землевладельцы никогда не становились мелкой знатью. Соответственно, средние и высшие классы находились в значительно более близком отношении друг к другу, нежели к монархии, а во времена кризиса у них было гораздо больше общего между собой, чем с короной». ¹⁰³

Ключевым в рассуждениях и Стоуна, и Хёрстфилда является процесс возникновения новой классовой категории, внутри которой «старое» различие

¹⁰⁰ Moore, Barrington Jr. *Social Origins of Dictatorship and Democracy*. Boston: Beacon Press, 1966, 16.

¹⁰¹ В связи с этим абсолютно прав Кристофер Хилл: «Нам нужно прекратить делать какие-либо обобщения относительно джентри» (*Hill. Puritanism and Revolution*, p. 27).

¹⁰² Stone, Lawrence. *Social Mobility in England, 1500–1700 // Past & Present*, 33, April 1966, 28–29.

¹⁰³ Hurstfield. *New Cambridge Modern History*, III, p. 148.

между аристократами и джентри теряло свою значимость. Как резюмирует Перес Сагорин, для Англии общей тенденцией «долгого» XVI века «была передача командных высот в общественной жизни людям, .. способным использовать капитал в сельском хозяйстве, торговле и промышленности»¹⁰⁴ — и этот сложносоставной класс обогащался за счет крестьянства.¹⁰⁵ Пример Англии является хорошей иллюстрацией теоретического положения Оуэна Лэттимора: «В любом постепенно меняющемся обществе стоящие у власти всегда хватаются за остатки старого порядка и в то же время принимают лучшее из того, что предлагает порядок новый, [и в какой-то момент это приводит] к значительным изменениям...»¹⁰⁶

Если «джентри» были просто наименованием для становившихся отдельным классом капиталистических фермеров, то кем же тогда были йомены? Ситуация с этой категорией вполне похожа на рассмотренную историю с джентри, то есть это был существовавший и прежде социально-правовой термин*, содержание которого эволюционировало в течение XVI века. Милдред Кэмпбелл, тщательно проанализировав в своей книге об английских йоменах различные контексты употребления этого слова и его соотношение с такими понятиями, как «фермер», «джентльмен», «фригольдер», «домовладелец»** и «работник», язвительно

¹⁰⁴ Zagorin, Perez. The Social Interpretation of the English Revolution // Journal of Economic History, XIX, 3, Sept. 1959, 388 и далее: «Класс, формирование которого мы рассматриваем, постоянно пополнялся, естественным образом включая в себя разнородные по статусу, достатку и источнику доходов элементы. Однако, несмотря на эти и прочие различия, члены этого класса были одного поля ягодами. Они составляли единый экономический класс, поскольку их общей характеристикой было обладание капиталом, который они использовали в целях получения прибыли и дальнейшего накопления [p. 389]».

¹⁰⁵ «Конечным результатом крупномасштабного перераспределения земли в период 1500–1700 годов представляется перемещение через определенные социальные границы примерно четверти всего земельного фонда. В одних случаях эти границы переходил сам землевладелец вместе со своей землей, в других границы пересекала лишь земля при смене ее владельца. От этого процесса выиграли крупные землевладельцы и джентри, а проигравшими — возможно, в примерно равных пропорциях — оказались первоначальные владельцы земли: корона и церковь, а также крестьяне...

В XVI веке структура землевладения менялась под давлением рынка, а именно под давлением растущего спроса на сельскохозяйственную продукцию. Переход от натурального хозяйства в направлении хозяйства коммерческого оказал соответствующее воздействие на крестьянство. В создавшейся ситуации не только владельцы поместий стали максимально использовать свои законные права, но и удачливые и предприимчивые йомены получили возможность преуспеть. Вместе с тем структура землевладения менялась и под давлением конкурентного мира социальных статусов, и благодаря стремлению новоявленного торгового капитала обезопасить себя путем вложения своих капиталов в землю. В свою очередь, статус требовал защиты — в сфере потребления, а не в необходимости слуг и приспешников, и это был еще один способ давления на позиции крестьян» (Thompson, F. M. L. The Social Distribution of Landed Property in England since the Sixteenth Century // Economic History Review, 2nd ed., XIX, 3, 1966, 515).

¹⁰⁶ Lattimore, Owen. Inner Asian Frontiers of China, p. 123.

замечает: «Первоначально ясно лишь то, что никакой разницы между ними не существует».¹⁰⁷ Кэмпбелл заключает, что

«статус йомена приобретает довольно определенный характер при рассмотрении его в соотношении с другими социальными группами. Йомены представляли собой зажиточный деревенский средний класс, основными заботами которого были земля и сельскохозяйственные интересы. Эта группа располагалась „в нейтральной зоне между величием и нищетой“, служа Англии, как это и полагалось „средним людям“... находившимся между джентри и крестьянами».¹⁰⁸

Для того чтобы оценить роль этой группы, необходимо вернуться к рассмотренной в предыдущей главе эволюции системы английского землевладения. У Маркса в его анализе происхождения капиталистической земельной ренты присутствует ключевой тезис, который часто упускают из виду при интерпретации его теории:

«Когда рента принимает форму денежной ренты и вместе с тем отношение между крестьянином, уплачивающим ренту, и земельным собственником принимает форму договорного отношения — превращение, возможное вообще лишь при уже данном относительно высоком уровне развития *мирового* рынка, торговли и промышленности, — необходимо начинается и предоставление земли в аренду капиталистам, которые до того времени стояли далеко от земледелия и которые теперь переносят в деревню и сельское хозяйство нажитый в городах капитал и уже развившийся в городах капиталистический способ ведения хозяйства, производство продукта только как товара и только как средства для присвоения прибавочной стоимости. Общим правилом эта форма может стать *лишь в странах, которые при переходе от феодального к капиталистическому способу производства господствовали на мировом рынке*».¹⁰⁹

Значение этого указания Маркса состоит в том, что, вопреки общепринятому убеждению, процесс трансформации системы землевладения в Англии не был уникальным явлением. Напротив, по мере того, как Англия (а также Голландская республика) во «втором» XVI веке (и еще более в конце XVII и XVIII столетиях) все более оказывались центральной зоной европейского мира-экономики, данный процесс здесь шел дальше и быстрее именно потому, что эти страны являлись центром. Принципиально важно, что для получения выгоды

¹⁰⁷ *Campbell, Mildred*. The English Yeomen Under Elizabeth and the Early Stuarts. New Haven, Connecticut: Yale Univ. Press, 1942, 25.

¹⁰⁸ *Ibid.*, p. 61.

¹⁰⁹ *Маркс*. Капитал, том III, гл. XLVII, секция IV, с. 869. Курсив добавлен. Далее у Маркса: «Это проникновение капитала в земледелие как самостоятельной и ведущей силы совершается не разом и везде, а постепенно и в особых отраслях производства. Он захватывает сначала не собственно земледелие, а такие отрасли производства, как животноводство, особенно овцеводство, основной продукт которого, шерсть, при подъеме промышленности дает на первых порах постоянный избыток рыночной цены над ценой производства, что выравнивается лишь впоследствии. Так было в Англии в XVI веке [с. 871–872]».

от центрального торгового и финансового положения в мире-экономике следует более эффективно использовать ресурсы. В Англии землевладельческим классам оказалось более выгодным прийти к системе полного отчуждения земли, в то время как аналогичные классы в Польше (и даже, например, в южной Франции) обнаружили свое преимущество в том, чтобы сдерживать движение в этом направлении.

Для того чтобы земля стала полностью отчуждаемой, а товарное производство оказалось преобладающим направлением сельского хозяйства, необходимо не только ликвидировать различные типы системы феодального землевладения — следует, кроме того, устранить фермерское крестьянское хозяйство, поскольку крестьяне могут держаться за землю и заниматься побочными видами производства из собственных соображений, а не ради максимизации прибыли. Как же на самом деле происходил процесс ликвидации крестьянства в Англии?

Хротгар Джон Хабаккук указывает, что существует три способа экспроприации земель у крестьян: (1) изгнание крестьян из их владений с последующим включением этих земель в поместье; (2) принуждение крестьян к пожизненному владению землей в обмен на уменьшение рентных платежей; (3) уничтожение прав крестьянской общины. Хабаккук утверждает, что во «втором» XVI веке эти формы экспроприации были эффективно реализованы лишь на тех крестьянах, которые арендовали землю на ограниченных условиях или пожизненно без права продления договора, оценивая долю таких земледельцев в 35% всего крестьянского класса.¹¹⁰ Что касается продажи земель, то картина далеко не однозначна:

¹¹⁰ См.: *Habakkuk, H. John. La disparition du paysan anglais // Annales E.S.C.*, XX, 4, juil. — août 1965, 652–654. Тони показывает, как правовая система работала на подобное положение дел: «Если новая хозяйственная система стала прибыльной благодаря экономическим факторам, то не менее справедливо, что конкретные лица, в чью пользу распределялась прибыль, определялись правовыми факторами... Многие из тех, кто арендовал землю на основании обычного права, в больших масштабах занимались разведением овец, поэтому непросто отыскать какое-либо экономическое объяснение, почему те же самые крестьяне, в чьих домах шерсть чесали, пряли и вязали, не поставляли эту же самую шерсть, необходимую для развития текстильного производства, на рынок. Определяющим фактором... здесь было то, что правовые условия, на которых владело землей подавляющее большинство мелких земледельцев, позволяли выдавливать их с земли с помощью бесконечных штрафов и выселять их наследников после смерти землевладельцев, поскольку последние в основном обладали лишь пожизненными бумагами на землю. К их несчастью, защита, которую суды начиная с XV века предоставляли копигольдерам, сводилась лишь к принудительному применению норм поместного права... Мелкие земледельцы той эпохи жили, как и в прежние времена, — с довлеющими над ними пережитками крепостного землевладения, опутанные сохранявшимися остатками узаконенного бесправия Средневековья. Однако они не знали подлинной безопасности, которую давало крестьянам средневековое обычное право, и болезненно ощущали на себе размах современной торговли, оставаясь незащищенными со стороны всеобъемлющего современного государства — единственного института, который мог облегчить этот процесс» (*Tawney. Agrarian Problems*, pp. 406–408). (Заметим, что Тони говорит о «подавляющем большинстве мелких земледельцев», не вдаваясь в исследование этой эмпирической проблемы столь подробно, как Хабаккук).

«В [этот] промежуток времени, [...] безусловно, существовали господа (*seigneurs*), которые покупали землю у крестьян, но были и такие крестьяне, которые накапливали столько добра, что поднимались до ранга джентри. Так или иначе, результат был один: сокращение размеров крестьянской собственности. Существовали также крестьяне, покупавшие выставленные на продажу крупные поместья или же получавшие землю в аренду по копигольду. Общий итог перечисленных процессов неизвестен. Тем не менее, все эти приобретения, возможно, обернулись для крестьянства выгодой, а не потерей: в то время как сеньоры, с одной стороны, изымали крестьянскую землю, крестьяне, в свою очередь, наживая имущество, по крупицам отнимали поместья у их владельцев».¹¹¹

Окончательное превращение английского сельского хозяйства в капиталистическое было еще впереди. В XVI веке йоменам по-прежнему принадлежала определенная роль: в это время для мелкого землевладельца рост коммерциализации сельского хозяйства создавал не только «опасности», но и «возможности». Кэмпбелл не без доли романтического красноречия говорит о йоменах как о вполне героической группе:

«Интриганы землевладельцы и жаждущие земли соседи были всегда готовы извлечь выгоду из человеческого несчастья. Несмотря на то, что рост цен в основном происходил постепенно, порой без предупреждения случались инфляционные скачки с непредсказуемыми последствиями. К этому бедствию эпохи прибавлялись другие: еще одной постоянной утрозой были неконтролируемые эпидемии, повсеместно случались пожары, а какое бы то ни было страхование практически отсутствовало. Если наступал черный день, то нужно было иметь под рукой сбережения — в противном случае приходилось залезать в долги...

Однако когда стоит вопрос о жизни и смерти, то человек обычно пытается вынырнуть на поверхность, если обстоятельства не оборачиваются целиком против него... Поэтому, несмотря на подстерегавшее со всех сторон непостоянство обстоятельств, тот мелкий собственник, что обладал прилежанием и избытком предприимчивости, более чем когда-либо прежде за всю историю английского землевладения ухватился за свои возможности. Те, кому

Запутанность системы наследования была, кроме того, главным фактором роста городского класса юристов. Чем больше земли де факто становилось отчуждаемой, тем большей была необходимость в более строгом определении индивидуальных прав. Для мелкого земледельца возможной альтернативой принудительной продаже и прочим нежелательным изменениям в праве наследования было нанять юриста, чтобы защитить себя от полулегального вмешательства в свои права.

«В дополнение к частным купцам, их агентам и приказчикам, в XVI веке возникла небольшая, но мощная элитная группа юристов-профессионалов. В каждом провинциальном городе, вне зависимости от его размера, была собственная гильдия нотариусов, адвокатов и клерков; такие графства, как Нортгемптон или Мэйдстоун, могли насчитывать полдюжины подобных лиц, которые происходили от мелких землевладельцев, но при этом нередко преподносили себя как „джентльменов“...» (*Everitt. Agrarian History*, IV, p. 555).

¹¹¹ *Habakkuk. Annales E.S.C.*, XX, p. 657.

удалось справиться с невзгодами, обнаружили возможность заработать на высоких ценах и увеличении спроса, что еще больше стимулировало их усилия, ведь прибыль рождает желание еще большей прибыли».¹¹²

Йомены не получили прямых выгод от упразднения монастырей, но в действительности смогли отхватить свой кусок пирога и здесь.¹¹³

¹¹² *Campbell. English Yeomen*, pp. 68–69. Эрик Вольф приводит более убедительный анализ условий, благодаря которым крестьяне стали ориентироваться на увеличение производства для рынка: «Таким образом, вечная проблема крестьянства состоит в том, чтобы балансировать между спросом со стороны внешнего мира и потребностями по обеспечению собственного хозяйства. Сталкиваясь с этой коренной проблемой, крестьяне могут следовать двум диаметрально противоположным стратегиям. Первая состоит в расширении производства, вторая в сокращении потребления.

Если крестьянин идет первым путем, то он должен увеличить производительность труда в своем хозяйстве, для того чтобы повысить его продуктивность. Тем самым возрастает объем продукции, с которой можно выходить на рынок. В данном случае возможности крестьянина в основном зависят от того, насколько легко он может мобилизовать необходимые факторы производства: землю, труд, капитал (в любой форме: сбережения, наличные деньги или кредит) — и, конечно же, от общих условий на рынке...

Прежде всего [эта стратегия] оказывается возможной, когда ослабляются традиционные права сеньора на изъятие крестьянских средств в форме различных рент, — похоже, что это происходит, когда становятся неэффективными властные структуры, посредством которых крестьянские сбережения перекачивались в казну крупных феодалов. Во-вторых, этот путь предсказуемо возникает там, где крестьянин мог избежать принудительного участия в традиционных социальных связях и сопутствующих этому церемониальных расходах. Если крестьянин мог отказаться от того, чтобы пустить на эти цели свою прибыль, то он мог использовать освободившиеся средства для поддержания собственного экономического роста. Два эти изменения часто шли рука об руку. Как только внешняя властная структура ослабевала, многие традиционные социальные связи также утрачивали присущие им санкции. В подобной обстановке в деревенском сообществе мог происходить подъем состоятельных крестьян, которые становились на ноги отдельно от своих менее удачливых соседей и заполняли вакуум власти, образовавшийся после ухода ее держателей из более высокопоставленных слоев. В ходе этого процесса состоятельные крестьяне постоянно нарушают традиционные для своего класса ожидания в сфере реализации и символического выражения социальных отношений, нередко используя свою новообретенную силу для самообогащения за счет соседей. Такими группами были становящийся класс *йоменов* в Англии XVI века, богатые китайские крестьяне, *кулаки* в дореволюционной России» (*Wolf. Peasants*, pp. 15–16).

¹¹³ «Возможно, в первые годы после конфискации монастырских земель на этом обогатились лишь немногие йомены, поскольку монастырская собственность в первую очередь уходила крупным землевладельцам в качестве даров и платы за услуги либо же продавалась. Однако много монастырской собственности попало в руки спекулянтов и тем самым — на рынок, так что к концу XVI века, после многочисленных разделов и переделов, эти земли оказались доступны и для мелких покупателей» (*Campbell. English Yeomen*, pp. 70–71).

Джойс Юингс предупреждает о возможных преувеличениях: «Очень многие монастырские земли были перепроданы их первоначальными покупателями, а некоторые сменили своих владельцев по несколько раз. Однако рынок не был настолько оживленным и на нем не было столько спекулянтов, как утверждают многие исследователи... Кроме

Как уже указывали многие исследователи, в рассматриваемую нами эпоху существовало две разновидности огораживаний: огораживание крупных поместий для создания пастбищ и объединение небольших наделов земли для более эффективного земледелия. Именно в последнем случае главную роль играли йомены, и эта роль становилась все более важной, поскольку имела значимые социальные последствия в виде роста предложения продуктов питания и, в отличие от огораживаний первого типа, не встречала сильного политического противодействия.¹¹⁴ Часть усовершенствований в области сельского хозяйства была обусловлена другими факторами, повышавшими производительность труда. Джоан Тирск приписывает их

«использованию более интенсивного севооборота в сочетании с обильным унавоживанием, использованию улучшенных сортов зерна и — возможно, это самое главное — впечатляющему увеличению общей площади запашки в результате рекультивации пустошей и превращению пастбищ в пашни... Более обильное унавоживание пашни, конечно же, оказалось возможным благодаря большому количеству животных, что имело следствием значительный рост предложения мяса, шерсти и других продуктов животного происхождения. Увеличение поголовья скота стало возможным благодаря удобрению пастбищ и лугов, росту площади весенних пастбищ, организации полива лугов в западной части страны, повсеместному выращиванию вики* и возросшему числу летних пастбищ за счет использования топей и благодаря мелиорации прибрежных болот и фена. Эти улучшения пахотного и пастбищного хозяйств шли рука об руку, помогая друг другу, и содействовали развитию специализации и взаимозависимости регионов».¹¹⁵

того, смена владельцев не всегда была чистой продажей. Не принимались во внимание расписки между партнерами об уступке прав на часть собственности, а некоторые из „перепродаж“ определенно могли быть простыми расписками о передаче прав собственности от агентов в пользу их принципалов» (*Youings. Landlords in England. C. The Church // Agrarian History of England and Wales, IV: 1500–1640 / Joan Thirsk, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, 349–350*). Более того, Юингс указывает, что «для большей части светских владельцев, будь то джентльмены или йомены, более быстрый доход сулила сдача собственности в аренду, нежели приобретение монастырских земель [р. 348]».

¹¹⁴ «Среди тех, кто отщипывал землю по кусочкам, как правило, были и йомены, однако в сравнении с другими группами они почти не подвергались порицанию со стороны своих современников и по большей части не заслужили позора и в глазах более поздних авторов. Тот факт, что мелкие огораживания обычно применялись для улучшения обработки земли, а не для превращения пашни в пастбище, также помог йоменам избежать большей части хулы, свалившейся на головы тех, кто путем огораживаний способствовал процессу депопуляции» (*Campbell. English Yeomen, p. 91*).

¹¹⁵ *Thirsk, Joan. Farming Techniques // Agrarian History of England and Wales, IV: 1500–1640 / Joan Thirsk, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, 199*. Курсив добавлен. В отличие от разницы между Англией и Уэльсом, в пределах самой Англии не столь уверенно можно утверждать о слишком большой региональной специализации. По крайней мере, И. Дж. Букач в своем исследовании систем налогообложения показывает, что «модель географического распределения богатства в Англии... оставалась, по существу, неизменной с конца XIII до конца XVII века, фундаментально

Включение Уэльса в систему английского разделения труда поддержало процесс перестройки сельского хозяйства, поскольку принятие английских правовых форм, в первую очередь права первородства, создало серьезную неопределенность в системе валлийского землевладения, что обеспечило благоприятные условия для появления в Уэльсе крупных поместий. «Для всего Уэльса то было время создания поместий, когда закладывались основы успехов целых семей».¹¹⁶ Особенно активно этот процесс шел в «англизированных низменностях», где обнаруживалось «заметное неравенство в размерах наделов...».¹¹⁷ Подозреваю, что процент англичан среди тамошних землевладельцев был непропорционально высок, поскольку перестройка сельского хозяйства, начавшаяся вместе с огораживаниями, в Уэльсе имела, похоже, еще больший размах, чем в Англии. Уэльс и до этого момента страдал от «хищнических технологий»,¹¹⁸ однако с аграрной перестройкой вытеснение местного населения достигло невиданных ранее размеров — люди эмигрировали в Англию, скорее всего, чтобы влиться в ряды люмпен-пролетариата, а многие валлийцы, как уже говорилось, в конечном итоге стали наемниками.

Кэмпбелл утверждает, что это было время «земельного голода».¹¹⁹ «В таких условиях никто не был столь же алчен до земли, как йомены».¹²⁰ И эта алчность полностью окупилась, судя по имеющимся у нас свидетельствам о строительстве жилья в сельской местности в Англии 1570–1640 годов, то есть в период «Великой перестройки», которую, согласно Уильяму Дж. Хоскинсу, осуществляли «крупные домовладельцы (husbandmen), йомены и мелкие джентри — все эти группы в основном происходили из одной и той же средневековой социальной среды».¹²¹ Однако для Лоуренса Стоуна сей факт является еще одним доказательством «подъема джентри»¹²² — иными словами, перед нами вновь свидетельство текучести понятий, которые мы используем. Не являются ли эти йомены попросту хуже капитализированной разновидностью капиталистических фермеров — джентри?¹²³

[изменившись лишь] в течение XVIII столетия» (*Buckatzsch. The Geographical Distribution of Wealth in England, 1086–1843 // Economic History Review, III, 2, 1950, 195*).

¹¹⁶ *Emery, Frank. The Farming Regions of Wales // Agrarian History of England and Wales, IV: 1500–1640 / Joan Thirsk, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, 380.*

¹¹⁷ *Ibid.*, p. 152.

¹¹⁸ *Pierce, T. Jones. Landlords in Wales. A. The Nobility & Gentry // Agrarian History of England and Wales, IV: 1500–1640 / Joan Thirsk, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, 380.*

¹¹⁹ *Campbell. English Yeomen*, p. 65.

¹²⁰ *Ibid.*, p. 72.

¹²¹ *Hoskins, W. G. The Rebuilding of Rural England, 1570–1640 // Past & Present, No. 4, Nov. 1953, 30.*

¹²² *Stone. Past & Present, No. 33, p. 26.*

¹²³ Питер Лэслетт усматривает ключевое разграничение между классами в различии между джентльменами (знать и джентри) и прочими (йомены и простые работники).

Это станет еще более ясным, когда мы увидим, кто на самом деле проиграл в ходе огораживаний (обоих видов). Когда происходили огораживания (неважно, крупномасштабные огораживания со стороны овцеводов или же мелкие фермерские огораживания, направленные на улучшение условий земледелия), большое количество людей, которые ранее жили на земле и за ее счет, были вынуждены покинуть свои жилища, в то время как другие понижались в своем статусе до уровня наемных сельских работников, лишенных земли.¹²⁴ Долгое время это явление считалось важнейшей составляющей

См.: Laslett. *The World We Have Lost*. New York: Scribner's, 1965, гл. 2, особенно р. 26–27. Однако в той же главе Лэслетт воспроизводит, по моему мнению, более корректную схему Грегори Кинга (pp. 32–33) для ситуации 1688 года. Кинг проводит классовую границу между теми, кто (согласно его терминологии) «увеличивал» богатство королевства (знать, джентри, купцы, фригольдеры, ремесленники), и теми, кто его «уменьшал» (работники, батраки, обычные солдаты, бродяги). (Необходимо уточнить, что я считаю верным сам принцип разделения двух групп у Кинга, но не приведенную им характеристику сути деятельности каждой из них). В самом деле, Лэслетт признает, что понятие «йомен» «было статусным наименованием для тех, кто наиболее успешно трудился на земле», при этом к йоменам «очень рано стали относиться с неодобрением [р. 43]». Однако Лэслетт, похоже, предпочитает вплотную заниматься джентри, исключая из своего поля зрения тех, кто не был «празден», вместо исследования экономических и политических интересов этой группы.

«Начиная с Елизаветинской эпохи сохранилось множество реестров домохозяйств, демонстрирующих образ жизни мелких джентри; в этих документах, конечно же, не зафиксировано каких-либо отличий от образа жизни зажиточных йоменов». (Barley, M. W. *Rural Housing in England // Agrarian History of England and Wales*, IV: 1500–1640 / Joan Thirsk, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, 713).

Гордон Бато: «Однако резких отличий между мелкими джентри и богатыми йоменами не существовало... Фактически [правовой] статус понятия „йомен“ и в самом деле отсутствовал, поскольку в тюдоровскую и раннестюартовскую эпоху йомен не имел своей земли (как, скажем, отец Латимера*), а был копигольдером либо арендатором (leaseholder). В бесчисленных завещаниях и правовых документах того времени человек в одном месте может называться йоменом, а в другом джентльменом, либо сам человек именует себя джентльменом, а другие называют его йоменом. Все это происходило потому, что принадлежность к благородному роду или размер состояния не были критерием разграничения классов. Многие младшие сыновья мелких джентри становились йоменами — напротив, многие новоявленные джентри были выходцами из йоменов или же вовсе выбились из простонародья благодаря деловым и профессиональным успехам. Мало кто из джентри мог проследить своих предков на три века назад, в то время как это могли сделать некоторые йоменские семейства, например, Реддэвеи из Девона**» (Batho. *Agrarian History*, IV, p. 301).

¹²⁴ Суть данного процесса заключается в том, что вытеснение людей с земли происходило двумя способами: «Подведем итог: значительное число мелких фермеров в тюдоровской Англии находились в опасном положении. В тех графствах, где были сильные стимулы для огораживаний, например, в Мидленде в начале и конце XVI века, фермеры подвергались выселению. А там, где огораживания не стали обычным явлением, на фермеров налагали грабительские арендные ставки, произвольные штрафы, а также посягали на их права пасти скот на общинных землях... Безопасности не было нигде, и копигольдеры — по общему мнению современников, становой хребет аграрной

процесса появления избыточной рабочей силы, то есть необходимым основанием для «коммерциализации английской жизни».¹²⁵ Эти изменения происходили между 1540 и 1640 годами. В ходе экономического сжатия некоторые мелкие хозяева смогли преуспеть, но гораздо больше из них разорилось.¹²⁶ Сам процесс освобождения крестьян от оков феодализма в действительности мог выступать лишь дополнительным фактором их обнищания. Александр Савин в статье об остатках крестьянской феодальной зависимости в тудоровской Англии указывает на следующий парадокс: «В XVI веке личная зависимость от господина стала для крепостного наиболее обременительной именно в тот момент, когда крестьянин получал свободу».¹²⁷ Этот парадокс очень легко объяснить: освобождение крестьян не было бесплатным — оно покупалось. Освобождение и в самом деле должно было стоить дорого, поскольку, как утверждает Савин,

«освобождение крестьян рассматривалось как нормальный источник доходов сеньора... Предоставление прав последним крепостным было платной услугой. В XVI веке это делалось настолько открыто, что елизаветинские придворные в виде знака монаршей благосклонности могли получать определенный процент за такого рода „освобождение“ определенного количества крестьян в королевских владениях; иными словами, с помощью подобных платежей они могли увеличить свое состояние».¹²⁸

Англии — могли рассчитывать лишь на частичную и непостоянную защиту со стороны тудоровских правительств» (*Ramsey. Tudor Economic Problems*, p. 36).

¹²⁵ «В более широкой перспективе аграрные изменения XVI века можно рассматривать в качестве значительного шага в сторону коммерциализации английской жизни. Рост текстильного производства был тесно связан с развитием пастбищного хозяйства, и именно благодаря экспорту шерстяных тканей — этому „чуду коммерции“ — Англия впервые очевидным образом вступила в мировую торговлю (*world-commerce*). Именно этот экспорт стал мотивом многих экспедиций для открытия новых рынков, из него родились плантации, колонии и, в конечном итоге, Британская империя... Вытеснение значительной части крестьян с земли ускорило (если не вообще инициировало) переход от средневековой проблемы наемного труда (состоявшей в нехватке рабочих рук) к проблеме современной — избытку работников» (*Tawney. Agrarian Problems*, p. 3. См. *Thirsk, Joan. Enclosing & Engrossing // Agrarian History of England and Wales, IV: 1500–1640 / Joan Thirsk, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, 210; Bowden. Agrarian History, IV, p. 598*).

¹²⁶ «Небольшая группа сельскохозяйственных работников по-прежнему владела довольно обширными наделами либо общинными правами и оказалась в состоянии заработать на новых коммерческих предприятиях того времени, в течение одного-двух поколений поднявшись по социальной лестнице вверх — в йомены. Однако средние и низшие слои батраков утрачивали свои скромные права собственности и опускались до положения безземельного пролетариата» (*Everitt, Alan. Social Mobility in Early Modern England // Past & Present, 33, Apr. 1966, 57*).

¹²⁷ *Savine, Alexander. Bondmen Under the Tudors // Transactions of the Royal Historical Society, n.s., XVII, 1903, 268.*

¹²⁸ *Ibid.*, pp. 270–271.

Крепостные больше не были заняты всю неделю на барщине в поместье сеньора¹²⁹ — напротив, «личная зависимость крепостного стала банальным предлогом для вымогательства».¹³⁰ Поэтому в дальнейшем многие крепостные, безусловно, предпочли стать безземельной беднотой.

Еще одним доказательством этого процесса пауперизации является полное исчезновение такой социальной категории, как «домовладелец» (*husbandman*). С одной стороны, некоторые из них «поднимались в страту йоменов, поэтому различия между ними и йоменами стирались».¹³¹ Но, с другой стороны, более бедным представителям этой группы приходилось еще хуже, чем многочисленным батракам, поскольку им приходилось частично работать по найму на чужой земле, чтобы свести концы с концами.¹³² Разве земледельцы, имевшие нерегулярную работу, не хотели получить постоянное трудоустройство?

Как бы то ни было, обе эти категории сельскохозяйственных работников испытывали бедствия, причиной которых стали огораживания и многочисленные нарушения их общинных прав. Последнее, в частности, вело к тому, что крестьяне покидали деревни и уходили прочь.¹³³ Эверитт указывает, что растущая дифференциация между крестьянами-йоменами и «бедными скваттерами и бесприютными скитальцами, которых позже часто изгоняли отовсюду», была особенно характерна для сравнительно недавно заселенных лесных зон.¹³⁴ Именно из этой группы наполовину бродячего происхождения в основном набиралась армия сезонных рабочих, которая требовалась для товарного сельского хозяйства».¹³⁵

Так Англия познакомилась с острейшей политической проблемой бродяг и нищих, ставших печально известной приметой Елизаветинской эпохи.¹³⁶

¹²⁹ См. *Ibid.*, p. 275.

¹³⁰ *Ibid.*, p. 276.

¹³¹ *Batho. Agrarian History*, IV, p. 308.

¹³² «Иной раз не существовало заметного различия между зажиточным работником, который обрабатывал собственный надел и поддерживал свой доход сезонной работой по найму, и бедным домовладельцем, чьего надела было недостаточно для того, чтобы прокормить семью, поэтому ему приходилось наниматься на случайные подработки, чтобы пополнить свои запасы. Можно сказать, что в первом случае трудоустройство становилось постоянным, а во втором — временным» (*Everitt. Farm Labourers// Agrarian History of England and Wales*, IV: 1500–1640 / Joan Thirsk, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, 397).

¹³³ См. *ibid.*, p. 409.

¹³⁴ Одной из привлекательных особенностей лесных зон была доступность подработок (на производстве изделий из дерева, в обработке льна, конопля или шерсти) (*Everitt. Agrarian History*, pp. 425–429; *Thirsk. Agrarian History*, pp. 109–10).

¹³⁵ *Everitt. Past & Present*, No. 33, p. 58.

¹³⁶ «Нищенство и бродяжничество появились в Англии не в XVI веке... Тем не менее, существует множество свидетельств, что именно в этот период доля мошенников и бродяг в общей численности населения была несопоставимо выше, чем когда-либо до или после...» (*Aydelotte, Frank. Elizabethan Rogues and Vagabonds*, Volume 1 of *Oxford Historical and Literary Studies*. London and new York: Oxford Univ. Press (Clarendon), 1913, 3).

Фрэнк Эйделотт объясняет рост бродяжничества в Елизаветинскую эпоху тремя не зависящими друг от друга факторами. Самый важный из них — это, безусловно, огораживания, но, кроме того, свою роль сыграли завершение войны Алой и Белой Розы и последовавший за этим роспуск огромных феодальных формирований, которые содержались аристократами; третьим фактором было упразднение монастырей, выступавших в роли центров благотворительности. Точка зрения Эйделотта не могла уйти далеко от позиции правителей того времени: бродяжничество — это *социальная* проблема.

«Далеко не бессильный или безвредный класс, бродяги XVI века представляли собой внушительную силу в средневековой Англии. Многие из них происходили из хороших семейств, — имеются в виду те их представители, которые, тем не менее, не нашли себе применения в экономической системе Англии того времени. У бродяг было достаточно ума, чтобы планировать злодеяния, и наглости, чтобы осуществлять их. В их кругах были политические, религиозные и общественные оппозиционеры и агитаторы. Таким образом, бродяги были для елизаветинской Англии не только бедствием, но в не меньшей степени и опасностью. Бродяжничество было достаточной угрозой, для того чтобы заставить законодателей начиная с Генриха VII приложить все силы для поиска средства от этого зла как путем принятия соответствующих актов, так и с помощью репрессивных мер, пока, наконец, проблема не была разрешена в той мере, насколько это позволяло законодательство, с помощью превосходных законов о бедных от 1572, 1597 и 1601 годов».¹³⁷

Превосходных законов? Возможно, это и так, хотя, несомненно, и не в том расхожем смысле, в котором Эйделотт хотел, чтобы мы ими восхищались*.

Тем не менее, эти законы и в самом деле проливают свет на ту роль, которую играла в описываемом процессе государственная машина. Во-первых, отметим, что прежде неизвестное в Европе законодательство о «социальном благосостоянии» впервые появляется во *многих* местах именно в этот период. Более того, это законодательство представляло собой не просто нечто изобретенное одновременно в разных местах, но было продуктом осознанной диффузии культур.¹³⁸ Во-вторых, отношение данного законодательства к экономическим трансформациям было двояким. С одной стороны, оно, безусловно, являлось ответом на социальный кризис, вызванный экономическими изменениями, то есть средством предотвращения политических мятежей.¹³⁹ Однако экономический смысл этих

«Не знающие закона бродяги и жуткие банды нищих, знакомые студентам елизаветинской Англии, бродили и по Шотландии, вымогая еду и деньги, грабя и устрояя, наводя панику на удаленные фермы и хутора, — это были те самые 'idill lymmaris and harlottis falslie calling thame selfis egiptianis' [безработные бродяги и жулье, выдающее себя за египтян — *шотл.*]» (Lythe. The Economy of Scotland, p. 29).

¹³⁷ Aydelotte. Elizabethan Rogues and Vagabonds, p. 17.

¹³⁸ См. Kingdom, Robert M. Social Welfare in Calvin's Europe // American Historical Review, LXXVI, 1, Feb. 1971, 50–51.

¹³⁹ «Большая часть законов XVI века, направленных против огораживаний, совпадает с периодами голода. Жалобы на голод раздавались во время бунтов 1536, 1548–9

законов не заключался в прямой поддержке капиталистических классов. Это была форма политической стабилизации, одинаково принудительная как для работников, так и (если не больше) для работодателей.¹⁴⁰ В XVI веке эта политика государственного вмешательства в свободную капиталистическую игру находится в очевидном контрасте с содействием государства крупномасштабным окончательным огораживаниям XVIII века.¹⁴¹

Часто считается, что политика Тюдоров и первых Стюартов «потерпела поражение», поскольку ее окончательным итогом стала Английская революция. Но не исключено, что в некоторой степени эту политику следует считать «успехом» тьюдоровско-стюартовской монархии, поскольку восстание удавалось сдерживать так долго. Как реагировали на притеснения английские крестьяне XVI века? Многие предпочли податься в бродяги. Другой возможностью был бунты, и они, естественно, случались. Однако же следует заметить, что в Англии в это время их было меньше, чем в предшествующую эпоху, и меньше, чем в это же время во Франции или где-либо еще на континенте.

Каждый из этих контрастов стоит рассмотреть более подробно. Р.Г. Хилтон утверждает, что у огораживаний XVI века была «предыстория»: процесс ухода крестьян с земли восходит к XIII столетию. Конечно, свою лепту вносила депопуляция, однако Хилтон полагает, что наиболее распространенной

и 1596 годов» (Gay, Edwin F. *The Midland Revolt and the Inquisitions of Depopulation of 1607* // *Transactions of the Royal Historical Society*, n.s., XVIII, 1904, 213, прим. 2).

¹⁴⁰ В своем описании свода экономического законодательства эпохи Тюдоров Джордж Н. Кларк использует Устав ремесленников (или Устав о подмастерьях)*, таможенный тариф, законы, поощряющие кораблестроение, акты против огораживаний и законы о бедных: «Новое законодательство приняло правила игры денежной экономики и было направлено на ее развитие, в том числе оно продолжило устранение ограничений на торговлю и ограничило выплату заработков в натуре. Однако общая направленность этих постановлений была консервативной: они были нацелены на формирование достаточного резерва рабочих рук сначала в сельском хозяйстве и лишь затем в простейших ремеслах. Кроме того, законодательство препятствовало подъему по социальной лестнице и ограничивало право на занятие некоторыми профессиями определенными предназначенными для этого регионами...

Поэтому елизаветинское экономическое законодательство было направлено на стабилизацию существующей классовой структуры, на закрепление производства за определенными территориями и на ограничение движения трудовых ресурсов путем раздачи привилегий и создания барьеров на пути социальной мобильности и свободы договорных отношений. Однако эти меры не были продуктом простого экономического доктринерства — они улаживали разногласия между конфликтующими интересами либо устанавливали компромисс между ними» (Clark. *Wealth of England*, pp. 84, 86).

¹⁴¹ «Выдержать катастрофу огораживаний [XVI века] без особого для себя ущерба Англия сумела только потому, что Тюдоры и ранние Стюарты активно употребляли prerogatives короны, чтобы замедлить процесс экономических усовершенствований, пока он не стал социально приемлемым. Они использовали власть центрального правительства, чтобы помочь жертвам трансформации, пытаясь направить ход процесса таким образом, чтобы последствия его были менее разрушительными» (Polanyi, Karl. *The Great Transformation*. Boston: Beacon Press, 1944, 38. Цит. по рус. изд.: *Поланьи, Карл. Великая трансформация. Политические и экономические истоки нашего времени*. СПб.: Алетейя, 2002, 50).

причиной исхода из деревни была бедность.¹⁴² Затем наступил инфляционный «долгий шестнадцатый век». В то время как помещики Восточной Европы заставляли работников возвращаться обратно на землю, поскольку этого требовало расширение производства для рынка, Англия избрала путь развития пастбищного хозяйства (для которого требовалось меньше рабочей силы) и повышения эффективности земледелия (что также требовало меньше трудовых ресурсов). Вовсе не стремясь управлять поместьями самостоятельно, крупные землевладельцы искали арендаторов на свою землю, предпочитая видеть в этом качестве «капиталистических фермеров», а не «крестьян».¹⁴³ Если от этого страдала большая часть сельского населения, то почему крестьяне не сопротивлялись сильнее, чем это было в действительности? Хилтон полагает, что крестьяне были слишком слабы для сопротивления.¹⁴⁴ Наблюдения Клиффорда С. Л. Дэвиса подтверждают эту гипотезу: он отмечает, что в «первом» XVI веке крестьянское сопротивление было сравнительно *сильнее*, чем во «втором», хотя если бы для всплеска крестьянских восстаний было достаточно только ужасных условий жизни, то ситуация на самом деле была бы обратной. Дэвис дает два объяснения тому, что рост ренты опережает рост цен лишь после 1590 года. С одной стороны, сама идея переменной ренты в «первом» XVI веке была сравнительно новой и, соответственно, провоцировала восстания, в то время как во «втором» XVI веке крестьяне уже привыкли к новым условиям.¹⁴⁵ С другой стороны — возможно, это более важный фактор, — огораживания не имели негативных последствий для «йоменов».¹⁴⁶

¹⁴² «Постепенный переход владений в руки сеньоров происходил не просто в силу неспособности населения к естественному воспроизводству... Бедность — не нехватка земли, а нехватка орудий труда и денег — могла быть причиной [уступки владений], вполне объясняющей уход крестьян в города или в сельскую промышленность» (Hilton, Rodney H. *A Study in the Pre-History of English Enclosure in the Fifteenth Century* // Studi in onore di Armando Saporì. Milano: Istituto Edit. Cisalpino, 1957, I, 678–679).

¹⁴³ «Поместье можно было сдать в аренду крупным капиталистическим фермерам, получавшим наибольшую часть своих доходов с земли, которая им самим не принадлежала. При любом раскладе этот путь был предпочтителен для землевладельцев. Капиталистический фермер обладал большей финансовой базой, чем крестьянин, и, в отличие от последнего, не стремился уделять больше внимания собственному хозяйству в ущерб земле, которую он арендовал у землевладельца. Отсюда становится ясно, почему землевладелец предпочитал ограничивать круг арендаторов небольшим числом капиталистических фермеров вместо значительной массы крестьян» (Habakkuk. *Annales E.S.C.*, XX, p. 650).

¹⁴⁴ «В XIII–XIV веках английские крестьянские сообщества могли оказывать серьезное сопротивление, в том числе успешно противостоять наступлению лендлордов на их права. Если в XV–XVI веках крестьяне позволяли лишать себя собственности, то это происходило потому, что в результате экономических и социальных перемен была разрушена та солидарность (cohesion), которая некогда была силой английского крестьянства» (Hilton. *Studi in onore di Armando Saporì*, p. 685).

¹⁴⁵ Davies, C. S. L. *Annales E.S.C.*, XXIV, p. 35.

¹⁴⁶ Однако «этого, очевидно, нельзя утверждать о тех, кто должен был жить наемным трудом, либо о тех мелких арендаторах, которые были вынуждены зарабатывать

Теперь сравним большинство «йоменов» этого периода в Англии и Франции. Дэвис отмечает, что в Англии налоговое бремя* — непосредственная причина восстаний против центральной власти — было меньше, чем во Франции, в силу меньшего размера государства, сравнительно невысокой коррупции и, соответственно, менее алчной бюрократии, а также благодаря институциональной слабости регионов, что сокращало нагрузку на государственный аппарат и предотвращало появление очагов мятежей.¹⁴⁷

Наконец, рассмотрим последний контраст — между крестьянскими бунтами в Англии XVI и XVIII веков. Согласно Тони, различие состояло в том, что «эти явления преобладали... в середине XVI века» и «случались сравнительно редко два столетия спустя», хотя в обоих случаях причина волнений была одна и та же — огораживания.¹⁴⁸ Тони указывает, что аграрные беспорядки XVI века «обозначили переход от феодальных мятежей XV столетия, основанных на союзе всех классов местного сообщества против центрального правительства, к восстаниям, где один класс выступал против другого в силу противоречия их экономических интересов».¹⁴⁹

О чем же тогда идет речь? Представляется, что XVI век, в особенности период 1540–1640 годов, был эпохой *образования* класса — сельскохозяйственного капиталистического класса (более состоятельные члены которого называются «джентри», а менее состоятельные — «йомены»). Содержанием социального процесса консолидации земли в Англии того времени был рост доходов этого класса в целом (в том числе и его нижней прослойки) при одновременно начавшемся формировании пролетариата. Большая часть будущих пролетариев еще не твердо осела в городах, но скорее состояла из «бродяг» — сезонных наемных рабочих, имевших при этом личное подсобное хозяйство, и городского люмпен-пролетариата.

Государственный аппарат в тот момент еще не был внутренне связанной, сильной, независимой инстанцией, но представлял собой поле битвы двух конфликтующих сил: представителей традиционных высших классов, которые в лучшем случае частично адаптировались к новым экономическим возможностям, и тех новых элементов, которые стремились к полной коммерциализации экономической жизни (каким бы ни было их происхождение в терминах традиционной статусной системы и насколько бы они ни были богаты в тот момент в сравнении с первой группой).

Несмотря на то, что обе эти «партии» рассчитывали на государственную поддержку и время от времени ее получали, никто не был уверен в своей способности извлечь прибыль из слишком большого усиления государственного аппарата — в основном потому, что обе стороны боялись, что оппонент возьмет

средства к существованию дополнительными заработками на промышленных или сельскохозяйственных работах. Последние в этот период испытали суровые лишения» (Ibid., pp. 36–37).

¹⁴⁷ См. ibid., pp. 54–55. См. Tawney. Agrarian Problem, pp. 340–342.

¹⁴⁸ Ibid., p. 321.

¹⁴⁹ Ibid., p. 322.

верх в государственной бюрократии. Политика «социального благосостояния» служила интересам сохранения порядка и препятствовала неограниченному действию игры рыночных сил. Это облегчило описанный выше переход и тем самым обеспечивало преимущества для всех вовлеченных в игру сторон.

Баланс стал возможен именно благодаря положению Англии в мире-экономике. Англии не слишком сильно грозило внешнее вмешательство, поскольку две великие военные державы — Испания и Франция — вели борьбу друг с другом. Кроме того, Англия была свободна от имперских обязательств,¹⁵⁰ поэтому она могла свободно развивать свою экономическую специализацию, особенно с помощью сырья из Восточной Европы, частично обеспечиваемого торговым альянсом с Голландской республикой. Последняя также нуждалась в защите от военных гигантов и с этой целью «оплачивала издержки» поддержания в рабочем состоянии механизма мировой торговли. Английское государство была достаточно сильным для предотвращения губительных воздействий извне, но по-прежнему довольно слабым на тот случай, если бы слишком большое преимущество оказалось в руках как «традиционалистских» элементов, так и новоиспеченных паразитов из рядов государственной бюрократии, — иными словами, ни тем, ни другим было не под силу полностью переварить весь избыток самых продуктивных сил. Короче говоря, все упиралось в оптимальное положение Англии: относительная политическая изоляция при наличии экономических преимуществ, которые давал мир-экономика, и относительное равновесие внутренних сил, которое обеспечивало максимально возможный гражданский мир, одновременно сводя к минимуму ошибки властолюбивого государственного аппарата.

Вы обоснованно спросите: почему же тогда произошла Английская революция? Теперь можно утверждать следующее: мы считаем доказательствами «успеха» Англии в эту эпоху то, что Английская революция случилась тогда, когда случилась — ни раньше, ни позже, и то, что силы современного капитализма одержали в ней безусловный триумф, несмотря на их якобы «поражение» и пресловутую «Реставрацию» старого порядка. Для того чтобы ответить на вопрос о своевременности революции, необходимо рассмотреть три относящихся к ней явления: политические альянсы в рассматриваемый период, модели миграции и так называемый торговый кризис времен ранних Стюартов. Это даст

¹⁵⁰ «Окончание Средневековья было ознаменовано для Англии сжатием, а не экспансией: пришлось отказаться от давней мечты о завоеваниях во Франции, и, что не менее значимо, заметно сократилась контролируемая англичанами часть Ирландии, а также степень распространенности там английского языка и цивилизации. Гэльская культура возвращалась, обступая, как воды озера, стены последних форпостов первых англоирландцев: Дублина, Уотерфорда, Корка, Голуэя. В начале XV века в ходе восстания Оуэна Глендоуэра* временной квазинезависимости достиг Уэльс; несмотря на разгром и поражение восставших, Уэльс оставался обиженным, отчужденным от Англии и окончательно не поглощенным. Не намного дальше продвинулась и интеграция в состав государства Корнуолла или областей, граничащих с Шотландией, где „не знали иного короля, кроме Перси***“» (Rowse, A. L. Tudor Expansion: The Transition from Medieval to Modern History // William and Mary Quarterly, 3rd ser., XIV, 3, July 1957, 312).

нам возможность говорить о «реальных проблемах», которые были почвой Английской революции.

Х. Р. Тревор-Роупер настаивает, что важнейшим конфликтом революции был уже упоминавшийся конфликт «двора» и «деревни» — землевладельцев, не обладавших государственными должностями. Если это ключевой момент его позиции, то Тревор-Роупер может праздновать победу, поскольку его предполагаемые оппоненты — например, Стоун и Хилл¹⁵¹ — данный факт признают. Проблема, однако же, в другом — она заключается в том, в какую политическую игру играл английский двор, как эта игра соотносилась с происходившей социальной и экономической трансформацией и в какой мере она была следствием и причиной роли Англии в европейском мире-экономике.

Государственный аппарат, то есть «двор», был одновременно и протагонистом этой драмы, и опосредующей инстанцией, вектором действия различных сил. Это утверждение вообще относится ко всем так называемым абсолютным монархиям. Они поддерживали баланс сил, выступая в роли посредника между различными группами влияния (*power broker*) и добиваясь компромиссных решений. Однако с помощью этих функций абсолютные монархии рассчитывали в том числе усилиться сами, став абсолютными больше на деле, чем лишь в теории или в мечте.

В ситуации двусмысленности роли, исполняемой двором, и двусмысленности его целей соответствующим было и отношение двора к нахлынувшей капиталистической стихии. С одной стороны, корона искала расположения «буржуазии», то есть конгломерата капиталистических собственников земли и преуспевающих фермеров, профессионалов (юристов, богословов и медиков-практиков), состоятельных торговцев.¹⁵² «Охваченное постоянным страхом феодальных мятежей»¹⁵³ (Тони), государство видело в них союзников в достижении собственных целей. Однако в конечном итоге двор управлялся аристократией, во главе которой стоял король, — аристократией, включавшей и старую знать, и людей, которые недавно получили титул и от этого ценили его еще больше, и прочих лиц на королевской службе, рассчитывавших получить статус пэра, — так что двор не мог быть уверен в том, что подрыв иерархической системы статусов увенчается успехом, поскольку сам был вершиной этой системы, — и действительно не собирался этого делать. Напротив, двор холил и лелеял эту систему, поддерживал и преобразовывал ее, оплачивал ее издержки. Английский двор эпохи Ренессанса вообще затмевал своим блеском все другие дворы, которые доводилось видеть Европе.

Потребность в деньгах и политических союзниках вела двор к дальнейшему увлечению торговлей и последовательной коммерциализации. Однако необходимость поддержания стабильности и почтения к себе определяла непростое отношение двора к дерзким успехам нового класса. В пределах своих

¹⁵¹ Stone. Encounter, XI, p. 73; Hill. Puritanism and Revolution, p. 28.

¹⁵² См. Tawney. Essays in Economic History, I, p. 176.

¹⁵³ Tawney. Proceedings of the British Academy, p. 211.

возможностей двор стремился понемногу замедлять ускоряющийся процесс капиталистической трансформации, одновременно увеличивая политическую централизацию государственных институтов. В этом отношении тюдоровская Англия ничем не отличалась от Франции Валуа и Испании Габсбургов. Отличия были в других аспектах: во-первых, историческая подоплека, а во-вторых, международное положение Англии в XVI веке, благодаря которому новый капиталистический класс становился сравнительно более сильным и способным принять в свои ряды самые широкие круги старой аристократии.

Многие исследователи отмечают, что примерно в 1590–1600 годах в английской политике наступил переломный момент. Тони пишет:

«Мало кто из правителей с большей безжалостностью, чем Тюдоры, следовал максиме, что в основании власти лежит экономика. Тюдоры заложили два краеугольных камня новой монархии: увеличили королевские земли и защитили крестьянина-земледельца. Однако в последние годы елизаветинского правления первое из этих направлений их политики резко рухнуло, а второе, всегда непопулярное среди крупных землевладельцев, встречало еще более упорную оппозицию».¹⁵⁴

Со временем приоритетом королевских решений все более становилась польза капиталистических фермеров, а не собственно аристократии.¹⁵⁵ Чтобы выжить, аристократы все больше и больше уподоблялись «восходящим джен-три», а стало быть, еще сильнее воспринимались крестьянами как эксплуататорский класс.¹⁵⁶ Соответственно, бывшие связи между лордом и крестьянином становились все слабее, и последний более не был склонен откликаться на призывы к лояльности, которые в ходе национальных конфликтов раздавались с вершины региональной вертикали власти.¹⁵⁷ Однако королевская бюрократия сама становилась чрезмерно раздутой и «расточительной», и этот процесс, как считает Тревор-Роупер, имел свои естественные пределы.¹⁵⁸ Поэтому, уверены и Стоун, и Тревор-Роупер, к 1590 году чрезмерные расходы привели к экономическому спаду. Внутривосточный мир в период между 1598 и 1618 годами

¹⁵⁴ Ibid., p. 216. См. Tawney. *Essays in Economic History*, I, p. 176.

¹⁵⁵ См. Stone. *Crisis of Aristocracy*, pp. 124, 133.

¹⁵⁶ См. Tawney. *Agrarian Problems*, 191–192. Тони делает следующий вывод: «Начавшийся с правления Елизаветы блистательный век — это блеск на общем фоне социального запустения и нищеты... Крестьяне в это время познали лишь большую жестокость своих управляющих [p. 193]».

¹⁵⁷ См. ibid., p. 229.

¹⁵⁸ «Экономика в стадии бума чревата множеством аномалий и злоупотреблений. Экономика, конечно, могла вынести — при условии, что бум продолжался, — невероятно расточительный и вычурный паразитический ренессансный двор и церковь. Но как долго мог длиться бум? Признаки надлома начинают появляться уже к 1590 году» (Trevor-Roper, H. R. *The General Crisis of the Seventeenth Century* // *The European Witch-Craze of the 16th and 17th Centuries and Other Essays*. New York: Harper, 1969a, 68–69).

сократил расходы всех государств*.¹⁵⁹ В Англии доходы казны повысила продажа титулов Иаковом I,¹⁶⁰ и кризиса тем самым удалось избежать. Кризис предотвратили, но в силу указанной двусмысленной логики королевской политики чрезмерные расходы еще более возросли.¹⁶¹

Столетие тюдоровского правления, возможно, не привело к резкому упадку аристократического землевладения, как изначально полагал Тони. Похоже, что королевские земли в конечном итоге были лишь частично поделены между неаристократами — капиталистическими фермерами.¹⁶² Несомненно, в выигрыше от правления Тюдоров остались и аристократы, и неаристократы, способные овладеть новыми правилами игры в экономике¹⁶³ — благодаря уловкам политики Тюдоров эти люди закрепились на вершине английского общества. Однако «долгий шестнадцатый век» был близок к концу, и напряженные противоречия эпохи будут ощущаться уже в начале правления Стюартов. В этом суть следующих утверждений Тревор-Роупера:

«Даже в 1590-е годы куда менее расточительную и более эффективную бюрократию удалось сохранить лишь благодаря отсутствию войны. Но как могла выжить гораздо более возмутительная бюрократическая система [Стюартов и других европейских монархов того времени], если бы нарушились длительное процветание XVI века или спасительный мир XVII столетия?»

И в 1620-х они действительно разом кончились. В 1618 году политический кризис в Праге привел европейские силы в движение*... В один момент... европейскую экономику поразила великая депрессия тех лет — «распад торговли» в 1620 году».¹⁶⁴

Итак, мы вновь возвращаемся к действию мир-системного механизма. Реакция Англии на так называемый «кризис XVII века» несколько отличалась от других стран, и поэтому Англия смогла войти в эпоху меркантилизма с существенно умноженными силами. Одним из аспектов мощи Англии была высокая степень описываемой нами коммерциализации ее сельского хозяйства, другой стороной английской мощи была «индустриализация».

¹⁵⁹ См. *ibid.*, p. 69.

¹⁶⁰ См. *Stone. Economic History Review*, XVIII, p. 39.

¹⁶¹ Когда Елизавета искала выход из экономического кризиса 1590-х годов, то под угрозой оказалась сама аристократия. См. *Stone. Crisis of Aristocracy*, pp. 124, 133. Однако, не имея готовности отказаться от «той поддержки, которую только аристократия и могла предложить королеве» (*Tawney. Proceedings of the British Academy*, p. 212), королева вновь принялась за чрезмерные траты, которые стали еще больше. См. *Trevor-Roper, H. R. The European Witch-Craze*, p. 69).

¹⁶² См. *Hinton, R. W. K. Letter to the Editor // Encounter*, XI, 1, July 1958, 74–75.

¹⁶³ См. *Trevor-Roper, H. R. Letter to the Editor // Encounter*, XI, 1, July 1958, 73–74. Даже если верно утверждение Дж. П. Купера о том, что «по-прежнему нет основательных доказательств сокращения общего количества земли в руках аристократов [в 1642 году по сравнению с 1559 годом]» (*Cooper. Encounter*, XI, p. 74), то земля, похоже, перемещалась к тем аристократам, которые ориентировались на капиталистический рынок.

¹⁶⁴ *Trevor-Roper. The European Witch-Craze*, p. 70.

Джон Неф утверждает, что, в отличие от Франции, в Англии между 1540 и 1640 годами произошла «раннеиндустриальная революция».¹⁶⁵ По его мнению, об этом свидетельствуют три главных достижения. Во-первых, в Англии появилось значительное число производств, ранее существовавших лишь на континенте, например мельницы для бумаги и пороха, литье пушек, производство квасцов и купороса, рафинирование сахара, производство селитры и латуни. Во-вторых, с континента были импортированы новые технологии, особенно в области горного дела и металлургии. Наконец, англичане внесли собственный положительный вклад в развитие технологий — в первую очередь речь идет о замене древесного угля каменным.¹⁶⁶ Кроме того, Неф полагает, что «капитальные инвестиции и искусство технических изобретений были как никогда прежде ориентированы на повышение количественных показателей производства».¹⁶⁷ Однако причины столь внезапного скачка Англии из индустриального «болота» к относительному технологическому прогрессу Неф усматривает прежде всего в географических факторах. Большой внутренний рынок — необходимое условие для концентрации производства — стал возможен в Англии благодаря «преимуществам дешевого водного транспорта, которые Великобритания в силу своего островного положения и хороших причалов использовала в значительно большей степени, чем какая-либо другая страна, за исключением Голландии».¹⁶⁸ Безусловно, это верное наблюдение, однако географическая карта и раньше была той же самой, так что по-прежнему остается непонятным, почему же произошел этот внезапный рывок.

Ясно одно: это на самом деле был рывок — в промышленных технологиях, в уровне индустриализации и, соответственно, в численности населения. Кейт У. Тейлор предлагает два объяснения тому, что в эпоху Тюдоров население Англии удвоилось: гражданский мир и новая география мировой торговли, которая изменила место Англии в «мире» и одновременно положила конец

¹⁶⁵ См. *Nef, John U. A Comparison of Industrial Growth in France and England from 1540 to 1640 // The Conquest of the Material World. Chicago, Illinois: Univ. Of Chicago Press, 1964, 144–212.* Замечания П. Дж. Боудена по этой гипотезе см. в: *Bowden. Agrarian History, IV, pp. 608–609.* Более благосклонную оценку тезисов Нефа с французской стороны можно найти в: *Zeller, Gaston. Industry in France before Colbert // Essays in French Economic History / Rondo Cameron, ed. Homewood, Illinois: Irwin, Inc., 1970, 128–139.*

¹⁶⁶ Добыча угля в Ньюкасле выросла с 30 тысяч тонн в год в 1563–64 годах до 500 тысяч тонн в 1658–59 годах. См. *Бродель. Материальная цивилизация, I, 335.*

¹⁶⁷ *Nef, John U. The Progress of Technology and Growth of Large-Scale Industry in Great Britain, 1540–1640 // The Conquest of the Material World. Chicago, Illinois: Univ. Of Chicago Press, 1964, 136.*

¹⁶⁸ *Ibid., p. 142.* См. также у Нефа: «Росту своей экономической независимости и мощи Англия более всего обязана феноменальному увеличению масштаба каботажной торговли, а также расширению сухопутной и речной торговли. Эта экспансия стала возможной благодаря энергичной эксплуатации природных ресурсов и рынков острова, столь богатого минеральными ресурсами и хорошими почвами и столь щедро обеспеченного причалами, что транспортировка товаров по воде в любой порт Британских островов была сравнительно недорогой» (*Nef. War and Human Progress, p. 111*).

концентрации населения на юге и востоке страны. «Английская экономика выпускала новые листья и побеги, подобно растению в горшке, которое долго росло на улице само, а затем оказалось в открытом грунте».¹⁶⁹ Географический аргумент Тейлор, в отличие от точки зрения Нефа о внутренних географических преимуществах, представляется более удовлетворительным, поскольку учитывает положение Англии в рамках мира-экономики, а ведь именно этот фактор изменился в XVI веке. Кроме того, аргумент Тейлор оказывается еще более весомым, если вспомнить о новой роли Балтики, а также об атлантической торговле. Однако сама по себе эта гипотеза по-прежнему недостаточна для объяснения отличия Англии от Франции. Скорее всего, нам следует рассмотреть, какие факторы в самой Франции не позволили ей получить от новой географической конфигурации столько же преимуществ, как Англии.

Далее нужно отметить, что фактором удвоения населения Англии был не только демографический рост, но и высококачественная иммиграция, оказавшаяся полезной для страны. С одной стороны, часто упоминается приток континентальных ремесленников — фламандских ткачей, немецких металлургов и т.д., как правило, объясняемый религиозными войнами на континенте. Но сам факт, что они направлялись в Англию, означал скорее то, что Англия стала «местом, где капитал и управленческий талант могли рассчитывать на лучшее вознаграждение» (Дж. Н. Кларк).¹⁷⁰ Вспомним, однако, что конец Елизаветинской эпохи был ознаменован экономической и социальной напряженностью: чрезмерными расходами государства и увеличением численности населения в сочетании с огораживаниями и, соответственно, ростом бродяжничества. Ф. Дж. Фишер напоминает, что современники считали елизаветинскую Англию «страной, где рост населения постепенно низводил многих до состояния бедности и, возможно, сокращал национальный доход на душу населения».¹⁷¹

У некоторой страны всегда существует два способа справиться с проблемой избыточного населения: удалить его из городов (то есть чисто географически разделить население на две группы) или же удалить его вообще. В Англии Тюдоров и Стюартов пытались использовать оба механизма. С одной стороны, на основании законов о бедных, или же «законов *против* бедных» (Бродель),¹⁷²

¹⁶⁹ Taylor, K. W. Some Aspects of Population History // Canadian Journal of Economics and Political Science, XVI, Aug. 1950, 308.

¹⁷⁰ Clark. Wealth of England, p. 51. См. Taube, Edward. German Craftsmen in England During the Tudor Period // Journal of Economic History, IV, 14, Feb. 1939, 167–168. Описание различных способов, с помощью которых фламандские иммигранты «изменяли стандарты английской жизни в большом и в малом», можно найти в: Murray, John J. The Cultural Impact of the Flemish Low Countries on Sixteenth and Seventeenth Century England // American Historical Review, LXII, 4, July 1957, 853ff. Кроме того, это было время первой крупной волны валлийской эмиграции в Англию (Bindoff. Tudor England, p. 24).

¹⁷¹ Fisher. Economica, XXIV, p. 16.

¹⁷² Бродель. Материальная цивилизация, I, 47. Кларк отмечает: «Начиная с года победы над Непобедимой Армадой корона пыталась остановить расширение Лондона сначала парламентскими актами, а затем с помощью воззваний, комиссий и юридических процедур» (Clark. Wealth of England, p. 94).

бедняков вытесняли в сельскую местность, обрекая их на пограничное существование во всех смыслах. С другой стороны, именно в это время Англия начала помышлять о заморской колонизации — сначала Ирландии (около 1590 года) затем Северной Америки и Вест-Индии. В случае с внешней эмиграцией главным искушением для отъезжающих выступала социальная мобильность.¹⁷³ Маловист полагает, что для объяснения второй волны европейской экспансии (английской, голландской и в меньшей степени французской), которая начинается в XVI веке, следует привлекать не только часто упоминаемые причины торгового характера, но и такой аспект, как необходимость куда-то девать избыточное население. Маловист замечает, что многие рассматривают демографическую экспансию как стимул для экспансии экономической, однако напоминает при этом, что это лишь некая оптимальная ситуация. «Поэтому нам представляется, что экономические трудности и определенные социальные ситуации, неблагоприятные для экономического прогресса, создают условия, которые способствуют эмиграции, даже если она сопряжена с большим риском».¹⁷⁴ Опять же, для «преждевременно перенаселенной»¹⁷⁵ страны наличие возможностей для эмиграции может считаться исключительно благоприятным условием. Подобно Англии, Франция также занималась экспортом своего населения: в XVI–XVII веках в Испанию (там оно замещало изгнанных морисков), затем «на «острова» Америки. При этом в ходе преследований многие протестанты были попросту уничтожены.¹⁷⁶ Очевидно, что к концу XVIII века население Франции вновь стало сбалансированным,¹⁷⁷ однако ей на это потребовалось значительно больше времени, чем Англии, и удалось это сделать лишь ценой внутренних войн, которые укрепили некоторые из вредоносных сил, изгнав ряд полезных, — «полезных» и «вредоносных», конечно же, с точки зрения промышленной трансформации. Эти преимущества английской модели развития стали очевидны по итогам европейского экономического кризиса 1620-х годов. Однако прежде чем обратиться к этой теме, мы должны рассмотреть, что происходило во Франции в промежутке между миром в Като-Камбрези и этим кризисом.

¹⁷³ См. Stone. *Past & Present*, No. 33, pp. 32–33.

¹⁷⁴ Malowist. *Annales E.S.C.*, XVII, p. 929.

¹⁷⁵ Бродель. Материальная цивилизация, I, 25. Люблинская отмечает, что Антуан де Монкретьен* говорил об этом еще в 1615 году (*Lublinskaya*. *French Absolutism*, p. 132).

¹⁷⁶ Отметим, однако, утверждение Пьера Губера, что в XVI веке население Франции постоянно росло, несмотря на религиозные войны (*Goubert*. *Recent Theories and Research in French Population between 1500 and 1700 // Population in History / D. V. Glass and D. E. C. Eversley*, eds. London: Arnold, 1965, 465).

¹⁷⁷ Этому, без сомнения, способствовала великая эпидемия чумы 1628–1633 годов (*Meuvret*, *J. Demographic Crisis in France from the Sixteenth to the Eighteenth Century // Population in History / D. V. Glass and D. E. C. Eversley*, eds. London: Arnold, 1965, 465). Чума бушевала также в Германии и Италии.

[Франция в 1560–1620-е годы]

По мнению Фрэнка Спунера, «десятилетие 1550–1560 годов было [для Франции] решающим».¹⁷⁸ В это время в стране внезапно обнаружилась нехватка золота, что обратило взоры Франции на исследование Африки и привело к развитию западных приморских регионов страны. Начинается подъем Парижа в качестве финансового центра (Лион, напротив, к 1580 году определенно приходит в упадок).¹⁷⁹ Кроме того, этот период характеризуется началом гражданских религиозных войн, которые будут поглощать силы Франции до конца столетия. Развитие и приморских регионов, и Парижа было связано с воздействием этих войн.

Инфляция оказывала влияние на доходы знати, особенно ее низшего слоя, который жил на фиксированные ренты. Однако крестьяне, вопреки закономерным ожиданиям, не получили от этого выгоды из-за опустошений в ходе гражданской войны. Главным последствием здесь был резкий рост значения государственного аппарата — не только благодаря широкому распространению в это время налоговых откупов, но и потому, что те аристократы, которые желали выжить экономически, искали финансового убежища при дворе.¹⁸⁰

В поисках новой ориентации в европейском мире после Като-Камбрези Франция столкнулась с одной большой проблемой. Грубо говоря, как государство Франция была ни рыба ни мясо, то есть уже не империя, но еще и не государство-нация. Кроме того, она зависела наполовину от наземного транспорта, наполовину от морского, а ее государственный аппарат был одновременно и слишком силен, и слишком слаб.

Эта двойственность выбора, стоявшего перед Францией, наиболее четко заметна в двух сферах: в торговле, с одной стороны, и в политике и религии, с другой. Существовавшие в стране торгово-экономические зоны не были стеснены политическими границами. Разумеется, в некоторой степени так было во всей Европе (и в каком-то смысле так было всегда), однако во Франции эта особенность проявилась особенно ярко — прежде всего в сравнении с ее главными будущими соперниками: Англией и Северными Нидерландами. Эмиль Корнарт так описывает положение дел в начале XVI века:

«В регионе, который простирается от Парижа и излучины Луары до Средиземного моря, Франция была частью экономической зоны, по-прежнему находившейся под серьезным влиянием итальянцев — главных дельцов и мастеров торгового дела в Западной Европе начиная с позднего Средневековья. Благодаря итальянцам данный регион был наиболее развитым с точки

¹⁷⁸ Spooner, Frank C. *A la côte de Guinée sous pavillon français (1559–1561)* // Studi in onore di Armando Saporiti. Milano: Istituto Edit. Cisalpino, 1957, II, 1001.

¹⁷⁹ Бродель. Средиземное море, II, 212. Coornaert, Emile. *Les échanges de la France avec l'Allemagne et les pays du Nord au XVIe siècle* // *Revue d'histoire économique et sociale*, XXXV, 3, 1959, 244.

¹⁸⁰ См. Hauser, Henri. *The Characteristic Features of French Economic History from the Middle of the Sixteenth Century to the Middle of the Eighteenth Century* // *Economic History Review*, IV, 3, Oct. 1933, 261–262.

зрения организации труда и способов его выполнения. Французским полюсом этой зоны и одновременно водными воротами данной части страны был Лион, который обеспечивал контакты Франции с югом и центром континента и довольно активно вносил свою лепту в ее связи с северо-западной Европой — севером Франции и французским побережьем западной Атлантики, Нидерландами, Англией и прирейнской окраиной Империи. Эти территории формировали другую зону рассматриваемого региона, ее полюсом был Антверпен, который держал под контролем контакты с Северной Европой и в значительной степени с Германией. С точки зрения технологий торговли, Антверпен был на пути к достижению уровня южноевропейской зоны».¹⁸¹

Этот экономический разрыв означал, что Франция дальше, чем Англия, отстояла от национальной экономики — в этом смысле Франция была значительно ближе к Испании. Однако если проблемой Испании было то, что она являлась частью огромной империи Габсбургов, которую — по крайней мере, при Карле V — она реально не контролировала, то проблема Франции заключалась в том, что после 1557 года ее манили как минимум три различных направления. Политическое ядро страны — грубо говоря, северо-восток Франции включая столицу — привлекали континентальные земли, экономика, доминировавшая в «первом» XVI веке, то есть привязанная к Антверпену даже после его упадка.¹⁸² Северо-запад и запад Франции смотрели в сторону нового европейского мира-экономики с его атлантической и балтийской торговлей.¹⁸³ Наконец, на юге

¹⁸¹ Coornaert. *Revue d'histoire économique et sociale*, XXXV, p. 242.

¹⁸² «То, что Антверпен продолжал мощно притягивать Францию и много позже 1550 года, объясняется экономической раздробленностью (*morcellement*) Франции, к тому же промышленная инфраструктура страны в основном оставалась столь же неудовлетворительной» (*Craeybecks, Jan. Les français et Anvers au XVIe siècle // Annales E.S.C., XVII, 3, mai — juin 1962, 548*). Действительно, утверждает Неф, во Франции нарастала нехватка производственных мощностей: «Полвека резкого роста английской промышленности [1550–1600 годы] для Франции были периодом регресса» (*Nef. Conquest of the Material World, 1964a, p. 146*).

¹⁸³ *Parry, J. H. Colonial Development and International Rivalry outside Europe. I. America // New Cambridge Modern History, III: The Counter-Reformation and the Price Revolution, 1559–1610 R. B. Wernham, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1968, 530*). Гарольд А. Иннис отмечает, что «в первой половине XVI века рыболовные флотилии Нового Света главным образом принадлежали Франции...» (*Innis. The Cod Fisheries, New Haven: Yale Univ. Press, 1940, 49*). В этот процесс были вовлечены порты как Ла-Манша, так и Бискайи. Торговля была настолько широкой, что они могли «в избытке обеспечить производство сушеной рыбы, в том числе для английского рынка».

Аналогичным образом Жаннен отмечает, что «во французских морских экспедициях на Балтику главную роль играл [...] несомненно, Дьепп... Французские корабли, в XVI столетии проходившие через Зунд, были по преимуществу нормандскими, а среди нормандцев преобладали люди из Дьеппа» (*Jeannin. Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, XLIII, p. 329*).

Широкомасштабная торговля Франции с Шотландией имела два сегмента: нормандская торговля, ориентированная на экспорт мануфактуры и услуг, и бискайская торговля — экспорт соли и вина (См. *Lythe. The Economy of Scotland, pp. 172–182*). Бискайская торговля в то время весьма напоминала торговлю Шотландии с Нидерландами.

Франции развивалась система метейяжа (о ней уже шла речь во второй главе), которая являлась составной частью общего движения христианского Средиземноморья в направлении производства первичной продукции (сырья) — капиталистического сельского хозяйства, ориентированного на экспорт.¹⁸⁴

По мнению Анри Озера, благодаря такому многообразию видов экономической деятельности и нескольким ориентациям возникла «благоприятная ситуация, в которой [Франция] могла обойтись без своих соседей, в то время как они не могли обойтись без нее»¹⁸⁵ — Озер даже хотел бы называть это «автаркией». Мне же ситуация на самом деле представляется обратной: Франция являлась продуктом действия центробежных экономических сил. Именно для противостояния распаду Франции на отдельные части лица, контролировавшие ее государственный аппарат, предпримут столь существенные меры по его усилению, создав сильнейшее государство Европы, которое при Людовике XIV станет и для современников, и для истории самой моделью абсолютной монархии.

Одной из ключевых причин экономической дилеммы, перед которой оказалась Франция, стало изменение технологического субстрата европейского мира-экономики. Чтобы оценить значимость этого фактора, необходимо сначала проанализировать некоторые противоречащие друг другу свидетельства о сравнительных издержках морской и наземной перевозки в доиндустриальной Европе. С одной стороны, не раз высказывалось, казалось бы, очевидное предположение, что в этот период «наземный транспорт оставался крайне дорогим, поэтому нации, имевшие в своем распоряжении наилучшие возможности для морской торговли, обеспечили для себя наиболее быстрый экономический рост».¹⁸⁶ Кроме того, как полагает Кристоф Гламанн, теория возникновения расширяющихся кругов в результате экономического взаимодействия применима, в частности, и к морской торговле. На самом деле, утверждает Гламанн, «начать

«[Северная Франция и Нидерланды] производили собственную, характерную только для них овощную продукцию, имели сравнительно высокий уровень промышленных технологий и выступали в качестве перевалочных пунктов для экзотических товаров из далеких стран [pp. 174–175]».

¹⁸⁴ «Метейяж как практика ведения хозяйства возник в виде капиталистической по своей природе формы производства, удовлетворявшей нужды собственников-буржуа...» (*Falgueroles, G. E. de. La décadence de l'économie agricole dans le Consulat de Lempaut aux XVIIe et XVIIIe siècles // Annales du Midi, LIII, 1941, 149*). Де Фальгероль утверждает, что истоком этой системы следует считать долги, накопленные мелкими землевладельцами в результате роста королевских налогов и инфляции цен в конце XVI века. См. pp. 142–146. Он считает, что обратной стороной этой системы стала чрезмерная нагрузка на землю, посредством которой для крестьян оказались возможны: (1) налоговые платежи благодаря экспорту пшеницы; (2) рентные платежи в пользу буржуа (раздел выращенных зерна, овощей, животной продукции, готового хлеба, осеннего и весеннего урожая); (3) выживание людей и скота. Это тройное бремя привело к катастрофе XVIII века: «истощению земли, краху буржуазии и нищете сельского населения [p. 167]».

¹⁸⁵ Hauser. *Economic History Review*, IV, p. 260.

¹⁸⁶ Berrill, K. *Economic History Review*, 2nd ser., XII, 3, p. 357.

внешнюю торговлю [по водным путям] во многих случаях дешевле и легче, чем внутреннюю».¹⁸⁷ С другой стороны, Вильфрид Брюле указывает, что

«в XVI веке... наземный транспорт сохранял первостепенную роль. Для итало-нидерландской торговли этот факт неоспорим: несмотря на существование Антверпена — первоклассного морского порта и, что еще более важно, мирового центра, Нидерланды осуществляли подавляющее большинство своих торговых операций с Италией по суше. [Морские перевозки] между двумя странами также имели место, но их значимость оставалась минимальной».¹⁸⁸

К началу XVII века ситуация, похоже, изменилась. Что же случилось? Все очень просто: происходившие в это время технологические усовершенствования коснулись и наземного, и водного транспорта, но, похоже, в разной степени. Иными словами, возникла ситуация, когда «для перевозки очень тяжелых и габаритных грузов водный транспорт в любом случае оказывался наиболее экономичным [за исключением транспортировки живого скота]».¹⁸⁹ В этом смысле наиболее важным моментом, возможно, оказалось предшествующее развитие конструкции такого типа корабля, как голландский флейт. Напротив, в XVI веке более дешевыми, более эффективными и более безопасными средствами транспортировки людей, легких и дорогостоящих мануфактурных товаров и драгоценных металлов оставались наземные пути.¹⁹⁰

Что всё это означало для Франции? Как мы видели, политика «первого» XVI века вращалась вокруг стремлений Испании и Франции трансформировать европейский мир-экономику в мир-империю. Несмотря на атлантические экспедиции, эти попытки были в первую очередь ориентированы именно на наземные пути, что на самом деле могло быть дополнительной причиной их провала. Политика «второго» XVI века была ориентирована на создание единых наций-государств, получающих политико-коммерческие преимущества в рамках неимперской структуры мира-экономики. Для этого требовалось в первую очередь стремиться к максимальному использованию морских маршрутов (как внутренних, так и внешних). В данном случае естественные географические преимущества Северных Нидерландов и Англии шли на пользу этим странам. Что касается Франции, то решающим для ее политики был конфликт — зачастую не выраженный явно — между сторонниками сухопутного и морского

¹⁸⁷ *Glamann*. Fontana Economic History of Europe, II, p. 7.

¹⁸⁸ *Brulez, Wilfrid*. Studi in onore di Amintore Fanfani, IV, 125. Кроме того, добавляет Брюле, представляется, что те же самые факторы объясняют и то, что большая часть англо-итальянской торговли в то время велась по суше: «Определенно можно сказать, что текстиль — центральная статья англо-итальянской торговли — никогда не перевозился морем, за исключением второстепенных случаев, и в течение XVI века продолжал транспортироваться по суше [p. 126]».

¹⁸⁹ *Glamann*. Fontana Economic History of Europe, II, p. 31.

¹⁹⁰ *Heers, Jacques*. Rivalité ou collaboration de la terre de l'eau? Position générale des problèmes // Les grandes voies maritimes dans le monde, XVe-XIXe siècles, VIIe Colloque Commission Internationale d'Histoire Maritime. Paris: S.E.V.P.E.N., 1965, 47-50.

путей развития.¹⁹¹ Принципиальным различием между Францией, с одной стороны, и Англией и Соединенными Провинциями, с другой, было то, что во втором случае ориентация на море и стремление к созданию сильного государства и национальной экономики совпадали в своем направлении, в то время как для Франции в силу ее географических особенностей эти варианты развития в определенной мере противоречили друг другу.

Первые серьезные свидетельства этого конфликта возникают в ходе религиозных столкновений и гражданской войны, которые раздирали Францию начиная со смерти Франциска II в 1560 году и вплоть до перемирия, закрепленного Нантским эдиктом 1598 года.

Рассмотрим вкратце некоторые классовые и географические координаты религиозной борьбы. Религиозная терпимость допускалась до тех пор, пока Франция ориентировалась преимущественно на борьбу с империей Габсбургов и рассчитывала на Лион в качестве возможного конкурента Антверпена на роль главного центра международной торговли.¹⁹² Однако после Като-Камбрези в этом исчезла международная финансовая необходимость. Одновременно закончилось процветание Лиона, поскольку снизилась его значимость как

¹⁹¹ А. Л. Роуз отмечает, что в середине XVI века французскому государству не удалось удовлетворить интересы групп, ориентированных на море: «В 1550-х годах нарастала активность французских контрабандистов в Вест-Индии. Однако, согласно условиям перемирия 1556 года, Франция приняла требование Филиппа II о запрете вест-индской торговли для всех, кроме обладателей специальных лицензий испанского короля, выдавать которые, как можно предположить, он вовсе не собирался. Французские мореплаватели отказались принимать эти условия, но собственное правительство их не поддержало. Для сравнения, вспомним Англию при Елизавете: сам факт, что Англия была протестантской страной, представлял собой неоценимое преимущество, развязывая нам руки, так что мы могли действовать без затруднений и задержек, как это было с Францией. Согласно окончательному мирному договору в Като-Камбрези (1559), Генрих II в интересах католического единства отказался от всех французских предприятий в Южной Америке... Как много потеряла Франция при несчастных (и ортодоксальных) Валуа! Эстафета перешла в руки лидера гугенотов адмирала Колиньи — прозорливо-го выразителя подлинных интересов Франции» (Rowse. *The Elizabethans and America*. New York: Macmillan, 1959, 7–8). Роузу, безусловно, стоило бы умерить свой протестантский пыл, однако описание внутреннего конфликта различных групп во Франции и его последствий для места Франции в мире-экономике мне представляется убедительным. Суть дела, как мы уже говорили относительно проблемы упадка протестантизма в Польше, заключается в том, что группы, заинтересованные в новом рывке наций-государств, действующих в рамках мира-экономики, сознательно стремились к тому, чтобы их позиция ассоциировалась с протестантизмом. Это стремление символизировало оппозицию имперской власти и мирозерцанию (*Weltanschauung*) Габсбургов, которые после Като-Камбрези были особенно тесно связаны с Контрреформацией.

¹⁹² «В 1552 году для покрытия издержек „германского путешествия“ король (или, скорее, Турнон)* обратился [с просьбой о займе] не только к итальянцам, но также к двум аугсбургцам, братьям Цангмайстерам и к Георгу Вайкману из Ульма — все трое обосновались в Лионе. Король взял под свою защиту этих агентов антиимперских немецких финансов, гарантировав им свободу вероисповедания и пообещав им конфиденциальность» (Hauser, Henri. *Journal of European Business History*, II, p. 247).

финансового центра, а сам Лион стал основным полем битвы Религиозных войн.¹⁹³ Войны свели вместе множество несоизмеримых сил, чьи политические действия часто не совпадали с исходными мотивациями, как это обычно и случается в пылу всеобщей политической смуты. Тем не менее, некоторые из подобных переплетений вполне можно распутать. У Хёрстфилда в «Новой Кембриджской современной истории» дается следующее объяснение первопричин гражданских войн во Франции:

«В эту эпоху во Франции вновь возникла напряженность между монархией и знатью, превратившаяся в затяжную кровавую борьбу. То, что гражданские войны во Франции имели, помимо религиозных, не менее серьезные светские причины, безусловно, хорошо известно... В середине XVI века кальвинистское движение сначала распространилось среди французских торговцев и ремесленников, поэтому его первые мученики — как и при Марии Кровавой в Англии — происходили из незнатного сословия. Однако к тому времени, когда начались Религиозные войны (1562 год), к протестантизму присоединилась знать — как высшая, так и провинциальная, фактически поставив движение под свой контроль. Современники во Франции признавали значительное различие между двумя флангами протестантского движения, описывая одну группу как „гугенотов от религии“, а другую как „гугенотов от государства“. Интересы последних распространялись далеко за пределы религиозных разногласий. В движении „гугенотов от государства“ отразилась давняя неприязнь правящих семейств провинциальной Франции к власти Парижа, к самой короне и к ее союзнице — католической церкви, а главное, ненависть к Гизам — роду, который чаще всего ассоциировался с церковью и наиболее резко противостоял целям и интересам этих провинциальных, нередко распадающихся, знатных родов. (Традиционное использование выражения „провинциальная знать“ отчасти вносит неясность в проблему: в Англии большинство ее членов рассматривались бы принадлежащими не к аристократии, а к рыцарству или семействам джентри)».¹⁹⁴

Итак, Франция, изображенная у Хёрстфилда, напоминает картину Тревор-Роупера для Англии, то есть «деревня» против «двора». И эта картина — опять же, по аналогии с Англией — воспроизводит ту же самую неопределенность: упомянутая французская знать (или местные «джентри») «поднималась» или «клонилась к закату»? В чьих интересах осуществлялась деятельность государства?

Вслед за Хёрстфилдом дадим слово Кёнигсбергеру. В том же томе «Кембриджской истории» он рисует такую картину:

«После банкротства 1557 года Генрих II путем чрезвычайного налогообложения выжал из своих несчастных подданных еще 7 миллионов ливров. Тем не менее, предел был достигнут. В *Нормандии* и *Лангедоке* случились *крестьянские волнения*. Несмотря на то, что аристократия была освобождена от налогов,

¹⁹³ «Кризис после поражения под Сен-Кантемом немедленно повлек за собой начало Религиозных войн во Франции. Лион из-за своего географического положения оказался под особо сильным ударом. Его поочередно занимали, осаждали и грабили и католики, и гугеноты, ему угрожали все враги Франции, в первую очередь герцог Савойский» (Hauser, *ibid.*, p. 255).

¹⁹⁴ Hurstfield. New Cambridge Modern History, III, p. 131.

она отдавала королю свои доходы, закладывала или продавала свои владения, чтобы услужить монарху в поисках огромных сумм для выкупа знатных пленников после сен-кантенской катастрофы (1557)...

В городах тяжелые налоги и периодическое снижение покупательной способности деревни после плохих урожаев, например, в 1557 году, ударяли по *мелким ремесленникам и лавочникам*. *Подмастерья* видели, что цены на продовольствие растут быстрее зарплат, а растущее влияние и сопротивление *гильдий* препятствует продвижению в мастера для большинства из них...

После 1559 года к этому движению массово присоединялась знать, особенно на юге страны...

Однако лишь [в 1573 году] организация гугенотов достигла своего полного развития в пределах широкого полумесяца от *Дофинэ* через *Прованс* и *Лангедок* к *Беарну* и *Гиени*. Как и в Нидерландах, для успеха революции требовалась *локализация* как путем альянса с провинциальными настроениями против вмешательства центрального правительства, так и благодаря надеждам, которые давало военное положение».¹⁹⁵

В ответ на это возникали местные католические союзы, которые также подчеркивали свою локальную идентичность и претензии на традиционную автономию провинций. В Париже подобная местная партия приняла сторону Католической Лиги*.¹⁹⁶ Кроме того, оба лагеря были связаны с внешними силами: гугеноты — с Англией и протестантскими князьями Германии, католики — с Римом и правителями Испании и Савойи. «Таким образом, все революционные движения того времени были связаны с силами и интересами за пределами своих национальных границ».¹⁹⁷

Пытаясь разрешить этот спор, король Франции Генрих III в конечном итоге нанес удар по обоим лагерям и заставил их отвернуться от себя. В некотором смысле это был великолепный тактический маневр — попытаться прекратить эскалацию конфликта путем признания протестантского претендента Генриха Наваррского (Генриха IV) своим преемником при условии, что он примет католичество. Именно тогда (июль 1593 года) Генрих IV произнес свою знаменитую фразу «Париж стоит мессы». Заметим, что речь шла о Париже, а не о Франции, и сказано это было наваррцем.

Генрих IV перешел в другой лагерь, что не представляло для него трудности, поскольку его мотивы отличались от мотивов поддерживавших его масс. После этого знать в общем и целом вышла из конфликта, вернувшись к католичеству**. Это нейтрализовало религиозную составляющую конфликта и тем

¹⁹⁵ Koenigsberger, H. G. Western Europe and the Power of Spain // New Cambridge Modern History, III: The Counter-Reformation and the Price-Revolution, 1559–1610 / R. B. Wernham, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1968, 281–282, 290. Курсив добавлен. Заметим, что Кёнигсбергер говорит об усилившемся влиянии цехов. Джон У. Неф делает следующее сравнение: «Если в Англии в конце XVI — начале XVII веков цеховая система стала распадаться, то во Франции в это же самое время она усиливалась и расширялась» (Nef. Industry and Government, p. 25).

¹⁹⁶ См. Koenigsberger. New Cambridge Modern History, III, pp. 302–303.

¹⁹⁷ Ibid., p. 292.

самым ослабило силы политической оппозиции,¹⁹⁸ а также способствовало разочарованию низшего класса, который перешел к бурным, но сравнительно неэффективным *жакериям*.¹⁹⁹ В конечном итоге, гугеноты в тот момент были как никогда сильно укоренены в регионах. Они утратили свои конгрегации на севере и востоке Франции, но оставались сильны на юге.²⁰⁰

Один из лежавших в основе этих событий конфликтов определенно был региональным. С одной стороны, от центра отрывались Нормандия и Бретань; с другой — весь юг, где латентный сепаратизм сохранялся еще со времен разгрома южной Франции в XIII веке. В обоих случаях причины заключались в том, что создание сильной национальной экономики для местных нотаблей** было чревато ограничением, а не расширением возможностей извлекать прибыль из своих предприятий. Это справедливо как для буржуазии западного побережья Франции, которая больше стремилась использовать свои деньги для прорыва в атлантическо-балтийскую торговлю, нежели для строительства государственной бюрократии и армии, так и для капиталистических землевладельцев юга страны, которым требовался свободный международный рынок. Приверженцы центра по своей ориентации не были антикапиталистами. Они, по сути дела, и были центристами: сначала нужно укрепить государство, а следом придут коммерческие возможности.

Как и в Англии, монархия оказалась в ловушке противоречия между желанием создать национальную экономику, основанную на новых силах, которая

¹⁹⁸ «Религия была объединяющей силой, удерживавшей вместе разнонаправленные интересы различных классов и обеспечивавшей их организацией и пропагандистским аппаратом, которые были способны сформировать первые подлинно национальные и международные партии в европейской истории; религия была необходима, поскольку эти „партии“ всегда включали в себя лишь меньшую часть каждого из своих базовых классов. Именно посредством религии „партии“ могли призывать низшие классы и толпу излить гнев своей нищеты и отчаяние своей неустроенности в фанатичных грабежах и варварской резне» (Koenigsberger. New Cambridge Modern History, III, pp. 306–307).

¹⁹⁹ «Как только партии утрачивали свой революционный импульс, а их проповеди — социальное содержание, они быстро теряли поддержку низших классов. Причиненные войнами Католической Лиги разорения и растущая нищета французских крестьян вылились в нарастающее крестьянское движение, направленное против сеньоров с их рентами, клира с его десятинами и налоговых откупщиков с их *тальей*, однако восставшие крестьяне не принимали в расчет религию или политические партии. Кульминацией этой *жакерии* стало восстание кроканов* в центральной и южной Франции в 1594–5 годах. Кроканы ожесточенно сражались против лиги сеньоров, сформированной с единственной целью их разгромить. Этот и многие другие случаи социальных взрывов XVII века представляют в мрачном счете сельское общество и налоговую систему Франции, однако крестьянские движения оставались политически безрезультатными до самой революции 1789 года» (Ibid., p. 307).

Эти *жакерии* легко объяснить в свете явления, которое Ле Руа Ладюри назвал «двойной пауперизацией» низов лангедокского крестьянства в 1550–1590-х годах: «Эта напасть поражала мелких землевладельцев, которых в результате раздела земель становилось все больше, но при этом реальный доход на единицу площади земли фактически не компенсировал уменьшение площади надела; из-за снижения реальных заработков от этого процесса страдали и наемные работники» (Le Roy Ladurie. Paysans du Languedoc, I, p. 317).

²⁰⁰ Koenigsberger. New Cambridge Modern History, III, p. 314.

могла бы успешно конкурировать в рамках нового мира-экономики, и фактом пребывания на вершине системы статусов и привилегий, у основания которой стояли консервативные социальные силы. Не желая принимать опрометчивые решения, король — во Франции так же, как и в Англии — чувствовал себя более комфортно в своей приверженности аристократизму, нежели в роли предвестника нового. Отличие состояло в том, что в Англии зарождающиеся капиталистические элементы — как в селе, так и в городе — понимали, что они способны выиграть от усиления национальной экономики. Во Франции же торговая прослойка ощущала себя принесенной в жертву далекому Парижу, а капиталистическое сельское хозяйство юга страны по своей структуре и, соответственно, потребностям было ближе к интересам землевладельцев таких периферийных стран, как Польша (более, чем кто-либо еще нуждавшаяся в открытой экономике), нежели к землевладельцам Англии, в чьих поместьях появлялась новая сельская промышленность. В Англии существовало представление, согласно которому король мог рассчитывать, что его оппоненты будут сдерживать свои амбиции, поскольку «национальная» установка короля соответствовала их «краткосрочным» интересам. Французский же король не мог полагаться на это и должен был использовать более жесткие меры, чтобы сохранять единство страны — отсюда и гражданская война второй половины XVI века, и бюрократический централизм, последовавший за ней в первой половине XVII столетия.

Однако за это пришлось заплатить высокую цену. Религиозные войны, конечно, могли способствовать становлению абсолютизма, но, добавляет Мунье, «в отличие от Англии, развитие торговли, промышленности и буржуазии было приостановлено (*freiné*)».²⁰¹ Правда, эта цена так и не была оплачена полностью — эпоха Людовика XIII и Ришелье еще предъявит за это свой счет. Чтобы понять, что это была за цена, мы должны вернуться обратно к общей ситуации в мире-экономике.

«Долгий» XVI век уже близился к концу. И кризис, по мнению большинства историков, в это время был налицо. Однако был ли это один кризис или несколько? Мы ставим вопрос именно так, поскольку экономическая рецессия имела место в 1590-х годах, еще большая рецессия — в 1620-х и, наконец, то, что многие считают *coup de grace* [последняя капля, букв. завершающий удар — *фр.*], случилось около 1650 года. Не будем углубляться в спор о том, какой год является идеальной поворотной точкой в нашей истории — 1622, 1640 или 1650. В самом деле, утверждает Спунер, одной из ключевых особенностей этой «кульминационной точки и водораздела» долгого XVI века было то, что

²⁰¹ Mousnier. Les XVIe et XVIIe siècles, p. 103. Негативные экономические последствия Религиозных войн имели кумулятивный эффект, поскольку, как утверждает Х.М. Робертсон, «там, где экономическая ситуация была неблагоприятной, общей практикой стало использование государства в качестве охранного агентства для уже существующих, но оказавшихся под угрозой интересов». В Германии наличие множества разнообразных властных инстанций в подобной ситуации вело к сужению рынков и возрождению цехов и городской монополии. «Во Франции мощь цехов также существенно увеличилась к концу века благодаря ордонансам 1581 и 1597 годов» (Robertson. European Economic Developments in the Sixteenth Century // South African Journal of Economics, XVIII, 1, 1950, 46).

сам поворотный момент «был растянут на протяжении довольно продолжительного отрезка времени».²⁰² В силу ряда причин мы избрали конечной датой «долгого» XVI века 1640 год, но даже в этом случае нельзя обещать не переступать эту черту. Тем не менее, суть дела в том, что фактически все без исключения историки признают: примерно в это время имела место некая критическая поворотная точка.²⁰³

Что происходило в этот период? Во-первых, разворот ценового тренда — окончание инфляции цен, которая поддерживала экономическую экспансию европейского мира-экономики. Это произошло не сразу. Принципиальным для понимания этого периода и последующего развития мира-экономики является то, что разворот тренда произошел на севере, западе и в приморских областях в целом раньше, чем, соответственно, на юге, востоке и внутри континента. Таким образом, существовал разрыв, причем не в несколько лет.²⁰⁴

Беспокойство началось в Испании вскоре после разгрома Непобедимой Армады, хотя торговля все еще испытывала взлеты и падения: Шоню указывает, что кульминация испанской атлантической торговли приходится на 1608 год. Вплоть до 1622 года тренд вышел на некое плато, что Шоню связывает с экономическими послаблениями временного перемирия с Соединенными Провинциями,²⁰⁵ но затем последовал определенный спад. Однако военнополитический разгром Армады привел к тому, что пузырь испанской экономики, и так бывший слишком непрочным из-за истощения ресурсной базы испанского могущества, попросту лопнул. Испанская эксплуатация Американского континента приобрела особенно разрушительный размах, напоминая примитивную охоту и собирательство, которые осуществлялись с помощью передовых технологий.²⁰⁶ В процессе этой эксплуатации Испания истощила

²⁰² Spooner, Frank C. The European Economy 1609–50 // New Cambridge Modern History, IV: The Decline of Spain and the Thirty Years' War, 1609–48/59 / J.P. Cooper, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1970, 69.

²⁰³ За исключением, пожалуй, Рене Баэреля, который вопреки общепризнанным представлениям указывает, что единый ценовой тренд продолжался с 1594 по 1689 год, а 1628–55 годы были просто промежуточным отрезком внутри этого периода (*Baehrel. Une croissance: la Basse-Provence rurale (fin XVIe siècle — 1789)*. Paris: S.E.V.P.E.N., 1961, 50–57).

²⁰⁴ Chaunu, Pierre. Le renversement de la tendance majeure des prix activités au XVIIe siècle // Studi in onore di Amintore Fanfani, IV: Evo moderno. Milano: Dott. F. Giuffrè-Ed., 1962, 231.

²⁰⁵ «Возможно, мир — это главный секрет того слишком парадоксального объема товарооборота в промежутке между 1608–12 годами и вплоть до 1619–22 годов. Это десятилетие с небольшим длительным колебанием тренда явственно завершает фазу восхождения испанского могущества — взлета, который больше никогда не повторится, — и открывает эпоху упадка испанской Атлантики» (*Chaunu, Pierre. Séville et l'Atlantique (1504–1650)*, Vol. VIII (2 bis): La conjuncture (1593–1650), Paris: S.E.V.P.E.N., 1959, 889. См. тж. pp. 1404–1405).

²⁰⁶ «В XVI веке вся Америка рассматривалась как одно гигантское поле, с которого следует собирать урожай (*champ de ceuille*). Собрать плоды этой жатвы — как простой перевод в коммерческое обращение мертвого груза сокровищ, накопленных веками бесцельного труда, так и варварская эксплуатация поверхностных рудников или

и землю, и ее обитателей. Более того, испанцы не только использовали труд индейцев, но и, как мы видели, одновременно расходовали собственные силы.²⁰⁷

Другим важнейшим последствием кризиса было сокращение поставок драгоценных металлов. Например, в 1641–1650 годах среднее количество ввозимых в Севилью драгоценных металлов составляло 39% от уровня 1591–1600 года для серебра и лишь 8% — для золота. Добыча металлов пала «жертвой безжалостного закона уменьшения минимальной нормы прибыли и сокращения доходов».²⁰⁸ Однако торговля сократилась не внезапно — на самом деле она по-прежнему расширялась, поэтому девальвация была неизбежной.

Именно здесь впервые происходит ключевое размежевание внутри единого мира-экономики, предполагающего неравномерность развития отдельных национальных экономик. Страны северо-западной Европы девальвация затронула значительно меньше, чем страны южной, центральной и восточной частей континента.²⁰⁹ Речь идет, конечно же, о ценах в металлическом эквиваленте. В своем великолепном экскурсе Рене Баэрель демонстрирует, что движение «металлических» цен не обязательно имеет отношение к движению цен вообще и что экономические решения принимаются преимущественно в рамках последних.²¹⁰ Примечательно, однако, что этот экскурс содержится в книге об экономике XVII–XVIII столетий. А. Д. Люблинская подчеркивает, что XVII век отличается от XVI столетия именно тем, что после 1615 года впервые происходит «*независимое* движение цен, не привязанное к поступлениям золота и серебра».²¹¹ Люблинская утверждает, что как раз данный факт знаменует конец «Революции цен». Руджеро Романо настаивает, что в 1619–1622 годах происходит внезапное усиление девальвации: «Что действительно имеет значение, так это

ближайших к транспортным путям почв — стало возможно благодаря опосредующему фактору — человеческой массе индейцев. Но для достижения этих целей индейцев прежде всего использовали на износ — это было уничтожение людей без заботы об их сохранении, эксплуатация их в качестве ресурсов, которые никто не был намерен восстанавливать. Подобный подход стал причиной резкого истощения культивируемых площадей в течение сорока лет (а всей территории Америки — в течение семидесяти лет) до такой степени, что в XVII веке крупные плантации были вынуждены полностью использовать труд привезенных рабов» (*Chauni, ibid.*, pp. 1422–1423).

²⁰⁷ См. *ibid.*, pp. 1423–1425.

²⁰⁸ Spooner. *New Cambridge Modern History*, IV, p. 79.

²⁰⁹ В той же книге Спунера это становится кристально ясным из таблицы II (p. 86) и карты I (p. 87). Англия и Голландия оказались наиболее устойчивы к девальвации, Польша, Генуя и Испания — наименее. Франция была лишь немногим лучше Испании.

²¹⁰ См. *Baehrel. Une croissance*, pp. 2–20; *Baehrel, René. Économie et histoire à propos des prix // Eventail de l'histoire vivante: homage à Lucien Febvre*. Paris: Lib. Armand Colin, 1953, I, 287–310. Баэрель завершает эту статью словами: «Марк Блок рекомендовал уделять внимание „социальным экранам“. Не следует ли также говорить об „экономических экранах“? Люсьен Февр некогда учил нас, что в вопросе об индальгенциях суть возражения Лютера состояла в том, что они дают ложную безопасность. Не можем ли мы утверждать то же самое о металлических ценах? [p. 310]».

²¹¹ *Lublinskaya. French Absolutism*, p. 15.

интенсивность подобного явления...»²¹² В 1619 году деньги были в таком изобилии, что процентная ставка падала до 1,2%, «что было абсолютным минимумом для всего периода 1522–1625 годов».²¹³

Этой всеобщей депрессии избежали только Голландия и в некоторой (ниже увидим, в какой) степени Англия.²¹⁴ В самом деле, Романо утверждает, что Голландия не только избежала депрессии, но сам промежуток примерно от 1590 до 1670 года был эпохой голландской сельскохозяйственной экспансии.²¹⁵

Почему же северо-западная Европа оказалась сравнительно в стороне от неблагоприятного ветра фортуны? Шоню дает следующее довольно сложное объяснение. В XVI веке цены в этом регионе росли не так резко, как в Испании, из-за временного лага в прибытии драгоценных металлов. При этом северо-запад Европы всегда получал часть слитков контрабандным путем, причем со временем доля контрабандных металлов росла. Соответственно, как только в Испании начали падать цены, доля контрабандных металлов в общей структуре инфляционного воздействия сразу увеличилась. «Поэтому благодаря меньшей восприимчивости к факторам депрессии цены в Северной Европе постепенно подбирались все ближе к уровню цен в Испании».²¹⁶ Это объяснение представляется несколько надуманным, поскольку его достоверность держится на предположении, что в абсолютном измерении (в отличие от относительного) объем контрабандных слитков не уменьшался значительным образом, а это, судя по данным Спунера, возможно, не соответствовало действительности.

Думается, что ближе к истине подошел Пьер Жаннен в своем анализе сопротивления северо-западной Европы воздействию депрессии на основании тех преимуществ, которые этот регион имел в рамках мира-экономики.²¹⁷

²¹² Romano. *Rivista storica italiana*, LXXIV, p. 522.

²¹³ Ibid., p. 525. Романо заимствует свои цифры из: Cipolla. *Note sulle storia del saggio d'interesse*, табл. 3. Я уверен, что Романо неверно перенес данные Чиполлы — этот показатель должен быть 1,1%.

²¹⁴ Romano, Ruggiero. *Encore la crise de 1619–22* // *Annales E.S.C.*, XIX, 1, janv. — févr. 1964, 33.

²¹⁵ См. Romano. *Rivista storica italiana*, LXXIV, p. 516. В то же время Гламанн показывает, что голландская экспансия фактически завершается, поскольку роль балтийского зерна в Европе резко снижается после 1650 года. Соответственно, благодаря тому, что юг и запад Европы вновь могли самостоятельно обеспечивать себя хлебом, значение голландской экономики уменьшается (Glammann. *Fontana Economic History of Europe*, II, p. 42). В свою очередь, происходившее в южной и западной Европе может объясняться отчасти возможным сокращением населения и в большей степени — ростом производительности пахотной земли и ее площадей, что сопровождало процесс превращения юга Европы в периферию мира-экономики. Кроме того, в ходе сжатия европейского мира-экономики в 1650–1750 годах Англия стала получать прибыль от поддержания положительного сальдо своего торгового баланса, забрав обратно часть международной торговли зерном, которую в более прибыльные времена она уступала периферийным зонам.

²¹⁶ Chaunu. *Séville*, VIII (2 bis), p. 90.

²¹⁷ «„Процветание“, которым наслаждался северо-запад Европы, не было какой-то благодатью, дарованной неведь откуда взявшейся мистической силой, — это процветание стало следствием внутренних причин, среди которых структурные элементы можно

Жаннен упоминает географическое положение (на берегах Атлантики, в средоточии путей из хлебных закромов и лесов северо-востока континента в страны, которые нуждались в этой продукции) и промышленные возможности региона (либо укорененные в прошлом, как голландская и английская текстильная промышленность, либо основанные на экономическом потенциале, кото́рый был высвобожден расширением мирового хозяйства, например шведская металлургия). Кроме того, сам рост производительных сил на севере Европы означал, что население региона продолжало увеличиваться в тот самый момент, когда Средиземноморье переживало демографический спад. По оценке Пьера Шоню, население Империи в промежутке 1620–1650 годов сократилось с 20 до 7 миллионов, население Италии между 1600 и 1650 годами уменьшилось на 2 миллиона человек. *Сравнительно* защищенными от демографического спада были Англия и (наконец) Франция.²¹⁸

В геополитическом аспекте все это означало конец испанской Атлантики и появление Атлантики европейской.²¹⁹ Война, возобновление которой в 1624 году, по сути, стало сокрушительным ударом по испанской экономике*, началась с голландского нападения на португальскую колонию Бразилию (сама Португалия в этот момент принадлежала испанской короне).²²⁰ В азиатской торговле, в особенности в сфере торговли перцем, голландцы и англичане в промежутке между 1590 и 1600 годами завладели былой португало-испанской монополией, и это стало причиной резкого падения цен на пряности.²²¹ Таким образом, становится понятным, как в мышлении людей той эпохи возникала меркантилистская перспектива, формировавшая их убежденность в том, что «объем благ в мире является постоянной величиной, поэтому цель торговой политики... состоит в том, чтобы обеспечить для отдельно взятой нации максимально возможный кусок пирога».²²²

легко отличить от конъюнктурных» (*Jeannin, Pierre. Les comptes du Sund comme source pour la construction d'indices généraux de l'activité économique en Europe (XVIe–XVIIIe siècles) // Revue historique, XII, 3, 1967, 259–260).*

²¹⁸ См. *Chaunu, Pierre. Réflexions sur le tournant des années 1630–1650 // Cahiers d'histoire, XII, 3, 1967, 259–260.*

²¹⁹ См. *Lublinskaya. French Absolutism, p. 52.*

²²⁰ О влиянии войны на экономику Испании см.: *Chaunu. Séville, VIII (2 bis), pp. 1535–1537.*

²²¹ См. *Kellenbenz, H. Autour de 1600: le commerce de poivre des Fuggers et le marché international de poivre // Annales E.S.C., XI, 1, janv. — mars 1956, особ. 23, 27.*

²²² *Glamann. Fontana Economic History of Europe, II, p. 5.* Так ли это неверно даже с сегодняшней точки зрения? Вот позиция Г.М. Робертсона: «В XIX веке, возможно, существовала тенденция минимизировать или даже отрицать издержки экономического прогресса — сегодня же скорее наблюдается обратная тенденция придавать им преувеличенное значение. Однако в XVI столетии эти издержки по большей части были еще впереди, поэтому люди пока не осознавали то почти аксиоматичное положение, что выгода одной страны или одного человека означает убыток для других, что большая активность в одном месте означает меньшую занятость в другом, или, как лаконично сказано в голландской поговорке: *De een man zijn brood is de ander zijn dood* [одному хлеб — другому смерть — голл.]» (*Robertson. South African Journal of Economics, XVIII, p. 46).*

Однако в действительности процветание не было непрерывным. С одной стороны, можно утверждать, что конец XVI века для всей Европы стал временем «резкого сжатия доходов, исчезновения ренты, экономической стагнации».²²³ Но при этом должны быть сделаны определенные уточнения. Так, Романо настаивает на том, что XVI век, «как и XII и XIII столетия, был временем довольно крупных прибылей в *сельском хозяйстве*».²²⁴ Именно уменьшением *легких* сельскохозяйственных доходов можно объяснить возросшую в конце XVII–XVIII столетиях роль крупного капиталистического поместья, основанного на еще более принудительном и низкооплачиваемом труде. Романо дает соответствующие комментарии:

«Те разнообразные явления, которые Фернан Бродель назвал, с одной стороны, „крахом“ (*faillite*) и „предательством буржуазии“ (*trahison de la bourgeoisie*), а с другой, „сеньориальной реакцией“, при ближайшем рассмотрении представляются не феноменами двух разных порядков, а одним и тем же: практически те же самые люди (либо, по крайней мере, потомки одних и тех же семейств) изменили своему буржуазному происхождению (а самое главное — своим буржуазным функциям) и вступили в систему *сеньориальной реакции* — применительно к Италии я назвал это „рефеодализацией“».²²⁵

Но и здесь, как показывает Романо, Голландия и в меньшей степени Англия представляли собой исключение.

Однако не стоит бежать впереди рассказа. Для понимания последующей эпохи необходимо подробно рассмотреть, как Англия и Франция боролись с подступающими конвульсиями «долгого» XVI века. Предстоящая в XVII–XVIII веках консолидация европейского мира-экономики будет сконцентрирована вокруг борьбы за первенство между Англией и Францией. Однако в некотором важном смысле главные карты были разыграны еще в 1600–1640 годах.

[Англия в преддверии Революции]

В своем стремлении объяснить «выдающийся» прогресс английской промышленности во «втором» XVI веке Дж.Н. Кларк предполагает, что основная причина этого лежала в сфере международной торговли. Анализируя международную торговлю Англии в этот период, он находит три основных отличия между началом и концом данного отрезка времени: (1) несмотря на то, что в абсолютных показателях международная торговля Англии увеличивалась в объеме, ее доля в обеспечении потребительского спроса снижалась относительно доли внутренней промышленности; (2) несмотря на то, что Амстердам унаследовал у Антверпена роль перевалочного пункта европейского мира-экономики, англо-нидерландские отношения превращались из зависимости

²²³ Chaunu. Cahiers d'histoire, XII, p. 264.

²²⁴ Romano. Annales E.S.C., XIX, p. 33. Курсив добавлен.

²²⁵ Romano. Rivista storica italiana, LXXIV, pp. 512. О Голландии как исключении см. p. 512, об Англии в качестве более ограниченного исключения см. pp. 517, 519.

и взаимодополняемости в соперничество; (3) в пределах Европы английская внешняя торговля стала значительно более диверсифицированной, а также Англия начала систематическую торговлю с Россией, Левантом, зоной Индийского океана и Американским континентом.²²⁶

Вплоть до окончания Елизаветинской эпохи данные изменения едва ли были значительными. Кроме того, вопреки предположению Кларка, эти перемены не протекали слишком гладко, поскольку они опрокидывали хрупкое социально-политическое равновесие, столь тщательно создаваемое Тюдорами, и обнажали конфликт интересов, которому суждено будет разорвать на части английскую политическую систему. Рассмотрим по очереди каждое из этих изменений.

То, что доля международной торговли в английском ВВП снижалась, условно, верно, и это можно воспринимать как признак того, что английская экономика продолжительное время была в здоровом состоянии. Однако такое толкование упускает из виду то, что сам процесс внутренней индустриализации делал структуру английского общества более зависимой от превратностей мирового рынка, а не наоборот. Барри Саппл указывает, что, в отличие от периода после Промышленной революции, в индустриальной экономике XVII века основной капитал играл небольшую роль, поэтому флуктуации в национальном хозяйстве возникали не в силу избытка производственных мощностей и не усиливались колебаниями в сфере производства средств производства. Флуктуации в кредитной сфере также были менее значимым фактором, чем в позднейшие периоды. Поэтому благоприятная ситуация на внутреннем рынке прежде всего определялась колебаниями урожайности (вызванными колебаниями климата) и «заокеанского спроса, который нередко был стратегическим фактором, определявшим чередования подъемов и спадов внутренней экономической деятельности».²²⁷ Именно в силу индустриального характера развития Англии эти чередования были принципиально значимы в политическом отношении:

«Текстильное производство продвинулось так далеко, что в целом уже не могло исчезнуть, то есть вновь стать побочным занятием преобладающего сельскохозяйственного населения. Поэтому для правительства и для общества в целом существование текстильной индустрии означало наличие вечной угрозы возникновения нищеты и беспорядков среди класса, не владевшего землей и вообще какой-либо собственностью. Эта ситуация способствовала разработке елизаветинского законодательства о бедных и заставила целые поколения государственных деятелей с подозрением относиться к стимулированию промышленного роста».²²⁸

Что же могла сделать Англия для обеспечения экономической, а стало быть, и политической стабильности? На одну из возможностей указывает тот же Саппл: отступать все дальше и дальше. К примеру, «Фрэнсис Бэкон

²²⁶ См. Clark. *Wealth of England*, pp. 103–107.

²²⁷ *Supple. Commercial Crisis*, p. 9.

²²⁸ *Supple, ibid.*, 6–7. См. Friis, Astrid. Alderman Cockayne Project and the Cloth Trade. Copenhagen: Levin & Munksgaard, 1927, 22.

ретроспективно оценивал правление Елизаветы как нестабильный период, когда Англия была в опасной зависимости от импортного зерна...» (Ф. Дж. Фишер).²²⁹ В долгосрочной перспективе это был путь деиндустриализации, по которому пошла северная Италия. Другим решением проблемы мог быть внешний рынок, который позволил бы справиться с сокращением предложения сельскохозяйственной продукции путем обретения ее дополнительных источников, а со сжатием спроса — путем обеспечения новых рынков для индустриальной продукции.²³⁰ Это был путь, на который вступали Северные Нидерланды. Испробовать то или иное решение означало для Англии совершить принципиальный выбор в рамках внутренней социальной структуры, и как раз принятия этого решения Тюдоры избегали с особой энергией. Результат был половинчатым. В своем исследовании объема британской заморской торговли Лоуренс Стоун приходит к выводу, что «знаменитая торговая экспансия времен правления Елизаветы оказывается благодушным мифом».²³¹

Если вслед за этим мы рассмотрим, как далеко зашло освобождение Англии от голландской опеки к 1600 году, то обнаружим, что установление контроля английской торговой буржуазии над внутренней торговлей определено было более или менее завершено после отмены привилегий Ганзы сначала в 1552 году и окончательно в 1598 году*.²³² Эти меры предпринимались в интересах таких закрытых монополий, как Компания купцов-авантюристов,²³³ а интерес подобных групп в основном и заключается в непростом балансировании на полумерах.

²²⁹ Fisher, F. J. *Tawney's Century // Essays in Economic and Social History of Tudor and Stuart England* / Fisher, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1961, 4–5.

²³⁰ Фишер описывает это сжатие следующим образом: «В сфере производства продукции первичного сектора препятствия для экспансии состояли главным образом в ограниченном объеме предложения и возникали по большей части из-за ограниченных технологических возможностей того времени...»

В XVI–XVII столетиях, как и в Средневековье, люди рассматривали землю как источник не только пищи, но и питья, горючего, а также таких основных промышленных материалов, как дерево, шерсть, шкуры, кожа и сало... В данных условиях в ходе экономической и демографической экспансии земля наделялась такими чертами, которыми в более позднюю эпоху и при других обстоятельствах будет обладать платежный баланс государства...

В сфере вторичного, индустриального производства препятствие для экспансии находилось, напротив, в области спроса, а не предложения... В большинстве отраслей промышленности главным фактором производства был труд, избыточный и дешевый... Труженик и батрак, не имевшие полной занятости и получавшие гроши, были плохими потребителями». Ibid., pp. 3, 4, 6.

²³¹ Stone. *Economic History Review*, II, p. 50.

²³² «Символическое значение последнего события заключалось в том, что Англия двигалась от периферии новой торговой системы к ее центру» (Minchinton, W. E. Introduction // *The Overseas Trade in the Seventeenth and Eighteenth Centuries*. London: Methuen, 1969, 3). «Двигалась к» центру, но все еще не была им — вот в чем суть дела!

²³³ Rich. *New Cambridge Modern History*, I, pp. 461–462.

Когда уже при Стюартах прочие торговцы получили законные права напрямую конкурировать с голландцами за первенство в промышленном производстве текстиля (так называемый проект ольдермена Кокейна²³⁴), их ждала неудача. По мнению Саппла, она продемонстрировала, что

«система международного разделения труда, в рамках которой голландцы красили и декорировали английские текстильные полуфабрикаты, не была случайным явлением, основанным на искусственных пережитках цехового регулирования. Напротив, до начала XVII века подобное положение дел отражало экономические реалии, с которыми Англия могла бороться лишь в минуту опасности».²³⁵

Таким образом, напряженные колебания правительства Елизаветы в вопросе о внешней экспансии могли быть не столь уж нерациональными.²³⁶ Тем самым Тюдоры оттягивали внутренний социальный конфликт до тех пор, пока государственный аппарат не укрепит свою политическую автономию от внешних факторов, в результате чего Англия сохранила бы устойчивость при взрывоопасной, но неизбежной перегруппировке политических и общественных сил.

В конечном итоге, в какой степени Елизаветинская эпоха была временем появления в английской экономике заморской составляющей? Определенно это был период, когда английские корабли вернулись на Балтику и стали совершать путешествия в Средиземноморье, Россию и Африку. Кроме того, это было время образования первых привилегированных (*chartered*) компаний*. Однако следует быть осторожным, избегая преувеличений. С одной стороны, Восточная Европа по-прежнему была более тесно связана с экономиками Франции и Испании (через Амстердам), чем с Англией,²³⁷ а с другой, в период правления Елизаветы основными торговыми партнерами Англии оставались Франция и мятежные голландские провинции.²³⁸

Реалии английской коммерции — это и причина, и следствие политики монархии Тюдоров, занявших выжидательную позицию.²³⁹ В ходе международного экономического кризиса 1590–1640 годов такая политика становилась все более затруднительной, оказываясь ненадежным укрытием для политической стабильности монархии и монополий под ее покровительством. Стабильность

²³⁴ Стандартное объяснение см. в: *Friis. Alderman Cockayne Project*, p. 22.

²³⁵ *Supple. Commercial Crisis*, pp. 49–50.

²³⁶ Сам Стоун признает: «В новой модели английской экономики двумя наиболее масштабными сферами, которые обслуживало растущее производство, были военные нужды государства и базовые жизненные потребности беднейших классов» (*Stone. Economic History Review*, XVII, p. 108).

²³⁷ *Hinton, R. W. K. The Eastland Trade and the Common Wealth in the Seventeenth Century*. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1959, ix–x.

²³⁸ *Stone. Economic History Review*, XVII, p. 51.

²³⁹ «Стабильность зависела от ограничения капиталистического роста, что стало содержанием экономической политики абсолютной монархии... [Но при этом] военно-стратегические нужды монархии определяли необходимость стимулировать зарождающийся индустриальный капитализм» (*Manning. Past & Present*, No. 9, p. 49).

не всегда выступает как *summi bonum* [общее благо — лат.] для всех — для некоторых она «утомительна».²⁴⁰ К 1604 году раздражение купцов, стремившихся использовать возможности торговой экспансии, нашло выход в различных фритредерских биллях, которые они пытались протолкнуть в парламенте. Вполне возможно, непосредственным импульсом для этого был мир с Испанией, который, как это вообще бывает при заключении мира, открыл новые торговые перспективы. Благодаря установлению мира были устранены определенные торговые барьеры, но при этом осталась не у дел (назовем это так) процветавшая прежде банда каперов.²⁴¹

В следующем десятилетии обстоятельства для английской текстильной индустрии складывались удачно, в 1614 году был достигнут пик экспорта. Однако этот рост был лишь «недолгим бабьим летом» (Саплл),²⁴² за которым последовала «беспрецедентная» экономическая депрессия, «отмеченная постоянным сужением заморского рынка для сбыта прежней продукции».²⁴³ Что вызвало этот внезапный спад? На самом деле он не был таким уж внезапным — это было «внезапное ухудшение ситуации, которая и раньше была не блестящей» (Р. У. К. Хинтон).²⁴⁴ Причиной столь резкого ухудшения ситуации была девальвация континентальных валют относительно английской, что создало чрезвычайно неблагоприятные условия для торговли: «цена [английских] тканей на рынках [Северной и Центральной Европы] стала неконкурентоспособной».²⁴⁵ Это привело к оттоку из Англии драгоценных металлов, который еще более усугублялся потребностью в импортном зерне вследствие неурожаев 1621–1622 годов.²⁴⁶ Впечатляющая утрата металлического запаса «имела огромную важность для незамысловатой экономики, зависящей от постоянного наличия достаточного объема металлической монеты».²⁴⁷

²⁴⁰ «К концу XVI века та самая стабильность, которой так жаждало предыдущее поколение, оказалась раздражающим фактором. Благодаря вновь возникшим условиям для коммерческой экспансии стали стихать голоса против расширения торговли, а искоренение монопольных привилегий, возникших на фоне ограничений „великой депрессии“ той эпохи, стало одной из главных задач XVII столетия» (Fisher. *Essays in Economic History* / Carus-Wilson, ed. I, p. 172).

²⁴¹ Friis. Alderman Cockayne Project, pp. 149–150.

²⁴² *Supple*. Commercial Crisis, p. 29.

²⁴³ *Ibid.*, p. 52.

²⁴⁴ Hinton. The Eastland Trade, p. 20. Саплл: «Для полной картины этой депрессии следует вспомнить и ущерб от проекта Кокейна, и рост конкурирующих производств, и финансовые обременения, висевшие на английском текстиле, и беспорядки, вызванные континентальными войнами, и прежние многочисленные ограничения для деятельности английских купцов. Это означало, что при любом неблагоприятном событии в экономике начнется период предельного спада из серии тех, что вечно оспаривают друг у друга право называться „Великой Депрессией“» (*Supple*. Commercial Crisis, p. 64).

²⁴⁵ *Supple*, *ibid.*, p. 80

²⁴⁶ См. *ibid.*, pp. 89–96.

²⁴⁷ *Ibid.*, p. 162.

Дж. Д. Гулд полагает, что теперь Англии пришлось платить в международных ценах за «растраченное» «в борьбе за привилегии» преимущество, которое было у нее в 1550–1600 годах. Следовательно, теперь, когда вместо ценового преимущества Англия получила нечто противоположное, «она осталась обремененной жесткой олигополистической экономикой с высокими издержками, едва ли способной соревноваться с конкурентом [Голландией], который сделал ставку на низкие цены, адаптивность и соответствие требованиям момента».²⁴⁸ Голландцы теперь были способны ворваться и в самую английскую импортную торговлю.²⁴⁹ Таким образом, английский текстильный экспорт в Германию и Восточную Европу испытал двойной удар со стороны как голландских, так и местных конкурентов.²⁵⁰

И купцы, и правительство были в тревоге. Первые в ответ на кризис потребовали принять больше протекционистских мер, например, ограничить права нерезидентов на импорт товаров в Англию, повысить квоту обязательного использования английских судов, разрешить свободный реэкспорт балтийской пшеницы — последнее увеличило бы объем текстильной торговли и обеспечило звонкую монету в обмен на зерно.²⁵¹ У правительства же было совсем другое видение. Прежде всего, многочисленное аграрное лобби, нуждаясь в протекционистских мерах против низких хлебных цен, проталкивало в парламенте запрет на *импорт* зерновых.²⁵² Во-вторых, правительство сосредоточилось на том, каким образом согласовать необходимость «для предотвращения мятежей и бунтов облегчить положение бедноты на местах, с одной стороны, с оживлением торговли для сохранения экономической стабильности

²⁴⁸ Gould, J. D. The Trade Depression of the Early 1620's // *Economic History Review*, 2nd ser., VII, 1, 1954, 87.

²⁴⁹ См. Hinton. The Eastland Trade, pp. 18–19. Также см. его объяснение частичного эмпирического факта: «1611–1618 годы были единственным отрезком в рассматриваемом нами периоде, когда ни Англия, ни Соединенные Провинции не воевали, вследствие чего их корабли и купцы конкурировали на равных. Очевидно, что при таких условиях конкуренции голландцы быстро утвердили свое абсолютное господство в сфере торговли — главным образом, безусловно, благодаря пресловуто низким расценкам на фрахт. В 1615 году мы впервые обнаруживаем их в портовых книгах Бостона [Линкольншир]... В 1615–18 годах стоимость всех «сухих» товаров (т. е. за исключением вина), импортированных из Соединенных Провинций, превосходила стоимость импорта из остальных стран вместе взятых, в то время как для прочих лет характерно обратное. Кроме того, в тот же период в Бостон из Соединенных Провинций приходило ежегодно больше кораблей, чем из прочих портов в совокупности, чего никогда не было в дальнейшем, за исключением 1628 года, когда объем торговли был очень мал... [Эти факты] вносят яркие дополнения в современное объяснение депрессии 1620 года, которую в значительной степени приписывают воздействию на английскую импортную торговлю Голландии как перевалочного пункта» (Hinton. Dutch Entrepôt Trade at Boston, Lincs., 1600–40 // *Economic History Review*, 2nd ser., IV, 3, Apr. 1957, 470).

²⁵⁰ Hinton. The Eastland Trade, p. 45.

²⁵¹ См. *ibid.*, pp. 28, 31–32.

²⁵² См. *ibid.*, p. 29.

и мощи, с другой».²⁵³ Для достижения первой цели (поддержка бедных) правительство испытывало искушение решить проблему в духе слаборазвитых стран XX века, то есть путем создания рабочих мест. Но и тогда, как и сегодня, такое решение не было простым.²⁵⁴ Правительство не обеспечивало защиту бедняков, а постепенно развязывало руки монополиям, чтобы проверить, оживит ли это торговлю и промышленность.²⁵⁵ Однако монополии не могли далеко продвинуться в этом направлении, поскольку назначение привилегированных компаний давало правительству слишком много преимуществ. Эта мера обеспечивала лояльность квазипубличной бюрократии, которая выполняла консульские и таможенные функции, служила источником дохода казны благодаря займам и налогообложению и даже замещала военный флот в качестве защитного инструмента в международной торговле.²⁵⁶ «Патенты и монополии — прикрытие эгоистичных целей многословными банальностями — были неотъемлемой частью устройства власти Стюартов».²⁵⁷ Если бы в конечном итоге правительство двинулось в направлении демонополизации, то фактически это произошло бы лишь под давлением парламента, «громогласного представителя периферийных портов и мелких джентри».²⁵⁸

Не большой успех ожидал Англию и от вмешательства со стороны небес. Оживление торговли 1623–1624 годов было прервано чумой и плохим урожаем 1625 года. Не помогло Англии и возобновление войны с Испанией, оказавшейся для последней столь катастрофической. Вновь растущий спрос на зерно вел к новому витку платежного кризиса.²⁵⁹ Поэтому традиционное ядро английской промышленности «оказалось в длительной полосе упадка, болезненной адаптации и широко-масштабного сокращения рабочей силы».²⁶⁰ Вмешательство короны не решало проблемы, лишь усугубляя ситуацию созданием «кризиса торгового доверия».²⁶¹

Английской текстильной промышленности было явно непросто снизить издержки. Отчасти это объяснялось тем, что торговцы были слишком плотно включены в механизм государственного аппарата, чтобы корона была

²⁵³ *Supple. Commercial Crisis*, p. 64.

²⁵⁴ «В более или менее успешных поисках каких-либо мер убеждения торговцев продолжать текстильные закупки в момент, когда те заявляли, что не могут прибыльно продать свой товар за границу, [Тайный совет] попал в осиное гнездо противоречий» (*Ibid.*, p. 237).

²⁵⁵ См. *ibid.*, pp. 68–69.

²⁵⁶ См. *ibid.*, pp. 242–243.

²⁵⁷ *Ibid.*, p. 227.

²⁵⁸ *Ibid.*, p. 71.

²⁵⁹ См. *ibid.*, pp. 99–102. У. Б. Стефенс: «Вопреки более предсказуемым расчетам, для многих окраинных портов временем настоящего кризиса оказался конец 1620-х годов, в то время как спад начала 1620-х оказал на них непродолжительное и ограниченное воздействие, за которым последовало даже нечто вроде бума» (*Stephens. The Cloth Exports of the Provincial Ports, 1600–1640 // Economic History Review*, 2nd ser., XXII, 2, Aug. 1969, 241).

²⁶⁰ *Supple. Commercial Crisis*, p. 119.

²⁶¹ *Ibid.*, p. 125.

способна заставить промышленников вести свою деятельность с еще меньшей прибылью.²⁶² Кроме того, рабочие, похоже, были сравнительно сильны, чтобы противостоять значительным сокращениям заработной платы.²⁶³ Поэтому единственным решением, помимо деиндустриализации, было развитие новых видов промышленности в обход уже сложившихся. Именно на этом пути Англия фактически обрела коммерческое спасение — в так называемых «новых тканях» (*new draperies*),²⁶⁴ производство которых в качестве

²⁶² «Правительство с самого начала оказалось перед безнадежной задачей. Принуждение к соблюдению требований законов привело бы к такому росту издержек, что это грозило бы всеобщей безработицей. Если бы изменение методов производства было результатом экономической депрессии, как это, похоже, наиболее часто и случается, тогда бы не существовало иного ответа на депрессию, нежели ограничивать само производство. С учетом особенностей индустриальных технологий того времени могли иметь место случаи, когда английские ткани вытеснялись с внешних рынков в первую очередь из-за наличия подделок, однако представляется, что гораздо чаще логика была обратной. Правда, поддельная мануфактура была лишь ограниченной и бесперспективной формой снижения издержек, поэтому Англии следовало искать решение своих проблем в другой плоскости» (*Ibid.*, p. 147).

²⁶³ «При наличии избытка дешевого неквалифицированного труда товары низкого качества можно было производить с низкой себестоимостью. Это было особенно вероятным сценарием для тех регионов, где бедность была широко распространенным явлением, а текстильное производство обеспечивало лишь побочную занятость для привлеченных к нему работников. В том случае, если занятость не преследует цель обеспечить необходимые для пропитания средства в полном объеме, то оплата труда обычно ниже, чем при полной занятости. На основании этого аргумента Адам Смит объяснял, почему грубые ткани традиционно дешевле, чем тонкие. В начале XVII века к подобным экономическим условиям приближалась Восточная Европа, и это означало, что данная территория особенно подходила для эффективного производства дешевых тканей, если в структуре рыночного спроса снижались требования к качеству продукции» (*Ibid.*, p. 140).

²⁶⁴ Существовало множество разновидностей ткани, их основными типами представляются следующие. А) Теплые и тяжелые шерстяные ткани, то есть тонкое черное сукно (*broadcloth*)*, прочность которого зависела от способности шерсти сваливаться. В его производстве использовались короткие волнистые волокна, нередко — начесанная и сваленная в беспорядке пряжа. Далее этот исходный материал очищали — мыли с мылом и отбивали в еще влажном состоянии, чтобы сделать его более теплым, непроницаемым, однотонным по виду — одним словом, подходящим для холодного климата. В) «Новейшие типы» ткани (хотя в своей основе по-прежнему шерстяные), более узкие и дешевые, в том числе грубые шерстяные ткани, которые массово производились для нужд бедняков и быстро заполнили новые рынки на юге. С) Собственно камвольные ткани из расчесанной длиноволокнистой шерсти, имевшие основу и уток. Это была более яркая материя, чем ткани первого типа, для нее требовалось меньше шерсти, которую при этом не очищали, — такие ткани хорошо подходили для климата нетропических стран Средиземноморья. Д) «Новые ткани», или «ткани с набивкой» (*stuffs*), исходно представляли собой разновидность предыдущего типа. Они были самые яркие, обладали широким разнообразием моделей, сырье для них частично очищалось. Уток этих тканей периодически представлял собой шелк, лен или хлопок. Сюда входили различные виды саржи, ситцы, шуршащие ткани и фланель (*Bowden. Wool Trade*, pp. 41–43; *Friis. Alderman Cockayne Project*, p. 2; *Supple. Commercial Crisis*, p. 5; *Coleman, D. C. An Innovation and its Diffusion: The New Draperies* // *Economic History Review*, 2nd ser., XXII, 34, Dec. 1969, 418–423).

статьи экспорта значительно увеличивалось, в то время как экспорт «старых тканей» шел на спад.²⁶⁵

Существовал и второй путь разрешения дилеммы высоких цен: развитие реэкспортной торговли. Именно это направление английской торговой политики стимулировало развитие двух наиболее заметных новых трендов XVII века: заинтересованности Англии в колониальной экспансии и англо-голландского соперничества. Оба эти тренда кристаллизуются после Гражданской войны, однако и до нее они были вполне очевидны.²⁶⁶

Для новых продуктов требовались новые рынки. Важнейшее новое поле для английского экспорта обеспечили Испания и средиземноморская зона в целом²⁶⁷ — эти области были сравнительно свободны от ограничений в пользу старинных английских монополий.²⁶⁸ В частности, испанский рынок

²⁶⁵ Причину этого роста П. Дж. Боуден усматривает в технологических, а не в торговых факторах: «Пастбище гораздо сильнее влияло на тонкорунность и длину волокон шерсти, чем температурный фактор: чем больше пищи получала овца, тем толще она становилась, а волокнистость шерсти увеличивалась вместе с телом животного... Огораживания земли под пастбища облегчили жизнь как самим фермерам, так и овцам. Как утверждал некогда лорд Эрнл*, „благодаря росту огораживаний овец стали лучше кормить, поэтому шерсть увеличивалась в весе и длине, хотя и теряла кое-что в плане качества“. Поэтому в XVI–XVII веках предложение тонкой и короткой английской шерсти постепенно сокращалось, а предложение более длинной и грубой, наоборот, увеличивалось» (Bowden. *Economic History Review*, 2nd ser., XI, 1, 1956, 45–46). Саппл отвечает, что Боуден «забывает принять в расчет как рост континентальной индустрии, для обеспечения которой требовалось сокращать производство тканей худшего качества, так и значительно выросшие запасы европейской шерсти, на которых базировалась континентальная индустриализация. Более того, *прямая* конкуренция была наиболее острой не на рынке высококачественных тканей, а на рынке сравнительно грубого текстиля — этот рынок, видимо, так вырос, что товары худшего качества, произведенные за границей, предположительно, замещались традиционным английским тонким сукном. Таким образом, спад в английской промышленности, имевший столь неблагоприятные последствия для „старых“ тканей, был лишь одним из событий в ряду радикальных перемен на рынке тканей и в сфере альтернативного предложения» (*Supple. Commercial Crisis*, p. 143).

²⁶⁶ Fisher. *London's Export Trade in the Early Seventeenth Century* // *Economic History Review*, 2nd ser., III, 2, 1950, 159–161.

²⁶⁷ «Растущая сила английской экономики в середине [XVII] века, в преддверии Гражданской войны, нигде не была так заметна, как в торговых отношениях Англии со Средиземноморьем. В этот период английская промышленность решала технические проблемы, которые прежде удерживали ее на месте, и заполняла рынки восточного и западного Средиземноморья товарами из шерсти, одновременно снижая долю Турции и Италии в поставках сырья для промышленности» (Davis, Ralph. *England and the Mediterranean, 1570–1670* // *Essays in the Economic and Social History of Tudor and Stuart England* / F. J. Fisher, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1961, 117).

²⁶⁸ См. Fisher. *Economic History Review*, III, 336. Боуден: «Продукция [старых шерстяных производств] наилучшим образом подходила для Северной, Центральной и Восточной Европы, в то время как [новые камвольные производства] великолепно соответствовали теплоту, но при этом не тропическому климату Средиземноморья. Удачей Англии было то, что она обладала квазимонополией на длинноволокнистую

был привлекателен благодаря «внутренней инфляции и закупкам товаров для колоний».²⁶⁹ Так Англия стала поглощать труп Испанской империи, и по мере того как итальянская индустрия шла на спад, английский экспорт частично заполнял образовавшийся разрыв.²⁷⁰

Что касается колонизации, то следует вспомнить, что в течение длительного времени у Англии (а также у Франции и Голландии) не было необходимости напрямую участвовать в колониальных предприятиях. Текст мирного договора в Като-Камбрези — безусловно, в подтверждение усталости от имперской экспансии — содержит удивительную фразу: «К западу от первого меридиана и к югу от тропика Рака... насилие, причиненное одной из сторон другой, не должно рассматриваться как нарушение данных соглашений».²⁷¹ Это положение, широко известное как «Нет мира за линией»*, было еще раз подтверждено Вервенским миром 1598 года, в котором провозглашалась не только свобода сторон создавать новые поселения, но и свобода грабежей, и на полсотни с лишним лет именно грабеж станет куда более прибыльным делом, чем могли бы стать поселения.²⁷² Колонизация, напротив, казалась сомнительной затеей. Предполагалось, что в Новом Свете испанцы уже захватили все хорошие места, и «даже деятельные елизаветинцы — а более всего сама королева — были уверены в безнадежности попыток наугад обследовать обширный континент».²⁷³ Кроме

шерсть» (Bowden. *Economic History Review*, IX, p. 57). Теперь понятие «монополия» означало отсутствие конкуренции, а не ограничения правового характера для вхождения на какой-либо рынок. К середине XVII века длинноволокнистая шерсть производилась в Ирландии, а к концу столетия она в ограниченных количествах стала производиться в Голландии, Зеландии и во Фландрии (см. p. 53, прим. 3).

²⁶⁹ Fisher. *Economic History Review*, III, p. 155.

²⁷⁰ См. Wilson, Charles. Cloth Production and International Competition in the 17th Century // *Economic History Review*, 2nd ser., XIII, 2, 1960, 212.

²⁷¹ Цит. по: Rich. *New Cambridge Modern History*, III, p. 467.

²⁷² «[Испанские колонисты Нового света], алчные до рабов и любых мануфактурных товаров, имели достаточно денег, но при этом в силу законодательных ограничений были вынуждены приобретать товары у жадных и неэффективных монополий — это создавало прекрасный рынок для контрабанды с умеренным риском» (Parry. *New Cambridge Modern History*, III, pp. 516–517).

Джон Мейнард Кейнс был одним из первых, кто признал важность каперства в процессе накопления капитала в Англии. Он упрекал предшествующее поколение историков за то, что они пренебрегали этим солидным источником поступления благородных металлов: «Для наших историков, например для „Современной Кембриджской истории“, характерно, что они не придают значения таким экономическим факторам в формировании Елизаветинской эпохи и обеспечении условий ее величия» (Keynes. *Treatise on Money*, II, p. 156, прим. 1).

Уэбб описывает эти грабежи как «шальные деньги, полученные дважды». Иными словами, «вместо того, чтобы, как испанцы, добывать золото и серебро в прямом смысле этого слова, англичане отбирали металлы силой уже после того, как те оказывались у испанцев...» (Webb. *The Great Frontier*, p. 196).

²⁷³ Parry. *New Cambridge Modern History*, III, p. 524.

того, у Англии была Ирландия — место для поселения эмигрантов на постоянное место жительства.²⁷⁴

Подобное отношение к колонизации изменилось после 1600 года, когда Англия фактически объединилась с Шотландией благодаря унии двух престолов в лице Иакова I. Колонизация Ирландии как англичанами, так и шотландцами началась с новой силой,²⁷⁵ и Ирландия оказалась включенной в британскую систему разделения труда. Леса Ирландии использовались для обеспечения Англии древесиной.²⁷⁶ В течение ближайших ста лет Ирландия станет главным центром черной металлургии под контролем англичан,²⁷⁷ а поселения для эмигрантов Англия начнет создавать в Северной Америке. Парри полагает, что эти изменения объясняются закатом престижа Испании и поисками нового сырья — дешевых продуктов питания, в особенности рыбы,²⁷⁸ и стратегических товаров (лес, пенька, смола), балтийские источники которых могли быть отрезаны в ходе войны. Кроме того, американские колонии могли стать новыми

²⁷⁴ См. *ibid.*, p. 526. Даже по отношению к Ирландии английская политика в это время была мягче. Ирландия вела обширную торговлю с Испанией, и даже если для англичан это было невыгодно и вызывало подозрения, то они не стремились подавить эту торговлю. «По крайней мере, в этом отношении Англия при Елизавете была более лояльной к Ирландии, чем раньше, а ирландские католики не были экономически бессильны» (*Falls, Cyril. Elizabeth's Irish Wars. London: Methuen, 1950, 20*).

²⁷⁵ См. *Lythe. The Economy of Scotland*, pp. 63–70. Одновременная попытка основать поселения в Новой Шотландии* оказалась неудачной, поскольку «после 1603 года Шотландия лишилась независимой внешней политики и без искреннего одобрения Англии столкнулась в Америке с другой державой, способной отстаивать свои амбиции — Францией [p. 75]».

²⁷⁶ «В 1600 году лесом была покрыта одна восьмая территории Ирландии. Через сто лет все эти леса полностью исчезли. Продажа леса для дубления кожи, кораблестроения, производства трубок и бочек, выплавки железа сулила быстрое обогащение. Кроме того, лес вырубали для внутреннего потребления в качестве строительного материала и дров. Помимо экономических мотивов, в уничтожении лесов и болот существовали политические соображения, поскольку в этих местах английская конница не могла преследовать ирландских повстанцев» (*McCracken, Eileen. The Woodlands of Ireland circa 1600 // Irish Historical Review, XI, 44, Sept. 1959, 273, 287, 289*).

²⁷⁷ «В целом общепризнано, что подъем контролируемой англичанами ирландской металлургии совпадал по времени с периодом нехватки топлива в самой Англии. Теперь же представляется вероятным, что основной трудностью, которая преследовала английскую промышленность, была стоимость топлива, а не его нехватка...

К концу XVI века в структуре издержек при выполнении работ в Англии наиболее дорогостоящими статьями были топливо и рабочая сила... В то же время в Ирландии соответствующие затраты были гораздо меньше...» (*Ibid.*, p. 295).

²⁷⁸ В промежутке 1550–1600 годов англичане стали вытеснять испанцев с мест рыбной ловли у берегов Северной Америки. Этот становилось все более очевидным после 1580 года, когда Дания начала внедрять систему лицензирования рыболовства в исландских водах. К концу столетия Англия утвердилась на полуострове Авалон**, однако обезопасить свое положение в Ньюфаундленде и Новой Англии и захватить испанский рынок англичанам удастся не ранее 1600–1650 годов (*Innis. The Cod Fisheries*, pp. 30–81).

рынками сбыта для промышленных изделий и местом для вывоза бедноты.²⁷⁹ Все это, безусловно, верно, однако, за исключением упадка испанской военной мощи, произойдет в основном лишь сто лет спустя. Не была ли эта новая схватка трех держав северо-западной Европы за колонии не более чем свидетельством их конкурентоспособности? Не была ли это, по большому счету, упреждающая колонизация, особенно логичная вследствие упадка Испании?

Воздействие этих экономических колебаний ускорило политический кризис в Англии. Я думаю, что Перес Сагорин вполне точно уловил природу этого конфликта:

«Происхождение Английской революции следует искать не в классовой борьбе, поскольку ведущие группы обеих сторон Гражданской войны включали многих представителей одного и того же экономического класса, развитие которого неуклонно происходило в течение предшествующего столетия, — истоки революции следует искать в конфликте между разными группами самого этого класса, входившими в правящие элиты Англии».²⁸⁰

И эта междоусобная война внутри правящего класса была не просто вызвана крайностями международной экономической арены, но стала возможной благодаря тому, что ранее были устранены две главные опасности для английской политической системы — по словам Стоуна, «со сцены устранили голытьбу и испанцев...»²⁸¹

Есть два довольно глупых спора, относящихся к началу Гражданской войны. Первый из них таков: была ли война неизбежностью? В ответ на утверждение Тони, что «падение монархии было ускорено политикой Тюдоров по ее сохранению»,²⁸² Тревор-Роупер заявляет, что главной проблемой была расточительная администрация, которую можно было реформировать парламентскими методами. «Сама по себе монархия, конечно, не была

²⁷⁹ См. Parry. *New Cambridge Modern History*, III, p. 527.

²⁸⁰ Zagorin. *Journal of Economic History*, XIX, pp. 391–392. Похожий аргумент изначально выдвигал Тони: «В первую очередь это была борьба между различными типами хозяйства, которые более соответствовали специфическим особенностям регионов, нежели социальному расслоению» (Tawney. *Essays in Economic History*, I, p. 186).

²⁸¹ Stone. *Economic History Review*, XVII, p. 120. Конечно, лишь в подобной обстановке сравнительной безопасности можно обнаружить столь курьезную картину, когда привилегированные компании рассчитывают на своего благодетеля, государство. Вот объяснение Роберта Эштона: «Сложно избежать умозаключения, что многие компании достигли такой стадии своего развития, что они были склонны считать само собой разумеющейся высокую степень правительственной поддержки и в большей степени обращали внимание на те свои цели, которые оставались невыполненными, нежели на те существенные преимущества, которые уже были достигнуты. Учитывая подобные умонастроения, очевидные нарушения привилегий, судя по всему, привлекали все более пристальное внимание участников этих концессий*» (Ashton. *Charles I and the City* / Fisher, ed., 151). Если бы социальная структура действительно была под угрозой извне или изнутри, трудно представить, что привилегированные компании себе бы это позволили.

²⁸² Tawney. *Proceedings of the British Academy*, p. 212.

помехой. Абсурдно утверждать, что такая политика была невозможна без революции».²⁸³

Вернувшись во Францию в конце этой главы, мы увидим, каковы были последствия тех административных реформ, которые Тревор-Роупер задним числом предлагает Долгому парламенту*. Однако «неизбежность» — это игра с предсказуемо ничейным результатом. Если отличается хотя бы один фактор некоторого процесса, то, естественно, будут отличаться и результаты. Но когда есть один такой фактор, то почему бы не быть двум, трем? Реальность же состоит в том, что Гражданская война действительно произошла, и задача изучающих ее — объяснить, как случилось это событие.

Другой нелепый вопрос — были ли вера в свободу и религия «реальными» проблемами, разделявшими Англию? Г-н Хекстер настаивает на том, что проблема существовала на самом деле, и удивляется, что с этим согласны столь многие его соратники и противники по дискуссии (Хинтон, Стоун, Покок, Хилл и Тревор-Роупер — лично и от имени Тони). Поэтому Хекстер приглашает их в свою компанию «вигов»,²⁸⁴ Джон Г. А. Покок на это предложение хотя бы обиделся, настаивая, что он «постмарксист», а не «неовиг».²⁸⁵ Но это не делает более осмысленной саму постановку вопроса, поскольку действующие лица Гражданской войны, естественно, определяли многие разделяющие их вещи идеологическими понятиями из области политической свободы и религиозных взглядов. Конечно же, они именно это и имели в виду, а результаты Гражданской войны, понятное дело, повлияли на нормативную систему, регулирующую политическую жизнь Англии.

Препарировать идеологические координаты политического и социального конфликта, разумеется, никогда не бессмысленно, если только этот анализ укоренен в социальных отношениях, которые превалируют в данный отрезок времени, — именно так можно понять влияние идеологических требований на эти отношения. *На самом же деле* указанный спор ведется о тотальности этих отношений, о том, остаются ли они прежними или меняются в некотором особенном направлении.

Как и все крупные социальные перевороты, Английская революция была сложным конфликтом. Одним из основных его направлений был конфликт между теми, кто превозносил роль монархии, надеясь тем самым ухватиться за уходящую в прошлое систему привилегий и статусов,²⁸⁶ — для этих людей, как будто парализованных навязываемыми миром-экономикой альтернативами, страх социальной революции перевешивал иные соображения, и теми, кто, напротив, стоял за дальнейшую коммерциализацию сельского хозяйства, кто приветствовал определенные изменения в системе социальных статусов, кто не видел ничего хорошего в чрезмерных расходах двора и был ориентирован на получение Англией максимальных преимуществ в мире-экономике.

²⁸³ Trevor-Roper. The European Witch-Craze, pp. 86–87.

²⁸⁴ Hexter. Encounter, XI, p. 76.

²⁸⁵ Pocock, J. G. A. Letter to the Editor // Encounter, XI, 4, Oct. 1958, 70.

²⁸⁶ Stone. Crisis of the Aristocracy, pp. 349–351.

[Франция в конце «второго» XVI века]

Вернемся во Францию, где положение дел было аналогичным, за исключением самого главного. Дэвид Биттон полагает, что 1560–1640 годы были «ключевой фазой перехода Франции от знати позднего Средневековья к аристократии Старого порядка».²⁸⁷ Аналогичный процесс происходил в это время и в Англии, но насколько он отличался во французском случае! В масштабной дискуссии Бориса Поршнева и Ролана Мунье, о которой еще пойдет речь, Поршневу утверждает, что существовавшая в этот период во Франции «продажность должностей вела не к „обуржуазиванию“ власти, а к „офеодаливанию“ части буржуазии».²⁸⁸ На что Мунье отвечает: «Не было никакого „феодально-абсолютистского“ порядка. Имела место определенная тенденция к абсолютизму, направленная против феодального порядка, остатки которого стремились парализовать абсолютизм».²⁸⁹ На мой взгляд, отчасти это спор о словах, хотя в прочем Поршневу взял верх. Но, несмотря на это, можно сказать, что Мунье ближе к истине, если приложить его аргументацию к объяснению происходившего в Англии, а аргументацию Поршнева, напротив, применить к Франции. Значит, схематически и чрезмерно упрощая, можно утверждать, что в Англии аристократия проиграла в короткой перспективе, но выиграла в длительной, поскольку ей удалось трансформироваться в капиталистическую буржуазию. В то же время во Франции аристократия победила на короткой дистанции, заставив буржуазию отказаться от ее собственных функций и тем самым принудив ее внести определенную лепту в экономическую стагнацию. Мы утверждаем, что именно такое развитие событий стало закономерным следствием разного отношения двух стран к целому миру-экономики.

Но все же для начала еще раз рассмотрим, насколько правомерно подобное описание французской социальной системы. По уже указанным причинам французское государство в 1600 году было сильнее английского. Это означало, что пополнить ряды бюрократии было «для буржуазии основным способом восхождения по социальной лестнице»,²⁹⁰ гораздо более значимым, чем в Англии. В свою очередь, эта торговля должностями вела к тому, что французская монархия была более серьезно, напрямую заинтересована в наличии буржуазии.²⁹¹ На этом основании Мунье утверждает, что во Франции в данную эпоху существует довольно открытая классовая структура.²⁹² Но сам же Мунье

²⁸⁷ Bitton. *The French Nobility in Crisis*. Stanford, California: Stanford Univ. Press, 1969, 1.

²⁸⁸ Поршнев Б. Ф. Народные восстания во Франции перед Фрондой (1623–1648). М.-Л., 1948, с. 634.

²⁸⁹ Mousnier, Roland, ed. *Lettres et mémoires adressés au Chancelier Séguier* (1633–1649), Vol. I. Paris: Presses Universitaires de France, 1964, 82–83.

²⁹⁰ Mousnier, Roland. *La vénalité des offices sous Henri IV et Louis XIII*. Rouen: Ed. Maugard, ок. 1945, 58, 493–494. См. тж. 518–532.

²⁹¹ Pagés. *La vénalité des offices dans l'ancienne France* // *Revue Historique*, CLXIX, 3, 1932, 493–494.

²⁹² «Иерархическая дистанция между классами, даже классовая борьба сохранялись, однако четкого разделения классов не существовало. Переход из одного класса

показывает, насколько сложным был путь вверх: для простолюдина (*roturier*) подъем до положения «докладчика» (*maître des requêtes*)* занимал в обычном случае четыре поколения.²⁹³ Я полагаю, что на самом деле классовую ситуацию более тонко уловил Поршневу. В рамках этой ситуации высокая степень межклассовой мобильности была менее важна, чем наличие определенных страт, для членов которых ощущение принадлежности к тому или иному классу варьировалось в зависимости от конкретной ситуации. Наиболее значимой подобной стратой была бюрократия буржуазного происхождения, или дворянство мантии (*noblesse de robe*):

«Когда рабочий, сохранивший свои связи в деревне, лишается работы на фабрике, он снова становится крестьянином. В тот момент, когда у должностных лиц XVII века пытались отнять их собственность на должности или их привилегии, т. е. отсечь у них дворянскую, привилегированную природу, они автоматически возвращались, хотя бы в тенденции, в исходное состояние буржуа... Ущемленные Мазарины, должностные лица почувствовали себя буржуа и в начале Фронды повели себя как собственно буржуазный класс: возглавили революцию**». ²⁹⁴

Именно потому, что приобрести формальный аристократический статус во Франции было сравнительно легко (в Англии при Стюартах было то же самое, но в меньшей степени), в XVI веке появилась та «двузначность статуса дворянина», на которую жаловалась французская аристократия. Это создавало «навязчиво маниакальную проблему почетных привилегий»,²⁹⁵ а также обусловило чрезвычайно сильный акцент на строгости правил поведения дворянина и способствовало появлению теории лишения дворянства (*Dérogance*)***. ²⁹⁶

Традиционное описание абсолютной монархии как института, состоявшего в союзе с буржуазией против аристократии, всегда противоречило тому, что так называемый классический режим абсолютной монархии Людовика XIV был одновременно и первым образцом нового утверждения сеньориальных привилегий. Марк Блок разрешал данную дилемму предположением, что из двух противоположных явлений наиболее значимым было последнее, и если бы не абсолютная монархия, то тенденция к новому утверждению аристократии проявилась бы в полную силу. Иными словами, можно утверждать, что «победа абсолютной монархии ограничила размах „феодальной реакции“». ²⁹⁷

в другой был возможен и происходил посредством детализированного церемониала, сопровождаемого множеством нюансов» (*Mousnier. Vénalité*, p. 532).

²⁹³ См. *Mousnier. Lettres et mémoires*, I, pp. 168–169.

²⁹⁴ Поршневу. Народные восстания во Франции, 635.

²⁹⁵ *Bitton. The French Nobility in Crisis*, p. 100.

²⁹⁶ См. *ibid.*, pp. 70–76.

²⁹⁷ Блок. Характерные черты, 190.

А.Д. Люблинская, по существу, согласна с Блоком²⁹⁸ в своем изображении Франции периода «второго» XVI века. После 1559 года роль иностранных банкиров во Франции стала уменьшаться как из-за упадка Италии и Германии, так и по причине религиозных войн. Однако эти войны препятствовали и тому, чтобы образовавшийся разрыв заполнила французская буржуазия. Поэтому для пополнения казны французское правительство создало систему налоговых откупов. Фактически откупщики оказались включены в государственную финансовую машину. «Налоговые откупы были прибыльным делом. Это становится ясным из того, что правительство учредило систему принудительных займов у главных откупщиков, превратив последних в своих кредиторов».²⁹⁹ Соответственно, тесные связи между «финансистами» и государством — столь сильные потому, что выживание первых зависело от силы последнего, — обеспечивали то, что «сильное правительство, которое желали видеть финансисты... оставалось в сильной же зависимости от потребности в их кредитах».³⁰⁰ И пусть, похоже, не совсем верно, что монархия не облагала нобилитет никакими налогами,³⁰¹ но именно сама зависимость государства от обладателей купленных должностей (*officiers*) делала налогообложение дворянства исключительно проблематичным, поскольку, как утверждает Люблинская, налоговая реформа обязательно предполагала бы затраты на обратный выкуп (*repurchasing*) этих должностей за наличные, что было для государства слишком затратно.³⁰² Все, что увеличивало задолженность государства, только усиливало позиции этих чиновников. В частности, «война была для финансистов очень прибыльным делом».³⁰³

То, что некоторые из приведенных обоснований придуманы для объяснения *ad hoc* [для конкретного случая — *lat.*], можно увидеть, если сразу же обратиться к Англии, где «налоговый феодализм», т.е. сбор налогов синдикатами предпринимателей, также стал всеобщей практикой при Елизавете и первых Стюартах,³⁰⁴

²⁹⁸ «Основное направление политики абсолютистского государства следовало линии, благоприятной для буржуазии, которая позарез нуждалась в сильной централизованной власти, способной защитить ее экономические интересы как внутри Франции, так и за ее пределами» (*Lublinskaya. French Absolutism*, p. 330).

²⁹⁹ *Ibid.*, p. 240.

³⁰⁰ *Ibid.*, p. 271.

³⁰¹ «Было бы совершенно неверно полагать, что знать была полностью защищена от фискального давления на деревню со стороны правительств Людовика XIII и Регентства» (*Deyon, Pierre. A propos de rapports entre la noblesse et la monarchie absolue pendant la première moitié du XVII siècle // Revue historique*, CCXXXI, avr. — juin 1964, 342).

³⁰² См. *Lublinskaya. French Absolutism*, p. 226. Коррадо Виванти добавляет, что движение в этом направлении было бы опасным для государства как в политическом, так и в экономическом отношении, поскольку это «привело бы к созданию коалиции всего третьего сословия против абсолютной монархии» (*Vivanti. La rivolta popolare in Francia prima della Fronde e la crisi del secolo XVII // Rivista storica italiana*, LXXVI, 4, dic. 1964, 966).

³⁰³ *Lublinskaya. French Absolutism*, p. 271.

³⁰⁴ См. *Hurstfield, J. The Profits of Fiscal Feudalism, 1541–1602 // Economic History Review*, 2nd ser., VIII, 1, 1955, 53–61; *Ashton, Robert. Revenue Farming under the Early Stuarts // Economic History Review*, 2nd ser., VIII, 3, 1956, 310–322.

но при этом в Англии не было ни религиозных войн, которые бы объясняли необходимость этой меры, ни логичного для подобной системы крупномасштабного роста продажи должностей. Более того, ограничения, установленные в Англии на деятельность налоговых откупщиков, стали результатом административной реформы, непосредственными причинами которой были сложное состояние военных финансов и необходимость значительно сократить долю посредников, стоящих между государством и налогоплательщиками.³⁰⁵

Однако все это мелочи в сравнении с более серьезной критикой данной линии аргументации Борисом Поршневым, который провел полномасштабное наступление на тезис о том, что «продажность должностей... была формой политического господства буржуазии»³⁰⁶ — эту теорию Поршневу приписывает Паже и далее Мунье. Поршневу стремится доказать, что Франция XVII века — «это было в основном еще феодальное общество, характеризующееся господством феодальных производственных отношений и феодальных форм хозяйства».³⁰⁷

По мнению Поршнева, капиталистические формы хозяйства во Франции, конечно, существовали, но буржуазия «участвовала во власти, приобщалась к политическому господству в феодальном государстве только в той мере, в какой она не была классом капиталистического общества».³⁰⁸ Буржуазия стремилась к титулам из тщеславия и алчности, а также усваивала аристократический образ жизни. Помимо этого, ей приходилось оставлять свойственную именно буржуазии экономическую деятельность, поскольку использование денег в качестве кредитного капитала давало налоговые преимущества, в отличие от инвестиций капитала в промышленность или сельское хозяйство.³⁰⁹

Поэтому во время периодических крестьянских волнений 1623–1648 годов буржуазия проявляла нерешительность. С одной стороны, ее не слишком радовали высокие налоги, но с другой стороны, буржуазия идентифицировала себя с интересами аристократии и боялась плебеев. Одни буржуа бунтовали, другие покинули страну, третьи договорились с государством путем приобретения постов и вложения денег в кредитные операции.³¹⁰

На вопрос, почему в Англии и Голландии появилась обуржуазившаяся (*embourgeoisée*) знать, а во Франции не появилась, Поршневу дает следующий ответ: «во Франции, в силу классической законченности и жизнеспособности французского феодализма, совершенно не происходило обуржуазивание части дворянства».³¹¹ Дело не в том, что Франция была более отсталой, а в том, что «качественные особенности французской экономики делали невозможной

³⁰⁵ См. *Hurstfield*. *Economic History Review*, VIII, p. 60.

³⁰⁶ *Поршнев*. Народные восстания во Франции, 27.

³⁰⁷ Там же, с. 31.

³⁰⁸ Там же, с. 598.

³⁰⁹ См. там же, с. 598–616.

³¹⁰ См. *Porchnev, Boris*. *Les soulèvements populaires en France de 1623 à 1648*. Paris: S.E.V.P.E.N., 1963, pp. 282–285, 446.

³¹¹ *Поршнев*. Народные восстания во Франции, 637.

такую группировку классовых сил, при которой мыслима была бы половинчатая буржуазная революция вроде английской». ³¹² Именно здесь, в этом ключевом для нас сравнении Англии и Франции, очевидность аргументов Поршнева оказывается под вопросом, поскольку ему приходится прибегать к помощи необъясняемых понятий типа «совершенный феодализм», неких неопределенных «качественных особенностей» и бессодержательного концепта «половинчатой революции»*.

И тут руку помощи Поршневу протягивает Коррадо Виванти. Вслед за Поршневым отвергая аргумент Мунье о Фронде как изолированном моменте французской истории, Виванти полагает, что Поршневу не последовало логики своей собственной аргументации до конца, а вместо этого погряз в обвинениях буржуазии в предательстве революции. Буржуазия и не могла сделать иначе, поскольку она еще не «сформировалась как социальная группа, достаточно сильная и самостоятельная» ³¹³ для того, чтобы поступать иначе. Виванти формулирует свою гипотезу в форме вопроса:

«Насколько справедливо утверждение, что „феодалная реакция“, „реставрация“ и в конечном итоге само „предательство буржуазии“ являются основополагающей причиной (в другом смысле, нежели где-либо еще в аналогичных условиях кризиса) того, что процесс накопления капитала во [французской] экономике XVI века потерпел неудачу?» ³¹⁴

Иными словами, учитывая «те объективные препятствия, которые в конечном итоге помешали третьему сословию выйти самостоятельным игроком на политическую и социальную сцену», ³¹⁵ не был ли такой путь развития вторым из двух возможных положительных вариантов? Пусть этот путь и не позволил Франции сравняться в уровне развития с Англией, но он, тем не менее, предотвратил и присоединение Франции к компании полупериферийных государств типа Испании или Италии. Даже экономика южной Франции, которая шла по пути развития испольщины, не деградировала до уровня своих соседей по средиземноморской зоне. Ле Руа Ладюри настаивает, что, в отличие от северной Италии и Кастилии, положение дел в хозяйстве южной Франции (а также Каталонии) «было спокойным и умеренным, экономика видоизменялась и набирала устойчивость, хотя при этом не менялась к лучшему; [...] Драма Лангедока была не в упадке, а в неэластичности, ригидности сельскохозяйственного производства; не в регрессе [*decroissance*], но в отсутствии заметного роста». ³¹⁶ Именно это и произойдет с южной Францией, но на полвека позже, чем с другими указанными территориями.

Люсьен Гольдман также критикует теорию союза абсолютной монархии и буржуазии. Он утверждает, что основной альянс, напротив, был заключен

³¹² Там же, с. 638.

³¹³ Vivanti, Corrado. Rivista storica italiana, LXXVI, p. 966.

³¹⁴ Ibid., p. 965.

³¹⁵ Ibid., p. 965.

³¹⁶ Le Roy Ladurie. Paysans, pp. 636–637.

между монархией и знатью, однако монархии при этом пришлось обезопасить себя с фланга, создав новую буржуазию. Но затем, считает Гольдман, как раз для того, чтобы эта буржуазия и далее оставалась буржуазией, а не становилась псевдоаристократией, монархия в начале XVII века начала налоговую реформу, введя так называемую *полетту* (*paulette*).³¹⁷ Устанавливая налог на должности, полетта сохраняла систему приобретения бюрократических рангов, что, соответственно, оставляло буржуазию буржуазией³¹⁸ и в то же время делало ее зависимой от монархии.³¹⁹

Объяснение Гольдмана основано на разграничении двух типов государственных служащих: более старой группы, состоявшей из нотаблей (*notables*) и дворянства мантии (*noblesse de robe*), чиновников (*officiers*), а также членов высших судов и региональных парламентов (*Cours souverains* и *parlements*), и сравнительно новой группы: комиссаров (*commissaires*) и государственных советников (*Conseillers d'Etat*), а также интендантов (*intendants*) и докладчиков (*maîtres de requêtes*)*. По мнению Гольдмана, «в первой половине XVII века и особенно в промежутке между 1620 и 1650 годами»³²⁰ вторая группа вытесняла первую. Гольдман считает, что стимулом для становления новой системы было стремление монархии «вновь обрести почву под ногами после прихода к власти Генриха IV в 1598 году»³²¹ — ту почву, которая была утрачена в ходе Религиозных войн.

Поскольку «старые» чиновники (*officiers*) оказали монархии громадную помощь во время Религиозных войн и поэтому рассчитывали, что их сила

³¹⁷ Полетта получила свое название по имени придумавшего этот налог финансиста Поле. До введения полетты декретом 1604 года должности могли перепродаваться одним лицом другому, но не передавались по наследству, поскольку если чиновник умирал меньше чем через 40 дней после подписания сделки, то переход считался недействительным. Декрет 1604 года позволил оставлять должность наследникам при условии, что чиновник в начале каждого года платил налог (полетту) в размере 1/60 стоимости должности (*Swart. The Sale of Offices*, pp. 9–10).

³¹⁸ «Правительство ограниченной монархии зависело от чиновников (*officiers*), высших судов и региональных парламентов (*Cours souverains**), что подразумевало тесное взаимопонимание между королем и третьим сословием. Напротив, правительство абсолютной монархии зависело от секций Королевского совета** (*Conseils*) и интендантов, и это предполагало баланс сил между различными классами, т. е. между знатью, с одной стороны, и чиновниками и третьим сословием, с другой. Поэтому становление абсолютной монархии означало... проведение политики альянса между короной и аристократией. Риск здесь состоял в том, что аристократия могла проложить путь в государственный аппарат тем же способом, как это сделала буржуазия, когда король объединялся против знати с третьим сословием. Поэтому корона, в первую очередь, должна была следить за тем, чтобы этот аппарат оставался над всеми социальными классами, а во-вторых, обеспечить, чтобы должности (*offices*) оставались исключительно в распоряжении среднего класса» (*Goldmann, Lucien. The Hidden God. New York: Humanities Press, 1964, 127–128*). Для этого и была необходима полетта.

³¹⁹ См. *ibid.*, p. 129.

³²⁰ *Ibid.*, p. 580.

³²¹ *Ibid.*, p. 580.

и влияние будут расти, а не наоборот, введение полетты³²² и усиление комиссаров не оправдало их ожидания. Напряженность между «старыми» чиновниками и комиссарами увеличивалась, достигнув наивысшей точки примерно в 1637–1638 годах. Гольдман связывает это с распространением среди старого чиновничества идеологии янсенизма, которая «настаивала на непреодолимой тщете мирского и на этом основании утверждала, что спасение можно обрести лишь в одиночестве и уходе в себя».³²³

В то время как изображения монархии у Гольдмана и Поршнева вполне схожи, гольдмановский портрет буржуазии ближе к Мунье, который открыто заявляет, что «крайне нерасположен считать XVII век „феодальной“ эпохой, поскольку это был скорее период, когда „торговый капитализм“ проник в глубь страны»,³²⁴ — именно всей страны, а не только в города. Монополии были не тормозом, но необходимым «условием развития капитализма на этом этапе».³²⁵ Однако же самым неприемлемым, с точки зрения Мунье, является приравнивание чиновников к знати (*nobility*), на что Мунье реагирует с чутьем подлинного аристократа:

«Юридически чиновник определенного ранга является представителем нобилитета (*noble*), — именно представителем нобилитета, а не дворянином (*gentleman*) или сеньором (*seignior, in feudal*). Поршневу же никогда не делает этого разграничения. Станем ли мы называть венецианский нобилитет (*nobility*), который составляло крупное купечество, феодальным сословием? Во Франции же общество настаивало на подобном разграничении. Чиновник, оказавшийся в рядах нобилитета благодаря своей должности, оставался буржуа. В народе осуждалось, что подлинная знать, то есть дворянство, оставалась без государственного трудоустройства, а государственные посты были привилегией тех, кого иронично называли «дворянами пера и чернильницы». Буржуа, будь он чиновником или комиссаром, все так же оставался буржуа, но при этом он фактически возглавлял *fleur de lys* [французскую монархию, букв. цветок лилии — символа Бурбонов]* и носил чиновный пурпур, рядился в титулы не только рыцарей, но и баронов, претендуя даже на должности президента парламента или члена Королевского совета».³²⁶

³²² Иными словами, вначале были обманутые ожидания. Стоило чиновникам утратить первоначальные надежды на мощь и влияние, как они увидели полезную сторону полетты (*Goldmann. The Hidden God*, p. 129).

³²³ *Ibid.*, p. 580.

³²⁴ *Mousnier. Recherches sur les soulèvements populaires en France avant la Fronde // Revue d'histoire moderne et contemporaine*, V, p. 110.

³²⁵ *Ibid.*, p. 108.

³²⁶ *Ibid.*, p. 110. Коррадо Виванти отвечает Мунье: «Когда Мунье, показывая крайние последствия злоупотребления подобной терминологией, спрашивает: „Станем ли мы называть венецианский нобилитет, который составляло крупное купечество, феодальным сословием?“, по аналогии тут же приходит на ум знаменитая строчка: „В Сардинии король, но в Пизе ты лишь горожанин“* [‘vi che re siete in Sardegna / e in Pisa cittadini’ — *um.*]. Однако можно, по меньшей мере, вспомнить, что в действительности венецианский патрициат также был вовлечен в захват феодальных владений в Восточной (т.е. Византийской, а позднее Османской) империи и в венецианской Терраферме» (*Vivanti. Rivista storica italiana*, LXXVI, p. 969).

В итоге Мунье отрицает, что он либо Паже когда-нибудь высказывали предположение, что буржуазия контролировала монархию, — напротив, «это именно монархия подчинила все классы в ходе реконструкции государства. Однако буржуазия поддерживала монархию в этом начинании...».³²⁷

Важно отметить, что в этом споре оказалось сваленным в одну кучу множество проблем. Во-первых, природа самой системы. Далее — природа отношений между классами. В-третьих, роль монархии. В предыдущих главах мы уже объяснили, почему понятие «феодализм» применительно к сельскохозяйственному производству рассматриваемого периода (имеется в виду ориентированное на рынок товарное производство, даже основанное на принудительном или полупринудительном труде) мешает анализу и является для него бесполезным. Однако из утверждения, что Франция в это время становилась в первую очередь частью капиталистического мира-экономики, не обязательно следует, что французская буржуазия владела достаточной политической властью. Очевидно, что это не так. В Восточной Европе капиталистическими фермерами были сами аристократы, а местная торговая буржуазия стояла на пути к исчезновению. Аналогичным образом во Франции монархия не обязательно играла какую-то особенную роль, отличавшуюся от роли монархии в других государствах в пределах мира-экономики. Джон Х. М. Салмон указывает, что полемика по поводу Франции начала XVII века, «как и дискуссия о джентри и аристократии в Англии, связана с характером общества и государства периода раннего Модерна».³²⁸ Именно так!

Мунье, возможно, более прав, нежели Поршневу, рассматривая монархию как институт, который был далек от полного управления ситуацией, но при этом боролся за то, чтобы утвердить свое политическое превосходство, причем даже во Франции. Однако Поршневу, в свою очередь, более прав в том, что одним из аспектов, в которых Франция наиболее четко отличается от Англии, был сравнительный политический успех старой французской аристократии, чьи краткосрочные интересы не позволили Франции в долговременной перспективе получить максимальную прибыль от системы разделения труда в мире-экономике.

Теперь перейдем к надвигающемуся «кризису» «долгого шестнадцатого века» и рассмотрим, какое именно влияние он имел на французскую политическую сцену. Начнем с того, что падение цен в 1600–1610 годах на самом деле было экономически благоприятным для Франции и ее буржуазии.³²⁹

³²⁷ *Mousnier*. *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, V, p. 110.

³²⁸ *Salmon*, J. H. M. *Venality of Office and Popular Sedition in Seventeenth Century France // Past & Present*, No. 37, July 1967, 43. Почти буквально то же самое говорит Минна Прествик в рецензии на книги Поршнева и Робера Мандру: «Таким образом, начавшись как спор о природе новых общественных явлений во Франции XVII века, дискуссия превратилась в обсуждение структуры общества и характера государства...» (*Prestwick*. *English Historical Review*, CCCXX, July 1966, 572).

³²⁹ «Низкие цены не оказывали неблагоприятного воздействия на промышленность. Например, во Франции первое десятилетие XVII века, когда сократился

Даже Поршневу считает слишком большим преувеличением, что промышленные капиталисты в тот момент не имели значения для Франции. В данном случае Поршневу признает, что «развитие капитализма шло вперед, хотя и замедленно».³³⁰

Проблема по большей части заключалась в заграничной торговле, о значимости которой для национальных экономик уже говорилось выше, в связи с реакцией Англии на торговый кризис. Несмотря на то, что в 1600–1610 годах Франция в некоторой степени возместила убытки, причиненные разрушениями Религиозных войн, после 1610 года начался второй крупный спад, на сей раз ставший главным образом следствием конкуренции со стороны Голландии и в некоторой степени Англии. В этот период голландцы и даже англичане смогли продавать свои товары дешевле, чем французы, — это произошло именно потому, что Англия и Голландия за предшествующие началу сжатия мирового рынка 50–60 лет накопили решающее преимущество в индустриальном капитале и технологиях:

«По всем значимым показателям Франция отставала от своих конкурентов. Разделение труда на французских мануфактурах находилось на более низком уровне; нехватка квалифицированных работников не позволяла предпринимателям вводить адекватную иерархию уровней заработной платы. Государственные субсидии, абсолютно необходимые промышленности в ту эпоху, были случайными, нерегулярными и незначительными, в то время как денежное накопление оставалось недостаточным; Франция оставалась за рамками процесса колониальных грабежей, который был источником первичного накопления для Голландии и Испании, а в равной степени для английской промышленности.

Вследствие этого французская промышленная продукция была сравнительно дорогой, в результате чего французская торговая и индустриальная буржуазия не могла успешно соперничать с голландцами и англичанами на своем же местном рынке, а в определенной степени и на внешних рынках, поэтому она была вынуждена использовать свой капитал другим способом... Французские кораблестроение и навигация, а стало быть, и французская трансокеанская торговля, отставали от Англии и Голландии в техническом и экономическом отношении...

В силу этих причин французская буржуазия была крайне заинтересована в увеличении реальной защиты со стороны государства, и правительство Франции старалось удовлетворить эту потребность буржуазии».³³¹

государственный долг, был сбалансирован госбюджет и т. д., было временем мануфактурного бума, расцвета ремесленного производства и сельского хозяйства. Доходы купцов и промышленников росли, и в эти годы они определенно обогащались» (*Lublinская. French Absolutism*, p. 13).

³³⁰ Поршневу. Народные восстания во Франции, 615.

³³¹ *Lublinская. French Absolutism*, pp. 144–145. Целлер указывает, что вся система королевских мануфактур (*manufactures royales*), процветавшая во Франции XVI века, особенно при Генрихе IV, была основана на стремлении предотвратить отток из страны благородных металлов. Поэтому король стимулировал создание производств

Все это определяло включение Франции в средний уровень мировой экономики. В то время как Франция могла в определенной мере использовать в своих целях Испанию и Германию, англичане и голландцы могли эксплуатировать французский рынок так же, как и испанский.³³²

Относительная сила французской государственной машины в сравнении с Англией и Соединенными Провинциями не обязательно помогала Франции в разрешении данной дилеммы. Если бы французские монархи того времени безоговорочно стали на сторону развития промышленности и интересов буржуазии, то Франция, несомненно, могла наверстать не такой уж, в конечном счете, значительный отрыв от двух ее соперниц и перехватить у них лидерство. Но политика французских монархов отличалась двойственностью. Их вмешательство в хозяйственные процессы не всегда способствовало укреплению позиций носителей национальных торговых интересов в мире-экономике. В самом деле, один из секретов успеха Англии в сравнении с Францией Неф видит не в разнице королевских намерений, но в том, что французские короли более «результативно» вмешивались в деятельность капиталистических предприятий.³³³

предметов роскоши, чтобы избежать необходимости их импортировать (*Zeller. Essays in French Economic History*, pp. 130–131).

В период экономического сжатия начала XVII века проявились серьезные последствия этого решения. «Для французской экономики дефляция оказалась особенно тяжелой. Продукция, которую экспортировала Франция, не давала впечатляющей нормы прибыли. Французский экспорт держался главным образом на разнице цен с Испанией, а начиная с момента, когда приток металлов замедлился, эта разница сокращалась.

С другой стороны, период дефляции был озаглавлен примечательной попыткой упорядочения хозяйства в тех странах, которые решительно стали на путь развития капиталистического производства, — в Соединенных Провинциях и Англии. Капиталистическое производство предполагало стремление к использованию преимуществ от накопления капитала для получения максимальной рыночной прибыли с помощью соответствующих финансовых средств.

В сравнении с этим легко понять, почему усилия французских мануфактур от Генриха IV до Людовика XIV были не более чем рядом относительно успешных попыток развивать производство предметов роскоши, направленное на ограничение импорта. Несмотря на это, страна в целом оставалась в состоянии финансового голода, отмеченного Демаре* даже в начале XVIII века. Этот факт еще не позднее 1670 года признавал сам Кольбер, сознавшись королю, что сборщики налогов включая генерального откупщика испытывают „общую проблему“ в „изъятии денег из провинций“; в заключение Кольбер сообщил, что еще меньше денег обращалось „в государственной торговле“ (*Meuvret, Jean. Monetary Circulation and the Economic Utilization of Money in 16th and 17-century France // Essays in French Economic History / Rondo Cameron, ed. Homewood: Illinois: Irwin, Inc., 1970, 148–149*).

³³² См. *Lublinskaya. French Absolutism*, p. 328.

³³³ «Однако значительное различие между [Францией и Англией] лежало не в природе их [промышленного] законодательства, а в степени его принудительности. Во Франции чиновники внедряли это законодательство с таким усердием, что ремесленники иногда пытались убить их за это рвение. В Англии же чиновники были столь небрежны, что работники порой объявляли забастовки, чтобы напомнить им о собственных обязанностях... Большинство регламентов оказывало влияние на дальнейшее развитие капиталистических промышленных предприятий...» (*Nef. Industry and Government*, p. 56).

Аналогичным образом, утверждает Неф, сравнительная изоляция Англии от европейских войн этого периода обусловила гораздо меньшую значимость «привычки к подчинению королевской власти»,³³⁴ чем во Франции. Умение французских монархов собирать налоги в сочетании с возможностью знати от них уклоняться означало, что более тяжкая ноша ложилась не только на народ, но в равной степени и на буржуазию.

Наконец, не следует забывать о связи между положением в мире-экономике, достигнутым страной, скажем, к 1610 году, и ее будущей позицией. Трудности в конкуренции с голландцами и англичанами на их внутренних рынках подвигли Францию сконцентрироваться на производстве тех товаров, в которых она исторически имела определенное преимущество и сравнительно более крупный собственный внутренний рынок, нежели другие европейские страны, а именно рынок предметов роскоши, в особенности шелка.³³⁵ Однако в длительной перспективе более стабильную промышленную базу будут обеспечивать дешевые товары для массовых рынков.

Тридцатилетняя война оказалась для Франции тяжелейшей ношей. Вместе с военными расходами и увеличением армии росли и размеры государственной бюрократии, и, как причина и следствие этого, размер налогов — прямых, со стороны государства, и де факто косвенных, в роли которых выступало мародерство армии в сельской местности.³³⁶ Мы уже упомянули влияние войны на стоимость балтийского зерна и вследствие этого на продовольственные цены вообще. Рост цен значительно ускорился из-за крупных эпидемий, которые разразились в промежутке между 1628 и 1633 годами, особенно в 1630–1631 годах. Скудные ли

³³⁴ Ibid., p. 98.

³³⁵ См. Sella. Fontana Economic History of Europe, II, p. 26.

³³⁶ С этим согласны и Поршневу, и Мунье (*Porchnev*. Les soulèvements populaires, pp. 458–463. См. *Mousnier, Roland*. Peasant Uprisings in Seventeenth-Century France, Russia, and China. New York: Harper, 1970, 306–311).

«Война, совпавшая с длительной экономической депрессией, выдвинула высокие требования к финансовым ресурсам и административному аппарату государств [Западной и Южной Европы], которым пришлось форсировано расширять административные полномочия своих правительств и увеличивать налогообложение. Однако эти меры логически дополняли друг друга лишь в идеале — политически же они оказались несовместимы. Бюрократическая машина, необходимая для усиления королевской власти, либо не существовала вовсе, либо же там, где она имела, была неэффективной и плохо контролируемой. Чем больше было финансовое давление на государство, тем чаще центральным правительствам приходилось возвращаться к принципам добровольного содействия со стороны привилегированных классов и корпораций...

Теоретически французская монархия была абсолютной. Ее законодательная и исполнительная власть и почти неограниченные возможности в налогообложении в целом были признаны по всей стране. На практике же монархия была ограничена фактически неприкосновенными правами классов, корпораций и отдельных лиц, а также отсутствием эффективного контроля центра над большими и разнородными группами королевских чиновников. Как и в других странах, военное производство требовало большей централизации, но при этом осуществить данную задачу стало еще сложнее» (*Koenigsberger, H. G. The Hapsburgs and Europe*, pp. 279–280).

урожаи вели к распространению заразы или же последняя создавала нехватку зерна — две напасти случились одновременно и больно ударили по Франции.³³⁷

С учетом этого анализа легко понять, почему в это время во Франции должны были так распространиться крестьянские восстания. Росли не только государственные изъятия у крестьян, но и у знати были трудности с получением причитающихся от крестьян рент и повинностей из-за сжатия производства в сельском хозяйстве.³³⁸ Несомненно, зачастую это вело к тому, что и знать, и крестьяне некоторых регионов были одновременно разочарованы в монархии, так что в определенной мере «во Франции начала XVII века [между сеньором и крестьянином] устойчиво сохранялись преданность и понимание взаимных обязательств».³³⁹ Однако, вопреки склонности некоторых исследователей, было бы ошибкой слишком развивать эту идею, поскольку не только сегодняшним ученым, но и самим крестьянам тех времен было ясно, что после Религиозных войн сеньор, «из старой знати (*noblesse*) он происходил или из новой, был в большей степени причиной крестьянской бедности, чем товарищем крестьянина по нищете» (Салмон).³⁴⁰ В конечном счете, именно политическое поведение знати объясняет медленный темп экономического развития Франции.³⁴¹ При этом частичная индустриализация обеспечивала распространение недовольства из деревни в город, которые были связаны все возрастающим количеством людей, представлявших собой некую разновидность люмпен-пролетариата без определенной занятости. Эти лица постоянно перемещались между городом и деревней, а их прожиточный минимум был слишком мал, чтобы они могли вынести дальнейшее усугубление кризиса.³⁴²

³³⁷ См. *Meuvret, J.* Population in History, особ. 511–512. «Размер собираемых налогов во Франции с 1623 по 1640 годы увеличился с 43 до 80 миллионов ливров. При этом начиная с 1638–1640 годов цена пшеницы заметно снизилась. Это сочетание роста налогов с экономическим спадом стало причиной крупных восстаний в конце правления Ришелье» (*Ardant. Impôt, II*, p. 754).

³³⁸ См. *Porchnev. Les soulèvements populaires*, p. 119.

³³⁹ *Teall, Elizabeth S.* The Seigneur of Renaissance France // *Journal of Modern History*, XXXVII, 2, June 1965, 150.

³⁴⁰ *Salmon. Past & Present*, No. 37, p. 43.

³⁴¹ «Франция оставалась страной бедных крестьян, над которыми стоял класс сеньоров-рантье, — бедной и плохо развитой страной, полагающейся на традиционные методы хозяйствования. Тенденции, появившиеся в мирное время незадолго до начала Религиозных войн, во Франции не созрели, в то время как в Англии такие же тенденции получили прямое развитие» (*Lütge, Friedrich.* Economic Change: Agriculture // *New Cambridge Modern History, II: The Reformation, 1520–1559* / G.B. Elton, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1958, p. 47).

³⁴² См. *Porchnev. Les soulèvements populaires*, pp. 268–275. Для обозначения этого типа горожан Поршнев заимствует термин «плебеи» из «Крестьянской войны в Германии» Энгельса, утверждая, что это «еще даже не предпролетариат, это совершенно разношерстная и гетерогенная масса, коренящаяся в разных группировках феодального общества, но в то же время понемногу сливающаяся в реальное единство» (*Поршнев. Народные восстания во Франции*, 285).

Свою лепту в этот спор вносит и Робер Мандру, предлагая рассматривать народные волнения 1623–1648 годов в более широком контексте французской истории, в которой такие восстания случались и до, и после. Мандру напоминает, что различные налоги «можно считать признаком сильного ухудшения экономической ситуации, а не просто единственной или наиболее непосредственной причиной мятежей».³⁴³ Далее Мандру предлагает наиболее плодотворный путь, рекомендуя быть

«внимательным к локализации восстаний, к картографии: Запад, Нормандия, Гиень, центральная Франция (Марш, Берри, Бурбоннэ) — вот зона, которая наиболее часто оказывалась под влиянием цепной реакции беспорядков, столкнувшись с переломом восходящего тренда „долгого шестнадцатого века“. Можно ли считать следствием большого участия этих регионов в беспорядках спад 1620–1680 годов, который принял здесь форму более очевидной депрессии, чем в более континентальных и менее развитых (*frustes*) территориях? Не эти ли провинции, ставшие эпицентром сельских и городских волнений XVII века, наиболее сильно затронули и религиозные войны предшествующего столетия?»³⁴⁴

Вот подлинно драгоценная нить, которая прекрасно соответствует нашей общей гипотезе, — более того, с этой позицией согласны и Мунье, и Поршнев. Мунье утверждает:

«Исследование любого восстания невозможно отделить от исследования местных экономических и социальных структур. Почему сельские волнения происходили прежде всего на западе, в центре и на юго-западе Франции? Нельзя ли составить классификацию французских городов, отражающую разные уровни развития в них капитализма, и проверить, совпадает ли она с некими регулярными особенностями исследуемых восстаний?»³⁴⁵

Поршнев отмечает, что волнениям 1623–1648 годов предшествовали три серии восстаний XVI века. Первая из них относится к 1520–1550 годам и была связана с Реформацией, вторая — к 1570–1590 годам, когда народные движения «возлагали свои надежды на Католическую Лигу, участниками которой они себя провозглашали». Затем, начиная с 1590–1600 годов, началась последняя волна, которая на сей раз оказалась нерелигиозной по своему содержанию.³⁴⁶ На самом

³⁴³ Mandrou, Robert. Les soulèvements populaires et la société française du XVIIIe siècle // Annales E.S.C., XIV, 4, oct. — dc. 1959, 760.

³⁴⁴ Ibid., p. 761.

³⁴⁵ Mousnier. Revue d'histoire moderne et contemporaine, V, p. 112.

³⁴⁶ «Народные массы Франции, убедившись в негодности и реформационного и католического знамени для защиты их интересов, пройдя тяжелую школу конфессиональных и политических разочарований, уже к концу XVI в. отбросили вовсе религиозную оболочку со своей классовой борьбы... Но именно потому отчасти, что в 90-х годах XVI в. французские народные массы заговорили простой и откровенной классовой прозой, французские „феодалы“ поспешили окончить междоусобные „религиозные“ войны и, забыв распри, сплотиться вокруг монархии Генриха IV» (Поршнев. Народные восстания во Франции, 35–36. См. тж. pp. 298–299).

деле, утверждает далее Поршневу, народное отвращение к религиозным войнам вело к десакрализации власти, что, в свою очередь, объясняет возникновение у государства в начале XVII века громадной потребности в новом подтверждении своей власти.³⁴⁷

Этот аргумент Поршневу вновь поднимает ряд вопросов о значении религиозных движений в Европе раннего Модерна и путях присоединения к ним, а также о связи этих движений как с притязаниями на национальное единство, так и, напротив, с центробежными религиозными силами. Мы уже упоминали, что Кёнигсбергер видел в гугенотах французское национально-революционное движение.³⁴⁸ Безусловно, разумным допущением выглядит такой вариант развития событий, при котором гугеноты консолидируются на юге и западе Франции примерно так же, как кальвинисты на севере Нидерландов, что в результате приводит к их отделению, как это и произошло в случае Голландии. Несомненно, в некоторый момент этот риск существовал.³⁴⁹ В контексте такой перспективы не удивительно, что гугеноты в какой-то момент даже просили о помощи католическую Испанию. Поэтому ликвидация гугенотов была составной частью и отдельной задачей процесса движения Франции к государственному единству,³⁵⁰ и Мунье указывает на ту роль, которую в этом процессе после 1620 года играла продажа должностей, позволившая государству откупиться от кальвинистских кадров.³⁵¹

Регионализм был более фундаментальным явлением, чем религиозный раскол — данный тезис становится понятен из рассмотрения того, каким образом южная Франция (по-старому Окситания) перестала быть оплотом гугенотов. Анри Эспье говорит о том, что Реформация нашла свою опору «как в Окситании, так и на окраинах старинной римской Галлии VI века, в то время как католицизм — это, по существу, северное явление...»³⁵² Однако когда

³⁴⁷ См. там же, с. 629–633.

³⁴⁸ См. Koenigsberger. *Journal of Modern History*, XXVII, pp. 338–340.

³⁴⁹ См. Lublinskaya. *French Absolutism*, p. 166.

³⁵⁰ Жорж Дюби и Робер Мандру говорят о «католиках, которые защищают политическое единство королевства» (*Duby & Mandrou. Histoire de la civilisation française*, Vol. I: Le Moyen Age et le XVIe siècle. Paris: Lib. Armand Colin, 1958, 341). Виктор Люсьен Таппе: «Франция периода Регентства и первых лет правления Людовика XIII... была желанной добычей... Несколько ее провинций по-прежнему оставались предметом территориальной борьбы...»

В это время ни одно государство не было достаточно сильным или богатым для создания вокруг себя защитного пояса (*conours*) мира и экономического прогресса, однако решительное государство могло создать условия для своей территориальной независимости и обеспечить использование собственных естественных ресурсов в своих целях. Достоинством Ришелье было то, что он это видел, а заслуга Людовика XIII в понимании того, что его министр хорошо ему служит» (*Tapié. La France de Louis XIII et le Richelieu*. Paris: Flammarion, 1952, 524–526).

³⁵¹ См. Mousnier. *Vénalité*, pp. 601–602.

³⁵² Espieux, Henri. *Histoire de l'Occitanie*. Nîmes: Le Centre Culturel Occitan. Collection Cap-e-Cap, 1970, 155.

Генрих Наваррский стал королем «в ущерб делу Окситании», последняя тут же «с ходу стала симпатизировать Католической Лиге (*ligeuse*) — для Юга это был единственный путь сохранить свое отличие от остальной Франции...»³⁵³ В конечном итоге, утверждает Эспье, Окситания восприняла янсенизм в таком же «нонконформистском духе» — как дело, «вносившее свою лепту в сохранение мятежного отношения (*humeur frondeuse*)»³⁵⁴ к Франции. Эспье рассматривает эту мятежность Окситании как способ противостоять интеграции во французское государство, которая навязывалась ей в XVI веке и увенчалась успехом. Точку в этом процессе поставило наложение на Окситанию налогового бремени, а интеграция этого региона с Францией во «втором» XVI веке оказалась еще более тяжким грузом в результате экономического упадка Марселя и Бордо по сравнению не только с Парижем, но даже с Барселоной и Генуей — итак, мы вновь наблюдаем, как одни уровни действуют внутри других.³⁵⁵

В описании Поршневым нормандского восстания 1639 года присутствуют те же мотивы. Проследивая предысторию событий, Поршневу указывает, что крестьяне в Нормандии в XIV–XV веках несли более тяжелые феодальные повинности, чем где-либо еще во Франции. В силу как этого обстоятельства, так и разрушений Столетней войны крестьяне бежали с земли, что создавало острую нехватку рабочих рук, которая вела к сравнительно быстрому упадку пожизненной аренды в пользу временной, более благоприятной для крестьянства. Революция цен и получение Францией места в мире-экономике создавали недовольство крестьян-собственников ростом рент, сокращением наделов, частичным возвратом к натуральному хозяйству — короче говоря, тем, что тормозило капиталистическое развитие.³⁵⁶ В тот момент, когда английский йомен получал выгоды от огораживания пахотных земель, его нормандский визави, напротив, терпел убытки. Что касается буржуазии, то Поршневу отмечает ее разделение на две группы: с одной стороны, должностные лица магистратов, связанные с местными интересами и поэтому выступающие на стороне мятежников, — с другой стороны, финансисты, жестко привязанные к государству и поэтому склоняющиеся к поддержке местной аристократии.³⁵⁷ Мятеж в Нормандии можно рассматривать как проявление недовольства политикой центра, который лишал крестьянина-собственника (и местного буржуа) возможностей более активного участия в новом мире-экономике.

На западе нынешней Франции, как и в Окситании, монархия воспринималась в качестве института, преследующего французские «национальные» интересы, что для обоих регионов означало путь к экономическому регрессу. Для сохранения своих традиционных интересов окраинные провинции, напротив, хотели больше

³⁵³ Ibid., p. 159.

³⁵⁴ Ibid., p. 161.

³⁵⁵ См. *ibid.*, pp. 146–154.

³⁵⁶ См. *Porchnev*. Les soulèvements populaires, pp. 402–403, 418–419.

³⁵⁷ См. *ibid.*, p. 578.

экономически прогрессивных мер,³⁵⁸ поэтому неслучайно за восстанием 1639 года в Нормандии последовали волнения в Провансе, Бретани, Лангедоке и Пуату.³⁵⁹ Неслучайно и то, что непосредственным поводом для нормандского восстания было нежелание монарха облегчить налоговое бремя для преодоления экономических трудностей, следовавших за эпидемией 1632–1633 годов: «Его величество, будучи переобременен огромными расходами, пока еще не может облегчить свой народ, как он того желает».³⁶⁰ Король не мог этого сделать именно потому, что деньги тратились на создание единой французской нации.

Предположим (сослагательное наклонение — великая историческая игра), что Франция как географическое единство сформировалась иначе и занимала лишь север и запад нынешнего Французского государства со столицей в Руане. Допустим, что начиная с XIII века Окситания была отдельным государством. Не могло ли оказаться так, что в этой усеченной Франции национальные интересы центрального государственного аппарата и коммерческие интересы буржуазии будут в большей гармонии друг с другом? Не могла ли такая — скорее всего, более слабая — Франция сделать то, что в ответ на вызов рождающегося мира-экономики сделала Англия, а именно — создать собственную индустриальную базу? Всё может быть.

Но такой Франции не было. Франция, которая существовала на самом деле, была, как мы уже сказали, ни рыба ни мясо и раздиралась религиозно-региональной борьбой. Стремление к созданию государства с одной религией в Европе XVI века было столь же мощным, как в африканских государствах XX века движение в сторону однопартийности, причем причина в обоих случаях одинакова: необходимость победить центробежные силы. Однако и цена этого была высокой. Для Франции этой ценой стала сделка буржуазии с аристократией на условиях последней — пресловутые «сеньориальная реакция» и «феодализация» буржуазии. В XVII веке во Франции не суждено было случиться гражданской войне — дело ограничилось лишь *Фрондой*. Буржуазная революция произойдет в 1789 году — в другую эпоху, с другой целью и в некотором смысле слишком поздно. В XVII веке французская административная буржуазия, или *дворянство мантии*, была вынуждена помнить, что она не может позволить себе роскошь слишком увлекаться реализацией своих узких интересов, поскольку в таком случае под угрозой окажется единство государства и, соответственно, экономический фундамент самой административной буржуазии.

Ключевым фактором в конечном итоге оказались различные роли (именно роли, а не намерения) монархии в Англии и во Франции. Для понимания этого можно определить политическую борьбу той эпохи как такую борьбу, в которой монархии пытались размыть привилегии всех негосударственных групп, и вслед за Купером обратить внимание на то, что в целом эта борьба государствам больше удалась против городов (и, соответственно, против отдельных

³⁵⁸ Пример того же феномена в XX веке описан Жанной Фавре в: Favret. Le traditionalism par excès de modernité // European Journal of Sociology, VIII, 1, 1967, 71–93.

³⁵⁹ См. Porchnev. Les soulèvements populaires, p. 470.

³⁶⁰ Поршнев. Народные восстания во Франции, 463.

групп буржуазии), нежели против землевладельческих классов.³⁶¹ По словам Броделя, города оказались «приведены к покорности» или же «находились под опекой» монархий.³⁶² С этой точки зрения, земельные классы стремились использовать государство, чтобы оно помогло им остаться в стороне от быстрых течений экономической экспансии. В данной перспективе фронтеры, несмотря на формальное поражение, на самом деле победили, а английская аристократия, напротив, проиграла, несмотря на реставрацию. В конечном счете, утверждает Бродель, мировое первенство Англии окажется первенством Лондона — «столицы, которая после бескровной революции 1688 года сделала Англию своим подобием (*à sa guise*)».³⁶³

Колеблясь между требованиями буржуазии и аристократии, монархи Англии и Франции еще сильнее сблизилась с аристократией. Различие состояло в том, что в Англии интересы торговой буржуазии были связаны с сильным центром, в то время как во Франции они были в некотором смысле связаны с национальной периферией. Это различие было следствием географической ориентации двух государств в рамках европейского мира-экономики.

В результате для удержания под контролем более непокорной по своей природе буржуазии французская монархия была вынуждена как усиливаться сама, так и подкупать буржуазию возможностью приобретения государственных постов, что, в свою очередь, закрывало для буржуазии путь инвестиций в промышленность. В Англии, напротив, аристократия ради собственного выживания должна была вкиснуть жизни буржуазии и частично с ней смешаться. Во Франции же было давление на буржуазию с целью выживания государства. И во Франции, и в Англии центр выиграл у периферии, однако если для Англии это означало продолжение дела национальной буржуазии, то для французской буржуазии это был регресс.

Гражданская война в Англии произошла в последний момент из всех возможных. В последующие 150 лет мощное возрождение землевладельческого класса будет происходить повсеместно, даже в Англии. Однако там буржуазия выиграла, по крайней мере, *droit de cité* [право гражданства — *фр.*], а землевладельческие классы в гораздо большей степени представляли собой не аристократию, а джентри, причем те, в конечном счете, были «добрыми буржуа» (*bons bourgeois*). Во Франции XVII века буржуазия была слишком слаба, чтобы породить Кромвеля, и лишь к 1789 году буржуазия обнаружит, что ее интересы совпадают с интересами государства как такового. Но к тому времени мир-экономика уже уйдет далеко, и время добиваться в нем первенства для Франции будет упущено.

J

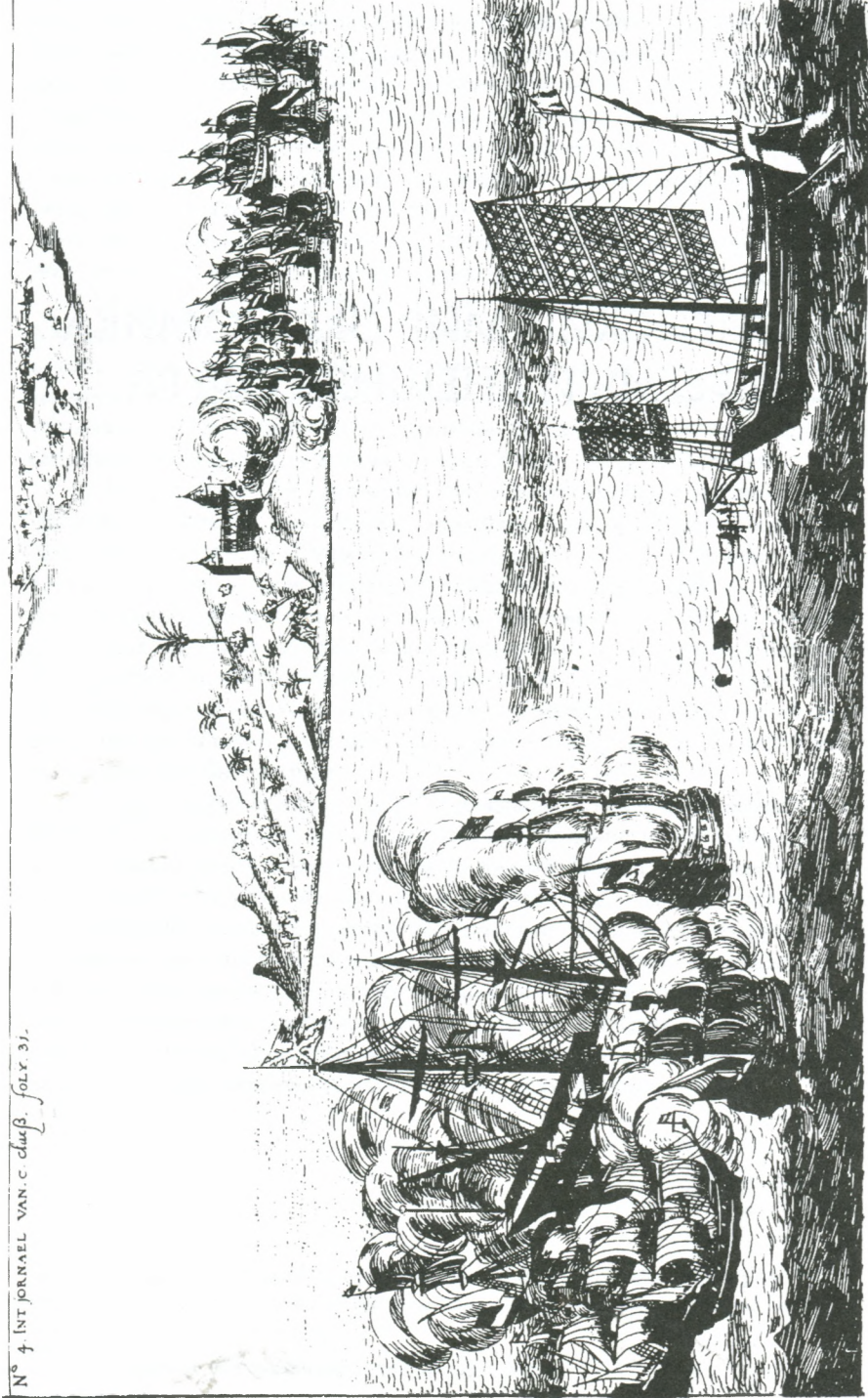
³⁶¹ Cooper, J. P. General Introduction // New Cambridge Modern History, IV: The Decline of Spain and the Thirty Years War. 1609–48/59 / J. P. Cooper, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1970, 15.

³⁶² Бродель. Материальная цивилизация, I, 482.

³⁶³ Там же, с. 477.

6

ЕВРОПЕЙСКИЙ МИР-ЭКОНОМИКА: ПЕРИФЕРИЯ И ВНЕШНЯЯ СФЕРА

«(Голландский) флот, отплывший из Мозамбика, захватывает (португальскую) каракку возле Гоа».

Иллюстрация из «Журнала наблюдений во время путешествия в Ост-Индию Корнелиса Класзона из Пурмерента, рулевого корабля „Бантам“, на службе могущественных порядов Объединенной компании», опубликованного в 1651 году

Установить границы некоторого территориального образования, определенного в политических терминах, сравнительно просто. Например, чтобы узнать, какую территорию занимала Китайская империя в 1600 году, достаточно обратиться к данным архивов, из которых мы получим ответ на этот вопрос в соответствии с юридическими притязаниями империи на тот момент. Разумеется, всегда существуют пограничные регионы, где суверенитет оспаривается двумя конкурирующими государственными структурами, или же такие регионы, где имперская власть едва ли может считаться существующей де-факто, и в данном случае территориальные притязания следует считать юридической фикцией. Однако, как бы то ни было, общий критерий установления границ политических единиц четок и понятен: это сочетание в пределах некоторой территории утвержденной власти с определенной, довольно высокой степенью эффективного (хотя и довольно поверхностного) влияния.

Применим ли тот же критерий к границам социальной системы, которая не определена в политических терминах, то есть к «миру-экономике», главному предмету этой книги? Утверждая, что в XVI веке существовал *европейский* мир-экономика, мы тем самым указываем, что его границы меньше, чем мир в целом. Однако насколько меньше? В рамки этого мира-экономики невозможно автоматически включать любую часть света, с которой торговала «Европа». Скажем, в 1600 году Португалия торговала как с центральноафриканским царством Мономотапа, так и с Японией, однако *prima facie* сложно утверждать, что и Мономотапа, и Япония были в это время частью европейского мира-экономики. Тем не менее, при этом мы полагаем, что его частью были Бразилия (или, по крайней мере, ее побережье) и Азорские острова. Существовала также транзитная торговля между Европой и Персией через Россию,¹ но мы считаем, что не только Персия определено была вне европейского мира-экономики, но даже Россия оставалась за его пределами. Россия вне — Польша внутри. Венгрия — внутри, а Османская империя — вне. Какие основания определяют эти различия?

¹ Обзор этой торговли см. в: *Kellenbenz, H. Landverkehr, Fluss- und Seeschifffahrt im Europäischen Handel // Les grandes voies maritimes dans le monde, XVe-XIXe siècles, VII Colloque, Commission Internationale d'Histoire Maritime. Paris: S.E.V.P.E.N, 1965, 132-137.*

Вопрос не сводится просто к объему торговли или ее структуре. Как утверждает Сельсо Фуртаду,

«за исключением золота и серебра, мало какая американская продукция могла продаваться в Европе в течение первого века колонизации. В отличие от Ост-Индии, производившей товары высокой стоимости на единицу веса, например, пряности, шелка и муслин, обе Америки не производили ничего, что могло бы стать основой для прибыльной торговли с Европой».²

Тем не менее, Америка была внутри европейского мира-экономики, а Ост-Индия оставалась вне его — по крайней мере, мы так утверждаем.

Далее это противопоставление будет рассматриваться как различие между периферией мира-экономики и его внешней сферой. Периферия — это такой географический сектор мира-экономики, где в первую очередь осуществляется производство товаров наиболее примитивной степени переработки (то есть товаров, трудозатраты на производство которых меньше вознаграждаются), но при этом он является неотъемлемой составляющей целого — системы разделения труда, поскольку данная продукция существенна для повседневного потребления. А внешнюю сферу некоторого мира-экономики образуют другие миры-системы, с которыми этот мир-экономика имеет определенные отношения, основанные в первую очередь на обмене драгоценностями, — такие отношения иногда называют «торговлей для богатых» (*rich trades*). Постараемся продемонстрировать эту разницу применительно к шестнадцатому веку на примере анализа различий сначала между Россией и отдельными территориями Восточной Европы, а затем между регионом Индийского океана и Испанской Америкой.

[Россия, Восточная Европа и европейский мир-экономика]

На первый взгляд, между Россией и Восточной Европой должно быть много общего: и там, и там происходит рост крупных поместий, участвующих в товарном производстве на базе принудительного труда (кроме того, как показывает Бродель, фактически аналогичный процесс в этот момент характерен и для Османской империи).³ И для России, и для Восточной Европы принуждение

² Furtado, Celso. *Economic Development of Latin America*.

³ «Если историки употребляют применительно к Западу в период между XVI и XVIII веками термин „рефеодализация“ [...] то в Турции можно наблюдать подобное же явление... В пионерском труде Буш-Цантнера автор продемонстрировал, [...] что *чифтлики**, как он считает, создавались в ходе мелиорации земель в производящих хлеб областях. Емер Лютфи Баркан и его ученики... показали, как развиваются зачатки современной собственности, связанной с доходами султанов и пашей от хлебного бума, [...] Эти доходы были получены от зарезервированной ими за собой торговли зерном с западными покупателями, запрещенной „народу“. Можно предположить, что перемены были довольно глубокими. Турция, как и Западная Европа, переживала „революцию цен“ и аграрную революцию, вызванную здесь, как и в других местах, демографическим подъемом». (Бродель. Средиземное море, II, 358–359).

крестьян в первую очередь стало результатом действий государственной власти. Представляется, что начиная с этой эпохи помещичий класс обоих регионов значительно усиливается, а буржуазия ослабевает. Кроме того, обе зоны испытывали воздействие Революции цен и в разумных пределах приспособились к ее общим тенденциям. Однако при более внимательном рассмотрении обнаруживается ряд различий.⁴

Различия между отношениями России и Восточной Европы с Европой Западной можно рассматривать в трех принципиальных аспектах: (1) различие в природе торговли, (2) различие в силе и роли государственного аппарата и (3) различие в силе и роли местной городской буржуазии как следствие двух предшествующих пунктов.

Великий дореволюционный историк В. О. Ключевский положил в основу своего «Курса русской истории» гипотезу, что «переселение, колонизация страны была основным фактом нашей истории, с которым в близкой или отдаленной связи стояли все другие ее факты».⁵ Если признать это положение до некоторой степени верным, то «колонизация страны» — это феномен как раз XVI века, когда Россия, как и вся остальная Европа, «вступала в новую эпоху экономического роста...»⁶ Общеизвестно, что поворотным моментом в этом процессе было завоевание Казанского ханства на Волге в 1552 году и последовавшее в 1556 году завоевание Астраханского ханства.⁷ В следующем столетии Россия

⁴ Суть нашей позиции была изложена у Дж. Х. Эллиотта. Он признает, что «некоторые особенности жизни на европейских болотах [т. е. в Восточной Европе] воспроизвелись на русской почве». В данном случае Эллиотт имеет в виду, что и в России, и в Восточной Европе в рассматриваемое время развивались крупные поместья, производившие рыночную продукцию с применением принудительного труда на рынок. Тем не менее, утверждает Эллиотт, «крепостническое общество Московии по-прежнему оставалось миром в себе, угрожавшим своим соседям растущей военной мощью, но экономически все еще не являясь частью европейского мира. С другой стороны, Польша, Силезия, Бранденбург и Пруссия необратимо входили в орбиту западноевропейской жизни...» (*Elliott. Europe Divided*, p. 47). Г. Вернадский: «В геополитическом смысле происхождение России не европейское, а евразийское. Средневековая Россия принадлежит не столько востоку Европы, сколько западу Евразии» (*Vernadsky. Feudalism in Russia // Speculum*, XIV, p. 306).

⁵ *Kluchevsky, V. O. A History of Russia*. London: Dent, 1911, I, 2. Цит. по: *Ключевский, В. О. Курс русской истории*. Минск, Харвест, 2007. I, 26–27.

⁶ *Blum, Jerom. Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century*. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1961, 120. См. далее: «Одним из наиболее заметных свидетельств этого был рост территории и населения державы. Подобно атлантическим государствам Западной Европы, Россия избрала амбициозную программу колониальной экспансии. Коллапс монгольской мощи и возникновение централизованного Российского государства во главе с Москвой дали возможность для, казалось, безграничных территориальных приобретений на широких просторах Евразии, которые лежали за пределами границ Московии».

⁷ «Завоевание Казани было впечатляющей военной победой и великим политическим достижением. С религиозной точки зрения это событие было понято как триумф христианства над исламом» (*Vernadsky, George. The Tsardom of Muscovy, 1547–1682*, Vol. 5

колонизировала прилегающую к ее южным пределам зону лесостепи вдоль Дона к Азовскому морю и вдоль Волги к Каспию, а также проложила большую часть пути через Сибирь. Одновременно украинцы, в то время пребывавшие под польским владычеством, продвигались вдоль Днепра, — эта территория войдет в состав Российского государства в 1654 году. Российская экспансия в южном и восточном направлениях стала значительным событием истории современного мира. Однако при этом важно отметить, что направление этой экспансии зависело от силы политических режимов в регионах, окружавших Россию. Георгий Вернадский напоминает, что «русские начали свое продвижение на восток в сторону Сибири именно в тот момент, когда были остановлены и отброшены назад на западе».⁸

Таким образом, в России западные торговцы встретились лицом к лицу со страной, куда более протяженной, чем Польша, Богемия или Мекленбург, которая представляла собой имперскую структуру в чистом виде. В то время как внешняя торговля Польши велась практически исключительно с Западной Европой, Россия торговала и с Западом, и с Востоком, причем, по словам Джерома Блума, «восточная торговля для России была, возможно, более значимой, чем торговля с Западом».⁹

Российская торговля с Востоком была не только больше по объему — и по этому критерию, и по самой своей природе эта торговля вела к созданию мира-экономики, или же национального рынка, если использовать терминологию исследователей, работающих в несколько иной теоретической парадигме. А. Г. Маньков указывает на ключевую роль производства хлеба — эта идея у нас уже звучала: «В рамках феодального общества об эффективном развитии торговых отношений нельзя говорить до тех пор, пока хлеб не стал рыночным товаром, что свидетельствует о появлении определенной дифференциации между сельским хозяйством и ремеслами (*crafts, métiers*)».¹⁰ Поэтому нам следует рассмотреть феномен увеличения объемов производства пшеницы, отмеченный в XV–XVI веках как в Польше, так и в России. Как уже было сказано, к XVI веку

of A History of Russia. New Haven, Connecticut: Yale Univ. Press, 1969, Part 1, 58. Рус. изд.: Вернадский, Г. В. Московское царство. Часть I. ЛЕАН, Аграф, 2000). «Падение Казани неожиданно устранило барьер для продвижения славян на Восток» (*Portal, Roger. Les Slaves. Paris: Lib. Armand Colin, 1965, 110*).

⁸ Vernadsky. Tsardom, V, 1, p. 175.

⁹ См. Blum. Lord and Peasant, p. 128. См.: Фехнер, М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке // *Relazioni del X Congresso Internazionale de Scienze Storiche*, III, p. 780. Рус. изд.: Фехнер, М. В. Торговля Русского государства со странами Востока в XVI веке. М.: Наука, 1952. Сам Фехнер цитирует работу М. Молла и соавторов (см. там же), утверждая, что российская торговля с Востоком по рекам и караванным путям была «гораздо важнее» торговли с Западом («всегда переоцениваемой»). Однако «без количественных показателей» Молла не осмеливается занять определенную позицию по данному вопросу.

¹⁰ Mankov, A. G. Le mouvement des prix dans l'état russe au XVIe siècle. Paris: S.E.V.P.E.N., 1957, 28. Рус. изд.: Маньков, А. Г. Цены и их движение в Русском государстве XVI века. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1951.

Польша интегрировалась в европейский мир-экономику — собственно, польская пшеница и выращивалась для продажи на европейских рынках. Как утверждают Бродель и Спунер, «доминирующей чертой польской экономики конца [XVI] века было, очевидно, то, что польская пшеница теперь оказалась в общем пространстве европейских цен».¹¹ Этот факт был основополагающим как для Польши, так и для остальной Европы, для которой в это время Польша становится «крупнейшим экспортером хлеба».¹²

Мы видели, что подъем польской зерноэкспортирующей экономики предполагал становление крупных поместий с использованием принудительного труда на рынок, а также увеличение политической силы местной *аристократии*, чьи экономические интересы в устранении препятствий для торговли совпадали с аналогичными интересами западноевропейских торговцев. Объединенные усилия тех и других сохраняли экономику Польши открытой.¹³ Степень зависимости благосостояния польской знати от этой открытой торговли ясно продемонстрировали экономические трудности 1626–1629 годов*, когда шведский король Густав Адольф блокировал Вислу, стремясь тем самым «перерезать нерв» Польши.¹⁴ Со стороны шведов это был логичный ход, поскольку «зерновой экспорт через балтийские порты достиг таких масштабов,

¹¹ Braudel and Spooner. Cambridge Economic History of Europe, IV, p. 398.

¹² Hoszowski, Stanislaw. L'Europe central dans la révolution des prix: XVIe et XVIIe siècles // Annales E.S.C., XVI, 3, mai — juin 1961, p. 398.

¹³ «Экономическая политика знати нашла наиболее полное выражение в знаменитом постановлении Сейма 1565 года, которое запрещало польским купцам экспортировать польскую продукцию и импортировать иностранные товары, тем самым стимулируя приход на польский рынок иностранных купцов. Конечно же, этот закон остался мертвой буквой. Тем не менее, он стал красноречивой иллюстрацией тенденций, которые в политико-экономической сфере преобладали не только среди польской знати, но и определенно среди знати прочих балтийских стран, за исключением Швеции. Можно предположить, что отношение знати того времени к буржуазной торговле и промышленности характеризовал *sui generis* [своего рода — *лат.*] антимеркантилизм» (*Malo-wist, Marian. Über die Frage des Handelspolitik des Adels in den Ostseeländern im 15. und 16. Jahrhundert* // Hansische geschichtsblätter, 75 Jh., 1957, 39).

¹⁴ «В результате экспорт прусского зерна стал невозможен. Густав Адольф великолепно осознавал последствия своего решения для польской знати. „Occupato hoc flumine, — сказал он посланнику Бетлен-Габора, — praecluso etiam portu Dantiscano et omni maris Baltici aditu prohibito, ipse iam nervus rei gerendae Poloniae incisus est“ [Оккупация этой реки, закрытие Данцигского порта и полный запрет на выход в Балтику перережут сам нерв Польской земли — *лат.*]. Шведский король был прав. Прекращение экспорта зерна вело к падению внутренних цен, ударив как по знати, так и по крестьянам — главным польским налогоплательщикам. По мере того, как росли расходы государства из-за необходимости платить за сбор войска, повышать налоги становилось все сложнее. Лишь благодаря личным усилиям и энтузиазму короля Польша, несмотря на финансовые трудности, смогла все три года бороться в этой войне, которая требовала столь значительного напряжения» (*Czalpinski, Wladyslaw. Le problème baltique aux XVIe et XVIIe siècles* // International Congress of Historical Sciences, Stockholm, 1960. Rapports, IV: Histoire moderne. Göteborg: Almqvist & Wiksell, 1960, 41).

что быстро стал преобладающей отраслью во всей экономической структуре страны».¹⁵ В дальнейшем этот факт был использован Ежи Топольским для объяснения опустошающего воздействия на Польшу экономического спада XVII века. Его последствия в различных частях государства варьировались в зависимости от того, насколько экономика конкретного региона была ориентирована на экспорт.¹⁶

Можно возразить, что в ценовом выражении доля балтийского зерна в общем объеме продукции европейского мира-экономики была довольно скромной. Однако в ответ на это можно привести такое высказывание Бориса Поршнева: «Предметом внимания ученых должно быть не количество экспортируемых товаров (и правда, не самое большое), а объем прибыли, которая распределялась между торговцами средней руки и землевладельцами, эксплуатировавшими труд крепостных».¹⁷ А Станислав Хошовский указывает, что в ходе всеобщей инфляции XVI века цены в Польше не только стали расти еще до начала Революции цен в Западной и Центральной Европе (то есть до воздействия на цены американских сокровищ),¹⁸ но и, кроме того, в самой Польше были «землевладельцы, получавшие максимум прибыли от [роста цен], в то время как крестьяне и горожане лишь терпели от этого убытки».¹⁹ Обратной стороной этого экономического давления на крестьян были их частые восстания.²⁰

Теперь рассмотрим, какое место производство хлеба занимало в России XVI века. Начнем с высказывания Манькова о России этого времени: «Применительно к данному периоду можно говорить лишь о внутреннем рынке зерна».²¹ Иными словами, несмотря на то, что хлеб почти не экспортировался, «уже в XVI веке между внутренними рынками — иной раз очень удаленными друг от друга — существовала определенная связь».²² Таким образом, и в Польше (а также в других странах Восточной Европы), и в России в это время возникает капиталистическое сельское хозяйство, причем в схожих формах. Однако же если Польша

¹⁵ *Topolski, Jerzy. La régression économique en Pologne // Acta poloniae historica, VII, 1962, 46.*

¹⁶ См. *ibid.*, pp. 47–48.

¹⁷ *Porchnev, Boris. Les rapports politiques de l'Europe Occidentale et de l'Europe Orientale à l'époque des la Guerre des Trente Ans // XIe Congrès International des Sciences Historiques, Stockholm, 1960. Rapports, IV: Histoire moderne. Göteborg: Almqvist & Wiksell, 1960, 137.*

¹⁸ См. *Hoszowski. Annales E.S.C., XVI, p. 446.*

¹⁹ *Ibid.*, p. 453.

²⁰ См. *Pascu, S., Mavrodin, V. V., Porchnev, Boris and Anteleva, G. Mouvements paysans dans le centre et le Sudest de l'Europe du XVe au XXe siècles // XIIe Congrès International des Sciences Historiques, Rapports, IV: Méthodologie et histoire contemporaine. Wein: Verlag Ferdinand Berger & Söhne, 1965, 21–35.*

²¹ *Mankov. Le mouvement des prix, p. 28.*

²² *Ibid.*, p. 38.

производила хлеб для растущего рынка Западной Европы, то в России «помещики производили хлеб для расширяющегося местного рынка».²³ В самом деле, в XVI веке «требовалось специальное разрешение царя на вывоз [зерна] из страны морем».²⁴ Специализация европейского мира-экономики XVI века в уменьшенной форме воспроизводилась и в пределах российского мира-экономики. Центральная зона российского мира-экономики экспортировала на Восток промышленные товары (металлические изделия, текстильную продукцию, кожу, оружие и доспехи) в обмен на предметы роскоши, хлопковые ткани, лошадей и овец.²⁵ Кроме того, центр российского мира-экономики реэкспортировал на Восток западные промышленные товары, «хотя в XVI веке этот вид деятельности был, очевидно, не столь важен».²⁶ Центральное положение в своем экономическом мире оказывало благоприятное воздействие на развитие России: «Меха, соль, шкуры и другие изделия направлялись в метрополию (*older regions*) из колоний, увеличивая ее богатство и стимулируя торговлю и промышленность».²⁷

Но что можно сказать о торговле России с Западом? Не велась ли она параллельно с Польшей? Следует быть осторожным, чтобы не переносить в XVI век явления XVIII–XIX столетий, когда автономный российский мир-экономика действительно перестал существовать и Россия оказалась еще одной периферийной зоной в структуре европейского мира-экономики.²⁸

На первый взгляд, суть происходившего в XVI веке действительно состоит в том, что «в своей торговле с Западом Россия обменивала сырье и полуфабрикаты на промышленные товары».²⁹ Россия экспортировала различные товары для кораблестроения (лен, пеньку, сало, воск), а также меха, а ввозила предметы роскоши и металлические изделия (в том числе военную амуницию). Однако, похоже, ни экспорт, ни импорт не имели принципиальной значимости для структуры российской экономики — лишь начиная с XVII века можно утверждать, что Россия стала для Западной Европы важным «поставщиком

²³ *Blum. Lord and Peasant*, p. 205.

²⁴ *Ibid.*, p. 128.

²⁵ См. *ibid.*, pp. 128–129. См. у Р.Г. Хилтона и Р.Э.Ф. Смита: «В то же время следует отметить, что в XVI веке для России особенно важным было развитие региональной торговли широким ассортиментом товаров с Ираном, Турцией, Ногайской ордой и узбекскими ханствами. Несмотря на то, что Россию того времени иногда считают полуколониальным поставщиком сырья на Запад, Восток также получал от России как сырье, так и промышленные товары» (*Hilton & Smith. Introduction // R.E.F. Smith, The Enserfment of the Russian Peasantry. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1968*), 27).

²⁶ *Blum. Lord and Peasant*, p. 129.

²⁷ *Ibid.*, p. 129.

²⁸ «Рост связей России с Западной Европой легко можно проследить со времен Ивана Великого в конце XV века... В этом отношении правление Петра Великого не внесло каких-либо внезапных изменений. Но все же верно, что умонастроения людей и за пределами, и, несомненно, внутри России с тех пор сильно изменились» (*Ibid.*, p. 128. *Barracrough, Geoffrey. History in a Changing World. Oxford: Blackwell, 1957, 192–193*).

²⁹ *Blum. Lord and Peasant*, p. 128.

зерна и лесной продукции».³⁰ Т. С. Уиллан видит главную ценность России для Англии, торгового партнера России на протяжении большей части XVI века, в том, что Россия была «источником важных материалов для английской военной флотилии». Однако далее Уиллан указывает:

«Довольно сложно утверждать, была ли эта торговля столь же значимой для русских. Возможно, что взамен корабельных товаров, которые экспортировались в Англию, в Россию отправлялись оружие и амунция (особенно в „пятидесятые“ и „шестидесятые“), о чем заявляла сама Московская компания»*.³¹

К формулировке «особенно в «пятидесятых» и «шестидесятых»» мы еще вернемся. Артур Эттмэн предполагает, что ключевой статьей российского импорта в тот момент были не металлические изделия, а серебро в виде слитков и ювелирных украшений. В подтверждение этой гипотезы он указывает на залежи серебра в храмах, монастырях и дворцах, а также значительные клады слитков из драгоценных металлов.³² Если вспомнить, что основной статьей российского экспорта были меха — «одеяние достоинства и богатства»,³³ то есть один из так называемых товаров для богатых, то можно утверждать, что бо́льшая часть торговли России с Западом приходилась на обмен драгоценностями. Иными словами, эта торговля представляла собой способ потребления, а не производства прибавочного продукта, а следовательно, без нее можно было обойтись в моменты экономического спада, и, стало быть, не она была центральным элементом в функционировании экономической системы. Это не означает, что данная сфера не была важна: от нее получали свой доход люди среднего достатка, государство, несомненно, также имело определенную выручку от таможенных пошлин на перечисленные товары, а кроме того, внешняя торговля, безусловно, стимулировала формирование системы рангов социального престижа. Но это не меняет суть дела: внезапная блокада в духе той, что Густав Адольф устроил на Висле в 1626 году, повлияла бы на внутрироссийскую экономику куда меньше, нежели на польскую.

Пример Польши необходим для понимания различия между страной периферии европейского мира-экономики и страной, находящейся во внешней для нее сфере. Правда, во многих отношениях Польша была крайним случаем, но отличалось ли от Польши положение других стран европейской периферии? Да, отличалось, но разница в данном случае не представляется существенной.

Например, в Богемии и Венгрии «принудительный труд крепостных» использовался не только в форме барщины (*corvée*), но иногда и в виде «принудительного

³⁰ Malowist. *Economic History Review*, XII, p. 180.

³¹ Willan, T. S. Trade Between England and Russia in the Second Half of the Sixteenth Century // *English Historical Review*, LXIII, No. 247, July 1948, 320.

³² Цит. по: Mollat et al. *Relazioni del X Congresso Internazionale de Scienze Storiche*, III, p. 782.

³³ Parry. *Cambridge Economy History of Europe*, IV, p. 167.

наемного труда».³⁴ Как отмечает Йозеф Валька, эта промежуточная форма трудовой повинности была связана с тем, что сельскохозяйственное производство в Богемии было диверсифицировано и обращено к внутреннему рынку.³⁵ Йозеф Петрань в аналогичном ключе указывает, что во многих сравнительно небольших землях Центральной Европы (Богемия, Силезия, Саксония, Австрия) в меньшей мере прослеживалась тенденция к росту крупных поместий. Петрань предполагает, что в данном случае перед нами возникновение специализации не только между сельским хозяйством и промышленностью, но и внутри самого сельского хозяйства, хотя в нем «специализация и не может быть полной по природе».³⁶ Маловист отмечает, что в Дании сельскохозяйственная специализация происходила параллельно с Восточной Европой, поскольку в XVI веке датская и гольштинская знать «развивали хозяйство, основанное как на торговле сельскохозяйственной и молочной продукцией, так и на продукции, произведенной крепостными, чьи возможности включиться в торговлю были сведены к минимуму».³⁷ Однако, по мнению Маловиста, процесс присвоения аристократами прибавочного продукта крестьян был «более явно выражен в Польше, Бранденбурге, Померании, Мекленбурге и Ливонии, а в Дании проявлялся совсем незначительно».³⁸

Можно утверждать, что данные примеры демонстрируют усложнение структуры европейского разделения труда уже в XVI веке. Однако для Богемии — небольшой страны в рамках европейского мира-экономики — и для России — огромной империи на краю этого мира — низкая доля экспорта в структуре экономики представляется явлениями разного порядка. Богемия обладала бесконечно меньшей свободой политического действия, и, соответственно, бесконечно выше была степень ее экономической зависимости. Здесь перед нами тот случай, когда исследователь должен измерять мелкие явления абсолютной шкалой, а крупные — относительной.³⁹ На возможное прекращение внешней

³⁴ «[В чешской сеньории XVI века] фактически использовалась не только барщина, но и наемный (в том числе принудительно-наемный) труд... Таким образом, наемный труд существовал, но в своеобразной форме — в сочетании с сильными феодальными отношениями: наемный труд на господской земле оказывался просто еще одной повинностью для крепостных» (*Válka, Josef. La structure économique de la seigneurie tchèque au XVIe siècle // Deuxième Conférence Internationale d'Histoire Economique, II: Middle Ages and Modern Times. Paris: Mouton, 1965, 214–215*).

«Наемный труд сочетался с барщиной, но при феодальном режиме он всегда и везде был принудительным. Поэтому новые тенденции в венгерском сельском хозяйстве XVI века характеризовались увеличением сеньориальных доменов за счет крестьянских владений, расширением рыночного производства в помещичьих хозяйствах и возвращением к определенным формам наемного труда» (*Pach, Zs. P. Annales E.S.C., XXI, p. 1229*).

³⁵ *Válka. Deuxième Conférence Internationale d'Histoire Economique, II, p. 222.*

³⁶ *Petráň, Josef. Deuxième Conférence Internationale d'Histoire Economique, II, p. 180.*

³⁷ *Malowist. Economic History Review, XII, p. 180.*

³⁸ *Ibid., p. 188.* Курсив добавлен.

³⁹ См., например, у Маловиста: «Благодаря огромным размерам страны значительная роль иностранных мануфактур не мешала развитию российской промышленности,

торговли экономика Богемии отреагировала бы не так гибко, как экономика России. Поэтому экономическая система Богемии была вынуждена более целенаправленно встраиваться в структуру европейского мира-экономики.

Вернемся теперь к замечанию Уиллана относительно 1550–1560-х годов. Из предшествующего изложения должно быть ясно, что граница между периферией и внешней сферой мира-экономики является текучей — как потому, что исследователю непросто ее зафиксировать, так и потому, что она легко перемещается. Историю России в этот период можно рассматривать как реакцию на пробную попытку Европы включить ее в свой мир-экономику. Это попытка пока окажется неудачной, поскольку европейские технологии и экономика еще не были достаточно сильны, зато в последующую эпоху это начинание фактически увенчается успехом. Роберт Рейнольдс рассматривает процесс в несколько этноцентричном ключе:

«Насколько мы можем судить, именно англичане открыли дверь для русской экспансии и дали ей первичный импульс... После открытия англичанами [в 1553 году] [северного] пути в Архангельск у России появился громадный рынок для сбыта пушнины, что стимулировало приграничное казачество и Строгановых с их капиталом и управленческим талантом продвигаться на восток и север так быстро, как только было возможно. Из года в год они захватывали все новые позиции в меховой торговле, в точности так же, как современные им французы и англичане, а позднее американцы в поисках пушнины углублялись все дальше и дальше на запад североамериканского континента. Необъятный рынок мехов давал возможность покупать взамен дорогие ткани, металлические изделия и другие товары из Западной Европы».⁴⁰

Как этот прорыв англичан в пределы русского мира повлиял на более поздние события во внутренней политике России? Именно на этот вопрос нужно ответить, чтобы увидеть, как Россия реагировала на «приведение себя в Европу» и как эта реакция создала еще большее различие между Россией и Восточной Европой. Маловист отмечает, что хлеб из центральной России продавался на севере и северо-востоке европейской части страны, а также в Сибири.⁴¹ Поэтому развитие хлебного производства «способствовало колонизации и завоеванию» Россией и прежде принадлежавших ей богатых территорий на севере и западе, что, в свою очередь, «приносило необъятные богатства, которые сначала шли в царскую казну, а затем в кошельки купцам».⁴²

Для того чтобы оценить роль Российского государства, необходимо повторить тезисы предыдущих глав о роли государства в центральных для мира-экономики странах Западной Европы, далее рассмотреть эту роль в периферийных

как это было в странах Балтии, даже несмотря на то, что изначально национальная промышленность в России была слабой» (*Malowist. Economic History Review*, XII, p. 189).

⁴⁰ *Reynolds. Europe Emerges*, pp. 450, 453.

⁴¹ *Malowist. Past & Present*, No. 13, pp. 35–36.

⁴² *Reynolds. Economic History Review*, XII, p. 189.

странах Восточной Европы и, наконец, сравнить их с ролью государства в России. Мы представили абсолютную монархию в качестве структуры, где монарх и его окружение претендовали на политическое верховенство при прямой поддержке бюрократии (наследственной и приобретенной) и наемной регулярной армии. С одной стороны, монарх искал поддержки привилегированных слоев городской торговой буржуазии, которая снабжала его деньгами и обеспечивала определенный политический противовес центробежным силам старой знати. С другой стороны, монарх находился на вершине системы традиционных социальных статусов и в конечном итоге выступал защитником знати от разрушительного для нее воздействия рождающейся капиталистической системы.⁴³

Поэтому с точки зрения двух социальных страт — старой знати и городской торговой буржуазии, абсолютная монархия была чем-то вроде меньшего зла, и от этого ее сила лишь увеличивалась, поскольку у обеих данных групп попросту не было иных возможностей. Помимо этого, монархия вполне удовлетворяла интересы этих групп, обеспечивая территориально целостному государству возможность получать непропорционально высокую долю совокупного прибавочного продукта европейского мира-экономики. В XVI веке можно главным образом говорить о государственном «фискализме», или о «раннем меркантилизме», а начиная примерно с 1650 года западные государства проводят полномасштабную меркантилистскую политику, направленную на дальнейшее усиление их положения в мире-экономике.

Если для Западной Европы XVI век был периодом роста государственной мощи, то для Восточной Европы он, напротив, стал эпохой упадка

⁴³ Йозеф А. Шумпетер очень четко уловил внутреннее противоречие абсолютной монархии: «Король, придворные, армия, церковь и бюрократия жили во все возрастающей степени за счет доходов, создаваемых капиталистическим процессом, причем вследствие развития капитализма увеличивались даже феодальные источники доходов. Внутренняя и внешняя политика и институциональные изменения также во все возрастающей степени формировались так, чтобы отвечать требованиям этого развития и двигать его вперед. В этом смысле феодальные элементы в структуре так называемой абсолютной монархии представляются чем-то вроде атавизмов — оценка, которая на первый взгляд кажется совершенно естественной».

Однако, взглянув попристальней, мы увидим, что эти элементы значили нечто большее. Стальной каркас этой структуры по-прежнему состоял из человеческого материала феодального склада, и материал этот по-прежнему вел себя в соответствии с докапиталистическими традициями. Эти люди занимали государственные должности, служили офицерами в армии, разрабатывали политику — они вели себя как *classe dirigente* [правлящий класс — *фр.*], и, хотя и учитывали буржуазные интересы, от самой буржуазии они тщательно дистанцировались. Центр этой композиции — король — был королем милостью божьей, и корни занимаемого им положения были феодальными не только в историческом, но также и в социологическом смысле, как бы широко он ни пользовался экономическими возможностями, предоставляемыми капитализмом. Это было нечто большее, чем атавизм. Это был активный симбиоз двух социальных слоев, один из которых, несомненно, поддерживал другой экономически, но, в свою очередь, пользовался политической поддержкой другого» (*Schumpeter. Capitalism, Socialism and Democracy. London: Allen & Unwin, 1943, 136. Цит. по: Шумпетер, Йозеф. Теория экономического развития. Капитализм, социализм и демократия. Москва: Эксмо, 2008, 517).*

государственности, что было и причиной, и следствием экономического положения региона, — вот еще один пример кумулятивного воздействия социальных изменений. По мере того как польская земельная аристократия усиливалась за счет своей выгодной позиции в международной торговле, а местная буржуазия становилась слабее, налоговая база государства рассыпалась на мелкие части, и в результате король больше не мог позволить себе содержать подобающую армию.⁴⁴ Магнатам нужно было обеспечивать собственную защиту, что, в свою очередь, открывало возможности для ведения между ними частных войн,⁴⁵ причем некоторые из их частных армий были сопоставимы по размерам с королевской.⁴⁶ Сам же король со временем превратился в выборную фигуру, а центральный законодательный орган, Сейм, начал передавать большинство его полномочий местным собраниям (*diets*).

С этого момента началась быстрая дезинтеграция государственного аппарата. Януш Тазбир показывает, как один шаг на этом пути следовал за другим:

«Начиная с 1613 года решения о принятии налогов переносились, как правило, на уровень местных сеймиков*. Децентрализация налоговой системы вела к тому, что некоторые области должны были платить больше налогов, чем другие. Хаос еще более усилился, когда местным сеймикам было доверено голосование по налогам, даже в тех случаях, когда речь шла о национальной обороне (1640). Все это в итоге свелось к снижению доходов казны, из-за чего, в свою очередь, стало практически невозможно платить жалованье военным.

Отчаявшись получить деньги, солдаты создавали военизированные лиги или конфедерации, которые опустошали страну, создавая опасные очаги политического брожения».⁴⁷

В Западной Европе — даже в католической Испании — королевская собственность росла за счет церковной, но в Польше все было наоборот. В ходе первой волны Реформации некоторые приходские земли были конфискованы

⁴⁴ «В XVI веке [Польша] недостает не столько жизненных сил, о наличии которых говорят многие признаки, но подвижного и развитого денежного хозяйства. Если польское государство по своей сути довольно хрупко и функции короля заключаются „скорее в представительстве, чем во власти“, причина этого кроется в социальном и политическом устройстве „Республики“ и в невозможности накопления больших денежных запасов, а следовательно, и создания современной армии» (*Бродель*. Средиземное море, I, 275).

⁴⁵ «Реформаторские (the reformatting) [sic! — И.В.] стремления двора побуждали магнатов добиваться дальнейшего ослабления администрации. Постепенное ограничение королевских полномочий происходило одновременно с ростом привилегий крупных аристократов, в особенности магнатов на восточных границах страны, в чьем распоряжении имелись собственные вооруженные силы, значительное богатство и многочисленная клиентела в лице зависимой от магнатов местной шляхты (*gentry*). Поэтому у некоторых магнатов было все, что отобрали у монарха: избыточные финансовые ресурсы, сильная армия и поддержка собственной политической партии... Уже в начале XVII века отдельные семейства магнатов втянулись в междоусобные частные войны, которые опустошали страну и поглощали ее ресурсы» (*Tazbir, Janusz*. History of Poland, p. 209).

⁴⁶ См. *ibid.*, p. 224.

⁴⁷ *Ibid.*, p. 225.

шляхтичами-протестантами, но даже тогда основная масса крупных церковных владений осталась нетронутой, после чего в Польше восторжествовала Контрреформация — о том, почему это произошло, мы уже говорили. Однако королевские владения по-прежнему уменьшались в силу самой слабости государства.⁴⁸

Аналогичные процессы происходили и в других странах Восточной Европы. Например, Прусская монархия в расхожем представлении ассоциируется с сильным государством и сильным Junkerским классом. Рост этого класса на территориях, которые позднее сформируют Пруссию, действительно происходил именно в XVI веке, а вот государство в этом же столетии становилось слабее, а не сильнее.

Прусская поместная система прежде всего была основана на мелком сельском домовладении и барщине,⁴⁹ которая в это время развивалась в восточном Полабье и получила название *Gutsherrschaft* (поместное владение — нем.), заменив старую феодальную форму — *Gutswirtschaft* (крепостническое помещичье хозяйство — нем.)*. Как видно из самого названия, новая форма наиболее заметно отличалась от прежней в аспекте организации внутренней системы управления. По мнению Фридриха Лютге, в новой системе «поместье [оказывалось] чем-то вроде небольшой политической единицы внутри государства: его обитатели [были] лишь косвенно подчинены верховному правителю страны».⁵⁰ Во-вторых, как и в Польше, Гогенцоллерны использовали в качестве обеспечения по займам

⁴⁸ «В отличие от церковных, особенно монастырских, земель, королевские владения продолжали сокращаться и после окончания Средневековья. Статут короля Александра (1504) ограничил право монарха раздавать, продавать или закладывать королевские земли, однако хроническая нехватка денег вынудила брата Александра — Сигизмунда I (1506–1548) — продолжить политику своего предшественника, хотя и в несколько меньшем масштабе. Королевские поместья выступали обеспечением по займам у городов. В Западной Европе деньги ссужали в основном купцы и банкиры, и кредиторам в качестве обеспечения по возврату долга обычно доставались королевские доходы — таможенные сборы или налоги. Однако в Польше кредиторы-аристократы, а также несколько богатых купцов-банкиров максимально использовали возможность получить обеспечение в виде королевских поместий» (*Maćczak, Antoni. The Social Distribution of Landed Property in Poland from the Sixteenth to the Eighteenth Centuries // Third International Conference of Economic History. Paris: Mouton, 1968, I, 456–457*).

⁴⁹ «Система *Gutsherrschaft* предполагала постепенное уничтожение старинных прав владения помещичьей землей на правах аренды и создание множества мелких наделов с домовладениями на их территории (*cottage-holdings*)» (*Helleiner. Cambridge Economic History of Europe, IV, p. 26*).

⁵⁰ *Lütge. New Cambridge Modern History, II, p. 36*. То же самое Й. Семенский говорит о Польше: «Одним словом, [в XVI веке] крупные земельные поместья превратились в небольшие государства, управляемые аристократами и помещиками, которые пошли по пути обременения крестьян повинностями и принудительными контрактами с помещичьими монополиями. При этом также ограничивались пределы крестьянского самоуправления...» (*Siemensi. Constitutional Conditions in the Fifteenth and Sixteenth Centuries // Cambridge History of Poland, I: From the Origins to Sobieski (to 1696) / W. F. Reddaway et al., eds. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1950, 427*).

свои коронные земли и даже бывшие земли церкви,⁵¹ и это постепенно подтачивало их могущество. Короне приходилось идти на это *in extremis* [в крайних случаях — *лат.*], что было крайне выгодно для юнкерского класса.⁵²

Этот упадок верховной власти в Германии продолжался в течение всего XVI века и достиг своей низшей точки в 1648 году с подписанием Вестфальского мира, завершившего Тридцатилетнюю войну. Последний, как утверждает Алан Дж. П. Тейлор, был «не причиной упадка и слабости Германии, а результатом этого». Несмотря на то, что мир был «навязан» Германии иностранными державами, без их вмешательства положение дел было бы еще хуже. «Единственной альтернативой в 1648 году было не меньшее иностранное вмешательство,

⁵¹ Но даже конфискация церковных земель не становилась спасением, если хозяйство той или иной территории было недостаточно развито для обеспечения адекватной базы налогообложения: «Так же, как в Англии, упразднение монастырей [в восточном Полабье] не освободило его правителей от необходимости обращаться к сословным представителям за согласием предоставлять займы. Растущая потребность в деньгах и скачущие цены заставляли правителей продавать или закладывать многие монастырские земли аристократам... Поэтому, вопреки широко распространенному мнению, княжеская власть была не усилена Реформацией, а продолжала уменьшаться» (*Carsten, F. L. Origin of Prussia. London and New York: Oxford Univ. Press (Clarendon), 1954, 166*).

⁵² «Возврат долгов землей, особенно поместьями, в эпоху Революции цен был, очевидно, наиболее прибылен для кредиторов. Преобладающими способами получения кредита в этот момент выступают залог королевских поместий и передача их в управление кредитору в качестве обеспечения по займу. В рамках данной системы заключение сделки и возврат займа были основаны на сочетании элементов как денежной, так и натуральной экономики. Для землевладельца потребность в „государственных“ займах создавала возможность посредством спекулятивных инвестиций в землю приумножать капитал с исключительно высокой нормой прибыли. Сумма, которую заемщик получал наличными, обычно была значительно ниже реальной капитальной стоимости закладываемых активов. Маржа между этими двумя суммами проявляла тенденцию к увеличению за счет длительного восходящего тренда цен на землю и сельскохозяйственную продукцию. Поэтому вместе с землей кредитор получал страховку в виде избыточной и эластичной экономической ренты, которая в период владения залогом могла стать еще больше в результате более эффективного использования земли или ее безжалостной эксплуатации. Только постоянные острые проблемы в налоговой сфере и ограниченный характер рынка капитала, который вследствие экономического упадка городов и их обитателей все больше оказывался под влиянием крупных землевладельцев и высших правительственных чинов, вынуждали Гогенцоллернов раз за разом прибегать к подобному методу получения займов» (*Rosenberg. American Historical Review, Part 1, XLIX, p. 22*).

Аналогичный упадок верховной власти, шедший на пользу земельной аристократии, обнаруживается в принадлежавшем Испании Неаполитанском королевстве, что еще раз говорит о тесной связи между положением государства в мире-экономике и его политической структурой. В Неаполитанском королевстве землевладельцы особенно активно включились в хлебное производство в начале XVII века. Они укрепляли и усиливали свои парламентские полномочия, эффективно ограничивали власть испанского вице-короля, обеспечивали контроль над бюрократией, размещая своих людей на высокие посты (при этом купить можно было только мелкие должности), и сохраняли абсолютное превосходство в военной организации государства» (*Villari. La rivolta anti-spagnola, pp. 3–5, 14, 17, 24–25, 28*).

а еще большее, то есть продолжение войны до тех пор, пока основная часть Германии не оказалась бы фактически разделенной между Францией, Швецией и Габсбургами».⁵³

Вкратце остановимся на положении Швеции, поскольку эволюция государственного аппарата этой страны тяготела к западноевропейской модели, а не к периферийной, хотя в экономическом отношении в данный период это была очень слабо развитая страна. Шведское могущество определялось не торговлей и промышленностью, хотя начиная с 1540 года здесь постепенно росла черная металлургия,⁵⁴ — причина мощи Швеции заключалась в слабом сельском хозяйстве: местная аристократия стремилась извлекать прибыль с чужих земель за неимением возможности делать это на собственной территории. Во всяком случае, как считает Маловист, это было одним из необходимых условий шведского успеха:

«Стоит еще раз перечислить некоторые аспекты шведского доминирования на Балтике. В действительности истоки шведской экспансии, поначалу скромной, следует искать, опять же, в XV веке. Кроме того, в XV–XVI столетиях Швеция была очень отсталой страной в сравнении не только с Западной Европой, но даже с восточной Германией или Польшей... Поэтому нужно отметить, что состояние торговли в Швеции совершенно не объясняет ее агрессию по отношению к соседям, поскольку торговый класс получал от завоеваний соседних земель ничтожно малую прибыль и при случае даже стремился противостоять захватнической политике, рассматривая ее скорее как источник постоянно растущего налогообложения.

Напротив, группой, которая активно поддерживала экспансию, была аристократия, зная, неспособная за счет сильного и хорошо организованного крестьянства увеличить свои доходы, в ту эпоху довольно невысокие. Поэтому завоевания и управление захваченными территориями дали важный новый источник доходов именно крупным аристократам и знати».⁵⁵

Почему шведское крестьянство было сильным? Не потому ли, что в то время «сельское хозяйство Швеции едва могло обеспечить ее собственные потребности», а стало быть, единственным реальным источником быстрого обогащения оказывался «ставший следствием огромного роста мощи знати» путь превращения страны в «своего рода паразита, живущего за счет слабых соседей?».⁵⁶

Таким образом, пример Швеции является лишь незначительным отклонением от общей тенденции, вполне иллюстрирующим ход всего процесса. Поскольку Швеция была периферийным государством со слабой буржуазией, политическая власть ее аристократии росла вместе с экономической экспансией XVI века. Однако производству хлеба здесь препятствовало ухудшение климата, в этот период оказавшее особенно негативное влияние на скандинавские

⁵³ Taylor. Course of German History, p. 23.

⁵⁴ См. Spooner, Frank C. New Cambridge Modern History, IV, p. 97.

⁵⁵ Malowist. Annales E.S.C., XVIII, p. 926.

⁵⁶ Malowist. Economic History Review, XII, p. 189.

страны.⁵⁷ Поэтому знати требовались завоевания, а стало быть, не слабое, а сильное государство. С его появлением в XVII–XVIII столетиях шведская знать получает возможность использовать меркантилистскую политику как рычаг индустриального развития и тем самым избежать участи Польши.

Теперь мы можем вернуться к России. Одним из ключевых свидетельств в пользу гипотезы, что Россия *не* являлась частью европейского мира-экономики, было именно становление здесь абсолютной монархии по модели, в существенных чертах аналогичной западноевропейской и при этом разительно отличающейся от модели Восточной Европы.

Что свидетельствует об этом? Рост принудительного труда на рынок в России XVI века был результатом государственного вмешательства в экономику, напрямую связанным с созданием системы *поместий* — военных пожалований для вознаграждения сторонников царя. В некотором смысле здесь можно провести параллель с *энкомьендами* в Испанской Америке. Однако, в отличие от Испанской Америки, в России система принудительного труда не могла быть введена сразу, поскольку землю сначала требовалось изъять у старой знати (*бояр*) и монастырей. Не было в России и чего-то подобного *касикам*, исполнявшим роль посредников, разве что в некоторых местах в каком-то смысле аналогичную роль могли играть священники православной церкви. Поэтому законодательное внедрение «крепостничества» в России скорее завершило процесс «рефеодализации», приведенный в движение накоплением крестьянской задолженности. В. О. Ключевский так описывает механизм этого процесса:

«Ссуда [со стороны землевладельца] создавала отношения, в которых владельческому крестьянину приходилось выбирать между бессрочно обязанным крестьянством и срочным холопством [то есть отработкой долга в форме его собственного труда]. Это было не полицейское прикрепление к земле, [...] а хозяйственная долговая зависимость от лица, от землевладельца-кредитора по общему гражданскому праву... Итак, крестьянское право выхода к концу XVI века замирало само собой, без всякой законодательной его отмены...

*Крестьянин, рядясь с землевладельцем на его землю со ссудой от него, сам отказывался в порядной записи навсегда от права каким-либо способом прекратить принимаемые на себя обязательства».*⁵⁸

Однако добровольное закрепощение перестало быть эффективным, когда в середине XVI века военные успехи Ивана Грозного привели к поглощению значительных незанятых земель на юго-востоке сегодняшней Европейской России. Для предотвращения бегства крестьянского населения на эти новые земли, что для владельцев поместий означало потерю рабочих рук, а для

⁵⁷ «Поэтому представляется, что пример северных стран необходимо рассматривать отдельно: слишком сильный зимний холод здесь крайне неблагоприятен для выращивания зерновых, а ряд суровых зим может иметь губительные последствия для экономики, в то время как во Франции такие же зимы будут практически безвредны или даже благоприятны для сельского хозяйства» (*Le Roy Ladurie. Histoire du climat*, p. 281).

⁵⁸ Ключевский. Курс русской истории, II, 93, 99. Курсив по англ. изд.

правительства — потерю налогоплательщиков, «были введены ограничения свободы перемещения крестьян».⁵⁹ Как отмечает Александр Гершенкрон, «процесс закрепощения практически невозможен без участия государственной власти. Каким еще образом он мог быть реализован в стране, настолько открытой такому обширному пустому пространству на юге и востоке от Московии, как великая Русская равнина?».⁶⁰ Поэтому активная роль государственного аппарата была непосредственно связана с завоевательной политикой России.

То же самое, конечно, можно сказать и об Испании. Однако благодаря притоку металлов, итальянским кредиторам и связям Габсбургов Испания оставалась тесно связанной с европейским миром-экономикой. Тем не менее, самобытный процесс создания Российского государства имел некоторые параллели с Испанией. Эта страна появилась в результате христианского отвоевания ее территории у мусульманских завоевателей, пришедших из Северной Африки, а Россия возникла в ходе свержения «татарского ига» и отвоевания христианами земель у мусульманских (или исламизированных) захватчиков из Центральной Азии. Роль Московии совпадала с ролью Кастилии, а всеобщий порыв к борьбе существенно способствовал триумфу Московии.⁶¹

Помощь традиционного военного класса, *бояр*, в ходе этой русской реконкисты стоила московским царям отдельной платы: им пришлось уступить претензии бояр на вечное превосходство в соответствии со статусной системой, сложившейся в более ранний период.⁶² Эта система, известная как *местничество*, была одной из наиболее важных традиций, созданных именно в ходе указанных изменений. В противовес новому источнику мощи аристократов Иван III в конце XV века создает *поместья* — новую систему неаллодиальных феодалов. Поместья представляли собой пожалования в виде пребенды в обмен на военную службу и создавались на завоеванных пограничных территориях, из земель, конфискованных у монастырей и опальных бояр, а также из земель свободных крестьян.⁶³

⁵⁹ Szeftel, Mark. Aspects of Feudalism in Russian History // Feudalism in History / Rushton Coulborn, ed. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1956, 176.

⁶⁰ Gershenkron, Alexander. Review Article: Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century // Journal of Economic History, XXIV, 1, Mar. 1964, 56.

⁶¹ «Таковы новые явления, которые замечаются в территориальном собирании Руси Москвой с середины XV века. Сами местные сообщества начинают открыто обращаться к Москве, увлекая за собой свои правительства или увлекаемые ими. Благодаря этому тяготению московское собирание Руси получило иной характер и ускоренный ход. Теперь оно перестало быть делом захвата или частного соглашения, а сделалось национально-религиозным движением» (Ключевский. Курс русской истории, I, 463. Курсив по англ. изд.).

⁶² См. там же, с. 495–496.

⁶³ «Данная трансформация повлекла за собой не просто сокращение аллодиальных наделов (*вотчин*) и возникновение временного земельного держания (*поместья*), которое жаловалось держателю за службу государству. В ходе этого процесса ряд бывших „черных“ [то есть свободных] крестьянских земель был переписан государством на своих людей. Этот очевидно политический процесс можно до конца понять лишь

Однако в России не было Реформации, поэтому церковь могла сопротивляться государству, а существование двух типов землевладения — новых *поместий* и старой манориальной формы, *вотчины* — открывало перед монастырями огромные возможности, поскольку владельцы вотчин стали продавать или дарить церкви свои земли (особенно после 1550 года) в обмен на пожизненную аренду. Конечно, непосредственная мотивировка этого процесса носила религиозный характер, но его ключевым фактором представляется, конечно же, социально-политический.⁶⁴

Благодаря созданию поместий — новых форм владения, не основанных на традиционных для феодализма взаимных обязательствах, причем нередко расположенных в пограничных зонах, — в сочетании с территориальной экспансией, которая обеспечивала постоянную доступность новых земель, — именно благодаря этим двум факторам правительство шло по пути постепенного прикрепления крестьян к земле и принудительному труду. Этот процесс занял всё XVI столетие начиная с принятия Судебника 1497 года и заканчивая Соборным уложением 1649 года.⁶⁵ Без таких ограничений крестьяне отказались бы повиноваться, а политическая сила церкви препятствовала стремлению государства остановить увод земли от налогообложения. Единственной альтернативой для государства было увеличить налоговую нагрузку на остававшуюся землю, еще более притесняя крестьян.⁶⁶ Но рост налогов лишь давал

в контексте расширения государства и роста его потребностей» (*Gershenkron, Alexander. An Economic History of Russia // Journal of Economic History, XII, 2, Spring 1952, 131*). О фискальной природе происхождения этой системы срв.: *Ardant. Impôt*, pp. 1089–1097.

⁶⁴ «Земельные приобретения монастырей достигли пика в ходе политических и экономических кризисов конца XVI века. Во избежание утраты своих земель из-за экономических неурядиц или государственной конфискации многие вотчинники передавали свою собственность монастырям в обмен на пожизненную аренду всей или части подаренной земли или же других земель, принадлежавших монастырю. Тем самым прежний собственник мог спокойно доживать остаток жизни под протекцией монастыря, получать доход от своей собственности и избегать опасностей, которые угрожали классу вотчинников в правление Ивана Грозного» (*Blum. Lord and Peasant*, pp. 191–192).

⁶⁵ См. *ibid.*, pp. 247–268. Хилтон и Смит датируют этот процесс начиная с 1460 года (см. *Hilton & Smith. Enserfment*, pp. 18–19, 42–46, 73–75), также признавая, что он окончился в 1649 году (см. pp. 25, 141–152).

⁶⁶ «Связь между вопросом о монастырских вотчинах и судьбой крестьян... была, и притом двоякая. Во-первых, монастырские вотчины составились из земель служилых людей и из земель казенных и дворцовых, составлявших запасный фонд для обеспечения служилых людей. При неудаче попыток воротить отходившие к монастырям земли в казну или на службу все, что государственное хозяйство теряло на монастырском землевладении, ему приходилось выручать на крестьянском труде, усиливая его податное напряжение. А потом, льготные земли монастырей были постоянной угрозой для доходности земель казенных и служилых, маня к себе крестьян с тех и других своими льготами. Правительство вынуждено было для ослабления этой опасности полицейскими мерами стеснять крестьянское право перехода» (*Ключевский. Курс русской истории*, II, 60. О положении крестьянства в целом срв.: *Blum. Lord and Peasant*, pp. 219–246).

крестьянам дальнейший повод к бегству, к тому же на монастырских землях им предлагались более благоприятные условия.

Таков фон упомянутого выше вопроса о «пятидесятых и шестидесятых». Правление Ивана IV Грозного (1547–1584) было переломным периодом русской истории, поскольку царь целеустремленно сконцентрировался на задаче усиления государственной власти, и это нашло выражение в той внутренней социальной структуре, которую России суждено будет познать в течение нескольких следующих столетий. В то же время Иван Грозный пытался установить автономию Российского государства от европейского мира-экономики, и в краткосрочной перспективе это, как мы увидим, ему удалось. Иными словами, он не пускал незваного гостя на порог достаточно долго, чтобы впоследствии, когда этот мир-экономика все же поглотит Россию, она вошла в его структуру как полупериферийное государство (наподобие Испании XVII–XVIII веков), а не как периферия типа Польши.

В самой России главным оружием царя в увеличении мощи государства было, как и в Западной Европе, создание патримониального государственного аппарата, еще более, в сравнении с Францией и Англией, связанного с перераспределением прав на землю. Одной из ключевых реформ была отмена системы *кормления* местных администраций, то есть системы налоговых пребэнд, и замена ее бюрократией, которой платили и живыми деньгами, и пожалованием земли.⁶⁷ В результате этой реформы появилась не только центральная бюрократия, но и налоговая база для ее содержания.⁶⁸ Одновременно создавались институты местной власти, прочно находившиеся в руках местных дворян (*gentry*), подъем которых был составной частью процесса укрепления царской власти и стимулировался этим процессом.⁶⁹ Именно в этот момент (1556) военная служба была жестко увязана с держанием поместья, что давало царю уверенность в сравнительно преданной ему постоянной армии.⁷⁰ Увеличение числа *поместий* и последовавшее за этим усложнение управления их системой привело к созданию в Москве центрального Поместного приказа*.⁷¹

⁶⁷ См. *ibid.*, pp. 142–143. Слово «кормление» переводится как «средства к существованию» (“living”) в: *Smith, R. E. F. The Enserfment of the Russian Peasantry. London and New York, Cambridge Univ. Press, 1968, 156.*

⁶⁸ Именно в правление Ивана Грозного Россия впервые познакомилась с системой прямого государственного налогообложения (*Miller, A. Considérations sur les institutions financières de l'état moscovite au XVIe en XVIIe siècles // Revue internationale de sociologie, XL, 7–8, juil. — août 1932, 374–378*). Миллер четко показывает, как это было связано с отменой системы кормлений: «Поскольку населению больше не требовалось платить „кормленщикам“, вместо этих платежей был введен ряд налогов, которые начиная с этого момента повышались в интересах центрального правительства [р. 378]».

⁶⁹ См. *Vernadsky. Tsardom, I, p. 179.*

⁷⁰ См. *ibid.*, pp. 85–86.

⁷¹ «Возникла необходимость в стандартизации и бюрократизации системы государственной службы для обеспечения ее четкого функционирования... Движение

В то же время во внешней политике Иван IV ориентировался не только на экспансию в направлении пограничных земель на юге (в тот момент относившихся к Крымскому ханству), но и на западную экспансию, в направлении Балтики. Так называемая Ливонская война, имевшая целью утвердить власть России в Балтийском регионе, тянулась 25 лет (1558–1583) и окончилась, по сути дела, ничем.⁷² Если бы у нее был хоть какой-то результат, то Россия в то время определенно смогла бы войти в европейский мир-экономику.

Вполне понятно, почему экспансия на запад искушала царя с его предпринимательскими возможностями. В отличие от правителей различных стран Восточной Европы, царь благодаря уже окрепшему государственному аппарату мог получать прямую прибыль от увеличения торговли с Западом. Если в Польше монопольный контроль над экспортной торговлей удалось установить аристократии, то в России этот контроль принадлежал царю, который зарезервировал за собой права на внешнюю торговлю и способствовал их осуществлению.⁷³ Поэтому заграничная торговля была для царя не только источником таможенных сборов, но и возможностью сбыта огромной массы товаров, которые в натуральном виде стекались в руки монарха от его крестьян. Иван IV хотел использовать всю Европу примерно так же, как средневековый город обслуживал феодального сеньора. Поскольку это был весьма обширный замысел, царь понял, что для ведения торговых операций будет удобно и прибыльно заручиться поддержкой торговой буржуазии (как иностранной, так и местной). В Польше аристократы устранили средний торговый слой, а вместе с ним и определенные налоги на свою продукцию — в результате государство потеряло источник дохода, а буржуазия пришла в упадок. Если же землевладелец и монарх совпадают в одном лице, то любые налоговые манипуляции — освобождение от налогов, оптимизация налогов и т. д. — суть не более чем обычная бухгалтерская операция. Следовательно, в отличие от независимых предпринимателей, включение в штат производственных компаний лиц,

в сторону унификации было особенно заметным в стандартизации размеров надела, который предоставлялся помещикам» (*Blum. Lord and Peasant*, pp. 191–192).

⁷² См. *Vernadsky. Tsardom*, I, pp. 87–174.

⁷³ «Иностранцы считали царя Ивана одним из самых богатых феодальных сеньоров в Европе... Сверхприбыльные царские монополии во внешней торговле держались исключительно на поместном хозяйстве самого царя и его окружения» (*Lyaschenko, Petr I. History of the National Economy of Russia to the 1917 Revolution*. New York: Macmillan, 1949, 213–214. Рус. изд.: *Лященко П. И. История русского народного хозяйства*. 2-е изд., М.-Л., 1930).

Отсюда становится ясно, почему Ивану IV первоначально представлялось столь выгодным развитие коммерческих связей с Англией. В самом деле, Инна Любименко утверждает, что женитьба на Елизавете не была пределом его желаний, и именно осторожность англичан вызывала гневную реакцию царя (*Lubimenko. Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand*. Paris: Lib. Ancienne Honoré Champion, 1933, 40–53. См. *Любименко И. И. История торговых сношений России с Англией*, выпуск I, XVI век. Издание Министерства Торговли и Промышленности, Юрьев, 1912).

контролировавших сбыт продукции, не сулило России каких-либо серьезных финансовых преимуществ. Поскольку купцы в России являлись свободными предпринимателями изначально, проще было оставить положение дел без изменений.

Итак, в России, как и в Западной Европе, одновременно и сохранилась местная торговая буржуазия, и был укреплен государственный аппарат.⁷⁴ Но если бы царь Иван преуспел в военных действиях, то вовсе не факт, что российские купцы достигли бы результатов, на которые они рассчитывали. Однако мы никогда этого не узнаем: внешний итог Ливонской войны был патовым, но в действительности ее результатом оказалось обострение внутреннего социального и экономического кризиса в России.

На принципиально нестабильной политической арене того времени отсутствие последовательных внешнеполитических успехов государства вело к открытым столкновениям внутренних интересов, что всегда было чревато риском дезинтеграции государства. Для противостояния внутренней нестабильности Иван IV прибег к жестким политическим мерам — пресловутой *опричнине*, за которую он и заработал прозвище «Грозный». Режим опричнины, по сути дела, подразумевал создание специальной придворной гвардии, с помощью которой царь устраивал жестокие чистки в рядах своих врагов, в особенности среди аристократии. В руках царя было два инструмента: смертная казнь и конфискация имущества — последнее позволяло царю перераспределять землю в пользу тех, чью преданность он надеялся сохранить.

Опричнина оказалась политически успешной в том смысле, что она покончила со страхом *coup d'état* (государственного переворота — *фр.*). Однако, по мнению многих исследователей, она неожиданно привела к обратной реакции. Например, Блум утверждает, что

«шок *опричнины*, наряду с постоянным истощением ресурсов страны в ходе долгой и безуспешной Ливонской войны... дестабилизировал социально-экономическую структуру государства... Конфискация крупных земель и разделение их на поместья были насильственным вмешательством в сложившуюся структуру сельского хозяйства, на которой базировалась национальная экономика, внесшим отсталые технологии, сократившим производительность и еще более обострившим напряженность между помещиками и крестьянами».⁷⁵

⁷⁴ «Поэтому очевидно, что морская торговля не только благоприятствовала накоплению капитала в России, но и укрепляла силы, заинтересованные в единстве страны и могуществе государства... [Купцы, чья численность и богатство росли, были] заинтересованы как в свободной внутренней торговле, так и в политической и коммерческой внешней экспансии. Последнее позволило бы им установить контакты с Западом через Литву и Балтику и быстро разведать богатства Сибири, а возможно, и Ближнего и Дальнего Востока» (*Malowist. Past & Present*, No. 13, pp. 38–39).

⁷⁵ *Blum. Lord and Peasant*, pp. 146–147. Блум также говорит о «пагубном сокращении производства в 1570–1580-х годах» (*Blum, Jerome. Prices in Russia in the Sixteenth Century // Journal of Economic History*, XVI, 2, June 1956, 196). Лященко: «Переход от прежней формы натуральной экономики крупных феодальных хозяйств к новой форме самоуправляемого поместья, основанной на стремлении к максимальной эксплуатации труда, не мог

Блум также винит в массовом бегстве крестьян тяжелые налоги в сочетании с эпидемиями чумы, неурожаями и внешними вторжениями.⁷⁶ Эти события нашли отражение в резкой и внезапной инфляции 1575–1590 годов и были ею усугублены. На основании исследования движения цен в России XVI века А. Г. Маньков идет еще дальше, стремясь «увидеть в кризисе 1580–1590-х годов общий кризис национальной экономики»,⁷⁷ — данная точка зрения в целом совпадает с позицией советской историографии.⁷⁸

не обернуться довольно продолжительным общим упадком во всей национальной экономике Московского государства XVI века...

Благодаря своей неприкосновенности вотчины имели так много привилегий, позволявших прикреплять крестьян к земле, что они легко могли концентрировать в своих пределах большие массы рабочей силы и осуществлять постепенное порабощение крестьян... Хозяйство среднестатистического *поместья* не могло быть основано на труде холопов [т.е. «крепостных» (*'villein'*) — см. *Smith*, p. 162], которых в поместьях было немного (не говоря уже о плохом качестве холопского труда), особенно в условиях денежной экономики. Однако равным образом поместье не могло базировать свое производство на всего лишь экономически зависимом крестьянском труде, поскольку поместное хозяйство чаще всего не обладало значительным экономическим влиянием. Поэтому необходимая для поместья организация труда могла быть достигнута лишь путем внеэкономического принуждения, «прикреплявшего» рабочую силу к поместью путем порабощения тружеников не только с помощью задолженности, займов, кабалы и т.д., но и благодаря признанию за помещиком «права» на принудительный крестьянский труд...

Разрушение крестьянства и рост экономического давления со стороны помещиков заставлял крестьян сокращать посевные площади [достигнув «более чем 95% общей площади земли к середине XVI века», они сократились «в центральных областях... до 31,6%, а в Новгородской земле и вовсе до 6,9%» к 1580-м годам] и искать спасения от порабощения в бегстве на «пустые» земли. Результатом этого в ходе XVI века стал очевидный упадок не только самого поместья, но и связанного с ним крестьянского хозяйства» (*Lyaschenko*. *National Economy of Russia*, pp. 191–193).

⁷⁶ См. *Blum*. *Lord and Peasant*, pp. 158–159.

⁷⁷ *Mankov*. *Le mouvement des prix*, p. 126. Во французском переводе стоит «1570–1580», но из контекста очевидно, что это типографская ошибка, которую я здесь исправляю.

⁷⁸ «Положение дел резко изменилось в течение следующего десятилетия [1580–1590] в связи с общеизвестным экономическим кризисом этого периода. Советская историография придает этому кризису первостепенное значение, так что его причины, природа и географические рамки вполне исследованы. Чрезмерное напряжение всех сил национальной экономики в ходе тягостной Ливонской войны и ее печальный исход — разрушенные и оставленные области с некогда очень высоко развитым сельским хозяйством; создание опричнины, которая расстроила земельные владения бояр и князей; принудительное перераспределение земель и «рассеивание малых людей» и т.д. — таковы были симптомы этого кризиса... Упадок сельского хозяйства и разорение крестьянства на предназначенных под поместья территориях особенно способствовали сокращению рынка зерна. В условиях нехватки хлеба резко возрастал спрос и увеличивались цены» (*Mankov*, *ibid.*, p. 126).

В то же время Маньков убежден, что на Россию в той или иной степени повлияла европейская Революция цен. Впрочем, как отмечает Джером Блум, «[аналогичный

В том же духе рассуждает Вернадский: Ливонская война была ужасной ошибкой, поскольку Россия, вынужденная продолжать боевые действия на крымском направлении, своим решением одновременно воевать в Ливонии выбрала войну на два фронта, и эта политика имела плачевный результат.⁷⁹ Мне представляется, что Вернадский упускает главное: похоже, что у России в равной степени не было иного выбора и в Ливонии. Для Вернадского Ливонская война — это провал, так что русские «были рады и краткому перемирию со Швецией 5 августа 1583 года», даже несмотря на его крайне неблагоприятные условия.⁸⁰ Однако, с другой стороны, это перемирие, должно быть, следует рассматривать как гигантский успех. Россия *не* попала в европейский мир-экономику, так что ее буржуазия и монарх избежали — по крайней мере, в тот момент — участи их польских противников.

Это вовсе не фантазия. Борис Поршневу вообще считает, что в системе европейских международных отношений XVI века Габсбургам и католической церкви, стремившимся к созданию единой имперской системы, противостояли силы, заинтересованные в появлении восточного барьера для расширения их империи — в его состав должны были войти Швеция, Польша (позднее Польско-Литовское государство) и Османская империя. Предполагалось, что этот барьер будет «в первую очередь направлен против Центральной Европы», а также «изолирует от Европы Россию, которая становилась все сильнее».⁸¹

Однако католицизм восстановил свои позиции в Польше, и Польско-Литовское государство стало союзником Испании. В эпоху, наступившую после смерти Ивана IV, Российское государство раздиралось внутренними конфликтами, кульминацией которых стало так называемое Смутное время (1610–1613). В это время Польша, тайно поддерживаемая Габсбургами и Швецией, имевшей на то свои соображения, предприняла «попытку расчленить и подчинить Россию»,⁸² но это начинание оказалось безуспешным. Кроме того, как утверждает Вернадский, в тот момент существовал и английский интерес в установлении «полного или частичного протектората над Россией».⁸³ Несомненно, основной причиной краха этих намерений стало обострение внутриевропейских противоречий в период Тридцатилетней войны, что заставило основных врагов России решать более важные задачи.

Россия еще больше приблизилась к поглощению Европой, но «катастрофическая» политика Ивана IV отодвинула этот момент. Вот как описывает Ключевский происходившее в конце «долгого» XVI века:

рост цен в России] вполне мог иметь место, но данные [Манькова] этого не доказывают...» (*Blum. Journal of Economic History*, XVI, p. 185).

⁷⁹ См. *Vernadsky. Tsardom*, I, pp. 94–95.

⁸⁰ *Ibid.*, p. 166. Далее: «Так закончилась 25-летняя Ливонская война, потребовавшая от русского народа множества лишений и жертв и вместе с последствиями опричнины погрузившая Россию в глубокий социально-экономический кризис».

⁸¹ *Porchnev. International Congress of Historical Sciences*, 1960, IV, p. 140.

⁸² *Ibid.*, p. 142.

⁸³ *Vernadsky. Tsardom*, I, p. 291.

«Англия и Голландия помогают царю Михаилу [1613–45] уладить дела с враждебными ему Польшей и Швецией, потому что Московия для них выгодный рынок и удобный транзитный путь на Восток, в Персию, даже в Индию. Французский король предлагает Михаилу союз тоже по торговым интересам Франции на Востоке, соперничая с англичанами и голландцами... Государство (the Empire) царя Михаила было *слабее* государства царей Ивана [IV] и Федора [1584–98], но было гораздо *менее* *одиноким* в Европе».⁸⁴

Не следует ли это «но» читать как «и поэтому»? Иван Грозный стремился к созданию Русской империи, а не к России в роли куска европейского пирога. Такая же цель будет стоять и позднее, в эпоху Петра Великого.

Третье значимое отличие России от Восточной Европы было, как указано выше, следствием иной структуры и иного направления развития торговли, а также иной силы государственного аппарата. В отличие от большинства территорий Восточной Европы, в России города и местная буржуазия пережили «долгий» XVI век. Общим между Россией и Восточной Европой было то, что сельское хозяйство в основном развивалось в форме крупного поместья, однако в России это поместье оказалось в руках «новых людей», которых одни называют «дворянством» (gentry), другие «мелкой знатью» (lesser nobility), но мы уже видели, насколько непринципиально различие между этими терминами. Эти люди происходили не из старого боярского класса, но были выходцами из двух групп: *дворян* (нечто вроде придворного нобилитета) и так называемых «детей боярских» — прежде незначительных и удаленных от двора аристократов. Бояре, которым удалось выжить, были в основном «не-царственными родственниками монарха».⁸⁵ Так рождался новый олигархический класс — особенно активным этот процесс стал после Смутного времени, когда царь Михаил смог довести до логического конца политические начинания Ивана IV.⁸⁶ Со временем новая аристократия фактически унаследовала

⁸⁴ Ключевский. Курс русской истории, III, 287. Курсив добавлен.

⁸⁵ «Среди магнатов XVII века преобладали новые люди. В середине столетия лишь 9 из 23 богатейших людей на царской службе происходили из старинных княжеских фамилий. Прочие были нецарственными родственниками монарха (который сам происходил из семьи московских бояр) и иными представителями нетитулованного служилого класса, включая выходцев из мелкого дворянства» (Blum. Lord and Peasant, p. 212. См. Malowist. Economic History Review, XII, p. 189; Lublinskaya. French Absolutism, p. 60).

⁸⁶ «Однако дворянство (gentry) как класс внесло свою лепту в победу абсолютизма. Преданное орудие царей в борьбе с крупной знатью, лидеры национального возрождения в Смуту [первых лет XVII века] и выборщики [царя] Михаила [в 1613 году], дворяне получили своё, став правящим классом вместо *княжат* и бояр. Те представители старой аристократии, которым удалось сохранить часть былой власти, тщетно противостояли захвату дворянством высших постов в государстве. Они пытались препятствовать этому, опираясь на безнадежно устаревшее местничество, однако их генеалогические претензии более не могли совпадать с волей царя. Назначения и продвижения теперь зависели непосредственно от престола и были основаны на достоинствах (а чаще, скорее всего, на фаворитизме), но не на происхождении кандидатов.

все формальные атрибуты старой. Местничество было отменено в 1682 году. Поместья де-факто стали переходящими путем продажи и наследования, тем самым был дезавуирован смысл их отличия от вотчин.⁸⁷ Соборное уложение 1649 года существенно нивелировало различия между этими формами собственности,⁸⁸ а в 1731 году они были законодательно приравнены друг к другу.⁸⁹

Разумеется, появление «новых людей» было повсеместной тенденцией. В Западной Европе, как говорилось выше, это был более заметный процесс, однако и в Восточной Европе он шел не менее интенсивно. Суть этого процесса в России уловил Блум:

«Российский опыт... в одном важном отношении отличался от остальной Восточной Европы (и напоминал опыт Западной). В прочих восточноевропейских странах восхождение мелкой знати (*lesser nobility*) стало возможным благодаря упадку монархической государственности. В России же дворянство (*gentry*), напротив, своим подъемом было обязано укреплению царской власти, будучи придатком нового абсолютизма».⁹⁰

Наконец, контраст между Восточной Европой и Россией очевиден в тенденциях развития городов. В Восточной Европе был более существенный упадок городов, городской буржуазии и местной промышленности. Правда, можно говорить лишь об относительном упадке: по сравнению с Западной Европой Россия также пребывала в аналогичном состоянии если не абсолютного, то уж точно относительного упадка городов, а в Восточной Европе этот упадок не был всеобщим. Однако существуют свидетельства, которые, судя по всему, указывают на качественное различие между Восточной Европой и Россией в данном аспекте.

Наконец, в 1682 году давно обветшавшая система местничества была упразднена (*Blum. Lord and Peasant*, p. 151).

⁸⁷ «В XVII веке бояре и помещики стали практически неразличимы: земли и тех, и других превратились в наследственные и больше не имели обязательного отношения к фактически выполняемой государственной службе» (*Foust, C. M. Russian Expansion to the East Through the Eighteenth Century // Journal of Economic History*, XXI, 4, Dec., 1961, 470). «[В 1731 году] другим императорским указом было постановлено, что поместье следует впредь считать вотчиной» (*Blum. Lord and Peasant*, p. 185).

⁸⁸ См. *Vernadsky. Tsardom*, I, pp. 394–411.

⁸⁹ См. *Vernadsky. Speculum*, XIV, pp. 321–322.

⁹⁰ *Blum. Lord and Peasant*, p. 151. Попутно отметим, как легко Блум употребляет в качестве синонимов понятия «дворянство» и «мелкая знать». См. у Тазбира об отношениях польской шляхты (*gentry*) с монархией: «В 1537 году началась так называемая „куриная война“, когда открытая демонстрация оппозиционной шляхты, собранной около Львова для участия в вооруженной экспедиции, вынудила короля, королеву Бону и приближенных к ним магнатов пойти на уступки дворянству. Среди факторов успеха шляхты была ее консолидированная экономическая позиция как результат развития поместий, где использовался труд крепостных. Размер этих хозяйств увеличивался за счет крестьян, которых выселяли с их земель на меньшие либо менее плодородные участки» (*Tazbir. History of Poland*, p. 176).

В «первом» XVI веке это различие могло быть меньшим.⁹¹ Однако со временем землевладельцы Восточной Европы все больше втягивались в прямую торговлю, что побуждало их к открыто «антигородским» акциям.⁹² После того, как в Польше появились собственные «царьки» (*kinglets*), а в восточном Полабье — поместное владение (*Gutsherrschaft*), правителю в качестве землевладельца мало что требовалось от города для удовлетворения своих непосредственных нужд. Это обстоятельство не способствовало симпатии правителя к горожанам,⁹³ а знать на фоне упадка городов становилась еще сильнее.⁹⁴ Напротив, применительно к России Ключевский мог говорить о «необыкновенно медленном, зяблом росте наших

⁹¹ К примеру, Тазбир утверждает о Польше: «Экономическое процветание городов не могло противоречить законам Сейма, освобождавшим от налогов все товары, приобретаемые шляхтой и производимые в ее поместьях. Аналогичные законы в других странах также не имели какого-либо неблагоприятного воздействия на положение горожан, и в Польше в это время существуют многочисленные и вполне успешные компании со смешанным участием шляхты и горожан. Закон 1565 года перекрыл горожанам возможность торговать зерном и запретил польским купцам продавать польские товары за границей, а также импортировать заграничные товары в Польшу. Однако крупные города оказались в довольно выгодном положении, поскольку они тем самым стали единственными посредниками в данной торговле, а иностранным купцам было позволено выставлять свои товары только в этих городах. Более того, закон 1565 года так никогда и не вступил в силу. Аналогичным образом не мог препятствовать развитию городов и запрет на приобретение горожанами земли, который несколько раз принимал Сейм. Напротив, подобные меры лишь благоприятствовали вложению капиталов, полученных от торговли мануфактурным товаром» (*Tazbir. History of Poland*, p. 177–178).

Однако далее Тазбир отмечает, что «на исходе XVI века польские города стали ощущать воздействие постепенного развития поместного сельского хозяйства, основанного на крепостном труде... В это время на землях магнатских латифундий возникает новый тип города... Будучи владением местных сеньоров, эти города изначально подвергались ими возрастающей эксплуатации. Превосходство аристократии также дало о себе знать и в других городских центрах... Негативное влияние политического главенства шляхты и развития крепостнического сельского хозяйства на польские города и ремесла станет очевидным лишь позже, однако первые признаки экономического кризиса заметны уже в первой половине XVII века [pp. 226–227]».

⁹² «Этот упадок городов значительно ускорился из-за антигородской политики восточногерманской, ливонской, польской и богемской знати... Одна из главных задач аристократии состояла в том, чтобы разрушить монополию городов на внешнюю и внутреннюю торговлю. Также знать решила положить конец практике городов принимать в свои стены беглых крестьян...» (*Blum, Jerome. American Historical Review*, LXII, p. 834).

⁹³ «[В восточном Полабье] Реформация имела иное последствие: правители за пределами Пруссии приобрели крупные земельные владения, то есть их интересы как землевладельцев с этого момента совпадали с интересами аристократии и противостояли интересам городов в сфере торговли» (*Carsten. The Origins of Prussia*, p. 166).

⁹⁴ «Прежде всего имели место длительный упадок восточных городов и их подчинение, после чего там исчезло какое-либо сопротивление утверждению знати...

Эти процессы коренным образом изменили баланс общественных сил, оставшийся со времен Средневековья, и дали одному классу возможность управлять другими. В Пруссии аналогичный результат был достигнут благодаря передаче Польше всех важных городов [за исключением Кёнигсберга] в 1466 году» (*Ibid.*, p. 116, 147).

городов и городской промышленности в XVI–XVII веках»⁹⁵ — но это, по крайней мере, был рост, а не упадок. Позиция Блума еще более оптимистична:

«О возрождении значимости обмена в экономической жизни [XVI века] сигнализировало то, что город снова стал центром промышленности и торговли, а также рынком для сельскохозяйственной продукции и других изделий, произведенных в России и за границей. Ожилились старые города, возникли новые, а некоторые деревенские поселения (судя по новгородским земельным книгам) бросали сельское хозяйство ради торговли и производства».⁹⁶

Восточноевропейская торговая буржуазия усиливалась вместе с нарастанием влияния городов. Местные аристократы не только перехватывали у собственных купцов экспортную торговлю, «низводя их до роли агентов»,⁹⁷ но и вступали в долю с *иностранной* буржуазией в сфере импортной торговли.⁹⁸ Иными словами,

⁹⁵ Ключевский. Курс русской истории, II, 15.

⁹⁶ Blum. Lord and Peasant, p. 23.

⁹⁷ Malowist. Economic History Review, XII, p. 186. Карстен: «До XVI века хлебный экспорт Бранденбурга находился в руках городов и их жителей, получавших приличный доход от этой торговли. Но когда знать стала более заинтересована в рыночном производстве зерновых, она стала захватывать эту сферу городского предпринимательства [р. 170]».

Фердо Гестрин: «Словенская буржуазия эволюционировала в направлении, противоположном ожидаемому по логике общего хода событий. Она оставалась больше связанной с торговлей (особенно транзитной), чем с неаграрным производством, но на ниве коммерции потерпела поражение от двух конкурентов — крестьян и сеньоров. Именно поэтому весь [XVI] век словенская буржуазия... неуклонно приходила в упадок, несмотря на периодические тактические успехи» (Gestrin. Economie et société en Slovénie au XVI siècle // Annales E.S.C., XVII, p. 687).

Хошовский: «[Польская шляхта] хотела получать доход не только от произведенного на своей земле, но и от торговли полученной продукцией. Поэтому с помощью соответствующих решений Сейма ей удалось обеспечить свободу транспортировки товаров по Висле и ее притокам, затем освобождение от таможенных платежей по сельскохозяйственной и лесной продукции, а также освобождение от пошлин на все товары, импортируемые из-за границы для использования в своих поместьях и хозяйствах. На практике феодальный класс самовольно расширял эти таможенные привилегии и беспошлинно экспортировал зерно, скот и другую продукцию, которая покупалась у крестьян в деревнях или на сельских рынках. Дворяне также ввозили в страну по Висле без уплаты таможенных пошлин ряд иностранных товаров и продавали их обитателям своих поместий. Таким способом шляхта сосредоточила в своих руках торговлю сельскохозяйственной продукцией, древесиной и прочими продуктами леса, вытесняя из этой торговли горожан и жестко отсекая возможности городских торговцев получать прибыль от импортируемых товаров» (Hoszowski. Poland at the XIth International Congress, p. 127).

⁹⁸ «Экономическая политика прибалтийской аристократии также внесла значительную лепту в упадок городов. Эта политика состояла в усилении экспорта продовольствия и сырьевых товаров и одновременном покровительстве импорту мануфактурной продукции при серьезной поддержке иностранных торговцев во владениях знати. Все эти меры были направлены на обеспечение избытка иностранных товаров и снижение цен на них» (Malowist. Economic History Review, XII, p. 188). Маловист называет такую политику «антимеркантилизмом».

местная буржуазия одной страны становилась пришлой буржуазией в другой. Немецкие купцы, которым не находилось места в экономике восточного Полабья, более чем приветствовались в Польше и выказывали соответствующую политическую благодарность.⁹⁹ В самом деле, можно поставить вопрос и так: не обязано ли позднейшее восстановление мощи немецкой буржуазии тому, что последняя прижилась в таких странах, как Польша или Словения? В России, напротив, местные купцы выжили, несмотря на столкновение с конкуренцией крупных землевладельцев, в том числе монастырей и особенно самого царя.¹⁰⁰ Один из способствовавших этому факторов заключался в том, что крупнейшим купцам, известным как *гости*, было позволено играть двойную роль: как торговых и налоговых агентов царя, так и собственно торговцев, действующих на свой страх и риск.¹⁰¹ В дальнейшем они фактически могли порвать связи с царем и даже стать его реальным конкурентом. В конечном итоге, «значительная часть русской экспансии в направлении Тихого океана была, по сути, частной инициативой, редко поддерживаемой государством и даже, скорее, соперничающей с ним».¹⁰²

Что касается восточноевропейских ремесел, то они, похоже, приходили в упадок повсеместно, в основном из-за отсутствия тарифных барьеров,

«Основной характеристикой польской внешней торговли было то, что в ней в целом по стране доминировала шляхта, [...] в то время как импорт находился по большей части в руках иностранных купцов» (*Hoszowski. Poland at the XIth International Congress*, p. 129).

«Приход иностранного капитала [из Италии и южной Германии] для словенской торговой буржуазии и зажиточных горожан представлял бо́льшую опасность, чем конкуренция на сельских территориях» (*Gestrin. Annales E.S.C., XVII*, p. 680).

⁹⁹ «Жители Гданьска хорошо понимали, какие экономические выгоды сулит политический союз с Польшей, поэтому, несмотря на свое немецкое происхождение и немецкий язык, большинство представителей патрициата, купцов и торговцев Гданьска склонялись в сторону Польши... [Жители Гданьска] стремились к укреплению союза с Польшей, который был источником их процветания» (*Hoszowski. Poland at the XIth International Congress*, p. 141).

¹⁰⁰ «В отличие от Западной Европы, где коммерция была в основном занятием среднего класса, в российском обществе в торговлю были вовлечены все социальные слои... Сам царь, подобно его древним предкам, киевским князьям, был главным крупнейшим предпринимателем всей своей империи... Он вовсе не ограничивал себя операциями с продукцией своих поместий, но и устанавливал собственную монополию на многие виды товаров... Иной раз царь с помощью своих торговых агентов и чиновников концентрировал в своих руках все производство некоторого товара, затем повышал на него цену и заставлял торговцев приобретать товар по этой цене» (*Blum. Lord and Peasant*, p. 129).

¹⁰¹ «Помимо торговли за собственный счет, [*гости*] были деловыми агентами царя, которых отбирали для выполнения этой задачи из наиболее успешных российских купцов. Им также вменялась ответственность за сбор определенных налогов и их возврат в казну в определенной правительством суммой. Взамен этой обязанности они получили специальный статус, подобный статусу служилой знати. Из всех купцов наиболее известны были Строгановы, выходящие из крестьян. Они начали свое восхождение в конце XIV века с соляной торговли. Со временем Строгановы расширили свою деятельность в другие области производства и коммерции, стали крупными землевладельцами в северных колониях и играли ведущую роль в торговой эксплуатации богатств Сибири» (*Ibid.*, pp. 130–131).

¹⁰² *Foust. Journal of Economic History*, XXI, p. 475.

вследствие чего растущее количество товаров европейского производства продавалось на местных рынках дешевле, чем собственная аналогичная продукция.¹⁰³ Если местное производство и выжило (как, например, чешские кружева), то это произошло лишь благодаря тому, что по своему характеру это была надомная сельская промышленность в интересах торговых домов, находившихся далеко от мест, где располагалось производство.¹⁰⁴ Тем не менее, это создавало определенные отличия Богемии от других регионов, поскольку развитие даже такой промышленности стимулировало диверсификацию сельского хозяйства и открывало возможность последующей индустриализации.¹⁰⁵ В России же, поскольку она была

¹⁰³ «Столь активные торговые отношения Нидерландов и других западных государств со странами Балтии позволяют, среди прочего, сделать вывод, что раз богатство польской знати было тесно связано с экспортом хлеба в Голландию, то свободный импорт дешевых западных товаров высокого качества (особенно голландских и английских тканей) внес соответствующий вклад в разрушение национальной польской промышленности. Аналогичным образом растущая монополия голландского торгового флота на Балтике вела к исчезновению флотилий балтийских городов, в том числе главного порта Польши — Гданьска...

Получая крупные прибыли от привилегированного экономического положения на Балтике, Нидерланды, Англия, а до этого Франция становились все более заинтересованы в том, что происходило в этой части Европы. Прежде всего эти государства хотели обезопасить свою торговлю от неудобств войны, и именно поэтому они приложили заметные усилия в улаживании конфликтов [в 1617, 1629, 1635 годах]*...» (Czalpinski. XIe Congrès International des Sciences Historiques, Rapports, IV, p. 37).

¹⁰⁴ «Во второй половине XVI века торговые дома из Нюрнберга и других немецких городов начинают заключать коллективные контракты с производителями (corporations) чешских кружев, предполагавшие обязательства последних доставлять оговоренные партии продукции определенного качества по ценам, установленным в договоре.

Похоже, что в новых условиях, создавшихся после Тридцатилетней войны, производители больше не могли обеспечивать своим немецким партнерам доставку нужного им количества своей продукции, в том числе для заокеанского экспорта. Поэтому требовалось развивать новые формы производства и торговли, что приведет к появлению так называемой раздаточной системы** (*Verlagssystem*), истоки которой можно обнаружить уже в XVI веке, но полное развитие она получит только во второй половине XVII–XVIII веках» (Klima, A. and Macurek, J. La question de la transition du féodalisme au capitalisme eu Europe centrale (16e–18e siècles) // International Congress of Historical Sciences, Stockholm, 1960. Rapports, IV: Histoire moderne. Göteborg: Almqvist & Wiksell, 1960, 87).

¹⁰⁵ «Крупное чешское поместье XVI — начала XVII веков отличала одна особенность. Как и в других местах, в нем происходило развитие производства хлеба и сельскохозяйственного сырья, однако при этом чешское поместье переходило ко вторичному сельскохозяйственному производству, например, к пивоварению; были и другие зачатки промышленного производства. Именно пивоварни определили особенные черты чешского поместья, отличавшие его от крупных хозяйств соседних Германии, Польши и севера Венгрии (т.е. Словакии)... Другой характерной особенностью чешского сельскохозяйственного производства в сравнении с соседними странами, в особенности в XVI веке, было развитие прудового рыбоводства... Кроме того, в чешских землях крупные феодальные поместья стремились проникнуть и в индустриальное производство. В XVI–XVII веках они, в частности, занимались поиском руд металлов, горным делом и производством железа» (Ibid., pp. 99–100).

самостоятельным миром-экономикой, часть накопленного капитала инвестировалась в индустриальное развитие.¹⁰⁶ Даже в случае с текстильной промышленностью (наиболее важной экспортной отраслью европейского мира-экономики), вопреки логически предполагаемому сжатию российского производства перед лицом иностранной конкуренции, местная индустрия сохранит за собой большую часть массового рынка и даже часть рынка высококачественной продукции.¹⁰⁷

[Европейский мир-экономика и азиатская внешняя сфера]

Аналогичным образом можно показать, почему частью европейского мира-экономики не была Османская империя.¹⁰⁸ Но, возможно, более существенной для

¹⁰⁶ «В России условия для накопления капитала в руках национального торгового класса были куда более благоприятны, чем в Польше — преимущество России было тем более сильным, что русская знать, в XVI–XVII веках пережившая несколько серьезных кризисов, не принимала весомого участия в крупной торговле.

Кроме того, представляется, что в России накопленный местный капитал инвестировался в производство в гораздо большей степени, чем в Польше. Благодаря этому капиталу ускорилась и колонизация экономически отсталых регионов России, ее северных и юго-восточных рубежей. Инвестиции в промышленность определенно помогли увеличить количество продукции, необходимой как для внутренних нужд страны, так и для внешней торговли. Купцы также активно инвестировали в определенные виды промышленного производства, например, в солеварни и металлургические заводы Урала, что оказалось существенно важным для вооружения русских армий. Все это вело к увеличению количества товаров, необходимых для населения страны в целом; даже крестьяне в большом количестве были втянуты в сеть товарной экономики» (*Malowist. Past & Present, No. 13, p. 39*).

¹⁰⁷ «Мы полагаем, что из всех шерстяных тканей в России XVI века были наиболее распространены грубая полушерстяная материя и *свитки*; это также подтверждает свидетельство иностранного путешественника Барберини*. Он не без высокомерия подчеркивает, что русские не владеют технологиями производства тканей и ввозят их из-за границы, хотя для нас значим другой фрагмент его записок: „Так или иначе, в деревнях они производят обычную ткань для использования низшими классами населения, в первую очередь сельского. Они считают, что эта грубая шерстяная ткань может быть лучше, среднего и худшего качества, и продают ее на сельских ярмарках“.

Вторая группа тканей, определенно менее значимая, включала качественный текстиль, которым пользовались высшие классы общества, в том числе царский двор. Здесь были главным образом импортные ткани: фламандские (из Брюгге, Ипра, Брабанта), а также английские. Однако среди них были и ткани российского производства. В частности, Новгород был известен своими тканями высокого качества» (*Mankov. Le mouvement des prix, p. 102*).

¹⁰⁸ Проблема соотношения Османской империи XVI века с Европой рассматривается в двух статьях: *Lewis, Bernard. Some Reflections on the Decline of the Ottoman Empire // Studia islamica, XI, 1958, 111–127; Barkan, Omer Lufti. 'La Méditerranée' de Fernand Braudel vue d'Istanbul // Annales E.S.C., IX, 2, avr. — juin 1954, 189–200.*

См. комментарий Отто Бруннера: «Благодаря тесной взаимосвязи между политической властью, торговлей на дальние расстояния и торговлей предметами роскоши Восточная империя (*Byzantium*) стояла, несомненно, значительно ближе к русскому типу [хозяйства], нежели к западноевропейскому» (*Brunner. Europäisches und Russisches Bürgertum // Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte, XL, 1, 1953, 15*).

нас является проблема португальской торговли в Индийском океане и ее отличие от испанской торговли в Атлантике.

Для начала необходимо избавиться от мифа о турецкой роли в становлении торговли португальцев в Индийском океане. К закрытию для Западной Европы доступа в восточное Средиземноморье вел далеко не подъем Османской империи, якобы мотивировавший португальцев на поиск пути в Азию в обход Африки. То, что заморские открытия португальцев предшествовали натиску Османов, а упадок торговли пряностями в восточном Средиземноморье произошел до начала португальской экспансии, уже является общепризнанным фактом. Например, Альберт Х. Лайбайер связывает «упадок» Леванта как раз не с сопротивлением его культуры современным технологиям, а со структурным смещением ареала торговли, в результате чего Левант не попал в пределы расширяющегося европейского мира-экономики.

«[Турки] не создавали намеренных препятствий для функционирования торговых путей. Благодаря пресловутым турецким качествам — индифферентности и консерватизму — транспортировка товаров с Востока почти (если не вообще) не была проблемой. Не обаял «турецкий фактор» и к открытию новых путей для торговли: раз турки не препятствовали торговле, значит, не было смысла искать для нее новых путей. Напротив, от появления нового и более выгодного маршрута торговли турки только понесли ущерб. Если бы пути вокруг Африки не существовало, вся история Леванта начиная с 1500 года могла пойти совершенно иначе. Прежде всего не прервалась бы торговля через Египет, и мамлюкские султаны могли бы рассчитывать на ее существенную финансовую поддержку, которая позволила бы им отразить нападение турок в 1516 году*. Предположим, что турки все-таки завоевали Египет даже при сохранении этой торговли в полном объеме. В таком случае им пришлось бы либо утратить контроль над ее маршрутом гораздо раньше, чем это произошло на самом деле, либо привыкнуть к тому, что через их владения ведется масштабная и постоянно растущая торговля. В последнем случае турки были бы вынуждены приступить к модернизации и соединить свои административные таланты в сфере обеспечения территориального единообразия империи с созданием схемы организации торговли... Торговые пути сместились, но не благодаря туркам, а вопреки им и не в их пользу».¹⁰⁹

В одной из предыдущих глав мы попытались объяснить, как взаимодействие сил внутри Португалии (а также Испании) породило открытия XV века, заморскую торговлю и империи XVI столетия. Удивительно, что авторы некоторых рассуждений об экономических мотивах пиренейской экспансии основной упор делают на ее атлантическом направлении (то есть на Западном полушарии, о котором тогда еще не знали, что оно Западное, и на западе Африки), но не на азиатском, даже несмотря на то, что в основе самой идеологии открытий главным образом лежала задача поиска пути в «Индию». Например, в длинном перечне факторов, определявших своеобразие ранней стадии португальской экспансии, Виторину Магальяэш-Годињу перечисляет нехватку золота и зерна,

¹⁰⁹ *Lybyer, A. H. The Ottoman Turks and the Routes of Oriental Trade // English Historical Review, CXX, Oct. 1915, 588.*

земли и рабов для сахарных плантаций, потребность в рыболовных акваториях, но не упоминает ни о пряностях, ни о лекарственных травах, ни о шелке, фарфоре или драгоценных камнях — одним словом, обо всем, что португальцы в XVI веке фактически импортировали из Азии.¹¹⁰ Однако именно в последней четверти XV века у португальцев появляется интерес к торговле пряностями.¹¹¹ В представлении короля Жуана II он оказался связанным с поиском царства пресвитера Иоанна*, «которое могло служить промежуточной остановкой на пути в Индию, откуда португальские капитаны возвращались бы с богатствами, прежде бывшими в распоряжении Венеции».¹¹² К 1506 году золото Западной Африки, а также перец и пряности Азии фактически составят более чем половину доходов португальского государства, причем в дальнейшем доля азиатской торговли будет расти, становясь «фундаментом имперской экономики».¹¹³

Васко да Гама пришел, увидел и победил гораздо быстрее, чем Юлий Цезарь, а его добыча оказалась значительно больше. То, что за каких-то несколько лет португальские корабли получили полное превосходство в масштабной торговле в Индийском океане, действительно было экстраординарным событием. Какова была структура этого предприятия, и как ему удалось так быстро состояться?

Ответ на последний вопрос довольно прост. Он заключается в технологическом превосходстве вооруженного пушками корабля, конструкция которого в атлантической Европе развивалась предшествующие два столетия. К 1501 году была достигнута ключевая технологическая инновация: порты для орудий, прорезанные в корпусе, а не в фальшборте корабля.¹¹⁴ Достаточно ли данного технологического преимущества для объяснения успеха португальцев,

¹¹⁰ *Godinho. L'économie de l'empire portugaise*, pp. 40–41. На основании представления, что Европа была хорошо обеспечена пряностями через Левант (см. p. 537), Годинью полагает, что у португальцев в то время мог быть разве что краткосрочный, скорее воображаемый интерес к этому предмету: «Разве [Генрих Мореплаватель] и другие португальцы его эпохи ориентировались в своих начинаниях на чудесные страны [Востока]? Вряд ли. Почему именно в этот момент португальская корона должна была интересоваться получением доходов от торговли пряностями? [p. 548]».

¹¹¹ См. *ibid.*, pp. 43, 550–551.

¹¹² *Ibid.*, p. 551.

¹¹³ *Ibid.*, p. 831. См. таблицу на с. 830.

¹¹⁴ «[Пушечные порты] были чрезвычайно важным изобретением. Они давали возможность значительно увеличивать вооружение крупных кораблей. Расположение орудий на основной палубе позволило не только значительно увеличить их количество, но и использовать более крупные орудия без угрозы для устойчивости судна...

Кораблям, прибывшим из атлантической Европы в [Индийский океан], там вряд ли кто-то мог противостоять. Как гордо написал королю Албукерки*, „при слухе о нашем приближении туземные корабли полностью исчезли и даже птицы перестали кружиться над водой“. Это не риторическое преувеличение. В течение пятнадцати лет после первого прибытия в Индию португальцам удалось полностью уничтожить морскую мощь арабов, так что португальский король мог справедливо называть себя „Повелителем земель, навигации и коммерции Эфиопии, Аравии, Персии и Индии“» (*Cipolla, Carlo M. Guns and Sails*, pp. 82, 137).

или же следует добавить к этому уверенность португальцев, что они «пришли в Азию с духом предопределенного Богом успеха, которое было сильнее, чем воля к сопротивлению азиатских народов», как настаивает Джордж Б. Сэнсом?¹¹⁵

В любом случае начиная примерно с 1509 года, когда португальцы разгромили египетский флот при Диу, португальская эскадра располагала в Индийском океане «неоспоримой гегемонией».¹¹⁶ Вдобавок в XVI веке (но в случае с Малаккским проливом лишь до 1570 года) португальские торговцы были замечены не только там, но и в китайских морях, на восточных и западных берегах Африки, в южной Атлантике, на Ньюфаундленде и, конечно, в Европе. «Таким образом, португальская экономика была везде».¹¹⁷

Португальская система контроля торговли в Азии в основе своей была очень простой. Она включала в себя флот из двух эскадр (первая блокирует Красное море, вторая патрулирует западное побережье Индии), генерал-губернатора в Гоа и семь крепостей на периферии.¹¹⁸ Для торговых целей португальцы удерживали ряд торговых форпостов (*feitoria*) и основали три крупных посреднических рынка: Малакку, Каликут и Ормуз, а также дополнительную стоянку в Адене.¹¹⁹ Крупнейшим центром португальской торговли была Малакка, ставшая гигантским складом и перевалочным пунктом. Выбор этого места был продиктован практически неустраняемыми обстоятельствами, поскольку именно здесь муссоны заставляли разгружать корабли, плывущие из восточных портов.¹²⁰ Вся эта структура была спланирована Афонсу Албукерки — главным героем португальской колонизации того времени, который стремился предусмотреть пути решения возможных военных проблем при осуществлении всего предприятия.¹²¹

Детальное описание португальских кораблей этой эпохи см. в: *Mauro, François. Types de navires et constructions navales dans l'Atlantique portugaise aux XVIe et XVIIe siècles // Revue d'histoire moderne et contemporaine, VI, juil. — août 1959, 185–193.*

¹¹⁵ Высказывание Сэнсома с одобрением цитирует Ч. Р. Боксер. Для него это аргумент в поддержку сомнения в достаточности чисто технологической гипотезы: «Однако монополия португальцев не была такой всеобъемлющей, как кажется. Помимо того обстоятельства, что у Португалии никогда не было достаточно военных кораблей, чтобы использовать их в любое время и в любом месте, коррумпированных колониальных чиновников было легко подкупить, а туземные корабли часто фрахтовались португальскими купцами или от их имени» (*Boxer. The Portuguese in the East, 1500–1800 // Portugal and Brazil, an Introduction / H. V. Livermore, ed. London and New York: Oxford Univ. Press (Clarendon) 1953, 193.*)

¹¹⁶ *Godinho. L'économie de l'empire portugaise*, p. 18.

¹¹⁷ *Ibid.*, p. 19.

¹¹⁸ *См. ibid.*, p. 574.

¹¹⁹ *См. ibid.*, pp. 591, 595.

¹²⁰ *См. ibid.*, p. 594.

¹²¹ «Амбициями Португалии бросили вызов европейские конкуренты с сопоставимой морской мощью, поэтому требовалась тщательная организация защиты оказавшейся в руках португальцев обширной сети торговли, а гарнизонные посты нуждались в войсках, которые смогли бы отразить нападение соперников и при этом продержаться

В общем и целом эта торговля находилась в руках государства,¹²² и когда в конце XVI века роль Португалии в мире пошла на спад, частный сектор ушел из сокращающейся торговли именно в силу возросших рисков.¹²³

На некоторых небольших территориях португальцы осуществляли прямое управление. В ряде мест, например, в Кочине** и на Цейлоне, местный правитель был под португальской «протекцией». Однако в большинстве случаев португальцы не выдвигали претензий на политическую власть, вместо этого «действуя и торгуя в рамках законодательства, обычаев и традиций государств, в которых они оказывались».¹²⁴ Как отмечает Дональд Ф. Лэч, в то время европейцев «главным образом интересовали страны, где действенное территориальное единство и центральная власть помогали создать стабильные условия для торговли и благоприятные условия для обращения их населения в христианство».¹²⁵

Для того чтобы понять, почему торговая зона Индийского океана не являлась частью европейского мира-экономики, несмотря на то, что в ней с такой

без поддержки с моря. В тезисной форме такой план для португальцев разработал губернатор Афонсу Албукерки. Этот план предполагал создание нескольких независимых фортов и осуществление торговли по узкому каналу через перевалочный пункт в Гоа на Малабарском побережье с доставкой товаров в Европу через единственный порт — Лиссабон. Албукерки сконцентрировал оборонительную систему в уязвимой зоне Персидского и Аденского заливов и пропагандировал восполнение нехватки человеческих ресурсов путем формирования полукровного населения» (*Rich. Cambridge Economic History of Europe*, IV, pp. 204–205).

¹²² «Среди государств того времени Португалия вела наиболее масштабную заморскую торговлю. Для той эпохи ее торговля с Индией и портами-посредниками африканского побережья действительно была новым словом. С самого начала и до 1577 года эта колониальная торговля велась в рамках регулировавших ее правовых норм всецело за счет короля, на его собственный риск и на принадлежащих ему кораблях. Частным коммерсантам лицензии на индийскую торговлю выдавались лишь в исключительных случаях, хотя и несколько чаще, чем на африканскую» (*Heckscher. Mercantilism*, I, p. 341).

¹²³ «Однако начиная с конца XVI века португальский путь через мыс Доброй Надежды ждали тяжелые времена: товарооборот по этому маршруту значительно сокращался. Теперь крупные грузы перца и других пряностей, а также лекарственные травы привозили в Европу англичане и голландцы. Этого было достаточно для того, чтобы начиная с 1597 года торговля вернулась в руки государства*: частные предприниматели больше не осмеливались брать на себя риски организации предприятий, которые приносили „урожай“ от торговли лишь в одном направлении [*la ferme de trazida*]... Голландцы начинали свои операции в Индийском океане с уверенностью, что получают прибыль как от торговли, так и от захвата португальских судов; голландские корабли плавали во всех направлениях без риска быть захваченными, чего нельзя сказать о португальцах. Поэтому частные предприниматели не желали инвестировать свой капитал; при том, что основная часть средств вкладывалась в эту торговлю государством, небольших сумм частных лиц даже в совокупности было недостаточно для учреждения компании» (*Godinho. L'économie de l'empire portugaise*, pp. 696–697.)

¹²⁴ *Ibid.*, p. 656.

¹²⁵ *Lach, Donald F. Asia in the Making of Europe, Vol. I: The Century of Discovery. Chicago, Illinois: Univ. of Chicago Press, 1965, Book II, 82–828.*

полнотой доминировала европейская мощь, следует по очереди рассмотреть значение последнего фактора для затронутых воздействием европейцев стран Азии и для самой Европы, а также соотнести ситуацию в Азии с тем, что происходило в американских землях под испанским владычеством.

Не приходится сомневаться в том, что в основе молниеносного португальского восхождения сначала в Индийском океане, а затем в китайских морях, был «вакуум морской торговли» (Тревор-Роупер), который существовал в то время в данных зонах: «Масштабная азиатская торговля, в структуре которой торговля с Европой была не более чем эпизодическим моментом, была открыта для первопроходцев. Португальцы просто пришли и взяли ее в свои руки, и пока этот вакуум сохранялся (до тех пор, пока европейцы не перехватили инициативу у Португалии или пока Азия не стала сопротивляться), эта торговля была их монополией».¹²⁶ Уточним: вакуум был не экономический, а политический. Именно это обстоятельство принципиально для понимания того, что не сами португальцы создали азиатскую торговлю. Они просто захватили существовавшую ранее торговую сеть, которая в тот момент времени находилась в руках мусульманских (арабских и гуджаратских) купцов в Индийском океане и пиратов *вако* в китайских морях.¹²⁷ Изгнание мусульман, с которого начался захват португальцами торговли в регионе, осуществлялось с помощью «грубой силы и недружественной конкуренции».¹²⁸ В первую очередь изгнать мусульман удалось благодаря политическому и морскому превосходству португальцев.¹²⁹

Главной статьей азиатского импорта в Лиссабон был перец — точнее, перец и другие пряности. Уже в конце XV века, до того, как Португалия выйдет на сцену, Европа потребляла, возможно, четверть всех произведенных в Азии пряностей,¹³⁰ причем в течение столетия объем этой продукции удвоился, чтобы удовлетворить европейский спрос.¹³¹ Взамен Азия получала от Европы в основном слитки золота и серебра.¹³² Серебро поступало прежде всего из обеих

¹²⁶ *Trevor-Roper, H. R. Historical Essays*, p. 120.

¹²⁷ Об изгнании мусульман из Индийского океана см.: *Godinho. L'économie de l'empire portugaise*, p. 630; *Boxer, C. R. Portuguese Seaborne Empire*, pp. 45–48. О вытеснении португальцами пиратов *вако* см.: *Trevor-Roper, H. R. Historical Essays*, p. 120, в свою очередь, основанные на: *Boxer, C. R. The Christian Century in Japan* и *Sansom. A History of Japan*, II, p. 268.

¹²⁸ *Boxer, C. R. Portuguese Seaborne Empire*, p. 46.

¹²⁹ «К счастью для португальцев, в то время, когда они появились в азиатских водах, империи Египта, Персии и Виджаянагара не обладали военными флотилиями в Индийском океане, если вообще располагали какими-либо кораблями, а китайским кораблям, согласно императорскому указу, было позволено совершать официальную навигацию только вдоль китайского побережья» (*Boxer, C. R. Portugal and Brazil / ed. by M. V. Livermore*, pp. 189–190).

¹³⁰ См. *Godinho. L'économie de l'empire portugaise*, p. 596.

¹³¹ См. *ibid.*, pp. 581–582, 591; *Boxer, C. R. Portuguese Seaborne Empire*, p. 59.

¹³² «Перец был главным товаром, который импортировался с Востока, а серебряные слитки были основной статьей экспорта в „Золотой Гоа“ [...] На протяжении большей

Америк и Японии,¹³³ золото — по большей части сначала из Западной Африки,¹³⁴ а затем из юго-восточной Африки, с Суматры и из Китая.¹³⁵

Если вспомнить о страсти европейцев к накоплению сокровищ, то на самом деле странно, что этот своеобразный формальный дисбаланс платежей будет существовать так долго. Но если Европе нужны были богатства Азии, то приходилось платить именно такую цену. Вот еще один довод в пользу того, что Азия в это время не была частью европейского мира-экономики: в промежутке между 1500 и 1800 годами отношения Европы со странами Азии «обычно определялись правилами и условиями, установленными азиатскими нациями. За исключением обитателей колониальных плацдармов, европейцы находились в Азии на птичьих

части второй половины XVI века малабарские торговцы перцем отказывались принимать иную оплату, кроме золота...» (*Boxer. Portuguese Seaborne Empire*, pp. 52, 60).

Следует отметить, что, по мнению Шоню, для Европы эта торговля была выгодным предприятием. «От 120 до 150 тысяч тонн пряностей почти без обмена на другие товары покупались за 150 тонн золота и некоторое количество звонкой монеты, сопоставимое примерно с 6 тысячами тонн серебряного эквивалента. Золото доставалось фактически бесплатно — его отнимали силой у несчастных африканских племен, поэтому оставалось компенсировать лишь денежные затраты» (*Chaunu. Conquête et exploitation des nouveaux modes (XVIe siècle)*, Collection Nouvelle Clio 26 bis. Paris: Presses Universitaires de France, 1969, p. 323).

¹³³ «Именно торговля с Америкой позволила Европе развивать азиатскую торговлю, поскольку пряности, перец, шелк, драгоценные камни, а затем китайский фарфор — все эти дорогостоящие предметы роскоши Запад не смог бы приобрести без серебра Нового Света» (*Chaunu. Séville*, I, pp. 13–14).

«Поворотным моментом в китайской торговле с Западом стало открытие серебряных рудников Мексики и Перу, поскольку их добыча в значительной мере отправлялась в Китай в обмен на шелк, фарфор и чай» (*Weber, Max. Religion of China*, p. 5). Вебер указывает, что в это время серебро в Китае обесценивалось относительно золота с 4:1 в 1368 году до 8:1 в 1574 году, 10:1 в 1635 году и 20:1 в 1737 году.

«Вслед за Китаем в перечне важнейших стран для португальской торговли шла Япония. Процветание Макао [в XVI веке] в значительной степени было связано экспортом драгоценных металлов из этой страны» (*Chang. Sino-Portuguese Trade*, p. 117). Именно благодаря возможности контролировать торговлю между Китаем и Японией Португалия получила некоторое количество металла для торговли в юго-восточной Азии и Индии.

«Внезапный рост производства золота и серебра (в особенности последнего) по окончании XVI века был тесно связан с новыми тенденциями развития внешней торговли.

Развитие торговли с Японией на португальских кораблях и последовавший рост доходов фактически стали результатом посреднической торговли, заключавшейся в обмене японского серебра на китайское шелковое сырье и другие товары.

Основной целью торговли, которая лицензировалась Хидзэси*, было получение китайских товаров через представителей третьей страны, поскольку политика династии Мин запрещала иностранным кораблям (в особенности японским) приставать к матерiku. Японская внешняя торговля вступила в блестящий период своего развития, и именно в это время производство благородных металлов достигло в Японии наибольшего расцвета» (*Kobata, A. The Production and Uses of Gold and Silver in 16th and 17th Century Japan // Economic History Review*, 2nd ser., XVIII, 2, Oct. 1965, 245–246).

¹³⁴ См. *Chaunu. Conquête*, p. 316.

¹³⁵ См. *Boxer, C. R. Portuguese Seaborne Empire*, p. 60.

правах».¹³⁶ И все это — несмотря на европейское военное превосходство. Однако следует помнить, что это было лишь *военно-морское* превосходство.¹³⁷

С азиатской точки зрения португальские торговцы отличались от своих исторических предшественников в одном фундаментальном отношении. Португальцы были «не частными торговцами-предпринимателями, но грозной морской силой, которая действовала от лица иностранного государства как через своих купцов, так и сама по себе».¹³⁸ Это означало, что торговые отношения (читай: цены) устанавливались соглашениями в рамках признаваемого сторонами международного права. Однако государства должны иметь дело с государствами, поэтому португальцам потребовалось какое-то время, чтобы привыкнуть к высокому уровню государственного церемониала, с которым они столкнулись.¹³⁹ Первоначально португальцы стремились извлечь сверхприбыль путем банального грабежа, однако им понадобилось не более десяти лет, чтобы убедиться в неадекватности такой политики.¹⁴⁰ Вместо этого они стали претендовать на роль исполнителей и посредников в пределах внутриазиатской торговли — доходы от этого использовались для финансирования торговли через мыс Доброй Надежды, и в результате Португалия получала *и* пряности, *и* золото с серебром. По словам Годињу, это была «грандиозная мечта», «предприятие за гранью возможного (*démesurée*)».¹⁴¹ Португальцы приносили металлы (и не только их) в жертву пряностям, но при этом им удалось организовать «централизованную *внутриазиатскую* торговлю», что «для Азии было совершенно новым явлением».¹⁴² В переводе на терминологию европейского мира-экономики это означает следующее: роль португальцев в качестве посредников заключалась в том, что «порядочная часть импортируемых в Европу товаров доставалась им благодаря незримому экспорту транспортных и коммерческих

¹³⁶ Lach. *Asia in Making Europe*, Book I, p. xii. Бродель: «Итак, в XVI и в следующем за ним столетии на обширных пространствах Азии, снабжавших Европу пряностями, лекарственными товарами и шелком, имели хождение вожделенные золотые и особенно серебряные монеты, [отчеканенные в Средиземноморье]... Великие географические открытия, совершивший революционный переворот в сфере торговых путей и цен, ничего не изменили в этом принципиальном отношении [наличия платежного дефицита]» (Бродель. Средиземное море, II, 180).

¹³⁷ «Несмотря на то, что европейцы с кажущейся легкостью путешествовали по морским путям Азии, в глубь ее основных континентальных государств они проникали редко и с трудом. Кроме того, в XVI веке европейцы так ни разу и не смогли навязать свою волю имперским правителям Индии и Китая — великие политические и культурные столицы азиатского континента никак не ощущали угрозы со стороны европейского оружия» (Lach. *Asia in Making Europe*, Book I, p. xii).

¹³⁸ Godinho. *L'économie de l'empire portugaise*, p. 619.

¹³⁹ См. изумительную историю конфуза Васко да Гамы при первой встрече с правителем Каликута в: Godinho. *ibid.*, pp. 588–590*.

¹⁴⁰ См. *ibid.*, pp. 627–629.

¹⁴¹ *Ibid.*, pp. 630–631.

¹⁴² Meilink-Roelofs. *Asian Trade*, p. 119.

услуг».¹⁴³ Тот факт, что первый корабль-экспресс (*une 'carrière' de droiture*) отправится без остановок из Лиссабона в Малакку лишь спустя 75 лет, в 1578 году, подчеркивает, что основной составляющей присутствия португальцев в Азии была именно внутриазиатская торговля.¹⁴⁴

Поэтому для Азии португальская торговля означала две вещи: азиатским торговцам пришлось иметь дело с государством как торговым агентом, а во внутриазиатской торговле появился порядок. Однако Якоб К. ван Лёр считает, что для констатации изменений в азиатском обществе этого явно недостаточно:

«Португальский колониальный режим... не обеспечил торговле в Южной Азии новой единой экономической основы... Он привел лишь к тому, что в уже существующей структуре мореплавания и торговли образовалась незначительная течь. Только в следующий [т.е. голландский] период европейской экспансии возникнет новая система внешней торговли и иностранного мореплавания, которая вызовет к жизни уже определенно колониальные отношения и создаст в Европе новые экономические формы — последние, возможно, не являлись прямым следствием колониализма, а развивались с ним параллельно, поддержанные этой системой...

Международный характер азиатской торговли сохранялся, в то время как политическая независимость восточных государств оставалась практически незатронутой европейским влиянием. Великий внутриазиатский путь сохранял свою значимость в полном объеме».¹⁴⁵

В имеющейся литературе заметна тенденция к поддержке гипотезы ван Лёра.¹⁴⁶ Прибывшие в Азию португальцы обнаружили там цветущий мир-экономику. Они обеспечили ему несколько лучшую организацию и в качестве

¹⁴³ Cipolla. *Guns and Sails*, p. 136.

¹⁴⁴ См. Godinho. *L'économie de l'empire portugaise*, p. 655.

¹⁴⁵ Van Leur, J. C. *Indonesian Trade and Society*. The Hague: Hoeve Ltd., 1955, 118–119, 165. Даже Майлинк-Рёлофс, в целом с осторожностью относящаяся к анализу ван Лёра, полагает, что крупные изменения произошли лишь в XVII веке: «В настоящем исследовании мы лишь намерены показать, что превосходство Европы стало проявляться внешне... не ранее первой половины XVII века, даже если — признаем это с готовностью — оно было не повсеместными или обнаруживалось не во всех отношениях» (*Meilink-Roelofs. Asian Trade*, pp. 10–11).

¹⁴⁶ «На самом деле португальцы не могли в течение пятнадцати лет поставить под контроль половину торговли в Индийском океане, поскольку они не были включены в тысячелетние торговые связи и продолжали оставаться вне их, а также не могли создать собственную надстройку над тем, что уже существовало. Их торговые маршруты лишь навязали этой торговле новую иерархию и переключили наиболее важные торговые потоки, но тысячелетние коммуникации и обмены, по существу, остались нетронутыми. Португальская революция оказалась быстрой потому, что она коснулась лишь верхушки айсберга» (*Chauni. Conquête*, p. 177).

«Присутствие португальцев в Индии едва ощущалось, за исключением нескольких лиц в нескольких местах... Возможно, если бы португальцы забросили свою индийскую империю в конце XVI века, то они бы оставили еще меньше следов, чем греки, скифы и парфяне — нечто вроде монет, нескольких новых слов в языке базаров, хиреющих сообществ полукровок и увядающих традиций чужеземных воинов и священников» (*Sansom, George B. The Western World and Japan*. New York: Knopf, 1950, 87).

определенного вознаграждения за свои усилия получили взамен некоторые товары. При этом как социальная организация азиатской экономики, так и политические надстройки остались, по большому счету, нетронутыми. Главное изменение происходит в производстве перца — единственной пряности, которая «дала толчок массовому производству».¹⁴⁷ Однако технология выращивания перца была настолько проста, что для расширения его производства путем простого увеличения площадей не требовалось много трудозатрат, ведь у перца была одна важная особенность: «посадил — и забыл».¹⁴⁸ Соответственно, столетие португальского владычества для большей части Азии означало, что с прибылью остались португальцы, а не арабы. Индийский историк К.М. Паниккар так резюмирует данную перспективу:

«Индийским правителям было все равно, кому продают товары их купцы, — португальцам или арабам. Действительное преимущество португальцев состояло в том, что они могли продавать индийским властителям оружие и технику, в которых те нуждались. Поскольку к этому процессу также имели отношение индийские купцы, правители очень быстро разработали систему лицензий, на основании которых местные коммерсанты могли торговать без арабской конкуренции, так что в данном отношении португальская монополия, можно сказать, оказалась им на руку».¹⁴⁹

Вот почему, несмотря на то, что «в предприятиях португальских королей... совмещались монополии на защиту, транспортировку и сами продукты»,¹⁵⁰ Чарльз Боксер смог утверждать, что португальское превосходство на море было «внутренне неустойчивой надстройкой».¹⁵¹ Азия — точнее, пограничные регионы Индийского океана — не стала частью европейского мира-экономики в XVI веке, она была для этого мира внешней сферой, с которой Европа вела торговлю, причем, что характерно, на неравных условиях. Иными словами, в рыночные операции вторгались установленные силой элементы монополии. По словам

«Малакка — жизненная ось азиатской торговли — даже после ее захвата португальцами по-прежнему сохраняла свои установившиеся задолго до этого торговые практики» (*Lach. Asia in Making Europe, Book II, p. 829*).

«Лишь благодаря военному флоту португальцам удалось взять свое, но и в этом случае их положение оставалось ненадежным. В наземной войне от их превосходного вооружения было мало пользы, поскольку на самом деле оно меньше туземного подходило к боевым действиям в тропических условиях. Более того, европейцам противостояли значительно превосходившие их силы коренного населения, знакомого с местностью и привыкшего к ее климату. Поэтому в течение всего XVI века португальское влияние оставалось ограниченным небольшой территорией вокруг прибрежных поселений» (*Meilink-Roelofs. Asian Trade, p. 124*).

¹⁴⁷ Godinho. *L'économie de l'empire portugaise*, p. 577.

¹⁴⁸ Ibid., p. 578.

¹⁴⁹ Panikkar, K. M. *Asia and Western Dominance*, p. 53.

¹⁵⁰ Lane, Frederic C. *Venice and History*, pp. 426–427.

¹⁵¹ Boxer. *Portuguese Seaborne Empire*, p. 57.

Шоню, это была «талассократическая *конкиста*»¹⁵² Португалии. Однако основы внутренней жизни Азии этот контакт не затронул. Поэтому вряд ли стоит утверждать, что производство первичной продукции в азиатском регионе было составной частью европейского разделения труда того времени.

Дальнейшие свидетельства этого можно обнаружить при рассмотрении влияния португальской торговли в Азии на Европу. В XVI веке Европа не завоевала Азию потому, что она не могла этого сделать. Военное превосходство принадлежало Европе только на море,¹⁵³ а на суше Европе по-прежнему приходилось отступать под натиском османов,¹⁵⁴ и эта конфигурация военных сил изменится лишь с Промышленной революцией.¹⁵⁵

В это время Азия поставляет для Европы предметы роскоши. Данная статья потребления сохраняет свою важность и по сей день, и не стоит относиться к этому с сарказмом. Однако в структуре потребления предметы роскоши занимают второе место после продуктов питания (зерно, мясо, рыба, сахар), в том числе с точки зрения количества рабочей силы, необходимой для их производства. Они также уступают по значимости благородным металлам — не в виде накапливаемых слитков, а в виде денег (хотя сам факт, что золото и серебро могут использоваться как деньги, имеет лишь магическое обоснование, которое заключается в возможности их действительного использования как рыночного товара, когда в этом есть нужда). Поэтому, в отличие от продовольствия и даже металлов, мир-экономика может довольно безболезненно переносить изменения структуры предложения предметов роскоши.

Можно сказать, что перец не был ни предметом роскоши, ни даже драгоценной пряностью, поскольку он был необходим для хранения продуктов и как лекарственное средство.¹⁵⁶ Опять же, суть дела в той степени, в которой он

¹⁵² *Chauni. Conquête*, p. 316. Боксер: «Старинная португальская колониальная империя была по сути своей талассократией, морской торговой империей — касалось ли дело пряностей Востока, рабов Западной Африки или же сахара, табака и золота Бразилии. Ее морской характер отразился и в форме военной и церковной организации» (*Boxer. Race Relations in the Portuguese Colonial Empire, 1415–1825. London and New York: Oxford Univ. Press (Clarendon), 1963, 2).*

¹⁵³ «Европейцы обладали сравнительным преимуществом на море — на суше же они долгое время оставались очень уязвимы... Вплоть до 1630-х годов европейцы не могли создать эффективную и мобильную полевую артиллерию...

В целом европейцы понимали, что их попытки расширить контроль над внутренними территориями Азии не имеют шансов на успех...

1) Лишь начиная с 1689 года силы Ост-Индской компании были полностью брошены на освоение наземных маршрутов в Индии» (*Cipolla. Guns and Sails*, pp. 138, 141, 145).

¹⁵⁴ «В то время как Европа решительно проводила заморскую экспансию и агрессивно устанавливала свое превосходство в Азии, Африке и обеих Америках, ее восточная граница энергично отступала под турецким натиском» (*Ibid.*, p. 140).

¹⁵⁵ «Эффективный контроль европейцев над обширными внутренними территориями Азии появится позже в качестве одного из побочных продуктов Промышленной революции» (*Ibid.*, p. 146).

¹⁵⁶ «Сегодняшнему человеку довольно сложно представить, какое значение имели пряности в XVI веке... Однако в эпоху, когда практически не был известен даже

использовался в данных целях. Перец в основном выступал консервантом для мясной пищи, которая была не совсем роскошью, но и не вполне едой тех, кто сидел на минимальном рационе. То же самое относится и к лекарствам.¹⁵⁷ Конечно, как утверждает Шоню, с ростом уровня жизни в Европе и изменением баланса сил в мире перец становился меньшей роскошью — весь вопрос, я полагаю, в том, насколько меньшей:

«Когда [перец] впервые появляется на Западе? Традиционно указывают на несколько поворотных моментов [*jalons*], первый из которых — это средиземноморские контакты между Востоком и Западом в XII–XIII веках, т. е. в эпоху Крестовых походов. На самом деле в расчет следует принимать два фактора. Рост потребления перца должен быть определенно связан с началом роста потребления мяса, который стал явным в XIV–XV веках. Однако фактором гораздо более длительного действия представляется формирование потребительских стандартов, включающих привезенные издалека дорогостоящие продукты, и этот фактор оказывается неотделимым от изменения баланса мировых сил начиная с XII–XIII столетий. Пряности, которые удавалось доставать в условиях XIII [века], представляли собой предмет роскоши. Для их получения требовалось, чтобы увеличивалась та сила, которая даст западному христианству возможность медленно развивать свой потенциал [*le lent décollément de ses touens*]. Эта сила позволит Западу один за другим получить различные стимуляторы вкусовых рецепторов и нервной системы, в производстве которых латинское христианство было не так искушено, как восточные цивилизации».¹⁵⁸

Но даже если перец был не предметом роскоши, а полунеобходимостью, то это был не азиатский продукт, а перец *малагетта* из Западной Африки, который превосходил азиатский перец не ценой, а количеством.¹⁵⁹

сахар, когда не было ни заморозки продуктов, ни зимнего подкорма скота, чтобы обеспечить зимой что-либо, кроме пряного или соленого мяса, когда было мало овощей, чтобы добавить в рацион витамины и разнообразие, и когда пряности и прочие восточные снадобья формировали основу *materia medica* [фармакологии — *lat.*], — тогда пряности занимали действительно важное место в европейской торговле» (Robertson. South African Journal of Economics, XVIII, p. 42). Неверно здесь лишь то, что в данную эпоху был неизвестен сахар. Как мы уже видели, обширные сахарные плантации были на островах Средиземноморья и Атлантики, откуда сахар завезли в Бразилию и затем на Карибы.

¹⁵⁷ Однако нужно постоянно помнить об иерархии значимости, в которой перец был сравнительно важнее других пряностей. «В торговле XVI века перец не считался пряностью. Перец, эта „пехота“ дворца и консервации мяса, не был таким же престижным продуктом потребления, как пряности (в узком значении слова) и лекарственные травы» (Chaunu. Conquête, p. 200).

¹⁵⁸ Ibid., pp. 316–317. Курсив добавлен.

¹⁵⁹ «Объем португальской торговли африканскими пряностями был значительно больше, чем объем торговли любой из азиатских специй, за исключением перца и имбиря, а часто и превосходил их все в совокупности. Объем поставок собственно малагетты почти постоянно превышал объем поставок имбиря. Конечно, стоимость малагетты была существенно ниже стоимости азиатских пряностей: в марте 1506 года квинтал малагетты стоил 8 *крузадо*, в то время как аналогичное количество азиатского

То, что азиатская торговля была *прибыльна* для Португалии, — это даже не вопрос. Вопрос в другом: в чем был смысл этой торговли? Годиньо посвящает этому 25 страниц, но нам хватит одного — напомним, красноречивого — примера. Когда в 1512 году Албукерки оценил товары, которые уходили в Португалию, оказалось, что их стоимость восьмикратно превосходила объем средств, вложенных Португалией в их приобретение.¹⁶⁰ Поэтому легко понять, почему перец был «главным спекулятивным товаром [XVI–XVII веков], привлекавшим внимание крупнейших торговцев и капиталистов эпохи».¹⁶¹ Такие свойства, как разнообразие сортов и возможность длительного хранения, вместе с высокой нормой прибыли «делали перец великолепным предметом спекуляции».¹⁶²

Это была не банальная спекуляция индивидуальных капиталистических предпринимателей, ведь ее осуществляло преимущественно португальское государство, стремившееся «увеличить национальное благосостояние, используя военную мощь» (Фредерик Лейн).¹⁶³ Ниже мы рассмотрим издержки этой политики, однако прежде стоит привести оценку Лейном этой коллективной «спекуляции»:

«В продолжительной перспективе (50–100 лет) нацию могла обогатить более миролюбивая политика, благоприятствующая дальнейшему развитию восточной торговли. Однако, несмотря на то, что завоевание Индии на какое-то время увеличило португальские доходы, за этим последовал спад производительности труда в самой Португалии. Поэтому перед нами не вполне тот случай, когда использование вооруженной силы увеличивает благосостояние нации».¹⁶⁴

Однако могла ли Португалия проводить «более миролюбивую политику»? Это предположение выглядит сомнительно, в том числе если вслед за Лейном принять в расчет те разновидности капитала и труда, которые существовали в Португалии в 1500 году.¹⁶⁵

перца продавалось за 22, циннамона — от 32 до 33 и имбиря — за 18–19 крузадо. Несмотря на низкую цену, общая стоимость привезенной малагетты часто было сопоставима со стоимостью других пряностей, за исключением перца и имбиря, а иногда превосходила их. 2000 квинталов малагетты за 8 крузадо* (в 1506 году — за 11) были эквивалентны стоимости 500 квинталов циннамона по 32 крузадо и 840 квинталов имбиря по 19 крузадо» (*Godinho. L'économie de l'empire portugaise*, p. 547). Ботаническое описание и географическая локализация западноафриканских пряностей приведены на pp. 539–542.

¹⁶⁰ Данная оценка приведена Годиньо в: *Godinho. L'économie de l'empire portugaise*, pp. 683–709. Сам факт упомянут на p. 699.

¹⁶¹ *Glamann. European Trade*, p. 52.

¹⁶² *Ibid.*, p. 53.

¹⁶³ *Lane, Frederic C. National Wealth and Protection Costs // Venice and History*. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins Press, 1966, 376.

¹⁶⁴ *Ibid.*, p. 381.

¹⁶⁵ «Португальцы продемонстрировали превосходство над другими нациями не в проницательности в торговых делах, а в выдающемся авантюризме — как в мореплавании, так и в военном деле. Крестоносная политика в Индии, основанная на португальских

Тем не менее, из рассуждений о прибыльности этой торговли во внешней сфере мира-экономики становятся понятны и пределы ее доходности. В конечном итоге, это были доходы от грабежа, а последний всегда был саморазрушением, в то время как эксплуатация в пределах единого мира-экономики, напротив, только стимулирует свое дальнейшее развитие.

Возможно, картина станет более ясной, если сравнить политику пиренейских стран в Азии и на Американском континенте. Но сначала надо сказать пару слов об отношениях Испании и Португалии. Папская булла *Inter Caetera* [Среди прочих [деяний] — *лат.*] во втором издании 1493 года провела знаменитую линию, предоставившую различные части гипотетического неевропейского мира в распоряжение Португалии и Испании в целях евангелизации.¹⁶⁶ Для Атлантики это означало, что португальский суверенитет признавался над Бразилией и островами океана, не относившимися к Карибскому архипелагу, в то время как испанцам доставалась львиная доля американского континента. Предполагалось, что Азия, напротив, «досталась» португальцам. Однако впоследствии Магеллан убедил Карла V переистолковать карту (в XVI веке было сложно правильно определять долготу), и в 1520 году¹⁶⁷ от лица испанской короны предъявил претензию на Филиппины, хотя в действительности они были оккупированы только в 1564 году*. Фактически это произошло в момент, когда роль Португалии как поставщика пряностей пошатнулась из-за оживления Венеции, и испанцы отправили экспедицию на поиски перца на Филиппины, а также в Китай.¹⁶⁸

Таким образом, главная роль в Америке принадлежала Испании, но у португальцев там тоже была своя ниша — и наоборот в случае с Азией. Удивительно, но политика *пиренейских стран* на двух континентах была в общем приближении одинаковой: в XVI веке испанцы и португальцы основали колонии в Америке, ограничившись *торговыми форпостами* в Азии.¹⁶⁹

военных и религиозных традициях и классовой структуре, могла легко пробудить силы, которые обладали большим богатством, чем португальцы могли добыть военным способом. Один венецианский наблюдатель в 1500 году, похоже, был уверен, что португальцы смогут достичь большего с помощью более миролюбивой политики, и это на самом деле было бы так, если бы правящий класс Португалии по своему характеру был таким же, как венецианский. Многие венецианские аристократы в то время предались мирной торговле либо управлению сельскими поместьями: в отличие от времен 300–400-летней давности, когда они покушались на Византию, венецианцы больше не были столь же деятельными торговцами либо морскими разбойниками» (Ibid., pp. 395–396).

¹⁶⁶ Это запутанная история с множеством дипломатических интриг (Morison, Samuel Eliot. Admiral of the Ocean Sea. Boston: Little Brown, 1942, 367–374; Chaunu. Conquête, pp. 251–254).

¹⁶⁷ См. Chaunu, Pierre. Le galion de Manille // Annales E.S.C., VI, 4, oct. — déc., 1951, 449.

¹⁶⁸ См. ibid., pp. 450–451.

¹⁶⁹ Испания изначально намеревалась основать на Американском континенте именно торговые посты, а не колонии. В процесс колонизации Испанию втянуло лишь отсутствие какого-либо представления о политэкономии. Луис Аснар так описывает развитие событий: «Ни примитивных золотых приисков, ни потока рабов, ни подушной подати (capitation)... не хватало, чтобы окупить расходы первых трех экспедиций

Мы уже описали испанскую политику на Американском континенте и португальскую политику в Азии. Примечательно, что каждая из двух стран стремилась переносить свой опыт управления на другие территории, но при этом признавала свои ошибки и в результате пришла к приспособлению к требованиям конкретной местности. Португальцы хотели ограничить свое присутствие в Бразилии организацией здесь перевалочных пунктов, но в качестве превентивной меры им пришлось колонизировать ее в 1530 году.¹⁷⁰ Аналогичным образом испанцы стремились использовать на Филиппинах систему энкомьенды, но международной торговли было недостаточно для покрытия ее издержек, и испанцы вернулись к португальской модели. «Торговля в Маниле, таким образом, свелась к прямому обмену серебра из Новой Испании на китайские товары».¹⁷¹

Причины для столь разных политик были, как мы уже указывали, двоякими. С одной стороны, доходы от колонизации Америки были в некотором

Колумба в XV веке и выплатить жалованье первым поселенцам. Новости о неудачах на Эспаньоле* быстро распространялись в Испании и дискредитировали начинание в придворных кругах...

[Двор изменил свою политику, после чего] американская затея, исходно имевшая феодальный характер, в начале XVI века стала организованной системой управления, прототипом той системы, которую колониальные страны будут внедрять в течение первых двух столетий современной эпохи» (*Aznar. Las etapas iniciales de la legislación sobre indios // Cuadernos americanos, VII, 5, sept. — oct. 1948, 177–178*).

¹⁷⁰ «В первой половине XVI века колонизация Бразилии не считалась португальцами делом первоочередной значимости. Усилия по консолидации контроля над побережьем нынешней Бразилии (грубо говоря, между портами Сантуш и Ресифи) были, по большому счету, фактически превентивной реакцией, направленной на то, чтобы предотвратить появление конкурирующих береговых анклавов французов и англичан**». Последние могли высадиться здесь для организации экспорта бразильского красильного дерева, которое использовалось в производстве шерстяных тканей в Нидерландах и Англии. Лишь страх португальцев перед конкурентами вел к сохранению оккупации во второй половине столетия и внедрению в Бразилии плантационной экономики» (*Stein, Barbara H. The Colonial Heritage of Latin America, p. 22; Chaunu. Conquête, p. 222*).

Вот еще один анализ португальского отношения к Бразилии в рассматриваемый период: «Отсутствие сокровищ, которые можно было легко отнять, определяло невысокий интерес Португалии к Бразилии в первые годы колонизации, в том числе и потому, что в тот момент была на пике португальская торговля с Ост-Индией. Для того чтобы привлечь в свою американскую колонию частный капитал, португальская корона разделила ее на 12 наследственных капитанств*** (*donatarios*), которые получили множество королевских привилегий. Из-за отсутствия какой-либо экономической базы, за исключением региона, где был внедрен сахарный тростник, этот эксперимент прекратился. Поэтому короне пришлось признать сферой своей прямой ответственности защиту огромных территорий, которые долго не имели особой экономической ценности. Формально система наследственных капитанств была смоделирована в соответствии с португальскими феодальными институтами, однако ее следует рассматривать в качестве попытки привлечь частный капитал в целях торговой экспансии под управлением короны. Этот эксперимент сопоставим с торговыми корпорациями, созданными в Англии и Голландии во второй половине XVI века» (*Furtado, Celso. Economic Development of Latin America, pp. 9–10, сноска 2*).

¹⁷¹ *Harrison. New Cambridge Modern History, III, p. 554.*

смысле выше, чем от предприятий в Азии. С другой стороны, сложности колонизации Азии были значительно больше. В совокупности эти два обстоятельства привели к тому, что Америка стала *периферией* европейского мира-экономики, в то время как Азия оставалась его *внешней сферой*.

В данном случае под доходами (*rewards*) мы имеем в виду не единовременную выручку (*short-run profit*), хотя и тут Америка представляется выгоднее Азии примерно на 50%,¹⁷² но прибыль в длительной перспективе (*long-run profits*), с учетом скрытых издержек. Азиатская торговля была *импортной*, в особенности та ее часть, которая шла в обход Леванта.¹⁷³ Фактически одной из причин того, почему Испания отказалась от манильских галеонов**, была именно внутренняя оппозиция, видевшая в них утечку металлов.¹⁷⁴ Мы уже отметили, что и здесь,

¹⁷² «И все же для XVI века возможно установить относительные соответствия... Если Лиссабон вместе с Дальним Востоком принять за 1, то Бразилию можно оценить между 0,5 и 1, а Севилью в 1,5. В начале XVII века Севилья стоит примерно как полтора Лиссабона» (*Chauni. Conquête*, p. 269).

Однако эта оценка ничего не говорит о значимости данной торговли для Европы в целом. «Трудно оценить долю Севильи и Лиссабона в европейской экономике, то есть долю монополии юго-западной части Пиренейского полуострова — проще оценить объем самой этой монополии, чем европейского мира, на котором она покоилась. Различия в потенциальных оценках значимости американской торговли под руководством Севильи и азиатской под руководством Лиссабона являются не следствием какой-то принципиальной невозможности оценить объем этих монополий, но в гораздо большей степени — следствием нашей нынешней невозможности оценить объем всей остальной экономики [то есть той, что не была частью монополии]» (*Ibid.*, p. 273).

¹⁷³ «В то время как большинство заморских товаров оплачивались экспортом металлов и монеты (например, торговля с Ост-Индией была очевидно импортной торговлей, главной целью которой было удовлетворение европейского спроса, а не поиск рынков для европейских товаров), — импорт через Левант представлял собой несколько иную картину. Арабскому и индийскому мирам были крайне необходимы многие средиземноморские товары. Например, существовал особый спрос на медь, которая поставлялась на Восток из Центральной Европы через Венецию. На Восток же экспортировались и кораллы с плантаций вблизи тунисского побережья, некоторые из них — Французской коралловой компанией*, которая действовала в Марселе во второй половине XVI века. Ткани, ртуть и шафран вместе с опиумом из Египта вливались в поток товаров, которыми обменивались средиземноморские страны, Левант и Индия. Все это, без сомнения, объясняет, почему караванная торговля не остановилась, когда португальцы обнаружили морской путь в Индию и попытались перенаправить в свою пользу торговлю перцем» (*Glamann. Fontana Economic History of Europe*, pp. 56–57).

¹⁷⁴ «Главным противником манильских галеонов была, несомненно, сама испанская администрация. В глазах севильских купцов, чьи жалобы легко достигали королевского совета, в глазах придворных приверженцев ортодоксальных представлений о чудодейственной силе благородных металлов это было худшее из всех направлений торговли с Дальним Востоком; в дальнейшем отсутствие манильской торговли компенсировалось экспортом благородных металлов***» (*Chauni. Annales E.S.C.*, VI, p. 458).

Другой причиной противодействия этому оттоку металлов было то, что металлы все больше проходили мимо Лиссабона и Севильи: «С открытием пути вокруг Африки [серебряные] *реалы* растекались по всему Востоку. Благодаря им на первое место вышли китайские товары: фарфор, шелк-сырец и шелковые ткани, золото. За торговлей

конечно, не обходилось без некоторых исключений. Представляется, например, что тиковые леса в Индии были в определенной мере включены в европейский мир-экономику, поскольку они служили источником материалов для кораблестроения в доках Гоа.¹⁷⁵

Но все это капля в море по сравнению с потоком золота и серебра, леса, кожи и сахара из Нового Света. В течение столетия хозяйство Америки прошло путь от собирательства до постоянных производств с использованием дешевого труда под надзором европейцев.¹⁷⁶ Это трансформировало социальную структуру соответствующих территорий, включив их в европейский мир-экономику.¹⁷⁷

Лишь когда у Европы не было выбора, когда нельзя было получить некоторый продукт (например, шелк) в пределах собственного мира-экономики, за этим продуктом приходилось отправляться во внешнюю сферу и приобретать его по более высокой цене. Вудроу Бора описал причины коллапса производства

с Китаем последовали регулярные посещения европейцами Японии, которая была рынком сбыта шелка и поставщиком серебра. Алчная жажда Китаем белого металла, с одной стороны, и развитие Испанской Америки, с другой, вели к открытию прямой навигации между Акапулько и Манилой, что вызвало враждебное отношение Гоа и Лиссабона и сблизило их с Севильей, в то же время сделав португальцев уязвимыми для последней» (*Godinho. L'économie de l'empire portugaise*, p. 833).

Тем не менее, случай Испании — это разительный контраст в сравнении с Англией. В начале XVII века английская Ост-Индская компания подверглась аналогичным обвинениям в том, что ее торговлю сопровождал отток серебра, в чем многие в то время видели причину упадка торговли. «Ответ компании был таков: доходы от реэкспорта индийских товаров на континент и Средний Восток превышают объем капиталов, направленных в Индию, поэтому деятельность компании работает на платежный баланс страны в целом» (*Chaudhuri, K. M. The East India Company and the Export of Treasure in the Early 17th Century // Economic History Review*, XVI, 1, Aug. 1963, 25). Ост-индская компания была, конечно же, абсолютно права. Металлы теряла «Европа», а не Англия. Разница с Испанией заключалась в том, что последняя не могла стать средоточием межрегиональной торговли в Европе, в чем в это время преуспела Англия.

¹⁷⁵ См. *Boxer. Portuguese Seaborne Empire*, pp. 56–57; *Godinho. L'économie de l'empire portugaise*, p. 683.

¹⁷⁶ См. *Chaunu. Conquête*, pp. 290–296, 300–311.

¹⁷⁷ О влиянии сахара на социальную структуру Бразилии см.: *Boxer. Portuguese Seaborne Empire*, pp. 84–105. О горном деле см. у Альваро Хары: «Неоспоримо, что во многих регионах Американского континента рудники имели огромную власть, которая реорганизовала и даже разрушила общественную структуру доколониальной эпохи. В ходе концентрации туземного населения во вновь созданных центрах горного дела (не только в Потоси, но и во многих других местах производства серебра, золота и ртути), возможно, впервые возник социальный феномен блуждающей и лишенной собственности массы, оторванной от всяческих корней, лишенной будущего и каких-либо гарантий завтрашнего дня, скученной в псевдоурбанистических зонах, где само понятие города не имело для них значения, — хотя бы в той мере, насколько городская жизнь могла вызывать улучшения по сравнению с прежним жизненным уровнем коренного населения» (*Jara. Tres ensayos sobre economía minera hispano-americana*, p. 28).

мексиканского шелка-сырца в конце XVI века.¹⁷⁸ Это произошло как раз в «апогее галеонной торговли, обеспечившей массовое, резкое, но недолговечное поступление китайского шелка на рынок Вест-Индии» (Шоню).¹⁷⁹ Правда, когда у испанцев не стало американского серебра для обмена на китайские товары, они больше не могли покупать шелк и около 1640 года манильская галеонная торговля схлопнулась.¹⁸⁰

Как правило, равновесие географических пределов мира-экономики является подвижным. Динамичные процессы в его центре могут вести к экспансионистскому давлению, что, как мы видели, и происходило в Европе XV века. Система начинает расширяться вовне до того момента, пока она не достигает точки, где ущерб оказывается больше выгоды. Одним из факторов, устанавливающих пределы расширения, является, конечно, расстояние — производная от текущего состояния технологий (вспомним «шестидесятидневный мир», о котором говорилось в самом начале нашей книги). Существует много способов оценки времени. Сравним описанное Шоню время пути от Пиренейского полуострова до Американского континента и до Азии. О первом направлении он утверждает: «Путь „туда“ занимает месяц, путь обратно — шесть недель, а круговой маршрут — включая погрузки и разгрузки, а также мертвый зимний сезон — укладывается в год».¹⁸¹ А вот что говорит Шоню о втором направлении:

«С точки зрения максимально возможного расстояния (скажем, от Севильи до Манилы в 1565 году) мир, рожденный в ходе долгой трансформации XV–XVI веков, — это мир пяти лет. Иными словами, для совершения пути из Испании на Филиппины и обратно в среднем требовалось пять лет».¹⁸²

¹⁷⁸ Вудроу Бора указывает, что исходным мотивом для производства шелка было то, что он является «компактным или легко перемещаемым с помощью носильщиков или мулов товаром. Это обстоятельство сулило низкие издержки по транспортировке, гарантированный сбыт в колониях или в Испании и высокую прибыль» (*Borah. Silk-raising in Colonial Mexico, Ibero-Americana*: 20. Berkeley: Univ. Of California Press, 1943, 15). Бора предлагает три причины упадка этого производства: сокращение индейского населения из-за плохого обращения с ним; чрезмерное обложение индейцев податями и непосильная эксплуатация вели к бегству и уничтожению тутовых рощ самими работниками; сокращение прибыли из-за дополнительного предложения шелка на мировом рынке со стороны Филиппин. См. продолжительное рассмотрение этого вопроса на pp. 85–101.

¹⁷⁹ *Chaunu. Annales E.S.C.*, VI, p. 462 (ссылка 1). В одном фрагменте своей работы Бора отмечает, что рост филиппинской торговли был среди причин упадка мексиканского шелководства, однако в другом месте он допускает, что верно обратное, тем самым поддерживая Шоню: «Напротив, развитие филиппинской торговли совпадало с гибелью мексиканского шелководства; крупномасштабный импорт китайских шелков начался в 1579 году, и примерно в то же время местная культура шелка стала клониться к упадку» (*Borah. Silk-raising*, p. 90).

¹⁸⁰ См. *Chaunu. Annales E.S.C.*, VI, pp. 460–461.

¹⁸¹ *Chaunu. Conquête*, p. 290.

¹⁸² *Ibid.*, p. 277. Продолжительное рассуждение о соотношении пространства и времени см. на pp. 277–290.

Понятно, что это была значительная разница.

При этом сопротивление расстояний сочеталось с сопротивлением власти, установленной европейцами. Обе Америки были легко завоеваны, и даже такие структурированные государства, как империи ацтеков и инков, не могли соперничать с европейским оружием. Совсем другое дело — Азия. Ни Португалии, ни даже ее европейским преемникам, пришедшим на смену в XVII веке, не удалось использовать огневую мощь для значительных территориальных завоеваний. А без этого они не могли утвердить такую же систему, как в Америке или Восточной Европе, когда крупные изъятия прибавочного продукта можно было обеспечить малой силой. Напротив, в Азии для присвоения меньшего количества прибавочного продукта требовалось много усилий (имеются в виду португальцы и их конкуренты на море), к тому же местные правители могли настаивать на гораздо большей собственной доле в предприятиях. Данный вопрос можно рассматривать и в аспекте прибыльности различного использования силы, как это делает Фредерик Лейн:

«Осмелюсь предположить, что [колониальные] инициативы, в которых сила применялась для грабежа и препятствия торговле конкурентов [например, португальцы в Азии], в целом становились менее доходными, в то время как многие начинания, где сила использовалась для обеспечения защиты некоторой территории [вместо разрушения или захвата ее столицы и уничтожения рабочей силы] — в том числе значительное число предприятий, использовавших принудительный труд [например, португальцы в Бразилии] — напротив, получили преимущество в виде растущих доходов».¹⁸³

Поведение на периферии и во внешней сфере — это различные навыки. Лишь на периферии группа, более сильная экономически, может в равной степени навязать свою позицию путем культурного доминирования. Португальцы понимали это значительно лучше испанцев. Для последних христианизация туземцев была гораздо большим приоритетом, чем для португальцев, которые тоньше ощущали пределы своих возможностей в этой великой встрече христианства и ислама в Азии XVI века. Так, Шоню указывает, что испанцы приложили огромные усилия, чтобы остановить проникновение ислама на Филиппины: «Эта глубоко укорененная враждебность к исламу, эта неспособность иметь дела с мусульманскими князьками Молуккских островов — не является ли именно это действительным объяснением (гораздо более существенным, нежели враждебность португальцев) того, почему на Филиппинах испанцы не смогли добиться успеха в торговле пряностями?».¹⁸⁴ Сравним это с португальской политикой в Конго, где португальцы сначала тоже пытались играть в христианизацию, колонизацию и даже товарное сельское хозяйство, однако затем, осознав, что издержки слишком высоки, вернули этой территории роль перевалочного пункта, от которого в первую очередь требовались рабы и слоновая кость.¹⁸⁵

¹⁸³ Lane. Venice and History, p. 28.

¹⁸⁴ Chaunu. Annales E.S.C., VI, p. 455 (сноска 2).

¹⁸⁵ Альфреду Маргариду отмечает: «„Языческое“ Конго отвергло насаждение католицизма и сопротивлялось давлению колониальной экономики (*économie de traite*).

По мере приближения к концу «долгого» XVI века португальское господство в Индийском океане и Малаккском проливе встречало растущее сопротивление со стороны арабов (а также стоявших за ними Османов) *вместе с* Венецией (их объединял старый торговый путь через Левант), восходящих звезд северо-западной Европы — Англии и Голландии и возрождающихся местных сил в Азии.

В одной из предыдущих глав уже говорилось об оживлении восточного Средиземноморья во «втором» XVI веке. Рассмотрим этот вопрос вкратце. Для того чтобы отрезать Левант от богатств Индии и Китая, требовалась дорогостоящая блокада. Суть дела заключалась в том, что «Португалии недоставало богатств, чтобы содержать эту огромную структуру с ее крепостями, дорогостоящими эскадрами и многочисленными чиновниками».¹⁸⁶ К 1530-м годам турки вновь были в состоянии закрепиться в Персидском заливе, и с тех пор доля португальцев в азиатской торговле начала убывать.^{187*} К 1560 году Александрия опять экспортировала в Европу такое же количество пряностей, как в конце XV века,¹⁸⁸ хотя относительная доля этой торговли, конечно, была меньше. Более того, португальцы то ли не хотели, то ли не могли снижать свои цены, чтобы противостоять венецианской конкуренции.¹⁸⁹ Речь идет, конечно

Португальцы были вынуждены демонтировать здесь вассальное королевство* и вместо этого получать от данной территории важный *дополнительный продукт* (surplus), необходимый для проведения колониальной политики в Южной Америке, — рабов».

Боксер также говорит о том, что этот «многообещающий эксперимент» прекратился после смерти конголезского короля Афонсу I (1543) «отчасти из-за участия Португалии в проектах в Азии и Южной Америке, хотя главная причина состояла в распространении и интенсификации работорговли» (Boxer. *Race Relations*, p. 20. См. т.ж. Boxer. *Portuguese Seaborne Empire*, pp. 56–57; Balandier, *Georgies*. *Daily Life in the Kingdom of the Kongo*. New York: Pantheon, 1968).

¹⁸⁶ Бродель. Средиземное море, II, 300. Еще одним фактором в этой высокоприбыльной торговле была коррупция: «На несколько десятилетий после 1500 года португальцы установили серьезные преграды на пути торговли в Красном море и заставили цены в Александрии вырасти по сравнению с уровнем XV века. Однако затем португальские чиновники стали настолько неэффективными и легко подверженными коррупции, что они больше не создавали препятствий для торговли через Красное море и Персидский залив» (Lane. *Venice and History*, p. 33).

¹⁸⁷ Lybyer. *English Historical Review*, CXX, p. 586.

¹⁸⁸ Lane. *Venice and History*, p. 31.

¹⁸⁹ Годинью цитирует венецианского купца XVI века Чезаре де Федричи: «Перец, прибывающий в Лиссабон, не так хорош, как тот, что идет через проливы Мекки [очевидно, имеется в виду Красное море], поскольку посланник португальского короля от имени своего господина много лет назад заключил контракт с королем Кочина*** и установленная в нем цена перца не могла ни расти, ни падать. Эта цена очень низкая, так что крестьяне сдают перец очень неохотно, а сам он неспелый и грязный. Арабы платят лучше, поэтому крестьяне отдают им лучший перец и лучше к ним относятся» (Godinho. *Économie de l'empire portugaise*, pp. 638–639).

Годинью настаивает, что убытки от торговли через мыс Доброй Надежды не являются объяснением упадка Португалии: «В завершение отметим, что в течение 136 лет убытки составили менее 11% для плаваний „туда“ и менее 15% для плаваний

же, лишь о торговле пряностями, поскольку торговля лекарственными травами, похоже, ни при каких обстоятельствах не смогла бы стать португальской монополией.¹⁹⁰ О степени упадка Португалии говорит хотя бы тот факт, что после 1580 года португальцы фактически сами стремились занять место в венецианской торговле.¹⁹¹ Поэтому упадок Португалии был очень существенным. Однако Годиный предупреждает, что не следует уходить в другую крайность и воспринимать новый подъем Венеции в розовом цвете,¹⁹² — эту точку зрения мы уже имели возможность излагать. В данном случае Венеция просто не могла подобрать того, что упустила Португалия.

обратно. Когда в 1558 году при составлении некоего подобия бюджета торговли пряностями в него был внесен пункт о возможном ежегодном убытке по пути туда и обратно в размере одного из пяти кораблей (20%), то это была очень завышенная цифра. Итальянец Сассетти, знакомый со Средиземноморьем и годом раньше на собственном опыте испытавший вынужденное возвращение в порт отплытия, писал из Кочина, что путь из Лиссабона в Индию менее опасен, чем из Барселоны в Геную [р. 671]».

Можно задаться вопросом, как это делает Ги Шоссинан-Ногаре в своей рецензии на книгу Годиный, почему же португальцы в это время так и не стали развивать крупные частные компании (как позже это сделают англичане и голландцы), ведь это могло позволить им использовать более эффективные коммерческие технологии, чтобы превзойти своих европейских конкурентов. (Правда, попытка создать такую компанию имела место в 1628 году, но провалилась*.) «Почему Португалия, которая, кажется, находилась на переднем крае великого движения и видела, как рождается современный торговый капитализм, почему же в начале XVII века она оказалась неспособна следовать северо[европейским] моделям, [которые к тому времени уже существовали]? Не заключается ли часть ответа в той специфической роли международного капитализма в Лиссабоне, которую Вирджиния Рау назвала „космополитической спекуляцией“ [‘*agiotage*’]? Все это возвращает нас к вопросу о том, кому была наиболее выгодна торговля пряностями. Очевидно, что не той стране, которой принадлежала монополия: „перечный король“ мог лишь наблюдать, как его финансы пожирает громадьё требуемых инвестиций» (*Chaussinand-Nogaret. L'or, le poivre, le Portugal et l'économie mondiale // Annales E.S.C., XXV, nov. — déc. 1970, 1595*). В свете этого комментария см. точку зрения Фуртаду, уже приведенную в сноске 170.

Единственная попытка Португалии основать подобную частную компанию была на деле инициативой государства. Основанная в 1628 году, через пять лет эта компания испарилась. См. *Da Silva. En Espagne*, pp. 140–141.

¹⁹⁰ См. *Godinho. L'économie de l'empire portugaise*, pp. 596–616. Годиный утверждает, что действия португальцев в Индийском океане даже на пике своей эффективности «почти не имели влияния на предложение лекарственных средств [р. 616]».

¹⁹¹ См. *ibid.*, p. 771. Поскольку турки запрещали подданным короля Испании (в составе которой Португалия находилась после 1580 года) торговать в своих владениях, португальские купцы брали французские, английские или венецианские имена.

¹⁹² См. *ibid.*, p. 714. Годиный также говорит об изначальных трудностях венецианцев еще в 1502 году: «Кризис не был вызван португальскими открытиями — он им предшествовал... Иными словами, открытие нового пути в Индию и португальская блокада торговли через Красное море были нацелены против организма с крайне чувствительными открытыми ранами — организма, который, пережив непосредственную причину разразившегося кризиса, впал в длительную депрессию [р. 729]».

Еще более эффективным конкурентом Португалии была северо-западная Европа. Не следует забывать, что после того, как монархи Испании и Франции объявили о банкротстве в 1557 году, Португалия последовала их примеру в 1560 году. Не будем еще раз рассматривать причины взлета Голландии и Англии. Тем не менее, следует отметить один ключевой фактор в торговле пряностями, а именно то, что существовало фактически два направления этой торговли, которые часто называют «азиатский контракт» и «европейский контракт». Иными словами, одни получали доход от пряностей, которые доставлялись из Азии в Лиссабон (или Венецию, а позднее Амстердам), а другие — от тех же самых пряностей, но уже при перепродаже их конечным европейским потребителям, в основной массе из Северной Европы.¹⁹³

У португальцев не было сбытовой сети для продажи перца в Европе, особенно после упадка Антверпена, с которым они были тесно связаны. Шюноу говорит о Португалии в 1585 года:

«Отрезанный от Севера, испанский король, правивший в Лиссабоне с 1580 года, тщетно предлагает Европе свой контракт. Но Италия недостаточно сильна [*nès pas du taille*], и никто в Испании не может даже мечтать об этом. Взамен Антверпену король должен использовать все силы германского капитализма, то есть силы Фуггеров и Вельзеров.

Можно ли сказать еще точнее? В конечном итоге европейский контракт одерживает первенство над азиатским».¹⁹⁴

Однако Вельзеры и Фуггеры, в свою очередь, были не так сильны, чтобы выступить против англичан и голландцев.¹⁹⁵ А подъем Голландии в действительности стал последним ударом по Венеции, поскольку Амстердам, «более эффективный, чем [Лиссабон], сломал шею старой средиземноморской торговле».¹⁹⁶

¹⁹³ См. *Kellenbenz, H. Annales E.S.C.*, XI, p. 8.

¹⁹⁴ *Chaunu. Conquête*, p. 358.

¹⁹⁵ «Гамбург лишь на короткий срок получит первенство в международной торговле пряностями. 1590-е годы были чрезвычайно важным периодом расширения колониальной торговли. Голландцы и англичане успешно стремились к увеличению своей доли в мировом рынке пряностей» (*Kellenbenz, H. Annales E.S.C.*, XI, p. 23).

Голландская коммерческая сеть в Европе в это время использовалась и для вмешательства в бразильскую сахарную торговлю: «Бразилия была основным источником сахара для Европы. Большая часть торговли сахаром и рабами между Бразилией и Португалией или между Западной Африкой и Бразилией по-прежнему находилась в руках португальских купцов и подрядчиков, многие из которых были еврейского происхождения; однако экспорт сахара из Португалии в Европу контролировали голландцы, вдобавок голландские шкиперы нелегально торговали с бразильскими портами. Сами бразильские португальцы смотрели на это сквозь пальцы и препятствовали попыткам испанской администрации противостоять контрабанде. Кроме того, в моменты, когда голландская торговля в портах Пиренейского полуострова была официально запрещена, португальские купцы на условиях комиссии предоставляли свои имена голландским торговым предприятиям» (*Parry. Age of Reconnaissance*, p. 277).

¹⁹⁶ *Chaunu. Seville*, I, p. 13.

Голландцы (а также англичане) имели приоритет не только в Европе. Их морское превосходство в Индийском океане давало дополнительное финансовое преимущество: можно было с одинаковым успехом получать прибыль не только от торговли, но и от грабежа португальских кораблей.¹⁹⁷ Но даже в этом случае голландцы и англичане так и не смогли внести в азиатский мир нечто новое — вслед за португальцами они просто продолжили играть роль посредников.¹⁹⁸

¹⁹⁷ См. *Godinho. L'économie de l'empire portugaise*, pp. 696–697. Однако Годинью благоразумно предупреждает, что не стоит преувеличивать значимость этого фактора, по меньшей мере, с португальской точки зрения, см. p. 671.

Экспансия голландцев и англичан в это время начинается и на Американском континенте. Если Испания устанавливала блокаду для голландского мореплавания близ Пиренейского полуострова, то голландцы испытывали острую нехватку соли — пиренейского экспортного продукта. Херманн Келленбенц подчеркивает, что соль «была очень важна для производства [голландской] сельди...» (*Kellenbenz. Spanien, die nördlichen Niederlande und die Skandinavisch-baltische Raum in der Weltwirtschaft und Politik um 1600 // Vierteljahrsschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, XL, 1, 1953, 15).

Голландцы выяснили, что залежи соли находятся на полуострове Арайя* на Карибском побережье Южной Америки, и стали добывать ее, а на обратном пути голландские корабли еще и основательно предавались контрабанде и грабежу. Итог для Испании был печальным: «Для самой Испании это прежде всего означало крах соляного эмбарго [т. е. крах политического давления на „мятежников“ из Северных Нидерландов]. Испания раз и навсегда утратила доходы от соли и прежние контракты на ее поставку голландцам. Последние теперь потребляли американскую соль — бесплатно и без налогов, которые ежегодно составляли примерно миллион флоринов» (*Sluiter, Engel. Dutch-Spanish Rivalry in the Caribbean Area, 1594–1609 // Hispanic American Historical Review*, XXVIII, 2, May 1948, 181).

Испания стремилась изгнать голландцев, и ей это удалось, но лишь ценой снаряжения большой армады и очередного открытия Пиренейского полуострова для голландских кораблей по договору 1609 года. Однако устранять ущерб в некотором смысле было уже поздно. «Для Испании крупномасштабное проникновение голландцев в Карибский бассейн, которое совпало по времени с их мощным морским и торговым давлением на Дальнем Востоке, в Западной Африке, в Бразилии, Гвиане и на самом Пиренейском полуострове, было еще одним соображением в пользу усиления защиты своих тропических колоний... Испания временно подлатала свои рубежи в Карибском море и в какой-то степени вообще везде, где было можно, но какой ценой! Вынужденная голландцами предпринимать оборонительные меры на всем пространстве колониального мира, Испания так вымотала себя защитой жизненно важной тропической зоны, что у нее не осталось энергии утвердить свои исключительные права на все еще незанятых территориях на окраинах ее империи. Только в этом контексте становится понятно, почему, например, Англия смогла основать и удержать Виргинию, свой первый небольшой форпост в Америке, без помех со стороны испанцев, которые так прочно обосновались на Карибах и во Флориде» (*Sluiter. Hispanic American Historical Review*, XXVIII, pp. 195–196).

¹⁹⁸ См. *Cipolla. Guns and Sails*, p. 136. Нирад Чаудхури: «И англичане, и голландцы считали участие в „сельской торговле“ в Азии крайне прибыльным; их обычная модель торговли предполагала вложение серебра в приобретение индийской текстильной продукции, которая затем обменивалась на пряности в странах Юст-Индии» (*Chaudhuri. Economic History Review*, XVI, p. 26).

Отсюда можно перейти к тому, что происходило в Азии. По мере сжатия португальского превосходства азиатские правители восстанавливали определенный контроль над торговлей. Например, в 1570 году яванцы перехватили у португальцев торговлю пряностями в Малаккском проливе, по крайней мере, до момента голландского вторжения в 1596 году.¹⁹⁹ На какое-то время португальцы компенсировали эту утрату новой монополией — ведением торговли между Китаем и Японией.²⁰⁰ Но в последней трети XVI века японцам удалось преодолеть внутреннюю анархию, создав единое государство, и они больше не нуждались в португальцах. Изначально императоры династии Мин, разгневанные на японских пиратов *вако*, запрещали японцам торговать с Китаем. Но как только *вако* оказались под контролем правительства, прямая торговля вновь стала возможной. Более того, на сцену вышли англичане с голландцами, не питавшие теплых чувств ни к Испании, ни к Португалии. Японцы испытывали нарастающий дискомфорт от присутствия в стране иезуитов, но теперь Япония могла самоизолироваться от мира, тем более что ее собственные мануфактуры устранили необходимость в китайском шелке.²⁰¹

Японская изоляция, возможно, объясняется, как полагает Ч.Р. Боксер, слишком агрессивной проповедью христианства.²⁰² К гипотезе Боксера следует относиться серьезно, поскольку глубина знаний и исторических суждений этого исследователя внушают уважение. Однако в защиту своей позиции он представил мало конкретных эмпирических свидетельств. Не была ли изоляция Японии неизбежной, учитывая ее растущую внутреннюю мощь и тонкость связей с каким бы то ни было миром-экономикой?

¹⁹⁹ См. *Godinho. L'économie de l'empire portugaise*, pp. 814–817.

²⁰⁰ См. *Boxer. Portuguese Seaborne Empire*, p. 63.

²⁰¹ См. *Trevor-Roper. Historical Essays*, pp. 120–123.

²⁰² «Если бы не появление, рост и силовое давление военизированного христианства в XVI–XVII веках, представляется возможным, что Япония династии Токугава не удалилась бы в свое изоляционистское логово. В свою очередь, отсюда можно предположить, что в этот период японцы могли осуществить результативную заморскую экспансию. Мирным или каким-то иным путем к концу XVII века японцы утвердились бы на Филиппинах, в Индокитае и в отдельных частях Индонезии и, по всей вероятности, затем смогли бы вместе с европейцами пожать плоды Промышленной революции за несколько десятилетий до того, как Япония сделает это в действительности» (*Boxer, C.R. The Christian Century in Japan*, p. vii). С рассуждениями «как если бы» всегда трудно иметь дело. Однако мне кажется, что конечный результат развития Японии можно интерпретировать иначе. Является ли столь эффективная самоизоляция единственной причиной того, что в XIX веке Япония смогла появиться на мировой арене достаточно сильной, чтобы тут же не оказаться в роли мир-системной периферии и, соответственно, быстро осуществить индустриализацию?

Позиция, аналогичная точке зрения Боксера о мотивах изоляции, высказана у Эидзиро Гондзо: «Злоупотребления, сопутствующие распространению римского католицизма в Японии, вынудили сёгунат Токугава принять политику изоляции...» (*Hondjo. Facts and Ideas of Japan's Oversea Development Prior to Meiji Restoration // Kyoto University Economic Review*, XVII, 1, Jan., 1942, 1).

Сами переселившиеся в Азию португальцы усвоили урок спада на рынке транзитной торговли после бума начала века. Они стали все меньше ассоциировать себя с исторической родиной и учились выживать в Азии. В экономическом отношении они стали скорее азиатами европейского происхождения, хотя в меньшей степени были азиатами в политическом аспекте и, безусловно, совсем не азиатами в культурном отношении. Дж.Б. Харрисон описывает постоянно растущую военную и политическую автономию португальского Индийского государства (*Estado da Índia*)* на протяжении XVI века — этот процесс шел об руку с растущей значимостью для португальцев внутриазиатской торговли.²⁰³ Вместе с формирующимся конфликтом интересов португальцев в Португалии и в Индии

«португальцы „инкрустировали“ себя в миры Востока, везде устрояясь в качестве *касадуш* [*casados*, буквально: тех, кто имеет домашнее хозяйство], подлаживаясь под местные или региональные интересы, занимаясь локальными или межрегиональными коммерческими операциями».²⁰⁴

Поглощение Португалии Испанией в 1580 года ведет к дальнейшему усилению этого конфликта. Местные португальцы не хотели пускать кастильцев на свой рынок, а у испанского короля не было сил заставить их это сделать.²⁰⁵ Но это означало, что вековое пребывание в орбите Пиренейского мира не втиснуло Азию в рамки его периферийной зоны, а напротив, еще дальше оттолкнуло ее от Европы. Еще столетие или даже больше Европа не будет настолько сильна, чтобы включить азиатские территории в свой мир-экономику.

²⁰³ См. *Harrison. New Cambridge Modern History*, III, pp. 538–543. Годиньо утверждает, что около 1570 года капитанство Молукка было «практически независимым» от Португалии (*Godinho. L'économie de l'empire portugaise*, p. 812).

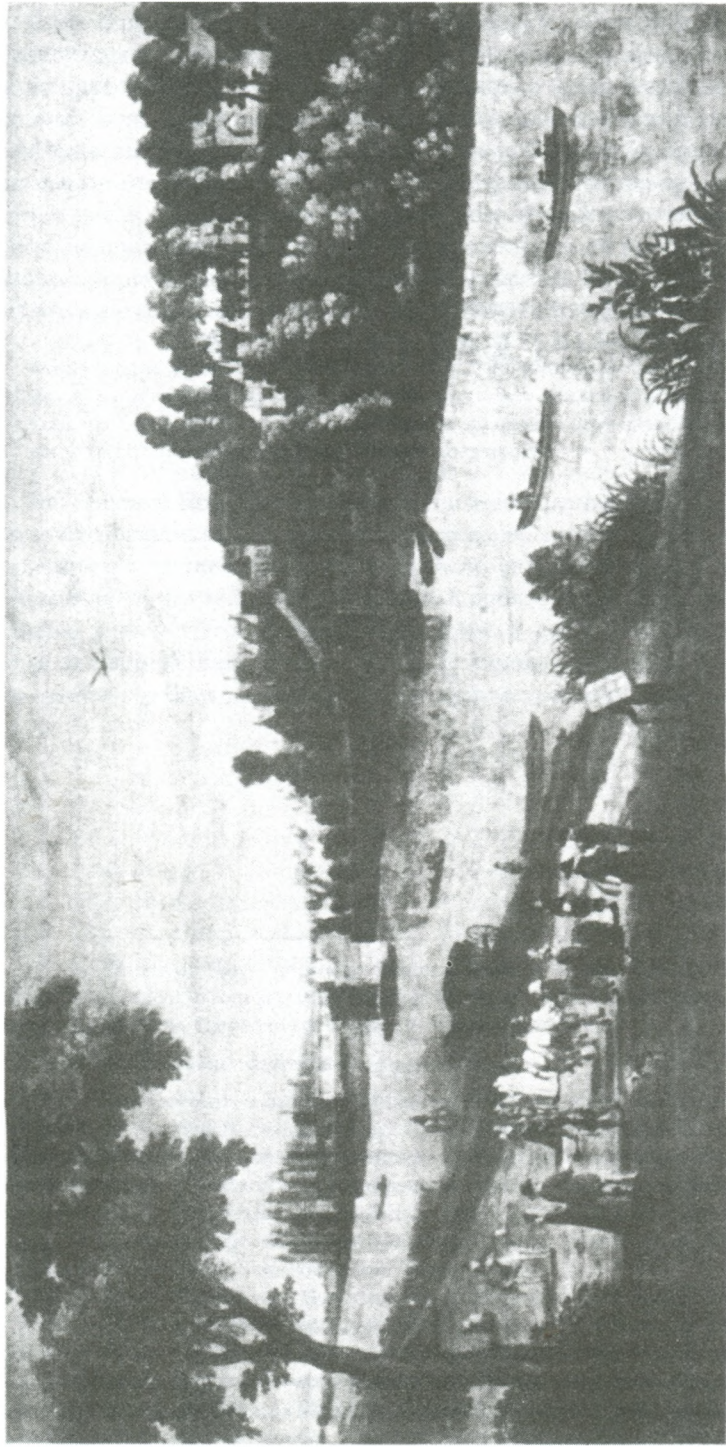
²⁰⁴ *Godinho. L'économie de l'empire portugaise*, pp. 783.

²⁰⁵ «Первым движением охваченных паникой португальских обитателей Макао [когда в 1582 году они узнали о свершившемся двумя годами ранее союзе Португалии и Испании] было не пускать в колонию испанского губернатора. Это объяснялось просто: если бы португальцы в Макао были низведены до статуса обычных испанских подданных, а порт Макао был открыт для испанцев, как этого ожидали, то португальская „монополия“ в китайской торговле тут же закончилась бы, а ущерб для португальцев был бы непоправим» (*Chang. Sino-Portuguese Trade*, p. 100).

Компромисс был достигнут. Португальцам Макао пожаловали полунезависимый статус, то есть они присягнули на верность испанской короне, но сохранили португальский флаг и к тому же получили от китайцев статус мандаринов второго класса. Чанг ясно указывает на мотивы для такого компромисса с точки зрения испанцев: «Опасаясь, что вмешательство во внутренние дела Макао может вызвать неповиновение или открытый мятеж, испанский король... согласился на номинальную присягу» (*Ibid.*, p. 101).

7

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РЕПРИЗА

«Ричмондский дворец» («Темза у Ричмонда»). Картина фламандского художника Давида Винкенбонса (1578–1629), эмигрировавшего в Англию и ставшего живописцем Королевских комиссий при Иакове I и Карле I (масло, первая половина XVII века)

Теория не существует отдельно от анализа эмпирических данных. Этот анализ, в свою очередь, можно проводить лишь в рамках теоретических схем и суждений. Кроме того, анализ событий и процессов должен включать в качестве отправной точки целый ряд оценок тех переменных, на основании которых можно объяснить, как были получены итоговые результаты исследования. С целью ясного исторического объяснения этот анализ часто приходится пропускать или ограничивать его описанием формальных взаимоотношений между данными переменными.

Следовательно, зачастую имеет смысл сделать еще один, более краткий и абстрактный обзор материала в заключительной части исследования. Безусловно, это окажется полезным и для читателя, но еще более важным это будет для автора, поскольку заставит его внести в анализ определенную долю строгости, отсутствие которой могло легко остаться незамеченным среди хитросплетения деталей. Рассмотренный выше эмпирический материал, безусловно, был сложен — на самом деле его сложность значительно превосходит наши возможности его описания. Поэтому я хотел бы еще раз обратиться к основным положениям этой книги.

Для того чтобы описать, как возникает и делает первые шаги некоторая мировая система (a world system), мне нужно было сформулировать определенную концепцию мир-системы (a world-system). Мир-система — это такая социальная система, которая имеет те или иные пределы, структуры, участвующие в ней группы, правила легитимации и связность. Ее существование определяется динамикой конфликтующих сил, которые одновременно являются и центростремительными, и центробежными. С одной стороны, взаимное напряжение конфликтующих сторон удерживает единство системы, с другой — каждая группа всегда стремится переформатировать систему ради собственного преимущества, и это оказывает на систему противоположное, центробежное воздействие. Общим между мир-системой и биологическим организмом является то, что мир-система имеет определенный срок жизни, в пределах которого ее характеристики в одних отношениях меняются, а в других остаются стабильными. Можно утверждать, что в рамках внутренней логики функционирования мир-системы ее структуры в разное время могут быть то сильными, то слабыми.

На мой взгляд, социальную систему вообще характеризует то, что жизнь в ее пределах в значительной степени самодостаточна, а развитие такой системы в основном определяется ее внутренней динамикой. У читателя может сложиться ощущение, что использование понятий типа «в значительной степени» или

«в основном» — это образчик академического лукавства. Я согласен: количественный подсчет здесь невозможен, но похоже, что не только я, но и никто вообще не сможет этого сделать, поскольку определение в данном случае основано на гипотезе с противоречивыми фактами. Если рассматриваемая система по какой-либо причине отрезана от всех внешних сил (чего на самом деле никогда не бывает), то, согласно определению, данная система в сущности будет продолжать функционировать точно так же. По сути дела, отсюда опять-таки сложно вывести строгие операциональные критерии. Тем не менее, здесь заключен важный момент — ключ ко многим положениям эмпирического анализа в моей книге. Возможно, самодостаточную систему следует рассматривать как некий теоретический абсолют, нечто вроде социального вакуума, который редко встречается в жизни и который тем более невозможно создать искусственно, — тем не менее, такая система все же является неким пределом (*asymptote*), недостижимым в реальности, но при этом возможно определенным образом измерить степень удаленности от него конкретных обществ.

На основании этого критерия мы утверждаем, что большинство единств, которые обычно называют социальными системами — «племена», сообщества, нации-государства, в действительности не являются всеобъемлющими (*total*) системами. Напротив, мы полагаем, что на самом деле единственно существующими социальными системами являются, с одной стороны, такие сравнительно небольшие самодостаточные экономики, которые не входят в организованные системы сбора дани, и мир-системы, с другой стороны. Последние, конечно же, отличаются от первых большим размером — попросту говоря, речь идет о так называемых «мирах». Однако более точно мир-системы определяются тем, что 1) их самодостаточность, то есть их материально-экономическое единство основано на широком разделении труда, а также тем, что 2) в рамках мир-систем заключено множество культур.

Далее утверждалось, что доселе существовало лишь две разновидности подобных мир-систем: 1) миры-империи, на всей территории которых существует единая политическая система, хотя и с ослабленной эффективностью контроля, и 2) такие системы, где единая политическая система не существует на всей (или почти всей) их протяженности. Для удобства и за неимением лучшего термина для обозначения последнего типа мир-системы мы используем термин «мир-экономика».

Наконец, мы утверждали, что до наступления эпохи Модерна миры-экономики были в высшей степени нестабильными структурами, которые стремились либо к превращению в миры-империи, либо к дезинтеграции. Особенностью мир-системы Модерна является то, что мир-экономика просуществовал 500 лет, но при этом так и не трансформировался в мир-империю, — именно в этой особенности и заключается его сила.

Данная характеристика представляет собой политический аспект той формы экономической организации, которая известна как капитализм. Последний получил возможность процветания именно благодаря тому, что мир-экономика вмещал в своих пределах не одну, а множество политических систем.

Я не излагаю здесь классический образчик капиталистической идеологии, согласно которой капитализм является системой, основанной на невмешательстве государства в экономическую сферу. Совсем напротив! Капитализм основан на постоянном поглощении экономических убытков политическими структурами, в то время как экономическая выгода, напротив, распределяется между «частными» лицами. Суть моего утверждения состоит скорее в следующем: капитализм как тип экономической системы основан на том, что экономические факторы действуют в рамках поля, большего, чем может контролировать какая-либо политическая структура. Это обеспечило капиталистам свободу маневра, обусловленного самой структурой поля, что, в свою очередь, сделало возможным постоянное географическое расширение мир-системы, но при этом и определило крайне неравномерное распределение доходов в его рамках. Единственной альтернативой этому может быть такая мир-система, которая могла бы обеспечить высокий уровень производительности, но в то же время изменить систему распределения, — таким образом, в рамках этой мир-системы предполагается реинтеграция политического и экономического уровней принятия решений. Поэтому третьей возможной мир-системой является социалистическое мировое правительство — форма, которая не существует сегодня и даже отдаленно не предполагалась в XVI веке.

Исторические причины того, почему европейский мир-экономика возник в XVI веке и противостоял попыткам трансформации в империю, объяснялись на протяжении всей книги и здесь мы не будем их рассматривать снова. Однако следует еще раз отметить, что размер мира-экономики является производной от состояния технологий, в особенности от транспортных и коммуникационных возможностей в пределах его границ. Поскольку этот параметр постоянно изменяется, причем не всегда к лучшему, пределы мира-экономики находятся в постоянном движении.

Мы определили мир-систему как такую систему, в которой имеет место широкое разделение труда. Это разделение не просто функциональное, то есть с точки зрения определенных видов деятельности, — это разделение также и географическое. Иными словами, в пределах мир-системы неравномерно распределяются экономические задачи разного типа. Конечно, отчасти это является следствием непосредственных характеристик природных зон. Однако по большей части экономическая специализация является производной от социальной организации труда. Эта специализация увеличивает и легитимирует возможности некоторых групп в рамках целой системы эксплуатировать труд других групп, то есть получать большую долю прибавочного продукта.

В то время как имперская политическая структура стремится связать культуру с определенным видом деятельности, в мире-экономике политическая структура направлена на то, чтобы связать культуру с пространственной локализацией. Причина этого состоит в том, что в мире-экономике главным инструментом политического давления в отношении указанных групп является структура локального (национального) государства. Культурная гомогенизация начинает обслуживать интересы ключевых групп и обеспечивает уровень давления на социум, необходимый для создания национально-культурных идентичностей.

Это особенно характерно для передовых зон мира-экономики, которые мы называли государствами центра. В этих государствах создание сильного государственного аппарата, наряду с созданием национальной культуры (феномена, который часто связывают с территориальной интеграцией), выступало как механизм, защищающим возникшие в пределах мир-системы диспропорции, так и идеологической маской — оправданием сохранения этих диспропорций.

Далее, миры-экономики делятся на центральные государства и периферийные зоны. Не стоит говорить о периферийных *государствах*, поскольку одной из особенностей периферии является слабость государственности, которая варьируется от полного отсутствия государства (это я называю колониальной ситуацией) до наличия государственных образований с низким уровнем самостоятельности (неоколониальная ситуация).

Существуют, кроме того, полупериферийные зоны, которые с точки зрения ряда аспектов, таких как сложность экономической деятельности, сила государственного аппарата, культурная интеграция и т. д., располагаются между центром и периферией. Некогда, на более ранних этапах развития данного мира-экономики, некоторые из этих территорий входили в его центральную зону. Другие же были частью периферийной зоны, но впоследствии продвинулись вперед в результате, так сказать, геополитических изменений в расширяющемся мире-экономике.

При этом полупериферия не является ни результатом исследовательских манипуляций со статистикой, ни продуктом, полученным по остаточному принципу. Полупериферия — это необходимый структурный элемент мира-экономики. Полупериферийные территории играют роль, аналогичную той, что выполняли, *mutatis mutandis* [с учетом соответствующих изменений — *лат.*], средние торговые группы империй. Полупериферийная зона является средоточием жизненных навыков, которые нередко являются политически непопулярными, — иными словами,商-ово-финансовые навыки средних классов не внушают другим группам общества большой любви к ним. Эти срединные зоны (подобно указанным группам империй) частично принимают на себя тот политический натиск, который группы, изначально сконцентрированные в периферийных зонах, в противном случае направили бы против государств центра и групп, действующих в государственных аппаратах центра и благодаря последним. С другой стороны, интересы самой полупериферии оказываются главным образом за пределами политической сферы государств центра, поэтому силам полупериферии затруднительно добиваться своих целей в рамках политических коалиций, возможных в условиях недоступной для них политической сцены центра.

Указанное деление мира-экономики предполагает наличие иерархии экономических задач, среди которых те, что требуют более высокого уровня навыков и большей капитализации, закреплены за зонами более высокого уровня. Поскольку по природе капиталистического мира-экономики большее вознаграждение в нем ждет накопленный капитал (в том числе человеческий), а не «грубую» рабочую силу, постольку в географической диспропорции при распределении разных видов деятельности сильно выражена тенденция к их самовоспроизведению. Воздействие рыночных сил скорее стимулирует эту

закономерность, чем расшатывает ее. При этом отсутствие в мире-экономике центрального политического механизма крайне затрудняет вмешательство противодействующих сил в существующую ситуацию неравномерного распределения доходов.

Следовательно, в ходе развития мира-экономики существует тенденция к увеличению указанного социально-экономического разрыва между разными территориями. Одним из факторов, призванных это замаскировать, является то, что развитие мира-экономики неразрывно связано с технологическими прорывами, которые делают возможным расширение его пределов. Благодаря этому обстоятельству отдельные регионы земного шара могут выгодно изменять свою структурную роль в мире-экономике, хотя одновременно с этим неравномерность распределения прибыли между различными зонами мира-экономики в целом может стать еще больше. Именно ради четкого понимания этого принципиального феномена мы настаиваем на различении периферийной зоны мира-экономики и его внешней сферы. Территория, которая в одном столетии является внешней сферой, в следующем часто становится периферией — или же полупериферией. Однако же и государства центра могут превращаться как в полупериферийные, так и в периферийные страны.

В рамках истории мир-системы Модерна преимущества государств центра нарастали без ограничений, хотя способность отдельного государства закрепить за собой постоянное место в центральной зоне не является неоспоримой — здесь всегда идет соревнование за то, кто станет хозяином положения. В самом деле, похоже, что структура данного типа мир-системы предопределяет невозможность обходиться без циркуляции элит в течение длительного периода исторического времени: отдельная страна, доминирующая в данное время в мире-экономике, рано или поздно может быть вытеснена с этой позиции другой страной.

Мы настоятельно подчеркивали, что мир-экономика эпохи Модерна является капиталистическим миром-экономикой и не может быть ничем иным. Именно по этой причине мы отказались называть «феодализмом» те различные формы капиталистического сельского хозяйства, основанные на принудительном труде, которые вырастают в пределах капиталистического мира-экономики. Кроме того, хотя это и не предмет обсуждения настоящего тома, в дальнейшем по той же самой причине мы будем крайне осторожно и осмотрительно относиться к утверждению, что в XX веке в рамках все того же капиталистического мира-экономики существуют национальные социалистические экономики (в отличие от социалистических движений, контролирующих определенные государственные аппараты в рамках данного мира-экономики).

Если мир-системы — это единственно реальные социальные системы (помимо действительно изолированных самодостаточных экономик), то из этого должно следовать, что возникновение, консолидацию и политические роли классов и статусных групп необходимо рассматривать как элементы этого *мира-системы*. В свою очередь, это означает, что одним из ключевых элементов для анализа класса или статусной группы является не наличие у них самосознания, но географические рамки их самоопределения.

Классы всегда существуют как потенция (*an sich*) [в себе — нем.]. Проблема состоит в том, при каких условиях они обретают классовое сознание (*für sich*) [для себя — нем.]*, то есть действуют как группы в политико-экономической сфере и даже в некоторой степени оказываются культурным единством. Подобное самосознание появляется в результате конфликтной ситуации. Однако для высших страт открытый конфликт (а стало быть, и очевидное самосознание) всегда есть *faute de mieux* [нечто за неимением лучшего варианта — фр.]*. Вероятность сохранения их привилегий настолько же велика, насколько неопределенными остаются границы классов.

В конфликтных ситуациях многочисленные общественные фракции имеют тенденцию сокращаться до двух основных групп путем формирования альянсов, то есть по определению невозможно одновременное наличие трех и более классов, осознающих себя в качестве таковых. Очевидно, что может также существовать множество групп профессиональных интересов, которые могут самоорганизоваться для действия в пределах социальной структуры. Однако в действительности такие группы представляют собой всего одну разновидность статусных групп и часто в самом деле тесно пересекаются с другими их разновидностями, определяемыми по этническим, лингвистическим или религиозным критериям.

Однако утверждение, что не может существовать три класса и более, не означает, что классов всегда два. Классов может не быть вообще, хотя это редкая и преходящая ситуация. Но может быть всего один класс — вот наиболее распространенное положение дел. Если же мы имеем два класса, то такая ситуация наиболее взрывоопасна.

С одной стороны, мы сказали, что в обществе может быть только один класс, но, с другой стороны, мы также утверждали, что в действительности классы существуют лишь в конфликтных ситуациях, а конфликт предполагает две стороны. Здесь нет противоречия, поскольку конфликт может быть определен и как столкновение между одним классом, воспринимающим себя в качестве универсального, и всеми прочими стратами. В действительности именно такая ситуация является всеобщей для мир-системы Модерна. Капиталистический класс (*буржуазия*, *the bourgeoisie*) выдвинул претензии на то, чтобы стать универсальным и организовать политическую жизнь так, чтобы достичь своих целей, вопреки противодействию обоим своим оппонентам. С одной стороны, это были сторонники традиционной статусной системы, несмотря на то, что прежние статусы могли утрачивать свое исходное соотношение с экономическими функциями. Эта группа предпочитала определять социальную структуру как бесклассовую. Именно для противостояния этой идеологии буржуазия стала действовать как сознающий себя класс.

Однако у буржуазии был и другой оппонент — наемные работники. Всякий раз, когда последние начинали осознавать себя как класс (что в XVI веке еще происходило не слишком часто), они определяли положение в целом как ситуацию поляризации между двумя классами. В таких обстоятельствах буржуазия оказывалась перед серьезной тактической дилеммой. Сохраняя собственное классовое сознание, буржуазия способствовала появлению *классового* сознания

у рабочих, но тем самым рисковала своим политическим положением. Если же для решения этой проблемы буржуазия заставляла умолкнуть свое классовое сознание, то она рисковала ослабить себя в противостоянии с обладателями высоких традиционных рангов.

Иллюстрацией процесса кристаллизации классового сознания буржуазии, которая считала себя универсальным классом, получающим своих членов из всех социальных слоев, в нашей книге является описание возникновения джентри как социальной категории тюдоровской Англии и подъема бюргеров в Северных Нидерландах. Одной из возможностей обоснования претензий буржуазии на роль универсального класса было развитие чувства национальной принадлежности, которое придавало этим претензиям некий культурный лоск.

Две возможности выбора для буржуазии, ограниченной, так сказать, восстанием слева и боящейся альянса между двумя своими оппонентами на почве регионального сепаратизма, мы продемонстрировали на примере Франции «второго» XVI века. Французская буржуазия предпочла временное убежище — альянс с государством, хотя возможно, что у нее просто не было жизнеспособной альтернативы. Однако у этого решения еще будут отложенные последствия: социальный радикализм (правда, кратковременный) Великой Французской революции и значительное отставание экономического развития Франции от Англии.

Мы привели примеры того, как буржуазия обретает классовое сознание, но это сознание ограничено пределами нации-государства. Очевидно, что это был не единственный выбор. Буржуазия могла начать осознавать себя и как всемирный класс, и многие ее группы способствовали появлению именно такого самоопределения. С одной стороны, это были различные сообщества международных торговцев-банкиров, с другой — многочисленные группы сельскохозяйственных капиталистических производителей в периферийных зонах.

В годы расцвета империи Карла V и в Нидерландах, и в южной Германии, и в северной Италии, и вообще везде многие связывали свои ожидания с имперскими притязаниями Габсбургов (некоторые, впрочем, одновременно осмотрительно стояли под дверью у Валуа). Если эти группы и составляли отдельную социальную страту, которая еще не являлась сознающим себя классом, то дело все-таки шло именно в этом направлении: вопрос был лишь в том, как скоро это осознание произойдет. Однако с падением империи буржуазия европейских стран поняла, что ее экономическое и социальное будущее теперь было связано с государствами центра. И те, кто в силу своих этнорелигиозных связей мог использовать национальное государство как арену для собственных политических действий, тот так и сделал.

Что касается капиталистических производителей периферии, то они бы с радостью осознали себя частью международного класса мелкопоместного дворянства (*gentry*) и охотно принесли бы в жертву укорененность в локальной культуре ради приобщения к культуре «мировой». Но для того чтобы стать частью международного класса, им нужно было содействие капиталистических страт государств центра, а до этого еще было далеко. Вот почему эти периферийные капиталистические производители все больше и больше становились косными и чванливыми *асендерос* Испанской Америки или восточноевропейскими

аристократами последующих веков, отказавшимися от потенциально международного классового сознания в пользу локальной статусной солидарности, что, впрочем, было вполне в интересах западноевропейской буржуазии.

Географическая концентрация отдельных видов экономической деятельности выступает фактором длительного действия, воздействующим на процесс формирования статусных групп. Когда локальным господствующим стратам угрожает возникающее классовое сознание страт низших, акцент на местной культуре может оказаться хорошим способом предотвратить локальный внутренний конфликт, преобразуя возникающую напряженность в солидарность местного сообщества против внешнего врага. Если локальные господствующие слои к тому же ощущают давление со стороны определенных групп более высоких уровней мир-системы, то это удваивает их мотивацию создавать локальную идентичность.

Очевидно, что идентичность нельзя создать из воздуха: выстраивать ее приходится из подручного материала, ограниченного языком, религией и специфическим образом жизни того или иного сообщества. Тем не менее, вполне понятно, что и лингвистическая, и религиозная однородность, и чувство принадлежности к нации, *a fortiori* [тем более — *лат.*] приверженность особенному образу жизни — все это социальные конструкции, которые невозможно объяснить простой неразрывностью некоей вечной традиции. Более того — это социальные конструкции, которые появляются в родовых муках.

Для большей части Европы XVI век и был временем таких мук. Конечно, это была эпоха Реформации и Контрреформации, эпоха великих религиозных гражданских войн, эпоха международных религиозных «партий». Но в конечном итоге, когда буря улеглась, все религиозные волнения привели к провозглашению принципа *cuius regio eius religio*. Иными словами, возникла система международного невмешательства (*laissez-faire*), в рамках которой различные политические конструкции обрели сравнительную религиозную однородность.

Рассматривая особенности путей развития регионов Европы, мы попытались установить, почему различные формы протестантизма в конечном итоге оказались религией государств центра (за исключением Франции, и этому тоже было предложено объяснение), а католицизм остался религией периферии и полупериферии. Мы изначально скептически отнеслись к тому, что главной причиной этого были сами догматы различных идеологий, хотя они, конечно, могли способствовать достижению конечного результата. Скорее богословские догматы — как они развивались в реальности, в отличие от исходных концепций¹ — отражали роли, которые различные территории играли в мир-системе, а также служили сохранению этих ролей.

Часто говорят, что Карл V упустил великую возможность создать единое германское протестантское государство, стремясь оставаться арбитром в религиозном расколе, вместо того чтобы стать его вождем. Но подобная критика императора упускает тот факт, что Карл V стремился создать мир-империю, а не государство центра мира-экономики. Империи процветают благодаря множеству религий, которые отражают соответствующее количество ролей, выполняемых составными частями империй, и лишь некоторые империи ограничены

специфическими политическими границами. Национальная однородность внутри международной разнородности — вот формула мира-экономики.

По крайней мере, это просто исходная формула. Благодаря сложному разделению труда центральные государства постепенно начинают отображать модель системы в целом. Уже в XVI веке Англия движется в направлении превращения в Британию, для которой будет характерна региональная разнородность в рамках относительно однородной нации в целом.

Религия не должна быть определяющей культурной особенностью главных статусных групп — для этого достаточно языка. Фактически язык начинает играть эту роль именно в XVI веке, и значимость языка с каждым столетием все возрастает. Однако религиозная поддержка специализации в мире-экономике имеет преимущества над языковой, поскольку религия в меньшей степени вмешивается в коммуникации внутри мира-экономики и меньше — всего лишь меньше — подходит для обоснования изоляционизма, ведь в основе мировых религий лежат универсальные мотивы.

Европейский мир-экономика XVI века повсеместно стремился быть одноклассовой системой. Динамичные силы, получавшие прибыль от экономической экспансии и капиталистической системы, особенно силы центральных зон, стремились к осознанию себя как класса, то есть хотели бы действовать на политической сцене как группа, членов которой объединяет в первую очередь общая роль в экономике. С точки зрения XX века эта роль на деле определяется более широко, поскольку в состав указанной группы входили фермеры, торговцы и промышленники. Так или иначе, частные предприниматели часто перемещались от одного из этих видов деятельности к другому или же совмещали их. Поэтому ключевое различие было между людьми, принципиально стремившимися к получению прибыли на мировом рынке, независимо от их конкретного занятия, и всеми остальными, кто не был на это ориентирован.

Эти «остальные» боролись за свои статусные привилегии — привилегии традиционной аристократии, привилегии мелких фермеров в рамках феодальной системы, устаревшие привилегии цеховых монополий. Под знаменем культурного сродства они зачастую вступали в неожиданные альянсы, которые могли быть весьма активными, заставляя политические центры принимать их в расчет. Мы отмечаем подобные примеры на страницах, посвященных Франции. С другой стороны, эти альянсы могли быть политически пассивными, что вполне устраивало доминирующие в мир-системе силы; пример тому — триумф католицизма в Польше.

Детали этой картины демонстрируют великолепное разнообразие статусных групп с присущими им достоинствами и манерами поведения. Однако главным здесь все же следует считать вопрос образования классов, а в этом отношении XVI век не был решающим. Капиталистические страты сформировали лишь класс, которому удалось выжить и завоевать *droit de cite* [право гражданства — *фр.*], но он еще не одержал триумф на политической сцене.

Эволюция государственного аппарата отражала именно эту неопределенность. Сильные государства служили интересам одних групп и ущемляли интересы других. Однако раз в мир-системе в целом было множество политических

конструкций (поскольку эта система не была миром-империей), то все они не могли быть одинаково сильными. Если бы это было не так, то политические образования могли бы препятствовать эффективному действию транснациональных экономических механизмов, средоточие которых могло находиться в другом государстве. Это создало бы препятствия на пути мирового разделения труда, мир-экономика пришел бы в упадок, что фактически означало бы распад мир-системы на части.

Однако нельзя представить и обратную ситуацию, в которой *ни один* государственный аппарат не был силен, поскольку в таком случае капиталистические группы не имели бы механизмов для защиты своих интересов, гарантирующих права их собственности, обеспечивающих различные монополии, которые распределяют убытки капиталистов среди широких масс населения, и т. д.

Поэтому в рамках мира-экономики создается такая модель, в которой государственные структуры сравнительно сильны в центральных зонах и сравнительно слабы в периферийных. Какую роль будет выполнять тот или иной регион на географической карте, это во многом случайность. Необходимостью является то, что в некоторых регионах государственный аппарат будет значительно сильнее, чем в других.

Что мы имеем в виду под сильным государственным аппаратом? Под ним мы понимаем силу государства по отношению к другим государствам в пределах мира-экономики (включая другие государства центра) и по отношению к локальным политическим образованиям в пределах самого государства. Иными словами, имеется в виду совпадение суверенитета *де-факто* с суверенитетом *де-юре*. Кроме того, мы имеем в виду силу государства по отношению к любым отдельным социальным группам в его границах. Очевидно, что такие группы различаются с точки зрения своих возможностей оказывать давление на государство. Не менее очевидно, что именно определенные объединения таких групп контролируют государство. Иными словами, государство — это не нейтральный арбитр. Но при этом государство есть нечто большее, чем простой вектор неких сил — хотя бы потому, что многие из этих сил существуют не только в одном конкретном государстве или же определяются рамками, которые почти не совпадают с государственными границами.

Поэтому сильное государство — это частично автономное единство в том смысле, что оно располагает определенным пространством для действий, которое отражает компромисс множества интересов, даже если диапазон этих действий ограничен наличием нескольких ключевых групп влияния. Для того чтобы государство стало таким частично автономным единством, должна быть группа людей, чьи прямые интересы это единство обслуживает, — государственные управленцы и государственная бюрократия.

Такие группы возникают в структуре капиталистического мира-экономики, поскольку сильное государство — это лучший выбор для обеих сильнейших в политическом, экономическом и военном отношениях групп: возникающих капиталистических групп и старых аристократических иерархий.

Для первых сильное государство в виде «абсолютной монархии» являлось главным заказчиком, защитником от местного и международного бандитизма,

способом социальной легитимации и упреждающей защитой от повсеместного появления жестких государственных барьеров. Для вторых сильное государство выступало тормозом для тех же самых капиталистических страт, поддерживающим порядок поборником статусных конвенций и покровителем роскоши.

Несомненно, и знать, и буржуа рассматривали государственную машину как обременительный денежный насос с назойливой непродуктивной бюрократией. Но какие у них были альтернативы? Тем не менее, и те, и другие отличались беспокойным нравом, поэтому непосредственными политическими реалиями мир-системы стали резкие колебания, порождаемые стремлением обеих групп к самоизоляции от того, что казалось им негативным воздействием государственного аппарата.

В процессе становления государственной машины неминуемы переломные ситуации двух типов. С одной стороны, это может быть момент, когда исходная сила государства создает еще большую силу. Налоговые поступления позволяют государству содержать более многочисленную и более эффективную бюрократию и армию, что, в свою очередь, ведет к еще большей собираемости налогов, — далее этот процесс развивается по спирали. Но аналогичный механизм действует и в обратном направлении: слабость ведет к еще большей слабости. Политика государственного строительства как раз и расположена между двумя этими поворотными точками. Именно в этой области различаются навыки отдельных управленческих групп. Именно посредством действия двух описанных механизмов небольшой разрыв в мир-системе в некоторый момент может очень быстро и значительно увеличиться.

В государствах со слабым аппаратом государственные управленцы не играют роль координаторов сложного индустриально-торгово-сельскохозяйственного механизма. Скорее они просто превращаются в некую группу землевладельцев, стоящую над другой аналогичной группой, не имея особенных претензий установить свою легитимную власть над обществом в целом.

Правителей таких государств можно назвать традиционными. Терминология политической борьбы здесь часто разворачивается в поле «традиции против изменений» — разумеется, в основном это лживая и идеологическая (в Марксовом смысле) терминология. Применительно к «традиции» можно сформулировать следующий социологический принцип, фактически общий для любого данного момента времени. Нечто считающееся «традиционным» на самом деле имеет более недавнее происхождение, чем люди обычно представляют себе, выражая при этом консервативные инстинкты определенных групп, которым угрожает понижение социального статуса. В самом деле, похоже, ничто не возникает и не развивается так быстро, как «традиция», когда в этом возникает необходимость.

В одноклассовой системе «традиция» означает то, во имя чего пресловутые «остальные» борются с классово сознательной группой. Если они могут утвердить свои ценности путем их широкой легитимации — лучше всего за счет превращения их в законодательные барьеры, то они изменяют систему в своих интересах.

Традиционалисты могут победить в некоторых государствах, но если мир-экономика хочет выжить, то в других странах они должны в большей или меньшей

степени потерпеть поражение. Кроме того, победа в одном регионе — это обратная сторона поражения в другом.

Это не игра с нулевым результатом, но при этом нельзя представить и такую ситуацию, когда интересы всех элементов капиталистического мира-экономики одновременно сдвигаются в одном и том же направлении. Конструкция социальной системы в указанном нами смысле включает в себя множество ценностных систем, отражая те специфические функции, которые определенные группы и территории выполняют в мировом разделении труда.

На этом теоретические проблемы, значимые для функционирования мира-экономики, не исчерпаны. Мы лишь старались говорить о тех проблемах, которые характеризуют период создания мира-экономики, то есть о Европе XVI века. Многие другие проблемы, возникающие на последующих стадиях его развития, будут эмпирически и теоретически рассмотрены в следующих томах.

В XVI веке Европа напоминала дикую лошадь, поднявшуюся на дыбы. Попытка отдельных групп создать мир-экономику, основанный на специфическом разделении труда, создать в его центральных зонах национальные государства — политико-экономические гаранты этой системы и заставить работников не только получать прибыль от сохранения этой системы, но и оплачивать ее издержки — эта попытка не была легкой. К чести Европы, все это было сделано, поскольку без рывка XVI века не родился бы современный мир, и, несмотря на все его жестокости, лучше, что это произошло, нежели если бы его не было вовсе.

К чести Европы и то, что это были непростые задачи, особенно потому, что люди, на которых в одночасье свалились издержки мира-экономики, с готовностью восставали против несправедливости этого мира. Крестьяне и рабочие в Польше и Англии, Бразилии и Мексике были непокорны по-своему. Как говорит Р.Г. Тони об аграрных беспорядках в Англии XVI века, «такие движения служат доказательством энергии, мощи, высокого и величественного духа... Счастлива та нация, народ которой не забыл, что значит бунтовать».¹

Изобретательность капиталистов и ответная уверенность в себе угнетенных — такова специфика современного мира. Эксплуатация и отказ с ней смириться неизбежны — вот неразрешенная антиномия эпохи Модерна, диалектическое единство, далеко не достигшее своего пика в XX веке.

1

¹ Tawney. Agrarian Problems, p. 340.

КОММЕНТАРИИ ПЕРЕВОДЧИКА

Вопреки сложившейся практике переводить на русский язык название главной работы Иммануила Валлерстайна *The Modern World-System* как «Современная мир-система», мы полагаем, что наш вариант перевода «Мир-система Модерна» является более корректным и соответствующим авторскому замыслу. Переводя термин *world-system* как «мир-система», мы идем вслед за самим Валлерстайном, настаивающим на дефисном написании — и это вовсе не казуистика. Смысл написания *world-system* (мир-система), в отличие от *world system* (мировая система), стал наиболее рельефным в полемике с Андре Гундером Франком, упомянутой Валлерстайном в предисловии к переизданию первого тома книги в 2010 году, и нам только остается адресовать читателя к соответствующему фрагменту.

Что касается перевода определения *Modern* термином «Модерн», мы исходили из нескольких соображений. Во-первых, сразу напрашивающийся вариант перевода «современный» является не совсем точным, поскольку этому слову в английском языке по внутренней форме («относящийся к настоящему времени») соответствует слово *contemporary*. Между тем в книге Валлерстайна речь идет скорее не о некоей мир-системе, имеющей отношение к сегодняшнему дню, а о мир-системе с определенными характеристиками, то есть прилагательное *modern* в данном случае является не относительным, а качественным. Одна из важных идей Валлерстайна: капитализм имел начало — капитализм будет иметь и конец. Развивая эту мысль, понятно, что после капитализма капиталистическая мир-система уже не будет «современной», но останется при этом мир-системой (эпохи) Модерна.

Не следует также забывать о том, что первый том книги Валлерстайна стал важной вехой в полемике с теориями модернизации — если не сказать, гвоздем в крышку их гроба (незадолго до публикации первого тома своей книги Валлерстайн выступил с докладом с характерным названием «Модернизация: покойся с миром»). Эти теории восходили к работам американского социолога Талкотта Парсонса, которые, в свою очередь, представляли собой своеобразную интерпретацию Макса Вебера — одного из крупнейших теоретиков Модерна как социальной парадигмы. Веберовский контекст принципиален для первого тома книги Валлерстайна, что также определило наше решение фактически оставить термин *Modern* без перевода. Кроме того, мы можем сослаться на опыт украинских коллег, которые переводят заголовок *The Modern World-System* как «Модерна світ-система».

Наконец, следует прокомментировать и перевод ключевого для книги Валлерстайна термина *European world-economy* как «европейский мир-экономика». Прежде всего, с точки зрения грамматической структуры, словосочетание *world-economy* состоит из определяемого слова *world* и приложения *economy*, поэтому при переводе на русский язык адъективное определение к этому словосочетанию должно быть согласовано с определяемым словом. Поскольку в ряде дискуссий с коллегами, которые настаивали на переводе «европейская мир-экономика», данная аргументация не возымела действия,

мы апеллировали к принципу *magister dixit*, сославшись на трехтомник Фернана Броделя «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» в образцовом переводе Л.Е. Кубея, где термин «мир-экономика» определяется прилагательными в мужском роде. Учитывая то, что Валлерстайн является прямым учеником Ф. Броделя, следование уже существующей традиции перевода представляется наиболее оправданным.

Для удобства читателя в русском издании введено отсутствующее в оригинале разделение глав на подпункты, снабженные тематическими подзаголовками.

За многочисленные консультации и поддержку по перечисленным дискуссионным вопросам мы признательны профессору Нью-Йоркского университета Абу-Даби Георгию Дерлугьяну.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ИЗДАНИЮ 2010 ГОДА

- К стр. xix: * — *«развития недоразвитости»* (*“the development of underdevelopment”*) — на переводе термина *underdevelopment* как «недоразвитость» настаивал сам Андре Гундер Франк. Франк называет этим понятием то же самое явление, которое теоретики модернизации определяли как отсталость (*backwardness*). Однако если в теориях модернизации отсталость определенных стран возникает в силу неких внутренних причин и ее можно преодолеть, то, по мнению Франка, «недоразвитость» культивируется извне, со стороны тех государств, которые у Валлерстайна называются государствами центра мира-экономики.
- К стр. xxi: * — *экономисты и социологи, исповедовавшие традиционный номотетический подход к предмету своих дисциплин* — Валлерстайн намекает на известный «спор о методе» социальных наук между номотетическим (ориентированным на обнаружение универсальных законов) и идиографическим (ориентированным на описание индивидуальных, уникальных явлений) подходами. По сути дела, Валлерстайн снимает эту дилемму во введении к первому тому «Мир-системы», перенося на описание уникального объекта — мир-системы Модерна — принципы описания Вселенной, также существующей в единственном экземпляре, астрономами. В предисловии к IV тому «Мир-Системы» Модерна, вышедшему в 2010 году, Валлерстайн объявляет этот спор «устаревшим, ложным и ужасным для серьезного исследования».
- К стр. xxii: * — *«закон сравнительных преимуществ» Давида Рикардо* — Классик либеральной политэкономии Рикардо утверждал, что каждая страна должна специализироваться на производстве товаров, имеющих максимальную сравнительную эффективность, при производстве которых ее трудовые издержки сравнительно ниже, чем за границей, хотя в абсолютном измерении они могут быть иногда и несколько больше. Рикардо приводит ставший классическим пример обмена английского сукна на португальское вино, в результате которого получают выгоду обе страны, даже если абсолютные издержки производства сукна и вина в Португалии ниже, чем в Англии. В результате делается вывод, что свободная торговля ведет к специализации в производстве каждой страны, развитию производства сравнительно преимущественных товаров, увеличению выпуска продукции во всем мире, а также к росту потребления в каждой стране. Критика идей Рикардо является ключевым моментом для так называемого «другого канона» политэкономии (более подробно см. книгу Эрика Рейнерта «Как богатые страны стали богатыми и почему бедные страны остаются бедными». М., 2011).

ВВЕДЕНИЕ

- К стр. 5: * — *Я уже рассказывал об этом в других книгах* — Имеются в виду ранние работы Валлерстайна: *Africa, The Politics of Independence* (New York: Vintage Books, 1961); *The Road to Independence: Ghana and the Ivory Coast* (Paris & The Hague: Mouton, 1964); *Africa: The Politics of Unity* (New York: Random House, 1967); *Africa: Tradition & Change*, в соавторстве с Эвелин Джоунс Рич (New York: Random House, 1972).
- К стр. 6: * — *Я был определенно увлечен девелопменталистскими схемами* — Девелопментализм, или теория развития — послевоенная экономическая доктрина, утверждавшая, что страны «третьего мира» способны достичь уровня ведущих капиталистических держав путем развития внутреннего рынка. Основной идеей экономического развития провозглашался переход от «традиционного» («неразвитого») к «модерному» («развитому») обществу. В конце 1960-х годов, после провала ряда программ модернизации «третьего мира», девелопментализм стал объектом критики сначала так называемой «теории зависимости» (во главе с известным аргентинским экономистом Раулем Пребишем), а затем наследовавшей ей школы мир-системного анализа, ключевым текстом которой и является настоящая работа Валлерстайна. Представители этих направлений, в частности, утверждали непреодолимость разрыва между «развитым» и «недоразвитым» миром в рамках капиталистической системы, основанной на противопоставлении центра и периферии, и доказывали, что форсированная модернизация «третьего мира» ведет к еще большему его отставанию. Одним из первых программных документов мир-системной школы стала работа Андре Гундера Франка с характерным названием «Развитие недоразвитости» (*The Development of Underdevelopment*, 1966).
- К стр. 7: * — *Слишком перегруженной в эпициклах* — В переносном смысле под эпициклом понимается процесс, происходящий внутри другого, более масштабного. Понятие эпицикла (от греч. ἐπί — «на» и κύκλος — «круг») использовалось античным астрономом Клавдием Птолемеем, чтобы моделировать неравномерное движение Солнца, Луны и планет в рамках его геоцентрической системы мира. Согласно этой модели, всякая планета равномерно движется вокруг Земли по кругу, называемому эпициклом, центр которого, в свою очередь, движется по другому кругу, который называется деферентом. Отказ от представления попятных движений планет с помощью эпициклов, произведённый Коперником в рамках построения гелиоцентрической системы мира, стал революцией в астрономии, поскольку значительно упростил строение Солнечной системы и позволил в конечном итоге открыть закон всемирного тяготения. Таким образом, этот пассаж Валлерстайна можно трактовать и как намек на то, что его книга претендует на коперниканскую революцию в социальных науках.
- К стр. 9: * — *wie es eigentlich gewesen ist* — максима, предъявленная исторической науке немецким историком-позитивистом Леопольдом фон Ранке (1795–1886).

ГЛАВА 1

- К стр. 20 сн. 12: * — *Медебах* — небольшой ганзейский город, расположенный в современной земле Северный Рейн-Вестфалия.

- К стр. 20 сн. 12: ** — *Радольфцелль* — город на берегу Боденского озера, в окрестностях Констанца.
- К стр. 20 сн. 12: *** — *Райхенау* — остров на Боденском озере, где в 724 году был основан бенедиктинский монастырь, важнейший культурный центр южной Германии VIII–XI веков.
- К стр. 27 сн. 26: * — *в качестве судей для работников или мировых судей они контролировали распределение доступной наемной работы* — Должность мировых судей из рыцарского сословия была введена в Англии Ричардом I в 1195 году для поддержания порядка на территориях, не управляемых королем напрямую. Актом 1327 года мировые судьи назначались в каждом графстве из «добрых и сведущих в законах людей». Среди прочих функций мировые судьи имели право определять ставки заработных плат по своему графству.
- К стр. 30 сн. 42: * — *так вальдбауэр стал акерманном* — *Waldbauer* — букв. «лесной крестьянин», *Ackermann* — земледелец, букв. «полевой человек» (нем.).
- К стр. 32 сн. 47: * — *сэр Чарльз Оман датирует исторический перелом в военном искусстве только 1494 годом* — В 1494 году произошло вторжение французского короля Карла VIII в Италию, положившее начало многолетним Итальянским войнам между Валуа и Габсбургами.
- К стр. 34 сн. 52: * — *в Индии при Великих царствах* — Скорее всего, речь идет о XVII–XVIII веках, когда в Индии существовали развитая монетарная экономика и многочисленные наемные армии.
- К стр. 35: * — *три возможных объяснения частых девальваций* — Средневековые девальвации, как правило, представляли собой физическую порчу монеты с целью увеличения количества денег в обороте.
- К стр. 36: * — *в череде сражений 1212–1214 годов* — Имеются в виду следующие события. 16 июня 1212 года в битве при Лас Навас де Толоса объединенные силы Кастилии, Арагона, Наварры и Португалии под руководством Альфонса VIII Кастильского разгромили войска мусульман, что ознаменовало переход к финальному этапу Реконкисты. 27 июля 1214 года в битве при Бувине французский король Филипп II Август разгромил армию графа Фландрии и императора Оттона IV, союзников английского короля Иоанна Безземельного, после чего Иоанн отказался от всех английских владений на территории Франции к северу от Луары. Кроме того, стоит упомянуть битву у Мюре в ходе Альбигойских войн (1213), когда французы во главе с Симоном де Монфором разгромили войско графа Тулузы и Арагонского короля Педро II. Это сражение предопределило присоединение Лангедока к Франции.
- К стр. 37 сн. 61: * — В 1555 году в Аугсбурге был подписан мир между германскими протестантскими князьями и императором Карлом V, который завершил шедшую между ними с 1546 года войну и установил принцип *cuius regio eius religio* (чья власть, того и вера). Тем самым князья и вольные города, которые придерживались учения, представленного Лютером на Аугсбургском сейме 1530 года, ограждались от притеснений со стороны имперских властей. По этому договору Центральная Европа жила вплоть до начала Тридцатилетней войны в 1618 году.

Алжирское регентство (первоначально военная колония) основано братьями Барбаросса в 1516 году, в XVI веке в целях защиты от испанцев становится частью Османской империи, в XVII веке превратившись

фактически в независимое государство во главе с выборным правителем — деом. *Фердинанд I* Медичи (1549–1609) — великий герцог *Тосканы* (с 1587 года), при котором Тоскана достигает наивысшего расцвета.

- К стр. 40 сн. 75: * — *поражающие как заболонь деревьев, так и человеческую плоть* — Английский вариант данного пассажа в переводе Валлерстайна аналогичен русскому переводу Л. Е. Куббеля. Судя по всему, Бродель фигурально описывает тяготы голода, заставлявшие людей обдирать кору деревьев и чреватые необратимыми последствиями для здоровья.
- К стр. 50 сн. 100: * — *Антонио да Ноли*, или Антонио Усодимаре (1415–1497 или 1419–1491), родился в патрицианской семье в республике Ноли в западной Лигурии, после изгнания нашел пристанище в Португалии, в ведомстве принца Энрике (Генриха) Мореплавателя. Был одним из первооткрывателей островов Зеленого мыса в начале 1460-х годов.
- К стр. 51: * — *«райские зерна» (Atotim melegueta)* — Перец малагетта (гвинейский перец, или кардамон африканский) — пряность семейства имбирных западноафриканского происхождения, используемая как афродизиак и в производстве алкогольных напитков.
- К стр. 51: ** — *хиппокрас* — Известный начиная с позднего Средневековья сорт красного вина, ароматизированный корицей, имбирем и малагеттой.
- К стр. 51 сн. 106: *** — *Берегом пряностей*, или Перечным берегом, именовалось побережье Гвинеи к западу от Золотого берега, располагавшееся на территории современных Либерии, Сьерра-Леоне и Кот д’Ивуара.
- К стр. 53 сн. 115: * — *французской Chambre des Compte* — Счетная палата Франции основана в 1256 году, осуществляла финансовое администрирование и управляла королевским доменом.
- К стр. 54 сн. 116: * — *прямую связь между жестокой социальной борьбой в Португалии (1383–1385) и экспедицией в Сеуту в 1415 году* — Речь идет о династическом кризисе в Португалии после смерти короля Фернанду I из Бургундской династии, не оставившего мужского потомства (1383). Претендентом на португальское наследство была Кастилия в лице ее короля Жуана I, зятя Фернанду I. Против Кастилии выступили национальные силы во главе с незаконным братом Фернанду I, принцем Жуаном Ависским, заключившим союз с Англией. В 1385 году Жуан Ависский стал королем под именем Жуана I и при поддержке англичан одержал сокрушительную победу над кастильцами в сражении при Альжубаротте. В 1415 году четвертый сын Жуана Энрике (позднее известный как Генрих Мореплаватель) участвовал в экспедиции по захвату порта Сеута в Марокко, бывшего в то время «ключом к Средиземноморью», что обеспечило Португалии плацдарм для дальнейшей атлантической экспансии.
- К стр. 55 сн. 118: * — *В 1381 году Португалия за четыре столетия до Франции стала свидетельницей первой буржуазной революции* — Не совсем понятно, о каком событии 1381 года идет речь. В качестве буржуазной революции можно рассматривать португало-кастильскую войну 1383–1385 годов (см. сноску 116), в которой будущий король Жуан I опирался в том числе на зажиточные городские слои. Возможно, это опечатка, и правильной датой должен быть 1385 год, когда кортесы в Коимбре избрали Жуана королем.
- К стр. 55: ** — *Наличие свободного пространства было одним из основных факторов, ставивших крестьянство в сильную позицию относительно знати* — т.е. благодаря избытку земель и нехватке рабочих рук у крестьян

всегда была возможность ответить на усиление эксплуатации бегством на другие земли.

К стр. 56: * — *религиозный энтузиазм как форму рационализации* — В данном случае известный термин Макса Вебера употребляется в смысле культурной рационализации, то есть создания системы непротиворечивых общественных ценностей и норм.

К стр. 63 сн. 145: * — *разыскать императорских предков и императорского племянника* — Экспедиции Чжэн Хэ осуществлялись в период правления Чжу Ди (1403–1424) — третьего императора династии Мин. Чжу Ди захватил престол, свергнув своего племянника Чжу Юньвэня, который, по слухам, исчез при штурме Нанкина, переодевшись монахом.

К стр. 64: * — *вако* — японские пираты, атаковавшие в XIII–XVII веках побережья Кореи, Китая и стран Юго-Восточной Азии. Наибольшего размаха деятельность вако достигла в период между 1520 и 1570 годами, когда их набеги опустошили все побережье центрального и южного Китая. В этот период большинство сил вако составляли китайские контрабандисты и пираты, недовольные политикой запрета морской торговли с иностранцами, которую проводило правительство империи Мин. Активность вако резко пошла на спад после 1570 года в связи отменой Китаем запрета на морскую торговлю (1567), развитием торговли с португальцами в Макао и испанцами в Маниле.

К стр. 65 сн. 151: * — *Ёсимицу* — третий сёгун дома Асикага (годы жизни: 1358–1408). Вступил на престол в 1368 году, в 1394 году передал титул сыну Ёсимоти и постригся в монахи, но при этом сохранял бразды правления. Основным достижением Ёсимицу стало прекращение многолетней феодальной войны Нанбоку-чэ и подчинение региональных феодалов центральной власти.

К стр. 68: * — *приобретение папских чинов и пребенд времен сейченко* — т.е. в XVII веке (ит.). «Середина и вторая половина XVII века стала в Риме порою расцвета аристократии... Государство здесь рассматривалось всеми, от самого мелкого чиновника вплоть до папы, в первую очередь как возможность обогащения. Снова распространились подкупы и взяточничество; злоупотребления имели место и в правосудии. По сути дела, начиная с этого времени, мы можем говорить об общем упадке Церковного государства» (Гергей, Е. История папства. М., Республика, 1996, 268).

К стр. 68: ** — *Noblesse de Robe* — «Дворянство мантии» — название части французского дворянства конца XVI–XVIII веков, образовавшейся из лиц юридической профессии, в отличие от родовой знати рыцарского происхождения — *noblesse d'épée* («дворянства шпаги»). В период Фронды (1640–1650-е годы) «дворяне мантии» добились права наследственной передачи титула, что, однако, не дало им ключевых позиций в государственном управлении, так как Ришелье, Мазарини и Кольбер в ответ создали параллельную структуру управления во главе с интендантами в центре и на местах, неподконтрольную покупателям наследственных должностей. Подробнее см. в гл. 5.

К стр. 71: * — *Ван Янмин* (Ван Шоужэнь) (1472–1529) — крупнейший китайский философ-неоконфуцианец эпохи Мин.

К стр. 72: * — *Чжу Си* (1130–1200) — основатель и крупнейший представитель неоконфуцианства, чья доктрина стала официальной идеологией Китайского государства в эпоху империй Мин и Цин.

ГЛАВА 2

- К стр. 77: * — *этатизм (statism)* — в английском языке понятие statism в некотором смысле более узкое, чем русский термин «этатизм», и означает в первую очередь контроль государства над экономикой.
- К стр. 78: * — *Новая Испания* — испанская колония в Северной Америке (1535–1821), в состав которой входили территории современных Мексики, юго-западных штатов США и Флориды, Гватемалы, Белиза, Никарагуа, Сальвадора, Коста-Рики, Кубы, а также Филиппины и различные острова в Тихом океане и Карибском море. Столица располагалась в Мехико.
- К стр. 78: ** — *Терраферма* — собирательное название части южноамериканского материка к северу от Амазонки, т.е. территории современных Венесуэлы, Колумбии, Суринама, Гайаны и Гвианы; кроме того, название Терраферма (букв. «твердая почва») обозначает континентальные владения Венеции.
- К стр. 79: * — *либо же Россия лишь на короткий срок оказалась не более чем его косвенным участником* — О регионах, не входивших в европейский мир-экономику, в том числе о России, см. ниже, гл. 6.
- К стр. 80: * — *Торговой палаты Севильи* — Торговая палата Севильи, или La Casa de Contratación (La Casa y Audiencia de Indias) — правительственное агентство, учрежденное в 1503 году для управления колониальной торговлей Испании. До 1717 года располагалось в Севилье, затем в Кадисе вплоть до упразднения в 1790 году.
- К стр. 81: * — *Постумус* — небольшой университетский городок в провинции Гронинген.
- К стр. 82: * — $PQ=MV$ — Уравнение Фишера является краеугольным камнем монетаризма. Теория Фишера была подвергнута критике еще Кейнсом и Шумпетером, которым в определенном смысле наследуют Валлерстайн и другие представители школы мир-системного анализа. В последующем изложении Валлерстайн очевидно отдает предпочтение кейнсианским гипотезам, объясняющим «Революцию цен» XVI века (инфляция как неизбежное следствие и локомотив экономического роста).
- К стр. 84: * — *биллионистская теория* — экономическая теория, трактующая богатство как имеющееся в наличии количество драгоценных металлов.
- К стр. 84: ** — *тезаурация* — накопление денежных средств в виде драгоценных металлов.
- К стр. 90: * — *открывшийся доступ к получению сверхприбылей обеспечивал стимулы для лихорадочной реализации капиталистических начинаний* — В данном случае Хэмилтон обосновывает «лихорадочное» развитие капитализма исходя из постулата классической политической экономии, согласно которому распределение доходов делится на три компонента: а) фонд оплаты труда и другие доходы домохозяйств, б) ренты, в) предпринимательская прибыль. См. тж. цитату ниже в основном тексте.
- К стр. 90: ** — *цены на готовые («вторичные») продукты питания... росли в меньшей степени, чем цены на зерно* — Стоит напомнить тот фрагмент из введения, где Валлерстайн говорит, что замысел его книги появился еще в то время, когда он находился под влиянием «девелопменталистских схем». Различение «первичной» (сырьевой) и «вторичной» (обрабатывающей)

экономики ведет свое происхождение именно из этой парадигмы. Срв. резюме этого подхода в статье Рэндалла Коллинза 2009 года «Технологическое замещение и кризисы капитализма: выходы и тупики»: «Теория развития (девелопментализм), сформулированная в середине XX века, полагает, что естественной тенденцией развития экономики является движение через стадии первичного, вторичного и третичного трудового секторов, т.е. добывающей, обрабатывающей и административной (сервисной) деятельности. Однако данная теория была лишь эмпирическим обобщением на материале отдельного отрезка истории, так что нет гарантий, что этот процесс будет продолжаться вечно».

К стр. 101: * — *новая разновидность аграрных производителей* — «йомены» — Подробно об английских йоменах см. главу 5. Вне английского контекста Валлерстайн использует этот термин для обозначения мелких независимых производителей, занимавшихся капиталистическим сельским хозяйством. Аналогичным образом он распространяет термин «джентри» на представителей среднего уровня капиталистического сельского хозяйства, в том числе польскую шляхту, российское дворянство конца XVI–XVII веков и т.д., однако в таких случаях при переводе он в основном заменялся на терминологию, соответствующую той стране, о которой идет речь.

К стр. 103 сн. 69: * — *технологии патио* — В отечественной литературе данный процесс именуется амальгамацией (амальгамированием), впервые его использовал Бартоломе де Медина в мексиканских рудниках Пачука-Реал дель Монте (1557). Название «патио» связано с тем, что ингредиенты процесса раскладывались на открытом огороженном пространстве, куда для их перемешивания запускались лошади. Благодаря открытию этой технологии удалось разрешить кризис в добыче серебра, поскольку к середине XVI века были практически истощены запасы руды с высоким содержанием серебра, которое можно было выплавлять напрямую, а также исчерпались возможности прямого грабежа индейцев.

К стр. 104 сн. 70: * — *Хамфри Гилберт, Уолтер Рэли и Ричард Гренвилл* — Сэр Хамфри Гилберт (1539–1583) — английский путешественник, военный и государственный деятель, участник колонизации Ирландии и Северной Америки, погиб в кораблекрушении у берегов Азорских островов. Сэр Уолтер Рэли (1552/1554–1618) — знаменитый английский государственный деятель, путешественник и поэт, сводный брат Хамфри Гилберта. В 1584 году исследовал земли вдоль реки Роанок в Северной Америке и назвал их Виргинией в честь «королевы-девушечницы» Елизаветы I. После ее смерти пытался совершить государственный переворот, был приговорен к смертной казни, но в дальнейшем отпущен на свободу. Последняя экспедиция Рэли в поисках легендарного Эльдорадо кончилась неудачей, за что он был казнен по приказу короля Иакова I. Ричард Гренвилл (1542–1591) — английский мореплаватель, один из самых известных авантюристов елизаветинской эпохи, двоюродный брат Уолтера Рэли, по его плану было совершено второе кругосветное плавание Фрэнсиса Дрейка. Погиб в неравном бою с испанской эскадрой. Стоит отметить, что первоначально владения англичан в Ирландии, розданные при Елизавете I и Иакове I, а также ряд колоний в Америке были основаны ровно на таком же феодальном пожаловании за службу, как энкомьенды в Испанской Америке и донатариум в Бразилии (см. ниже).

- К стр. 105 сн. 75: * — *Баия* — основанная в 1500 году колония португальцев на атлантическом побережье Южной Америки, ныне один из 26 штатов Бразилии.
- К стр. 105: ** — *коренного населения, которое к тому же стремительно вымирало* — В целом в современной науке не разделяется представление о вымирании 90% индейского населения Мексики и Перу (в отличие от Карибских островов и Бразилии), поскольку ранее для этих стран явно имела место резкая переоценка изначальной численности населения перед приходом испанцев, хотя сам факт массового вымирания индейцев в этих областях неоспорим. Кроме того, Валлерстайн обходит стороной вопрос о системе временной принудительной вербовки индейцев на крупнейшие в Испанской Америке серебряные рудники Потоси в Перу.
- К стр. 106: * — *энкомьенда* — форма эксплуатации индейского населения в испанских колониях в Америке, введенная в 1503 году. Изначально энкомьенда (исп. *encomienda* — попечение, защита, покровительство) предполагала ряд мер по обращению индейцев в христианство и приобщению их к европейской культуре, однако на деле она почти повсеместно естественным образом выродилась в крепостное право. Индейцы, номинально считавшиеся свободными, передавались на «попечение» испанским колонизаторам — энкомендерос, которым они были обязаны платить оброк (одеждой, золотом, продовольствием), а также принудительно работать в рудниках и в имениях энкомендерос. В XVII–XVIII веках энкомьенда существовала наряду с другими формами колониальной эксплуатации (например, пеонажем). Официально энкомьенда отменялась королевскими указами 1718–91 годов, однако в большей части испанских колоний она сохранялась до начала XIX века.
- К стр. 108 сн. 81: * — *Koppelwirtschaft u Schlagwirtschaft* — немецкие названия технологий севооборота, при которых поле сначала используется для выращивания зерновых культур, а затем несколько лет стоит под паром в качестве луга или пастбища.
- К стр. 110 сн. 91: * — *индейскими держателями энкомьенды* — Под «индейскими держателями энкомьенды», надо полагать, имеются в виду племенные вожди, в равной степени заинтересованные в распространении такой формы принудительной организации труда (см. ниже в основном тексте).
- К стр. 110: ** — *куатекиль в Новой Испании и мита в Перу* — Куатекиль (или репарти-мьенто, букв. «повинность») — введенная с начала XVII века трудовая повинность индейцев, которая предусматривала выделение определенного числа мужчин в возрасте от 15 до 60 лет для работы на рудниках, промышленных предприятиях и плантациях, ухода за скотом, строительства зданий, мостов, дорог и т.д. Мита (на языке кечуа — обязательная очерёдность) — форма принудительного труда в сельских общинах империи инков, а затем в испанских колониях в Америке, при которой выделение людей на общественные работы продолжительностью до 300 дней в году производилось с помощью жеребьевки.
- К стр. 110: *** — *донатарии* — Крупнейшие земельные собственники в Бразилии (буквально — человек, что-либо получивший в дар), получившие в наследственное владение от короны огромные земельные угодья — капитанства. В пределах своего капитанства донатарии обладали широкими административными и юридическими полномочиями (могли организовывать собственную администрацию, учреждать суды, обращать в рабство индейцев, живущих на этой территории). См. тж. гл. 6 сн. 170 и примеч. к ней.

- К стр. 112 сн. 97: * — «*Tasa de Santilyan*» — Декрет, известный как «Таса де Сантильян» («Сантильянский процент»), регулировал долю коренного населения, используемого в общественных работах в Королевстве Чили. Автором этого документа был юрист Эрнандо де Сантильян (отсюда название). Вместо податной системы «репартимьенто» этим декретом вводилась очередность в выполнении работ (один от шести индейцев для работы в рудниках, один от пяти для сельхозработ), а контроль за предоставлением рабочей силы возлагался на племенных вождей.
- К стр. 112 сн. 98: ** — *Некоторые территории Восточной Европы в средние века вообще не имели феодальной системы* — То же самое можно утверждать и в отношении домонгольской России, поскольку сам факт наличия в Древней Руси феодальных отношений весьма спорен.
- К стр. 113 сн. 100: * — *Получатель ренты (Grundsherr) стал прямым производителем (Gutsherr)* — Оба немецких термина обозначают помещика, крупного землевладельца, но в первом случае внутренняя форма слова — «хозяин земли», а во втором — «хозяин товаров». См. более подробно в: Бродель. Материальная цивилизация, т. 2, с. 262: «Барщина была громадным двигателем на службе того, что немецкие историки называют „поместным владением“ (Gutscherrschaft) в противоположность традиционному сеньориальному Grundherrschaft — „земельному владению“».
- К стр. 114 сн. 109: * — *Тресковский мыс*, или Кейп Код — полуостров на северо-востоке США в 120 км от Бостона, самая восточная точка штата Массачусетс.
- К стр. 118 сн. 121: * — *в Новую Гранаду для рудников Антиохии и сельскохозяйственных работ в регионе Рио Каука* — Новая Гранада — испанское вице-королевство в Южной Америке, включавшее в себя территории современных Колумбии, Венесуэлы, Панамы и Эквадора. Начало освоения этих территорий испанцами относится к 1514 году. Антиохия — горная область в западной части Колумбии, столица — город Медельин. Рио Каука — самый большой приток реки Магдалена в Колумбии; берет начало в Восточных Кордильерах, образует на протяжении 177 км многочисленные водопады и становится у Антиохии судоходной.
- К стр. 119 сн. 122: * — *аудиенсии* — Название верховных судебных органов в Испанской Америке.
- К стр. 122 сн. 129: * — *Mésta* (исп. *Mesta, Honrado Concejo de la Mesta*) — объединение дворян-овцеводов в Кастилии XIII — XIX веков, обладавшее привилегиями при перегоне своих стад по территории страны осенью с севера на юг, а весной обратно. При этом земледельцам было запрещено возводить изгороди и овцы уничтожали посевы. Подробно о деятельности Месты см. в главе 4 и в «Средиземноморье» Броделя (I, 104–108).
- К стр. 123: * — *Меццадрия (mezzadria)* — характерный для Италии (прежде всего для Тосканы) эпохи позднего Средневековья «институт, основанный на отношениях между живущим в городе господином, связанным с сельской местностью только своими владениями, и сидящими на его земле арендаторами» (М. Вебер, *Плебейский город*, § 4). Возник взамен вотчинного устройства в результате массового захвата и приобретения феодальных земель горожанами. Землевладелец делил свое имение на мелкие части и в качестве арендной платы требовал от фермеров половину урожая.
- К стр. 123: ** — *Фашеру (fâcherie)* — наименование аналогичной системы в средневековом Провансе.

- К стр. 123: *** — *Метейаж (métayage)* — система раздела продукции между землевладельцем и арендатором, возникшая еще в эпоху Римской империи и вошедшая в активное употребление во Франции после Черной чумы середины XIV века; просуществовала до XVIII века.
- К стр. 126: * — *право фригольда* — Фригольд (англ. freehold, калька с позднелатинского *liberum tenementum*) — наименование различных «свободных» форм личного или наследственного землевладения (держания) в средневековой Англии. Английское общее право включало в понятие фригольда рыцарское держание на условии несения воинской службы, крестьянское и городское держание на условии выплаты ренты, а также церковное держание. В данном случае под фригольдом Валлерстайн подразумевает свободное крестьянское владение внутри манора. Для крестьян-фригольдеров были характерны личная свобода, фиксированность ренты, право свободного завещания, раздела и отчуждения держания, а также право защиты в королевских судах. Эти особенности в сочетании со сравнительно низкой рентой уже в конце XII века приближали наиболее зажиточную часть крестьян-фригольдеров к положению мелких собственников земли.
- К стр. 130 сн. 152: * — *в 1557 году для английских тканей резко сократился иностранный рынок* — В 1557 году Испания и Франция объявили о своем банкротстве, что символизировало конец первого периода «долгого шестнадцатого века». В 1558 году, после смерти «католической королевы» Марии Тюдор, жены испанского короля Филиппа II, и вступления на престол ее сестры Елизаветы Англия вступила в конфронтацию с Испанией, что также способствовало сокращению внешних рынков для английской продукции.
- К стр. 132 сн. 157: * — *для нужд копигольдеров* — В отличие от фригольда (см. выше), копигольд (англ. copyhold) представлял собой форму аренды земли безземельными крестьянами и возник на рубеже XIV-XV веков в ходе разложения феодализма. Допуск к держанию копигольда крестьяне получали обычно в манориальной курии, где после уплаты вступительного денежного взноса (файна) и принесения присяги лендлорду копигольдеру выдавалась «копия» (отсюда название) — выписка из протокола, фиксировавшего размеры ренты и участка, а также срок держания (в большинстве случаев копигольд не был наследственным). В отличие от фригольдеров, до начала XVI века копигольдеры не имели правовой защиты со стороны судов общего права и несли значительные повинности в пользу лендлорда.
- К стр. 132 сн. 158: ** — *Фенланд* — Обширная низменность в восточной части Англии (графства Линкольншир, Кембриджшир, Норфолк и частично Саффолк), основной регион английского овощеводства и выращивания зерновых.
- К стр. 133 сн. 160: * — *В Корнуолле и Девоне, Кумберлэнде, Вестморлэнде и Нортумберлэнде* — Перечислены периферийные графства Англии, расположенные на окраинах с значительным кельтским субстратом — Кумберлэнд, Нортумберлэнд и Вестморлэнд на границе с Шотландией, Корнуолл и Девоншир на крайнем юго-западе Британии.
- К стр. 138: * — *Англия двинулась в сторону создания системы наемного труда и последовательного освобождения крестьян* — О том, что этот процесс, по существу, проходил в Англии по тому же сценарию, что и во Франции (т.е. крестьяне получали свободу за выкуп), см. главу 5.

- К стр. 141 сн. 184: * — *Karl Marx, Pre-capitalist Economic Formations* — Оригинальное название этой работы Маркса — *Formen der Kapitalistischen Produktion vorhergehen*, или «Способы производства, предшествующие капитализму» (сокращенно — *Formen*). Текст впервые опубликован на языке оригинала в Москве в 1939–1941 годах в составе книги «Основания критики политической экономии» (*Grundrisse der Kritik der Politischen Ökonomie*) — чернового варианта «Капитала» (1858–1859). В 1953 году этот труд вышел в Берлине, затем был переведен и издан в других странах. Как писал в 1964 году английский историк Эрик Хобсбаум в предисловии к изданию, которое цитирует Валлерстайн, «можно с уверенностью заявить, что всякое марксистское исследование, проведенное без учета этого труда, то есть практически любое исследование, проведенное до 1941 года, должно быть подвергнуто пересмотру в свете *Formen*». На русском языке эта работа обычно публикуется в составе «Экономических рукописей 1857–1861 годов».
- К стр. 143 сн. 193: * — *Лузация* — историческая область в Восточной Германии, вытянутая в направлении с юго-востока на северо-запад между Чехией, дрезденским округом Саксонии и прусскими провинциями Бранденбургом и Силезией; получила свое название от исходно обитавшего здесь славянского племени лужичан.
- К стр. 147 сн. 199: * — *Сан-Томе* — Острова Сан-Томе и Принсипи в Гвинейском заливе были открыты португальскими мореплавателями между 1469 и 1471 годами. Первое поселение на острове Сан-Томе основано в 1493 году португальцем Алвару Каминья, который получил эту землю в качестве дара от португальской короны. Подобным же образом в 1500 году был заселён остров Принсипи. К середине XVI века при помощи рабского труда португальцы превратили эти острова в крупнейшего поставщика сахара на европейские рынки. Однако через 100 лет производство сахара переместилось в Бразилию, и к середине XVII века Сан-Томе представлял собой лишь порт для временной стоянки судов — этот эпизод полностью вписывается в приведенную выше модель миграции производства сахара из Европы в Америку с промежуточной остановкой на островах Атлантики.

ГЛАВА 3

- К стр. 160: * — *из целей, на которые они направлялись* — логика Шумпетера такова: займы, которые правители получали от частных предпринимателей, чаще всего шли на финансирование войн, наносивших ущерб хозяйству, поэтому развитие кредитных механизмов в данном случае нельзя считать положительным явлением.
- К стр. 165 сн. 18: * — *после войны за Австрийское наследство* — Война за Австрийское наследство (1742–1748) кончилась для Франции потерей Австрийских Нидерландов и захваченных у Великобритании колониальных владений. В момент заключения мира и позднее страной фактически управляла придворная клика во главе с маркизой де Помпадур.
- К стр. 165: ** — *без передачи кредитору отдельной части своих доходов* — Речь идет о повсеместной практике правителей передавать своим кредиторам налоговые поступления от определенных областей их владений либо

предоставлять исключительные права на разработку месторождений полезных ископаемых. В частности, на этом механизме был основан капитал Футтеров.

К стр. 168 сн. 28: * — «Где мои швейцарцы?» — “Where are my Switzers?” Фраза из «Гамлета», акт 3, сцена 1. Король Клавдий произносит эти слова, когда против него начинается народный мятеж и к столице приближается неприятельское войско. С точки зрения времени действия пьесы (раннее Средневековье) эта реплика, разумеется, является анахронизмом.

К стр. 169: * — *Если бы... швейцарцы по-прежнему, как и за 50 лет до этого, были революционной силой* — В результате Бургундских войн 1474–1477 годов Швейцарии при поддержке Франции удалось обрести независимость от коалиции Австрии и Бургундии. Итоговым сражением этих войн стала битва при Нанси (1477), исход которой предreshила швейцарская пехота. Альфиери, упоминаемый в цитате из Кирнана, — это, очевидно итальянский поэт и драматург Витторио Альфиери, граф де Кортемилья (1749–1803), автор цикла «трагедий свободы», чье творчество тесно связано с идеями Великой Французской революции.

К стр. 180 сн. 66: * — *банкротство Барди и Перуцци* — Крупнейшие банкирские дома Флоренции первой половины XIV века, обслуживавшие ведущих политических игроков эпохи, что и стало причиной их краха. В 1339 году английский король Эдуард III объявил о прекращении выплат по займу в 1,5 миллиона флоринов, сделанному у флорентийцев на ведение войны с Францией. Это спровоцировало изъятие из банков Барди и Перуцци денег более мелкими вкладчиками, в результате чего дом Перуцци обанкротился в 1343 году, а дом Барди в 1346 году.

К стр. 182 сн. 73: * — *Товарищество купцов-экспортеров шерсти* — В 1314 году английская корона установила правило, согласно которому вся экспортируемая шерсть в целях оптимизации мониторинга торговли и налогообложения должна продаваться на одном «главном» рынке (англ. staple, в современном английском это слово имеет большой спектр значений: «сырье», «главный продукт», «важнейший рынок», «ярмарочный город»). Первоначально этот рынок располагался в Брюгге и Антверпене, а затем, начиная с 1363 года, в Кале, захваченном у французов в 1347 году. В это же время происходит объединение 26 трейдеров в Компанию ярмарки в Кале (Company of the Staple at Calais), которая получает монопольное право на экспорт шерсти из Англии и становится одним из крупнейших налогоплательщиков, а также организатором обороны Кале от французов. В 1558 году, после утраты этого порта, ярмарка вновь перемещается в Брюгге, а влияние компании уменьшается в связи со смещением акцента на экспорт готовых английских тканей. В 1614 году экспорт шерсти был запрещен законопроектом Уильяма Кокейна (см. главу 5), и компания осталась игроком лишь на внутреннем рынке шерсти. В настоящее время компания существует в качестве клуба в Йоркшире и благотворительного общества.

К стр. 185 сн. 77: * — *«бедных белых» в Южной Африке* — К этой группе населения ЮАР относятся потомки голландских переселенцев (буров). Несмотря на политику апартеида, в годы Великой Депрессии численность «бедных белых», по официальной оценке, выросла с 10 000 человек в 1895 году до 535 000 человек в 1936 году.

К стр. 187: * — *викариатным клиром* — имеются в виду епископы, не имевшие собственных епархий, которые выполняли вспомогательные функции при архиереях.

К стр. 189 сн. 86: * — *антитринитаризм* — течение в христианстве, основанное на вере в Единого Бога, всепроницающего и представляющего собой высший разум, и отвергающее триединство Бога, божественное происхождение Христа и его искупительную жертву, а соответственно, и учение о первородном грехе. В эпоху Реформации распространился в Италии и параллельно (в середине XVI века) — в России. Преследуемые сторонники антитринитаризма, эмигрируя в Германию и Литву, встречаются в Польше, где оформляются многочисленные и имеющие тенденцию к сближению различные направления движения. Среди них наиболее известны «польские братья», отколовшиеся от кальвинизма, и приверженцы учения С. Будного, чьи антитринитаристские взгляды были аргументированы в «Кратком доказательстве того, что Христос не есть тот же самый Бог, что и Отец» (1574), послужившем средством организационного оформления доктрины. Антитринитаризм равно преследовался как ортодоксальным католичеством, так и протестантизмом: в 1553 году по приказу Жана Кальвина за антитринитарные взгляды был сожжен швейцарский проповедник Мигель Серветт; в Англии закон 1689 года «О веротерпимости» не распространялся на антитринитариев, а закон об их смертной казни был отменен лишь в 1813 году.

К стр. 189: ** — *Контрреформация была направлена не просто на протестантизм, а вообще на все различные силы гуманизма, которые мы ассоциируем с Ренессансом* — Можно расширить аргументацию Валлерстайна в область социологии философских идей. В протестантских странах имели возможность работать такие разноплановые мыслители, как Декарт, Спиноза, Ньютон, Лейбниц, Сведенборг, Бёме и, в конечном итоге, все представители классической немецкой философии, что, безусловно, было знаком того, что протестантизм был своего рода вариантом «протестного голосования» для всех, кто не ассоциировал себя с католической доктриной. Отдельного исследования в связи с судьбой польского протестантизма заслуживает учение Николая Коперника.

К стр. 189: *** — *Рим отлучил от церкви венецианский сенат* — Интердикт, объявленный Венеции, был одним из первых эпизодов понтификата Павла V (Камилло Боргезе) — папы, чье правление (1605–1621) ассоциируется с расцветом Контрреформации; в частности, он инициировал процесс против Галилея. Конфликт с Венецией, разрешенный при посредничестве французского короля Генриха IV, был последним в истории случае, когда папа налагал интердикт на суверенное государство.

К стр. 190: * — *системы «адьюдикации»* (от лат. *adjudicatio* — присуждение) — передача собственности или утверждение какого-либо другого вещного права посредством судебного решения в случае раздела общей собственности. В результате адьюдикации судья предоставляет исключительную собственность над общим прежде имуществом одному из совладельцев, обязав его за это вознаградить остальных. Кроме того, под адьюдикацией может пониматься присуждение вещи (в том числе имущества банкрота), продаваемой с публичного торга, тому, кто больше всех за нее предлагает.

- К стр. 194 сн. 103: * — *статут ордена Сантьяго* — Имеется в виду орден св. Иакова Компостельского, созданный около 1160 года в честь небесного покровителя Испании. В сравнении с прочими военными орденами имел менее жесткий устав, в том числе существенная часть членов ордена могла вступать в законный брак. Орден был крупным «хозяйствующим субъектом»: в период его расцвета только в Испании он владел 83 командорствами, двумя городами, 178 деревнями, пятью монастырями и мог выставить в поле 400 рыцарей и тысячу пехотинцев.
- К стр. 196 сн. 109: * — *елизаветинские Королевские рудники* — Общество Королевских рудников (The Society of Mines Royal) — компания, учрежденная королевской хартией 1568 года. До 1690 года обладала монополией на добычу металлов в ряде графств Англии и Уэльса.

ГЛАВА 4

- К стр. 203: * — *первоклассная дорожная система обеспечивала сравнительно легкую связь центра и периферии страны* — Относительно дорожной системы Испании существуют разные мнения. Например, Пьер Шоню в своей «Цивилизации классической Европы» (Екатеринбург, У-Фактория; Москва, АСТ, 2004) дает совсем не блестящую картину испанских путей сообщения вплоть до второй половины XVIII века. Вот лишь несколько цитат: «Речь идет не столько об изыскании земель в Испании, еще не вполне восстановившей уровень 1590 года, сколько о заполнении внутренней пустоты, разрывающей сообщение Кастилии с Андалусией, зимой отдаляющей на пятнадцать бесполезных дней Кадис, а значит, Америку от Мадрида» (с. 263); «Вдоль старого труднопроходимого пути, — пишет Марсель Дефурно, — существовало лишь несколько постоянных дворов (ventas), содержатели которых зачастую были причастны к скупке краденого, к действиям разбойников, не дававших покоя округе, грабивших, а иногда и убивавших путешественников, о чем напоминали многочисленные кресты, возводимые по обочинам дороги» (с. 263); «Между Мадридом и Версалем почта шла около 15 дней. Кадис-Мадрид, еще треть маршрута, удвоение времени пути. Потому что надо было ждать почту и не бояться безлюдья Сьерра-Морены. Мы рассортировали тысячи и тысячи депеш, проделавших этот путь. Между Парижем и Кадисом рекордное время составило порядка трех недель, долгие сроки без особых препятствий (исключая войну) слегка превышали 2 месяца на относительно коротком маршруте в 1500 км по прямой между крупнейшим городом континентальной Европы и крупнейшим портом» (с. 268); «Выборка была сделана за столетие. Между серединой XVII и серединой XVIII века никакого прогресса. Абсолютно ничего, ничего вплоть до „королевской мостовой“ и заселения Сьерра-Морены» (с. 268); «расстояние Париж-Кадис — 2 расстояния Париж-Мадрид» (с. 269).
- К стр. 205 сн. 16: * — *Сан-Жорже-да-Мина* — Крепость на территории современной Ганы (ныне г. Эльмина), крупнейший опорный пункт португальцев на Гвинейском побережье, ныне — старейший памятник присутствия европейцев в Экваториальной Африке.
- К стр. 205 сн. 17: ** — *Аргуин* — Остров у берегов нынешней Мавритании, в 1455 году здесь была построена португальская крепость, через которую экспортировалось суданское золото.

- К стр. 206: * — *Мараведи* — золотая монета, чеканившаяся в Испании и Португалии в 1112–1223 годах; в XIV–XV веках из-за упомянутых в предшествующем изложении многочисленных девальваций чеканился только так называемый биллонный (т.е. из низкопробного серебра) мараведи, а золотой мараведи стал денежно-счетной единицей.
- К стр. 206 сн. 17: ** — *Уардане* — Ныне Айт-Уардане, город в горной части Марокко, в 100 км к северо-востоку от Марракеша.
- К стр. 206 сн. 18: *** — *Дженне* — торговый город в пойме реки Нигер (ныне на территории Мали). Возник в XIII веке на торговом пути через Сахару как место обмена товаров (в первую очередь соли) между суданскими купцами-мусульманами и жителями тропических лесов Гвинеи. Основатель Сонгайской империи Сонни Али взял его после семилетней осады в 1473 году, и в его государстве Дженне стал вторым по значению культурным и торговым центром после Тимбукту.
- К стр. 206 сн. 18: **** — *Тарих ас-Судан* («История Судана») — книга африканского историка ас-Саади (1596–1656), содержащая богатый материал по истории государства Сонгаи.
- К стр. 207 сн. 24: * — *неудачная попытка завоевания арауканского Чили* — В 1535 году на территорию Чили вторглись испанские конкистадоры во главе с Диего де Альмагро. Они продвинулись до реки Мауле, но, встретив сопротивление арауканов, вернулись обратно. В 1540 году конкистадоры под руководством Педро де Вальдивии покорили северные районы Чили, а к 1544 году ими была завоевана вся северная часть центрального Чили. На захваченных землях испанцы основали ряд городов, в том числе существующие поныне Вальпараисо, Сантьяго, Ла-Серена, Консепсьон. Стремясь установить господство над остальной территорией Чили, Вальдивия предпринял новый поход в январе 1550 года из Сантьяго на юг, к реке Био-Био, но жившие южнее реки арауканы оказали сопротивление завоевателям. В 1553 году индейцы во главе с Лаутаро разгромили отряд Вальдивии и вынудили испанцев признать реку Био-Био в качестве границы между территорией арауканов и испанскими владениями.
- К стр. 207 сн. 24: ** — *участь экономических систем, способных лишь к непосредственному производству своих богатств* — Похоже, что Шоню имеет в виду следующее. Для обеспечения рентабельности торговли с Америкой требовались большие поставки оттуда ценного для Европы сырья. Но, раз сформировавшись, такая экономическая система, основанная на экспорте сырья, сделала невозможной альтернативный путь экономического развития американских колоний.
- К стр. 208: * — *его европейские владения включали такие разнообразные и не связанные между собой территории, как... Богемия, Венгрия... Милан* — эти территории вошли в состав империи Карла уже после 1519 года: Богемия и Венгрия перешли под власть Габсбургов в 1526 году, Миланское герцогство в 1535 году.
- К стр. 208 сн. 29: ** — *упорной работой легистов* — Легисты приобрели особое значение во Французском государстве начиная с XIII века, в том числе они выдвинули упомянутую выше принципиальную для французской монархии формулу «Король является императором в своем королевстве», во многом определявшую динамику конфликта Франции с империей Карла V.

- К стр. 210 сн. 35: * — *Синьория* — Режим синьории (т.е. пожизненной, а затем наследственной диктатуры) был установлен в Милане архиепископом Оттоном Висконти в 1277 году, хотя его наследники носили лишь титул подеста (глава администрации). В XIV веке власть Висконти распространилась и на соседние коммуны. В 1395 году Милан был провозглашен герцогством после того, как император Вацлав, нуждавшийся в деньгах, фактически продал герцогский титул правителю Милана Джан Галеаццо Висконти.
- К стр. 212 сн. 47: * — *север Италии и Фландрия в качестве частей империи Габсбургов смогли воспользоваться преимуществами атлантической торговли* — Валлерстайн не упоминает еще один важный фактор: экспансия Османской империи на Ближнем Востоке и османская политика покровительства торговле примерно со второй трети XVI века оживили экономику Средиземноморья в противовес Атлантике, что было хорошо заметно на примере торговли пряностями.
- К стр. 213: * — *Именно Фуггеры купили Карлу V имперский трон* — Из 850 тысяч флоринов, которые купцы и промышленники Италии и Германии ссудили Карлу V в 1519 году, вклад Якоба Фуггера «Богатого» составлял 543 тысячи.
- К стр. 215 сн. 58: * — *арбитражных операций* — Арбитраж (от фр. arbitrage — справедливое решение) — несколько логически связанных сделок, направленных на извлечение прибыли из разницы в ценах на одинаковые или связанные активы в одно и то же время на разных рынках (пространственный арбитраж), либо на одном и том же рынке в разные моменты времени (временной арбитраж). Вексельный арбитраж (см. сн. 228) — операция по купле-продаже векселей в иностранной валюте с целью получения курсовой разницы.
- К стр. 215: ** — *за гарантией по своим займам император был вынужден обращаться к городам* — Еще более красноречивой была ситуация во Франции, где с 1522 года займы короля гарантировались ратушей Парижа — поручителем, внушавшим кредиторам значительно больше доверия, чем сам монарх (срв. ситуацию 1519 года, когда деньги для избрания императором финансисты дали не Франциску, а Карлу). В целом французская корона оказалась в столь же запутанной финансовой ситуации, как и Карл V, отличались лишь конкретные кредиторы.
- К стр. 216 сн. 63: * — *ван дер Молен* — Петер ван дер Молен, глава одноименного антверпенского торгового дома; сохранилась его обширная переписка с контрагентами на итальянском языке (1538–1544).
- К стр. 217: * — *Карл V не мог возглавить германский протестантизм, потому что он был занят империей* — Можно добавить, что император Карл был не только и не столько германским правителем, сколько главой испано-итало-бургундской империи во главе с ультракатолической Кастилией. Поэтому встать на сторону лютеранской Реформации для Карла было немыслимо в силу хотя бы чисто политических причин. Кроме того, Карл был воспитан во Фландрии и не считал себя германцем.
- К стр. 217: ** — *Момент для создания национального среднего класса в Германии был утрачен в 1521 году* — Очевидно, имеется в виду подписанный в мае 1521 года Карлом V Вормский эдикт, согласно которому отказавшийся отречься от своих взглядов Лютер должен был покинуть Германию. После того как саксонский курфюрст Фридрих Мудрый предоставил

Лютеру политическое убежище, начался раскол страны на католические и протестантские княжества.

- К стр. 219 сн. 72: * — *идею компетентной имперской политики, которую предлагал ему Гаттинара* — От «католических королей» Фердинанда Арагонского и Изабеллы Кастильской Карл V унаследовал Испанию в виде дуалистической монархии, в которой не существовало единого государственного органа, объединявшего Кастилию и Арагон, за исключением инквизиции. Бургундец Меркурино Гаттинара (1465–1530), великий канцлер Карла V, путем создания Государственного совета в 1524 году попытался ввести в Испании институты верховных и центральных совещательных органов, но эти начинания оказались малопродуктивными, т. к. королевские советы в Кастилии и Арагоне по-прежнему сохраняли свои полномочия и компетенции.
- К стр. 219 сн. 74: ** — *как это было в Арагоне в 1640 году* — В мае 1640 года в Барселоне началось восстание против политики испанских властей, которое быстро охватило все слои населения. Этим воспользовались португальцы, провозгласившие в декабре 1640 года независимость от Испании.
- К стр. 222 сн. 82: * — *С момента провала Генеральных Штатов в 1484 году* — В 1484 году Генеральные Штаты были созваны по причине малолетства короля Карла VIII Валуа; впервые в составе депутатов третьего сословия было представлено не только городское, но и сельское податное население. Генеральные Штаты приняли ряд решений о контроле над королевской властью, но все они остались благими пожеланиями, и в дальнейшем Карл VIII до конца своего правления ни разу Генеральные Штаты не созывал. После этого институт Генеральных Штатов приходит в упадок: до начала Гугенотских войн их собирали всего дважды (в 1506 и 1548 годах).
- К стр. 222 сн. 82: ** — *réages* — Во Франции этим термином до сих пор называются платные дороги.
- К стр. 224: * — *Французские короли могли предпринять заморскую экспансию, как это делала Испания, но для этого у них не было поддержки международного, то есть североитальянского капитала* — Это спорное положение: у Франции была поддержка капиталов Нюрнберга, Сиены, отчасти Флоренции, пересекавшихся в Лионе. Другое дело, что данная сеть поддержки, видимо, была слабее той, что связала Геную, Аутсбург и Габсбургов.
- К стр. 224 сн. 88: ** — *в конце XIII века в игру вступило золото* — Имеется в виду начало выпуска собственных золотых монет во Флоренции (1252) и Венеции (1284).
- К стр. 225: * — *В последние сто лет Европа вновь наслаждалась процветанием* — Спорный тезис, поскольку через 60 лет после отречения Карла V началась Тридцатилетняя война, нанесшая огромный ущерб Германии; во Франции вторая половина XVI века была отмечена религиозными войнами и т. д.
- К стр. 225: ** — *1598 года с Вервенским миром и Нантским эдиктом* — 13 апреля 1598 года король Франции Генрих IV подписал Нантский эдикт, предоставивший гугенотам вероисповедные права и закончивший длившиеся с 1562 года Религиозные войны во Франции, а 2 мая 1598 года в пикардийском городке Вервен был подписан франко-испанский мир, по которому Филипп II признавал Генриха IV королем Франции и отзывал испанские войска с французской территории.

Фактически это был последний аккорд правления Филиппа, умершего 13 сентября 1598 года.

- К стр. 227: * — *Прямым его результатом стало начало упадка Испании* — Есть и противоположные мнения. Например, в книге Г. Кеймена «Испания: дорога к империи» этот кризис рассматривается как начало собственно Испанской империи, за счет бума на рудниках американских колоний быстро ставшей несравненно более могущественной, чем держава Карла Пятого. Данные П. Шоню по торговле в Севилье и об экономике Испании в целом тоже работают против тезиса Валлерстайна о начале упадка Испании.
- К стр. 227 сн. 97: ** — *первый значительный поворот в политике Филиппа произошел в 1568 году* — В 1568 году начался террор герцога Альбы в Нидерландах, а также разгорелось мощное восстание морисков в Испании. Кроме того, произошла кульминация конфликта Филиппа с его сыном доном Карлосом, умершим в заключении летом 1568 года.
- К стр. 227 сн. 98: *** — *Грешэма* — Томас Грешэм (1519–1579) — Английский финансист, королевский советник, основатель Лондонской биржи.
- К стр. 227 сн. 100: **** — *«Испанское бешенство» («испанская ярость»)* — Разграбление Антверпена испанскими солдатами в ноябре 1576 года, в результате которого погибло примерно 8 тысяч человек. Непосредственной причиной этого были длительные, до нескольких лет задержки в выплате денег наемным солдатам. После захвата Антверпена герцогом Пармским Алессандро Фарнезе, Нидерландским наместником в 1578–1592 годах, Южные Нидерланды окончательно перешли под власть испанской короны.
- К стр. 229 сн. 110: * — *Кураки* — название высших чиновников в империи инков, обладавших функциями сборщиков налогов и жрецов.
- К стр. 230 сн. 113: * — *захват рабов на побережье Африки является серьезным посягательством на фактическую собственность Португалии* — Это происходило из условий Тордесильяского договора 1494 года, согласно которому земли по обе стороны Атлантики были разделены между Испанией и Португалией так, что испанцам досталась Америка, а португальцам — Африка и Индия, а также Бразилия.
- К стр. 230 сн. 113: ** — *Джон Хоукинс (1532–1595)* — английский государственный деятель Елизаветинской эпохи, считающийся главным архитектором королевского флота. В 1562–1569 годах осуществил три работорговые экспедиции к берегам Африки, описанные им в сочинении «О союзе для захвата рабов». В английских источниках утверждается, что именно Хоукинс первым привез рабов на Эспаньолу (Гаити).
- К сн. 238: * — *изгнание... морисков* — В «Цивилизации классической Европы» Шоню говорит о «высылке 275 тыс. морисков с 1609 по 1614 год» (с. 68): «40% из 300 тыс. учтенных тайных мусульман были сосредоточены на 20 тыс. кв. км маленького королевства Валенсия — 40% мусульманского населения на 4% общей территории» (с. 69). В той же работе Пьер Шоню приводятся данные о населении Испании в целом: «Первые десятилетия XVII века были не только отправной точкой длительной обратной волны, которая привела Испанию от 8 млн 235 тыс. жителей в 1600 году к чуть менее 6 млн в конце XVII века» (с. 68). Оценка Шоню общего эффекта от изгнания морисков такова: «Изгнание морисков в 1609–1614 годах, разрушив только периферическую, малонаселенную

Испанию (численность населения королевства Валенсия сократилась примерно с 485 до 325 тыс. жителей), усилило центристский характер оставшейся преобладающей части Испании» (с. 69–70). Однако, вполне возможно, фактор изгнания морисков преувеличен на фоне потерь от не упомянутой Валлерстайном чумы 1596–1602 годов, которая унесла жизни примерно 500 тыс. человек (Цивилизация классической Европы, с. 211), что почти вдвое больше, чем число изгнанных морисков.

К стр. 240 сн. 149: * — *Каррера* де Индиас — совокупность торговых путей, связывающих Испанию с ее колониями в Америке.

К стр. 241 сн. 154: * — *новоприбывшие с воодушевлением втягивались в бандитизм* — Участие разоренных наемными войсками крестьян и горожан в бандах — механизм, общий для всей Западной Европы времен религиозных конфликтов XVI–XVII веков. Вот лишь несколько других примеров. Разоренная Бельгия с 1580-х годов становится важнейшим источником поставки наемников: «валлонские» части появляются на фронтах от Португалии до Чехии. Пираты из Дюнкерка — бывшие мирные мореходы и рыбаки — наносят в первой половине XVII века огромный урон английской и голландской морской торговле. Подобный механизм также действовал и в Германии во время Тридцатилетней войны.

К стр. 241: ** — *Пресловутая «медлительность» бюрократии* — Необходимо упомянуть еще один важный фактор — необычное для Европы XVII века вытеснение высшим дворянством с ключевых должностей государственного аппарата Испании группы, аналогичной «дворянству мантии» и третьему сословию во Франции.

К стр. 243: * — *Испания и Португалия (объединенные после 1580 года) насчитывали около 10 миллионов* — Валлерстайн явно берет усредненную численность населения Испании и Португалии, поскольку существующие оценки демографической эволюции Испании в XVII веке неоднозначны. Шоню в «Цивилизации классической Европы» указывает, что в течение XVII века население Испании и Португалии сократилось с 9,485 до 7 миллионов, в том числе население собственно Испании — с 8,235 до 6 миллионов. Альтернативную оценку приводит Ричард Маккени в книге «XVI век. Европа. Экспансия и конфликт» (М., РОССПЭН, 2004), 86. По его данным, численность населения Испании и Португалии в 1500 году равна 9,3 млн человек, в 1600 году — 11,3 млн человек.

К стр. 243: ** — *Франция имела плотность населения 88 человек на квадратную милю, Англия и Уэльс — 78, Испания с Португалией всего 44* — Квадратная миля составляет 2 589 988 кв.м. В пересчете на квадратные километры приведенные показатели приобретают следующее значение: Италия — 44 человека на кв.м., Нидерланды — 40, Франция — 34, Англия и Уэльс — 30, Испания и Португалия — 17. Таким образом, по плотности населения Италия находилась на уровне современного Афганистана, Нидерланды — Ирана или Танзании, Франция — Камеруна, Англия и Уэльс — Мадагаскара и ОАЭ, Испания и Португалия — Судана.

К стр. 245: * — *magnum opus Пьера Шоню* — Имеется в виду главное произведение Шоню — 12-томная работа «Севилья и Атлантика (1504–1650)».

К стр. 246 сн. 175: * — *Мидделбург* — Главный город нидерландской провинции Зеландия.

- К стр. 251: * — *Филипп отверг это предложение, но пошел на компромисс, отозвав испанские войска* — Филипп II обещал вывод испанских войск при отъезде из Нидерландов в 1559 году, а на деле войска были выведены в январе 1561 года.
- К стр. 251 сн. 196: ** — *Триденнский собор* (19-й Вселенский собор) был открыт в апреле 1546 году в итальянском городе Тридент (ныне Тренто). Основной задачей собора была выработка доктрины католической церкви в ответ на Реформацию. В связи с многочисленными военно-политическими конфликтами в работе собора были обширные перерывы (март 1547 — октябрь 1551, ноябрь 1551 — июнь 1562) и завершился он лишь 4 декабря 1563 года, причем если на первой его сессии присутствовало всего 34 делегата, то на последней, 25-й — 215. Основным итогом собора стало догматическое переопределение доктрин католичества, подвергнутых критике протестантами.
- К стр. 252: * — *Гентское умиротворение* — Соглашение между севером и югом Нидерландов, которое 8 ноября 1576 года обнародовали Генеральные штаты всех нидерландских провинций. Согласно этому договору, провозглашалось восстановление политического единства страны и мира, при этом в Нидерландах формально была сохранена власть Филиппа II, религиозный вопрос не нашёл разрешения, а предложение о конфискации церковных земель было отвергнуто.
- К стр. 252 сн. 197: ** — *даже в 1567 году начинать борьбу с восстанием было слишком поздно* — Операция герцога Альбы в Нидерландах началась с занятия 10-тысячным испанским войском Брюсселя 22 августа 1567 года.
- К стр. 252 сн. 197: *** — *до Нидерландов Альба вел войну с папой Павлом IV* — В 1557 году Альба был главнокомандующим испанской армией в Италии во время очередной франко-испанской войны, в которой папа Павел IV поддерживал французов. После победы Альбы над папскими войсками в Абруцци папа был вынужден фактически капитулировать перед испанцами, чьи войска дошли до Рима, и выйти из войны.
- К стр. 252 сн. 197: **** — *восстание 1572 года* — В сентябре 1571 года испанцы ввели в Нидерландах алькабалу (налог с продаж), что вызвало экономический кризис, который привел к огромному росту безработицы. В этих условиях атака гёзов на город Бриль в апреле 1572 года вызвала общее восстание городов Голландии и Зеландии против испанской власти, в котором огромную роль сыграли безработные и кальвинистские изгнанники из Южных Нидерландов и Франции. В результате восстания летом 1572 года была провозглашена фактическая независимость Голландии от Испании.
- К стр. 253 сн. 198: * — *победы при Сен-Кантене и Гравелине* — Французская армия под командованием коннетабля Монморанси потерпела 10 августа 1557 года сокрушительное поражение под Сен-Кантенем от войск испанского короля Филиппа II, которыми командовал штатгальтер Нидерландов герцог Савойский Эммануил-Филиберт, изгнанный французами из своих владений. Еще через год (13 июля 1558 года) французы были разгромлены у Гравелина во Фландрии и пошли на мир, заключенный 3 апреля 1559 года в Като-Камбрези.
- К стр. 253 сн. 198: ** — *Договор 1598 года предшествует передаче Нидерландов в руки эрцгерцогов* — После Вервенского мира с Францией Филипп II уступил

Нидерланды дочери Изабелле и ее мужу, своему племяннику, эрцгерцогу Альбрехту VII, и вскоре умер.

К стр. 253 сн. 198: *** — *подписание Двенадцатилетнего мира* — Двенадцатилетнее соглашение о прекращении войны между Испанией и Нидерландами было подписано в 1609 года при содействии Франции и Англии, фактически это было завершение Нидерландской революции.

К стр. 253: **** — *Иконоборческое восстание* в августе-сентябре 1566 года разразилось на фоне острого экономического кризиса. Низшие слои общества, испытывавшие наибольшие трудности в связи с кризисом, под влиянием кальвинистской пропаганды выступили против католической церкви. В ходе восстания было разгромлено примерно 5500 католических церквей и монастырей. В ходе восстания уничтожались иконы и статуи святых, а также мощи. Различные церковные ценности изымались и передавались в ведение городских муниципалитетов. Вначале действиями восставших низов пытались руководить кальвинистские консистории и отдельные члены антииспанского Союза дворян, созданного в 1565 году. Однако ожесточение восставших оттолкнуло от них нидерландских дворян, которые пошли на соглашение с испанскими властями. 23 августа наместница Маргарита Пармская издала манифест, обещая упразднить инквизицию, смягчить законы против еретиков, амнистировать членов Союза дворян, позволить (с ограничениями) свободное исповедание кальвинизма в Нидерландах. Поворот дворянства в сторону компромисса с правительством Маргариты Пармской обеспечил быстрое подавление восстания. Однако результатом восстания стало свободное исповедание кальвинизма (наряду с католицизмом и лютеранством) во многих городах Нидерландов, существовавшее вплоть до прибытия в страну армии герцога Альбы.

К стр. 253 сн. 201: ***** — *Крейн Бринтон (1898–1968)* — Американский историк, автор книги «Анатомия революции» (1938), сравнивал этапы развития революций со стадиями лихорадки.

К стр. 254 сн. 205: * — *Но даже там они или их отцы были иммигрантами* — См. И. Тэн, «Культура Фландрии в XVII веке»: «После взятия Антверпена герцогом Пармским десять провинций изъявили готовность подчиниться и начали новую, обособленную жизнь. Самые гордые граждане и самые ревностные кальвинисты погибли в боях, сложили головы на плахе или искали убежища на Севере в семи свободных провинциях... К концу правления герцога Альбы они насчитывают шестьдесят тысяч эмигрировавших семей; после взятия Гента еще одиннадцать тысяч жителей отправились в изгнание; после капитуляции Антверпена четыре тысячи ткачей ушло в Лондон. Антверпен потерял половину своего населения; Гент и Брюгге — две трети; целые улицы опустели; на главной улице в Генте, говорит один английский путешественник, паслись лошади...».

К стр. 254 сн. 206: ** — *Жамблу* — В сражении при бельгийском городке Жамблу 31 января 1578 года войска наместника Испанских Нидерландов дона Хуана Австрийского и его заместителя, герцога Пармского Алессандро Фарнезе разбили армию Генеральных Штатов Нидерландов.

К стр. 254 сн. 206: *** — *«Арену Европы»* — В оригинале The Cockpit of Europe — старинное метафорическое название Бельгии.

- К стр. 255 сн. 209: * — *Екатерина [Медичи] была наполовину иностранка* — Екатерина Медичи, жена короля Франции Генриха II и фактическая правительница страны при его инфантильных наследниках, была дочерью герцога Урбинского Лоренцо II и французской принцессы из династии Бурбонов Магдалины де ла Тур д'Овернь.
- К стр. 255 сн. 209: ** — *Маргарита, дочь Карла V от фламандки, была нидерландской по рождению* — Маргарита Пармская (1522–1586) — испанская наместница в Нидерландах в преддверии Революции (1559–1567) — была внебрачной дочерью Карла V от фламандки Иоанны Марии ван дер Гейнст и воспитывалась в Брюсселе.
- К стр. 257 сн. 211: * — *Утрехтская уния 23 января 1579 года* — военно-политическое объединение северных провинций Нидерландов против Испанского владения, положившее начало созданию независимого нидерландского государства. Первоначально союз включал в себя 5 провинций: Голландия, Зеландия, Утрехт, Гельдерн, Гронинген; позднее к ним присоединились Гент (4 февраля 1579 года) и Фрисландия (в марте этого же года). Союз предусматривал создание общей финансовой системы, единой армии, проведение согласованной внешней политики.
- К стр. 257: ** — *Ян ван Хембейзе* — В октябре 1577 года 2 000 жителей Гента во главе с Яном ван Хембейзе (1513–1584) арестовали штатгальтера Фландрии Филиппа де Круа и образовали собственное кальвинистское правительство из 18 человек, сам Хембейзе стал мэром. Первоначально эта акция была поддержана Вильгельмом Оранским, но фанатизм и жестокость кальвинистского правительства вынудили Вильгельма оккупировать Гент в августе 1579 года. Хембейзе бежал в протестантский Рейнский Пфальц (Палатинат), но в 1583 году был вновь избран мэром Гента. Вскоре была перехвачена его переписка с Алессандро Фарнезе, где Хембейзе приглашал испанцев занять город. Хембейзе был казнен, но это не предотвратило вступления испанцев в Антверпен в августе 1584 года.
- К стр. 258 сн. 214: * — *«французское бешенство»* — Имеется в виду неудачная попытка брата короля Франции герцога Франциска Анжуйского, приглашенного Генеральными Штатами в качестве правителя Нидерландов, обманом захватить Антверпен в январе 1583 года, получившая свое название по аналогии с «испанским бешенством» — разгромом Антверпена испанцами в 1576 году.
- К стр. 261 сн. 226: * — *корабли нового типа, названные «летучими лодками», или флейтами* — Первый флейт был построен в 1595 году в городе Хорне, центре судостроения Голландии в заливе Зейдер-Зе. Флейты начала XVII века имели длину около 40 м, ширину около 6,5 м, осадку 3—3,5 м, грузоподъемность 350—400 т. Для самообороны на них устанавливали 10—20 пушек. Экипаж состоял из 60—65 человек.
- К стр. 262 сн. 228: * — *предварительный кредит* — Вид аккредитива, на основании которого получатель средств может получить часть суммы до выполнения всех условий контракта; например, поставщик может получить часть выделенной ему суммы до фактической отгрузки товара и использовать ее на производство данного товара, на организацию доставки и т. п.
- К стр. 265 сн. 237: * — *вместе с увядшей славой германских рудников* — Богатство Фугтеров было основано на добыче серебра (а также меди) в Тироле и Венгрии. В 1511–1546 годах их капитал увеличился с 200 тысяч до 7 млн гульденов,

однако после открытия залежей соответствующих металлов в Латинской Америке европейские рудники потеряли свое приоритетное значение в силу более высокой себестоимости и неспособности обеспечить объем добычи, сопоставимый с рудниками Перу и Мексики.

К стр. 266 сн. 239: * — *ярмарки Безансона* — Безансонскими условно назывались финансовые ярмарки, которые обычно проводились в Пьяченце. См. у Броделя (Средиземное море, II, 48, 64.): «С точки зрения истории капитализма, учреждение в 1579 году так называемых Безансонских (денежных) ярмарок в Пьяченце было важнейшим событием века. С этого момента именно в Пьяченце долгие годы безостановочно стучало сердце средиземноморской и вообще западной экономики». После основания этих ярмарок «генуэзские банкиры стали хозяевами международной системы платежей, вершителями судеб Европы и всего мира».

К стр. 267 сн. 245: * — *Упразднение португальской королевской фактории в качестве постоянного учреждения в 1549 году* — Речь идет о банкротстве в связи с большим накопленным долгом королевской португальской фактории, бывшей центром португальской торговли в Антверпене. После этого фактория была официально закрыта, а ее португальские сотрудники в большинстве своем были вынуждены вернуться домой. С этого момента короли Португалии стали все более зависеть от иностранного финансирования. Более подробно см. у Броделя в томе «Время мира» трилогии «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» (М.: Весь мир, 2007): «В 1508 г. король Португалии основал в Антверпене Фландрскую факторию (Feitoria de Flandres), отделение своей лиссабонской Casa de India. Но почему король избрал Антверпен? Вне сомнения, потому что главным покупателем перца и пряностей — мы говорили об этом — была Северная и Центральная Европа, которую до того времени снабжал с юга венецианский Фондако деи Тедески. А также, конечно, потому, что Португалия поддерживала давние морские связи с Фландрией. Наконец (и особенно), потому, что если после долгих усилий Португалия и добралась до Дальнего Востока, то у нее не было ни венецианских ресурсов, ни венецианских средств, чтобы поддерживать свой успех и им управлять, т.е. организовать с начала до конца распределение пряностей. Уже для плаваний из Индии в Европу и обратно приходилось авансировать громадные суммы, а после же первых ограблений в Индийском океане пряности и перец должны были оплачиваться наличными, серебром или медью. Не обращать внимания на перераспределение означало предоставить другому (как делают это позднее великие Ост-Индские компании) заботу о перепродаже, бремя открывать кредит розничным торговцам (при сроках платежей от 12 до 18 месяцев). По всем этим причинам португальцы доверились антверпенскому рынку. Разве же не мог он делать для португальских пряностей и перца то, что он делал для английских сукон? В обмен португальцы находили в Антверпене медь и белый металл немецких рудников, в которых они нуждались для своих выплат на Дальнем Востоке» (с. 147). «В 30-е годы расстроился рынок перца и пряностей. Прежде всего Лиссабон вновь взял на себя роль перераспределяющего: Фландрская фактория (Feitoria de Flandres) утратила смысл своего существования и в 1549 г. была ликвидирована» (с. 148). К 1560 году убытки Casa de India превысили расходы. Подробно о португальской торговле с Индией см. главу 6.

- К стр. 270: * — *Индоссамент* — Передаточная надпись на ценной бумаге, векселе, чеке и т. п., подтверждающая переход прав по этому документу к другому лицу. Использование индоссамента расширило спектр возможностей использования векселей в деловой практике.
- К стр. 270: ** — *patto di ricorso* — Вексель, используемый для расплаты по предыдущему векселю или для уплаты процентов по нему. См. у Броделя (Средиземное море, II, 115): «Заемные и перезаемные сделки, договоры ricorso, которые во множестве несли свою исправную и не всегда верную службу в XVII веке, появились на свет гораздо раньше, в XV веке в Генуе».
- К сн. 273 сн. 264: * — В «Цивилизации классической Европы» Шоню приводит данные К. Ю. Белоха: «Численность населения Италии выросла с 11 млн 591 тыс. жителей в 1550 году до 13 млн 272 тыс. в 1600-м, чтобы в 1650-м вновь сократиться до уровня чуть ниже 11 млн 543 тыс. Уровень 1600 года вновь был достигнут в 1700-м (13 млн 373 тыс.)» (с. 66). «Поражена была именно северная Италия, оживленная, участвующая в крупной коммерции и большой политике Италия. Юг и архаичные острова парадоксальным образом образовали защищенный сектор. Согласно расчетам Белоха, численность населения Северной Италии фактически сократилась с 5 млн 412 тыс. жителей в 1600 году до 4 млн 254 тыс. в 1650-м — падение на 21,5%» (с. 67). «Особо пострадавшими оказались Венеция и Милан. С 5 млн 412 тыс. душ в 1600 году население сократилось до 4 млн 254 тыс. в 1650-м — спад составил 22%, северная Италия в 1650 году оказалась примерно на 10% ниже уровня 1550 года (4 млн 746 тыс. жителей)» (с. 209).

ГЛАВА 5

- К стр. 279 сн. 6: * — *Ондскот* — Город в западной Фландрии (ныне на территории Франции, на границе с Бельгией). Был одним из крупнейших европейских центров производства льняных тканей из собственного сырья.
- К стр. 281: * — *это было время законодательно оформленного включения Уэльса в состав владений английской короны* — Английские войска захватили всю территорию Уэльса в 1282 году и возвели на его территории несколько мощных замков, чтобы контролировать местное население. Последнее мощное восстание валлийцев под предводительством Оуайна Глиндура произошло в 1400–1416 годах, однако лорды так называемой Валлийской марки на границе Англии и Уэльса в значительной мере сохраняли фактическую независимость вплоть до времени правления Генриха VIII (яркий пример — герцог Глостерский, будущий король Ричард III из Йоркской династии). Юридические притязания на территорию Уэльса у английской короны появились с восшествием на престол династии Тюдоров, происходившей от правителей валлийского королевства Гвинед. Окончательное юридическое слияние княжества Уэльс с Англией произошло при Генрихе VIII после принятия ряда законов, согласно которым валлийское право в Уэльсе заменялось английским.
- К стр. 282 сн. 18: * — *Костуолдс, Пеннинские горы и Озерный край* — Костуолдс — холмистая местность в западной части центральной Англии, на территории графств Глoucestershire и Oxfordshire, нередко именуется «сердцем

Англии». Пеннинские горы — невысокая горная гряда, пересекающая центральную Англию с севера на юг, также называется «становым хребтом Англии». Озерный край — местность на северо-западе Англии, близ границы с Шотландией.

- К стр. 284 сн. 27: * — *из-за продолжительного англо-ганзейского конфликта в 1430-х и 1450-х годах* — Такие факторы, как проникновение английских торговцев тканями на Балтику, привилегии ганзейских купцов в Англии, вопрос о поставках зерна из городов Пруссии в Англию, взаимные нападения на корабли вызывали острые англо-ганзейские торговые конфликты в 1430-х и 1450-х годах. Эти столкновения стали прологом англо-ганзейской войны 1468–1474 годов.
- К стр. 286: * — *Томас Кромвель, граф Эссекский* (ок. 1485–1540) — Английский государственный деятель, первый советник Генриха VIII в 1532–40 годах, главный идеолог английской Реформации, один из основателей англиканства. Сын трактирщика, был торговым агентом английских купцов в Антверпене и Кале, адвокатом, депутатом Палаты общин. Осуществил секуляризацию церковных имуществ. Стал жертвой аристократического заговора, казнен в Тауэре.
- К стр. 289: * — *Акт о супрематии* (верховенстве) принимался дважды. Первый акт был принят 3 ноября 1534 года и провозгласил английского монарха (в тот момент — Генриха VIII) и его преемников единственным верховным земным главой Церкви Англии, что означало отказ признавать власть римского папы в какой-либо форме. В качестве главы церкви Генрих VIII был вправе пользоваться «титулами, почестями, достоинствами, привилегиями, юрисдикцией и доходами, присущими и принадлежащими достоинству верховного главы Церкви». Мария Кровавая отменила Акт в 1554 году, а впоследствии осуществила возвращение английской церкви в лоно Римско-католической. Елизавета I, вступив на престол, вернулась к политике Реформации. В апреле 1559 года был издан новый Акт о супрематии, подтверждавший акт её отца Генриха VIII, но называвший королеву не Верховным главой (Supreme Head of the Church of England), а Верховной правительницей (The Supreme Governor of the Church of England). Принятие акта сопровождалось требованием (под угрозой смещения с должности) особой письменной присяги на верность королеве как главе церкви от всех клириков, гражданских чиновников, судей, членов парламента, преподавателей университетов и школьных учителей. Отказ принести такую присягу после 1562 года, согласно закону, мог трактоваться как измена монарху с вытекающими отсюда последствиями. Акт о супрематии был отменён во время Английской революции, но затем восстановлен без изменений Карлом II. Акт о супрематии сохраняет юридическую силу и в настоящее время, определяя особую роль монарха Великобритании в Церкви Англии.
- К стр. 290: * — *«Великий контракт»* — Идея «Великого контракта» принадлежала государственному секретарю и королевскому казначею Роберту Сесилу, графу Солсбери, и первоначально предполагала погашение королевского долга в 300 тысяч фунтов и ежегодное содержание для короля в размере 200 тысяч фунтов в обмен на отказ короля от ряда феодальных прав. Провал этого замысла в парламенте вынудил короля изобретать новые способы пополнения казны. Например, в 1611 году был учрежден

титул баронета, который можно было приобрести за 1 095 фунтов, однако уже к 1622 году цена этого звания снизилась до 220 фунтов.

К стр. 297: * — *Мы не достигнем искомой цели ни путем отождествления «джентри» с определениями этого понятия в некоторый момент времени, ни путем определения, какой в этот момент должна быть социальная реальность.* — В первой части фразы Валлерстайн указывает, что на вопрос о роли «джентри» в обществе невозможно ответить, если рассматривать этот социальный слой через призму того или иного абстрактного определения понятия «джентри» для определенной эпохи. Во второй части этой фразы Валлерстайн, похоже, имеет в виду следующее. Проблему «джентри» нельзя решить адекватно, если при ее решении заранее исходить из некоего (видимо, Валлерстайн намекает здесь на классический марксизм) априорного видения, что именно должно было происходить в английском обществе этого времени. То есть Валлерстайн говорит о том, что если исследователь будет подходить к проблеме «джентри», заведомо опираясь на готовое представление о направлении социальной трансформации этого слоя в данный период, то он не сможет адекватно решить вопрос, а лишь повторит в новом виде уже существующую точку зрения.

К стр. 298 сн. 73: * — *«цветной барьер» (colour bar)* — Термин из практики расовой сегрегации XX века, то есть установление порога для «цветных».

К стр. 298 сн. 73: ** — Уильям Сесил, лорд Бёрли (1521–1598) — один из наиболее выдающихся деятелей Елизаветинской эпохи, государственный секретарь (1550–1553 и 1558–1572), лорд-казначей (с 1572 года) — возводил свой род к неким валлийским князьям второй половины XI века. Его младший сын Роберт упоминается выше как инициатор неудавшегося контракта короля с парламентом в 1610 году. Восхождение рода Сесилов началось при Генрихе VIII, когда дед Уильяма стал главным шерифом Нортгемптоншира.

К стр. 299: * — *в силу безжалостной английской системы наследования, которая приносила личность в жертву институтам* — Особенность английской системы наследственного права для благородного сословия (пэров и джентри) заключается в том, что титул и земельные владения передаются по наследству исключительно старшему сыну, то есть в ущерб всем остальным детям.

К стр. 299 сн. 81: ** — *три поколения до написания работ Харрингтона* — Джеймс Харрингтон (1611–1677) — английский политический философ, классический теоретик республиканизма.

К стр. 305: * — *это был и прежде существовавший социально-правовой термин* — Исторически ядро йоменов (от староангл. «младший человек») составляли свободные крестьяне-фригольдеры. Далеко не все из них обладали землей, но при этом они сохраняли личную свободу и обладали рядом политических прав, например, правом на ношение оружия. Йомены преобладали среди английских лучников времен Столетней войны, а исход битвы при Босворте, после которой Генрих Тюдор стал королем Генрихом VII, во многом был решен благодаря корпусу, впоследствии получившему название «Отряд личных королевских телохранителей из йоменов гвардии» (*The Queen's Body Guard of the Yeomen of the Guard*) и дожившему до наших дней в виде знаменитых привратников Тауэра — бифитеров.

- К стр. 305: ** — «домовладелец» (*husbandman*) — Этим понятием начиная с XIV века называли свободных фермеров-арендаторов, социальный статус которых был на ступеньку ниже, чем у йоменов.
- К стр. 309 сн. 112: * — *крестьянин мог избежать принудительного участия в традиционных социальных связях и сопутствующих этому церемониальным расходам* — Речь идет о традиционных пышных застольях и праздниках для множества людей, которые регулярно проводились в деревнях и носили в феодальном обществе ритуальный характер. Иллюстрацией этого обычая может быть картина Питера Брейгеля-старшего «Крестьянская свадьба» («Крестьянский пир»).
- К стр. 310: * — *повсеместному выращиванию вики* — Кормовая культура семейства бобовых.
- К стр. 312 сн. 123: * — *отец Латимера* — Хью Латимер (1485–1555) — епископ Вустерский, известный деятель английской Реформации, был сыном зажиточного фермера из графства Лестершир.
- К стр. 312 сн. 123: ** — *Реддэвеи из Девона* — В книге цитируемого Валлерстайном У.Дж. Хоскинса «Девон и девонцы» говорится, что первое упоминание о девонском семействе Реддэвей относится к 1242 году. К концу XIX века 90% всех Реддэвеев жило в Девоне. В современной Англии существует целый ряд компаний с названием Reddaways, которые либо базируются в Девоне, либо происходят из этого региона.
- К стр. 315: * — *не в том расхожем смысле, в котором Эйделотт хотел, чтобы мы ими восхищались* — В данном случае сарказм Валлерстайна направлен, очевидно, против трактовки проблемы в духе банального институционализма. Фрэнк Эйделотт (1880–1956) — известный деятель образования США, в период его руководства Институтом современных исследований в Принстоне (1939–1947) там работали Эйнштейн и Курт Гедель.
- К стр. 316 сн. 140: * — *Устав ремесленников (или Устав о подмастерьях)* — Имеется в виду группа законов, принятых в 1558–1563 годах (включая Устав о подмастерьях 1563 года), которая регулировала рынок наемного труда, в том числе размеры заработных плат и необходимые профессиональные навыки для лиц определенных занятий, ограничивая свободу передвижения наемных рабочих. В частности, в Уставе о подмастерьях была перечислена 61 профессия и семилетний срок обучения. Фактически эти законы сохраняли ограничения средневековых гильдий, теперь подкрепленные силой государства.
- К стр. 318: * — *в Англии налоговое бремя... было меньше, чем во Франции* — Кроме того, Франция гораздо чаще участвовала в крупных дорогостоящих войнах — этот фактор представляется едва ли не более важным, чем перечисленные Дэвисом. В данном случае срабатывает заявленный ранее принцип, согласно которому небольшие различия могут со временем трансформироваться в гигантские разрывы. До начала XVI века Англия, имевшая к тому же огромные владения на континенте, не могла полноценно воспользоваться преимуществами своего островного положения, однако в дальнейшем этот фактор сыграл значительную роль в ее рывке относительно континентальных держав, прежде всего Франции.
- К стр. 319 сн. 150: * — *Оуэн Глендоуэр* (Овайн Глиндур) (1354/1359–1416) — последний правитель Уэльса, носивший титул князя (Овайн IV). В 1400 году начал

восстание против английского правления, которое после первых успехов потерпело поражение. Известен также как один из персонажей хроники Шекспира «Генрих IV».

К стр. 319 сн. 150: ** — *Генри Перси* (1341–1408) — первый граф Нортумберленд, английский военачальник и политический деятель, родственник Ланкастеров. Активно поддерживал оппозицию баронов королям Эдуарду III, Ричарду II и Генриху IV, опираясь на шотландцев (хотя первоначально был отправлен в Шотландию с карательной экспедицией), участвовал в восстании Овайна Глиндур. В 1408 году вторгся в Англию с шотландским войском, но был убит в сражении у Браммем Мур. Также является персонажем хроник Шекспира.

К стр. 322: * — *Внутриевропейский мир в период между 1598 и 1618 годами сократил расходы всех государств* — Валлерстайн не придает большого значения тому обстоятельству, что Англия с 1585 по 1604 годы воевала против Испании Филиппа II, хотя участие в боевых действиях потребовало непомерных по английским меркам расходов. Вот данные из новой биографии Елизаветы Тюдор: «Общий годовой доход короны в ту пору составлял около 350 тысяч фунтов стерлингов, из которых около 12 тысяч уходило на содержание двора и ее [королевы] личные нужды, а 73 тысячи — на выплаты чиновникам. При столь незначительном доходе расходы Англии на ведение войны с Испанией выглядели устрашающими: 4 миллиона фунтов стерлингов за период с 1586 по 1603 год. Один только флот требовал 200 тысяч в год, содержание армии в Нидерландах — 125 тысяч, во Франции — 40 тысяч. Внешний долг Англии вырос до 400 тысяч фунтов стерлингов, при том что Нидерланды оставались должны ей 800 тысяч, а Генрих IV — 300 тысяч. Елизавета, однако, не питала никаких надежд когда-либо получить эти деньги. Она ничего не могла скопить при таких расходах и, более того, была вынуждена продавать коронные земли — основной источник поступлений в казну» (Дмитриева О.В., Елизавета Тюдор. М., «Молодая гвардия», 2004, 265). Поэтому более убедительной выглядит позиция Чарльза Тилли (см. *Тилли Чарльз*, Принуждение, капитал и европейские государства 990–1992 гг. М.: «Территория будущего», 2009), который отмечал, что основные европейские государства растрачивали на войны огромные средства, и это сильно изменяло баланс власти внутри самих государств. Англия в силу своих возможностей тоже участвовала в этом общеевропейском процессе. В Центральной и Восточной Европе никакого мира в это время также не было: польско-шведские и шведско-датские войны, Смута в России, мятежи в Польше, так называемая «Тринадцатилетняя война» Габсбургов с Османской империей вплоть до 1606 года, восстание Бочкаи в Венгрии и т.д.

К стр. 324: * — *В 1618 году политический кризис в Праге привел европейские силы в движение* — Имеется в виду так называемая «Пражская дефенестрация» 23 мая 1618 года, когда руководители чешской протестантской словесной оппозиции выбросили из окна (отсюда само название акции, образованное от лат. *de fenestro* — «из окна») Пражского Града габсбургских наместников в Чехии. Это событие оказало на Европу воздействие, аналогичное Сараевскому убийству 1914 года, став прологом к Тридцатилетней войне. Заметим, что в более поздних текстах Валлерстайн развивает гипотезу перехода мировой гегемонии через «тридцатилетние мировые войны», первой из которых является одноименная

общеевропейская война 1618–1648 годов, второй — войны Первой республики во Франции и последовавшие за ними Наполеоновские войны (1792–1815), третьей — «номерные» мировые войны 1914–1918 и 1939–1945 годов. Заметим, что все три цикла начинались с громких террористических акций (Пражская дефенестрация, казнь Людовика XVI и Марии-Антуанетты, Сараевское убийство).

- К стр. 325 сн. 175: * — Антуан де Монкретьен (1575/1576–1621) — Французский экономист и драматург, автор «Трактата о политической экономии», основанного на идеях Жана Бодена (1615).
- К стр. 330 сн. 192: * — В 1552 году для покрытия издержек «германского путешествия» король (или, скорее, Турнон) — Под «германским путешествием» имеется в виду совместная операция Генриха II и протестантского курфюрста Морица Саксонского против Карла V в январе 1552 года, в результате чего император был изгнан из Инсбрука. Благодаря этим событиям Франции удалось овладеть на своей восточной границе епископствами Мец, Туль и Верден. Франсуа де Турнон (1489–1562) — кардинал, дипломат, один из наиболее видных государственных деятелей Франции в эпоху правления Франциска I и Генриха II. Занимал среди прочих должностей пост архиепископа Лионского, участвовал в подготовке договора в Като-Камбрези.
- К стр. 332: * — Католическая Лига была организована герцогом Генрихом Гизом в 1576 году для защиты французских католиков в связи с тем, что королевская власть делала недопустимые (по мнению католиков) уступки гугенотам. Лига фактически распалась уже в 1577 году, но восемь лет спустя была восстановлена семейством Гизов для противодействия вступлению на престол Франции протестанта Генриха Наваррского, оставшегося ближайшим законным наследником французской короны. В связи с принятием последним католицизма вторая Католическая Лига постепенно распалась в период между 1593 и 1598 годами.
- К стр. 332: ** — *знать в общем и целом вышла из конфликта, вернувшись к католицизму* — На самом деле массовый возврат французской знати в католицизм начался позднее, с середины XVII века, причем именно потому, что усиление централизованного католического государства сделало политико-религиозную оппозицию ему невыгодной для аристократов. Сначала Ришелье сокрушил политическую мощь гугенотов, а уже после этого знать стала отходить от кальвинизма, возвращаясь в католицизм. Особенно сильно это движение развернулось после Фронды, причем показательно, что сама Фронда уже не обладала религиозной составляющей.
- К стр. 333 сн. 199: * — *восстание кроканов* — Восставшие получили название благодаря своему лозунгу «На грызунов!» (Aux stoquants), под которыми понимались перечисленные Кёнигсбергером лица.
- К стр. 333: ** — *Нотабли* (от лат. *notabilis* — значительный, выдающийся) — во Франции XIV–XVIII веков члены особого собрания, созывавшегося королём для обсуждения государственных (главным образом финансовых и административных) вопросов. В отличие от депутатов Генеральных штатов, нотабли не избирались сословиями, а назначались королём из числа наиболее видных представителей дворянства, высшего духовенства и верхов третьего сословия. Собрания нотаблей созывались нерегулярно и имели совещательный характер, подменяя собой собрания Генеральных Штатов.

- К стр. 334 сн. 201: * — *мощь цехов также существенно увеличилась к концу века благодаря ордонансам 1581 и 1597 годов* — Ордонанс 1581 года ввел цех как форму хозяйственной организации во всех городах и видах ремесел, в том числе и в тех (достаточно многочисленных), где ранее цеха отсутствовали. Этот ордонанс регламентировал номенклатуру профессий и порядок взаимодействия между цехами разных городов. Он также упорядочил внутреннюю деятельность цехов включая отношения мастеров и подмастерьев. Ордонанс 1597 года обязал каждый цех избирать одного или нескольких своих членов для представительства и защиты интересов организации, а также для контроля за соблюдением внутреннего регламента цеха.
- К стр. 338: * — *Война, возобновление которой в 1624 году, по сути, стало сокрушительным ударом по испанской экономике* — В 1624 году голландцы высадились на северо-восточном побережье Бразилии и захватили ее столицу Сальвадор в нынешнем штате Баия. Испано-португальским силам удалось отразить вторжение, но война продолжалась до 1654 года; форпостом голландцев и штаб-квартирой голландской Вест-Индской компании стал город Маурицстад (ныне Ресифи). Эта война примечательна тем, что на стороне португальцев с голландцами воевали индейские племена.
- К стр. 341: * — *после отмены привилегий Ганзы сначала в 1552 году и окончательно в 1598 году* — В 1552 году правительство английского короля Эдуарда VI отменило привилегии ганзейских купцов, которые были закреплены Утрехтским миром 1474 года, завершившим войну Англии с Ганзой. Важнейшей из этих привилегий было разрешение ганзейцам торговать в Англии на тех же условиях, что и местные купцы. На практике это позволяло ганзейским купцам продавать товары в Англии по более низким ценам, чем те, которые могли предложить сами английские торговцы. Позднее королева Мария по просьбе императора Карла V восстановила эти привилегии, однако в правление королевы Елизаветы отношения между Англией и ганзейскими городами продолжали ухудшаться. Английские пираты, действуя против испанцев и португальцев, часто захватывали и ганзейские торговые корабли. В 1597 году по приказу императора Рудольфа II английские купцы были изгнаны из немецкого порта Штаде, где находилась торговая контора лондонской Компании купцов-авантюристов. В ответ по приказу Елизаветы в 1598 году ганзейские привилегии были аннулированы, ганзейское торговое представительство в Лондоне (Stahlhof) закрыто, а оставшимся немецким купцам было приказано выехать из страны в течение двух недель. Хотя в правление Иакова I ганзейцы вновь вернулись в Англию, они уже никогда не смогли вернуть утраченные привилегии и свое прежнее привилегированное положение в английской торговле.
- К стр. 342: * — *время образования первых привилегированных (chartered) компаний* — Имеются в виду многочисленные компании, получавшие от короны монопольные хартии (charters) на торговые операции в определенном регионе — Ост-Индская, Московская и прочие.
- К стр. 342: * — *проект ольдермэна Кокейна* — Сэр Уильям Кокейн (1561–1626), ольдермэн лондонского Сити и глава купеческой Компании Восточных земель, в 1614 году получил от короля Иакова I монополию на текстильный

экспорт. По плану Кокейна предполагалось продавать голландцам уже готовые английские ткани, однако голландцы отказались их покупать, что на несколько десятилетий затормозило развитие английской текстильной торговли.

- К стр. 346 сн. 264: * — *тонкое черное сукно (broadcloth) — Традиционная ширина этой ткани составляет 54 дюйма (ок. 140 см).*
- К стр. 347 сн. 265: * — *лорд Эрнл — Роулэнд Эдмунд Протеро, первый барон Эрнл (1851–1937) — английский политический деятель (консерватор), историк сельского хозяйства в Англии.*
- К стр. 348: * — *«Нет мира за линией» — Имеется в виду линия, которая, согласно Тордесильяскому договору 1494 года, разделила мир между Испанией и Португалией. Эта линия проходила к югу от тропика Рака (Северный тропик) и к западу от меридиана острова Иерро (который вплоть до начала XX века заменял Гринвичский меридиан в качестве нулевого). Территорию западнее и южнее указанной линии Испания и Португалия рассматривали в качестве своих суверенных владений и вплоть до 1630 года официально запрещали подданным других европейских государств основывать там колонии или торговать. В отношении земель и морей к западу и югу от линии действовало правило, согласно которому в этом регионе условия договоров в Европе не связывали действия подданных европейских держав. Суть этой доктрины заключалась в том, что таким образом пиренейские державы выговаривали себе право силовым путем пресекать колониальную экспансию иных государств независимо от заключенных с ними договоров по европейским вопросам.*
- К стр. 349 сн. 275: * — *поселения в Новой Шотландии — Новая Шотландия (Nova Scotia), или французская Акадия — приморская провинция на юго-востоке Канады, занимающая территорию одноименного полуострова, центр — город Галифакс. Первая колония здесь была основана французами в 1604 году, но название Новая Шотландия было дано в 1621 году, когда шотландец сэр Вильям Александер получил от короля Иакова I в баронетство территорию между Ньюфаундлендом и Новой Англией. В 1632 году территория опять стала контролироваться французами, затем, в 1654–1670 годах, вновь была оккупирована англичанами, в 1670 году была возвращена французам и до 1713 года находилась в их руках под названием Акадия. Окончательно Новая Шотландия перешла к англичанам в 1713 году по условиям Утрехтского мира с Францией, завершившего войну за Испанское наследство.*
- К стр. 349 сн. 278: ** — *Полуостров Авалон занимает юго-восточную часть Ньюфаундленда, первое постоянное поселение здесь основано в 1610 году.*
- К стр. 350 сн. 281: * — *очевидные нарушения привилегий, судя по всему, привлекали все более пристальное внимание участников этих концессий — Яркой иллюстрацией этих явлений может служить ситуация, сложившаяся в первой половине XVII века в Британской Ост-Индской компании (ОИК), одной из наиболее важных английских привилегированных компаний той эпохи. На протяжении правления Иакова I и Карла I постоянно происходили трения между королями и компанией, вызванные неоднократными нарушениями со стороны монархов ее монопольных торговых привилегий. В 1604, 1607 и 1618 годах король Англии продавал разрешения на торговлю в Индийском океане иным лицам и структурам, что*

каждый раз вынуждало ОИК к дополнительным затратам на выкуп данных разрешений у их получателей. В 1635 году под предлогом того, что компания не ведет операции по всей Азии, Карл I выдал разрешение на торговлю так называемой Ассоциации Куртэна, объединившей группу купцов и финансистов. Несмотря на протесты ОИК и угрозы с ее стороны прекратить деятельность, король продолжал поддерживать эту структуру вплоть до 1641 года. Иаков I и Карл I, нарушая хартию ОИК и не обеспечивая ей защиту от английских и иностранных конкурентов, в то же время принуждали компанию к выплате пошлин, подаркам и займам, что крайне негативно отражалось на ее финансовом состоянии. Действия монархов, подрывавшие торговую монополию ОИК в бассейне Индийского океана, привели к тому, что в ходе Гражданской войны Британская Ост-Индская компания решительно выступила на стороне Долгого парламента против короля.

К стр. 351: * — *Долгий Парламент* был собран Карлом I в 1640 году и вступил с ним в борьбу, переросшую в Английскую революцию и Гражданскую войну. Остатки Долгого парламента были распущены Кромвелем в 1653 году.

К стр. 353: * — «докладчик» (*maître des requêtes*) — Докладчики (иногда встречается перевод термина как «рекетмейстер») входили в состав Государственного совета — существовавшей с 1557 года судебной части Королевского совета, которая была также известна под названиями Совет сторон и Частный совет. Докладчики Государственного совета осуществляли функции надзора и контроля за соблюдением законов и королевских указов, выступали в роли референтов Государственного совета, а также выполняли в качестве комиссаров королевские поручения и инспекции в провинциях. На эту должность назначались лица из числа членов Парижского парламента или высших судов. Должность «докладчика» была младшим постом в Государственном совете, с которого обычно начинали административную карьеру в центральных органах государственной власти французской монархии. Из докладчиков короли в дальнейшем выбирали министров, интендантов и других высших должностных лиц. Численность докладчиков сильно изменялась со временем: в правление Людовика XII их было 6, в конце XVII века — уже 98. Должность с этим названием до сегодняшнего дня сохраняется в Государственном совете Франции.

К стр. 353: ** — *Ущемленные Мазарини, должностные лица... возглавили революцию* — В 1644–1648 годах в связи с потребностью в деньгах для финансирования участия Франции в Тридцатилетней войне Мазарини предпринял фискальное наступление на чиновников. Широко использовался метод разделения купленной должности на две, три или четыре новых. Это часто вынуждало прежнего обладателя должности ради сохранения своего статуса и доходов выкупать разделенную должность. Другим используемым приемом было «увеличение жалованья» — вид своего рода принудительного займа. Поскольку жалование равнялось проценту от стоимости должности, то «увеличение жалованья» означало немедленное внесение владельцем должности в казну значительной суммы доплаты, на процент от которой он мог теоретически рассчитывать в будущем. Мазарини также предпринял несколько попыток обложить налогом имущество чиновников и членов региональных парламентов, которые, получив благодаря покупке должностей статус представителей благородного сословия, обладали

правом не платить талью (налог на имущество). Таким образом, Мазарини пытался де-факто ликвидировать важнейшие привилегии, отличавшие чиновников от обычных буржуа. В качестве ответа на оппозицию Парижского парламента и высших судов в мае 1648 года Мазарини объявил об отмене полетты (налога на должность), пользуясь истечением очередного 9-летнего срока, в течение которого чиновникам была разрешена уплата этого налога. Отмена полетты означала, что чиновники теряли свободу распоряжения купленными должностями — прежде всего утрачивали право передавать свою должность по наследству. Наконец, 18 июля 1648 года правительство приняло решение о государственном банкротстве, что нанесло тяжелейший удар по чиновникам, многие из которых (особенно члены Парижского парламента) вкладывали деньги в государственный долг. Серия подобных действий правительства Мазарини восстановила французских чиновников против кардинала и стала катализатором Фронды. См. т.ж. обильно цитируемую Валлерстайном работу Б. Поршнева, с. 633.

К стр. 353: *** — *теория лишения дворянства* — Во Франции Старого порядка важнейшей обязанностью дворянина было «жить благородным образом». Для представителей благородного сословия существовал запрет заниматься многими видами деятельности, в первую очередь почти всеми формами торговли и ручной ремесленной работы. Соответственно, определенные действия могли привести к потере «благородства» (*dérogance*), то есть к вечной или временной утрате дворянских прав включая право на освобождение от уплаты имущественного налога (тальи). Подобный подход препятствовал росту экономической активности представителей благородного сословия. Например, чтобы побудить дворян вкладывать капиталы в компании для торговли с Индией, короли были вынуждены выпускать специальные эдикты, гарантирующие сохранение «благородства» для акционеров-дворян.

К стр. 356: * — *бессодержательного концепта «половинчатой революции»* — В переводе на английский, выполненном Валлерстайном с французского перевода книги Б. Поршнева, оригинальное свободное словосочетание «половинчатая революция» выглядит как имеющее явно терминологический оттенок понятие *semi-revolution*.

К стр. 357 сн. 318: * — *высших судов и региональных парламентов (Cours souverains)* — Этим термином (буквальное значение — «суверенные палаты») обозначались как четыре верховных суда Франции Старого режима, так и региональные парламенты — судебные палаты, по факту отчасти выполнявшие и законодательные функции. На момент вступления на престол Людовика XIV существовало десять таких парламентов: в Париже, Тулузе, Бордо, Гренобле, Дижоне, Руане, Эксе, Ренне, По и Меце. Кроме того, существовали парламент в области Домб (с 1523 года), формально не включенной в состав королевства Франция (сам парламент заседал в Лионе), и аналогичный парламенту по своим функциям провинциальный совет в Аррасе (провинция Артуа, с 1640 года). В начале Фронды, в 1648 году, парижский парламент и другие суверенные палаты Франции заставили королевское правительство частично отменить систему королевских представительства в регионах (интендантств), посты интендантов при этом сохранились лишь при армиях и в приграничных провинциях. Однако после окончания

Фронды система интенданств была восстановлена в полном объеме и стала главным инструментом региональной политики Людовика XIV. В 1661 году Людовик XIV приказал переименовать «суверенные палаты» в «верховные палаты» (*cours supérieures*), поскольку, согласно господствовавшему учению о суверенитете, последним мог обладать только король. Новое название отражало резкое снижение роли традиционных, в том числе региональных судебно-законодательных органов: теперь им было дозволено рассматривать только те дела, которые представлялись интендантами.

К стр. 357 сн. 318: ** — *Королевский совет (Conseil du roi)* — высший правительственный орган Франции в XIII–XVIII веках. Развился из совета крупных светских и церковных феодалов, состоявших при короле (*curia regis, cour du roi*). По мере расширения и укрепления королевской власти в XIII веке в Королевский совет стали входить легисты, имевшие в нем большое влияние. При Людовике IX из состава Королевского совета выделился Парижский парламент, при Филиппе IV Красивом — Счетная палата. В XIV веке Королевский совет окончательно оформился как высший правительственный орган, руководивший внешней и внутренней политикой, и как верховный королевский суд. Он был значительно реорганизован при Ришелье и Людовике XIV. Начиная с XVI века Королевский совет состоял из нескольких секций, состав и функции которых менялись на протяжении XVI–XVII столетий. При Людовике XIV было 4 таких секции: Высший совет (*conseil d'Etat* или *conseil d'en haut*), объединявший короля, дофина, министров, ряд принцев крови и военачальников, был аналогом нынешнего кабинета министров, занимавшимся всеми наиболее важными государственными вопросами; Совет депеш (*Conseil des depêches*), занимавшийся вопросами внутренней политики; Финансовый совет (*Conseil des finances*) и Частный совет (или Совет сторон) (*Conseil prive* или *Conseil des parties*), известный также как Государственный совет, являвшийся судебной — и наиболее многочисленной — секцией Королевского совета.

К стр. 357: *** — *более старой группы, состоявшей из нотаблей (notables) и дворянства мантии (noblesse de robe), чиновников (officiers), а также членов высших судов и региональных парламентов (Cours souverains и parlements), и сравнительно новой группы: комиссаров (commissaires) и государственных советников (Conseillers d'Etat), а также интендантов (intendants) и докладчиков (maîtres de requêtes)* — Начиная с 1483 года короли Франции, нуждавшиеся в деньгах, прибегали к массовой продаже большей части должностей в государственном аппарате тем, кто мог за них заплатить. Вначале должность (*office*) продавалась на срок жизни покупателя, после смерти которого должность возвращалась в распоряжение короля. После 1604 года при условии регулярной уплаты определенного ежегодного процента (*полетты*) купленные должности могли свободно передаваться, наследоваться или продаваться. Постепенно сложилась ситуация, когда чиновники (*officiers*), купившие должности, превратились в наследственную и автономную по отношению к королю корпорацию «дворянства мантии», обладавшую большим могуществом и собственными интересами. В результате эффективность работы государственного аппарата существенно снизилась, что не устраивало монархов, так как это сильно затрудняло процесс управления Францией. С этого времени для решения важных задач короли Франции стали назначать

комиссаров, то есть своих личных представителей, которые непосредственно представляли персону монарха и поэтому обладали экстраординарными полномочиями. Комиссары не обладали правами собственности на свои должности, поскольку последние не продавались. В отличие от «старых» чиновников (*officiers*), комиссары могли быть назначены или смещены королем в любое удобное для него время. Комиссары были эффективным инструментом осуществления королевской власти — внешней силой, призванной осуществлять волю монарха, несмотря на злоупотребления и неэффективную работу «старых» чиновников, купивших свои должности. Первоначально комиссары выполняли в основном временные контрольно-инспекционные задачи, а не постоянные функции непосредственного управления, их полномочия были ограничены во времени, пространстве и компетенции, но постепенно они становились постоянными, как это было с важнейшим институтом провинциальных *интендантов*. В первой половине XVII века на основе системы комиссаров складывается новый государственный аппарат, функционировавший параллельно старому, основанному на принципе продаже должностей. «Старые» чиновники и «новые» комиссары длительное время ожесточенно боролись за реальную власть — прежде всего за контроль над сбором и распределением фискальных поступлений. Постепенно комиссары превратились из контролеров и инспекторов в постоянных администраторов. Важнейшим стимулом для этого послужило вступление Франции в Тридцатилетнюю войну в 1635 году. Потребность собирать резко возросшие налоги, необходимые для ведения войны, привела к тому, что институт комиссаров в конце правления кардинала Ришелье отодвинул чиновников на второй план и стал играть решающую роль в управлении государством. Наиболее яркими проявлениями этого процесса стало введение кардиналом Ришелье в 1635 году интендантов во всех провинциях Франции и передача им в 1641 году права собирать и распределять налоги. С этого времени и вплоть до начала Великой Французской революции в 1789 году французскими регионами фактически управляли интенданты. *Государственный советник* — одна из высших государственных должностей Франции. До Великой Французской революции насчитывалось 30 государственных советников, по 3 из которых назначались от старой знати и духовенства, а остальные — из числа «дворянства мантии». О «докладчиках» см. выше, прим. к с. 353.

К стр. 358 сн. 326: * — Цитата из поэмы «Вражда в республике» итальянского поэта Джозуэ Кардуччи (1835–1907). В конце XIII — начале XIV веков Сардиния принадлежала Пизанской республике.

К стр. 358: ** — *fleur de lys* — Цветок лилии — символ французской монархии и ее иносказательное название.

К стр. 361 сн. 331: * — Николя Демаре, маркиз де Мельбуа (1648–1721) — министр финансов в последние 7 лет правления Людовика XIV (1708–1715), племянник Жана-Батиста Кольбера. Демаре за время своей работы обеспечил преодоление больших трудностей, связанных с финансированием французского участия в войне за Испанское наследство, окончившейся, как известно, воцарением в Испании Бурбонов.

ГЛАВА 6

К стр. 372 сн. 3: * — *Чифтлик* — Система частного наследственного землевладения в Османской империи, существовавшая со второй половины XVI века. Происхождение чифтлика связано с разложением предшествовавшей ей системы ленов (тимаров), предоставлявшихся в условное держание за военную службу. Чифтлики являлись фактическими частными наследственными земельными владениями, хотя в основном создавались на формально принадлежащих государству землях. Чифтлики были ориентированы на удовлетворение растущего рыночного спроса на сельскохозяйственную продукцию со стороны османских городов и стран Западной Европы. Владельцы чифтликов, в отличие от прежних держателей тимаров, делали ставку не столько на сбор фиксированного налога-ренты с подвластных крестьян, сколько на хозяйственную эксплуатацию земли. С целью увеличения своих доходов владельцы чифтликов систематически стремились лишить крестьян прав на обрабатываемую землю, чтобы превратить их в безземельных арендаторов. С одной стороны, чифтлики способствовали развитию товарного сельского хозяйства, при этом их распространение привело (наряду с другими причинами) к существенному ухудшению положения османского крестьянства. С другой стороны, распространение чифтликов, равно как и системы краткосрочных (ильтизам) и долгосрочных (маликьяне) откупов, в XVII-XVIII веках стало основой могущества нового провинциального нобилитета (аянов), который фактически присвоил власть во многих османских провинциях и резко ослабил позиции султанского правительства в Стамбуле. В период либеральных реформ XIX века (эпоха Танзимата) чифтлики постепенно превратились в форму крупной безусловной земельной собственности.

К стр. 375: * — *экономические трудности 1626–1629 годов* — В 1626–1629 годах, в ходе так называемой Прусской войны между Швецией и Польшей, шведские войска оккупировали всю прибрежную территорию Восточной Пруссии. Однако польские войска остановили шведское наступление в Поморье и не допустили захвата ими Гданьска. Несмотря на успехи польской армии, экономическое ослабление вынудило Речь Посполитую заключить крайне невыгодное Альтмаркское перемирие сроком на 6 лет. Согласно условиям этого договора, Швеция получила большую часть Ливонии с городом Рига и захваченные ею приморские города в Пруссии. Речь Посполитая вынуждена была ликвидировать свой военный флот на Балтике и передать Швеции право сбора 2/3 таможенных пошлин в польских и прусских портах. Полученные таким образом средства стали одним из важных источников финансирования шведского участия в Тридцатилетней войне. Победа над Речью Посполитой позволила королю Швеции Густаву Адольфу в 1630 году вторгнуться в Германию, вступив в Тридцатилетнюю войну на стороне противников Габсбургов.

К стр. 378: * — *Московская компания* — The Moscovy Company, или The Russian Company, была основана в 1555 году, через год после путешествия Ричарда Ченслера, открывшего морской путь из Англии в Архангельск. О значимости предприятия говорит то, что устав компании принимался английским парламентом.

- К стр. 382: * — *Уровень местных сеймиков* — В практике Польского королевства (с XV века) и позднее Речи Посполитой сеймиками назывались собрания шляхты одного воеводства или повета (уезда), то есть региональные собрания депутатов. В современной Польше представительские органы воеводств также называются сеймиками.
- К стр. 383: * — *Gutsherrschaft ... Gutswirtschaft* — см выше, прим. к стр. 113, сн. 100.
- К стр. 389: * — *Поместный приказ* — один из центральных государственных органов допетровской России, образовался в середине 50-х годов XVI века. Первоначально назывался Поместной избой. Поместный приказ наделял служилых людей поместьями, ведал фондом «пустых» поместных земель, регистрировал и контролировал все изменения в сфере землевладения (поместного, светского и церковного вотчинного); проводил общие и частные описания земель и переписи населения, в связи с чем ведал в том числе сыском беглых крестьян; играл роль центральной судебной инстанции по земельным делам. Окончательно упразднён в 1720 году.
- К стр. 393: * — *русские были рады и краткому перемирию со Швецией 5 августа 1583 года* — Дата так называемого первого Плюсского перемирия, по которому стороны договорились о прекращении военных действий, отложив решение территориальных споров на три года. Фактически же шведы удержали Нарву, Ивангород, Ям, Копорье и Корелу с уездами; Московское государство сохранило лишь небольшой участок побережья Финского залива в устье Невы.
- К стр. 395 сн. 90: * — *«куриная война»* — В основе конфликта польского короля Сигизмунда I Ягеллона с шляхтой лежал процесс постепенного превращения в наследственное владение земель, которые раздавались во временное пользование при условии освобождения их владельцев от повинностей. Отдельной причиной конфронтации была политика королевы Боны Сфорца, фактически правившей Польшей вместо Сигизмунда с опорой на старую аристократию. На сейме 1535 года по предложению Сигизмунда состоялось постановление о проверке шляхетских прав на землю на основе коронной метрики. Сигизмунд решил провести общую проверку шляхетских прав и статуты, а затем восстановить некоторые налоги, отменённые прежними королями, например, воловщину с продаваемого шляхтой скота. Это возбудило сильное недовольство, и когда в 1537 году во Львове собралось «посполитое рушенье» (всеобщее ополчение) против Молдавии, шляхта в количестве 150 тысяч человек отказалась примкнуть к нему, в результате чего поход не состоялся. Этот эпизод носит ироническое название «куриной войны» (*wojna kokosza*). В том же году Сигизмунд признал право магнатов избирать короля.
- К стр. 399 сн. 103: * — *заметные усилия в улаживании конфликтов [в 1617, 1629, 1635 годах]* — Имеются в виду, очевидно, следующие события. 9 марта 1617 года — подписание при посредничестве Англии и Соединённых Провинций Столбовского мира России и Швеции, по которому России был возвращён Новгород, а шведы удержали побережье Балтийского моря от Нарвы до Корелы. 26 сентября 1629 года при посредничестве Англии, Франции и Соединённых Провинций было заключено Альтмаркское перемирие между Речью Посполитой и Швецией. Этот договор, подписанный сторонами благодаря действиям представителя Ришелье барона де Шарнасе, развязал шведам руки для вступления

в Тридцатилетнюю войну на стороне антигабсбургской коалиции. В 1635 году в связи с истечением срока действия Альтмаркского перемирия возникла угроза возобновления войны между Швецией и Речью Посполитой. Швеция, втянутая в Тридцатилетнюю войну, находилась перед перспективой открытия второго фронта на Балтике. Подобный сценарий категорически не устраивал Францию, только что заключившую военный союз с Швецией и вступившую в Тридцатилетнюю войну на стороне антигабсбургской коалиции. Французская дипломатия при поддержке Англии и Соединенных Провинций приложила все усилия, чтобы не допустить новой польско-шведской войны. В результате переговоров при посредничестве Франции 12 сентября 1635 года Швеция и Речь Посполитая подписали Штумсдорфское перемирие сроком на 26,5 лет. По условиям договора Швеция была вынуждена уступить захваченные ею в 1629 году прусские города, отказаться от взимания пошлин в польских и прусских портах. В ответ Речь Посполитая обещала не поддерживать врагов Швеции, а король Владислав IV Ваза официально отказался от своих претензий на шведскую корону. Несмотря на серьезные уступки, Штумсдорфское перемирие оказалось крайне выгодным для Швеции, так как позволило ей вплоть до 1648 года сосредоточить все усилия на войне в Германии, не опасаясь угрозы со стороны Речи Посполитой.

- К стр. 399 сн. 104: ** — *раздаточной системы* — Система простейшего мануфактурного производства, или рассеянной мануфактуры, для которой была характерна эксплуатация торговым капиталом ремесленников, работавших на дому, отсюда другое название — надомничество. См. у Броделя (Средиземноморье, II, 105): «Я бы перевел этот термин как авансовая система: купец, доверитель, *Verleger*, передает ремесленнику товар, который должен обработать его за определенную плату. Эта система была известна и до XVI века, но теперь она распространяется там, где не была ранее известна (например, по всей видимости, в Кастилии), и там, где она имела незначительное применение (как в Венеции)».
- К стр. 400 сн. 107: * — Путешественник Рафаэль Барберини посетил Московию в 1564 году и оставил ценные заметки о российской торговле того времени.
- К стр. 401: * — *нападение турок в 1516 году* — В 1516 году турецкий султан Селим I Явуз (Грозный) разбил мамлюков и присоединил к Османской империи Сирию и Палестину. В 1517 году он уничтожил султанат мамлюков, завоевав Египет. В этом же году Селим был признан в Мекке и Медине верховным покровителем обоих священных городов ислама. Считается, что султан Селим был при этом провозглашен халифом, однако это миф, придуманный в XVIII веке — на деле султана просто не интересовал пустой титул халифа.
- К стр. 402: * — *царство пресвитера Иоанна* — Легенда о христианском царстве пресвитера Иоанна впервые появляется в хронике Оттона Фрейзингенского в 1145 году. Изначально европейцы считали, что это царство находится где-то в центральной Азии, однако путешествия на Восток Гильома де Рубрука, Джованни дель Плано Карпини и Марко Поло эту гипотезу не подтвердили. Жуан II Совершенный (1455–1495), король Португалии с 1481 года, в 1487 году отправил своих придворных Педру да Ковильяна и Альфонса Паиву в путешествие по Африке в надежде найти государство пресвитера там, а также исследовать земли,

откуда в Европу попадают пряности. В Каире посланцы короля разделились. Экспедиция Паиву прибыла в Абиссинию, где большинство населения исповедовало монофизитство, в связи с чем местный царь был признан пресвитером Иоанном. Ковильян же в сопровождении нескольких мавров отплыл из в сторону Индии, посетив Суэц (Торо), Аден, Ормуз, Гоа, Каликут и Софальский берег в Мозамбике. Вернувшись в Каир в 1490 году, Ковильян составил отчет для короля, дав совет искать путь в Индию не по суше, а по морю, плывя южнее Гвинеи в сторону Острова Луны (Мадагаскара). Послание Кавильяна было доставлено в Португалию евреями-торговцами, и несколько лет спустя замысел морского путешествия в Индию был осуществлён Васко да Гамой. Сам Ковильян отправился в Эфиопию, где тем временем умер Паиву; император наделил его землями и дал хорошее место при дворе, однако вернуться на родину не разрешал до самой смерти.

К стр. 402 сн. 114: ** — Афонсу Албукерки (1453–1515) — португальский мореплаватель, вице-король португальских владений в Индии (с 1510 года). О его деятельности см. ниже.

К стр. 404 сн. 123: * — *начиная с 1597 года торговля вернулась в руки государства* — Возможно, Валлерстайн имеет в виду не какой-то конкретный акт, а то, что с 1597 года в Индийский океан стали проникать голландцы, что очень быстро повысило риски португальской торговли там и, возможно, сделало их слишком высокими для частных предпринимателей.

К стр. 404: ** — *Кочин* — город на Малабарском берегу Аравийского моря, где было основано первое поселение европейцев в Индии (1500).

К стр. 406 сн. 133: * — Тоётоми Хидэёси (1536–1598) — японский военачальник и государственный деятель, объединивший страну и ставший военным диктатором Японии (1585). При нем была впервые отчеканена японская золотая монета и начались гонения в отношении христианских миссионеров и обращенных в христианство японцев.

К стр. 407 сн. 139: * — После первой встречи с правителем Каликута, который одарил португальцев тканями, Васко да Гама объявил, что он — официальный представитель далекого заморского короля, могущественнейшего из государей подлунного мира, и пришел сюда, чтобы привести все народы к покорности этому королю. Он также настаивал, чтобы на аудиенцию к правителю его несли в паланкине в окружении трубачей и знаменосцев, после чего вручил правителю Каликута дешевые ткани и ящик сахара. Правитель отверг эти подарки и приказал португальцам оставаться на берегу под домашним арестом, а также сдать все парусное снаряжение и корабельные рули.

К стр. 412 сн. 159: * — *квинтал малагетты стоил 8 крузадо* — Квинтал — мера веса в испано- и португалоговорящих странах. Португальский квинтал в описываемое время был равен 112 английским фунтам, т.е. 50,85 кг. Золотой крузадо впервые был отчеканен в правление португальского короля Альфонса V (1438–1481) и содержал 3,76 г золота. В середине XVI века содержание золота в нем снизилось до 2,84 г.

К стр. 413: * — *Филиппины... только в 1564 году* — Испанская экспедиция Легаспи высадилась на острове Себу и основала там постоянное поселение в апреле 1565 года. В 1570 году испанцы появились на Лусоне, а в июне 1571 года основали Манилу. Испанская борьба за полный контроль

над всеми Филиппинами растянулась на столетия и была завершена только в XIX веке.

К стр. 414 сн. 169: * — *о неудачах на Эспаньоле* — Ныне остров Гаити, открытый Колумбом.

К стр. 414 сн. 170: ** — *предотвратить появление конкурирующих береговых анклавов французов и англичан* — Это был не напрасный страх: между 1555 и 1567 годами в районе нынешнего Рио-де-Жанейро существовала французская гугенотская колония Форт Колиньи, которую португальцам удалось ликвидировать только ценой больших усилий.

К стр. 414 сн. 170: *** — *чтобы привлечь в свою американскую колонию частный капитал, корона разделила ее на 12 наследственных капитанств* — В 1530-х годах Португалия пыталась насадить в Бразилии систему капитанств (*capitanias*). Крупнейшими земельными собственниками были донатари (в переводе — «люди, получившие что-либо в дар»), обычно много лет прослужившие в Индии. Они получили от короля в наследственное владение огромные земельные угодья (капитанства), где обладали широкими административными и юридическими правами. Однако не все донатари поселялись в своих владениях, а некоторые из них обанкротились. Сохранились лишь два капитанства — Пиратининга (будущий Сан-Паулу) и Сан-Висенти (будущий Сантуш). Португальский король отказался от системы частной колонизации и в 1549 году назначил в Бразилию генерал-губернатора.

К стр. 415 сн. 173: * — *Французская коралловая компания* (*Magnifique Compagnie du corail*) была основана в 1550–1551 годах корсиканской семьей Ленше, обосновавшейся в Марселе. Основатели компании получили от дея Алжира право добывать кораллы около города Бон, а король Франции даровал им монополию на торговлю кораллами во Франции. Постепенно компания диверсифицировала свои операции и превратилась в доминирующего участника франко-алжирской торговли. В 1570–1580 годах компания семьи Ленше достигла большого коммерческого успеха и распространила свою деятельность на Тунис и Триполитанию. В первой половине XVII века бизнес компании приходит в упадок из-за нападений алжирцев и генуэзцев на ее фактории в Северной Африке. Несмотря на ряд попыток спасти компанию, в которых участвовала и французская корона, после 1637 года коралловая компания фактически прекратила существование.

К стр. 415: ** — *Испания отказалась от манильских галеонов* — Имеется в виду ограничение на плавание кораблей по маршруту Манила — Акапулько, пролоббированное севильскими купцами в 1593 году. Если с 1565 года, после открытия этого маршрута, из каждого порта ежегодно отправлялись три и более корабля, то после 1593 года было разрешено отправлять всего два корабля в год, причем один из них должен был стоять в порту, пока другой находился в плавании.

К стр. 415 сн. 174: *** — *в дальнейшем отсутствие манильской торговли компенсировалось экспортом благородных металлов* — Похоже, что Шоню имеет в виду поставки серебра из Мексики в Манилу для покрытия разницы платежного баланса торговли с Китаем и Японией, то есть той доли, которую испанцы не могли компенсировать за счет перепродажи других товаров.

К стр. 419 сн. 185: * — *Португальцы были вынуждены демонтировать здесь вассальное королевство* — Устье реки Конго открыл в 1482 году португальский

мореплавателем Дьогу Кан. В это время здесь существовало крупное государство, известное как королевство Конго. Несколько представителей знати этого государства отправились в Португалию вместе с Каном. В 1491 году Кан вернулся в Конго вместе с католическими священниками и солдатами, после чего король Конго Нзинга а Нкуву принял христианство и стал называться Жуаном в честь тогдашнего португальского короля, хотя затем вернулся к своей традиционной вере. Его сын Афонсу Мвемба а Нзинга правил в Конго с 1506 по 1543 годы и объявил христианство официальной религией страны. При нем на побережье Конго распространилась португальская работорговля. Последующие короли Конго также носили португальские имена. После смерти Афонсу в Конго началась многолетняя междоусобная война, и португальцам удалось закрепиться на его территории лишь в 1575 году с основанием колонии Луанда.

К стр. 419: ** — *доля португальцев в азиатской торговле начала убывать* — Османы, завоевав в 1517 году Мамлюкский султанат в Египте, унаследовали его интересы в торговле пряностями и другими ценными товарами в Индийском океане. В начале XVI века португальцы, появившиеся в Индийском океане, нанесли огромный ущерб египетской торговле. С целью восстановления этой торговли османы в середине XVI века проводили направленную против португальцев экспансию в бассейне Красного моря и в Индийском океане. В 1538 и 1548 годах османские войска захватывали Аден, ключевой торговый порт у входа в Красное море, и устанавливали действенный контроль над Йеменом (в 1540 году на его территории была создана османская провинция — эялет Сана). В 1538 и 1554 годах османские флотилии предпринимали неудачные антипортугальские экспедиции к западному берегу Индии. В 1549–1556 годах войска османов потеснили португальцев в Персидском заливе. В 1557 году османские войска захватили Массауа, а также ряд других портов в Эритрее и Сомали, которые были объединены в османскую провинцию (эялет) Хабеш. Тем самым были затруднены контакты между португальцами и негусами Эфиопии, а сами османы взяли под контроль конечные точки торговых маршрутов на Африканском Роге. Наконец, в 1568–1569 годах османская эскадра предприняла экспедицию к берегам Индонезии, в результате чего султанат Ачех на Суматре, нуждавшийся в помощи против португальцев из Малакки, признал свою зависимость от османов. Совокупным итогом османской экспансии в Индийском океане стали значительное оживление мусульманской торговли с Индией с середины XVI века и определенное ослабление коммерческих позиций португальцев, хотя османы так и не смогли вытеснить их из Индийского океана.

К стр. 420 сн. 189: * — *попытка создать такую компанию имела место в 1628 году, но провалилась* — В 1628 году король Испании и Португалии Филипп IV/III утвердил хартию португальской Ост-Индской компании, моделью для которой послужили соответствующие британская и голландская компании. Король даровал португальской Ост-Индской компании монополию на торговлю пряностями со странами Индийского океана. Целью создания такой компании было привлечение частных капиталов в азиатскую торговлю Португалии. Однако достичь поставленной цели не удалось, и уже в 1633 году компания прекратила свою деятельность.

К стр. 422 сн. 197: * — *полуостров Арайя* — Расположен на территории нынешней Венесуэлы к северо-востоку от озера Маракайбо.

К стр. 424: * — *португальского Индийского государства (Estado da Índia)* — так до 1752 года обозначалась вся совокупность португальских владений в Индийском и Тихом океанах от Мозамбика до Макао и Тимора. Эту структуру, разделенную на несколько провинций во главе с губернаторами, возглавлял с 1505 года вице-король, резиденция которого находилась в индийском городе Гоа. В XIX веке пределы Estado da Índia были административно ограничены рамками португальских колоний в самой Индии, и в таком виде оно существовало вплоть до присоединения этих колоний к Индийской республике в 1961 году.

ГЛАВА 7

К стр. 432: * — *an sich... für sich* — В философии Гегеля первым термином обозначается явление в потенции, вторым — явление, самоосознающее себя и действующее сознательно, то есть субъект.

К стр. 432: ** — *для выших страт открытый конфликт (а стало быть, и очевидное самосознание) всегда есть faute de mieux* — имеется в виду, что конфликт — это менее желательный вариант, которого избегают при наличии альтернатив.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Abel, Wilhelm.* Die Wüstungen des Ausgehenden Mittelalters, 2nd ed. Stuttgart: Fisher Verlag, 1955.
- Abrate, Mario.* Creta, colonia veneziana nei secoli XIII-XV // *Economia e storia*, IV, 3, lugl. — sett., 1957, pp. 251-277.
- Actes du Colloque de la Renaissance.* Paris: Lib. Philosophique J. Vrin, 1958.
- Ardant, Gabriel.* Théorie sociologique de l'impôt, 2 vol. Paris: S.E.V.P.E.N., 1965.
- Arnold, Stanislaw.* Les idées politiques et sociales de la Renaissance en Pologne // *La Pologne au Xe Congrès International des Sciences Historiques à Rome.* Warszawa: Académie Polonaise des Sciences, Institut d'Histoire, 1955, pp. 147-165.
- Ashton, Robert.* Revenue Farming under the Early Stuarts // *Economic History Review*, 2nd ser., VIII, 3, 1956, pp. 310-322.
- Ashton, Robert.* Charles I and the City // *Essays in the Economic and Social History of Tudor and Stuart England*, F. J. Fisher, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1961, pp. 138-163.
- Aspetti e cause della decadenza economica veneziana nel secolo XVII.* Atti del Convegno (27 giugno — 2 luglio 1957). Venezia-Roma: Istituto per la Collaborazione Culturale, 1961.
- Aydelotte, Frank.* Elizabethan Rogues and Vagabonds, Vol. I of *Oxford Historical and Literary Studies.* London and New York: Oxford Univ. Press (Clarendon), 1913.
- Aylmer, G. E.* The King's Servants. New York: Columbia Univ. Press, 1961.
- Aznar, Luis.* Las etapas iniciales de la legislación sobre indios // *Cuadernos americanos*, VII, 5, sept. — oct., 1948, pp. 164-187.
- Baehrel, René.* Economie et histoire à propos des prix // *Eventail de l'histoire vivante: hommage à Lucien Febvre.* Paris: Lib. Armand Colin, 1953, I, pp. 287-310.
- Baehrel, René.* Une croissance: la Basse-Provence rurale (fin XVIe siècle — 1789). Paris: S.E.V.P.E.N., 1961.
- Bagù, Sergio.* La economía de la sociedad colonial // *Pensamiento critico*, No. 27, abril 1969, pp. 30-65.
- Balandier, Georges.* Daily Life in the Kingdom of the Kongo. New York: Pantheon, 1968.
- Barbour, Violet.* Dutch and English Merchant Shipping in the Seventeenth Century // *Essays in Economic History* / E. M. Carus-Wilson, ed. New York: St. Martin's, 1965, I, pp. 227-253. (Originally in: *Economic History Review*, II, 1930.)
- Barbour, Violet.* Capitalism in Amsterdam in the Seventeenth Century. Ann Arbor, Michigan: Ann Arbor Paperbacks, 1963.
- Barkan, Ömer Lütfi.* La 'Méditerranée' de Fernand Braudel vue d'Istamboul // *Annales E.S.C.*, IX, 2, avr. — juin 1954, pp. 189-200.
- Barley, M. W.* Rural Housing in England // *The Agrarian History of England and Wales*, IV, 1500-1640 / Joan Thirsk, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, pp. 696-766.
- Baron, Salo W.* A Social and Religious History of the Jews, 2nd ed., III: Heirs of Rome and Persia. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1957.
- Baron, Salo W.* A Social and Religious History of the Jews, 2nd ed., IV: Meeting of East and West. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1957.

- Baron, Salo W.* A Social and Religious History of the Jews, 2nd ed., XI: Citizen or Alien Conjuror. New York: Columbia Univ. Press, 1967.
- Baron, Salo W.* A Social and Religious History of the Jews, 2nd ed., XII: Economic Catalyst. New York: Columbia Univ. Press, 1967.
- Barracrough, Geoffrey.* History in a Changing World. Oxford: Blackwell, 1957.
- Barracrough, Geoffrey.* The Origins of Modern Germany. Oxford: Blackwell, 1962.
- Barracrough, Geoffrey.* Universal History // Approaches to History: A Symposium / H. P. R. Finberg, ed. Toronto: Univ. of Toronto Press, 1962, pp. 83–109.
- Batho, Gordon.* Landlords in England, A: The Crown // The Agrarian History of England and Wales, IV, 1500–1640 / Joan Thirsk, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, pp. 256–276.
- Batho, Gordon.* Landlords in England, B: Noblemen, Gentlemen, and Yeomen // The Agrarian History of England and Wales, IV, 1500–1640 / Joan Thirsk, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, pp. 276–306.
- Bauthier, Robert Henri.* The Fairs of Champagne // Essays in French Economic History / Rondo E. Cameron, ed. Homewood, Illinois: Irwin, 1970, pp. 42–63.
- Becker, Marvin B.* Economic Change and the Emerging Florentine Territorial State // Studies in the Renaissance, XIII, 1966, pp. 7–39.
- Beloff, Max.* The Age of Absolutism, 1660–1815. New York: Harper, 1962.
- Bennett, M. K.* The World's Food. New York: Harper, 1954.
- Beresford, Maurice W.* The Lost Villages of England. London: Lutterworth Press, 1954.
- Berrill, K.* International Trade and the Rate of Economic Growth // Economic History Review, 2nd ser., XII, 3, 1960, pp. 350–359.
- Betts, Reginald R.* La société dans l'Europe centrale et dans l'Europe occidentale // Revue d'histoire comparée, n.s., VII, 1948, pp. 167–183.
- Bindoff, S. T.* Tudor England, Vol. V of the Pelican History of England. London: Penguin Books, 1950.
- Bindoff, S. T.* Economic Change: The Greatness of Antwerp // New Cambridge Modern History, II, The Reformation, 1520–1559 / G. R. Elton, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1958, pp. 50–69.
- Bishko, Charles Julian.* The Castilian as Plainsman: The Medieval Ranching Frontier in La Mancha and Extremadura // The New World Looks at Its History / Archibald R. Lewis and Thomas F. McGann, eds. Austin: Univ. of Texas Press, 1967, pp. 47–69.
- Bitton, Davis.* The French Nobility in Crisis. Stanford, California: Stanford Univ. Press, 1969.
- Blanchard, Ian.* Population Change, Enclosures, and the Early Tudor Economy // Economic History Review, 2nd ser., XXIII, 3, Dec. 1970, pp. 427–445.
- Bloch, Marc.* Medieval 'Inventions' // Land and Work in Medieval Europe. Berkeley: Univ. of California Press, 1967, pp. 169–185. (Translated from: Annales d'histoire économique et sociale, No. 36, Nov. 1935.)
- Bloch, Marc.* Economie-nature ou économie-argent: un pseudo-dilemme // Annales d'histoire sociale, I, 1939, pp. 7–16.
- Bloch, Marc.* Esquisse d'une histoire monétaire de l'Europe // Cahiers des Annales, 9. Paris: Lib. Armand Colin, 1954.
- Bloch, Marc.* Seigneurie française et manoir anglais. Paris. Lib. Armand Colin, 1960.
- Bloch, Marc.* Feudal Society. Chicago, Illinois: Univ. of Chicago Press, 1961.
- Bloch, Marc.* Les caractères originaux de l'histoire rurale française, 2 vol. Paris: Lib. Armand Colin, 1964.
- Bloch, Marc.* The Rise of Dependent Cultivation and Seigniorial Institutions // Cambridge Economic History of Europe, I, The Agrarian Life of the Middle Ages / M. M. Postan, ed., 2nd ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, pp. 235–290.
- Blum, Jerome.* Prices in Russia in the Sixteenth Century // Journal of Economic History, XVI, 2, June 1956, pp. 182–199.

- Blum, Jerome.* Rise of Serfdom in Eastern Europe // *American Historical Review*, LXII, 4, July 1957, 807–836.
- Blum, Jerome.* Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1961.
- Borah, Woodrow.* Silk-raising in Colonial Mexico, *Ibero-Americana*: 20. Berkeley: Univ. of California Press, 1943.
- Borah, Woodrow.* New Spain's Century of Depression, *Ibero-Americana*: 35. Berkeley: Univ. of California Press, 1951.
- Borah, Woodrow.* Early Colonial Trade Between Mexico and Peru, *Ibero-Americana*: 38. Berkeley: Univ. of California Press, 1954.
- Boserup, Ester.* The Conditions of Economic Growth. Chicago, Illinois: Aldine, 1965.
- Bouwsmas, William J.* Politics in the Age of the Renaissance // *Chapters in Western Civilization*, 3rd ed. New York: Columbia Univ. Press, 1961, I, pp. 199–244.
- Bouwsmas, William J.* Venice and the Defenses of Republican Liberty. Berkeley: Univ. of California Press, 1968.
- Bowden, P. J.* Wool Supply and the Woollen Industry // *Economic History Review*, 2nd ser., IX, 1, 1956, pp. 44–58.
- Bowden, P. J.* "The Wool Trade in Tudor and Stuart England". New York: Macmillan, 1962.
- Bowden, P. J.* Agricultural Prices, Farm Profits, and Rents // *The Agrarian History of England and Wales*, IV, 1500–1640 / Joan Thirsk, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, pp. 593–695.
- Boxer, C. R.* The Christian Century in Japan. Berkeley: Univ. of California Press, 1951.
- Boxer, C. R.* The Portuguese in the East, 1500–1800 // *Portugal and Brazil, an Introduction* / H. V. Livermore, ed. London and New York: Oxford Univ. Press (Clarendon), 1953, pp. 185–247.
- Boxer, C. R.* Four Centuries of Portuguese Expansion, 1415–1825. Johannesburg: Witswatersrand Univ. Press, 1961.
- Boxer, C. R.* Race Relations in the Portuguese Colonial Empire, 1415–1825. London and New York: Oxford Univ. Press (Clarendon), 1963.
- Boxer, C. R.* The Portuguese Seaborne Empire, 1415–1825. New York: Knopf, 1969.
- Braudel, Fernand.* Monnaies et civilization: de l'or du Soudan à l'argent d'Amérique // *Annales E.S.C.*, I, I, janv. — mars 1946, pp. 9–22.
- Braudel, Fernand.* La double faillite 'coloniale' de la France aux XVe et XVIe siècles // *Annales E.S.C.*, IV, 4, oct. — déc. 1949, pp. 451–456.
- Braudel, Fernand.* Qu'est-ce que le XVIe siècle? // *Annales E.S.C.*, VIII, 1, janv. — mars 1953, pp. 69–73.
- Braudel, Fernand.* L'économie de la Méditerranée au XVIIe siècle // *Les Cahiers de Tunisie*, IV, 14, 2e trimestre 1956, pp. 175–196.
- Braudel, Fernand.* Le pacte de ritorsa au service du roi d'Espagne et de ses prêteurs à la fin du XVIe siècle // *Studi in onore di Armando Saporì*. Milano: Istituto Edit. Cisalpino, 1957, II, pp. 1115–1125.
- Braudel, Fernand.* Les emprunts de Charles-Quint sur la Place d'Anvers // *Charles Quint et son temps, Colloques internationaux du C.N.R.S.*, Paris, 30 sept. — 3 oct., 1958. Paris: Ed. du C.N.R.S., 1959, pp. 191–201.
- Braudel, Fernand.* European Expansion and Capitalism: 1450–1650 // *Chapters in Western Civilization*, 3rd ed. New York: Columbia Univ. Press, 1961, I, pp. 245–288.
- Braudel, Fernand.* La Méditerranée et le monde méditerranéen à l'époque de Philippe II, 2e éd., revue et augmentée, 2 vol. Paris: Lib. Armand Colin, 1966.
- Braudel, Fernand.* Civilisation matérielle et capitalisme (XVe–XVIIIe siècle). Vol. I. Paris: Lib. Armand Colin, 1967.
- Braudel, Fernand, and Romano, Ruggiero.* Navires et marchandises à l'entrée du Port de Livourne (1547–1611). Paris: Lib. Armand Colin, 1951.

- Braudel, Fernand, and Spooner, Frank C.* Les métaux monétaires et l'économie du XVIe siècle // *Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, IV: Storia moderna* Firenze, G. B. Sansoni, 1955, pp. 233–264.
- Braudel, Fernand, and Spooner, Frank C.* Prices in Europe from 1450 to 1750 // *Cambridge Economic History of Europe, IV, The Economy of Expanding Europe in the 16th and 17th Centuries* / E. E. Rich and C. H. Wilson, eds. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, pp. 374–486.
- Brenner, Y. S.* The Inflation of Prices in Early Sixteenth-Century England // *Economic History Review*, 2nd ser., XIV, 2, 1961, pp. 225–239.
- Brinkmann, Carl.* The Hanseatic League: A Survey of Recent Literature // *Journal of Economic and Business History*, II, 4, Aug. 1930, pp. 585–602.
- Brulez, Wilfrid.* Les routes commerciales d'Angleterre en Italie au XVIe siècle // *Studi in onore di Amintore Fanfani, IV: Evo moderno*. Milano: Dott. A. Giuffrè-Ed. 1962, pp. 121–184.
- Brunner, Otto.* Europäisches und Russisches Bürgertum // *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, XL, 1, 1953, pp. 1–27.
- Brutzkus, J.* Trade with Eastern Europe, 800–1200 // *Economic History Review*, XIII, 1943, pp. 31–41.
- Bücher, Karl.* Industrial Evolution. New York: Holt, 1901.
- Buckatzsch, E. J.* The Geographical Distribution of Wealth in England, 1086–1843 // *Economic History Review*, 2nd ser., III, 2, 1950, pp. 180–202.
- Bulferetti, Luigi.* L'oro, la terra e la società: una interpretazione del nostro Seicento // *Archivio storico lombardo*, 8th ser., IV, 1953, pp. 5–66.
- Burckhardt, Jacob.* The Civilization of the Renaissance in Italy. New York: Modern Library, 1954.
- Cahen, Claude.* A propos de la discussion sur la féodalité // *La Pensée*, No. 68, juil. — août 1956, pp. 94–96.
- Cahen, Claude.* Au seuil de la troisième année: Réflexions sur l'usage du mot 'féodalité' // *Journal of the Economic and Social History of the Orient*, III, Pt. 1, Apr. 1960, pp. 2–20.
- Campbell, Mildred.* The English Yeomen Under Elizabeth and the Early Stuarts. New Haven, Connecticut: Yale Univ. Press, 1942.
- Capistrano de Abreu, J.* Capítulos de história colonial (1500–1800). Rio de Janeiro, Ed. da Soc. Capistrano de Abreu, Typ. Leuzinger, 1928.
- Carande, Ramón.* El crédito de Castilla en el precio de la política imperial, discurso leído ante la Real Academia de la Historia. Madrid, 1949.
- Carande, Ramón.* Carlos V y sus banqueros: La vida económica en Castilla (1516–1556), 2a. ed. corr. y aum., 2 vol. Madrid: Sociedad de Estudios y Publicaciones, 1965.
- Carsten, F. L.* The Origins of Prussia. London and New York: Oxford Univ. Press (Clarendon), 1954.
- Carus-Wilson, E. M.* An Industrial Revolution of the Thirteenth Century // *Economic History Review*, XI, 1941, pp. 39–60.
- Chabod, F. Y.* a-t-il un état de la Renaissance? // *Actes du Colloque sur la Renaissance*. Paris: Lib. Philosophique J. Vrin, 1958, pp. 57–74.
- Chang, T'ien-Tsé.* Sino-Portuguese Trade from 1514 to 1644. Leiden, Netherlands: Brill, 1934.
- Chaudhuri, K. N.* The East India Company and the Export of Treasure in the Early 17th Century // *Economic History Review*, 2nd ser., XVI, 1, Aug. 1963, pp. 23–38.
- Chaunu, Pierre.* Le galion de Manille // *Annales E.S.C.*, VI, 4, oct. — déc. 1951, pp. 447–462.
- Chaunu, Huguette & Pierre.* Économie atlantique, économie-monde (1504–1650) // *Cahiers d'histoire mondiale*, I, 1, juil. 1953, pp. 91–104.
- Chaunu, Huguette & Pierre.* Séville et l'Atlantique (1504–1650), I: Introduction méthodologique. Paris: Lib. Armand Colin, 1955.

- Chaunu, Pierre.* Pour une histoire économique de l'Amérique espagnole coloniale // *Revue historique*, LXXX, 216, oct. — déc. 1956, pp. 209–218.
- Chaunu, Pierre.* Séville et l'Atlantique (1504–1650), VIII (1): Les structures géographiques. Paris: S.E.V.P.E.N., 1959.
- Chaunu, Pierre.* Séville et l'Atlantique (1504–1650), VIII (2): La conjoncture (1504–1592). Paris: S.E.V.P.E.N., 1959. \
- Chaunu, Pierre.* Séville et l'Atlantique (1504–1650), VIII (2 bis): La conjoncture (1593–1650). Paris: S.E.V.P.E.N., 1959.
- Chaunu, Pierre.* Séville et la 'Belgique', 1555–1648 // *Revue du Nord*, XLII, 1960, pp. 259–292.
- Chaunu, Pierre.* Minorités et conjoncture: l'expulsion des Morèques en 1609 // *Revue historique*, CCXXV, 1, janv. — mars 1961, pp. 81–98.
- Chaunu, Pierre.* Le renversement de la tendance majeure des prix et des activités au XVIIe siècle // *Studi in onore di Amintore Fanfani*, IV: *Evo moderno*. Milano: Dott. A Giuffrè-Ed., 1962, pp. 219–255.
- Chaunu, Pierre.* L'Amérique et les Amériques. Paris: Lib. Armand Colin, 1964.
- Chaunu, Pierre.* Réflexions sur le tournant des années 1630–1650 // *Cahiers d'histoire*, XII, 3, 1967, pp. 249–268.
- Chaunu, Pierre.* L'expansion européenne du XIIIe au XVe siècle, Collection Nouvelle Clio: 26. Paris: Presses Universitaires de France, 1969.
- Chaunu, Pierre.* Conquête et exploitation des nouveaux mondes (XVIe siècle), Collection Nouvelle Clio: 26 bis. Paris: Presses Universitaires de France, 1969.
- Chaussinand-Nogaret, Guy.* Lor, le poivre, le Portugal et l'économie mondiale // *Annales E.S.C.*, XXV, 6, nov. — déc. 1970, pp. 1591–1596.
- Cheung, Steven N. S.* The Theory of Share Tenancy. Chicago, Illinois: Univ. of Chicago Press, 1969.
- Chevalier, François.* Land and Society in Colonial Mexico. Berkeley: Univ. of California Press, 1963.
- Christensen, Aksel E.* Dutch Trade to the Baltic about 1600. Copenhagen: Munksgaard, 1941.
- Ciocca, Pierluigi.* L'ipotesi del 'ritardo' dei salari rispetto ai prezzi in periodi di inflazione: alcune considerazioni generali // *Bancaria*, XXV, 4, apr. 1969, pp. 423–437; 5, maio 1969, pp. 572–583.
- Cipolla, Carlo M.* Mouvements monétaires dans l'Etat de Milan (1580–1700). Paris: Lib. Armand Colin, 1952.
- Cipolla, Carlo M.* Note sulla storia del saggio d'interesse — corso, dividendi, e sconto dei dividendi del Banco de S. Giorgio nel secolo XVI // *Economia internazionale*, V, 2, magg. 1952, pp. 255–274.
- Cipolla, Carlo M.* La prétendue 'révolution des prix' // *Annales E.S.C.*, X, 4, oct. — déc. 1955, pp. 513–516.
- Cipolla, Carlo M.*, Four Centuries of Italian Demographic Development // *Population in History* / D. V. Glass & D. E. C. Eversley, eds. London: Arnold, 1965, pp. 570–587.
- Cipolla, Carlo M.* Guns and Sails in the Early Phase of European Expansion, 1400–1700. London: Collins, 1965.
- Cipolla, Carlo M.* Clocks and Culture, 1300–1700. New York: Walker & Co, 1967. *Cipolla, Carlo M.*, Money, Prices, and Civilization in the Mediterranean World: Fifth to Seventeenth Century. New York: Gordian Press, Inc., 1967.
- Cipolla, Carlo M.* The Economic Decline of Italy // *Crisis and Change in the Venetian Economy in the Sixteenth and Seventeenth Centuries*, Brian Pullan ed. London: Methuen, 1968, pp. 126–145. (Revised and expanded version of *The Decline of Italy: The Case of a Fully-Matured Economy* // *Economic History Review*, V, 1952.)
- Clark, G. N.* The Seventeenth Century. London and New York: Oxford Univ. Press (Clarendon), 1929.
- Clark, G. N.* The Birth of the Dutch Republic // *Proceedings of the British Academy*, 1946, pp. 189–217.

- Clark, G. N. The Wealth of England from 1496 to 1760. London: Oxford Univ. Press, 1946.
- Coleman, D. C. An Innovation and its Diffusion: the 'New Draperies' // *Economic History Review*, 2nd ser., XXII, 3, Dec. 1969, pp. 417–429.
- Coles, Paul. The Crisis of Renaissance Society: Genoa, 1448–1507 // *Past & Present*, No. 11, April 1957, pp. 17–47.
- Colvin, H. M. Castles and Government in Tudor England // *English Historical Review*, LXXXIII, No. 327, Apr. 1968, pp. 225–234.
- Cook, Sherburne F., and Simpson, Lesley Boyd. The Population of Central Mexico in the Sixteenth Century, Ibero-Americana: 31. Berkeley: Univ. of California Press, 1948.
- Cooper, J. P. The Counting of Manors // *Economic History Review*, 2nd ser., VIII, 3, 1956, pp. 376–389.
- Cooper, J. P. Letter to the Editor // *Encounter*, XI, 3, Sept. 1958.
- Cooper, J. P. General Introduction // *New Cambridge Modern History*, IV, The Decline of Spain and the 'Thirty Years' War, 1609–48/59 / J. P. Cooper, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1970, pp. 1–66.
- Coornaert, Emile. La genèse du système capitaliste: grande capitalisme et économie traditionnelle au XVIe siècle // *Annales d'histoire économique et sociale*, VIII, 1936, pp. 127–139.
- Coornaert, Emile. Les échanges de la France avec l'Allemagne et les pays du Nord au XVIe siècle // *Revue d'histoire économique et sociale*, XXXV, 3, 1959, pp. 407–427.
- Coulbourn, Rushton. A Comparative Study of Feudalism, Part III of Feudalism in History / Rushton Coulbourn, ed. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1956, pp. 183–395.
- Craeybeckx, Jan. Quelques grands marchés de vins français dans les anciens Pays-Bas et dans le Nord de la France à la fin du Moyen Age et au XVIe siècle: Contribution à l'étude de la notion d'étape // *Studi in onore di Armando Saporì*. Milano: Istituto Edit. Cisalpino, 1957, II, pp. 849–882.
- Craeybeckx, Jan. Les français et Anvers au XVIe siècle // *Annales E.S.C.*, XVII, 3, mai — juin 1962, pp. 542–554.
- Craeybeckx, Jan. Les industries d'exportation dans les villes flamandes au XVIIe siècle, particulièrement à Gand et à Bruges // *Studi in onore di Amintore Fanfani*, IV: *Evo moderno*. Milano: Dott. A. Giuffrè-Ed., 1962, pp. 411–468.
- Cromwell, Julian. The Early Tudor Gentry // *Economic History Review*, 2nd ser., XVII, 3, 1965, pp. 456–471.
- Czalpinski, Wladyslaw. Le problème baltique aux XVIe et XVIIe siècles // *International Congress of Historical Sciences*, Stockholm, 1960. *Rapports*, IV: *Histoire moderne*. Göteborg: Almqvist & Wiksell, 1960, pp. 25–47.
- Czarnowski, Stefan. La réaction catholique en Pologne à la fin du XVIe siècle et au début du XVIIe siècle // *La Pologne au VIIe Congrès Internationale des Sciences Historiques*. Varsovie: Société Polonaise d'Histoire, 1933, II, pp. 287–310.
- Darby, H. C. The Clearing of the Woodland in Europe // *Man's Role in Changing the Face of the Earth* / William L. Thomas, Jr., ed. Chicago, Illinois: Univ. of Chicago Press, 1956, pp. 183–216.
- da Silva, José-Gentil. Trafics du Nord, marchés du 'Mezzogiorno', finances génoises: recherches et documents sur la conjoncture à la fin du XVIe siècle // *Revue du Nord*, XLI, 1959, pp. 129–152.
- da Silva, José-Gentil. Villages castillans et types de production au XVIe siècle // *Annales E.S.C.*, XVIII, 4, juil. — août 1963, pp. 729–744.
- da Silva, José-Gentil. En Espagne: développement économique, subsistance, déclin. Paris: Mouton, 1965.
- da Silva, José-Gentil. L'autoconsommation au Portugal (XIVe–XXe siècles) // *Annales E.S.C.*, XXIV, 2, mars — avr. 1969, pp. 250–288.

- Davies, C. S. L.* Provisions for Armies, 1509–50: A Study in the Effectiveness of Early Tudor Government // *Economic History Review*, 2nd ser., XVII, 2, 1964, pp. 234–248.
- Davies, C. S. L.* Les révoltes populaires en Angleterre (1500–1700) // *Annales E.S.C.*, XXIV, 1, janv. — févr. 1969, pp. 24–60.
- Davis, Ralph.* England and the Mediterranean, 1570–1670 // *Essays in the Economic and Social History of Tudor and Stuart England* / F.J. Fisher, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1961, pp. 117–137.
- de Bary, William Theodore.* Introduction // *Self and Society in Ming Thought*, William Theodore de Bary, ed. New York: Columbia Univ. Press, 1970, pp. 1–27.
- de Bary, William Theodore.* Individualism and Humanitarianism in Late Ming Thought // *Self and Society in Ming Thought* / William Theodore de Bary, ed. New York: Columbia Univ. Press, 1970, pp. 145–247.
- de Falguerolles, G. E.* La décadence de l'économie agricole dans le Consulat de Lempaut aux XVIIe et XVIIIe siècles // *Annales du Midi*, LIII, 1941, pp. 142–168.
- de Lagarde, Georges.* Réflexions sur la cristallisation de la notion d'Etat au XVIe siècle // *Umanesimo e scienza politica* / Enrico Castelli, ed. Milano: Dott. Carlo Marzotti, 1951, pp. 247–256.
- Delumeau, Jean.* Vie économique et sociale de Rome dans la seconde moitié du XVIe siècle, 2 vol. Paris: Boccard, 1957.
- de Maddalena, Aldo.* Il mondo rurale italiano nel cinque e nel seicento // *Rivista storica italiana*, LXXVI, 2, giug. 1964, pp. 349–426.
- de Oliveira Marques, Antonio H.* Notas para a história da feitoria portuguesa na Flandres no século XV // *Studi in onore di Amintore Fanfani, II: Medioevo*. Milano: Dott. A. Giuffrè-Ed., 1962, pp. 437–476.
- de Roover, Raymond.* Anvers comme marché monétaire au XVIe siècle // *Revue belge de philologie et d'histoire*, XXXI, 4, 1953, pp. 1003–1047.
- de Vries, Jan.* The Role of the Rural Sector in the Development of the Dutch Economy: 1500–1700 // *Journal of Economic History*, XXXI, 1, Mar. 1971, pp. 266–268.
- de Vries, Philip.* L'animosité anglo-hollandaise au XVIIe siècle // *Annales E.S.C.*, V, 1, janv. — mars 1950, pp. 42–47.
- Deyon, Pierre.* A propos des rapports entre la noblesse et la monarchie absolue pendant la première moitié du XVIIe siècle // *Revue historique*, CCXXXI, avr. — juin 1964, pp. 341–356.
- Dobb, Maurice.* *Studies in the Development of Capitalism*. London: Routledge & Kegan Paul, 1946.
- Dobb, Maurice.* Reply // *Science and Society*, XIV, 2, Spring 1950, pp. 157–167.
- Dobb, Maurice.* *Papers on Capitalism, Development, and Planning*. New York: International Publ., 1967.
- Dollinger, Philippe.* *La Hanse (XIIe–XVIIe siècles)*. Paris: Montaigne, 1964.
- Domar, Evsey D.* The Causes of Slavery or Serfdom: A Hypothesis // *Journal of Economic History*, XXX, 1, Mar. 1970, pp. 18–32.
- Dowd, Douglas F.* The Economic Expansion of Lombardy, 1300–1500: A Study in Political Stimuli to Economic Change // *Journal of Economic History*, XXI, 2, June 1961, pp. 143–160.
- Duby, Georges.* Le grand domaine de la fin du moyen âge en France // *Première Conférence Internationale d'Histoire Economique*, Stockholm, August 1960: Contributions. Paris: Mouton, 1960, pp. 333–342.
- Duby, Georges.* The French Countryside at the End of the 13th Century // *Essays in French Economic History* / Rondo E. Cameron, ed. Homewood, Illinois: Richard D. Irwin, Inc., 1970, pp. 33–41. (Translated from: *Bolletino dell'Istituto Storico Italiano per il Medio Evo*, No. 74, 1962.)

- Duby, Georges.* Démographie et villages désertés // Villages désertes et histoire économique, XIe–XVIIIe siècles. Paris: S.E.V.P.E.N., 1965, pp. 13–24.
- Duby, Georges.* Rural Economy and Country Life in the Medieval West. Columbia: Univ. of South Carolina Press, 1968.
- Duby, Georges, and Mandrou, Robert.* Histoire de la civilisation française, I: Le Moyen Age et le XVIe siècle. Paris: Lib. Armand Colin, 1958.
- Duby, Georges, and Mandrou, Robert.* Histoire de la civilisation française, II: XVIIe–XXe siècle. Paris: Lib. Armand Colin, 1958.
- Eberhard, Wolfram.* Conquerors and Rulers: Social Forces in Medieval China, 2nd ed. Leiden: Brill, 1965.
- Edler, Florence.* The Effects of the Financial Measures of Charles V on the Commerce of Antwerp, 1539–42 // Revue belge de philologie et d'histoire, XVI, 3–4, juil. — déc. 1937, pp. 665–673.
- Ehrenberg, Richard.* Capital and Finance in the Age of the Renaissance. New York: Harcourt, 1928.
- Eisenstadt, S. N.* Political Struggle in Bureaucratic Societies // World Politics, IX, 1, Oct. 1956, pp. 15–36.
- Eisenstadt, S. N.* The Causes of Disintegration and Fall of Empires: Sociological and Historical Analyses // Diogenes, No. 34, Summer 1961, pp. 82–107.
- Eisenstadt, S. N.* Empires // International Encyclopedia of the Social Sciences. New York: Macmillan and Free Press, 1968, V, pp. 41–49.
- Eitzen, Stanley D.* Two Minorities: The Jews of Poland and the Chinese of the Philippines // Jewish Journal of Sociology, X, 2, Dec. 1968, pp. 221–240.
- Elliott, J. H.* The Decline of Spain // Past & Present, No. 20, Nov. 1961, pp. 52–75.
- Elliott, J. H.* Imperial Spain, 1469–1716. New York: Mentor, 1966.
- Elliott, J. H.* Europe Divided, 1559–1598. New York: Harper, 1968.
- Elliott, J. H.* The Old World and the New, 1492–1650. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1970.
- Elliott, J. H.* The Spanish Peninsula, 1598–1648 // New Cambridge Modern History, IV: The Decline of Spain and the Thirty Years' War, 1609–48/59 / J. P. Cooper, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1970, pp. 435–473.
- Elman, P.* The Economic Causes of the Expulsion of the Jews in 1290 // Economic History Review, VII, 1, Nov. 1936, pp. 145–154.
- Elton, G. R.* The Tudor Revolution in Government. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1953.
- Elton, G. R.* The Tudor Revolution: A Reply // Past & Present, No. 29, Dec. 1964, pp. 26–49.
- Elton, G. R.* A Revolution in Tudor History? // Past & Present, No. 32, Dec. 1965, pp. 103–109.
- Emery, Frank.* The Farming Regions of Wales // The Agrarian History of England and Wales, IV, 1500–1640 / Joan Thirsk, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, pp. 113–160.
- Engels, Frederick.* Socialism: Utopian and Scientific. New York: International Publishers, 1935.
- Engels, Frederick.* The Origins of the Family, Private Property and the State. London: Lawrence & Wishart, 1940.
- Engels, Frederick.* The Peasant War in Germany // The German Revolutions. Chicago, Illinois: Univ. of Chicago Press, 1967.
- Espieux, Henri.* Histoire de l'Occitanie. Nîmes: Le Centre Culturel Occitan, Collection Cap-e-Cap, 1970.
- European Expansion and the Counter-Expansion of Asia, 1300–1600.* Levenson, Joseph R., ed. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1967.
- Everitt, Alan.* Social Mobility in Early Modern England & Past & Present, No. 33, Apr. 1966, pp. 56–73.

- Everitt, Alan.* Farm Labourers // *The Agrarian History of England and Wales*, IV, 1500–1640 / Joan Thirsk, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, pp. 396–465.
- Everitt, Alan.* The Marketing of Agricultural Produce // *The Agrarian History of England and Wales*, IV, 1500–1640 / Joan Thirsk, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, pp. 466–592.
- Falls, Cyril.* Elizabeth's Irish Wars. London: Methuen, 1950.
- Fanfani, Amintore.* Storia del lavoro in Italia della fine del secolo XV agli inizi del XVIII. Milano: Dott. A. Giuffrè-Ed., 1959.
- Fanon, Frantz.* The Wretched of the Earth. New York: Grove Press, 1966.
- Favret, Jeanne.* Le traditionalisme par excès de modernité // *European Journal of Sociology*, VIII, 1, 1967, pp. 71–93.
- Febvre, Lucien.* Préface to Huguette & Pierre Chaunu, Séville et l'Atlantique (1504–1650). Paris: Lib. Armand Colin, 1955, I, pp. ix–xv.
- Felix, David.* Profit Inflation and Industrial Growth: The Historic Record and Contemporary Analogies // *Quarterly Journal of Economics*, LXX, 3, Aug. 1956, pp. 441–463.
- Feudalism in History* / Coulbourn, Rushton, ed. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1956.
- Ferguson, Wallace.* Toward the Modern State // *Renaissance Studies*, No. 2 / Wallace Ferguson, ed. London, Ont.: University of Western Ontario, 1963, pp. 137–153. (Originally in: *The Renaissance: A Symposium*, 1953.)
- Fernández Alvarez, Manuel.* La Paz de Cateau-Cambrésis // *Hispania*, revista española de historia, XIX, No. 77, oct. — dec. 1959, pp. 530–544.
- Fisher, F. J.* The Development of the London Food Market, 1540–1640 // *Essays in Economic History* / E. M. Carus-Wilson, ed. New York: St. Martin's, 1965, I, pp. 135–151 (Originally in: *Economic History Review*, V, 1935.)
- Fisher, F. J.* The Development of London as a Centre of Conspicuous Consumption in the Sixteenth and Seventeenth Centuries // *Essays in Economic History* / E. M. Carus-Wilson, ed. New York: St. Martin's, 1966, II, pp. 197–207. (Originally in: *Transactions of the Royal Historical Society*, 4th ser., XXX, 1948.)
- Fisher, F. J.* London's Export Trade in the Early Seventeenth Century // *Economic History Review*, 2nd ser., III, 2, 1950, pp. 151–161.
- Fisher, F. J.* The Sixteenth and Seventeenth Centuries: The Dark Ages in English Economic History? // *Economica*, n.s., XXIV, 93, 1957, pp. 2–18.
- Fisher, F. J.* Tawney's Century // *Essays in the Economic and Social History of Tudor and Stuart England* / F. J. Fisher, ed. New York and London: Cambridge Univ. Press, 1961, pp. 1–14.
- Fourastié, Jean, and Grandamy, René.* Remarques sur les prix salariaux des céréales et la productivité du travailleur agricole en Europe du XVe et XVIe siècles // *Third International Conference of Economic History*, Munich, 1965. Paris: Mouton, 1968, pp. 647–656.
- Foust, C. M.* Russian Expansion to the East Through the Eighteenth Century // *Journal of Economic History*, XXI, 4, Dec. 1961, pp. 469–482.
- Fox, P.* The Reformation in Poland // *The Cambridge History of Poland*, I, From the Origins to Sobieski (to 1696) / W. F. Reddaway et al., eds. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1950, pp. 322–347.
- François, Michel.* L'idée d'empire sous Charles-Quint // *Charles Quint et son temps*, Colloques internationaux du C.N.R.S., 30 sept. — 3 oct. 1958. Paris: Ed. du C.N.R.S., 1959, pp. 23–35.
- Frank, André Gunder.* Capitalism and Underdevelopment in Latin America. New York: Monthly Review Press, 1967.
- Fried, Morton.* On the Concept of 'Tribe' and 'Tribal Society' // *Essays on the Problem of Tribe* / June Helm, ed. Proceedings of 1967 Annual Spring Meeting of the American Ethnological Society, pp. 3–20.

- Friedrich, Carl J.* The Age of the Baroque. New York: Harper, 1952.
- Friis, Astrid.* Alderman Cockayne's Project and the Cloth Trade. Copenhagen: Levin and Munksgaard, 1927.
- Friis, Astrid.* An Inquiry into the Relations between Economic and Financial Factors in the Sixteenth and Seventeenth Centuries" // Scandinavian Economic History Review, I, 2, 1953, pp. 193–241.
- Furtado, Celso.* Economic Development of Latin America. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1970.
- Gay, Edwin F.* The Midland Revolt and the Inquisitions of Depopulation of 1607 // Transactions of the Royal Historical Society, n.s., XVIII, 1904, pp. 195–244.
- Génicot, Leopold.* Crisis: From the Middle Ages to Modern Times // Cambridge Economic History of Europe, I: The Agrarian Life of the Middle Ages / M. M. Postan, ed. 2nd ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1966, pp. 660–741.
- Gerschenkron, Alexander.* An Economic History of Russia // Journal of Economic History, XII, 2, Spr. 1952, pp. 146–154.
- Gerschenkron, Alexander.* Review article: Lord and Peasant in Russia from the Ninth to the Nineteenth Century" // Journal of Economic History, XXIV, 1, Mar. 1964, pp. 53–59.
- Gerth, Hans.* Glossary // Max Weber, The Religion of China. New York: Free Press, 1951, pp. 298–308.
- Gestrin, Ferdo.* Economie et société en Slovénie au XVIe siècle // Annales E.S.C., XVII, 4, juil. — août, 1962, pp. 663–690.
- Geyl, Pieter.* The Revolt of the Netherlands (1559–1609). London: Williams & Norgate, 1932.
- Geyl, Pieter.* Debates with Historians. New York: Meridian, 1958.
- Gibson, Charles.* The Aztecs Under Spanish Rule. Stanford, California: Stanford Univ. Press, 1962.
- Glamann, Kristof.* European Trade, 1500–1700 // Fontana Economic History of Europe, II, 6, 1971.
- Godinho, Vitorino Magalhães.* Création et dynamisme économique du monde atlantique (1420–1670) // Annales E.S.C., V, I, janv. — mars 1950, pp. 32–36.
- Godinho, Vitorino Magalhães.* Le repli vénitien et égyptien et la route du Cap, 1496–1533 // Eventail de l'histoire vivante: hommage à Lucien Febvre, Paris: Lib. Armand Colin, 1953, II, pp. 283–300.
- Godinho, Vitorino Magalhães.* L'économie de l'empire portugais aux XVe et XVIe siècles. Paris: S.E.V.P.E.N., 1969.
- Goldmann, Lucien.* The Hidden God. New York: Humanities Press, 1964.
- Gordon-Walker, P.C.* Capitalism and the Reformation // Economic History Review, VIII, 1, Nov. 1937, pp. 1–19.
- Goubert, Pierre.* Recent Theories and Research in French Population between 1500 and 1700 // Population in History, D. V. Glass and D. E. C. Eversley, eds. London: Arnold, 1962, pp. 457–473.
- Gould, J. D.* The Trade Depression of the Early 1620's // Economic History Review, 2nd ser., VII, 1, 1954, pp. 81–90.
- Gould, J. D.* The Price Revolution Reconsidered // Economic History Review, 2nd ser., XVII, 2, 1964, pp. 249–266.
- Grabowski, Thadée.* La réforme religieuse en Occident et en Pologne // La Pologne au Ve Congrès International des Sciences Historiques, Bruxelles, 1923. Warsaw: 1924, pp. 67–72.
- Gramsci, Antonio.* Il Risorgimento. Roma: Giulio Einaudi, 1955.
- Gras, N. S. B.* The Evolution of the English Corn Market. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1915.
- Gray, H. L.* English Foreign Trade from 1446 to 1482 // Studies in English Trade in the Fifteenth Century / Eileen E. Power and M. M. Postan, eds. New York: Barnes & Noble, 1962, pp. 1–38.
- Griffiths, Gordon.* The Revolutionary Character of the Revolution of the Netherlands" // Comparative Studies in Society and History, II, 4, July 1960, pp. 452–472.
- Guillén Martínez, Fernando.* Raíz y futuro de la revolución. Bogotá: Ed. Tercer Mundo, 1963.

- Habakkuk, H. John.* La disparition du paysan anglais // *Annales E.S.C.*, XX, 4, juil. — aout 1965, pp. 649–663.
- Hall, A. Rupert.* Scientific Method and the Progress of Techniques // *Cambridge Economic History of Europe*, IV, The Economy of Expanding Europe in the 16th and 17th Centuries / E. E. Rich and C. H. Wilson, eds. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, pp. 96–154.
- Hamilton, Earl J.* American Treasure and Andalusian Prices, 1503–1660 // *Journal of Economic and Business History*, I, 1, Nov. 1928, pp. 1–35.
- Hamilton, Earl J.* American Treasure and the Rise of Capitalism // *Economica*, IX, 27, Nov. 1929, pp. 338–357.
- Hamilton, Earl J.* Origin and Growth of the National Debt in Western Europe // *American Economic Review*, XXXVII, 2, May 1947, pp. 118–130.
- Hamilton, Earl J.* Prices and Progress: Prices as a Factor in Business Growth // *Journal of Economic History*, XII, Fall 1952, pp. 325–349.
- Hamilton, Earl J.* The History of Prices before 1750 // *International Congress of Historical Sciences*, Stockholm, 1960. Rapports, I: Methodologie, histoire des universités, histoire des prix avant 1750. Göteborg: Almqvist & Wiksell, 1960, pp. 144–164.
- Hammarström, Ingrid.* The 'Price Revolution' of the Sixteenth Century: Some Swedish Evidence // *Scandinavian Economic History Review*, V, 1, 1957, pp. 118–154.
- Harrison, J. B.* "Colonial Development and International Rivalries Outside Europe, II: Asia and Africa" // *New Cambridge Modern History*, III, The Counter-Reformation and the Price Revolution, 1559–1610 / R. B. Wernham, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1968, pp. 532–558.
- Harriss, G. L., and Williams, Penry.* A Revolution in Tudor History? // *Past & Present*, No. 31, July 1965, pp. 87–96.
- Hartung, Fr., and Mousnier, R.* Quelques problèmes concernant la monarchie absolue // *Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche*, IV: Storia moderna. Firenze: G. B. Sansoni, 1955, pp. 1–55.
- Hauser, Henri.* The European Financial Crisis of 1559 // *Journal of European Business History*, II, 2, Feb. 1930, pp. 241–255.
- Hauser, Henri.* The Characteristic Features of French Economic History from the Middle of the Sixteenth Century to the Middle of the Eighteenth Century // *Economic History Review*, IV, 3, Oct. 1933, pp. 257–272.
- Heaton, Herbert.* *Economic History of Europe*, rev. ed. New York: Harper, 1948.
- Heckscher, Eli F.* *An Economic History of Sweden*. Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press, 1954.
- Heckscher, Eli F.* *Mercantilism*, 2 vol., rev. ed. London: Allen & Unwin, 1955.
- Heers, Jacques.* Les Génois en Angleterre: la crise de 1458–1466 // *Studi in onore di Armando Saporì*. Milano: Istituto Edit. Cisalpino, 1957, II, pp. 809–832.
- Heers, Jacques.* Rivalité ou collaboration de la terre et de l'eau? Position générale des problèmes // *Les grandes voies maritimes dans le monde, XVe–XIXe siècles, VIIe Colloque*, Commission Internationale d'Histoire Maritime. Paris: S.E.V.P.E.N., 1965, pp. 13–63.
- Helleiner, Karl.* The Population of Europe from the Black Death to the Eve of the Vital Revolution // *Cambridge Economic History of Europe*, IV, The Economy of Expanding Europe in the 16th and 17th Centuries / E. E. Rich and C. H. Wilson, eds. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, pp. 1–95.
- Hexter, J. H.* Letter to the Editor // *Encounter*, XI, 2, Aug., 1958.
- Hexter, J. H.* The Myth of the Middle Class in Tudor England // *Reappraisals in History*. New York: Harper, 1963, pp. 71–116.
- Hexter, J. H.* A New Framework for Social History // *Reappraisals in History*. New York: Harper, 1963, pp. 14–25.

- Hexter, J. H.* Storm Over the Gentry // *Reappraisals in History*. New York: Harper, 1963, pp. 117–162. (Originally appeared in: *Encounter*, X, 5, May 1968.)
- Hibbert, A. B.* The Origins of the Medieval Town Patriciate // *Past & Present*, No. 3, Feb. 1953, pp. 15–27.
- Hill, Christopher.* The Transition from Feudalism to Capitalism // *Science and Society*, XVII, 4, Fall 1953, pp. 348–351.
- Hill, Christopher.* Recent Interpretations of the Civil War // *Puritanism and Revolution*. New York: Schocken Books, 1958, pp. 3–31.
- Hill, Christopher.* Some Social Consequences of the Henrician Revolution // *Puritanism and Revolution*. New York: Schocken Books, 1958, pp. 32–49.
- Hill, Christopher.* Protestantism and the Rise of Capitalism // *Essays in the Economic and Social History of Tudor and Stuart England* / F. J. Fisher, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1960, pp. 15–39.
- Hill, Christopher.* Reformation to the Industrial Revolution, 1530–1780, Vol. II of *The Pelican Economic History of Britain*. London: Penguin Books, 1967.
- Hilton, R. H.* Peasant Movements in England before 1381 // *Essays in Economic History* / F. M. Carus-Wilson, ed. New York: St. Martin's, 1966, II, pp. 73–90. (Originally in: *Economic History Review*, II, 1949.)
- Hilton, R. H.* Y eut-il une crise générale de la féodalité? // *Annales E.S.C.*, VI, 1, janv. — mars 1951, pp. 23–30.
- Hilton, R. H.* The Transition from Feudalism to Capitalism // *Science and Society*, XVII, 4, Fall 1953, pp. 340–348.
- Hilton, R. H.* A Study in the Pre-History of English Enclosure in the Fifteenth Century // *Studi in onore di Armando Saporì*. Milano: Istituto Edit. Cisalpino, 1957, I, pp. 673–685.
- Hilton, R. H.* and *Smith, R. E. F.* Introduction to R. E. F. Smith, *The Enserfment of the Russian Peasantry*. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1968, pp. 1–27.
- Hinton, R. W. K.* Dutch Entrepôt Trade at Boston, Lincs., 1600–40 // *Economic History Review*, 2nd ser., IX, 3, Apr., 1957, pp. 467–471.
- Hinton, R. W. K.* Letter to the Editor // *Encounter*, XI, 1, July 1958.
- Hinton, R. W. K.* The Eastland Trade and the Common Weal in the Seventeenth Century. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1959.
- Hobsbawm, E. J.* The Crisis of the Seventeenth Century // *Crisis in Europe, 1560–1660* / Trevor Aston, ed. London: Routledge & Kegan Paul, 1965, pp. 5–58.
- Honjo, Eijiro.* Facts and Ideas of Japan's Over-sea Development Prior to the Meiji Restoration // *Kyoto University Economic Review*, XVII, I, Jan. 1942, pp. 1–13.
- Hoskins, W. G.* The Rebuilding of Rural England, 1570–1640 // *Past & Present*, No. 4, Nov. 1953, pp. 44–57.
- Hoszowski, Stanislaw.* The Polish Baltic Trade in the 15th–18th Centuries // *Poland at the XIth International Congress of Historical Sciences in Stockholm*. Warsaw: The Polish Academy of Sciences, The Institute of History, 1960, pp. 117–154.
- Hoszowski, Stanislaw.* L'Europe centrale dans la révolution des prix: XVIe et XVIIe siècles // *Annales E.S.C.*, XVI, 3, mai — juin 1961, pp. 441–456.
- Hudson, G. Y.* Europe and China. London: Arnold, 1931.
- Hurstfield, J.* The Profits of Fiscal Feudalism, 1541–1602 // *Economic History Review*, 2nd ser., VIII, 1, 1955, 53–61.
- Hurstfield, J.* Social Structure, Office-Holding and Politics, Chiefly in Western Europe // *New Cambridge Modern History*, III, The Counter-Reformation and the Price Revolution, 1559–1610 / R. B. Wernham, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1968, pp. 126–148.
- Indian Labor in the Spanish Indies: Was There Another Solution?* / Bannon, John F., ed. Boston, Massachusetts: D. C. Heath, 1966.

- Innis, Harold A.* The Rise and Fall of the Spanish Fishery in Newfoundland // *Proceedings and Transactions of the Royal Society of Canada*, 3rd ser., XXV, Section II, 1931, pp. 51–70.
- Innis, Harold A.* The Cod Fisheries: The History of an International Economy. New Haven, Connecticut: Yale Univ. Press, 1940.
- Jara, Alvaro.* Una investigación sobre los problemas del trabajo en Chile durante el periodo colonial // *Hispanic American Historical Review*, XXXIX, 2, 1959, pp. 239–244.
- Jara, Alvaro.* Guerre et société au Chili: essai de sociologie coloniale. Paris: Institut des Hautes Etudes de l'Amérique Latine, 1961.
- Jara, Alvaro.* La producción de metales preciosos en el Perú en el siglo XVI // *Boletín de la Universidad de Chile*, No. 44, nov. 1963, pp. 58–64.
- Jara, Alvaro.* Estructuras de colonización y modalidades del tráfico en el Pacífico sur hispano-americano // *Les Grandes voies maritimes dans le monde XV–XIXe siècles*, VIIe Colloque, Commission Internationale d'Histoire Maritime. Paris: S.E.V.P.E.N., 1965, pp. 247–275.
- Jara, Alvaro.* Economía minera e historia económica hispanoamericana // *Très ensayos sobre economía minera hispanoamericana*. Santiago de Chile: Centro de Investigaciones de Historia Americana, 1966, pp. 15–54.
- Jara, Alvaro.* Salario en una economía caracterizada por las relaciones de dependencia personal // *Third International Conference of Economic History*, Munich 1965. Paris: Mouton, 1968, pp. 601–615.
- Jeannin, Pierre.* Anvers et la Baltique au XVIe siècle // *Revue du Nord*, XXXVII, avr. — juin 1955, pp. 93–113.
- Jeannin, Pierre.* Les relations économiques des villes de la Baltique avec Anvers au XVIe siècle // *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, XLIII, 3, Sept. 1956, pp. 193–217; 4, Dez. 1956, pp. 323–355.
- Jeannin, Pierre.* Les comptes du Sund comme source pour la construction d'indices généraux de l'activité économique en Europe (XVI–XVIIIe siècles) // *Revue historique*, CCXXXI, janv. — mars 1964, pp. 55–102; avr. — juin 1964, pp. 307–340.
- Johnsen, Oscar Albert.* Les relations commerciales entre la Norvège et l'Espagne dans les temps modernes // *Revue historique*, 55e Année, CLXV, 1, sept. — déc. 1930, pp. 77–82.
- Jones, E. L., and Woolf, S. J.* The Historic Role of Agrarian Change in Economic Development // *Agrarian Change and Economic Development* / E. L. Jones and S. J. Woolf, eds. London: Methuen, 1969, pp. 1–21.
- Jones, P. J.* Per la storia agraria italiana nel medio evo: lineamenti e problemi // *Rivista storica italiana*, LXXVI, 2, giugno 1964, pp. 287–348.
- Kellenbenz, Herman.* Spanien, die nördlichen Niederlande und die Skandinavisch-baltische Raum in der Weltwirtschaft und Politik um 1600 // *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, XLI, 4, 1954, pp. 289–332.
- Kellenbenz, Herman.* Autour de 1600: le commerce de poivre des Fuggers et le marché internationale de poivre // *Annales E.S.C.*, XI, 1, janv. — mars 1956, pp. 1–28.
- Kellenbenz, Herman.* Landverkehr, Fluss- und Seeschifffahrt im Europäischen Handel (Spätmittelalter-Anfang des 19. Jahrhunderts) // *Les grandes voies maritimes dans le monde*, XVe–XIXe siècles, VIIe Colloque, Commission Internationale d'Histoire Maritime. Paris: S.E.V.P.E.N., 1965, pp. 65–174.
- Kerridge, Eric.* The Movement in Rent, 1540–1640 // *Essays in Economic History* / E. M. Carus-Wilson, ed. New York: St. Martin's, 1966, II, pp. 208–226. (Originally in: *Economic History Review*, VI, 1953.)
- Keynes, J. M.* A Treatise on Money, 2 vol. New York: Macmillan, 1950.
- Kiernan, V. G.* Foreign Mercenaries and Absolute Monarchy // *Past & Present*, No. 11, Apr. 1957, pp. 66–83.
- Kiernan, V. G.* State and Nation in Western Europe // *Past & Present*, No. 31, July 1965, pp. 20–38.

- Kingdon, Robert M.* The Political Resistance of the Calvinists in France and the Low Countries // *Church History*, XXVII, 3, Sept. 1958, pp. 220–233.
- Kingdon, Robert M.* Social Welfare in Calvin's Europe // *American Historical Review*, LXXVI, 1, Feb. 1971, pp. 50–69.
- Klein, Julius.* The Mesta: A Study in Spanish Economic History, 1273–1836. Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press, 1919.
- Klima, A., and Macůrek, J.* La question de la transition du féodalisme au capitalisme en Europe centrale (16e–18e siècles) // *International Congress of Historical Sciences*, Stockholm, 1960. *Rapports*, IV: Histoire moderne. Göteborg: Almqvist & Wiksell, 1960, pp. 84–105.
- Kluchevsky, V. O.* A History of Russia, 5 vol. London: J. M. Dent, 1911.
- Kobata, A.* The Production and Uses of Gold and Silver in 16th and 17th Century Japan // *Economic History Review*, 2nd ser., XVIII, 2, Oct. 1965, pp. 245–266.
- Koenigsberger, H. G.* The Government of Sicily Under Philip II of Spain. London: Staples Press, 1951.
- Koenigsberger, H. G.* The Organization of Revolutionary Parties in France and the Netherlands During the Sixteenth Century // *The Journal of Modern History*, XXVII, 4, Dec. 1955, pp. 335–351.
- Koenigsberger, H. G.* Property and the Price Revolution (Hainault, 1474–1573) // *Economic History Review*, 2nd ser., IX, 1, 1956, pp. 1–15.
- Koenigsberger, H. G.* The Empire of Charles V in Europe // *New Cambridge Modern History*, II, The Reformation, 1520–1559 / G. R. Elton, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1958, pp. 301–333.
- Koenigsberger, H. G.* Western Europe and the Power of Spain // *New Cambridge Modern History*, III, The Counter-Reformation and the Price Revolution, 1559–1610 / R. B. Wernham, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1968, pp. 234–318.
- Koenigsberger, H. G.* The European Civil War // *The Habsburgs and Europe, 1516–1660*. Ithaca, New York: Cornell Univ. Press, 1971, pp. 219–285. (Originally in: *The Age of Expansion*, H. R. Trevor-Roper, ed.)
- Kosminsky, Eugen A.* The Evolution of Feudal Rent in England from the XIth to the XVth Centuries // *Past & Present*, No. 7, Apr. 1955, pp. 12–36.
- Kosminsky, Eugen A.* Peut-on considérer le XIVe et le XVe siècles comme l'époque de la décadence de l'économie européenne? // *Studi in onore di Armando Saporì*. Milano: Istituto Edit. Cisalpino, 1957, I, pp. 551–569.
- Kovacevic, Desanka.* Dans la Serbie et la Bosnie médiévales: les mines d'or et d'argent // *Annales E.S.C.*, XV, 2, mars — avr. 1960, pp. 248–258.
- Kula, Witold.* Théorie économique du système féodal: pour un modèle de l'économie polonaise, 16e–18e siècles. Paris: Mouton, 1970.
- Kuznets, Simon.* The State as the Unit of Study of Economic Growth // *Journal of Economic History*, XI, 1, Winter 1951, pp. 25–41.
- Lach, Donald F.* Asia in the Making of Europe, Vol. I: The Century of Discovery, 2 books. Chicago, Illinois: Univ. of Chicago Press, 1965.
- Laclau(h), Ernesto.* Feudalism and Capitalism in Latin America // *New Left Review*, No. 67, May — June 1971, pp. 19–38.
- Ladero Quesada, Miguel Angel.* Les finances royales de Castille à la veille des temps modernes // *Annales E.S.C.*, XXV, 3, mai — juin 1970, pp. 775–788.
- Lane, Frederic C.* The Rope Factory and Hemp Trade in the Fifteenth and Sixteenth Centuries // *Venice and History*. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins Press, 1966, pp. 269–284. (Originally in: *Journal of Economic and Business History*, IV, 1932.)
- Lane, Frederic C.* Venetian Shipping during the Commercial Revolution // *Venice and History*. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins Press, 1966, pp. 3–24. (Originally in: *American Historical Review*, XXXVIII, 1937.)

- Lane, Frederic C.* The Mediterranean Spice Trade: Its Revival in the Sixteenth Century // Venice and History. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins Press, 1966, pp. 25–34. (Originally in: American Historical Review, XLV, 1940.)
- Lane, Frederic C.* National Wealth and Protection Costs // Venice and History. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins Press, 1966, pp. 373–382. (Originally in: War as a Social Institution, Jesse Clarkson and Thomas C. Cochran, eds., 1941.)
- Lane, Frederic C.* The Economic Meaning of War and Protection // Venice and History. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins Press, 1966, pp. 383–398. (Originally in: Social Philosophy and Jurisprudence, VII, 1942.)
- Lane, Frederic C.* Force and Enterprise in the Creation of Oceanic Commerce // Venice and History. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins Press, 1966, pp. 399–411. (Originally in: Journal of Economic History, Supplement X, 1950.)
- Lane, Frederic C.* Economic Consequences of Organized Violence // Venice and History. Baltimore, Maryland: Johns Hopkins Press, 1966, pp. 412–428. (Originally in: Journal of Economic History, XVIII, 1958.)
- Lapeyre, Henri.* Géographie de l'Espagne morisque. Paris: S.E.V.P.E.N., 1959.
- Lapeyre, Henri.* Les monarchies européennes du XVIe siècle, Collection Nouvelle Clio: 39. Paris: Presses Universitaires de France, 1967.
- Larraz, José.* La época del mercantilismo en Castilla (1500–1700). Madrid: Atlas, 1943.
- Laskowski, Otton.* Infantry Tactics and Firing Power in the XVI Century // Teki Historyczne, IV, 2, 1950, pp. 106–115.
- Laslett, Peter.* The World We Have Lost. New York: Scribner's, 1965.
- Lattimore, Owen.* Inner Asian Frontiers of China, 2nd edition. Irvington-on-Hudson- Capitol Publishing Co., and New York: American Geographical Society, 1940.
- Lattimore, Owen.* The Frontier in History // Relazioni del X Congresso di Scienze Storiche, I: Metodologia-Problemi generali-Scienze ausiliare della storia. Firenze: G. C. Sansoni, 1955, pp. 103–138.
- Lattimore, Owen.* La civilisation, mère de Barbarie? // Annales E.S.C., XVII, 1 janv. — févr. 1962, pp. 95–108.
- Lefebvre, Henri.* Une discussion historique: du féodalisme au capitalisme: observations // La Pensée, No. 65, janv. — févr. 1956, pp. 22–25.
- Lenin, V. I.* The Development of Capitalism in Russia. Moscow: Foreign Languages Publishing House, 1956.
- Le Roy Ladurie, Emmanuel.* Les paysans du Languedoc, 2 vol. Paris: S.E.V.P.E.N., 1966.
- Le Roy Ladurie, Emmanuel.* Histoire du climat depuis l'an mil. Paris: Flammarion, 1967.
- Lewis, Archibald.* The Closing of the European Frontier // Speculum, XXXIII, 4, Oct. 1958, pp. 475–483.
- Lettres et mémoires adressées au Chancelier Séguier (1633–1649) / Mousnier, Roland, ed., 2 vol. Paris: Presses Universitaires de France, 1964.
- Lewis, Bernard.* Some Reflections on the Decline of the Ottoman Empire // Studia islamica, IX, 1958, pp. 111–127.
- Livermore, H. V.* Portuguese History // Portugal and Brazil, an Introduction / H. V. Livermore, ed. London and New York: Oxford Univ. Press (Clarendon), 1953, pp. 48–81.
- Lockhart, James.* Encomienda and Hacienda: The Evolution of the Great Estate in the Spanish Indies // Hispanic American Historical Review, XLIX, 3, Aug. 1969, pp. 411–429.
- Lockwood, David.* Social Integration and System Integration // Explorations in Social Change / George K. Zollschan and Walter Hirsch, eds. Boston, Massachusetts: Houghton, 1964, pp. 244–257.
- Lonchay, H.* Etude sur les emprunts des souverains belges au XVIe et XVIIe siècles // Académie Royale de Belgique, Bulletins de la Classe des Lettres et des Sciences Morales et Politiques et de la Classe des Beaux-Arts, 1907, pp. 923–1013.

- Lopez, R. S.* The Trade of Medieval Europe: the South // Cambridge Economic History of Europe, II, Trade and Industry in the Middle Ages / M. M. Postan and E. E. Rich, eds. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1952, pp. 257–354.
- Lopez, R. S., and Miskimin, H. A.* The Economic Depression of the Renaissance // Economic History Review, 2nd ser., XIV, 3, 1962, pp. 408–426.
- Lopez, R. S., Miskimin, H. A. and Udovitch, Abraham.* England to Egypt, 1350–1500: Long-term Trends and Long-distance Trade // Studies in the Economic History of the Middle East from the Rise of Islam to the Present Day / M. A. Cook, ed. London: Oxford Univ. Press, 1970, pp. 93–128.
- Lowmianski, Henryk.* The Russian Peasantry // Past & Present, No. 26, Nov. 1963, pp. 102–109.
- Lubimenko, Inna.* Les relations commerciales et politiques de l'Angleterre avec la Russie avant Pierre le Grand. Paris: Lib. Ancienne Honoré Champion, 1933.
- Lublinskaya, A. D.* Préface à l'édition russe des Caractères originaux de l'histoire rurale française // Annales E.S.C., XIV, I, janv. — mars 1959, pp. 91–105.
- Lublinskaya, A. D.* French Absolutism: The Crucial Phase, 1620–1629. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1968.
- Ludloff, R.* Industrial Development in 16th–17th Century Germany // Past & Present, No. 12, Nov. 1957, pp. 58–75.
- Lütge, Friedrich.* Economic Change: Agriculture // New Cambridge Modern History, II, The Reformation, 1520–1559 / G. R. Elton, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1958, pp. 23–50.
- Luttrell, Anthony.* Slavery and Slaving in the Portuguese Atlantic (to about 1500) // Centre of African Studies, University of Edinburgh, The Transatlantic Slave Trade from West Africa (mimeo, 1965), pp. 61–79.
- Luzzatto, Gino.* Storia economica dell'età moderna e contemporanea, Part I, L'età moderna. Padova: CEDAM, 1955.
- Lyashchenko, Peter I.* History of the National Economy of Russia to the 1917 Revolution. New York: Macmillan, 1949.
- Lybyer, A. H.* The Ottoman Turks and the Routes of Oriental Trade // English Historical Review, XXX, Oct. 1915, pp. 577–588.
- Lythe, S. G. E.* The Economy of Scotland in Its European Setting, 1550–1625. Edinburgh: Oliver & Boyd, 1960.
- Mańczak, Antoni.* The Social Distribution of Landed Property in Poland from the Sixteenth to the Eighteenth Centuries // Third International Conference of Economic History, Paris: Mouton, 1968. I, pp. 455–469.
- Malowist, Marian.* Histoire sociale: époque contemporaine // IXe Congrès Internationale des Sciences Historiques, I: Rapports. Paris: Lib. Armand Colin, 1950, pp. 305–322.
- Malowist, Marian.* L'évolution industrielle en Pologne du XIVe au XVIIe siècle: traits généraux // Studi in onore di Armando Saporì, Milano: Istituto Edit. Cisalpino, 1957, I, pp. 571–603.
- Malowist, Marian.* Über die Frage des Handelspolitik des Adels in den Ostseeländern im 15. und 16. Jahrhundert // Hansische Geschichtsblätter, 75 Jh., 1957, pp. 29–47.
- Malowist, Marian.* Poland, Russia and Western Trade in the 15th and 16th Centuries // Past & Present, No. 13, Apr. 1958, pp. 26–39.
- Malowist, Marian.* The Economic and Social Development of the Baltic Countries from the 15th to the 17th Centuries // Economic History Review, 2nd ser., XII, 2, 1959, pp. 177–189.
- Malowist, Marian.* A Certain Trade Technique in the Baltic Countries in the Fifteenth to the Seventeenth Centuries // Poland at the XIth International Congress of Historical Sciences. Warsaw: Polish Academy of Sciences, The Institute of History, 1960, pp. 103–116.
- Malowist, Marian.* Un essai d'histoire comparée: les mouvements d'expansion en Europe au XVe et XVIe siècles // Annales E.S.C., XVII, 5, sept. — oct. 1962, pp. 923–929.

- Malowist, Marian.* Les aspects sociaux de la première phase de l'expansion coloniale // *Africana Bulletin*, No. 1, 1964, pp. 11–40.
- Malowist, Marian.* Le commerce d'or et d'esclaves au Soudan Occidental // *Africana Bulletin*, No. 4, 1966, pp. 49–72.
- Malowist, Marian.* The Problem of the Inequality of Economic Development in Europe in the Latter Middle Ages // *Economic History Review*, 2nd ser., XIX, 1, Apr. 1966, pp. 15–28.
- Malowist, Marian.* The Social and Economic Stability of the Western Sudan in the Middle Ages // *Past & Present*, No. 33, Apr. 1966, pp. 3–15.
- Malowist, Marian.* Les débuts du système des plantations dans la période des grandes découvertes // *Africana Bulletin*, No. 10, 1969, pp. 9–30.
- Malowist, Marian.* Quelques observations sur le commerce de l'or dans le Soudan occidental au Moyen Age // *Annales E.S.C.*, XXV, 6, nov. — déc. 1970, pp. 1630–1636.
- Mandrou, Robert.* Les soulèvements populaires et la société française du XVIIe siècle // *Annales E.S.C.*, XIV, 4, oct. — déc. 1959, pp. 756–765.
- Mankov, A. G.* Le mouvement des prix dans l'état russe au XVIe siècle. Paris: S.E.V.P.E.N., 1957.
- Manning, Brian.* The Nobles, the People, and the Constitution // *Past & Present*, No. 9, Apr. 1956, pp. 42–64.
- Maravall, José A.* The Origins of the Modern State // *Cahiers d'histoire mondiale*, VI, 4, 1961, pp. 789–808.
- Margarido, Alfredo.* L'ancien royaume du Congo // *Annales E.S.C.*, XXV, 6, nov. — déc. 1970, pp. 1718–1726.
- Marrero, Manuela.* Los italianos en la fundación de Tenerife hispánico // *Studi in onore di Amintore Fanfani*, V: Evi moderno e contemporaneo. Milano: Dott. A. Giuffrè-Ed., 1962, pp. 329–337.
- Marx, Karl.* The German Ideology. New York: International Publ., 1947.
- Marx, Karl.* Capital, 3 vol. New York: International Publishers, 1967.
- Masefield, G. B.* Crops and Livestock // *Cambridge Economic History of Europe*, IV, The Economy of Expanding Europe in the 16th and 17th Centuries / E. E. Rich and C. H. Wilson, eds. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, pp. 276–301.
- Mattingly, Garrett.* Renaissance Diplomacy. London: Jonathon Cape, 1955.
- Mauny, R. A.* The Question of Ghana // *Africa*, XXIV, 3, July 1954, pp. 200–213.
- Mauro, François.* Types de navires et constructions navales dans l'Atlantique portugais aux XVIe et XVIIe siècles // *Revue d'histoire moderne et contemporaine*, VI, juil. — août 1959, pp. 185–193.
- Mauro, François.* Toward an 'Intercontinental Model': European Overseas Expansion Between 1500–1800 // *Economic History Review*, 2nd ser., XIV, 1, 1961, pp. 1–17.
- Mauro, François.* Le XVIe siècle européen: aspects économiques, Collection Nouvelle Clio: 32. Paris: Presses Universitaires de France, 1966.
- McCracken, Eileen.* The Woodlands of Ireland circa 1600 // *Irish Historical Studies*, XI, 44, Sept. 1959, pp. 271–296.
- Meilink-Roelofs, M. A.* Asian Trade and European Influence in the Indonesian Archipelago between 1500 and about 1630. The Hague: Nijhoff, 1962.
- Meuvret, Jean.* Monetary Circulation and the Economic Utilization of Money in 16th- and 17th-Century France // *Essays in French Economic History* / Rondo E. Cameron, ed. Homewood, Illinois: Irwin, Inc., 1970, pp. 140–149. (Translated from: *Etudes d'histoire moderne et contemporaine*, I, 1947.)
- Meuvret, Jean.* Demographic Crisis in France from the Sixteenth to the Eighteenth Century // *Population in History* / D. V. Glass and D. E. C. Eversley, eds. London: Arnold, 1965, pp. 507–522.
- Miller, A.* Considérations sur les institutions financières de l'état moscovite aux XVIe et XVIIe siècles // *Revue internationale de sociologie*, XL, 7–8, juil. — août 1932, pp. 369–421.

- Miller, Edward. The Economic Policies of Governments: France and England // Cambridge Economic History of Europe, III, Economic Organization and Policies in the Middle Ages / M. M. Postan, E. E. Rich and Edward Miller, eds. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1963, pp. 290–340.
- Miller, Edward. The Fortunes of the English Textile Industry During the Thirteenth Century // Economic History Review, 2nd ser., XVIII, 1, Aug. 1965, pp. 39–60.
- Miller, Edward. Government Economic Policies and Public Finance, 900–1500 // Fontana Economic History of Europe, I, 8, 1970.
- Minchinton, W. E. Introduction // The Growth of English Overseas Trade in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. London: Methuen, 1969, pp. 1–57.
- Miranda, José. La función económica del encomendero en los orígenes del régimen colonial, Nueva España (1525–1531) // Anales del Instituto Nacional de Antropología e Historia, II, 1941–1946, pp. 421–462.
- Miranda, José. El tributo indígena en la Nueva España durante el siglo XVI. México: El Colegio de México, 1957.
- Miskimin, H. A. Agenda for Early Modern Economic History // Journal of Economic History, XXXI, 1, Mar. 1971, pp. 172–183.
- Mollat, Michel. Y a-t-il une économie de la Renaissance? // Actes du Colloque sur la Renaissance. Paris: Lib. Philosophique J. Vrin, 1958, pp. 37–54.
- Mollat, Michel, Johansen, Paul M., Postan, M. M., Saponi, Armando, and Verlinden, Charles. L'économie européenne aux derniers siècles du Moyen-Age // Relazioni del X Congresso Internazionale di Scienze Storiche, III: Storia del medioevo. Firenze: G. B. Sansoni, 1955, pp. 655–811.
- Molnar, Erik. Les fondements économiques et sociaux de l'absolutisme // XIIe Congrès International des Sciences Historiques: Rapports, IV: Methodologie et histoire contemporaine. Wien: Verlag Ferdinand Berger & Söhne, 1965, pp. 155–169.
- Moore, Jr., Barrington. Social Origins of Dictatorship and Democracy. Boston: Beacon Press, 1966.
- Morineau, Michel. D'Amsterdam à Séville: de quelle réalité l'histoire des prix est-elle le miroir? // Annales E.S.C., XXIII, 1, janv. — fevr. 1968, pp. 178–205.
- Morison, Samuel Eliot. Admiral of the Ocean Sea. Boston: Little Brown, 1942.
- Mousnier, Roland. La vénalité des offices sous Henri IV et Louis XIII. Rouen: Ed. Maugard, n.d., ca. 1945.
- Mousnier, Roland. Les XVIe et XVIIe siècles, Vol. IV of Histoire Générale des Civilisations. Paris: Presses Universitaires de France, 1954.
- Mousnier, Roland. Recherches sur les soulèvements populaires en France avant la Fronde // Revue d'histoire moderne et contemporaine, V, 1958, pp. 81–113.
- Mousnier, Roland. Peasant Uprisings in Seventeenth-Century France, Russia, and China. New York: Harper, 1970.
- Mundy, John H., and Riesenbergh, Peter. The Medieval Town. Princeton, New Jersey: Van Nostrand, 1958.
- Murray, John J. The Cultural Impact of the Flemish Low Countries on Sixteenth and Seventeenth Century England // American Historical Review, LXII, 4, July 1957, pp. 837–854.
- Myers, A. R. England in the Late Middle Ages, Vol. IV of The Pelican History of England, London: Penguin Books, 1952.
- Nadal, Jorge. La revolución de los precios españoles en el siglo XVI: estado actual de la cuestión // Hispania, revista española de historia, XIX, 77, oct. — dic. 1959, pp. 503–529.
- Nadal, Jorge. La población española: siglos XVI a XX. Colección de ciencia económica, VII. Barcelona: Ed. Ariel, 1966.
- Needham, Joseph. Science and Civilization in China, I. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1954.

- Needham, Joseph.* Les contributions chinoises à l'art de gouverner les navires // Colloque international d'histoire maritime, 5e, Lisbonne, 1960 (Paris, 1966) with discussion, pp. 113–134.
- Needham, Joseph.* The Chinese Contributions to Vessel Control // *Scientia*, XCVI, 98, April 1961, pp. 123–128; 99, May 1961, pp. 163–168.
- Needham, Joseph.* Commentary on *Lynn White, Jr.*, What Accelerated Technological Change in the Western Middle Ages? // *Scientific Change / A. C. Crombie*, ed. New York: Basic Books, 1963.
- Needham, Joseph.* Poverties and Triumphs of Chinese Scientific Tradition // *Scientific Change / A. C. Crombie*, ed. New York: Basic Books, 1963, pp. 117–153.
- Nef, John U.* Silver Production in Central Europe, 1450–1618 // *Journal of Political Economy*, XLIX, 4, Aug. 1941, pp. 575–591.
- Nef, John U.* Industry and Government in France and England, 1540–1640. Ithaca: Great Seal Books, 1957. (Originally in: *Memoirs of the American Philosophical Society*, XV, 1940.)
- Nef, John U.* War and Human Progress. New York: Norton, 1963.
- Nef, John U.* The Progress of Technology and Growth of Large-Scale Industry in Great Britain, 1540–1640 // *The Conquest of the Material World*. Chicago, Illinois: Univ. of Chicago Press, 1964, pp. 121–143. (Originally in: *Economic History Review*, V, 1934.)
- Nef, John U.* A Comparison of Industrial Growth in France and England from 1540 to 1640 // *The Conquest of the Material World*. Chicago, Illinois: Univ. of Chicago Press, 1964, pp. 144–212. (Originally in: *Journal of Political Economy*, XLIV, 1936.)
- Nef, John U.* Prices and Industrial Capitalism in France and England // *The Conquest of the Material World*. Chicago, Illinois: Univ. of Chicago Press, 1964, pp. 240–267. (Originally in: *Economic History Review*, VII, 1937.)
- Nef, John U.* Industrial Europe at the Time of the Reformation, c1515–c1540 // *The Conquest of the Material World*. Chicago, Illinois: Univ. of Chicago Press, 1964, pp. 67–117. (Originally in *Journal of Political Economy*, XLIX, 1941.)
- Néré, Jean.* Le développement du capitalisme // *Revue historique*, CCIII, janv. — mars 1950, pp. 64–69.
- North, Douglas C.*, and *Thomas, Robert Paul.* An Economic Theory of the Growth of the Western World // *Economic History Review*, 2nd ser., XXIII, 1, Apr. 1970, pp. 1–17.
- Ohlin, Goran.* Entrepreneurial Activities of the Swedish Aristocracy // *Explorations in Entrepreneurial History*, VI, 2, Dec. 1953, pp. 147–162.
- Oman, Sir Charles.* A History of the Art of War in the Sixteenth Century. London: Methuen 1937.
- Ots Capdequi, J. M.* El estado español en las Indias. México: Fondo de Cultura Economica, 1941.
- Pach, Zs. P.* Die Abbiegung der Ungarischen Agrarentwicklung von den Westeuropäischen // XIe Congres International des Sciences Historiques, Stockholm, 1960. Résumés des communications. Göteborg: Almqvist & Wikseil, 1960, pp. 154–156.
- Pach, Zs. P.* The Development of Feudal Rent in Hungary in the Fifteenth Century // *Economic History Review*, 2nd ser., XIX, 1, Apr. 1966, pp. 1–14.
- Pach, Zs. P.* En Hongrie au XVIe siècle: l'activité commerciale des seigneurs et leur production marchande // *Annales E.S.C.*, XXI, 6, nov. — déc. 1966, pp. 1212–1231.
- Pagès, G.* Essai sur l'évolution des institutions administratives en France du commencement du XVIe siècle à la fin du XVIIe // *Revue d'histoire moderne*, n.s., No. 1, janv. — févr. 1932, pp. 8–57; No. 2, mars — avr. 1932, pp. 113–151.
- Pagès, G.* La vénalité des offices dans l'ancienne France // *Revue historique*, CLXIX, 3, 1932, pp. 477–495.
- Pannikar, K. M.* Asia and Western Dominance. London: Allen & Unwin, 1953.
- Parry, J. H.* The Age of Reconnaissance. New York: Mentor Books, 1963.
- Parry, J. H.* Transport and Trade Routes // *Cambridge Economic History of Europe*, IV, The Economy of Expanding Europe in the 16th and 17th Centuries / E. E. Rich and C. H. Wilson, eds. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, pp. 155–219.

- Parry, J. H. Colonial Developments and International Rivalry Outside Europe, I. America // New Cambridge Modern History, III, The Counter-Reformation and the Price Revolution, 1559–1610 / R. B. Wernham, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1968, pp. 507–532.
- Parsons, Talcott. Structure and Process in Modern Societies. New York: Free Press, 1960.
- Pascu, S., Mavrodin, V. V., Porchnev, Boris, and Anteleva, I. G. Mouvements paysans dans le centre et le Sudest de l'Europe du XVe au XXe siècles // XIIe Congrès International des Sciences Historiques, Rapports, IV: Méthodologie et histoire contemporaine. Wien: Verlag Ferdinand Berger & Söhne, 1965, pp. 21–35.
- Penrose, Boies. Travel and Discovery in the Renaissance, 1420–1620. Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press, 1952.
- Perroy, Edouard. A l'origine d'une économie contractée: les crises du XIVe siècle // Annales E.S.C., IV, 2, avr. — juin 1949, pp. 167–182.
- Perroy, Edouard, et al. Le Moyen Age, Vol. III of Histoire Générale des Civilisations. Paris: Presses Universitaires de France, 1955.
- Pesez, Jean-Marie, and Le Roy Ladurie, Emmanuel. Le cas français: vue d'ensemble // Villages désertés et histoire économique, XIe–XVIIIe siècles. Paris: S.E.V.P.E.N., 1965, pp. 127–252.
- Petráň, Josef. A propos de la formation des régions de la productivité spécialisée en Europe Centrale // Deuxième Conférence Internationale d'Histoire Economique, Aix-en-Provence, 1962, II: Middle Ages and Modern Times. Paris: Mouton, 1965, pp. 217–222.
- Phelps-Brown, E. H., and Hopkins, Sheila V. Wage-Rates and Prices: Evidence for Population Pressure in the Sixteenth Century // Economica, XXIV, No. 96, Nov. 1957, pp. 289–306.
- Phelps-Brown, E. H., and Hopkins, Sheila V. Builders' Wage-Rates, Prices, and Population: Some Further Evidence // Economica, XXVI, No. 101, Feb. 1959, pp. 18–38.
- Phelps-Brown, E. H., and Hopkins, Sheila V. Seven Centuries of Building Wages // Essays in Economic History / E. M. Carus-Wilson, ed. New York: St. Martin's, 1966, II, pp. 168–178. (Originally in: Economica, XXII, 1955.)
- Phelps-Brown, E. H., and Hopkins, Sheila V., Seven Centuries of the Price of Consumables, Compared with Builders' Wage-Rates // Essays in Economic History / E. M. Carus-Wilson, ed. New York: St. Martin's, 1966, II, pp. 179–196. (Originally in: Economica, XXIII, 1956.)
- Pierce, T. Jones. Landlords in Wales, A.: The Nobility and Gentry // The Agrarian History of England and Wales, IV, 1500–1640 / Joan Thirsk, ed.. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, pp. 357–381.
- Pike, Ruth. The Genoese in Seville and the Opening of the New World // Journal of Economic History, XXII, 3, Sept. 1962, pp. 348–378.
- Pirenne, Henri. The Stages in the Social History of Capitalism // American Historical Review, XIX, 3, Apr. 1914, pp. 494–515.
- Pirenne, Henri. Economic and Social History of Medieval Europe. London: Routledge & Kegan Paul, 1936.
- Pirenne, Henri. Early Democracies in the Low Countries. New York: Norton, 1971.
- Pocock, J. G. A. Letter to the Editor // Encounter, XI, 4, Oct. 1958.
- Polanyi, Karl. The Great Transformation. Boston: Beacon Press, 1944.
- Porchnev, Boris. Les rapports politiques de l'Europe Occidentale et de l'Europe Orientale à l'époque de la Guerre des Trente Ans // International Congress of Historical Sciences, Stockholm, 1960. Rapports, IV, Histoire moderne. Göteborg: Almqvist & Wikseil, 1960, pp. 136–163.
- Porchnev, Boris. Les soulèvements populaires en France de 1623 à 1648. Paris: S.E.V.P.E.N., 1963.
- Portai, Roger. Les Slaves. Paris: Lib. Armand Colin, 1965.
- Postan, M. M. The Chronology of Labour Services // Transactions of the Royal Historical Society, 4th ser., XX, 1937, pp. 169–193.

- Postan, M. M.* The Fifteenth Century // *Economic History Review*, IX, 2, May 1939, pp. 160–167.
- Postan, M. M.* Some Social Consequences of the Hundred Years' War // *Economic History Review*, XII, 1 & 2, 1942, pp. 1–12.
- Postan, M. M.* The Rise of a Money Economy // *Essays in Economic History* / E. M. Carus-Wilson, ed. New York: St. Martin's, 1965, I, pp. 1–12. (Originally in: *Economic History Review*, XIV, 1944.)
- Postan, M. M.* Some Economic Evidence of Declining Population in the Later Middle Ages // *Economic History Review*, 2nd ser., II, 3, 1950, pp. 221–246.
- Postan, M. M.* Italy and the Economic Development of England in the Middle Ages // *Journal of Economic History*, XI, 4, Fall 1951, pp. 339–346.
- Postan, M. M.* The Trade of Medieval Europe: The North // *Cambridge Economic History of Europe*, II, Trade and Industry in the Middle Ages / M. M. Postan and E. E. Rich, eds. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1952, pp. 119–256.
- Postan, M. M.* Note (on article by W. C. Robinson) // *Economic History Review*, 2nd ser., XII, 1, 1959, pp. 77–82.
- Postan, M. M.* The Economic and Political Relations of England and the Hanse (1400 to 1475) // *Studies in English Trade in the Fifteenth Century* / Eileen E. Power and M. M. Postan, eds. New York: Barnes & Noble, 1966, pp. 91–153.
- Pounds, Norman J. G.* Overpopulation in France and the Low Countries in the Later Middle Ages // *Journal of Social History*, III, 3, Spring 1970, pp. 225–247.
- Power, Eileen E.* The Wool Trade in the Fifteenth Century // *Studies in English Trade in the Fifteenth Century* / Eileen E. Power and M. M. Postan, eds. New York: Barnes & Noble, 1966, pp. 39–90.
- Prawer, Joshua, and Eisenstadt, S. N.* Feudalism // *International Encyclopedia of the Social Sciences*. New York: Macmillan and Free Press, 1968, V, pp. 393–403.
- Prestwich, Minna.* Review of Boris Porchnev // *English Historical Review*, CCCXX, July 1966, pp. 565–572.
- Pullan, Brian.* Wage-earners and the Venetian Economy, 1500–1630 // *Economic History Review*, 2nd ser., XVI, 3, 1964, pp. 407–26.
- Quinn, D. B.* Ireland and Sixteenth-Century European Expansion // *Historical Studies* / T. Desmond Williams, ed. London: Bowes & Bowes, 1958, pp. 20–32.
- Ramsey, Peter.* Tudor Economic Problems. London: Gollancz, 1968.
- Rau, Virginia.* A Family of Italian Merchants in Portugal in the Fifteenth Century: the Lomellini // *Studi in onore di Armando Saporì*. Milano: Istituto Edit. Cisalpino 1957, I, pp. 715–726.
- Redlich, Fritz.* European Aristocracy and Economic Development // *Explorations in Entrepreneurial History*, VI, 2, Dec. 1953, pp. 78–91.
- Redlich, Fritz.* De Praeda Militari: Looting and Booty, 1500–1815 // *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, Supplement No. 39, 1956.
- Redlich, Fritz.* Military Entrepreneurship and the Credit System in the 16th and 17th Centuries // *Kyklos*, X, 1957, pp. 186–193.
- Redlich, Fritz.* The German Military Enterpriser and His Work Force, Vol. I // *Vierteljahrschrift für Sozial- und Wirtschaftsgeschichte*, Suppl. No. 47, 1964.
- Reglá, Juan.* La cuestión morisca y la conyuntura internacional en tiempos de Felipe II // *Estudios de historia moderna*, III, 1953, pp. 219–234.
- Reglá, Juan.* La expulsión de los moriscos y sus consecuencias // *Hispania, revista española de historia*, XIII, No. 51, 1953, pp. 215–267; No. 52, 1953, pp. 402–479.
- Reglá, Juan.* La expulsión de los moriscos y sus consecuencias en la economía valenciana // *Studi in onore di Amintore Fanfani*, V: Evi moderni e contemporaneo. Milano: Dott. A. Giuffrè-Ed., 1962, pp. 525–545.
- Renouard, Yves.* 1212–1216: Comment les traits durables de l'Europe occidentale moderne se sont définis au début du XIIIe siècle // *Annales de l'Université de Paris*, XXVIII, 1, janv. — mars 1958, pp. 5–21.

- Revah, I. S.* L'hérésie marrane dans l'Europe Catholique du 15e au 18e siècle // *Jacques LeGoff*, Hérésies et sociétés dans l'Europe pré-industrielle, 14e–18e siècles. Paris: Mouton, 1968, pp. 327–337.
- Reynolds, Robert L.* Europe Emerges. Madison: Univ. of Wisconsin Press, 1967.
- Rich, E. E.*, Expansion as a Concern of All Europe // *New Cambridge Modern History*, I, The Renaissance, 1493–1520 / G. R. Potter, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1957, pp. 445–469.
- Rich, E. E.* Colonial Settlement and its Labour Problems // *Cambridge Economic History of Europe*, IV, The Economy of Expanding Europe in the 16th and 17th Centuries / E. E. Rich and C. H. Wilson, eds. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, pp. 302–373.
- Rich, E. E.* Preface // *Cambridge Economic History of Europe*, IV, The Economy of Expanding Europe in the 16th and 17th Centuries, E. E. Rich and C. H. Wilson, eds. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, pp. xi–xxxii.
- Robertson, H. M.* European Economic Developments in the Sixteenth Century // *South African Journal of Economics*, XVIII, 1, Mar. 1950, pp. 36–53.
- Robinson, W. C.* Money, Population and Economic Change in Late Medieval Europe // *Economic History Review*, 2nd ser., XII, 1, 1959, pp. 63–76.
- Romano, Ruggiero.* La pace di Cateau-Cambrésis e l'equilibrio europeo a metà del secolo XVI // *Rivista storica italiana*, LXI, 3, sett. 1949, pp. 526–550.
- Romano, Ruggiero.* A Florence au XVIIe siècle: industries textiles et conjoncture // *Annales E.S.C.*, VII, 7, oct. — déc. 1952, pp. 508–512.
- Romano, Ruggiero.* A propos du commerce de blé dans la Méditerranée des XIVe et XVe siècles // *Eventail de l'histoire vivante: Hommage à Lucien Febvre*, Paris: Lib. Armand Colin, 1953, II, pp. 149–161.
- Romano, Ruggiero.* La marine marchande vénitienne au XVIe siècle // *Les sources de l'histoire maritime en Europe, du Moyen Age au XVIIIe siècle*, Actes du IVe Colloque International d'Histoire Maritime / M. Mollat et al., eds. Paris: S.E.V.P.E.N., 1962, pp. 33–55.
- Romano, Ruggiero.* Tra XVI e XVII secolo. Una crisi economica: 1619–1622 // *Rivista storica italiana*, LXXIV, 3, sett. 1962, pp. 480–531.
- Romano, Ruggiero.* Encore la crise de 1619–22 // *Annales E.S.C.*, XIX, 1, janv. — févr. 1964, pp. 31–37.
- Roorda, D. J.* The Ruling Classes in Holland in the Seventeenth Century // *Britain and the Netherlands* / J. S. Bromley and E. H. Kossman, eds. Groningen: Wolters, 1964, II, pp. 109–132.
- Rosenberg, Hans.* The Rise of the Junkers in Brandenburg-Prussia, 1410–1653 // *American Historical Review*, Part I, XLIX, 1, Oct. 1943, pp. 1–22; Part II, XLIX, 2, Jan. 1944, pp. 228–242.
- Rosenberg, Hans.* Bureaucracy, Aristocracy and Autocracy: The Prussian Experience, 1660–1815. Cambridge, Massachusetts: Harvard Univ. Press, 1966.
- Roth, Cecil.* The History of the Jews of Italy. Philadelphia: Jewish Publication Society of America, 1946.
- Rowse, A. L.* Tudor Expansion: The Transition from Medieval to Modern History // *William & Mary Quarterly*, 3rd ser., XIV, 4, July 1957, pp. 309–316.
- Rowse, A. L.* The Elizabethans and America. New York: Macmillan, 1959.
- Ruddock, Alwyn A.* Italian Merchants and Shipping in Southampton, 1270–1600. Southampton: University College, 1951.
- Ruiz Almansa, Javier.* Las ideas y las estadísticas de población en España en el siglo XVI // *Revista internacional de sociología*, I, 1947, pp. 89–107.
- Rusche, Georg, and Kirchheimer, Otto.* Punishment and Social Structure. New York: Russell & Russell, 1939.
- Salmon, J. H. M.* Venality of Office and Popular Sedition in Seventeenth Century France // *Past & Present*, No. 37, July 1967, pp. 21–43.

- Samsonowicz, Henryk.* Salaires et services dans les finances citadines de la Prusse au XVe siècle et dans la première moitié du XVIe siècle // Third International Conference of Economic History, Munich 1965. Paris: Mouton, 1968, pp. 533–551.
- Sansom, George B.* The Western World and Japan. New York: Knopf, 1950.
- Sansom, George B. A.* A History of Japan, II: 1334–1615. Stanford, California: Stanford University Press, 1961.
- Savine, Alexander.* Bondmen under the Tudors // Transactions of the Royal Historical Society, n.s., XVII, 1903, pp. 235–289.
- Sayous, André-E.* Le rôle d'Amsterdam dans l'histoire du capitalisme commercial et financier, Revue historique, CLXXXIII, 2, oct. — déc. 1938, pp. 242–280.
- Schöffner, I.* The Dutch Revolution Anatomized: Some Comments, Comparative Studies in Society and History, III, 4, July 1961, pp. 470–477.
- Schumpeter, Joseph A.* Business Cycles, 2 vol. New York: McGraw-Hill, 1939.
- Schumpeter, Joseph A.* Capitalism, Socialism and Democracy. London: Allen & Unwin, 1943.
- Schumpeter, Joseph A.* The Sociology of Imperialism, in Social Classes, Imperialism. New York: Meridian Books, 1955.
- Schurz, Walter L.* Mexico, Peru, and the Manila Galleon // Hispanic American Historical Review, I, 4, Nov. 1918, pp. 389–402.
- Sée, Henri.* Modern Capitalism. New York: Adelphi Co., 1928.
- Sella, Domenico.* Les mouvements longs de l'industrie lainière à Venise aux XVIe et XVIIe siècles // Annales E.S.C., XII, I, janv. — mars 1957, pp. 29–45.
- Sella, Domenico.* Crisis and Transformation in Venetian Trade // Crisis and Change in the Venetian Economy in the Sixteenth and Seventeenth Centuries / Brian Pullan, ed. London: Methuen, 1968, pp. 88–105.
- Sella, Domenico.* European Industries, 1500–1700 // Fontana Economic History of Europe, II, 5, 1970.
- Serraïma Cirici, Enrique.* Hugonotes y bandidos en el Pirineo catalán // Estudios de historia moderna, IV, 1954, pp. 207–223.
- Serrão, Joël.* Le blé des îles atlantiques: Madère et Açores aux XVe et XVIe siècles // Annales E.S.C., IX, 3, juil. — sept. 1954, pp. 337–341.
- Serveoise, R.* Les relations entre la Chine et l'Afrique au XVe siècle // Le mois en Afrique, No. 1968, juin 1966, pp. 30–45.
- Shneidman, J. Lee.* The Rise of the Aragonese-Catalan Empire, 1200–1350, 2 vol. New York: N.Y. Univ. Press, 1970.
- Siemenski, J.* Constitutional Conditions in the Fifteenth and Sixteenth Centuries // Cambridge History of Poland, I, From the Origins to Sobieski (to 1696) / W.F. Reddaway et al., eds. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1950, pp. 416–440.
- Skeel, Caroline.* The Cattle Trade between Wales and England From the Fifteenth to the Nineteenth Centuries // Transactions of the Royal Historical Society, 4th ser., IX, 1926, pp. 135–158.
- Slicher van Bath, B. H.* The Rise of Intensive Husbandry in the Low Countries // Britain and the Netherlands / J. S. Bromley and E. H. Kossman, eds. London: Chatto, 1960, I, pp. 130–153.
- Slicher van Bath, B. H.* The Agrarian History of Western Europe, A.D. 500–1850. New York: St. Martin's, 1963.
- Slicher van Bath, B. H.* Les problèmes fondamentaux de la société pré-industrielle en Europe occidentale // Afdeling Agrarische Geschiedenis Bijdragen, No. 12, 1965, pp. 3–46.
- Sluiter, Engel.* Dutch-Spanish Rivalry in the Caribbean Area, 1594–1609 // Hispanic American Historical Review, XXVIII, 2, May 1948, pp. 165–196.
- Smit, J. W.* The Present Position of Studies Regarding the Revolt of the Netherlands // Britain and the Netherlands / J. S. Bromley and E. H. Kossman, eds. Groningen: Wolters, 1964, I, pp. 11–28.

- Smit, J. W.* The Netherlands Revolution // Preconditions of Revolution in Early Modern Europe / Robert Forster and Jack P. Greene, eds. Baltimore, Maryland: The Johns Hopkins Press, 1970, pp. 19–54.
- Smith, R. E. F.* The Enserfment of the Russian Peasantry. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1968.
- Smith, Robert S.* Indigo Production and Trade in Colonial Guatemala // Hispanic American Historical Review, XXXIX, 2, May 1959, pp. 181–211.
- Smolar, Jr., Frank J.* Resiliency of Enterprise: Economic Causes and Recovery in the Spanish Netherlands in the Early Seventeenth Century // From the Renaissance to the Counter-Reformation / Charles H. Carter, ed. New York: Random House, 1965, pp. 247–268.
- Soldevila, Ferran.* Barcelona demana à l'emperador Carles V l'autorització per a comerciar directament amb America (1522) // Studi in onore di Amintore Fanfani, V: Evi moderno e contemporaneo. Milano: Dott. A Giuffrè-Ed., 1962, pp. 633–641.
- Solt, Leo F.* Revolutionary Calvinist Parties in England Under Elizabeth I and Charles I // Church History, XXVII, 3, Sept. 1958, pp. 234–239.
- Spooner, Frank C.* A la côte de Guinée sous pavillon français (1559–1561) // Studi in onore di Armando Saporì. Milano: Istituto Edit. Cisalpino, 1957, II, pp. 1001–1008.
- Spooner, Frank C.* The Habsburg-Valois Struggle // New Cambridge Modern History, II, The Reformation, 1520–1559 / G. R. Elton, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1958, pp. 334–358.
- Spooner, Frank C.* “Venice and the Levant: An Aspect of Monetary History (1600–1614)” // Studi in onore di Amintore Fanfani, V: Evi moderno e contemporaneo. Milano: Dott. A. Giuffrè-Ed., 1962, pp. 643–667.
- Spooner, Frank C.* The Economy of Europe, 1559–1609 // New Cambridge Modern History, III, The Counter-Reformation and the Price Revolution, 1559–1610 / R. B. Wernham, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1968, pp. 14–93.
- Spooner, Frank C.* The European Economy, 1609–50 // New Cambridge Modern History, IV, The Decline of Spain and the Thirty Years' War, 1609–48/59 / J. P. Cooper, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1970, pp. 67–103.
- Stahl, Henri H.* Les anciennes communautés villageoises roumaines—asservissement et pénétration capitaliste. Bucarest: Ed. de l'Académie de la République Socialiste de Roumanie, 1969.
- Stein, Stanley J. and Barbara H.* The Colonial Heritage of Latin America. London and New York: Oxford Univ. Press, 1970.
- Stephens, W. B.* The Cloth Exports of the Provincial Ports, 1600–1640 // Economic History Review, 2nd ser., XXII, 2, Aug. 1969, pp. 228–243.
- Stoianovich, Traian.* Material Foundations of Preindustrial Civilization in the Balkans // Journal of Social History, IV, 3, Spring 1971, pp. 205–262.
- Stone, Lawrence.* State Control in Sixteenth-Century England // Economic History Review, XVII, 1, 1947, pp. 103–120.
- Stone, Lawrence.* The Anatomy of the Elizabethan Aristocracy // Economic History Review, 1 & 2, 1948, pp. 1–53.
- Stone, Lawrence.* Elizabethan Overseas Trade // Economic History Review, 2nd ser., II, 1, 1949, pp. 30–58.
- Stone, Lawrence.* The Elizabethan Aristocracy—A Restatement // Economic History Review, 2nd ser., IV, 1, 2, & 3, 1951–52, pp. 302–321.
- Stone, Lawrence.* The Nobility in Business, 1540–1640 // Explorations in Entrepreneurial History, X, 2, Dec. 1957, pp. 54–61.
- Stone, Lawrence.* Letter to the Editor // Encounter, XI, 1, July 1958.
- Stone, Lawrence.* Social Mobility in England, 1500–1700 // Past & Present, No. 33, Apr. 1966, pp. 16–55.

- Stone, Lawrence. The Crisis of the Aristocracy, 1558–1641, abr. ed. London: Oxford Univ. Press, 1967.
- Strauss, Gerald. Nuremberg in the Sixteenth Century. New York: Wiley, 1966.
- Strayer, Joseph. On the Medieval Origins of the Modern State. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1970.
- Streider, Jacob. Origin and Evolution of Early European Capitalism // Journal of Economic and Business History, II, 1, Nov. 1929, pp. 1–19.
- Supple, Barry. Commercial Crisis and Change in England, 1600–1642. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1959.
- Swart, K. W. The Sale of Offices in the Seventeenth Century. The Hague: Nijhoff, 1949.
- Sweezy, Paul. The Transition from Feudalism to Capitalism // Science and Society, XIV, 2, Spring 1950, pp. 134–157.
- Szeftel, Marc. Aspects of Feudalism in Russian History // Feudalism in History / Rushton Colbourn, ed. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1956, pp. 167–182.
- Takahashi, H. K. The Transition from Feudalism to Capitalism: A Contribution to the Sweezy-Dobb Controversy // Science and Society, XVI, 4, Fall 1952, pp. 313–345.
- Takahashi, H. K. On the 'Transition' from Feudalism to the Bourgeois Revolution // Indian Journal of Economics, XXXV, 140, 1955, pp. 143–151.
- Tapié, Victor-L. La France de Louis XIII et de Richelieu. Paris: Flammarion, 1952.
- Taube, Edward. German Craftsmen in England During the Tudor Period // Journal of Economic History, IV, 14, Feb. 1939, pp. 167–178.
- Tawney, R. H. The Agrarian Problem in the Sixteenth Century. New York: Longmans, 1912.
- Tawney, R. H. Introduction to *Thomas Wilson, A Discourse Upon Usury*. London: Bell & Sons, 1925, pp. 1–172.
- Tawney, R. H. Harrington's Interpretation of His Age // Proceedings of the British Academy, 1941, pp. 199–223.
- Tawney, R. H. The Rise of the Gentry, 1558–1640 // Essays in Economic History / E. M. Carus-Wilson, ed. New York: St. Martin's, 1965, I, pp. 173–206. (Originally in: Economic History Review, XI, 1941.)
- Tawney, R. H. Postscript // Essays in Economic History / E. M. Carus-Wilson, ed. New York: St. Martin's, 1965, I, pp. 206–214. (Originally in: Economic History Review, VII, 1954.)
- Taylor, A. J. P. The Course of German History. London: Hamilton, 1945.
- Taylor, K. W. Some Aspects of Population History // Canadian Journal of Economics and Political Sciences, XVI, Aug. 1950, pp. 301–313.
- Tazbir, Janusz. The Commonwealth of the Gentry // *Aleksander Gieysztor et al., History of Poland*. Warszawa: PWN—Polish Scientific Publishers, 1968, pp. 169–271.
- Teall, Elizabeth S. The Seigneur of Renaissance France // Journal of Modern History, XXXVII, 2, June 1965, pp. 131–150.
- Thiriet, Freddy. La Romanie vénitienne au Moyen Age, Bibliothèque des Ecoles Française d'Athènes et de Rome, fasc. 183. Paris: Boccard, 1959.
- Thirsk, Joan. Industries in the Countryside // Essays in the Economic and Social History of Tudor and Stuart England / F. J. Fisher, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1961, pp. 70–88.
- Thirsk, Joan. Enclosing and Engrossing // The Agrarian History of England and Wales, IV, 1500–1640 / Joan Thirsk, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, pp. 200–255.
- Thirsk, Joan. The Farming Regions of England // The Agrarian History of England and Wales, IV, 1500–1640 / Joan Thirsk, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, pp. 1–112.
- Thirsk Joan. Farming Techniques // The Agrarian History of England and Wales, IV, 1500–1640 / Joan Thirsk, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, pp. 161–199.
- Thompson, F. M. L. The Social Distribution of Landed Property in England Since the Sixteenth Century // Economic History Review, 2nd ser., XIX, 3, Dec. 1966, pp. 505–517.

- Thorner, Daniel. L'économie paysanne: concept pour l'histoire économique // *Annales E.S.C.*, XIX, 3, mai — juin 1964, pp. 417–432.
- Thrupp, Sylvia. Medieval Industry, 1000–1500 // *Fontana Economic History of Europe*, I, 6, 1971.
- Tilly, Charles. Food Supply and Public Order in Modern Europe, mimeo, forthcoming in: *The Building of States in Western Europe* / Charles Tilly, ed. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press.
- Tilly, Charles. Reflections on the History of European Statemaking, mimeo, forthcoming in: *The Building of States in Western Europe* / Charles Tilly, ed. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press.
- Topolski, Jerzy. La régression économique en Pologne // *Acta poloniae historica*, VII, 1962, pp. 28–49.
- Trevor-Roper, H. R. The Elizabethan Aristocracy: An Anatomy Anatomized // *Economic History Review*, 2nd ser., III, 3, 1951, pp. 279–298.
- Trevor-Roper, H. R. The Gentry, 1540–1640 // *Economic History Review*, Supplement 1, 1953.
- Trevor-Roper, H. R. Letter to the Editor // *Encounter*, XI, 1, July 1958.
- Trevor-Roper, H. R. England's Moderniser: Thomas Cromwell // *Historical Essays*. New York: Harper, 1966, pp. 74–78.
- Trevor-Roper, H. R. The Jesuits in Japan // *Historical Essays*. New York: Harper, 1966, pp. 119–124.
- Trevor-Roper, H. R. The General Crisis of the Seventeenth Century // *The European Witch-Craze of the 16th and 17th Centuries and Other Essays*. New York: Harper, 1969, pp. 46–89.
- Trevor-Roper, H. R. Religion, the Reformation, and Social Change // *The European Witch-Craze of the Sixteenth and Seventeenth Centuries and other Essays*. New York: Harper, 1969, pp. 1–45. (Previously published as part of *The Crisis of the Seventeenth Century: Religion, the Reformation, and Social Change*.)
- Tymieniecki, Kazimierz. Le servage en Pologne et dans les pays limitrophes au moyen âge // *La Pologne au Xe Congrès International des Sciences Historiques à Rome*. Warszawa: Académie Polonaise des Sciences, Institut d'Histoire, 1955, pp. 5–28.
- Ullman, Joan Connolly. Translator's footnotes // *Jaime Vicens Vives*. Approaches to the History of Spain, 2nd ed. Berkeley: Univ. of California Press, 1970.
- Uminski, J. The Counter-Reformation in Poland // *The Cambridge History of Poland*, I, From the Origins to Sobieski (to 1696) / W. F. Reddaway et al., eds. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1950, pp. 394–415.
- Utterström, Gustaf. Climatic Fluctuations and Population Problems in Early Modern History // *Scandinavian Economic History Review*, III, 1, 1955, pp. 3–47.
- Vaccari, Pietro. I lavatori della terra nell'occidente e nell'oriente dell'Europa nella età moderna // *Studi in onore di Armando Saporì*. Milano: Istituto Edit. Cisalpino, 1957, II, pp. 969–978.
- Válka, Josef. La structure économique de la seigneurie tchèque au XVIe siècle // *Deuxième Conférence Internationale d'Histoire Economique*, II: Middle Ages and Modern Times. Paris: Mouton, 1965, pp. 211–215.
- van der Sprenkel, Otto B. Population Statistics of Ming China // *Bulletin of the SOAS*, XV, Part 2, 1953, pp. 289–326.
- van der Wee, Herman. The Growth of the Antwerp Market and the European Economy, 3 vol. The Hague: Nijhoff, 1963.
- van Dillen, J. G. Amsterdam's Role in Seventeenth-Century Dutch Politics and its Economic Background // *Britain and the Netherlands* / J. S. Bromley and E. H. Kossman, eds. Groningen: Wolters, 1964, II, pp. 133–147.
- van Houtte, J. A. Bruges et Anvers: marchés 'nationaux' ou 'internationaux' du XIVe au XVIe siècles // *Revue du Nord*, XXXIV, 1952, pp. 89–108.
- van Houtte, J. A. Anvers aux XVe et XVIe siècles: expansion et apogée // *Annales E.S.C.*, XVI, 2, mars — avr. 1961, pp. 248–278.
- van Houtte, J. A. Déclin et survivance d'Anvers (1550–1700) // *Studi in onore di Amintore Fanfani*, V: *Evi moderno e contemporaneo*. Milano: Dott. A. Giuffrè-Ed., 1962, pp. 703–726.

- van Houtte, J. A. L'approvisionnement des villes dans les Pays-Bas (Moyen Age et Temps Modernes) // Third International Conference of Economic History, Munich 1965. Paris: Mouton, 1968, pp. 73-77.
- van Leur, J. C. Indonesian Trade and Society. The Hague: van Hoeve, Ltd., 1955.
- Veblen, Thorstein. Imperial Germany and the Industrial Revolution. Ann Arbor, Michigan: Ann Arbor Paperbacks, 1966.
- Verlinden, Charles. The Rise of Spanish Trade in the Middle Ages // Economic History Review, X, 1. 1940, pp. 44-59.
- Verlinden, Charles. Deux aspects de l'expansion commerciale du Portugal au moyen âge // Revista portuguesa de história, IV, 1949, pp. 169-209.
- Verlinden, Charles. Italian Influence in Iberian Colonization // Hispanic American Historical Review, XXXIII, 2, May 1953, pp. 199-211.
- Verlinden, Charles. L'esclavage dans l'Europe médiévale, 2 vol. Brugge: De Tempel, 1955.
- Verlinden, Charles. La colonie italienne de Lisbonne et le développement de l'économie métropolitaine et coloniale portugaise // Studi in onore di Armando Saporì. Milano: Istituto Edit. Cisalpino, 1957, I, pp. 615-628.
- Verlinden, Charles. Crises économiques et sociales en Belgique à l'époque de Charles Quint // Charles Quint et son temps, Colloques internationaux du C.N.R.S., Paris, 30 sept. — 3 oct. 1958. Paris: Ed. du C.N.R.S., 1959, pp. 177-190.
- Verlinden, Charles. L'état et l'administration des communautés indigènes dans l'empire espagnol d'Amérique // International Congress of Historical Sciences, Stockholm, 1960, Resumes des communications. Göteborg: Almqvist & Wiksell, 1960, pp. 133-134.
- Verlinden, Charles. La Crète, débouché et plaque tournante de la traite des esclaves aux XIVe et XVe siècles // Studi in onore di Amintore Fanfani, III: Medioevo. Milano: Dott. A. Giuffrè-Ed., 1962, pp. 593-669.
- Verlinden, Charles, et al. Mouvements des prix et des salaires en Belgique au XVIe siècle // Annales E.S.C., X, 2, avr. — juin 1955, pp. 173-198.
- Vernadsky, George. Feudalism in Russia // Speculum, XIV, 3, July 1939, pp. 300-323.
- Vernadsky, George. The Tsardom of Muscovy, 1547-1682, Vol. V of A History of Russia, 2 parts. New Haven, Connecticut: Yale Univ. Press, 1969.
- Vicens Vives, Jaime. Discussion of Charles Verlinden, Crises économiques et sociales en Belgique à l'époque de Charles-Quint // Charles Quint et son temps, Colloques internationaux du C.N.R.S., 30 sept. — 3 oct. 1958. Paris: Ed. du C.N.R.S., 1959.
- Vicens Vives, Jaime. An Economic History of Spain. Princeton, New Jersey: Princeton Univ. Press, 1969.
- Vicens Vives, Jaime. Approaches to the History of Spain, 2nd ed. Berkeley: Univ. of California Press, 1970.
- Vilar, Pierre. Le temps de Quichotte // Europe, 34, Nos. 121-122, janv. — févr. 1956, pp. 3-16.
- Vilar, Pierre. Problems on the Formation of Capitalism // Past & Present, No. 10, Nov. 1956, pp. 15-38.
- Vilar, Pierre. La Catalogne dans l'Espagne moderne, 3 vol. Paris: S.E.V.P.E.N., 1962.
- Villari, Rosario. La rivolta antispagnola a Napoli: le origini (1585-1647). Bari: Laterza, 1967.
- Vitale, Luis. Latin America: Feudal or Capitalist? // Latin America: Reform or Revolution? / James Petras and Maurice Zeitlin, eds. Greenwich, Conn.: Fawcett, 1968, pp. 32-43.
- Vitale, Luis. España antes y después de la conquista de América // Pensamiento crítico, No. 27, abril 1969, pp. 3-28.
- Vivante, Corrado. Le rivolte popolari in Francia prima della Fronda e la crisi del secolo XVII // Rivista storica italiana, LXXVI, 4, die. 1964, pp. 957-981.
- Warriner, Doreen. Some Controversial Issues in the History of Agrarian Europe // Slavonic and East European Review, XXXI, No. 78, Dec. 1953, pp. 168-186.
- Watson, Andrew M. Back to Gold — and Silver // Economic History Review, 2nd ser., XX, 1, 1967 1-34.

- Webb, Walter Prescott. The Great Frontier. Boston, Massachusetts: Houghton Mifflin, 1952.
- Weber, Max. General Economic History. New York: Free Press, 1950.
- Weber, Max. The Religion of China. New York: Free Press, 1951.
- Weber, Max. The Religion of India. New York: Free Press, 1958.
- Weber, Max. Economy and Society. Totowa, New Jersey: Bedminster Press, 1968.
- Wernham, R. B. English Policy and the Revolt of the Netherlands // Britain and the Netherlands / S. Bromley and E. H. Kossman, eds., Groningen: Wolters, 1964, I, pp. 29–40.
- Wernham, R. B. The British Question, 1559–69 // New Cambridge Modern History, III, The Counter-Reformation and the Price Revolution, 1559–1610 / R. B. Wernham, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1968, pp. 209–233.
- Wernham, R. B. Introduction // New Cambridge Modern History, III, The Counter-Reformation and the Price Revolution, 1559–1610 / R. B. Wernham, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1968, pp. 1–13.
- White, Jr., Lynn. What Accelerated Technological Progress in the Western Middle Ages? // Scientific Change, A. C. Crombie, ed. New York: Basic Books, 1963, pp. 272–291.
- Willan, T. S. Trade Between England and Russia in the Second Half of the Sixteenth Century // English Historical Review, LXIII, No. 247, July 1948, pp. 307–321.
- Willetts, William. The Maritime Adventures of the Great Eunuch Ho // Papers on Early South-East Asian History / Colin Jack-Hinton, ed. Singapore: Journal of Southeast Asian History, 1964, pp. 25–42.
- Williams, Eric. Capitalism and Slavery. London: Deutsch, 1964.
- Williams, Penry, and Harriss, G. L. A Revolution in Tudor History? // Past & Present, No. 25, July 1963, pp. 3–58.
- Wilson, C. H. Cloth Production and International Competition in the 17th Century // Economic History Review, 2nd ser., XIII, 2, 1960, pp. 209–221.
- Wilson, C. H. Trade, Society and the State // Cambridge Economic History of Europe, IV, The Economy of Expanding Europe in the 16th and 17th Centuries / E. E. Rich and C. H. Wilson, eds. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, pp. 487–575.
- Wittman, T. Quelques problèmes relatifs à la dictature révolutionnaire des grandes villes de Flandres, 1577–1579 // Studia historica, Academiae Scientiarum Hungaricae, No. 40, 1960.
- Wolf, Eric. Sons of the Shaking Earth. Chicago, Illinois: Univ. of Chicago Press, 1959.
- Wolf, Eric. Peasants. Englewood Cliffs, New Jersey: Prentice-Hall, 1966.
- Wolfe, Martin. Fiscal and Economic Policy in Renaissance France // Third International Conference of Economic History, Munich 1965. Paris: Mouton, 1968, pp. 687–689.
- Woolf, S. J. Venice and the Terraferma: Problems of the Change from Commercial to Landed Activities // Crisis and Change in the Venetian Economy in the Sixteenth and Seventeenth Centuries / Brian Pullan, ed. London: Methuen, 1968, pp. 175–203.
- Wright, L. P. The Military Orders in Sixteenth and Seventeenth-Century Spanish Society // Past & Present, No. 43, May 1969, pp. 34–70.
- Youngs, Joyce. Landlords in England, C: The Church // The Agrarian History of England and Wales, IV, 1500–1640 / Joan Thirsk, ed. London and New York: Cambridge Univ. Press, 1967, pp. 306–356.
- Zagorin, Perez. The Social Interpretation of the English Revolution // Journal of Economic History, XIX, 3, Sept. 1959, pp. 376–401.
- Zavala, Silvio. La encomienda indiana. Madrid: Centro de Estudios Históricos, 1935.
- Zavala, Silvio. New Viewpoints on the Spanish Colonization of America. Philadelphia: Univ. of Pennsylvania Press, 1943.
- Zeller, Gaston. Industry in France Before Colbert // Essays in French Economic History / Rondo E. Cameron, ed. Homewood, Illinois: Irwin, Inc., 1970, pp. 128–139. (Translated from: Revue d'histoire économique et sociale, XXVIII, 1950.)

УКАЗАТЕЛЬ

Использование настоящего указателя осложняется тем обстоятельством, что одни и те же термины часто использовались для обозначения несколько отличающихся феноменов в феодальной и капиталистической системах. Эта неспособность терминологии следовать за институциональным изменением и является предметом рассмотрения в книге, поэтому, прежде чем пользоваться указателем, желательно сначала ее прочесть. В качестве общего правила мы постарались обозначить разные институты отдельными терминами, например, маноры / поместья (капиталистические).

Также отметим три других общих принципа, использованных при создании указателя. Временные периоды, такие как Средневековые или XVI век, не включены в список, за исключением тех случаев, когда речь идет о специфическом режиме (например, монархия Тюдоров).

Все названия народов включены под соответствующим названием страны, за исключением тех случаев, когда таковое название отсутствует (например, славяне), или, по меньшей мере, когда такой страны не существовало в рассматриваемые временные промежутки (например, турки).

Каждый упоминаемый продукт мануфактурного производства может быть отмечен четырьмя способами: как сырой материал, как продукция, как отрасль промышленности, как направление торговли. Например: шерсть; ткани, шерстяные; промышленность, текстильная; торговля мануфактурой.

А

Аббатства, см. Монастыри

Абель, Вильгельм 28, 51

Абрате, Марио 16, 108

Абсолютная монархия, см. Государство, абсолютизм

Авалон, полуостров 349

Августин, Блаженный 185

Австрийские Нидерланды, см. Нидерланды, Южные

Австрийское наследство, война за 165, 450, 484,

Австрия, см. тж. Германия, южная 114, 208, 379, 451

Аден 403, 478, 480¹

— Аденский залив 404

Азенкур 59

Азия 6, 40, 47, 52, 69, 83, 230, 267, 401–403, 405–410, 413–415, 417–419, 421–424, 471

— Центральная 48, 387, 477

— юго-восточная 406, 444

— юго-западная, см. Левант

— Южная, см. тж. Цейлон, Индия 408

Азовское море 374

Азорские острова 50, 102, 371, 446

Акапулько 416, 479

Акт о Супрематии, см. тж. Англиканская церковь 289, 464

Акционерные компании, см. Компании, акционерные

Альфонс I Дом, король Конго 419

Алгарве 50

Александр (Великий) 68

Александрия 419

Алжир, регентство 37, 442

Алкогонные напитки, см. тж. Вино, Пиво, Ром, Хиппокрас 50, 443

Алленсбах 20

Аллодиальное землевладение, см. Землевладение, аллодиальное

Альба, герцог 227, 252, 265, 457, 459, 460

Альбукерке, Афонсу 403, 404, 478

Альпы 171, 209, 212

Альфieri, Витторио, граф 169, 451

- Америка (Американский континент, обе Америки)
 553, 155, 207, 224, 229, 241, 245, 247, 262, 335, 336,
 372, 406, 410, 413, 415, 416, 418, 450, 454, 457, 511
 — «внутренние Америки», см. Сельское хо-
 зяйство, расширение обрабатываемых
 площадей
 — испанские 95, 96, 182
 — Латинская 6, 40, 108, 111, 119, 462
 — Мезоамерика 99
 — открытие 45, 47, 51, 97, 104, 110, 182, 206, 207
 — пиренейская, см. *тж.* Америка, Испан-
 ская; Бразилия 55, 106, 107, 109, 110, 112, 118,
 119, 122, 123, 135, 146, 152, 153, 207, 218, 219,
 229, 231–236, 263, 265, 386, 416, 433, 446, 447
 — Северная 40, 104, 325, 349, 445, 446
 — Центральная 103, 230
 — Южная 330, 419, 422, 447, 448
- Американские индейцы 102, 105, 109–112, 118, 119,
 220, 230, 232–234, 236, 417, 446
 — вожди (касики) 111, 220, 229, 386
- Амстердам, см. *тж.* Голландия; Нидерланды, Се-
 верные 264, 265, 269, 270, 339, 342, 421
- Английская ярмарочная компания 264, 284, 341,
 451, 469
- Англиканская церковь, см. *тж.* Христианство,
 протестантизм 236, 255, 289, 464
- Англия 18, 20, 25, 26, 28, 29, 33, 36, 37, 39, 45, 48, 49,
 52, 53, 59, 83, 87, 90, 91, 92, 96, 97, 98, 113, 114,
 115, 124, 126–141, 145, 147, 149, 150, 152–154, 156,
 170, 178, 179, 181, 185, 186, 188, 194, 196, 202, 207,
 208–211, 214, 217, 221, 222, 223, 226, 227, 230, 235,
 236, 237, 243, 245, 247, 248, 255, 259, 262, 263–
 265, 267, 269, 271–273, 277, 278–291, 303–307,
 309–356, 359–368, 378, 384, 390, 394, 414, 419,
 421, 433, 435, 438, 443, 449, 451–453, 458, 460,
 463, 464, 466, 467, 469, 470, 471, 475
 — восточная 133, 282
 — Гражданская война 294, 299, 300, 347, 350,
 351, 368, 471
 — Долгий парламент, см. *тж.* Англия, пар-
 ламент 351, 471
 — парламент, см. *тж.* парламентские струк-
 туры 36, 162, 175, 290–301, 343–345, 358, 464,
 465
 — протекторат Кромвеля 258
 — северная (северо-восточная) 288
 — Тайный совет, см. *тж.* Государство, бю-
 рократия 287, 345
 — Устав ремесленников 140
 — южная (и юго-западная) 92
- Англоирландцы 319
- Андалусия 81, 123, 207, 224, 235, 239, 241
- Анжуйская монархия 36
- Анна 63,
- Антверпен, см. *тж.* Фландрия 147, 148, 156, 188,
 201, 212–217, 221, 224–228, 242, 245–248, 253,
 265, 266, 279, 284, 285, 327, 329, 330, 339, 421,
 451, 456, 460, 461, 462, 464
- Антелева, И. Г. 376
- Антиклерикализм 184
- Антильские острова (Антильский бассейн) (Вест-
 Индия) 78, 103, 109, 205, 233, 325, 330, 417
- Антимеркантилизм, см. *тж.* Открытая эконо-
 мика 375, 397
- Антитринитаризм 189, 452,
- Античность, популярность 17, 43, 46, 166, 176, 441
- Апеннины 171, 209, 211, 274
- Апулия 270, 416, 479
- Арабы, см. *тж.* Ислам 44, 63, 203, 402, 405, 409, 419
- Аравия 402
- Арагон 131, 181, 203, 208, 218, 219, 237, 238, 240, 241,
 270, 442, 456
- Арайя 422, 481
- Арауканы, см. *тж.* Американские индейцы 207,
 220, 454
- Аргуйн 205, 454
- Ардан, Габриэль 33, 34, 106, 121, 177, 363, 388
- Аристократия, см. *тж.* Лендлорды, Пэры, Сеньоры
 29, 32, 34, 47, 54, 58, 60, 72, 101, 112, 113, 118, 119, 121,
 123, 134, 144, 145, 150, 161, 172, 172, 173, 178, 187–194,
 197, 239, 249, 250, 253, 257, 273, 292–296, 301, 304,
 320–322, 331, 352, 353, 355, 357, 366, 368, 382, 385,
 390, 391, 394, 396, 397, 435, 444, 476
 — долги, см. *тж.* Сеньоры, сеньориальный
 доход, сокращение 147, 148, 165–167, 170,
 213, 232, 234, 240, 250, 308, 328, 383, 384, 286,
 462, 465, 472
 — феодальная, см. сеньоры
- Армия (постоянная), см. *тж.* Артиллерия; Война;
 Кавалерия; Пехота; Промышленность, про-
 изводство военного снаряжения и артил-
 лерии 32, 34, 59, 68, 141, 167–172, 193, 232, 249,
 254, 270, 288, 289, 290, 314, 333, 362, 381, 382, 389,
 400, 437, 442, 459, 460, 461, 473, 475
 — наемники, см. *тж.* Капитализм, предпри-
 ниматели, военные 32, 167–170, 172, 253,
 311, 458
 — поставщики, см. *тж.* Купцы (торговцы)
 45, 113, 205, 236, 270, 280, 377, 416, 450, 462
 — продовольственное обеспечение, см. *тж.*
 Армия, поставщики 84, 140, 170
 — частные армии 382

- Армяне 188
 Арнольд, Станислав 188
 Артиллерия, *см. тж.* Вооружения; Промышленность, производство военного снаряжения и артиллерии 32, 62, 71, 410
 Аснар, Луис 414
 Ассимиляция 60, 177, 212
 Астон, Тревор 272
 Астрахань 373
 Асьенда, *см.* Поместья, асьенда
 Атлантика 48, 55, 57, 104, 155, 224, 244, 246, 247, 265, 269, 270, 327, 338
 — океанические течения 60
 — южная 60, 403
 Атлантика (мир), *см. тж.* Мир-экономика; Торговля, атлантическая 44, 48, 50, 56, 59, 335, 455, 457, 459
 Атлантическая экономика, *см.* Торговля, атлантическая
 Аугсбург, Аугсбургский мир 20, 92, 213, 442, 456
 Африка 4–6, 36, 47, 56, 242, 401, 415, 457, 477
 — африканское побережье, *см.* Африка, Западная
 — Восточная 63
 — Западная 48, 51, 104, 206, 403, 406, 410, 411, 421, 422
 — Северная 18, 54, 205, 383, 479
 — юго-восточная, *см.* Африка, Восточная
 Ацтеки 50, 418
- Б**
 Багу, Серхио 103, 108, 110
 Баия 105, 447, 469
 Бакуфу, *см.* Япония
 Баландье, Жорж 419
 Балеарские острова 208
 Баллиоль колледж, Оксфорд 255
 Балтика (Прибалтика) (регион) 18, 181, 221, 247, 260, 261, 262, 284, 283, 324, 327, 242, 375, 385, 390, 391, 399, 464, 475, 477
 Балты 44
 Бандитизм, *см. тж.* Пиратство 171–173, 241, 430, 458
 Банкиры, *см.* Финансисты
 Банковское дело, *см. тж.* Государство, банки; Деньги; Купцы-банкиры; Финансисты 265
 — депозитный банкинг 265
 Банкротство, *см.* Государство, банкротство
 Барберини, Раффаэло 400, 477
 Барбур, Виолет 261, 263, 264
 Барди и Перуцци 180, 451
 Баркан, Эмер Лутфи 372
 Барли, М. У. 312
 Барон, Сало У. 178, 179, 180, 184, 186
 Бароны, *см.* Пэры
 Барраклу, Джеффри 8, 216, 228, 377
 Барселона 149, 235, 366, 420, 456
 Барщинный труд, *см.* Феодализм, феодалные повинности, трудовая повинность
 Баски 168
 Бастилия, взятие 253
 Бато, Гордон 290, 301, 312, 314
 Батраки, *см. тж.* Домовладельцы; Работники, сельские 312–314, 341
 Базрель, Рене 335, 336
 Беарн 332
 Бедные (бедняки), *см. тж.* Классы, низшие 26, 51, 161, 170, 172, 185, 304, 314–316, 324, 325, 340, 342, 344–346, 350, 363, 440, 452
 Безансон 266, 462
 Безопасность, поиск физической безопасности, *см. тж.* Государство, порядок, внутренний 27, 161, 162, 179, 196, 219, 234, 263, 272, 302, 307, 312, 336, 350
 Безработица, *см.* Занятость
 Бекер, Марвин Р. 166
 Белки (протеины), *см.* Продовольствие, белки (протеины)
 Белофф, Макс 153
 Бельгия, *см.* Нидерланды, Южные
 Беннетт, М. К. 49, 50
 Берберы 205
 Берген 147
 Берег приностей, *см.* Африка, Западная
 Бересфорд, Морис У. 28
 Берри 154, 364
 Беррилл, К. 154
 Беттс, Реджинальд Р. 115, 116
 Бёрли, Уильям Сесил, лорд 298, 465
 Биндофф, С. Т. 247, 267, 284
 Бискайский залив 327
 Биттон, Дэвис 352
 Бишко, Чарльз Джулиан 55
 Благородные металлы, *см.* Драгоценные (благородные) металлы
 Блэнчард, Иэн 91, 124
 Ближний Восток, *см.* Левант
 Блок, Марк 18, 25, 29, 32, 53, 102, 125, 126, 130, 137, 138, 139, 140–142, 196, 222, 286, 291, 336, 353
 Блюм, Джером 113, 373, 374, 377, 388, 390, 391, 392, 394–398, 483
 Богемия, *см. тж.* Чехия 46, 112, 113, 208, 243, 374, 378–380, 399, 455

- Боксер, Ч.Р. 57, 59, 64, 65, 403, 405, 406, 409, 410, 419, 423
- Болезни, *см.* Эпидемии
- Болонья 126
- Болотный край 310
- Большой лук 32
- Бона Сфорца, королева Польши 395, 476
- Бора, Вудроу 105, 416, 417
- Бордо 366, 472
- Босеруп, Эстер 23
- Босния 46
- Бостон (графство Линкольншир) 344
- Ботье, Робер-Анри 224
- Боуден, П. Дж. 130, 295, 323, 347
- Бочарная клепка, производство, *см.* Промышленность, деревообработка
- Бояре, *см.* *тж.* Сеньоры 386, 387, 392, 394, 395
- Боярские дети, *см.* *тж.* Знать, мелкая 394
- Брабант 94, 149, 260, 400
- Бразилия, *см.* *тж.* Америка, Испанская 78, 103, 105, 110, 338, 371, 411, 413–416, 418, 421, 422, 438, 446, 447, 450, 457, 469, 479
- Бранденбург 30, 143, 373, 379, 397, 450
- Бреннер, И. С. 83, 84
- Бретань 128, 168, 221, 333, 367
- Бринтон, Крейн 253, 460
- Бродель, Фернан 17, 32, 37, 40, 47, 49, 52, 57, 60, 78, 81, 83, 84, 97, 105, 114, 124, 127, 141–143, 150, 155, 159, 164, 166, 167, 171, 182, 192, 195, 202, 204, 205, 211, 218–220, 224, 235, 236, 238, 260–266, 268, 269, 274, 323–326, 339, 368, 372, 375, 382, 407, 419, 440, 443, 448, 462, 463, 477
- Бродяжничество 141, 142, 167, 172, 314, 315, 324
- «Бродячий народ» (*Fahrendes Volk*) 167, 314
- Брокеры, *см.* Финансисты
- Бромли, Дж. С. 48, 246, 249, 259
- Брошенные деревни, *см.* *Wüstungen*
- Бруннер, Отто 400
- Бруцкус, Й. 178
- Брюле, Вильфрид 329
- Бувсма, Вильям Дж. 268
- Букач, Э. Дж. 310, 311
- Бульферетти, Луиджи 108, 195
- Бумагоделательные предприятия, *см.* Промышленность, деревообработка
- Бурбоннэ 364
- Бургундия как провинция Франции; в связи с Нидерландами *см.* Нидерланды 59, 208, 214, 451
- Буржуазия, *см.* *тж.* Бюргеры; Джентри; Капитализм, предприниматели; Классы, средние; Купцы (торговцы); Патрициат; Промышленники; Торговля; Фермеры, капиталистические; Финансисты 55, 56, 60, 71, 72, 101, 102, 128, 129, 136, 144, 148, 172, 176, 182, 187, 188–190, 192, 193, 195, 196, 202, 203, 228, 229, 235, 237–239, 245, 248, 249, 251, 252, 257–259, 328, 333, 353–360, 366–367, 393–395, 398, 432, 434, 443
- иностранная 60, 390, 397
- коренная (местная) 59, 60, 98, 128, 180–183, 202, 268, 299, 331, 359, 360, 366, 373, 382, 390, 391, 394, 395, 398
- мануфактурная, *см.* Промышленники
- мелкая 155, 188
- обуржуазивание власти 352, 355
- предательство буржуазии 339, 356
- торговая, *см.* Купцы (торговцы)
- феодализация буржуазии 186
- Буш-Цантнер 372
- Быки, *см.* Скот
- Быстроходная плоскодонка, *см.* Флейт
- Бэкон, Фрэнсис, сэр 340
- Бэннон, Джон Ф. 110
- Бюргеры, *см.* *тж.* Буржуазия, Города, Патрициат 147, 258, 433
- Бюрократизация, *см.* Государство, бюрократия
- Бюрократическая политика 162
- Бюрократия, *см.* Государство, бюрократия
- Бюхер, Карл 20

В

- Вайкман, Георг 330
- Ваккари, Пьетро 108
- Вако, пираты 64, 65, 70, 405, 423, 444
- Валахия 112, 114
- Валенсия 90, 92, 239, 240, 258, 458
- Валуа монархия, *см.* *тж.* Франция 205, 225, 242, 289, 321, 330, 433, 442
- Валька, Йозеф 379
- Ван дер Вее, Херман 94, 214–216, 227
- Ван дер Молен 216
- Ван дер Шпренкель, Отто Б. 64, 66
- Ван Диллен, Й. Г. 246, 261, 270, 281
- Ван Лёр, Й. К. 408
- Ван Хембейзе, Ян 257, 258, 461
- Ван Хоутте, Й. А. 49, 213, 214, 227
- Ван Цзинь 63
- Ван Янмин 71, 72, 444
- Ватерлоо 254
- Вебер, Макс 4, 34, 67–69, 71, 120, 136, 154, 184, 185, 406, 444, 448
- Веблен, Торстейн 289

- Великая перестройка, *см. тж.* Промышленность, строительство 311
- Великая стена 64
- Великий контракт, *см. тж.* Англия 290, 464
- Великобритания, *см. тж.* Англия, Уэльс, Шотландия 323, 450
- Вельзеры, *см. тж.* Купцы (торговцы), купеческие (торговые) дома 421
- Вена 56, 70, 92
- Венгрия 46, 112–115, 185, 194, 208, 303, 371, 378, 399, 455, 462, 467
— северная, *см.* Словакия
- Венеция 16, 37, 52, 57, 60, 94, 98, 114, 189, 211, 212, 215, 264–273, 402, 413, 415, 419–421, 445, 452, 456, 464, 477
- Вервенский мир 225, 348, 457, 460
- Верлинден, Шарль 57, 58, 86, 94, 102, 104, 216, 228, 230
- Вернадский, Георгий 373, 374, 393
- Вернхэм, Р.Б. 192, 242, 293, 259, 266, 267, 289, 327, 332
- Вест-Индия, *см.* Антильские острова (Антильский бассейн)
- Вестморленд 133, 449
- Вестфальский мир 384
- Виванти, Коррадо 354, 356, 358
- Виги (интерпретация истории) 351
- Виджаянагар 405
- Византия 16, 18, 21, 45, 61, 358, 413
- Вилар, Пьер 95, 151, 190, 203, 204, 236, 239, 250
- Вилланы, *см.* Крепостные (сервы)
- Виллари, Розарио 172, 173, 274
- Вильгельм Завоеватель 286
- Вильгельм (Молчаливый) Нассау, принц Оранский 258, 461
- Вино 49, 51, 86, 88, 92, 128, 131, 166, 233, 246, 269, 297, 327, 440, 443
- Виноград 39
- Виноградарство, *см.* Вино
- Виргиния 104, 422
- Висенс Вивес, Хайме 96, 120, 123, 181, 201, 202, 228, 235, 236, 239
- Висла 375, 378, 397
- Витале, Луис 55, 108, 110, 203, 237
- Виттенберг 187
- Внешняя сфера 258, 369, 380, 400, 409, 415, 416, 418, 431
- ВНП, *см.* Государство, валовый национальный продукт
- Внутренняя колонизация, *см.* Колонии, внутренняя колонизация
- Водяная энергия 282
- Водяные колеса 152
- Военное снаряжение, *см. тж.* Армия; Вооружение; Промышленность, производство военного снаряжения и артиллерии 97, 236, 422
- Военный флот, *см. тж.* Война; Промышленность, кораблестроение 345, 403, 405, 409, 475
— корабельные товары 52, 261, 378
— снабжение провизией 170, 270
- Военные ордена 194, 238, 453
- Военные расходы, *см.* Война, экономические аспекты
- Возрождение (Ренессанс), *см. тж.* Контрвозрождение 17, 33, 62, 84, 98, 146, 153, 166, 189, 210, 228, 320, 452
- Война 23, 26, 27, 31, 32, 35, 54, 55, 58, 59, 60, 67, 68, 84, 86, 87, 91, 102, 159, 161, 165, 169–171, 183, 209, 216, 224, 226, 240, 244, 254, 256, 260, 261, 264, 265, 269, 271, 272, 284, 286, 302, 322, 331, 336, 338, 343, 345, 349, 362, 375, 382, 384, 385, 391–393, 395, 398, 399, 408, 409, 442–444, 450–451, 453, 456, 458–460, 464–470
— военная тактика 168, 193
— военно-морские технологии, *см. тж.* Военный флот 72, 261, 378
— военные технологии, *см. тж.* Армия 61, 62, 71, 161, 261
— гражданские войны, *см. тж.* Англия, Гражданская война; Фронда 6, 287, 294, 300, 326, 330, 331, 334, 347, 350, 351, 367, 368, 434
— религиозные войны, *см. тж.* Франция, Религиозные войны 98, 179, 241, 252, 289, 324–326, 331, 334, 354, 355, 357, 360, 363, 364, 457, 471, 474–480
— стратегические поставки, *см. тж.* Военный флот, поставки 261
— экономические аспекты, *см. тж.* Торговля, военная 44, 58, 81, 161, 235, 318, 322, 325, 418
- Война Алой и Белой розы 59, 315
- Волга 373, 374
- Вольф, Эрик 67, 103, 108, 309
- Вольфе, Мартин 166
- Вооружение, *см. тж.* Армия; Артиллерия; Промышленность, производство военного снаряжения и артиллерии 261, 400, 402, 409
- Воск 92, 114, 377
- Восток (*East, Orient*), *см. тж.* Индии, Индия, Китай, Левант 45, 47, 61, 67, 68, 72, 99, 178, 208, 242, 247, 266, 267, 285, 374, 377, 394, 401, 402, 405, 410, 411, 415, 424, 462, 463, 477

Восточная Англия 133, 449
 Восточное полушарие 18
 Вотчина, *см.* Поместья (*Manors*), вотчины
 Время мира 7
 Всадники, *см.* Кавалерия 68
 Вулф, С. Дж. 99, 100, 142
 Выращивание сахарного тростника, *см.* Сахар
 Высшие суды (*Cours souverains*) 357, 471, 472

Г

Габор, Бетлен 375
 Габсбурги, династия (империя), *см.* Империя,
 Габсбургская
 Галилей, Галилео 62, 452
 Галлия (Римская) 365
 Гамбург 201, 214, 227, 261, 421
 Гана 45, 454
 Ганза 20, 114, 181, 247, 259, 260, 283, 341, 469
 Гасконь 168, 241
 Гаттинара, Меркурино да 219, 456
 Гватемала 119, 229, 231, 445
 Гвиана 422, 445
 Гвинейский залив 205, 450
 Гвиччардини, Франческо 226
 Гданьск 147, 156, 398, 399, 475
 Гейл, Питер 251, 253, 254, 259
 Гейштор, Александр 188
 Генеральные Штаты, *см.* Франция; Нидерланды,
 Северные
 Генрих II, король Англии 285
 Генрих II, король Франции 164, 330, 331, 461, 468
 Генрих III, король Франции 332
 Генрих IV, король Франции 37, 164, 332, 357, 360,
 361, 364, 366, 357, 467, 468
 Генрих VII, король Англии 33, 315, 466
 Генрих VIII, король Англии 255, 300, 463–465
 Генрих Мореплавателю, португальский принц 55,
 402, 443
 Генрих Наваррский, *см.* Генрих IV, король Фран-
 ции
 Генриховская административная революция, *см.*
 Государство, бюрократия, административ-
 ная революция
 Гент, *см.* *тж.* Гентское умиротворение 256–258,
 460, 461
 Гентское умиротворение, *см.* *тж.* Революция,
 Нидерландская 252, 253
 Генуя 44, 45, 57, 147, 201, 205, 206, 211, 236, 260,
 264–266, 269, 270, 273, 285, 336, 420, 456, 463
 Географическая экспансия, *см.* Европа, экспан-
 сия; Россия, экспансия

Германия 6, 27, 28, 37, 39, 54, 81, 108, 114, 118, 136,
 167, 169, 178, 179, 184, 186, 188, 210, 213, 216–218,
 228, 229, 244, 248, 257, 271, 286, 288, 325, 327,
 332, 334, 344, 354, 361, 363, 384, 399, 442, 452,
 455, 456–458, 475, 477
 — восточная, *см.* Германия, восточное Полабье
 — восточное Полабье 137
 — Германская империя, *см.* Империя, Свя-
 щенная Римская
 — запад (западная) 30, 113,
 — княжества 33, 216, 228
 — северная, *см.* *тж.* Ганза 42
 — северо-восточная, *см.* Германия, восточ-
 ное Полабье 112–114, 143, 383, 384, 396, 398
 — северо-западная 30
 — южная (юг Германии) 98, 149, 152, 201, 208,
 212–214, 228, 242, 398
 Германские государства (*Germanies, the*), *см.* Гер-
 мания
 Герой, государь как герой (полубог) 176
 Герт, Ханс 67
 Гершенкрон, Александр 387
 Гестрин, Фердо 113, 183, 397
 Гёте, Иоганн Вольфганг фон 217
 Гибберт, А. Б. 21, 22
 Гибралтар 57
 Гибсон, Чарльз 107
 Гидравлическая сила 46
 Гиень 128, 283, 332, 364
 Гизы, *см.* *тж.* Франция 331, 468
 Гилберт, Хамфри 104, 446
 Гильдии, *см.* *тж.* Рабочие, организации 144, 148,
 150, 161, 164, 272, 291, 293, 308, 332, 446,
 — ограничения 10, 31, 58, 68, 71, 85, 90, 95, 129,
 137, 144, 163, 174, 175, 178, 186, 194, 226, 237,
 257, 258, 316, 333, 342, 343, 347, 348, 355, 361,
 387, 388, 431, 466
 Гильен Мартинес, Фердинанд 111, 118
 Гламанн, Кристоф 328, 337
 Гласс, Д. В. 273, 325
 Глендоуэр, Оуэн 319, 467
 Гоа 247, 370, 403–405, 416, 478, 481
 Гогенцоллерны 383, 384
 Гогенштауфены, *см.* *тж.* Империя, Священная
 Римская 210
 Голландия, провинция; в прочих случаях *см.* Ни-
 дерланды, Северные 37, 40, 52, 95, 114, 149, 221,
 246, 248, 249, 252–256, 258, 259–264, 270, 273,
 279, 283, 299, 306, 319, 323, 336, 337, 339, 344, 348,
 355, 360, 394, 399, 414, 419, 421, 459, 461
 Голод, *см.* Продовольствие, нехватка

- Голуэй 319
- Гольдман, Люсьен 356–358
- Гольштейн 379
- Гомогенизация (национального общества), *см.* Государство, гомогенизация
- Гондзо, Эидзиро 423
- Гонсалес де Селлориги, Мартин 240
- Гордон-Уокер, Р. С. 117, 186
- Горны 152
- Горное дело, *см.* Промышленность, горное дело
- Города, *см. тж.* Бюргеры; Государство, города-государства; Патрициат 27, 45, 49, 55, 57, 58, 60, 79, 84, 84, 95, 115, 116, 120, 123, 124, 126, 128, 131, 134, 139, 141, 143–145, 148–150, 166, 181, 188–190, 194, 221, 229, 232, 233, 249, 252, 257–261, 266, 270, 284, 287, 306, 317, 318, 324, 332, 358, 364, 368, 383, 384, 394, 395–397, 399, 416, 442, 453, 455, 459, 460, 464, 469, 475, 477
- «городской колониализм» 145
- Города-государства, *см.* Города; Государство, города-государства
- Городские центры, *см.* Города
- Гости, *см. тж.* Купцы (торговцы) 81, 398
- Государства центра, *см. тж.* Мир-экономика 180, 275, 430, 341, 433, 435, 436
- Государственничество («*Stateness*»), *см.* Государство, централизация
- Государственное расширение 388, 393
- Государственные советники (*Conseillers d'Etat*) 53, 357, 474
- Государство 6, 7, 12, 16, 18, 24, 31, 33–38, 53, 59, 67, 68, 73, 94, 107, 110, 111, 118, 119, 145, 146, 159, 164, 165, 167, 169, 173, 176, 177, 180, 181, 190, 192, 193, 197, 205, 207, 219, 221–223, 230, 239–243, 258, 264–266, 286, 288, 291, 294, 302, 316, 318–320, 328, 330, 331, 334, 341, 342, 350, 352, 354, 355, 359, 360, 362, 365, 366, 373, 380–389, 391–394, 398, 402, 404, 407, 423, 424, 427, 433, 434, 436, 437, 443, 444, 461, 467, 474, 476, 478
- абсолютизм 354
- банки, *см. тж.* Банковское дело 146, 156, 169, 167, 201, 215, 265, 270, 274, 354
- банкротство 168, 180, 183, 216, 221, 225–228, 250, 265, 298, 331, 421, 449, 451, 453, 462, 472, 479
- бюрократия (гражданская), *см. тж.* Китай, конфуцианские мандарины 16, 31, 33, 35, 36, 63, 70, 73, 99, 100, 101, 118, 163, 164, 165, 170, 175, 178, 191, 193, 204, 207, 219, 220, 223, 232, 241, 287, 318, 319, 321, 333, 345, 352, 353, 362, 381, 384, 389, 436, 458
- административная революция 290
- военная, *см.* Армия
- наследственная 175, 192
- продажа должностей 34, 159, 164, 165, 232, 289, 352, 354, 355, 365, 374
- валовый национальный продукт 100, 242
- военная мощь, *см.* Армия
- гомогенизация 429
- города-государства 15, 17–20, 32, 42, 67, 77, 79, 94, 126, 156, 166, 171, 180, 205, 209–212, 242, 243, 264
- государственный аппарат, *см.* Государство, бюрократия
- дворянское (*état nobiliaire*) 191
- долги 35, 166, 360, 472
- отказ от выплаты 166, 239
- домены, королевские 35, 162, 184, 223, 443
- доходы, *см.* Государство, финансы
- интеграция 127, 258, 288, 319, 366, 430
- конфискация 33, 34, 159, 195, 291, 309, 384, 388, 391
- легитимность 15, 173, 174, 177
- меркантилизм 176, 180, 210, 237, 263, 283, 322, 375, 381
- монополия 16, 57, 69, 86, 145, 151, 182, 194, 196, 197, 207, 209, 220, 267, 284, 334, 341, 342, 345, 347, 348, 358, 390, 396, 398, 399, 403, 405, 409, 415, 420, 423, 424, 435, 436, 453, 470, 479, 480
- налоговая база 166, 215, 389
- насилие (монополия на насилие), *см. тж.* Армия 31, 54, 58, 101, 118, 161, 304, 348
- нации-государства 36, 38, 67, 77, 225, 329, 330, 428, 433
- национальный доход на душу населения 91, 324
- объединение, *см.* Государство, усиление
- органы юстиции 36, 139
- ослабление 18, 135, 124, 136, 259, 269, 382, 388, 475
- порядок, внутренний 6, 32, 33, 101, 161, 203, 249, 258
- придворный церемониал 353, 407
- столичный город 288
- таможи (тарифы) 182, 281, 316, 398
- усиление (сильное государство) 15, 34–36, 69, 161–163, 177, 178, 189, 197, 223, 251, 286, 287, 318, 321, 362, 389, 468
- финансовый коллапс, *см.* Государство, банкротство
- финансы (бюджет) 35, 46, 223, 226–228, 236, 237, 238, 244, 360, 420

- фискализм, см. *тж.* Государство, финансы 167, 180, 381
 - централизация, см. Государство, усиление
 - этатизм (*statism*) 157, 176, 177, 243, 445
 - Государь (князь) (*Prince*) (если имеется в виду глава государства, см. Государство; если имеется в виду титул в королевстве, см. Аристократия) 34–36, 59, 70, 163, 170, 173, 176, 249
 - Грабеж 23, 65, 118, 260, 333, 348, 360, 407, 413, 418, 422, 446
 - Грабовский, Тадеуш 187, 188
 - Гравелин 253, 459, 460
 - Гражданство, см. *тж.* Статусная группа 368
 - Грамши, Антонио 180
 - Гранада 44, 118, 203, 448
 - Грандами, Рене 93
 - Граница (фронтир) 15, 17, 36, 43, 66, 78, 80, 116, 127, 155, 175, 177, 179, 216, 221, 254, 256, 278, 326, 332, 371, 436
 - внутренняя, см. Сельское хозяйство, расширение обрабатываемых территорий
 - Грас, Н. С. Б. 281
 - Грей, Х. Л. 283
 - Греки 108, 408
 - Гренвилл, Ричард 104, 446
 - Гренландия 39
 - Грешем, Томас, сэр 227
 - Грин, Джек П. 221
 - Гриффитс, Гордон 253
 - Гуанчи 105
 - Губер, Пьер 325
 - Гугеноты, см. *тж.* Кальвинизм 241, 330–333, 365, 456, 457, 468, 479
 - Гуджарат 405
 - Гулд, Дж. Д. 151, 344
 - Гуманизм 71, 189, 452
 - Густав Адольф, король Швеции 375, 378, 475
 - Гэй, Эдвин Ф. 316
 - Гэльский языковой ареал, см. Кельты
- Д
- Да Гама, Васко 61, 402, 407, 478
 - Да Ноли, Антонио 50, 443
 - Да Сильва, Хосе-Хентиль 58, 131, 215, 231, 235, 236, 241, 261, 420, 487
 - Далмация 168
 - Дальний Восток, см. Восток
 - Дальтенус, Петр 258
 - Дания 27, 54, 114, 185, 221, 278, 281, 349, 379
 - Данциг, см. Гданьск
 - Дань 16, 43, 63, 70, 109, 220,
 - Дарби, Х. С. 52
 - Дауд, Дуглас Ф. 210
 - Двенадцатилетний мир, см. *тж.* Революция, Нидерландская 253, 260, 460
 - Двойная экономика 19, 88
 - Дворцы 47, 235, 274, 287, 378, 388, 411
 - Дворяне, см. Знать, мелкая 68, 127, 128, 137, 141, 184, 187, 188, 191–195, 222, 292, 303, 353–355, 357, 358, 367, 389, 394, 395, 397, 444, 446, 448, 459, 458, 460, 472
 - Дворянство Франции (*Noblesse*) 68, 113, 354, 357, 363, 444
 - мантии (*de robe*), см. *тж.* Государство, бюрократия 68, 353, 357, 444, 473
 - территориальное (*territoriale*), см. Аристократия
 - шпаги (*d'épée*), см. *тж.* Аристократия 191–195, 472
 - Де Анчьета, Хосе 105
 - Де Бари, Уильям Теодор 71
 - Де Ври, Жан 299
 - Де Ври, Филипп 214
 - Де Лагард, Жорж 176
 - Де Мадалена, Альдо 127
 - Де Оливейра Маркеш, Антониу Х. 57
 - Де Ровер, Раймонд 266
 - Де Фальгероль, Г. Э. 129, 328
 - Де Федричи, Чезаре 419
 - Девальвация (порча) (*debasement*) монеты, см. Деньги, девальвация путем уменьшения веса (порча монеты)
 - Девон 133, 312, 449, 466
 - Деготь 246
 - Деиндустриализация, см. Промышленность, деиндустриализация
 - Дейон, Пьер 354
 - Делла Падуа, Джованни 50
 - Делюмо, Жан 92, 131, 171
 - Демаре, де Сен-Сорлен, Жан 474
 - Демография, см. Население
 - Демонстративное потребление 47
 - Деньги, см. *тж.* Банковское дело, Драгоценные (благородные) металлы, Финансисты 18, 25, 45, 52, 53, 87, 89, 97, 106, 114, 129, 134, 136, 142, 145, 147, 149, 151, 166, 168, 181, 188, 193, 206, 215, 235, 236, 238, 242, 244, 265, 285, 309, 315, 320, 333, 337, 348, 367, 381–384, 389, 410, 455, 467, 473–474
 - воображаемые, см. Деньги, счетные деньги
 - девальвация путем уменьшения веса (порча монеты) (*debasement*) 85

- девальвация (обесценивание) (*devaluation*) 25, 35, 88, 216, 336, 442, 454
- денежная экономика 138
- денежные иллюзии 94, 155, 291
- денежный рынок, см. Деньги, финансовые центры
- количественная теория 82, 90
- кредит, см. тж. Банковское дело, Финансисты 165, 169, 179, 214, 215, 216, 226, 237, 242, 244, 262, 264, 270, 285, 309, 461, 462
- кризис ликвидности 23
- манипуляция деньгами 35, 167
- металлические, см. тж. Драгоценные (благородные) металлы, Золото, Медные монеты, Серебро 25, 52, 53, 85, 88, 89, 181, 336, 343
- объем, см. тж. Драгоценные (благородные) металлы 23, 35, 80, 82–86, 273, 343
- переводные векселя 146, 262, 263, 265
- платежный баланс 46, 341, 416
- процент (ставки) 88, 89, 91, 97, 129, 151, 160, 165, 195, 203, 225, 262, 266, 311, 313, 337, 448, 463, 471, 473
- ростовщики, см. Финансисты
- ростовщичество, см. Банковское дело
- счетные деньги (*money of account*) 52, 89
- финансовые центры 205, 224, 262, 264, 326, 331,
- циркуляция (оборот) 31, 34, 82–86, 89, 169, 206, 223, 263, 265, 292, 442
- Депрессия, см. Торговля, рецессия
- Дерево (Древесина), см. тж. Леса; Лесная продукция; Промышленность, деревообработка; Промышленность, кораблестроение; Промышленность, строительство; Топливо (горючее) 119, 314, 341, 349, 397, 414
- нехватка, см. тж. Сведение лесов 52
- Десятина, см. Налоги, десятина
- Джек-Хинтон, Колин 63
- Дженне 206
- Джентльмены, см. тж. Джентри 140, 293, 305, 308, 310, 311, 312
- пера и чернил, см. Государство, бюрократия)
- Джентри, см. тж. Землевладельцы (Лендлорды); Фермеры, йомены (мелкие); Фермеры (хозяева), капиталистические 113, 139, 291–294, 296, 297–306, 308, 311, 312, 318, 331, 345, 359, 433, 446, 465
- «буря вокруг джентри» 291, 292
- Джонки, см. Транспорт, морской
- Джоунс, П. Дж. 217
- Джоунс, Э. Л. 99, 100, 142, 441
- Диу 403
- Днепр 473
- Добб, Морис 21, 27, 41, 47, 48, 96, 123, 124, 133, 135, 137, 141, 145, 151, 155, 162
- Доброй Надежды мыс (маршрут через мыс Доброй Надежды) 267, 404, 407, 419
- Докладчик (*Maitre des requêtes*) 353, 357, 471
- Долговой пеонаж 147, 232, 447
- международный 147
- Должности (чины) (*Offices*) 33, 34, 67, 159, 164, 165, 167, 190, 192, 195, 220, 232, 289, 290, 301, 320, 352, 353, 354, 355, 357, 358, 365, 366, 384, 442
- Доллинджер, Филипп 114
- Домар, Эвси Д. 118
- Домен (*demesne*), см. Манор, Поместья (капиталистические)
- Домовладельцы (*husbandmen*), см. тж. Батраки; Фермеры (хозяева), йомены (мелкие) 305, 311, 314, 466
- Домостроение, см. Промышленность, строительство
- Дон 374
- Донатарий, см. Поместья, донатари
- Дофин 332, 473
- Драгоценности, см. Торговля предметами роскоши
- Драгоценные камни (*jewels, precious stones*) 47, 52, 402, 406
- Драгоценные (благородные) металлы (*bullion*) 24, 44–46, 53, 54, 59, 80–89, 97, 119, 155, 208, 244, 246, 265, 266, 269, 329, 336, 337, 378, 406, 445
- Древесная смола 114, 246
- Дрейк, Френсис, сэр 65, 446
- Древнеримская республика 188
- Дрова, см. Топливо
- Дуб, см. тж. Дерево (древесина) 52, 87
- Дублин 319
- Дубовая кора 188
- Дьепп 327
- Дэвис, Ральф 347
- Дэвис, С. С. Л. 170, 293, 317, 318
- Дюби, Жорж 28–30, 35, 39, 123, 125, 217, 128, 131, 365
- Е
- Евнухи 63, 64, 71, 72
- Евразия 61, 373
- Евреи 55, 108, 141, 173, 178–184, 203, 204, 236–238, 240, 260, 284, 288, 421, 451, 478
- изгнание 178, 180, 181, 203, 237, 238
- португальские, см. тж. Евреи, сефарды; Марраны 236, 478
- сефарды, см. тж. Марраны 260

Европа 5, 17, 19, 23, 36, 40, 42–44, 51–55, 59–62, 65–73, 79, 88, 96–100, 104, 122, 123, 127, 143–145, 150, 154, 155, 159, 163, 164, 174, 180, 184, 186, 190, 194, 201, 205, 208, 209, 214, 216, 218, 219, 224–226, 229, 234, 236, 238, 241–247, 249, 252, 256, 259, 267, 269, 278, 282, 283, 315, 320, 328, 339, 340, 365, 367, 371–375, 380, 390, 393, 394, 399, 400, 401–410, 415, 416, 418, 421, 422, 424, 434, 438, 450, 453, 454, 458

— «арена» Европы, *см. тж.* Нидерланды, Южные 254, 258

— Восточная 6, 30, 56, 79, 81, 95, 96, 101, 104, 107, 109, 112, 114–117, 119, 120, 122, 123, 128, 130, 133–135, 137, 141, 146, 178, 182, 183, 222, 261, 280, 284, 317, 319, 342, 344, 346, 347, 359, 372, 373, 376, 381, 383, 386, 390, 394–396, 418, 448

— Восточная-Центральная, *см.* Европа, Восточная

— вторжения 18, 46, 71, 112, 115, 116

— Западная 19, 21, 26, 30, 33, 34, 36–38, 39, 43–46, 48, 52, 58, 69, 78, 79, 81, 83, 92, 96, 102, 115–117, 120, 121, 123, 129, 134, 135, 140–142, 146, 155, 167, 168, 181, 192, 213, 244, 264, 266, 277, 285, 289, 326, 336, 337, 350, 372, 373, 377, 380, 381, 382, 385, 389, 391, 395, 398, 419

— пограничные земли, *см. тж.* Европа, Восточная 23, 27, 30, 134, 179, 387, 388, 390, 409

— Северная 38, 45, 46, 57, 61, 104, 134, 210, 327, 338,

— северо-западная 18, 90, 123, 129, 134, 135, 140, 142, 143, 147, 182, 186, 189, 233, 264, 272, 278, 421

— средиземноморская, *см.* Европа, Южная

— «становой хребет» Европы, *см.* Европа, старые развитые территории

— старые развитые территории, *см. тж.* Германия, южная; Италия, северная; Фландрия 60, 271

— христианская, *см. тж.* Христианство 44, 180

— Центральная 28, 30, 32, 39, 46, 47, 124, 179, 212, 229, 244, 270, 288, 343, 376, 379, 393, 415, 442

— юго-восточная 104

— юго-западная 146

— Южная 6, 102, 120, 148, 189, 362

Египет 46, 104, 205, 206, 266, 267, 269, 270, 401, 405, 415, 477, 480

«Египтяне», *см.* Бродяжничество

Екатерина (Медичи), королева Франции 255, 461

Елизавета, королева Англии 65, 255, 265, 279, 321, 322, 330, 341, 342, 349, 354, 390, 446, 449, 464, 467

Елизаветинская эпоха 37, 104, 153, 285, 294, 297, 301, 312, 314, 315, 321, 324, 340, 342, 348, 446

Елизаветинские королевские рудники 109, 453

Ё

Ёсимицу 65, 444

Ж

Жакерии, *см. тж.* Крестьяне, восстания 27, 333

Жамблу 254, 461

Жаннен, Пьер 88, 120, 134, 214, 247, 260, 327, 337, 338

Железо, *см.* Промышленность, металлургия

Жемчужная река (Чжущзян) 64

Женева 254

Женико, Леопольд 35, 161

Животноводство, *см. тж.* Лошади; Молочные продукты; Мулы; Мясо; Овцы; Сельское хозяйство, пастбищное; Скот 31, 48, 51, 65, 66, 73, 121, 122, 129, 131, 132, 140, 136

Животные, домашние 66, 105, 121, 204, 310

Жир 40, 49, 50, 59

Жуан II, король Португалии 402, 477

З

Заболонь 40

Законы о бедных 315, 316, 324, 340

Закрытая экономика, *см.* Государство, меркантилизм

Замещение [повинностей рентой] (коммутация), *см.* Феодализм, феодальные повинности, замещение

Занятость, *см. тж.* Издольщина; Принудительный труд; Работники; Рабочие; Рабство; Ремесленники; 21, 54, 84, 85, 122, 129, 131, 149, 167, 172, 196, 243, 273, 338, 341, 346, 363

— безработица 256, 257, 346, 459

— полная 346

— самозанятость 102

Запад, *см. тж.* Европа, Западная 16, 21, 34, 47, 61, 62, 67–69, 71, 99, 177, 181, 191, 209, 224, 253, 247, 269, 280, 286, 364, 372, 374, 377, 378, 391, 406, 411

Западное полушарие, *см.* Америка

Заработные платы (зарботки) 24, 26, 82, 90, 93–95, 98, 119, 142, 272, 282, 346, 360, 442, 466

— денежные 92, 96

— замораживание заработных плат 94

— зарплатный лаг 90, 92, 97, 98, 155

— наемные работники, *см.* Работники

— натуральные 92

— снижение, *см. тж.* Заработные платы, зарплатный лаг 90, 172

- увеличение 24, 471
 - фиксированные 92
 - Зеландия 252, 254, 259, 348, 359
 - Зеленого мыса острова (Кабу Верде) 50, 443
 - Землевладельцы (Лендлорды), *см. тж.* Джентри; Сеньоры; Фермеры (хозяева), капиталистические 19, 21, 26, 29, 30, 32, 33, 68, 69, 91, 97, 113, 115, 118, 124–126, 128–130, 133, 135–142, 144, 145, 148, 150, 151, 152, 172, 173, 180, 183, 187, 188, 190, 191, 193–196, 203, 222, 279, 290, 295–297, 300, 301, 305–309, 311, 317, 320, 321, 328, 333, 334, 368, 376, 384, 396, 398, 448
 - Землевладение (система), *см. тж.* Поместья (*Estates*); Поместья (*Manors*), вотчины; *Gutsherrschaft*; *Gutswirtschaft* 97, 128, 222, 291, 295, 305–308, 311, 322, 388, 449, 471
 - аллодиальное 139, 387
 - домовладения (*cottage holdings*) 383
 - копигольд 132, 138, 140, 235, 307, 308, 312, 449
 - крепостное, *см. тж.* Феодализм, фьефы 307, 386
 - на ограниченных условиях 307
 - наследственная аренда (держание) 126, 137, 395
 - первородство 311
 - пожизненное 307, 388, 455
 - фригольд, *см.* Землевладение, аллодиальное
 - Зерно, *см.* Зерновые (злаки), Пшеница
 - Зерновые (злаки), *см. тж.* Продовольствие, Пшеница, Рожь, Хлеб 31, 41, 48–51, 65, 88, 92, 99, 101, 106, 108, 114, 121, 123, 129, 130, 132, 133, 137, 140, 148, 183, 221, 235, 244–246, 261, 262, 269, 270, 280, 281, 283, 310, 328, 337, 341, 343, 344, 345, 362, 363, 372, 375–378, 386, 392, 396, 397, 401, 445, 447, 449
 - нехватка, *см.* Продовольствие, нехватка
 - Зиквилит 119
 - Знать (нобилитет), *см.* Пэры (для периода раннего Модерна), Сеньоры (для средневекового периода), *см. тж.* Аристократия 29, 31, 35, 36, 42, 44, 54–56, 59, 60, 67, 87, 113, 124, 138, 144, 145, 149, 161, 162, 165, 171, 172, 184, 187, 188, 189, 191–194, 196, 211, 220, 222, 246, 249–252, 257, 274, 282, 291, 292, 294, 298, 304, 311, 312, 320, 326, 331, 332, 352, 354, 355, 357, 358, 362, 363, 375, 379, 381, 385, 386, 394–400, 437, 443, 444, 468, 474, 480
 - высшая, *см.* Аристократия
 - земельная, *см.* Аристократия
 - мелкая (либо в контексте противопоставления аристократии) 187, 188, 250, 304, 394, 395
 - младшие сыновья 54, 60, 133, 249, 297, 312
 - обуржуазивание 352, 355
 - провинциальная 331, 475
 - Золото, *см. тж.* Драгоценные (благородные) металлы 29, 31, 37, 44–47, 53, 81–83, 86, 89, 91, 111, 112, 121, 141, 153, 181, 204–208, 221, 224, 231, 240, 242, 244, 246, 267, 269, 285, 326, 336, 348, 381, 401, 402, 405, 406, 407, 410, 415, 416, 443, 447, 454, 456, 478
 - Зомбарт, Вернер 260
 - Зунд, *см. тж.* Балтика (Прибалтика) 221, 246, 327
- ## И
- Иаков I, король Англии 295, 301, 322, 349, 426, 446, 469, 470, 471
 - Иван III (Великий), русский царь 387
 - Иван IV (Грозный), русский царь 208, 386, 388, 389, 390, 391, 393, 394
 - Идеология 38, 70, 71–73, 77, 174–176, 185, 225, 358, 401, 429, 432, 434, 444
 - Иезуиты, *см.* Католическая церковь, иезуиты
 - Издольщина 128
 - Изюм 92
 - Иконоборческое восстание, *см. тж.* Революция, Нидерландская 253, 460
 - Иль де Франс, *см.* Париж
 - Имбирь, *см. тж.* Пряности 411, 412, 443
 - Иммиграция, *см.* Миграция
 - Империализм, *см.* Империя, империализм
 - Империя 15, 16, 18, 20, 25, 36, 37, 38, 42, 43, 55, 64, 68–70, 73, 77, 78, 100, 103, 114, 164, 182, 201, 203, 207–221, 225–229, 234, 236, 240, 243, 250, 252, 263, 289, 326, 327, 329, 338, 348, 398, 401, 405, 408, 410, 418, 422, 429, 430, 433, 434, 444, 447, 449, 456, 457, 467, 475
 - Британская, *см.* Великобритания
 - внутри мира-экономики 37, 67, 77, 401, 410
 - Восточная Римская, *см.* Византия
 - Габсбургская 216, 218, 221, 227, 238, 242, 245, 278, 330, 393, 455.
 - империализм 156, 211, 218,
 - имперская экономика 402
 - Каролингская 67, 179
 - мир-империя 42, 43, 60, 73, 153, 210, 216, 220, 329, 428, 434, 436
 - Московская, *см.* Россия
 - нехватка (*tanque*) 37, 38
 - Османская 78, 208, 267, 358, 371, 372, 393, 400, 442
 - падение 163, 201, 433
 - политическая сверхпротяженность 231
 - Священная Римская 208, 210, 243

Инвестиции, см. Капитализм, инвестиции
 Индейцы, см. Американские индейцы
 Индивидуализм 71, 111, 187
 Индиго 103, 119
 Индийский океан (территории) 18, 63–65, 78, 267, 340, 372, 401–405, 408, 409, 419, 420, 422, 462, 471, 478, 480, 481
 Индийское государство (*Estado da India*), см. тж. Гоа, Индия 424, 481
 «Индии», см. тж. Восток 401
 — Ост-, см. тж. Восток 76, 370, 372, 414, 415, 422
 — Вест, см. Антильские острова (Антильский бассейн)
 Индия, см. тж. Восток; Торговля, индийская 7, 34, 45, 46, 57, 63, 67, 68, 261, 267, 372, 394, 401–404, 406, 408, 410, 412, 415, 416, 419, 420, 424, 442, 457, 462
 — Государство махараджей, или Великих Моголов 67, 68
 — западное побережье 65, 283, 333, 403
 Индокитай 423
 Индонезийский архипелаг 65
 Индустриализация, см. Промышленность
 Индустриализм, см. Промышленность
 Инки 447, 457
 Иннис, Харольд А. 236, 327
 Интенданты 357, 444, 471, 473, 474
 Интернационализм 226, 277
 Инфляция, см. Цены, рост
 Ипр 400
 Иран, см. Персия
 Ирландия 44, 104, 223, 255, 281, 288, 319, 325, 348, 349, 446
 Ислам, см. тж. Мавры; Мориски; Мусульманский мир; Средиземноморье, мусульманское 238, 373, 418, 477
 Исландия 39
 Испанизация, см. Государство, гомогенизация
 Испания, см. тж. Кастилия 33, 36, 37, 44, 45, 50, 56, 57, 59, 78, 79, 81, 86, 87, 90, 91, 96, 98, 103, 105, 110, 129–133, 147, 156, 178–183, 185, 186, 194, 195, 201–212, 218–221, 223, 225–227, 229–241, 243, 245–247, 251, 252–257, 259, 260, 262, 263, 264, 266, 267, 269, 270, 274, 319, 321, 325, 327, 329, 332, 335–338, 342, 345, 347, 349, 350, 356, 360, 361, 365, 381, 384, 387, 389, 393, 401, 413–417, 420, 422–424, 445, 447, 449, 453, 454, 456–460, 467, 470, 474, 479, 480
 — Испанская Америка, см. Америка, Испанская Америка
 — испанская империя, см. Империя,

Габсбургская
 — Испанские Нидерланды, см. Нидерланды, Южные
 — «испанское бешенство», см. тж. Революция, Нидерландская 227, 253, 457, 461
 — кортесы, см. тж. Парламентские структуры 202, 218, 238, 443
 — Непобедимая Армада 225, 238, 259, 324, 335
 — упадок 201, 227, 234, 235, 263, 350
 Италия (северная), см. тж. Венеция; Генуя; Европа, старые развитые территории; Ломбардия; Милан; Флоренция 20, 27, 42, 45, 46, 52–54, 59, 79, 81, 94, 95, 118, 119, 124, 127, 128, 149, 150, 152, 156, 280, 185, 189, 190, 194, 195, 201, 208, 209–213, 216–218, 224, 226, 228, 229, 233, 243, 245, 260, 264, 266–274, 278, 283, 285, 325, 329, 338, 339, 341, 347, 3554, 356, 398, 421, 433, 442, 448, 452, 455, 459, 463
 — упадок 172, 190, 267, 273, 274, 354
 — центральная 94
 — южная 44, 103, 172, 271, 273, 274

Й

Йомены, см. Фермеры (хозяева), йомены (мелкие)
 Йонсен, Оскар Альберт 260
 Йорки 301, 363
 Йоркшир 149, 452

К

Касики, см. Американские индейцы, вожди
 Кабот, Джон 207
 Кавалерия, см. тж. Армия 68, 250, 254
 Кадис 236, 263, 445, 453
 Казаки (казачество) 380
 Казань 373
 Кале 283, 451, 464
 Каликут 403, 407
 Кальвин, Жан, см. Кальвинизм
 Кальвинизм, см. тж. Гугеноты, Протестантизм, Христианство 184–189, 221, 227, 248, 252–257, 331, 365, 452, 459–461, 468
 Камедь 52
 Канарские острова 206
 Канатное производство 246, 272
 Каперы, см. Пиратство
 Капетингская монархия 53, 68, 139
 Капистрано де Абреу, Ж. 110
 Капитализм, см. тж. Буржуазия; Деньги; Компании; Мир-экономика; Промышленность; Сельское хозяйство, капиталистическое;

- Торговля 16, 31, 40, 60, 68, 69, 72, 73, 77, 86, 89, 90, 94, 97, 116, 136, 145, 146, 152, 153, 154, 155, 156, 159, 160, 169, 185, 188, 198, 203, 219, 225, 257, 265, 273, 274, 287, 299, 303, 242, 358, 360, 364, 381, 421, 428, 429, 439, 440, 445, 446
- «грабительский капитализм», см. Грабеж
 - доступность капитала 57
 - инвестиции 203, 235, 273, 368, 384, 400
 - капиталистическое сельское хозяйство, см. Сельское хозяйство, капиталистическое
 - «колониальный капитализм» 108
 - монополии 16, 57, 69, 86, 45, 151, 182, 194, 196, 197, 207, 209, 220, 267, 284, 334, 341, 342, 345, 347, 348, 358, 390, 396, 398, 399, 403, 405, 409, 415, 420, 423, 424, 435, 436, 453, 470, 479, 480
 - накопление капитала (первоначальное) 79, 87, 90, 91, 97, 99, 108, 169, 189, 195, 348, 356, 361, 391, 400
 - предприниматели, см. тж. Буржуазия 34, 53, 59, 70, 71, 148–150, 159, 169–172, 180, 184, 194, 196, 197, 254, 390, 391, 398, 404, 407, 412, 435, 450, 478
 - военные, см. тж. Армия, наемники 31, 168, 169, 170, 194, 280, 319, 382, 446
 - рынок капитала, см. Деньги, финансовые центры
 - торговый (купеческий) капитал 22, 41, 50, 57, 60, 79, 84, 87, 89, 90, 91, 97, 99, 108, 111, 122, 127, 128, 130, 140, 146, 147, 149, 150, 151, 152, 163, 165, 166, 169, 180, 186, 195, 203, 209, 215, 216, 224, 224, 225, 237, 262, 264, 268, 271, 273, 280, 292, 305, 306, 340, 348, 355, 356, 361, 384, 398, 400, 404, 412, 414, 416, 430, 450, 451, 462
 - «феодальный капитализм» 108, 274
- Капиталисты, см. Буржуазия
- земельные, см. Фермеры, капиталистические
- Капитанства, см. Поместья (*Estates*), донатарии
- Каранде, Рамон 218, 235, 237
- Карибский бассейн, см. тж. Антильские острова (Антильский бассейн), Гватемала, Колумбия, Мексика 422, 447
- Карл I, король Англии 301, 426, 471
- Карл II, король Англии 255, 464
- Карл V, император Священной Римской империи 133, 160, 201, 208, 209, 212, 213, 215–219, 220, 221, 225, 226, 228, 229, 237, 240, 249, 250, 265, 378, 327, 413, 433, 434, 442, 455, 456, 457, 461, 468, 469
- Карл VIII, король Франции 208, 442, 456
- Каролингская империя, см. Империя, Каролингская
- Каррера, см. Торговля, атлантическая
- Карстен, Ф. Л. 397
- Картер, Чарльз Х. 247
- Карус-Уилсон, Э. М. 26, 91, 95, 140, 261, 282, 288, 292, 300, 343
- Каспийское море (Каспий) 374
- Кастелли, Энрико 176
- Кастилия, см. тж. Испания 96, 123, 132, 202–204, 207, 216, 218–220, 226, 231, 234–241, 356, 387, 442, 443, 448, 453, 456, 477
- Касты, см. тж. Статусные группы 5, 113, 118, 304
- Каталония 36, 58, 96, 114, 120, 241, 356
- Като-Камбрези, договор 225, 226, 242–244, 250, 251, 277, 289, 325, 326, 330, 348, 460, 468
- Католическая Лига, см. тж. Франция, Религиозные войны 332, 333, 364, 366, 368
- Католическая церковь, см. тж. Христианство 186, 257, 331, 393, 459, 460
- иезуиты 105, 189, 423
 - Контрреформация 184, 187, 189, 251, 268, 330, 383, 434, 452
 - папство, см. тж. Рим 45, 186, 189, 210, 444
 - священный мир 179
 - Тридентский собор 251, 259
- Католические монархи, см. Фердинанд и Изабелла
- Каштаны 121
- Каэн, Клод 21, 106
- Квалифицированный труд, см. Рабочие
- Квасцы 285, 323
- Кейнс, Дж. М. 97, 348, 445
- Кейп Код (Тресковый мыс) 114, 448
- Келленбенц, Герман 338, 371, 421, 422
- Кельты 168, 449
- Кент 133
- Керридж, Эрик 91
- Кёльн 20
- Кёнигсберг 187, 220, 331, 396
- Кёнигсбергер, Г. Г. 220, 240, 252, 253, 256, 266, 331, 332, 365, 468
- Киев 398
- Кинг, Грегори 312
- Кингдон, Роберт М. 256
- Кипр 44, 50, 103
- Киранн, В. Г. 37, 168, 191, 451
- Кирххаймер, Отто 172

- Китай, *см. тж.* Восток 18, 20, 43, 45, 62–73, 99, 164, 261, 406, 407, 413, 416, 419, 423, 444
- Китайские моря 403, 405
- конфуцианские мандарины, *см. тж.* Государство, бюрократия 63, 71, 424
- Управление торговых джонок 63, 64
- Кларк, Дж. Н. 240, 259, 281, 283, 286, 292, 316, 324, 339, 340
- Классы 4, 10, 35, 48, 78, 100, 101, 111, 150, 186, 187, 191, 193, 197, 228, 250, 256, 280, 281, 283, 285, 295, 307, 311, 312, 316, 318, 352, 359, 362, 431, 432, 435
- высшие, *см. тж.* Аристократия, Знать, Пэры 42, 47, 65, 144, 191, 234, 285, 287, 289, 291, 304, 318, 400
- джентри как международный класс 433
- земельные, *см.* Сеньоры
- классовая борьба 59, 180, 193, 352, 364
- классовое сознание 113, 432–434
- классообразование 275, 435
- нижние (низшие), *см. тж.* Бедные (бедняки), Рабочие 41, 56, 66, 251, 256, 333, 342, 400
- обездоленные, *см.* Бедные (бедняки)
- правящие, *см.* Классы, высший
- средние, *см. тж.* Буржуазия 72, 96, 177, 217, 264, 300, 302, 306, 353, 353, 430
- универсальные 433
- Клима, А. 199
- Климатические изменения 26, 38, 39, 40, 42, 269, 285
- Ключевский, В. О. 373, 386, 387, 393, 394, 396, 397
- Кляйн, Юлиус 132, 237, 239
- Княжата, *см. тж.* Аристократия 394
- Кобата, А. 406
- Ковачевич, Десанка 46
- Ковры 20
- Кожа, *см. тж.* Кожаные изделия; Промышленность, кожевенная (дубильная) 131, 188, 280, 341, 349, 377, 416
- Колвин, Х. М. 32
- Колиньи, Гаспар де, адмирал Франции 440, 479
- Количественная теория денег, *см.* Деньги, количественная теория
- Колониальная модель, *см.* Колонии, экономические
- Колониальная профессия, *см.* Колонии Колониальная ситуация, *см.* Колонии
- Колонизация, *см.* Колонии
- Колонии (заморские) 5, 39, 50, 79, 103, 104, 114, 145, 179., 205, 209, 220, 229, 230–234, 263, 269, 270, 279, 281, 313, 348–350, 398, 413, 417, 422, 424, 442, 445–447, 455, 458, 470, 479, 480, 481
- внутренние 281, 338
- внутренняя колонизация, *см.* Сельское хозяйство, расширение обрабатываемых территорий
- «городской колониализм», *см.* Города, «городской колониализм»
- полуколониальная торговля, *см.* Колонии, экономические
- поселенцы 229, 232, 414
- торговля, *см.* Торговля, колониальная
- экономические 209, 400
- Колумб, Христофор 61, 203, 206, 229, 414, 445, 448, 479
- Колумбия 229, 445, 448
- Кольбер, Жан-Батист 361, 444, 474
- Комиссары (*commissaires*) 357, 358, 471, 473, 474
- Коммерция, *см.* Торговля (коммерция)
- Коммерческие культуры, *см.* Сельское хозяйство, капиталистическое
- Компании, *см. тж.* Купцы (торговцы), купеческие (торговые) дома 147, 182, 224, 237, 264, 284, 341, 351, 356, 378, 390, 396, 404, 410, 415, 416, 420, 451–453, 462, 466, 469, 471, 472, 475, 479
- акционерные 197
- привилегированные 182, 342, 350, 470
- Компания купцов-авантюристов *см. тж.* Компании 284, 341
- Конго 418, 479, 480
- Конопля 20, 314
- Константинополь 44, 50, 149, 208
- Контрабанда 128, 194, 230, 330, 337, 348, 421, 422
- «Контракты», *см.* Торговля, «контракты»
- Контрренессанс 189
- Контрреформация, *см.* Католическая церковь, Контрреформация
- Контроль над трудом, способы, *см. тж.* Издольщина; Принудительный труд; Работники; Рабство; Фермеры (хозяева), арендаторы 43, 99, 102, 103, 106, 107, 108, 117, 120, 122, 140, 153, 197
- Конфискация, *см.* Государство, конфискация
- Конфуцианство 71, 444
- Копигольдер, *см. тж.* Землевладение, копигольдер 132, 140, 307, 312, 449
- Корабельный руль 62
- Кораблестроение, *см.* Промышленность, кораблестроение
- Корабли (морские перевозки), *см.* Транспорт, морской
- Кораллы 415, 479

- Корея 65, 444, 476
 Корица 443
 Корт 319
 Корм для скота, зимний 20, 411
 Кормлений система, *см. тж.* Налоги, откуп 389
 Корнарт, Эмиль 246, 326
 Корнуолл 133, 319, 449
 Королевские заимствования (долг, займы), *см.* Государство, долг
 Королевские финансы, *см.* Государство, финансы
 Королевское хозяйство, *см.* Государство, бюрократия
 Король, *см.* Государство
 Корона, *см.* Государство
 Корпорации, *см.* Гильдии
 Коррехидоры 107
 Корсары, *см.* Пираты
 Корсика 44, 479
 Кортесы, *см.* Испания, кортесы
 Косминский, Е. А. 25–27, 30, 31, 80, 136
 Коссмани, Э. Х. 48, 246, 249, 259
 Костуолдс 282
 Коулз, Пол 194, 211
 Коулмен, Д. С. 346
 Кофе 120
 Кочин 404, 419, 420, 478
 Крайбекс, Жан 214, 227, 246
 Краков 188, 242
 Красильное дерево, бразильское, *см. тж.* Дерево (древесина) 414
 Красители (красящие вещества) 49
 Кредит, *см.* Деньги, кредит
 Крепостной труд, *см.* Крепостные (сервы)
 Крепостные (сервы) 21, 27, 29, 101, 110, 112, 115, 121, 137, 142, 148, 153, 188, 313, 314, 376, 378, 379, 392, 395, 396
 — «второе крепостное право», *см.* Принудительный труд на рынок
 — освобождение 106, 125, 137, 138, 313, 449
 — «полукрепостные», *см.* Издольщина
 Крестовые походы, *см. тж.* Христианство, обращение (евангелизация) 23, 44, 411
 Крестьяне, *см. тж.* Батраки; Домовладельцы; Работники, сельские; Фермеры (хозяева) 19–21, 24–27, 29–31, 41, 44, 61, 67, 69, 72, 97, 102, 106–108, 111, 112, 118, 121, 123–127, 129, 131, 134, 136–138, 141, 149, 151, 155, 160, 169, 170–173, 188, 191, 217, 236, 241, 290, 292, 293, 303, 305–309, 313, 314, 316, 317, 321, 326, 333, 363, 366, 373, 376, 379, 383, 385, 387–392, 395, 396–398, 419, 438, 443, 449, 451, 458, 466, 475
 — крестьянские восстания (крестьянское сопротивление), *см. тж.* Крестьянская война; Рабство, восстания рабов 26, 27, 32, 42, 124, 317, 363
 — крестьянское хозяйство 27, 307, 392
 Крестьянская война 27, 216, 217, 257, 363
 Кризис XVII века 253, 260, 322, 325
 Кризис ликвидности, *см.* Деньги, кризис ликвидности
 Кристенсен, Аксель Э. 246, 260, 261
 Крит 44, 103, 104, 108, 114
 Кроканы, движение 333, 468
 Кромби А. С. 61, 62
 Кромвель, Джулиэн 298
 Кромвель, Оливер 282, 303, 368, 471
 Кромвель, Томас 286, 464
 Кружева 399
 Крупные города, *см.* Города
 Крым 390, 393
 Куатекиль, *см.* Принудительный труд, принудительный наемный труд
 Кузнец, Саймон 197
 Кук, М. А. 46
 Кук, Шербурн Ф. 105
 Кулборн, Раштон 106, 222, 387,
 Кумберленд 133
 Кулаки, *см. тж.* Крестьяне 309
 Куля, Витольд 121
 Купер, Дж. П. 292, 296, 301, 322, 367
 Купорос 323
 Купцы (Торговцы), *см. тж.* Буржуазия, Торговля 20–22, 24, 53–55, 58, 97, 144, 146, 147, 148, 156, 173, 178, 180–184, 188, 190, 202, 212–216, 221, 224, 227, 228, 230, 231, 236, 238, 245, 258, 260, 263, 264, 265, 270, 274, 279, 280, 283, 284, 288, 302, 308, 312, 341, 343, 344, 375, 375, 380, 383, 391, 396, 397, 398, 400, 405, 407, 409, 419, 420, 421, 451, 454, 455, 464, 469, 471, 479
 — иностранные, *см.* Буржуазия, иностранная
 — капитал, *см.* Капитализм, торговый (купеческий) капитал
 — купеческие (торговые) дома 226, 229
 — купцы-банкиры 228, 302, 383, 433
 — лавочники 195, 332
 — местные (коренные), *см.* Буржуазия, местная (коренная)
 Куриная война 395, 476
 Курия, *см.* Католическая церковь, папство
 Кэмерон, Рондо Э. 131, 224, 323, 361
 Кэмпбелл, Милдред 305, 306, 308, 311
 Кэрю, Джордж, сэр 113

Л

- Лабрадор 114
 Ладеро Кесада, Мигель Анхель 206
 Ладлофф, Р. 228
 Лайбайер, А. Х. 401, 419
 Лакло, Эрнесто 152, 153
 Ла-Манш 266, 327
 Лангедок, *см. тж.* Франция, южная 28, 121, 128, 331, 332, 333, 367, 442
 Ланкастеры 301, 467
 Лапейр, Анри 239
 Ларрас, Хосе 202, 263
 Ласковский, Оттон 168
 Латимер, Хью, епископ Уорчестерский 312, 466
 Латинская Америка, *см.* Америка, Латинская
 Латины, *см. тж.* Италия, северная 16
 Латифундия, *см.* Поместья, латифундия
 Латрелл, Энтони 50, 104
 Латунь 323
 Ле Руа Ладюри, Эммануэль 27, 28, 39, 121, 274, 333, 356
 Левант, *см. тж.* Восток; Империя, Османская; Средиземноморье, восточное; Торговля, левантская 44–46, 209, 266, 269, 270, 340, 401, 402, 415, 419
 Левеллеры 258
 Левенсон, Джозеф Р. 68
 Легитимность, *см.* Государство, легитимность
 Лейн, Фредерик С. 16, 52, 145, 162, 169, 272, 412, 418
 Лекарства, лекарственные средства 402, 404, 410, 411, 420
 Ленин, В. И. 145, 146
 Леса (лесистые территории) 28, 30, 39, 44, 49, 49, 51, 52, 59, 87, 91, 101, 114, 221, 238, 247, 261, 262, 295, 314, 338, 349, 378, 397, 416, 454
 Лесная продукция, *см. тж.* Дерево (древесина) 378, 397
 Лесные ремесла 314
 Лесопилки, *см.* Промышленность, деревообработка
 Летняя резиденция 481
 Лефевр, Анри 29, 106
 Лён 246, 314, 346, 377
 Либерализм 302
 Ливермор, Х. 54
 Ливония 379, 393, 475
 Ливонская война 390–393, 396
 Ливорно 269
 Лизгольдер, *см.* Фермеры, арендаторы
 Лима 233
 Лион 159, 188, 201, 214, 215, 224–226, 326, 327, 330, 331, 456, 472
 Лиссабон 55, 57, 58, 88, 201, 224, 247, 404, 405, 408, 415, 416, 419, 420, 421, 463
 Литва 112, 148, 391, 452
 Лите, С. Г. Э. 260, 281, 315, 327, 349
 Ловмянский, Хенрик 106
 Локвуд, Дэвид 33
 Локхарт, Джеймс 233
 Ломбардия 108, 156, 210
 Лондон 133, 140, 227, 253, 279, 281, 285, 288, 324, 368, 457, 460, 469
 Лонше, А. 215, 252, 266
 Лопес, Р. С. 45, 83, 209, 212
 Лорды, *см.* Аристократия, Сеньоры
 Лотарингия 152
 Лохер, Т. Й. Г. 8
 Лошади, *см. тж.* Животноводство 51, 87, 88, 220, 377, 438, 446, 460
 Луара 326, 442
 Лузация 143, 450
 Луццатто, Джино 211, 228
 Львов 395, 476
 Льеж 98, 254, 279
 Льюис, Арчибальд Джозеф 43, 162, 255
 Льюис, Бернард 400
 Любек 264
 Любименко, Инна 390
 Люблинская, А. Д. 139, 325, 336, 354
 Людовик XI, король Франции 33, 223
 Людовик XII, король Франции 164, 208, 471
 Людовик XIII, король Франции 164, 334, 354, 365
 Людовик XIV, король Франции 55, 353, 361, 468, 473, 474
 Люмпен-пролетариат 167, 257, 311, 318, 363
 Лютге, Фридрих 363, 383
 Лютер, Мартин, *см.* Лютеранство
 Лютеранство, *см. тж.* Протестантизм, Христианство 186, 187, 189, 217, 336, 456, 460
 Лэслетт, Питер 311, 312
 Лэттимор, Оуэн 22, 70, 116, 305
 Лэч, Дональд Ф. 404, 407, 409
 Лященко, Петр И. 390, 391

М

- Маас 124
 Мавродин, В. В. 376
 Мавры, *см. тж.* Ислам, Испания, Реконкиста 44, 56, 182, 203, 239, 478
 — белые, *см.* Генуя
 — изгнание (вытеснение) 203, 238
 Магальяэш Годинью, Витोरину 49, 54, 401
 Магеллан, Фернан 224

- Магистраты, см. Нотабли
 Магнаты, см. *тж.* Аристократия 187, 188, 300, 301, 382, 394–396, 476
 Магриб 205, 206
 Мадейра 50, 58, 103
 Мадригал 202
 Мазарини, Джулио, кардинал 353, 444, 471, 472
 Майерс, А. Р. 280
 Майлинка-Рёлофс, М. А. 64, 408
 Майнц 20
 Макао 406, 424, 444, 481
 МакГэнн, Томас Ф. 56
 Макиавелли, Никколо 176
 МакКрэккен, Эйлин 349
 Малабарский берег 406
 Малага 143, 411, 412, 443, 478
 Малагетта, см. *тж.* Перец 411, 412, 443, 478
 Малакка 403, 408, 409, 480
 — Малаккский пролив 419, 423
 Маловист, Мариан 45, 55, 113, 120, 147, 148, 205, 221, 325, 379, 380, 385, 397
 Мальборка 27
 Мальта 103
 Малярия 268
 Мамлюкские султаны 401, 480
 Мандру, Робер 359, 364, 365
 Манила 479
 Манильские галеоны 415, 417, 479
 Мануфактурные товары 114, 149, 233, 235, 236, 329, 477
 Маньков, А. Г. 374, 376, 392, 393
 Маньчжурия 70
 Маньчжурская династия 69
 Мараваль, Хосе 174, 203
 Мараведи, см. *тж.* Деньги, счетные деньги 206, 454
 Маргариду, Альфреду 418
 Маргарита Австрийская, регент Нидерландов 255
 Марии Тюдор (Марии Кровавой) эпоха 255, 331, 449, 464, 469
 Мария Венгерская 215
 Марш (область Франции) 364
 Маркё, Карл 89, 128, 130, 140, 141, 148, 149, 156, 193, 203, 217, 293, 306, 437, 450
 Марксизм 73, 465
 Марокко 37, 55, 57, 443, 454
 Марраны, см. *тж.* Евреи, сефарды 183, 238
 Марверо, Мануэла 206
 Марсель 366, 415, 479
 Массари, см. *тж.* Фермеры, йомены (мелкие) 172
 Масло (оливковое) 49, 235, 269
 Материи, см. Ткани
 Мацурек, Я. 399
 Медебах 20, 441
 Медина дель Кампо 446
 Медики-практики 320
 Медные монеты, см. *тж.* Драгоценные (благородные) металлы 46
 Медь 188, 196, 323, 415, 462
 Междоусобная война знати, см. Сеньоры, междоусобная война
 Мейзфилд, Дж. Б. 50, 51, 54
 Мекка, проливы (Красное море) 419, 477
 Мекленбург 143, 374, 379
 Мексика 105, 219, 229, 231, 438, 445, 448, 462, 479
 Меркантилизм, см. Государство, меркантилизм
 Мёста, см. *тж.* Овцы, овцеводство 448
 Местничество 394, 395
 Местность для партизанской войны 254
 Металл(ы), см. *тж.* Железо; Латунь; Медь; Металлические изделия; Промышленность, металлургия 24, 44–47, 52, 53, 59, 80, 82–90, 97, 119, 155, 181, 205, 208, 216, 224, 231, 236, 244–246, 263, 265, 266, 269, 280, 329, 336, 337, 343, 348, 360, 361, 378, 387, 399, 406, 407, 410, 415, 416, 445, 453, 462, 479
 Металлические деньги, см. Драгоценные (благородные) металлы
 Металлические изделия 377, 378, 380
 Металлурги, см. *тж.* Промышленность, металлургия 117, 122, 279, 323, 338, 349, 385
 Метейяж, см. Издольщина
 Метисы 102, 118, 119
 Меха 46, 91, 114, 147, 377, 378, 380
 Мехико 233, 445
 Мещадрия, см. Издольщина
 Мёвре, Жан 325, 361, 363
 Миграция 85, 141, 210, 450
 Мидделбург 346
 Мидленд 133, 312
 Милан 45, 195, 208, 210, 211, 226, 267, 271, 273, 455, 463
 Миллер, А. 389
 Миллер, Эдуард 36, 162, 181, 223,
 Мин, династия 64, 66, 69–72, 205, 206, 406, 423, 444, 454
 Минимизация (распределение) риска 126, 144
 Минчинтон, У. Э. 341
 Миранда, Хосе 111
 Мир-империя, см. Империя, мир-империя
 Мир-система (Модерна) 7–11, 15, 19, 73, 77, 78, 122, 139, 156, 160, 175, 197, 222, 225, 242, 248, 249, 259, 322, 372, 423, 427–432, 434–437, 439, 440, 441, 445

- Мир-экономика (европейский) 15–18, 22, 31, 42, 43, 48, 51, 53, 54, 58, 60, 67, 70, 73, 77–79, 81, 86, 87, 88, 94, 97, 98, 99–104, 106–109, 113–115, 119, 120, 122–124, 127–129, 133, 135, 139–142, 144, 147, 148, 150–156, 159, 160, 163, 165, 166, 169, 170, 173, 178, 179, 185, 186, 188, 189, 190, 197, 198, 201, 208, 211, 212, 214, 220, 221, 222, 225, 229, 234, 235, 238, 241, 242, 245, 247, 259, 263, 264, 265, 270, 271, 277, 282, 287, 303, 306, 307, 319, 320, 324, 327–330, 334–337, 339, 351, 352, 259, 361, 362, 366–368, 371–381, 384, 386, 387, 389, 390, 393, 400, 401, 403, 404, 406–410, 413, 415–417, 423, 424, 428–431, 434–440, 445
- Мировое правительство 429
- Мировоззрение (*Weltanschauung*) 4, 64, 77
- Мискимин, Х. А. 45, 83–85, 87
- Мита, см. Принудительный труд, принудительный наемный труд
- Михаил Федорович, русский царь 394
- Молдавия 112, 476
- Молла, Мишель 17, 272, 374, 378
- Молочные продукты 49, 131
- Молуккские острова, см. *тж.* Индонезийский архипелаг 418
- Мольнар, Эрик 175, 188, 191, 193
- Монарх, см. Государство
- Монастыри, см. *тж.* Католическая церковь, Русская православная церковь 132, 268, 269, 291, 296, 315, 378, 384, 386–388, 398, 442, 453, 460
— упразднение (конфискация) 290, 291, 309, 315, 384
- Монголы 44, 64, 66, 67, 71, 115, 373
- Монеты (монета), см. в зависимости от контекста Медные монеты или Деньги
- Мони, Р. А. 45
- Монкретьен, А. де 325, 468
- Монокультура, см. *тж.* Сельское хозяйство 105, 122
- Мономотапа, см. *тж.* Африка, Восточная 371
- Монополии, см. Капитализм, монополии
- Монопсония 146
- Мончак, Антони 383
- Моравия, см. *тж.* Чехия 113
- Морея 103
- Морино, Мишель 88
- Мориски, см. *тж.* Ислам, Испания, Мавры 55, 141, 182, 238, 457
— изгнание 239–241, 458
- Морисон, Сэмюэл Элиот 413
- Моро, Франсуа 146, 279
- Морские гёзы, см. *тж.* Революция, Нидерландская 252, 459
- Морские разбойники, см. Пиратство 171, 413
- Морское страхование, см. Транспорт, морской
- Московия, область или княжество (в прочих случаях см. Россия) 261, 373, 387, 394, 477
- Мулаты 102, 119
- Мулы, см. *тж.* Животноводство 51, 69, 417, 445
- Мунье, Ролан 37, 71, 161, 164, 174, 192, 196, 334, 352, 355, 356, 358, 359, 362, 364, 365
- Мур, Баррингтон, мл. 303, 467
- Муслин 372
- Муссоны 403
- Мусульмане 65, 238, 405, 442, 458
- Мэйдстоун 308
- Мэннинг, Брайан 290, 342
- Мэттингли, Гарретт 17, 209
- Мюнстер 92
- Мюррей, Джон Дж. 324
- Мясо, см. *тж.* Продовольствие, Скотоводство 41, 49–51, 65, 66, 121, 130–132, 310, 326, 367, 410, 411
- ## Н
- Набивные ткани, см. Ткани, «новые ткани»
- Надаль, Хорхе 80, 84, 90, 91, 227, 231, 239
- Наемные армии, см. Армия, наемники
- Налоги, см. *тж.* Государство, финансы 16, 17, 22, 23, 27, 31, 33–36, 67, 107, 121, 136, 145, 159, 160, 162, 165–166, 171, 179, 181, 184, 186, 193, 204, 218, 222, 230, 244, 253, 272, 273, 279, 284, 285, 289, 290, 300, 328, 331, 332, 354, 355, 357, 362–364, 375, 382, 383, 388, 390, 392, 396, 422, 437, 451, 459, 472, 474, 476
— десятина 121, 125, 250, 333
— налоговая база, см. Государство, налоговая база
— натуральные 23, 41,
— откуп налогов 34, 165, 326, 354, 355
— подушные 413
- Нанкин 64, 444
- Нантский эдикт 225, 330, 457
- Наполеон 217
- Население 11, 17, 19, 23, 24, 26, 28, 30, 31, 33, 38, 39, 41, 48, 49, 56, 58, 61, 64–67, 70, 72, 79, 83–85, 87, 95, 96, 101, 106, 109, 111, 119, 121, 122, 124, 129, 131, 135, 136, 140–144, 149, 164–166, 177–179, 189, 205, 223, 229, 230–232, 238, 241, 244, 245, 253, 257, 273, 279, 299, 311, 314, 317, 323–325, 337, 338, 340, 373, 386, 389, 400, 404, 409, 416, 417, 436, 447, 448, 452, 456, 458–460, 463, 478
— перенаселение (демографическое давление, демографическое насыщение) 51, 55, 66, 171, 231, 241, 243, 325
— плотность 17, 23, 30, 48, 95, 100, 105, 120, 124, 135, 243, 267, 458, 459

- сокращение 24, 28, 31, 41, 111, 232
- увеличение (экспансия) 79, 167, 172, 173
- Натурализм 77
- Натуральное хозяйство, *см.* Сельское хозяйство, самообеспечение
- Нации-государства, *см.* Государство, нации-государства
- Национализм, *см. тж.* Религия, религиозный национализм 77, 175, 176, 179, 182, 189, 204, 226, 228, 243, 255, 277
- Национальная экономика, *см.* Торговля, национальные рынки
- Национальное меньшинство, *см. тж.* Государство, гомогенизация 238, 239
- Национальное общество 7, 38, 288
- Национальный долг, *см.* Государство, долги
- Неаполь 172, 208, 226, 269, 384
- Негры, *см.* Чернокожие (негры)
- Незаконный ввоз (вывоз) товаров, *см.* Контрабанда
- Неквалифицированный труд, *см.* Рабочие
- Нелегальная торговля, *см.* Контрабанда
- Неограниченное наследование, *см.* Землевладение, аллодиальное
- Непал 169
- Непобедимая Армада, *см.* Испания, Непобедимая Армада
- Нере, Жан 155
- Неф, Джон У. 92, 98, 152, 212, 278–280, 323, 324, 327, 332, 361, 362
- Нехватка продовольствия, *см.* Продовольствие (пища), нехватка Нидерландская Революция, *см.* Революция, Нидерландская
- Нидерланды (в случае, если имеются в виду и Северные, и Южные Нидерланды, *см.* Нидерланды (исторические); если имеются в виду только Северные Нидерланды, *см.* Нидерланды, Северные) 49, 81, 87, 114, 129, 132, 133, 156, 186, 208, 211, 216, 225, 226, 235, 243, 244, 246, 249, 251, 254–259, 261, 262, 265–267, 269, 271–273, 279, 281, 283, 284, 327–329, 399, 414, 450, 457
 - Австрийские, *см.* Нидерланды, Южные
 - Испанские, *см.* Нидерланды, Южные
 - Северные 152, 228, 234, 252, 255, 259, 260, 264, 267, 292, 326, 329, 341, 365, 422, 433
 - Генеральные Штаты 222, 251, 257, 456, 459, 461, 469
 - Южные 245, 252, 254, 278
- Нидерланды (исторические) (*Low Countries*) 49, 81, 114, 132, 133, 149, 186, 190, 208, 211, 216, 218, 220, 221, 225, 226, 235, 243–247, 249, 252–256, 258–261, 264–267, 269, 271, 272, 281, 283, 284, 327, 329, 332, 399, 414, 433
- Нидхэм, Джозеф 62, 63, 499
- Новая Англия 236, 349, 470
- Новая Гранада 118, 448,
- Новая Испания, *см.* Мексика
- Новая монархия, *см.* Тюдоровская монархия
- Новая Шотландия 349, 470
- Новгород 392, 397, 476
- «Новые ткани» (*new draperies*), *см.* Ткани, «новые ткани»
- Новый свет, *см.* Америка
- Ногайская орда 377
- Норвегия 132, 147, 260, 261, 281
- Нормандия 128, 179, 331, 333, 364, 366, 367
- Норт, Дуглас С. 24, 131, 134, 183, 197
- Нортгемптон 308
- Нортумберленд 133, 449, 467
- Норфолк 293, 449
- Нотабли, местные, *см. тж.* Буржуазия; Пэры; Сеньоры; Фермеры, капиталистические 333, 357, 468, 469, 473
- Нотариусы, *см. тж.* Процессии 308
- Нубия 46
- Ньюкасл 279, 323
- Ньюфаундленд 236, 349, 403, 470
- Нэмьер, Льюис, сэр 255
- Нюрнберг 213, 399, 456

О

- Обесценивание 53, 88, 94, 188, 406
- Обрабатываемые территории, *см.* Сельское хозяйство
- Обращения (евангелизация, христианизация), *см.* Христианство, обращение (евангелизация, христианизация)
- Овцы, *см. тж.* Животноводство 130, 132, 133, 135, 202, 230, 235, 307, 347, 377
 - овцеводство, *см. тж.* Мёста; Сельское хозяйство, пастбищное 128, 130–132, 135, 202, 306
 - овцеводы, *см. тж.* Фермеры (хозяева) 312
- Огнестрельное оружие, *см.* Вооружение
- Огораживания, *см.* Сельское хозяйство, огораживания
- Озер, Анри 78, 226, 244, 326, 328, 330, 331
- Озерный край (Англия) 282
- Окситания, *см. тж.* Франция, южная 36, 365–367
- Оливки 235
- Олин, Горан 194
- Ольдермена Кокейна проект, *см. тж.* Англия 342, 343

Олькуш 188
Оман, Чарльз, сэр 32, 168, 209, 254
Ондскот 279
Опиум 415
Опричнина 391, 392
Ормуз 403
Ортега-и-Гассет, Хосе 204
Ортель 215
Оружие, см. Вооружение
Острова пряностей 206
Отс Капдеки, Х. М. 109, 111
Ост-Индия (Ост-Индии), см. Индия (Индии)
Ост-Индская компания, см. тж. Компании, привилегированные; Англия 410, 416
Открытая экономика 176, 183, 334, 375
Отпуск крепостных на волю, см. Крепостные (сервы), освобождение
Отчуждаемая земля, см. Землевладение, аллодиальное
Охота и собирательство 116, 135
Охотники за пушниной 147

П

Павел IV, папа римский 252
Паже, Г. 165, 355, 359
Пайк, Рут 182, 212
Палатинат 254
Палаты парламента, см. тж. Парламентские структуры 264
Палестина 44
Паллан, Брайан 94, 268, 271
Палос 207
Паниккар, К. М. 57, 409
Папство, см. Католическая церковь, папство
Париж 141, 143, 223, 256, 326, 331, 332, 334, 366
Парижский бассейн 124
Париже, Жорж 55
Парламент, члены 357, 358
Парламентские структуры 36, 162
Пармский, герцог 227
Парри, Дж. Г. 213, 227, 229, 234, 261, 267, 269, 270, 327, 348–350, 378, 421
Парсонс, Талкотт 154
Партия, транснациональная, см. Революция, революционные движения
Парус 246
Парфяне 408
Паску, С. 376
Пастушество, см. Сельское хозяйство, пастбищное
Патио, процесс, см. Серебро, амальгмирование

Патока 147
Патримониализм, см. тж. Государство, бюрократия 33, 67, 69, 70, 389
Патрициат, см. тж. Буржуазия, Города 22, 101, 144, 188, 258, 358, 398
Паундс, Норман Дж. Г. 40
Пауперизация, двойная 333
Пауперы, см. Бедные (бедняки)
Пауэр, Эйлин Э. 281, 283, 284
Пацх, Ж. П. 113, 115, 194, 303, 379
Пекин 64
Пенджаб 169
Пеннинские горы 282
Пенроуз, Бойес 62
Переводные векселя, см. Деньги, переводные векселя
Пехота, см. тж. Армия 68, 161, 168
Первородство, см. Землевладение, первородство
Перемирие 1609 года, см. Двенадцатилетний мир
Перес, Антонио 209
Перец, см. тж. Малагетта, Пряности (Специи) 51, 247, 338, 402, 404–406, 409–413, 415, 419, 421
Периферия, см. тж. Мир-экономика хх, ххv, 16, 66, 67, 73, 81, 95, 98, 99, 102, 107, 115, 119–123, 134, 140, 143, 144, 153–156, 175, 178, 179, 185, 186, 189, 190, 197, 204, 219, 228, 241, 242, 334, 337, 341, 368, 369, 372, 377, 378, 380, 385, 389, 415, 418, 423, 424, 430, 431, 433, 434, 436
Перруа, Эдуард 23–26, 36, 46, 47, 139, 163, 164
Перси, семейство ярлов Нортумберленда 319
Персидский залив 404, 419
Персия 16, 371, 394, 402, 405
Перу 78, 105, 110, 219, 229, 231, 233, 240, 406
Песе, Жан-Мари 27, 28
Петр Великий, русский царь 377, 394
Петрань, Йозеф 88, 379
Петрас, Джеймс 55
Петроград 253
Пиво 399
Пиза 358
Пикардия 168
Пиломатериалы, см. Дерево (древесина)
Пиратство, см. тж. Бандитизм; Торговля, посредники 64, 65, 145, 260, 405, 423
Пиренеи 171, 237, 241
Пиренейский (Иберийский) полуостров 52, 54–58, 78, 104, 114, 132, 141, 147, 183, 203, 204, 221, 224, 247, 262, 285, 415, 417, 421, 422, 424
Пиренн, Анри 47, 150, 211, 299
Пирс, Т. Джоунс 311
Писари, см. Профессии

- Плантации, *см.* Поместья
- Платежи, баланс, *см.* Деньги, платежный баланс
- Плебс, *см.* Буржуазия, мелкая; Люмпен-пролетариат; Рабочие
- Племена 5, 104, 111, 116, 118, 229, 406, 428
- Плимут 265
- Плотники, *см.* Рабочие
- Плуги 61
- Подмастерья 257, 316, 332
- Подмастерья, устав, *см.* Англия, Устав ремесленников
- Подушный налог, *см.* Налоги, подушный
- Позитивные экстерналии 152
- Покок, Дж. Г. А. 351
- Полабье, восточное, *см.* Германия, восточное Полабье 112–114, 143, 383, 384, 396, 398
- Поланы, Карл 316
- Поле, Шарль 357
- Полевые укрепления 32
- Полетта 357, 358
- Полиция, *см.* Государство, порядок
- Полубог, *см.* Герой, государь как герой (полубог)
- Полупериферия, *см. тж.* Мир-экономика *ххв*, 73, 96, 99, 102, 108, 120, 122, 123, 125, 128, 129, 140, 172, 179, 197, 218, 234, 241, 242, 265, 274, 356, 389, 430, 431, 434
- Полупролетариат, *см.* Рабочие
- Польша *ххvi*, 30, 79, 96, 112–115, 119, 120, 124, 132, 147, 148, 153, 156, 178, 180, 182, 185, 187–189, 194, 221, 280, 283, 307, 330, 334, 371, 373–376, 378, 379, 382, 383, 385, 386, 389, 390, 393, 394, 396, 398–400, 435, 438
— местные сеймики 382
— сейм, *см. тж.* Парламентские структуры 188, 375, 382, 396, 397
— статут короля Александра 383
- Померания 379
- Поместья (капиталистические) (*Estates*), *см. тж.*
Поместья (Маноры), Чифтлики 101, 108, 113, 115, 120, 121, 125, 127, 128, 133, 135, 136, 141, 142, 232, 233, 292, 307, 311, 317, 334, 339, 372, 375, 379, 383, 384, 386–392, 394–399
— асьенда 232, 233
— донатарии 110, 414
— латифундия 108, 123, 203, 239, 396
— поместья в России 386–392, 395
— энкомьенда 106, 107, 109–111, 118, 119, 153, 230, 233, 386, 414
- Поместья (Маноры) (*Manors*) 19, 21, 24, 26, 28–31, 34, 113, 120, 123, 124, 129–131, 137, 138, 140, 274, 280, 281, 294, 301, 305, 308
— арендаторы, *см.* Крепостные (сервы)
— ведение счетов 53, 89, 112, 301
— вотчины 387, 388, 392, 395
— манориальная реакция, *см.* Сеньоры, сеньориальная реакция
— манориальная экономика (система), *см.* Феодализм
- Поместья (русские), *см.* Поместья (капиталистические) (*Estates*), поместья в России
- Понант, *см.* Франция, западная
- Порох, *см.* Вооружение
- Портал, Роджер 374
- Португалия 43, 44, 49–51, 54, 60, 62, 63, 65, 68–71, 99, 105, 110, 114, 146, 147, 183, 201, 205, 206, 212, 214, 230, 231, 236, 237, 241, 243, 247, 266, 267, 338, 371, 401–416, 418–424
- Поршнев, Б. Ф. 127, 128, 191, 352, 353, 355, 356, 358, 360, 362–367, 376, 393
- Порядок, *см.* Государство, порядок, внутренних
- Поселенцы, *см.* Колонии, поселенцы
- Посредники, *см.* Торговля, посредники
- Постан, М. М. 18, 19, 25, 31, 32, 54, 85, 87, 133–136, 181, 183, 195, 196, 209, 236, 279, 280–284, 316, 351
- Постумус 81
- Поташ 188
- Потоси 416
- Поттер, Г. Р. 247
- Почвенные условия 28, 38, 42, 50, 95, 105, 127, 268, 323
- Прага 322
- Пребендализм 67–59, 73, 387, 389
- Предметы роскоши, *см. тж.* Промышленность, производство предметов роскоши; Торговля, предметами роскоши *ххv*, *ххvi*, 21, 22, 32, 37, 45–48, 52, 86, 96, 97, 107, 134, 140, 148, 149, 181, 194, 202, 231, 234, 237, 241, 273, 274, 278, 361, 362, 367, 377, 400, 406, 410, 411, 437
- Пресвитер Иоанн, 402
- Прествик, Минна 359
- Прибавочный продукт 19, 42, 43, 48, 102, 119, 136, 141, 142, 153, 160, 166, 169, 234, 378, 379, 381, 418, 429
- Прибыль (доходы) (*Profits, Revenues*) 16, 21, 22, 24, 25, 26, 29, 30, 32, 34, 41, 45, 46, 51, 53, 54, 57, 59, 64, 67–70, 85, 87, 88, 90, 91, 94–100, 102, 111, 112, 117, 118, 119, 125, 126, 129–131, 134, 135, 137, 138, 142, 145–147, 151–153, 159, 160, 162–167, 169, 170, 172, 173, 175, 179–181, 190, 191, 195, 196, 197, 202, 203, 206, 213, 215, 216, 218, 219, 222, 224, 225, 230–234, 236, 239, 241, 243, 246, 249–251, 263, 267, 268, 270, 273, 274, 282, 290, 291, 293–297, 299, 301–305,

- 307, 309, 310, 313, 314, 317, 318, 322, 326, 332, 333, 336, 337, 339, 345, 346, 359–361, 372, 376, 378, 381–385, 388, 390, 397, 399, 402, 404, 406, 407, 409, 412–419, 421, 422, 429, 431, 435, 438
— шальные (непредвиденные) доходы 90, 97, 151, 348
- Привилегированные компании, *см.* Компании, привилегированные
- Придворные, *см.* Аристократия
- Принудительный труд, *см. тж.* Рабство 105, 119, 120, 123, 135–137, 153, 188, 339, 359, 372, 373, 375, 379, 388, 392, 418, 431
— на рынок, *см. тж.* Поместья (капиталистические) (*Estates*); Сельское хозяйство, капиталистическое; Фермеры (хозяева), капиталистические ххvii, 107, 108, 110, 112, 118, 123, 125, 128, 132, 133, 155, 375, 386
— принудительно-наемный труд 110, 124, 379
- Принуждение, (естественная) монополия, *см.* Государство, принуждение
- Прованс, *см. тж.* Франция, южная 36, 123, 128, 132, 367
- Продажа должностей, *см.* Государство, бюрократия, продажа должностей
- Продовольствие (Пища), *см. тж.* Зерновые, Мясо, Рыба 19, 23, 40, 41, 48, 49, 51, 59, 61, 84, 87, 92, 101, 114, 119, 132, 133, 135, 140, 142, 173, 205, 232, 233, 237, 245, 246, 269, 270, 273, 280, 310, 341, 349, 362, 410, 411
— белки 114
— жиры 40, 49, 50, 59
— калории 41, 48–50
— нехватка 23, 40, 132, 171, 232, 269, 270, 363, 392, 401
— обработанные (готовые) продукты питания 92
- Продукция садоводства, *см.* Сельское хозяйство, садоводство
- Произведения (предметы) искусства 235, 278
- Производительность (продуктивность) 17, 19, 26, 30, 40, 42, 61, 87, 94, 99, 102, 121, 125, 127, 131, 135, 141, 142, 198, 226, 237, 243, 309, 337, 391, 429
- Производство труб, *см.* Промышленность, металлургия
- Пролетариат, *см.* Рабочие
- Промышленная (индустриальная) революция 146, 243, 286, 340, 410
— «первая», *см. тж.* Англия 122, 323
- Промышленники, *см. тж.* Буржуазия, Мануфактурные товары, Промышленность 144, 148, 150, 169, 194, 202, 210, 220, 279, 346, 360, 435
- Промышленность (индустрия) (*Industries*), *см. тж.* Мануфактурные товары ххix, 43, 52, 61, 86–88, 96, 98, 101, 140, 141, 145, 148, 149, 151, 152, 154, 180, 182, 194, 227, 235, 237, 244, 246, 264, 268, 269, 272, 277–280, 283, 288, 303, 305, 306, 334, 339, 341, 345–349, 355, 360, 361, 368, 379, 385, 395, 397, 399, 400
— географическое распределение 144, 278
— горное дело, *см. тж.* Золото, Серебро, Соль 46, 47, 82, 101, 103, 106, 109, 119, 122, 180, 219, 248, 279, 294, 323, 399, 416
— деиндустриализация 341, 346
— деревообработка 149
— кожевенная (дубильная), *см. тж.* Кожа, кожаные изделия 87, 349
— металлургия 149, 279, 294, 349, 399
— кораблестроение (судостроение), *см. тж.* Военный флот; Дерево (древесина); Транспорт, морской 51, 87, 97, 113, 114, 149, 246, 261, 262, 272, 278, 316, 349, 360, 377
— надомная (*cottage*) 399
— пивоварение 399
— производство военного снаряжения и артиллерии, *см. тж.* Армия, Вооружение 61, 62, 97, 169, 261, 362, 377
— производство предметов роскоши 45, 96, 149, 202, 278, 360, 361
— раздаточная система 399
— сельская (деревенская) 95, 133, 149, 272, 282, 317, 334, 399
— сталелитейная 279
— стекольная 149
— строительство, *см. тж.* Дерево (Древесина) 51, 95, 97, 235, 273, 274, 349
— текстильная (производство тканей) 31, 52, 59, 122, 149, 150, 152, 202, 216, 235, 271, 281, 282, 284, 340, 342, 343, 345, 400
— шелковая, *см. тж.* Шелк 52, 109, 235, 372, 417
- Простолюдины (в противопоставлении пэрам или сеньорам) 141, 353
- Протекционизм, *см.* Государство, меркантилизм
- Протекционный рента 162
- Протестантизм, *см. тж.* Христианство 55, 172, 184–187, 189, 190, 195, 217, 227, 228, 236, 238, 251, 252, 254, 255, 257, 260, 288, 325, 330–332, 383, 434
- Профессии, их представители, *см. тж.* Нотариусы, Писари, Юристы 20, 149, 179, 304, 308, 316, 320, 432
- Процентные ставки, *см.* Деньги, процентные ставки

Прозер, Джошуа 107

Пруссия, *см. тж.* Германия, восточное Полабье
81, 132, 259, 273, 283, 284, 373, 383. 396
— Восточная 270

Пряности (специи), *см. тж.* Перец; Торговля,
торговля пряностями 44, 46–48, 51, 52, 206,
214, 247, 267, 284, 338, 372, 401, 402, 404–407,
409–413, 418–423

Пуату 128, 367

Пшеница, *см. тж.* Зерновые (злаки) 49, 50, 73, 88,
92, 93, 114, 118, 135, 143, 188, 194, 233, 236, 268–
270, 280, 281, 303, 328, 344, 363, 374, 375

Пьемонт 274

Пэры 292, 294, 296–301, 303, 320

Р

Работники (труженики) (обычные) (*Laborers*) 24,
27, 90, 92, 94–96, 101–104, 106, 110–112, 118, 119,
121, 124, 128–130, 140, 142, 143, 148, 149, 151–153,
164, 171, 172, 232, 282, 292, 293, 305, 311–313, 317,
333, 341, 346, 360, 361, 392, 417, 432, 438
— городские, *см.* Рабочие
— мигрирующие 131, 236
— сезонные наемные рабочие 141, 314, 318
— сельские 107, 136, 141, 149, 150, 236, 312–314

Рабочая сила, *см.* Рабочие

Рабочие (городские наемные работники) (*Workers*),
см. тж. Работники, сельские 94–96, 143, 144,
155, 187, 216, 227, 249, 272, 279, 346, 353, 433
— организации 94

Рабство, *см. тж.* Принудительный труд 50, 95,
102–104, 106, 109–111, 118, 120, 12, 146, 2303
— восстания рабов 106, 230
— долговое 386
— работорговля, *см. тж.* Торговля, работор-
говля 104, 230, 237, 419

Рагуза (Дубровник) 52, 269, 270

Раддок, Алвин А. 283

Радольфцелль 20

Разбой, *см.* Бандитизм

Разбойники с большой дороги, *см.* Бандитизм

Разведение рыбы (в прудах) 399

Раздаточная система (*Verlagssystem*), *см.* Про-
мышленность, раздаточная система

Райские зерна, *см.* Малагетта

Райт, Л. П. 195

Райхенау 20

Расчистка земель, *см.* Сельское хозяйство, рас-
ширение обрабатываемой территории

Рау, Вирджиния 58, 420

Ревá, И. С. 183

Революция ххi, ххiv, 7, 55, 161, 192, 217, 248–250, 258,
299, 303, 319, 320, 332, 350, 351, 353, 356, 368

— Английская, *см.* Англия, Гражданская
война

— буржуазная, *см.* Революция, социальная

— национальная 249, 253

— Нидерландская 221, 228, 248, 249, 252, 253,
256–258, 260, 265

— «половинчатая революция» 332, 356

— пуританская, *см.* Англия, Гражданская
война

— революционные движения (партии) 332, 333

— Русская 7

— социальная 249, 256, 257, 351

— Французская (Великая) 7, 55, 68, 125, 168,
333, 379, 433

Регла, Хуан 239–241

Регулярная армия 167, 170, 290, 389

Рейн 124, 186, 283

— Рейнская область, *см. тж.* Германия, за-
падная 228

Рейнольдс, Роберт Р. 150, 263, 380

Реконкиста, *см. тж.* Испания; Мавры; Христиан-
ство, обращение (евангелизация) 54, 55, 203, 207

Рекультивация пустошей, *см.* Сельское хозяйство,
расширение обрабатываемых территорий

Религия, *см. тж.* Евреи, Ислам, Христианство 55, 56,
69, 78, 98, 143, 179, 181, 184, 187, 251, 253, 259, 288,
326, 330, 334, 351, 364, 365, 367, 373, 388, 434, 435
— обращение, принудительное 74

— религиозная поляризация 254

— религиозная терпимость (отсутствие) 179,
251, 330

— религиозное единообразие (унификация),
см. Государство, гомогенизация

— религиозный национализм 183, 387

— религиозный энтузиазм, *см. тж.* Кресто-
вые походы; Христианство, обращение
(евангелизация, христианизация) 56, 188

— теология 184, 185

Ремесленники 19, 20, 22, 24, 45, 71, 101, 170, 182, 183,
227, 249, 250, 278, 312, 324, 331, 332

Ремесленные изделия, *см.* Ремесленники

Ремёсла, *см.* Ремесленники

Ренты, *см. тж.* Феодализм, феодальные повин-
ности 23–26, 29, 31, 41, 43, 82, 90, 91, 94, 95,
106, 113, 121, 128, 130, 136, 137, 138, 151, 159, 173,
195, 290, 295, 301, 303, 306, 307, 309, 317, 328,
333, 339, 363, 366, 384

— борьба за, *см. тж.* Классы, классовая
борьба 48

- денежные 30, 41, 112, 131, 135, 136, 138–142, 188, 306
 - капиталистическая земельная рента 306
 - натуральные, *см.* Феодализм, феодалные повинности, натуральная рента
 - обложение непомерными (грабительскими) рентами 303, 312
 - переменные 138, 317
 - рантье 87, 113, 137, 180, 195, 196, 363
 - фиксированные 25, 29, 123, 130, 326
 - Ренуар, Ив 36
 - Ресифи 414
 - Реставрация 319, 368
 - Реформаторская кальвинистская партия, *см.* *тж.* Кальвинизм; Революция, Нидерландская 254
 - Рига 147
 - Рим
 - античная империя 16, 18, 25, 73, 99, 103, 153, 188
 - город, *см.* *тж.* Италия, центральная 2, 45, 92, 131, 173, 185, 189, 194, 251, 332
 - церковь, *см.* Католическая церковь, папство
 - Римское право 176
 - Рио Каука 118
 - Рис, *см.* *тж.* Продовольствие (пища) 66, 73
 - Рич, Э.Э. 28, 50, 51, 55, 122, 154, 181, 183, 209, 230, 247, 266, 341
 - Ришелье, Арман де Виньеро, кардинал 35, 334, 363, 365
 - Робертсон, Х. М. 185, 334, 338, 411
 - Робинсон, У. С. 85, 87
 - Рогатый скот 114, 121, 130, 131, 135, 188, 194
 - Роденвальдт, Эрнст 39
 - Родос 103
 - Рожь, *см.* *тж.* Зерновые (злаки) 270, 280
 - Розенберг, Ханс 113, 194, 384
 - Ром 50
 - Романо, Руджеро 49, 89, 209, 268, 269, 272, 278, 336, 337, 339
 - Рорда, Д. Й. 249, 258
 - Россия ххvi, ххvii, 18, 78, 104, 112, 146, 178, 189, 309, 340, 342, 371–374, 376–378, 380, 386–395, 398–400
 - Великая Русская (Восточноевропейская) равнина 44, 387
 - Земский собор 1649 года 388, 195
 - Поместный приказ 389
 - северная 380, 398
 - Смутное время 393, 394
 - собор 1497 года 388
 - экспансия (расширение) 380, 388, 390, 391, 398
 - юго-восточная (европейская) 380, 386
 - Рот, Сесил 180
 - Роуз, А. Л. 104, 319, 330
 - Ртуть 103, 208, 231, 233, 415, 416
 - Руан 215, 367
 - Руис Альманса, Хавьер 182
 - Русская православная церковь, *см.* *тж.* Христианство 386
 - Русь, *см.* *тж.* Россия 387
 - Ручное огнестрельное оружие, *см.* Вооружение
 - Руше, Георг 172
 - Рыба, *см.* Продовольствие (пища)
 - Рыбаки 147, 236, 259
 - Рыбные промыслы 50, 349, 402
 - Рыболовные флотилии 327
 - Рынки, *см.* Торговля
 - Рыночная экономика, *см.* Деньги, денежная экономика
 - Рыцари 113, 161, 172, 173, 297, 301, 358
 - Рэли, Уолтер 104
 - Рэмси, Питер 130, 282, 313
 - Рэндлс, У. Г. Л. 62
- С
- Савала, Сильвио 110
 - Савин, Александр 313
 - Савойский, герцог 331
 - Сагорин, Перес 305, 350
 - Садоводство, *см.* Сельское хозяйство, садоводство
 - Сайюс, Андре Э. 262
 - Саксония 46, 379
 - Салмон, Дж. Х. М. 359, 363
 - Сало 231, 341, 377
 - Самообеспечивающее хозяйство, *см.* Сельское хозяйство, самообеспечивающее
 - Самсонович, Хенрик 81
 - Сан-Жорже-да-Мина 205
 - Сан-Томе 147
 - Сантуш 414
 - Саплл, Барри 272, 288, 340, 342, 345, 348
 - Сардиния 44, 81, 168, 208
 - Сассетти, Филиппо 420
 - Сахар 49, 50, 76, 101, 103, 104, 106, 120, 146, 147, 323, 402, 410, 411, 414, 416, 421
 - большая дробилка (*ingenio*) 88
 - рафинадные заводы 103
 - Сведение лесов, *см.* *тж.* Дерево (древесина), нехватка 39, 52
 - Свободная торговля, *см.* Торговля, свободная
 - Свободный труд, *см.* Рабочие
 - Священная Римская империя, *см.* Империя, Священная Римская

- Священное право королей, *см.* Государство, абсолютизм
- Священный мир, *см.* Католическая церковь, священный мир
- Северное море 224, 260
- Северное полушарие 40
- Северный
- капитал, *см.* Ганза
 - лес, *см.* Балтика
 - страны, *см.* Скандинавия
- Севилья, *см. тж.* Испания, Андалусия 52, 80, 199, 201, 207, 212, 215, 218, 224, 236, 245, 246, 264, 336, 415–417
- Сейм, *см.* Польша, Сейм
- Селитра 196, 323
- Селла, Доменико 94, 211, 271, 272, 278, 279, 362
- Сельдь, *см. тж.* Рыба 422
- Сельская местность (в противопоставлении городам или двору) 126, 129, 131, 141, 149, 150, 300, 320, 331
- Сельское хозяйство *xxix*, 19, 23, 24, 26, 30, 36, 38, 42, 43, 49, 61, 67, 72, 73, 79, 99–101, 104, 107, 108, 112, 116, 119, 121, 122, 124, 126, 128, 132, 133, 140, 145, 148, 149, 152, 154, 185, 206, 210, 239, 244, 268, 273, 292, 295, 305–308, 310, 311, 314, 316, 322, 333, 339, 351, 355, 356, 359, 360, 363, 374, 379, 385, 386, 391, 392, 394, 396, 397, 399, 418
- земледелие 29, 51, 65, 66, 105, 109, 124, 125, 129, 132, 148, 237–239, 268, 306, 310, 312, 317
 - инновации 48
 - интенсивное 121, 124
 - ирригационное 50, 100
 - капиталистическое 144, 159, 193, 203, 293, 297, 301, 303, 308, 328, 334, 376, 431, 433
 - консолидация земель 274, 318
 - огораживания 28, 30, 124, 128, 131, 132, 134, 135, 139–141, 172, 235, 238, 239, 290, 310, 312, 314–318, 324, 347, 366
 - пастбищное хозяйство 24, 28, 41, 114, 121, 124, 129–132, 134, 135, 139, 140, 172, 235, 237–239, 310, 313, 317, 347
 - расширение обрабатываемых площадей, *см. тж.* Европа, экспансия 26, 48, 59, 115, 268, 274, 310
 - реаграризация (в Европе) 184
 - рынки земли 291, 292, 295, 296, 300, 305, 307–310
 - садоводство 48
 - самообеспечивающее 18, 19, 21, 67
 - системы севооборота 61, 108, 310
 - сокращение обрабатываемых площадей 25, 39
 - товарные культуры, *см.* Сельское хозяйство, капиталистическое
 - удобрения, использование 23, 26, 310
 - усовершенствования 92, 210, 310
 - экстенсивное 124
- Семенский, Й. 384
- Сен-Кантен 253, 331, 332
- Сендер, Клеменс 213
- Сенегал 45
- Сентонж 128
- Сеньория, *см.* Поместье (манор)
- Сеньоры, *см. тж.* Аристократия, Землевладельцы (Лендлорды) 21, 24–27, 29–31, 35, 41, 55, 67, 97, 106–113, 121, 123–125, 129, 136–139, 141, 142, 161, 171, 196, 211, 241, 249, 286, 308, 309, 313, 314, 317, 333, 358, 363, 379, 390, 396, 397
- междоусобные войны 42, 59, 60, 161, 350, 364, 382
 - сеньориальная реакция 131, 339, 367
 - сеньориальные доходы, сокращение *см. тж.* Феодализм, феодалские повинности 1, 24, 25, 29, 32, 54–56, 59, 60, 123, 161, 191
- Серая амбра 91
- Сербия 46
- Сервуаз, Р. 65
- Серебро, *см. тж.* Драгоценные (благородные) металлы 1, 25, 35, 44, 46, 47, 53, 80–83, 86, 89, 91, 103, 116, 143, 155, 181, 186, 188, 207, 208, 212, 220, 221, 224, 229, 233, 234, 238, 240, 242, 244, 246, 248, 263, 266, 336, 348, 372, 378, 405–407, 410, 414–417, 422
- амальгама 208
- Серрайма Сириси, Энрике 241
- Серрау, Жоэль 49, 50
- Сесмо 111
- Сеута 54, 55, 59, 224
- Сейфельд, Марк 387
- Сжатие, *см.* Население, сокращение; Сельское хозяйство, сокращение обрабатываемых площадей; Торговля, рецессия
- Сибирь 374, 380, 391, 398
- Сигизмунд I, король Польши 383
- Силезия 112, 373, 379
- Симпсон, Лесли Бойд 105, 109
- Сирия 44, 50, 269
- Сицилия 44, 50, 103, 180, 208, 220, 226, 270, 274
- Скандинавия 39, 44, 54, 280
- Сквайры 137, 297, 298, 301
- Скваттеры 314

- Скил, Кэролайн 281
 Скифы 408
 Скорость денежного обращения, *см.* Деньги, обращение
 Скот, *см. тж.* Поголовье скота 20, 26, 40, 51, 61, 65, 90, 106, 109, 114, 121, 126, 129, 130–132, 135, 188, 194, 230, 232, 233, 281, 310, 312, 328, 329, 397, 411
 — ранчо 109, 229
 — скотоводство, *см. тж.* Сельское хозяйство, пастбищное 40, 109, 121, 130, 132, 230
 Скотоводство, *см.* Сельское хозяйство, пастбищное
 Скотт, У.Р. 171
 Славяне 17, 44, 137, 143, 144, 179
 Слэйтер, Энгель 422
 Сликер Ван Бат, Б.Х. 19, 23, 25, 27, 39, 40, 48, 51, 78, 80, 88, 93, 114, 130, 132
 Словакия 399
 Словения 113, 397, 398
 Слоновая кость 418
 Смит, Адам 346
 Смит, Дж. У. 221, 228, 249–251, 256–258
 Смит, Р.Э.Ф. 377, 388, 389, 392
 Смит, Роберт С.119
 Смолар, Фрэнк Дж., мл. 247, 248
 Смутное время, *см.* Россия, Смутное время
 Соединенные Провинции, *см.* Нидерланды, Северные
 Сокровища, *см.* Драгоценные (благородные) металлы
 Солдаты, обычные 167, 169, 170, 219, 312, 382
 Солеварни 400
 Солт, Лео Ф.255
 Соль 45, 152, 206, 260, 279, 327, 377, 422
 Сольдевила, Ферран 220–221
 Сообщества 21, 33, 84, 100, 111, 112, 132, 133, 135, 161, 167, 179, 215, 220, 229, 270, 289, 300, 304, 309, 317, 318, 387, 408, 428, 433, 434
 Сосна, *см. тж.* Дерево (древесина) 52
 Социализм 153, 429, 431
 Социальная борьба, *см.* Классы, классовая борьба
 Социальная система 7, 10, 11
 Социальное благосостояние (законодательство), *см.* Законы о бедных
 Способность к предпринимательству, *см.* Капитализм, предприниматели
 Спунер, Фрэнк С. 1, 51, 82, 84, 90, 141, 142, 153, 155, 156, 243–245, 260, 265, 270, 291, 326, 334–337, 375, 385
 Средиземноморье (регион), *см. тж.* Африка, Северная; Европа, Южная; Левант; Торговля, средиземноморская 17, 18, 37, 45, 47, 48, 49, 52, 66, 81, 90, 97, 104, 105, 127, 141, 156, 172, 186, 190, 205, 219, 224, 238, 247, 260, 268–270, 274, 338, 342, 346, 347, 356, 407, 411, 420
 — восточное, *см. тж.* Левант xxvi, 50, 266, 270, 347, 401, 419
 — западное 55, 270, 347
 — исламское, *см. тж.* Левант, Мусульманский мир 58, 60
 — острова 44, 50, 52, 81, 103, 105, 168, 180, 208, 220, 226, 270, 274, 411
 — христианское, *см. тж.* Христианство 78, 79, 81, 120, 186, 205, 274
 Средний Восток, *см.* Левант
 Стагнация 24–26, 31, 169, 208, 299, 339, 352
 Статусные группы, *см. тж.* Касты, Этнические группы 4, 143, 164, 175, 431, 432, 434, 435
 — солидарность, *см. тж.* Национализм 434
 — формирование 434, 214, 220, 232, 233
 Стейн, Стэнли Дж. и Барбара Х. 220, 232, 233, 214
 Стефенс, У.Б. 345
 Столетняя война 23, 31, 59, 183, 224, 284, 366
 Стоун, Лоуренс 194, 242, 248, 285, 291–296, 301, 302, 304, 308, 311, 320–322, 325, 341, 342, 350, 351
 Стоянович, Троян 117
 Страйдер, Якоб 212, 213
 Странствующие торговцы (купцы), *см.* Буржуазия, иностранная
 Стратификация, *см.* Классы
 Строгановы 398
 Строительные материалы, *см.* Древесина
 Строительство жилья 311
 Стросс, Джеральд 212, 213, 228
 Стрэйер, Джозеф 161, 223, 285
 Стюартовская монархия 152, 291, 300–302, 304, 312, 316, 319, 322, 324, 342, 345, 353, 354
 Суверенное государство, *см.* Государство, национальное государство
 Судан (западный) 45–47, 205, 206
 Судетская область 39
 Суизи, Пол 21, 47, 125, 133, 134
 Сукновальные машины, *см. тж.* Промышленность, текстильная 282
 Сулейман Великолепный 208
 Суматра 406
 Суорт, К.У. 165, 232, 357
 Схольерс, Э. 88
 США хix, 6, 53
 Сыпучие продукты («сухие» товары) 344

Сыр, см. Молочные продукты
 Сэ, Анри 145
 Сэнсом, Джордж Б. 65, 405, 408

Т

Табак 120, 410
 Тазбир, Януш 188, 382, 395, 396
 Тайный совет, см. Англия, Тайный совет
 Такахаси, Х. К. 125, 136, 155, 191
 Талассократия, см. тж. Военный флот 420
 Тапье, Виктор-Л. 365
 «Тарих-ас-Судан» 179
 Татары 115
 — татаро-монгольское иго 387
 Таубе, Эдвард 324
 Тахо (Тежу) 247
 Тевтонские рыцари, см. тж. Военные ордена 113
 Тейлор, А. Дж. П. 217, 218, 228, 229, 285
 Тейлор, К. У. 324
 Текстиль, см. Ткани
 Теология, см. Религия, теология
 Террасы 121
 Терраферма
 — в Америке, см. тж. Колумбия 78
 — в Италии, см. тж. Венеция 268, 358
 Территориальное государство, см. Государство, нации-государства
 Территория / Труд, соотношение 79, 124, 128
 Тик, см. тж. Дерево (Древесина) 416
 Тилл, Элизабет 363
 Тилли, Чарльз хv, хvii, 88, 170, 177
 Тирск, Джоан 91, 133, 149, 170, 290, 295, 301, 310–314
 Тирье, Фредди 114
 Титульная нация (*Staatsvolk*), см. тж. Этнические группы 177
 Тихий океан 233, 398
 Ткани (текстиль), см. тж. Промышленность, ткани 20, 52, 130, 149, 181, 182, 190, 194, 202, 224, 235, 264, 272, 280–285, 329, 342, 343, 346, 347, 377, 380, 399, 400, 415, 422
 — грубые (недорогие) 150, 346
 — камвольные 282, 346
 — «новые ткани» 346
 — полуфабрикаты, см. тж. Промышленность, текстильная 342
 — «старые ткани» 347
 — тонкие (роскошные) 346
 — хлопковые 377
 — шелковые, см. тж. Промышленность, шелковая 415
 — шерстяные 313, 346, 400, 414

Ткачи 149, 216, 282, 324
 Товарные культуры, см. Сельское хозяйство, капиталистическое
 Товары массового потребления (основного спроса) (крупногабаритные товары), см. тж. Сельское хозяйство, капиталистическое ххv, ххvi, 22, 92, 114, 149, 233, 245, 261, 346, 362
 Тойнби, Арнольд Дж. 61
 Токутава, сегунат 423
 Толедо 202
 Томас, Роберт Пол 24, 131, 134, 137
 Томас, Уильям Л., мл. 52
 Томпсон, Ф. М. Л. 305
 Тони, Р. Г. 195, 217, 226, 244, 292, 294, 298–300, 303, 307, 313, 318, 320–322, 341, 350, 438
 Тонкое сукно, см. Ткани, шерстяные
 Топливо (горючее), см. тж. Дерево (Древесина), Уголь 48, 154, 341, 349
 Топольский, Ежи 376
 Торговая база, см. тж. Торговые посты 57
 Торговля (коммерция) (мировая, международная), см. тж. Буржуазия, Купцы (торговцы), Ярмарки 18, 21, 24, 42, 48, 58, 80, 117, 120, 122, 144, 146, 147, 149, 150, 154, 155, 178, 195, 201, 205, 206–208, 213, 214, 220, 221, 224, 226–229, 231, 236, 240, 246, 247, 261, 264, 265, 267, 268, 281, 283, 284, 285, 294, 306, 313, 319, 322, 323, 327, 329, 330, 337, 339–341, 344, 345, 349, 360, 372–374, 377, 378, 382, 390, 394, 397–400, 406, 408, 409, 413, 414, 420
 — азиатская, см. тж. Торговля, в Индийском океане 52, 405, 406, 409, 412, 415, 419
 — американская, см. Торговля, атлантическая
 — атлантическая 55, 80, 104, 201, 207, 212, 216, 236, 239, 240, 244, 245, 247, 324, 330, 333, 335, 401, 406, 415, 421
 — балтийская 113, 120, 132, 147, 148, 181, 213, 245–247, 259–262, 327, 333, 398
 — «богатая торговля», см. Торговля, предметами роскоши
 — большегрузными предметами (товарами массового спроса) ххv, ххvi, 372
 — в Индийском океане 63, 65, 90, 267, 401, 402, 404, 408, 419, 421
 — в Красном море 419, 420
 — внутриазиатская, см. тж. Торговля, Индийский океан 407, 408, 422–424
 — внутриевропейская 247, 322, 411, 416
 — военная см. тж. Война, экономические аспекты 263
 — восточная, см. Торговля, азиатская

- испано-американская, см. Торговля, атлантическая
- китайская, см. тж. Торговля, азиатская 406, 414, 415, 417, 424
- колониальная 114, 236, 372, 404, 421
- «контракты» (азиатский, европейский) 421
- левантийская 209, 261, 419
- межколониальная 231, 414, 415, 417
- на дальние расстояния 20, 21, 57, 60, 145, 149, 209, 400
- национальные рынки 133, 204, 213, 288, 290, 374
- невидимый экспорт 407
- предметами роскоши, см. тж. Предметы роскоши ххv, ххvi, 21, 22, 45, 46, 52, 372, 400
- ост-индская, см. Торговля, Индийский океан
- посредники, см. тж. Пиратство 24, 47, 88, 97, 148, 170, 191, 205, 231, 234, 247, 267, 407, 422
- пряностями, см. тж. Торговля, «контракты» 46, 48, 51, 247, 401, 402, 407, 411, 418, 420, 421, 423
- работоторговля 104, 230, 237, 419
- расширение (экспансия) 55, 58, 84, 116, 133, 145, 146, 159, 212, 216, 341, 343, 401, 414
- реэкспорт 214, 231, 233, 264, 281, 344, 347, 377, 416
- свободная 230, 263, 264, 269, 302
- спад (сокращение) 24, 404, 416
- средиземноморская 120, 212, 266, 267, 270, 421
- торговая революция 224
- «торговля-мать», см. тж. Торговля, балтийская 246, 261
- транзитная 46, 371, 397, 424
- трансальпийская 212, 213
- трансконтинентальная хх, 178, 201, 213, 216
- транссахарская, см. тж. Судан 44, 205
- условия 31, 96, 145, 230, 293, 343
- центры торговли 94, 114, 133, 188, 201, 213, 225, 246, 264, 285, 397
- Торговые дома, см. Торговцы (купцы), торговые дома
- Торговые посты (форпосты), см. тж. Торговая база 205, 206, 259, 284, 319, 403, 413, 422
- Торговый (коммерческий) кризис, см. Торговля, рецессия
- Торговый флот, см. Транспорт, морской
- Торнер, Дэвид 19
- Тоскана 37, 149, 158, 278
- Традиционное хviii, хix, 116, 173, 229, 230, 299, 309, 319, 381, 387, 432–435, 437
- Транзакционные издержки 24, 197
- Транспорт (перевозка) 17, 21, 51, 88, 142, 204, 212, 245, 246, 261, 271, 285, 328, 329, 401, 407, 409, 429
 - грузовой, см. тж. Транспорт, наземный 51, 204, 270, 329
 - морской (водный) 207, 247, 288, 323, 329, 397
 - наземный 269, 328, 329
 - стоимость (издержки) 21, 88, 100, 105, 207, 214, 233, 262, 323, 328, 417
- Трапп, Сильвия 95, 127
- Тревор-Роупер, Х.Р. 186, 254, 272, 286, 295, 296, 300–303, 320–322, 331, 350, 351, 405, 423
- Тред-юнионы, см. Рабочие, организации
- Третий мир 6, 279
- Трехпольная система севооборота (*Dreifeldwirtschaft*), см. Сельское хозяйство, системы севооборота
- Триденский собор, см. Католическая церковь, Триденский собор
- Тридцатилетняя война 169, 272, 362, 384, 399
- Трофеи, см. Грабеж
- Труд (трудовые ресурсы) ххvii, ххix, 19, 26, 27, 29, 40, 41, 43, 47, 61, 76, 79, 83–85, 87, 91, 94, 95, 98, 99, 102–112, 115, 117–125, 128–133, 135–143, 145–147, 149, 151–153, 155, 162, 185, 187, 188, 197, 230, 232–234, 236, 262, 272, 278, 309, 310, 313, 314, 316, 317, 327, 335, 336, 339, 341, 346, 359, 372, 373, 375, 376, 378, 379, 386, 388, 392, 395, 396, 412, 416, 418, 429, 431
 - нехватка 162
 - разделение, см. тж. Капитализм, мир-экономика 21, 99, 112, 121, 152, 154, 190, 197, 360, 372, 428, 429, 435, 436, 438
 - европейское или международное 73, 79, 154, 167, 197, 246, 342, 359, 379, 410
 - национальное 311, 349
- Тулуза 147
- Тунис 415
- Турецко-мусульманский мир, см. Империя, Османская
- Турки 70, 242, 401, 419, 420
- Турнон, Франсуа де, кардинал 330
- Тутовые рощи, см. тж. Леса 417
- Тыминский, Казимир 143, 144
- Тюдоровская монархия 286, 302, 312, 313, 316, 321, 322, 342

У

- Уайт, Линн, мл. 61, 62
- Уголь, см. тж. Топливо (горючее) 154, 260, 323

- Удобрения 23, 26, 310
 Узбекские ханства 377
 Уиллан, Т. С. 378
 Уиллеттс, Уильям 63, 64
 Уилсон, Томас 226
 Уилсон, Ч. Х. 28, 50, 51, 122, 154, 190, 211
 Уильямс, Пенри 287
 Уильямс, Эрик 103
 Уиттман, Т. 257, 258
 Украина 374
 Укрупнение хозяйств, *см.* Сельское хозяйство, огораживания
 Ульман, Джоан Коннелли 238
 Ульм 330
 Уминский, Й. 189
 Университет xv, xvii, xxv, 187
 Уорринер, Дорин 115, 116
 Уотерфорд 319
 Уотсон, Эндрю М. 44, 45
 Упадок торговли, *см.* Торговля, рецессия
 Управление (поместьем, хозяйством) 29, 30, 128, 139, 293, 384, 389, 413
 — издержки (стоимость) 29
 — капиталистическое 128–129
 — прямое 29
 Управляющие государственным аппаратом, *см.* Государство
 Урал 400
 Урожаи, плохие, *см.* Продовольствие, нехватка
 Утрехтская уния, *см.* Нидерланды, Северные
 Уттерстрём, Густаф 38, 269
 Уэбб, Уолтер Прескотт 91, 348
 Уэльс 44, 140, 168, 223, 243, 281, 288, 310, 311, 319
- Ф**
 Фавре, Жанна 367
 Фанфани, Аминторе 209, 210, 273
 Фарфор 406, 415
 Фауст, С. М. 395, 398
 Фашери, *см.* Издольщина
 Февр, Люсьен 78, 245, 246, 336
 Федор Иоаннович, русский царь 394
 Фейнон, Франц 217
 Феликс, Дэвид 98
 Фелпс-Браун, Г. Х. 90, 92, 93, 95, 96, 143
 Феодальный порядок, *см.* Феодализм
 Феодализм, *см. тж.* Крепостные (Сервы), Поместье (Манор), Сеньоры xxvii, xxviii, 18, 19, 21, 22, 25, 26, 27, 31, 42, 43, 47, 48, 59, 67–69, 72, 73, 102, 106–110, 112, 113, 116, 120, 133, 137, 139, 151, 153, 155, 177, 179, 187, 191, 194, 203, 239, 257, 274, 296, 297, 306, 307, 313, 355, 356, 358, 359, 363, 374, 379, 388, 431
 — «второй феодализм», *см.* Принудительный труд на рынок
 — договорные отношения между крепостным и его хозяином 112, 386
 — королевские вассалы 59, 106, 141, 178, 179
 — кризис 38, 40, 43, 55, 59, 113, 161, 191
 — пошлыны 222, 288
 — права общины 121, 135, 138, 307, 313, 314
 — рефеодализация (новая феодализация) 120, 172, 320, 372, 386
 — феодализация («офеодавление») буржуазии, *см.* Буржуазия, феодализация («офеодавление») — феодально-абсолютистский порядок 352
 — феодальные владыки, *см.* Сеньоры
 — феодальные мятежи 168, 175, 318, 320
 — феодальные повинности 23, 25, 26, 97, 112, 130, 134, 136, 139, 141, 172, 293, 303, 366
 — денежная рента, *см.* Ренты, денежные
 — замещение (коммутация) (превращение в денежные ренты) 135, 136, 138
 — натуральная рента, *см. тж.* Ренты 19, 23, 25, 41, 112, 136
 — трудовые повинности 26, 109, 133, 136, 137, 142
 — феодальные ренты, *см.* Феодализм, феодальные повинности
 — фискальный (налоговый), *см. тж.* Налоги, откуп 354
 — фьефы (феоды) 59, 106
 Фергюсон, Уоллес 210
 Фердинанд, великий герцог Тосканский 37, 158, 237
 Фердинанд и Изабелла, король и королева Испании 33, 202, 204
 Фермеры (хозяева), *см. тж.* Джентри, Землевладельцы (Лендлорды), Крестьяне 96, 123, 130, 132–136, 140, 170, 191, 235, 239, 297, 303, 305, 307, 312, 313, 320, 347, 435
 — арендаторы 101
 — джентльмены 145, 305, 308, 310, 312
 — йомены (мелкие фермеры), *см. тж.* Джентри, Домовладельцы 96, 101, 102, 130, 132, 139, 140, 151, 155, 172, 217, 235, 292, 293, 297, 298, 303, 305, 306, 308–314, 317, 318, 366
 — капиталистические, *см. тж.* Сельское хозяйство, капиталистическое 317, 321, 322, 359

- Фермеры-арендаторы, *см.* Фермеры (хозяева), арендаторы
- Фернандес Альварес, Мануэль 251
- Фехнер, М. В. 374
- Филипп II, король Испании 171, 218, 221, 227, 234, 238, 239, 250–253, 265, 330
- Филипп III, король Испании 253
- Филипп IV, король Испании 253
- Филипп Август, король Франции 223
- Филиппины 78, 231, 413, 414, 417, 418, 423
- Финансисты, *см.* *тж.* Банковское дело; Буржуазия; Деньги; Купцы (Торговцы), купцы-банкиры 121, 126, 188, 206, 213, 215, 225, 270, 280, 354, 357, 366
- Финберг, Х. П. Р. 8
- Фискализм, *см.* Государство, фискализм
- Фишер, Ирвинг 82, 83
- Фишер, Ф. Дж. 133, 185, 236, 281, 288, 297, 324, 327, 341, 343, 347–350
- Фландрия, *см.* *тж.* Европа, старые развитые территории; Нидерланды (исторические); Нидерланды, Южные 27, 42, 48, 50, 55, 57, 94, 95, 114, 149, 150, 202, 211–214, 224, 227, 229, 252, 260, 264, 278, 285, 348
- Флейт, *см.* *тж.* Война, технологии мореплавания; Промышленность, кораблестроение; Транспорт, морской 261, 329
- Флоренция 156, 166, 211, 215, 268, 269
- Флорида 422
- Флот, *см.* Военный флот
- Фокс, П. 188
- Фоллз, Сирил 349
- Фондовая биржа, *см.* Деньги, финансовые центры
- Форстер, Роберт 221
- Фрайд, Мортон 117
- Франк, Андре Гундер хix, ххх, хххi, 116, 231, 234
- Франкфурт 20
- Франсуа, Мишель 208
- Франциск I, король Франции 164, 166, 208, 209
- Франциск II, король Франции 330
- Франция 7, 25, 27, 28, 29, 33, 36, 45, 53, 55, 59, 68, 86, 87, 90, 91, 95, 98, 113, 115, 125–128, 131, 136, 137–140, 153, 156, 163, 164, 166, 168, 169, 178, 179, 184–186, 207, 208–211, 214, 221–226, 230, 232, 235–237, 241, 243, 245–247, 249, 251–253, 255, 259, 263, 264, 271, 273, 277–280, 285, 288, 289, 290, 299, 316, 318, 319, 321, 323–334, 336, 338, 339, 342, 348, 349, 351, 352–356, 358–368, 385, 386, 389, 394, 399, 433, 434
- Генеральные штаты 222
- западная (юго-западная) 36, 333, 364, 365–367
- королевские мануфактуры (*manufactures royales*) 360
- Регентство 241, 325
- Религиозные войны 226, 241, 331, 334, 354, 363–365
- северная (северо-восточная) 127, 129, 137, 154, 224, 283, 326–328, 333, 367
- третье сословие, *см.* *тж.* Буржуазия 354, 356
- «французское бешенство», *см.* *тж.* Революция, Нидерландская 258
- Фронда 353, 356, 367, 368
- центральная 333, 364
- юго-западная 364
- южная 81, 104–105, 123, 127, 137, 182, 307, 333, 356, 365, 366
- Французская Коралловая компания, *см.* *тж.* Компании 415
- Франш-Конте 152, 208, 278
- Фригольдер, *см.* *тж.* Фермеры (хозяева), йомены (мелкие) 126, 132, 305,
- Фрид, Фердинанд 17
- Фридрих, Карл Дж. 242, 263
- Фрис, Астрид 244, 340, 342, 343, 346
- Фрисландия 27
- Фронда, *см.* Франция, Фронда
- Футгеры, *см.* *тж.* Купцы (торговцы), купеческие (торговые) дома 160, 169, 212, 213, 215, 216, 228, 237, 245, 265, 421
- Фураж 26, 88, 121
- Фурастье, Жан 93
- Фуртаду, Сельсо 105, 11, 372, 414

X

- Хабаккук, Хротгар Джон 307, 308, 317
- Хаммарстрём, Ингрид 83
- Хадсон Дж. Ф. 64
- Халифат 67
- Хара, Альваро 105, 110, 112, 119, 205, 207, 208, 232, 416
- Харрингтон, Джеймс 299
- Харрис, Дж. Л. 287
- Харрисон, Дж. Б. 267, 414, 424
- Хартунг, Фр. 37, 115, 159, 165, 174, 196
- Хеерс, Жак 283, 285, 329
- Хекстер, Дж. К. 291, 295–297, 300–303, 351
- Хекшер, Эли Ф. 222, 279, 285, 286, 288, 404
- Хеллайнер, Карл 28, 39, 41, 114, 141, 383
- Хелм, Джун 117
- Хёрстфилд Дж. 192, 217, 289, 290, 304, 331, 354, 355
- Хидэёси 406
- Хилл, Кристофер 185, 186, 191, 196, 197, 255, 287, 288, 290, 291, 296, 298, 300, 303, 304, 320, 351

- Хилтон, Р. Г. 25, 26, 48, 316, 317, 377, 388,
 Хинтон, Р. У. К. 322, 342–344, 351
 Хиппокрас 51
 Хирш, Вальтер 33
 Хитон, Херберт 262, 279
 Хлеб, *см. тж.* Зерновые (Злаки) 25, 29, 48, 50, 51,
 66, 78, 80, 87, 88, 92–94, 101, 114, 120–122, 128,
 130–132, 134, 170–172, 244, 261, 263, 268–270,
 280, 281, 328, 337, 338, 344, 372, 374–377, 380,
 385, 385, 392, 397, 399
 Хлопок, *см. тж.* Промышленность, текстильная;
 Ткани (текстиль), хлопок 52, 103, 109, 120, 346,
 377
 Хобсбаум Э. 272, 273
 Хоукинс, Джон 230
 Холл, А. Руперт 154
 Холопский труд, *см.* Принудительный труд на рынок
 Хопкинс, Шейла В. 92, 93, 95, 96, 143
 Хоскинс, У. Дж. 311
 Хошовский, Станислав 113, 115, 375, 376, 398
 Христианство, *см. тж.* Англиканская церковь;
 Европа, христианская; Кальвинизм; Като-
 лическая церковь; Лютеранство; Протестан-
 тизм; Русская православная церковь; Среди-
 земноморье, христианское 19, 36, 42, 44, 56,
 61, 71, 78, 79, 81, 101, 120, 171, 181, 185, 189, 192,
 239, 251, 289, 373, 411, 423
 — духовенство (клир), *см. тж.* Католиче-
 ская церковь, папство 101, 179, 187, 234, 333
 — западное, *см.* Католическая церковь
 — латинское, *см.* Католическая церковь
 — новые христиане, *см.* марраны
 — обращение (евангелизация, христианиза-
 ция) 109, 183, 220, 404, 418, 413
 — христианизация, *см.* Христианство, обра-
 щение (евангелизация)
 Хуан II, король Арагона 202
 Хэмилтон, Эрл Дж. 80–83, 86, 90–92, 96–98, 166, 217,
 227

Ц

- Цангмайстер, братья 330
 Царьки, *см. тж.* Аристократия 396
 Цезарь, Тай Юлий 402
 Цейлон 63, 404
 Цейтлин, Морис хх, 55
 Целлер, Гастон 323, 361
 Цены 18, 20, 22–25, 27, 28, 40, 41, 44, 78, 80–98, 103,
 108, 126, 130, 141, 156, 159, 182, 231, 239, 262, 264,
 267, 269, 273, 285, 306, 336, 337, 343, 344, 347,
 361, 375, 392, 399, 407, 411, 412, 416, 419

- Революция цен, *см.* Цены, рост
 — рост (повышение) 1, 24, 29, 40, 78–84, 86,
 88–92, 94–98, 125, 126, 130, 135, 147, 148, 151,
 155, 156, 186, 203, 216, 219, 227, 233, 237, 241,
 250, 268, 272, 273, 282, 295, 296, 303, 308, 317,
 328, 332, 335–337, 362, 366, 372, 373, 376, 384,
 392, 393, 399, 419
 — снижение (падение) 25, 29, 85, 130, 188, 202,
 267, 272, 280, 285, 337, 338, 344, 359, 363, 375,
 397, 419
 Церкви (храмы) 47, 274, 378
 Церковь, *см.* Католическая церковь (в случаях,
 имеющих отношение к России, *см.* Русская
 православная церковь)
 Цивилизация (в противопоставлении варвар-
 ству) 64, 116
 «Цивилизация» 19, 42, 134
 Цоллышан, Георг К. 33

Ч

- Чай 406
 Чалпинский, Владислав 375, 399
 Чарновский, Стефан 187–188
 Частное предприятие, *см.* Капитализм
 Чаудхури, К. Н. 416, 422
 Чеканка монеты 53, *см. тж.* Драгоценные (благородные) металлы; Государство, финансы
 Черная чума 39, 40, 179
 Чернокожие (негры), *см. тж.* Африка 1, 76, 118,
 119
 Чехия, *см. тж.* Богемия, Моравия 115
 Чжан, Тянь-Цзэ 63
 Чжу Си 72
 Чжэн, Стивен Н. С. 126, 127
 Чжэн Хэ 63, 70
 Чили 78, 110, 111, 119, 207, 229, 231, 234
 Чиновники (во Франции) (*officiers*) 33, 36, 161,
 163–165, 208, 222, 234, 354, 357, 368, 361, 362
 Чиполла, Карло М. 20, 21, 27, 52, 53, 61, 62, 71, 88,
 89, 94, 243, 266, 267, 271–273, 337, 402, 408, 410
 Чифтлики, *см. тж.* Поместья (*Estates*) 372
 Чума, *см.* Черная Чума, Эпидемии
 Чьокка, Пьерлуиджи 90, 92–94

Ш

- Шабо Ф. 34, 35, 163, 255
 Шампань 224
 Шафран 415
 Швейцария 27, 167–169, 185, 212, 278, 279
 Швеция 54, 98, 185, 189, 194, 278, 279, 375, 385, 393,
 394

Шевалье, Франсуа 135
 Шерсть 24, 31, 52, 114, 130, 131, 135, 147, 152, 182, 183,
 202, 216, 235, 263, 280, 281, 283, 303, 306, 307,
 310, 314, 341, 346–348
 «Шестидесятдневный мир» 17, 417
 Шёлк 20, 22, 48, 52, 109, 220, 235, 346, 362, 372, 402,
 406, 407, 415–417, 423
 — сырой (сырец) 372, 402, 406, 415, 417
 — ткани, см. Ткани, шелк
 Шёффер, И. 253
 Шкуры 341, 377
 Шляхта, см. Джентри
 Шнейдман, Дж. Ли 181
 Шоколад 50
 Шоню, Пьер 18, 41, 47, 51, 55–57, 60, 61, 65, 66,
 79–81, 146, 182, 201, 206, 207, 218, 219, 231, 234,
 239–241, 245, 246, 335–339, 406, 408, 410, 411,
 413–418, 421
 Шоню, Югетта 233, 234, 246
 Шоссинан-Ногаре, Ги 420
 Шотландия 98, 133, 185, 186, 252, 254, 260, 278, 281,
 315, 327, 349
 — шотландские границы 319
 Шталь, Анри Х. 107–109, 112
 Шумпетер, Йозеф А. 86, 87, 159, 160, 191, 192, 381
 Шуриц, Вальтер Л. 231

Э

Эберхард, Вольфрам 7
 Эверитт, Алан 170, 281, 308, 313, 314
 Эверсли, Д.Э.С. 273, 325
 Эгейское море, острова 44, 270
 Эдлер, Флоренс 221
 Эдуард III, король Англии 282
 Эйделотт, Фрэнк 315
 Эйзенштадт, Ш. Н. 15, 16, 107, 162
 Эйлер, Дж. И. 291
 Эйтзен, Стэнли Д. 184
 Экономический регресс, см. Торговля, рецессия
 Экономия на масштабе 197
 Экспансия (расширение), см. Европа, экспансия;
 Население, увеличение; Сельское хозяйство,
 расширение обрабатываемых территорий;
 Торговля, экспансия
 Экспедиции, см. Европа, экспансия; Чжэн Хэ
 Экспортные экономики, см. тж. Колонии, эко-
 номические; Периферия 231, 375, 376
 Эллиотт, Дж. Х. 95, 96, 155, 204, 218, 219, 234–238,
 240, 241, 255, 265, 271, 373
 Элман П. 181
 Элтон, Дж. Р. 240, 244, 247, 286, 287, 290, 363

Эльзас 81, 92
 Эмери, Фрэнк 311
 Эмиграция, см. Миграция
 Энгельс, Фридрих 148, 193, 217, 257, 363
 Энкомьенда, см. Поместья (*Estates*), энкомьенда
 Эно 149, 257
 Эпидемии, см. тж. Черная чума 23, 27, 38–40, 42,
 143, 244, 308, 325, 362, 367, 392
 Эпоха Иакова I, см. тж. Иаков I 301
 Эразмианцы 238
 Эренберг, Рихард 165, 213, 214, 224
 Эрнл, лорд (Р.Э. Протеро) 347
 Эсквайры, см. Сквайры
 Эспаньола, см. Антильские острова
 Эспье, Анри 365, 366
 Эстония 114
 Эстремадура 235
 Этатизм (*Statism*), см. Государство, этатизм
 Этнические группы, см. тж. Государство, гомо-
 генизация; Статусные группы 78, 144, 177,
 432
 Эфиопия 402
 Эштон, Роберт 350, 354

Ю

Юань, династия 71
 ЮАР 185
 Юдович, Абрахам 46
 Юингс, Джойс 309, 310
 Юнкеры, см. тж. Аристократия; Сеньоры; Фер-
 меры (хозяева), капиталистические 108, 113,
 194, 383, 384
 Юристы, см. тж. Профессии 138, 176, 240, 308, 320

Я

Ява 63, 423
 Язык 4, 177, 226, 238, 251, 319, 398, 434, 435
 Якобинцы 253
 Янсенизм, см. тж. Католическая церковь 358, 366
 Янцзы 64
 Япония 65, 371, 406, 416, 423
 Ярмарки, см. Торговля

Ab legibus solutus [свободный от законов — лат.]
 175

Banco della Piazza di Rialto (Депозитарный банк
 Венеции), см. тж. Банковское дело, депо-
 зитный банкинг 265

Bandes d'ordonnances (Кавалерийские части ни-
 дерландской аристократии), см. тж. Кава-
 лерия 250

Besitzer, см. Фермеры, арендаторы

Casa de Contratacion de las Indias (Торговая палата Севильи) 80, 201

Comptoirs [фактории — *фр.*] см. Торговые посты

Contado [сельское окружение городов — *ит.*], см.

Сельская местность

Cuius regio eius religio [чья власть, того и вера — *лат.*], см. *тж.* Аугсбургский мир; Государство, гомогенизация 190, 218, 228, 434

Dérogeance [лишение дворянства — *фр.*], см. *тж.*

Аристократия, Франция 353

Entradas, см. *тж.* Европа, расширение; Колонии 234

Feitoria, см. Торговые посты

Feudatori, см. Сеньоры

Grundsherr, см. Сеньоры

Gutsherrschaft [наследственное поместное владение — *нем.*], см. *тж.* Поместье (капиталистическое) 383, 396

Gutswirtschaft [крепостническое помещичье хозяйство — *нем.*], см. *тж.* Поместье (манор) 383

Inter Caetera [среди прочих (деяний) — *лат.*], булла 413

Koppelwirtschaft [выгонное хозяйство — *нем.*], см.

Сельское хозяйство, система севооборота 108

Maestrazgos, см. *тж.* Сельское хозяйство, пастбищное 238

Massari, см. *тж.* Фермеры, йомены (мелкие) 172

Mercanti di campagna [сельские торговцы — *ит.*], см. *тж.* Купцы (торговцы) 194

Nobiles minores [мелкая знать — *лат.*], см. Знать, мелкая

Patto di ricorsa, см. *тж.* Деньги, кредит 270

Preussische Schlagwirtschaft (прусское лесосечное хозяйство), см. Сельское хозяйство, система севооборота

Roturiers, см. Простолюдины

Tenanciers, см. Фермеры, арендаторы

Wüstungen [пустоши, брошенные земли — *нем.*], см. *тж.* Сельское хозяйство, сокращение обрабатываемых земель 27, 28, 30, 44

КНИГИ, ИЗДАННЫЕ РУССКИМ ФОНДОМ СОДЕЙСТВИЯ ОБРАЗОВАНИЮ И НАУКЕ

*Более подробную информацию о наших книгах
(аннотации, оглавления, отдельные главы)*

Вы можете найти на сайте:

www.s-and-e.ru

ГЕОПОЛИТИКА, ВОЕННАЯ ИСТОРИЯ

1. *Люттвак Э.*: «Стратегия: логика войны и мира». Перевод с английского, Edward N. Luttwak: “The Strategy: Logic of War and Peace”
2. *Люттвак Э.*: «Государственный переворот: практическое пособие». Перевод с английского, Edward N. Luttwak: “Coup d’Etat: Practical Handbook”
3. *Люттвак Э.*: «Подъем Китая vs. логика стратегии». Edward N. Luttwak:” The Rise of China vs. the Logic of Strategy” (выйдет в 2015 году)
4. *Кикнадзе В.Г.* «Невидимый фронт войны на море. Морская радиоэлектронная разведка в первой половине XX века»
5. Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова: «Многоликость целого: из истории цивилизаций Старого и Нового Света». (Отв. ред. Кудрявцев О.В.)
6. *Козлов Д.Ю.*: «Нарушение морских коммуникаций по опыту действий российского флота в Первой мировой войне (1914—1917)
7. *Котельников В.Р.*: «Отечественные авиационные поршневые моторы 1910—2009»
8. *Степанов А.С.*: «Развитие Советской Авиации в Предвоенный Период (1938 — первая половина 1941 года)»
9. *Свойский Ю.М.*: «Военнопленные Халкин-Гола. История бойцов и командиров РККА, прошедших через японский плен»
10. *Томиока Садатоси*: «Политическая стратегия до начала войны. Точка зрения Императорского Флота» (выйдет в 2015 году)
11. *Ахмед Рашид*: «Талибан». Перевод с английского Поваляев М.В.
12. Формирование территории Российского государства. XVI — начало XX в. (границы и геополитика). Отв. ред. Е.П. Кудрявцева (выйдет в 2015 году).

ХОЛОДНАЯ ВОЙНА

13. «Хмурые будни холодной войны. Ее солдаты, прорабы и невольные участники» (Отв. ред. Степанов А.С.)
14. *Мазов С. В.*: «Холодная война с «сердце Африки». СССР и конголезский кризис, 1960—1964»
15. *Симонов Н.С.*: «Военно-промышленный комплекс СССР в 1920—1950-е годы: темпы экономического роста, структура, организация производства и управление»
16. *Симонов Н.С.*: «Несостоявшаяся информационная революция. Условия и тенденции развития в СССР электронной промышленности и СМИ. 1940—1969 гг.»

17. *Платошкин Н.Н.*: «Сандинистская революция в Никарагуа. Предыстория и последствия»
18. *Платошкин Н.Н.*: «Чили 1970 — 1973 гг. Прерванная модернизация»
19. *Платошкин Н.Н.*: «Весна и осень Чешского социализма. Чехословакия: 1938—1968 гг.» (выйдет в 2015 году)
20. *Платошкин Н.Н.*: «Интервенция США в Доминиканской республике 1965 года»
21. «Многосторонняя дипломатия в биполярной системе международных отношений» (отв. ред. Н.И. Егорова)
22. *Улунян Ар. А.*: «Балканский «щит социализма». Оборонная политика Албании, Болгарии, Румынии и Югославии (середина 50-х гг. — 1980 г.)»

ИСТОРИЯ ДРЕВНЕЙ И СРЕДНЕВЕКОВОЙ РУСИ

23. *Назаренко А.В.* «Древняя Русь и славяне». Из серии: «Древнейшие государства Восточной Европы»
24. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Античные источники Том I». Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г.
25. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Византийские источники. Том II». Бибииков М.В. (составитель). Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г.
26. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Восточные источники. Том III». Коновалова И.Г. (составитель). Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г.
27. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Западноевропейские источники. Том IV» Составитель А.В. Назаренко. Под редакцией Джаксон Т.Н. Коноваловой И.Г.
28. «Древняя Русь в свете зарубежных источников: Древнескандинавские источники. Том V» Глазырина Г.В., Джаксон Т.Н., Мельникова Е.А
29. Монография: «Древняя Русь в свете зарубежных источников». Под редакцией Т.Н. Джаксон», И.Г. Коноваловой, Е.А. Мельниковой, А.В. Подосинова, Г.В. Глазыриной.
30. *Столярова Л.В., Каиштанов С.М.*: «Книга в Древней Руси (XI — XVI вв.)»
31. «Древнейшие государства Восточной Европы. Пространство и время в средневековых текстах» Ответственный редактор Глазырина Г.В.
32. Под ред. Глазыриной Г.В.: «Древнейшие государства Восточной Европы. 2011 год: Устная традиция в письменном тексте»
33. *Пашуто В.Т.* «Русь. Прибалтика. Папство», в серии: «Древнейшие государства Восточной Европы»
34. *Мельникова Е.А.* «Древняя Русь и Скандинавия»
35. *Евсеева Л.М.*: «Аналойные иконы в Византии и Древней Руси. Образ и литургия»
36. *Гимон Т.В.*: «Историописание раннесредневековой Англии и Древней Руси: Сравнительное исследование»
37. отв. ред. Мельникова Е.А.: «Древнейшие государства Восточной Европы: 2010 год: Предпосылки и пути образования Древнерусского государства»
38. *Пулькин М.В.*: «Самосожжения старообрядцев (середина XVII—XIX в.)»
39. Под ред. Е.А. Мельникова: «Древняя Русь в свете зарубежных источников» (монография)
40. *Поливанова А.К.*: «Старославянский язык. Грамматика. Словари»
41. *Каиштанов С.М.*: «Московское царство и Запад»
42. *Калинина Т.М.*: «Проблемы истории Хазарии (по данным восточных источников)»

ЭТНОГРАФИЯ, АРХЕОЛОГИЯ И ФОЛЬКЛОРИСТИКА

43. *Логинов К.К.*: «Обряды, обычаи и конфликты традиционного жизненного цикла русских Водлозерья»
44. *Криничная Н.А.*: «Крестьянин и природная среда в свете мифологии. Былички, бывальщины и поверья Русского Севера: Исследования. Тексты. Комментарии
45. *Толстая С.М.*: «Образ мира в тексте и ритуале»
46. *Березович Е.Л.*: «Русская лексика на общеславянском фоне: семантико-мотивационная реконструкция»
47. *Иванова Л.И.*: «Персонажи карельской мифологической прозы»
48. *Лобанова Н.В., В.Ф. Филатова*: «Археологические памятники в районе Онежских петроглифов»
49. *Лобанова Н.В.*: «Петроглифы Онежского озера»
50. *Ольговский С.Я.*: «Цветная металлообработка Северного Причерноморья VII—V вв. до н.э. По материалам Нижнего Побужья и Среднего Поднепровья»

АНТИЧНОСТЬ И ВИЗАНТИНИСТИКА

51. *Люттвак Эдвард Н.* «Стратегия Византийской империи». Edward N. Luttwak: "The Grand Strategy of the Byzantine Empire". Перевод с английского А.Н. Коваль
52. *Позднев М.М.* «Психология искусства. Учение Аристотеля»
53. *Суриков И.Е.*: «Аристократия и демос: политическая элита архаических и классических Афин»
54. *Суриков И.Е.*: «Античный полис»
55. *Суриков И.Е.*: «Античная Греция: политики в контексте эпохи. Година междоусобиц»
56. *Суриков И.Е.*: «Полис, логос, космос: мир глазами эллина. Категории древнегреческой культуры»
57. *Суриков И.Е.*: «Античная Греция: политики в контексте эпохи. На пороге нового мира» (выйдет в 2015 году)
58. «Gaudeamus Igitur: Сборник статей к 60-летию А.В. Подосинова». Под редакцией Джаксон Т.Н., Коноваловой И.Г., Цецхаладзе Г.Р.
59. *Ревзин Григорий*: «Путешествие в Античность»
60. *Смышляев А.Л.*: «История Древнего Рима от Ромула до Гракхов», учебное пособие
61. *Виноградов А.Ю.* «Миновала уже зима языческого безумия. Церковь и церкви Херсона в IV веке по данным литературных источников и эпиграфики».
62. *Вальков Д.Б.*: «Генуэзская эпиграфика Крыма»
63. *Файер В.В.* Александрийская филология и гомеровский гекзаметр.
64. *Файер В.В.*: «Рождение филологии. «Илиада» в Александрийской библиотеке»
65. Отв. Ред. А.В. Подосинов и О.Л. Габелко: «Древнейшие государства Восточной Европы. 2012 год: Проблемы эллинизма и образования Боспорского царства»
66. *Ермолаева Е.Л.* Гомер. Илиада. XVIII песнь «Щит Ахилла»
67. Гай Юлий Цезарь (книга 1 и книга 2): «Записки о войне с галлами». Введение и комментарии Соболевский С.И.
68. *Жмудь Л.Я.*: «Пифагор и ранние пифагорейцы»
69. *Кузьмин Ю.Н.*: «Аристократия Берои в эпоху эллинизма» Смирнов С.В.: «Государство Селевка I (политика, экономика, общество)»

70. *Прокл Диадох*. Комментарий к первой книге «Начал» Евклида (перевод А.И. Щетникова)
71. *Завойкина Н.В.*: «Боспорские фиасы: между полисом и монархией»
72. *Кузьмин Ю.Н.*: «Аристократия Бери в эпоху эллинизма»
73. «Прокл Диадох. Комментарий к первой книге «Начал» Евклида» (перевод А.И. Щетникова).
74. *Завойкина Н.В.*: «Боспорские фиасы: между полисом и монархией»

ЖУРНАЛ «АРИСТЕЙ»

75. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск №1
76. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск №2
77. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск №3
78. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск №4
79. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск №5
80. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск №6
81. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск №7
82. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск №8
83. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск №9
84. Аристей. Классическая филология и античная история. Журнал, выпуск №10

СПЕЦИАЛЬНЫЕ ИСТОРИЧЕСКИЕ ДИСЦИПЛИНЫ

85. *Антонец Е.В.*: «Введение в Римскую Палеографию»
86. «Вопросы эпиграфики. Выпуск 1». Под редакцией Авдеева А.Г.
87. «Вопросы эпиграфики. Выпуск 2». Под редакцией Авдеева А.Г.
88. «Вопросы эпиграфики. Выпуск 3». Ответственный редактор Авдеев А.Г.
89. «Вопросы эпиграфики. Выпуск 4», сборник статей, ответственный редактор Авдеев А.Г.
90. «Вопросы эпиграфики. Выпуск 5», сборник статей, ответственный редактор Авдеев А.Г.
91. «Вопросы эпиграфики. Выпуск 6», сборник статей, ответственный редактор Авдеев А.Г.
92. «Вопросы эпиграфики. Выпуск 7», сборник статей, ответственный редактор Авдеев А.Г.

ИСТОРИЯ ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ

93. *Исэров А. А.*: «США и борьба Латинской Америки за независимость, 1815—1830»
94. *Платошкин Н.Н.*: «История Мексиканской революции». Том 1: «Истоки и победа. 1810—1917 гг.»
95. *Платошкин Н.Н.*: «История Мексиканской революции». Том 2: «Выбор пути. 1817—1928 гг.»
96. *Платошкин Н.Н.*: «История Мексиканской революции». Том 3: «Время радикальных реформ. 1828 — 1940 гг.»
97. *Платошкин Н.Н.*: «Чили 1970—1973 гг. Прерванная модернизация»
98. *Платошкин Н.Н.*: «Интервенция США в Доминиканской республике 1965 года»

99. *Платошкин Н.Н.*: «Сандинистская революция в Никарагуа. Предыстория и последствия»

БЕЗ СЕРИИ

100. *Лидов А.М.*: «Росписи Ахталы»
101. *Фомин А.М.*: «Война с продолжением. Великобритания и Франция в борьбе за «Османское наследство», 1918—1923»
102. *Мария Фёдоровна, императрица., 1847—1928. Ксения Александровна, вел. кн., 1875—1960, Ольга Александровна, вел. кн., 1882—1960. Письма (1918—1940) к княгине А.А. Оболенской*
103. *Жизнеописание, подг. текста, примеч. Менькова И.Г.*: «Блаженны кроткие... Священномученик Сергей Лебедев, последний духовник Московского Новодевичьего монастыря. Жизненный путь, проповеди, письма из ссылки»
104. *Сборник статей: «Именослов. История языка. История культуры»* (Отв. Ред. Успенский Ф.Б.)
105. *Волков С.В.*: «Офицеры казачьих войск. Опыт мартиролога»
106. *Марей Е. С.*: «Энциклопедист, богослов, юрист: Исидор Севильский и его представления о праве и правосудии»

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИСТОЧНИКИ

107. *Рахаев Д.Я.*: «Политика России на Северном Кавказе в первой четверти XVIII века»
108. *Немецкие хроники X — XI вв. и Адам Бременский. Деяния архиепископов Гамбургской церкви*
109. *Кашианов С.М.*: «Исследование о молдавской грамоте XV века»
110. *Юлиана Нориджская. Откровения Божественной Любви / Пер., вступ. ст., примеч., подгот. среднеангл. текста Ю. Дресвиной. Julian of Norwich. Revelations of Divine love / Edition, introduction, translation and commentaries by Juliana Dresvina*
111. *Джаксон Т.Н.*: «Исландские королевские саги о Восточной Европе»
112. *Ауров О. В., Марей А.В.*: «Вестготская правда (Книга приговоров). Латинский текст, Перевод, Исследование»
113. *Афанасьева Т.И.*: «Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII—XVI вв.: исследование и тексты»
114. *Афанасьева Т.И.*: «Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI—XV вв.)»
115. *Виноградов А.Ю.*: «Деяния Андрея и Матфия в городе людоедов»
116. *Мереминский С.Г.*: «История Англов. Генрих Хантингдонский» (выйдет в 2015 году)
117. *Долеман Р. (Парсонс Роберт). Перевод А.Ю. Серёгиной*: «Рассуждение о наследовании английского престола. 1594 г.»
118. *Агишев С.Ю.*: «Теодорик Монах и его «История о древних норвежских королях»
119. «Святитель Хроматий Аквилейский. Проповеди». Вступительная статья и перевод С.С. Кима
120. «Мехтильда Магдебургская. Струящийся свет Божества. Перевод и исследования». Автор-составитель Ганина Н.

121. Пётр II Петрович Негош и Россия (Русско-черногорские отношения в 1830—1850-е гг.). Документы. Составители: М.Ю. Анисимов, Ю.П. Аншаков, Р.Распопович, Н.И. Хитрова

ВИЗАНТИЯ И ЕЕ ОКРУЖЕНИЕ:

122. «Хроника Симеона Магистра и Логофета». Перевод со среднегреческого А. Ю. Виноградова, вступительная статья и комментарии П. В. Кузенкова.
123. Виноградов А.Ю.: ««Деяния Андрея и Матфия в городе людоедов»: опыт прочтения одного апокрифа»
124. Золотарёв М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В., Макленнан Р., Оверман А., Оливье Дж., Эдвардс Д., Линстром Г. при участии Е. Олениной.: «Древняя синагога в Херсонесе Таврическом: материалы и исследования Причерноморского Проекта 1994—1998 гг. Херсон. Том I»
125. Сорочан С.Б.: «Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Том II Часть I»
126. Сорочан С.Б.: «Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Том II Часть II»
127. Сорочан С.Б.: «Византийский Херсон (вторая половина VI — первая половина X вв.). Том II Часть III»

СОБРАНИЯ СОЧИНЕНИЙ

Четыре тома избранных произведений О. А. Седаковой:

128. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Стихи (1-й том),
129. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Переводы (2-й том),
130. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Poetica (3-й том),
131. Седакова О.А. «Четырехтомное издание избранных произведений: Moralia (4-й том)»
132. ДВА ВЕНКА: Посвящение Ольге Седаковой (Сборник статей)

Собрание сочинений В.В. Библихина:

133. Библихин В.В.: «Слово и событие. Писатель и литература». Собрание сочинений. Том 1
134. Библихин В.В.: «Введение в философию права». Собрание сочинений. Том 2
135. Библихин В.В.: «Новый ренессанс». Собрание сочинений. Том 3

ЕГИПТОЛОГИЯ

136. Лаврентьева Н.В. «Мир ушедших. Дуат: Образ иного мира в искусстве Египта (Древнее и Среднее царства)
137. Ред. М.А. Чегодаев, Н.В. Лаврентьева: Aegyptiaca Rossica. Вып. 1
138. Ред. М.А. Чегодаев, Н.В. Лаврентьева: Aegyptiaca Rossica 2 (Египтология. Выпуск 2)

ВЕСТНИК УНИВЕРСИТЕТА ДМИТРИЯ ПОЖАРСКОГО

139. Вестник Университета Дмитрия Пожарского. Выпуск 1. Город: история и культура

УЧЕБНИКИ И УЧЕБНЫЕ ПОСОБИЯ

140. Рязановский А.Р.: Пособие по математике для поступающих в «математические вузы»: «500 способов и методов решения задач по математике»

МЕСТА, В КОТОРЫХ МОЖНО ПРИБРЕСТИ НАШИ КНИГИ

В офисе нашего издательства:

Москва, Комсомольский проспект, дом 23, кор. 2, с 14.00 по 18.00.

Тел.: + 7 (499) 242-37-24, + 7 (499) 245-21-51

1. Интернет-магазины:

www.biblion.ru

www.ozon.ru,

www.sibran.ru,

www.setbook.ru,

www.urss.ru,

www.mybook.in.ua,

www.arhe.com.ua,

www.libroroom.ru

2. Книжные магазины:

РОССИЯ

Москва

- Книжная галерея «НИНА» (м. «Павелецкая», ул. Бахрушина, д. 28).
www.kniginina.ru.
- «ФАЛАНСТЕР» (м. «Пушкинская», Малый Гнездниковский пер., д. 12).
www.falanster.ru.
- «ГНОЗИС» (м. «Университет»; 1-й гуманитарный корпус МГУ).
- «ГНОЗИС» (м. «Парк Культуры»; Турчанинов пер. д. 4, на территории храма).
- «У КЕНТАВРА» (м. «Новослободская», ул. Чаянова, д. 15; здание РГГУ).
- РОССПЭН: «Книжный киоск РОССПЭН» (ул. Дм. Ульянова, д. 19.
м. «Академическая»).
- РОССПЭН: Книжный киоск в библиотеке ИНИОН (Нахимовский проспект 51/21,
здание ИНИОН, 2-й этаж [м. Профсоюзная]).

- «ЦИОЛКОВСКИЙ». (Москва, Новая площадь д.3/4. В здании Политехнического музея).
- «РУССКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ» (109240, Москва, ул. Нижняя Радищевская, 2).

Санкт-Петербург

- «КНИЖНЫЙ ОКОП» (Тучков пер., д. 11/5, лит. А, пом. 15-Н., Васильевский остров).
- «ДМИТРИЙ БУЛАНИН» (ул. Петрозаводская, д. 9: рядом со зданием исторического института) www.dbulanin.ru
- «АКАДЕМИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА». (Васильевский Остров, 6-я линия, д. 11).
- «ПОРЯДОК СЛОВ». (Набережная реки Фонтанка, д. 15). www.wordorder.ru

Тверь

- «БИБЛИОТЕКА ИМ. ГОРЬКОГО» (Свободный пер., д. 28).

Ярославль

- «КНИЖНАЯ ЛАВКА ГУМАНИТАРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»
(ул. Свердлова, д. 9: бывший кинотеатр «АРС»).

Республика Карелия

- «ПЕТРОЗАВОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(г. Петрозаводск, пр. Ленина, д. 33: книжный киоск).

Томск

- «АКАДЕМКНИГА» (634050, Томск, Набережная реки Ушайки, дом 18 а).
Тел: 8 (3822) 51-60-36
- «ПОЗИТИВ» (634050, Томск, проспект Ленина, д. 24 а).
Тел.: 8 (3822) 53-40-74

Новосибирск

- «Книжный магазин» (630090 Новосибирск, Морской проспект, 22).
Тел. +7 (3832) 35-09-22

УКРАИНА

- **Официальный представитель на Украине Филук Олег Васильевич:**
тел. CDMA: +38 (044) 221-97-44, GSM: +38 (063) 487-27-84
E-mail: Helg11@yandex.ru; RUSfondUKR@yandex.ua

Киев

- «БУКИНИСТ-ЦЕНТР» (ул. Лютеранская, д. 4: рядом с Крещатиком).
Тел: +380-44-279-57-31
- «АКАДЕМКНИГА» (01030, ул. Богдана Хмельницкого, д. 42),
Тел.: +380-44-234-51-42
- «АКАДЕМКНИГА № 7» (01025, ул. Сретенская, 17).
Тел.: +380-272-34-72, 272-35-82

- «МОГИЛЯНСЬКА КНИГАРНЯ» (центральный вход: 04070, пл. Контрактова, д. 4).
Тел: +380-44-581-52-23, E-mail: mogilyanka@bigmir.net
- Интернет-магазин www.artlover.com.ua, E-mail: info@artlover.com.ua
- «ЗНАННЯ» (01001, ул. Крещатик, д. 44. Тел.: +380-279-10-45, 234-22-91)
- «НАУКОВА ДУМКА» (01001, ул. Грушевского, 4).
Тел.: +380-278-06-96, 279-12-01
- «КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ШЕВЧЕНКО» (книжный магазин в корпусе Института филологии: 01030, бульвар Шевченка, д. 14).
- «КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ШЕВЧЕНКО» (книжный магазин в главном корпусе): 01034, ул. Владимирская, д. 60.
- «КИЕВСКИЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ им. ШЕВЧЕНКО» (книжный магазин в корпусе Института международных отношений): 04119, ул. Мельникова, д. 36/1.

Харьков

- «УНИВЕРСИТЕТСКАЯ КНИГА» (площадь Свободы, 4: книжный магазин в главном корпусе Харьковского национального университета им. Каразина).
Тел.: +380-44-456-84-63
- «ЛИТЕРА НОВА» («Litera Nova») (ст. м. «Советская», ул. Квитки-Основьяненко, 4/6: рядом с Органным залом). Тел.: (057) 731-40-59, 719-52-40;
www.iap.kharkov.ua, <http://litera-book.com.ua>
- ДОМ КНИГИ «BOOKS» (ул. Сумская, 21). Тел. +38-057-714-04-71
- АВИАНИКА (61022, г. Харьков, ул. Сумская, 51).

Тернополь

- «ЯРОСЛАВ МУДРЫЙ» (ул. Руська, 19). Тел.: +38-0352-43-10-21

Винница

- «КОБЗАРЬ» (ул. Привокзальная, 2/1). Тел.: +38-043-261-77-44

*При оптовых закупках возможны скидки,
с вопросами обращайтесь к директору издательства Андрею Гореву:
andrey.gorev@bk.ru*

Научное издание

Валлерстайн Иммануил

МИР-СИСТЕМА МОДЕРНА

Том I

Капиталистическое сельское хозяйство
и истоки европейского мира-экономики в XVI веке

Печатается по решению
Ученого совета Университета Дмитрия Пожарского

Редактор
А. Усачева

Дизайн макета и верстка
М. В. Григоренко

Дизайн обложки
Е. А. Горева

Подписано в печать 27.07.15. формат 70×100¹/₁₆.
Бумага офсетная. Гарнитура Minion. Печать офсетная.
Тираж 1000 экз. Заказ № 1200 .

1

Русский Фонд Содействия Образованию и Науке.
119435, Москва, Малая Пироговская, 13.
www.s-and-e.ru

Типография «Наука»
121099, Москва, Шубинский пер., д. 6

